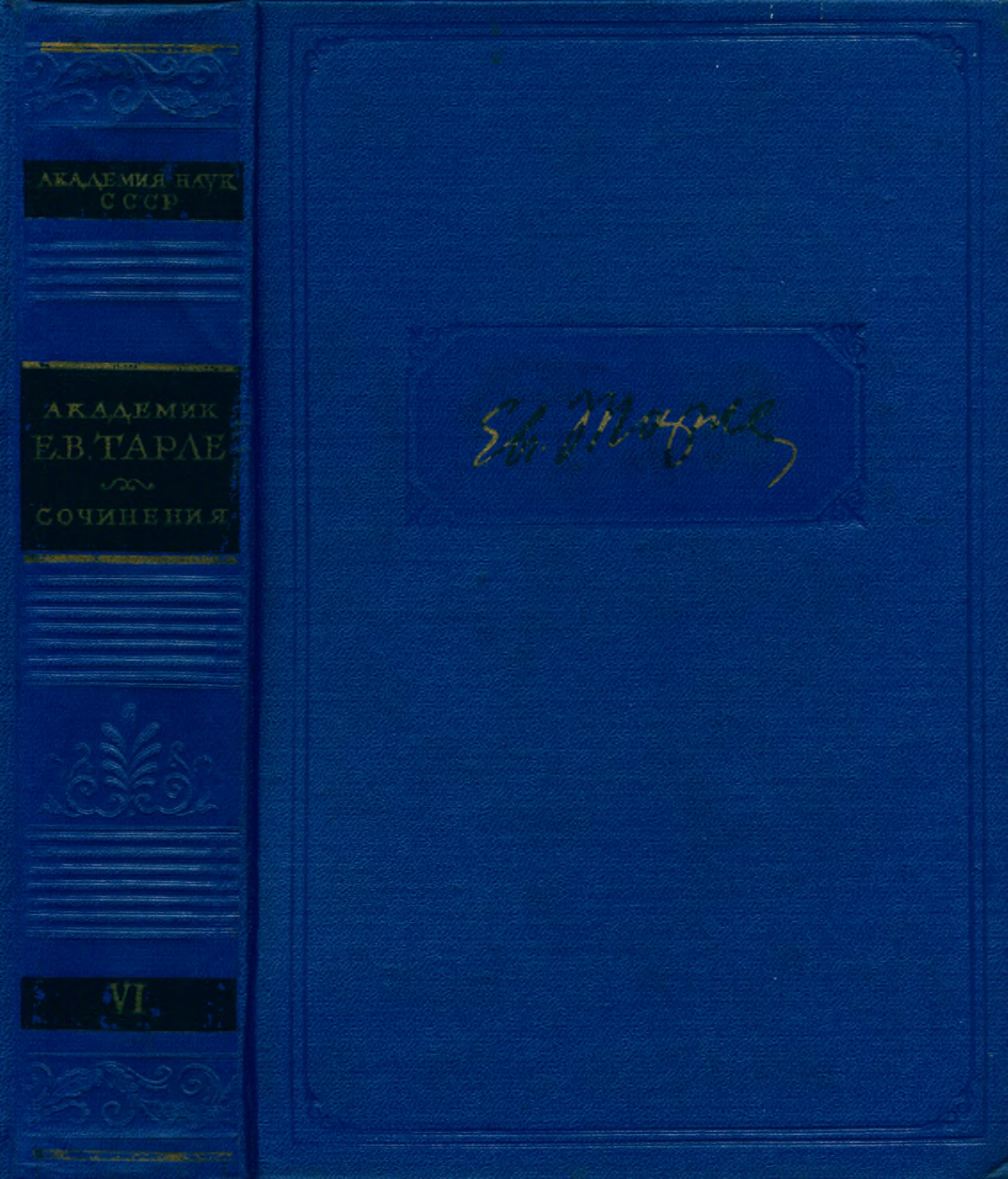

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИК
Е.В. ТАРЛЕ
СОЧИНЕНИЯ
VI
Ев. Тарле

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
Евгений Викторович
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АКАДЕМИК

Евгений Викторович ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

VI

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Е. В. ТАРЛЕ

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящий том включены произведения Е. В. Тарле, впервые опубликованные в 1928—1939 гг. Наиболее крупными из них являются два монографических исследования: «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» и «Жерминаль и прериаль». Первая из этих работ вышла в свет в 1928 г. в серии «Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы», издававшейся Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта работа является продолжением двухтомного труда Е. В. Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», а также соответствующих частей другой его капитальной работы — «Континентальная блокада» [1].

«Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» охватывает период от падения Империи до восстания рабочих в Лионе. Е. В. Тарле принадлежит та бесспорная заслуга, что он впервые в исторической литературе привлек к изучению этого периода обширный документальный материал, хранящийся во французском Национальном архиве: донесения префектов министру внутренних дел, переписку министра юстиции и другие ценные архивные источники. Это позволило ему разносторонне осветить состояние промышленности во Франции, положение рабочего класса, его экономическую борьбу и политические выступления в годы Реставрации и в начальный период Июльской монархии, воссоздать картину лионского восстания 1831 г. К сожалению, Е. В. Тарле в данном случае не удалось использовать местные французские архивы, в особенности лионские.

Со времени выхода в свет этой работы в исторической литературе появились серьезные исследования, внесшие много нового в разработку освещенных в ней вопросов, в том числе

---

[1] См. наст. изд., т. II и т. III.

существенные поправки в трактовку некоторых из них о характере промышленной революции во Франции, о причинах лионского восстания и др. Тем не менее труд Е. В. Тарле и поныне сохраняет свое значение как крупное научное исследование по истории французского пролетариата первых десятилетий XIX в.

Впоследствии Е. В. Тарле продолжал собирать материалы по истории французского рабочего класса периода Июльской монархии. В 1936 г. во французском журнале «Revue historique» он опубликовал этюд на эту тему, посвященный стачке горняков Рив-де-Жье в 1844 г. [2] Это оригинальное исследование, основанное на архивном материале, впервые публикуется в русском переводе в настоящем издании.

«Жерминаль и прериаль» — последняя крупная работа Е. В. Тарле по истории французской буржуазной революции XVIII в. В этой работе, опубликованной в 1937 г., и переизданной с дополнениями в 1951 г., выдающееся мастерство повествования сочетается с богатством источниковедческой базы, разнообразием архивной документации. До выхода в свет исследования Е. В. Тарле тема эта лишь частично освещалась в советской исторической литературе [3], да и в буржуазной историографии существовала лишь одна устаревшая работа Ж. Кларти [4].

В «Жерминале и прериале» ярко проявилось положительное влияние идей марксизма на мировоззрение Е. В. Тарле. С особой силой он в этой работе подчеркивает выдающуюся роль народных масс в революции, признает положительное значение такого важного социально-экономического мероприятия якобинской диктатуры, как максимум, отказавшись тем самым от своих прежних ошибочных взглядов на этот вопрос.

В томе помещена также богато документированная статья Е. В. Тарле «Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение» о литературной и политической жизни Франции в 1836—1854 гг. [5] Кроме того, в том включены три научно-популярные статьи — «Жан-Поль Марат, друг народа», «Взятие Бастилии», «Справедливая война французской революции» [6].

Э. А. Желубовская

---

[2] La grande coalition des mineurs de Rive-de-Gier en 1844. «Revue historique», t. CLXXVII, 1936, № 2.

[3] Щеголев П. П. После Термидора. [Л.] 1930; Добролюбский К. П. Экономическая политика Термидорианской реакции. М.—Л., 1930.

[4] Claretie J. Les derniers montagnards. Paris, 1867.

[5] «Литературное наследство», кн. 31—32. М., 1937.

[6] Жан-Поль Марат, друг народа. «Большевистская печать», 1936, № 12. — Взятие Бастилии. «Военно-исторический журнал», 1939, № 1.— Справедливая война французской революции. Вступ. статья к кн.: Роллан Р. Вальми. М., 1939.

Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства

От конца Империи до восстания рабочих в Лионе

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагаемое исследование медленно писалось и медленно печаталось. Собирание материалов началось еще перед войной, продолжалось после войны, когда стало вновь возможным ежегодно по нескольку месяцев работать во французских архивах. Внимательно следя все эти годы за специальной литературой, вернее, констатируя необычайную скудость специальной литературы, я ни разу не видел необходимости что бы то ни было изменить в моих выводах и построениях. Невольно приходилось неоднократно жалеть, что погибший во время войны молодой очень одаренный и необычайно работоспособный исследователь Шарль Балло (Charles Ballot) мог довести собирание материалов и первоначальную обработку своего труда («L'introduction du machinisme dans l'industrie française», 1923) только до конца Империи, а еще точнее — только *до* начала Великой революции, так как более позднего периода (революции и Империи) он касается лишь на очень немногих беглых страницах. В большой и местами интересной книге Гомона (J e a n G a u m o n t. Histoire générale de la coopération en France. Paris, 1924) интересующей нас тут эпохи 1814—1831 гг. касается лишь часть главы о Фурье (стр. 85—110), да и то автор говорит на этих страницах больше о Фурье, чем о рабочем классе. Что касается вышедшей в 1927 г. книги Поля Луи (P a u l L o u i s. Histoire de la classe ouvrière en France de la révolution à nos jours. Paris, 1927), то она лиш-

ний раз показывает, до какой степени даже лица, берущиеся за такие ответственные темы, не имеют представления об архивных материалах, касающихся рабочего класса в первой половине XIX столетия, особенно же в первой трети его. Если бы это нуждалось еще в подтверждении, то лучшего доказательства нельзя представить, чем факт появления в 1927 г. таких книг, как книга Луи. Достаточно сказать, что эпоха 1814—1830 гг. затронута в книге Луи на... семи страницах (48—55)!

22 ноября 1927 г.

ВВЕДЕНИЕ

Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и последовавшая за ней научная литература осветили достаточно ярко состояние рабочего класса в Англии в первой половине XIX в. Для Франции ничего подобного до сих пор не сделано; ничего не сделано хотя бы даже и для известной части этого периода. Между тем обойтись без подобных исследований наука не может. Не забудем, что французскому рабочему классу выпала на долю громадная роль во всех революционных движениях средних десятилетий XIX в.; не забудем огромного значения *первого* во всемирной истории чисто рабочего революционного восстания в Лионе в 1831 г. Не зная сколько-нибудь точно и обстоятельно истории рабочего класса во Франции, нельзя ровно ничего понять ни в лионском восстании, ни в истории социализма, как он сложился во Франции к 30-м годам и в начале 30-х годов; нельзя просто понять всей французской истории, поскольку рабочий класс столицы оказывался всегда авангардом революции.

Предлагаемое исследование является продолжением моих работ о рабочем классе в эпоху Великой французской революции и соответствующих частей моей книги «Континентальная блокада» *. Вместе с тем предлагаемая книга, по моей мысли, должна быть лишь началом систематических исследований, которые я думаю посвятить истории французского рабочего класса в XIX в. и в начале XX в.

Картина тяжких страданий рабочего класса, придавленного непосильным многочасовым трудом, глубокой нищетой, вечной боязнью безработицы, постоянными голодовками, картина

* См. наст. изд., т. III.— *Ред.*

страшно трудной борьбы против эксплуатации развернется пред читателем. Эта борьба велась в условиях полного бесправия рабочего класса, почти полной неорганизованности, при совершенном непонимании и равнодушии со стороны даже тех, кто не был прямо враждебен рабочим.

И именно этот забитый и придавленный рабочий класс Франции первый яростно боролся в июле 1830 г. на парижских баррикадах и в ноябре 1831 г. временно овладел вторым по величине и богатству городом Франции — Лионом.

Странным и неожиданным это оказалось для современников; даже очень умные люди, вроде Людвига Берне, ровно ничего не поняли в лионском восстании. Странными и неожиданными будут казаться революционные события французской истории, пока мы, вместо изучения документов, будем повторять старые бессодержательные фразы, унаследованные от историков, которые сами совсем ничего не знали о подлинной истории рабочего класса.

Литература предмета — ничтожна и количественно, и качественно. Сорок небольших очень разгонистых страниц о лионском восстании, которые читатель впервые прочел в 1843 г. в третьем томе первого издания «Histoire de dix ans», конечно, не имеют теперь никакого историографического значения в точном смысле слова: это — красноречивое общее рассуждение, основанное на беглом обзоре внешних фактов. Но с точки зрения движения политических идей при Июльской монархии вторая глава третьего тома «Histoire de dix ans» бесспорно имеет большое значение. Луи Блан с большой силой останавливается на пророческом значении лионского восстания для всей будущей истории [1].

Луи Бланом обильно пользуется и Левассер в беглом, совсем неудовлетворительном, в несколько страниц величиной, очерке истории рабочих при Реставрации, помещенном во втором томе его «Histoire des classes ouvrières depuis 1789».

Казалось бы, где, как не в коллекции покойного Жореса «Histoire socialiste», можно было ожидать внимания к истории рабочего класса? Но берем ту книгу этой коллекции, которая посвящена эпохе Реставрации, и убеждаемся, что автор (Рене Вивиани) дал обыкновенную, сжатую и ненужную компиляцию *общей* истории Реставрации и что о рабочих в этот период он не имеет никакого понятия («Histoire de la Restauration», без даты, 264 стр.). Можно прочесть эту пустую книгу от начала до конца — и забыть вовсе о существовании рабочего класса. О нем упоминается лишь на стр. 92—95 и в конце, в одном десятке строк (на стр. 257), лишенных всякого содержания. Чего же требовать от других авторов, которые и не претендуют на интерес к рабочему классу и на понимание важности экономической

истории? Обидно, что эта ничтожная компиляция попала в коллекцию, где помещены труды Жореса о Великой революции.

В небольшой (22 стр.) статье Шарля Риста о продолжительности рабочего дня во Франции с 1820 по 1870 г. [2] рассматриваемому нами периоду посвящено меньше одной страницы. Статейка, небезынтересная как краткая сводка сведений за полстолетия, для моего специального исследования оказалась совершенно бесполезной.

Небольшая, но очень основательная статья Жоржа Буржена «Législation et organisation administrative du travail sous la Restauration», помещенная в октябрьской книжке журнала «Revue politique et parlementaire» за 1910 г., касается установления и функционирования центральных и местных учреждений, имеющих отношение к промышленности и рабочим. Поскольку этот специальный предмет касался моего исследования, я упоминаю об этой статье в дальнейшем. Очень полезно издание того же Буржена «Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830» (Paris, 1912—1921), дающее как бы инвентарь архивным данным о рабочем классе и облегчающее поиски в архиве. К слову отмечу, что еще несравненно полезнее для меня была личная помощь Буржена в поисках нужных документов в Национальном архиве, где он так давно служит.

Превосходная, образцовая диссертация Жюстена Годара (впоследствии, с июня 1924 г., министра торговли в кабинете Эррио), под названием «L'ouvrier en soie», так и остановилась на первом томе, вышедшем в 1899 г., и до сих пор мы ждем давно обещанной второй части книги с подзаголовком «La liberté du travail», которая должна была продолжить историю лионского шелкового производства и рабочего класса в Лионе после 1791 г. (на этой дате остановилось повествование Годара в первой части). Точно так же почти не касается нашего периода и собрание отдельных статей Годара, вышедшее с предисловием Эррио в 1909 г. под названием «Travailleurs et métiers lyonnais». И все-таки исследования Годара должен знать всякий занимающийся Лионом в XIX в., особенно в начале XIX в.: рабочий быт в шелковом производстве отличался особенной устойчивостью.

Чтобы показать, до какой степени *никто* из писавших вообще о французских рабочих не имел ни малейшего представления о сокровищах Национального архива, достаточно взять вышедшую в 1921 г. книжку Лорана [3] и раскрыть ее на 42 странице. Мы там прочтем следующее: «При Империи и Реставрации, кроме стачки плотников, которые требовали увеличения заработной платы в 1822 г., не отмечаются (on ne signale pas) сколько-нибудь важные конфликты между хозяевами и рабочими». Вот и все. Дальше он уже говорит об эпохе Июльской монархии.

Это полнейшее *незнание* истории рабочего класса должно, наконец, прекратиться. Предлагаемое мною исследование имеет прежде всего целью показать, что до сих пор одна из очень важных сторон эпохи Реставрации оставалась совершенно вне круга зрения ученых-историков, что, вместе с тем, и в общей истории европейского рабочего движения существовал пробел, ничем не оправдываемый.

Чисто научная, исследовательского типа литература по рабочему вопросу во Франции в рассматриваемый период равна, в сущности, нулю. Для следующего периода (1832—1848) дело обстоит не многим лучше, но все-таки не так печально. В 1908 г. вышла работа Октава Фести о рабочем движении в начале Июльской монархии (O. Festy. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de juillet. Paris, 1908). Начало этой книги затрагивает конец исследуемого нами тут периода (1830—1831 гг.). У автора было больше материала, чем у писавших до него, но, к сожалению, он очень скупо им воспользовался и слишком бегло рассмотрел вопросы, о которых намерен был говорить. Что же касается времени, предшествующего 1830 г. (которое, впрочем, и не входило в рамки поставленной им себе темы), то здесь он удовольствовался самым общим, ничего нового не дающим, введением.

Статья Alazard'a (в «Revue historique», t. CXI, 1912) разрабатывает тему о причинах лионского восстания («Les causes de l'insurrection lyonnaise de novembre 1831»). В соответствующем месте настоящей книги мы коснемся еще этой статьи.

Некоторые интересные данные по интересующему нас вопросу мы находим в работах В. А. Бутенко (автора прекрасной диссертации: «Либеральная партия в эпоху Реставрации»), в статьях его: «Перелом в истории Реставрации Бурбонов» («Анналы», № 3) и «Социальный состав парламентского представительства во Франции в эпоху Реставрации» (1918).

Итак, литература по интересующему нас вопросу крайне неудовлетворительна и может дать очень мало.

При этих условиях всю предлагаемую работу пришлось основать на источниках, в подавляющем большинстве случаев рукописных, неизданных, даже часто не каталогизированных, сохраненных в Национальном архиве, где сосредоточена масса данных о провинции: в донесениях властей сохранилось то, что часто тщетно мы искали в архивах департаментов. Прежде всего укажем на ежедневные полицейские бюллетени.

Чтобы дать читателю понятие о той тщательности, с которой не только велось наблюдение, но немедленно *все* доносилось в Париж, достаточно развернуть наудачу любой бюллетень любого картона серии F^7 3782—3798. Вот, в виде первого попавшегося образчика, донесение из Лиона от 30 апреля 1820 г. (F^7

3793, № 91): «Один рабочий шелковой мануфактуры, без определенного жилища, покрытый лохмотьями, в состоянии полного опьянения, крикнул на улице возмутительные слова (un cri séditieux), 27 апреля вечером. Тотчас же арестованный, он пробормотал какие-то извинения. Вероятно, эти смягчающие обстоятельства будут приняты в соображение судебным трибуналом». Вот и все. И об этом важном событии спешат, не теряя времени сообщить в Париж христианнейшему монарху Людовику XVIII, королю Франции и Наварры, ибо эти бюллетени докладывались ему немедленно. Но некоторых важных тем донесения не затрагивают, например, статистических сведений мы там не находим. Префекты иной раз даже выражают сожаление, что они не могут ни получить, ни дать цифровые данные, статистику производства, количество рабочих, показания об их заработной плате и т. д., и тут же утверждают, что дать подобную статистику свыше их сил [4].

Кроме донесений, у нас есть систематический, хотя и неполный, подбор данных о стачечном движении в особых картонах серии F[7]; есть переписка чинов министерства юстиции в серии BB[18], есть данные по департаментам (серии F[c] V) и др. Читатель всюду дальше встретит точные ссылки. Что касается печатных источников, то тут прежде всего нужно указать на сокровища брошюрной литературы (читатель всюду найдет точные ссылки на шифры Национальной библиотеки) и анкету Виллерме.

Двухтомной книгой Виллерме о физическом и моральном состоянии рабочих [5] мы должны пользоваться с оговоркой. Добросовестности и беспристрастия этого автора мы заподозрить не можем, так же как его несомненного сочувствия тяжкой доле рабочего класса в ту эпоху, когда он пишет; относительная обстоятельность свидетельств, свежесть и новизна фактов не подлежат оспариванию. Он ездил по Франции и терпеливо вел эту большую анкету, которую ему поручила Академия. Когда мы будем рассматривать следующий период истории рабочего класса во Франции, эта книга будет так же необходима, как книга Фридриха Энгельса для изучения истории английского рабочего класса в 40-х годах. Но для периода, который мною исследуется в предлагаемой работе, для времен Реставрации, анкета Виллерме, собиравшаяся в 1835—1836 гг. и опубликованная в 1840 г., может быть использована *сравнительно* немного и с осторожностью. Тем не менее эта анкета дает такие драгоценные данные о заработной плате и быте рабочего класса, что прямо удивительно, как мало ею пользовались до сих пор: ни Луи Блан из современников Виллерме, ни Вивиани из позднейших историков, ни подавляющее большинство других авторов не имеют об этой анкете ни малейшего представления!

Вообще же, за вычетом Виллерме, старая (современная событиям), попавшая в печать осведомленность была ничтожна. В редких случаях, когда я ею пользуюсь, я указываю автора. Нужно вспомнить, какие детские представления господствовали тогда о методах научного подхода к вопросу. Приведу образчик.

В интересной полемической статье, направленной главным образом против книги Шапталя «De l'industrie française», анонимный английский критик[6] дает такую сравнительную сводку общего годового дохода Англии и Франции от разных отраслей народного труда (цифры даны в фунтах стерлингов):

	Англия	Франция
Земледелие и рыбная ловля	218 917 624	194 946 203
Мануфактуры, угольные копи и рудники .	123 230 000	75 837 600
Торговля внешняя и внутренняя	88 373 748	26 542 122
Итого . . .	430 521 372	297 325 925

Аноним пишет в 1819 г., но французские цифры его относятся к среднему годовому результату последних лет старого режима во Франции; английские же цифры относятся к тяжким для Англии годам континентальной блокады (средний результат 1810—1811—1812 гг.). Более новых цифр для Франции не было, о чем аноним и сожалеет.

Ясно, что если в серьезном журнале позволялось сравнивать данные одной страны за 1812 г. с данными другой страны за 1787—1789 гг., то многого от этих осведомителей ожидать нельзя.

Таковы наши источники. Они, при всей своей неполноте, дают картину, которая была до сих пор совсем не известна.

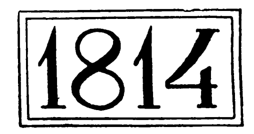
Насколько мне удалось эту картину сделать отчетливой, судить не мне.

Не легка была работа выискивания этого сырого, часто никем не тронутого материала, и еще труднее работа его классификации и анализа.

Глава I

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ИМПЕРИИ

Вопрос о новой промышленной политике. Внутриклассовая борьба между промышленниками. Иностранная конкуренция. Контрабанда и ее значение. Общий взгляд современников на положение французской обрабатывающей промышленности в эпоху Реставрации

1814 год, год падения наполеоновской империи, является не только в политическом но и в экономическом отношении гранью между двумя эпохами. С уничтожением континентальной блокады, с общим замирением на континенте Европы после десятилетней непрерывной войны, с внезапным и громадным наплывом английских товаров, с начавшимся быстрым распространением машин на континенте и, в частности, во Франции, с возобновлением морской торговли и сношений с колониями, что было абсолютно невозможно при Наполеоне, для французской обрабатывающей промышленности наступила новая эра.

Не то, чтобы заметен был какой-нибудь коренной переворот в государственном строе, в социальном быте Франции: ничего подобного не было. Все осталось на месте — так, как учредил, установил, утвердил Наполеон. Мысль Жозефа де Местра, что напрасно его величество король Людовик XVIII говорит, будто он воссел на прародительский престол,— он воссел на престол Бонапарта,— эта мысль была не только совершенно верна по существу, но и широко распространена и осознана. Еще до Ста дней полиция в Париже доносила в своих тайных рапортах Людовику XVIII, что, по общему мнению, Наполеону, когда он вернется, решительно нечего будет менять: он застанет все в порядке; только разве пусть захватит с собой в Тюильри свой ночной колпак,— все остальное на месте [1].

Но промышленники с первых же дней удостоверились, что если в какой-либо области нужно ожидать перемен, то именно в наиболее их интересующей—в области экономической политики.

Не было доверия к самостоятельности таможенной политики Реставрации. Мне постоянно попадались в документах указания то на жалобы промышленников, что их интересы приносятся в жертву англичанам, то на подозрения землевладельцев, что в мирном договоре, очевидно, правительство обязалось тайно пред русским правительством впускать во Францию русский хлеб, что подрывает французское земледелие. Этот слух о тайном согласии Людовика XVIII впускать во Францию русский хлеб, данном будто бы в виде отплаты за восстановление Бурбонов в 1814 г., держался долгие годы с необычайным упорством. Перед осенними выборами 1820 г. жандармерия г. Каркассона доводила даже до сведения центрального правительства о невыгодном влиянии, какое может оказать этот слух на выборах [2]. Слух этот воскресал всякий раз, когда иностранному хлебному импорту предоставлялись во Франции какие-либо льготы.

И в самом деле, не могли Бурбоны вести той политики, которую вел Наполеон. И не только с англичанами приходилось считаться реставрированной династии. Прусский посол домогался — и добился — отмены высоких пошлин, установленных Наполеоном для ввозимых из Невшателя во Францию кружев. Дело было в сентябре 1814 г., отказывать не приходилось [3].

Но все-таки не Пруссия, не Швейцария, не Бельгия, не Саксония, а именно Англия представлялась наиболее страшной соперницей.

16 августа 1814 г. королю был представлен обычный ежегодный бюллетень префекта полиции, где он мог прочесть следующее многозначительное напоминание: в Англии, по словам достоверных лиц, очень недовольны намерениями французского правительства затруднить доступ английских мануфактуратов во Францию, чтобы помочь этим французской промышленности. Англичане заявляют, «что они вели 20 лет войну не попусту» и что вот приедет в Париж герцог Веллингтон и он все это исправит [4].

На бирже подобные опасные для правительства Бурбонов соображения возбуждали наблюдения над курсом франка: «Преобладание английской торговли над французской таково, что фунт стерлингов, который при Наполеоне во Франции, в той же мере на континенте, стоил всего 17 франков, уже повысился до 22 франков 60 сантимов и вскоре дойдет до 24—25 франков». «Это доказывает, как англичане должны были радоваться падению Наполеона». Говорилось о том, что при Наполеоне монетный двор прямо не успевал чеканить золотую монету, а теперь золото уходит из Франции [5].

Все это было тем неприятнее, что в те же дни полиция непрерывно арестовывала за разные «мятежные возгласы»

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

АКАДЕМИК
Е. В. ТАРЛЕ

РАБОЧИЙ КЛАСС ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА

(1815—1834)

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОБЛОЖКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ «РАБОЧИЙ КЛАСС ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА»

и отмечала распространенный каламбур: «Vive le roi huit jours! Vive Napoléon pour toujours!» [6]

Зимой 1818 г. в Бордо это раздражение против правительства за робость в его экономической и таможенной политике достигло очень больших размеров. Купцы и промышленники утверждали, что англичане губят французскую торговлю и французское производство, что, например, они прислали в Бордо корабль с грузом обуви, и башмачники города не могут выдержать этой конкуренции; что другое их судно выгрузило товаров на 11 миллионов франков; что *терпение истощено,* что национальные французские интересы в пренебрежении, потому что французское правительство находится под влиянием Англии [7], и т. д.

Промышленники были удручены отказом нового правительства от безусловно воспретительной таможенной политики Наполеона. Стоило в палате депутатов заговорить о понижении пошлин на заграничный сахар-рафинад, как *весь* промышленный класс был потрясен: пошли слухи, что не только отныне погибли все французские сахарные заводы, но что погибла вообще *вся* французская промышленность, что на этом дело не остановится, что будет разрешен ввоз бумажных материй из Англии, так как у короля есть обязательства относительно англичан, посадивших его на трон. Агенты полиции очень подчеркивают всеобщность, распространенность этих слухов и толков, а также большой вред, который они приносят «правительству и монарху» [8].

В самом деле, с первых же дней Реставрации промышленникам было ясно, что англичане поведут с обычным своим умом и искусством осаду и штурм французского рынка. В 1814 г. они так сильно способствовали воцарению Бурбонов, они так тщательно сторожили вокруг Эльбы «корсиканское чудовище», они так нужны были, наконец, во всех комбинациях внешней политики, что Бурбоны не могли на них смотреть иначе, как на могущественных и нужных друзей. А промышленники — с самых первых времен Реставрации — не переставали называть англичан «нашими вечными соперниками» (nos éternels rivaux). Выдающийся в те времена, самый крупный из хлопчатобумажных фабрикантов, знаменитый Ришар-Ленуар уже в июне 1814 г. указывал на опасное положение, в котором оказалось французское производство: во-первых, внезапное уничтожение пошлин на хлопок, введенных Наполеоном во имя континентальной системы, разорило многих фабрикантов, успевших в последние месяцы Империи внести эту огромную пошлину (в общем на 40 миллионов франков золотом), а во-вторых, английское правительство щедрыми вывозными пошлинами позволяет английским экспортерам забивать своим товаром французский рынок. Англичане устанавливают во Франции цены на 30%

ниже рыночных цен, лишь бы уничтожить французское производство [9]. Только полное воспрещение английского ввоза могло, по мнению Ришара, спасти дело. Так ли это было или нет, но самая мера являлась до полной очевидности невозможной в 1814 г. Бурбонам абсолютно невозможно было бросать перчатку стране, с которой и Наполеон не мог справиться. И это еще было не все. С Империей пала и та таможенно-военная сеть, которая при Наполеоне ограждала внутренний рынок. Контрабанда — и именно контрабандный ввоз хлопчатобумажных тканей из Англии — вот что наносило французской промышленности страшные удары в 1814 г., и новое французское правительство откровенно сознавалось, что ему трудно бороться с этим злом [10].

Главный совет мануфактур, продолжавший при Бурбонах, как и все наполеоновские учреждения, свою деятельность, бился беспрестанно над вопросом: чем Англия покорила мир, подчинила его своей экономической гегемонии [11], и то хватался за ввозные запреты — хотя в Англии уже тогда свобода торговли была на очереди дня,— то за вывозные премии, то за воспрещение вывоза сырья. В общем, на заседаниях развивалась типично меркантилистическая идеология, решительно ничем принципиально не отличавшаяся от наполеоновской. Только два момента принимались к серьезному соображению: 1) следовало считаться с политическими интересами Франции, другими словами — не очень раздражать иностранные державы, мешая им торговать на французском рынке, и 2) когда интересы промышленности сталкивались с интересами земледелия, нужно было всегда отдавать предпочтение интересам земледелия. Например, когда металлурги требовали увеличения пошлины на ввоз кос, то им было в этом отказано с прямой мотивировкой: интересы земледелия — гораздо существеннее [12]. И тут тоже наполеоновские принципы не изменились ни на йоту при Реставрации. Формулируя то, что нужно сделать для поощрения хлопчатобумажной промышленности, Главный совет мануфактур в 1817 г. признал желательными следующие меры: 1) уничтожение пошлины на ввоз хлопка в сырье или в случае, если пошлина не будет уничтожена, установление премий за вывоз хлопчатобумажных материй из Франции; 2) воспрещение ввоза нанковых индийских материй; 3) воспрещение ввоза хлопчатобумажной пряжи и муслиновых материй; 4) воспрещение ввоза целого ряда изделий из хлопчатобумажных материй [13].

Экономисты и государственные деятели времен Реставрации часто и с успехом боролись против тогда именно широко распространявшегося из Англии учения о свободе торговли. Французы боялись больше всего этой свободы именно из-за Англии. «Говорят без конца о взаимности. Что произошло бы, если бы эта взаимность (в свободной торговле.— *Е. Т.*) была установ-

лена между Францией и Англией. На другой же день совершенно пали бы наши железоделательные мастерские, наши хлопчатобумажные и фаянсовые мануфактуры. Правда, Англия брала бы наши вина. Но при первом сигнале войны... что случилось бы? Одно слово, одна строка английского правительства — и заперли бы все порты Англии для наших вин, и нам понадобилось бы столетие, чтобы восстановить наши разоренные мануфактуры» [14].

Вопрос об иностранной конкуренции в области также и шелковой промышленности затрагивался неоднократно в начале Реставрации, например в январе 1817 г. на заседании Главного совета мануфактур. В этой компетентной коллегии было высказано убеждение, что английская конкуренция в этой области не страшна: хотя индийский шелк-сырец и дешевле обходится английским фабрикантам, чем итальянский — лионским фабрикантам, но зато английская заработная плата настолько выше французской, что вся эта английская выгода от более дешевого сырья уничтожается. Но конкуренция германская и швейцарская действительно серьезна, тем более что заработная плата в этих странах меньше, чем в Лионе [15]. Опасна была, но больше для Дофинэ и Прованса, и пьемонтская конкуренция до тех пор, пока — при Наполеоне — Пьемонт входил в состав Французской империи и пока поэтому пьемонтский ввоз не был обложен запретительными пошлинами. Остальная северная Италия, хотя королем ее был тоже Наполеон, была отчасти отрезана от Французской империи в таможенном отношении [16]. Но эта пьемонтская конкуренция была и при Наполеоне опасна не для Лиона, а для Дофинэ, Прованса, Лангедока, где больше шла предварительная обработка шелка.

Новые отношения с Англией требовали и новой политики в вопросе о вывозе сырья. Собственно, английская текстильная промышленность не могла рассчитывать, конечно, ни на хлопок, которого Франция не имела, ни на шелк-сырец, которого Франции совсем не хватало и который она сама выписывала из Италии. Но зато оставалась шерсть. И вот, к ужасу французских суконщиков, законом 25 ноября 1814 г. экспорт шерсти-сырья из Франции за границу был разрешен: наполеоновский запрет был снят. Последовавшим вздорожанием шерсти суконщики северных департаментов объясняли в 1816 г. ослабление деятельности своих фабрик [17].

Вопрос был сложен. Дело в том, что Наполеону удалось, не останавливаясь перед затруднениями и затратами, сильно подвинуть вперед акклиматизацию испанских мериносов во Франции, и, по показанию очевидцев, в наполеоновское царствование много полей во Франции было покрыто кормившимися на них стадами мериносов.

Однако уже вскоре стало обнаруживаться, что землевладельцы извлекают из этой акклиматизации гораздо меньше пользы, чем суконные фабриканты. Во-первых, само разведение мериносов шло так успешно, что французского суконного производства стало не хватать для потребления всего этого сырья. Во-вторых, по приказу самого Наполеона, во время его войны с Испанией огромные количества испанской шерсти, конфискуемые императорскими войсками и чиновниками, распродавались потом во Франции по ничтожной цене, фабриканты делали запасы надолго вперед, и это тоже сбивало цену на французскую шерсть. В конце концов расходы на содержание мериносов перестали покрываться доходом от продажи шерсти, и землевладельцы возроптали, так как им грозило полное разорение [18]. Конечно, этот ропот не мог не быть не услышан, когда произошла Реставрация Бурбонов: в конфликте интересов между землевладельцами и фабрикантами правительство Реставрации, естественно, стало на сторону землевладельцев. Таким-то образом и внешняя политика (желание ладить с англичанами), и внутренняя (стремление поддержать земельные интересы) породили закон 25 ноября 1814 г., разрешивший экспорт шерсти из Франции. Полное обесценение французской шерсти круто сменилось непомерным вздорожанием ее. Но домогательства фабрикантов об отмене закона 25 ноября 1814 г. натолкнулись на решительное противодействие со стороны землевладельцев. Генеральный совет Соммы, где, как и во всех генеральных советах того времени, землевладельческо-дворянский элемент преобладал над буржуазно-торговым и промышленным, и, главное, громче и ярче высказывался, определенно обвиняет суконщиков прежде всего в фактической неправде: их фабрики будто бы вовсе не бездействуют, а, напротив, не поспевают исполнять заказы [19]. Затем Совет указывает на несправедливость претензий суконщиков, которым кажется трудным платить за шерсть цену гораздо меньшую, чем они платили за нее перед революцией, в то время как они берут с купцов за сукно почти вдвое дороже, чем брали с них до революции.

Общая оппозиция землевладельцев против домогательств фабрикантов увенчалась успехом: закон, разрешающий экспорт шерсти, уцелел.

Вредили и нелепые ошибки правительства Бурбонов в области внешней политики: «принципиальное» игнорирование держав, получивших самостоятельность революционным путем. Один из главных — точнее главный — центров французской текстильной промышленности, Руан (и весь департамент Нижней Сены), очень хорошо знал и чувствовал на себе всю нелепость легитимистской внешней политики Карла X. Генеральный совет департамента почтительнейше, но настойчиво, из года в

год, требовал дипломатического сближения с вновь образовавшимися южноамериканскими государствами, с этим чаемым богатым и жадным до мануфактуратов рынком. Промышленники не понимали и не оценивали возвышенных принципов, в силу которых королевская дипломатия отказывала этим новым государствам в признании, все еще сердясь на них за их чисто революционное происхождение, т. е. за отпадение от Испании. Они очень прозрачно намекали на полную нелепость (они выражались: странность) политики, которая не есть ни война, ни мир, но вредит и южноамериканцам, и французам [20]. И особенно остро чувствовалось это желание сближения в годы кризисов, вроде 1826 г.

Целый ряд существеннейших условий затруднял французам конкуренцию с англичанами на мировом рынке. Отсутствие собственного торгового флота таких размеров, чтобы он мог конкурировать с английским торговым флотом, конечно, отражалось на французском экспорте. Промышленники Руана и всего департамента Нижней Сены, центра французского хлопчатобумажного и, в частности, ситценабивного производства, жаловались неоднократно на то, что им трудно конкурировать с чужими материями на *французских* же колониальных рынках. Причина была проста: англичане, благодаря своему огромному торговому флоту, были во всех французских колониях гораздо больше «у себя дома» и гораздо ближе, чем сами французы. Тот же недостаток собственного торгового флота затруднял и удорожал получение хлопка из Америки, и стоило правительству Соединенных Штатов захотеть — оно могло поставить всю французскую хлопчатобумажную промышленность в труднейшее положение, даже не прибегая к прямому запрету вывоза хлопка [21].

Французские заморские колонии не могли играть роли в качестве рынка сбыта для фабрикантов метрополии уже по той простой причине, что, по Парижскому трактату 1814 г., иностранные товары допускались во французские колонии по уплате пошлины всего в 2% ad valorem. Это англичане поспешили обеспечить для себя, как только пала наполеоновская империя, и не Людовику XVIII было им в этом отказывать в 1814 г. Эта пошлина была так ничтожна, что иностранцам, т. е. тем же англичанам, незачем было даже прибегать к контрабанде и другим ухищрениям [22].

Грозным призраком вставала перед французскими промышленниками также проблема контрабанды. В течение всей эпохи, которой мы тут занимаемся, промышленники не перестают жаловаться на английскую контрабанду (другая их не интересовала) и настойчиво требуют значительного усиления охраны берегов [23]. Это, с их точки зрения, имеет серьезнейшее значение для французской промышленности.

Английское правительство ведет против французской промышленности войну, выдавая своим промышленникам вывозные премии, и французы против этого бессильны; контрабанда так легка и удачна, что контрабандисты страхуют ввозимые товары всего за 5% премии. Вот два мотива, постоянно возвращающиеся и повторяемые в жалобах промышленников в первое время Реставрации [24]. Борьба с контрабандой велась, по мнению французских промышленников, недостаточно энергично, и они даже заявляли (частным образом), что большую роль играет подкуп, что конфискованные материи возвращаются, и это крайне вредит французской промышленности, даже угрожает ее существованию [25]. Когда обострялась безработица, в общественном мнении крепла уверенность в том, что таможни недостаточно бдительны, что контрабанда губит французскую промышленность [26] и прежде всего что пошлины для ввоза иностранных фабрикатов недостаточно высоки.

Губительное значение ввоза контрабандой пряжи во Францию, с точки зрения интересов французских прядилен, очень хорошо понимали не только хозяева, но и рабочие. Бывали случаи, когда раскрытие большого контрабандного ввоза грозило породить рабочие волнения [27]. Англичанин, доверивший свой товар контрабандистам и застраховавший его на случай поимки и ареста, мог, принимая во внимание все эти расходы, продавать во Франции определенное количество хлопчатобумажной пряжи за 38 франков, а француз мог продавать во Франции же такое самое количество, и притом худшего качества, за 45—50 франков [28]. И все это англичане могли делать без риска, так как страховые общества выплачивали исправно и полностью премию в случае ареста и конфискации ввозимого во Францию контрабандного товара.

Контрабандный ввоз, в особенности хлопчатобумажных материй, во Францию в течение всего реставрационного периода оказывал очень большое и резко отрицательное влияние на сбыт. Это значение контрабанды на внутреннем рынке подчеркивается в 1828 г. мануфактуристами, которые были опрошены тогда авторами уже упомянутой мною выше анкеты [29]. Борьба с контрабандой, и прежде всего решительное возвращение к наполеоновскому запретительному протекционизму,— вот первые требования французских промышленников.

Конечно, в портах (в Бордо, Нанте, особенно в Марселе) обнаруживалась реакция против запретительных мер Наполеона, разорявших эти города. Послышались протесты против таможенной политики, непомерно обогащающей фабрикантов и берущей в их пользу дань со всего народа [30]. Раздались голоса, требовавшие свободы торговли, воскрешения морского фрахта, который может процветать лишь при постоянном и не стеснен-

ном товарообмене. Северные порты, вроде Нанта, Шербурга, особенно Гавра, в первые же годы Реставрации почувствовали большую выгоду от того обстоятельства, что с концом наполеоновской империи Франция потеряла Бельгию с Антверпеном: антверпенский порт сильно отбивал торговлю у портов французских [31].

Фабриканты бумагопрядилен, шелковых мануфактур, кожевенных, железоделательных заводов наперерыв ходатайствуют о полном воспрещении ввоза иностранных товаров и о высоких вывозных пошлинах для вывозимого из Франции сырья [32]. И все они, считаясь с условиями, понимая, что Бурбоны не могут обращаться с Англией, как Наполеон, все-таки просят: «Если по политическим соображениям (pour des raisons politiques) нельзя совсем воспретить иностранный ввоз, то следует хотя бы обложить его на сколько возможно высоко» [33].

Голос владельцев хлопчатобумажных фабрик раздается громче всего; не только английский ввоз угнетает их в это время. Падение Империи нанесло хлопчатобумажной промышленности большой удар еще и потому, что внезапное уничтожение высоких пошлин на хлопок поставило в очень невыгодное положение тех, кто уже запасся хлопком и кто уже оплатил все огромные пошлины на него. А затем английское правительство самым энергичным образом принялось немедленно за завоевание французского рынка: оно выдавало такие большие вывозные премии экспортерам, что англичане могли, как уже было выше отмечено, продавать свои материи (летом 1814 г.) в Бордо на 30% дешевле, чем они же продавали эти материи в Неаполе [34].

Руанская торговая палата поспешила в первый же месяц Реставрации составить докладную записку, которая потом (18 июня 1814 г.) была рассмотрена в Главном совете мануфактур и вызвала там всеобщее одобрение. Палата решительно ходатайствовала о полном воспрещении (как это было при Наполеоне) ввоза во Францию английских хлопчатобумажных материй и товаров. Если это не будет сделано, французская промышленность погибла. Как бы предвосхищая аргументацию политического характера, палата утверждает, что сами же англичане не допускают к себе чужих товаров, а потому едва ли рассердятся, если Франция поведет ту же политику [35].

Центр французской хлопчатобумажной промышленности, Руан, и дальше не переставал домогаться введения во Франции всех английских приемов поощрения вывоза, т. е. прежде всего — возвращения экспортеру ситцев всей пошлины, которую он уплатил, ввозя соответствующее количество хлопка в сырье, а затем, когда позволят финансы страны, установления даже прямо вывозных премий, *превосходящих* уплаченную за хлопок

пошлину [36]. Точно так же и владельцы железообрабатывающих заводов не переставали еще с первых месяцев Реставрации хлопотать о запретительных пошлинах на ввозимое из Швеции и России железо [37] и добились уже вскоре самых благоприятных для себя результатов. Слишком поздно и слишком слабо бумагопрядильщики выступили против них. Все осталось без изменений.

Нужно заметить, что железообрабатывающая промышленность быстро развилась при Реставрации. В 1828 г. железоделательная промышленность во Франции давала работу приблизительно 75 000 человек и производила товара на 75 миллионов франков в год. Во Франции уже было 400 доменных печей, дававших 200 миллионов килограммов сплава. Топливом являлся еще в подавляющем большинстве случаев лес, и уже раздавались голоса, выражавшие тревогу по поводу истребления лесов в связи с развитием железоделательного промысла [38]. Железоделательные мастерские, как и другие промышленные предприятия, нуждались в дешевом угле, и поэтому между владельцами угольных копей и фабрикантами шла ожесточенная борьба: каждая сторона добивалась от правительства таких законов, которые были выгодны ей, *и поэтому невыгодны* фабрикантам. Производители, т. е. владельцы копей, домогались воспрещения или высокого обложения для ввозимого из Бельгии и Англии угля; потребители, т. е. фабриканты, требовали широкой свободы ввоза иностранного угля. Но и между фабрикантами шла корыстная междоусобная брань: одни, снабжавшие свои фабрики французским углем, требовали тройных пошлин на уголь, ввозимый в промышленные департаменты северного района. Все это было очень наивно и прозрачно. Личный, узкокорыстный интерес царил над всем и даже раздражал членов Совета мануфактур слишком циничным своим проявлением [39].

В большой тревоге находились также углепромышленники в районе знаменитых копей Кармо (Carmaux); оттуда в описываемое время и получался главным образом каменный уголь, потребляемый во Франции. Число копей в 1789 г. было равно 212, а в 1812 г.— 261, и в начале Реставрации это количество держалось. К концу наполеоновского царствования копи Кармо давали в год до 10 миллионов метрических квинталов угля (против $2^1/_2$ миллионов, которые они давали в 1789 г., в первый год революции). Либеральная таможенная политика первых времен Реставрации необычайно встревожила владельцев копей. В наплыве иностранного, главным образом английского, угля они усматривали грозную опасность для своего дела [40].

Вообще приходилось думать о борьбе с англичанами за свой, внутренний французский рынок. Рынок мировой ускользал почти вовсе. Собственно из *иностранных* рынков сбыта хлопчато-

бумажных тканей на европейском континенте французские промышленники рассчитывали главным образом именно на Италию и Испанию [41]. О Германии, Швейцарии, Голландии, включавшей тогда Бельгию, думать не приходилось. Только *эти*, латинские, южные соседи, но не соседи восточные и северные могли нуждаться во французских ситцах. Французская промышленность была еще настолько слаба, что она не сумела удержать за собой, в сущности, ни одного рынка, кроме некоторых частей Апеннинского полуострова и отчасти Испании, из всех тех, которые искусственно для нее создало и расширило оружие Наполеона. Самый разительный пример — Бельгия. Торговый обмен с Бельгией был для Франции уже потому предметом первой необходимости, что все северные департаменты Франции, т. е. самые промышленные районы, получали уголь почти исключительно из Бельгии: французские товары отправлялись морем в Бельгию, и те же суда, обратным рейсом, привозили уголь. Но торговля была лишь пока Наполеон владычествовал в Бельгии. Стоило Франции в 1814 г. утратить Бельгию — и торговля с этой страной пошла прахом, и Франция не знала, где ей достать дешевый уголь [42].

Очень неблагоприятны были условия борьбы с англичанами на внеевропейских рынках.

В Мексике, в Бразилии, в других государствах Латинской Америки — всюду французы платят за импортируемые товары больше, чем англичане. В Португалии англичане платят 15% со стоимости ввозимых товаров, причем эту стоимость определяют они сами, а французы там же платят 30%, и притом стоимость определяют португальские таможенные чиновники. И так или почти так всюду на земном шаре, куда ни проникают французские товары. Фабриканты и купцы отчасти обвиняют в этом недостатки французской консульской службы; они говорят о надменности консулов, которые больше думают о своем дипломатическом достоинстве, чем о нуждах французской торговли и промышленности, и которые выпроваживают вон купцов, приходящих к ним с жалобами [43].

Но, конечно, причины этого отличия между французами и англичанами лежат глубже. Бóльшая распространенность машин, бóльшая дешевизна сырья, наличность стародавних налаженных сношений, огромный торговый флот — все это было у англичан и всего этого не было у французов.

Этим не ограничиваются преимущества англичан. Топливо им стоит несравненно дешевле, чем французам, не только потому, что их копи богаче, но и потому, что их транспорт организован гораздо лучше. Прядильная паровая машина, вращающая 15 000 веретен, потребляет в один год количество угля, которое в Англии стоит 8500 франков, а во Франции — *тридцать шесть*

тысяч пятьсот франков, в $4^1/_2$ раза дороже[44]. Пути сообщения, их неудобства, дороговизна транспорта — серьезнейшие язвы французской промышленности и одно из *наибольших* препятствий к вывозу французских товаров[45].

Не только хлопчатобумажная, но и обширная суконная промышленность во Франции была в весьма угрожаемом состоянии. И суконные фабриканты также вовсе не хотели никаких торговых договоров с Англией: для них было безусловно ясно, что от торгового договора с Англией французская обрабатывающая промышленность непременно проиграет и что тут двух мнений быть не может. Вот другое дело — торговые договоры с Испанией, Португалией, особенно с Италией, с Левантом и Россией и главным образом вообще с такими державами, *куда можно добраться сухим путем в случае морской войны,*— вот это они горячо рекомендуют своему правительству[46]. Уже слова о сухом пути и морской войне характерны; но и вообще промышленники во Франции мыслили торговый договор с Англией *только* как нечто навязанное, как некую жертву, приносимую на алтарь отечества во имя каких-то чисто дипломатических соображений[47]. Машин во французской шерстяной промышленности еще почти нет, их нужно как можно скорее ввести, иначе и в этой отрасли англичане забьют французов даже и на французском рынке[48].

Но все-таки французские *тонкие* сорта сукон с успехом распространялись даже там, где были налицо сукна английские. Не только на своем внутреннем рынке, защищенном все-таки довольно высокими пошлинами даже в первые годы Реставрации, но и на чужом, далеком, левантийском рынке французы не боялись конкуренции английских суконщиков: французские сукна были, по мнению французских фабрикантов, и лучше по качеству, и дешевле английских[49].

В выделке шерстяных и особенно тонких суконных материй французы еще с дореволюционных времен довольно успешно конкурировали с англичанами на всех рынках, кроме внутреннего, английского, конечно. Англичане именно *в этой* области — из всех категорий текстильного производства — не скрывали своих опасений и ревниво следили за всякими французскими усовершенствованиями. Новый метод чесания шерсти, введенный во Франции в конце 1816 г., вызвал у англичан характерный возглас неудовольствия[50].

Следует заметить, что у нас есть и показания, непосредственно идущие от англичан и удостоверяющие, что эти компетентные и придирчивые судьи и конкуренты были в восторге от качества французских сукон[51]. Англичане признавали, что тонкие французские сукна замечательно хороши и превосходят по своему качеству английские, но цены на сукна вдвое, а иногда

втрое выше, чем в Англии, и мало кто из французов может покупать такой дорогой товар (писано в 1816 г., сейчас после войны). Бояться же французской конкуренции англичанам не приходится [52]. Точно так же цены на хлопчатобумажные материи были во Франции «почти вдвое» выше английских в это первое время Реставрации; машинное производство в этой области во Франции не могло быть даже и сравниваемо с английским [53].

Несмотря на все эти неблагоприятные условия конкуренции с англичанами, французская промышленность, добившаяся в 1818—1823 гг. почти полного восстановления высоких таможенных ставок, сделала за рассматриваемый период большой шаг вперед.

В 1812 г. во Франции шерстяная промышленность потребляла 35 миллионов килограммов французского сырья, шерсти; в 1825 г.— 42 миллиона килограммов французской и 8 миллионов килограммов иностранной, привозной, шерсти.

В 1812 г. во Франции хлопчатобумажная промышленность обрабатывала 10 362 000 килограммов хлопка; в 1825 г.— 28 миллионов килограммов [54].

В 1814 г. во Франции сталелитейное производство перерабатывало 100 миллионов килограммов железа; в 1825 г.— 160 миллионов; в 1814 г. из французских копей извлекалось около 1 миллиарда килограммов угля, в 1825 г.— $1\frac{1}{2}$ миллиарда.

Таможенный доход Франции в 1818 г. равен 114 миллионам франков, а в 1825 г.— 148 231 766 франкам [55].

Современники согласны были с Шарлем Дюпеном в том, что настоящий подъем экономической жизни страны начался в 1818 г. и в несколько лет уврачевал раны, нанесенные долгим периодом революционных и наполеоновских войн, иностранным военным постоем, убытками, контрибуциями и т. д., и страна настолько оправилась, что даже *следов* всех этих военных бед не осталось [56].

Необычайному размножению мануфактур в эти первые годы Реставрации, усилению внутренней конкуренции многие приписывали столь частые в 1816—1820 гг. местные кризисы сбыта. Например, этим очевидцы объясняют плохие дела лиможских промышленников: в Лиможе насчитывается 4000 рабочих,— одна пятая часть всего населения города! [57]

Только высадившись во Франции, в июле 1814 г., Биркбек едет в Руан и дальше и все осматривается по сторонам: он столько читал об ужасах революционного разорения и наполеоновских войн, что он ищет следов опустошения. Ищет — и находит обработанные поля, довольство среди земледельцев, многолюдные города [58]. По впечатлению и показанию посторонних и ненавидевших Наполеона очевидцев, к концу наполеоновского

царствования разорены были только города, жившие морской торговлей,— Бордо, Марсель, а промышленные центры, рассчитанные на сухопутную торговлю, Париж, Лион, Руан, были «в цветущем состоянии». Это — тоже голос английских путешественников [59].

Не столько в качестве точных статистических цифр, сколько для характеристики господствовавших тогда воззрений я укажу, что экономист и политический деятель, академик Шарль Дюпен, автор многочисленных книг о французской экономической жизни, полагал (в 1827 г.), что общий доход, получаемый французским населением от земледелия, равен 5 миллиардам франков; от обрабатывающей промышленности — $2^1/_2$ миллиардам; от торговли — 1 миллиарду 200 миллионам франков [60].

Попытаемся бросить общий взгляд на положение обрабатывающей промышленности в самом начале изучаемого периода и начнем с хлопчатобумажного производства. В обрабатывающей промышленности Франции хлопчатобумажное производство играло в описываемую эпоху немаловажную роль.

Промышленники считали, что к концу царствования Наполеона хлопчатобумажная промышленность давала заработок 600 000 человек в стране, а их заработная плата в общем была равна 230 миллионам франков в год. И в последний год Империи эта отрасль промышленности сильно пошатнулась: из-за войны и блокады хлопок стал исчезать с французского рынка [61]. Это сырье было вообще очень дорого и трудно доставалось в эпоху Империи.

Англичанин Биркбек, один из первых поспешивший после долгого периода войн посмотреть Францию (он там побывал летом 1814 г., в первые месяцы Реставрации), утверждает, будто в последние годы Наполеона руанские бумагопрядильни не работали из-за недостатка сырья, но что теперь, т. е. летом 1814 г., они уже оправились. Его поразила дешевизна рабочих рук: женщина-работница получает ежедневную плату, равную стоимости 11 фунтов хлеба [62]. Он называет Руан французским Манчестером, центром французского бумагопрядильного производства.

Не все, впрочем, были оптимистами относительно французской дешевизны: в том же первом году Реставрации мы слышим, что во Франции предметы одежды стоят на 50% дороже, чем такие же по качеству товары за границей (точнее не сказано, где именно за границей) [63].

Судя по свидетельствам, касающимся одного из самых промышленных департаментов Франции, департамента Нижней Сены (Руан, Эльбеф, Гавр, Дьепп), падение Империи и связанной с ней континентальной блокады не нанесло промышленности такого тяжкого удара, как о том повествует, на основании лич-

ного своего опыта, Ришар-Ленуар. Картина рисуется такая: от конца войны, т. е. с апреля 1814 г., до возвращения Наполеона с острова Эльбы, т. е. до марта 1815 г., торговля и промышленность упорно держались; за время Ста дней и несколько дольше, т. е. фактически до августа 1815 г., блокада французских берегов англичанами и войны совсем убили вывоз и потрясли внутреннюю торговлю; с августа 1815 г. нормальное положение снова восстановилось.

Континентальная система давала фабрикам, особенно хлопчатобумажным, которыми славился Руан, громадные прибыли: с одной стороны — изгнание английских провенансов, с другой стороны — колоссально разросшийся, подчиненный Наполеону, европейский рынок давали руанским фабрикантам громадные барыши. Но хотя эти *барыши* — в первые годы Реставрации — уменьшились, однако самые размеры производства не сократились: Руан стал работать на более ограниченный, главным образом внутренний, рынок, но и этого рынка хватало,— нужно было только отказаться от назначения непомерно высоких цен на товар [64].

В начале августа 1814 г. некоторые бумагопрядильни в Париже возобновили прерванную работу, и это отмечается как обстоятельство, способствующее успокоению рабочего квартала Сен-Жан, где эти прядильни большей частью сосредоточивались [65]. Поправились несколько в это же время дела промышленников и в Седане [66].

Мануфактуры, которыми владел Ришар-Ленуар в провинции, к началу 1819 г. оказались уже закрытыми; только его парижская мануфактура в Сент-Антуанском предместье продолжала давать заработок 700 рабочим и все-таки с трудом сводила концы с концами [67].

В общем, необычайный рост потребления хлопчатобумажных материй, введение машин и усовершенствование технических старых приемов, доступность и дешевизна сырья, свободно ввозимого из Америки,— все это возместило для французской хлопчатобумажной промышленности былые преимущества наполеоновской эпохи: монопольный и огромный рынок сбыта, отсутствие английской конкуренции и т. п. В 1810 г., в разгар континентальной блокады во Франции, поступило в обработку (в год) от 55 до 60 000 баллей хлопка, а в 1820 г.— 180 000 [68].

В 1822 г. Франция вывезла за границу хлопчатобумажных материй на 16 миллионов франков, а в 1833 г. почти вчетверо больше. Несмотря на кризис 1826—1827 гг. и на кризис 1830—1831 гг., эта отрасль продолжала развиваться и усиливаться с каждым годом [69]. Машинное производство здесь особенно усиливается к концу изучаемого нами периода, после кризиса 1827 г. В частности, руанская текстильная промышленность

работала в конце Реставрации уже на самые отдаленные рынки; в 1828 г. одна за другой отплыли из Гавра три экспедиции в Китай. Они отвезли туда товары, фабрикуемые в департаменте Нижней Сены, а привезли на деньги, добытые в Китае, груз индиго из Калькутты, купленный на обратном пути [70].

Франция в конце 20-х годов потребляла на своих бумагопрядильных мануфактурах около 200 000 баллей хлопка ежегодно. Из них $^4/_5$ шло из Америки, остальная $^1/_5$ из Бразилии, Индии и стран Леванта. *В общем*, французам хлопок обходился на 10 — 15% дороже, чем англичанам, а *индийский* хлопок обходился им на 40% дороже, чем англичанам, обладателям Индии. Если в самом деле общая цифра потребляемого во Франции хлопка (30 миллионов килограммов [71]) верна, то уже она одна показывает колоссальную разницу между Англией и Францией в эту эпоху. Англия, по подсчетам и сведениям тех же фабрикантов, потребляла около *ста* миллионов килограммов хлопка в год, причем из этого количества $^1/_4$ шла па производство для внутреннего рынка, а $^3/_4$ — на производство для вывоза за границу [72]. Правда, все эти цифры должны быть несколько опорочены: за их точность никто ручаться не может. Но любопытны воззрения самих французских промышленников на положение этой индустрии в обеих странах.

Вот относящиеся к 1827 г. цифровые данные, касающиеся хлопчатобумажной промышленности. Все предприятия, относящиеся к этой промышленности, прядильни, ткацкие и ситценабивные мануфактуры, в общей сложности дают работу 800 000 человек. Из них 200 000 прядильщиков, 450 000 ткачей, 50 000 рабочих ситценабивных мануфактур, 50 000 рабочих, занятых изготовлением разных товаров из ситца, а также красильщиков материй и т. п.; наконец, 50 000 рабочих и разных лиц, занятых транспортом хлопка и вообще коммерческими операциями по покупке, продаже и переправе хлопка во Францию.

Для Франции, сравнительно с другими статьями французского производства, о которых, впрочем, таких обстоятельных данных не имеется, все это считалось, да и было на самом деле, очень крупно. Но все это меркло при сравнении с Англией. Во Франции ежегодно, например в 1827 г., поступало в обработку 30 миллионов килограммов хлопка, стоивших около 60 миллионов франков; Англия потребляла 90 миллионов килограммов. Франция ежегодно производила 28 миллионов килограммов пряжи; Англия — 80 миллионов килограммов. Что касается вывоза ситцевых материй, то Англия вывозит их каждые *пятнадцать дней* столько, сколько Франция *за год*. И это еще, если взять для сравнения 1827 год: в 1828 г. экспорт Англии увеличился на *одну треть*, сравнительно с 1827 г., а экспорт Франции уменьшился [73].

Конечно, конкурировать с англичанами в производстве хлопчатобумажных материй нечего было и думать: англичане вывезли в 1827 г. таких материй на иностранные рынки на 800 миллионов франков, а французы приблизительно на 36 миллионов [74].

В недрах хлопчатобумажной промышленности наметился еще при Наполеоне и продолжал проявляться все яснее и яснее полный антагонизм интересов между прядильщиками и ткачами (я имею в виду не рабочих, а предпринимателей). Прядильщики были заинтересованы в безусловном воспрещении ввоза во Францию хлопковой пряжи, потому что бороться с английским машинным производством они не могли. Ткачи, напротив, мечтали о широком допущении английской пряжи, справедливо ожидая от ее появления на французском рынке большого удешевления этого фабриката. Они утверждали, что некоторые сорта особенно тонкой пряжи французские прядильщики вообще вырабатывать не в состоянии, и действительно, добились от таможенного законодательства Реставрации больших послаблений в этом отношении, основываясь на невозможности в ином случае производить во Франции высшие сорта материй. Прядильщики же настаивали, что они смогут какие угодно сорта тонкой пряжи производить во Франции, если только им дадут спокойно работать, не опасаясь иностранной конкуренции [75]. Этот спор тянулся, как подчеркивают наши документы, «долгие годы» [76].

Потребность в дешевой пряже была так велика, и ее до такой степени нельзя было получить во Франции, особенно тонкие сорта, что контрабанда деятельно занялась ввозом этого запрещенного товара. Ввозили с моря — из Англии, ввозили с суши — из Швейцарии. На швейцарской границе, по-видимому, это было организовано очень прочно и обдуманно, с верными стоянками, с *настоящими* паспортами [77] и т. п.

Мы видим, в общем, что французская промышленность в эпоху Реставрации держалась на гораздо более низком техническом уровне, чем английская, располагала гораздо меньшими капиталами, рынками, связями, колониями, получала гораздо меньше дипломатической поддержки от правительства. Но при всем том промышленность боролась со всеми препятствиями и часто успешно их одолевала. Она удержала за собой, при активной на этот раз помощи государственной власти, внутренний рынок, не совсем лишена была и внешних. Она *держалась;* были годы процветания, были годы длительных кризисов; не было вовсе времени, когда самое существование главных отраслей промышленной деятельности было бы поставлено под вопрос.

Глава II

ВОПРОС О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ

Анкета Виллерме и другие источники о положении рабочих во втором, третьем и начале четвертого десятилетия XIX в. Заработная плата. Цена на предметы первой необходимости. Жилища. Общее впечатление наблюдателей. Тяжкое положение рабочего класса

Вопрос, который я ставлю в этой главе, неразрешим одними лишь арифметическими вычислениями.

В 1924 г. в Париже средняя заработная плата взрослого рабочего приближается к 25 франкам в день, а цена килограмма хлеба — 1 франк 45 сантимов; в 1824 г. в Париже средняя заработная плата тяготела к 1 франку 50 сантимам в день, а цена одного килограмма хлеба была равна 22—23 сантимам в день. Следовательно, плата за сто лет увеличилась в 17 раз, а цена хлеба в 7 раз; в 1824 г. килограмм хлеба оплачивался приблизительно $^{1}/_{7}$ рабочего дня, а в 1924 г. он оплачивается $^{1}/_{17}$ рабочего дня. Значит ли это, что участь рабочего улучшилась за истекшие сто лет в $2^{1}/_{2}$ раза? Так нельзя ставить вопрос: соотношение между заработной платой и ценой на хлеб есть лишь один из элементов для решения вопроса, но не полное решение его.

В нашем распоряжении имеется *единственная*, правда очень неполная, но все же более или менее обстоятельная, общая анкета о положении рабочего класса. Она произведена была Виллерме в средине 30-х годов и издана в 1840 г.

Автор анкеты объездил главные промышленные округа Франции и собрал в высшей степени интересные данные. Его анкета осталась, как я уже сказал в предисловии, совсем неизвестной и не использованной авторами, стоящими на чуждой рабочему классу позиции, быть может, вследствие нежелания пользоваться слишком мрачными красками Виллерме; авторами, вроде Луи Блана или Рене Вивиани, конечно, исключительно вследствие недостаточной осведомленности. А может быть, впрочем, и авторами-антисоциалистами эта книга тоже была

совсем не затронута по невежеству? Ведь и сам Виллерме вовсе не социалист и не революционер, и его замечания о борьбе с описываемым злом поражают необычайной наивностью и умереннейшим филантропическим прекраснодушием.

Но тем интереснее приводимые им факты. Они гармонически дополняют французскими иллюстрациями тот английский материал, который был несколько позже обработан в знаменитой книге Энгельса о положении рабочего класса в Англии.

Данные анкеты Виллерме я дополняю показаниями архивных документов.

Средняя цена гектолитра хлеба осенью 1826 г. была во Франции 16 франков,— выше, чем в Бельгии (там даже в торговом и промышленном Антверпене она была равна 12 фр.), выше, чем в Милане (11 фр.), в Триесте (9 фр.), чем в северной Германии (в Гамбурге — 8 фр.), чем в Дании (в Копенгагене — 6 фр.). И все-таки запретительная таможенная скала не допускала во Францию иностранного хлеба, пока цена на хлеб на внутреннем рынке не превысила 20 франков за гектолитр. При этом нужно заметить, что в промышленных городах цены на хлеб всегда были значительно выше среднего уровня. В том самом 1826 г., когда средняя цена во Франции была, как сказано, 16 франков, цена хлеба в Руане была равна 23 франкам за гектолитр [1]. А за границей хлеб был дешевле во многих местах. Например, в Баварии и Франконии в сентябре 1826 г. хлеб стоил (переводя на французскую валюту) $4^2/_3$ сантима за фунт или 8 крейцеров за 6 фунтов, а 8 крейцеров приравнены французскими властями, очень интересовавшимися этими сведениями, к 28 сантимам ($28 : 6 = 4^2/_3$ сантима за фунт) [2]. В годы плохих урожаев цены на хлеб становились еще недоступнее. Весной 1818 г. хлеб все еще во многих местах был очень дорог. В Тулоне, например, цена его была 37 сантимов за килограмм. Для рабочего, получающего на юге, в портовом городе, около 1 франка 25 сантимов — 1 франка 50 сантимов в день, эта цена, конечно, была очень тяжела [3].

Необходимо настойчиво подчеркнуть и просить читателя иметь в виду при чтении этой книги, что *реальный* заработок рабочего был всегда ниже нормальной цифры. Если, например, во всем промышленном департаменте Верхнего Рейна бумагопрядильщики зарабатывают в день от 2 до 3 франков, это не значит, что *ежедневно* они могут располагать этой суммой. Рабочий получает 2 франка за фактически проработанный день. Таких дней в году 300, а не 365, иногда и меньше 300 (праздники и воскресенья отбрасываются из числа 365 дней). Следовательно, годовой заработок его равен 600, а не 730 франкам. Делим 600 на 365, и мы получаем около 1 франка 66 сантимов в день. Эту сумму он и имеет фактически на покрытие своих

ежедневных расходов. Но и эта цифра не совсем правильна: болезни, столь частые безработицы, когда рабочих не увольняли, но давали им всего 5 или 4, или 3 рабочих дня в неделю,— все это еще уменьшало эту скромную цифру. Это мы взяли еще хорошо поставленных рабочих департамента. Чаще попадается цифра 1 франк 50 сантимов в день — и меньше [4].

Поэтому, когда в рассматриваемую эпоху документы нам говорят, что в таком-то году, в такой-то сезон было мало безработных, это еще вовсе не значит, что рабочему классу в указанный момент хорошо жилось: это только значит, что, не сокращая числа рабочих, хозяин давал им вдвое, а иногда втрое меньше, чем в годы промышленного процветания [5].

По официальной статистике департамента Верхнего Рейна, в 1827 г. там числилось 44 810 рабочих, из них около 10 000 прядильщиков, около 23 500 ткачей, около 11 000 ситценабивщиков. Виллерме считает, что в общем этой отраслью промышленности кормилось в департаменте около 50 000 человек, т. е. $^1/_8$ всего населения департамента [6]. Что касается заработной платы, то, переводя сдельную плату на поденную, официальная статистика пришла в 1827 г. к заключению, что граверы и художники, разрисовывающие образцы ситцев, получали от 10 и больше франков в день, мастера и приказчики — от 4 до 10 франков, большинство рабочих первой категории — от 2 франков 50 сантимов до 3 франков 33 сантимов в день, второй категории — от 1 франка 50 сантимов до 2 франков 8 сантимов, рабочие низших ступеней — от 67 сантимов до 1 франка 50 сантимов в день. Для большинства ткачей и ситценабивщиков плата доходила до 2 франков в день. Что же касается ткачей, то их заработок (для 1832 г.) равен был 1 франку 3 сантимам в день [7]. К средине 30-х годов он несколько повысился, но этот период уже выходит из рамок предлагаемой пока читателю части моего исследования.

Женский труд оплачивался значительно ниже мужского. В первые годы Реставрации мало было женщин в больших городах, которые бы зарабатывали 30 су (т. е. $1^1/_2$ фр.) в день. Проституция была широко распространена среди этой полуголодной категории рабочего класса [8].

У нас есть опыт подсчета *средней* заработной платы, уплачиваемой за проработанный день рабочему на больших мануфактурах Верхнего Рейна. Эта средняя плата составлена как среднее пропорциональное всех расценок рабочего труда на мануфактуре (взята плата, получаемая всеми рабочими этой мануфактуры за один проработанный день, и эта цифра разделена на число рабочих). Оказывается, что эта средняя плата в 1832 г. была равна 1 франку 3 сантимам. Следовательно, в год 1 франк 3 сантима$\times$300=309 франков. Разделим эту цифру

на 365, чтобы узнать, сколько может тратить в среднем рабочий ежедневно на свои потребности; получим около 86 сантимов в день.

А вот в том же департаменте Верхнего Рейна ежедневный расход рабочей семьи на пропитание [9]:

5 фун.	хлеба	65 сант.
5 »	картофеля	35 »
1/4 »	масла	20 »
1/4 »	соли	7 1/2 »
1/8 »	кофе	15 »
1/4 »	сиропа	10 »
1 литр	молока	15 »
	Итого	1 фр. 67 1/2 сант.

Ни мяса, ни сахара, ни вина будничный стол рабочего не знал. Конечно, эта цифра (1 фр. 67 1/2 сант.) оказывалась непосильной для очень многих категорий рабочего класса,— достаточно ее сопоставить с вышеприведенными подсчетами *фактической* суммы, бывшей у рабочего на покрытие расходов. Приходилось отказывать себе в масле, в молоке, в кофе. Как покрывались расходы на квартиру, на одежду, на отопление и освещение, на уплату налогов, об этом можно только гадать. Даже современники это неясно себе представляли. По справкам анкеты Виллерме, при нормальном положении вещей ежедневный расход на пропитание рабочего должен был бы равняться 1 франку, жены его — 75 сантимам, детей — от 38 до 50 сантимов на каждого. Итого— при семье, у которой двое детей,— расход ежедневно должен был бы быть равен 2 франкам 63 сантимам. Ясно одно: без отдельного заработка жены и детей, даже маленьких детей, семья абсолютно *не могла* просуществовать даже впроголодь. В том же промышленном Эльзасе — центр ткачества Sainte-Marie-aux-Mines. Тут на бумаготкацких мануфактурах в средине 30-х годов работало 21 700 человек. Ткачи — более квалифицированные рабочие, чем прядильщики, но положение их не лучше, а хуже. Рабочий день 14 часов (12 1/2 часов действительной работы), зарабатывают они от 8 до 10 франков *в неделю,* в среднем 9 франков в неделю, *но из этого заработка они от себя должны платить до 2 франков в неделю другим рабочим, подручным, без которых они не могут обойтись по техническим условиям; остается 7 франков в неделю.*

Амьен — один из промышленнейших городов Франции. Хлопчатобумажные материи, бумажный бархат, шерстяные материи — вот главные отрасли производства этого района (департамент Соммы). До 40 тысяч человек в начале 30-х годов работало на амьенские мануфактуры. Часть жила в городе Амьене,

часть — в окрестностях. Больше половины всего количества рабочих — ткачи, работающие у себя на дому. С конца 20-х годов многие бумагопрядильни в Амьене превратились в шерстопрядильни [10].

Живут рабочие в Амьене в сущности не лучше, чем в Лилле: в самых узких, грязных улицах, в жалких лачугах, в сырых, темных, нездоровых помещениях. Сплошь и рядом рабочие семьи живут в проходных комнатах, спят по два человека на одной кровати, а иногда (дети) по три. Отопление доступно не всем. Даже в морозы — в северном Амьене они бывают часто — рабочие часто сидят в нетопленом помещении. Пьянство (как и в Лилле и Руане) развито необычайно сильно, а рабочие Амьена и без пьянства часто бывают осуждены на полуголодное существование.

В Амьене рабочим тоже приходится часто селиться за $1^1/_2$, за $^3/_4$ лье от мануфактуры и совершать тяжелые путешествия ежедневно туда и обратно. Здесь тоже во время этих путешествий приходится подвергаться всякой непогоде, не имея даже зонтика [11].

Пьянство распространено в Амьене, Лилле и других северных городах настолько, что понедельник оказывается фактически пропащим для работы днем недели [12]. Водку пьют часто рано утром, до работы, *без всякой еды,* потому что на еду уже не хватает денег, и от этого обычая развиваются жестокие внутренние болезни.

Данные о заработной плате, приводимые в анкете Виллерме, сводятся к следующему:

В шерстопрядильнях заработки прядильщиков варьируют от 1 франка 50 сантимов — 2 франков до 2 франков 50 сантимов — 3 франков, даже, для одной категории, 4 франка 67 сантимов в день; на бумагопрядильнях — 1—2 франка, заработок ткачей во всех производствах — 1 франк — 1 франк 50 сантимов — 2 франка, заработок женщин — ниже франка, 1 франк, 1 франк 30 сантимов. Это — цены 1836 г., в 1834 г. цены были несколько меньше [13], но во время кризисов и безработицы рабочие получали около $^1/_3$ всех этих цен.

Питаются амьенские рабочие в общем *хуже*, чем в Лионе, Руане, Реймсе, Седане. Мясной суп бывает 2—3 раза в неделю, но для этого мясного супа, для всей семьи рабочего, употребляется всего $^1/_4$ фунта мяса. Утром и на завтрак полагается *только* хлеб. Кофе доступно по утрам лишь хорошо зарабатывающим рабочим. Хлеб печется дома, и качества он не очень высокого.

Вообще же, в среднем, одному человеку прожить, не голодая, можно было в Амьене в рассматриваемое время на 6 франков 70 сантимов в неделю; заработки же в неделю были равны

8—14 франкам для мужчины, 4—5 франкам для женщины, 3—5 франкам для подростка 14—16 лет, 2—3 франкам для детей 10—14 лет. Но, живя на 6 франков 70 сантимов в неделю, нужно было довольствоваться половиной постели, хлебом, одной порцией какого-нибудь кушанья (не мясного, конечно [14]) на обед и ужин и «легким пивом, разбавленным водой». О стирке, одежде и т. д. в подсчете не говорится вовсе, а автор анкеты лишь многозначительно напоминает, что эти расходы не приняты во внимание.

Вот мнение и наблюдение консерватора, аристократа, префекта Реставрации, но человека вдумчивого, лично благородного, желающего быть беспристрастным: я говорю о бароне Вильнев-Баржемоне, префекте Северного департамента, близко наблюдавшего страшную нищету лилльских рабочих. Префект утверждает, что, живя в полной нищете, рабочие редко прибегают к преступлениям против личности и собственности. Он сам как бы удивляется этому. Он приписывает это явление, *«если угодно, недостатку энергии в характере»*; и, говоря о том, что рабочие страдают без возмущения и почти [без] ропота (ils souffrent sans révolte et presque sans murmure), префект в то же время не забывает, «с каким успехом агитаторы имели бы возможность» воспользоваться рабочими «как слепыми орудиями восстания и анархии во время политических кризисов» [15].

Держать в чистоте свою часть комнаты при этих условиях никак не удается. Когда после страшной эпидемии 1831—1832 гг. сообразили, что холера и другие эпидемии, опасные для *всех*, находят себе благоприятную почву именно в рабочих кварталах, и когда поэтому временно обнаружился интерес к тому, как живут рабочие в больших городах, то оказалось, что, помимо всего, полы этих жилищ покрыты вечной и все увеличивающейся грязью, никогда не метутся и не могут, по-видимому, выметаться, и воздух в этих жилищах таков, что санитарная комиссия «утомилась», подышав им несколько минут. Комиссия поражена была (она работала именно в Лилле) неслыханной грязью самих рабочих: только по лицу можно было распознать, что это люди белой расы, а тело было покрыто слоями грязи. Заморенные, истощенные дети, с искривленными позвоночниками, с кривыми ногами, «пожирались насекомыми» [16].

Заработная плата в Северном департаменте варьировала между 1 франком 50 сантимами — 2 франками для мужчин (реже подымаясь до 2 франков 25 сантимов, еще реже до 2 франков 50 сантимов и совсем редко до 3 франков); что касается женщин, то «хорошая и ловкая работница получает от 1 до 2 франков, а другие — от 60 сантимов до 1 франка». Подростки (12—15 лет) зарабатывают от 60 сантимов до 1 франка 25 сантимов, а дети — от 30 до 75 сантимов.

По анкете Виллерме выходило, что средний рабочий — подавляющее большинство их в этом северном районе — получал ежедневно 1 франк 50 сантимов, а в год (300 рабочих дней) — 450 франков.

Пища же одного человека, по самому скромному расчету, стоила в год 225 франков, помещение в среднем 60 франков в год. Все остальное — одежда, освещение, отопление, стирка и пр.— должно было покрываться остающимися 135 франками в год. Эти подсчеты показывают, что жена и дети *обязательно* должны были работать, потому что на них заработка отца и мужа никак уже хватить не могло [17]. Если же принять во внимание хоть 10—20 дней вынужденной безработицы или болезни, то концы с концами никак не могут быть сведены. Пища, конечно, самая убогая, речи нет о мясе, о питательных веществах в сколько-нибудь значительных, сколько-нибудь удовлетворяющих организм количествах. Чахотка свирепствовала среди рабочих г. Лилля невозбранно [18].

Из 962 840 всех жителей Северного департамента префект считает рабочих с их семьями — 394 732.

Седанское суконное производство, знаменитое далеко за пределами Франции, давало в начале 30-х годов 11 000—12 000 человек, из которых 3000—4000 жили в самом городе Седане, а остальные вне города, в деревнях, в 3—4 лье от окружности. Но из живущих вне города 2000—2500 живут сравнительно недалеко, в соседних деревнях, и ежедневно приходят на работу в город. Живущие в далеких деревнях берут работу на дом. Рабочий день здесь необычайно долог — 16 часов; *фактическая* работа 14—15 часов в день. Заработная плата варьировалась от 1 франка 20 сантимов до 2 франков и для одной категории рабочих до 3 франков 10 сантимов в день; для женщин — на 30—40—50% меньше. Мануфактуры тут работают и по ночам (9 часов фактической работы) и по воскресеньям до полудня.

Интересно отметить, что, желая сравнить положение мануфактурного рабочего с положением батрака, работающего у землевладельца, Виллерме не мог этого сделать по той простой причине, что батраков *не оказалось*. Те земледельцы, у которых не было своей земли, предпочитали работать на мануфактуру [19]. В общем, в этом округе рабочие жаловались меньше, чем в других местах. Жизнь была тут дешевле, и заработков в общем хватало [20].

Вопрос о рабочем дне стоял особенно остро в строительном деле, там, где сдельная расценка при договорах с отдельным рабочим была, по существу, совершенно невозможна. Решен он был еще при Наполеоне. Вот как рисуют нам наши документы положение этого вопроса в эпоху наполеоновского царствования.

Еще до революции и даже в первые два года революции

(1789—1790) рабочий день начинался в $5^1/_2$ часов утра и оканчивался в 7 часов вечера с перерывом от 9 до 10 и от 2 до 3 часов. Так было в горячий строительный сезон, с 1 апреля по 1 октября. Зимой же рабочий день длился, сообразно с продолжительностью солнечного света, от 6 часов утра до 6 часов вечера; когда становилось темнее — с 7 до 5 часов, и, наконец, от того времени, когда становилось светло, до захода солнца; при этом зимой полагался для отдыха лишь 1 час, от 10 до 11; сверх того, в порядке снисхождения, рабочим давался зимой еще отдых на полчаса, от 2 до $2^1/_2$, но с запрещением покидать место работы. Но с времен революции (с 1791 г.) до 1811 г. рабочие добились для летнего сезона работы от 6 часов утра до 6 часов вечера, а для зимнего — отдыха от 9 до 10 и от 2 до 3 часов дня. Предприниматели еще в 1809 г. сделали попытку уничтожить эти льготы. Но затеяли они это в неблагоприятный для их целей момент: в разгаре строительного сезона, когда скопление рабочих в столице было необычайно велико и можно было ожидать беспорядков, а, с другой стороны, Наполеон с армией в это время воевал против Австрии и находился далеко, в Вене. Уже от одних только слухов о происках предпринимателей среди рабочих «пошли сборища и возникло брожение умов» [21]. Министр полиции счел момент неподходящим и прикончил дело впредь до более благоприятного времени. Но предприниматели не успокаивались: уменьшение рабочего дня, сравнительно с дореволюционным временем, увеличивало их расходы, по их подсчетам, приблизительно на $^1/_{10}$ часть, и особенно им жаль было терять один час из вечерних часов, когда уже не жарко и когда поэтому работа может идти успешнее [22].

Но в духе наполеоновской администрации было мотивировать свои мероприятия не пользой того класса, который, в самом деле от данного мероприятия выигрывал, но нуждами общими и пользой всенародной. Поэтому в докладе, поданном министру полиции соответствующим чиновником, мы читаем: «Если интересы правительства и интересы частных лиц (т. е. предпринимателей) очевидно нарушаются этим нововведением, т. е. самочинным уменьшением рабочего дня, установленным революцией, то и интересы рабочих много от этого пострадали, ибо, покидая свою работу в 6 часов и не зная, на что употребить остаток своего вечера, бо́льшая часть их отправляется в кабак или в дурные места», где они и тратят заработанные деньги. Мало того: в кабаках и дурных местах они, будучи в сборе, «затевают происки против предпринимателей, уславливаются насчет заработной платы и о средствах к принуждению своих товарищей к отстаиванию их решений или по крайней мере к повиновению им. Это они называют делать стачку». C'est ce qu'ils appellent faire grève [23]. Почему рабочие не могут

одним часом позже предаваться всем этим порокам и мятежным наклонностям — в докладе не пояснено.

Словом, во имя интересов самих же рабочих следует заставить их работать на час позже, так, как они и работали перед революцией. Брошена только мысль, что, работая больше, рабочие после трудового дня будут думать больше всего об отдыхе, а не о сборищах. Теперь, т. е. в январе, момент, по мнению докладчика, вполне благоприятный, чтобы произвести это возвращение к дореволюционным условиям работы: большей частью рабочие разбросаны по своим департаментам, без сообщений между собой, и до весны в Париже не соберутся. Пусть рабочие вовремя только узнают об этом изменении, чтобы они еще до прибытия в Париж примирились со своей участью, а в их отсутствие рабочие, всегда живущие в Париже, покорятся, и у пришлых исчезнет уже надежда на сопротивление [24]. Это видоизменение прошло. Продолжительность рабочего дня к концу наполеоновского царствования для подавляющего большинства профессий, где вообще это играло роль, т. е. где заработная плата была поденной, а не сдельной, равнялась 12 часам летом, от 5 утра до 7 вечера с перерывом в 2 часа, и 11 часам зимой, с 6 до 6 вечера с перерывом в 1 час [25], и все льготы, укоренившиеся путем традиции, постепенно отпали.

Вот приблизительный бюджет руанского рабочего (*одного* человека, без семьи, в год) того времени:

Пища	339 фр.	45 сант.
Стирка белья	14 »	04 »
Одежда	59 »	70 »
Квартира	47 »	60 »
Итого	460 фр.	79 сант.

Но тут же анкета Виллерме вносит поправку, указывая, что комната (или, может быть, точнее — часть ее) обходится рабочему не 47 франков 60 сантимов, а *не менее* 80 франков в год; если же он селится так, чтобы было где поставить дома ткацкий станок (а ткачи работали сплошь да рядом дома), то помещение стоит ему не менее 100 франков в год, и тогда, значит, общую сумму расходов нужно считать в 500—520 франков в год. Наибольшая масса руанского рабочего люда получала не больше 1 франка 50 сантимов в день, т. е. за 300 рабочих дней 450 франков в год. Следовательно, покрыть расходы даже на себя самого средний рабочий не мог [26].

Рабочий день ткачей был обыкновенно больше, чем рабочий день прядильщиков. Ткач в Руане и во всем департаменте Нижней Сены работал от 15 до 17 часов в день (фактически, т. е. *не* считая времени на еду), а прядильщик — 15—15½ часов в день, причем из этого времени ему давалось 1½ часа,

а иногда и 2 часа на еду. И вырабатывали ткачи в среднем не 1 франк 50 сантимов, как прядильщики, а иной раз меньше 1 франка (90 сантимов в Дарнетале, в одном лье от Руана) [27].

В августе 1819 г. генеральный совет Нижней Сены единогласно «установил» заработную плату для рабочих, работающих в департаменте, в 1 франк в день [28]. Это установление платы не было регулятором платы и не имело никакого обязательного значения. Это было просто исполнением закона, который для удобства фискальных исчислений предписывал генеральным советам департаментов сообщать о средней заработной плате, существующей в департаменте. Для нас, при скудости сколько-нибудь точных данных по этой части, было бы особенно интересно знать, насколько, например, в этом самом промышленном из всех французских департаментов *реальная* заработная плата приближалась к этой «средней». Я нашел в протоколах заседания генерального совета Нижней Сены за 1820 г. некоторый материал для приблизительного ответа на этот вопрос. Оказывается, что эта оценка (1 фр. в день) для городов и более богатых кантонов департамента должна считаться слишком низкой, а для более бедных и отдаленных, менее промышленных мест — слишком высокой.

В городах «мало таких рабочих, которые бы не зарабатывали больше 1 франка, а для известного числа их эта плата повышается до 1 франка 50 сантимов, 1 франка 75 сантимов и до 2 франков» [29]. Но реальное положение даже таких рабочих гораздо хуже, чем оно могло бы показаться: дело в том, что из 365 дней в году *«по крайней мере» треть* пропадает для работы из-за недостатка в работе, т. е. в заказе от хозяина, из-за несчастных случаев, из-за болезней, «из-за тысячи других причин». Кроме этой «тысячи других причин», в протоколе есть таинственное место: par les — и дальше пропуск. Дело идет о праздниках; в протоколе заседания официального места, да еще в столь клерикально настроенном департаменте, канцелярия не решилась в 1820 г. вписать это слово [30]. В других аналогичных бумагах слова par les fêtes фигурируют полностью. Для Руана и Гавра средней заработной платой генеральный совет считает 1 франк 50 сантимов, для Эльбёфа, Больбека, Ивто, Гурнэ, Диеппа — 1 франк 25 сантимов, для других мест департамента — 1 франк и для наибеднейших — 75 сантимов. Вот показания, касающиеся размеров ежедневного заработка рабочего человека в департаменте Нижней Сены уже к концу эпохи Реставрации. В 1828 г. рабочие текстильных производств высшего типа (articles de goût) зарабатывали 2—$2^1/_2$ франка в день, но тут же указывается, что прежде они вырабатывали 3—4 франка в день. Не говорится, к сожалению, точнее, в какие именно годы. Вообще же дается указание на понижение

сдельной платы всех ткачей департамента на $1/4$ сравнительно с недавним прошлым, с «прошлым годом», т. е. с 1827 г. Это несколько неожиданно, так как в 1828 г. общее состояние промышленности было лучше, чем в 1827 г.[31]

Вообще же в 1828 г. в этом одном из наиболее промышленных департаментов — в департаменте Нижней Сены — местные власти и фабриканты, показаниями которых власти руководствовались, считали, что рабочих во всех производствах департамента было 150 тысяч человек и что средняя заработная плата каждого тяготеет к 1 франку 50 сантимам в день[32].

Чтобы хоть как-нибудь прожить *с семьей,* рабочий, по подсчетам, *не мог* просуществовать, получая меньше 3 франков 33 сантимов в день или за 300 дней 1000—1050 франков в год. Но эту плату получали лишь очень немногие счастливцы. Характерно, что академик Виллерме подчеркивает, что *сами рабочие* не знают, до какой степени тяжело их положение: цифры, собранные им во время анкеты, неопровержимо это показывают. И одновременно это обстоятельство свидетельствует, по признанию Виллерме, как добросовестно давали рабочие свои показания: они не преувеличивали, а *уменьшали* картину своих страданий[33]. Мало того. Вот подсчеты средней прядильни г. Руана в 1831 г. Работают 100 человек, из них больше 450 франков в год зарабатывают *семь* человек; остальные меньше, и гораздо меньше (145—156—180—252—264—348—354 франка и т. п.)[34]. Как они находили выход из этого положения? Снимали не угол, а полкровати (3 франка в месяц за полкровати), пили сидр, разбавленный наполовину водой, экономили на пище[35], наконец — умирали к 30 годам, когда очень уж падали заработки или объявлялась безработица. А женщины сплошь и рядом выходили вечером из мануфактур на улицу и торговали собой. Это называлось так: прирабатывать *пятую четверть*[36]. Эти ужасающие явления уже никого не потрясали, а трактовались как примелькавшиеся мелочи быта и вызывали лишь юмористические замечания. У нас есть показания Лелонга, мануфактуриста, помощника мэра г. Руана, если не точные, то хоть претендующие на точность, относительно хлопчатобумажной промышленности во всем департаменте Нижней Сены, но эти цифры, строго говоря, уже выходят из хронологических рамок нашего периода, ибо относятся к 1833 г. Всего рабочих в этом производстве было:

Прядильщиков	21 000
Ткачей	65 000
Красильщиков	5 000
Ситценабивщиков	9 000
Других рабочих, связанных с этим производством	7 000
Итого	107 000 человек[37]

Число предприятий нам известно только в области прядильного дела в точном смысле: прядилен было 280, что дает среднюю цифру прядильщиков на каждой прядильне — 75 человек. В 1829 г. руанские промышленники давали как общую цифру рабочих этого производства тоже 107 000 человек. Конечно, ее и позаимствовал Лелонг в 1833 г., но составные цифры принадлежат ему. Были и другие показания, еще более яркие. Живут рабочие в этом округе так же в общем трудно, тесно и голодно, как и в других местах. Квартиры их «после Лилля» — наихудшие во всей Франции: грязные, сырые, темные, тесные.

Заработки: 1 франк 25 сантимов — 1 франк 50 сантимов — 1 франк 80 сантимов — 2 франка — 2 франка 50 сантимов. Очень редко больше 2 франков 50 сантимов, т. е. очень немногие и немногочисленные по составу категории рабочего населения зарабатывают больше. Из таблиц[38], сохранившихся за 1825—1834 гг., мы видим, что заработная плата в некоторых профессиях этого производства держалась почти без изменений, а в кое-каких, именно ткачей и ситценабивщиков, в 1829—1830—1831 гг. уменьшилась сравнительно с 1825—1828 гг., и уменьшилась значительно: с 1 франка 25 сантимов до 90—80—75 сантимов, с 2 франков 25 сантимов до 1 франка 25 сантимов. По анкете Виллерме, семья, где работают только муж и жена и где есть двое неработающих детей, *не может* просуществовать в Руане и во всем департаменте Нижней Сены на свои заработки, даже если они ни одного дня не будут болеть и ни одного дня не проведут в качестве безработных, так как расходы этой семьи только на пропитание будут равны 912 франкам 50 сантимам, а заработки мужа и жены будут равны в среднем 561 + 300 = 861 франку в год (он считает средний заработок мужчины 1 франк 87 сантимов, а женщины 1 франк в день и 300 рабочих дней в году)[39].

Шерстяное производство было развито также в департаменте Нижней Сены, в городах Омаль (Aumale), Дарнсталь и Эльбёф. В Дарнетале выделкой сукон занималось 1100—1200 ткачей и прядильщиков, причем мужчины вырабатывали 1 франк 80 сантимов — 2 франка в день, женщины — 1 франк — 1 франк 10 сантимов, дети — 50 — 75 сантимов в день. В общем ткачи-суконщики зарабатывали, по общему мнению, больше, чем ткачи, выделывавшие полотна или бумажные материи. В Эльбёфе работало в 1823 г. 9400 человек (над выделкой сукон), а в 1834 г. уже от 25 до 30 000 человек.

В Лувье, знаменитом тонкими сукнами, работало в 1834 г. до 7—8 тысяч человек. В общем, положение суконщиков этих городов было лучше, чем можно было бы ожидать, по той причине, что очень многие из них не утратили экономических связей с родной деревней, имели там нередко огород, небольшую

землю, уходили туда по субботам, а в понедельник являлись с съестными запасами.

Центром производства муслиновых материй был г. Тарар и окрестности. В общем, считалось, что в 1836 г. этим производством кормилось до 50 000 человек — из них 20 000 ткачей и ткачих. Рабочий день равен 13—14 часам (фактическая работа 10—12 часов). Заработная плата: для мужчин в среднем 1 франк 40 сантимов — 1 франк 50 сантимов — 1 франк 60 сантимов, для женщин — 1 франк — 1 франк 25 сантимов, для детей — 60—75 сантимов, для детей меньше 12 лет — 40—50 сантимов. Фактический годовой заработок, таким образом (300 дней), равен для мужчин 420—480 франков в год, для женщин — 300—375 франков в год, для детей старше 12 лет — 180—225 франков, для детей меньше 12 лет — 120—150 франков [40]. Рабочее население этого округа особенно тесно было связано с землей, с земледельческими трудами, и это было большим подспорьем для бюджета рабочей семьи. Тут мы видим больше кустарей, чем фабричных рабочих нового типа.

На востоке одним из центров шерстяного производства является Реймс, мануфактуры которого дают заказы кустарям всего департамента Марны и сопредельных департаментов Эн (L'Aisne) и Арденн. Общая цифра получающих работу для 1834 г.— до 50 000 человек, из них $^1/_4$ живет в Реймсе, а $^3/_4$ вне города. Живущие вне города, попросту крестьяне, работают на мануфактуру около 8 месяцев в году, а 4 месяца посвящают исключительно полевым работам. Рабочий день для работающих в помещении мануфактуры — $14^1/_2$ часов (из них 2—$2^1/_2$ часа на еду). Работающие у себя дома часто работают и больше; при сдельной расценке вопрос о продолжительности дня отступает на задний план пред вопросом о заработке. В общем, заработки и тут тяготеют к 1 франку 40 сантимам — 1 франку 50 сантимам, но есть и категории рабочих, получающих 2 франка 50 сантимов — 3 франка и даже больше в день. Женщины — от 90 сантимов до 1 франка 75 сантимов, подростки — 1 франк — 1 франк 25 сантимов, дети (10—15 лет) — 40—75 сантимов в день. Живут и питаются они лучше, чем в Лилле, в Руане. Так, они пьют каждое утро кофе с молоком, чаще едят мясо [41], но все это больше относится к живущим вне города. Рабочие, живущие в Реймсе, болезненны, живут тоже в тесных и грязных углах.

Полотняное производство, долгие годы процветавшее в Сен-Кантене и его окрестностях, за первые десятилетия XIX в. все более и более вытеснялось хлопчатобумажной промышленностью. Еще в 1789 г. Сен-Кантен с окрестностями (10 лье в окружности) давал работу 68 000 прях и 6000 ткачей, выделывавшим полотна и холсты, а в 1825 г. прях было в этом же

округе всего 4000 или 5000, а ткачей 500—600 человек. В том же 1825 г. хлопчатобумажная промышленность (в том же округе), прежде почти неизвестная, давала работу 6000 прядильщиков и 100 000 ткачей (машины там не были еще распространены)[42]. В этом округе мы видим еще совсем старую картину: ткачи — крестьяне, в свободное от полевых занятий время берущие на дом заказанную им работу. Но есть уже и оторванные от деревни ткачи. Их положение неприглядно: они живут тоже в тесных, в грязных, смрадных комнатах; их рабочий день — 14—15 часов.

Рабочие, вырабатывающие тюлевые ткани, зарабатывали еще в 1823 г. громадные деньги (до 15—20 франков *в день*). Но к концу 20-х годов и началу 30-х этот заработок настолько пал, что они зарабатывали уже от 1 франка 50 сантимов до 3 франков в день, женщины — от 1 до 2 франков, дети — от 50 до 75 сантимов. Заработки в сен-кантенском округе таковы. В самом городе рабочий вырабатывает от 1 франка 50 сантимов до 3 франков, женщина — от 90 сантимов до 1 франка 25 сантимов, дети — от 50 сантимов до 1 франка 25 сантимов в день. А в деревне мужчина — от 1 до 2 франков, женщина — от 70 сантимов до 1 франка, ребенок — от 30 до 60 сантимов. Таков средний заработок. Нужно заметить, что больше 2 франков получают очень редкие рабочие; чаще всего их плата — 1 франк 25 сантимов — 1 франк 50 сантимов — 1 франк 75 сантимов. Пропитание же стоит в Сен-Кантене: мужчине 75 сантимов в день, женщине 60—65 сантимов, ребенку 40—50—60 сантимов в день. Если принять во внимание, что платных дней в году было лишь 300 (в лучшем случае), а есть надо было 365 дней, то не мудрено, что наблюдатели рабочей жизни в Сен-Кантене тоже приходили к неутешительным выводам.

Крупное производство было мало распространено в этом округе — меньше, чем в Лилле или в Эльзасе. Машины были распространены меньше; мануфактуры, дававшие работу более чем 200 рабочим, считались редкостью. Мюльгаузен (в департаменте Верхнего Рейна, в Эльзасе) был одним из главных центров хлопчатобумажной промышленности в рассматриваемую эпоху, да и весь департамент Верхнего Рейна стоит на первом месте во Франции в этом отношении. В 1827 г. прядильщиков, ткачей, рабочих ситценабивных мастерских, в бумагопрядильнях, ткацких и ситценабивных мастерских департамента Верхнего Рейна числилось 44 840 человек. Из них — прядильщиков 10 240, ткачей 23 352, ситценабивщиков 11 248 человек. В общем же, считая с работавшими там же детьми и с рабочими, которые так или иначе тоже кормились около этого производства, эта цифра должна быть доведена до 50 000 человек, т. е. $^1/_8$ части *всего* тогдашнего населения департамента[43]. Прядиль-

ни (в департаменте Верхнего Рейна) открывались в 5 часов утра и закрывались в 8 часов вечера, а иногда и в 9. Рабочий день был равен 15—16 часам, но из этого времени давалось $1/2$ часа на завтрак и 1 час на обед. Фактическая работа, таким образом, продолжалась $13^1/_2$—$14^1/_2$ часов. Были отдельные прядильни, где рабочий день был равен $13^1/_2$ часам, а фактическая работа продолжалась 12 часов. Так же продолжителен был рабочий день для ткачей и ситценабивщиков. Мало того. Ткачи, работавшие сдельно, уносили часто работу еще к себе на дом, и тогда их рабочий день удлинялся еще на некоторое время, иногда до 11 часов вечера. Ситценабивщики делать это не могли, потому что работа их производилась только при дневном свете [44].

Описав убийственные условия, в каких живет рабочее население (21 700 человек) ткачей в Sainte-Marie-aux-Mines в Эльзасе, Виллерме прибавляет: «Если мои сведения точны, рабочие... в общем недовольны своей участью. Тем не менее ткачи, которые и составляют почти целиком все рабочее население (в Sainte-Marie-aux-Mines), слишком слабы и имеют слишком мало энергии, чтобы когда-либо можно было очень бояться этого неудовольствия» [45]. Дети начинали нередко работу с 5 лет, иногда еще раньше: Виллерме своими глазами видел детей, работавших на мануфактурах и имевших от роду $4^1/_2$ года. Дети — больные, рахитичные, заморенные, с потрясенной психикой: много глухонемых, много идиотов. Виллерме говорит о рабочих семьях, где из пяти оставшихся в живых детей было четыре идиота [46].

Женщины зарабатывают процентов на 30 меньше мужчин. Дети — от $1^1/_2$ до 4 франков в неделю. Но ткачи как-то ближе к земле, не так тесно связаны с городом и с зданием мануфактуры, не настолько исключительно горожане, как прядильщики. Они нередко еще берут работу на дом, они еще не все порвали с крестьянством. Поэтому «самые зажиточные» из них едят дважды в неделю суп из мяса и мясо; те, что победнее,— раз в неделю, раз в две недели «и еще реже». Но ведь когда речь шла о прядильщиках, мясо и вовсе не упоминалось. Главная пища — картофель.

Город Лилль и весь Северный департамент — тоже большой промышленный район. Бумагопрядильни, ткацкие мануфактуры, шерстяное и суконное производство — вот особенно развитые тут отрасли промышленности. В 1828 г. во всем этом департаменте числится 224 300 рабочих, а с семьями промышленным трудом живут в департаменте 396 600 человек, немногим меньше половины всего населения (962 000 человек с лишком). В хорошие годы все эти люди кое-что зарабатывают; в годы промышленной депрессии часть их голодает или побирается.

В 1828 г., например, в благотворительной помощи нуждалось 163 453 безработных и их семейств в этом департаменте из общего количества 396 600 рабочих с их семьями[47], а из 163 453 нуждавшихся безработных с семьями 22 281 приходилось на один только г. Лилль, главный город Северного департамента. Как живут рабочие этого громадного северного промышленного района? Нищета, пьянство, полное отсутствие всякого, даже начального, образования. *Изнуренные трудом на мануфактурах* рабочие Лилля и департамента живут в «темных *сырых погребах* или на чердаках», где они зависят от всех перемен погоды. Покрывать расходы на содержание семьи *они не в состоянии*. Многие одержимы болезнями. В г. Лилле в 1828 г., по словам тогдашнего префекта департамента, графа Вильнев-Баржемона, 3687 рабочих жило *в погребах, узких, низких, лишенных света и воздуха, где царила самая отвратительная грязь*, спали они вповалку, без различия пола и возраста, на тех же досках и подстилках. Виллерме несколько склонен полемизировать с префектом. Он наблюдал Лилль в 1835 г., а префект в 1828 г. Для темы нашей работы показания префекта ценнее, так как относятся в точности к исследуемой нами эпохе. Но в конце концов картина, даваемая Виллерме, во всем подтверждает префекта. В самом деле многие живут в погребах и на чердаках; в самом деле свет туда проникает с трудом; в самом деле грязные тряпки образуют постель; в самом деле лица разных полов «и очень различных возрастов» вповалку спят на этих постелях; в самом деле грязь царит неимоверная. Виллерме не решается досказать до конца обо всех ужасах, которые он видел, так что картина, наблюдаемая в 1835 г., лишь подтверждает все, что наблюдалось в 1828 г.[48] Грязь, в которой вечно, безысходно живут рабочие, такова, что по цвету их ног их можно принять за негров[49]. Бельем, даже рубахой, обладают далеко не все. Есть еще худшие жилища, чем погреба: это чердаки, тоже битком набитые рабочим людом. Согреться там зимой и осенью невозможно, огня развести там нельзя. Нечего и говорить, что примитивнейших удобств во всех этих логовищах нет, о гигиене, о простом приличии речи быть не может[50]. В конце концов Виллерме принужден сам заявить, что префект ничего не преувеличил[51].

Промышленные города — Руан, Лион, Мюльгаузен, Амьен — росли, квартиры непомерно дорожали. Рабочим было совсем не под силу жить в городе и часто даже в предместьях города, и они селились иной раз очень далеко, в одном, иногда в полутора и *больше* лье от города. К их изнурительному труду прибавлялась долгая ходьба, отнимавшая у них не только силы, но и дорогие минуты их краткого отдыха. «Нужно видеть, как они являются каждое утро в город и уходят каждый вечер»,—

говорит очевидец Виллерме. «Между ними — много бледных, худых женщин, идущих *босыми ногами* по грязи и за недостатком зонтика закрывающих себе голову и шею во время дождя передником или верхней юбкой, и еще более значительное число детей, не менее грязных, не менее истощенных, покрытых лохмотьями, лоснящимися от смазочного жира станков, капающего на них во время работы» [52]. Дети несут с собой кусок хлеба: это их *единственная* пища за весь долгий рабочий день [53]. При огромном рабочем дне, при изнурительной, долгой ходьбе утром и вечером рабочий *не имеет времени* выспаться и, действительно, не высыпается всласть никогда [54].

Но есть люди, которые совсем выбиваются из сил и просто *не могут* шагать ежедневно после работы и до работы бесконечно долго. Они стараются, вопреки всем трудностям, все-таки поселиться в городе, и кое-кто из них в самом деле селится там. Тяжело дается им это пребывание в городских стенах. Неприглядно, негигиенично, нище жилище рабочего даже и вне города, где квартиры дешевле, но в городе еще несравненно хуже, так как речи не может быть о найме комнаты одним только семейством. «Я видел в Мюльгаузене, в Дорнахе,— читаем мы у Виллерме,— жалкие жилища, где живут *два семейства*, каждое в углу, на соломе, брошенной на доску». Лохмотья, возбуждающие отвращение своею грязью,— это все, что он видел в этих углах. Стол, два-три стула, общая печка — вот все, чем *сообща* (подчеркнуто у Виллерме) располагают эти жильцы. Такая комната стоит (в Мюльгаузене, например) от 6 до 9 франков в месяц, и эта цена для рабочего *непосильна,* он должен искать компаньона, чтобы вместе снять ее. При этих условиях нет ничего удивительного, что в рабочей семье половина всего количества детей умирает до двухлетнего возраста.

Может быть, Виллерме, борясь с тем, что ему представлялось предрассудком, слишком увлекся в противоположную сторону, может быть, он преувеличивает, утверждая, будто прядильни больших мануфактур так уж гигиеничны, столько уж воздуха дают работающим, так уж хорошо вентилируются и т. д. Но он вместе с тем с большим жаром настаивает на *общих* тяжких условиях, быстро и беспощадно подкапывающих жизнь и сокрушающих здоровье рабочего: огромная и напряженная работа, недостаточная и недоброкачественная пища, отсутствие настоящего полного отдыха и сна, недостаточная, *не покрывающая расходов* заработная плата — все это более реальное и существенное зло для рабочего, чем мнимый, по убеждению Виллерме, недостаток воздуха в самих мануфактурах [55]. Но и он не отрицает, что чахотка очень легко развивается именно среди бумагопрядильщиков, что ряд злокачественных болезней констатирован медициной у шерсточесов и суконщиков [56] и т. д.

Рабочее население, тяготеющее к Сент-Этьенну и Сен-Шамону и доходящее до 27 000 человек, состоит в значительной мере из женщин и детей, жен и детей крестьян многочисленных деревень, окружающих эти города. Они изготовляют шелковые ленты и позументы, славящиеся во всей Франции. Заработки их меньше лионских заработков, но они не утратили связи с землей и поэтому гораздо меньше подвержены риску безработицы и голода [57]. В Ниме и Авиньоне, где тоже развито шелковое и ленточное производство, наблюдается — в меньшей мере, чем в Сент-Этьенне и Сен-Шамоне,— то же самое явление.

Из южных промышленных центров анкета Виллерме коснулась городов Лодев, Бедарье и Каркассонн. Лодев — маленький город (11 000 жителей в 1836 г.), но жители его в той или иной степени «заинтересованы в производстве сукон, а три четверти всего населения по крайней мере — рабочие или родственники рабочих». Ткачи здесь работают больше в помещении мануфактур, чем дома. Рабочий день меньше, чем в других местах: 12—13 часов, причем из этого времени 2—2½ часа дается на отдых и еду. Точное число рабочих установить трудно. Если поверить показаниям, которым поверил Виллерме, то в 1822 г. рабочих в Лодеве было 2231 человек, а в 1834 г. от 8 до 10 тысяч. Квартиры рабочих в общем таковы же, как в больших промышленных центрах, вроде Лилля, Амьена или Руана: тесные, грязные, темные, без тени каких-либо удобств. Заработки варьируются: для мужчин от 1 франка 75 сантимов до 2 франков 50 сантимов, изредка до 3 франков; для женщин — 1 франк — 1 франк 25 сантимов, для детей — 60—75 сантимов [58]. Лодевские мануфактуры меньше других страдали от безработицы, так как именно они поставляли сукно военному министерству.

В Каркассонне суконное производство давало работу приблизительно 3000 человек. Почти все они работали вне помещения мануфактур и зарабатывали (большинство) 1 франк 25 сантимов — 1 франк 50 сантимов, немногие — 2 франка 25 сантимов, женщины — около 1 франка 13 сантимов, дети — около 40 сантимов. Так зарабатывали прядильщики. Ткачи получали меньше прядильщиков (80 сантимов — 1 франк 16 сантимов в день; иногда 73—91 сантим в день). Положение их было нищенским, если они в то же время не занимались летом полевыми работами на своей земле. Такова в общем доля рабочего в провинции. Не многим лучше она и в столице.

Шарль Дюпен, академик и знаток экономических отношений своей эпохи, с завистью вспоминает, как русский император Александр I был изумлен, увидев в Лондоне толпу, которая вся была одета прилично, в черные суконные костюмы, хотя состояла она в значительной части из рабочих. Нигде не было гряз-

ных лохмотьев, нигде не было бросающегося в глаза отличия между буржуазией и *«народом»* (*le peuple* — курсив Дюпена), и Александр с удивлением спросил: где же народ? Он не мог себе представить рабочих, вполне прилично одетых, без внешних отличий от остальной прилично одетой публики. Рассказывая об этом, барон Дюпен желает французскому народу того же самого хотя бы в будущем [59].

Говоря о тяжкой доле парижской работницы, барон Шарль Дюпен отмечает, что с 1815 по 1820 г. в дом умалишенных, в Сальпетриере, была принята 2641 женщина. Из этих несчастных, потерявших рассудок женщин, было 104 вышивальщицы, 112 прачек, 735 портних, 247 работниц разных других профессий, 306 поденщиц и всего 4 женщины зажиточных классов [60].

Остановимся теперь на Париже. В начале 1823 г. префектура полиции считала, что к 28 января 1823 г. в Париже существовало 4000 промышленных предприятий всякого рода и всяких размеров (мануфактур, мастерских и пр.) и что эти 4000 предприятий давали работу 244 680 рабочим, что составляло 34% всего населения столицы. Правда, эти подсчеты были лишь приблизительными, и статистические методы префектуры страдали крайним несовершенством [61], но во всяком случае никаких других подсчетов не делалось, и с этими цифрами интересно ознакомиться уже для того, чтобы знать воззрения современников, да еще таких заинтересованных, как правительственные власти, о рабочем населении Парижа.

Жизнь в столице была дороже, чем в провинции. В Париже хлеб лучшего качества стоил в конце апреля 1818 г. 55 сантимов 4 фунта, а похуже качеством — 35 сантимов то же количество. Но рабочие роптали, находя, что эта цена для них тяжела, жаловались на проделки булочников, на то, что правительство покровительствует булочникам «в ущерб несчастным и безработным» [62]. Бывали, конечно, времена, когда рабочие могли надеяться в столице на лучшие заработки. В год полного промышленного подъема, в разгаре кипучего строительного сезона, чернорабочие в Париже отказывались наниматься за меньшую плату, чем 2 франка 30 сантимов — 2 франка 40 сантимов в день. И это считалось большой требовательностью со стороны рабочих, которые пользовались тем, что их не хватало для всех предпринятых тогда работ [63]. Но такие времена бывали редки и непродолжительны.

Закончим наше изложение данными, касающимися некоторых отраслей текстильной промышленности. У нас есть драгоценный материал анкет о хлопчатобумажных заведениях, собранный в 1828—1829 гг. Анкета меньше всего интересовалась вопросом о сколько-нибудь точном выяснении рабочих заработков, ибо составлялась хозяевами и в хозяйских интересах.

К счастью, при выработке программы анкеты о *прядильнях* этот вопрос попал в схему, и мы поэтому имеем несколько ценных точных сведений. Но уже в программе анкеты о *ткацких* мануфактурах этого вопроса нет, а потому нет и данных, нас здесь больше всего занимающих. Мы узнаем из ряда показаний (всего было спрошено 6 хозяев больших мануфактур), что рабочий, выделывающий более тонкие сорта, зарабатывает на $1/3$ больше обыкновенного ткача, но сколько вырабатывает ежедневно обыкновенный ткач — не сказано. Есть довольно сложные и путаные показания о том, во сколько обходится фабриканту штука матерпи и т. п., но ничего из этих данных по интересующему нас вопросу вывести невозможно.

На прядильнях (в хлопчатобумажной промышленности) заработная плата варьировала. На мануфактуре Prince et Poulain в Париже за двенадцатичасовой рабочий день (*непрерывного* труда, т. е. исключая из счета 2 часа, приблизительно, на завтрак и обед) мужчина получал 2 франка 25 сантимов, женщина — 1 франк 20 сантимов, ребенок — 50—75 сантимов. На другой прядильне, в Париже, цены были: для мужчин — 2 франка 25 сантимов, для женщин — 1 франк, для детей — 40 сантимов. На мануфактуре Feray в Эссоне цены были: для мужчин — 3 франка, для женщин — 1 франк 25 сантимов, для детей — 75 сантимов. Вот еще данные за 1828—1829 гг.[64]

Местность	Мужчины	Женщины	Дети
Париж	2 фр. 50 сант.	1 фр. —1 фр. 50 сант.	40—70 сант.
Париж	2 » 50 » —3 фр.	1 фр. 20 сант.—1 фр. 30 сант.	40—70 »
Гувье (деп. Уазы)	3 »	60 сант. —1 »	30—50 »
Париж	2 » 50 » —3 »	1 фр. 20 » —1 » 30 сант.	40—70 »
Париж	2 » 50 » —2 » 75 сант.	1 фр. 25 »	40—60 »
Париж	2 фр. 25 » —3 »	1 » 20 » —1 » 30 сант.	45—75 »
Серне (деп. В. Рейна)	1 » 50 » —2 »	75 » —1 »	30—75 »
Кальмар (то же)	1 » 35 » —2 » 50 сант.	80 » —1 » 10 сант.	50—75 »
Гебвиллер (то же)	1 фр. 40 » —2 »	1 фр. —1 » 20 сант.	40—75 »
Танн (то же)	1 » 50 »	1 »	30—60 »

В общем, должно признать, что, например, в Швейцарии, во многих областях Германии заработная плата была *меньше*, чем во Франции; в Англии — больше. Таково единодушное мнение всех заинтересованных и посторонних наблюдателей.

Тогда было принято — съездить в Англию, отметить в сотый раз контрасты между крайней роскошью и неслыханной нищетой, ужаснуться пред страданиями бирмингемских рабочих, ньюкаслских углекопов, провести параллель между древним рабством и современным рабочим и, вернувшись домой, во Францию, издать книжку соответствующего содержания. Образчиком может служить легковесное произведение барона д'Оссэ, бывшего морским министром при Карле X, который посетил Англию после Июльской революции. Восемь разгонистых страничек, которые он посвятил английским мануфактурам, очень характерны [65]. Ему, как и другим туристам того же типа, и в голову не приходит, что все, что он говорит об Англии, применимо к Франции, с той только разницей, что в Англии рабочих уже перестали сажать в тюрьму за стачки.

Вот как формулировали промышленники разницу в положении дел во Франции и в Англии касательно рабочего труда и вознаграждения: в Англии заработная плата выше, рабочий работает без остановок, у него больше потребностей, и он производит больше, чем французский рабочий [66].

Такова общая картина материального быта рабочего класса во Франции как в провинциальных промышленных центрах, так и в Париже. Мы видим, что и во Франции, как в Англии, второе пятнадцатилетие XIX в. было временем скудных, еле хватавших на полуголодное существование рабочих заработков, нищеты, вечного страха внезапной безработицы; полуголодный люд жмется в зловонных, холодных конурах, живет в самых антигигиеничных условиях. Это — общее впечатление. Факты, противоречащие ему, скорее представляются исключениями, не могущими повлиять на общую оценку положения вещей. Посторонние люди, консерваторы, аристократы, администраторы, вроде префекта Северного департамента, сами удивляются долготерпению рабочих. И в анкете Виллерме мы тоже встречаем те же похвалы рабочему люду: послушны, ими легко управлять, «любят порядок» [67].

В следующих главах мы увидим, что этого долготерпения не всегда и не всюду хватало. Документы, которыми почему-то не интересовались до сих пор исследователи, развернут пред нами картину обширной стачечной борьбы рабочих против хозяев, борьбы, ведшейся рабочими в условиях полного политического бесправия, но не прекращавшейся во весь исследуемый период. Но раньше, чем перейти к стачечному движению, рассмотрим отдельно протесты рабочих против введения машин, так как рассматриваемая эпоха была для Франции именно временем введения машинного производства в сколько-нибудь заметных размерах.

Глава III

МАШИНЫ И БОРЬБА РАБОЧИХ ПРОТИВ ИХ ВВЕДЕНИЯ

Как распространены были во Франции машины в 1814—1830 гг. Экспорт машин. Эмиграция рабочих. «Люддиты» во Франции.

1

Техническая революция в области промышленности, начавшаяся в Англии в конце XVIII в., сравнительно очень мало, вплоть до конца наполеоновской империи, коснулась Франции, как я старался доказать это в своих книгах «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (ч. II) и «Континентальная блокада» *. Но еще до того, как машины стали сколько-нибудь заметно распространяться во Франции, рабочий класс на континенте Европы уже слыхал о грозных для рабочего люда последствиях введения машин и о борьбе, которую английские рабочие пытались вести с машинами. «Люддизм», «люддиты» — эти термины теперь совершенно забыты, а был момент, когда в Англии и на континенте на люддитское движение смотрели кто с надеждами (революционно настроенные элементы), кто с тревогой (консерваторы). Чтобы облегчить читателю понимание борьбы французских рабочих против машин, нужно начинать от истока движения и сказать предварительно несколько слов об Англии.

Это движение было проявлением отчаяния рабочего, который и без того был в бедственном положении, и без того голодал и изнурялся 16 и 17 часами труда, а тут еще он видел пред собой ежечасно грозящий призрак полной безработицы, увольнения с фабрики вследствие замены живой мускульной силы «стальными конкурентами». Исторически оно было осуждено на полную неудачу, так как отказ от достижений технического прогресса был абсолютно немыслим, но психологически люддитское движение вполне понятно и в Англии, и во Франции. Борьба рабочих против эксплуататоров пошла совсем иным путем, ровно ничего общего не имевшим с методами и идеалами люддитов.

---

* См. наст. изд., т. II и III.— *Ред.*

Но в первом и втором десятилетиях XIX в. в Англии, во втором и третьем десятилетиях во Франции люддизм явился ярким выражением боевого настроения, временами охватывавшего отдельные категории рабочего класса.

Термин «люддизм» возник в Англии еще в 1779 г. по довольно случайному поводу. В те времена проживал в одной деревне, в Лестершире, слабоумный Нед Людд, которого часто дразнили уличные мальчишки. Однажды, в ярости гоняясь за одним из своих маленьких мучителей, Нед Людд ворвался в дом, где тот спрятался и, увидев два прядильных станка, изломал их в куски. С тех пор рабочих, ломавших машины, стали — сначала в шутку — называть последователями Людда, «люддитами»; с течением времени термин укоренился, а происхождение его было забыто [1].

В 1811 г. происходили, одинокими вспышками, то там, то сям в промышленных районах Англии нападения рабочих на машины. 4 января 1812 г. возобновилось в обширных размерах уничтожение машин сначала в Ноттингеме, потом в других местах и продолжалось несколько месяцев. Нападения большей частью происходили по ночам и бывали организованы очень осторожно и искусно. Бывало так, что за одну ночь оказывались сломанными до сорока и больше станков [2]. В Иоркшире движение приняло в 1812 г. громадные размеры. Параллельно с уничтожением станков шли поджоги больших машин и строений, где они находились. Правительство усиливало гарнизоны, посылало дозоры, но долго не могло справиться с движением. Целые отряды люддитов переходили по ночам из одного места в другое, десятками разрушая станки. Таинственность и внезапность нападений делали борьбу с ними крайне трудною. Места, где шла борьба с люддитами, напоминали, по словам очевидцев, территорию, где идет война [3].

В Лидсе, Манчестере, Шеффильде в течение всего 1812 г. одно нападение на машины следовало за другим. Люддиты стали все чаще являться компактными вооруженными группами, сопротивляться которым застигнутая врасплох охрана не могла. При разрушении большой фабрики ситцев Даниэля Бертона в Миддльтоне (Манчестер) 2 февраля 1812 г. войска стреляли в люддитов и убили пять человек, ранив гораздо большее количество. 26 апреля 1812 г. люддиты овладели большой прядильней Ро и Денкрофта и сожгли ее до основания со всеми машинами. Они так и мотивировали свой поступок: «за прядение при помощи пара» [4]. Летом 1812 г. несколько человек было убито люддитами в виде мести за борьбу с ними. Власти, держа в тюрьмах несколько человек подозреваемых, никак не могли вынудить у арестованных выдачу тайны их организации, несмотря на все приманки и обещания [5].

При обсуждении во втором чтении в палате лордов внесенного лордом Ливерпулем билля, направленного против луддитов и вводившего смертную казнь за их действия, в четверг, 27 февраля 1812 г., в первый раз выступил с речью лорд Байрон. Мне никогда не попадалась перепечатка этой речи в полных собраниях сочинений поэта, кроме издания Prothero (London, 1898, т. II, стр. 424—430), а между тем она очень характерна для него [6]. Для темы, которой я тут занимаюсь, она интересна потому, что позиция Байрона предрешила для среднего общественного мнения Европы в общем сострадательное отношение к люддизму. Позднейшие историки почему-то забыли об этой речи. Например, Поль Манту знает о байроновской «Песне для луддитов» [7] и, как это ни изумительно, ничего не знает о речи того же Байрона, даже не упоминает об ее существовании! Замечу кстати, что цитируемая Полем Манту песенка относится не к 1811—1812 гг., как он думает, а к 1816 г. [8]

Речь Байрона интересна прежде всего как передача впечатлений современника и очевидца. Он констатирует широчайшую распространенность, всеобщность луддитских выступлений: *все* владельцы станков подвергаются и могут подвергнуться оскорблениям и нападениям, и даже все лица, подозреваемые в близости и в сношениях с ними. За то время, например, какое лорд Байрон лично провел в Ноттингеме, центре люддизма, не проходило 12 часов подряд без нового выступления луддитов,— и накануне его отъезда оттуда 40 станков было разрушено без сопротивления и без открытия виновных [9]. Байрон ядовито указывает, что главное преступление, которое можно инкриминировать арестованным, это — их бедность, так как улик против них нет никаких. Дальше он как бы намечает принципиальную критику машинизма. Машины не только выбрасывают на улицу рабочих, делая их труд излишним, но они производят товар низшего качества, чем прежний, производившийся ручным трудом. Рабочие «по своей глупости» [10] вообразили, будто поддержание работающих бедняков важнее, чем обогащение немногих индивидуумов. Байрон допускает, что возможно представить себе такое положение вещей, когда введение машин не является ущербом для рабочего, но не в данный момент, не в 1812 г., когда (из-за континентальной блокады, конечно) «мануфактурные товары гниют в складах» вследствие отсутствия вывоза.

Конечно, в палате лордов голос Байрона прозвучал совершенно одиноко, и билль против луддитов прошел и стал законом. Речь Байрона в палате лордов и речь сэра Сэмюэля Ромильи в палате общин, при втором чтении, 17 февраля 1812 г., остались, однако, памятны и в Англии, и в континентальной Европе, где с люддизмом пришлось встретиться очень скоро. Когда в 1816 г. снова возобновились в Англии луддитские

выступления, то Байрон писал из Венеции Т. Муру, что он сам хотел бы быть среди рабочих, ломающих машины [11]. Он приравнивает их движение к движению лютеровской реформы (по историческому значению). Примечательно, что для него в 1816—1817 гг. люддизм сделался как бы характерным явлением общего революционного духа, и когда он говорит о «короле Людде», он имеет в виду революцию и собирается сам примкнуть к воинству «короля Людда» [12]. Мы видим, что «властитель дум» тогдашних оппозиционно настроенных поколений сочувствовал люддитам. Во Франции, если не на их защиту, то во всяком случае с горячим словом сочувствия в пользу рабочего, обездоливаемого машиной, выступил историк и экономист Сисмонди. В 1819 г. появился двухтомный труд Симонда де Сисмонди о новых началах политической экономии [13]. В знаменитой седьмой главе второго тома автор ставит ребром вопрос «о населении, ставшем излишним вследствие изобретения машин». Так буквально и названа глава: «De la population rendue superflue par l'invention des machines». Основная идея этой главы такова: всякий раз, как изобретается машина, но не увеличивается одновременно рынок сбыта производимого этой машиной товара, это изобретение есть бедствие для человеческого рода [14].

Сисмонди не очень верит и в благие последствия в смысле удешевления производимых машиной товаров. Он думает, что товары удешевляются машинным прогрессом в арифметической пропорции, а безработица, порождаемая этим прогрессом, растет в геометрической пропорции. Он утверждает, что, разоряя рабочих и уничтожая мелких самостоятельных производителей, машины не могут не сокращать и истощать рынок сбыта, потому что все эти разоряемые люди были потребителями.

Сисмонди не рекомендует вести борьбу против машин люддитским методом, но он полагает, что необходимо прекратить какие бы то ни было награды и поощрения изобретателям, потому что эти изобретения он считает социально опасными, вредными для рабочего класса, который они ввергают в нищету. Никаких привилегий изобретатель не должен получать. Только так можно защитить рабочих от вредной технической культуры современности [15]. Но, конечно, сам автор понимает всю призрачность подобной борьбы против машинизма, и его конечный вывод,— что, действительно, средства при существующем строе против этого зла нет [16]. Та же теоретическая и практическая беспомощность в вопросе о машинах, о возможности и способах борьбы с ними сопровождала Сисмонди до конца дней его. В его «Etudes sur l'économie politique» (изд. 1838 г.) мы встречаем те же рассуждения о необходимости прекратить награды изобретателям [17], о желательности «отвратить большие капиталы от промышленных предприятий» [18] и т. д.

Идеи Сисмонди были решительно отвергнуты. С ним боролись «буржуазные экономисты», вроде Ж.-Б. Сэя, к нему не примкнули и сен-симонисты. Но впечатление, и довольно сильное, он все же произвел. С его возражениями стали считаться; явилась потребность смягчить и ограничить указания Сисмонди на антигуманные последствия введения машин.

Решительнейшие защитники машин, уверенные даже в том, что *в конечном счете* при машинном производстве потребуется не меньше, а больше рабочих рук и ссылающиеся при этом на пример Англии, тем не менее соглашаются, что самое введение машин сопряжено для рабочего класса с очень большими испытаниями и лишениями, и они не находят ничего лучшего, как советовать рабочим смириться перед настоящим и надеяться на будущее [19].

У такого внимательного, хотя слишком оптимистического и «благодушного» наблюдателя, как Виллерме, сложилось убеждение, что роковая для рабочего роль машины сказывается только в момент введения машины и что «вскоре» (bientôt) безработные, вытолкнутые машиной из фабрики, получают вновь работу, что вообще с введением машин *умножается* число мануфактур. В виде примера он приводит один из самых промышленных районов Франции — департамент Соммы: общее число промышленных заведений увеличилось там с 1792 по 1836 г. с 1081 до 2007. Он утверждает, что аналогичные явления встречаются повсюду, «и это несмотря на разорение и постепенное уничтожение маленьких предприятий, которые заменяются большими» [20]. Таким образом, безработица при введении машин есть зло лишь временное [21]. Нужно сказать, что введение машин учитывалось тогда и хозяевами, и властями также как такое обстоятельство, которое сильно облегчает борьбу со стачками.

Введение машин «делает бессильной злонамеренность рабочих», потому что рабочие уже не так необходимы для производства и их теперь без труда можно заменять людьми новыми и малоопытными без вреда для хорошей фабрикации. «Прежде» хозяева часто были во власти своих рабочих, «теперь» машины позволяют хозяевам обойтись без помощи тех, кто будет выставлять преувеличенные требования [22].

Вообще, даже признавая, что машины сплошь и рядом оставляют рабочего без куска хлеба, экономисты и практики, как бы убеждая себя и других, не переставали повторять, что средины нет, что либо нужно вводить машины, либо вообще отказаться от мысли завести у себя промышленность; что выгоды машин колоссальны, что тот народ, который не введет у себя машин, будет забит иностранной конкуренцией [23] и т. д. Та же самая мысль о том, что торжество машин не подлежит никакому оспариванию, повторяется у экономиста Бланки [24], и, однако, он же

еще зимой 1837 г., читая курс политической экономии, считает себя вынужденным целые лекции посвящать принципиальной защите машины и полемике против Сисмонди.

Нужно учитывать еще один момент, очень способствовавший прекращению споров о машинах по существу. С конца второго, а особенно с начала третьего десятилетия XIX в. английский торговый баланс не переставал возбуждать удивление и зависть государственных деятелей и экономистов континентальной Европы. Когда оказалось, что (переводя на французскую монету) Англия в 1820 г. ввезла к себе хлопка в сырье на 108 миллионов франков, а вывезла на 27 миллионов и, сверх того, вывезла хлопчатобумажных *материй* на 402 миллиона, т. е. в общей сложности заработала на хлопчатобумажной промышленности 321 миллион, и что в серьезной степени эти изумительные результаты объясняются именно машинами,— во Франции впечатление было огромное. Вообще Реставрация была для французов временем пессимистических гаданий о будущем и настоящем экономическом соперничестве с Англией [25]; эти цифры серьезно обосновывали пессимизм.

2

История введения машинного производства во Франции никогда и никем не только не была написана, но не была даже и затронута.

Впрочем, для того первоначального периода, которым мы тут занимаемся, может быть, нет и возможности написать такую историю. Нам, занимающимся тут историей рабочего класса в точном смысле слова, хотелось бы установить прежде всего хоть приблизительно степень распространенности машин в первой трети XIX в. Даже и на этот, самый общий вопрос наши документы дают довольно скупые ответы. О цифровых данных и речи нет; общее же впечатление современников и близко стоявших лиц было такое: до 30-х годов XIX в. машины были все-таки новшеством, исключением, а не правилом — вводились лишь в немногих отраслях производства. Страна мелкого предпринимателя, мелкого капитала, Франция не очень быстро могла превращаться в страну машинного производства. Вот в каких выражениях жюри на выставке 1854 г. подводило итоги успехам машинизации французской промышленности за рассматриваемый период: «Уже 15 лет как фабрикация машин во Франции заняла в высокой степени важное место. Не только со все возрастающей быстротой размножились мастерские для постройки их, но их снабдили все улучшающимися средствами производства. Чувство точности постоянно вело к усовершенствованию в исполнении работ. Классические труды относительно примене-

ния геометрии и механики к ремеслам и промышленности распространили теоретические познания, необходимые для практики. Это просвещение распространялось между начальниками и их помощниками в мастерских и мануфактурах так же, как и между простыми рабочими. Некоторые из этих рабочих при помощи этого нового научного просвещения продолжали быстрый путь; таков замечательный прогресс, который мы можем констатировать и который лучше освещает результаты торговли машинами». Уже в конце 20-х и в начале 30-х годов Франция ввозила и вывозила машин, нужных для промышленности, на довольно значительную по тому времени сумму. Вот цифры, даваемые жюри [26]:

Год	Ввезено машин на сумму	Вывезено машин на сумму
1820	357 500 фр.	216 500 фр.
1823	842 486 »	566 436 »
1827	1 045 293 »	1 319 303 »
1833	797 876 »	1 668 376 »

Нужно сказать, что вывозились из Франции больше просто ручные станки, названные в этой статистике «машинами».

Во всяком случае Англия представлялась французам в течение всего этого периода страной недосягаемых технических чудес.

В конце 1814 г. Жан-Батист Сэй путешествует по Англии и не может прийти в себя от удивления, видя всюду, во всех отраслях промышленности, громадную распространенность машин. Вообще, чтобы хорошо понять всю разницу между Англией и Францией в начале изучаемого нами периода, непременно нужно почитать его маленькую статью «Об Англии и англичанах». Знаменитый уже тогда экономист, друг Рикардо, почти потрясен чудом, которое он видит всюду в угольных районах, около Ньюкасла, около Лидса: паровые машины везут уголь! Сами по себе без помощи четвероногих [27]. Светило французской экономической науки так этому удивляется, как если бы приехал не из Франции, а из Афганистана. Впрочем, и для Англии перевозка грузов паровыми машинами была еще недавним явлением в 1814 г. Во Франции об этом даже понятия не имели. Движение вагонов по рельсам, но при помощи лошадей, а не пара началось во Франции в 1822 г. на линии в 28 километров, между Андрезье и Сент-Этьенном. В 1826—1828 гг. открылись еще две небольшие линии. Но это нововведение, как, впрочем, и в Англии, касалось вначале исключительно перевозки угля.

Вспоминая недавние годы, генеральный совет Нижней Сены утверждал в 1826 г., что машины стали во Франции особенно распространяться именно после падения Империи [28].

Парламентская комиссия, рассматривавшая в 1824 г. бюджет на 1825 г., между прочим, выразилась в своем докладе так: «Большие города Франции кишат хорошими школами и хорошими механическими моделями». Но Шарль Дюпен, академик и очень компетентный человек, немедленно же печатно опроверг это мнение, категорически настаивая на его фактической ложности [29]. *Где* эти французские города, которые «кишат» хорошими моделями, паровыми машинами, пароходами, гидравлическими прессами, железными путями, ткацкими станками, которые бы двигались *не* живой силой? Ничего подобного, по решительному утверждению Дюпена, нет. Что же касается технического обучения, то он просит указать ему хоть *одно* заведение, где бы объяснялись механические усовершенствования и машины. Дюпен иллюстрирует французскую техническую отсталость сравнением французского и английского вывоза хлопчатобумажных материй: англичане их ежегодно вывозят на 400 миллионов франков, а французы — на 50 миллионов.

В 1827 г. генеральный совет Нижней Сены с удовлетворением отмечает усиление парового машинного производства на фабриках департамента, особенно близ Руана. Но эти новые заведения страдают от дороговизны необходимого им топлива — каменного угля. Уголь идет с севера, из Монса, морем, через Дюнкирхен и порты Нормандии, и все это обходится очень дорого; между тем потребление угля в департаменте *колоссально*, и уголь уже является для экономической жизни департамента *предметом первой необходимости* [30]. Даже к концу рассматриваемого периода в некоторых областях производства, например в белении хлопчатобумажных тканей, французы совсем не пользовались сложнейшими и очень дорогими машинами, которые в Англии были уже несколько лет в полном ходу. Основной причиной этого отсутствия машин был недостаток свободных капиталов, которыми располагала французская промышленность; так заявляли мануфактуристы во время анкеты 1828—1829 гг. И они, в самом деле, были правы. Машины выписывались из Англии; Франция еще почти вовсе не умела их делать. Сколько-нибудь сложные машины ни один французский механик и не взялся бы тогда строить. Но обходились эти английские машины французам необычайно дорого. Вот примеры. Паровая машина в 10 лошадиных сил в Англии, в 1828 г., стоила 16 000 франков. Та же машина, привезенная в Кале или Гавр из Англии, стоила 20 750 франков. Машина в 20 лошадиных сил стоила в Англии 17 875 франков, а в Гавре или Кале — 35 000 франков и т. д. во все увеличивающейся пропорции вздорожания. Чем больше была машина, тем непомернее увеличивалась разница между ценой ее в Англии и во Франции [31]. Оборудование прядилен и ткацких заведений стальными машинами и станками обхо-

дилось во Франции гораздо дороже, чем в Англии, вследствие дороговизны руды (импорт во Францию иностранной руды был затруднен, особенно с 1823 г., высокими пошлинами). Разбогатели владельцы лесов, владельцы рудников, но все отрасли промышленности, нуждающиеся в машинах, пострадали. В Англии оборудование и устройство прядильни с 15 000 спицами (broches) стоит 325 000 франков, а во Франции — 500 000 франков [32]. Это все, во-первых, мешало распространению машинного производства, во вторых, требовало больших расходов на амортизацию затраченного капитала и повышало цены на товар. В частности, паровая машина системы Больтона и Уатта в 30 лошадиных сил, стоившая английскому владельцу бумагопрядильни 35 000 франков, французскому стоила 55 000 [33].

3

Итак, о конкуренции машинного производства Франции с машинным производством Англии речи быть не может. Но документы познакомили меня с совершенно новым фактом, весьма важным для уяснения реального положения вещей: были страны, которые стояли настолько же ниже Франции в смысле машинной техники, насколько Франция стояла ниже Англии, и эти страны делали упорные попытки обзавестись образцами уже имевшихся во Франции машин, сманить к себе французских квалифицированных рабочих и этим путем получить экономическую самостоятельность. Без анализа этих документов не вполне ясно положение рабочего класса в описываемый период. Мало того: мы увидим, что и Англия делала попытки заполучить из Франции промышленные секреты (и машины!) в единственной области производства, где Франции принадлежало бесспорное первенство,— в области шелковой промышленности. Но, конечно, более отсталые страны прибегали чаще к этим приемам.

Вот иллюстрации этого любопытного явления, найденные мной в документах. Располагая их хронологически, мы можем убедиться, что попытки иностранцев воспользоваться французскими навыками и французскими машинами не прекращаются в течение всего изучаемого периода. Заметим, что, по широко распространенному мнению, до сведения властей доходил лишь ничтожный процент подобных дел. Остальные не оставили никаких документальных следов. Страны, еще более отсталые в промышленном отношении, чем Франция, старались получить из Франции контрабандным путем кое-какие из машин и механических станков, какие уже имелись во Франции. Но, как и при старом режиме, как и при Революции, как и при Наполеоне, вывоз машин был воспрещен во Франции (в последний

раз законом 27 марта 1817 г.), и против контрабандного вывоза принимались весьма решительные меры. Испания, северная Италия очень домогались получения из Франции нужных им машин и моделей, и власти пограничных французских департаментов бдительно следили за подозрительными грузами и возчиками, пробиравшимися к границе. Так, провалилась попытка переправить тайком 32 больших ящика, в которых были части 21 *дженни*, купленных в Амьене, Руане и Париже. Это произошло в июле 1819 г. Но и до, и после таких попыток в несколько меньших размерах можно насчитать не одну и не две [34].

И не только текстильные рабочие сманивались за границу. В первые годы Реставрации случаи сманивания рабочих-стекольщиков за границу встречаются беспрестанно. Префект Восточных Пиренеев зорко следил за переходом стекольщиков в Испанию, так как именно тогда в Каталонии делались попытки восстановить некогда там процветавшее стекольное производство. Рабочие задерживались и им давались проходные свидетельства (feuilles de route) для возвращения на работу, а лица, через которых шел тайный наем этих рабочих, арестовывались и предавались в руки прокуратуры. Сманивались главным образом не только рабочие-стекольщики, но и лионские шелкоделы [35], и амьенские прядильщики, и ткачи как по производству шелкового бархата, так и бумажного бархата. Эти ткачи и прядильщики ценились выше и за ними даже посылались из Испании и других стран специальные агенты для найма и тайной переправы их за границу. Условия были очень заманчивые, на 75%, иногда даже вдвое (по цифре вознаграждения) превосходившие французскую заработную плату. Сверх того, 150—160 франков давались на руки, на путевые расходы, что также было по ценам того времени очень щедрой выдачей [36]. Как хозяева, так и власти самым деятельным образом боролись против этого сманивания. Дела, сколько-нибудь оформленные уже после первоначальных дознаний, доводились немедленно до сведения министра внутренних дел; шла переписка с французскими консулами за границей с целью посодействовать возвращению уже попавших за границу рабочих; арестовывались агенты, нанимавшие тайно рабочих; перехватывалась корреспонденция между рабочими ушедшими и их оставшимися дома товарищами, и эти письма в копии доставлялись в Париж министру и т. д.

Испанские промышленники старались также получить из Франции усовершенствованные станки для обработки шерсти и выделки сукон. Эта стародавняя, некогда пышно процветавшая испанская индустрия пришла в упадок уже в XVII, а особенно в XVIII в., и стремление получить из Англии и Франции нужные станки было одним из проявлений духа предприимчивости, обнаружившегося в Каталонии после избавления от На-

полеона. Контрабандный вывоз этих станков из Франции принял обширные размеры. В пограничных и близких от границы местах, в Каркассоне и в Лиму образовались целые тайные склады станков, которые сюда свозились и тут, при удобной оказии, переправлялись через границу. В этих складах станки, так сказать, ждали своей очереди. Во Франции с тревогой отмечали усиление каталонского шерстяного производства и параллельно идущее уменьшение французского сбыта в Испанию [37]. Станки иногда арестовывались при переправе [38], но контрабанда продолжалась, особенно обостряясь и увеличиваясь, когда в Каталонии готовилось открытие новой суконной мануфактуры [39]. Вместе с машинами тайно переправлялись и рабочие [40]. «Переправка в Испанию машин для фабрикации сукон продолжается, несмотря на меры, предпринимаемые администрацией с целью помешать ей»,— доносит в начале марта 1817 г. префект Восточных Пиренеев [41].

Испанцы, однако, усердно боролись за насаждение у себя обрабатывающей промышленности. «Это зрелище новое»,— с неудовольствием замечали французские власти, говоря о том, как испанская промышленность хочет использовать французский опыт [42]. Летом 1817 г. два испанских негоцианта прибыли в Амьен и тут наняли, для переселения в Испанию, нескольких рабочих бумагопрядильных мануфактур на выгодных для нанимаемых условиях. Тогда другие рабочие в Амьене стали «грозить» фабрикантам своим уходом в Испанию. Конечно, доносящий об этом деле префект Соммы нарочно употребляет слово *«грозить»*, чтобы оправдать свой образ действий, так как *говорить* о своем отъезде в Испанию рабочие могли смело, не нарушая никакого закона. Решено было «воспрепятствовать этой эмиграции, которая вредна для французской промышленности». Сказано — сделано: уже выданные было паспорта были у рабочих отняты, а нанимателям дано было знать, что выезд рабочим воспрещен [43]. Три ассортимента суконодельных машин были арестованы властями перед их переправой в Испанию и возвращены владельцам, которые именно и хотели их продать в Испанию. Прошло продолжительное время, и, «несмотря на все предосторожности», эти же машины были в июле 1818 г. морем отправлены в Каталонию. Экспедиция произошла ночью, машины были под эскортом 40 человек, вооруженных ружьями. Произошла перестрелка, один из таможенных чиновников был взят в плен контрабандистами — и машины благополучно отплыли по назначению, «к большому ущербу для французской промышленности»,— добавляет префект Восточных Пиренеев в своей реляции [44].

Когда политические отношения или местные отношения французского консула с властями были для этого благоприятны,

то случалось и так, что консул арестовывал уже на месте французских рабочих и отправлял их во Францию,— конечно, если по условиям места возможно было арестованных поскорее посадить на французское судно и увезти, потому что отправлять их под конвоем *испанской* полиции было бы совсем неисполнимо. Так, осенью 1819 г. французский консул в Барселоне арестовал двух французских стекольщиков и отправил их морем в Марсель. Сделал он это, не имея на то, разумеется, ни малейшего права, а просто дав, вероятно, взятку барселонской полиции, как это часто тогда делалось в Испании. Мотивирует же он свой поступок пред французским правительством весьма точно и откровенно: он хотел воспрепятствовать развитию в Испании стекольного производства, так как это могло бы повредить интересам французской промышленности [45].

Не только Испания, но и Италия нуждалась во французских рабочих. В марте 1819 г. внимание полиции было привлечено русским князем Долгоруким, который через особых эмиссаров сманивал рабочих лионских шелковых мануфактур. Это дело облегчалось для князя тем обстоятельством, что, по признанию самих французов, в Лионе как раз тогда была безработица и «соблазнить при помощи нескольких экю» страдающих рабочих было весьма возможно [46]. Спустя четыре с лишком года, в конце 1823 г., граф Демидов нанимал много рабочих и механиков, нужных ему для его заводов [47], и полиция следила в 1823—1824 гг. не только за его агентами, но и за агентами русского правительства, бароном Нейдгардтом и бароном Шиллингом, которые прибыли для тайной закупки механических станков [48]. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1824 г., отмечается прибытие новых русских агентов для закупки машин и сманивания квалифицированных рабочих, и тут же констатируется существование в Москве суконных мануфактур, которые соперничают с немецкими и «несомненно» достигнут совершенства французской выделки [49].

С начала 20-х годов англичане не перестают активно насаждать у себя шелковое производство. В начале июня 1824 г. полиция, узнав, что некоторые лионские рабочие тайно наняты англичанами и что англичане собираются также перевезти в Англию некоторые усовершенствованные шелкоткацкие станки, арестовала эти станки в тот момент, когда они уже грузились на английское судно в Кале. Что касается рабочих, то было установлено в портах наблюдение, чтобы изловить их и не дать возможности уехать из Франции [50]. Двое рабочих было арестовано действительно 15 июня того же 1824 г. Их показания дали возможность открыть и задержать еще тюки со станками [51].

Шелковая фабрика, открытая в Манчестере двумя французами (Depouilly и Hourtier), которым все-таки удалось перевез-

ти несколько станков системы Жаккара, возбуждала большое внимание со стороны Лионской торговой палаты, которая жаловалась на этот поступок (открытие фабрики в Англии) как на государственную измену и ходатайствовала о новых законах против зла [52]. Англия старалась заполучить квалифицированных лионских рабочих для своих возникающих шелковых мануфактур [53]. Нуждались англичане и в рабочих фарфоровых мануфактур [54], но прежде всего и больше всего в перенесении к себе лионского искусства. В Кале время от времени арестовывались ящики с машинами Жаккара и иными лионскими станками, которые контрабандным путем переправлялись в Англию. В 1824 г. хозяину специальной мастерской, фабриковавшей станки в Лионе, Мармэну, удалось всякими правдами и неправдами, без заграничного паспорта, пробраться в Англию и установить там на одной английской мануфактуре 50 своих станков. В общем же, англичане в этом только году собирались получить для одного лишь Манчестера 150 станков [55].

Середина 20-х годов — вот эпоха особенно упорных попыток Англии перенять лионские секреты и акклиматизировать у себя лионские станки, единственные механические приспособления, которые во Франции были лучше, чем в Англии.

После дела Мармэна англичанам удалось в 1825 и 1826 гг. заполучить еще и лионские станки и лионских квалифицированных рабочих. Вывозятся машины Жаккара, нанимаются и переправляются рабочие. Полиция и прокуратура деятельно борются с этим время от времени, когда им удается установить более или менее точно юридическую природу тех или иных поступков. Это было не всегда возможно. Времена полного господства административного усмотрения в таможенных делах прошли, и нельзя было пускать в ход те средства, которые ежедневно практиковались при Наполеоне. И особенная осторожность была уместна там, где в такой серьезной степени замешаны были интересы британских подданных [56],— ведь даже английский посол лорд Гренвиль деятельно помогал переправе французских рабочих в Англию [57].

В самом конце 1824 г. французский консул в Валенсии (в Испании) сообщил, что некоторые французские подданные собираются учредить в этом городе шелковую мануфактуру, которая может «существенно повредить сбыту в Испании произведений города Лиона», и что во главе дела стоит француз Комб-Сиес, который под разными ложными предлогами нанимает во Франции нужных ему рабочих. Комб-Сиес отправляется (по секретно полученным сведениям) в Лондон, чтобы привлечь английских капиталистов и заинтересовать их в своем предприятии, но по дороге он проедет чрез Лион и там будет стараться раздобыть себе как рабочих, так и станки системы Жаккара,—

и вот французские власти пересылают друг другу в спешном порядке приметы этого Комба-Сиеса, устраивают систематические наблюдения за ним, секретно передавая дело слежки за Комбом-Сиесом друг другу и т. д. И даже министру внутренних дел тоже сообщается на всякий случай, что у Комба-Сиеса подбородок — круглый, рот — средний, голова — лысая, а брови — темно-каштанового цвета [58]. Все это длится месяцами. В конце концов он был схвачен при проезде через Лион и так перепугался, что поклялся разбить свои станки на глазах у французского консула в Валенсии, как только его выпустят и он вернется домой. Но из Лиона его все же немедленно выслали. Чтобы доказать свою безвредность для лионской шелковой промышленности, Комб-Сиес утверждал, что он вообще занимается только первоначальной обработкой сырца — не более [59]. Все это дело очень характерно для эпохи.

Лионская торговая палата и лионские власти не переставали указывать, что необходима решительная борьба со всеми этими попытками перенести лионское искусство за границу. От этой борьбы зависит благосостояние и даже *спокойствие* города, рабочее население которого все возрастает и вовсе не всегда обеспечено заработком. А между тем Лион — гнездо революционеров, «один из главных очагов революционных интриг» [60]. Значит, речь идет о том, чтобы рабочие стали неподатливы пропаганде.

Но вот снова нужно думать о русских нанимателях. В августе 1826 г. в Седан, один из центров выделки тонких сукон во Франции, прибыл русский купец, владелец шерстяной мануфактуры в Киевской губернии, Головинский, и за очень хорошую плату нанял нескольких седанских рабочих, которые должны были отправиться с ним в Россию. Префект, установивший полицейское наблюдение за Головинским, спрашивает министра, как быть? Выдать ли паспорта, испрашиваемые нанятыми рабочими для поездки в Россию? Министр кладет такую резолюцию [61]: отказать. По закону нельзя; но вот, если бы доказать факт сманивания, l'embauchage, тогда можно было бы начать уголовное преследование против Головинского. Но ничего не вышло: рабочие на все вопросы очень осторожно отвечали, что они хотят попутешествовать, чтобы усовершенствоваться [62] и т. д., и никак их нельзя было сбить и извлечь опасное слово. Очевидно, они раньше выучили им данный урок,— с горечью уведомляет префект его превосходительство [63].

В Пьемонт также старались залучить французских рабочих, давая им вознаграждение в 5 франков в день (почти немыслимое в тогдашней Франции) и обещая иные блага. Звали туда металлургов, пуговочников, гребенщиков. Конечно, как и другие страны, Италия старалась завербовать самых лучших, квалифи-

цированных, известных в округе рабочих. Например, в Турине уже в 1824 г. могла открыться большая мануфактура по выделке гребней, где, между прочим, работали ушедшие из Франции рабочие (до *тридцати* человек) [64]. Попытки сообщить модели или усовершенствования из Франции в Нидерланды, Швейцарию, Германию тоже отмечаются, но, конечно, несравненно реже [65]. Есть случай приглашения 158 рабочих разных специальностей в Техас (наивно помещаемый мэром г. Бордо в *Южной* Америке) [66]; отмечаются эмиссары из Бразилии [67], из Соединенных Штатов [68]. Но эти указания единичны.

На эмиграцию рабочих — даже если не было речи о рабочих квалифицированных — власти в эту эпоху смотрели принципиально как на пагубную манию и всеми мерами с ней боролись. Жандармерия охотилась по полям и на границах за рабочими, желающими ускользнуть из Франции без паспорта, а получить паспорт было крайне нелегко [69].

Вообще говоря, преследования за сманивание рабочих за границу были с юридической стороны весьма мало обоснованы, и административное усмотрение играло в данном случае часто решающую роль. Сманить трех рабочих, выделывающих бумажный бархат, и перевезти их из Амьена в Испанию — преступно. Но преступно ли нанять туда *одного* рабочего? И нужно ли еще доказывать, что человек нанял этого одного рабочего с целью повредить французской промышленности? и т. д. Все эти вопросы постоянно мне попадались в документах, сюда относящихся [70]. По тем же соображениям, даже когда рабочий просто желал эмигрировать, ища лучшего будущего, то ему давали паспорт лишь по внимательном рассмотрении, не будет ли это вредно для французской торговли и промышленности [71]. Дело доходило даже до административных курьезов. Так, в Бельгии, в Турне, производятся большие фортификационные работы, за которые платят очень хорошо. Французские рабочие, которые нанимаются на эти работы, возвращаются потом во Францию и тут тратят свой заработок. Все это, по заявлению французских властей, не только не вредно для Франции, но, *«напротив»*, полезно. А поэтому... паспорта рабочим, желающим ехать на эти работы, все-таки не выдаются, и рабочие должны хитрить, делать вид, будто они едут только в Лилль [72] и другие пограничные места, и оттуда уже всякими правдами и неправдами переходят границу. Каков в данном случае смысл этого запрета? Неизвестно. А между тем рабочие довольно охотно эмигрировали (хотя ни до, ни после этого периода данное явление во Франции почти не замечалось).

Когда египетский паша в 1818 г. и несколько раньше стал усиленно приглашать в Египет иностранных мануфактуристов и рабочих, то *большая часть* рабочих оказалась прибывшей из

Франции (прядильщики, суконщики, рабочие рафинадных заводов, сахарных, мыловаренных) [73].

В конце лета 1826 г. неоднократно отмечалась усиленная эмиграция парижских рабочих в Америку [74], хотя, вообще говоря, Франция никогда, уже со второй половины XVIII в., не была в числе стран, откуда являлись эмигранты в Новый Свет. Эмигранты направлялись больше всего в Буэнос-Айрес и вообще в страны Южной Америки [75]. С наступлением холодного времени эта эмиграция, характерная для 1826 г., еще более усилилась [76]. Эмиграция в Южную Америку была явлением, проявлявшимся не только в Париже. Из одного только Бордо и только с января до средины августа 1826 г. изъявило желание выехать в Буэнос-Айрес 250 человек как земледельцев, так и рабочих [77].

4

Но эмиграция не развилась в таких размерах, чтобы можно было смотреть на нее как на сколько-нибудь серьезный фактор, влиявший на общее положение рабочего класса во Франции. В трудной жизни среднего рабочего в период 1814—1830—1831 гг. в центре всех забот и тревог стоял вопрос о всегда грозящей общей или частичной безработице. И как раз в эти годы машины начали проникать во Францию. Явления, получившие в Англии наименование «люддизм», начались и во Франции. Но во Франции эта борьба имела несравненно более скромный характер и не приобрела ни разу таких грандиозных размеров, как в Англии. Вот случаи, память о которых осталась в документах. (И тут тоже нужно помнить, что кое-какие волнения ликвидировались местными властями так быстро, что не всегда считалось уместным доносить о них в Париж).

Борьба против машин еще в самом начале Реставрации была явлением новым; во Франции власти даже с самодовольством отмечали, что это только в Англии, а не у них рабочий народ ломает машины. Осенью в 1816 г. в Париже были получены тревожные вести, что со всех концов королевства, а особенно из Нормандии, в Париж стекаются рабочие башмачных мастерских с целью общими силами уничтожить большую парижскую башмачную мануфактуру, недавно там открытую и обладавшую некоторыми новыми приспособлениями (la manufacture de souliers sans couture). По ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что рабочие действительно стекаются в Париж, но лишь за тем, чтобы найти себе заработок; а, может быть, они почему-либо просто не решились осуществить свое намерение. Так или иначе, префект парижской полиции с удовлетворением замечает, что во Франции не ломают станков, как в Англии, и даже по

этому поводу предается общим размышлениям о решительных различиях, существующих между обоими народами [78].

В Лилле 23 января 1817 г. рабочие бумагопрядилен собрались для выработки петиции к властям о воспрещении введения машин. Собрание было рассеяно полицией [79]. Пильщики дров в Париже летом 1817 г. предприняли борьбу против машин для распилки дров. Изобретатель ее Лефевр, еще при Наполеоне начавший свои удачные опыты, установил свою машину на Шарантонской улице и в Сент-Антуанском предместье. Тотчас же обнаружилось, что и в качественном, и количественном отношении ручной труд не может соперничать с этим изобретением. Рабочие, особенно Сент-Антуанского предместья, были настолько раздражены появлением новой машины, что громко стали говорить об ее насильственном уничтожении, тем более что машина распространилась среди лесопильных предприятий чрезвычайно широко. Изобретатель, прося защиты у властей, приводит это движение в прямую связь с английскими луддитами, как раз тогда громившими машины [80]. Лефевр боится за сохранность и своего заведения, и других лесопилен, подчеркивая (в буквальном смысле: толстой чернильной чертой), что вокруг работы в его заведении и других лесопильнях кормится много «отцов семейств» [81].

С своей стороны, рабочие, спустя три дня после Лефевра, тоже обратились к властям с жалобой, указывая на вред, который им приносят машины в лесопильном деле. Даже двух комиссаров полиции рабочие побудили поддержать их просьбу, как бы свидетельствуя тем самым, что они не намерены нарушать порядок и спокойствие. Комиссарам за это досталось от их начальства, а рабочим было отвечено, что просьба их уважена быть не может. Но угрозы продолжались, а власти приняли специальные меры к охранению машин на лесопильнях от грозящей им опасности насильственного уничтожения [82].

В г. Клермоне (департамент Эро) в январе 1818 г. безработные рабочие расклеили писаные прокламации, в которых, во-первых, требовали, чтобы хозяева дали работу безработным, и, во-вторых, угрожали разрушить машины, которые в самом деле — замечает префект — усилили безработицу. Расследование установило, что дело шло о «восстании» против хозяев (?), комбинированном с таким же движением в соседнем Лодеве, куда должны были отправиться эмиссары из Клермона [83]. Последовали аресты, и дело было пресечено в зародыше.

В Гренобле в начале 1819 г. еще только ожидается прибытие чесальной машины, но рабочие-суконщики уже объяты большим волнением. Сборища по 300 рабочих и более постоянно организуются за городом. Власти, впрочем, не скрывают своего беспокойства: они отдают себе отчет, что прибытие машины

лишит куска хлеба 65 хозяев мастерских, из коих каждый, в среднем, давал работу четырем рабочим семьям. Намерение рабочих вполне определенное: разбить машину, когда она прибудет в Гренобль. Префект Изеры явно, в душе, сочувствует рабочим [84].

Двое фабрикантов сукон в г. Вьенне (департамент Изер) вознамерились в январе 1819 г. выписать из Парижа машину, которая должна была принести их мануфактурам большую экономию на заработной плате. 18 января 200 рабочих собрались за городом на совещание, а оттуда с криками: «Долой машину! Да здравствует король!» — пошли к мэру города. Мэр заявил, что не может с ними говорить, пока толпа не разойдется. Толпа разошлась [85]. Спустя три дня рабочие вновь собрались за городом, но снова разошлись по требованию властей. Рабочие-стригальщики, которых это ближе всего касалось, подали после этого петицию мэру, в которой они указывают на гибельное для них значение машины [86]. Местные власти, уверяя свое начальство в том, что у них есть средства подавить рабочие волнения, в то же время сочли благоразумным пригласить к себе владельцев мануфактур и советовали им не торопиться с введением машин: «есть основание думать, что они (фабриканты) уважат столь разумную просьбу» [87].

В феврале 1819 г. та же история в Вьенне (департамент Изер): среди рабочих волнения по поводу сукнострижной машины, которую выписали из Парижа владельцы большой мануфактуры. Машину ждут, о машине, ее возможном прибытии, сроках прибытия, меняющихся по ее поводу настроениях летят в Париж донесения за донесениями от префекта Изеры к министру внутренних дел [88]. От владельцев власти требуют точного указания дня и *часа* прибытия машины в город, ибо к этому моменту нужно приготовить драгунский полк для встречи и охраны этой «прибывшей». Драгуны выходят за город, чтобы эскортировать машину еще до вступления ее в Вьенну. И несмотря на все предосторожности, драгуны как-то на четверть часа задержались, и рабочие уже начали разбивать машину камнями. Драгуны бросились на толпу и вскоре (будто бы в ответ на выстрелы из толпы) дали залп. Толпа рассеялась. Очень видную роль в нападении на машину играли женщины-работницы [89]. Машина была, наконец, доставлена в здание мануфактуры. После этого пришлось выписывать спешно новые войсковые части из соседнего Лиона. В общем, брожение по поводу этой машины, если считать от начала его, совпавшего с первыми слухами, и вплоть до описанного кровопролития, продолжалось до *шести недель* [90]. До 200 рабочих из числа участвовавших в нападении на машину составляли, по-видимому, основное ядро, вокруг которого группировались остальные. Аресты среди рабо-

чих начались тотчас же после нападения на машину и продолжались несколько дней подряд [91]. Но с начала марта машина водворена на вьеннской мануфактуре, и рабочие покорились своей участи. Правда, хотя войска и были вызваны из Лиона для охраны порядка, но им в марте велено было вернуться в Лион, а для сохранности машины оставлено было 80 человек пехоты, и местные власти вообще выразили желание, чтобы две роты постоянно пребывали в городе, мотивируется это хитростью и упорством врагов машины (tant d'astuce et de ténacité).

Аресты рабочих продолжались, по-видимому, все время, хотя многие из тех, кого хотели арестовать, бежали, по сведениям властей, из города. Но так как за несколько дней до прибытия машины полиция отобрала все бумаги у всех не местного происхождения рабочих, а за местными установила наблюдение, то погоня этим была облегчена. Власти непременно хотели в данном случае «суровой репрессии» против тех, кто окажется виновными [92]. Волнения в Вьенне были так продолжительны и велики, что слухи о них достигли Марселя, и здесь рабочие тоже были взволнованы и говорили угрожающие речи против введения машин [93].

В апреле 1819 г. Севен, директор фабрики, имевшей чесальную и режущую шерсть машину (так называвшуюся в те времена Grande Tondeuse), счел более осторожным, ввиду настроения рабочих, отказаться от установки своей машины в Каркассонне и перевез ее в Лиму (Limoux). Но предварительно префект департамента принял ряд предосторожностей, чтобы оградить машину от покушений, о чем и списался с министром внутренних дел, который по своей инициативе в апреле же запросил, правда ли, что среди рабочих царит волнение по поводу машины [94]. Но хотя префект весьма оптимистично отнесся к действенности принятых им мер, тем не менее министр оказался прозорливее. Сам префект должен был сознаться, что «рабочие страдают» от этой машины, что они лишены ею куска хлеба, что они намерены обратиться к министру с указанием на свое несчастное положение [95].

Рабочие волнения по поводу этой машины вспыхнули 1 июля 1819 г. Фабрикант шерстяных материй в г. Лиму послал партию шерсти для предварительной обработки на фабрику Севена, где была машина. Тогда рабочие суконной мануфактуры с женами и детьми вышли на улицу. Они заявили хозяину, что если он будет отсылать шерсть к Севену, на машину, то они все прекращают работу. Владелец ответил, что они могут делать, что̀ им угодно, а он желает остаться у себя хозяином. Рабочие говорили между собой, что сегодня лишатся работы двое, потом трое, потом все. Лучше уже сегодня всем бросить работу. Часть рабочих пошла к фабрике Севена, где находилась ненавистная

машина, и тут они угрожали ее владельцу. «Мы ее разобьем, а вам сломаем шею» (nous la briserons et nous vous couperons le cou),— таковы были обещания рабочих владельцу машины [96]. Были вызваны как жандармерия, так и национальная гвардия, которые непрерывными патрулями обходили город. Узнав об этом происшествии, министр внутренних дел потребовал деятельнейших розысков зачинщиков и вожаков, особенно тех, которые грозили владельцу машины. Нужно поразить и устрашить рабочих, чтобы предупредить дальнейшие беспорядки примерным наказанием виновных [97],—так внушал министр префекту.

В начале июля 1819 г. в Лиму (департамент Aude) большая толпа рабочих шерсточесов произвела нападение на владельца шерсточесальной машины, который еле спасен был подоспевшей жандармерией. Рабочие выставляли категорическое требование, чтобы машина была уничтожена [98].

В Лодеве 5 мая 1821 г. рабочие выбили ворота мануфактуры, где находилась шерстострижная машина, разбили ее и выбросили куски в реку [99]. Власти, однако, оповестили, что они будут защищать всякого владельца мануфактуры, который выпишет машину.

В Альби (департамент Тарн) 13 мая была совершена аналогичная попытка разрушить подобную же машину; попытка окончилась неудачей. В те же дни в Каркассонне и Кастре рабочие громко заявляли о намерении покончить с машинами. 15 мая каркассоннские рабочие, в количестве 400 человек, собрались было, но были рассеяны полицией. На другой день они не работали [100]. Движение улеглось. 27 мая 1821 г. рабочие, разбивавшие 5 числа машину в Лодеве, сделали попытку силой освободить из тюрьмы арестованных товарищей; попытка не удалась [101].

Новые беспорядки по поводу машины произошли в г. Каркассонне (недалеко от Лиму в том же департаменте l'Aude) в мае 1821 г. Владелец шерстяной мануфактуры Рустин установил чесальную машину. Встревоженные призраком близкого увольнения из-за этой машины рабочие в количестве до 400 мужчин и 100 женщин собрались за городом и решили забастовать, после чего разошлись по домам [102]. Требование рабочих было — разбить, «с согласия хозяина», обе установленные машины, на что хозяин, конечно, не соглашался. Министр внутренних дел рекомендовал префекту объяснить рабочим, что машина вовсе не так уж неизбежно лишит их работы и что без машин немыслимо теперь дальнейшее существование мануфактур в Каркассонне вообще, так как в других местах машины уже действуют. А главное — общий интерес потребителей требует машинного производства. Все это могло, по мнению министра, успокоить рабочих [103]. Рабочие в конце концов стали на работу,

подав вместе с тем петицию в палату депутатов с просьбой об ограждении их интересов от машин.

Жестяники волновались в Париже в ноябре 1822 г. из-за только что введенной в их производстве машины, от которой они ждали полного своего разорения, полной для себя безработицы [104].

Ваддингтон, владелец прядильни в Сен-Реми (департамент Eure-et-Loir), поставил в начале 1827 г. новое колесо в своей машине и тотчас же уменьшил расценку заработной платы прядильщикам, так как при этом новом усовершенствовании один рабочий производил большее количество пряжи, чем прежде в одно и то же время (плата была сдельная). Но рабочие заявили, что это изменение тарифа уменьшает их заработок,— и забастовали. Дело окончилось неуспешно для рабочих [105].

Машины, введенные на королевской, казенной, табачной фабрике в декабре 1827 г., сразу же побудили администрацию уволить 250 рабочих; в январе 1827 г. по этой же причине и на той же фабрике состоялось увольнение еще 60 человек. Уволенные очень бедствовали по показанию полиции [106].

28 ноября 1828 г. толпа рабочих в 60 человек ворвалась в помещение фабрики Барба, недалеко от Каркассонна, и разбила четыре машины (tondeuses). Они отправились затем на фабрику Рустина, но владелец забаррикадировался. Подоспевшая жандармерия произвела аресты и рассеяла рабочих [107]. Среди общего бедственного состояния парижской рабочей массы зимой 1829 г. наблюдатели отмечали и подчеркивали особенно безвыходное положение, в которое поставило типографских рабочих введение машин [108].

Следует заметить, что в общем за все время Реставрации типографские рабочие жаловались на свою судьбу меньше, чем другие категории рабочего класса. Постоянно мне попадались в документах эпохи Реставрации указания на цветущее положение дел в области книгопечатания, преимущественно в Париже. Типографии иногда, даже летом, работали чуть не круглые сутки; процветали книжные магазины и все предприятия, связанные с типографским делом. Большая масса рабочих кормилась вокруг типографского дела [109]. Правда, например, безработица в типографском деле в 1826 г. объяснялась рабочими как последствие введения паровых прессов в типографиях [110], но в общем до последних лет Реставрации типографские рабочие не жаловались на свою судьбу. Вот как изображали рабочие-типографщики пережитую ими экономическую эволюцию [111]: при Наполеоне, когда почти ничего не печаталось из-за суровости императорской цензуры, работы было очень мало; относительная свобода печати, данная в 1814 г. конституционной партией при реставрации Бурбонов, сильно поправила дела

типографщиков: газеты, журналы, брошюры, новые книги, переиздания классиков французской литературы (вроде Вольтера) — все это породило и поддерживало кипучую деятельность в типографиях, и количество рабочих этой профессии необычайно возросло. Но вот рынок, изголодавшийся по духовной пище при Наполеоне, стал наконец насыщаться, возросшее количество рабочих требовало увеличения работы, а этого увеличения и не оказывалось из-за насыщения рынка: «пятнадцать или двадцать изданий Вольтера по необходимости должны были мешать появлению двадцать первого». Хозяева стали понижать расценку рабочих рук, а тут еще прибавилась новая беда для рабочих: появление машин, механических усовершенствований в печатном деле. К моменту Июльской революции 1830 г. французские типографские рабочие уже переживали тяжкие времена. Механический печатный пресс был изобретен немецкими механиками Кенигом и Бауером (в Лейпциге, около 1814 г.) и усовершенствован Томасом Бенсли (Bensley). Машина Бэнсли была совершенно переработана как англичанами (Купером, Эппльгэтом), так и французами (Гаво, Норманом, Дютартром и др.). Директор королевской типографии Вильбуа послал в Лондон в 1825 г. доверенное лицо с целью приобрести машину, что и было исполнено. В следующем году в Англии же французская королевская типография закупила машины, механически выравнивающие и режущие бумагу, а в 1828 г. были приобретены еще паровые цилиндры для просушки отпечатанных листов и были введены паровые двигатели. Рабочие королевской типографии очутились в трагическом положении: они добровольно пошли на уменьшение заработной платы, лишь бы совсем не оказаться на улице,— и все-таки машины вытесняли их. В 1829 г. были закуплены самые усовершенствованные английские машины (Купера, такие самые, которые печатали «Times»), и с конца 1829 г. они были введены в действие [112].

29 июля 1830 г., на третий день Июльской революции, группа вооруженных рабочих явилась в королевскую типографию и объявила, что хоть с опасностью для жизни, но они войдут в помещение и разрушат машины. До 700 рабочих осадили типографию, вошли в нее в конце концов и ружьями, молотками, топорами, железными прутьями разбили машины; затем, ничего и никого больше не тронув, ушли. В тот же день были разрушены машины в типографиях Лашевардьера, Тиллара, Гюзара и др. Но тотчас после революции, 14 августа 1830 г., были ассигнованы первые кредиты на восстановление машин в королевской типографии; частные типографщики тоже поспешили восстановить машины... Ордонанс короля Луи-Филиппа, повелевавший вновь восстановить действие машин в королевской типографии, послужил сигналом к большому брожению в рабо-

чей среде. Было ясно, что Июльская революция нисколько не в состоянии задержать дальнейшее распространение машин во Франции. Наборщики и печатники устроили одно за другим два собрания, причем была избрана комиссия для передачи властям протеста. Уже после первого собрания и забастовки наборщиков королевский ордонанс был взят назад: дело происходило спустя несколько дней после Июльской революции и атмосфера в столице была слишком раскаленной.

На втором собрании, где было до 2000 человек, была вынесена следующая резолюция [113]. «Наборщики и печатники Парижа, собравшись, избрали комиссаров, которые предложили и провели следующие решения: так как королевский ордонанс, повелевавший восстановить механические орудия в королевской типографии, аннулирован, то комиссия единогласно приглашает товарищей из этой типографии возобновить там работы. По тем же мотивам и тоже единогласно мы приглашаем тех из наших собратий, которые служат в разных предприятиях, где нет действующих механических орудий, возобновить работу. В наших взаимных интересах комиссия обязуется и обязует собратий не работать в тех предприятиях, где машины находятся в действии. Господам хозяевам-типографщикам столицы будет отправлен циркуляр, извещающий их о нашем решении». Затем собрание разошлось, постановив еще: 1) «чтобы никто не отвечал ни на какие письма или приглашения, которые будут исходить от кого бы то ни было, кроме комиссаров; 2) чтобы был произведен сбор в пользу тех, кто согласно этой резолюции принужден будет прекратить работу».

Осведомившись об этой резолюции, прокуратура, усмотревшая в ней нарушение 415-й статьи, воспрещающей стачки, привлекла к суду 15 наборщиков, которым была приписана роль зачинщиков и подстрекателей. Процесс происходил 14 сентября того же 1830 г. в суде исправительной полиции. Масса наборщиков заполнила все места для публики и соседний громадный зал. Кроме полиции, к охране призваны были два пикета национальной гвардии. Все обвиняемые были оправданы; впрочем, ко времени суда забастовка давно уже прекратилась, не приведя ни к каким результатам, да и не было никакой возможности точно установить индивидуальную роль каждого обвиняемого.

Анонимная брошюра, подписанная «старым наборщиком» и вышедшая 20 августа 1830 г., в самых горьких выражениях протестует против введения машин в производство. Брошюра так и озаглавлена «Справедливая тревога рабочего класса по поводу механических орудий» [114]. Автор сначала подчеркивает полную свою лояльность относительно правительства Луи-Филиппа и всей (как он пишет) «августейшей фамилии»

нового короля. Но с тем большим гневом он обрушивается на фабрикантов, которые вводят механические усовершенствования и тем самым осуждают на нищету и голод тысячи рабочих. Например, он считает, что в типографском деле в Париже введение механических усовершенствований выбросило на улицу около 2000 рабочих. Тот же самый процесс, по его словам, наблюдается в прядильно-ткацком деле и в хлебопекарнях, и в других производствах. «Смешно,— по его мнению,— приводить в пример Англию»: бедные англичане принуждены из-за машин покидать свою родину и эмигрировать. Автор видит в введении машин полную гибель рабочих. Но он не призывает к насильственному их уничтожению, а лишь скорбит и надеется на «мудрость» и «патриотизм» хозяев, которые откажутся от машин.

В любопытном «Разговоре между механическим прессом и прессом ручным» (произведение наборщика Анри, вышедшее в свет тотчас после Июльской революции) автор выражает широко распространенные среди рабочих типографского дела воззрения на исключительно вредное влияние машин[115]. Этот воображаемый разговор происходит в разгаре Июльской революции, в опустевшей типографии: рабочие ушли сражаться на баррикады. Ручной пресс осыпает горькими упреками новую машину. Она только вредит типографскому искусству и прежде всего рабочему классу: «Если ты обогащаешь одного человека, того, кому ты принадлежишь, то 50 рабочих, и считая их жен и детей, ты обрекаешь на нищету». Дальше ручной пресс приводит интересный подсчет: в 1821 г. (до введения механического пресса) газета «Constitutionnel» печаталась в количестве 20 000 экземпляров; печатание газеты давало работу 56 рабочим, которые получали 320 франков в день (все вместе); со времени введения механического пресса в типографии работает всего $^1/_4$ прежнего числа рабочих, и общие расходы печатания составляют 238 франков в день. Вообще же механический пресс выбросил на улицу в Париже до 500 типографских рабочих. Уже этот подсчет, делаемый старым наборщиком, врагом механического пресса, показывает, что все-таки расходы печатания вовсе не уменьшались в той же прогрессии, как уменьшалось число рабочих при введении механического пресса. Это обстоятельство отчасти поясняется в возражении, которое делает в этом воображаемом споре механический пресс: для обслуживания новых машин нужны, правда, не новые наборщики, но новые чернорабочие, и, кроме того, так как машина увеличивает тираж газеты, то нужно большее количество женщин и второстепенных рабочих, которые работают над газетой уже после выхода листов из-под пресса. Но наборщики, конечно, были только в проигрыше. Воображаемый разговор прерывается

толпой рабочих, которые бросаются на механический пресс и ломают его. Но еще до этой развязки автор высказывает мысль, что новое правительство должно избавить типографии от машин. Интересен тактический прием: наборщик согласен, что в других отраслях промышленности машины действительно необходимы, но в типографском деле они вредны. Как видим, автор чувствует себя не только рабочим типографского дела, но и потребителем товаров, удешевляемых машинами. Отсюда видимая непоследовательность его рассуждений [116]. Громадной популярностью в эти дни среди рабочих вообще, а типографских в особенности, пользовалась полемическая, анонимная, но написанная наборщиком брошюра под названием «Le patriotisme du Constitutionnel dévoilé». Брошюра была направлена против газеты «Constitutionnel», которая решительно защищала право хозяев типографий пользоваться машинами и которая вела кампанию против рабочих, кое-где в типографиях разрушивших машины в дни Июльской революции. Брошюра была издана за счет наборщиков г. Парижа, специально обложивших себя взносами для того, чтобы способствовать возможно более широкому ее распространению. Наборщики имели в виду, конечно, не только интересы полемики: автор брошюры поставил принципиально вопрос о машинах. Он полагает, что типографские машины приносят в общем итоге больше вреда обществу, чем пользы, и что поэтому государство должно их уничтожить; что экономия, происходящая от употребления машин, идет всецело на пользу только владельцам типографий, но вовсе не публике. Это радикальное мнение, судя по всему, было широчайше распространено среди рабочих типографского дела. Рабочая газета «L'Artisan», однако, не разделяет этой точки зрения и вообще высказывает противоречивые суждения: с одной стороны, нельзя бороться против машин — газета вполне признает безнадежность борьбы, а с другой стороны: «мы тоже принимали участие в этом движении (против машин), и мы чувствовали всю справедливость жалоб нашего класса; но мы далеки от того, чтобы требовать уничтожения машин; это значило бы бить мимо цели. В требованиях нашего класса было нечто такое, что правительство должно было выслушать. Во имя человечности и морали мы просили его вмешаться в противоречия между нашими нуждами и машинами; и оно могло в подобных обстоятельствах прекратить на некоторое время употребление машин, не задевая никакого принципа. В этом деле хозяева были негуманны и играли роль спекулянтов...» [117]

Типографский рабочий Колен в своей брошюре [118] тоже с возмущением говорит о газете «Constitutionnel», которая поставила у себя машины и выгнала вследствие этого на улицу 50 рабочих. Но это для автора лишь частный случай, лишь

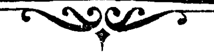
пример для более широкого политического построения: газета «Constitutionnel» была оппозиционной при Реставрации, и рабочие думали, что она — их друг; теперь же, в 1830—1831 гг., это — газета нового правящего слоя, и рабочие видят, что они жестоко ошиблись. Они ошиблись в буржуазии вообще: «Ошибка! Народ все сделал, но для него ничего не хотят сделать. Те, кого мы долго считали нашими защитниками, нас обманули: они делали общее с нами дело, лишь пока они были вместе с нами не в чести; но как только мы уничтожили и рассеяли наших общих врагов, мы были покинуты теми, кого мы считали нашими покровителями и кто переменил роль... Чувствуя, что наши оковы готовы вновь упасть на наши руки, еще израненные нашими врагами, мы снова испускаем электризующий крик: «Свобода, свобода!» Положение изменилось, но не улучшилось: «Мы свергли иго знатной аристократии, чтобы попасть под владычество аристократии финансовой: мы прогнали наших тиранов с пергаментами, чтобы попасть в руки деспотов с миллионами... Одни были эгоистами по воспитанию, другие стали таковыми вследствие своих капиталов». Автор говорит о нужде рабочих и с завистью вспоминает все, что как раз тогда сделано было (после бельгийской революции 1830 г.) для нуждающегося класса брюссельского населения. «Подражайте примеру наших соседей. В Бельгии рабочий класс страдает, как во Франции; но менее терпеливые, чем мы, бельгийцы, может быть, начали бы движение, которого у *нас* не опасаются; и вот, чтобы ничего не опасаться со стороны многочисленного безработного класса, рабочих безработных разместили у богатых людей по квартирным билетам, как военный постой. Сделайте в Париже, как делают в Брюсселе. Напрасно вы мне возразите, что число несчастных здесь гораздо значительнее, чем у них. Я вам отвечу: и богатых здесь тоже гораздо больше». Эта мера, по мнению автора, волей-неволей заставила бы богатых людей озаботиться приисканием работы для голодающих безработных. Гнев автора тоже обрушивается на буржуазию, но не на короля Луи-Филиппа, которого брошюра называет «наш общий отец» и о котором вообще говорит с горячим сочувствием как о друге народа, сердце коего обливается кровью etc. [119]

В сентябре 1831 г. на Монмартре, в Париже, произошли волнения рабочих, тянувшиеся пять дней, со столкновениями между толпой и полицией, с убитыми и ранеными. Речь шла о попытке рабочих напасть на фабрику, где была установлена новая машина, и разрушить ее. Республиканцы, одни из всех тогдашних партий, обратили сколько-нибудь серьезное внимание на происшедшее, но они никакого рецепта к уврачеванию зла или хоть к смягчению его не подали. «Если народ кричит, значит он страдает... Разве фантазия, каприз вот уже год по-

стоянно гонит народ на улицу... Вы... министры... не знаете, какая нищета мучит бедных людей... Голод выгоняет волка из лесу» [120]. Вновь изобретенная машина непосредственно затрагивала интересы лишь небольшой части рабочего люда: несколько женщин отныне должны были быть выброшены на улицу, но весь «муравейник рабочих, населяющих Париж», пришел в волнение. Что же делать? «Без сомнения хорошо усовершенствовать машины, но нужно думать и о людях» и т. д.

В центре французского оружейного производства, г. Сент-Этьенне (департамент Луары), большие волнения возбудили в начале марта 1831 г. попытки хозяина одной из оружейных мастерских построить машину (и приспособить к ней паровой двигатель) для выделки некоторых частей огнестрельного оружия. 2 марта 1831 г. депутация от рабочих числом 10 человек отправилась к помощнику префекта и к прокурору с протестом против намерений изобретателя Жирардэ. Не получив от властей удовлетворения, на другой день, 3 марта, большая толпа рабочих, приблизительно в 2000 человек, явившись к Жирардэ, разбила машину. Спешно прибывшие войска вступили в столкновение с рабочими. Женщины отличались особенно своим ожесточением в последовавшей схватке: они воодушевляли рабочих, подавали им камни для метания в солдат, сами метали камни. С обеих сторон были раненые. В конце концов толпа была рассеяна [121].

Таковы последние проявления борьбы против машин, какие отмечены нашими документами за период, окончившийся лионским восстанием.

Глава IV

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ В ЭПОХУ РЕСТАВРАЦИИ

Стачки. Борьба с штрейкбрехерами (нарушителями стачек). Враждебное рабочим законодательство. Враждебное поведение полиции и суда в отношении стачечников. Доносы хозяев. Общие размеры стачечного движения. Случаи вооруженного сопротивления властям. Казнь рабочего Рустеля в Руане. Стачки в последние годы пред Июльской революцией

Наши документы рисуют картину рабочего движения в эпоху 1814—1830 гг., можно сказать, совершенно не известную до сих пор ни экономистам, ни историкам. Если читатель, прочтя эту главу, обратится затем к трудам, например, Шарля Жида или Эмилия Левассера (о других, вроде Вивиани, и говорить не стоит), то он с большим удивлением убедится, что даже эти авторы решительно ничего не знали о фактически происходившем в годы Реставрации рабочем движении, прежде всего движении стачечном. Одна-две цитаты, одно-два указания на стачки — и это все.

Мы увидим, что наши документы дают нам ряд в высшей степени ценных указаний: во-первых, мы получаем возможность уяснить себе из года в год, как менялась общая торгово-промышленная конъюнктура Франции, во-вторых, мы подходим к стачечному движению, происходившему то там, то сям в стране в течение всех этих лет и совсем до сих пор не известному исторической науке. Но документы наши далеко не всегда удовлетворяют нашему любопытству: мы сплошь и рядом не узнаем, как окончилась стачка, и власти именно тогда избегают говорить об ее конце, когда она оканчивается благоприятно для рабочих: это можно подметить во многих случаях, когда о конце стачки мы узнаем случайно, по позднейшим намекам или воспоминаниям; наши документы нас не осведомляют обо всем том, о чем власти не хотят доносить своему высшему начальству; мы лишь в исключительных случаях знакомимся с документами или показаниями, исходящими непосредственно от представителей рабочего класса. Словом, наша документация имеет много отрицательных сторон и далеко не всегда может

называться удовлетворительной. Но, по-видимому, больше этого мы уже не можем узнать,— по крайней мере для огромного большинства упоминаемых в наших документах стачек. И будем благодарны нашим документам даже за это; вспомним, что только они позволяют нам *категорически* опровергнуть царящее до сих пор мнение об отсутствии всякого рабочего движения в эпоху Реставрации. Прочтя эту главу, читатель поймет, что лионское рабочее восстание 1831 г. не свалилось, как снег на голову, после целых десятилетий тишины и спокойствия в рабочей среде, но что долгая школа борьбы трудной, мало заметной, сопряженной с большими жертвами и с малыми результатами, предшествовала в истории французского рабочего класса лионским событиям, поразившим, как гром, весь мир.

Нужно напомнить, что французское законодательство изучаемой эпохи было решительно враждебно не только стачкам, но и самым невинным соглашениям и действиям по уговору в рабочей среде. Тюремное заключение и денежные штрафы сыпались щедрой рукой на стачечников, предаваемых суду администрацией. Обыкновенно администрация выхватывала из среды бастующих несколько человек, иногда несколько десятков человек, так называемых зачинщиков (les meneurs), и предавала их суду, предварительно заключая в тюрьму. Если стачка на этом не оканчивалась, то следовала вторая, иногда третья партия. Арестованные сидели сначала в порядке предварительного заключения, потом в порядке отбывания наказания. Стачки в подавляющем большинстве случаев вызваны были низкой заработной платой. Совершенным исключением являются мотивы иного порядка, вроде требования уменьшения рабочего дня.

Драконовское законодательство и произвол администрации сильно затрудняли стачечникам борьбу с штрейкбрехерами. Нужно сказать, что довольно редко встречаются случаи, когда стачечники уличаются полицией в прямых нападениях на штрейкбрехеров и в употреблении против них физической силы. Но тогда приговоры редко бывают меньше, чем на полгода тюремного заключения [1].

В общем Реставрация совсем не внесла никаких изменений в законоположения о промышленности и рабочих, существовавшие при Наполеоне. Цехи восстановлены не были, хотя поползновения к этому и проявлялись кое-где среди хозяев. Но большинство понимало всю невозможность подобного возвращения к старому режиму.

Не только буква, но и общий дух рабочего законодательства Директории и Империи были вполне восприняты, унаследованы и твердо усвоены Реставрацией, и когда, например, власти при Людовике XVIII или Карле X настаивали на воспрещении

всяких коллективных шагов со стороны рабочих и на чисто индивидуалистическом характере отношений между хозяином и нанимаемым рабочим, то они ссылались иногда именно на *дух* революционного или императорского законодательства [2].

Собственно, доктрина о полнейшем невмешательстве государства в экономические отношения между рабочим и работодателем уже в первые годы Реставрации не только была вполне выработана, но и в полной точности сформулирована в министерстве внутренних дел. И все-таки предусматривались случаи, когда «посредничество» властей могло быть допущено. С этой точки зрения интересно дело о брожении между лионскими шляпочниками, подавшее повод к принципиальному объяснению между министерством внутренних дел и директором полиции Франшэ-Деспрэ, который заинтересовался, на каком основании совет сведущих (conseil de prud'hommes) выработал тариф расценок, принятый, правда, как хозяевами, так и рабочими и умиротворивший, правда лишь временно, тех и других. Этот совет состоял в ведении и под властью министерства внутренних дел, и к этому-то министерству обратился Франшэ-Деспрэ с вопросом о легальности подобного тарифа [3].

«Очень справедливо, что такая фиксация, строго говоря, не обязательна, потому что она не разрешена никаким законом, никаким регламентом, и, следовательно, против нее можно выставить возражение, основываясь на ее незаконности. Все соглашения, относящиеся к заработной плате, должны заключаться добровольно между рабочими и нанимателем: вмешательство правительства в вопросы подобного рода, если только оно не направлено к принуждению обеих сторон, чтобы они исполняли свои раньше заключенные условия, было бы, может быть, более вредно, чем полезно для мануфактурной промышленности, и в подобных обстоятельствах должно ограничиваться лишь тем, чтобы рекомендовать местным властям следить за нарушением общественного спокойствия. Я прибавляю, однако, что когда обе стороны доверяют местным властям и выбирают эти власти для посредничества в этих спорах, то властям не возбраняется предложить свои добрые услуги, чтобы достигнуть полюбовно примирения всех интересов» [4].

На деле, однако, к хозяевам не очень придирались, когда они вступали в столь же недозволенное законом соглашение между собой с целью уменьшить плату за труд. В этом смысле характерно дело хозяев рыболовных судов порта Гранвиль, у которых на службе в общем находилось до 3000 рыболовов, отправлявшихся ежегодно к берегам Ньюфаундленда для ловли трески. Хозяева, по предварительному уговору, в отсутствие мэра собрались на совещание (весной 1819 г.) и постановили уменьшить расценку труда рыболовов, у них служащих, во-

вреки стародавнему обычаю и даже существовавшему регламенту. Морские власти пришли к заключению, что они не могут принуждать хозяев в данном случае подчиняться «устарелому» (suranné) регламенту [5].

Седьмой пункт закона 16 фрюктидора IV года (1796 г.) требует, чтобы рабочий бумажной мануфактуры, желающий покинуть хозяина, предупреждал его в присутствии двух свидетелей за 40 дней. Уходящий рабочий получает при этом письменное удостоверение, без которого другой хозяин не имеет права принять его к себе на службу. Если хозяин без законных оснований отказывается выдать подобное удостоверение, тогда оно выдается местным мировым судьей. Точно так же и фабрикант обязан предупредить рабочего об его увольнении за 40 дней. Конечно, закон этот фактически ограждал только права хозяев, а не рабочих, так как именно рабочих бумажных мануфактур было мало и они обыкновенно брались фабрикантами нарасхват.

В очень хорошие годы — и прежде всего в 1825 г.— рабочие некоторых категорий, уже наперед учитывая предстоящую редкость рабочих рук, уже в начале наиболее благоприятного сезона просто отказывались наниматься на работу, пока им не будет обещан определенный минимум заработка. Это не было стачкой в точном смысле, но всегда служило предвестием стачек, и полиция, опытным, так сказать, путем добравшаяся до понимания связи между экономическим процветанием и стачечным движением, уже наперед удваивала свое внимание [6].

Подозрительность по отношению ко всякой попытке рабочих собраться и поговорить — характерная черта и больших и мелких представителей государственной власти в эпоху Реставрации. В г. Рошфоре мэр воспретил рабочим даже устраивать проводы товарища, уходящего в другое место Франции искать работы, и местный суд даже приравнял нарушение этого распоряжения мэра к преступлениям, предусмотренным статьей о стачках и незаконных соглашениях. Кассационный суд не согласился, правда, с таким толкованием, но тем не менее признал, что нарушение распоряжения мэра должно караться, как все нарушения полицейских правил [7].

Иногда рабочие пользовались, например, похоронами товарища как легальным предлогом для собрания и на похоронах же, собравшись в количестве 700—800 человек, обсуждали вопросы о стачке [8].

Уже в *первом*, при Реставрации, заседании своем, 18 мая 1814 г., Совет мануфактур и торговли намекнул, что промышленники, «обворовываемые рабочими», хотели бы обуздать их новым регламентом, но что вот императорское правительство не вняло их желанию и все смешивало их домогательство

со стремлением восстановить дореволюционные цехи, а они, промышленники, сами знают, что цехи были нелепы. Но чего же в *точности* они хотят, они и новому королевскому правительству тоже не сказали ясно [9].

Цехи восстановлены не были. Но произвол полиции относительно рабочих был при Реставрации немногим меньше, чем при Наполеоне. Вмешательства в личную жизнь рабочего были в порядке вещей. Вот одна из характерных иллюстраций. Мэр г. Мюльгаузена вздумал, совершенно вопреки закону и единственно по своему усмотрению, опрашивать рабочих через полицию, какие и с какими женщинами у них связи, когда они намерены на этих женщинах жениться [10] и т. д. Рабочие подали жалобу в суд, но тем дело и окончилось: мэра никто не потревожил, хотя в своей секретной переписке власти и признавали, что мэр явно переусердствовал в своем стремлении к очищению нравов [11]. Ясно, что относительно какой-либо другой категории населения подобные выходки были бы в то время невозможны. Нечего и говорить, что этот произвол удесятерялся, когда речь шла о стачках и вообще о борьбе с хозяевами. Еще иногда судебная власть несколько стеснялась в своих действиях, но администрация — никогда.

В этой главе я хочу дать в хронологической последовательности картину стачечного движения в эпоху Реставрации, от первого до последнего года.

В октябре 1816 г. во всем департаменте Арденнов констатируется «величайшая деятельность» всех фабрик, дающая заработки большому числу рабочих, и эти заработки таковы, что даже дороговизна хлеба чувствуется мало [12]. В Марселе тоже портовые рабочие во второй половине 1816 г. переживают хорошее время [13],— прибытие громадных грузов дает им большие заработки.

Главным беспокоящим обстоятельством была все возрастающая дороговизна хлеба. Урожай был местами посредственный, местами плохой. В конце октября и начале ноября 1816 г. заметно было брожение на мануфактуре в Эссоне. Рабочие были раздражены дороговизной хлеба, действительно свирепствовавшей в этот момент во всей Франции, и на их сборищах раздавались «мятежные возгласы», направленные против Бурбонов. Так, они кричали: «Да здравствует император!» [14]

К концу 1816 г. положение все ухудшалось. Началась безработица.

Тяжела была зима 1816/17 г. для рабочего люда. Не только безработица, но и дороговизна хлеба угнетала его. Хлеб дорожал с каждым месяцем. «Состоятельные классы платят без ропота. *Другие*, покорность которых, кажется, уже приходит к

концу (по-французски это осторожнее: dont la résignation semble fatiguée), уже не скрывают своего неудовольствия»[15]. Зимой и весной 1817 г. голодные бунты, нападения на хлебные транспорты, разгромы булочных и тому подобные явления были весьма часты. По показанию очень компетентного и занимавшего видный пост чиновника министерства мануфактур и торговли, Ансельма Коста, в 1817 г. в некоторых местах Франции цена на хлеб возросла вдвое против обыкновенной, а *одновременно* заработная плата уменьшилась на 15—20%. Коста утверждает, что рабочие писчебумажных фабрик и шерстяных мануфактур больше всего проявляют беспокойный нрав в борьбе за увеличение заработной платы. Они устраивают стачки, угрожают при этом тем, кто хотел бы стать на работу. Все эти действия воспрещены законом так строго, что «трудно понять», как еще подобные движения происходят. Но, однако, это безусловно так: «настолько верно, что не всегда можно сдержать людей страхом наказаний»[16].

Волновались не только рабочие писчебумажных фабрик.

30 января 1817 г. рубщики и пильщики леса в Ретце (супрефектура суассонская, департамента L'Aisne) объявили хозяевам, что они уходят с работ, если хозяева не обяжутся доставлять им вплоть до сбора нового урожая определенное количество хлеба для пропитания. Была подана петиция за подписью десяти человек из числа забастовщиков: петиция с изложением упомянутого требования была подана мэру. Все десять человек были преданы суду. Стачка окончилась ввиду наличности не только жандармерии, но и эскадрона гусар[17].

Безработица, объявившаяся зимой 1816 г., как будто местами уменьшилась.

В 1817 г. мы в документах неоднократно встречаем такую картину: производство идет полным ходом, а рабочие голодают. На одной и той же странице черновых полицейских заметок о г. Бар-ле-Дюке мы находим (писанные одной рукой, относящиеся к одному и тому же донесению префекта департамента Мозеля, от 5 марта) следующие как будто противоречивые утверждения: 1) крайняя нищета (la misère excessive) рабочего класса; 2) «фабрики обнаруживают самую большую деятельность». Но никакого противоречия нет, так как тут же есть и объяснения: хлеб дорожает от одного рыночного дня до другого; рабочая плата стоит на самом низком уровне; работы для всех нуждающихся не всегда хватает[18]. И даже последнее обстоятельство — не самое грозное: уже через неделю оказывается, что *все* рабочие в Бар-ле-Дюке получили работу[19].

Спекуляция со стороны больших и малых землевладельцев и земледельцев в голодном 1817 г. велась самая широкая, самая беззастенчивая. Не только избегали продавать хлеб, выжидая,

пока он еще и еще подымется в цене, но *скупали* чужой урожай [20]. Кроме «порицаний» со стороны властей, никаких более существенных мер против этих действий не предпринималось.

Спекуляция широко пользовалась бедствием 1817 г. Характерно, что когда доведенная до отчаяния голодная толпа в Аррасе начала было громить рынок, требуя уменьшения цен на хлеб, то хлеботорговцы в самом деле уменьшили цены, но они вернулись к прежним повышенным ценам, «*увидев, что власти их защищают*» [21]. В самом трудном положении оказывались рабочие, пришедшие на какие-нибудь крупные, но временные и случайные работы в тех местах, где не было никакой промышленной деятельности и где при увольнении с этих особых, экстренных работ рабочие оказывались в совершенно безвыходном положении. Например, в начале весны 1817 г., вдруг администрация порта в Лориане уволила с портовых работ 120 человек. Эти люди (и еще дело было в голодную весну 1817 г.) остались в полном смысле слова выброшенными на голодную смерть [22].

Зимой в начале 1817 г. в Лионе безработица не была очень заметной. Начали притекать заказы. Толпы нищих, характерные для предшествующих полутора лет, уменьшились в городе и в департаменте. Положение рабочих было все еще довольно критическое моментами, но уже появились некоторые надежды на улучшение [23]. От 6 до 7 тысяч станков числилось в работе, но бо̀льшая часть из них была фактически занята работой лишь 3—4 дня в неделю, и заработная плата была сильно уменьшена [24]. Правда, счастливцы, которые получили спешные заказы на шелковые материи от королевского двора, зарабатывали в это самое время 5—6 франков в день, но их было ничтожное меньшинство. Большинство было бы радо и в три раза меньшему заработку, но и его не имело, так как работало далеко не всю неделю. Тем не менее в Лионе возможна была в это время забастовка если не среди шелкоделов, то среди шляпочников.

В Лионе в октябре и начале ноября 1817 г. происходит стачка рабочих-шляпочников, требующих повышения платы. По собственному признанию префекта, это требование «не лишено оснований» и должно быть рассмотрено. И *одновременно* со стачечниками распоряжаются так: часть арестовывают, а других, именно по своему происхождению *не*лионцев, объявляют находящимися в состоянии бродяжничества, так как они не работают, и поэтому высылают из города [25].

Нужно заметить, что лионские шляпочники вообще вели стойкую борьбу за свои интересы. Эта первая забастовка лионских шляпочников произошла в октябре 1817 г. Рабочие покинули сразу своих хозяев и ушли — кто домой, а кто в г. Бург

на другую работу. Дело окончилось изданием полицейского ордонанса (3 ноября 1817 г.), направленного против рабочих и грозящего им немедленным применением 415-й статьи уголовного кодекса: тюрьма от одного до трех месяцев для всякого участника стачки и от двух до пяти лет для зачинщиков. Спустя два года, в августе 1819 г., новая стачка среди лионских шляпочников, снова с широким применением 415-й статьи против участников. Интересно отметить, что у лионских шляпочников была касса взаимопомощи, легально существовавшая, которая имела от взносов по 75 сантимов в месяц с человека до 540 франков в месяц, и полиция сильно подозревала, что эти суммы идут на поддержку бастующих [26]. Стачка кончилась частичным успехом для рабочих, насколько можно судить по очень неясной в этом пункте официальной переписке.

Но вернемся к 1817 г. Торговля в Бордо летом 1817 г. была очень оживленной,— впервые с начала Реставрации и, можно сказать, впервые с начала революционных войн с Англией. Это оживление даже компенсировало убытки от плохого сбора винограда [27]. Корабли за кораблями входили в порт,— и привозимые товары быстро распродавались. Далеко не все были в таком счастливом положении. На Эссонской мануфактуре, где работало до 800 человек, в начале 1817 г. пришлось сократить рабочий день и соответственно — заработную плату на одну треть [28]. Кое-где с осени 1817 г. наступила уже определенная и жестокая по размерам своим безработица, например в Эльзасе. В сентябре многие фабриканты уволили *половину* общего количества своих рабочих [29]. В других местах — например, в Лиможе и во всем лиможском округе — отмечается, правда, тогда же обратное явление: не только работают старые мануфактуры, но открываются новые [30]. Но пессимистические донесения с мест преобладают. Не только в Эльзасе, в соседней Лотарингии тоже «тысячи рабочих» сидят без дела [31].

В 1818 г. общее положение промышленности тоже далеко не блестяще, но жалоб на острую безработицу меньше, чем в 1817 г.

Удовлетворительный во многих местах, хотя далеко не повсеместный, урожай 1818 г. также улучшил кое-где общее положение промышленности и рабочего класса. Но долгая засуха погубила в некоторых департаментах надежды на блестящий сбор хлебов, долго державшиеся в народе. Осенью, даже кое-где в конце лета, рабочий люд сильно волновался по поводу высоких цен на хлеб, даже собирался громить булочников и владельцев зерна, привозивших зерно на рынок [32].

Местами безработица не прекращалась. Безработица свирепствовала зимой 1818 г. в Клермоне (департамент l'Hérault). Рукописные прокламации, появлявшиеся на стенах, требовали

от собственников, чтобы они давали работу беднякам-рабочим, и одновременно выражались угрозы уничтожить новые машины, отнимающие работу. Движение против машин в самом деле назревало в Клермоне. Уже производился подготовительный сбор денег пред объявлением стачки. Но стачка в тот момент не удалась [33]. Последовал арест подозреваемых авторов прокламаций и организаторов движения.

Остановимся на воззваниях: в виде редчайшего исключения подобные документы дошли до нас от тех времен.

18 января 1818 г. эти два рукописных воззвания были расклеены в нескольких рукописных экземплярах по улицам г. Клермона. Первое является как бы прямым обращением к фабрикантам от имени рабочих. «Господа! — читаем мы.— От негуманности и жестокости вашего сердца мы вне себя (...nous met hors de nous-mêmes); ваше презрение к бедным рабочим, которые помогли вам создать ваше состояние (дальше отсутствует сказуемое — *Е. Т.*)... уже одно то, что мы вами покинуты, господа, могло бы заставить нас сделать то, что мы не хотели бы. Мы не намерены посягнуть на ваше имущество, но если вы не устроите так, чтобы мы получили работу, то мы неизбежно посягнем на вас и на ваши машины. Таким образом, вам дается восемь дней на размышление; если по истечении этих восьми дней вы не уберете шерсть из машин, чтобы дать работу 400—500 людям, находящимся за воротами и на которых вы не удостаиваете взглянуть,— не удивляйтесь, если вы увидите восстание, которое обрушится на вас и на ваши машины, до такой степени мы, бедные рабочие, страдаем за себя и своих бедных детей. Мы надеемся, что вы пожелаете сделать излишнюю эту попытку, которая (иначе) была бы неизбежна» [34]. Другая бумага — более лаконична: обращена она не к фабрикантам, но к административным властям: «Господа администраторы, облеченные высшею властью! С вашей обычной добротой благоволите примирить господ фабрикантов, чтобы мы не покрыли себя позором, совершив покушение, на которое толкает нас нищета. Удостойте, господа, принять это в соображение,— вы все можете относительно господ фабрикантов, от которых зависит наша судьба» [35].

Оба плаката, особенно второй, очень характерны для своего времени. Даже Сен-Симона авторы, конечно, не знали; а Маркс в январе 1818 г. еще не успел родиться! Это вопль выбрасываемых на улицу, на голодную смерть людей, которые в отчаянии хватаются то за угрозу, то за мольбу, не зная, чем скорее можно будет повлиять на работодателей. Они вовсе не уверены в полной правоте своих намерений: они грозят сломать ненавистные машины, лишившие несколько сот человек куска хлеба, и вместе с тем сами полагают, что этот поступок «покроет их по-

зором», и умоляют хозяев, чтобы те не довели их до этого позора. Одновременно они пишут к администрации города, усматривая в ней какую-то «обычную доброту» и прося ее подействовать на фабрикантов в примирительном духе или, как они не точно грамматически выражаются, «примирить» (concilier) фабрикантов. Это — все та же, упорно державшаяся во французском рабочем классе идея о покровительственной роли государства, которая проявилась в полной яркости и впоследствии, в Лионе в 1831 г., и именно после Лиона стала быстро исчезать из умственного обихода рабочих.

С конца мая 1818 г. среди портовых рабочих в г. Лориане происходило брожение. Рабочие требовали увеличения заработной платы. Власти ничего не могли поделать с движением, пока не представился счастливый случай. Счастливый случай состоял в том, что один из рабочих (пришлых) явился в полицию для возобновления разрешения на право жительства,— и его тут же арестовали. За что? Даже полиция, повествующая об этом, не решается выдвинуть против него обвинения, но откровенно заявляет, что когда рабочие потребовали его освобождения, то он был освобожден лишь после отказа рабочих от забастовки. И с этого дня в мастерских не слышно ни малейшего ропота — с торжеством заканчивает донесение [36]. Так понималась в этих случаях обеспеченность личности, гарантированная законом.

В общем, для текстильной промышленности 1818 год не был одним из самых плохих. Хлопчатобумажная материя всюду в Европе в это время вытесняла полотно, и Франция не была исключением. В Амьене летом 1818 г. застоя в делах в общем нет, мануфактуры ситценабивные дают даже работу большему количеству рабочих, чем обыкновенно, но полотняное производство, некогда здесь, на севере, процветавшее, находится в полном упадке: нет покупателей, и наблюдатели объясняют это явление именно широким распространением бумажных материй [37]. Не только в Амьене, в Абвиле [38], в Руане, в Седане в 1818 г. заметна была общая, иногда с временными перебоями, тенденция к улучшению положения обрабатывающей промышленности. Но в начале 1819 г. в Амьене, Абвиле и всем северном промышленном районе если безработица не ощущается совсем болезненно, то исключительно потому, что съестные припасы, а следовательно, и заработная плата держатся на низком уровне, а фабриканты не увольняют рабочих [39].

В начале февраля 1819 г. началось движение среди рабочих бумажных фабрик в районе Сарранколена (департамент Верхних Пиренеев). Собственно, это не было общей забастовкой рабочих данной профессии, а скорее объявлением под бойкотом (тогда говорили «под запретом») одной лишь бумажной фабрики.

Рабочие, после собрания в одной харчевне, постановили немедленно покинуть эту фабрику и налагать штраф в 50 франков на каждого, кто не подчинится этому решению. Применив этот штраф в одном случае, инициаторы достигли своей цели, и фабрика была покинута всеми, до той поры на ней работавшими. Анонимными письмами были уведомлены о состоявшемся решении также другие фабрики всей округи. Хозяин бойкотируемого заведения оказался в тупике: новых рабочих он не нашел, и пять месяцев подряд его фабрика бездействовала. Хозяин придумал следующий, мало удовлетворительный, впрочем, выход из положения. Он сдал свою фабрику в аренду человеку, имевшему многочисленную семью, так что арендатор со своей семьей, даже не приглашая рабочих со стороны, мог частично, в ничтожных размерах, восстановить производство [40]. Конечно, речь шла лишь о видимости борьбы, потому что нельзя сравнивать фабрику с несколькими десятками рабочих и маленькую мастерскую, где работает 7 или 8 человек. Это скоро почувствовали и хозяин Луи Эстрад и его злополучный арендатор: «фабрика» стала работать при этих условиях в чистый убыток. Тогда хозяин решил повести борьбу при помощи административных и судебных репрессий. Из тридцати забастовщиков хозяин подал жалобу на семерых, которых он признал главными зачинщиками. Все семеро были осуждены на один месяц тюремного заключения и должны были уплатить потери и убытки хозяину. Но осужденные подали апелляционную жалобу, и во второй инстанции приговор был кассирован, и еще сам хозяин присужден был к уплате судебных издержек. Жалуясь на этот трибунал министру юстиции, хозяин прямо обвиняет судей в подкупности и вообще рисует картину давления, оказывавшегося будто бы на судебный состав [41]. Хозяин Луи Эстрад настолько проникнут мыслью о губительности несправедливых приговоров для всего общества, что он именно этим соображением об общей пользе мотивирует подачу своего доноса министру юстиции. Приговор второй инстанции сильно приободрил забастовавших рабочих и сочувствовавших им рабочих других фабрик: они стали собираться группами, пели песни, оскорбительные для Луи Эстрада, и угрожали ему в случае его появления на улице. Он просит у министра юстиции защиты и пересмотра дела, поименно называя при этом лицеприятных и несправедливых, по его мнению, судей. Своему делу при этом он настойчиво стремится придать общий, принципиальный интерес с точки зрения защиты личности и собственности [42].

В апелляционной инстанции рабочие были оправданы [43]. Дело тянулось больше двух лет.

Судостроительное дело, очень развитое в первые годы Реставрации, когда нужно было создавать, после долгой морской

блокады, коммерческий флот, давало рабочим обычные, скудные заработки, тот же прожиточный минимум для одного человека. В конце марта 1819 г. в Сен-Мало, на собрании судостроительных рабочих, было решено прекратить работы, пока хозяева не согласятся платить по 2 франка в день вместо 1 франка 50 сантимов, которые они получали. Жандармерия арестовала семь человек и разогнала остальных [44].

В Лионе весной 1819 г. обнаруживается замедление в сбыте, отсутствие заказов, из-за границы пишут, что в большей части рынков лионского сбыта еще много непроданного товара [45]. Но хлеб дешев, и город спокоен.

Большое стачечное движение разыгралось в 1819 г. в Роанне (департамент Луары) между грузчиками и вообще рабочими речных пристаней, требовавшими повышения заработной платы. Движение, перемежаясь, продолжалось несколько месяцев и доставило администрации немало забот. Констатировано было между рабочими существование крепкой сплоченности, и организована стачка была очень хорошо. Был положен штраф в 1000 франков со всякого штрейкбрехера [46]. Была образована стачечная касса [47], пришлось передвигать войсковые части из соседних городов [48], чтобы поддержать порядок, о чем необычайно беспокоились как мэр города, так и префект департамента. Стачка была активной, с активной борьбой против ее нарушителей. Но, судя по документам, можно заключить, что стачечникам удалось добиться удовлетворения части своих требований.

В июне 1819 г. началась стачка рудокопов вблизи г. Анжера, в грифельных рудниках. Рабочие потребовали от владельцев увеличения заработной платы. Эти стачки были здесь делом очень частым [49], и прокуратура считала, что политичнее проявить осмотрительность, раньше чем вмешиваться, так как рабочих очень много и семьи их живут в городе (Анжере). Среди рудокопов, оказывается, была организация, которая и поддерживала постоянно борьбу против хозяев; хозяева же *изо всех сил* боролись с этой организацией, «противной их интересам» [50]. Эта организация — одно из старинных товариществ. Рабочие, прежде всего, не допускали посторонних рабочих иначе, как по собственному согласию, а работы передавали по наследству детям мужского пола. Затем рабочие могли оставить любой рудник и перейти работать в другой. Благодаря этому некоторые рудники совсем бывали брошены рабочими, и это являлось сильным средством давления на каждого отдельного хозяина, даже и без провозглашения стачки [51]. История стачки 1819 г. такова. Еще в 1817 г. 10 сентября хозяева чрез своих так называемых клерков, т. е. начальников отдельных мастерских, объявили свое решение: отныне рабочие утрачивали старинное право по произ-

волу, не спросив согласия нанимателя, переходить из одного рудника в другой; в случае же дурного поведения рабочего, на бумаге, без которой отныне его никуда не должны принимать на рудниках, хозяин мог сделать *пометку* (une remarque), подчеркнутую в тексте, а эта пометка могла бы содержать указание, чтобы данного рабочего не принимали на работу. Чтобы не возбудить сразу протеста рабочих тогда же, в 1817 г., хозяева скрыли от них сначала постановление об этих *пометках* и вообще настолько позолотили пилюлю (или, как выражается префект, так *окрасили* дело — coloré de telle manière), что рабочие подчинились. Но вскоре, конечно, все вышло наружу, так как рабочие стали замечать, по многим признакам, существование такого соглашения между хозяевами. Тогда, в мае 1818 г., они сразу забастовали во имя восстановления своих нарушенных хозяевами старинных прав. Префект вмешался, сначала издал обычное угрожающее заявление по адресу рабочих, но так как стачка продолжалась, то он обратился к хозяевам, «чтобы просветить их относительно прав и притязаний заинтересованных сторон». 27 мая стачка кончилась, после того как «обе стороны уменьшили свои претензии», по неясному выражению префекта. После этого была речь об урегулировании этого частного соглашения между хозяевами, но так ничего и не было предпринято вплоть до новой стачки, провозглашенной в июне 1819 г. На этот раз основная причина осталась прежняя, предлог же был следующий. 8 июня 1819 г. трое рабочих одного рудника явились в другой, и заведующий отказался принять их на работу. Но рабочие силой ввели новых трех своих товарищей и дали им работу. Тогда заведующий обратился к хозяевам. Меньшинство хозяев соглашалось уступить рабочим, но большинство высказалось против. Рабочие ответили провозглашением забастовки. Кроме охраны старых своих прав, рабочие были в данном случае еще под влиянием раздражения из-за двух последовательных уменьшений заработной платы, происшедших в последнее время [52].

Стачка длилась уже около месяца; уже прошла первая неделя июля, а исхода не предвиделось. Между властями было несогласие. Префект считал поведение рабочих совершенно беззаконным, а местный прокурор вовсе не был в этом уверен и очень обвинял в происшедшем самих хозяев [53]. Но высшие власти стали на сторону префекта, и начались аресты между бастующими рабочими, на которых, как догадывается префект, это разногласие подействовало ободряющим образом и возбудило их надежды. Забастовка продолжалась. На место происшествий был командирован *главный* прокурор, который уже в самом конце июля того же 1819 г. представил полный отчет министру юстиции. В забастовке, доносит он, принимают участие

1400 рабочих, но есть надежда на скорое ее прекращение (и даже задержку он объясняет также и тем, что часть рабочих с начала стачки кормится на полевых работах и уже не может бросить их, не нарушая своих обязательств по отношению к новым хозяевам). Главный прокурор, подобно прокурору местному, тоже полагает, что виноваты хозяева; он даже имеет основание предполагать в поведении хозяев провокацию с целью вызвать забастовку, так как у хозяев оказалось слишком много товара на руках, и им желательно было приостановить производство, чтобы повысить цены на товар [54]. Прокурору даже называли лицо, которое из-за повышения цен благодаря этой стачке за 12 дней нажило 30 000 франков, и именно этот самый человек суровее всех к рабочим, «громче всех кричал» против них [55]. Рабочие, засаженные в тюрьму, сами подали жалобу против хозяев, обвиняя именно их в беззаконной стачке, в коллективном соглашении, направленном против рабочих. Стачка поддерживалась главным образом так называемыми верхними рабочими (d'ouvriers d'en haut), выделывающими кирпичи. Это — наследственные рабочие кирпичных заводов, блюстители правил и хранители старых преданий, люди, поколениями жившие в этой местности. Другие, именно достающие глину (ouvriers d'en bas), более случайный элемент, примкнули к стачке пассивно, уже после того как она была решена. Что касается обычая принимать рабочих в любом руднике, то хозяйские интересы от этого не страдали: хозяин платил за тысячу кирпичей столько-то и заказывал столько-то тысяч кирпичей, а уж какие рабочие будут их делать и сколько этих рабочих будет — это его не касалось. Вот почему, в самом деле, внезапное и грубое нарушение старых рабочих привилегий могло показаться умышленной провокацией, желанием иметь бесконтрольную власть над рабочими [56]. Забастовка окончилась в августе 1819 г. Результаты ее из документов не видны.

Рубе был издавна одним из центров ткацкого (в том числе и бумаго-ткацкого) дела. Пряжа доставлялась в Рубе со стороны, и в самом городе прядилен было несравненно меньше, чем ткацких мастерских. Еще до революции некоторые хозяева-ткачи в Рубе стремились получить нужную им пряжу из соседней Бельгии (Фландрии), и при Наполеоне, когда Бельгия была инкорпорирована, эти сношения упрочились. При Реставрации хозяева ткацких мастерских стали выписывать не пряжу, а прядильщиков-фламандцев. На этой почве и возникли довольно серьезные беспорядки в Рубе; местные рабочие выступили против пришлых, и дело неоднократно доходило до побоищ и активного вмешательства вооруженной силы [57].

Эти бурные волнения, потребовавшие вмешательства жандармерии, разразились в июле 1819 г. В этом «чисто мануфак-

турном и очень населенном городе» французы-рабочие решили выгнать рабочих-бельгийцев, приходящих сюда на заработки из соседней Бельгии. Беспорядки длились несколько дней (с 14 по 18 июля). Эти волнения охватили также прилегающие к Рубе деревни, где были рассеяны рабочие, получавшие на дом заказы от мануфактур г. Рубе [58]. Полиция и жандармерия прекратили волнения. Последствием этих событий было то, что, охваченные паникой, многие фламандские рабочие поспешили уйти в Бельгию. Причиной выступления французских рабочих была, как сказано, конкуренция на рынке труда: фламандцы умели делать то, чего не умели французы (в области текстильного производства) [59].

Вот некоторые детали этого дела, по донесениям полиции.

14 июля 1819 г. от 400 до 500 рабочих г. Рубе обнаружили намерение напасть на иностранцев-рабочих, работающих в этом городе. Собрание было рассеяно властями, но на другой день рабочие вновь собрались — и снова жандармы их разогнали. Основной целью движения было — выгнать вон фламандцев, приходивших из соседней Бельгии искать работы и сбивавших заработную плату. Следующим действием должно было быть требование к хозяевам о повышении заработной платы [60]. Движение приняло такие размеры, что речь шла о перемещении в Рубе новой жандармской бригады. Вечером 18 июля сборища возобновились и произошли открытые столкновения как с фламандцами, так и с жандармами. Были произведены аресты. Напуганные фламандцы решили все же уйти на родину [61]. Нужно к слову сказать, что во времена безработицы, конечно, вражда к рабочим-иностранцам проявлялась более часто и принимала более резкие формы. Так было, например, в Париже летом 1826 г., особенно между кузнецами и каретниками, так как среди них было много немцев. Хозяева любили немцев за большее прилежание [62], и когда начались сокращения, стали увольнять французов, оставляя немцев на службе. Произошли драки и столкновения на этой почве, вызвавшие вмешательство полиции.

В 1819 г. хотя безработицы *общей* не было, но она была широко распространена.

В 1819 г. мануфактуры Амьена и всего промышленного департамента Соммы находились в довольно печальном состоянии [63]. В Бордо дела шли плохо и в 1819 г. Прекратилось или сильно сократилось судостроение, много рабочих осталось на улице, торговые обороты сильно уменьшились. Неуверенность во внешней и внутренней политике сильно вредила этому морскому порту и торговому центру [64]. 22 и 23 января 1820 г. были большие сборища рабочих, занятых на постройке моста в Бордо. Против них была пущена полиция и вооруженная сила, и

несколько человек из них было ранено. Арестованные поплатились тюрьмой от одного года до двух лет; министр называет это дело rixes extrêmement graves. Но мы из документов не усмотрели, каков был истинный характер дела, т. е. было ли это обычное побоище между товариществами или стачка [65].

Летом 1819 г.— в Бордо настоящий торговый и промышленный кризис. Самые богатые фирмы — без денег, без сбыта, мануфактуры увольняют рабочих [66]. В Ниме — безработица, рабочие в тяжком положении [67].

Лето и ранняя осень 1819 г. для французской промышленности были удовлетворительны, жалоб на безработицу почти что ниоткуда не слышно. Напротив, кое-где отмечается «величайшая деятельность», констатируется усиление железоделательного и оружейного производства, увеличение в производстве текстильных предметов роскоши вроде бархатных лент, позументов и т. п. [68] Напротив, с ноября начинают мелькать известия о застое в торговле, о том, что рабочие не находят себе работы [69]. К счастью для нуждающихся, урожай был обилен и хлеб дешев.

В Лионе весной 1819 г. тоже были жалобы на недостаток в заказах. Но уже в конце лета 1819 г. дела лионских мануфактур поправились, они заработали почти полным ходом, и даже в средине августа обнаружилось, что они обеспечены заказами до октября [70]. В августе и начале сентября 1819 г. возникло большое брожение среди рабочих-суконщиков г. Седана. Фабриканты уменьшили заработную плату, и рабочие прекратили работу. Мэр города вывесил извещение, воспрещающее стачку, а рабочие ответили «своего рода манифестом», как выражается министр полиции. К сожалению, текста этого манифеста в документах не сохранилось. Было узнано в Париже об этом деле по рассказам кондукторов дилижансов и почтальонов, прибывших из Седана [71]. На встревоженный запрос министра внутренних дел префект департамента Арденнов ответил (22 сентября), что уже «все интересы примирились». Зимой 1819 г. лионские мануфактуры работали безостановочно, и запасы прибывали в таком количестве, которое превышало среднее их число в зимнем сезоне [72].

В начале мая 1820 г. произошли две стачки: одна в Руане, на прядильне Талона, другая в Бордо между рабочими лесопильни Кавалье. В Руане забастовщики (их было 80 человек) послали к хозяину выбранных ими представителей с требованием увеличения заработной платы: одновременно, путем угроз, они заставили прекратить работу также и тех рабочих, которые не примкнули сразу к движению. Мэр, «вместе с владельцем», пытался воздействовать путем убеждения, но, не успев в своем намерении, передал дело прокурору. Одновременно полиция

приняла меры со своей стороны [73]. В Бордо, где речь шла тоже об увеличении заработной платы, дело тоже окончилось арестами [74].

В угольных копях Blanzy (в департаменте Соны-и-Луары) в марте 1820 г. вспыхнула забастовка среди углекопов. Хозяева обратились немедленно к прокурору с просьбой о применении статьи 415 уголовного кодекса, карающей за стачки. Но хозяева представили «недостаточные данные», и прокурор преследования не начал [75]. Забастовка окончилась с не известными нам из документов результатами.

В общем, 1820 год был для главных отраслей французской промышленности лучше, чем все предшествующее пятилетие. Процветание руанской промышленности продолжалось все лето 1820 г. Хлопчатобумажные материи шли нарасхват, «едва выйдя из рук рабочего»; хорошо раскупались и суконные материи [76]. В Амьене мануфактуры в 1820 г. работают, хоть и без больших прибылей. Бумагопрядильщики жалуются на повышение цен на хлопок, вследствие враждебной французам политики правительства Соединенных Штатов [77]. Зимой 1820/21 г. положение амьенской промышленности стало еще лучше, чем было за несколько месяцев до того. Заказов было столько, что и впереди, на ближайшее время, причин к тревоге не предвиделось. Если что внушало опасения — это слухи о протекционистских наклонностях испанских кортесов [78]. Новая революционная власть в Испании в самом деле мечтала о закрытии испанского рынка для иностранной конкуренции. В г. Тарар и окрестностях было около сотни муслиновых фабрик, дававших работу 3000 рабочих. Все эти фабрики в 1820 г. находились в полном процветании [79]. В Лионе работы на шелковых мануфактурах тоже шли полным ходом. К средине лета 1820 г. заказы стали еще значительнее, чем были с начала года. Рабочие лионских мануфактур могли диктовать цены за труд: рабочих рук не хватало [80]. К началу декабря 1820 г. дело дошло до того, что лионские фабриканты отказались от одной трети всех заказов, им предложенных: не хватало рабочих рук, и рабочие получали высокую плату [81]. В конце 1820 и начале 1821 г. со всех сторон констатируется «большая деятельность» на лионских мануфактурах [82]. В Руане (тогда же) отмечается процветание всей промышленности, исчезновение нищенства среди населения; те же известия несутся из Амьена, из всего департамента L'Aisne, из г. Бар-ле-Дюка и из других мест [83]. В Каркассоне к началу осени 1820 г. учащаются жалобы на уменьшение деятельности мануфактур [84]. Слышны жалобы и из Шалона-на-Марне [85]. Но осенью и в Шалоне-на-Марне дела поправляются, и в октябре 1820 г. оттуда приходят успокоительные известия. В Бар-ле-Дюке железоделательные мастерские процветают, другие ма-

нуфактуры работают вяло [86]. В Эпинале и всем департаменте Вогезов промышленность держится на нормальном уровне, безработицы нет. Положение в Бордо в начале 1821 г. рисуется в весьма радужном виде. Рабочий класс находится в «глубоком спокойствии», работы всюду довольно, припасы дешевы [87].

В феврале 1821 г. произошла стачка рабочих, которые в очень большом количестве работали в порту г. Ванн (департамент Морбиган). Стачечники потребовали от подрядчика работ, производившихся в порту, увеличения заработной платы. Шесть человек, выслеженных полицией, были арестованы как зачинщики. После арестов частично работы восстановились [88].

В том же году, в г. Легле (департамент Орн), в октябре, внезапное известие о банкротстве владельца обширной бумагопрядильни Эммелера выбросило на улицу 300 человек рабочих, с которыми власти решительно не знали, что делать. Происходили сборища неожиданно лишившихся куска хлеба людей, и власти сильно опасались беспорядков. Дело понемногу уладилось... Одно такое дело ослепительным светом освещает всю необеспеченность рабочего человека в эту пору. Банкротство крупной прядильни — это голод, иной раз очень длительный, для нескольких сотен человек, это — общественное бедствие, о котором с тревогой доносят центральному правительству [89].

Из Амьена в течение всей зимы и весны 1821 г. несутся тоже весьма оптимистические донесения: мануфактуры проявляют самую кипучую деятельность и в Амьене и в Аббевиле, и рабочие имеют не только заработки, но и пользуются дешевизной съестных припасов в департаменте. Все спокойно. Правда, префект, очевидно склонный к идеалистическому истолкованию явлений, приписывает это спокойствие не удовлетворительному экономическому положению, но цензуре, наложенной на газеты [90].

В апреле 1821 г. отмечается снова полное промышленное процветание не только Руана, Лилля, Амьена, но всех департаментов, где эти города расположены, т. е. самых промышленных департаментов Франции [91]. Рабочие — нарасхват, заказов столько, что трудно успеть их выполнить.

В июне 1821 г. амьенские рабочие-красильщики сукон и ситцев устроили кассу взаимопомощи. Но при этом они воспользовались своими собраниями с целью установить некоторый минимум расценки своего труда, ниже которого не следовало соглашаться брать [92]. По доносу хозяев красильщики были привлечены к ответственности, как за беззаконное коллективное соглашение. Главная роль в данном деле принадлежала амьенской торговой палате, которой удалось чрез префекта Соммы убедить министра внутренних дел в необходимости применить к «виновным» 415-ю статью, карающую за стачки. Рабочие

поспешили взять назад свое соглашение насчет платы, чтобы избавиться от судебного преследования [93].

Летом 1821 г. Лион переживал время поразительного (для близко стоявших наблюдателей) процветания шелкового производства. В работе находилось до 15 000 станков. Фабриканты говорили, правда, что их доходы не так велики, как может казаться, так как конкуренция сбивает цены на товар (конкуренция *в самом Лионе* от новых предприятий), но рабочие от этого, конечно, только выигрывали [94]. В Лионе, в самом деле, их заработная плата несколько увеличивалась в эпоху такого промышленного оживления. Но вот, например, в Ниме, где тоже процветало шелковое производство и тоже дела шли в это самое время прекрасно, рабочие продолжали получать *низкую* заработную плату, с точки зрения такого свидетеля, которому в данном случае можно вполне доверять,— префекта департамента Гард [95].

В разгаре лета 1821 г. в Лионе продолжается кипучая промышленная деятельность. Даже вечный кошмар фабрикантов — эмиграция рабочих — нисколько их не пугает уже. Рабочие возвращаются, по большей части их попытки перенести лионское искусство в другие страны оказываются тщетными, мало удачными.

К началу осени того же 1821 г. шелковое производство в Лионе усилилось так неимоверно, что насчитывали уже до *двадцати пяти тысяч* станков в работе [96].

Подъем промышленности был общий для всех отраслей производства. У нас есть положительные свидетельства, что большое шерстяное производство департамента l'Aude, и прежде всего г. Каркассонна, расчитанное в очень большой степени и с давних пор на левантийские рынки, нисколько не уменьшилось в 1821 г. и продолжало сбывать массу материй. Одни только каркассоннские мануфактуры сбыли тогда за один год за границу 16 700 штук тканей на сумму в 7 миллионов франков [97]. Противоречивые известия не нарушают правильности этой общей характеристики.

С 1822 г. наступает некоторое ухудшение, которое с весны становится уже очень заметным.

После благоприятного 1821 г. для руанской промышленности последовал период довольно трудный. Особенно серьезен был кризис в самой важной отрасли промышленной деятельности всего департамента Нижней Сены — в хлопчатобумажной индустрии, которая в среднем давала населению департамента, как фабрикантам, так и рабочим, в общей сложности до 45 миллионов франков ежегодного дохода (к сожалению, наши документы дают лишь общую цифру) [98]. Произошел кризис сбыта, сильно уменьшивший эту цифру и заставивший многих пред-

принимателей сократить, а иных даже прекратить вовсе производство. Это явление прежде всего ставилось в связь с сокращением внешних рынков: восстание Греции на востоке, революция в Испании, которая обыкновенно поглощала *очень много* руанских материй, «rouenneries»,— таковы были главнейшие из этих условий [99]. Число рабочих еще не уменьшилось в Руане и департаменте очень заметно в 1822 г., но заработная плата пала значительно. В Эльбёфе, центре суконного производства, это производство сократилось в 1822 г. на одну треть сравнительно с предыдущим годом.

В апреле 1822 г. владелец седанской суконной мануфактуры барон де Нефлиз объявил своим рабочим об уменьшении сдельной платы. Все 60 рабочих тотчас оставили сообща работу. Нефлиз получил во время этой стачки угрожающее письмо, и власти очень обеспокоились. Но ни поджога, ни убийства не произошло, и стачка вскоре прекратилась, не достигнув цели. За время этой стачки был арестован и осужден на год тюрьмы рабочий Жадо: ему инкриминировалось оскорбление величества. Он публично выразился так: при Наполеоне он бы всегда был готов стать солдатом, но при Людовике XVIII — он не желает служить [100]. В Дюнкирхене, в мае 1822 г., стачка рабочих с целью заставить подрядчика повысить заработную плату побудила подрядчика отчасти заменить бастующих другими пришлыми рабочими, а отчасти — солдатами местного гарнизона (подряд был дан казной, речь шла о работе в порту). Эти приемы вызвали раздражение и сборища рабочих. Но забастовка кончилась неудачей, и рабочие стали на работу [101].

В средине июля 1822 г. учащаются некоторые жалобы на недостаток сбыта хлопчатобумажных материй [102]. Но общая картина промышленного подъема от этого не изменяется: «большие мастерские и мануфактуры предместий продолжают проявлять большую деятельность» [103].

В сентябре 1822 г. произошла новая (третья, считая с 1817 г.) стачка рабочих-шляпочников в Лионе. Хотя, по отзывам самих властей, она протекала без всяких нарушений общественной тишины и спокойствия, это не помешало суду исправительной полиции засадить на месяц в тюрьму и, сверх того, присудить к штрафу, по 16 франков каждого, восемь рабочих [104]. Стачка продолжалась несколько дней и привела к компромиссному решению. Пострадавшие семь рабочих были отмечены администрацией больше по впечатлению, чем вследствие положительных данных.

Эта третья стачка шляпочников в Лионе в октябре 1822 г.— одно из типичных явлений. Рабочие вступают в соглашение с целью одновременно прекратить работу. Все идет мирно, сдержанно; по утверждению самих судебных властей, в этой стачке

нет никакого признака политики, стачечники (по тому же свидетельству) не произвели ни малейших беспорядков, никакого даже шума; движущая причина — *исключительно* вопрос о повышении платы. И вот, *зная* все это, даже подчеркивая все это в своей бумаге министру юстиции, прокурор и администрация выхватывают из числа рабочих десять человек и сажают восемь из них, сначала в порядке предварительном, а потом карательном, в тюрьму, а двух оправдывают [105].

Перемежаясь, в течение всей второй половины 1822 г. следуют известия о некотором кризисе хлопчатобумажной промышленности и о продолжающемся процветании других производств и работ [106]. Расценка труда на хлопчатобумажных мануфактурах понижается, рабочие этим раздражаются, но до забастовки дело не доходит [107]. Строительные работы, испытавшие такую серьезную заминку, как пятинедельная остановка в самом разгаре строительного сезона, осенью наверстывали потерянное время, и работы шли полным ходом.

В сентябре 1822 г. вспыхнула забастовка на большой бумажной мануфактуре недалеко от Куломье (так наз. papeteries du Marais), в департаменте Сены-и-Марны. Почти 400 рабочих этого громадного предприятия, между прочим дававшего бумагу для кредитных билетов Государственного банка, по уговору прекратили работу. Во главе забастовки стояла старинная корпорация «du devoir». Хозяин мануфактуры пишет, между прочим, префекту, что эта нелегальная корпорация так сильна, так предприимчива, ее законы так исполняются, что правительство ни при Людовике XVI, ни при Директории, ни при Наполеоне ничего не могло с ней поделать, а местные власти — намекает жалобщик — даже побаиваются ее [108]. Вся забастовка возникла из-за того, что рабочие не хотели принимать на фабрику новых рабочих, если те не состоят членами корпорации «du devoir». Хозяин упорствовал, и корпорация решила идти напролом. Конечно, дело было не в капризе той или иной стороны: рабочие не желали пускать в свою среду посторонних и чужих себе лиц, будущих штрейкбрехеров, а хозяин именно поэтому и желал разредить сплоченную массу, подчиняющуюся единой организации, посторонним элементом, на который он мог бы опереться в борьбе против рабочих. В конце концов рабочие настояли на своем, и все вошло в нормальную колею.

Нужно сказать, что рабочие бумажных мануфактур уже с очень давних времен были на особом положении.

В конце декабря 1822 и начале января 1823 г. рабочие, которые были заняты сплавом леса для г. Парижа и работали по реке Кюр (Cure), внезапно прекратили работу. Они настолько осторожно вели дело, что даже отказались открыто выставить мотив своего поведения и формулировать требование, хотя всем

было ясно, что они желают увеличения заработной платы. «Непременно существуют зачинщики,— доносит префект Ионны министру внутренних дел,— но они действуют так секретно, что их нельзя раскрыть» [109]. Положение создалось для администрации довольно затруднительное: пустить в ход 415-ю статью трудно, раз налицо нет ни стачки, ни зачинщиков, а просто рабочие порознь заявили, ничего не требуя, что они прекращают свою работу. Но смущение властей продолжалось недолго. Прокурор оксеррского суда вызвал рабочих, «в которых можно было предполагать больше всего упорства» (qu'on pouvait supposer être les plus récalcitrants), и они были заключены в тюрьму на одни сутки. Сверх того, префект издал официальное извещение с угрозами репрессией по тем же 415-й и 416-й статьям. Извещение кончалось *приказом* рабочим возобновить работу под угрозой суровых наказаний [110]. Префект сообщал министру, что он уверен в успехе этого мероприятия. Чем кончилась стачка, из документов не видно.

Много хлопот и беспокойств гражданским и военным властям причинили (в апреле 1823 г.) большие и очень бурные сборища рабочих, работавших на постройке канала в департаменте Ньевр. Подрядчик Лапотери не платил им денег больше двух месяцев, и они собрались громадной толпой пред его домом, требуя уплаты. Только вмешательство жандармерии в больших размерах прекратило волнение. Требования рабочих были удовлетворены [111].

В начале июля 1823 г. забастовали с целью добиться увеличения заработной платы каменотесы близ Муйона, недалеко от Сент-Этьенна. Забастовавшие стали снимать с работ всех, не сразу примкнувших к стачке. Жандармерия отправилась на место, чтобы защитить нарушителей стачки, и арестовала двух рабочих, виновных лишь в том, что «дерзко» ответили, что имеют право прекращать свою работу, когда хотят; арестованы были и еще рабочие, причем жандармам было оказано сопротивление. Кончилось дело тем, что двое, *понаслышке* будто бы зачинщики стачки (сам прокурор осторожно говорит: réputés), были приговорены к тюремному заключению на *два года*, восемь человек — на три месяца тюрьмы. Более 600 рабочих присутствовали в зале суда в Сент-Этьенне, но они молча выслушали прения сторон и приговор [112].

Не спокойно в 1823 г. министерство внутренних дел и насчет рабочих в Бар-ле-Дюке (департамент Мозель). Оппозиция делает усилия, чтобы взволновать «слишком многочисленный класс рабочих». Одно из средств — внезапное уменьшение расценки рабочего труда [113]. Пришлось спешно просить военного министра о перемещении в Бар-ле-Дюк новых войсковых частей для обеспечения спокойствия.

В июле 1823 г. возникло движение среди рабочих бумажных фабрик г. Тиера (в департаменте Пюи-де-Дом). Рабочие потребовали увеличения на 10 сантимов в день заработной платы и забастовали. Помощник префекта собрал фабрикантов на совещание. Фабриканты, собравшись в количестве 16 человек (из 22), объявили, что увеличить плату они не желают, хотя бы пришлось прекратить работу на 3—4 месяца. На это помощник префекта заметил, что эти же самые фабриканты уже принимали и прежде подобные решения и все-таки «никогда не имели силы выполнить его» и что сами же они потом шли к рабочим и просили вернуться. А тут еще пять человек из их же среды, не пришедшие на собрание, уже пошли на эту уступку. Но эти резоны не помогли. Тогда помощник префекта все-таки обещал упорствующим хозяевам полную поддержку со стороны власти [114]. Полиции было велено «следить за каждым словом, за каждым действием рабочих» на предмет немедленного привлечения их к уголовной ответственности. Забастовка окончилась спустя несколько дней и окончилась, судя по нашим документам, неудачей для рабочих.

В августе 1823 г. рабочие каменоломни близ Рокфона (департамент Ло-и-Гаронны) после яростной схватки отбили у отряда жандармерии своего товарища, который был дезертиром и, уйдя из полка, скрывался в их среде и тоже работал в каменоломне [115]. Подобное же нападение на жандармов с целью отбить арестованного товарища произошло в сентябре того же года в Лионе [116].

В конце января 1824 г. глухо отмечаются стачечные движения среди рабочих «разных профессий», и тут же говорится, что эти движения были «подавлены или остановлены», но никаких конкретных данных не дается [117].

1 декабря 1823 г. забастовали углекопы копей близ Шамбейрона (департамент Луары), требуя, чтобы им отпускалась, сверх обычной заработной платы, еще мера угля два раза в месяц. Стачка быстро охватила все окрестные копи. Чрез два дня после начала стачки появились первые ее нарушители. Бастующие старались угрозами снять их с работы, и в конце концов были пущены в ход камни и даже в одного из штрейкбрехеров стреляли из засады. После нескольких выстрелов (дело было ночью, так как штрейкбрехеры старались спуститься в копи под покровом темноты) попытка штрейкбрехеров была оставлена. Наудачу семь человек, решительно ничем не отличавшихся от других сотен бастующих, были засажены в тюрьму на 15 дней, но власти сами признавали, что рабочие не так неправы: эта выдача угля для личных потребностей рабочего была стародавним обычаем, который внезапно был отменен хозяевами. Стачка прекратилась до удовлетворения требования рабочих [118].

В мае 1824 г. возникло брожение среди рабочих судостроительных мастерских г. Шербурга. Между рабочими пронесся слух, что они будут милитаризованы, т. е. будет составлен особый отряд, который будет жить в казармах; приниматься в отряд будут лишь лица не моложе 16 и не старше 50 лет. Этот слух, крайне взволновавший рабочих, возник на почве в самом деле реально угрожавшего рабочим несчастья — сокращения работ на верфях. Префектура города прямо заявляла министру внутренних дел, что и без того безработных очень много, что нужно только удивляться сдержанности рабочих и тому, что они так мало жалуются. Внезапные увольнения могут вызвать явления, опасные для общественного спокойствия; таково было мнение местных властей, весьма настойчиво передававшееся ими в Париж [119]. Министр внутренних дел попытался воздействовать на морского министра, чтобы тот не сокращал числа рабочих, но получил от маркиза Клермон-Тоннера весьма холодный ответ, сводившийся к тому, что пока у морского министерства не будет достаточно средств, до той поры работы будут неминуемо сокращаться [120].

Плотники и рабочие веревочных мастерских в Нанте (весной и летом 1824 г.) требуют увеличения заработной платы, объявляют забастовку, и в самом деле работа останавливается. Характерно, что эта забастовка возникает и держится на почве *благоприятной* общей экономической конъюнктуры: рабочие руки нарасхват, работ много, в аналогичных специальностях плата повышена, и, естественно, плотники требуют того же [121]. Сам префект признает, что их требование «в основе было не совсем несправедливо» (тем более, что они просили прибавки в 50 сантимов в день). И все-таки власти активно вмешались, угрозами старались сорвать забастовку, привлекли к суду «зачинщиков». И у плотников, и у веревочников замечается на этот раз явное стремление энергично бороться с штрейкбрехерами, которых всячески охраняет и отстаивает власть. Веревочников бастовало 300 человек; число плотников по документам установить мне не удалось. Конечно, в донесении, как всегда, есть утешительный конец: рабочие стали на работу, и — тоже как всегда — умалчивается об экономических результатах. Префекты почти всегда скрывали от министра, когда приходилось уступить требованиям рабочих [122].

Плотники г. Нанта решили объявить забастовку с целью увеличения заработной платы. Они собрались в закрытом помещении с целью письменно формулировать свои требования. Во время их совещания дом был окружен полицией, 24 человека было арестовано, и было объявлено, что их желания будут рассмотрены лишь тогда, когда они примутся за работу [123].

Большая забастовка булочников происходила в Бордо 2 июля 1824 г. Она окончилась арестом 115 человек, присуждением к тюремному заключению на три месяца «зачинщиков», причем префект жаловался министру на излишнюю мягкость судебного приговора [124].

Большие волнения произошли также в ноябре 1824 г. среди рабочих, строивших Эгильонский мост (департамент Ло-и-Гаронны). Здесь требовали не только увеличения заработной платы, но также аккуратной выплаты постоянно задерживаемых подрядчиком денег. Так, *два с половиной месяца* он им не платил заработанных денег. «Зачинщики», выхваченные в количестве 10 человек, отсидели 22 дня в тюрьме. Но префект при этом обещал рабочим, что заработанное будет им уплачено, а вопрос об увеличении платы будет рассмотрен [125].

Хозяева бумаготкацких мастерских в Ремирмоне (департамент Вогезов), получив 28 ноября 1824 г. из Мюльгаузена, Танна и других промышленных центров соседнего Эльзаса соответствующие извещения, объявили своим рабочим об уменьшении заработной платы на 1 франк за штуку материи. Так как для производства такой штуки материи требовалась от рабочего индивидуально работа одной недели, то уменьшение платы приравнено было рабочим к 15 сантимам в день. Когда письменное извещение об этом было вывешено во всех мастерских, то среди рабочих началось брожение. Рабочие двух мастерских объявили о прекращении работ, заперли помещение, вручили ключи заведующим работами и ушли. У одного из хозяев было при этом выбито камнем окно. Стачка продолжалась два дня и окончилась безрезультатно для рабочих. Зачинщики были преданы суду. Прокурор, однако, возбудил вопрос, в самом ли деле в соседнем Эльзасе (департамент Верхнего Рейна) состоялось упомянутое уменьшение цен, или хозяева Ремирмона все это выдумали, чтобы иметь предлог для уменьшения платы. Прокурор наперед заявлял, что в последнем случае поведение хозяев несправедливо и предосудительно и что «рабочие до известной степени заслуживают извинения» [126]. Префект департамента Вогезов имел по поводу этого щекотливого дела устное объяснение с прокурором. Префект согласился с прокурором, что уменьшение платы было со стороны хозяев актом произвольным и «слишком внезапным» (trop subit), но тем не менее представитель администрации настаивал, что вина хозяев не оправдывает «мятежнического акта» (l'insurrection) со стороны рабочих. Прокурор согласился с этим рассуждением, и «зачинщики» поплатились тюремным заключением на 15 дней [127].

Даже естественные ожидания самих промышленников, что к зиме придется сократить производство (как это всегда бывало), оказались не оправданными действительностью. Мануфак-

туры *всех* родов производства ещё в декабре 1825 г. давали работу такому же количеству рабочих, как в течение всего этого на редкость удачного и богатого года [128].

Близ Ангулема в апреле 1825 г., на бумажной мануфактуре Лакурада, рабочие забастовали только потому, что администрация приняла одну работницу, не принадлежащую к их «famille», т. е. к их товариществу, и вынесли осуждение (damnation) этой девушке (т. е., по более новому, бойкот). Явился мэр, дал рабочим два дня на размышление, объявив, что затем передаст дело прокурору. Дело окончилось мирно: «наполовину увещаниями, наполовину угрозами» администрация заставила рабочих вернуться на мануфактуру [129], но фабрикант «по всем пунктам уступил рабочим», и рабочие «смотрят на это как на свою победу и не скрывают своей радости» [130].

Новая стачка в том же департаменте Шаранты и тоже на бумажной мануфактуре, так называемой Moulin-neuf, вспыхнула в сентябре 1825 г. Рабочие требовали увеличения заработной платы. Рабочие в конце концов подчинились угрозам администрации и возобновили работу, но «этот огонь не потух, он тлеет под пеплом»,— многозначительно пишет местная администрация министру [131]. В то же время на бумажных мануфактурах в Пюи-де-Доме, в г. Тиере, происходили также стачки, и власти усмотрели прямую связь между этими движениями. Стачка на бумажных фабриках в Тиере (департамент Пюи-де-Дом) грозила охватить также рабочих ножевого производства, находившихся в соседстве [132].

3 сентября 1825 г. временно прекратившаяся забастовка на бумажных фабриках в Тиере снова вспыхнула. На этот раз она имела вполне легальные формы: рабочие заявили фабрикантам, что по истечении узаконенного срока, шесть недель после предупреждения, они уходят из их предприятий. Этот легальный характер дела очень смущал власти, так как *законной* репрессии быть не могло [133]. И все-таки преследования против рабочих *были* затеяны, несмотря на явную беззаконность репрессии! [134]

В августе того же 1825 г. на мануфактуре Joly (в Сен-Кантене) произошла стачка, кончившаяся заключением в тюрьму нескольких рабочих. После этого остальные рабочие мануфактуры собрались под окнами тюрьмы. Не ясно, чем дело кончилось: сами жалобщики, т. е. владельцы мануфактуры, не пожелали осуждения арестованных [135].

В сентябре 1825 г. вспыхнула стачка на зеркальной мануфактуре в Коммантри (Commentry, в департаменте Allier); рабочие требовали повышения расценки труда. По поводу этого дела министр внутренних дел писал префекту, рекомендуя вообще в таких случаях «быстроту и суровость» [136]. Прибавим, что в сентябре 1827 г. на той же мануфактуре снова вспыхнула

стачка. Прокурор с отрядом жандармов явился из Монлюсона и произвел аресты. Движение прекратилось [137].

Движение среди рабочих в Руане, в Марселе, в Тюрнюсе, в Тиере в первый раз в начале сентября 1825 г. заставило государственную полицию заподозрить, нет ли среди рабочего класса специальной агитации, и признать, что «власть с каждым днем утрачивает свою моральную силу и свое влияние на народ и что народ уступает только материальной силе» [138].

Дело в том, что особенно большое впечатление произвела кровавая развязка рабочего движения близ Руана в августе 1825 г. Вот как рисуется в наших документах это кровавое событие.

Временный кризис в получении хлопка заставил многих владельцев прядилен понизить заработную плату вследствие общего вздорожания производства, обусловливаемого вздорожанием сырья; кое-где прядильни и просто закрылись. Но хотя потом к 1825 г. хлопок снова понизился в цене до прежнего уровня, тем не менее не все фабриканты согласились с совершенно справедливым требованием рабочих, чтобы заработная плата тоже была повышена до прежнего уровня. В Руане, центре текстильной промышленности, хозяева сразу пошли на это, но в руанской области, в больших прядильнях в долине Девиля, владельцы самым недобросовестным образом затягивали дело. Рабочие долины Девиля путем прямых угроз заставили, наконец, своих хозяев уступить, но один из них, владелец самой большой из этих мануфактур, Левавассер, продолжал упорствовать. Эта мануфактура находилась близ городка Ульма, в долине Девиля. На частичное повышение платы он соглашался, но рабочих, естественно, это не удовлетворяло. 23 июля 1825 г. они формально объявили хозяину, что забастуют, если он не исполнит их требования. 4 августа началась забастовка, и бóльшая часть рабочих покинула мануфактуру. 4 августа был четверг, и покинувшие мануфактуру пришли за расчетом, как всегда, в субботу [139]. Хозяин денег не выдал, заявляя, что они не доработали двух дней. Это было начало. Государственная полиция с первых же дней движения отметила, что в нем нет ничего политического, что владелец мануфактуры — человек «сильно выраженных революционных мнений» (другими словами, принадлежит к либералам). Что он «очень богат, но известен своей недобросовестностью и несправедливостью» [140],— это тоже стало сразу известно. Общественное мнение, по отзыву полиции, *единодушно* осуждало поведение Левавассера [141], известного вообще своею недобросовестностью, жестокостью, грубостью и неразборчивостью в средствах. Будучи миллионером, он хуже всех притеснял своих рабочих, обсчитывая их и урывая у них полчаса отдыха (давая полчаса вместо одного часа на обед).

Итак, 6 августа 1825 г. на прядильной мануфактуре Левавассера, расположенной в коммуне Ульм (Houlme), в полутора лье от г. Руана, вспыхнула забастовка с целью добиться повышения заработной платы. Уже в первый день властям было ясно, что забастовка принимает весьма серьезный характер: если бы не быстрое прибытие жандармского отряда, хазяин мануфактуры был бы убит. Рабочие все старались прорваться в помещения мастерских с целью разбить машины [142], установленные там хозяином. Они выбили градом камней стекла в здании, и девять человек из них было арестовано. На другой день забастовка охватила соседние прядильни, и уже начали подходить рабочие из Руана; рабочая масса определенно высказывала намерение снести мануфактуру Левавассера с лица земли. Полковник жандармерии в своем первом донесении министру называет эту угрозу фанфаронадой и уверяет, что все меры приняты. Но уже на другой день после того, как это донесение было отправлено в Париж, волнения среди прядильщиков вспыхнули с такой страшной силой, что генерал, командующий войсками Нижней Сены, спешно прибыл сам в сопровождении батальона королевской гвардии на место действия. Префект, генерал, батальон гвардии, вся жандармерия явились к зданию мануфактуры. Рабочие отказались разойтись, после чего произошла общая атака войск на рабочих, «которые не продержались и четверти часа»,— пишет жандармский полковник. Другими словами, стычка была очень серьезная, если рабочие даже *четверть часа* оказывали сопротивление большим вооруженным силам («cette force très imposante — l'infanterie et la cavalerie, M. le général à la tête»,— пишет все тот же очевидец и участник, жандармский полковник [143]). Когда рабочие бежали, укрываясь в чащах и где попало, войска их преследовали и «жандармерия порубила саблями большое количество» [144]. Поведение жандармерии, «оказавшей чудеса храбрости, было выше всяких похвал», но она пострадала от камней и ружейных выстрелов [145]. Вообще рисуется (невольно и неумышленно, вопреки желанию полковника) картина настоящего вооруженного столкновения. У рабочих — пишет автор донесения — было мало огнестрельного оружия, но были вилы, громадные дубины, камни. Квартирмейстер был тяжко ранен, так же как четыре жандарма; пятый жандарм был убит пулей в грудь. На месте было схвачено 34 мужчины и 2 женщины, и за этим последовали многочисленные новые аресты. Волнение среди рабочих после этой битвы стало географически несколько распространяться, но полковник полагал, что сражение не возобновится и «восстание ограничится вчерашним делом, в котором восставшие не были пощажены» [146]. Это не единственный в наших бумагах намек на жестокое кровопролитие, учиненное 8 августа 1825 г. в долине Девиля (где находи-

лась мануфактура и где лежит весь Ульм). Сам хозяин мануфактуры Левавассер заявил, что накануне этого сражения он говорил с бастующими, которые требовали, чтобы он подчинился всем их требованиям. Он сказал: «Я подписался под $^{9}/_{10}$ ваших требований, и я не могу дать вам больше»,— после чего он уехал в карете под охраной конных жандармов. Толпа напала на конных жандармов, и они отстреливались.

После этого сражения 7—8 августа наступило, хотя и не сразу, некоторое затишье. На прядильне был оставлен сильный отряд для ее дальнейшей охраны; командир войск барон Делапорт испросил увеличения подчиненного ему контингента [147]. Работы частично возобновились уже 10 августа. Но успокоение наступило далеко не сразу. То власти доносят, что толпа бросается на жандармов, когда они ведут по улице арестованного, и старается его отбить [148]; то происходит попытка поджога дома Левавассера [149]; то приходится снова отмечать общее брожение, охватившее рабочих, и требовать новых и новых войск [150]; то отмечается глухое брожение (fermentation sourde) среди рабочих всей девильской долины и т. д.

15 августа арестовали рабочего Каньяра по обвинению в убийстве жандарма в столкновении 8 августа. Прошло еще некоторое время — и все стало успокаиваться, по крайней мере, судя по внешнему виду. Участники боя, наиболее отличившиеся, были представлены к награждению орденом Почетного легиона [151].

Раздражение в рабочей среде продолжалось. Были попытки поджогов, были подметные письма с угрозами. 25 августа 1825 г. вспыхнула было забастовка на прядильне Прево в Руане, и три «зачинщика» были арестованы, после чего бастующие вернулись в мастерские [152]. Готовился суд над арестованными по делу Левавассера, наудачу выхваченными из толпы; готовился также процесс Каньяра (Рустеля), обвинявшегося в убийстве жандарма. Четырнадцать «зачинщиков» стачки в Ульме были осуждены на 2 месяца тюремного заключения, причем суд даже отверг обвинение в том, что они были зачинщики, так что они были покараны просто как участники стачки. Администрация была очень недовольна слишком мягким, по ее мнению, приговором. «В самом деле, Monseigneur, стачки рабочих представляют очень большие опасности для поддержания общественного порядка, так же как для интересов промышленности; наказания, определенные этим приговором, мне кажутся далеко не соответственными гибельным последствиям» и т. д.,— писал префект Нижней Сены министру внутренних дел [153]. Единственным утешительным моментом в этой большой стачке было, с точки зрения властей, полное, доказанное отсутствие политического элемента [154]; тут же, попутно, префект констатирует, что главный

фабрикант Левавассер, против которого направлено было движение рабочих, придерживается «отвратительных» убеждений, a des opinions politiques détestables; да и два других хозяина — не многим его лучше [155].

Но приближался другой, более грозный процесс, связанный с этой стачкой.

20 сентября 1825 г. открылась чрезвычайная сессия руанского уголовного суда, и начался суд над Рустелем, обвинявшимся в убийстве жандарма во время столкновения забастовщиков с войсками, и еще над тремя рабочими, обвинявшимися в сопротивлении войскам с оружием в руках. Почему по этому же обвинению не были привлечены еще несколько сот человек, объясняется исключительно политическим и техническим неудобством такого предприятия, так как либо все были одинаково невинны, либо все были одинаково виновны. Кроме этих четырех главных обвиняемых, 17 человек было предано суду исправительной полиции по обвинению в более мелких проступках; все остальные арестованные были выпущены на свободу за отсутствием улик. Хотя до сведения префекта дошли «некоторые слова рабочих», но он не опасался нарушения порядка в городе во время суда. Правда, довольно неясно он дает понять, что «вероятно» будут собрания рабочих в долине Девиль, где находилась мануфактура, но что эти собрания будут больше «из любопытства». Таким образом, предвидение префекта простирается не только на грядущие события, но и на мотивы участников грядущих событий [156].

Преданы были руанскому уголовному суду по особо важным обвинениям четверо рабочих: Рустель (он же Cagnard, «dit Cagnard») обвинялся в убийстве жандарма в схватке 8 августа; Луи Лефевр — в нанесении ран; Луи Кадо — в предводительствовании мятежным сборищем. Лефевра заметили потому, что он открыл грудь и крикнул солдатам: «Бейте, мне только один раз умирать!» [157] Наконец, четвертый обвиняемый Госсан — в нанесении ран жандармам. Суд продолжался три дня. Рустель был приговорен к смертной казни, Кадо — к 12 годам каторжных работ, Госсан — к 10 годам каторги, Лефевр — к 8 годам тюремного заключения. Хотя суд не был нарушен никакими народными волнениями, но префект уведомляет министра о необычайной ненависти к владельцу мануфактуры Левавассеру и отмечает, что эта враждебность — всеобщая, так что можно было «опасаться», обвинят ли присяжные заседатели подсудимых. В частности, мэр того местечка, где находилась мануфактура, занял явно враждебную позицию к Левавассеру и не скрыл этого на суде. Вообще этот мэр — человек, по-видимому, возмущенный всей черной несправедливостью этого дела,— очень не понравился префекту «своей слабостью» относительно

бастовавших рабочих, и после суда над рабочими префект просит министра сместить мэра с должности [158]. Этот мэр (местечка Houline, по имени и фамилии Бенжамен Аделин) подвергся нападениям не только своего непосредственного начальства, префекта Сены. В наших документах есть свидетельство, что фабрикант Левавассер повел против мэра интригу в Париже, все с целью добиться его отставки, и инсинуировал при этом, что сам Аделин — тоже владелец прядильни, и поэтому нарочно настраивал рабочих, чтобы они разрушили прядильню конкурента, т. е. Левавассера [159].

Осужденный на смертную казнь Рустель подал просьбу о помиловании, но просьба была отвергнута. Тогда все-таки обнаружилось, что поведение Левавассера, которое привело к кровопролитию и еще должно привести к смертной казни, в самом деле возмущает даже тех, кто по своему социальному положению мог скорее всего быть с ним солидарен. Владельцы мануфактур г. Руана собрались для коллективного ходатайства о помиловании Рустеля. По-видимому, прокуратура хотела тоже этого помилования. По крайней мере прокурорский надзор запросил префекта Нижней Сены, что̀ он думает по этому поводу, так как без главного начальника на месте и главного представителя правительства в департаменте предпринимать дальнейшие шаги было невозможно. «Я ответил,— сообщает префект,— что после столь важных беспорядков очень суровый пример кажется мне необходимым как в интересах промышленности, так и в интересах поддержания общественного спокойствия» [160]. Казнь приближалась. Префект условился с прокурором, чтобы ничего в публику не проникло относительно дня казни, «чтобы рабочие не могли быть об этом уведомлены заранее и чтобы они не собрались в Руане, как они это заранее проектировали» [161].

Казнь Рустеля была отсрочена на два дня, так как арестован был другой рабочий, Лароз, относительно которого Рустель дал показания и которого хотели поставить на очную ставку с Рустелем [162]. В духе прокуратуры этого периода было обещать осужденным жизнь за откровенные показания. Но на этот раз, по-видимому, данный прием не подействовал или прокуратура, вынудив у несчастного Рустеля все, что могла, не сдержала своего обещания. 23 ноября 1825 г. в 11 часов утра Рустель был казнен на площади в Руане. Префект, по-видимому, боялся беспорядков. Публика узнала о готовящейся казни лишь за несколько мгновений по приготовлениям на площади; были приняты меры для обеспечения спокойствия, и префект с «удовлетворением» доносит в своем сообщении, что все обошлось благополучно. Священнику, сопровождавшему Рустеля на казнь, «удалось убедить его обратиться к публике с несколькими словами, в которых он признал свое преступление и убеждал их

не давать себя увлечь, как он сам был увлечен, опасными советами, бывшими причиной его гибели» [163]. Конечно, все эти не имевшие в данном случае никакого смысла слова были сочинены священником. На другой день другие осужденные по этому делу были выставлены у позорного столба.

На частичный промышленный кризис средины и конца 1826 г. многие в коммерческом мире смотрели как на естественную реакцию против ненормальной горячки повышения торгово-промышленной деятельности в предшествующие годы. Впредь будет меньше авантюр и больше солидности — так утешали себя некоторые коммерсанты и промышленники, утверждавшие уже с конца лета 1826 г., что они замечают начинающееся улучшение [164].

Кризис 1826 г. очень тяжко сказался на Руане и всем департаменте Нижней Сены. Местные люди, и прежде всего сами промышленники, приписывали это явление той уже тогда намеченной «теории кризисов», по которой после периода особенно кипучей деятельности, переполняющей склады, неминуемо должен начаться упадок сбыта вследствие насыщенности рынка и наличия уже готового, непроданного товара. Генеральный совет Нижней Сены называет это явление «обычным ходом вещей» [165]. Этот феномен, который впоследствии Маркс назвал «анархией производства», постиг в те времена не только Францию, но и Англию. Несмотря на необычайное понижение расценки товаров, руанские фабриканты не могли никак от них отделаться; они были «разделены конкуренцией, которую они же сами создали».

В 1827 г. кризис продолжался, но к концу года стал ослабевать. Не только из гуманности и даже не только из боязни волнений и осложнений фабриканты не спешили в годы кризисов увольнять рабочих, а старались по возможности удержать их у себя, но только понизив до минимума их плату. Промышленники Руана знали прекрасно, как трудно совсем прекратить, хотя бы на время, производство. «Кто не знает, что станки портятся, когда они остаются без действия?» — читаем мы в протоколе сессии генерального совета Нижней Сены в бедственном для промышленности 1826 г. «Как покрыть проценты на огромные капиталы, употребленные на создание стольких мастерских, если эти мастерские остаются запертыми? Можно ли, не подвергая себя серьезным опасностям, уволить драгоценных рабочих, которых можно потерять, быть может, навсегда, если их оставить на некоторое время без занятий?» [166]

Кризис в 1826 г. постиг не только Париж, не только Руан и департамент Нижней Сены, но *всю* Францию; наши документы категорически на этом настаивают [167]. В Руане, в средине 20-х годов XIX в., насчитывалось до 60 000 рабочих, живших отчасти в городе, отчасти в близких окрестностях. Кризис 1826 г.

внушал поэтому властям города большое беспокойство. Они домогались увеличения гарнизона города эскадроном кавалерии [168]. Беспокоится и Страсбург в том же критическом 1826 г.; торговля стоит, мануфактуры бездействуют, рабочее население испытывает тяжкие лишения, и конечный вывод: необходимо усилить гарнизон [169].

Промышленная деятельность в Сен-Кантене летом 1826 г. также переживала кризис. Хозяева намерены были понизить расценку заработной платы и удалить часть рабочих. И власти заботятся о том, чтобы эти реформы не прошли до ожидаемого прибытия в город жены наследника престола (madame la Dauphine) и вообще чтобы все эти меры были предприняты «с мудростью, осторожностью и гуманностью», каковые качества весьма рекомендуется не забывать, «чтобы избегнуть неудовольствия, которое могло бы стать столь прискорбным в городе, где столько рабочих и так мало сил, чтобы их сдерживать» [170].

В мае 1826 г. произошли беспорядки, прекращение работ на постройке канала близ Сент-Эньяна (St. Aignan, департамента Ионны), а также избиение штрейкбрехеров. Дело шло об увеличении заработной платы [171].

Боялись беспорядков всюду.

Вот положение вещей зимой 1826 г. в одном из центров французской хлопчатобумажной промышленности, г. Бар-ле-Дюке. В общем, рабочих ткачей и прядильщиков числится в Бар-ле-Дюке 12 520 человек; из них 2000 пришлых из чужих департаментов. Живут эти рабочие в убогих меблированных комнатах, скученно; у них решительно ничего нет и даже одеться им не во что, так что они берут *на прокат* у старьевщиков те «праздничные» костюмы, в которых по праздникам посещают трактиры. Но даже и этому их нищенскому заработку грозит большая опасность. Дело в том, что со дня на день приходится из-за внутренней и внешней, французской и ввозной, конкуренции понижать цены на товар, и сообразно с этим фабриканты думают отыграться на понижении заработной платы, тем более что сбыт падает и магазины переполнены непроданной материей. Фабриканты уже начинают подготовлять рабочих к мысли об увольнении их с работ. Конечно, безопаснее и удобнее для фабрикантов объявить то, что в наше время называется *локаутом,* а в те далекие годы, историю которых мы тут исследуем, называлось длинно и неуклюже «соглашением фабрикантов об одновременном закрытии работ». Фабриканты Бар-ле-Дюка собираются на *тайные собрания,* чтобы выработать соглашение об «единогласном и важном уменьшении заработной платы рабочих» [172]. Но вот один из фабрикантов («единственный находящийся под надзором государственной полиции»,— значительно поясняет пре-

фект) выдал рабочим тайну этих секретных собраний, и рабочие, естественно, взволновались, тем более что этот поднадзорный фабрикант сообщил рабочим роковую весть «в таких выражениях, которые способны воспламенить их воображение», как затейливо доносит префект [173]. Тут — замечу мимоходом — проскальзывает та мысль, которая попадалась мне иногда в очень затемненном виде и в кое-каких других документах и которая вполне категорически выражена была впоследствии, после Июльской революции: фабриканты, как представители крупной буржуазии, оппозиционно настроенной при Реставрации, подозревались в провоцировании рабочих волнений там, где это не грозило лично им разорением. Узнав о затеваемом против них шаге со стороны хозяев, рабочие обратились к совету сведущих лиц (conseil de prud'hommes), который, по их мнению, должен был предпринять что-нибудь против грозящей рабочим опасности. Но совет не предпринял ничего. По мнению местной администрации, этот совет, по закону, даже и не мог вмешаться в подобный конфликт между хозяевами и рабочими [174], но министерство внутренних дел оказалось иного мнения. Оно полагало, что «политическая цель» [175] учреждения этого совета заключалась в том, чтобы вмешаться в споры между хозяевами и рабочими «путем соглашения» и «предупреждать всякую стачку со стороны рабочих и всякую стачку со стороны хозяев». Но все эти размышления министра внутренних дел так и остались на полях доклада префекта и никаких последствий не имели. Префект предвидел это и настойчиво поэтому просит о военных подкреплениях на случай могущих произойти рабочих волнений. Это — одно из типичных дел, лишний раз подтверждающее, что воспрещение стачек хозяев против рабочих осталось мертвой буквой. Этот принцип вяло повторяли и никогда его не осуществляли. Карались стачки рабочих, и только они одни.

5 июля 1826 г. в Марселе произошла забастовка рабочих-булочников; целью забастовки было добиться освобождения 25 арестованных товарищей. (За что были арестованы эти лица, из документов не вполне ясно: говорится лишь о драках и беспорядках в общественных местах.) Забастовщики частью даже покинули Марсель. Они были заменены другими рабочими [176]. Вскоре власти арестовали еще 20 человек, уже в качестве инициаторов этой забастовки, и предали их суду [177]. Но очевидно, что в первоначальном фазисе дела было налицо требование увеличения заработной платы. По крайней мере 16 июля 1826 г. мы уже слышим, что некоторые хозяева «имели слабость» уступить требованиям рабочих и что одновременно юстиция оказалась столь снисходительной, что выпустила на свободу часть арестованных [178]. Но борьба продолжалась, последовали новые и новые аресты [179], и движение стало ослабевать.

В Марселе стачечное движение среди булочников началось уже в 1823 г., и с тех пор до 1826 г. произошло три больших стачки. У булочников г. Марселя была налицо редкая для того времени степень организованности. В 1823 г. у них существовало уже общество вспомоществования, причем оно сделалось легальным центром, вокруг которого удобно было собираться для подготовки борьбы против хозяев, и синдик булочников жаловался впоследствии властям, что в собраниях этого общества принимали участие, «вопреки правилам», также посторонние. В 1823 г. 500 человек, записавшихся в это общество, внесли по 1 франку на предстоящую стачку — и объявили таковую. Власти вмешались, собрание рабочих было рассеяно полицией, а общество закрыто. Но рабочие не были нисколько обескуражены, и спустя несколько месяцев началась вторая стачка булочников; эта стачка была тоже сломлена. Стачечники оба раза требовали повышения заработной платы и лучшей пищи (они кормились у хозяев). Эта вторая стачка произошла в 1824 г., и с тех пор, по показанию хозяев, «никогда уже порядок не был восстановлен в отношениях между хозяевами и рабочими» [180]. «Зараза возмущения» (une contagion séditieuse), как патетически выражается синдик булочников, осталась. И вот тогда-то (точнее, в январе 1825 г.) среди рабочих-булочников решено было примкнуть к «товариществу», старой организации, которая должна была помочь в деле возобновления борьбы против хозяев. Во главе этого важного предприятия стали лица, проявившие свою энергию еще в первых двух стачках, а также организаторы закрытого властями общества вспомоществования. Товарищество было молчаливо терпимой организацией, и поэтому им удобно было воспользоваться как организационной ячейкой для предстоявшей борьбы [181]. Затем рабочие-булочники вступили в переписку с товариществами городов Парижа, Лиона, Блуа, и для руководства делом к ним был прислан (по документам нельзя установить, откуда именно) рабочий Тражан, по прозвищу «Победа» (dit la Victoire), человек необычайных организаторских дарований и силы воли. «Успехи ассоциации стали быстрыми и необычайными» после прибытия Тражана. Товарищество было организовано со всеми атрибутами, были избраны все чины [182]. Затем в Блуа, где был центр товарищества булочников Франции, были отправлены делегаты, которые вернулись с утверждением и с заявлением об официальном включении марсельских булочников в товарищество. Тражан, кончив свою марсельскую миссию, отправился в Тулон и другие соседние города для организации тамошних булочников. В Марселе оказалось около 100 товарищей (compagnons) и около 450 кандидатов (aspirants) среди булочников. Около 200 булочников в Марселе остались вне организации. Образовалась касса с обязательными

взносами. После отъезда Тражана дисциплина несколько пошатнулась: его преемник не обладал его качествами. Узнав об этом, Тражан немедленно вернулся в Марсель, но и ему не удалось заставить кандидатов примириться со статутами товарищества, запрещавшими их участие в собраниях (где могли быть только товарищи). Тут мы на отдельном примере видим, как рабочее движение новейшего времени не могло мириться со старинными, выработанными еще в цеховой период, в далекие века, рабочими организациями. Тражану пришлось уступить в этом вопросе [183]. Неожиданное событие ускорило наступление третьей стачки раньше, чем, по-видимому, этого желал Тражан. Произошло (в конце июня 1826 г.) побоище между булочниками, и несколько человек булочников было арестовано, товарищество решило требовать их освобождения и, получив отказ от властей, объявило забастовку.

В этом движении можно различить элементы не только открытой стачки (перемежающейся), но и скрытого саботажа (тоже явление, для которого тогда еще не было придумано термина). Власти даже как бы раздражались тем, что рабочие в этой длительной борьбе ведут себя очень осторожно, избегая открытых, быстро и тяжко караемых выступлений и зная, что только одно отсутствие человека на работе, если его ни в чем другом нельзя уличить, карается сравнительно весьма легко, да и привлекать разом несколько сот человек не так-то просто [184]. Тем не менее аресты и преследования продолжались неутомимо (как пишет мэр города: sans relâche), и в конце июля 1826 г. около 80 человек булочников сидело в тюрьме. Осенью 1826 г. движение среди марсельских булочников прекратилось, но как синдик, так и мэр определенно заявляли, что все элементы брожения остались налицо.

Власти сильно обеспокоились. Большой торговый центр и морской порт мог остаться без хлеба, потому что товарищество открыто грозило заставить 200 рабочих, не примкнувших еще к движению, тоже забастовать. Префект писал министру, что все зло — в существовании товарищества, что законодательной мерой нужно его уничтожить, что забастовка среди пекарей особенно грозна и т. д.

Давление товарищества против 200 нарушителей стачки было очень чувствительным и постоянным; по-видимому, это был бойкот (слова этого тогда еще, конечно, не существовало, ибо оно появилось лишь в конце 1870-х годов в Ирландии после случая с капитаном Бойкоттом, но самое явление, обозначаемое этим термином, уже было налицо) [185]. Во всяком случае товарищество старалось в данном деле действовать осторожно, пока не прибегая к открытой силе против нарушителей. Стачка, перемежаясь, тянулась лето и осень 1826 г. В начале октября

произошли аресты, было захвачено одно тайное собрание, была арестована сумма в 367 франков, кое-кто из задержанных был предан суду. Привлеченные были засажены на 15 дней в тюрьму и заплатили по 100 франков штрафа [186]. Но рабочие «со смехом шли в тюрьму» [187].

Подсудимые булочники были осуждены: пять человек на пять лет тюрьмы каждый, пятеро других — на четыре года и двое — на три года каждый, а Бенуа Тажо, сверх пяти лет тюрьмы, еще к 500 франкам штрафа, десяти годам надзора полиции и к лишению прав на десять лет [188]. Это было уже не первое судоговорение по делу о стачке, тянувшейся с лета 1826 г.: еще 30 августа 1826 г. тринадцать «зачинщиков» были осуждены на три месяца, трое — на два месяца и девять — на один месяц. Но движение не было этим сломлено [189].

Случаи стачек в эти последние годы Реставрации, особенно в годы промышленного кризиса (1829—1830), были сравнительно редки.

Рабочие, строившие мост в Сомюре (департамент Мэн-и-Луары), потребовали в начале марта 1828 г. от подрядчика увеличения своей заработной платы с 90 сантимов в день — до 1 франка 25 сантимов. Им удалось добиться исполнения своего требования [190].

В текстильной промышленности кризис перемежался, но не прекращался в конце 20-х годов. В Амьене в зиму с 1828 на 1829 г. промышленность была не в цветущем состоянии, приходилось думать об общественной благотворительности для рабочих, но все-таки власти надеялись, что увольнений рабочих не будет [191]. Другими словами, было сокращение количества рабочих дней в неделе для каждого рабочего и сокращение заработной платы. Местами, а именно на промышленном севере, рабочее население в конце 1828 г. и в первой половине 1829 г. страдало и от безработицы, и от дороговизны хлеба. Правда, устроили по обыкновению так, чтобы не увольнять слишком много рабочих сразу, но уменьшили как количество рабочих часов, так и заработную плату на одну четверть уже в декабре 1828 г. Хлеб в Лилле и во всем Северном департаменте был дороже, чем в соседней Бельгии, и его ввозили из Бельгии всякий раз, как местная администрация находила дороговизну чрезмерной [192]. В эту тяжелую для департамента зиму из населения его в 963 000 человек около 150 000 «не имели верных средств к существованию» [193]. Но в общем безработица зимы 1828/29 г. и нескольких следующих месяцев не была всеобщей. Кое-где много рабочих, не только местных, но и пришедших издалека, нанимались на департаментские и муниципальные постройки и тому подобные работы [194]. Последние годы Реставрации были временем широких строительных предприятий, казенных и ча-

стных. Это обстоятельство отчасти компенсировало безработицу в области текстильных производств.

В 1829 г. общее состояние промышленности ухудшилось. Жестокий кризис в Лилле и всем Северном департаменте продолжался, ничуть не ослабевая, в течение всего 1829 г. Точно так же и в Амьене и всем департаменте Соммы еще в июле 1829 г. положение рабочих было столь же безрадостно, как и зимой [195]. В департаменте Eure-et-Loir кризис 1829 г. продолжался весь год. При условии длительного кризиса стачки текстильных рабочих в 1829 г. и начале 1830 г. были редчайшим исключением. В ноябре 1829 г. была, например, забастовка в бумагопрядильне в Ваасте (департамент Ламанш). Хозяин тотчас же уведомил жандармскую бригаду, которая немедленно отрядила людей на место. Дело окончилось преданием суду и *оправданием* нескольких рабочих. Причиной забастовки было уменьшение заработной платы на 10 сантимов [196]. Мы не знаем в точности, что именно, какие обстоятельства позволили рабочим этой бумагопрядильни предпринять стачку, что̀ в этом году было невозможно для подавляющего большинства рабочих всех отраслей текстильной промышленности.

Зима 1829/30 г. отмечена продолжающейся безработицей, не самой сильной из всех бывших в рассматриваемую эпоху, но во всяком случае ощутительной для рабочего населения как в провинции, так и в столице.

Глава V

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПАРИЖЕ В ЭПОХУ РЕСТАВРАЦИИ

К характеристике общего состояния парижской промышленности в годы Реставрации. Стачечное движение в столице в 1814—1830 гг. по показаниям документов. Годы промышленного процветания и годы депрессии. Безработица. Главные выводы

Экономическое положение и стачечное движение рабочего класса в Париже должно быть рассмотрено отдельно.

Во-первых, в истории рабочего класса во Франции Париж занимает совершенно исключительное место: слабый политически во всей стране, даже в самых промышленных департаментах, рабочий класс был внушителен и политически заметен только в Париже. Разбросанный в провинции по предместьям Руана, Лилля, Лиона, Амьена, Страсбурга, Седана, а также (и в очень значительной мере) по деревням, прилегающим к этим промышленным центрам, рабочий класс был в Париже так скучен и сосредоточен, как нигде. Бесконечные улицы предместий Saint-Antoine и Saint-Marceau, улица Mouffetard, улицы и переулки близ Тампля и Ратуши были заселены почти сплошь рабочим и ремесленным людом. Этот рабочий люд работал не на колоссальных мануфактурах и заводах, которых в Париже не было вовсе, но в небольших сравнительно предприятиях и мастерских, и тем не менее, вследствие этой скученности в определенных кварталах и относительно громадного числа рабочих, именно в столице получалось то социальное явление — возможность для *всей* рабочей массы постоянного и тесного общения,— которое отсутствовало в других местах. Во-вторых, далеко превосходя все другие промышленные города количеством постоянного рабочего населения, Париж ежегодно, от начала марта до октября, а иногда и до ноября, давал работу нескольким десяткам тысяч *пришлых* рабочих: строительный сезон давал заработки в столице рабочим из провинции, приходившим сюда на отхожие промыслы, крестьянам бедных департаментов и т. д. Это обстоятельство еще усиливало рабочий класс столи-

цы и его возможное политическое значение в случае какого-либо острого кризиса. В-третьих, при всецело удержавшейся с наполеоновских времен строжайшей, идеально законченной централизации Франции Париж явственно предназначен был играть роль инициатора любых политических перемен, и правительство Бурбонов хорошо понимало, что класс населения, слабый повсюду, но сильный в Париже, есть класс политически значительный. Сообразно с этим, за все годы Реставрации ежедневно в бюллетенях, составлявшихся префектурой парижской полиции и подававшихся министру внутренних дел, а чрез него — королю, сообщалось хоть вкратце, хоть в нескольких словах, об общем настроении столичных рабочих.

Я изучил все эти бюллетени, день за днем, год за годом, с 1814 по 1830 г., и это — главный источник для знакомства с политическими настроениями рабочего класса в эти годы. Но эти же бюллетени дают ценнейшие, нигде больше не находимые сведения как об общем материальном положении столичной рабочей массы в изучаемый период, так и о стачечном движении. В этой главе мы коснемся именно этих вопросов: об общеэкономической конъюнктуре в столице за изучаемые годы и о стачечном движении. Данным же о политических настроениях рабочего класса будет посвящена особая глава.

В общем, по имеющимся у нас свидетельствам, цены на предметы первой необходимости, кроме хлеба, оставались за все время Реставрации приблизительно на одном уровне, и в последний год царствования Карла X они были таковы, как в первые годы царствования Людовика XVIII; последнее свидетельство такого рода относится к концу июля 1829 г., когда Карлу X оставалось царствовать ровно год [1]. Но хлеб менялся в цене, и тут изменение в 5 сантимов, даже в $2^1/_2$ сантима на фунт всегда производило большое впечатление на рабочую массу.

Правительство вечно билось с затруднениями в своей продовольственной политике. Начиная с мелких и крупных земледельцев и арендаторов, продолжая посредниками, доставлявшими муку в столицу, кончая булочниками — все спекулировали на хлебе, и стоило правительству заупрямиться, не повышать некоторое время таксу или повышать ее слишком умеренно, как хлеб становился редок, булочные штурмовались покупателями, запасавшими хлеб и расхватывавшими товар с утра, мука не подвозилась в достаточных количествах и в рабочем населении начинался громкий ропот уже не столько на дороговизну, сколько на отсутствие хлеба [2]. Полиция была между двух огней. И, конечно, приходилось всегда без исключения уступать производителям, а не потребителям, и повышать таксу. «Между двумя неудобствами или даже двумя опасностями следует выбирать меньшую»,— писал префект министру [3].

Прежде всего — несколько общих замечаний. Сколько в точности рабочих бывало в Париже в эти годы? В своем месте я уже говорил о приблизительных подсчетах префектуры полиции, выяснивших, что к 28 января 1823 г. в Париже работало в общей сложности 244 680 рабочих (на всех предприятиях промышленного характера как крупных, так и самых мелких). По тем же подсчетам выходило, что к марту того же года хозяева уволили в общей сложности *69 600* человек и что рабочих, имеющих заработок, имеется уже всего 176 920 человек. Безработица тогда была велика, и подавляющее большинство из опрошенных в Париже префектурой хозяев предприятий приписывали эту катастрофическую безработицу войне с Испанией.

Эти данные показывают нам, во-первых, что рабочее население Парижа в самом деле было огромно и, во-вторых, что в моменты безработицы значительный процент ($^1/_3$—$^1/_4$) рабочего класса столицы превращался в безработных. Когда безработица очень уж обострялась, то в безработных обращалось *большинство* рабочих: например, в средине сентября 1830 г. рабочих, имеющих работу, по сведениям рабочей газеты «L'Artisan», числилось всего 44 650 человек [4].

Сведения о первых годах Реставрации, с точки зрения интересующей нас темы, довольно сбивчивы и крайне скудны. Мы узнаем, например, что рабочие строительных профессий, в средине июля 1814 г. работавшие в Пале-Рояле и получавшие в день 2 франка 50 сантимов, потребовали и получили прибавку: их плата была определена в 3 франка 25 сантимов [5]. Казалось бы — экономическая конъюнктура была благоприятна, если возможны были такие стачки? Но нет, одновременно, а особенно с осени 1814 г. и в течение зимы 1814/15 г., не говоря уже о бурном лете 1815 г. (до и после Ватерлоо), безработица в столице была бесспорная.

При начале так называемой *второй* Реставрации, в августе 1815 г., после Ста дней, безработица в Париже приняла обширные размеры. Полиция внимательно за ней наблюдала, но никакого беспокойства настроения безработных ей не внушали. Чем они жили в этот момент, полиции не совсем было ясно; что жены рабочих продавали овощи и фрукты союзным войскам, находившимся в Париже и под городом, это, конечно, не объяснение, потому что нужно было бы определить, откуда они доставали сами эти продукты [6]. Безработные массами толпились на Гревской площади, поджидая нанимателей. Безработица вызвала к жизни новое явление: bureaux de placement, конторы для приискания занятий как рабочим, так и домашней прислуге. Этих бюро, часто совершенно недобросовестных предприятий, эксплуатировавших и без того отчаянное положение безработного люда, расплодилось столько, что власти стали наконец прини-

мать меры против неслыханного прежде размножения этих сомнительных контор [7]. По-видимому, к началу зимнего сезона 1815 г. безработица стала несколько уменьшаться в столице, но в провинции восстановление торговой и промышленной деятельности задерживалось, особенно в фабрикации и сбыте предметов роскоши [8]. А ослабление в сбыте ювелирных изделий, о чем говорят наши документы, непосредственно затрагивало столицу.

Весной 1816 г. положение рабочего класса в Париже было очень тягостным. Торгово-промышленный застой оставил без работы или с очень уменьшенной заработной платой очень многих рабочих, и до королевской полиции доходили жалобы рабочих из предместий Сен-Жак и Сен-Марсельского, что правительство вовсе о них не думает, ропот по тому поводу, что прекратились работы по постройке боен, занимавшей прежде много рабочих рук [9].

С наступлением зимы 1816 г. безработица в Париже проявилась настолько, что правительство открыло особые работы в Венсене, чтобы занять праздные поневоле руки, и префект полиции от их имени посылал высшему начальству «благословения». Безработица в столице обострена была большим притоком безработного люда из департаментов [10]. По-видимому, среди безработных было не мало рабочих, прежде, при Наполеоне, кормившихся вокруг оружейного дела [11]. Замечалась даже столь необычная для Франции эмиграция некоторых безработных на Мартинику и в другие колонии [12]. Нужно сказать, что безработные, раз попав в Париж, если не решались на эмиграцию, то стремились остаться в столице по той простой причине, что все же правительство и муниципалитет всеми мерами стремились именно в Париже удержать цены на хлеб от непомерного возвышения, и хлеб был в Париже дешевле, чем в провинции. Именно в голодные времена этот мотив становился очень существенным [13]. В частности, в ноябре 1816 г. владельцы парижских прядилен, расположенных больше всего в квартале Тампль, жаловались на отсутствие сбыта и утверждали, что если дела так и дальше пойдут, то они принуждены будут закрыть свои заведения [14]. Уменьшение заработной платы было еще меньшим из нескольких зол, грозивших рабочим. Когда 22 января 1817 г. Ришар-Ленуар наконец объявил своим рабочим (уже во второй раз: впервые это было в 1814 г.), что он должен уменьшить им заработную плату, то это не вызвало никакого враждебного движения против него. Дороговизна, голод, холод, безработица в столице были таковы, что стачка была наперед осуждена на неудачу, тем более что хозяин, как и другие в этом году, не скрывал, что он не прочь и вовсе ликвидировать свое большое дело. Но, конечно, рабочие были подавлены этим новым уменьшением своих скудных заработков [15]. За этим ударом последо-

вал другой: уже 1 февраля 1817 г. Ришар-Ленуар объявил об увольнении части рабочих (к сожалению, мы не знаем, какой именно части) [16]. Но в общем в Париже начало 1817 г. было довольно счастливым временем для производства предметов роскоши. Прядильни тоже работали. Если склонялась к упадку большая мануфактура Ришар-Ленуара, то возникали зато новые предприятия, куда и переходили рабочие от Ришар-Ленуара, соблазняемые более высокой расценкой труда [17].

Весной, как сказано, парижский рабочий класс увеличивался численно в очень значительной степени. «Каждый год в это время рабочие всякого рода, и особенно строительные, стекаются в Париж, где они надеются найти работу. Несчастное положение многих частей Франции в отношении средств пропитания и преимущество, которое приносимые правительством жертвы обеспечивают в данном деле за столицей, в этом году еще более увеличило эмиграцию из департаментов в столицу»,— так констатировал префект полиции весной 1817 г. [18] И так как еще очень непрочен был трон Бурбонов, только что, сейчас по восстановлении, снова низвергнутый Наполеоном в 1815 г., то власти хлопотали, чтобы открыть казенные работы, если частные лица не дают достаточно заработка всей этой беспокойной голодной пришлой массе рабочего люда [19].

Уже с конца февраля и первых дней марта 1817 г. в Париж потянулись со всех сторон ищущие работы — больше всего по строительному делу — плотники, каменщики, землекопы, столяры, слесари, кровельщики, но приходили и рабочие иных профессий. Более дешевый, чем в других городах, парижский хлеб являлся одной из приманок [20]; да и строительный сезон в Париже всегда давал надежды на обильные заработки. Но эти пришлые рабочие являлись опасными конкурентами для всегда живущих в столице оседлых рабочих — они отбивали работу, сбивали цену. Для правительства этот пришлый элемент всегда был предметом живого беспокойства. Во-первых, искусственное поддержание цен на хлеб в столице на известном уровне стоило больших финансовых затрат и хлопот, и чем больше оказывалось в Париже населения, тем эти жертвы становились труднее и обширнее. Во-вторых, приток в большом количестве новой рабочей силы и вызываемое этим явлением понижение заработной платы порождало ропот среди рабочего класса, а за настроениями рабочего класса именно в Париже правительство Бурбонов следило так же внимательно, как все предшествующие правительства, начиная с Директории, продолжая Консульством и Империей [21]. И так как Бурбоны больше опасались за свою власть, чем Наполеон, и больше ждали грозы именно из рабочих предместий, чем ждала ее оттуда Директория, то правительство при Реставрации чаще, чем его предшественники, задумывалось

над вопросом о помощи безработным и голодающим в Париже [22], но ничего, кроме открытия общественных работ и, совсем уже редко, кратковременной раздачи по кварталам дарового хлеба на несколько тысяч семейств, выдумать не могло.

В 1818 г. все было тихо в рабочих предместьях столицы. О безработице слышно меньше. Интересный случай забастовки отмечен весной этого года. От агента полиции поступило 4 апреля 1818 г. графу Деказу, министру полиции, заявление, в котором обращается его внимание на следующее обстоятельство: хозяева шляпочники собрались, с разрешения властей, неделю тому назад и приняли общее решение платить рабочим, отделывающим шляпы, всего по 4 су за шляпу. Рабочие в ответ на это забастовали. И вот сегодня, 4 апреля, там-то и там-то (указан адрес) хозяева снова собираются, чтобы уволить всех своих рабочих (*не только отделывающих шляпы*); *этим путем хозяева* хотят произвести давление на забастовщиков, квалифицированных рабочих, так как остальные больше зависят от хозяев и больше нуждаются в работе; между тем среди этих простых рабочих много отцов семейств, которым некуда деться в случае увольнения [23]. Это бросает яркий свет на внутренние распорядки в таких мастерских, где рядом работали квалифицированные рабочие, нужные хозяину, и неквалифицированные, которым был нужнее хозяин, чем они ему. Хозяин тогда стремился держать в руках квалифицированных, действуя на их чувство жалости и товарищеской солидарности.

В ноябре 1818 г. в Париже, в Сен-Марсельском предместье, произошло брожение между рабочими ситценабивных мануфактур. Началась забастовка с целью повышения заработной платы. Борьба против нарушителей забастовки приняла острые формы, и забастовщики 30 ноября отправились на две мануфактуры, где еще продолжались работы, и угрозами сняли с работ тех, кто там работал. Пять человек было арестовано [24].

Пока хлеб не дорожал сверх меры, даже безработицу выносить было еще возможно, хотя и очень трудно приходилось подчас. Цена на хлеб в 1819 и следующих годах в столице поднималась до «12 су за 4 фунта», т. е. до 15 сантимов за фунт. Эта цена иногда повышалась, и полиция этим фактом бывала встревожена всегда еще больше, чем безработицей. Но когда «12 су» возвращались, то все казалось не страшно. Вот характерный в этом смысле бюллетень полиции за 17 января 1819 г.: «Самое полное спокойствие продолжает царить в различных кварталах столицы, в центре, как и в предместьях. Мануфактуры, торговля и рабочий класс страдают от застоя в делах... Тем не менее не заметно ничего, что угрожало бы общественному спокойствию. Рабочие и народ (les ouvriers et le peuple) в высшей степени удовлетворены тем, что цена на хлеб снова спустилась до 12 су

за 4 фунта. Хлеб — хорошего качества, и булочники отвешивают его в точности. Это уменьшение цены произвело на народный дух превосходное действие. Слышно было, как люди из народа, которые не слыли по своим убеждениям роялистами, хвалили заботливость правительства и обнаруживали признательность королю» [25]. И полиция долгие годы изо дня в день внимательно наблюдавшая за настроениями столичных рабочих, не переставая отмечать в течение всей зимы 1819 г. безработицу, застой в делах и т. д., делает вполне определенное обобщение, которое сводится к утверждению, что цены на хлеб для рабочего важнее, чем временное сокращение или увеличение заработков [26]. Это в высшей степени характерно для времени ничтожной заработной платы и минимальных требований, которые рабочий класс предъявлял к жизни вообще. И все-таки, когда безработица очень уж обострялась, отмечалось «глухое недовольство» рабочих, которые не могут получать припасы, несмотря на всю дешевизну [27].

Забастовки против искусственного (по уговору хозяев) понижения заработной платы продолжались и в 1819 г.

Рабочие бумаготкацких мастерских в Сен-Марсельском предместье, которым хозяева понизили плату, не только забастовали, в январе 1819 г., требуя сохранения прежней заработной платы, но и произвели ряд действий с целью силой помешать нарушителям забастовки продолжать работу. Дело окончилось привлечением к судебной ответственности [28]. В Париже, в марте 1819 г., на ситцевой мануфактуре Тэмбера, где работало до 300 рабочих, была уменьшена заработная плата (хозяин мотивировал это сокращением сбыта и уже имеющеюся в складах его заведения наличностью товаров). Но рабочие объявили забастовку,— и не известно кем была совершена поломка машины, бывшей на этой мануфактуре [29].

В 1819 г. зимой была довольно большая безработица в Париже; она несколько уменьшилась, как всегда, к весне, но снова обострилась летом 1819 г. Но понимать положение рабочих при безработице приходится, судя по бюллетеням, так: рабочие работают не 6, а 4 или 3 дня в неделю, *совсем* без заработка они остаются очень редко, а заработок их в эти трудные сезоны и годы равен приблизительно 1½ франкам [30]. При цене в 15 сантимов за фунт хлеба, это равнялось 10 фунтам хлеба за рабочий день. Человек, работавший 4 дня в неделю, зарабатывал, таким образом, 40 фунтов хлеба в неделю, но уже ни единого сантима ни на какой другой расход. Это не было голодной *смертью*, но это было, в сущности, хроническим худым питанием. О семье рабочего мы тут уже и не говорим.

В июле 1819 г. Ришар-Ленуар рассчитал большую часть своих рабочих, и к средине августа у него осталось на единствен-

ной его уцелевшей парижской прядильно-ткацкой мануфактуре 300 рабочих. Дела его были плохи. Из-за неплатежа одному из своих кредиторов 4000 франков Ришар-Ленуар подвергся даже посещению судебного пристава, который явился к нему с двумя жандармами. Рабочие, узнав об этом, собрались толпой, чтобы выгнать пристава с жандармами, и только сам хозяин мог убедить их разойтись по местам [31]. Вскоре после этого закрылась мануфактура Ришар-Ленуара до января 1820 г. Другие прядильни в Париже, поменьше, продолжали существовать [32], но как раз с наступлением зимы, в начале декабря 1819 г., сразу понизили расценку труда. Рабочие было возмутились этим и забастовали, но безработица была слишком сильна, они вернулись, согласившись на уменьшение платы [33].

Тяжелый это был год для рабочего класса. Среди лета, когда рабочим всегда жилось легче, когда все было дешевле, когда обыкновенно можно было достать работу, отчаянная нужда царила в рабочих кварталах. «Работы вяло идут, каменно-строительные работы держатся лучше. Нужда в некоторых категориях класса рабочих,— доносит префекту полицейский комиссар,— производит гибельные последствия; за короткое время было 8 или 10 самоубийств; другие — сошли с ума и находятся в госпиталях. Старые женщины, бесприютные вдовы, изгнанные из квартир, за которые они не могут заплатить, беременные женщины, а другие, недавно разрешившиеся от бремени,— в поисках убежища» — такова картина, которую представил комиссар квартала Монторгейль, и он прибавляет, что эти подробности «еще слабее реальности»,— таков рисунок с натуры, выхваченный из ежедневного рапорта префекта полиции [34].

В средине зимы 1820 г. комиссары всех рабочих кварталов столицы снова обращают внимание своего начальства на отчаянное положение безработных или полубезработных в столице. Эти люди нуждаются в крове, в одежде, в пище, в дровах, и благотворительность не может тут ничего поделать. Безработные приведены к совершенному отчаянию [35].

В конце февраля 1820 г. в Париже в одной кожевенной мастерской возникла забастовка с целью увеличения заработной платы; хозяин уступил, работы возобновились, и все-таки полиция вмешалась и повела какое-то «следствие», чтобы рабочие, ободренные успехом, не возбудили новых требований [36].

Безработица держалась всю зиму 1820 г., то уменьшаясь, то увеличиваясь. К началу марта снова подумывали об открытии общественных работ, чтобы хоть отчасти занять безработных и удержать этим рабочий класс «в настроении разумном и спокойном» [37]. Зима к концу оказалась к тому же очень холодной. Кроме немногих категорий рабочих, все остальные «несчастны и печальны» [38],— повторяют донесения полиции. А тут еще на-

чали приходить известия об испанской революции,— и все, даже низшие классы, этим интересуются [39].

Хуже всего было начавшееся вздорожание хлеба. 6 апреля 1820 г. цена хлеба в 4 фунта повышается с 60 сантимов до 65 (на 5 сантимов). Это повышение создает заметное неудовольствие среди рабочего класса, о нем много говорят; неудовольствие — всеобщее, как среди имеющих работу, так и среди безработных. Особенно волновался центр рабочего населения Парижа — Сент-Антуанское предместье; зимой бывали продолжительные периоды безработицы, весна пока мало поправила дела, и надбавка цены на хлеб произвела поэтому впечатление довольно гнетущее [40]. Полиция утверждала, что дело не обходится без агитаторов [41].

Золотых дел мастера и бриллиантщики жаловались в 1820 г. на полное отсутствие дел и собирались эмигрировать из Франции. Больше всего эта отрасль торговли и ремесла была развита в Париже, где целые кварталы занимались обработкой и продажей драгоценных камней и металлических вещей [42].

Весной 1820 г. безработица стала уменьшаться. Сделалось даже возможным проведение одной удачной стачки. В конце апреля 1820 г. на прядильне Шевалье в Париже произошла стачка с целью добиться повышения заработной платы. Так как объявились нарушители забастовки, то рабочие делали усилия помешать им работать, и полиция принимала меры для охраны работающих [43]. Чем окончилось дело, документы нам не говорят; мы не знаем, были ли столкновения с полицией. Но уже через два дня после начала конфликта с штрейкбрехерами хозяин уступил, повысив заработную плату, и полиция боялась, что эта победа подстрекнет рабочих других фабрик к предъявлению того же требования [44].

Ежедневные наблюдения и донесения полиции устанавливают твердый факт: с средины 1820 г. и в течение всего 1821 г. положение столичной рабочей массы стало сравнительно удовлетворительно. Почти не было безработицы, цена на хлеб опять держалась на относительно низком уровне после тревожного момента вздорожания в апреле 1820 г.

Конец 1820 г. был определенно благоприятен для состояния столичной промышленности. Что так редко случалось в зимние месяцы, безработица совсем исчезла на некоторое время [45].

По наблюдениям полиции, заработки парижских рабочих в 1821 г., особенно весной, летом и в начале осени, были так обильны, что рабочие могли бы даже делать сбережения, и если не делали их, то исключительно по беспечности. Трактиры, увеселительные заведения работали в этом году очень много и поглощали значительную часть рабочей платы, остававшейся за покрытием ежедневных расходов рабочей семьи [46].

Забастовки стали более возможны, чем в период безработицы. В марте 1821 г. происходила стачка каменотесов, приведшая к обычному преследованию против «зачинщиков», которые, однако, скрылись, и разыскать их оказалось невозможно [47]. Власти вообще неоднократно указывают, что рабочие строительного дела нанимаются обыкновенно не под своей фамилией, но под кличкой, которая им дается в «товариществах» (компаньонажах), которые еще с давних столетий держатся среди рабочих, и поэтому хозяин не может дать полиции никаких нужных указаний, если рабочий, например, захочет скрыться. Уже с середины лета хозяева шляпных мастерских в Париже доводили до сведения полиции о наблюдаемом ими движении среди рабочих. Частичная стачка среди шляпочников вспыхнула 29 августа 1821 г. [48] На другой день началась забастовка, тоже частичная, в большой типографии Фирмена Дидо. Эта стачка сопровождалась угрозами против штрейкбрехеров [49].

Общая благоприятная обстановка не менялась. Уже начиналась зима, а строительные работы, обыкновенно замиравшие к сентябрю, продолжались и продолжались. Безработицы не было и следа; все производства, вокруг которых кормилась столичная рабочая масса, обнаруживали кипучую деятельность. 1821 год кончался так же благополучно для рабочих Парижа, как и начался [50]. Агитаторы по наблюдениям полиции, перестали в 1821 г. появляться в рабочих кварталах, где их деятельность была заметна в предшествующие годы [51].

В Париже, среди зимы, чего никогда не бывало, открывались чуть не ежедневно новые и новые фабрики, и работы хватало и на них, и на старые предприятия. Рабочий класс был так занят, как еще ни разу с самого начала Реставрации [52].

В начале февраля 1822 г. было брожение и началась стачка среди жестяников Бельвиля (пригород Парижа). Но дело не удалось, и жестяники даже обратились к префекту с петицией, в которой просили, чтобы он созвал хозяев и предложил им объясниться и согласиться принять обратно рабочих в мастерские [53].

Заработки на строительных работах в столице в 1821 г. были так обильны, что в следующем году уже с конца зимы в Париж потянулась необычайная масса рабочего люда из провинции. Из одной только Лотарингии вышло столько рабочих, направляясь вместе в Париж, что столичные власти определенно встревожились и затребовали у местных администраторов объяснений. Одновременно было воспрещено продолжать выдавать паспорта рабочим, направляющимся в столицу [54]. Привлеченные слухами об обильных заработках, рабочие строительного мастерства (плотники, кровельщики, слесари, столяры, пильщики, каменщики, землекопы) бросились массами в столицу, и тут — пока еще строительный сезон не был в разгаре — эта конкуренция

некоторое время давала себя чувствовать. На этой почве в конце марта 1822 г. произошло грандиозное побоище, вызванное нападением парижских рабочих на рабочих, пришедших в большом количестве из Лиможской области [55].

Всю зиму 1821/22 г. торгово-промышленные дела в столице шли хорошо, никаких жалоб на безработицу не было слышно, рабочий люд заметно стал лучше одеваться по праздникам, веселье в рабочих кварталах во время карнавала превосходило все, что обыкновенно бывало в эти дни. Строительный сезон 1821 г. затянулся чуть не до января, а строительный сезон 1822 г. начался очень рано, в конце февраля, и это тоже сильно поддержало многочисленнейшую группу рабочего, туземного и пришлого, населения столицы [56]. Огромное, давно невиданное количество новых построек было предпринято и осуществлено в Париже в 1822 г. Не только в ежедневных тайных рапортах полиции, но и в оппозиционных газетах отмечался этот бросающийся в глаза факт.

В этом благодатном 1822 г. заработки в столице держались лучше, чем во все предшествующие годы Реставрации. Заработная плата портовых рабочих на пристанях Сены доходила до 6 франков в день — приблизительно в $2-2^1/_2$ раза больше, чем в обычные годы. И то работы было столько, что портовые рабочие подумывали даже в конце мая о забастовке с целью повысить эту плату [57]. Начавшаяся уже кое-где частичная забастовка, однако, скоро прекратилась под влиянием насильственных действий и вмешательства полиции. Прядильни обнаруживали кипучую деятельность [58], производство предметов роскоши — тоже.

Экономический подъем сопровождался попытками добиться повышения заработной платы. Стачка парижских плотников в Париже в начале июня 1822 г., едва начавшись, привела к аресту 10 человек вождей (meneurs) [59]. Это было лишь началом обширного стачечного движения. Аресты в рабочей среде продолжались непрерывно, и уже 8 июня кое-где стачечное движение стало как будто ослабевать. Полиция приписывает это именно своим мерам [60]; по-видимому, продолжавшийся в этом году все лето наплыв новых и новых рабочих из провинции изменил в этой борьбе общее положение в пользу хозяев. Но все-таки оптимистические догадки полиции оказались преждевременными. Еще 11 июня забастовка плотников не была сломлена, и «зачинщики» имели достаточно авторитета, чтобы удерживать ослабевающих своих товарищей [61]. 12 июня к уже бастовавшим в Сен-Дени плотникам примкнули каменщики, и сейчас же несколько человек из них было арестовано и препровождено к прокурору [62]. 13 числа, довольно неожиданно, брожение охватило ткачей на некоторых хлопчатобумажных мануфактурах. Но хотя

оно было ускорено, конечно, происходившей в городе обширной забастовкой строительных рабочих, здесь, в области текстильной промышленности, происхождение движения было иное: тут перепроизводство товара вызвало со стороны хозяев понижение сдельной оплаты [63]. Но при этих условиях движение среди ткачей тотчас же потухло. А стачка среди строительных рабочих держалась и держалась, несмотря ни на какие полицейские преследования. Уже две недели прошло после ее начала, а префекту приходилось не только оставить победные тона в своих сообщениях министру, но писать следующее: «Забастовка рабочих-плотников все еще останавливает много строительных работ, и число не работающих увеличивается с каждым днем, главным образом среди каменщиков» [64]. Нарушителей забастовки приходилось охранять экстренными полицейскими мерами. 19 июня брожение перебросилось к кузнецам и каретникам, и префект счел своевременным обратиться к рабочим с печатным угрожающим воззванием. Одновременно были расклеены сообщения о приговорах (к тюремному заключению на разные сроки) раньше арестованных предполагаемых «зачинщиков». Полиция беспокоилась, не воспользуется ли политическая оппозиция этим обширным брожением, охватившим рабочий класс. Но нет: «по-видимому, у рабочих нет другой цели, как увеличить заработную плату»; так обстоит дело, хотя «злонамеренность, может быть, захотела бы воспользоваться рабочим движением» [65]. Забастовка плотников то слабела, то крепла; то замечалось отпадение отдельных групп, то борьба с штрейкбрехерами снова поддерживала движение [66]. Безработные, подходившие из провинции, ища строительных работ, «жаловались на упорство плотников», забастовка которых прекратила постройки [67]. Так было по наблюдениям полиции. Но опаснее всего были для забастовщиков не прочие категории строительных рабочих, а именно *плотники*, подходившие из провинции и имевшие возможность сорвать все дело, поступая на покинутые работы. Стачка продолжалась. Хозяевам были посланы анонимные письма, извещающие их об этом. Рабочие, не примкнувшие к соглашению, подвергались угрозам. 66 рабочих было арестовано, и уже через неделю суд исправительной полиции присудил их к тюремному заключению (из документов не видно, на какие сроки). Министр юстиции был в восторге и в специальной бумаге выразил благодарность судьям за быстроту их действий [68]. Одновременно с судебным приговором появился вызванный той же стачкой ордонанс префекта полиции; ордонанс приводит, по обыкновению, карательные статьи закона против стачек и напоминает о точном исполнении полицейского ордонанса 25 марта 1818 г., требующего найма рабочего только по предъявлении рабочей книжки, а также представления этой книжки в полицию в течение 24 часов [69].

Этим дело не кончилось. Эти попытки воспользоваться счастливой конъюнктурой, чтобы добиться повышения заработной платы, оказались среди плотников весьма настойчивыми [70]. Плотники кое-где забастовали, как сказано, уже с начала июня, в разгаре строительного сезона. Еще с первых дней они начали снимать с работ всех вообще плотников столицы, и тогда же начались аресты и предание суду забастовщиков, выхваченных, конечно, наудачу [71]. 5 июня арестовано было 12 человек «зачинщиков», 6 июня — 17 человек. Но движение продолжалось, и к нему 6 же числа примкнули местами каменотесы, а 7-го забастовка захватила и Сен-Дени, причем в Сен-Дени забастовщики выставили еще новое требование [72]: чтобы рабочий день, продолжавшийся с 5 часов утра до 7 часов вечера, отныне начинался бы в 6 часов и кончался в 6 часов вечера.

В последних числах июня стало, наконец, обнаруживаться некоторое колебание среди хозяев. Они начали тайком принимать рабочих, соглашаясь — даже в письменной форме — на увеличение заработной платы [73]. Но это увеличение было недостаточно сравнительно с требованиями стачечников, и общая забастовка, несмотря на эти частичные отпадения, продолжалась. 1 июля забастовали разом в нескольких частях города прачки, требуя увеличения получаемой ими сдельной платы. Это движение быстро прекратилось, и, судя по разным характерным для стиля донесений признакам, хозяева в данном случае поспешили уступить. Эти отдельные движения среди рабочих разных профессий то присоединялись к основному движению плотников, то отходили от него.

Несомненно, в стойкости плотников и на этот раз сыграла роль старая организация, товарищество, «le compagnonnage du devoir». 17 плотников, принадлежавших к этой организации, было арестовано 2 июля, уже когда пошел второй месяц забастовки плотников. На другой день толпа плотников этого же товарищества собралась около префектуры полиции, чтобы потребовать объяснения причин ареста товарищей. Полиция пыталась рассеять собравшихся, но сначала натолкнулась на сопротивление — и арестовала еще 124 человека [74]. В начале июля в некоторых кварталах города часть плотников начала работать, но в других кварталах движение держалось еще до 8 июля, когда забастовку можно считать оконченной.

Как она окончилась? Этого ответа мы не находим в донесениях префекта. Если забастовка кончалась неудачей для рабочих, префект не упускал всячески это выразить. Когда он молчит,— иногда оказывается, по случайным свидетельствам, что победа осталась за рабочими. В данном случае, вероятно, дело окончилось компромиссом, и вся масса забастовщиков согласилась на то увеличение, которое, по *письменному* договору, хо-

зяева обязались платить рабочим, отпавшим от движения в первые дни июля, т. е. дня за четыре до конца забастовки. Это подкрепляется еще следующим фактором. Не прошло и недели после окончания забастовки плотников, как чернорабочие, т. е. тоже рабочие, необходимые в строительном деле, *потребовали* увеличения платы, и предприниматели *«принуждены были»* (se trouvèrent forcés) согласиться, «чтобы не остаться без рабочих рук». «Но они не вступают в стачку и не производят никаких беспорядков»,— пишет префект. Подобный факт (победа рабочих *без* забастовки, сразу же после заявления о своем требовании) был бы абсолютно невозможен, если бы за неделю до того хозяева одержали победу над плотниками. Правда, и самое предъявление требования со стороны чернорабочих было бы тоже в подобном случае немыслимо [75]. А для полиции — и вообще властей — всегда было неприятно сообщать властям о победе, хотя бы частичной, забастовщиков; ведь эта победа была всегда столько же победой над хозяевами, как и победой над полицией. Если же рабочим удалось добиться своего *без* забастовки, т. е. не бросив вызова полиции, тогда отчего же об этом и не сообщить. Вот почему о победе чернорабочих говорится вполне ясно, а о конце стачки плотников — умалчивается вовсе.

Отметим некоторые любопытные частности этой громадной и продолжительной стачки. Когда некоторые плотники из числа бастующих были арестованы и преданы суду, то стачка не только не прекратилась, но бастующие подали самому королю жалобу. Они просили короля, во-первых, об увеличении на 50 сантимов в день заработной платы и, во-вторых, об освобождении арестованных. Этому предшествовали угрожающие извещения префекта, говорящие о суде и высылке стачечников. 500 плотников явились к префекту, требуя, чтобы либо их товарищи были выпущены на свободу, либо чтобы их самих тоже засадили в тюрьму [76]. Часть рабочих вошла в самое помещение префектуры, часть осталась ждать на улице. Явилась жандармерия, которая разогнала собравшихся и произвела некоторые аресты. Арестовано было наново 142 человека, но они скоро были выпущены, дав обязательство вернуться к работе. Хозяева, наконец, согласились на увеличение заработной платы, хотя и не в таких размерах, как требовали рабочие. Волнения среди плотников, впрочем, продолжались еще некоторое время. По поводу этой очень внушительной стачки префект высказывает мысль, что «общества взаимопомощи, которые возникают под разными названиями среди рабочих», хотя, с одной стороны, полезны в материальном отношении рабочим, но зато очень неудобны тем, что облегчают возможность общего сговора для устройства стачек. Вот одна из причин долгой стачки плотников, которая было начала уже распространяться и на другие профессии [77].

Частичные мелкие забастовки и попытки их отмечаются осенью и зимой 1822 г. [78] — бастуют жестяники [79], стекольщики.

В начале 1823 г. начала обнаруживаться некоторая торгово-промышленная депрессия в Париже — в производстве ценной мебели, а также в производстве газовых материй и отчасти в ситцевом производстве. Но в целом ряде других отраслей промышленности упадка не замечалось, а строительные работы начались даже несколько раньше, чем обыкновенно. По данным префекта полиции, общее уменьшение производства было незначительно и не могло изменить общего благоприятного воззрения на состояние рабочих. В частности, даже те заведения и предприятия, которые сократили свою деятельность, сделали это по своим особым мотивам, не имеющим ничего общего с войной с Испанией [80]. Это последнее замечание префекта сделано явно в утешение министру и королю, смущенным слухами о вредном влиянии похода в Испанию на общее состояние торговли и промышленности.

В конце апреля 1823 г. безработица в столице значительно усилилась [81], но она была частичной и держалась недолго. Уже летом ее отмечали реже и реже, а в августе того же 1823 г., напротив, отмечается *кипучая* работа, например в мебельных мастерских; зато бумагопрядильни жалуются на дела [82]. Строительный сезон был очень оживленным. В июле 1823 г. отмечается в Париже стачка между кровельщиками с целью увеличения заработной платы [83]. Они требовали 5 франков в день вместо 4 франков 50 сантимов, которые получали [84]. Стачка длилась недолго и, несмотря на вмешательство полиции, окончилась победой рабочих. Хозяева уступили. И, как всегда, донося об этом, префект как будто извиняется перед начальством. Говоря о том, что некоторые предприниматели уже уступили бастующим кровельщикам, префект не одобряет такую снисходительность, полагая, что она несомненно сделает рабочих еще более требовательными. А полиция тут ни при чем: «все, что могут сделать власти в подобных обстоятельствах,— это помешать актам насилия и соблазна» и незаконным сборищам. И необходимо принимать меры к охране мирных, т. е. не бастующих, рабочих и к аресту нарушителей порядка [85]. Нужно заметить, что кровельщики забастовку проводили активную, если не со снятием с работ штрейкбрехеров, то с заходом в мастерские и с пропагандой необходимости покинуть немедленно работу [86].

В сентябре 1823 г. между плотниками в Париже и его окрестностях происходили драки по вопросу об установлении размеров заработной платы. Из глухих и кратких строк префекта трудно установить в точности смысл происшествия. Во всяком случае это не была стачка в точном смысле слова; по-видимому,

речь шла лишь о том, на каких условиях позволительно становиться на работу, а какие условия при найме следует отклонять [87]. И тут отмечается, что ссоры происходили между рабочими *разных* товариществ [88].

К концу 1823 г. констатируется вполне определенно очень удовлетворительное состояние торгово-промышленных дел в столице. Безработицы нет в общем, и все в данной области обстоит благополучно. В Париже работает столько фабрик и такое количество рабочих, как никогда до тех пор [89]. Но преувеличивать размеров этого благополучия не приходится: в том же сезоне, в декабре 1823 г., заработная плата в Париже была приблизительно на одну треть ниже обычного уровня, что принужден отметить сам префект [90]. Ясно, что кадры рабочих, пополняемые притоком из провинции, были все-таки настолько уже велики, что предложение рабочей силы превышало спрос на нее.

1824 год открылся при благоприятных для промышленности предзнаменованиях.

9 января началась стачка плотников с целью добиться повышения платы. Произошли, конечно, аресты [91]. Но самый факт забастовки плотников в мертвый для строительного дела сезон (в январе) показывает, что общее положение рабочих строительного дела было сравнительно благоприятно.

В начале 1824 г. некоторые отрасли промышленности (полотняной и хлопчатобумажной) испытывали в Париже некоторую заминку в сбыте, и дело дошло до сокращения штата рабочих на нескольких мануфактурах. Но это явление не разрослось до размеров хотя бы частичного кризиса [92]. В марте 1824 г. отмечается *цветущее* состояние парижской промышленности и полная удовлетворенность рабочего класса наличием заработков. Весенний приток новой рабочей силы из провинции начал сбивать цены на труд. В средине марта 1824 г. в Париже дело дошло до серьезных столкновений между столичными, всегда живущими в Париже рабочими и пришлой массой. Столичные рабочие жаловались упорно на то, что провинциалы сбивают заработную плату [93]. Полиции приходилось охранять пришлых рабочих от нападавших на них парижан. С апреля по глубокую осень 1824 г. в Париже, особенно между рабочими строительного дела, постоянно происходили то стачки, то не вполне выясненные движения, имевшие целью подготовку и провозглашение стачки. В конце июля обозначилась стачка каменщиков среди строительных рабочих [94]. В августе 1824 г. назревало стачечное движение среди мостильщиков [95]. В начале сентября 1824 г. были аресты по поводу затевавшейся стачки каменотесов [96]. В конце октября 1824 г. пред нами картина кипучей экономической жизни в столице. Строительный сезон продолжается, несмотря на то, что уже стоит глубокая осень, работают

«все фабрики, все ремесла», «мастерские едва в состоянии справиться с заказами, едва хватает рабочих рук, хотя число рабочих *за последние два года* (1823 и 1824) *очень увеличилось* в столице» [97].

Есть при этом некоторые признаки такой организованности среди столичных рабочих, которые явно указывают на возможность предпринимать очень сложные и трудные коллективные шаги. Например, в ноябре 1824 г. рабочие гвоздильных мастерских постановили не допускать в столицу гвоздильщиков из провинции, которые сбивают заработную плату. Полиция делала обыски, судебные власти вели следствие, но самое предприятие, затеянное парижскими гвоздильщиками, указывает на большую спаянность и большие средства для действия [98]. В хорошие годы, и именно в 1825 г., строительные работы даже зимой, в январе, не вполне прекращались, а только сокращались в столице. В средине июня 1825 г. отмечается брожение и подготовка к стачке с целью повышения платы среди разных категорий рабочих строительного дела. Полиция старалась арестами и иными мерами предупредить стачку, но слишком уж благоприятна для рабочих была экономическая база движения в тот год, и теми или иными способами хозяева принуждались к уступкам, даже к предупреждению стачки путем поспешных уступок [99]. Стачка кровельщиков длилась в июне 1825 г. больше трех недель и привела к победе рабочих, сначала частичной [100], потом полной. Победили также и жестяники, среди которых также возникла стачка. Вообще в этом благоприятном для промышленности 1825 г. в столице объявилась, как выразился префект полиции, «мания стачек» [101]: плотники, пильщики, каменщики, одни за другими, предъявляли свои требования. Полиция арестовывала непрерывно всех, на кого агенты указывали как на вожаков.

Строительное дело процветало в 1825 и 1826 гг.

В начале марта 1826 г. каменщики, работавшие в Париже, хотели было объявить стачку, но полиция произвела среди них аресты и этим предупредила событие [102]. Нужно сказать, что изредка бывали случаи соглашения между рабочими строительного дела еще на Place de la Grève, где они ежедневно собирались и куда за ними приходили наниматели. Так, весной 1826 г., в самом начале строительного сезона, были такие случаи [103]. С одной стороны, это было удобно для рабочих потому, что уж никак нельзя было подвести ни под какую статью уголовного кодекса соглашение людей, еще никем не нанятых, не поступать на работу, пока им не обещают такого-то минимума заработной платы; зато, с другой стороны, подобные соглашения были нелегки по внутренним, так сказать, причинам: крестьяне, пришедшие на отхожие промыслы в столицу, кто из Ньевра, кто

из Лиможской области, кто из Пикардии, кто из Лангедока, кто из Эльзаса, иногда даже плохо понимающие наречие, на котором с ними заговаривает сосед, туго соображающие пока, каким образом устроится их судьба в Париже, были психологически очень мало подготовлены к дружным действиям.

Префекты парижской полиции время от времени возвращаются к вопросу о том, как предупредить наплыв в столицу рабочих из провинции. С одной стороны, это хорошо для хозяев, так как понижает заработную плату и затрудняет забастовки, а с другой стороны, неприятно для полиции, которая всегда с подозрительностью и беспокойством следит за увеличением числа безработных в столице. Безработные же из пришлого элемента усиливаются количественно обыкновенно к началу лета, когда строительный сезон уже давно, с начала марта, начался, и предприниматели в общем уже успели запастись рабочими руками. Но ничего, кроме проектов не выдавать паспортов провинциальным рабочим, парижские префекты обыкновенно придумать не могли [104]. Пришлые рабочие иногда в большем, иногда в меньшем количестве толпились на Гревской площади. Ежедневно показываемые цифры рабочих строительного дела, собирающихся на Гревской площади, уж потому не имеют никакого статистического значения, что к ищущим работы присоединялись часто рабочие, уже работавшие и продолжающие работать, которые наведывались на площадь лишь затем, чтобы быть в курсе размеров заработной платы в каждый данный момент [105]. Общее число рабочих строительного дела в Париже, в разгар строительного сезона, в средний год, исчислялось в двадцать с небольшим тысяч человек [106].

К концу июня 1826 г. безработица стала усиливаться. Даже в процветающем типографском деле оказывалось необходимым сокращать работы. Интересно отметить, что безработные наборщики находили себе иногда новый заработок в тайных типографиях, не зарегистрированных полицией. Правительство об этом знало и следило за наборщиками, имея их всегда под наблюдением и на учете [107].

В общем, 1826 год был тоже годом, сравнительно удовлетворительным вначале для торговли и промышленности; но положение дел летом и особенно зимой было гораздо хуже; парижский рабочий класс большинства профессий не страдал от безработицы до середины лета, но потом это явление усилилось. Были в некоторых производствах и в первой половине года заминки, временные сокращения штата и т. п., но власти, в тайных рапортах, решительно отрицали утверждения оппозиционных газет о неутешительном положении дел [108]. Впрочем, и газеты вовсе тогда, в начале года, не настаивали на этом и не обобщали своих изредка появлявшихся пессимистических на-

блюдений. Заминка в сбыте кое в каких производствах, даже временный кризис сбыта были налицо. Но эти явления ни разу за первую половину года не принимали сколько-нибудь грозного характера в столице. Временами страдали прядильни, чаще — производство предметов роскоши, ювелирные мастерские, производство дорогой мебели.

К концу лета в некоторых производствах положение ухудшилось, и борьба рабочих за свои интересы стала труднее. Рабочие на одной кружевной фабрике в Париже (Галлана) объявили было стачку по поводу увольнения некоторых товарищей. Но большинство (200 человек) вскоре снова стало на работу. Очень уж неблагоприятна была экономическая ситуация в данный момент [109].

В общем, хозяева и в конце лета 1826 г., как всегда в подобные периоды начинающейся депрессии, старались не столько экономить на числе рабочих, сколько на размерах заработной платы. Рабочие больше мирились с сокращением заработков, чем с выбрасыванием на улицу своих товарищей,— участь, которая явно грозила и оставшимся. Со своей стороны хозяева старались, когда кризис был не очень остер, увольнять, если уж до этого доходило, с большой осторожностью, маленькими партиями, давая при этом увольняемым обещание вновь принять их, как только дела поправятся [110].

Рабочие гвоздильных мастерских в предместье Сен-Дени, центре этого производства, объявили стачку в октябре 1826 г. Ни цели, ни продолжительности, ни конца ее мы не узнаем [111]. Более чем вероятно, что цель была та же, что у рабочих тюлевого производства: борьба против увольнения товарищей. В периоды обостряющейся безработицы других целей забастовок мы ни разу в документах не нашли, так что метод аналогии в данном случае законен. По поводу увольнения двух рабочих было брожение и готовилась стачка также среди каменщиков, и полиция арестовала уволенных, приписывая им роль агитаторов [112]. Такая же стачка, по тем же мотивам, из-за увольнения товарищей, была объявлена рабочими, работавшими на постройках на улице Понсо, в середине декабря 1826 г., и тоже окончилась арестами [113].

Зима 1827 г., особенно январь и начало февраля, была трудным временем для рабочего класса. Безработица усилилась, наступили холода, вообще после нескольких благополучных зим тут в первый раз опять можно было вспомнить о 1820, о 1817 гг.— 13 марта 1827 г. отмечается какая-то частичная стачка в Париже среди плотников, но никаких деталей не дается [114]. Ясно лишь, что стачка продолжалась несколько дней, что штрейкбрехеры продолжали работать под охраной отряда жандармерии и полиции и что делались попытки снять их с работы [115].

Стачки как в этом, так и в следующих годах были, конечно, явлением гораздо более редким, чем во времена промышленного подъема.

В конце марта 1827 г. в Париже была объявлена стачка мостильщиков с целью добиться от предпринимателей повышения заработной платы, и полиция немедленно принялась преследовать «зачинщиков» (les auteurs), хотя бастующие, по показанию той же полиции, вели себя безукоризненно [116]. Только 6 апреля отмечается (без комментариев) конец этой забастовки. Хозяева прачечных в Париже собирались понизить заработную плату в конце мая 1827 г. Это намерение вызвало большое протестующее уличное собрание прачек, рассеянное полицией; по-видимому, намерение хозяев не было приведено в исполнение [117].

Летом 1827 г. в Париже промышленность переживала в целом ряде производств (мебельные мастерские, прядильни, обойные мануфактуры) довольно безотрадное время [118].

Стачка на некоторых лесопильнях в Париже отмечается в начале июня 1827 г. [119] На почве неумения или нежелания подчиниться общему решению и не сбивать заработной платы при самом найме иногда дело доходило и в 1827 г., как и в предшествующие годы, до серьезных побоищ, тут же, на улице и площадях, где собирались безработные, и до повторных атак жандармерии [120]. Начинавшаяся забастовка рабочих, работавших над ремонтом Нового моста (Pont-Neuf) в начале августа 1827 г., прекратилась после ареста руководителей по доносу хозяев. Причиной затевавшейся забастовки был вопрос о повышении заработной платы [121]. Какие-то две стачки с целью повышения заработной платы отмечаются в Париже 22 сентября 1827 г. Но где именно? В каком производстве? Ничего не говорится. Указывается лишь, что «твердость предпринимателей преодолела замыслы рабочих» [122].

В общем, кончался 1827 год лучше, чем начался, с точки зрения общего состояния торговли и промышленности. Теплая зима 1828 г. позволила производить некоторые строительные работы в столице, рабочие руки были заняты, настроение рабочих вполне спокойное,— не перестает отмечать полиция [123]. И это несмотря на то, что в текстильной промышленности в то же самое время дело обстояло гораздо менее благополучно и безработица была фактом, не подлежавшим оспариванию [124]. Безработица не очень обострялась, потому что пришлые рабочие в эту зиму получали заработок у себя на родине и в провинции и большими массами уезжали из столицы [125]. И при всем этом спокойствии «особое наблюдение» (une surveillance particulière), как всегда, было пущено в ход в рабочих кварталах, самом опасном месте Парижа [126]. Маленькая стачка в конце января 1828 г. на мануфактуре в Париже, где работало и забастовало

всего 43 человека, прекратилась быстро и безрезультатно [127]. Специальность мануфактуры — не указана. Стачка каменщиков в Париже, начавшаяся на казенных (по наряду сданных) работах на постройке тюрьмы 18 апреля 1828 г., привела, как всегда в то время, к арестам и специальным мерам охраны штрейкбрехеров, и все же никто (из рабочих) не решился нарушить стачку [128]. Конец ее нам неизвестен.

В течение всего 1828 г. ни единого раза во всех 365 ежедневных бюллетенях своих префект ничего другого не отмечал по данному вопросу, как *полное спокойствие* рабочего класса в Париже, несмотря на частичные, но очень тяжелые кризисы и безработицы, проявлявшиеся то в одной, то в другой отрасли столичной промышленности. Рабочие страдают, но спокойны; рабочие — под гнетом дороговизны хлеба, но верят в мудрость короля [129]. Эти мотивы повторяются без единого диссонанса.

Зима 1828/29 г. была тяжелой для парижской рабочей массы. Промышленный кризис в острой своей фазе как будто миновал, но все же сбыт был плох, безработица не увеличивалась катастрофически, но и не уменьшалась сколько-нибудь заметно. Промышленные предприятия продолжали сокращаться, иногда и закрываться. Большое впечатление произвела, например, ликвидация большой литейной мастерской в Шарантоне, в хорошие годы дававшей работу нескольким стам рабочих [130]. К этому прибавлялось еще и другое бедствие для рабочего класса: дороговизна хлеба, возраставшая с месяца на месяц. Сент-Антуанское предместье уже не только жалуется, но ропщет; так с беспокойством доносила полиция [131]. Правда, в общем дух рабочего класса еще мирный, но префект настойчиво советует высшим властям прийти в той или иной форме на помощь рабочим. Он полагает, что так оно будет осторожнее [132], потому что «нищета рабочих растет со дня на день» [133]. Правда, путем финансовых пожертвований муниципалитет г. Парижа в эту тяжелую зиму выдавал определенное количество карточек для льготного получения хлеба (по 16 су за 4 фунта). Но этой меры было недостаточно. Во-первых, карточки давались лишь немногим, а во-вторых, эти немногие не всегда имели нужные 16 су для покупки хлеба [134]. И в течение всей зимы общее положение рабочих становилось все хуже и хуже [135].

Никогда еще за все последние годы, по наблюдениям очевидцев, не сошлось столько разнообразных причин, чтобы сделать положение столичного рабочего класса необычайно тяжким. Безработица, неурожай, страшно холодная зима — все это вместе обрушилось на рабочий класс [136]. Льготный хлеб по карточкам становился все более и более предметом недоступной роскоши, и рабочие питались больше вареным картофелем, чем хлебом [137]. Рабочий класс голодает все больше и больше, но спо-

койствие в столице не нарушается,— таков почти ежедневно повторяющийся мотив рапортов префекта полиции.

С наступлением весны и началом строительного сезона часть безработных получила заработок, но мануфактуры по-прежнему, как и зимой, работали очень плохо [138]. Но и с рабочими строительного дела с каждым весенним месяцем дело все ухудшалось: с одной стороны, как всегда, весной прибывали ежедневно новые и новые партии рабочих из провинции, а строительный сезон, ввиду общей промышленной депрессии, оказался вовсе не оживленным, и работы на всех хватить не могло; а с другой стороны, хлеб пред новым урожаем становился все дороже и дороже [139]. В начале мая 1829 г. он дошел до 20½ су за 4 фунта. Рабочие были удручены этим необычайно, они горько жаловались, они собирались группами в своих кварталах, но полиция их рассеивала [140]. 130 000 рабочих получали в мае 1829 г. эти льготные карточки (16 су вместо 20½ су за 4 фунта хлеба, т. е. 20 сантимов за фунт вместо 30 сантимов с лишком) [141]. И число лиц, желающих воспользоваться этой льготой, все возрастало, причем полиция считала важным, с точки зрения общественного спокойствия, не отказывать в этой милости [142]. Каждые две недели такса на хлеб все повышалась. Во второй половине мая такса была 21 су за 4 фунта, т. е. была достигнута дороговизна, которой за все время, с революции, не было еще в Париже. 18 мая уже 188 000 человек пользовались льготными карточками [143]. Кроме того, выдано было от муниципалитета, тоже по дешевой цене, 40 000 порций супа. Все эти вспоможения только и поддерживали спокойствие в столице, по мнению префекта [144]. Все же время от времени попадались рабочие, произносившие именно по поводу дороговизны и тяжелого времени непочтительные слова и даже мятежные речи в своей среде [145].

Летом 1829 г. (июнь — июль) положение рабочего класса в столице улучшилось; безработица, правда, не исчезла, но сильно сократилась. Официальные, тайные и открытые наблюдатели со всех сторон доносили префекту о полном спокойствии умов в Париже зимой, весной и летом 1829 г. Префект сам удивлялся этому факту: полная безработица много месяцев, дороговизна припасов и прежде всего хлеба такая, что на памяти живущих такой не было, суровая зима, а настроение и зимой, и весной, и летом в политическом смысле совершенно безмятежное — такое, какого тоже давно уже не было. Префект отмечал общее успокоение, тенденцию к миру [146].

С середины лета 1829 г., впрочем, и безработица сильно стала уменьшаться [147]. Урожай 1829 г. был хорош, в ноябре и декабре 1829 г. и в январе 1830 г. хлеб несколько понизился в цене, овощи и другие предметы продовольствия подешевели

в столице[148]. Префект полиции окончательно удостоверился в мирном настроении рабочего класса.

Чрез несколько месяцев вспыхнула Июльская революция, и трон Бурбонов был сметен прочь трехдневным парижским восстанием, в котором очень заметную роль сыграли рабочие...

Мы ознакомились с документальными свидетельствами о том, как жила, чем питалась, сколько зарабатывала, сколько времени работала, как боролась за свои интересы эта рабочая масса. Мы видели, что главной ее задачей было — не умереть с голоду, не лишиться работы, получать столько, чтобы колебания в ценах на хлеб не являлись роковым несчастьем для рабочей семьи; мы заметили, что даже существеннейший вопрос о продолжительности рабочего дня является второстепенным, не играющим почти никакой роли в рабочем движении. Наконец, документы рассказали нам, при каких условиях велась стачечная борьба как в провинции, так и в Париже.

Общее впечатление, которое получилось в результате наших исследований, может быть сформулировано так: годы промышленной депрессии (1815, 1817, 1820, 1827, 1828, 1829) чередуются с годами промышленного подъема (1822—1825), с годами «средними» (1818, 1819, 1826); в годы депрессии для рабочего класса — долгая голодовка, тяжкая безработица; в годы подъема — сравнительно сытое существование, с возможностью некоторой борьбы против хозяйской эксплуатации; в годы средние, да и в хорошие — стремление бороться против хозяйских попыток искусственного, по уговору, *понижения* заработной платы; полное почти отсутствие какой бы то ни было организованности, если не считать пережитков старинных товариществ, больше всего удержавшихся лишь между рабочими строительных мастерств, да вновь возникающих «обществ взаимопомощи», ставящих себе исключительно филантропические цели и не играющих никакой роли в подготовке и проведении стачек. Таковы главные факты, которые бросаются в глаза при знакомстве с нашими документами.

И хотя рабочая масса, казалось, совсем была далека от политики в течение всего времени Реставрации, тем не менее на нее не переставали взирать *всегда* с вниманием, иногда с беспокойством власти, начиная от короля и кончая полицией. Рабочие были так сдавлены и стеснены в своей борьбе за улучшение экономического положения, правительство так откровенно пускало в ход репрессии *всегда* против рабочих и *всегда* в защиту хозяев, рабочие до такой степени были абсолютно отстранены от участия в политической и общественной жизни, что сами власти, вполне логично, ждали именно от этого класса известных протестов, возможного соединения с оппозиционными течениями и кругами в решительный момент.

Глава VI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА ОТ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г.

Настроения рабочего класса при воцарении Бурбонов. Дела о «мятежных возгласах». Агитаторы из буржуазного класса. Аполитичность рабочих. Начало революционного брожения в рабочем классе

ще в своем исследовании о рабочем классе в эпоху Великой революции я старался показать, что, лишенный организации, классового самосознания, малочисленный и распыленный, рабочий класс не играл в провинции сколько-нибудь выдающейся роли, а в Париже, не проявив, правда, ни разу руководящей инициативы — кроме вопроса о «максимуме»,—играл в 1789—1793 гг. деятельнейшую роль во время всех так называемых «великих дней», сражаясь в первых рядах и при взятии Бастилии, и 5—6 октября 1789 г., и в июле 1791 г., и 10 августа 1792 г., и 31 мая 1793 г. и т. д.

Термидорианская реакция, а затем в особенности полиция Директории, Консульства и Империи придавили столичных рабочих. За все время Империи полиция бдительно следила за рабочими, предупреждая даже отдаленную возможность каких-нибудь выступлений. Да и попыток подобных выступлений не было. Но Наполеон, утверждавший, что серьезные революции происходят единственно от пустого желудка, не переставал в течение всего своего царствования внимательно следить за движением цен на столичном хлебном рынке и вообще не забывал, что именно в столице рабочая масса огромна и с вопросом о ее пустом желудке необходимо считаться даже всемогущему повелителю.

Знали это и Бурбоны в 1814—1830 гг. Я ознакомился с 17 картонами, где собраны, день за днем, по 365 в каждом картоне, донесения префектуры полиции о состоянии г. Парижа, и в очень редких из них нет хотя бы беглого упоминания о рабочих, иной раз только о том и упоминается, что рабочие спокойны, и больше ничего; но упоминание есть. Не так обязатель-

но, но часто встречаются упоминания о настроении рабочих также и в провинции; ясно, однако, что провинция в этом отношении даже и отдаленно не интересовала так правительство, как рабочие столицы.

Громадное (пока в скрытом виде) политическое значение рабочего класса именно в столице, где он сосредоточивался в таких массах, как нигде во всей Франции, конечно, ясно сознавалось властями. Одни только рабочие, занятые строительным делом, уже в 1824 г. составляли «значительную часть населения столицы», а ведь в Париже было, сверх того, громадное производство всевозможных предметов роскоши, бесчисленные мебельные, столярные мастерские, портняжные и шляпочные заведения, прядильни, полотняные мануфактуры, целые кварталы (в Сен-Марсельском предместье) кожевенных мастерских, гвоздильных, жестяных и т. д. Немудрено, что наблюдение за настроениями рабочих было одной из важнейших функций префектуры полиции [1].

Что касается общей оценки характера, темперамента французского рабочего, то власти помнили очень хорошо Великую революцию.

Такой удивительно тонкий психолог и тогдашний наблюдатель, как знаменитый Стендаль (Анри Бейль), говорит, что французский рабочий не обладает «свирепым упорством» (l'opiniâtreté féroce) бирмингемского рабочего, который во что бы то ни стало требует, прежде всего, чтобы ему платили; но, с другой стороны, французский рабочий далек и от терпения и добродушной выносливости рабочего из Гарца, рабочего немца [2].

Власти считали, что французский рабочий класс *потенциально* может быть очень опасен, и внимание к нему в течение всего изучаемого периода проявлялось со стороны полиции самое неослабное. Вот в точном перечислении постоянно повторяющиеся в ежедневных донесениях префекта полиции категории тех мест и лиц, за коими прежде всего следят агенты: студенты высших учебных заведений, *рабочие*, кафе, театры и кабинеты для чтения [3].

И пока рабочие «спокойны», все остальное представляется полиции злом еще не столь большой руки. О рабочих же собирается *все*, что только удается подслушать, подглядеть, узнать агентам явным и тайным.

Целыми десятками встречаются дела, которые только и состоят либо из глухого упоминания о каких-то бывших или ожидаемых беспорядках, либо из приказов местным властям быть настороже, следить за злонамеренными, обращать внимание на беспокойное рабочее население таких-то городов [4]. Малейший намек на нарушение порядка рабочими тотчас же вызывал оживленную переписку. При этих условиях документы серии F^7

представляют много гарантий полноты. Иногда толстые папки наполнены перепиской по поводу драки подвыпивших мастеровых-сапожников с полицией [5].

Граф Беньо, наполеоновский сановник, был сделан по возвращении Бурбонов первым главным директором полиции. И он не хотел сначала брать этот пост, потому что, как он выражался, он знал, что полиция при настоящем *господине*, т. е. при Наполеоне,— это одно, а полиция при конституционном короле — это другое [6]. Тем не менее и при конституционном короле бдительнейший надзор за рабочими, установленный Наполеоном, продолжался неукоснительно.

Нужно напомнить, что у рабочих не было и мест, где бы они могли легально и безопасно для себя выразить свои суждения. А затем — забитость, борьба с лютой нуждой, с вечно грозящим голодом долго не давали массе ни желания, ни возможности думать о текущей политике. В годы же, когда общее экономическое положение поправлялось и рабочие — в общей массе — начинали жить лучше, они оказывались слишком бессильными и неорганизованными для мечтаний о революционном выступлении.

Династия Бурбонов неспособна была поддерживать такой порядок, какой царил при Наполеоне, и она не умела так подавлять свободу, как он,— так отзывался (с некоторым как бы порицанием по адресу Бурбонов) уже после Июльской революции человек, утверждавший, что народные волнения — главный враг промышленности и благосостояния рабочего класса [7]. Но вместе с тем он подчеркивает, что вплоть до Июльской революции рабочему классу жилось «сравнительно» не плохо [8]. Что касается неумения Бурбонов, то он их порицает напрасно: идеальное орудие деспотической власти, созданное Наполеоном, исправно действовало и при его преемниках. А в смысле *политического* бесправия, рабочие при Реставрации и не могли чувствовать себя иначе, чем при Империи: *для них* конституция не существовала. Например, периодически происходившие выборы депутатов в палату не возбуждали в рабочем классе обыкновенно никакого интереса прежде всего потому, что ни один рабочий не пользовался избирательными правами. Все это проходило как-то мимо них. Особенно бросалось в глаза это полнейшее равнодушие в такие моменты, когда материальное положение рабочего класса в связи с общей экономической конъюнктурой улучшалось [9].

Где же было наблюдать рабочие настроения?

Существовавшие легальные организации рабочих ни малейшего отношения к политике не имели. Общества взаимопомощи, распространившиеся особенно в столице, среди рабочего класса в 1820-х годах, ничуть не беспокоили полицию. Полити-

ческие вопросы затрагивать им было строго воспрещено, и нарушение этого запрета влекло за собой немедленное закрытие общества. Следить за ними было в высшей степени удобно, и полиция даже жалела, что наблюдать за другими обществами, в более образованном классе, далеко не так легко, как за рабочими обществами взаимопомощи [10]. Власти смотрели на эти общества взаимопомощи весьма благосклонно и даже приписывали им благую воспитательную роль в смысле пропаганды среди рабочих благонамеренных начал [11].

Проследим систематически, что́ узнавало правительство о настроениях рабочей массы от самых первых дней Реставрации. Общие выводы в конце этой главы было сделать, как увидит читатель, весьма легко.

5 июля 1814 г. полиция доносит, что в Сент-Антуанском предместье рабочий класс — в некотором брожении, что рабочие сближаются с солдатами соседней казармы, что среди рабочих слышатся предсказания о возвращении Наполеона [12]. Но уже через три дня сведения о Сент-Антуанском предместье и предместье Сен-Марсо носят гораздо более успокоительный характер, и предшествующее настроение полиция объясняет некоторой преходящей безработицей [13].

Нужно сказать, что вообще политические настроения в этом критическом 1814 г. не отличались ясностью ни в последние месяцы Империи, ни в первые месяцы Реставрации.

Вот настроения в марте 1814 г. в таком большом торговом городе, как Нант: дворяне рады возможному возвращению Бурбонов, негоцианты заняты своими спекуляциями и по своим политическим симпатиям близки к дворянам; старые революционеры (anciens patriotes), враждебно относящиеся и к дворянству и к купечеству, не хотят возвращения Бурбонов [14]. Кто такие эти бывшие революционеры, «*враждебные вышеназванным классам*», т. е. дворянству и купечеству? Полицейское донесение не поясняет этого. Подобные же настроения среди бордоской буржуазии. «Англичане восстановят торговлю... добудут для рабочих работу»,— вот о чем говорили в Бордо в последний месяц наполеоновского владычества [15].

Все было еще слишком неуверенно, даже после воцарения Бурбонов; лишь очень редко, робко, спорадически делались попытки возвратиться в области рабочего законодательства к старому режиму. Обойщики, хозяева г. Парижа, еще в 1810 г. собиравшиеся просить императорское правительство о чем-то вроде восстановления цехов, пожелали и в 1814 г., в начале Реставрации, возобновить свою попытку. Изъяснялись они в обоих случаях осторожно: речь шла о прекращении «беспорядка», наступившего после уничтожения цехов [16]. Но, как при Наполеоне, и при Реставрации тоже эта попытка оказалась предприя-

тием мертворожденным. Главный совет мануфактур отверг эти домогательства вполне категорически [17].

Подобные попытки были исключением. Наполеоновского законодательства самым крутым хозяевам казалось вполне достаточно. Да и времени не было в эту короткую «первую Реставрацию» (апрель 1814 — март 1815 г.) думать о широких планах: Наполеон вернулся с Эльбы раньше, чем как хозяева, так и рабочие сколько-нибудь привыкли к Бурбонам.

Эпоха Ста дней прошла для рабочего класса, не вызвав с его стороны активных выступлений в ту или иную сторону.

На что надеялись роялисты, на что надеялся сам король Людовик XVIII, бежавший в Гент и там ждавший решения своей участи? *Исключительно* на войну Европы против Наполеона. Вот показание человека, говорившего с королем за $3^1/_2$ недели до Ватерлоо: «Король сказал, что не следует бояться слухов о соглашении Бонапарта с Австрией. Она выставит умеренные требования, но он их не примет». И дальше весь разговор вращается вокруг *внешних*, а вовсе не внутренних затруднений Наполеона [18].

В общем, рабочие приняли возвращение Наполеона если не с таким активным сочувствием, как крестьянские массы, боявшиеся отнятия земель при Бурбонах, то все-таки не враждебно. Правда, на западе, в Вандее, рабочие и ремесленники в эпоху Ста дней иногда обнаруживали общий этим местностям дух сопротивления Наполеону [19]. Но эти известия крайне редки.

Вообще, еще за день до получения первых вестей в Париже о высадке Наполеона настроение рабочей массы в столице уже вызывало у королевской полиции довольно сложные впечатления. Правда, полиция продолжает ссылаться на свои прошлые бюллетени и доказывать, что рабочие всех профессий заняты постоянно и с пользой и удовлетворены и спокойны [20], но вместе с тем полиция не желает умолчать и о том, что «еще есть элементы раздоров», есть кое-какие «темные революционеры» (d'obscurs révolutionnaires), которые волнуют умы. Но все-таки большинство народа не поддается этой агитации, кроме меньшинства, которое прежде служило в наполеоновской армии и сохранило привязанность к императору [21].

В конце февраля и начале марта 1815 г., под самым переворотом и провозглашением вновь Империи, безработицы в Париже не было; напротив, рабочих рук не хватало, и заработная плата повысилась [22]. Хлеб подешевел в первых числах «марта и продавался по 45 сантимов за 4 фунта, и народ в Париже говорил будто бы: вот настоящий способ заставить любить короля!» [23] Одновременно, в том же бюллетене, полиция не скрывает, что есть много недовольных элементов, что военные очень волнуются, и вообще не рисует положения в очень розовых

красках. Но рабочих в числе опасных для династии элементов она не поминает. Однако в бюллетене от 6 марта я нашел беглое и очень все же характерное указание: в предместье Сен-Марсо произошло сокращение работ в одной большой мастерской, и уже рабочие, тревожимые мыслью о скором увольнении, *дурно говорят о правительстве* [24]. Такой быстрой политической воспламеняемости мы в позднейшую эпоху Реставрации среди рабочих не увидим.

В Сент-Этьенне 5000 рабочих собралось с криками: «Да здравствует император!» — в первые же дни после получения известия о высадке Наполеона [25].

Во время Ста дней императорская администрация спешила доказать промышленникам, крупным и мелким, что новая экономическая политика не лишает их ни одного из преимуществ, какие были связаны с общим замирением в 1814 г. Когда купцы г. Кана (Caen, в департаменте Кальвадос) спросили префекта, можно ли будет англичанам с островов Джерсей и Гернсей прибыть на апрельскую ярмарку, где они закупали кружева, то префект сейчас же ответил в утвердительном смысле и даже пообещал оказать англичанам защиту и покровительство [26].

Конечно, торговые круги морских портов (вроде Бордо, Гавра, Нанта) были встревожены и недовольны возвращением Наполеона, сулившим немедленную новую войну с Англией и, следовательно, новое исчезновение французской морской торговли [27]. В Руане крупное купечество тоже было против Наполеона, но промышленники — за него, так же как и рабочие [28].

Еще 26 апреля 1815 г. в Руане, где особенно быстро получались сведения о лондонских настроениях, в купечестве и среди промышленников царила если не уверенность в мире с Англией, то надежда на английский нейтралитет. Англичане еще прибывали в конце апреля в Дьепп и другие порты нормандского побережья; из Лондона приходили письма самого миролюбивого и оптимистического характера и производили в городе очень большое впечатление. Префект Нижней Сены доносил, что известия из Англии так благоприятны, что он не решается их печатать, ибо злонамеренные лица назовут их ложью [29]. Но именно в эти же дни эти благоприятные известия круто и внезапно сменились прямо противоположными. Англия решила выступить против Наполеона с полным напряжением всех своих морских, сухопутных и финансовых сил. Причина указывается в рапортах вполне точно: купцы боятся морской войны с Англией, а французские промышленники надеются, что император восстановит свою всегдашнюю систему запретительных пошлин, направленных против ввоза во Францию товаров из-за границы.

В общем, конечно, рабочие пострадали в эпоху Ста дней, потому что промышленности и торговому сбыту это событие нанесло страшный удар. Из промышленных департаментов больше всего пострадал в эпоху Ста дней департамент Соммы, расположенный по пути двигавшихся с юга на север армий Наполеона и с севера на юг — армий союзников. Представители местного самоуправления утверждали, что для них Сто дней были равносильны столетию бедствий [30].

Подобные же известия сохранились и относительно других промышленных областей. В Париже тоже торгово-промышленная депрессия была велика, и императорское правительство лишено было материальной возможности прийти рабочему классу на помощь: не было денег даже на уплату должного.

Уже в конце Ста дней, за $1^1/_2$ недели до Ватерлоо, подрядчик Beudot, работавший по ремонту императорских дворцов, просил денег, которые правительство ему задолжало в сумме свыше 600 000 франков. Ему грозит банкротство — и власти приходят к заключению, что нужно ему давать деньги, так как иначе его рабочие под влиянием нужды могут учинить какие-нибудь беспорядки [31].

Безработица после Ста дней держалась еще несколько месяцев. Бедственное положение усиливалось в конце 1815 и в 1816 г. все возраставшей дороговизной.

Каждое повышение цен на хлеб влекло за собой именно для неимущего класса не только непосредственный, очевидный ущерб, но еще и другую беду: все сколько-нибудь зажиточные люди, особенно в первые годы Реставрации, после Ста дней, бросались немедленно закупать всю муку, какую только по своей свободной наличности они в состоянии были купить: до такой степени они были напуганы и нервны, до такой степени склонны были в каждом таком повышении цен видеть признак близящихся переворотов и голодовки. Так было не только в Париже, но и в провинции, например в самом промышленном департаменте королевства, в департаменте Нижней Сены. В документах этого департамента мы нашли характерный анализ этой особенной нервности тогдашнего поколения [32].

Нужно сказать, что мое глубокое недоверие к показаниям и впечатлениям газет 1815 г., всячески старавшихся создать картину быстро восстановленного после Ста дней благополучия, получило полное подтверждение именно на лионском примере. Вот что я прочел в бюллетене министерства полиции от 31 августа 1815 г.: «Вопреки тому, что говорили столичные газеты, совершенно ложно, будто здешние (лионские) мануфактуры возобновили прежнюю свою деятельность». Рабочие большей частью — без занятий, заработная плата уменьшена на $^1/_3$, заказов мало, известия об американских заказах — выдумка [33].

При таком положении немудрено, что в городе царит глухое недовольство, как это констатирует полиция в начале сентября того же 1815 г. [34]

Рабочим недостает занятий, и обнаруживается недовольство,— слышится также из Нанта, где портовый рабочий люд уже привык к плохим делам при Наполеоне, в эпоху долгой войны с Англией и полной заброшенности и ненужности всех французских морских портов [35]. Неспокойны рабочие в Меце [36]. В департаменте Hérault, близ Лодева (Lodève), на прядильне Фулькье констатируется большая неблагонамеренность среди рабочих, революционные возгласы и песни и т. д. Любопытно, что сам владелец мануфактуры ответил на запрос властей «с такою дерзостью», что был арестован [37]. Буржуазия была в это время очень удручена и раздражена крайней роялистской реакцией, и этот случай очень показателен. Отдельные случаи, когда тот или иной рабочий (ткач в Монтеро [38], прачка в Париже [39], булочник в Валансе [40] и т. д.) арестуются за антиправительственные выходки, встречаются не так уж редко в эту осень и зиму 1815 г. Все же политически рабочий класс остается неопасным.

Несмотря на ярые антибонапартистские страсти непосредственно после Ста дней, интересно отметить, что покорность и сдержанность рабочего класса в столице и остальной Франции сановники времен Реставрации были склонны объяснять суровой школой наполеоновского деспотизма, который уничтожил революционные традиции рабочих; и эта перемена пошла на пользу патриархальной монархии (т. е. возвращенным Бурбонам), хотя революционных следов еще осталось «слишком много». Все это выражено в форме, необычайно характерной для всей психологии реставрационной эпохи. Сложной мысли соответствует затейливая, обдуманная формулировка [41].

По существу же эта мысль ясна. Монархия Бурбонов унаследовала рабочий класс, прошедший не только революционную, но и наполеоновскую школу. Рабочие в возрасте *до* 25 лет в сущности только Наполеона и помнили, а революция происходила тогда, когда они были маленькими детьми. Централизованное, полицейское государство, которое требует безусловного и немедленного повиновения,— вот что первенствовало в политических представлениях рабочего человека. Эта мысль о всемогущем государстве сильно облегчала властям эпохи Реставрации их сношения с рабочими. И Реставрация даже как бы благодарна была «узурпатору» и «корсиканскому деспоту» за то, что он внушил рабочим идею повиновения, к вящему конечному благу и пользе патриархальной, «законной» монархии [42].

Когда рабочим случалось в 1816 г. (да и позже) собираться и говорить о политике, например о бюджете, обсуждавшемся

в палате депутатов, то следившая за ними полиция никак не могла и не хотела поверить, что они это делают по своей инициативе, и все искала таинственных закулисных руководителей [43]. Но в общем полиция смотрела на рабочих в эти первые годы Реставрации с преувеличенными надеждами: «слишком часто будучи без работы, они покорны; будь они счастливее, они были бы преданными» [44]. Эта зима 1816/17 г. была жестокой для столичных рабочих. Хлеб был дорог, а работа была редкой.

Правда, в Лионе, в Руане, в Гавре, в Париже, в Марселе, в Тулоне постоянно то тот, то другой рабочий попадает в тюрьму — иногда на 15 дней, а иногда и на полгода за противоправительственные слова и возгласы (cris séditieux) [45]. Это явление, довольно частое в 1816—1822 гг., потом как-то слабеет и не так бросается в глаза. Но, кроме этих возгласов, решительно ничем недовольство рабочих ни в 1816 г., ни в ближайшие несколько лет не проявлялось.

Например, в Лионе с самого начала Реставрации в местном дворянстве и крупной буржуазии существовали резко очерченные разногласия; может быть, кроме Парижа и Марселя, не было города, где бы либералы и ультрароялисты с такой страстностью вели между собой в эти годы идейную борьбу. Но борьба эта, как определенно утверждают наши документы, велась в салонах, и на лионскую рабочую массу влияния никакого не имела [46]. Взволновать эту массу могли мотивы экономические в точном смысле, а не политические.

Так же, как и в Лионе, в другом рабочем центре Франции, в Париже, тоже отмечается полная отчужденность рабочих, даже страдающих и безработных, от оппозиционных салонов. Рабочие хотят только работы, только из-за недостатка ее они печальны, только предстоящее закрытие той или иной мануфактуры их тревожит; революционные настроения — чужды рабочим [47].

Та же мысль о полной аполитичности рабочего класса с удовольствием подчеркивается властями при каждом удобном случае: рабочие не следят за политикой, за прениями в палате, за политическими манифестациями в театре, столь частыми в эту эпоху [48]. Очень редко отмечаются в рабочих кварталах крики «vive la république» и другие «мятежные возгласы» [49].

Но если революционные стремления казались временно заглохшими, то тень императора продолжала тревожить умы.

22 июня 1820 г. шесть рабочих-булочников пели в трактире близ Тулона оскорбительные для короля песни, в которых отчасти восхвалялось убийство герцога Беррийского, происшедшее 13 февраля того же года, отчасти же речь шла о скором возвращении Наполеона. Все шестеро были арестованы и преданы суду [50]. Подобный же случай произошел с двумя лион-

скими рабочими шелковой мануфактуры в марте 1821 г. Один был оправдан, другой судился еще за сопротивление полиции, и участь его не известна [51]. 4 июля 1821 г. рабочий шерстяной мануфактуры Фабр некстати упоминает в публичном месте в Марселе слово «свинья» в связи с торжеством по поводу крещения герцога Бордоского и за это чуть не попадает надолго в тюрьму (но ему удалось как-то оправдаться) [52]. Транспортный рабочий Бенуа Фарто был в декабре 1821 г. осужден в Лионе на шесть месяцев тюремного заключения за публичное поношение особы короля [53].

Изредка попадаются указания на сколько-нибудь конкретные воспоминания в рабочем классе о людях и событиях Великой революции. В Авиньоне как-то, в 1821 г., два рабочих-булочника обвинялись в том, что они насильно заставляли других рабочих кричать: «Да здравствует конституция 1789 г.!» [54].

Все это — явления крайне редкие. Но зато в течение всей весны 1817 г. со всех концов Франции приходили известия, что в народе (как в деревне, так и в городах) ждут новой высадки Наполеона. Голод весной сильно способствовал этим слухам. «Политика» в точном смысле слова не играла большой роли в распространении этих слухов. Психологию их хорошо определил тогда же префект Соны- и-Луары: «Народ естественно склонен думать, что какая бы то ни было перемена в правительстве улучшит его положение» [55]. Придет Бонапарт с хлебом для раздачи нуждающимся — такая формулировка тоже характерна для голодных лет в начале Реставрации. В Лон-ле-Сонье, как и во всей Франции, упорные слухи о приходе Наполеона в 1817 г. объясняются точно так же «нищетой, которая делает народ более доверчивым» к этим слухам [56]. Это явление и эта психология характерны для 1817 г. и для следующих 4—5 лет. У рабочих память о Наполеоне как-то сливалась с более смутными (потому что более далекими и старыми) воспоминаниями о революции. «Несколько рабочих кричало: «Да здравствует старая гвардия! да здравствует свобода!» [57]. Вот типичные «мятежные возгласы» (les cris séditieux), когда виновными оказываются рабочие.

К 1820—1822 гг. эти случаи становятся реже, но не прекращаются. Разгоряченный только что бывшим побоищем между двумя враждебными товариществами в Туре арестованный рабочий, когда его с другими препровождают в тюрьму, кричит по дороге несколько раз: «Да здравствует император! да здравствует великий Наполеон!» [58]

Но вообще и бонапартистские тенденции среди рабочих проявлялись в 1816—1817—1818 гг. не так уж сильно, хотя во все шесть лет, протекшие между эпохой Ста дней и смертью Наполеона, каждой весной в народе ждали — кто со страхом, кто с

надеждой — новой его высадки во Франции. Лионская полиция сообщает, как нечто совсем новое, весной 1821 г., что в этом году не говорили о возвращении Бонапарта[59]. (Дело было за полтора месяца до смерти Наполеона на о. Св. Елены.) Смерть Наполеона (5 мая 1821 г.) ослабила бонапартистские настроения среди рабочих: прекратились периодические слухи о высадке. «Рабочие работают, и с их стороны не слышно никаких жалоб. Они говорили в течение нескольких дней о смерти Бонапарта; смерть английской королевы их заняла меньше, а о греческих делах только некоторые повторяют то, что они слышат от других; если внутренняя политика лишь слабо возбуждает их внимание, то внешние дела дают еще меньше пищи их разговорам, и в общем можно заметить, что рабочие все больше и больше становятся чуждыми всему, что выходит из сферы их повседневных привычек»,— таковы были в это время наблюдения правительственных агентов, не спускавших глаз с рабочих предместий[60]. Рабочий класс занят работой и развлечениями[61] — эти слова на все лады повторяются наблюдателями.

Вообще в 1817—1821 гг. не из низов идет опасность (даже часто по мнению полиции), не слева, а справа.

В эти годы неистовства реакционных сил полиция начинала более страшиться «революционеров справа», а не слева,— со стороны ультрароялистов, а не либералов и бонапартистов. Ломбард битком набит закладчиками, несколько рабочих умерло *от голода;* и все-таки в общем рабочий класс тих и покорен в столице, как и в провинции[62]. Если кто волнуется, агитирует, полон жажды мести, не дает стране успокоиться,— это былые жертвы революции и их потомки, ультрароялисты, les exagérés, как их называют наши документы.

Эти годы, 1816—1820, в особенности 1818—1820, были временем воинствующего, раздраженного боязливым королевским сопротивлением ультрароялизма. Партия преувеличения, le parti de l'exagération,— так называют воинствующих контрреволюционеров полицейские донесения. В эти годы либералы, якобинцы, бонапартисты — все принципиальные враги Бурбонов — ведут себя сдержанно, но ультрароялисты открыто заявляют, что необходимы коренные государственно-правовые изменения (другими словами, сведение конституции к нулю), чтобы Франция спаслась от новой революции[63]. Эти революционеры справа крайне беспокоили короля в Париже и префектов в провинции.

Довольно типичны были эмигранты, которые прибыли, подобно некоему судье Дестютту, с единым лозунгом: нужны виселицы, побольше виселиц![64] Для таких все казалось просто *и понятно, и ни малейших* затруднений не предвиделось ввиду обилия во Франции как леса, так и пеньки. Но люди, силившиеся понять положение, не поддававшиеся страстям, думали не

о мести за прошлое, а о прочности трона Бурбонов в будущем. И при такой постановке вопроса все необычайно усложнялось.

Кое-где ультрароялисты делали попытки сорганизовать рабочих в *своих* целях.

В Лионе в 1815 г., в разгаре ультрароялистских неистовств, после Ста дней, образовалось некое «Общество друзей короля», членами которого были рабочие разных профессий, в общем до 60 человек. По-видимому, это была попытка повести активную роялистскую пропаганду среди лионских рабочих. Но попытка успеха не имела. Об обществе этом до такой степени забыли, что в 1819 г. лионские власти должны рассказывать о нем министру внутренних дел как о чем-то абсолютно неизвестном. Да и рассказывают только по поводу скандала, происшедшего в средине августа 1819 г., когда однажды это общество захотело отслужить молебен и процессией направилось в церковь, а среди его членов и сопровождавших его людей обнаружились лица крайне сомнительной репутации и даже разыскиваемые по обвинению в уголовных преступлениях. Все это — отмечают власти — подало повод к крайне невыгодным толкам [65]. Больше мы ничего об этом обществе не слышим.

Пускались в ход демагогические приемы и в других местах. На юге, в г. Ниме и во всем департаменте Гард, где столетиями держалась традиция жестокой вероисповедной борьбы между гугенотами и католиками и где при вторичном возвращении Бурбонов, после Ста дней, происходили многочисленные насилия над протестантами, был пущен в ход ультрароялистами демагогический слух (дело было в голодном 1817 г.), будто протестанты-хозяева нарочно увольняют католиков-рабочих из своих мануфактур, чтобы уморить их голодом [66]. Вообще яростный поход ультрароялистов привел к логическим последствиям. Буржуазия почти полностью *как класс* стала отходить от Бурбонов, стала кое-где вооружаться, чтобы не быть застигнутой врасплох Варфоломеевской ночью (даже *до этого* доходили угрозы одной стороны и опасения другой). Власти, часто с грустью, давали в Париж знать об этой знаменательной эволюции буржуазного класса [67]. А ведь еще в 1817 г. фабриканты и купцы аттестовались людьми с официальной точки зрения благомыслящими и даже с похвалой отмечалось, что они благотворно влияют на рабочих, которые у них работают [68].

Редко проскользнет известие, показывающее, что и в другом стане зреет раздражение. Анонимное письмо, «полное угроз, во имя бедных против богатых», было подброшено в 1817 г. под двери дома мэра местечка Спэннура (в округе Монмеди, департамент Мозель) [69]. Ничего более точного мы об этом документе не знаем и его в делах не нашли. Замечу, что эти слова «война бедных против богатых!» были лозунгом толпы крестьян и кре-

стьянок, которые противились загораживанию коммунальных пастбищ в деревнях Булон и Тирель (в департаменте Жер, в средине мая 1818 г.) [70]. Вообще же в этом голодном 1817 г. или в начале зимы 1818 г. попадаются в виде редчайшего исключения известия о ропоте против правительства в *низших* слоях народа [71]. Но даже в эту эпоху такие замечания тонут и теряются в согласном хоре донесений о полной покорности и очень смирном поведении их. В Марселе, где промышленность играла всегда бо́льшую роль, чем в Бордо, дела в первые годы Реставрации шли лучше, и префекты отмечали как экономическое процветание города (уже с 1818 г.), так и «счастливое равнодушие» населения к политическим вопросам [72]. Следует заметить, что когда стали оживать чуть-чуть революционные настроения в других странах Европы, то и до рабочих изредка доходили эти отголоски заграничных событий. 27 мая 1818 г. лионский рабочий Ришар, сидя с другими в одном кабачке, говорил им, что императоры и короли свое время отцарствовали: «теперь наше время». Нам (французам), продолжал он, недостает только немного белого цвета из Испании, синего из Пруссии и красного из Англии, и это время настанет [73]. Он был арестован и передан прокурору. Под тремя цветами тут понималось старое республиканское знамя, а три названные страны как раз тогда, весной 1818 г., считались в Европе тремя очагами революционного брожения. Ришара судили, но оправдали [74].

Заметим, что бури английской борьбы за избирательную реформу, конечно, не только доносились до Франции, но производили там громадное впечатление. Но на кого? На либеральную буржуазию, а не на рабочих, хотя рабочий класс в Англии уже играл в это время весьма заметную и чисто революционную, в тот момент, роль. Даже в рабочем центре, в Лионе, Англия интересовала не рабочих, а либеральную буржуазию [75]. Испанские события были ближе, роднее, понятнее французским рабочим, чем английские.

Во Франции почва для роста революционных настроений оказывалась еще пока недостаточно подготовленной. Благоприятная для Франции обстановка, в которой проходил Аахенский конгресс, перспектива близкого освобождения территории, занятой еще союзными войсками,— все это очень способствовало успеху правительственного займа, общему укреплению трона Бурбонов и большей смелости движимого капитала, до тех пор еще несколько «прятавшегося». В южном торговом центре, Бордо, все это породило большое оживление, возникли новые предприятия, безработица исчезла [76].

В 1818 г. началось освобождение французской территории от оккупационных отрядов, стоявших там с 1815 г. В общем, оккупация 1815—1818 гг. там, где она касалась более или

менее промышленных областей и где, значит, рабочие с ней соприкасались, мало ухудшила их положение. Нужно заметить, что жаловались чаще на пруссаков и на англичан; русские и австрийцы вели себя, по-видимому, более корректно. Особенно хвалили русских. Когда однажды два русских солдата обидели ткача (в Вилье-Утеро), то командовавший генерал граф Воронцов прислал обиженному 400 франков [77]. Это — типичный случай. Население очень хорошо относилось к русским, и случаи, вроде упомянутого, производили длительное впечатление в стране.

Реакционная агитация в палате пэров весной 1819 г., слухи о готовящемся изменении избирательного закона, о покушениях на хартию — все это подавляющим образом действовало на биржу, на торговлю и чрез их посредство — на промышленность. Вот чуткий, в данном случае, показатель — г. Руан, один из главных промышленных центров королевства. Капиталы прячутся, товары падают в цене, промышленность вялая, боятся, что скоро работы совсем прекратятся; в Гавре — главном порте руанской морской торговли — банкротство за банкротством. И первый толчок ко всему этому — известия из Парижа, страх реакционных авантюр и возможной, в ответ, революции [78]. Те же вести из Марселя и целого ряда больших и малых городов.

Как только в таком промышленном центре, как Руан, узнают, что министерство не будет отдано в руки ультрароялистов, сейчас же все успокаиваются в торгово-промышленных сферах, торговля уже не боится «полного уничтожения кредита, и промышленники уже не думают о закрытии своих мастерских». Такова картина настроений в первые дни 1819 г. в этом центре французской текстильной промышленности [79]. То же успокоение умов произошло и в Меце, и в Аррасе, и в Тулоне, и в Страсбурге, и в Дижоне [80] и т. д.

В средине суровой зимы 1820 г. правительство предписало столичной полиции дать отчет о наблюдениях политических настроений в г. Париже среди разных классов общества. Вот результаты. Ни между рабочими, ни между солдатами, которые часто с рабочими смешиваются и вместе проводят время по вечерам, не заметно никакой агитации. Но зато возбуждение политическое царит в среднем классе, между негоциантами и лавочниками, а также «между праздными» читателями либеральных газет [81]. Вообще же рабочие и ремесленники мало читают газеты, и этим полиция объясняет их спокойствие и равнодушие к политике [82]. Но изредка мелькают и иные замечания полиции. Например, 7 января 1820 г. рабочие Сент-Антуанского предместья кое-где по трактирам произносят следующий весьма условный и сомнительный тост: «Да здравствует король, если он сохранит хартию и оживит торговлю; да благословит его бог,

но пусть он поддержит то, что он нам обещал,— избирательный закон» [83]. После этого префект, по-прежнему отмечая, что, несмотря на безработицу, рабочие не занимаются политикой и т. п., в то же время начинает иногда выражать опасение, как бы в будущем агитаторы не воспользовались безработицей для своих противоправительственных целей [84].

Некоторая попытка связать либеральную оппозицию с рабочими и агитировать среди рабочих против реакционного законопроекта об изменении избирательного закона была замечена в начале февраля 1820 г. Между рабочими распространялась петиция, в которой указывалось, что если новый закон пройдет, то исчезнет всякая надежда на оживление торговли и промышленности и на прекращение безработицы. Но рабочие будто бы мало на это реагировали [85], а когда петицию принесли на мануфактуру Ришар-Ленуара, то хозяин воспретил подписывать ее в помещении мануфактуры [86].

Покушение, жертвой которого пал 13 февраля 1820 г. герцог Беррийский, возбудило среди рабочих прежде всего опасение: не усилит ли это событие еще больше свирепствующую и без того безработицу и застой в делах? [87] Рабочие сами хватали и приводили в полицию лиц, которые позволяли себе неосторожные отзывы о покушении [88]. Покушавшийся — Лувель — был ремесленник, сестра его — работница в корсетной мастерской. У нее был произведен обыск, не давший никаких результатов [89]. Рабочие предместий Сент-Антуанского и Сен-Марсельского обнаруживали глубокую печаль, по наблюдениям полиции, которая в своих тайных рапортах (здесь мною цитируемых), вообще говоря, не стеснялась отмечать и иные настроения там, где их наблюдала [90]. И в то же время рабочие поговаривали о возвращении Бонапарта, о том, что при нем заработки были лучше [91]. Но все-таки в общем власти были довольны настроением рабочих, хотя и делали оговорки. «Нужно отдать справедливость рабочему классу на фабриках. Он был очень огорчен преступлением... и, однако, правильно будет сказать, что дурные учения, распространяемые газетами, заметно изменили дух этого класса и его привязанность к монархии и к династии». Покушение же на герцога Беррийского произвело следующий эффект: те, кто раньше боялся считаться союзником полиции, «теперь уже не страшатся предлагать гг. комиссарам их квартала свои услуги» в деле надзора за неблагонамеренными [92]. И все-таки в рабочих кабачках и в рабочих кварталах вообще продолжаются все эти дни, следующие за покушением, слухи о возвращении Наполеона [93], рабочие арестуются иногда за крики: vive l'empereur! [94] и т. п.

Но, вообще говоря, в народных массах (и в том числе в рабочих) правительство более или менее уверено. Масса — полити-

чески индифферентна, а без нее оппозиционные партии бессильны. К этому диагнозу положения сводятся наблюдения высших органов политического надзора в первой половине 20-х годов, особенно в их начале [95].

Интересны связанные с этими отзывами более детальные наблюдения полиции, вроде следующего. Часть населения, которая в эпоху Великой революции не только примыкала к рабочим в дни народных выступлений и восстаний в столице, но которая часто брала даже инициативную роль, вымерла, рассеялась, видоизменилась в эпоху Реставрации. Я говорю о мелких торговцах и торговках парижского центрального рынка и тех работников, кто вообще около этого рынка и других рынков кормился, обо всех этих dames des Halles и forts des Halles, которых в годы Великой революции мы видим часто в первых рядах революционных штурмующих колонн. Это — та мелкая и мельчайшая городская буржуазия, которая в гораздо большей степени, чем рабочие, была опорой монтаньяров и которую только закон о максимуме, и то далеко не скоро, отбросил в сторону от революционных призывов «Ami du peuple» и «Père Duchêne» к критическим и насмешливым песенкам Анжа Питу в эпоху Директории. Эта часть столичного населения теперь, в эпоху Реставрации, уже не обнаруживает никаких признаков былого революционного настроения. Агитаторы не имеют на рынке успеха; старые могикане Великой революции доживают свой век, уже не видны там, где некогда они были вождями и руководителями. Теперь к ним относятся с предубеждением [96].

В июне 1820 г., в феврале 1822 г. в Париже происходили кое-где манифестации антиклерикального характера, но полиция всякий раз очень настойчиво и повторно утверждала, что рабочее население столицы не принимало и не принимает в этих демонстрациях никакого участия [97]. Всякий раз, отмечая какие-нибудь оппозиционные демонстрации (вроде криков: «Vive la charte!», которыми гренобльские студенты встретили в мае 1820 г. герцога Ангулемского), наблюдатели констатируют полное отсутствие участия «народа», «рабочих», «народных масс» и в подобных происшествиях [98]. Народ занимается своими делами, и расшевелить его было бы очень трудно [99],— вот постоянный мотив, несущийся с мест. Вообще власти не знают, как выразить свое полное удовлетворение по поводу покорного поведения рабочих и их непритязательности. Жандармский полковник в Париже доносит в мае 1820 г., что хотя цены на хлеб значительно возросли в Париже, но это обстоятельство очень смягчено тем, что производятся бо́льшие работы по проведению Уркского канала. И жандармский полковник кончает свое донесение так: «Римскому народу нужны были игры и хлеб; французским рабочим нужна работа» [100].

Как отразились революционные события, разразившиеся в романских странах в 1820 г., на французском рабочем классе и прежде всего на экономическом положении?

В самом начале испанской революции 1820 г. французская промышленность не только не испытала никакого урона, но, напротив, была завалена заказами из Испании, где паралич охватил местное производство. Руанские фабрики и предприятия всего этого промышленного департамента Нижней Сены сбывали весной 1820 г. колоссальные количества тканей в Испанию, и конца заказам не предвиделось. Заработки рабочих повысились [101].

Много работали и нимские мануфактуры, получившие громадные заказы (на шляпы и т. п.).

Известия о революции в Португалии произвели в первый момент сенсацию в Лионе бо́льшую, чем известие о неаполитанской революции. Причина понятна: португальские революционеры желали изгнать всех англичан из своей страны, а лионские негоцианты усматривали в этом для себя вначале большие выгоды в будущем [102].

Только вчитываясь в документы, можно понять, до какой степени известия о революционных движениях в романских странах волновали умы во Франции. Конечно, не эти страны интересовали французскую либеральную буржуазию, но те последствия, которые эти потрясения должны были иметь для политики парижского двора и для его отношений к Священному союзу [103]. Но рабочий класс во Франции не проявлял к самим этим событиям и их внутреннему значению никакого заметного интереса. «Любители революции» (les amateurs des révolutions), люди, радующиеся испанским и неаполитанским событиям 1820 г., это — коммерсанты, адвокаты и студенты [104]. Относительно «коммерсантов» можно было бы воздержаться от обобщений. Лионская торгово-промышленная буржуазия, например, была вовсе не в восторге от революционного движения, вспыхнувшего в 1821 г. в Италии, потому что это могло повредить торговле. Вообще «коммерсанты хотят быть либералами, но не хотят подвергаться революциям» [105], это замечание было применимо не только к Лиону. Испанская временно восторжествовавшая революция могла еще менее понравиться части французской промышленной и торговой буржуазии. Напомним, что испанские кортесы издали осенью 1820 г. запретительный таможенный тариф, который рано или поздно должен был довольно чувствительно затронуть французскую промышленность и торговлю. Но, к счастью для французской торговли и промышленности, кортесы издали свой тариф, не озаботившись предварительно сколько-нибудь реальной организацией пограничного дозора [106] и французы поспешили ввести за два только последних

месяца 1820 г. колоссальное количество товаров чисто контрабандным путем.

Время шло, а французский сбыт в Испании не только не прекратился и не сократился после издания кортесами запретительного тарифа, но *увеличился!* Французские негоцианты препоручали свои товары вооруженным отрядам контрабандистов, которые без затруднений (avec facilité) проходили сквозь все таможенные кордоны на испанской границе [107]. И вообще, по компетентному отзыву, например, лионского купечества, контрабанда на испанской границе совершенно восполнила и заменила собою отмененную кортесами свободу торговли [108]. Но все-таки к концу 1821 г. развитие испанской революции отразилось на лионском производстве невыгодным образом. Также и положение Марселя в 1821 г. и отчасти в следующих годах бывало иной раз затруднительно. В Испании, в Италии происходили то революционные движения, то усмирения; на Леванте шло нескончаемое греческое восстание, готовились большие осложнения в восточном вопросе. Как и все порты Средиземного моря, Марсель страдал экономически от этого стечения обстоятельств [109]. Но в общем с 1820 г. безработица стала быстро исчезать, и общее настроение рабочего класса стало еще менее благоприятно для политической оппозиционной пропаганды.

Во всем департаменте Эры-и-Луары, в департаменте Сарты — всюду летом 1820 г. не хватает рабочих рук для исполнения всех заказов, и всюду рабочие совершенно чужды оппозиционным группам: «беспорядки не нравятся тем, кто работает», нравоучительно замечает полицейская дирекция, делающая сводку этим благоприятным известиям [110]. Выборы в 1820 г. прошли при полнейшей индифферентности всего рабочего класса как Парижа, так и провинции. Вот одна из картинок с натуры. Рабочий люд Амьена и всего департамента Соммы совершенно равнодушен к выборам 1820 г., волнующим всю либеральную партию. Почему? Префект Соммы — объясняет своему начальству причины, и эти объяснения заслуживают внимания: во-первых, мало избирателей принадлежит к классам, близким к народу; во-вторых, урожай хорош; в-третьих, мануфактуры работают и работа не уменьшается, хотя торговля и мало оживлена; наконец, в-четвертых, народ «едва чувствует» свое правительство, до такой степени оно мягкое (enfin la douceur d'un gouvernement que le peuple sent à peine) [111].

Этот четвертый аргумент можно смело отстранить: правительство деятельно и довольно беспощадно расправлялось с рабочими при малейшей их попытке самым мирным способом отстаивать свои интересы от эксплуатации со стороны хозяев, и даже *сознательно* нарушало закон, когда это требовалось при данной борьбе: читатель этой книги может найти в ней этому

достаточно доказательств. Но первые три аргумента подтверждаются и другими свидетельствами и относятся не только к амьенским рабочим. Это тем более знаменательно, что для либеральной буржуазии возбуждающее, агитационное значение парламентских сессий в течение всего периода Реставрации беспрестанно подчеркивается и в Париже, и в провинции и официальными, и оппозиционно настроенными наблюдателями; в этом они всецело сходятся. Один префект как-то назвал это явление ежегодной болезнью, наступающей и проходящей с сессиями палат [112].

Но в этом же 1821 г. часть буржуазии сильно подалась вправо. Гренобльские события весной 1821 г. сильно отбросили лионских промышленников и купцов в сторону консерваторов, в сторону правительства. Это было так еще ново, так редко, что местные власти пишут о наметившейся эволюции в самых восторженных тонах [113].

Этому же процессу поправения способствовало продолжающееся беспокойство, вызываемое экономической политикой испанских кортесов. В самом конце 1821 г., в декабре, говорится о некотором упадке («внезапном») все последнее время процветавшего амьенского промышленного производства. Приписывается этот упадок сбыта отчасти испанским делам. Но этот упадок не является общим даже для департамента Соммы: аббевильские мануфактуры, пероннские и Мондидье процветают по-прежнему [114].

К 1822 г. обнаружилось, что существуют во Франции такие места и такие промышленные производства, для которых испанская революция с ее последствиями оказалась решительным и жестоким ударом. В таком положении, например, очутились рабочие (точнее, кустари), работавшие на полотняных мануфактурах или исполнявшие, живя в деревне, заказы фабрикантов полотен во всем департаменте Майенн. Прекращение сбыта в Испанию вызвало там безработицу. Полотняное производство было единственным крупным производством в этом департаменте [115].

Сочувствие к Испании, как-то вовсе не проявившееся среди рабочих, начало отчасти слабеть и среди буржуазии. Либеральная партия не чувствовала за собой в *этом* вопросе поддержки всего буржуазного класса. Это вполне ясно по всем данным. Префекты бесчисленное количество раз в своих ежедневных рапортах отмечают с восторгом полную безучастность рабочего класса к вопросам, волнующим умы части либеральной буржуазии и интеллигенции. Они даже с укором ставят как бы в пример рабочий класс классам образованным. «Народ и рабочие в общем мирны и заняты своими делами и своими работами; не в этих классах обнаруживаются идеи беспорядка, желание

перемен и революций»,— читаем мы в донесении префекта в конце августа 1822 г., когда либеральная партия волновалась известиями, шедшими из революционной Испании, возмущалась мыслью о предстоящей интервенции Священного союза и вмешательстве его в испанские дела и говорила о только что состоявшемся смертном приговоре по делу о заговоре в Ларошели [116].

Правда, в средине сентября 1822 г. воззвания революционного характера были расклеены в Сент-Антуанском предместье [117]. Наблюдение за рабочими после этого усилилось; хотя знали, что воззвания писаны не рабочими, но полиция желала установить, какое действие это произвело на рабочее население. Результат был обычный: «рабочие всех профессий подвергаются очень тщательному наблюдению и не подают своим поведением повода к какому бы то ни было упреку. По-видимому, они все более и более теряют обыкновение заниматься политическими делами» [118]. А правительство именно в эти месяцы готовилось к крайне важному шагу — к вторжению в Испанию с целью восстановления абсолютизма.

Вот, наконец, решение Веронского конгресса принято, Франция добилась мандата вооруженной рукой восстановить в Испании самодержавный трон Фердинанда VII. Высшая и средняя буржуазия частью против этого выступления, но рабочий класс совершенно безучастен: он слишком далеко отодвинут и давно отстранен от вопросов и понимания внешней политики и связи ее с внутренней [119]. Может быть, песня Беранже об испанской войне несколько и объяснила парижскому рабочему, о чем тут идет дело, но доказательств у нас нет — если не считать нескольких единичных известий.

Лионский рабочий Валетт за «мятежные возгласы», инкриминированные ему в эпоху выборов, происходивших в Лионе в мае 1822 г., был осужден на *год* тюремного заключения [120] Рабочий в г. Нанте крикнул нечто революционное пред кордегардией. Солдаты его арестовали. Проходившие в это время на биржу негоцианты воспротивились аресту, и один из них тоже был арестован. Собралась толпа, которая была рассеяна жандармерией. На другой день на бирже много негоциантов подписало петицию с жалобой на насилия со стороны солдат. Последствий петиция не имела, но ее составитель был арестован [121].

Изредка мелькнет в эти годы известие об аресте рабочих за публичное оскорбление короля или королевской семьи [122]. Все это не беспокоило пока полицию. Высшая инстанция дирекции полиции, делая к началу 1822 г. общую характеристику политических настроений восточных департаментов Франции, указывает, как на оппозиционные элементы, на «буржуазный

класс» на землевладельцев, которые приобрели в эпоху революции земли тогдашних эмигрантов и теперь боятся, чтобы у них эти земли не были отняты; наконец, на молодежь, увлекающуюся «философскими софизмами». О рабочем классе, который был многочислен в Эльзасе, в Седане, в других местах на востоке Франции,— не говорится при этом ни слова [123]. В последние годы Людовика XVIII и в течение всего царствования Карла X правительство не переставало опасаться *буржуазных* агитаторов, которые могут взволновать рабочую массу. Полиция определенно подозревала именно либеральную оппозицию в стремлении революционизировать рабочую массу и воспользоваться ею как орудием. Мы уже видели (в другой связи), что приток рабочих, уходивших на отхожие промыслы в Париж каждой весной или еще в конце зимы, был очень велик именно в 1822 г. Произведя специальное расследование по этому поводу в Лотарингии, власти нашли, между прочим, два печатных воззвания, которые приглашали рабочих идти в Париж. Эти приглашения имели будто бы большой успех. Кто же был распространителем? Лицо, пользующееся покровительством Манюэля, оппозиционного депутата. Выводы, конечно, министру и королю предоставляется сделать самим [124]. Конечно, это интересно лишь для характеристики воззрений правительства Реставрации на роль либеральной буржуазии и рабочих.

Отметим, что подобной агитацией занимались или в ней подозревались самими фабрикантами некоторые служащие лица, составлявшие как бы нечто вроде «третьего элемента» на фабриках и не принадлежавшие ни к классу фабрикантов, ни к классу рабочих. Вот иллюстрация.

Когда в июне 1820 г. в провинции было большое волнение умов и ждали вспышек, некоторые лионские фабриканты (число их нам не известно) предложили «молодым людям, служащим у них в конторах и мастерских», воздержаться от участия в манифестациях, происходивших в театрах и других общественных местах [125]. Дело идет не о рабочих, которые театров не посещали, но о служащих по бухгалтерской, технической, коммивояжерской части, о «мелкой буржуазии», если пользоваться этим позднейшим и неточным термином, о молодежи контор (la jeunesse des comptoirs), как их называли в то время [126]. Дела в это время, правда, шли в Лионе с некоторыми перебоями. Сбыт был, но иногда как будто замедлялся. Но дешев был шелк-сырец (сбор 1819—1820 гг. был громаден), и это давало возможность сводить баланс с прибылью и даже делать закупки на будущее время [127]. Спокойствие города было таково, что «лучшего пожелать невозможно»,— с утомительным однообразием доносит префектура Роны в Париж,— и все-таки опасались агитаторов. В эти последние месяцы 1822 и первые месяцы 1823 г. часть

торговой и промышленной буржуазии была недовольна внешней политикой Бурбонов. Испанская война 1823 г. не нравилась либералам, так как это была война, предпринятая Священным союзом и ведшаяся за счет Франции, война для восстановления королевского деспотизма в Испании. Торговцам и промышленникам она не нравилась прежде всего потому, что при всей своей разорительности она не открыла рынка сбыта для французов и не дала никаких экономических выгод; не сумело правительство Реставрации также использовать новые южноамериканские государства, только что освободившиеся от Испании; неудачна была и торговая политика относительно Соединенных Штатов [128] и т. д.

Правда, небольшая часть крупнобуржуазного класса сочувствовала походу против кортесов. Лионские фабриканты теперь уже не только ничего не имели против затеянной экспедиции на Пиренейский полуостров, но заблаговременно мобилизовали со своей стороны коммивояжеров, которые должны были сейчас же вслед за французскими войсками проникнуть в Испанию и *немедленно* восстановить сношения между лионскими шелковыми мануфактурами и испанскими заказчиками [129]. И, в самом деле, сбыт лионского товара все усиливался по мере продвижения французских войск в глубь Испании, и эти явления ставились лионцами в прямую причинную связь [130].

Были и еще отрасли промышленности, представители которых ничего не имели против войны. Лодевские мануфактуры, работавшие для военного министерства, процветали именно тогда, когда была налицо война или подготовка к войне. То, что подрывало других, помогало мануфактуристам Лодева [131]. Испанская война 1823 г. очень помогла им, и из Лодева протестов против нее не было никаких. Но лионские и лодевские настроения были не так распространены, как обратные тенденции. Однако оппозиционерам вредило то обстоятельство, что общая экономическая ситуация 1822—1823 гг. была сравнительно удовлетворительна. Из Бар-ле-Дюка в начале марта 1823 г. несколькими оппозиционно настроенными фабрикантами была послана в Париж петиция против войны с Испанией. Но так как мануфактуры города шли полным ходом, то с целью поддержать доводы петиции подписавшие ее явились в Совет сведущих людей (Conseil des prud'hommes) с ходатайством об уменьшении заработной платы рабочим, «чтобы дать какую-нибудь видимость (quelque apparence) их жалобам». Совет это исполнил. Но власти департамента вмешались в дело и воспретили публикацию об уменьшении цен [132].

В Сен-Кантене делались такие же попытки в коммерческом и промышленном мире города. Но «фабрики увеличиваются с каждым днем», «торговля идет нормально» [133].

Раздражение среди либеральной буржуазии было очень сильно. Некоторые мечтали, что испанский поход будет началом конца и уже наперед язвительно называли в частных разговорах правительство Бурбонов «временным правительством» [134]. Указанные попытки были довольно распространенным явлением.

Желая в феврале 1823 г. возбудить рабочих против затеваемой правительством по поручению Священного союза войны против испанских конституционалистов, некоторые «главные коммерсанты» Гренобля, по предварительному соглашению, понизили заработную плату, мотивируя это предстоящими от войны убытками. Но другие фабриканты оставили без изменения прежнюю расценку, так что и уже изменившим ее пришлось отказаться от своего плана и восстановить прежнюю плату [135].

Гартман, владелец мануфактуры в Мюнстере, будто бы приказывал своим рабочим, под страхом изгнания с мануфактуры, подписывать, *не читая,* какое-то письмо [136], либеральная молодежь (la jeunesse libérale) будто бы агитирует, но безуспешно, на лионских мануфактурах между рабочими и т. д.

Таких мелких известий много.

Когда в Бельфоре зимой 1822/23 г. появляются подозрительные с полицейской точки зрения иностранцы, то оказывается, что эти иностранцы усмотрены на мануфактурах, владельцы которых хорошо известны в качестве врагов короля [137]. Но все это — образованный класс, состоятельный класс; рабочие смирны и не поддаются агитации. В демонстрациях против «испанской войны» 1823 г. рабочий класс никакого, поскольку можно проследить, участия не принял. Напротив, полицейские донесения настаивают на совершенно безучастном отношении «народа» в столице к этой непопулярной войне [138].

Мало того, когда в начале сентября 1823 г. пришли вести о взятии французами Кадиса и о победоносном окончании войны, то, по уверению префекта, рабочий класс будто бы выражал свою радость и надежду, что заключение мира оживит промышленную деятельность и что хозяева смогут увеличить заработную плату. Тут как-то переплетены две мысли, и те, для кого префект писал свои рапорты, могли бы потребовать пояснения: радуется ли рабочий класс победе легитимизма над революцией в Испании, или радуется тому, что, наконец, наступает мир и улучшится сбыт фабрикатов [139]. Едва ли, впрочем, в первую версию могли бы поверить сам префект или король, для которого это писалось. Что в эти дни торжества над Испанией чувство шовинизма сказывалось даже среди врагов Бурбонов, это известно. Больше тысячи человек угольщиков прошли процессией, неся бюст победителя — герцога Ангулемского [140].

Когда 2 декабря 1823 г. происходила встреча в Париже главнокомандующего, герцога Ангулемского, только что вернув-

шегося из Испании, то такая масса рабочих участвовала в этой встрече — пишет префект,— что рабочие кварталы (Сент-Антуан, Сент-Дени, Сен-Марсо) совсем опустели [141]. Спустя несколько дней портовые рабочие устроили банкет в несколько сот человек для чествования герцога [142]. Подобные банкеты устраивались в те дни и рабочими других профессий,— это несколько раз отмечается полицией [143].

Не расшевелили рабочих и выборы 1824 г. Хотя рабочие не принимали ни малейшего фактического участия в выборах, но избирательная кампания отчасти касалась и их. Оппозиция старалась привлечь их на свою сторону и, например, пред выборами 1824 г. распускала пугавшие рабочих слухи о восстановлении цехов, а также старалась представить общее положение промышленности в особенно безотрадном виде [144]. Но в общем выборные операции прошли при полном безучастии рабочих, что постоянно отмечается полицией, знавшей об усилиях оппозиции создать сочувственную для себя атмосферу также среди рабочего класса. Даже когда в помещениях избирательных коллегий разыгрывались иной раз бурные сцены, рабочая масса никак на это не реагировала и даже не собиралась поблизости от этих помещений [145].

Весь этот 1824 год, как и следующий, был временем, благоприятным для промышленности, и революционизм в рабочем классе, и без того очень пока слабый, временно совсем заглох. Появление короля Карла X или дофина в Сент-Антуанском предместье вызывало, если верить донесениям префекта полиции, огромный «энтузиазм» в 1824 г. [146]

Летом 1824 г. *огромное* оживление в коммерческих и промышленных делах продолжалось и усиливалось, рабочие руки были нарасхват, о политических интересах среди рабочих и речи никакой не было [147]. Во время манифестации 18 октября 1824 г. рабочие не приняли в ней никакого участия и даже не приближались к манифестантам, проходившим процессией по улицам [148].

С большой отрадой отмечает в эти годы префектура признаки полного равнодушия рабочей массы к политической жизни страны. Так, например, когда в начале зимней сессии 1824 г. король Карл X прибыл в палату и в этот момент раздались пушечные салюты, то рабочие не знали даже, в чем дело. Это префекту кажется одним из доказательств, что у рабочего класса исчезла вовсе «опасная мания заниматься политикой» [149].

С удвоенным вниманием полиция следит за попытками либералов, особенно из класса промышленников, влиять на рабочих. Много подозрительности возбуждал в эти годы в полиции кольмарский фабрикант, известный либерал Кеклин.

По-видимому, у Кеклина с его рабочими отношения в самом деле были удовлетворительные, и, может быть, в самом деле оппозиционное настроение хозяина господствовало и на его фабрике. Есть мелкие, но характерные факты, в этом смысле любопытные. Рождается у Кеклина сын. По этому поводу устраиваются двухдневные торжества на фабрике, рабочие, в знак веселья, стреляют из ружей, с шумом проходят вечером по городу, и слышны такие их речи при этом, что власти вознамерились даже предать виновных суду [150]. Но когда испанская экспедиция увенчалась успехом для французского оружия, тот же Кеклин временно забыл свою оппозицию, обрадовавшись открытию вновь исчезнувшего было испанского рынка [151], и устроил новые празднества для своих рабочих, и рабочие (ces mêmes ouvriers! — с удивлением замечает префект), которые еще два месяца тому назад столь неблагонадежно себя вели, на этот раз пели роялистские песни в честь короля [152].

Когда арестованный по политическому делу Кеклин должен был, в январе 1824 г., быть выпущенным на свободу из тюрьмы и эльзасские либералы готовили ему триумфальную встречу, то они заблаговременно настраивали фабричных рабочих, желая привлечь их к участию в манифестации [153]. Полиции удалось предупредить манифестацию на улицах, но в честь освобожденного было устроено либералами два банкета: первый — политическими друзьями Кеклина, а второй *специально* для фабричных рабочих [154].

Следили и за Казимиром Перье, одним из вождей оппозиции и крупным акционером анзенских копей; его полиция обвиняла в своих тайных донесениях в том, что он искусственно стремится возбудить среди рабочих смуту. В виде доказательства приводился следующий факт: рабочим было объявлено об уменьшении заработной платы, они отказались продолжать работу и встретили нового директора копей градом камней, что вызвало вмешательство жандармерии. После трехдневной забастовки требования рабочих были удовлетворены, и работы в копях возобновились [155].

Эта подозрительность к либералам и их агитации — характернейший признак изучаемой эпохи. Когда в 1824 г. в «Conservatoire des arts et métiers» открылись курсы публичных лекций, на которых присутствовали не только лица технического персонала разных парижских мануфактур, но и простые рабочие, то власти очень обеспокоились этим соприкосновением между рабочими и либеральной буржуазией. Во-первых, рабочих было много на этих курсах, и до и после лекций велись посторонние разговоры; во-вторых, на лекции стали являться подозрительные по своим политическим убеж-

дениям молодые люди («из кофеен и кабинетов для чтения, имеющих наихудшую репутацию»). Да и сами профессора тоже внушали подозрения [156]. Указывая на парижскую Высшую коммерческую школу (Ecole spéciale du Commerce) как на один из вредных рассадников революционных учений, полиция имела в виду прежде всего именитых покровителей этой школы — Лафитта, Шарля Дюпена, экономиста-профессора Бланки. При этом отмечалась необычайная популярность этого учебного заведения среди высших коммерческих кругов, либерально настроенных, и подчеркивалось, что это заведение может иметь гибельное влияние в конце концов на рабочий класс [157].

Но как раз в декабре 1824 г. и январе 1825 г., в разгаре толков и оппозиционного раздражения либеральных кругов против законопроекта о вознаграждении эмигрантов, рабочие в столице вполне спокойны и «удовлетворены» (paisibles et satisfaits), потому что царит благоприятнейшая экономическая конъюнктура: прядильни, мебельные мастерские, производство предметов роскоши — все это идет полным ходом, рабочие руки нарасхват и к тому же хлеб дешев. О представленном в палату законопроекте рабочие знали, но не обнаруживали интереса ко всему этому делу. Буржуазия, интеллигенция волновались; мелкие торговцы и рабочие оставались безучастны [158].

То же полное равнодушие рабочих кварталов оставалось непоколебимым и в феврале 1825 г., во время страстного обсуждения в палате депутатов законопроекта о вознаграждении эмигрантов за конфискованные во время революции имения.

Это полное равнодушие рабочих к судьбе законопроекта о вознаграждении эмигрантов в тесной связи с «блестящим» экономическим положением страны и столицы, еще улучшившимся весной того же 1825 г., внушили властям самый неумеренный, самый восторженный оптимизм. Никогда не царила за все время Реставрации такая полная уверенность в полной прочности режима, как именно в этот период торгово-промышленного подъема [159]. Рабочие в довольстве, народ спокоен, народ понял, что вовсе ему не подобает иметь свое мнение (il ne se croit plus appelé à émettre son opinion); вообще в этом отношении «реставрация совершилась» вполне (la restauration est consommée) [160].

В этом счастливом 1825 г. государственная полиция вообще полна оптимизма: никогда еще не было так спокойно, никогда не было так мало проявлений смуты на всем протяжении королевства [161]. Революционный дух, еще сказывавшийся в 1822 г., исчез, и революционеры могут только из-за границы,

из Англии и Бельгии, высказывать свои угрозы [162]. По решительному убеждению полиции, материальное благосостояние народа в столице повлекло за собой исчезновение духа оппозиции, и революционные учения теперь (в 1825 г.) не могут иметь никакого успеха [163]. Вообще говоря, только бы смягчить грубость нравов — и тогда рабочая масса Парижа, «избавленная от революционных доктрин и счастливая своими законами(?) и своим положением», окончательно «сделалась бы образцом» [164].

Эта идиллия, правда, изредка нарушается диссонансами. Например, настроение в больших промышленных городах и прежде всего в Париже весной 1825 г. на некоторое время перестает нравиться полиции. Это настроение хуже, чем было за шесть месяцев до того [165]. Но момент прошел, и оптимизм снова вступает в свои права.

Эти перебои повторяются.

Празднества коронации Карла X прошли с «особенно живым энтузиазмом» в 11 городах провинции, и из них на первом месте названы Лион, Руан, Бордо [166]. Но вместе с тем уже через 10 дней отмечается, что в Лионе празднества дали повод также к обнаружению дурных наклонностей [167]. Рабочий класс, правда, высказал лишь «странное равнодушие» [168].

Работавшие кое-где на мануфактурах северной и западной Франции англичане, по-видимому, содействовали некоторому повышению умственного уровня и самосознания своих французских товарищей. Англичане сообщали французам многое, о чем те до той поры не имели понятия: о петициях с коллективными подписями, о сборах в рабочей среде с целью поддержки забастовщиков, словом, о приемах общей борьбы против предпринимателей [169]. Не забудем, что ведь это были как раз годы самой оживленной политической борьбы в Англии и что в этой борьбе рабочий класс играл очень видную роль. Кое-где власти прямо заявляли, что англичане, внедряя свойственный им дух свободы, прямо опасны для спокойствия населения и что наиболее беспокойных из них хорошо бы немедленно выслать, ибо, «распространяя свою индустрию, они развивают и принципы свободы, которые наши рабочие недостаточно понимают, чтобы ею не злоупотреблять» [170].

Власти обеспокоились, когда в английской газете «Nottingham Mercury» от 23 сентября 1825 г. появилась резолюция собрания ноттингемских прядильщиков, требовавших уменьшения рабочего дня и одновременно постановивших сообщить копию своей резолюции во Францию, в Кале, Лилль и Сен-Кантен, чтобы просить поддержки тамошних рабочих [171]. Следствие в этих городах не установило никаких сношений с Англией, хотя выяснилось, что один сен-кантенский рабочий как

раз находился в Ноттингеме, когда проходила упомянутая резолюция [172]. Отметим, кстати, еще один случай, где речь шла об англичанах.

В 1826 г. натурализованный французский подданный, англичанин, хозяин брикетной мастерской в Отейле, Сарджент, пожаловался на двух своих соотечественников, служивших у него рабочими, уверяя, что они устраивают против него забастовку рабочих и т. д. Министр внутренних дел постановил выслать одного из обвиняемых из Франции (хотя обвинение *не* доказано, по словам самого министра!), так как он «дурной человек»; другой рабочий сам выехал из Франции [173].

Довольно одиноко стоит неподписанный донос префекту парижской полиции, датированный 1 сентября 1895 г. Речь идет о пропаганде врагов династии и правительства, ведущейся среди парижских рабочих. Эти пропагандисты сообщают рабочему классу политические новости, распространяют слухи об успехах испанских конституционалистов, которые должны помочь французам сбросить иго тирании, прогнать Бурбонов и т. д. Пропаганда имеет явно выраженный бонапартистский оттенок: на престол должен быть посажен Наполен II, и рабочие окрыто утверждают, что они готовы пролить свою кровь за Наполеона II, который должен прийти и положить конец их бедствиям [174]. В донесении указывается даже место и время, где собираются рабочие и где они просят, чтобы им прочли «Constitutionnel» или «Le Courrier», оппозиционные газеты, из которых, по их мнению, можно узнать правду. Рабочие хотят также узнать из этих газет, когда нужно будет взяться за оружие и прогнать Бурбонов, становящихся все более и более врагами народа [175].

Но оппозиционный «Constitutionnel», «развращающего» влияния которого на рабочих так боялась королевская администрация, ограничился, например, перепечаткой из местного «Journal de Rouen» сухого казенного отчета о событиях, описанных мной в предыдущей главе, на мануфактуре Левавассера, и от себя не сказал сначала ровно ничего [176]. Затем в номере от 16 августа редакция поместила отчет от собственного корреспондента, который — в явном противоречии с фактами, признанными в секретной переписке,— рассказывает, будто Левавассер согласился на восстановление прежней платы, будто среди прядильщиков есть «слишком большое количество освобожденных каторжников» [177] и т. п.; королевская же гвардия «приводит в восхищение своею осторожностью и сдержанностью» [178]. Затем еще по поводу каторжников, будто бы замешанных в деле, автор предается размышлениям о недостатках пенитенциарной системы во Франции. Вот и все. Трудно себе

представить более недобросовестное, вопиюще пристрастное, враждебное рабочим отношение к делу, чем в этой статье либеральнейшей оппозиционной газеты. Секретные донесения полиции, рассмотренные нами выше, гораздо объективнее.

Заметим к слову, что в октябре 1825 г., когда министр внутренних дел вдруг обеспокоился насчет настроения парижских рабочих и предписал префекту полиции выяснить вопрос, то префект, донося о полном спокойствии, которое царит среди рабочих, упоминает все же об одном трактире, где обыкновенно собираются рабочие и где «иногда» читаются статьи газет «Constitutionnel» и «Courrier» [179].

С 1826 г., в связи с резким ухудшением общего экономического положения, с кризисом сбыта и с безработицей, настроение рабочих как будто меняется.

Руанские беспорядки в мае 1826 г., имевшие ярко выраженный антиклерикальный характер, нашли себе живой отклик в Париже именно среди рабочих. Отмечено было большое внимание ко всему делу и большая осведомленность парижских рабочих об этих руанских происшествиях [180].

Очень характерно, что в 1826 г., в прямую противоположность Парижу, Лион оказывается городом, где политическая «злонамеренность» распространена не среди буржуазии, а среди рабочего класса, и именно рабочий класс оказывается на этот раз подверженным влиянию разрушительных идей оппозиционной прессы [181]. А фабриканты заняты «больше спекуляциями, чем политическими доктринами». Тем не менее происходившие в октябре 1826 г. антиклерикальные манифестации в Лионе не были поддержаны рабочим людом, хотя он переживал тогда страшное время безработицы, нищеты и голодовки. Это определенно констатируется наблюдателями [182], хотя из арестованных манифестантов один и оказался рабочим. По-видимому, в данном случае исключение, в самом деле, лишь подтвердило правило.

К слову скажу, что вообще правительство с 1826 г. чувствовало себя несравненно хуже, чем в 1822—1825 гг. Опубликование доклада следственной комиссии в Петербурге о декабристах произвело на французские власти чрезвычайно сильное впечатление. «Если организация русских революционеров, как бы несовершенна она ни была, могла повлечь декабрьские события, то какие же надежды может питать во Франции партия, так хорошо организованная, получающая помощь масонских обществ, имеющая гласность двух трибун и свободу прессы?» — так вопрошал себя директор полиции [183].

Ухудшение общего экономического положения, резко проявившееся в 1825 г., продолжалось с 1827 г., и атмосфера делалась все тревожнее и тревожнее.

До полиции в течение всей зимы 1826/27 г. постоянно доходили сведения о сильном раздражении среди рабочих, об их несдержанных речах и угрозах, направляющихся иной раз против династии. Особенно волновались типографские рабочие, связывавшие реакционные меры против печати с безработицей [184].

Запомним, что обыкновенно даже в очень безработные сезоны печатное дело процветало при Реставрации и типографские рабочие были нарасхват даже тогда, когда в других профессиях ощущался острый недостаток в работе [185]. Теперь же серьезно взволновались и владельцы типографий и рабочие.

Правительство неоднократно приходило к заключению, что крупная буржуазия, когда это не нарушает ее материальных интересов, не прочь создать искусственную безработицу и этим возбуждать рабочих против властей. Особенно были в этом смысле под подозрением владельцы типографий. Например, одновременное и внезапное увольнение в январе 1827 г. довольно большого количества типографских рабочих, явно по предварительному соглашению владельцев, было приписано желанию усилить недовольство против новых реакционных законов о печати, предложенных ко внесению в палату [186]. Во всяком случае типографские рабочие действительно взволновались и даже агитировали против нового закона среди рабочих других профессий, но, по-видимому, с весьма малым успехом [187].

В течение всего января 1827 г. по типографиям разносились петиции, направленные против нового законопроекта о печати. Рабочие подписывали эти петиции; иногда, если верить полиции, отказывались подписать. Главным мотивом петиций была грозящая типографским рабочим безработица, в случае сокращения периодической и иной печати. В рапортах приходится признать, что обсуждение в палате нового закона о печати волнует «рабочих и особенно тех, которые имеют некоторое отношение к печатному делу» [188]. А тут еще наступили совсем жестокие холода, и в рабочих кругах полицейские агенты стали подслушивать уже не только ропот, но и и *угрозы* [189].

В эту жестокую зиму 1827 г., однако, не только типографские рабочие, но и другие, спокойствие которых восхваляется в рапортах префекта чуть не ежедневно, все-таки, по-видимому, уже начали причинять некоторое беспокойство. Вот, например, двусмысленные строки, которые король Карл X и министр внутренних дел прочли в рапорте префекта 13 февраля 1827 г.: «Либеральные газеты, которые очень распространены, несомненно, способствуют волнению кое-каких голов, но масса спокойна и не слышно рассуждений, которые указывали бы на политическое возбуждение, за исключением типографских рабочих. Рабочие разных профессий имеют мало работы, но вспомоществования помогают им, лучшее время года приближается.

и все возвещает, что влияние, которое могут иметь на некоторых из них газетные декламации, уменьшится тотчас, как только они найдут себе работу» [190].

Вот и еще новая нота, правда еще не тревожная, но уже не проникнутая прежним безоблачным оптимизмом: «...продолжали следить за рабочими разных профессий и за местами публичных сборищ. Все там казалось спокойным. Не то, чтобы там не повторяли довольно часто слова, критику и инсинуацию, источником которых является пресса, но в народном классе, как и в более высших классах, фрондирующий дух партийных людей более обнаруживается и производит больше действия, чем настроение большего количества спокойных и умеренных индивидуумов» [191]. Вся эта философская тирада префекта полиции не может ослабить главного впечатления: что-то как будто меняется в политическом настроении столичной рабочей массы. И вдруг — совсем уж пессимистическая картина. Наступила весна, безработица уменьшилась, рабочему классу живется лучше, чем зимой, но сам рабочий класс возбуждает в префекте черные мысли: крайний разврат, распущенность нравов, забвение долга — все это дошло до крайности (y est à son comble!). Только страх наказаний сдерживает этот класс. «Политические настроения — не лучше»... «Газеты либеральной партии, а именно «Le Constitutionnel», сделались регуляторами настроения массы» [192] .

В апреле 1827 г., как известно, дело дошло до бурных уличных манифестаций, направленных против реакционного законопроекта о печати. В апрельских демонстрациях 1827 г., конечно, рабочие приняли участие самое непосредственное, хотя и не руководящее. В полицейских рапортах отмечается происшедшая 18 апреля демонстрация, рабочая по своему составу, шедшая процессией по улице и рассеянная жандармерией [193]. Деятельное участие именно *типографских* рабочих в этих демонстрациях 16, 17, 18 и 19 апреля 1827 г. определенно констатируется полицией [194]. Но и рабочие других профессий (плотники, каменщики) арестовывались в эти последующие дни за оскорбление жандармерии [195].

Эти демонстрации не прошли бесследно для настроения рабочего класса. Префект спустя неделю отмечает это и как-то колеблется в выражениях: в самых существенных строках явно видны следы соскобленных строк, и на этом месте написаны другие строки (как раз там, где говорится о signes d'agitation). Наблюдения префекта сводятся к тому, что «с внешней стороны всюду заметны признаки возбуждения», и хотя пока нет ничего важного в смысле нарушения спокойствия, но тем не менее верно, что бурные сцены 16, 17, 18 апреля и усилия оппозиционных газет поддерживают в умах известное беспокойство» [196]. И уже рабочие поминаются рядом со студентами, когда речь идет о

готовящихся демонстрациях [197]. Это — *в первый раз!* Во время демонстрации 29 апреля 1827 г. деятельное участие рабочих уже отмечается наряду с участием студентов [198]. Лозунги демонстрантов: «Долой иезуитов, долой министров, долой рясу!», и эти лозунги приветствовали короля и королевский кортеж.

Неспокойствие среди робочих продолжалось и далее. Рабочие квартала Вожирар, «обычные смутьяны» (perturbateurs d'habitude), были арестованы за оскорбление гвардии 8 мая 1827 г. [199] На другой день за революционные возгласы арестуются трое рабочих. «Это — обычное последствие злонамеренного подстрекательства»,— замечает префект [200].

В течение всего мая 1827 г. в Сорбонне, в Коллеж-де-Франс, на медицинском факультете происходили студенческие беспорядки, и полиция уже поздравляет себя с тем, что рабочие не примкнули на этот раз к студентам,— «до сих пор», осторожно прибавляется при этом, и еще более осторожно указывается, что этот отрадный факт наблюдается «*в большей части* промышленных кварталов»[201].

Кризис настроений в рабочей среде наступил. Власти, пристально наблюдающие эту среду, уже не могут себя обманывать. Пропаганда либеральных газет, жалуется префект, не только поддерживает возбуждение среди учащейся молодежи, но проникает уже до рабочего класса. Апрельские демонстрации сделали свое дело. «С 29 апреля, особенно, народ гораздо больше занимается политическими предметами и говорит о них». И тут же приходится признать, что не в газетах дело, а напротив, газеты должны становиться все резче, чтобы удовлетворить своих новых читателей [202]. Особенно много читают рабочие «Le Constitutionnel». Правда, тут же, в явном противоречии со своими же показаниями, префект опять сваливает вину на газеты, но он проговорился: настроение рабочих круто изменилось. Рабочие читают оппозиционные газеты в трактирах и других местах сборищ, а потом они составляют революционные воззвания *к армии* и тайно расклеивают их в разных местах. Тут впервые рабочие уличаются или подозреваются в *авторстве* этих воззваний [203].

Чтение «самых враждебных» правительству газет с этих пор становится обычным явлением в рабочей среде, и дух оппозиции растет в «низших слоях» с необычайной быстротой [204].

После введения цензуры королевским ордонансом 1827 г. оппозиция стала прибегать к тайным типографиям. Но, по показанию полиции, рабочие несравненно меньше читали эти украдкой раздаваемые брошюры, чем доцензурные газеты [205]. Однако наблюдатели признают, что в конце концов и эти тайно и *даром* раздаваемые памфлеты проходят далеко не так бесследно, как это могло бы показаться, и волнуют столичный люд [206].

Вообще, только читая эти ежедневные донесения королю и министерству внутренних дел, начинаешь понимать эту постоянную борьбу против прессы в течение всей Реставрации. В рапортах то внушается, что если бы не пресса, успокоение в народе наступило бы тотчас же, то, после введения цензуры в 1827 г., постоянно указывается и подчеркивается благодетельнейшее действие этой меры именно для политического настроения рабочих и даже утверждается, что рабочие стали *усидчивее*, чем были до цензуры! [207]

Стародавнее убеждение в революционном значении действий фабрикантов, создающих или усиливающих искусственно безработицу, высказывается в это время постоянно. Например, осенью 1827 г., когда, после весенних выступлений, замечался некоторый временный упадок оппозиционного настроения, префект парижской полиции отмечал с удовлетворением, что рабочие возвращаются на фабрики, откуда хозяева их выгоняли больше с злыми замыслами, чем по необходимости [208].

Факт решительной оппозиции крупной буржуазии правительству считался в 1827 г. прочно и окончательно установленным. Богатое купечество, фабриканты — это непримиримая, «систематическая оппозиция» [209], и от нее ждут определенных выступлений, имеющих целью поднять рабочую массу против правительства.

В антиправительственных выступлениях 19—21 ноября 1827 г., по поводу избрания в Париже оппозиционных депутатов, рабочие принимали участие, что явствует уже из наличности рабочих среди арестованных. Но, судя по нашим документам, рабочая масса в общем осталась довольно далека, в данном случае, от демонстраций.

В 1828 г. безработица в столице несколько уменьшилась, и тотчас же власти отмечают упадок оппозиционного настроения среди рабочих. «Париж» — буржуазия в массе своей, интеллигенция, политические партии — был занят министерством Мартиньяка, зигзагами политики Карла X. Но рабочий люд — хотя не весь имел работу, хотя часть столичного рабочего населения страдала даже в эту теплую зиму 1828 г.— не обнаруживал никакого интереса к политическим вопросам [210].

К концу января 1828 г., к тому же даже в текстильной промышленности (прежде всего в ситценабивной), безработица стала уменьшаться, работы оживились [211]. Никакие политические события не могли отвлечь внимания рабочих от ежедневной заботы о куске хлеба. 5 февраля 1828 г. открывается парламентская сессия, «образованные классы общества много занимались сегодняшним открытием палат, но рабочее население принимало в этом мало участия»,— доносит префект королю и министру внутренних дел [212].

Пред нами донесения, стекавшиеся в министерство внутренних дел со всех концов Франции, сводки, составлявшиеся еженедельно, иногда 2—3 раза в неделю: картон предпоследнего и отчасти последнего года Реставрации (F^7 3798) полон для историка самого глубокого интереса. Отовсюду только уверения в полном спокойствии, поздравления с усиливающейся преданностью населения к августейшему дому Бурбонов, подчеркивания полной аполитичности «низших классов» и т. д. «Satisfaction pour le présent, sécurite pour l'avenir!» [213] — вот постоянный припев.

Но безработица только уменьшилась в 1828—1829 гг. сравнительно с 1826—1827 гг., а не исчезла окончательно. Да и хлеб был не дешев для рабочего бюджета. В некоторых центральных департаментах Франции в предпоследний год Реставрации, в апреле 1829 г., цена хлеба — 17 сантимов за один фунт — оказалась непомерно высокой для рабочих, которые (например, в Бурже) получали от 1 франка 25 сантимов до 1 франка в 50 сантимов в день [214]. Съедая только три фунта хлеба, рабочий тратил уже больше трети своего дохода. На остальное он должен был покупать хлеб также для семьи и хоть какую-нибудь другую пищу, кроме хлеба, должен был оплачивать одежду, квартиру, платить налоги. На севере, в Лилле, то же самое: заработная плата не могла покрыть расходов на пропитание.

Немудрено, что в этом 1829 г. во время частых и повсеместных столкновений и ссор из-за хлеба, при насильственных остановках на дорогах и в городах возов с зерном — участие рабочего элемента отмечается довольно часто [215].

Однако политически рабочие по-прежнему индифферентны.

Начало сессии 1829 г., речь короля Карла X, деятельность кабинета Мартиньяка — все это произвело на буржуазию департаментов, как и на парижскую, самое сильное и успокоительное впечатление: достаточно читать единодушные донесения префектов со всех концов Франции [216]. За все время Реставрации никогда ничего подобного не наблюдалось. Что касается «низших классов» и прежде всего рабочего, то он *страдает безропотно* в Амьене и во всем департаменте Соммы [217]; его поведение полно покорности и внушает властям доверие — в Нанте [218], и всюду вообще это поведение «выше похвал» с точки зрения полиции.

Поездка Лафайета на юг в августе 1829 г. была рядом демонстраций и триумфальных встреч знаменитого генерала оппозиционными элементами. Кто же встречал его? «Адвокаты, купцы, фабриканты и даже ремесленники»,— отвечают документы [219]. Но точнее не поясняется, кто такие эти ремесленники: хозяева или рабочие, ибо слово «artisans» в эту пору часто применялось и к владельцам небольших ремесленных заведений, и к работающим у них.

В начале августа 1829 г. глубочайшее спокойствие царит в Париже, несмотря на не особенно благоприятное состояние промышленности, на частичную, и не малую, безработицу и на высокую цену хлеба —80 сантимов за два килограмма по льготным карточкам. Сам префект, не имея возможности объяснить это спокойствие причинами экономического характера, рискует выдвигать туманную гипотезу морального совершенствования рабочего класса: до такой степени самое явление кажется ему загадочным [220]. Безработица, правда, уменьшилась с наступлением сезона уборки хлеба, когда много безработных рассеялось по окрестностям, нанимаясь на полевые работы [221]. Это явление встречается нам во все годы промышленной депрессии в рассматриваемую эпоху. Рабочее население остается чуждым политическим делам и занимается только своими работами и удовольствиями [222] — эта повторяющаяся фраза донесения префекта встретила князя Полиньяка при его водворении в августе 1829 г., и она же сопутствовала ему в течение всего времени его правления, вплоть до конечной катастрофы в июле 1830 г.

Вражды к правительству полицейские агенты не заметили в рабочем классе никакой даже в зиму жестоких холодов и дороговизны хлеба в 1829 г. [223]

При таких-то настроениях рабочего класса наступил 1830 год. Вплоть до самой Июльской революции, до 26 июля, успокоительные бюллетени полиции продолжали подаваться Полиньяку и королю Карлу X.

Правда, философствуя о тайных симпатиях рабочих, власти иногда признавали, что в душе рабочий класс мало привержен к Бурбонам и больше симпатии питает к Империи, хотя тут же прибавляли, что, пока Наполеон царствовал, рабочие и им были очень недовольны. Но эти тайные чувства не внушают властям — и они это подчеркивают — ни малейшего беспокойства [224].

1830 год не был годом очень острой безработицы, не был годом совсем невыносимой дороговизны хлеба. Он был *экономически* лучше 1826—1827 гг., не хуже 1828—1829 гг.; год, правда, скорее трудный для рабочего класса, чем для него благоприятный, но год совсем, казалось, затихшего возбуждения в столичной рабочей массе. Все было тихо в этот глухой летний сезон, когда вечером 25 июля в зале дворца Сен-Клу, в заседании совета министров, князь Полиньяк подал Карлу X перо, приглашая его прекратить колебания и подписать ордонансы...

Глава VII

РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Общества взаимопомощи. Попытки благотворительных ассоциаций. Рабочие товарищества. Отношение к ним со стороны властей. Общий характер их деятельности

Уже из вышеизложенного ясно, что рабочий класс был почти совсем не организован для постоянной защиты своих интересов и для борьбы с хозяевами (говорим *«почти»*, имея в виду товарищества, которым и посвящены следующие страницы). Законодательство и до и в особенности со времен Великой революции решительно воспрещало рабочим соединяться даже не для стачек, а для каких бы то ни было коллективных выступлений; правда, оно запрещало эти соединения также и хозяевам, но фактически хозяева совершенно беспрепятственно предпринимали сообща и по заранее выработанной программе все меры, какие находили нужными для борьбы против рабочих.

Скажем прежде всего несколько слов о довольно модной в эпоху Реставрации затее так называемых обществ взаимопомощи — благотворительных ссудо-сберегательных кассах, насаждавшихся в рабочей среде. Хотя этих обществ было, относительно говоря, очень мало, хотя число участников представляло ничтожный процент всего рабочего населения Франции, хотя даже и тени организующего значения эти общества не имели и иметь не могли, но об них писали, говорили, им покровительствовали власти, и в следующих поколениях историки, мало вдумавшиеся в истинный характер этих обществ, придавали им иногда какое-то значение, которого в действительности они никогда не имели. Это объясняется малым знакомством — точнее, полным незнакомством — с подлинной жизнью и бытом рабочих в описываемую эпоху. Конечно, если наскоро просмотреть печатные книжки, в которых говорится вкратце о рабочих в первой половине XIX в., то останется впечатление, что эти благотворитель-

ные общества были все же как бы началом рабочих организаций. Но стоит обратиться к подлинным документам, и полное ничтожество экономической, моральной и политической роли этой официально-филантропической затеи обнаружится пред исследователем вполне.

Отметим лишь, что, при всей политической невинности этих ассоциаций, даже и к ним, если не в столице, то на местах, власти иной раз относились с некоторым сомнением.

Благотворительные ассоциации и общества взаимопомощи разрешались только рабочим одной и той же профессии: а там, где рабочие хотели общей ассоциации для всех рабочих данного места, им отказывали, хотя бы даже местные власти обращали внимание на невозможность образовать общество иначе, вследствие малочисленности рабочего контингента [1].

Стремление организовать кассу взаимопомощи, обнаружившееся на бумажных фабриках департамента Верхнего Рейна в 1823 г., возбудило некоторое недоумение среди властей, которые не знали сначала, нужно ли приравнивать такие кассы к «анонимным компаниям», признанным французским торговым кодексом, или это нечто иное. Самое недоумение показывает, до какой степени внове было самое явление [2].

Вообще же ничтожное количество участников этих касс объяснялось отчасти невозможностью для рабочих делать взносы, отчасти почти полной практической бесполезностью, ибо убогие выдачи в случае болезни и т. п. никакой действительной помощи в большинстве случаев оказать не могли. Ознакомившись с документальными данными, говорим с полной уверенностью: рабочие времен Реставрации ни в малейшей степени не испытывали влияния этих касс, и огромная масса рабочих едва ли и подозревала об их существовании. А потребность в организации была, но удовлетворяли ее несравненно больше, чем эти невинные и бесполезные филантропические затеи,— пережитки старинных рабочих товариществ, удержавшихся еще от цехового строя, от конца средних веков, среди рабочих некоторых профессий. Граф Вильнев-Баржемон, бывший в последние годы Реставрации префектом промышленного Северного департамента (главный город Лилль) писал впоследствии, что товарищества, которые причиняют иногда большим городам столько беспокойств своими ссорами и побоищами, показывают все-таки, какую потребность в ассоциациях имеет рабочий класс [3]. Как и при Революции и Империи, эти старые общества в общем почти не преследовались.

Общая точка зрения правительства времен Реставрации на эти старинные ассоциации была такова. Хотя администрация никогда не разрешала этих ассоциаций, но, так как у них нет регулярных собраний в наперед назначенные дни, то они и не

подпадают под действие 291 и 292-й статей уголовного кодекса, где речь идет о незаконных (illicites) обществах. С другой стороны, под действие статей 415 и 416 (о стачках) эти товарищества подпадают лишь в тех случаях, когда они налагают штрафы и другие кары на желающих работать. Наконец, в случае часто бывающих ссор и драк между членами разных товариществ администрация должна предавать виновных суду.

«Вот все, что ей возможно делать»,— лаконически кончает автор, вероятно, юрисконсульт министерства внутренних дел [4].

Полиция не знала хорошенько, что̀ ей с этими товариществами делать. Умирает в 1818 г. в Бордо один каменщик, и за гробом его идут члены его товарищества со своими традиционными значками и лентами. Публика и власть удивляются и тревожатся, видя в этом предвестие «шумных ассоциаций, от которых можно ждать только беспорядка». Сборище беззаконно, а поэтому полиция наудачу хватает двух и передает прокурору [5].

Но только так и действовала полиция — от случая к случаю.

Эти старинные ассоциации настолько были терпимы администрацией и судом, что даже организатор новых отделений товарищества, арестованный с поличным,— если за ним не было других грехов,— часто отпускался на свободу *по суду*. Суд отказывался карать, ссылаясь на общеизвестное существование подобных ассоциаций в других местах [6].

Встречаясь с этими рабочими товариществами постоянно, какой бы эпохой я ни занимался, старым ли режимом, Революцией, Империей или Реставрацией, я уже давно старался дать себе отчет в том, к чему же в главном сводились требования этих корпораций в новое время или, что то же самое, к чему сводились неудобства для хозяев, происходящие от факта существования этих корпораций. И мои выводы совершенно совпали с выводами, сделанными в одной официальной бумаге 1822 г., именно в донесении префекта департамента Об (l'Aube) министру внутренних дел, где передаются результаты наблюдений не над документами, как у меня, а над непосредственной жизнью, ибо в департаменте Об были расположены как раз большие бумажные мануфактуры, а старинные корпорации именно крепче всего и удержались на бумажных мануфактурах. Вот к чему сводятся обобщения префекта. Начнем с них [7].

1. Корпорация запрещает хозяевам брать учеников подмастерьев со стороны, не из семейств уже служащих на мануфактуре рабочих. 2. Рабочие (там, где плата не сдельная) требуют, чтобы им платили не поденно, а помесячно. Это обстоятельство дает рабочим возможность получать за праздники, не признанные официально по наполеоновскому конкордату с римской церковью, но празднуемые рабочими (за праздники, официально признанные, они ничего не получали, даже при помесячной

уплате). 3. Рабочие корпорации требовали от хозяев выдачи им постели, даже когда не жили в здании мануфактуры. Эта постель, правда, оставалась хозяйской собственностью, но рабочему было важно не иметь с собой сколько-нибудь громоздкого багажа, чтобы поменьше быть связанным с данным местом и зависеть от него [8]. 4. Корпорация требовала, чтобы хозяин давал 60 сантимов однократно каждому рабочему данной корпорации, проходящему через город и в нем останавливающемуся. Сами же рабочие вскладчину давали такому гостю три обеда. Этот обычай сильно облегчал товарищам (compagnons) возможность искать работы и лучших условий. 5. Корпорации, тоже в порядке «обычного права», получили возможность налагать штрафы и объявлять под запретом (слово «бойкот» еще не существовало, говорили «интердикт») тех товарищей по работе, которые в конфликтах брали сторону хозяев или вообще подчинялись в такие моменты хозяевам; мало того, корпорация, под угрозой общей стачки и ухода навсегда с фабрики, заставляла самих хозяев платить штрафы, которые она на них тоже налагала. А запрет, наложенный на мануфактуру корпорацией, был бедой нешуточной для хозяина, особенно если ему были нужны не простые, а подготовленные, квалифицированные рабочие. 6. Корпорация иногда требовала исключения из числа рабочих данной мануфактуры всех рабочих той или иной провинции («то лотарингцев, то пикардийцев, то нормандцев», то, прибавим, рабочих-иностранцев: в Амьене, Лилле — фламандцев, в Седане — немцев, в Лионе, Марселе — итальянцев и т. д.). Наконец, префект забыл прибавить, что корпорации часто бывали между собой во вражде, доходившей до кровавых побоищ, и что тем более корпорация, главенствовавшая на данной мануфактуре, не позволяла принимать на работу членов другой, враждебной корпорации.

Но ко всему сказанному следует прибавить еще нечто такое, что нас тут должно заинтересовать больше всего. С точки зрения историка рабочего движения в эти годы, в первой трети XIX столетия, когда еще не было ни рабочей политической партии, ни своего политического и социального знамени, ни возможности объединения, товарищества сыграли очень большую и очень благую, с точки зрения интересов рабочего класса, роль. Это только теперь, в августе 1924 г., на торжественном годичном праздновании старинного лионского товарищества председателем пиршества был министр торговли Жюстен Годар и зала была увешана старыми знаменами, символическими украшениями и диковинными значками корпорации, и представитель правительства (он же известный историк компаньонажей) с самым теплым чувством отзывался об этих организациях, и все торжество носило мирный и уютный характер какой-то археоло-

гической выставки. Теперь — это археология и история быта, теперь борьба ведется иными способами, в иных организациях, с другими задачами и при помощи других методов. Но тогда, в годы Реставрации, уцелевшее старинное корпоративное устройство в некоторых профессиях было, в сущности, *единственной* формой объединения рабочих в борьбе за самые насущные интересы.

В этих старинных рабочих ассоциациях сохранялась удивительная дисциплина и организованность. Когда зимой 1826 г. в Марселе произошло грандиозное побоище между булочниками, принадлежавшими к одному товариществу, и рабочими, принадлежавшими к другому (в связи с большой стачкой, которая как раз тогда была объявлена в Марселе), то даже во время суда над привлеченными инициаторами стачки власть главного руководителя, тоже сидевшего на скамье подсудимых, была совершенно очевидна для всех. Префект Устьев Роны доносил по этому поводу министру внутренних дел: «Бенуа Тажан, глава этих беспорядков и единственный виновник стачки..., человек дерзкий и очень ловкий, обладает абсолютной властью над этими рабочими, и единым словом, единым взглядом он может привести их в движение. Особенно было заметно это удивительное влияние во время дебатов в уголовном суде, когда одним жестом он мог заставить говорить или молчать сообвиняемых и поднимать дух тех, которые казались в унынии» [9]. Прокурор даже просил об изоляции его от остальных подсудимых.

О попытках товариществ основать новую филиацию хозяева немедленно доносили полиции, которая понимала [10], что доносчики, конечно, имеют в виду свои личные интересы, но вместе с тем полагала, что эти ассоциации «одинаково опасны» для хозяев и для общественного спокойствия.

В июне 1826 г. в Тулон прибыли специальные уполномоченные от рабочих товариществ из Парижа и из Марселя, чтобы завербовать новых членов в свою ассоциацию. Они натолкнулись на препятствия: хозяева объявили, что они не будут держать у себя рабочих, которые будут завербованы. На этой почве произошли столкновения и вмешалась полиция. Эмиссары из Парижа и Марселя должны были скрыться, так как им грозил арест [11].

Вот одна из характерных историй, очень существенных для понимания характера товариществ.

3 сентября 1825 г. 60 каменотесов прибыло из Макона в Турнюс, конечно, ища работы. Местные каменотесы затеяли с ними страшную драку, которую не сразу прекратило даже вмешательство жандармерии. Собралось около 400 рабочих Турнюса, которые пошли походом на Макон; в два часа ночи жандармский капитан Макона, собрав всех своих жандармов, высту-

пил против них. Постепенно все на время успокоилось, но уже было дано знать о необходимости держать наготове эскадрон кавалерии [12]. И, действительно, успокоение оказалось непрочным. Товарищество, видя, что оно одно в данном городе бессильно выгнать вон рабочих враждебного товарищества, выписало подмогу из своих же собратьев по ассоциации из других городов. В сентябре 1825 г. вдруг снялось с места и выехало четыреста каменотесов из Парижа в Лион и Турнюс (Tournus). Оказалось, что это их пригласили товарищи, которые не могли собственными силами выгнать из названных двух городов рабочих враждебной ассоциации [13]. По-видимому, предприятие («cette singulière entreprise», как выражается префект) было спешное, так как каменотесы не пешком пошли, а выехали в дилижансах [14].

17 сентября 1825 г. прибыла из Парижа подмога, присланная товариществом в Турнюс. Их было 80 человек. Вооруженные палками и ломами и произнося угрозы против членов враждебного товарищества, они, держась вместе, вошли в город. Но все они были вскоре (в тот же вечер и ночью) арестованы. Также были рассеяны другие партии, спешившие в Турнюс из Лиона и других мест [15].

Эта война между каменотесами закончилась переговорами и заключением договора, уже в конце ноября 1825 г. Этот договор предусматривал порядок и условия, в которых рабочие обоих товариществ будут допускаться к соисканию работ [16].

Могущество этих старинных ассоциаций, их большие денежные средства, позволявшие им по несколько сот человек снимать с места и перебрасывать (в дилижансах!) на место боя, оживленные и быстрые сношения и крепкие связи между товарищами данной ассоциации на всем протяжении Франции — все это, несмотря на явную аполитичность этих организаций, раздражало полицию [17]. Ее беспокоила их дисциплина, их беспрекословное повиновение стоящим во главе. Страх, как бы этими крепкими рабочими организациями не воспользовалась та или иная политическая группа для своих целей, сказывается беспрестанно в донесениях на товарищества. *Пока* они политически безвредны; а дальше? Вот основной мотив. После всякого грандиозного побоища между товариществами, после всякого внушительного проявления организованности — мы встречаем эти опасения и жалобы [18].

Именно этот *корпоративный дух* только и тревожил власти, когда им приходилось думать о товариществах: именно за ним, за его ростом они и следили и этим ростом и тревожились [19].

Но в общем власти знали, что если корпоративный дух очень силен в этих старинных ассоциациях, возникших в далекие времена, когда каждый цех жил своею обособленной жизнью, то никакой идеи объединения всего рабочего класса в товарище-

ствах нет. Напротив, между отдельными товариществами сплошь и рядом кипела неутолимая вражда на почве отбивания друг у друга заработков и т. д. Эта вражда, доходившая, как сказано, до массовых драк и избиений, показывала, насколько еще слабо чувство классовой солидарности между рабочими.

В изученных мной документах постоянно попадается переписка ведомств, иногда очень обширная, по поводу грандиознейших побоищ, учиняемых членами разных товариществ, вечно враждовавших друг с другом [20]. Власти, правда, стремились не допускать, по мере возможности, очень уж большого развития этих побоищ, но нисколько ими не тревожились; было ясно, что пока рабочие избивают друг друга, до тех пор никаких объединенных выступлений всех товариществ против властей или против хозяев можно не опасаться.

Иногда побоища между членами отдельных товариществ происходили и не в массовом масштабе, а по трактирам, по несколько человек с той или другой стороны; бывало, что и такие ссоры тоже кончались убийством [21]. Наказания бывали очень суровы, даже когда дело не доходило до убийств. Например, по поводу частых ссор и драк между рабочими разных товариществ в г. Тарасконе администрация доносит в 1825 г., что в данный момент рабочие разных компаньонажей отбывают заключение на *несколько* лет в тюрьмах департамента [22]. Делами о «rixes sanglantes entre les ouvriers, causées par des jalousies et des rivalités de Compagnonnage» (типичное оглавление папок) наполнены картоны серии F [7].

Подобные же побоища отмечаются в департаменте Ардеш и в других местах [23]. Дело доходило до того, что местные власти специально требовали пополнения местных гарнизонов на случай новых драк между товариществами [24].

Грандиознейшие побоища среди рабочих разных компаньонажей отмечаются в Париже в июне 1827 г. Только большим полицейским отрядам иной раз удавалось разъединить сражающихся [25]. Когда власти по поводу слишком уж тяжких увечий, иной раз постигавших в драке тех или иных рабочих, пробовали обратиться к судебной власти за *запрещением* самих этих ассоциаций, то суды неизменно отвечали, что существующие пока законы не применимы к этим старинным обществам и что требуется вмешательство законодательной власти [26].

В заключение отметим два-три документа, где хоть отдаленно и случайно, в связи с товариществами, упоминается о «политике».

Очень неясная история разыгралась в г. Вьенне (департамент Изер). Рабочие, принадлежащие к товариществу,— точнее не указано, к какому,— оскорбили Национальную гвардию,

и семь человек рабочих было арестовано. Объяснение дается путаное: рабочие-суконщики получают «довольно высокую» заработную плату, и это-то обстоятельство, а также низкие цены на припасы и вино и есть «единственная причина эксцессов». Выходит, что рабочие предались эксцессам потому, что им очень хорошо живется! Никаких разъяснений не прибавлено [27].

Вот другой случай, заинтересовавший правительство.

25 октября 1819 г. в г. Кламси (департамент Ньевр) рабочие-башмачники, собравшись праздновать святого Криспина, покровителя их корпорации, развернули знамя с изображением орла с надписью, вышитой на знамени еще в 1811 г. по случаю рождения наследника Наполеона. Затеялось следствие, которое, однако, не открыло никаких «злых намерений» во всем этом происшествии [28].

Отметим, наконец, еще один факт.

В департаменте Ду (Doubs, главный город Безансон) констатируется существование *старинной* рабочей ассоциации «угольщиков», или «добрых двоюродных братьев». Первое название, странно совпавшее с гремевшими в те времена *карбонариями*, обратило на себя внимание властей. Но убедившись, что решительно ничего общего между этими французскими «угольщиками» и итальянскими революционерами нет, наблюдатели успокоились. Ассоциация состояла главным образом из рабочих, но в ней участвовали и лица иного класса, состоятельные люди (quelques personnes aisées). Кто это были и почему они состояли в рабочем товариществе, документы нам не поясняют. Собирались они тайно, часто в лесу [29].

Мы увидим (в следующем томе этих исследований)*, какие попытки возродить и оживить товарищества были делаемы уже в эпоху Июльской монархии. Но эти попытки не увенчались и не могли увенчаться успехом. Новые экономические отношения, новые задачи и потребности классовой борьбы требовали совсем иных форм организации, чем эти старинные цеховые пережитки. Одновременное существование, например, социалистической партии и описанных тут товариществ было мыслимо лишь при условии, что руководство экономической и подавно политической борьбой рабочего класса перейдет в руки партии; товарищества же должны были все более и более обращаться в антикварные обломки, в курьезные пережитки далекой и невозвратной старины.

---

* Следующий том не был написан.— *Ред.*

Глава VIII

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРИОД ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г. ДО НОЯБРЬСКОГО РАБОЧЕГО ВОССТАНИЯ 1831 г.

Начало Июльской революции. Закрытие типографий. Разрушение машин в июльские дни. Новые органы рабочих. Безработица во второй половине 1830 г. Рабочие волнения в Париже и провинции в 1830 и 1831 гг. пред лионским восстанием

Гроза налетела на монархию Бурбонов совершенно для нее неожиданно, хотя сам Карл X ее непосредственно и вызвал.

Вот пред нами последние, чистенькие, переписанные для министра бюллетени парижской полиции, те бюллетени, которые он читал в фатальный день, когда он заставил, наконец, Карла X подписать ордонансы, и затем в тот день, когда утром непоправимое совершилось и ордонансы появились в газете «Moniteur». Оба бюллетеня, и от 25, и от 26 июля, в самом деле, могли только успокоить князя Полиньяка: оба дышат безмятежным миром: «Самое полное спокойствие продолжает царить во всех пунктах столицы (25 июля). Никакое происшествие, достойное остановить внимание, не было отмечено в дошедших до меня рапортах. Из 470 рабочих, собравшихся сегодня на обычных местах, около 200 человек были наняты на работу»; все настолько благополучно, что отмечается, как всегда, на своем месте, что четыре человека за день было арестовано за воровство, шестнадцать — за бродяжничество, двое детей заблудились на улицах [1]. Словом, все обстоит самым нормальным образом; это отмечено 26 июля 1830 г. Но уже к вечеру начались первые столкновения; через три дня династия Бурбонов перестала царствовать.

Ордонансы, опубликованные 26 июля 1830 г. в правительственной газете «Moniteur», вызвали Июльскую революцию, в три дня (27, 28 и 29 июля) разрушившую навеки трон Бурбонов. Эти ордонансы уничтожали по существу французскую конституцию и были прямым, и очень существенным, прологом к установлению самодержавного строя или режима, очень близкого к самодержавию. Уже с вечера 26 июля рабочие предместья

взволновались; днем 27-го начались серьезные битвы, которые не прекращались до вечера 29-го, и в течение этих грозных дней рабочий класс столицы принимал в событиях самое деятельное, самое непосредственное, самое, в сущности, решающее участие.

Что заставило его выступить? Мы теперь знаем, что̀ именно, ознакомившись с документальным материалом о жизни, о борьбе, о настроениях рабочего класса.

Жизнь в зловонных конурах, жизнь впроголодь для очень многих, совсем необеспеченная для всех, вечный дамоклов меч безработицы, полнейшая невозможность бороться с хозяевами в легальных рамках, решительное отсутствие даже тени участия в политической жизни страны и влияния на законодательство, годы частичной безработицы именно в последние времена перед 1830 г.— все это было достаточной почвой для порождения внезапного взрыва революционного гнева в июле 1830 г. Сигнал шел не от рабочего класса, но рабочий класс оказался готовым пойти за любым лозунгом, за любым знаменем, лишь бы на этом знамени был призыв к изменению существующих условий. Вот и в 1830 г. был, например, помимо всего прочего, один из тех кризисов промышленности, который принято скромно называть «частичными заминками в сбыте». Но ведь как отражались эти частичные заминки на нервах, на настроении рабочих?

Впоследствии, в полемической брошюре, выпущенной по поводу статьи «Journal des Débats» о лионском восстании 1831 г., автор, наборщик Barraud, *пролетарий* (он так и подписался), резко и горячо заступаясь за пролетарское дело, писал, вспоминая о временах реставрации Бурбонов: «Мы, французские пролетарии, выгнали правительство, навязанное богачами и знатью, не потому, что оно делало нас несчастными, *ибо народ не был никогда счастливее, чем с 1816 по 1829 год;* но потому, что оно было нам навязано так называемыми победителями, силой иностранцев и внутренними изменниками» [2].

Конечно, по свойству человеческой природы *наборщик* упустил из вида, что именно той категории рабочего класса, к которой лично он принадлежал, жилось гораздо лучше, чем всем другим, и она почти вовсе не знала безработицы. В обобщающей своей форме утверждение Барро опровергается слишком многими и слишком доказательными свидетельствами.

Чего стоила эта непрерывно возвращающаяся безработица! И что стояло за этим словом!

Бывали страшные трагедии на почве этих общих и частных кризисов безработицы, и каждая из них внезапно, ярким светом освещает то, что скрывается за холодными казенными донесениями о «временном застое» в производстве. Случаи, вроде истории парижского рабочего, перчаточника Буано, который

отравил опиумом свою маленькую дочь, не имея возможности ее прокормить, и после похорон, мучимый раскаянием, пошел в полицию и принес повинную, предпочтя гильотину угрызениям совести [3],— такие случаи каждый раз вкладывают реальное содержание в мелькающие пред глазами исследователя казенные реляции о «временной приостановке работ» и «трудном моменте для рабочего класса».

Конечно, не из любви к нарушенной королем Карлом X хартии парижский пролетариат пошел на баррикады: что́ им было нарушение избирательного закона, когда они никакого отношения к выборам не имели?

Есть одно интересное в психологическом отношении наблюдение, сделанное людьми, по собственному утверждению, не покидавшими улицы в течение всей Июльской революции. Мы находим это замечание в одной из брошюр (вышла в октябре 1831 г.), выпущенных республиканским «Обществом друзей народа» [4]. Революция, пишут республиканцы, была сделана не затем, чтобы посадить одного короля на место другого, и не затем, чтобы поддержать конституционную хартию, «которую бо́льшая часть вокруг нее соединившихся даже не читала»: «*потребность считаться чем-либо в обществе* — только она вложила народу в руки оружие; это скажут те, кто, подобно нам, не покидал улицы».

Потребность считаться чем-нибудь очень понятна у людей, из которых *ни один* за все время Реставрации не был допущен к избирательной урне.

Во Франции в это время считалось около 31 600 000 жителей; из них избирательные права имело всего около 100 000 человек, и в эту сотню тысяч «избранных» не входил *ни один* рабочий. Но *всякое* изменение существующего казалось рабочим выигрышем, а жизнь их была такова, что они, как мы видели, даже возбуждали некоторое удивление у наблюдавших их лиц других классов общества: почему рабочие не восстают? Но не было ни программы, ни организации, ни уверенности в силах, да и сил для вполне самостоятельного, со своими собственными задачами, выступления тоже не было. Нужен был момент, случай, чужая и сильная инициатива,— и рабочие оказались в первых рядах сражающихся. Все это таило в себе скорые и жестокие разочарования: уже на другой день после Июльской революции рабочие ясно могли увидеть, что *сражались* они, но *победили* другие, и что эти другие своею победой, одержанной вместе с рабочими, делиться вовсе не намерены.

Бесспорно, революционно настроенные в июле 1830 г. представители буржуазии уже с первого дня появления ордонансов поняли, что, не вызвав на улицу рабочих, нет никакой возможности организовать решительный протест. В небольшой, но

очень содержательной заметке: «Patrons et ouvriers en Juillet 1830» [5], Поль Манту собрал несколько в высшей степени доказательных текстов, из точного смысла которых явствует, что часть фабрикантов вполне сознательно закрыла в понедельник 26 июля, в день появления ордонансов, свои мастерские и объявила рабочим, что государственный переворот, учиненный Карлом X, не дает возможности продолжать работу.

Либеральные фабриканты закрыли свои мастерские и отослали рабочих на баррикады. Дело началось с закрытия газет и с появления на улицах массы типографских рабочих. Закрытие типографий, тоже не всех, но лишь некоторых, было, правда, прямым последствием того ордонанса, который вводил видоизменения в законодательство о печати. Но многие предприниматели других профессий тотчас же, по собственной воле и сознательно, последовали примеру типографщиков.

Неизданные воспоминания d'Argout, принадлежавшие покойному Габриелю Моно и использованные Полем Манту, свидетельствуют, что инициатором одновременного и внезапного, с революционной целью, закрытия всех типографий был Барт, который был впоследствии министром при Июльской монархии. Он собрал типографщиков и заставил их принять соответствующее решение. Оказавшиеся на улице типографские рабочие и составили первый центр восстания, тем более что в смысле умственного и политического развития типографские рабочие являлись цветом французского рабочего класса [6].

Но едва победа была одержана, почти тотчас же это участие рабочих в ее достижении было забыто.

Попытки, сколько-нибудь систематической, отстоять *право* рабочих на участие в использовании результатов революции сделано не было. Возникшие, но в общем недолго просуществовавшие газеты, называвшие себя органами защиты интересов рабочего класса, отличаются отсутствием программы, ясных политических целей и симпатий. Ознакомимся вкратце с ними: эти органы были во Франции явлением совсем новым в XIX в.

19 сентября 1830 г. вышел первый номер еженедельника «Газета рабочих» («Journal des ouvriers») [7] с эпиграфом: «Свобода, общественный порядок!» В программной статье первого номера редакция пишет: «До момента нашей славной революции (Июльской) рабочие, не имея значения во Франции, нисколько не пользовались благодеяниями правительства, которое, далекое от мысли покровительствовать промышленности, казалось, с особым удовлетворением уничтожало рабочих всех профессий; но со времени их храброй обороны, со времени, как они способствовали тому, что Франция получила правительство по собственному выбору, рабочие заняли место, которое должен занимать трудолюбивый класс, производящий богатство королевства».

Газета обещает быть органом «справедливых жалоб» и домогательств рабочих всех профессий; обещает заручиться «многочисленными корреспондентами» из разных промышленных городов и широко поставить отдел известий о наймах и приискании работы; обещает, между прочим, также избегать в статьях технических терминов, которых рабочие не понимают. Все это было еще не совсем ясно, и редакция нашла нужным вскоре разослать своим подписчикам еще особое «Существенное уведомление» (Avis essentiel). Тут указывается, что только рабочие доселе никогда не имели во Франции своего особого органа, что необходимо рабочим иметь место, где бы они могли свободно высказываться. Что касается политической платформы газеты, то она всецело совпадает с идеологией (официально поддерживаемой) либеральной буржуазной печати первых месяцев после Июльской революции: эта платформа значительно «правее», в политическом смысле, чем программа республиканской оппозиции. Например, редакция с жаром поздравляет себя и читателей с тем, что Июльская революция 1830 г. оказалась столь непохожей на Великую революцию 1789 и следующих годов [8], тогда как, например, в глазах республиканцев традиции Великой революции были окружены необычайным ореолом.

Спустя три дня после появления «Газеты рабочих», 22 сентября 1830 г., вышел первый номер «Ремесленника, газеты рабочего класса» [9]. Этот орган — определенно радикальнее, и идея классовой обособленности рабочих ему яснее. «Рабочий класс,— пишет редакция в программной статье,— почувствовал свое жалкое положение и ищет причины его. Он начинает понимать, какова должна быть его роль в XIX в.». Редакция протестует против манеры «некоторых журналистов» отождествлять средний класс со всем народом: «Мы уже не живем в то время, когда рабочие были рабами, которых хозяин мог продавать или убивать по своему произволу, мы уже не живем в ту, еще недавнюю, эпоху, когда наш класс считался в обществе только руками общественного тела. Трех дней (Июльской революции — *Е. Т.*) было достаточно, чтобы изменить нашу функцию в экономии общества, и теперь мы — главная часть этого общества, желудок, который распространяет жизнь в высших классах общества, вернувшихся к истинным своим функциям служителей». Правда, газета тут же оговаривается, что рабочий класс не злоупотребит своей силой («Мы были рабами — теперь мы могли бы повелевать, но мы только хотим быть свободными... мы не злоупотребим нашей силой...»). Отношение газеты к буржуазии — обиженное, раздраженное, но вместе с тем несколько сбивчивое: редакция все хочет убедить «средний класс» в необходимости лучшего отношения к рабочим и т. д. Понятие об антагонистичности интересов обоих классов настолько все же

чуждо редакции, что она даже говорит о возможности руководящей роли одного класса в жизни другого. Все это очень характерно для эпохи; не менее характерно и сбивчивое отношение к злободневному вопросу — к введению машин. «Да, есть сдвиг в низшем классе... но причина этого сдвига — только неравенство между буржуа и рабочими. Машины, на которые рабочие имеют столько причин жаловаться, станут для них причиной их освобождения, ясно показывая им, какую роль сами они (рабочие) исполняли в обществе. Напрасно средний класс пытался бы подавить этот порыв рабочего класса к улучшению своей участи; настал момент, когда всякое средство обуздания может сделаться роковым для тех, кто будет им пользоваться. Стать во главе освобождения рабочих, руководить ими в их попытках — вот роль, которую должен взять на себя этот средний класс, столь надменный и столь тиранический. Со своей стороны рабочие напрасно пытались бы воспротивиться употреблению машин. Их интерес, верно понятый,— свобода, которую они требуют, справедливость, которая всегда стоит во главе всего, что они делают,— все заставляет их не препятствовать какой бы то ни было промышленности».

Путаница и детский характер понятий проявлены редакцией рабочей газеты и дальше. Она как бы пугает буржуазию тем, что если машины выгонят рабочих из фабрик, то рабочие могут пожелать сами стать буржуа. Но как это может сделаться — не указывается и даже не намечается.

Революционный способ явно осуждается редакцией. «Если освобождение рабочего и превращение его, в свою очередь, в буржуа, есть зло, то кто же в том виноват? Не те ли, кто ежедневно изгоняет рабочих из мастерских, чтобы заменить их машинами?» Вообще и в этой программной статье, и в прочих номерах (газета просуществовала недолго: 17 октября вышел последний номер) видно искреннее раздражение и чувство обиды за рабочих, но столь же ясна полнейшая теоретическая беспомощность и сбивчивость в самых коренных вопросах, касающихся положения и возможного поведения рабочего класса. Редакция категорически утверждает о себе, что она вышла из рабочего класса, что редактора и сотрудники — рабочие, в противоположность другим газетам, издаваемым *для* рабочих, но не рабочими (очевидный намек на «Journal des ouvriers»).

«Печальная действительность»,— читаем мы в хронике рабочей газеты «L'Artisan» от 9 октября 1830 г.,— средняя заработная плата в большинстве профессий — 2 франка 25 сантимов в день; ежедневные издержки одного человека — 2 франка 10 сантимов в день, принимая во внимание цены на хлеб и на другие продукты; в общем у рабочего ежегодно — три месяца мертвого сезона по крайней мере, не считая 59 дней празднич-

ных и воскресных. В общем дней, когда не бывает получки,— 119... А теперь пусть подумают о рабочих, обремененных семьей и которые зарабатывают гораздо меньше, чем мы считаем».

Жалобы на произвол хозяев, на уменьшение заработной платы — господствующий мотив 1830—1831 гг. Хозяева стали обращаться со своими рабочими, как колониальные плантаторы со своими рабами, жалуется рабочий корреспондент рабочей газеты «L'Artisan» (5 октября 1830 г.): «например, из большой мастерской предместья Сен-Дени ушли самые давние и самые лучшие рабочие, потому что их хозяин, напяв по дешевой цене чернорабочих, после 15 месяцев обучения, полагая в том свою выгоду, захотел уменьшить заработную плату своих хороших механиков до уровня платы этих чернорабочих. Что же произошло? Они предпочли употребить свои руки на общественные работы, скорее чем унижать талант, приобретенный пятью-шестью годами ученичества и десятью годами опыта». Отсюда — сборища рабочих самых разнообразных специальностей, и все они жалуются на алчность хозяев. Хозяев меньше, чем рабочих, и потому им легче стакнуться между собой и противопоставить рабочим свою неизменную волю. Но кончается это письмо растерянной и беспомощной нотой: пусть правительство, «насколько это в его силах», положит предел «неумеренной алчности хозяев».

Таковы отзывы тогдашней рабочей прессы. Обратимся теперь к установлению общей картины положения рабочего класса в первые $1^1/_2$ года после июльского переворота.

Нужно сказать, что в первые дни после Июльской революции представители буржуазии, даже фабриканты и крупные финансисты, охотно соглашались с тем несомненным фактом, что рабочий класс г. Парижа сыграл в июльские дни решающую роль: «Кому мы обязаны победой,— восклицает, например, владелец писчебумажной и обойной мануфактуры Тома,— если не добровольному самопожертвованию, храбрости, мужеству рабочего класса? Кому обязаны мы безопасностью, которая так быстро наступила после революционного движения, если не мудрости, умеренности, бескорыстию» рабочих, которые, «доверяя временному правительству и добродетелям принца-наместника (Луи-Филиппа — *Е. Т.*), мирно вернулись каждый в свою мастерскую? Сколько приобрели они прав на национальную признательность!» [10] И дальше прямо заявляет, что Луи-Филипп *обязан рабочим своей короной* [11].

Та же самая мысль о главенствующей роли рабочих и то же сознание, что исключительно от самих рабочих зависело сложить оружие или учинить прямое нападение на капитал,— совершенно определенно высказываются и в брошюре финансиста Ленуара, тоже написанной по поводу средств для поддер-

жания торговли и промышленности тотчас после Июльской революции (вышла брошюра в свет 7 сентября 1830 г.): «Наша восхитительная революция, так быстро оконченная, поставила на три дня в опасное положение казну, банк и все частные кассы, и теперь известно, *кто* мог бы совершить разграбление! Вся нация радуется столь счастливому и столь славному концу этих великих событий; и те ли не получат помощи, кто среди этой всеобщей радости испытывают затруднения!» [12].

И в столице, и в провинции, однако, сразу же новыми властями был взят тон, показывающий, что рабочим предоставляется считать своей победой замену белого знамени трехцветным и короля Карла X королем Луи-Филиппом, но что другие их требования натолкнутся на решительное сопротивление.

Мэр г. Рубэ отказался вывесить на своем доме трехцветное знамя. 10 августа 1830 г. толпа в 200 рабочих собралась у его дома с целью заставить его сделать это, а затем пошла по городу, заходя в прядильные мастерские и требуя, чтобы хозяева тут же согласились на увеличение заработной платы. Сопротивлявшиеся подвергались оскорблениям, а в 13 заведениях были выбиты окна. Войск в наличности не оказалось, толпа продолжала возрастать и дошла до 5000—6000 человек (всего в Рубэ числилось рабочих до 10 000 человек). Префект департамента и прокурор к вечеру прибыли на место происшествия. К тому времени от сборища всего оставалось около 500 рабочих. Экстренно собрался муниципальный совет, который, по словам префекта, оказался крайне перепуган. Указанные 500 человек громко обещали уничтожить все станки сопротивляющихся хозяев. Префект тут же организовал добровольческую конную стражу во главе с неким Дефреном, молодым купцом из Рубэ. Эта стража должна была усилить собой жандармерию. Но рабочие еще более раздражились при виде этих приготовлений. Жены и дети рабочих присоединились к мужьям [13]. С большими трудностями удалось, наконец, уговорить рабочих разойтись. Но еще несколько дней в этом промышленном центре было неспокойно.

На самых первых порах после переворота рабочий класс вовсе не высказывался по чисто политическим вопросам.

Вышла, правда, в августе 1830 г. брошюра под могущим заинтересовать нас названием: «Рабочие и г. де Шатобриан, или письмо рабочего-плотника этому последнему» [14]. Но громкое название не соответствует пустоте содержания этой брошюры. Ничего сколько-нибудь относящегося к рабочему классу как таковому, ничего, что вообще хоть в чем-нибудь рознилось бы от обыденнейшего шаблона, мы тут не находим. Вялые полемические перепевы памфлетов против Карла X — точка зрения приверженца только что провозглашенной монархии Луи-

Филиппа, и больше ровно ничего. Ни одного слова, в частности, о тяжелом материальном положении рабочего класса в Париже как раз в этот момент, в августе 1830 г.

А положение было очень критическое. Безработица неимоверно усиливалась. Только что вернувшиеся с баррикад, еще обвеянные пороховым дымом рабочие далеко не сразу согласились проявить прежнее долготерпение относительно хозяев.

По показанию представителей промышленного класса, торговля и промышленность уже накануне Июльской революции находились в довольно тягостном состоянии; Июльская же революция имела непосредственным своим последствием внезапное и полное исчезновение свободных капиталов, которые немедленно спрятались, как всегда бывает в подобных случаях. Правительство в конце августа ассигновало 30 миллионов франков для кредитования торговли и промышленности, но почти целый месяц до этого кредита прошел для очень многих предприятий в самой убийственной обстановке. Банкротства и ликвидации следовали одно за другим [15].

Рабочие волнения не заставили себя ждать. Прошло две недели после Июльской революции, и о рабочих снова заговорила столица.

13 августа 1830 г. полиция в Париже была извещена о готовящихся сборищах мясников и угольщиков; 15-го — о брожении среди типографских рабочих [16], причем полиции было донесено и о цели этих проектируемых собраний типографских рабочих: речь шла о разрушении типографских машин. Полиция спешно приняла все меры. Но одновременно ее внимание было привлечено и волнением среди рабочих-каретников Монмартра: они требовали изгнания из Франции немецких рабочих. Рабочие, правда в полном порядке, направились к префекту и подали ему петицию об изгнании немцев. Тем пока дело и ограничилось [17]; но и в ближайшие дни полиция не была спокойна и констатировала, что эти две цели — разрушение машин и изгнание иностранных рабочих — продолжают волновать парижский рабочий класс,— сборища продолжались [18]. И даже когда временно восстановлялось спокойствие, префект полиции не переставал указывать на нужду, царящую среди рабочих, и необходимость поскорее организовать для них какие-нибудь работы [19]. В августе 1830 г. была сломана паровая машина, снабжавшая водой королевскую табачную мануфактуру, и еще в середине сентября машина не действовала и работы не шли полным ходом. Брожение рабочих этого заведения, по-видимому, глухое, наблюдалось еще в середине сентября [20].

До 500 человек слесарей и механиков явилось 23 августа в префектуру, прося об издании ордонанса, который уменьшал бы на один час продолжительность их рабочего дня. По мнению

полиции, у которой были с рабочими самые мирные объяснения по этому поводу, на рабочих действуют какие-то «агитаторы» со стороны [21]. На следующий день сборища и процессии рабочих по городу продолжались. Процессии являлись, особенно в каретные мастерские, и требовали изгнания иностранных рабочих, угрожая, в случае отказа, сжечь эти мастерские. Кое-где, например в квартале Люксембургского сада, рабочие снимали с работ тех, кто в момент подхода процессии еще работал в мастерских. Одновременно выступили и булочники, требуя прибавки заработной платы. В тот же день, 23 августа, забастовали рабочие речных пристаней. «Они хотят быть независимыми и без начальников»,— пишет префект, но не поясняет этих туманных слов [22]. Волнение охватило, начиная с 23 августа, и все рабочее население *разных* профессий квартала Сен-Дени: требование повышения заработной платы было главным лозунгом[23].

Некоторые группы, например каменщики, с барабанным боем и развернутыми трехцветными знаменами прошли по городу (24 августа) и явились в префектуру, требуя все того же ордонанса о повышении заработной платы и уменьшении продолжительности рабочего дня. Общее волнение среди рабочего класса столицы является, по убеждению префекта, безусловно установленным фактом [24]. Сборища и процессии не прекращались и с наступлением темноты и происходили при свете факелов [25]. До 28 августа в столице было неспокойно. Слесари и рабочие других специальностей обходили иногда группами по 500—600 человек город и снимали с работ товарищей по специальности. Рабочий день в 10 часов и увеличение заработной платы (размеры не указывались, они были различны по специальностям) — таковы были требования. Движение против иностранцев перешло от каретников к красильщикам [26] и к рабочим других профессий. С 26 числа слесари, входя в мастерские, требовали от хозяев письменного согласия на выставленные пожелания [27]. Толпа их возросла до двух тысяч человек. В этот день уже были столкновения с национальной гвардией; однако в общем рабочие процессии проходили в полном порядке. 28 августа замечается некоторый упадок рабочего движения, и рабочие предместий отказались от проектированной большой демонстрации в центре города [28].

Спокойствие умов начинает восстановляться, и рабочие снова принимаются за работу; особенную деятельность проявляют только строительные рабочие,— таков полицейский бюллетень от 22 августа 1830 г. [29].

Но это спокойствие оказалось существующим лишь в воображении полицейских осведомителей.

25 августа 1830 г. новый префект парижской полиции Жиро (Girod de l'Ain) велел вывесить напечатанное на больших

листах извещение, запрещающее процессии и сборища рабочих, которые «беспокоят мирных жителей». Рабочие вместе с тем предупреждались, что префект не будет принимать от рабочих никаких просьб о вмешательстве в отношения между хозяевами и рабочими, относительно ли заработной платы или продолжительности рабочего дня, так как это вмешательство противоречит свободе промышленности [30].

Но брожение продолжалось.

С 1 сентября движение стало снова проявляться вполне определенно. Типографские рабочие громко заявляли на своих собраниях о необходимости уничтожить машины, причем даже точно обозначались типографии (королевская и две частные), с которых предполагалось начать [31].

На другой день типографские рабочие оставили работы и пошли по всему городу, снимая с работ товарищей по профессии. Власти больше всего интересовались предполагаемыми вожаками, которые-де настраивают рабочий класс против правительства с чисто политическими целями [32]. Рабочие требования сами по себе их мало беспокоили и интересовали.

С 4 сентября уже начинают попадаться и известия об аресте предполагаемых «вожаков» (meneurs). Собрание нескольких сот рабочих-булочников было рассеяно полицией, и один «вожак» был арестован немедленно, а другой скрылся, и полиция его стала разыскивать [33]. Что касается забастовки типографщиков, то уже 4 сентября решено было возобновить работу, но только в тех типографиях, где не было машин [34]. На другой день, после ареста еще 16 «вожаков», булочники также возобновили работы [35], и в тот же день стали на работу кое-где типографщики даже тех предприятий, где были машины [36]. Правда, была сильная заминка в типографии, где английские наборщики набирали и печатали выходившую в Париже (знаменитую тогда не меньше «Times'a») газету «Galignani's Messenger». Положение было щекотливое, потому что в данном случае штрейкбрехерами являлись и без того ненавистные в тот момент иностранные рабочие. Сам Галиньяни (так как англичане-рабочие не осмеливались работать: в их типографии были машины) просил печатать его газету по-старому, ручными станками, но полиция воспротивилась такой уступке и заставила англичан работать с машинами. Полиция боялась, что подобная победа забастовщиков могла бы иметь большие последствия [37].

Аресты между рабочими со второй половины сентября 1830 г. заметно учащаются, и тон префекта в его ежедневных донесениях начинает меняться. Угроза все чаще слышится в его изъявлениях. Это уже не полупассивный наблюдатель, не патриархально журящий друг рабочих, но решительный противник их. Он приказывает арестовывать всех, на кого ему указывают

как на виновников стачек [38]. Когда рабочие-кузнецы (все эти дни почти в полном составе бастовавшие) обратились к префекту с петицией, в которой просили его вмешаться в их распрю с хозяевами, то он отказался и, хотя сам же говорит о вполне спокойном их поведении, не воздержался от угроз по их адресу. Что нужда в рабочем классе большая, как от безработицы, так и от вздорожания хлеба, это он признает. Эта нужда порождала среди некоторых рабочих упадок духа, кое-кто из забастовщиков жаловался, что их соблазнили, что они ошиблись в расчете, и снова спустя несколько дней становился на работу [39].

8 сентября впервые появились (или, быть может, впервые были замечены и сорваны полицией) рукописные прокламации, обращенные к рабочим и призывающие их к забастовке. «Мания стачек захватывает также и женщин»,— пишет префект, отмечая стачку работниц, требовавших также увеличения платы и собрание которых было разогнано национальной гвардией [40]. Заволновались и кузнецы. Они с давних пор были разделены на две враждующие корпорации, неоднократно ознаменовавшие свои ссоры кровавыми потасовками: это были старинное, знаменитое товарищество *du dévoir* (которое в этой профессии было всегда сильно) и так называемые *gamins*. И вот, обе корпорации соединились в начале сентября 1830 г. во имя общих интересов [41]. Решено было потребовать одновременно у хозяев увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня, а в случае отказа — всем покинуть Париж до 15 января следующего года, т. е. на четыре с лишком месяца. Они собрали большой (относительно говоря, по тому времени) стачечный фонд в три тысячи франков; обе организации внесли свою долю. Префект замечает от себя, что кузнецы, по существу, правы в своих требованиях, но, «к несчастью, это дело, в которое власть не может вмешиваться» [42]. Но почему же власть вмешивалась в дело рабочих типографии Галиньяни и воспрепятствовала уступкам, на которые был готов хозяин, как мы видели? Этого объяснения мы в наших документах, конечно, не нашли.

Во всяком случае стачка кузнецов очень тревожила власти, и префект полиции рекомендовал министру и королю, для которых писались эти ежедневные бюллетени, обратить на них более серьезное внимание. Его поражали именно сдержанность и спокойствие забастовщиков [43], а также его беспокоило и упорство хозяев. В самом деле, тут капитал и труд стали друг против друга в полной боевой готовности: в то самое время, как рабочие-кузнецы собрались и вынесли свою резолюцию о стачке,— и хозяева тоже собрались и вынесли резолюцию не уступать требованиям рабочих под страхом индивидуального штрафа (с каждого уступившего хозяина) в 500 франков; а в случае упорства, выписать рабочих из провинции. Забастовка началась

9 сентября и некоторое время продолжалась при полной решимости обеих сторон не уступать друг другу. Хозяева на первых порах решили самолично исполнять в своих мастерских работу своих ушедших рабочих. Власти не переставали надеяться на «время», которое должно образумить обе упорствующие стороны и показать им, что они друг без друга не могут обойтись [44]. С 14 сентября кузнецы начали активную борьбу с нарушителями стачки, и полиция приступила к розыску и аресту виновных в активных выступлениях против штрейкбрехеров. Но кузнецы оставались совершенно тверды, и уже с 18 сентября начинают появляться симптомы готовности со стороны хозяев вступить в переговоры с бастующими, так же как со стороны бастующих возобновить сношения с хозяевами [45].

Тем не менее стачка кузнецов продолжалась. Кузнецы по-прежнему держались осторожно и даже борьбу с нарушителями стачки вели «косвенными» путями [46]. Упорство хозяев, явно неправых на этот раз, очень раздражало префекта полиции. Это упорство было заразительно.

Дело в том, что слесари — слой очень многочисленный и важный в Париже — переживали перемежающуюся стачку. В тот момент, когда забастовали кузнецы, слесари было стали на работу, но их хозяева, под прямым влиянием хозяев кузнечных мастерских, вздумали взять назад сделанную уступку (сокращение рабочего дня) и, по предварительному сговору, заявили, что рабочий день будет по-прежнему 11 часов. Тогда слесари-рабочие снова забастовали и стали тотчас же снимать с работ всех слесарей города. Затем слесари отправили депутацию к префекту, который, правда, заявил им, что он не может нарушать свободу промышленности и вмешиваться в их отношения с хозяевами, но решил употребить все влияние на хозяев, чтобы ликвидировать конфликт [47].

Около 26 сентября, наконец, стачка кузнецов окончилась компромиссным соглашением с хозяевами; к сожалению, документы не дают деталей [48]. Почти одновременно, и тоже миролюбиво, окончилась стачка столяров. Компромиссом окончилась и стачка шляпочников [49]. Но стачка слесарей еще возобновлялась частично из-за неисполнения хозяевами условий соглашения [50].

Вообще, быть может, под влиянием организованной и твердо проводимой стачки кузнецов, с середины сентября заметно оживляется стачечное движение в столице, как будто несколько поослабевшее пред тем. Бастуют слесари, снимая активно с работ рабочих одной мастерской вслед за другой; бастуют vidangeurs, и хотя против них высылается отряд национальной гвардии, рассеивающий их собрание, стачки их, перемежаясь, не прекращаются; бастовали, как сказано, рабочие шляпочных мастерских. Оказывается, по собранным полицией справкам, что

у шляпочников («принадлежащих к одному тайному товариществу») имеется, во-первых, касса, которая позволяет им успешно бороться с хозяевами, а во-вторых, существует между ними обычай, по которому хозяева не могут принимать учеников со стороны (не имеющих, очевидно, отношения к этой организации). На почве нарушения хозяевами этого запрета и возникла отмеченная выше забастовка между парижскими шляпочниками 16 сентября 1830 г.[51]

Стачка проводилась активно, так же как одновременно вспыхнувшая стачка выделывающих ремни кожевников[52].

Непрерывные известия о новых и новых то подготовляющихся, то вспыхивающих, то обостряющихся стачках среди рабочих самых разнообразных профессий одолевали власти, которые приписывали этот взрыв рабочего движения причинам не экономическим, но политическим, проискам таинственных «врагов порядка», которые решили использовать рабочих в своих целях[53]. Какой-то рабочий ковровой мастерской похвалялся тем, что вот он не работает, а деньги у него есть. И рабочие ковровых мастерских, соблазненные, забастовали почти все: таковы соображения, наводящие префекта на глубокомысленные догадки о таинственных закулисных врагах порядка[54], хотя сам же префект говорит и о дороговизне хлеба, и об общем тяжелом положении рабочих. Но это все как-то у него в голове мирится и уживается. И не у него одного в эту эпоху.

Вспыхнули в конце сентября 1830 г. волнения и на земляных работах, открытых по повелению нового правительства, за счет г. Парижа, в самом городе и его окрестностях, вскоре после Июльской революции, со специальной целью уменьшить количество безработных в городе. Изданный для них префектом Сены тариф заработной платы их не удовлетворил, и они затеяли общей массой идти к зданию ратуши. Процессия была, однако, не допущена полицией, и префект был необычайно раздражен всем происходящим. Он советовал властям поскорее перейти к политике репрессий, так как убеждения на рабочих не действуют[55]. Но до волнений на земляных работах не дошло. И даже когда префект Сены, во-первых, удалил всех, кто раньше не занимался земляными работами, и, во-вторых, воспретил принимать вообще на эти работы новых рабочих, то и это обошлось без осложнений[56].

С наступлением холодов и дальнейшей безработицей эти земляные работы пришлось, однако, расширить. Правительство, однако, скупилось на средства, хотя полиция очень просила о кредитах на эти работы.

Ее беспокоили политические противники и их агитация среди пролетариата. Но политика, в точном смысле слова, мало занимала умы рабочих.

Чисто политические заявления в рабочей среде подслушиваются полицией редко — и всякий раз докладываются министру и королю чрез бюллетень префекта полиции. Например, рабочий на земляных работах сказал, что он не видит никакого улучшения в своей участи и что можно было и не делать последней (т. е. Июльской) революции [57]. По сведениям полиции этот рабочий будто бы получал пенсию в 120 франков из сумм Карла X. Чаще, впрочем, наблюдается не легитимистская, а республиканская агитация.

2 и 3 октября 1830 г. была сделана попытка (частью кузнецов, от 150 до 400 человек) возобновить забастовку и потребовать прибавки заработной платы в 1 франк в день [58].

Стачка в самом деле возобновилась, хотя, по-видимому, и не вполне в таких размерах, как в первый раз. Первым толчком к ней был отказ некоторых хозяев, ввиду отсутствия дел, платить столько, сколько было условлено по соглашению. Стачка продолжалась от 2 по 7 октября; были пущены в ход меры (без прямых насилий) против штрейкбрехеров. Около 600 человек наиболее активных ходили по всем кузнечным мастерским, советуя бросать работу. Постепенно начались и случаи нападения на хозяев. Префект на этот раз арестовал нескольких кузнецов (в первую стачку он их оставил в покое). Процессия кузнецов была рассеяна 7 октября отрядом национальной гвардии.

9 октября работы в кузнечных мастерских возобновились. На этот раз победа была больше на стороне хозяев. По крайней мере некоторые из них даже не приняли обратно кое-кого из забастовщиков «с целью наказать за долгое упорство» [59].

К началу зимы 1830 г. отсутствие сбыта и безработица в Париже значительно усилились. Фабриканты все более и более сокращали свой штат, и власти совсем серьезно обеспокоились, наблюдая настроение рабочей массы, и просили высшее правительство о скорейшем открытии общественных работ, по крайней мере для 10 000 человек. Иначе агитация врагов правительства может привести к смутам [60]. Существующие уже работы (ateliers de secours) совершенно не достаточны.

Примерно с средины октября торговый и промышленный кризис сбыта стал сильно сказываться па Париже [61]. Власти с беспокойством взирали на рост безработицы, ожидая от этого новых политических затруднений для правительства. А к тому же цены на хлеб все повышались в столице [62]. Забастовки становятся все реже, именно вследствие роста безработицы. Но все же они не прекращаются. В начале ноября снова вспыхнула стачка рабочих шляпных мастерских. Шляпочники собрались большой массой, произошли аресты, вызвана была против их сборища на улице национальная гвардия. Арестов было много. Стачка окончилась почти непосредственно после этих арестов

уже 4 ноября [63]. Провал стачки на этот раз объяснялся, между прочим, истощением кассы взаимопомощи, которая была как бы их стачечным фондом. Еще 5 ноября происходили кое-какие собрания шляпочников, но уже движение среди них временно снова приостановилось.

Ноябрь был в общем, особенно в начале и середине, спокоен. Но кризис продолжался: магазины полны товара, фабрики бездействуют, хозяева ежедневно принуждены увольнять рабочих, а между тем зима приближается. Во имя общественного спокойствия на будущее время префект просит найти какие-либо новые работы [64].

Безработица в ноябре и декабре 1830 г. так страшно усилилась, что общественные работы, главным образом земляные, выступили на первый план. К 2 декабря 1830 г. в Париже на этих работах (имевших исключительно благотворительный, а не коммерческий характер) работало уже 2184 рабочих [65]. Но это была, по утверждению префекта, лишь небольшая часть безработных. Число же безработных росло с каждым днем, и это становилось вопросом грозным [66]. 11 декабря на общественных работах было уже 2670 человек [67]. В средине декабря застой в делах и безработица растут в ужасающих размерах. Рабочие получали на общественных работах 25 су (1 фр. 25 сант.), и префект просил о расширении работ, о том, чтобы можно было кормить до 10 000 безработных [68].

16 декабря на общественных работах было уже 2868 человек. Но кредиты на 10 000 отпущены не были. Тогда префект приступил (в очень, правда, скромных размерах) к выдаче в каждом полицейском участке ежедневно до 200 фунтов хлеба наиболее голодающим [69].

23 декабря на общественных работах уже было 7420 человек [70], а без Сен-Дени — 5220 человек; 3 января — 8111 человек; когда префект, не имея кредитов, уволил 1500 женщин, то произошла очень внушительная и шумная манифестация пред префектурой, рассеянная полицией [71]; 4 января рабочих на этих работах было 8276 человек; 5 января — 9057. 8 января были волнения в одном из участков этих работ; рабочие требовали немедленной уплаты за один день, за который им платить должны были позже. Префект не удовлетворил их требования и пригрозил закрытием работ [72]. 12 декабря рабочих тут было уже 9459 человек. Решено было приступить к сокращениям. Сокращения начались 14 января 1831 г., и сразу число рабочих упало до 7840 человек. Были приняты все предосторожности, припасены войска и пр., но все прошло спокойно. 15 января число рабочих было уже 6554; 16 января — 4591 человек.

Оставшиеся рабочие попали сразу под суровую ферулу. Власти уже не боялись их [73]. Вообще закрытие этих работ стало

вопросом близкого времени. 20 января было большое собрание на улице уволенных рабочих, говорили о посылке депутации к королю [74]. Ничего не помогло. Решением муниципального совета почти все работы были с 27 января закрыты. Осталось на коекаких работах временно еще 1561 человек [75].

Возбуждение в рабочем классе, не проходившее после Июльской революции, неминуемо должно было в отдельных случаях обратиться и против ненавистного врага, против машин.

20 января 1831 г. толпа работающих в портняжных мастерских отправилась к мастерской Гомбэра с целью истребления швейных машин. Прибыл отряд, арестовавший 75 человек [76], и предотвратил нападение. Но месяц спустя полиция опять получила уведомление, что существует (вообще в рабочей среде) тенденция возбудить волнения с целью уничтожения машин [77]. Что же касается чисто политических целей, то власти их в эти дни совсем не усматривают у рабочих. Полиция прямо отмечает, что рабочие мало интересуются процессом министров Карла X. А ведь, с одной стороны, редко когда положение столичного рабочего класса было таким отчаянным, как в эти последние недели 1830 г., с другой стороны — редко когда республиканцы делали больше усилий, чтобы создать движение против Июльской монархии [78].

Процесс министров Карла X в ноябре 1830 г., как известно, был первой по времени пробой сил между республиканской партией и правительством Луи-Филиппа, и длительные и серьезные волнения, поводом к которым послужил этот процесс, также очень удручающе сказались на общем притоке капиталов и на всей французской торговле, особенно (и прежде всего) на сбыте предметов роскоши, т. е. на очень важной статье столичной промышленности. Положение торговли и промышленности поздней осенью и зимой 1830 г. было в высшей степени тягостным [79]. Безработица росла. «С печалью и тревогой» собирались,— по наблюдениям полиции,— ежедневно рабочие, ищущие работы, на обычных местах, и немногие ее получали (например, 22 ноября из 540 работу получили 100) [80].

Рабочие в очень несчастном положении,— такова постоянная нота в докладах префекта парижской полиции в это время [81]. 1 декабря из 690 «мало кто» получил работу [82].

Кончается эта зима 1830/31 г.— и все-таки по-прежнему дела в Париже идут вяло и положение рабочего класса очень невеселое [83]. На этой почве 2 марта 1831 г. разыгрались новые волнения; толпа безработных с враждебными администрации криками устремилась к городской ратуше и была рассеяна национальной гвардией [84]. Сборища продолжались и на следующий день; произошло немало арестов, и в конце концов вызвана была кавалерия, которая и рассеяла безработных. В конце марта волне-

ние проявилось среди каменщиков; природа этих волнений из документов не могла быть выяснена. Известно лишь, что каменщики собирались идти с петицией в палату депутатов и были рассеяны полицией [85]. «Нищета все еще велика, и нужда в занятиях все еще живо дает себя чувствовать между рабочими»,— не перестает твердить префект [86].

Но чисто политические вопросы рабочих в то время не занимали. В мае 1831 г. опять на политическом горизонте и внутри, и вне страны неспокойно, но префект доносит, что рабочие совсем не занимаются политикой и не одобряют виновников беспорядков [87].

Полицейская соответственная пропаганда стремилась не только способствовать и дальше этому равнодушию рабочих к политике, но и направить враждебное внимание рабочих против ненавистных республиканцев.

Полиция с успехом внушала рабочим, что безработица происходит от упадка торговли и промышленности, обусловливаемого республиканскими восстаниями и покушениями.

Бывали также случаи (с половины 1831 г.), когда рабочие по своей инициативе арестовывали предполагаемого революционера и вели его в полицию с криками: «Вот еще республиканец, который хочет нас мутить, пора покончить с этими канальями» [88] и т. д.

Для самых многочисленных категорий рабочего класса в Париже, именно для рабочих, занятых строительным делом, обычной заработной платой пред Июльской революцией и в год Июльской революции можно считать 1 франк 20 сантимов — 1 франк 50 сантимов в день; и отмечалось как нечто необычайное, когда (например, в средине апреля 1831 г., значит в самом начале строительного сезона, когда рабочие руки были особенно дороги) рабочие решались запросить 2—2½ франка в день [89]. Но 1 франк 50 сантимов при некотором вздорожании продуктов за 1830—1831 гг. был для Парижа суммой, которой не на многое могло хватить.

11 марта 1831 г. рабочие (да еще в равной доле со студентами) приняли участие в уличной манифестации республиканского характера. Они прошли по Сен-Марсельскому предместью и направились в Сент-Антуанское, «чтобы поднять рабочих», но это им не удалось, и они на обратном пути были рассеяны полицией [90]. Тут говорится «об обманутых в своей надежде студентах», но никак не поясняется присутствие рабочих в инициативном ядре манифестации.

В конце августа 1831 г. начинаются то там, то сям сборища, где иной раз держатся «возмутительные» речи. Так, в Шатле, в центре одного из тогдашних рабочих кварталов, 19 августа произошло сборище, и полиция арестовала оратора и разогнала

собравшихся. При аресте оратора было оказано сопротивление[91]. Одна из серьезных причин к возникновению нервного настроения среди рабочих заключалась в быстро росшей дороговизне хлеба. Это был предмет нескончаемых жалоб со стороны рабочего класса[92].

Большие рабочие волнения в Париже, на улице Кадран, в начале сентября 1831 г., были вызваны установкой машины на мануфактуре шалей Бижона, причем эта машина понизила расценку женского труда на мануфактуре с 1 франка 10 сантимов до 35 сантимов[93]. Это жестоко задевало интересы *полуторы тысяч* работниц, занятых не только в мастерских Бижона, но и у других хозяев. Именно они и начали собираться большими толпами на улице, требуя уничтожения машин. С другой стороны, в разгаре беспорядков опубликовано было успокоительное извещение, что эти новые станки прибыли не из Англии (рабочие больше всего страшились английских машин), а из Лиона, и что каждый станок (а всего их только два) делает работу 5—6 работниц, и их заработная плата не будет понижена[94]. На другой день после этого успокоительного извещения, которому никто не поверил, волнения возобновились с утроенной силой.

Вот как рисуют наши документы ход дела. 5 сентября 1831 г. в 2 часа дня толпа в 200 работниц собралась на Монмартре, на улице Кадран, с явным намерением идти на мануфактуру Блана, чтобы уничтожить машину для изготовления шалей. Отряд национальной гвардии прибыл для охраны мануфактуры. Три женщины были при этом арестованы. При этом выражались «горькие жалобы на недостаток работы и растущую нищету»[95]. Это было началом. Волнения возобновились на другой день. План был тот же: разбить машину. Шестеро из работниц успели уже проникнуть в здание, но были арестованы. Весь день толпа не расходилась и не уменьшалась, а к вечеру усилилась. Вечером произведено было много арестов между женщинами[96], но ни о каком успокоении и речи не было. На третий день сборища, все увеличиваясь, не переставали осаждать мануфактуру, охраняемую войсковым нарядом. К вечеру разбиты были фонари на всей улице Кадран. 24 человека рабочих и работниц было снова арестовано.

8 сентября волнения возобновились и приняли серьезный характер. Полиция очистила от собравшихся улицу Кадран и прилегающую улицу, но к вечеру толпа, значительно увеличившись, явилась вновь. Снова в 8 часов вечера последовала общая атака на толпу, причем на помощь полиции были вызваны отряды линейных войск. К $10^1/_2$ часам вечера спокойствие возобновилось. Но волнение в умах обывательской массы было сильное уже после этих трех дней непрерывных рабочих волнений. В этом усмотрели симптом неустойчивости всего политического поряд-

ка — как в мягких и описательных выражениях дал понять королю и министру внутренних дел и префект полиции [97].

9 сентября собрания рабочих и работниц поблизости от угрожаемой мануфактуры продолжались снова. Уже обыватели (les habitants paisibles) выступили на помощь полиции и войскам, и произведены были снова многочисленные аресты еще утром, по указанию «мирных жителей» [98].

Дело в конце концов приняло такие размеры, что сам председатель совета министров Казимир Перье, в сопровождении маршала Лобо, штаба национальной гвардии и сильного кавалерийского эскорта, должен был явиться на место происшествия [99].

Еще 25 сентября все комиссары полиции г. Парижа явились в префектуру и единогласно доложили своему начальству о нужде рабочего класса. Они были полны тревоги при мысли о надвигающейся зиме [100]. Да и префект, со своей стороны, полагал, что могут грозить большие волнения, при слагающихся обстоятельствах. Мрачное спокойствие (une tranquillité sombre), пока царящее среди рабочих, нисколько его не успокаивает. До него со всех сторон доходят сведения о *зловещих решениях* (des résolutions sinistres), которые принимаются уже теперь, в сентябре, рабочими. И рабочие волнения в наступающую зиму могут стать гораздо более страшными, чем раньше бывшие, так как рабочий класс примет в них более общее и активное участие [101].

Прежняя мысль о необходимости предпринять какие-нибудь обширные работы, чтобы уменьшить безработицу и этим отдалить рабочий класс от республиканских агитаторов, постоянно и очень настойчиво поддерживается префектурой [102]. И хотя префект — очень тонкий придворный льстец и после нескольких дней спокойствия уже доносит королю и министру: «наша история становится скучной, как история счастливых народов» [103],— но он не перестает напоминать о необходимости решиться на большие расходы, чтобы рабочие «видели, что ими занимаются». И вместе с тем «не следует предаваться иллюзиям: зло очень велико»; чтобы измерить распространение зла, стоит сравнить регресс некоторых отраслей промышленности хоть за последний год: сравнить положение в октябре 1831 г. с положением в октябре 1830 г. «Результаты удручающие» [104].

При этих обстоятельствах немудрено, что выход революционного памфлета «Prospectus des instructeurs du peuple» очень взволновал власти. Это война тех, кто не имеет ничего, против тех, кто имеет,— так формулирует его содержание префект полиции в докладе королю и министру внутренних дел. Именно социально-революционный характер памфлета больше всего встревожил префекта [105]. Памфлет был немедленно же конфи-

скован полицией. По мнению профекта, есть и хорошая черта в появлении этого произведения: он «оживит усердие» буржуазии [106].

Но нужно было снова пойти на большие расходы, чтобы дать голодающему парижскому рабочему люду возможность пережить эту тяжелую зиму.

Меры были приняты. Затеяны были работы (уже имевшие вид и характер настоящих, крупных предприятий), которые в одном Париже должны были в предстоящую зиму 1831/32 г. дать заработок 10 000 человек [107]. Это были работы типа и характера тех, которые спустя двадцать лет были затеяны и выполнены бароном Оссманом при Наполеоне III, хотя теперь, при Луи-Филиппе, все это было в несравненно меньших размерах. Но эти работы, по существу своему, очень отличались от спешно затеянных, чисто благотворительных, в общем довольно фиктивных земляных работ, бывших предшествовавшей зимой 1830/31 г., хотя первое побуждение к их открытию было то же самое: уменьшить опасную безработицу. Но в конце октября, сверх того, стало замечаться определенное улучшение в столице общей экономической конъюнктуры [108]. Только еще каменщики и красильщики жаловались на недостаток работы; правда, строительный сезон всегда кончался с наступлением холодов [109].

Рабочие выступления становятся к зиме реже. Пирожники волнуются из-за кокого-то угрожающего им письма [110]; булочники протестуют против найма хозяевами новых учеников чрез посредство особых новых контор [111]; рабочие (на земляных работах) кое-где неспокойны [112]; то опять булочники собираются с целью разгрома контор по приисканию занятий [113].

Земляные работы давали кое-какой заработок части безработных. Полиция делала усилия использовать открытие этих работ в целях агитации в пользу нового режима.

Листовка явно правительственного происхождения, вышедшая в свет тотчас после того, как было решено открыть общественные работы, представляет дело так, что главное средство к уврачеванию зла открыто. Тут же повторены слова воззвания об открытии этих работ, где указывается, что рабочим предлагается не милостыня, но работа [114] и т. д.

К слову заметим, что это литературное поползновение привлечь рабочих к новому правительству не было одиноким явлением в описываемый момент.

Весьма слащавая попытка увеличить популярность Луи-Филиппа среди рабочего класса сделана каким-то анонимом в двух брошюрах, вышедших в 1831 г. и носящих название: «Жак Боном своим товарищам-рабочим» [115]. Тут рассказывается, что король для рабочих — отец; что он предпринял специально работы в Тюильри, чтобы прокормить 200—300 рабочих; что он, в

круглой шляпе, с зонтиком и в калошах, без всякой охраны, беседует с рабочими; а «наша королева лишает себя всего, чтобы облегчить положение несчастных» и т. п. Что касается лионского восстания, то его устроили иезуиты и приверженцы Бурбонов; там (в Лионе) есть не только белые иезуиты, но и красные, а именно сен-симонисты. Сен-Симон же был вельможа, grand-seigneur, очень дурной человек и, вдобавок, сумасшедший [116]. Претензии же рабочих были неосновательны, и их исполнение невозможно.

Эти брошюры так наивны и бездарны, что, конечно, не могли иметь влияния на массу.

Гораздо ярче совсем иного характера брошюра. В очень ядовитом, ироническом тоне (и превосходно с литературной стороны) составлена эта книжечка в несколько страниц рабочим часовой мастерской Шарлем Беранже (приложившим свой точный адрес) [117]. Он тоже вспоминает, как тотчас после Июльской революции либералы говорили рабочим: «вы первый народ в мире»,— потому что рабочие спасли их «от виселицы и гильотины», куда либералы попали бы, если бы Карл X победил; и как очень скоро перестали так говорить и вообще предоставили пролетариям умирать голодной смертью. Он иронизирует над манерой либералов и властей Июльской монархии натравливать рабочих на приверженцев павшего короля Карла X, так называемых *карлистов* (это название держалось недолго и вскоре окончательно уступило место термину «легитимисты»). «Вот уже шесть месяцев, как я безработный, так же как мои друзья: причина тому — карлисты; хотели разбить машины — это карлисты; у либералов нет сердца; чтобы отозваться на страдания пролетариев,— карлисты создали из этого заговор; торговля идет плохо или вовсе не идет — это карлисты сократили свои расходы; хлеб дорог — сердитесь за это на карлистов». Рабочий Шарль Беранже очень хорошо понимает, почему либеральная палата не пускает в свою среду рабочих: «Нет ничего столь опасного, как красноречивый пролетарий!». Он приводит два примера: Спартак в древнем Риме и Христос в Палестине. (Говоря о Спартаке, автор приравнивает вполне древних рабов к современным пролетариям). Еще пока были иезуиты во Франции, они хоть давали милостыню, а теперь и этого нет. Автор говорит все в том же скорбно-ироническом тоне, что он лично не любит иезуитов и что его мороз подирает по коже при слове «милостыня»,— но что же делать? Отцу семейства лучше жить милостыней, чем умереть от свободы. «Я знаю, что такие фразы не очень конституционны; чтобы заставить меня замолчать, дайте мне работу...» [118] Сильное впечатление производят как бы мельком вставленные слова, напоминающие читателю, что автор уже проел за шесть месяцев безработицы все,

что имел, и его вместе с женой, детьми и матерью ждет настоящий голод. «В продолжение шести месяцев я потерял обыкновение работать. Тем не менее жена, дети, мать и я сам — мы не потеряли обыкновения есть...»

Мы видим, что горькое чувство какого-то обмана, какого-то тяжкого разочарования было в душе представителей рабочего класса в эти первые времена после Июльской революции. При этих-то условиях в Париж стали прибывать уже в самом конце 1831 г. неожиданные, как громом всех поразившие, известия из Лиона. Нужно сказать, что *непосредственное* их влияние на парижскую рабочую массу не сказалось особенно сильно.

Некоторые проявления стачечного движения отмечаются в самом начале декабря 1831 г. на двух мануфактурах в предместье Сен-Жак, но дело окончилось спустя несколько дней уступками со стороны предпринимателей.

Несколько иной характер получила стачка, начавшаяся тогда же, 2 декабря 1831 г., в Нуази (Noisy-le-Sec) под Парижем, на работах по постройке фортификаций. Рабочие требовали увеличения заработной платы и, получив отказ, грозили выступить в количестве 10 000 человек, «чтобы последовать примеру лионских рабочих» [119]. Большая воинская часть немедленно была отправлена на место происшествия. Но директор работ пошел на уступки, и все уладилось [120].

Но все-таки Лион взволновал рабочих. И после нескольких успокоительных заверений, что все обстоит благополучно, что о Лионе забыли, что Лионом не интересуются, что будто Лиона и не было [121], вдруг префект принужден, с явным сокрушением и вполне неожиданно для усердно им успокаиваемого Луи-Филиппа, заявить: «Замечалось больше волнения в умах, особенно среди рабочего класса. Замечают, что агитаторы обрабатывают эту часть населения, постоянно представляя им пример лионских рабочих». Начинающееся возбуждение (это тоже характерно для момента) прежде всего выразилось в стремлении снова поставить на очередь вопрос о насильственном уничтожении машин. Полиции пришлось, уже начиная с 4 декабря 1831 г., думать о мерах против этих проектируемых нападений на машины [122]. Угрожаемые фабрики были охраняемы некоторое время полицией, и нападение на машины не состоялось. Правда, 12 декабря в Сент-Антуанском предместье рабочие обойных мануфактур уже даже собрались толпой, чтобы идти против некоторых фабрикантов, но прибывшая национальная гвардия и полиция остановила дело [123].

Нужно отметить, что непрекращающийся глухой, но слышный ропот в рабочей среде, стачки, волнения рабочих — все это незадолго до лионского восстания стало серьезно привлекать к себе внимание революционно настроенных республиканцев.

Уже не в первый раз наблюдался этот интерес к рабочим в республиканской партии.

Собственно у республиканцев прорывалось, именно после Июльской революции, признание неотложности и особой остроты рабочего вопроса. Центральная организация республиканской партии, создавшаяся на третий день Июльской революции, 30 июля 1830 г., «Общество друзей народа», обнаруживает большое внимание к окружающей действительности и большое (даже удивительное для тех времен) понимание экономической истории, когда в третьей части своего «Манифеста» говорит: «...на мгновение умеряют волнение, давая рабочим работу,— и уже не думают о том, чтобы уничтожить ужасающую несоразмерность, которая существует между трудом и заработной платой. Не знают, что с XII столетия положение рабочих становилось все менее выгодным, в обратной пропорции к увеличивающимся успехам промышленности [124].

Все эти мысли и настроения как будто заглохли на время у республиканцев, но с половины 1831 г. проявились вновь и более настойчиво.

В первой же своей программной статье «Общество друзей народа» заявляет, что обращается *исключительно* к рабочим всех профессий, без которых высший свет не имел бы что в рот положить,— к ремесленникам и крестьянам, к людям мозолистых рук, которые представляют собою $^{11}/_{12}$ всего населения, «ко всем, кто работает, производит и страдает в пользу немногих, ничего не делающих, потребляющих и наслаждающихся» [125].

Дальше, в этой же программной статье, орган республиканской партии называет рабочих геройскими пролетариями, умеренность и честность которых после победы в июле 1830 г. могут сравниться лишь с их храбростью во время сражения, и с негодованием, хотя и вскользь, говорит о нападениях войска на рабочих, которых голод гонит на улицу.

Республиканцы не переставали нападать на несправедливость в распределении экономических благ между богатыми и бедными, больше всего останавливаясь на несправедливом распределении налоговых тягот, поражающих гораздо сильнее неимущего, чем богатого [126], и т. д. Но никаких тактических указаний и политических директив рабочему классу при этом не дается, кроме намеков на общую и единую панацею от всех зол — провозглашение республики.

Опираясь на часть буржуазного класса, партия и не могла выдвинуть лозунгов чисто пролетарских. Но и то, что приведено выше, очень знаменательно для эпохи.

Необычайно интересную, с нашей точки зрения, статью мы находим также в резко оппозиционном «National» за полтора

месяца до лионских ноябрьских событий, 8 сентября 1831 г. Автор этой передовой статьи признает, что, может быть, Июльская революция 1830 г. в самом деле была «предостережением для собственности» [127]. Но и «все революции, которые воспользовались нищетой и энергией низших классов, имели своим последствием то, что принцип собственности был подвергнут опасному испытанию». Например, и в Великую революцию за якобинцами явились враги принципа собственности. Но «общество, как бы потрясено оно ни было, оказалось сильнее их, оно их задушило, и рациональное развитие революции 1789 г. не пошло дальше, потому что здесь сила вещей была более могущественна, чем логика». Автор не считает принцип собственности категорией вечной. «Когда-нибудь собственность подвергнется нападению, мы в этом не сомневаемся; она подвергнется нападению, как это случилось последовательно с рабством, феодализмом, владычеством духовенства, аристократической привилегией, наследственностью верховной власти, но такая, как она сейчас существует, она еще имеет пред собой столетия жизни». Собственность уцелела от всех бурь, потому что «массы в нее верили», потому что собственность им казалась не привилегией, а правом. И теперь, в 1831 г., спустя сорок лет после Великой революции, низвержение права собственности еще менее возможно, чем тогда, потому что достигнуть собственности стало для масс легче, чем было тогда. «Можно будет внедрить в головы раздраженных и страдающих людей идею грабежа, но никогда идею общности имущества...» «Грабят не затем, чтобы уничтожить собственность, но чтобы завладеть ею в свою очередь, и никогда никакое усилие с целью осуществления утопии общности имуществ не придет снизу,— а сверху» [128]. Орган республиканского крыла буржуазии выражает дальше убеждение, что постепенно собственность будет распространяться все в бо́льших и бо́льших массах и этим предотвратит катастрофу. «Нет войны между теми, кто желает собственности, и теми, кто ее не желает; эти последние не принимаются в расчет ни при каком нынешнем споре, так их мало. Но серьезная борьба, борьба реальная, о которой серьезно нужно подумать,— это борьба между крупной и мелкой собственностью».

Тут явно намечены те социальные расхождения, которые в феврале 1848 г. сделали возможным низвержение трона Луи-Филиппа.

Все эти события и настроения в столице волновали и тревожили власти — и вдруг грозный призрак рабочего восстания встал пред глазами правительства.

Мы подошли вплотную к этому грандиозному явлению, к первому чисто рабочему революционному восстанию новейших времен.

Глава IX

ЛИОНСКОЕ РАБОЧЕЕ ВОССТАНИЕ

Лионская промышленность и лионский рабочий класс перед восстанием. Непосредственные причины восстания. Битвы на улицах и победа рабочих. Владычество рабочих в Лионе. Подход войск наследника. Конец восстания. Впечатление, произведенное восстанием. Всемирно-историческое значение лионского восстания

Лионские события 1831 г. нельзя рассматривать как нечто внезапное. Они были подготовлены всем предыдущим ходом развития. Мы видели, что борьба экономическая (стачечная по преимуществу) не прекращалась в течение всего периода 1814—1830 гг. Мы видели, что иногда эта борьба кончалась кровопролитием, что доведенные до крайности рабочие и в других случаях (в деле борьбы против машин) решались на открытые выступления; мы ознакомились, наконец, с особенно упорным и длительным, в сущности не прекращавшимся от самой Июльской революции, брожением среди рабочего класса. Мы знаем, что активные, прямые выступления рабочих случались иной раз при самых, казалось бы, безнадежных условиях и что при видимой аполитичности рабочего класса он уже с 1830 г. оказался готовым поддержать любое революционное движение, хотя и не был еще способен сам его начать. Теперь мы, подходя к лионским событиям, должны прежде всего уяснить себе общие экономические условия, вызвавшие их, постараться воспроизвести как можно точнее самый ход событий и, наконец, постараться определить их основное историческое значение.

В этом восстании рабочие были не главными, как в Июльскую революцию, а единственными его участниками; не последователями, а инициаторами; лозунги были не чужие, а их собственные. Поколение социалистов, в том числе Маркс и Энгельс, Прудон и Бланки, в свои юношеские годы постоянно слышало воспоминания и отголоски этой первой чисто рабочей революционной борьбы. Лионское восстание 1831 г. положило историческую грань в истории рабочего класса не только Франции, но всего мира. Говорили, что русский рабочий после

9 января 1905 г. и до этого дня — разные люди, мало похожие друг на друга. Положительно можно сказать, что французский рабочий до лионского восстания и он же после этого события — тоже разные люди. Отношение к власти у рабочего с этих пор сильно меняется. Революционная традиция, заглохшая было со времен Великой революции, пробужденная, но еще очень мало, в июльские дни 1830 г.,— после лионского восстания вступает в свои права.

1

Прежде всего посмотрим, каково было положение лионских рабочих к моменту ноябрьских событий 1831 г.

Лионские шелковые мануфактуры, с их вековой славой и мировыми рынками сбыта, пережили в эпоху Великой революции очень тяжелый период, поправились, но тоже с очень большими и болезненными перебоями, при Наполеоне, а при заключении общего мира в 1814—1815 гг. снова стали делать хорошие дела. Прежде всего появился в изобилии материал — шелк-сырец.

Хотя при Наполеоне весь производимый Европой шелк-сырец оказался в полнейшем распоряжении французских фабрикантов шелковых материй, но императорская администрация неустанно продолжала разузнавать о новых местах, где культура шелковичного червя могла бы дать ощутительные для промышленности результаты. В бумагах, относящихся к 1808—1809 гг., я натолкнулся, между прочим, на пакетик с шелком-сырцом; на пакетике была надпись: «Шелк, собранный в окрестностях Одессы» [1].

Эти новые рынки сырья остались за Францией и после падения Империи, а старый, итальянский, даже оказался особенно прочным и надежным.

Вот, кстати, явление экономического быта, которое совсем как-то не попало в литературу о лионском производстве, хотя его отметил уже Стендаль во время своей поездки по Франции в средине 30-х годов XIX столетия. Вплоть до ноябрьского лионского восстания 1831 г. крупные лионские фабриканты выгоднейшим образом обеспечивали себя итальянским шелком-сырцом. Итальянские производители шелка-сырца отправляли его в Лион *в виде залога* за ссуды, которые они получали немедленно от фабрикантов, которые за эти ссуды вдобавок брали с них от 10 до 12%. Сами же фабриканты доставали в Лионе деньги за 4—5%. Получая, таким образом, за эту сделку 6—7—8% чистого дохода, лионские фабриканты вместе с тем всегда имели под рукой запасы нужного им шелка-сырца, лежащего в виде залога у них на складах. Это выгоднейшее для лионских фаб-

рикантов положение вещей прекратилось (или сократилось?) [2] после восстания 1831 г., когда итальянцы, напуганные событиями, стали закладывать свой шелк-сырец в Англии и даже в самой Италии.

В получении шелка-сырца Франция всегда зависела от заграничного ввоза: в 1820 г., например, из Франции было вывезено шелка-сырца всего 12 000 килограммов с небольшим, на сумму 1 094 490 франков, а ввезено было 449 251 килограмм на сумму 20 492 598 франков. Что касается вывоза шелковых материй из Франции, то он был равен в 1820 г. 52 801 100 франкам; вывезено было этих материй 1 055 512 килограммов [3].

Громаден был повсеместный сбор шелка-сырца во Франции и в Италии в 1820 г., а кроме того, большие количества его прибыли тогда же в Бордо, в Гавр, в Марсель из Китая и из Леванта. Шелк-сырец подешевел на 33% [4]. И с 1820 г. уже никаких затруднений в получении сырца не было.

В общих главах, в предшествующем изложении, мы видели, что первые несколько лет Реставрации были для лионского производства временем довольно трудным, но с начала 20-х годов, особенно с 1823 г., положение улучшается: заказы из-за границы заваливают лионских промышленников.

Процветание лионского шелкового производства в 1824 г. превзошло все, что на людской памяти бывало в Лионе. В самые лучшие времена в обработку поступало ежемесячно почти *вдвое* меньше шелка-сырца, чем поступило в марте 1824 г. Рабочих рук решительно не хватало. Промышленное процветание всего района коснулось и других производств: бумагопрядильни в Тараре не успевали исполнять заказы [5].

Страны Леванта особенно много закупали в этом году лионских тканей [6].

В 1824 г. шелковое производство в Лионе процветало, не хватало рабочих рук для исполнения заказов, и «политический дух в городе» был так удовлетворителен, как только может полиция пожелать. Для смутьянов (perturbateurs) никакой почвы в городе нет, разве только, при случае,— демонстрация во время театральных представлений [7].

Весь 1824 год продолжалось это благополучие в Лионе, и в конце зимы 1825 г. оно нисколько не уменьшилось, даже повидимому, еще усилилось [8]. Южная Америка закупала очень много лионских тканей, и вообще иностранные рынки поглощали массу этого товара. Уже в конце февраля 1826 г. было ясно, что работы есть на несколько месяцев вперед: заказы не могли быть раньше выполнены.

Но уже в самом начале 1826 г. в Лионе раздаются жалобы на безработицу. Особенно уменьшаются заказы из Соединенных Штатов и из новых государств Южной Америки.

Положение именно наиболее нуждающейся категории рабочих, работавших над этими наиболее дешевыми материями, становится с каждым днем все затруднительнее. Но характерно тут замечание полиции, как бы пророчески предвосхищающее события 1931 г.: гарнизон г. Лиона слаб, «но если бы общественное спокойствие было серьезно нарушено, то и более многочисленного гарнизона было бы одинаково недостаточно пред лицом столь значительного населения» [9].

Бедствия лионской рабочей массы продолжались в сущности весь 1826 г. Рабочие *выпрашивали* себе работу, работали за крайне пониженную плату. Некоторые просто просили милостыню на улицах. По крайней мере четверть всего лионского рабочего населения находилась в бедственном положении. Этот кризис сбыта связывался с общим промышленным кризисом, постигшим в этом году Англию и другие страны. Но рабочие были покорны, и «ни одной жалобы против правительства не было слышно» [10].

В начале лета 1826 г. лионское производство упало еще больше. По меньшей мере 11 000 станков бездействует. А рабочие, еще имеющие работу, получают ничтожное вознаграждение [11]. Правительство очень оптимистично, тем не менее, смотрело на настроение рабочей массы.

Летом 1826 г., когда рабочие шелковых мануфактур доведены были голодом до того, что просили милостыню *на улице среди бела дня,* когда много рабочих семей и свыше 800 учеников покинуло город,— префект ездил в Сент-Этьенн, где находилась жена наследника, герцогиня Ангулемская, и упрашивал ее проехать через Лион, ожидая «чудесного эффекта» от ее присутствия [12].

С наступлением осени 1826 г. число нищенствующих рабочих шелковых мануфактур в Лионе сильно увеличилось. Безработица оказывалась продолжительной, без надежд на близкое улучшение положения [13].

Кризис 1826 г. в Лионе прямо объяснялся тем, что лионское шелковое производство *пред* этим приняло «гигантские размеры». Власти просили об открытии больших работ, которые дали бы заработок нуждающимся [14].

В следующие два года (1827—1828) общее положение в иные месяцы несколько улучшалось (не было такой острой безработицы, как в 1826 г.), но все-таки прежние счастливые времена не возвращались.

Зима 1828 г. и начало 1829 г. не были временем очень удачным для лионских шелковых мануфактур, тем не менее острого кризиса безработицы *в тот момент* отмечено не было. Напротив, указывалось на большую роскошь и расточительность богатой части населения г. Лиона, что дает будто бы работу и поддер-

живает «деятельность этого большого и населенного города»[15]. Конечно, это объяснение нелепо: лионские мануфактуры были рассчитаны на сбыт в Европе, Америке и Азии, и лионские богачи с их роскошью являлись лишь ничтожной величиной при учете нормального лионского сбыта.

С конца 20-х годов XIX столетия, нужно сказать, прежняя монополия лионских шелков стала гораздо менее исключительной на мировом рынке, чем она была еще до Великой революции или даже при Наполеоне. Еще в начале Реставрации англичане покупали лионских материй приблизительно на 13 миллионов франков в год; а в момент, когда разразилось лионское восстание, не только исчезли из лионского торгового баланса эти 13 миллионов, но еще приходилось считаться с английским *вывозом* шелковых материй, который оценивался в 4 миллиона. Объяснялось это, во-первых, присутствием паровых машин в Англии и отсутствием их во Франции: англичанам обходилось в 50 франков производство такого куска шелковой материи, который лионскому промышленнику обходился в 80—90 франков; во-вторых, англичане извлекали шелк-сырец из Бенгала и других своих азиатских владений, и это было дешевле, чем покупать сырец в Испании и Италии, как приходилось французам[16]. Далее. Австрийское правительство употребляло все усилия, чтобы увеличить шелковое производство в Милане. Распространялось производство и в других странах. Лионское купечество считало, что в 1831 г. в Вене, Эльберфельде, Крефельде, Кельне, Берлине работало 20 000 конкурирующих с Лионом станков, и эти конкуренты очень вредили французам на франкфуртских и лейпцигских ярмарках, где, по старой традиции, весь север Европы (германские государства, Скандинавия, Россия) закупали лионский шелк. Даже на близком, бельгийском, рынке приходилось испытывать голландскую конкуренцию. Испанский рынок,— правда, всегда довольно скудный,— был мало доступен из-за высоких пошлин. Колоний Франция имела тогда очень мало, и они не в состоянии были играть существенную роль как рынок сбыта. Правда, высокие пошлины (от 17 до 20 франков за килограмм ввозимых во Францию иностранных шелковых материй) обеспечивали за Лионом внутренний рынок, но, конечно, этого было мало для города, привыкшего снабжать своим товаром всю Европу и часть внеевропейских стран. Конечно, по качеству с лионским шелком ничто не могло сравниться, но указанные неблагоприятные условия становились с каждым годом все ощутительнее. Глаза лионского торгового класса обращались туда же, куда в эти годы глядели и англичане: к новым, только что освободившимся иберoамериканским государствам, к центрально- и южноамериканским республикам[17], к Греции, причем возла-

гаются надежды «на эхо наваринской пушки», т. е. на симпатии Греции к Франции, принявшей участие в освобождении эллинов. Возлагаются надежды также на «национальную ненависть, разделяющую Бельгию и Голландию», причем предполагается, что эта ненависть вытеснит голландцев из Бельгии и отдаст бельгийский рынок французам. Говорится и о традиционной дружбе с Турцией и о возможной эксплуатации только что приобретенной Алжирской колонии. Словом, вся внешняя политика Франции ярко освещается одними лишь пожеланиями и надеждами лионского торгово-промышленного капитала.

Тем не менее, несмотря на усиление иностранной конкуренции, в 1829 и начале 1830 г. положение Лиона стало улучшаться.

Весной 1829 г. стало наблюдаться, по некоторым признакам, известное улучшение общего положения дел в Лионе. В то время как в январе 1829 г. в лионские мануфактуры поступило для обработки 36 657 килограммов шелка-сырца, в феврале поступило уже 44 155, а в марте 49 439. И однако положение рабочих не улучшилось, заработки остались на низком, зимнем уровне [18].

Дела лионских шелковых мануфактур не настолько поправились, чтобы не приходилось помогать рабочим путем частной и казенной благотворительности [19].

Свободных капиталов в Лионе было столько, что владельцы еле находили для них помещение при самом ничтожном по тому времени проценте (2½% годовых).

С средины июня 1829 г. безработица в Лионе решительно пошла на убыль. Заказов появилось столько, что с уверенностью говорили уже, что рабочим хватит работы до конца года [20].

Впоследствии, в оправдательной записке, вышедшей в Лионе в 1832 г. и никогда никем не опровергнутой в своих чисто фактических утверждениях, префект Роны Дюмолар, уже удаленный тогда в отставку, даже говорит категорически, что вследствие громадных заказов, сделанных американцами, в 1829 г. лионское производство выпустило 600 000 килограммов шелковых материй, что считалось блестящим результатом, а в год революции, т. е. с июля 1830 по июль 1831 г., общая сумма была всего только на 15 000 килограммов меньше цифры 1829 г., признающейся *максимумом* [21]. «Не только все рабочие были всегда заняты, но продолжительность их рабочего дня стала гораздо больше, и 6000 станков бездействовали за отсутствием рабочих рук». Даже все порядочные люди из числа самих фабрикантов,— утверждает префект,— признавали, что «эти несчастные, работая 18 часов в день, не вырабатывали себе на жизнь».

Это последнее утверждение естественно подводит нас к рассмотрению вопроса о лионских рабочих накануне восстания.

2

Прежде всего напомним характерные черты организации лионского шелкового производства.

Руководителями производства являются «негоцианты», «купцы», т. е. предприниматели, которые закупают шелк-сырец, привозят его в Лион и дают заказы хозяевам мастерских, которые уже от себя нанимают за сдельную плату рабочих. Вот три главные категории, участвующие в производстве шелковых материй в Лионе. Присмотримся к ним ближе и прежде всего установим численные взаимоотношения между этими тремя категориями. У хозяина мастерской в Лионе бывало от двух до шести, до восьми станков. Хозяин, его семья и нанимаемые им рабочие работают вместе. Вознаграждение — половина платы, которую получает хозяин мастерской за сработанную материю от негоцианта-заказчика. Рабочий чаще всего живет у хозяина и столуется у него же; за это из его денег хозяин удерживает должную сумму. Выучка подмастерья длится около трех лет, пока он сможет претендовать быть нанятым в качестве рабочего. Хозяева мастерских — это постоянное рабочее население города; рабочие, у них работающие, обыкновенно народ пришлый, уходящий из Лиона, когда наступает безработица, и быстро доходящий тогда до полного нищенства.

Сколько было мастерских и станков в Лионе в рассматриваемый период? Показания цифрового характера сильно расходятся: не забудем, что статистика и собирание статистических данных были в те времена еще в младенческом состоянии.

По данным Лионской торговой палаты, в 1815 г. в Лионе работало в шелковом производстве 14 500 станков; в 1817 г.— 19 000 станков; в 1822 г.— 22 000; в 1824 г.— будто бы 35 000 [22]. Но в 1826 г. происходит кризис, и число станков сокращается до 30 000; этот кризис был общим для всей промышленности Англии и Франции, только в Англии он начался несколько раньше, в 1825 г. Тем не менее с 1827 г. сбыт опять стал возрастать, и частичная безработица уменьшилась, но все же времена стояли для рабочих не особенно радостные. Появилась масса новых рабочих, посвятивших себя этой отрасли производства еще в 1815—1825 гг., когда с каждым годом спрос на рабочие руки становился все больше и больше, и теперь эти новые специалисты оказывались выброшенными за борт. Они с отчаянием цеплялись за всякую возможность не отходить от своей новой специальности и этим, конечно, сбивали и понижали общий уровень заработной платы.

По данным французской комиссии на всемирной выставке в Лондоне в 1851 г. (данным весьма авторитетным и долго выяснявшимся на месте), вот как рисуется количественное

соотношение числа станков в лионской шелковой промышленности за время с средины XVII столетия (для первых времен, т. е. для XIV—XV вв., цифр, по-видимому, сколько-нибудь достоверных выяснить не удалось).

В 1650—1680 гг. в Лионе работало от 9000 до 12 000 станков; от отмены Нантского эдикта до средины XVIII в.— от 3000 до 5000; после 1760 г. — 12 000 станков; от 1780 до 1788 г.— 18 800 станков; за время революции — от 3000 до 4000; при Наполеоне, в 1804—1812 гг., — 12 000; после 1816 г., при замирении Европы, число станков начинает увеличиваться и доходит сначала до 20 000, а в период 1825—1827 гг. до 27 000 [23].

Вот, с другой стороны, по показанию анкеты Виллерме, цифры, касающиеся количества станков и мастерских в лионском шелковом производстве [24].

	Число станков	Число мастерских
В 1826 г.	20 100	8 152
» 1827 »	18 915	8 139
» 1828 »	18 829	7 140

Эти разноречия объясняются тем, что одни говорят о вообще числящихся в мастерских станках, а другие о станках, находящихся в действии в тот момент, когда собираются эти справки.

К концу 1831 г. в Лионе числилось 392 фабриканта (marchands-fabricants) в шелковом производстве [25]. Нужно сказать, что далеко не все эти фабриканты были сколько-нибудь крупными капиталистами. Не только с иностранной, но и со своей, лионской, конкуренцией каждому из них приходилось очень и очень считаться. Понижение цен на материи многим из них представлялось единственным выходом из положения; а так как экономить в производстве на сырце было невозможно — сырец, напротив, все дорожал,— то представлялось более возможным экономить на рабочих руках, другими словами — понижать расценку, сводя ее к «голодной плате».

В 1835 г. в Лионе числилось 8000 с небольшим хозяев мастерских и 30 000 рабочих, не считая учеников и подмастерий. Это — ткачи. Но есть и рабочие, не подсчитанные и не включенные в эту цифру, именно — работающие над первоначальной обработкой шелковых коконов и др. Точно не известно, сколько их; в докладе Girod палате пэров предполагается, что их должно быть тоже около 30 000 (Виллерме считает 27 000 человек), но они не все живут и работают в Лионе.

По подсчетам префекта Роны в 1837 г., вот цифры, указывающие на изменение числа рабочих-ткачей в лионском шелковом производстве в разные периоды [26].

До революции 1789 г.	16 000—17 000
При Империи	12 000
» Реставрации (в 1824—1825 гг.)	27 000
В 1833 г.	40 000

Современники разных лагерей чаще всего сходятся на следующих цифрах, когда пытаются определить численное соотношение сторон в Лионе в 1830—1831 гг.: около 30 000 рабочих, около 9000 хозяев мастерских, около 500 фабрикантов-«купцов», т. е. предпринимателей в точном смысле слова, дающих заказы и сырье мастерским. Другими словами — представителей труда числилось в общем около 39 000, так как в конфликте с предпринимателями хозяева мастерских и их рабочие были совершенно единодушны, и интересы их вполне, в данном отношении, совпадали.

Нужно сказать, что и цифра количества предпринимателей дается нашей документацией лишь приблизительная. Показания колеблются чаще всего между цифрами 500—590. Попалась мне один раз и цифра 750, но она, по-видимому, фантастична.

Общее же число рабочих, занятых шелковым производством, едва ли не превышало — и, может быть, довольно значительно — эту вышепоказанную общую цифру 39 000 человек. По крайней мере спустя меньше чем $2^1/_2$ года Шарль Дюпен, обращаясь к хозяевам лионских мастерских, говорит им о 50 000 рабочих «всякого возраста и пола». Едва ли в эти $2^1/_2$ года число рабочих могло так сильно возрасти, тем более что сам Дюпен тут же, обращаясь к своей компетентной публике, напоминает, что лионское производство только в два года могло оправиться от событий 1831 г.[27]

Переходим к вопросу о заработной плате.

По вековой традиции сдельная плата, которую фабрикант (он же, по-лионскому, «негоциант») платил хозяину мастерской за выработанную штуку шелка, делилась *пополам* между хозяином мастерской и рабочим, который эту штуку изготовлял. Любопытный быт царил в мастерской: обыкновенно не рабочий мастерской зависел от хозяина, но хозяин от рабочего (особенно от искусного рабочего). Ведь станков было, в общей сложности, в Лионе больше, чем рабочих рук, и даже в годы самой кипучей работы это соотношение не изменялось. Рабочий всегда мог бросить хозяина и уйти к другому. Поэтому требовательный, иногда резкий тон был у рабочего относительно хозяина мастерской, а не наоборот. «Но какие бы ни были мелкие трения и неприятности в повседневной жизни,— повествует нам Одиганн (сам рабочий по происхождению),— пред лицом фабриканта, дающего хозяину мастерской заказ и платящего ему

сдельно, хозяева мастерских и их рабочие действовали *всегда* совершенно дружно и согласно; тут их интересы вполне совпадали [28].

Рабочий-пролетарий и хозяин мастерской, полупролетарий, были на одной стороне социальной баррикады, предприниматели-капиталисты — на другой.

Минимум, нужный для существования рабочего (одного, без семьи) в г. Лионе, в 1831 г., считался в 547 франков в год (пища, квартира, отопление, освещение, одежда); минимум, нужный для существования *вне* города, в деревне того же департамента, исчислялся в 300 франков [29].

Наблюдатели событий полагали, что лионскому рабочему предстоит последовать примеру базельских, цюрихских, сент-этьеннских рабочих других специальностей, которые в эти годы, убегая от дороговизны, массами переселялись в пригородные места и в окрестные деревни. Конечно, далеко от города можно было жить, лишь получая заказы за сдельную плату на дом. Общая экономическая эволюция, напротив, стремилась к концентрации рабочих в местах производства. Но при старозаветности лионской промышленной организации подобное паллиативное средство казалось современникам, растерявшимся от неожиданных и грозных событий, выходом из положения.

Расходы на жизнь для одного рабочего в Лионе варьируются от 547 до 730 франков в год; для рабочей семьи, состоящей из мужа, жены и двух детей,— 1500 франков в год. Если сопоставим эти цифры с цифрами средних лионских заработков и вспомним, что *платных* дней в году всего 300, а дней расхода — 365, то без труда согласимся со всеми наблюдателями, указывающими на очень трудное положение рабочего класса.

Лионские рабочие заработки в начале 30-х годов варьировали (для ткачей, основной категории рабочего населения Лиона) от 1 франка до 1 франка 50 сантимов, реже 1 франка 75 сантимов, еще реже 2—$2^1/_2$ франков. Значит, при 300 платных днях средний ткач зарабатывал 450 франков в год. А расходы на *одного* человека при самом скромном расчете были равны 547 франкам 50 сантимам и доходили до 730 франков. Комментарии тут излишни. И это мы берем *самые лучшие* годы, без единого дня безработицы, при полных 300 платных днях. Но всякий, кто серьезно пробовал изучать лионскую экономическую историю, знает, насколько фантастично такое предположение о полном отсутствии неожиданных безработных дней.

Питаются лионские рабочие в общем — и когда нет безработицы — лучше, чем многие другие категории рабочего класса во Франции; мясо гораздо чаще на их столе, чем это бывает в Амьене, Лилле или Руане.

Одеваются они также лучше. Лионский рабочий много интеллигентнее ткачей и прядильщиков в других отраслях текстильного производства.

Но все это — в хорошие годы. Понижается сбыт — и рабочему остается просить милостыню, что многие из них и принуждены были делать в самом буквальном смысле слова.

Вот показание префекта, гораздо менее оптимистичное, чем показание Виллерме.

Небольшое количество рабочих (выделывающих шелковый бархат и так называемые «богатые материи») получали лучше других, но подавляющее большинство не зарабатывало больше *90* сантимов, да и то еще работая по ночам, при лампе, причем освещение являлось добавочным расходом для рабочего [30].

Вот и другое показание лионца, *не*рабочего, друга Стендаля, которое записал Стендаль в своих замечательных путевых мемуарах. Оно относится к первым годам *после* ноябрьского восстания, точнее к 1837 г., который был типичным *средним* годом для лионского шелкового производства: «Рабочий шелковой мануфактуры в Лионе зарабатывает ежедневно сумму денег, на которую он может купить *гораздо меньше* мяса и хлеба, чем его предок, рабочий времен Кольбера, министра Людовика XIV, мог купить на ту сумму, которую тогда зарабатывал» [31].

Живут лионские рабочие в узких, старых, зловонных кварталах, где улицы и тупики соединяются часто лестницами и запутанными проходами. Дворы — маленькие и отталкивающе грязные; скученность в помещениях очень большая. Но хозяева мастерских имеют лучшие помещения (в две комнаты, из коих в одной помещается мастерская), а кроме того, есть и помещения для рабочих, которые часто живут у хозяина.

Рабочий день в Лионе был *больше*, чем почти всюду во Франции: 15 часов *фактической работы, без* часов для отдыха и еды [32]. Заработная плата варьировала от 1 до 2—2$^1/_2$—3 франков. Но высчитать ее сколько-нибудь точно для Лиона — задача непомерно трудная: так все зависело от года, от сезона, от ряда других условий. Работа была сдельная, плата делилась между рабочим и хозяином мастерской, и это еще более путало и затрудняло расчеты.

Рабочие старались селиться вне города не только вследствие дороговизны квартир, но и вследствие высоких городских налогов на предметы первой необходимости, необычайно удорожавших пропитание. В Лионе, где рабочие больше потребляли мяса, чем в других промышленных городах Франции, и где поэтому они были заинтересованы ценами на этот продукт, они должны были считаться с тем фактом, что за каждого быка или корову уплачивалось при входе в город по 21 франку налога.

Городские таможенные налоги на предметы первой необхо-

димости были в Лионе перед восстанием и после восстания так велики, что рабочим *нужно* было селиться вне города: иначе заработков не хватало на жизнь. Иронический Стендаль пишет по этому поводу, что — ничего не поделаешь, Европа не хочет покрывать еще и лионские городские налоги (удорожающие заработную плату, а потому и цену лионских шелковых материй на европейских рынках) [33].

Общие условия жизни лионского рабочего были так в конце концов тяжелы, что это отмечалось даже тогдашними военными властями, которым данное обстоятельство бросалось в глаза.

При рекрутских наборах лионские рабочие поражали своею болезненностью, своим хилым и слабым сложением [34].

Самая работа, по техническим своим свойствам, была изнурительна и тяжело отражалась на здоровье.

Например, первоначальные стадии работы над коконами были не только необычайно трудны, но и прямо опасны: женщины, которые почти исключительно работали именно над этими первоначальными заданиями, погибали обыкновенно молодыми. Легочная чахотка косила их. Анкета Виллерме говорит об этом вполне категорически [35].

Была ли какая-нибудь организация, которая могла бы облегчить рабочим возможность борьбы? На этот вопрос нужно дать отрицательный ответ.

В 1828 г., по инициативе хозяина шелкоткацкой мастерской Шарнье, в Лионе возникло, утвержденное властями вполне легальное общество взаимопомощи (le Devoir Mutuel). Его членами могли быть только хозяева мастерских, а не простые рабочие, которые в этих мастерских работали. Общество ставило своею целью содействовать «улучшению морального и физического состояния» сочленов. Предполагалось открыть теоретические и практические курсы шелкового производства, бороться с злоупотреблениями, вкрадывающимися в производство, помогать друг другу в приискании заказов и т. д.

Далее, в 1830 г. среди лионских рабочих возник план создания особой кассы, куда делались бы всеми хозяевами мастерских ежемесячные взносы по 25 сантимов с каждого станка и по 3 франка вступительного взноса. Из проекта ничего не вышло, а кризис обострялся с каждым месяцем. В феврале 1831 г. в палату депутатов была подана петиция, подписанная 4000 рабочих г. Лиона. Рабочие просили (в очень почтительных выражениях, ссылаясь на конституционное правительство и на «короля, который хочет только правды, только счастья для своих подданных»), чтобы был применен статут особого суда по делам, касающимся столкновений между рабочими и купцами, и вообще по профессиональным делам. Этот суд (Conseil des prud'hommes), учрежденный еще при Наполеоне, состоял

исключительно из купцов и хозяев мастерских, и рабочие жаловались на его несправедливость и пристрастность и просили о введении в его состав также рабочих на паритетных началах. При всей почтительности по отношению к правительству рабочие не скрывали сильного своего раздражения против купцов и протестовали против «бесстыдства» и «позорного поведения» тех, богатство коих рабочие создают, вставая до света и работая по ночам; купцы же не стыдятся с каждым днем платить все меньше и меньше [36]. Из петиции тоже ничего не вышло. Но все это были симптомы, чрезвычайно значительные, если принять во внимание, что со времен Великой революции ни о каких кассах взаимопомощи и ни о каких петициях и тому подобных проявлениях стремления к организации ничего в Лионе не было слышно.

Виллерме, изучавший лионских рабочих и их быт спустя четыре года после ноябрьского восстания 1831 г., тоже говорит о ненависти рабочих к негоциантам, к фабрикантам-заказчикам [37], а не к хозяевам мастерских.

Лионские рабочие были раздражены не только против фабрикантов. Быт лионского шелкового производства или, точнее, организационный порядок, с давних времен воцарившийся в Лионе, породил особый класс или, если угодно, особую классовую прослойку так называемых commis. Это не были в точности приказчики, и в то же время они не были факторами; они заключали в себе элементы того и другого. Их функция состояла: 1) в том, чтобы раздавать заказы фабриканта тем или иным мастерским, 2) нередко и в том, чтобы принимать исполненные заказы от мастерских и 3) расплачиваться с хозяевами мастерских. Первая функция давала им громадное влияние и могущество. От них зависело, в годы безработицы, осудить на голод или дать заработок определенной группе рабочих, определенной группе мастерских. У них заискивали, им давали взятки, лишь бы получить от них работу. И они широко пользовались своим всемогуществом. Не только рабочие обвиняли их, например, в том, что они требуют от женщин, работающих в мастерских, чтобы те жертвовали своей честью, но сами эти commis имели наглость открыто этим хвастать [38].

Город, где рабочие составляют громадный процент населения и где они так недовольны и раздражены, находится в опасном положении: современники это признавали, но выхода не видели.

Стендаль именно по поводу Лиона, где он побывал спустя шесть лет после ноябрьского восстания, находит «неосторожным» основывать благополучие города на процветании мануфактуры. Он полагает, что правительство должно бы стремиться к тому, чтобы число рабочих в городе было никак не больше

одной двадцатой части всего народонаселения данного города[39]. Конечно, что от правительств подобные явления мало зависят,— это Стендалю не пришло в голову при всем его глубоком уме и тонком анализе.

Июльская революция 1830 г. и последующие политические события во Франции, в Бельгии, в Польше, в западной Германии — все это прежде всего отразилось на сбыте предметов роскоши, в том числе лионского шелка. Наступила безработица, которой конца не предвиделось, заработная плата была низка, жизнь становилась с каждым месяцем все труднее.

Впоследствии, при попытке использовать лионское восстание в интересах легитимистской пропаганды, Морис Онсло делил новейшую, последнюю историю Лиона на две неравные части: «двадцать семь лет процветания и шестнадцать месяцев бедствий». Он считал, что процветание было при Наполеоне и при Бурбонах,— Июльская же революция 1830 г. погубила Лион и вызвала события 1831 г.[40] Мы уже видели по документам, насколько неправильно было бы такое деление. Но, бесспорно, внезапное и сильнейшее сокращение сбыта после июльских событий сказалось самым болезненным образом. А тут еще прошел новый фискальный закон, крайне обостривший положение.

Закон 26 марта 1831 г. внес глубокие изменения, как в смысле общей высоты обложения, так и в смысле способа взимания, в целый ряд налогов, больше всего поражавших рабочий класс. Прежде всего речь шла о прямом обложении (личной подати) и налоге квартирном (окна и двери). Нас интересует здесь лишь одно: как этот закон отразился на положении рабочего класса? Мне удалось найти на этот вопрос довольно точный ответ в неизвестной до сих пор и тут впервые используемой переписке лионского префекта, непосредственно предшествующей началу первой стадии лионских событий. «Таким образом, сумма обложения всего лионского рабочего класса оказывается утроенной, а часто даже *упятеренной»,*— пишет префект министру финансов, говоря о последствиях 26 марта 1831 г. Он отмечает и тяжесть закона, и необычайную суровость, с которой этот закон приводится в исполнение, и глубоко отрицательное впечатление, производимое всем этим на умы рабочих, и это «на другой день после революции (Июльской — *Е. Т.*), которая, как должен был думать рабочий класс, сделана в его интересах, и при наступлении зимы, которая увеличивает его нужды, когда замедление в работах уменьшает его средства»[41]. Префект уже наперед предвидит волнения по этому поводу[42].

Почему вдруг увеличены были так ни с чем не соразмерно налоги, больше всего поражавшие рабочий и вообще неимущий класс, это тоже не было тайной для лиц, бывших в курсе дела.

и префект Лиона, без особых церемоний, напоминает об этом министру финансов: «Притязания депутатов Юга, во внимание к особым интересам которых имели слабость согласиться на уменьшение в 40 миллионов налога на напитки»,— вот что заставило министерство финансов искать компенсации в вопиюще несправедливом увеличении квартирного налога и прямого обложения. Другими словами: лионские (да и все иные) рабочие должны были уплатить значительную часть 40 миллионов франков, которые не пожелали платить бордоские и бургонские владельцы виноградников и винных складов. Барон Бувье-Дюмолар, по рождению, по состоянию, по карьере не имевший ровно ничего общего с рабочим классом, не скрывал полного своего порицания и даже некоторого негодования по поводу допущенной несправедливости [43]. Мало того, префект обращал внимание высшего правительства также на несоответствие этих финансовых мероприятий сколько-нибудь здоровым финансовым принципам: «налог должен прежде всего падать на удовольствия, а уже потом на потребности», и налоги должны быть соразмерены с рыночной ценностью обложенных вещей так, чтобы уплата налога зависела от воли потребителей. Между тем правительство уменьшило налог на напитки и настолько же увеличило прямые налоги, «которые тремя разными способами поражают рабочий класс и так хорошо его опутывают [44], что ему невозможно ни от одного избавиться. Из одного факультативного налога сделали три обязательных налога».

Префект в своей конфиденциальной бумаге министру финансов не считает нужным стесняться в выражении мыслей: «Бремя праздного богача, для которого все делается, облегчено за счет работающих бедняков, для которых следовало бы все делать» [45]. Против безобразий несправедливости нового обложения вопиют «справедливость, разум, конституционная хартия, осторожность». Особенно осторожность: префект беспокоится за Лион, он не знает, что может произойти, когда рабочее население города узнает точно и поймет значение нового закона [46]. Очень беспокоился префект также по поводу придирчивого нелепо-строгого способа взимания этих налогов, неумелого и грубого подхода к делу. Он предвидел со стороны «беспокойного населения» рабочих кварталов г. Лиона «живое неудовольствие»... И вместе с тем старый чиновник наполеоновской школы оставался верным себе. Излив все свое негодование по поводу закона, он кончает свою филиппику против министра финансов уверением, что все-таки закон будет исполнен и что все будет сделано для охраны интересов фиска [47].

Между тем, ввиду недостатка сбыта, а прежде всего вследствие массы безработных в городе, предприниматели понизили (по уговору между собой) сдельную плату.

Это и было толчком, приведшим в движение десятки тысяч раздраженных и полуголодных людей. Рабочие решили искать управы у префекта и просить его помощи в их отчаянном положении. Они решили требовать издания обязательного для предпринимателей сдельного тарифа и явились к префекту с просьбой о содействии.

Сначала несколько слов о самом префекте. Все элементы для его биографии (никогда никем не написанной) находятся в папке $F^{1.b}$ I—156, dossier № 41. Эта папка, дающая нечто новое и для всей истории лионского восстания, тоже не была еще никогда в руках исследователя. (Мне она была указана архивистом Жоржем Бурженом, одним из людей, наилучше знающих колоссальное хранилище, в котором он всю свою жизнь служит.)

Луи Бувье-Дюмолар родился в дворянской семье в 1780 г. Семья совершенно разорилась при революции (хотя при Наполеоне часть земель им была возвращена), и Бувье-Дюмолар поступил на военную службу, но затем пошел в университет, курс которого и окончил. Поступив в администрацию, он назначен был, после нескольких лет службы в завоеванных Наполеоном странах (в Рагузе, Венеции, Кобурге и пр.), супрефектом в Саарбрюкен, затем префектом в департамент Финистер и в 1813 г. префектом Тарн-и-Гаронны. Наполеон к нему благоволил и дал ему баронский титул. Во время Ста дней Наполеон назначил его префектом департамента Мерты [48].

При Реставрации он был не у дел (и даже на некоторое время выехал из Франции), а после Июльской революции ордонансом Луи-Филиппа от 7 мая 1831 г. барон Бувье-Дюмолар был назначен в один из самых богатых и значительных департаментов — в департамент Роны — и переехал в г. Лион. Тут-то и суждено было ему сыграть роль в истории рабочего восстания. Барон Бувье-Дюмолар рисуется нам по документам человеком мягкосердечным, благожелательным, независимым и старающимся не кривить душой. У него в это время было большое состояние, доход с которого (сорок тысяч франков золотом ежегодно) значительно превышал жалование, которое давало ему правительство, и служба не была поэтому для него лично благом незаменимым. Была у него одна особенность, очень сказавшаяся потом в исторические октябрьские и ноябрьские дни 1831 г., но проявлявшаяся и раньше: это был неистребимый оптимизм и некоторая быстрота и наивность при размышлениях о способах и средствах к благополучному преодолению опасностей. Затруднений для него почти не существовало: благожелательность (la bienveillance) была панацеей. Умственные ресурсы барона Бувье-Дюмолар находились не вполне на той высоте, на которой были его качества моральные. Характерна,

например, для него речь, произнесенная им на торжественном заседании Общества земледелия в Лионе в августе 1831 г., т. е. почти на пороге осенних событий: все обстоит превосходно, здравый смысл народа восторжествовал над смутой и анархией. на троне сидит возлюбленный избранный монарх, «страсти успокаиваются, умы сближаются, люди возвращаются к порядку, как бы на лоно друга» [49] и т. д.

Все это он говорит в бурном 1831 г., после еще более грозного 1830 г., в самом начале одного из самых мятежных десятилетий французской истории, в г. Лионе, за два месяца до начала рабочего движения, за три месяца до начала лионского восстания, которое было всемирно-историческим прологом к столетию обострения классовой борьбы...

Он, впрочем, убежден был, что и классовая борьба есть затруднение, устраняемое справедливостью и благожелательностью властей.

А пройденная им долгая наполеоновская административная школа приучила его к тому же легко придавать администрации атрибут всемогущества.

Таков был человек, к которому обратились лионские рабочие в октябре 1831 г., ища у него суда и защиты в их распре с фабрикантами.

Уже 8 октября произошло первое собрание рабочих, на котором решено было требовать увеличения заработной платы. 10-го состоялось второе собрание, на котором избрана была своего рода исполнительная комиссия, во главе которой стал хозяин мастерской Буври (Bouvery). Комиссия состояла из пяти человек. Эта комиссия и обратилась к префекту с письмом. в котором (опять-таки в самых почтительных выражениях и с ссылкой на «отеческую заботливость» префекта) рабочие просили обратить, наконец, внимание на их положение. Рабочие заявляли, что они «должны и хотят» положить конец жалкому своему состоянию. Они не хотят прибегать к насильственным и незаконным средствам: «рабочий класс, просвещаемый с каждым днем все более факелом цивилизации, знает, что только порядком и спокойствием он получит доверие, основной базис торговли» [50] и т. д.

Это заявление кончалось словами, необычайно характерными и для социальной природы петиционеров, и для воззрений, господствовавших в ту эпоху даже между наиболее радикально настроенными критиками существовавшего экономического строя. «Зная, господин префект, до какой высокой степени вы. по справедливости, обладаете любовью управляемого вами населения, (рабочая комиссия) просит вас внести в прения, которые должны открыться, ваше благосклонное посредничество и даровать обеим заинтересованным сторонам одинаковое

покровительство, которое они обе заслуживают одинаковым образом. Веря в вашу любовь к всему, что касается счастья людей и гармонии, которая должна существовать в отношениях между всеми классами общества, мы возлагаем на вас наши надежды». Слова «l'harmonie qui doit exister dans les rapports de toutes les classes de la société» настолько же характерны для первой трети XIX в., как слова о борьбе классов для позднейшего периода.

21 октября впервые, под председательством префекта Дюмолара, собралась смешанная комиссия из фабрикантов и рабочих, по 24 человека от каждой стороны. Первое заседание не состоялось: фабриканты заявили, что они никем не уполномочены на выработку тарифа заработной платы, а представители рабочих возразили на это, что в таком случае им говорить не о чем, так как они, рабочие представители, именно и получили специальный мандат от своих доверителей вести переговоры только с одинаково уполномоченными представителями фабрикантов.

Собрание было отложено впредь до выборов специально уполномоченных от фабрикантов. 25 октября состоялась новая встреча, на этот раз уже вполне правомочных представителей обеих сторон. Масса рабочих в полном порядке проследовала густыми рядами к дому, где должна была состояться встреча, и, сохраняя полное спокойствие, ждала на улице результатов. Заседание продолжалось четыре часа подряд. Собрание приняло тариф расценок заработной платы, выработанный рабочими представителями. Когда префект сообщил об этом собравшейся массе рабочих, он был встречен криками: «Да здравствует префект! Да здравствует наш отец! Vive notre père!»

Комиссия рабочих представителей была в полном восторге от поведения префекта и тотчас же обратилась к нему с благодарственным письмом, в котором, от имени рабочего класса г. Лиона, называла префекта покровителем и отцом, а поступок его объявляла запечатленным навеки в сердцах рабочих [51].

Можно вчитываться сколько угодно в октябрьский тариф 1831 г. и все-таки не уяснить себе точно, к чему же, в среднем, сводилась до тарифа и каковой должна была бы быть после тарифа заработная плата рабочего. Тариф — сдельный, очень дробный, очень считающийся как с природой отдельных материй, так и с техническими особенностями выделки и разных стадий выделки. Переводя сдельную плату, всегда — и до, и после тарифа — существовавшую в Лионе, на цифры дневного заработка, современники считали, что рабочий зарабатывал в 1831 г. (и позже, после провала тарифа) от 1 до $1^1/_2$ и в лучшем случае до 2 франков в день, и заявляли, что этого совершенно не хватало на жизнь [52]. Хозяева мастерских в общем получали

не многим больше, принимая во внимание обременявшие их расходы, которых не знал простой рабочий. Бо̀льшая часть хозяев была в долгах, многие давно уже жили в долг [53].

Тариф, будь он хоть временно осуществлен, дал бы передышку лионским рабочим, но им и в этой передышке было судьбой отказано.

Сопротивление тарифу обнаружилось с первого момента его появления в свет. Тариф был подписан префектом Бувье-Дюмоларом и мэром Буассэ 26 октября 1831 г., и в силу он должен был вступить со вторника, 1 ноября. Некоторые (очень немногие) фабриканты согласились даже расплатиться с рабочими по тарифу уже в четверг, пятницу и субботу (27, 28, 29 октября), но большинство предпринимателей отнюдь не обнаруживало подобной готовности примириться с новым порядком. Уже в эти последние дни истекавшей недели со стороны фабрикантов слышались угрозы закрыть свои склады и конторы, «чтобы принудить рабочего сделать им некоторые уступки»,— с горечью замечает лионская рабочая газета «L'Echo de la Fabrique», с восторгом и неумеренным оптимизмом приветствовавшая появление тарифа. «Но пусть они дважды подумают, потому что очень может случиться, что они (фабриканты) должны будут держать свои магазины запертыми дольше, чем им того хочется» [54]. Вместе с тем еще до 1 ноября хозяева мастерских и рабочие уже задумали образовать «общую и взаимную ассоциацию» (une association générale et mutuelle de secours), «чтобы бороться с безработицей, вследствие эгоистической спекуляции некоторых фабрикантов». Предвиделась борьба, чувствовалось, что дело с тарифом только начато. Борьба казалась предотвращенной. Но на самом деле она еще только возгоралась.

В подавляющем своем большинстве фабриканты решительно были несогласны ни с расценками тарифа, ни, принципиально, с самой постановкой всего этого дела, какую счел возможной префект Дюмолар. У фабрикантов было определенное намерение ни за что не подчиниться тарифу и, сверх того, как можно скорее убрать из города префекта Дюмолара. Тотчас же после заседания смешанной комиссии 25 октября, установившей тариф, фабриканты собрались на особое частное совещание и тут выработали протестующую петицию, которую и послали чрез особо избранных делегатов в Париж, в палату депутатов.

Уже начало этого документа говорило о полной непримиримости с самой идеей принудительного тарифа. «Один из самых важных вопросов, которые могут возникать в современном обществе, где материальные интересы занимают столь большое место, только что разрешен в Лионе с невероятным легкомыслием: это — вопрос о платеже заработной платы рабочему фабрикантом, на которого рабочий работает. С этим

вопросом связываются другие вопросы администрации и общественного порядка. Наши власти показали, что они не понимают ни одного из этих вопросов». После такого дебюта вся записка носила характер мотивировки резко отрицательного отношения фабрикантов к тарифу — и только. Речи не было о каком бы то ни было компромиссе. Фабриканты заявляли, что из-за иностранной конкуренции им пришлось сократить продажную цену материй; что после Июльской революции и внутренний сбыт сократился как во Франции, так и в остальной Европе; что холера еще ухудшила это положение дел. Пришлось сократить заработную плату, и, в самом деле, рабочим в Лионе не хватает из-за дороговизны квартир, пищи и также, «нужно сказать, из-за мнимых потребностей, которые создаются среди большого города» (besoins factices). «Вместо того, чтобы ждать увеличения заработной платы от восстановления промышленной деятельности, рабочие вообразили, что добьются этого посредством соглашения между собой. Сказать, кто автор или авторы плана, который был задуман на этот счет, было бы, несомненно, трудно; во всяком случае он был исполнен с полной согласованностью, которая изобличает организацию, будущий и непременный источник затруднений для нашего города». Рассказывая дальше о событиях, фабриканты обвиняют своих же собственных представителей в отсутствии мужества и с укором отмечают разницу поведения этих людей в дни Июльской революции 1830 г., когда нужно было бороться с Карлом X, и в октябре 1831 г., когда (по мнению авторов нашего документа) нужно было вступить в открытую борьбу с рабочими: они испугались упрека в негуманности и не осмелились вызвать раздражение рабочих против себя и своих мануфактур [55].

Петиционеры вместе с тем оспаривали и компетенцию своих представителей на собрании 25 октября: из шестисот фабрикантов, которые были созваны для выбора этих представителей, явилось всего 140 человек. Итак, неправомочные представители меньшинства, к тому же запуганные окружавшим здание громадным сборищем рабочих, пошли на принятие тарифа, который удорожает производство на 8—15—20% и делает невозможной конкуренцию с Пруссией и Швейцарией. К тому же тариф введен в силу с 1 ноября, а между тем фабриканты принимали заказы на 2—3 месяца вперед и имели при этом в виду старые размеры заработной платы, а не новые, повышенные. Это их разорит окончательно.

Такова эта протестующая петиция, кончающаяся указанием на то, что уже слышатся угрозы со стороны рабочих, которые утверждают, будто против них фабриканты составили заговор, тогда как станки не работают потому, что нет заказов; и вот нужно ждать беспорядков в городе.

Сопротивление фабрикантов тарифу страшно раздражало рабочих, которые так радовались введению его и считали его единственным выходом из своего отчаянного положения.

Лозунг «жить, работая, или умереть, сражаясь» стал не по дням, а по часам все более и более овладевать умами рабочих.

3

Ждали ли лионские власти грозных событий? Между главой администрации, префектом департамента Роны Бувье-Дюмоларом, и командиром войск, расположенных в Лионе, генералом Рогэ, отношения уже давно были хуже всего, что можно себе вообразить, и архивная папка, где хранятся послужные списки и все бумаги, имеющие отношение к служебной карьере Бувье-Дюмолара, полна указаний на самую непримиримую вражду. С одной стороны, когда 22 октября 1831 г. очень большая толпа рабочих собралась в Круа-Русс и префект просил войск, генерал отказал ему. С другой стороны, генерал Рогэ вообще считал образ действий Бувье-Дюмолара ошибочным. Жалуясь Казимиру Перье на генерала Рогэ (за три недели до рабочего восстания). Бувье-Дюмолар говорил, что выказывать недоверие к рабочим и страх значило бы именно породить еще не существующую опасность; что лучше выказать благожелательность и справедливость, «придав власти моральную силу, дав власти влияние на массы, которое она уже давно в Лионе не имела». Это место неизданного письма к Казимиру Перье, которое я нашел в той же папке $F^{1.b}$—156 и которое, как и все драгоценные документы этой папки, никогда до сих пор не было известно никому из исследователей, бросает яркий свет на психологию главного представителя правительства в городе пред самым наступлением грозного лионского восстания [56]. Префект вовсе не ждет осложнений. «Нет одинаковости между нашим спокойным положением и состоянием почти что восстания в западных департаментах, — пишет он, намекая на легитимистское брожение в Вандее [57]. На генерала Рогэ он смотрит как на старого наполеоновского рубаку, который «среди населения, может быть, немного преувеличивающего идеи свободы», все еще думает, что он находится в Булонском лагере, и не считается с «переходной эпохой, в которую мы живем».

Сам префект в тот день, когда он пишет свое огромное письмо председателю совета министров, т. е. 2 ноября 1831 г., убежден, что беспокойство и беспорядки уже позади, а вовсе не впереди. «Наши последние народные движения удалось счастливо умиротворить, уничтожив их печальную причину, без вмешательства генерала». Генерал, «без всякой необходимости»,— настаивает префект,— вызвал в Лион из Вьенны три эскадрона

драгун, приказал половине гарнизона спать в одежде и вообще вызвал в рабочем населении раздражение, которое чуть было не имело гибельных последствий. Успех мер, предпринятых префектом, кажется ему самым полным. «Заседание, в котором все разногласия между фабрикантами и рабочими были улажены полюбовно», — так он называет заседание представителей обеих сторон под его председательством, где был утвержден минимальный тариф. Крики «да здравствует префект!», испускаемые 10 000 человек, серенады в его честь кажутся ему признаком окончательного успеха и объяснением зависти генерала Рогэ [58].

Есть показание, что в момент, когда разразилось лионское восстание, гарнизон города был равен 1800 человек, а национальная гвардия «на три четверти» будто бы состояла из рабочих, всего же в национальной гвардии значилось около 10 000 человек. Поведение национальной гвардии, по словам очевидцев, было поэтому «нейтральным», если не прямо дружественным по отношению к рабочим [59].

Первое массовое стечение рабочих произошло в воскресенье, 20 ноября, на площади предместья Круа-Русс. Решено было на другой же день прекратить работу и заявить требование относительно исполнения условленного тарифа, а для этого всей массой явиться в город. Администрация, во главе с префектом и с мэрами как г. Лиона, так и предместья Круа-Русс, постановила воспрепятствовать движению рабочей массы в город. Первый легион национальной гвардии, «составленный отчасти из фабрикантов» [60], занял все пять ворот, чрез которые шли пути из Круа-Русс в Лион, рано утром в понедельник 21 ноября.

Первое столкновение национальной гвардии с рабочими произошло близ Гранд-Кот. Кто первый открыл стрельбу, долго нельзя было установить, так как обе стороны сваливали вину друг на друга. Теперь может считаться более правдоподобным, что начали гвардейцы, оправдывавшиеся впоследствии тем напором, который они испытывали со стороны во много раз превосходившей их численностью рабочей массы. Так или иначе завязалась перестрелка; рабочие были настолько раздражены, что даже те из них, у кого не было при себе ни огнестрельного, ни холодного оружия, бросались в гущу свалки и дрались палками, камнями, кулаками. Убитые и раненые падали с обеих сторон, но бой решился не сразу, обе стороны сражались яростно. Наконец, перевес явно склонился на сторону рабочих, легион дрогнул — и побежал. Рабочие всей массой вошли в Лион и сейчас же бросились строить баррикады, выворачивая камни мостовой, опрокидывая фургоны, снося отовсюду бревна и доски. В нескольких важных, с тактической точки зрения, пунктах были

заняты дома, и рабочие приготовились к самой отчаянной защите из окон и с крыш занятых зданий.

В то же время линейные батальоны регулярной армии со свежими легионами национальной гвардии двинулись в Круа-Русс, где натолкнулись на самое упорное сопротивление. Стрельба с обеих сторон становилась все более и более жаркой, и вскоре стало ясно, что исход дня решится именно в Круа-Русс. Тогда префект департамента Роны и главный командир национальной гвардии генерал Ордонно отправились в Круа-Русс, чтобы вступить в переговоры с рабочими. Отряд рабочих окружил префекта и генерала, но как раз, когда префект начал было с ними говорить, загрохотали пушки и участились залпы как в Круа-Русс, так и в Лионе. «К оружию! Нас предали!» — с этими криками рабочие бросились на префекта и генерала Ордонно и объявили их пленными [61].

Битва, то затихая, то возобновляясь, продолжалась до поздней ночи. Сопротивление некоторых легионов национальной гвардии, где преобладал не крупнобуржуазный элемент, как в первом легионе, а элемент рабочий и мелкобуржуазный, стало ослабевать, и они довольно легко позволяли себя обезоруживать. Всю ночь среди рабочих *шло вооружение* и происходила подготовка к следующему дню. С другой стороны, с рассвета к городу подходили спешно вызванные властями свежие батальоны линейных войск. Решимость и раздражение рабочей массы были еще больше, чем в начале боя. На другой день с раннего утра бой возобновился. Над рабочими развевалось (впервые в истории) черное знамя с надписью: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!» (Vivre en travaillant ou mourir en combattant!). Уже с утра ружейные залпы все чаще покрывались грохотом пушек, обстреливающих баррикады. Населению велено было не показываться на улицу и не подходить к окнам. С утра также распространялись оказавшиеся правдивыми слухи о том, что рабочие из далеких пригородов Бротто, Ла-Гийотьер и Сен Жюст вышли на соединение с лионскими инсургентами. Главнокомандующий, генерал граф Рогэ, чтобы воспрепятствовать этому, выдвинул батарею на мост Сен-Клер и приказал обстреливать артиллерийским огнем Бротто. Тогда рабочие Бротто засели в домах в самом Бротто и оттуда обстреливали национальную гвардию, вошедшую в местечко. «Пока все это происходило,— пишет очевидец,— другие рабочие прибыли в Сен-Клер, и тогда-то резня сделалась страшной. Линейные войска, принужденные к отступлению в город, засели в домах, чтобы оттуда стрелять из окон. Рабочие из Гийотьер прорвались через мосты сквозь картечь и ружейный огонь. Страшная резня произошла на набережной Роны, на набережной Соны, на улицах, усеянных баррикадами. Магазины трех ружейных мастеров

были взломаны и разграблены. Пороховой погреб в Серэне и арсенал в Опэ были взяты к вечеру [62]. Как и накануне, только ночная темнота прервала сражение. Когда вечером власти города и армии собрались на военный совет, положение оказалось с их точки зрения, весьма серьезным: на большинство национальной гвардии особенно уповать не приходилось, но и линейные войска были явно изнурены двухдневным яростным боем против нисколько не слабеющего, не унывающего и крайне раздраженного неприятеля; провианта не оказалось в достаточной степени, и пришлось уменьшить рационы, чтобы поделиться с вызванными спешно окрестными войсками, которые чуть ли не форсированным маршем явились в Лион без всякого обоза и без провианта. А с другой стороны, по последним часам битвы, по оживлению в стане рабочих, по целому ряду признаков было ясно, что предстоит, быть может, еще более упорный бой, чем тот, который кипел уже два дня. И было очевидно, что рабочие непременно перейдут в наступление и будут штурмовать центр города и городскую ратушу. При таких обстоятельствах военный совет решил вывести войска из города, «чтобы занять менее невыгодную позицию вне городских стен». На рассвете 23 ноября приказ об отступлении из города был отдан генералом Рогэ, и войска двинулись чрез предместье Сен-Клер берегом Роны. Отступление все время пришлось совершать, прикрываясь артиллерийским и ружейным огнем. Рабочие до последней минуты не знали истинного значения этого движения всех войск по берегу Роны. Подойдя к воротам, ведущим в Сен-Клер, войска, уже и до того все время пути отстреливающиеся от рабочих, столкнулись с заградившим им дальнейший выход рабочим отрядом. Тут войскам велено было произвести общий залп, произведший большое опустошение в рабочих рядах. Но, нисколько не упав духом, рабочие бросились в дома и к баррикадам, загромождавшим как Сен-Клер, так и Бресс, и почти на протяжении половины лье войскам пришлось непрерывным огнем расчищать себе дальнейшую дорогу. Нужны были, повествует современник, долгие и искусные маневры генерала Рогэ («des savantes manoeuvres»), чтобы, наконец, выбраться из города. Город Лион остался во власти восставших. Тотчас же ратуша, центральный арсенал, центральный пороховой погреб (отделения которых, как сказано, были взяты уже накануне) были заняты рабочими. Начавшиеся пожары были быстро прекращены, хотя несколько больших и богатых зданий погибло в огне. Очевидцы даже враждебно настроенные к рабочим, настаивают, что всякие попытки грабежа в корне и сурово пресекались самими рабочими. Рабочие тотчас же опубликовали прокламацию, требовавшую полного соблюдения порядка и уважения к чужой собственности: «воровство и грабеж будут наказываться смертью» [63]

Вместе с тем несколько часов как будто и рабочие, и власти во главе с префектом, оставшиеся в городе, не знали точно, каковы будут ближайшие последствия одержанной рабочими победы. Только в 7 часов вечера 23 ноября появилось первое извещение от префекта, призывавшее к спокойствию.

Битва окончилась победой рабочих. Дорого далась она. Человек, переживший восстание и оставшийся после восстания в городе, склонный вместе с тем скорее недооценивать, чем преувеличивать размеры кровопролития и разрушений, утверждал, по свежим следам, что число убитых и раненых было в общем около 1000 человек, что разрушено и сожжено было два дома и три магазина [64].

Очевидцы отмечают деятельнейшее участие в сражении детей рабочих от 12 до 15 лет. Один мальчик, раненный штыком в лицо, не вышел из строя и даже обезоружил одного гвардейца. Шестой линейный полк, драгунский полк, гвардейские канониры одни за другими подходили к месту побоища. Над рабочими веяло черное знамя с надписью: «Хлеба, работая, или смерти, сражаясь!» (Du pain en travaillant, la mort en combattant!) [65].

Вечером 23 ноября был отдан войскам приказ выйти из города. Уведомляя об этом событии рабочих, префект Дюмолар в своей официальной прокламации писал: «Мы хотели прекратить кровопролитие, и генерал, движимый чувством гуманности, согласился на отступление гарнизона... Бойтесь анархии, подумайте о ваших семьях и о городе...».

Одновременно была вывешена и другая, неофициального происхождения, прокламация, в которой говорилось: «Французская кровь была пролита французами; после печальных событий, свидетелями которых мы были, возрадуемся, что эта ужасная борьба окончилась; но пусть победители сумеют воспользоваться победой, купленной так дорого, иначе она будет для них более роковой, чем поражение. Мы уже сказали, задолго до того как вопрос стал обсуждаться с оружием в руках, что вся наша симпатия на стороне этой массы тружеников, которых самая усидчивая работа не обеспечивает от голода. При виде этих трудолюбивых семейств, скученных в нездоровых мастерских, истощающихся в работе без отдыха, мучающихся всегда необеспеченностью завтрашнего дня, душа наша часто волновалась глубокой и скорбной жалостью,— мы понимали, сколько потрясающего в этих криках, требующих смерти или справедливой оплаты. Но эта оплата может быть достигнута только порядком и свободой для всех,— без порядка, без свободы, без уважения к собственности нет промышленности, нет работы, есть анархия, разорение, нищета, смерть нации. Несмотря на различие интересов, мы все — добрые французы, и борьба отдельных

интересов не должна выродиться; привязанные к июльскому правительству, остережемся, чтобы враги не пожелали воспользоваться нашими несогласиями и не зажгли междоусобную войну, столь счастливо потушенную» [66]. Происхождение этой прокламации (о которой не знает ни один из историков, писавших о разбираемых событиях), осталось для меня невыясненным, несмотря на все мои изыскания. Ясно, по смыслу, что она отражает взгляды некоторой части обывательской массы, «маленьких людей», как их тогда называли (des petits gens), мелкой лионской буржуазии, крайне взволнованной, испуганной событиями и очень растерявшейся. Она сейчас же признала победу рабочих, хотя еще ничего окончательного в этой победе не было, и уже испугалась грядущей анархии, хотя никакой анархии не предвиделось. «О, кто изгладит из нашей памяти эти грозные крики, эти сцены отчаяния, эти процессии раненых, это молчание смерти, столь страшное молчание! Эти дни траура и слез, эти дни остолбенения и ужаса, эти долгие ночи агонии — кто это изгладит!» — так писал один из очевидцев и повествователей, Огюст Барон [67].

Лионский прокурор, успевший выехать из Лиона, доносил министру юстиции, что в восстании принимало участие более 30 000 рабочих, что была *очень большая резня*, что национальная гвардия и войска были *вынуждены* отступить вследствие больших потерь и абсолютного недостатка в съестных припасах. Таково *новое* показание, которое я нашел в неиспользованных до сих пор документах Национального архива. Это показание так категорично, так авторитетно и так близко к происшествиям, что оно должно иметь в наших глазах чрезвычайно большой вес [68]. Прокурор с большой тревогой тут же доносит о грозных слухах, будто и в Сент-Этьенне, где есть 25 000 рабочих, тоже произошло восстание. Письмо обличает крайнюю степень тревоги. Внешний порядок, установившийся 24 ноября, продолжался во все следующие дни. «Все то же подчинение рабочих властям, то же усердие в поддержании спокойствия»,— доносил прокурор министру юстиции. Правда, неисправные должники, содержавшиеся в лионской тюрьме, были выпущены на свободу, но осужденные за преступления и проступки остались под стражей. Мало того, когда арестанты пытались освободиться сами из одной тюрьмы, то стража в них стреляла, и двое арестантов было убито. Ни одно кредитное учреждение, ни одна касса не пострадали, архиепископу была дана специальная охрана. Несколько беспокоились власти по поводу образования рабочими «главного штаба» [69], но и эти беспокойства скоро рассеялись.

Все законные власти остались на местах, рабочие действуют заодно с национальной гвардией и помогают ей дозорами и патрулями охранять город. Приказы префекта не только исполня-

ются, но принимаются с глубоким почтением. Вообще прокурор прямо заявляет, что префект оказал величайшие услуги (подразумевается «делу порядка»)[70]. Рабочие, владыки положения, стремятся вернуться в свои мастерские, лишь бы только им добыть работу. Прокурор не знает, долго ли продлится такое положение и останутся ли рабочие и впредь глухими к уговорам политических партий, враждебных правительству Луи-Филиппа[71]. Вообще он не в состоянии еще анализировать ни последствий, ни даже причины того положения, в каком внезапно очутился Лион, и предупреждает об этом министра.

Еще 23 ноября главный прокурор Дюплан боялся писать министру юстиции непосредственно из Лиона, так как курьер мог быть перехвачен восставшими рабочими, и письмо было отправлено украдкой, чрез соседнее местечко. Но уже 24-го числа выяснилось, что рабочие, овладевшие городом, нисколько не препятствуют почтовому сообщению со столицей. Еще 23-го прокурор заявлял, что город в руках анархии. Но уже на другой день он с явным недоумением пишет своему начальству: «Все контрасты проявляются в нашем населении. Оно голодно — и не грабит; оно возмутилось — и не злоупотребляет своей победой; оно не признало власть, но не покинуло знамя этой власти. Оно пренебрегло муниципальными властями, чтобы сражаться, а после сражения оно предложило им свою материальную силу. Оно отказалось от мести, оно отвергло инсинуации карлистов, оно их осадило, даже испугало простым выражением своего мнения. Каковы были результаты? Личность и собственность уважаются, если не считать одного разрушенного дома»[72].

Уже 26 ноября нормальная жизнь восстановилась снова в городе, а 27-го открылись снова театры.

Местные и соседние высшие чины, страшно потрясенные и напуганные происшедшим, ждали помощи и инструкций из Парижа, а по своей инициативе решили ничего не предпринимать.

Власти в эти дни боялись даже помощи, которую им предлагали, так как неизвестно было, куда и против кого повернется раз выданное оружие. В Дижоне молодежь среднего класса желала, с одной стороны, обезоружения карлистов, а с другой стороны,— чтобы ей позволили идти на Лион против рабочих. Ей в этом отказали, явно не доверяя намерениям. Боялись также восстания виноделов на юге: они были недовольны некоторыми фискальными мерами правительства, и администрация не знала, как отразятся на них лионские известия[73].

Вот как представлял себе дело наблюдатель, переживший все ноябрьские дни в Лионе и тогда же, под непосредственным впечатлением, доносивший о них конфиденциально своему прямому начальнику (я имею в виду главного прокурора Дюплана, к неизданным и никогда никем не использованным донесениям

которого мы теперь обратимся). «Вот уже три дня,— пишет он 23 ноября 1831 г.,— как мы подавлены восстанием, которое, начавшись прежде всего во имя наших рабочих шелкового производства, кончилось тем, что охватило весь наш рабочий класс. Оно оказалось сильным с самого начала и, к несчастью, оно не встретило никакой силы, способной бороться с ним. Вся та часть нашей национальной гвардии, которая состоит из рабочих разных профессий, дезертировала, покинув знамена правительства; другая часть обрекла себя на бездействие. Гарнизон, не больше 4000 человек, оказался слишком слабым...» [74] 23 ноября к вечеру казалось, что та или иная политическая партия воспользуется победой рабочего движения и даст ему недостававшую до тех пор политическую цель [75]. Призрак анархии тоже висел над городом [76].

Убеждение в полнейшей, абсолютной аполитичности лионского восстания, в совершенном отсутствии его связи с какой бы то ни было политической организацией, с каким-либо заговором — это убеждение, *бесповоротное* и непоколебимое, составилось у близко наблюдавших дело уже в тот момент, когда войска наследника престола не успели даже войти в город, когда еще *формально* восстание могло считаться не вполне ликвидированным [77].

Косвенно это подтверждается из другого донесения самого прокурора 29 ноября 1831 г.; когда уже победа правительства была полной и окончательной (если можно назвать победой впечатление от присутствия большой армии у ворот города) и когда уже начались аресты, арестованными оказались только «*лионские* вожаки», тоже бежавшие было из города, а таинственная «орда чужих агитаторов, явившаяся из окрестностей или из более далеких мест», так и бежала, не оставив следа [78]. Это — косвенное подтверждение, что чужие агитаторы существовали исключительно в прокурорском воображении.

4

В Париже о лионских событиях узнали уже 22 ноября, и префект полиции не скрывает своей тревоги по этому поводу, хотя как раз рабочее население столицы было в последние недели относительно спокойно. Во всяком случае «анархисты всех мастей радуются этому» [79]. В Париже, на всякий случай, с первой же ночи после получения лионских известий, были усилены ночные патрули, обходившие город. Тем неприятнее было, что как раз 22 ноября произошло волнение между портовыми рабочими на речной пристани в Иври, под Парижем, на почве борьбы с нарушителями стачки: самая стачка началась тогда же, 22-го числа. Комиссар полиции «не смел действовать, боясь, что его авторитет не будет признан».

На другой день среди парижских рабочих полиция заметила усиленную деятельность «агитаторов» и «ораторов», которые говорили, что народ — в цепях [80]. Но последствий видимых это выступление не имело.

Первые более подробные известия о лионских событиях прибыли в Париж утром 24 ноября. Затем атмосферические условия так ухудшились, что тогдашний телеграф оказался бессильным продолжать функционировать, и только к вечеру поступление новых сведений возобновилось. На бирже возникла паника. В палате депутатов тревога была чрезвычайная. Депутаты теснились вокруг Казимира Перье, желая узнать от него что-нибудь достоверное, но он сам в тот момент знал еще слишком мало.

Экстренно собравшийся у короля совет министров прежде всего решил отправить в Лион наследника престола и военного министра с войсками. Но одновременно король Луи-Филипп приказал немедленно купить в Лионе за свой личный счет шелковых материй на 640 000 франков, о чем мигом был уведомлен префект Роны, а через него все лионское население. «Наш добрый король, желая первым засвидетельствовать свою симпатию к несчастным...» — с умилением пишет об этом вышедшая спустя несколько дней брошюра [81]. Принимая во внимание известную экономность «доброго короля», можно судить о степени его растерянности.

Лионские известия продолжали прибывать и распространяться с каждым днем. Уже 24 ноября в рабочих кругах кое-где, как подслушали агенты префектуры, говорилось, что нужно последовать примеру лионских рабочих и, раз министры нарушили хартию, выступить решительно [82]. 26 ноября в городе появились прокламации, наклеенные ночью и утром, в которых рекомендовалось парижским рабочим последовать лионскому примеру [83]. Эти попытки продолжались и дальше; полиция называет их авторов «анархистами» и настаивает на факте полной безуспешности их усилий [84]. 29 ноября полиция думает даже, что «плачевные лионские события, кажется, уже забыты отчасти» и уже лионские слухи не внушают в Париже беспокойства. Но на самом деле это спокойствие было притворным: тревога была налицо самая настоящая.

Был момент острого беспокойства в Париже. Впоследствии, спустя пять месяцев, префект Роны Бувье-Дюмолар, уже тогда отставленный, передавал, в письме к министру, слова, сказанные ему одним членом оппозиции в декабре 1831 г.: «...если король еще на своем троне, то, конечно, он этим обязан вам. Вы остановили не волнение, но революцию. *Еще двадцать четыре часа, и мы бы отсюда* (из Парижа — *Е. Т.*) *уехали. Все было готово*» [85].

Правительство центральное не подавало в эти дни никаких признаков жизни, которые как-нибудь сказывались бы в Лионе, и среди рабочих как будто начали обозначаться какие-то новые настроения. «Мы боимся раскола среди наших победителей»,— пишет с беспокойством главный прокурор министру юстиции уже 26 ноября [86]. В рабочем предместье Круа-Русс начались шумные собрания рабочих, где предлагалось потребовать с г. Лиона 7 миллионов франков. «Подумайте о дерзости!— восклицает прокурор.— Требование было скорее отсрочено, чем отвергнуто (мы стремимся выиграть время), но оно может возобновиться с угрозами в каждый момент».

Но вместе с тем рабочие явно не рассчитывали удержать власть. Того же 26 числа, когда на собраниях шла речь о 7 миллионах франков, в город явился полковник одного из полков, ушедших из Лиона, и предложил ввести войска в город. Его свели с вождями рабочих, и те *приняли* это предложение. Но как главный прокурор, так и другие власти считали, что войти в город, пока у правительства не будет по крайней мере готовой армии в 25 000 человек, не имеет смысла и может повести к весьма печальным (для правительства) результатам [87]. Критическим моментом главный прокурор считал тот момент, когда «правительство возьмет снова свои права». Прямая атака может погубить город, и 5000—6000 человек совсем недостаточно. Гарнизон генерала Рогэ непрерывно усиливался в это время на тех стоянках, где он расположился, выйдя из Лиона, и уже 27 ноября городские (старые) власти получили известие, что наследник престола и военный министр с армией двигаются к Лиону. «Мы возвращаемся к надежде и к жизни»,— с ликованием писал главный прокурор министру юстиции [88]. Он с полной уверенностью предсказывал, что эта вооруженная сила не натолкнется ни на какое сопротивление.

28 ноября уже все магазины были открыты в городе, начали восстанавливаться работы в шелкоткацких мастерских и возобновилась нормальная жизнь большого торгово-промышленного центра. Весь город уже знал, что герцог Орлеанский с армией прибыл в главную квартиру генерала Рогэ. Среди восставших стал наблюдаться некоторый упадок духа. Агитаторы, пришедшие со стороны, пишет прокурор, бегут из города. Кто такие эти «agitateurs du dohors»? Вся документация, которой мы теперь обладаем (и которой не обладал прокурор 28 ноября 1831 г.), показывает достаточно ясно, что никаких «посторонних агитаторов» не было, потому что все лионское движение выросло на почве экономического положения местного рабочего класса и ни в малейшей степени не нуждалось ни в каких «посторонних агитаторах». А люди, которые с 28 ноября начали покидать Лион и, по-видимому, в больших количествах (бегле-

цами были «покрыты дороги» [89]) были, конечно, представители того же лионского рабочего класса, игравшие наиболее активную роль в восстании и поэтому имевшие основание опасаться особенно жестоких репрессий.

Герцог Орлеанский выехал из Парижа 25 ноября в сопровождении военного министра. 27-го он прибыл в Макон, где и остановился. 28-го главная квартира была перенесена в Треву, где произошла общая конференция и окончательная группировка армии. Казимир Перье впоследствии так объяснял последующий образ действия властей: можно было, рискуя возобновить кровопролитие, немедленно войти в Лион и можно было ждать у ворот города некоторое время, пока страсти улягутся [90].

Но стоит лишь приступить к анализу создавшейся обстановки, чтобы понять, насколько герцогу Орлеанскому было трудно начинать немедленно новую битву, вовсе еще не зная, каково будет поведение его собственных войск. Ведь 1831 год был еще годом критическим для Июльской монархии, и ее низвержение очень многим представлялось таким же делом случая, и внезапного случая, как ее создание. А затем — ведь герцог был пред лицом совсем нового в летописях XIX столетия феномена—пред лицом рабочего восстания, первые шаги которого к тому же оказались победоносными. Таким образом, сдержанный образ действий главнокомандующего королевской армией, наследника престола, следует приписать не столько гуманности, сколько примитивнейшей осторожности. Казимир Перье, например, забыл в своей речи об очень многозначительном факте (о котором забыли — или никогда и не знали — также историки всех направлений, в том числе и социалистические), что по пути из Парижа герцог Орлеанский слышал в Жуаньи, в Оксерре, в Шалоне, как толпы манифестантов кричали: «Долой министров!» [91] Забыл первый министр также пояснить, что для составления сколько-нибудь надежного отряда для похода на Лион военному министерству пришлось экстренным приказом, форсированными маршами [92] вызвать войска, стоявшие на бельгийской границе, хотя, ввиду бельгийских событий и общей дипломатической ситуации, это было крайне некстати и чревато последствиями.

Остановившись пред городом, в четырех километрах от Лиона, в Рилье, где уже стояла отступившая из Лиона 23 ноября армия генерала Рогэ, герцог Орлеанский произвел некоторое следствие о поведении линейных войск в ноябрьские дни. Одному капитану 13-го полка, который не решился приказать стрелять в рабочих, окруживших его роту, герцог Орлеанский сказал пред фронтом: «Вы недостойны служить во французской армии — в отставку!» Одна рота гренадер, две роты сапер были раскассированы по разным полкам за нерешительное поведение

16*

(т. е. за то, что отказались стрелять). Одновременно с этим шла торжественная, пред фронтом, раздача наград тем, кто деятельно участвовал в бою. Каждый день форсированным маршем подходили новые и новые части, и к началу декабря около 20 000 человек, с многочисленной артиллерией и кавалерией, были вполне готовы ко входу в Лион. Между тем в Лионе рабочие были в полном бездействии. Не только не было и речи о попытке организации новой власти, не только не было и не могло быть никакой надежды на дальнейшее распространение по Франции восстания, но сама рабочая комиссия, единственный организационный центр восстания, на другой же день после победы, 24 ноября, опубликовала следующее заявление, обращенное к префекту: «Мы должны объяснить, что в событиях, которые только что имели место в Лионе, политические и мятежные внушения не имели никакого влияния [93]; мы всецело преданы Луи-Филиппу, королю французов, и конституционной хартии. Мы одушевлены чувствами, самыми чистыми и самыми горячими, к общественной свободе, к процветанию Франции и мы ненавидим все партии, которые пытаются на них покуситься. Мы просим вас напечатать эту декларацию в вашем ближайшем номере» (департаментской газеты). Префект номинально остался хозяином города. Рабочие вполне признали его власть, и караулы, ими расставленные по городу и предместьям, повиновались приказам префекта. Правда, в первые два дня слышались кое-где слова о республике [94], но продолжения и последствий это не имело. А между тем следует отметить, что *вне* рабочей среды была сделана попытка, ни малейшего успеха не имевшая, провозгласить новое правительство. Об этом стоит упомянуть именно затем, чтобы еще более подчеркнуть полную аполитичность лионской рабочей массы. В одной из зал Ратуши семь человек, во главе с редактором газеты «La Glaneuse», объявили себя 24 ноября утром «временным главным штабом» (l'état-major provisoire), и под этим неясным названием они продолжали оставаться несколько часов. За это время они выпустили прокламацию «К лионцам», в которой предлагают избрать новые власти, отвернуться от «министерского шарлатанства» и завоевать себе новую, настоящую свободу. Эта прокламация была выслушана рабочими «с удивлением и равнодушием» [95] и ни малейшего впечатления не произвела. «Временный главный штаб» исчез немедленно и бесследно.

Вообще, вот как рисуется политическое положение в Лионе от того момента, когда последние солдаты генерала Рогэ ушли из города, до того момета, когда герцог Орлеанский во главе двадцатитысячной армии вступил в Лион. Вот слова наблюдателя, прожившего эту неделю в Лионе: «Занятие города рабочи-

ми продолжается всего восемь дней, но уже на другой день после победы оно лишь номинально. Хотя еще есть посты, охраняемые вооруженными рабочими, но вся власть, по-видимому, возвращена законным ее носителям. Можно было бы сказать, что победители отреклись от власти; они исчезли с улиц в последние дни ноября и смешались с остальным населением»[96]. 28 ноября муниципалитет, во главе с мэром г. Лиона, посетил главную квартиру и получил от наследника престола приказ обезоружить население, т. е. собрать все оружие, взятое в арсеналах и вообще имеющееся у частных лиц. На другой день началось исполнение этого приказа, причем никакого сопротивления оказано не было. Гражданские власти, уже почти вполне успокоившиеся, все же с нетерпением ждали вступления войск в город[97]; но военное командование не торопилось. Новые отряды все подходили и подходили. Не было и речи в Лионе о новой битве с войсками. Все это было хорошо известно в лагере герцога Орлеанского, и когда его армия была приведена в боевой порядок, решено было начать действовать.

1 декабря все предместья, почти одновременно, были заняты вошедшими с разных сторон войсковыми частями. На другой день были расклеены в городе объявления о предстоящем въезде в Лион наследника престола.

В субботу, 3 декабря, в 12 часов дня герцог Орлеанский, в сопровождении большой свиты и четырех отборных полков, торжественно вступил в город. На другой день национальная гвардия была объявлена распущенной и велено было всем вообще, имеющим оружие, сдать таковое не позже 8 декабря, что и было исполнено. Префект Дюмолар в особом извещении предлагал лионцам «надеть праздничные одежды» по случаю восстановления законной власти. На это «La Gazette du Lyonnais» ответила, что лионцы давно уже успели распродать свои праздничные одежды и проесть их и поэтому не могут исполнить желание префекта.

Подчинение города было полное и безусловное. Выступил вопрос о репрессиях.

Правительство было в затруднении. С одной стороны, необходимо обеспечить впредь Францию от подобных происшествий, а с другой стороны —«плачевное и преступное увлечение» объяло бо́льшую часть рабочего населения Лиона и, кроме того, были выражения «общего раскаяния». Поэтому нельзя преследовать *всех* виновных. Вообще, «мудрости» прокурора предоставляется решить, кого именно преследовать. Министерство же юстиции полагает, что нужно преследовать тех, кто «сопровождал это преступление политическими попытками», и тех, кто лично оказался повинен в убийстве, добивании раненых, грабеже и т. п.[98]

И судебные, и административные власти в Лионе колебались и не видели ясного выхода из положения. С одной стороны, нелепо и невозможно возбуждать уголовное преследование против 30 000 человек (а что тут никакие «зачинщики» не виноваты и движение было с начала до конца массовым, об этом даже и спора не возникало), но с другой стороны — совсем обойтись без репрессий им тоже казалось немыслимым. Вся Европа смотрит на Лион, достоинство правительства поставлено на карту,— подбадривали они друг друга [99]. Что за *первым* рабочим восстанием может последовать второе, это тоже учитывалось.

Конечно, прежде всего расправились с префектом Бувье-Дюмоларом, которого фабриканты считали автором тарифа и зачинщиком всего дела. Казимир Перье, типичный представитель крупнейшей буржуазии (он был совладельцем анзэнских копей) и решительный сторонник безусловной борьбы против всех попыток экономической или политической эмансипации рабочего класса, тотчас же уволил Бувье-Дюмолара. Это увольнение было демонстративной опалой; карьера этого сановника была покончена. Еще спустя десять лет, в 1841 г., на него смотрели как на человека, находящегося в опале, и до такой степени, что местный префект (в провинции, где тот жил) боялся с ним водиться, и Бувье-Дюмолар беспокоился, не повредит ли его детям опала отца [100].

Новый префект хотел возбуждения судебных преследований против рабочих, жаловался своему шефу Казимиру Перье на бездеятельность обоих следователей в Лионе и утверждал, что общественное мнение теперь (середина декабря 1831 г.) так настроено, что непременно были бы обвинительные приговоры, если бы привлечь участников восстания к суду. И сам Казимир Перье переслал эти жалобы префекта министру юстиции [101].

Министр юстиции тогда поспешил сообщить прокурору в Лион (не называя Казимира Перье) о беспокойствах правительства по поводу недостаточной активности обоих следователей, а вместе с тем уже и от себя требует скорейшей судебной репрессии против виновников лионского восстания,— и вообще видно, что письмо Казимира Перье сильно на него подействовало [102].

Итак, значит, согласно с указаниями, полученными из Парижа, было поведено прежде всего следствие о деяниях, имевших политический характер. Таких деяний оказалось не много. 23 ноября в здании городской думы была сделана попытка провозгласить временное правительство и была составлена соответствующая прокламация. По этому делу было арестовано и привлечено к следствию семь человек. По второму обвинению

(убийства раненых, грабежи и т. п.) тоже привлечено было несколько человек. Но сама прокуратура в своем первоначальном донесении министру об этих арестах довольно прозрачно намекает, что в сущности ни против арестованных первой группы, ни против арестованных второй группы настоящих, точных, доказанных обвинений нет. В общем, в середине декабря в лионской тюрьме сидело около 90 человек, привлеченных по делу о ноябрьском восстании [103].

Новый префект Роны доносил Казимиру Перье, что лучше бы судить обвиняемых вне г. Лиона, потому что иначе могут возобновиться волнения, и свидетели в другом городе будут говорить свободнее [104]. И откладывать в долгий ящик, под предлогом затянувшегося следствия, тоже было, по мнению, например, главного лионского прокурора, неудобно. Никто не объяснит, писал он своему начальству, это промедление соображениями правосудия,— объяснят только страхом и слабостью [105]. Дело окончилось отдачей под суд в общей сложности 60 человек [106], причем 36 из них были преданы суду исправительной полиции (по разным мелким обвинениям — в воровстве и т. п.), а остальные оправданы за отсутствием доказательств.

Самый суд по более важным обвинениям происходил в Риоме: в Лионе не хотели судить обвиняемых, считая это опасным. Даже увезли 21 обвиняемого из лионской тюрьмы в Риом с большими предосторожностями, боясь волнений в рабочей среде по этому поводу [107].

В конце концов репрессия свелась к следующему. Около 10 000 рабочих, по некоторым известиям, проникшим в газеты [108], были высланы из города. Было произведено немало арестов. Но пред судебными репрессиями правительство в общем отступило. Оно не желало, чтобы лионское дело особенно долго занимало собой общественное внимание. Только 11 человек были преданы суду. Процесс происходил с 5 по 22 июня 1832 г. и окончился оправданием обвиняемых.

Оставалось еще последнее слово высшего руководителя правительства по поводу происшедшего. Задачу сказать это слово взял на себя Казимир Перье.

Циркуляр министра внутренних дел к префектам всех департаментов ясно выразил принципиальную позицию Июльской монархии в вопросе об отношениях между рабочими и работодателями. «Я извещен, что в небольшом числе департаментов рабочие мануфактур обращаются к властям, чтобы добиться увеличения заработной платы; что с этой целью они устраивают собрания, организуются в корпорации, выбирают себе начальников и делегатов. Эти собрания являются нарушением общественного порядка: они могут повести к еще более важным преступлениям,— недавний пример это доказывает. Я уверен, что

если бы эти отклонения имели место в вашем департаменте, то вы сумели бы их подавить. Считаю нужным напомнить вам о законах, сюда относящихся: вы должны, не колеблясь, их применять, если представится случай. Сила вещей и интересов, общих фабрикантам и рабочим, побуждает их к сближению и соглашению. Но только конкуренция и свободное состязание между мануфактуристом и рабочим, которого он нанимает, должны привести их к соглашению относительно цены рабочих рук. Администрация не имеет ни средств, ни права вмешиваться в эти расценки и еще меньше — определять их тарифами» Подписано: граф д'Аргу [109].

Сам Казимир Перье счел полезным выступить и вторично, когда уже дело представлялось окончательно погребенным. 17 декабря 1831 г. он произнес большую речь, поводом к которой были все те же лионские ноябрьские события. Прежде всего он не только лишний раз торжественно отвергает всякую солидарность высшего правительства с действиями префекта Роны (в деле издания тарифа заработной платы), но он вполне присоединяется к точке зрения фабрикантов, будто именно издание этого тарифа вызвало беспорядки. Затем он открыто сознается, что тотчас после издания тарифа, т. е. именно в те недели, которые предшествовали взрыву восстания, он, Казимир Перье, употреблял все усилия, чтобы свести этот тариф к нулю. Префект получил директиву «частью путем убеждений, частью неосуществлением (тарифа — *Е. Т.*), но без насилий, без толчков добиться уничтожения только что изданного тарифа, в благодетельную и обязательную силу которого рабочие поверили» [110].

Таково было самооправдание Перье и обвинение Бувье-Дюмолара.

Учение о полном невмешательстве государственной власти в отношения между рабочими и работодателями торжествовало победу по всей линии.

5

Нам остается теперь коснуться того непосредственного впечатления, которое произвела на различные классы и представляющие их партии лионская рабочая революция. Заметим прежде всего, что совсем особый характер лионских событий бросился в глаза сразу всем, начиная от властей и кончая иностранными наблюдателями. Социальное, а не политическое восстание, повторялось на все лады. Тогда полагали, что могут быть восстания чисто политические, без экономической заинтересованности и цели, и что, например, Июльская революция была «политической» в отличие от лионского восстания, хотя, конечно, говорить так и об Июльской (как и о всякой другой)

революции — значит не понимать ее внутреннего смысла и значения.

Но уж что лионское восстание всецело продиктовано экономическими, а не какими-либо иными нуждами, это было ясно даже и совершенным слепцам.

Уже на другой день после восстания близко его наблюдавший прокурор Дюплан рекомендовал изучать это восстание *не* издалека и ставил его как-то особо от других революционных возмущений [111]. Это почувствовало все общество.

Рассмотрим, как высказывались о восстании в Лионе представители крупной буржуазии, представители мелкой буржуазии, как судили о ней республиканцы и, наконец, глашатаи единственного заметного социально-радикального течения — сен-симонизма. Назвать их *социалистами* я затрудняюсь, не желая употреблять тут неточный термин.

Когда разразились лионские события,— так писал в мемуаре, представленном обеим палатам месяц спустя, Теодор Беназэ,—«первая мысль была об обществе, угрожаемом в своем существовании». Затем стали очень радоваться, что лионское движение лишено политического характера. Но автор думает, напротив, что это-то обстоятельство и страшнее всего. За последнюю четверть века, утверждает Беназэ, положение рабочих ухудшилось: их плата имеет тенденцию к уменьшению, а цены на предметы первой необходимости повышаются. «На каком бы месте королевства вы ни находились, поглядите вокруг себя и вспомните о Лионе» [112]. Социальный вопрос впервые за всю новую историю напомнил о себе с такой резкостью и ясностью.

Это впечатление пережил не один Беназэ.

Наиболее сильное впечатление, какое на собственнические круги произвели лионские события, было сформулировано в органе правого крыла крупной буржуазии — «Journal des Débats».

«Незачем утаивать: ибо к чему служат притворство и умолчания? Лионское восстание открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом ничего не имеющим» [113]. Выхода публицист не видит, ибо хоть рабочие и язва, но без этой язвы никак нельзя обойтись: «Наше торговое и промышленное общество имеет свою язву, как и все прочие общества; эта язва — рабочие. Нет фабрик без рабочих; а с рабочим населением, все возрастающим и всегда нуждающимся, нет покоя для общества. Устраните торговлю, и общество захиреет, остановится, умрет; оживляйте, развивайте, увеличивайте торговлю, и вы в то же время увеличите *пролетарское население* (*une population prolétaire*,— курсив в подлиннике — *Е. Т.)*, которое живет изо дня в день и у которого малейший случай может отнять средства к существо-

ванию. Посмотрите в каждом промышленном городе, каково относительное число торгово-промышленного класса и класса рабочего, и вы будете испуганы непропорциональностью. Каждый фабрикант живет на своей фабрике, как колониальные плантаторы среди своих рабов, один против ста, и лионское восстание своего рода возмущение на Сан-Доминго». Автор подчеркивает курсивом основную свою мысль: «Варвары, угрожающие обществу,— не на Кавказе и не в татарских степях; они в предместьях наших фабричных городов; и не следует оскорблять этих варваров; увы! — их больше следует жалеть, чем порицать; они страдают, нужда их давит. Как же им не искать лучших условий? Как не устремляться с шумом уже не к странам лучшего климата, как делали их предшественники, но к лучшему состоянию? Как им не поддаться искушению совершить нашествие на буржуазию? Они сильнее, они многочисленнее, вы сами даете им оружие, и наконец они страшно страдают от нищеты. Каким мужеством, какою доблестью нужно было бы обладать, чтобы не поддаться искушению!» Газета правящего класса настаивает, что она нисколько не преувеличивает: «Наши выражения о варварах, о нашествиях покажутся преувеличенными; мы употребляем их намеренно. Эти выражения говорят о большем, чем есть сейчас, но не о большем, что еще может быть. Нужно, чтобы средний класс знал хорошо, каково положение вещей; нужно, чтобы он знал хорошо свое положение. Под средним классом есть население пролетариев, которое волнуется и содрогается, не зная, чего оно хочет, куда оно идет. Что ему до этого? Ему плохо. Оно хочет перемен. Вот где опасность для современного общества, и отсюда могут выйти варвары, которые его разрушат». Автор не хочет (или говорит, что не хочет), чтобы средний класс проявлял жестокость и тиранию; но он еще менее хочет, чтобы средний класс оказался одураченным (être dupe). «А средний класс оказался бы одураченным, если бы увлеченный какими-то демагогическими принципами, он дал бы глупо оружие и права своим врагам, если бы он впустил пролетарский поток в национальную гвардию, в муниципальные учреждения, в избирательные законы, во все, что есть государство... Здесь дело идет не о республике, не о монархии — дело идет о спасении общества. Можно предпочитать избранного президента — королю, но вместе с тем не желать, чтобы общество было опрокинуто вверх дном и чтобы хвост занял место головы... Давать политические права и национальное оружие тем, у кого нечего защищать и кто может все забрать,— значит идти против сохранения общества. Вот что средний класс должен лучше, чем когда-либо, понимать со времени лионских событий, иначе — он одурачен и сам находится

в заговоре с целью достигнуть собственной своей гибели. Средний класс поступает со своими варварами так, как Римская империя поступала со своими: Римская империя принимала их на свое лоно, говоря — и это была глубокая политика,— что они будут защищать империю, раз они будут в нее инкорпорированы. Известно, что из этого получилось». Вывод такой: оружие и политические права должно давать только тем, кто что-нибудь имеет (ne donnons point de droits politiques ni d'armes nationales à ceux qui ne possèdent rien). «Современное общество погибнет от своих пролетариев, если оно не постарается всеми возможными способами уделить им частицу собственности или если оно сделает их активными и вооруженными гражданами *до* того, как сделает их собственниками».

Статья «Journal des Débats» произвела большую сенсацию. Мировое значение лионского симптома было подчеркнуто врагом рабочих, но подчеркнуто весьма реально. Ни республиканская, ни легитимистская пресса не захотела, однако, ставить вопрос так опасно-широко, как поставил его крупнокапиталистический орган. Легитимисты (ср., например, «Courrier de l'Europe» от 12 декабря 1831 г.) протестовали с чисто демагогическими целями, так как лозунгом этой партии в тот момент было использовать рабочий класс против либеральной буржуазии в интересах восстановления старшей линии Бурбонов и низвержения Луи-Филиппа; а республиканцы, напротив, были заинтересованы в том, чтобы по возможности сгладить весь чисто пролетарский оттенок движения, замаскировать чисто экономический характер лионского дела, с целью не испугать мелкобуржуазные элементы республиканской партии и вместе с тем не утратить в рабочем классе будущего союзника в борьбе против той же Июльской монархии. И все-таки непосредственные *ощущения* от лионского восстания заключали нечто особое, настолько жуткое для современников, что уже это одно обстоятельство дает лионским событиям совершенно особое место в истории. А ведь, кажется, уже это-то поколение, пережившее Июльскую революцию и первые времена после нее, достаточно должно было окрепнуть нервами. Но нет, в лионском восстании увидели нечто совсем новое и непривычное, тем более пугающее, что сами лионские рабочие явственно еще этого не видели и не понимали.

Наборщик и пролетарий (так подписавшийся) Барро, которого я в другой связи уже цитировал выше, ответил на статью «Journal des Débats» особой брошюрой, написанной в очень раздраженном тоне и с негодованием отвергающей самую мысль об опасности для современного общества со стороны рабочих. Он негодует на своего противника за то, что тот «вливает яд в сердца собственников», настраивая их против пролета-

риата. Вспоминая о лионских днях, наборщик Barraud пишет: «Надеемся, что подобное несчастье не повторится; но если бы беспечность администрации, жадность капиталистов, недобросовестность фабрикантов заставили рабочих выйти из границ законности,— *нейтральной* (курсив в подлиннике —*Е. Т.*) собственности нечего будет бояться». Отношение автора к правительству таково: «Теперь мы обладаем правительством, которое мы создали, которое мы считаем достойным нашего доверия, которое признало нас гражданами...» Характерен конец брошюры: «Наконец, monsieur, к чему сводится ваша позорная выходка против пролетариев, которые лучше вас? Я вижу тут тенденцию к созданию новой аристократии, тем более ненавистной, что она бы имела своим принципом деньги, а все знают, что во Франции самые честные люди — не самые богатые» [114].

Интересны суждения более левой, более оппозиционной части буржуазного класса. Орган, отражавший больше всего взгляды и мнения мелкой и средней торговой и промышленной буржуазии и уже тогда бывший в глухой оппозиции к руководящим крупнокапиталистическим верхам, «Journal du Commerce», писал под первым впечатлением лионских событий, что пред этими событиями все другие вопросы исчезают и остается «только один вопрос, вопрос жизни и смерти для самой большой части населения» [115].

По мнению этой газеты, *неопровержимо* доказано лионскими событиями, что заработной платы рабочих не хватает на жизнь. Как и другие газеты, «Journal du Commerce» приписывает лионскому делу общее, а вовсе не местное только значение. К этой мысли журнал мелкой и средней буржуазии настойчиво возвращается и тогда, когда уже пришли известия о конце лионского движения: «Материальный результат — местный, причина, к несчастью, существует повсюду, и каждый день может произвести последствия, с которыми можно справиться, пока они частичны, но которые страшны, если они обнаружатся одновременно всюду» [116]. Во всяком случае в благодетельное значение репрессий при данных обстоятельствах газета не верит [117]. Но и сама она ничего, кроме растерянных советов улучшить финансы и способствовать понижению цен на предметы первой необходимости, не дает. Во всяком случае цитированные статьи этой газеты поражают широтой кругозора и пониманием положения, если сравнить их с ничтожными пререканиями и праздными разговорами о лионских событиях во время заседания палаты депутатов 26 ноября 1831 г., когда обсуждался адрес королю по поводу Лиона. Эти прения именно характерны нежеланием говорить о самом главном, несмотря на то, что в тексте адреса, составленного Казимиром Перье, требование репрессий мотивируется именно грозным социально-ре-

волюционным внутренним смыслом лионских событий [118]. «Journal du Commerce» долго еще, и всегда с беспокойством и раздражением, направленным против высшего правящего капиталистического слоя, возвращался к смыслу лионских событий. И вместе с тем странные с логической стороны выводы, которые он делал, вовсе не гармонировали с его же предпосылками. Предпосылка: рабочим нечего есть, лионское восстание может повториться в общенациональном масштабе; вывод: следует распространить политические права, которыми владеет одна только крупная буржуазия, также на среднюю и на мелкую и на интеллигентный слой, ибо «он внушает народу идеи порядка и подчинения» [119]. Нечего и говорить, что погрешности логики тут порождались половинчатостью и неуверенностью классового положения самой этой мелкой буржуазии, от имени которой говорила газета. Республиканцы старались использовать лионские события в интересах борьбы против династии; как и впоследствии, в 1834 г., так и в 1831 г. лионские рабочие сами по себе интересовали их довольно мало. Если мы возьмем, например, брошюру «La Voix du Peuple», выпущенную «Обществом друзей народа» в декабре 1831 г. [120], то увидим, что глубокий социальный смысл событий не вполне ускользнул от автора первой (в три страницы) статьи этой брошюры. Статья называется «Гражданская война» («La guerre civile») и посвящена лионскому делу. «Порядок будет царствовать в Лионе. Сульт и возлюбленный сын короля, наконец, туда вошли»,— так начинается статья, намекающая на возмутившие многих слова, сказанные, после взятия Варшавы, во французской палате депутатов: «Порядок царствует в Варшаве (L'ordre règne à Varsovie). Вопрос о голоде рабочих не разрешен со входом королевской армии в Лион. Впрочем, не только в Лионе голодают. Не слышите ли вы со всех сторон ропот: лучше пусть нас убивают штыками, чем так жалко существовать». «Граждане... разделены противоположными классовыми и индивидуальными интересами». Строение общества таково, что в руках нескольких лиц сосредоточиваются богатства, которые общество должно было бы «постоянно дробить, чтобы всякий получил свою частицу» [121]. «Одни — владеют, другие покоряются необходимости служить или восстают». Республиканцы, не усматривающие другого разрешения социального вопроса, как превращение крупной собственности немногих в мелкую собственность всех, не любят, однако, очень задерживаться на этом, не вполне ясном, рецепте и особенно на способах его осуществления. И поэтому — опять крутой переход к Казимиру Перье, к его реакционным циркулярам и т. п. И если признается (стр. 4), что «продукт труда должен вернуться к рабочему», то сейчас же следует указание, что в создании таких законов,

преобразующих общество, должны участвовать «все». А до той поры — будет гражданская война. Мы видим тут рядом с пониманием основного характера лионских событий туманность и детскость советов и рецептов. Все это характерно для политического радикализма начальных лет Июльской монархии.

Ярче других республиканцев высказался уже спустя полтора года после лионских событий начинавший тогда молодой Жюль Фавр: «...никакое живое существо не позволит мирно себя раздавить... и человек, пред тем как умереть, встает во весь свой рост, чтобы померяться со своим угнетателем. А что случится, если при этом последнем испытании он окажется в десять раз больше, в десять раз сильнее? Полагаете ли вы, что он решится умереть? Не говорите же о законности в таких вопросах» [122].

И дальше в своей речи он еще подчеркнул свою мысль, сопоставляя победу восставших в июле 1830 г. в Париже и, временную, правда, победу рабочих в ноябре 1831 г. в Лионе: «Рабочие, без сомнения, сильнее, и вот почему верх нелепости думать испугать их постоянной угрозой грубой репрессии. Но если их считать достаточно безумными, чтобы злоупотребить своей силой и разорить фабрикантов, то почему не ждать с минуты на минуту всеобщего грабежа, который в несколько дней отдаст все состояния в их руки? Они бы это могли. Июль и ноябрь показали, как распыляется гарнизон» [123].

Еженедельная газета, поддерживавшая обыкновенно интересы рабочих и выходившая в Лионе с 30 октября 1831 г. («Фабричное Эхо» — «l'Echo de la Fabrique»), напечатала по случаю въезда в город герцога Орлеанского в высшей степени верноподданническую статью, обличавшую глубочайший упадок духа и беспокойство. Газета приглашала рабочих «с любовью» встретить наследника, на коего должно возложить все упования и т. п. [124] «Временный штаб» рабочих, т. е. комиссия, поддерживавшая порядок в городе до входа войск, тотчас же прекратила свои функции, известив об этом префекта и одновременно подав самый почтительный адрес «августейшему принцу». Но одновременно и указанная газета, и отдельные рабочие продолжали с горечью и с гневом говорить о фабрикантах, которые провалили своим сопротивлением тариф, установленный в конце октября, и этим вызвали кровопролитие и все бедствия. Но и относительно фабрикантов никаких угроз не было пущено в ход. Газета говорит о «гармонии, которая должна существовать между рабочими, хозяевами мастерских и негоциантами». Вообще же довольно настойчиво восхваляется король Луи-Филипп, «который сказал, что отныне хартия станет правдой» и при котором рабочие «не должны бояться реакции 1815 г.» и военных судов 1817 г. По всему тону лионской рабочей газеты совершен-

но ясно, что она именно боялась. в эти тревожные дни входа в город большого войска, жестоких репрессий за ноябрьское восстание.

Может быть, в связи с этим беспокойством, державшимся в рабочей среде с первого же дня прихода войск под стены города и особенно усилившимся после приказа о сдаче оружия, в Лионе сильно заговорили о массовой эмиграции рабочих из города, и даже из Франции, за границу. Но «рабочая» газета с ужасом говорит о возможности такого несчастья, как выселение из Лиона. Она указывает на несчастное положение эмигрировавших и всячески хочет «открыть глаза тем, кто возымел бы преступную мысль перенести нашу отрасль промышленности за границу» [125].

Нам остается теперь рассмотреть поведение сен-симонистов в вопросе о лионских событиях.

Пропаганда сен-симонистов в это время вообще более обращалась к интеллигентной молодежи, чем к рабочему классу. И вообще сен-симонисты в 1831 г. не казались страшны полиции: она верила в силу скуки, которая была неразлучна с собраниями сен-симонистской «церкви» [126].

И в самом деле, сен-симонисты ничего общего не имели с подлинной рабочей массой в эти годы. Они даже говорили на таком языке, что рабочие, при всем желании, затруднились бы их уразуметь. Вот пример того, как в конце концов оторваны от жизни рабочих масс были сен-симонисты в эти годы их кипучей деятельности: лионское восстание, его всемирно-исторический смысл, при всей видимой перегруженности чисто местными чертами и деталями, — все это совершенно прошло мимо сен-симонистов. До такой степени, что об этой характерной странности в истории сен-симонизма забыли также все три автора историй сен-симонистской доктрины как старые — Себастиан Шарлети [127] и Жорж Вейль [128], так и новый, самый последний и наиболее научный из всех историков сен-симонизма — Анри Луванкур, посвятивший в 1913 г.большую докторскую диссертацию этой теме [129]. Все они пишут о том, что более или менее известно в главном, дают много интересных деталей и курьезов о сен-симонистской церкви, об их пререканиях, об отношениях к фурьеризму и к Огюсту Конту и т. д., а о Лионе — ни слова. Занимаясь темой, разрабатывая которую нужно пользоваться методами как историка социальных движений, так и исследователя литературных явлений, они все избрали благую часть (с точки зрения удобства для пишущего) и выбрали более легкую задачу, т. е. пользуются исключительно историко-литературным методом.

Между тем существует превосходный первоисточник, которым почему-то не пользовался *никто,* ни из историков сен-симо-

низма, ни из писавших о лионском восстании,— первоисточник, который дает самое авторитетное, непререкаемое, отчетливое понятие об истинном отношении сен-симонистов к лионскому делу. Это статьи из их газеты «Globe» от конца октября до конца ноября 1831 г. Этим статьям сама сен-симонистская «церковь» приписывала такое огромное принципиальное значение, что собрала их в отдельный небольшой сборник под названием «Religion Saint-Simonienne. Evénéments de Lyon». Редактором сборника был член сен-симонистской «коллегии», главный редактор газеты «Globe», Мишель Шевалье [130].

Ознакомимся прежде всего с *содержанием* сен-симонистских идей и точек зрения на лионское дело.

Еще только узнав о тарифе и ликовании рабочего класса в Лионе по поводу его опубликования, сен-симонистская газета [131] писала: «Не следует скрывать от себя, что сделка между лионскими рабочими и фабрикантами, только что заключенная стараниями префекта Роны, едва ли может представить достаточно гарантий продолжительности; обсуждение интересов обеих сторон не могло быть свободным, потому что есть нечто непреодолимое даже в самом мирном голосе уполномоченных 100 000 человек, которые требуют хлеба; и особенно нам, являющимся представителями низших классов, надлежит спросить, было ли возможно при этих обстоятельствах не пожертвовать интересами фабрикантов во имя общественной безопасности? Нам, защитникам *всех* трудящихся,— директоров промышленности, как и рабочих самых низших ступеней [132],— нам надлежит спросить, может ли мануфактурист, вследствие увеличения заработной платы, найти сбыт своих продуктов, сможет ли он выдержать конкуренцию Цюриха, Эльберфельда, английских фабрик? Не будет ли принужден лионский фабрикант прекратить работу, уменьшить количество станков?».

Сен-симонисты, собственно, обращаются, не называя его, к префекту Дюмолару, настоявшему на издании тарифа, с укором или, точнее, с подчеркиванием того, что, помогая или думая помочь рабочим, он «угнетает другие классы» [133]. Они констатируют это не затем, чтобы протестовать во имя принципа свободной конкуренции (напротив, они именно этому принципу тут же приписывают все зло), но чтобы указать на бессилие паллиативных средств при существующей, ложной в корне, организации общества. На лионское восстание они смотрят не как «на отдельное явление», но, «напротив, тот факт есть яркий символ промышленного положения всей Франции». Делегаты лионских рабочих, с жаром защищая в простой и наивной форме дело своих братьев против делегатов фабрикантов шелка, защищали в то же время дело всех пролетариев, которые оплодотворяют почву и населяют все мастерские.

Сен-симонисты полагают, что тариф не будет выполнен и не может быть выполнен. Выход из положения они усматривают в установлении кредитных учреждений, которые сильно облегчат положение фабрикантов и позволят им примириться с повышением заработной платы, а также в уничтожении налогов и пошлин, которые повышают цену на съестные припасы. Правда, эти меры будут временными, переходными, паллиативными, необходима более радикальная перестройка общества, но даже эти меры «могут на некоторое время дать безопасность управляемым и популярность управляющим» [134]. Таковы были рассуждения сен-симонистов еще до ноябрьских событий.

Как только сен-симонистская «церковь» в Париже узнала от одного члена этой «церкви» в Лионе и из других источников о лионских сражениях, она поспешила высказаться. Признавая себя «истолкователями, адвокатами самого многочисленного и самого бедного класса», сен-симонисты удручены всем происшедшим. Они считают происшедшее печальным в моральном смысле и они хотят «очистить» рабочее дело, хотят внушить рабочим «чувство порядка, мира и соглашения, которым мы полны» [135].

Совершенно бессодержательная статья от 25 ноября имела свое продолжение в еще менее содержательных фразах, появившихся в «Globe» 26 ноября. «Нужно успокоить одних и ободрить других, стать умиротворителями между теми, которые имеют, и теми, которые не имеют. Соединимся, чтобы предотвратить разделение общества на два лагеря, условимся говорить с каждым на языке, который он любит слышать, чтобы вырвать из глубины сердец семена вражды» [136] и т. д. Кроме этих слащавых речений — ровно ничего; а между тем с каждым днем прибывали все новые и новые детали о только что окончившихся лионских битвах, и из Парижа уже выступила в поход армия наследника престола.

Сен-симонисты, бывшие ближайшими свидетелями событий, нашли все-таки слова, более подходящие к грозной, еще не остывшей боевой атмосфере, и в письме двух адептов лионской «церкви», напечатанном на другой день, чувствуется дыхание только что пронесшейся бури: «Отец, рабочие победили. Вчера они сражались с невероятной храбростью; ничто не может дать понятие об их ярости в битве. Мы имели очень ложное представление об этих людях, у которых мы предполагали отсутствие энергии; мы тогда еще не знали по опыту, что́ такое люди, которые сражаются из-за хлеба». Сен-симонисты принципиально не приняли участия в битве: Франсуа и Пейфер перевязывали раны сражавшихся *обеих* сторон: третий, Корреар, «вмешивался в группы, но держался вдали от сражения». «Мы все употребляли все влияние, которое мы имели на рабочих, чтобы

успокоить их ярость против негоциантов...» Сен-симонисты тут же, в эти ноябрьские дни, пропагандировали мысль, что их нужде мог бы немедленно помочь не неисполнимый тариф, но закон об уничтожении обременяющих их налогов. Однако агитация успеха не имела: «Эти люди пожимали нам руки, проливали слезы, они оплакивали несчастья, во власти которых находится наш город; но стоило им ускользнуть от наших советов, как запах пороха возвращал им все их бешенство». Равнодушие к чисто политическим вопросам среди сражавшихся было, по показаниям сен-симонистов, полнейшее: как легитимисты, так и республиканцы никакого успеха не имели. Но об Июльской революции вспоминали, и в очень характерных выражениях. «Раненые рабочие, которых к нам приносили, и те, которые их сопровождали, говорили нам: «Негоцианты сделали революцию для себя: они были злы на знать и духовенство — они от них избавились; они хотели мест — они их заняли; они воспользовались народом, чтобы сделать революцию, и потом уже более им не занимались. Мы хотим сделать революцию для себя». А когда им говорили, что их обманывают карлисты, то они отвечали: «Что нам за дело до карлистов или либералов, мы хотим хлеба»» [137].

Лионские сен-симонисты, пережившие эти дни, наслушавшиеся этих речей, почувствовали невозможность (или бесполезность) своей фразеологии; по крайней мере они запросили инструкций от парижской «церкви», с ударением обращая внимание парижских «отцов» на необходимость дать нечто более подходящее к событиям, которые *должны* повлиять на изменение тактики [138]. А потому они стали ждать «вдохновения (inspiration), которое должно было снизойти на парижских «отцов». Нельзя сказать, чтобы «вдохновение», которое должно было, по упованию лионских верующих, снизойти на парижских отцов сен-симонистской церкви, было особенно плодотворно и богато новыми идеями. «Инструкции», посланные в Лион Пейферу и потом перепечатанные из «Globe» в брошюре «Religion Saint-Simonienne», сводятся к следующему. Во-первых, изъявляется благоволение лионским членам церкви: вы, лионцы, «сохранили сен-симонистское спокойствие» (ont conservé le calme Saint-Simonien). «Ваше место, в самом деле, не могло быть ни в рядах буржуа, ни в рядах рабочих, оно было — между теми и другими, так как мы — апостолы мира». Сен-симонисты — посредники между бедными и богатыми классами общества [139]. Что касается дальнейшего, то лионские сен-симонисты отныне должны стать апостолами, которые должны проповедовать рабочим отвращение к насилию. Надежда же у рабочих такая: «Богатые классы не смогут долго противиться благородной и спокойной просьбе; пожертвование некоторыми нынешними вы-

годами вскоре покажется им *священным долгом*, который им предписывается религией, гуманностью и политикой, и, может быть, они найдут щедрую компенсацию в благодеяниях мира и в горячей признательности масс». Но против насилия и угроз богатые классы всегда будут сопротивляться, и все равно рабочие, даже одержав победу, сами не смогут устроить свою судьбу. Пролетарии должны понять, что все зло — в конкуренции. Именно конкуренция и заставила понизить заработную плату и т. д. «С другой стороны, сен-симонисты должны сказать буржуазии, торжество которой в Лионе близко, что суровость — наихудшее из средств ограждения себя от народа. Фабриканты должны содействовать мерами к удешевлению хлеба» и пр. Все эти фантастические фразы приводятся тут лишь затем, чтобы осветить мало известную страницу в истории сен-симонизма. Ни на рабочих Лиона, ни на фабрикантов все это не произвело, конечно, и не могло произвести ни малейшего впечатления.

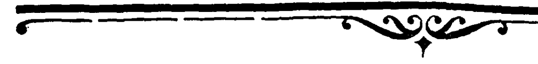
В заключение упомяну еще о взгляде, очень характерном, одного признанного представителя тогдашнего европейского радикализма. Европейский радикализм вообще отнесся к лионскому восстанию как-то двойственно, путанно, растерянно. Это замешательство видно больше всего у Людвига Берне, типичного по *содержанию* своих идей, хотя и исключительного по литературному таланту выразителя радикальных мнений средней Европы. Сидит он в 1831 г. в Париже и пишет одушевленные, яркие, ядовитые памфлеты, в форме писем, о текущих делах. Все понятно, загадок в политике, в истории, в философии нет и быть не может. Поляки — герои, Николай I — дух зла, немцы — филистеры, Июльская революция — освободительница и т. д. Все мысли — точные, отчетливые, *коротенькие* (как выразился впоследствии совсем по другому поводу великий русский писатель). Главное — нет никаких и ни в чем затруднений в области мысли: есть затруднения материальные (Казимир Перье, к сожалению, сильнее радикалов, Николай I, к сожалению, сильнее поляков и т. д.), но умственных, идейных, теоретических затруднений и неясностей нет ни малейших. И вдруг на голову этого бодрого, уверенного, оптимистического журналиста сваливаются лионские телеграммы: что-то совсем новое, грозное, неожиданное, ни на что другое не похожее. И Берне пишет свое письмо от 1 декабря 1831 г. (изд. 1833 г., т. XI, стр. 213—231), такое растерянное и такое необычно показательное. Он прежде всего громит Казимира Перье за глупость: «Er ist ein completter Narr!». Почему же? Потому, что Перье радуется отсутствию политического элемента в лионском восстании и тому, что это *только* война бедных против богатых. «И эту страшную истину, *которую, так как она — истина, следовало бы погрузить в глубочайший*

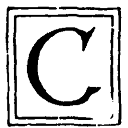
колодец, безумный человек высоко поднял и показал всему свету»[140]. Подчеркнутые мной слова поразительно характерны для всего тогдашнего политического радикализма. Эта лионская истина *опасна* уже не только для Казимира Перье и Николая I, но и для их неустанного обличителя Берне, а поэтому Казимир Перье глуп, если не догадался замолчать лионское дело и потопить «страшную истину» о социальной борьбе «в глубочайшем колодце». Дальше с отличающей его (совершенно бессознательной, но тем более беззаветной) самоуверенностью Берне громит Казимира Перье за то, что своими словами первый министр «разъяснил народу его (народа) темные стремления», превратил этой принципиальной постановкой вопроса «дикое настроение народа», проявившееся в данный момент, в нечто длительное; у народа были только «близорукие заботы дня», а Казимир Перье указал народу на вечность его нужды. Берне так поверхностен, так решительно ничего не понимает в положении, что он прямо в отчаянии: Казимир Перье погубил, «может быть, на сто лет», счастье Франции, счастье Европы[141]. Ибо, не проговорись Казимир Перье, народ бы сто лет не догадался о социальном характере своего восстания: таков прямой логический вывод из этих курьезных филиппик Берне. Дальше идут обычные слова о необходимости даровать «народу» избирательное право, повысить благосостояние бедных (как именно — не говорится) и т. д. и т. д., и уже больше ни звука о Лионе. Нельзя себе представить одновременно большей самоуверенности по отношению к другим и большей снисходительности по отношению к собственной беспомощности пред новым вопросом и к собственной растерянности пред неожиданными событиями.

1928 г.

Жан-Поль Марат,
друг народа

реди героических теней буржуазной Французской революции есть одна, к которой всегда с особенно страстным интересом приковывались взоры не только ближайших поколений, но и далекого потомства. Скитальчество и полунищенское существование до революции, яркая, не дающая другим и не ждущая себе пощады, борьба за революцию в течение первых четырех ее лет и внезапная смерть от вражеского кинжала...

Такова была жизнь этого человека, навсегда вписавшего свое имя в скрижали истории, но об этой посмертной славе никогда не заботившегося. У него есть одна черта, дающая ему особое место в ряду первостепенных деятелей революционного периода: в отличие от Робеспьера и Дантона Марат не был оратором и действовал не столько на парламентские собрания, сколько на читательскую массу,— он был публицистом, журналистом, писателем и влиял непосредственно на народную гущу своими пламенными статьями и памфлетами. Великий деятель публицистической трибуны, он не может быть даже отдаленно сравниваем с другими журналистами революционного периода, например с Камиллом Демуленом или Эбером: его могучее влияние бесконечно превосходило эфемерную, хотя порой и значительную, популярность и успех писаний обоих названных представителей революционной прессы. Марат стоит не в их линии, а в линии очень немногих, совсем исключительных по своему значению, людей Французской революции — в той линии, где высится фигура Робеспьера.

Попытаемся приглядеться к Марату преимущественно как к профессионалу пера, чтобы уяснить себе хоть отчасти секрет колоссального воздействия его литературных выступлений на революционную массу. Нас займет здесь не только содержание,

но и форма его писаний, не только то, что он проповедовал, но и то, как вел он свою проповедь.

Прежде всего следует остановиться на одном изумительном явлении. Марат оказался не только для своего времени, для XVIII столетия, но, смело можно сказать, и для последующих долгих десятилетий *единственным* публицистом Франции, не только писавшим для широчайших народных масс городов, но и услышанным этими массами. Энциклопедистов и всю просветительную дореволюционную литературу Франции читали либеральные баре и раздраженная буржуазия, стремившаяся к низвержению феодально-абсолютистского строя. Во время революции ни интеллигентская бойкость Камилла Демулена, ни напряженное балагурство и обильное сквернословие Эбера не дошли до сердца парижского народа, и когда их обоих Робеспьер послал весной 1794 г. на гильотину, то особого к ним сочувствия в рабочих предместьях (и где бы то ни было) не проявилось, хотя тут же заметим, что Эбер больше Марата говорил о тяжком материальном положении плебейской бедноты. Позже знаменитейшие блестящие публицисты и памфлетисты времен Реставрации, вроде Поля Луи Курье, эпохи Луи-Филиппа, вроде Корменена или Армана Карреля, периода Второй империи, вроде Анри Рошфора, оставались всегда совершенно чуждыми сыновьям и внукам той широкой и пестрой народной массы, которая в 1789—1793 гг. упивалась чтением и *слушанием* статей Марата. В *этом* смысле место Марата было и осталось недосягаемым и единственным в истории французской публицистики.

Я только что употребил слово *слушание*. Это не случайно: среди тех мебельщиков Сент-Антуанского предместья, кожевников Сен-Марсельского предместья, ювелиров Тампля, оружейников улицы Муфтар, которые были настроены наиболее революционно; среди мелких ремесленников-хозяйчиков, пригородных садовников и огородников, мелкой буржуазии, полунищих «собственников» — полупролетариев грамотность была развита очень слабо. Мы знаем, что и средние землевладельцы и даже священники и аббаты монастырей накануне революции читали сплошь и рядом по складам, и это никого не удивляло и считалось бытовым явлением. Что же удивительного, если многие и многие в среде народной массы больше любили слушать, как их более грамотные товарищи читают вслух статьи их любимого вождя и руководителя, чем читать самим его газету? И ведь как печаталась и на какой бумаге печаталась эта газета! Между внешностью маратовского «Друга народа» и внешностью современных газет разница не меньше, чем между колчаном стрел и бомбометом или между избушкой на курьих ножках и Эйфелевой башней. Серая, грязно-желтоватого цвета шершавая бумага, слипающийся мелкий шрифт, ползущие врозь стро-

ки — все это затрудняет иной раз и опытного исследователя и утомляет глаза квалифицированного научного работника. Каково же было справляться с этими препятствиями людям, которые не весьма быстро читали даже очень «жирный шрифт» официальных «афиш», напечатанных на несравненно лучшей бумаге, чем та, которую доставал себе Марат, вечно стесненный в средствах. Но население рабочих предместий и «бедных кварталов» толпой окружало табурет или лесенку, откуда местный грамотей читал от доски до доски только что вышедший из типографии номер любимой газеты.

Еще раньше, чем мы коснемся содержания его политической проповеди, остановимся на одной характернейшей черте. Марату удалось то, что не удавалось в такой мере решительно никому из первостепенных деятелей Французской революции, даже наиболее искренно демократически настроенных: «народ», тот самый «добрый парижский народ» (le bon peuple de Paris), для которого писал Марат, признал его *своим,* никогда не считал его «господином» (un monsieur), каковым для парижской массы всегда был и остался, например, хотя бы тот же Робеспьер, неподкупный, чистый и честный революционер. Плебейская масса верила Робеспьеру, дала ему это характерное прозвище — «неподкупный» (incorruptible), поддерживала его политику, и все-таки этот аррасский адвокат в своем аккуратном синем фраке и всегда чистом белье был un monsieur. И не только в синем фраке и в белье было дело: Робеспьер и говорил очень хорошо, не так, как «народ» не говорит; он был парламентарием больше, чем трибуном, а если становился трибуном, то трибуном парламентским, потому что и Якобинский клуб тоже был для него парламентской кафедрой. И когда его в термидоре, раненого, скрученного веревкой, измученного, везли на гильотину, то массы не понимали в тот миг, что это собираются обезглавить революцию. Не менее чистым, лично благородным, суровым к себе, ведшим самый скудный, самый спартанский образ жизни, был и другой революционер, знаменитый герой прериаля, суровый «последний монтаньяр» Жильбер Ромм, осужденный на смерть (и заколовшийся перед гильотиной), погибший за то, что смело возвысил свой голос в пользу голодающего народа, когда толпа инсургентов ворвалась во дворец Конвента 1 прериаля 1795 г. Но и Жильбер Ромм не был узнан народной массой, и он был для плебея чужаком, «господином», un monsieur до такой степени, что народ, наводнивший 1 прериаля зал заседаний, прерывал нетерпеливыми криками и угрозами речь этого самого Жильбера Ромма, ту именно речь, за которую Ромм и заплатил своей головой. Никто в народе не знал его имени, и его слов никто как следует не понял.

Совсем не то было с Маратом. Его сразу признали своим во всех рабочих предместьях, во всех «бедных кварталах», во всех длинных, сутками дежуривших за хлебом голодных женских очередях у складов. Это сделалось с первых же дней революции само собой и без всяких нарочитых с его стороны усилий. А ведь, казалось, доктор Марат — такой же «господин», как адвокат Робеспьер, как семинарист Ромм, как дворянин Сен-Жюст.

В самом деле, вспомним — откуда он пришел к революции, которой он отдал себя целиком с первого ее дня?

Он родился в 1743 г. в маленьком городишке Будри, в семье небогатой, но обеспеченной постоянным и регулярным заработком своего главы: отец Марата был живописцем и, по некоторым известиям, подрядчиком красильных работ. Маленький Жан-Поль Марат провел детство спокойное, мог учиться и много читать.

Ничего сколько-нибудь точного о том, как он расстался с родительским домом, как из семейного мелкобуржуазного уюта он пустился в самостоятельную житейскую борьбу, мы не знаем.

У нас есть лишь очень неполные, скудные, неясные данные о том, как и где он получил свое медицинское образование, где и почему он так долго скитался раньше, чем очутиться сначала в Англии — в Лондоне и Эдинбурге, и наконец с 1776 г. в Париже. По-видимому, он в это время не порвал окончательно сношений со своей семьей,— по крайней мере есть некоторые свидетельства, что он не порывал связей со своим младшим братом. У нас есть, между прочим, одно любопытное в этом отношении показание, исходящее от довольно неожиданного свидетеля — Александра Сергеевича Пушкина, учителем которого в Царскосельском лицее оказался родной брат Марата.

Вот, между прочим, что говорит Пушкин:

«Будри, профессор французской словесности при Царскосельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата... Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc.. etc. В молодости его, чтоб отвадить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни».

Пушкин передает также, что Будри поддерживал совершенно фантастическую обывательскую версию об участии Робеспьера в преступлении Шарлотты Корде.

Очевидно, с этим младшим братом Марат, уже будучи доктором, какие-то сношения все же поддерживал. Но в общем с семьей он расстался, по-видимому, навсегда, когда ушел из дому. Средства к жизни, весьма скудные, давала ему перед революцией медицинская практика. Он в эти предреволюционные годы много и очень усердно работал. В 1777—1778 гг. он пишет «Исследования об огне, электричестве и свете». Но издать их не удается, и Марат рассылает по академиям лишь рукописные экземпляры. Физические опыты Марата не получили никакой официальной поддержки от Академии или от правительства, но в ученом мире о них знали. Бриссо в 1782 г. называл уже в печати Марата «знаменитым физиком». Марат долго и усердно занимался новым тогда электричеством. Подолгу занимался он и терапевтическими экспериментами. Жил он очень скудно, всякий грош тратил на опыты, переводил «Физику» Ньютона на французский язык, часто болел. Он был холост и совершенно тогда одинок.

В 1788 г. Марат был тяжело болен и ждал смерти. Не совсем он выздоровел еще и к началу 1789 г., хотя наиболее опасный момент уже миновал. Во время своей долгой и тяжелой болезни он узнал о предстоящем созыве Генеральных штатов. По его словам, он стал выздоравливать под впечатлением этого отрадного известия. Его политические убеждения к этому времени уже вполне сложились. Он написал (и в феврале 1789 г. издал) небольшой трактат — «Приношение отечеству, или речь к третьему сословию». Он всей душой приветствует наступающую эру коренного переустройства государства, только хотел бы, чтобы требования граждан к правительству были «абсолютно тверды», и очень советует остерегаться ложных друзей и предателей. Весь будущий Марат — точнее, вся публицистическая манера Марата эпохи революции — уже содержится в этих советах и предостережениях. Спустя некоторое время, в марте 1789 г., он издает и другую брошюру, дополнение к первой: он ее так и назвал «Дополнение» («Supplément»). В этом «Дополнении» Марат гораздо менее оптимистичен, чем в первой брошюре: он уже не только советует быть бдительным, но прямо указывает на невозможность верить, будто в самом деле люди, кормящиеся злоупотреблениями и привилегиями, добровольно и без борьбы согласятся от них отказаться во имя общего блага. «Зачем скрывать от себя? Интересы компаний, корпораций, привилегированных сословий непримиримы с интересами народа». Предстоит борьба — Марат в этом ничуть не сомневается,— так что народ должен полагаться исключительно только на свое мужество в отстаивании своих прав.

Грянула революция.

Марат с восторгом приветствовал падение Бастилии. Он принимал участие в делах комитета своего округа, но уже с первых дней великого переворота совершенно правильно определил свое место. Через три дня после взятия Бастилии, 17 июля 1789 г., Марат просит у комитета средств на типографский станок, на печатание газеты. Не сразу удалось ему получить желаемое. Это тем более волновало его, что он уже с осени 1789 г. очень подозрительно и раздраженно стал относиться к Мирабо, к Лафайету, к Барнаву, которых в первые дни революции еще считал честными революционерами. Он стал подозревать и все Национальное учредительное собрание в том, что оно поддается интригам двора, отчасти по слабоволию, отчасти по сознательному предательству. Марат уже в 1789 г. выступил тем, каким и остался,— ревнивым защитником «маленьких людей», другими словами — плебейской массы, куда входили и рабочие, и батраки, и владельцы небольших ремесленных мастерских — вся голодная и полуголодная, малоимущая и неимущая масса населения. Интересы только что победившей крупной и средней буржуазии, с точки зрения Марата, уже с самого первого момента победы над старым, феодальным строем начали, чем дальше, тем резче и безнадежнее, расходиться с интересами беднейших слоев народа. И Марат без колебаний стал на их сторону против благополучно устроившихся уже на новых, завоеванных местах победителей из крупной и средней буржуазии. Только дальнейшее развитие и углубление революции могли, с точки зрения Марата, дать что-нибудь трудящимся. Для него обязательным лозунгом стало — *продолжать* революцию. Революция, если она не пойдет вперед, непременно погибнет.

С этим лозунгом Марат жил и с этим лозунгом сошел в свою окровавленную могилу.

Рассматривать Марата исключительно как профессионала пера не только трудно, но просто невозможно: до такой степени для него журналистика была лишь одним из средств (правда, наиболее могущественным) политической борьбы за совершенно определенные и никогда в основном не менявшиеся взгляды. «Я имел к моменту революции уже сложившиеся убеждения... Я решил обнародовать свои идеи в печати и основал «Друга народа»,— так формулировал он сам в статье от 2 марта 1793 г. смысл своей литературной деятельности. Он не был фельетонистом, который дает обзоры событий, анализ жизненных явлений, правда, освещая их с определенной точки зрения, но вместе с тем руководясь в своей тематике именно этой быстротекущей «рекой жизни» и останавливаясь в выборе своих сюжетов на том, что в данный момент больше всего интересует его читателей. Напротив: очень недоверчивый, Марат склонен был видеть иной раз в слишком повышенном общественном инте-

ресе к данному лицу или событию следы чьих-то усилий, чьей-то сознательной мысли, направленной к тому, чтобы отвлечь внимание народа от затеваемых контрреволюционных козней.

Он *не сообщал, а учил,* он не руководился и не увлекался потоком, а хотел направить его по определенному руслу, в одном месте ставил заграждения и плотины, в другом наскоро рыл новый канал. Он не разрабатывал вопросов, занимавших общество, а часто требовал, чтобы оно бросило одни темы и обратилось к совсем другим.

Таков *предмет* публицистических выступлений Марата. Этот предмет всегда в основном один: народ окружен врагами, его почти все обманывают, революцию зарежут ее враги, если она не зарежет своих врагов, поэтому, если, например, кто-то устраивает пышные церемонии вроде праздника федерации и т. п., о чем кричат все газеты,— это нужно осветить именно как происки тайного врага, усыпляющего бдительность народа болтовней о мнимом братстве. Итак, тему искать нечего: она ясна и она всегда одна и та же. Теперь другой вопрос: как разрабатывать эту единую тему? Ответ: *всегда* отталкиваясь от действий врагов или от разоблачения тайных происков. «Все мое время было поглощено политикой, защитой угнетенных, разоблачением заговоров против отечества, борьбой против затевающих интриги и происки»,— писал Марат за четыре с половиной месяца до смерти.

Если проанализировать все журналистское наследие Марата, то можно без труда выявить основную схему, типичную для его статей.

Очередное разоблачение, очередное предостережение народу должны быть стержнем для каждой данной статьи: ни в каком случае Марат не хочет раздроблять внимание и *чувство* читателя. Верный инстинкт говорил ему, что эмоциональное действие газетной статьи быстро и непоправимо слабеет, если автор переводит свой указующий перст с одного предмета на другой, как бы ни были важны по существу и патетичны по манере эти указания. Пиши десять статей в одном номере газеты, но *каждая* статья должна представлять собой законченное целое и трактовать только об *одном* лице или событии или если о нескольких лицах, то непременно связанных с *одним* событием или явлением.

Далее. Статья должна быть ясна всякому, кто понимает по-французски, без различия, образован ли он или не образован. Если для этого нужны повторения, Марат нисколько не стесняется повторить основную мысль статьи два и три раза. Но делает он это очень талантливо, варьируя всякий раз аргументацию и конкретные детали, никогда поэтому не становясь скучным.

Слог Марата в одно и то же время и прост и разнообразен. Прост потому, что без простоты нет ясности. «Вы хотите сказать: „Идет дождь?“ Скажите: „Идет дождь“». Это классическое правило, преподанное и завещанное всем писателям всего мира знаменитым французским мыслителем XVII столетия Лабрюйером, исполняется Маратом-журналистом в самой строгой точности. Никакого кривляния, никакого самолюбования, жеманства, затаенного желания поразить своим умом, блеснуть познаниями — ничего этого нет в нем и в помине. У него очень прерывистая речь, взволнованная дикция, если можно так выразиться по поводу не устной, а печатной речи; он всегда, с первых же строк, торопится поскорее сказать главное, и сказать как можно проще и удобопонятнее.

И вместе с тем слог Марата вовсе не однообразен, напротив: его словарь очень богат, и построение фраз никогда не шаблонно. Он дает при этом иногда яркие наброски чрезвычайной изобразительной силы. Ему нужно напомнить (в октябре 1791 г.), как имущие классы постарались после взятия Бастилии в 1789 г. поскорее прибрать к рукам национальную гвардию и полицейскую власть в столице. И вот он рисует иронически картину «почтенных судей, с большими париками, во главе батальонов; государственных советников, скромно наклонившихся над столами в окружных комитетах рядом с их портными»; священников, раздающих оружие солдатам. Или он хочет в нескольких строках обличить и вредную рутину Академии, и непозволительное обращение с казенными суммами господ академиков, и ненавистный ему сибаритизм буржуазии в годы народной нужды,— он пишет обо всем этом в немногих строках: «Вы помните, какой энтузиазм вызвал полет воздушного шара... вы помните тщетные и многочисленные попытки найти способ управления шарами. Так вот, дураки, полагающие, что гений нашел приют в лице Академии, дали ей двенадцать тысяч ливров, чтобы она работала над способами управления воздушным шаром. Что сталось с этими деньгами? Вы, может быть, думаете, что они пошли на это дело? Так знайте, что наши ученые поделили эти деньги между собой и прокутили их в ресторанах Рапе и Оперы с публичными женщинами». Он всегда конкретизирует до мелких подробностей свои обвинения, и первая его забота при этом всегда заключалась в том, чтобы читатель ясно понял *мотивацию* разоблачаемых Маратом козней и контрреволюционных происков.

Выше уже сказано, что Марат очень охотно брался за открытие и всестороннее освещение компрометирующих его политического противника фактов и посвящал этому иногда даже две статьи и больше. Он умел начинать и ставить эти отдельные кампании необыкновенно кстати и с большим искусством. При

этом он всегда соблюдал два правила: во-первых, каждая такая кампания, каждое разоблачение должны быть не только уничтожающими для данного лица, но и должны быть непременно поставлены в связь с теми или иными общими недостатками политической машины или существующих законов, или проводящейся в данный момент политической линии; во-вторых, статья должна кончаться определенным указанием на необходимые «санкции», т. е. на то, что должны делать в данном случае читатели. Народ должен завтра же всей массой двинуться к зданию суда и войти в зал. Народ должен схватить негодяя Эстьена. Народ должен снести голову Лафайету. Народ должен подойти к Конвенту и потребовать ареста жирондистских изменников. И он умел так мотивировать и формулировать эти призывы, что плебейская масса в самом деле шла туда, куда он ее звал, и делала то, что он рекомендовал, если к тому была хоть какая-нибудь возможность. Одним из недостатков публицистической манеры Марата были длинноты и, иногда, слишком обильные повторения. Но и это ему прощали те читатели, которым не так легко было сразу взять в толк указываемую постоянно Маратом связь отдельных конкретных фактов с общими контурами политики, проводимой скрытыми врагами народа.

Еще одну черту нужно в нем отметить: никогда он не допускал той ошибки, которая так характерна для многих пытавшихся непосредственно влиять на «простой» народ своими писаниями, никогда он не впадал в такую, почти непрерывную, грубейшую, площадную ругань, как знаменитый в ту пору «Отец Дюшен» (т. е. Эбер). Эберу казалось, что, чем больше ругательных слов он наговорит и чем более развязный стиль пустит в ход, с залихватскими прибауточками и жаргонными выражениями, тем скорее он подействует на народные массы.

Колоссальный успех газеты Марата основывался, между прочим, и на том, что он об этом успехе не старался, никогда ни подо что не подделывался и не кривлялся. Искренность его писательской манеры непосредственно и могущественно действовала на его читателей. Он не прикидывался ни рассердившимся грузчиком, ни ругающимся носильщиком. Нет, он был доктор Марат, который смотрит глубже и видит дальше неграмотных грузчиков и носильщиков и который именно поэтому требует, чтобы они ему верили, когда он им указывает на их скрытых и коварных врагов. Он к народной массе обращался сплошь и рядом повелительно и нетерпеливо, часто негодуя на ее слепоту или на ее легковерие и простодушие, на ее способность увлекаться хорошими словами и на ее неуменье смотреть в глубь вещей. И по содержанию, и по форме его статьи вовсе не стремились подделываться под житейскую обыденщину, а напротив: всякий раз читатель Марата должен был чувствовать,

что публицист призывает его внимание к чему-то чрезвычайному, что эта статья — набатный колокол, предупреждающий о страшных опасностях.

Еще несколько слов о публицистическом языке Марата. Знаменитый автор многотомной «Истории французского языка» профессор Брюно давно уже отметил те видоизменения, которые внесла буржуазная Французская революция в язык второй половины XVIII столетия. Дело было не только в хлынувших потоком новых понятиях, новом словообразовании и расширении словесного материала: изменился тембр публицистического голоса, самый тон устной и печатной речи. И Марат явился одним из первых (и едва ли не наиболее ярким) политических писателей Французской революции, которые активно участвовали в создании этого нового языка революционной эпохи. Вместе с тем Марат, человек, проживший из пятидесяти лет своей жизни сорок шесть лет при старом режиме, сохранил многое из старой словесной элегантности вольтеровской традиции. Рядом с самыми страшными, прямыми угрозами — вдруг саркастический оборот, типичный для старой литературной полемики просветительной эпохи,— и все это в какой-то неразрывной связи. «Я советую вам замолчать и спрятаться от стыда, *если только вы еще его знаете.* Я вам обещаю, что я заставлю повесить вас, если смогу это сделать; не считайте себя в безопасности среди аристократов Сен-Жерменского предместья»,— так нападал он на одного из своих противников (Эстьена). «Гражданские чувства этих трусливых эгоистов гаснут, если они не получают пищи, от тщеславия и от желания обратить на себя внимание»,— эту фразу, которая кажется прямо выхваченной из афоризма знаменитого светского философа XVII в. Ларошфуко, мы встречаем у Марата, когда он громит (летом 1792 г.) якобинцев за их недостаточное внимание к марсельским волонтерам, идущим сражаться против интервентов. Это уменье соединять старую языковую культуру с революционными, пламенными, клеймящими и грозящими оборотами речи и придавало слогу Марата большую силу, образность и обеспечивало могучее воздействие на умы читателей. Парижская масса, для которой писал Марат, гораздо *уважительнее* относилась к статьям Марата, чем к подделывающимся под народный стиль неряшливым писаниям многих тогдашних листков.

---

12 сентября 1789 г. Марату удалось наконец выпустить первый номер своей газеты «Друг народа».

И сразу же он открывает жестокую кампанию против Лафайета — начальника национальной гвардии, против Бальи —

мэра г. Парижа, против Неккера — еще недавно любимца народа, отставка которого, как известно, и послужила сигналом к штурму Бастилии. Сразу же обнаруживается необыкновенная сила его писательской манеры: простота, ясность, страстность, блестящие и в то же время естественные, нисколько не надуманные обороты речи — все это делает Марата исключительным стилистом газетной политической прозы. Он никогда не надоедает читателю политическими отвлеченностями, голыми схемами, сухим изложением принципов. Он и о принципах революции говорит, но здесь он гораздо скупее на слова. Его революционная страстность ищет врагов именно между теми, кто идет по линии наименьшего сопротивления и прячется за схемами и декларациями, а вместе с тем в душе уже не хочет продолжения революции, потому что получил от нее все, что ему было нужно.

К таким Марат был беспощаден. Он громил Бальи, громил и обличал Неккера неустанно. Неккера он ненавидел, в частности за позицию, враждебную народному движению 5 и 6 октября 1789 г., когда голодающие женщины, а за ними революционная парижская масса пошли на Версаль, разъяренные слухами о готовящемся контрреволюционном выступлении двора. Ярая кампания против Неккера, которого Марат не переставал укорять в измене народу и в покровительстве плутам, спекулянтам и казнокрадам, привела к тому, что смелый публицист был привлечен к ответственности, и 22 января 1790 г. судебные власти сделали попытку арестовать его. Но это оказалось не так легко: население округа, где жил Марат, встало на его защиту, даже женщины пришли толпой к помещению редакции «Друга народа».

Он принужден был несколько месяцев прятаться у друзей. Но газета его продолжала выходить, и предостерегающие крики неслись с этих серых листков и доходили до сердца народной массы.

Марат видит гибель революции именно в том, чем так восхищались в это время мэр г. Парижа Бальи и вся крупная и средняя буржуазия столицы и провинции: революционный 1789 год начинает забываться. «Пусть народ возобновляет кровавые сцены 14 июля и 6 октября, до тех пор пока не останется в живых ни одного врага революции!» — восклицает он в конце января 1791 г.

Марат, один из очень немногих революционеров, обнаруживал тревогу и категорически выражал уверенность в близком предательском выступлении короля против только что освободившегося народа, и он делал это не весной 1791 г., когда уже стали прозревать и другие, но в течение зимы 1790/91 г., когда

он был одинок и казался каким-то маньяком, помешавшимся на подозрениях.

В 1790 г., как раз тогда, когда девять десятых членов Национального учредительного собрания и парижского муниципалитета успокоились на том, что сопротивление двора сломлено раз навсегда и что перед Францией лежит обширное поле безмятежных законодательных трудов, как раз тогда, когда даже Робеспьер склонен был признать, что революция кончена, — Марат бил неустанно тревогу и гневался на сентиментальное прекраснодушие своих современников. «Верх безумия думать, будто люди, которые в продолжение десяти веков нами помыкали, нас грабили и угнетали безнаказанно, добровольно согласятся быть равными нам людьми»,— писал он 30 июля 1790 г. «Вспомните мое предсказание: или нация готова к тому, чтобы снова быть приведенной к рабству, или еще потоки крови прольются, чтобы обеспечить свободу»,— прибавлял он спустя некоторое время, 17 сентября того же 1790 г. «Перестаньте же терять время и выдумывать средства защиты: у вас остается только одно. Это то самое, которое я вам рекомендовал столько раз: общее восстание и казни руками народа (des exécutions populaires)»,— читаем мы в его газете от 19 декабря 1790 г.

Еще будучи фактически почти лишен своей собственной, постоянной трибуны, только что появившись снова в Париже после того, как долго скрывался от ареста, летом 1790 г. он написал и послал для напечатания Камиллу Демулену любопытнейшее открытое письмо, или, как он язвительно назвал, «Прошение» на имя Учредительного собрания. Помечена эта статья 24 июня 1790 г. Конечно, Камилл Демулен ее не напечатал в своей ходкой газете «Революция Франции и Брабанта». И ничто не может дать нам более ясного и четкого представления о глубине пропасти, отделявшей революционера до мозга костей — Марата от бойкого журналиста победившей буржуазии — Демулена, как именно этот факт: Марат неминуемо *должен* был написать на данном этапе подобную статью, а Камилл Демулен столь же неминуемо *должен* был ее не напечатать в своей газете. Что такое статья Марата: «Прошение сенаторам, или очень серьезные требования тех, которые ничего не имеют, к тем, которые имеют все»? Это негодующий крик защитника голодных и полуголодных людей, которые проливали свою кровь за революцию и у которых украли их революцию, хотят ее придушить и хвалятся тем, что она будто бы уже кончена. Марат выступает тут как глашатай плебейской массы, которая своей кровью *все* дала состоятельной буржуазии, но пока еще очень мало получила сама. Именно, основываясь на таких высказываниях Марата, Энгельс и мог открыть самую характерную черту французского революционного публициста:

Марат *не желал* считать революцию законченной, пока не удовлетворены все «трудящиеся и обремененные»; Марат настаивал на необходимости и неизбежности ее развития, продолжения и углубления. Плуты, воры, интриганы, приобретатели, деспоты только переменили свои названия, рядятся в новое обличье, но народу от этого живется пока не лучше, «а может быть, хуже», чем при старом режиме. Кто сделал революцию? «Революцией мы обязаны восстанию маленьких людей, и не менее верно, что взятием Бастилии мы обязаны главным образом десяти тысячам бедных рабочих Сент-Антуанского предместья»,— и Марат с гневом прибавляет, что богачи, «спрятавшиеся в подполье, вышли оттуда лишь по миновании кризиса и вышли затем, чтобы завладеть командными постами и почетными местами». Марат с ударением говорит о возможности социальной революции, если имущий класс, если богатая буржуазия по-прежнему ничего не будут делать для народной массы: «Отцы отечества! Мы не требуем у вас сейчас раздела вашего имущества, этих благ, которые небо дало в общую собственность людям (ces biens que le ciel a donné en commun aux hommes). Знайте всю нашу умеренность... Трепещите, как бы мы не были доведены до отчаяния, как бы у нас не осталось в качестве единственного выхода — отомстить вам, предаваясь всякого рода эксцессам!»

Мог ли Камилл Демулен, зная себя и своих читателей, напечатать подобную статью? Камилл Демулен мог вскочить в июле 1789 г. на стул в Пале-Рояле и бросить клич: «К оружию!», он мог юмористически описывать, как пуассардки (рыбные торговки) «искореняют фанатизм», колотя монахинь и монахов, он мог красноречиво восторгаться «Декларацией прав», умиляться пред праздником братства, «праздником федерации», который долженствовал в первую годовщину взятия Бастилии, т. е. 14 июля 1790 г., заключить собой эру борьбы и открыть идиллию мира и общего успокоения, но сочувствовать Марату в его пламенных призывах, в его гневной защите всех обделенных и обманутых, Демулен никак не мог. Революция не только дала ему лично все: популярное имя, процветающую газету, благосостояние,— но и все решительно подарила тому классу, от которого выступал и для которого писал Демулен. Пора, следовательно, революции окончиться.

А для Марата — пора было революции поднять голову, вынуть снова из ножен свой меч, не сверкавший над головами врагов народа с самого 1789 г. Не по пути было обоим этим людям, и не случайно, а вполне логически, такой неодинаковой была их гибель: Марата — от кинжала женщины, пожелавшей остановить революцию, и Камилла Демулена — на гильотине, предназначенной спасать революцию.

В ряде памфлетов, листовок, статей газеты «Друг народа», снова начавшей выходить (хотя и очень нерегулярно), Марат не переставал в течение всей второй половины 1790 и начала 1791 г. направлять внимание народа на тайных и явных врагов революции. «Отрубите пятьсот или шестьсот голов — и вы обеспечите себе спокойствие, свободу, счастье!» — восклицал он и пророчески прибавлял, что фальшивая гуманность к нескольким преступникам дорого потом обойдется: она отзовется огромными несчастьями и бесконечным кровопролитием. «Если бы я был народным трибуном, поддерживаемым несколькими тысячами решительных людей, то я отвечаю, что в шесть недель конституция была бы готова, что политическая машина, хорошо организованная, действовала бы наилучшим образом, что ни один мошенник не осмелился бы пытаться ее испортить, что нация была бы свободна и счастлива, что меньше чем через год она была бы процветающей и грозной и что она была бы таковой, пока я жив»,— так кончается одна из его статей. Он называл по имени людей, которых подозревал в измене, в тайных сношениях с иностранцами, в получении денег от королевского двора. Время от времени против него возбуждались судебно-полицейские преследования, он покидал свое жилище, скрывался у друзей, газета временно переставала выходить. Но популярность его в массах так быстро росла, что преследовать его становилось все затруднительнее, и когда полиция, придя его арестовать, наталкивалась на угрожающую толпу пролетарского и полупролетарского люда, явившегося защищать своего любимца, то полицейский офицер с большим удовольствием узнавал, что Марат скрылся и что можно с миром возвращаться из опасного места в свой полицейский участок.

Публицистическая сила Марата заключалась в глубочайшей его убежденности в том, что он открыл секрет спасения революции: ему в самом деле казалось, что реакция вовсе не располагает какими бы то ни было силами в населении, что главное несчастье — не в силе контрреволюционного *напора*, но в преступной слабости *обороны* революции. И не в том дело, что мэр Бальи или начальник национальной гвардии Лафайет, или, впоследствии, жирондистские министры по неумелости или по трусости, или по вялости темперамента не наносят врагам революции достаточно сильных ударов, а в том, что они *сами* — враги революции, и притом более страшные, чем королева Мария-Антуанетта или граф Артуа, так как их принимают за защитников революционного народа. Революция несокрушима для внешних ударов, но она должна беспощадно, огнем и мечом, покончить с внутренней язвой, истребить контрреволюционеров, какими бы кличками они ни прикрывались,

казнить изменников, в каком бы наряде они ни появлялись. Страстная убедительность статей и памфлетов Марата происходила еще и от того непогрешимого чувства реальности, которое их пронизывало. Когда Марат говорил, что не только какой-нибудь отдельный человек — Неккер или Мирабо, или Клермон Тоннер, или Малуе, или Ларошфуко — изменник, но что весь класс, к которому они принадлежат или интересы которого они защищают, уже изменил революции или готов ее предать,— ему слепо и безусловно верили, потому что его аргументация основывалась на осязаемых и неопровержимых фактах. Люди, уже получившие от революции все то, что они хотели от нее получить,— все эти буржуазные красноречивые ораторы 1789 г. и представляемые ими слои населения не могут не желать, чтобы революция прекратилась. А следовательно, что бы *они ни говорили, как бы ни распинались за свободу, они непременно*, рано или поздно, должны будут соединиться с теми, кто с самого начала ненавидел революцию и желал ее гибели. И народ предместий верил Марату в самом деле как своему другу, которого ничем не купишь и никак не обманешь.

Несколько раз Марат настойчиво предупреждал парижский народ о подготовляемом бегстве короля. Тут, как и в других случаях, революционный инстинкт подсказал ему то, чего он не мог бы еще пока обосновать фактами. Не могут Людовик и «австриячка» в самом деле примириться с завоеваниями революции, не могут они не попытаться бежать и стать во главе эмигрантов и интервентов!

И вот — свершилось: королевская семья бежала 20 июня 1791 г., поймана в Варенне, привезена в Париж.

Марат с яростью набрасывается на Бальи, на Лафайета, на всех, кто тайным или явным попустительством помог королевскому бегству. Марат говорит, что теперь для спасения революции нужно срубить уже не пятьсот голов, как это было бы достаточно в 1790 г., а сто тысяч голов. Измена кругом, и ничего нельзя сделать другого, как физически уничтожить, растоптать контрреволюцию. Но победившая и правившая буржуазия оказала сопротивление. Выступление народных масс Парижа 17 июля 1791 г., направленное против короля и отчасти против Национального собрания, оставившего короля на престоле, окончилось расстрелом манифестантов.

Так как Марат усиленно призывал в своей газете к этой манифестации, то ему пришлось после бойни, учиненной 17 июля Лафайетом, перейти на нелегальное положение, а спустя некоторое время покинуть Францию и удалиться в Англию.

Только весной 1792 г. появился он снова в Париже. Нужно сказать, что расстрел манифестации 17 июля 1791 г., преоб-

падание жирондистов в новом Законодательном собрании, избранном осенью 1791 г., замедлившийся темп революции — все это сильно удручало и обескураживало Марата. У него в эту осень и зиму с 1791 на 1792 г. прорываются иногда признания и высказывания, обнаруживающие как будто, что он изверился в энергии и свободолюбии французского народа. Но по-прежнему он оставался глубоко убежден, что враги революции сами поставят пред большинством народа ребром вопрос: согласны ли французы вернуться к старому режиму или желают идти дальше по пути освобождения от всякой тирании? И он предчувствовал, что именно эта поспешность действий и неутолимая злоба контрреволюционеров и пробудят наконец как бы засыпающую энергию народной массы и спасут революцию.

В апреле 1792 г. началась наконец долго подготовляемая абсолютистско-феодальной Европой и французской эмиграцией война против революционной Франции. Одновременно контрреволюция подняла голову и громко заговорила в Вандее, в Лионе, на юге, на северо-востоке Франции. Марат увидел, что его час пришел. Пред подавляющим большинством народа, пред всей буржуазией на этот раз, пред крестьянством, пред пролетариатом городов сразу стал грозный призрак полного возвращения только что рухнувшего старого, феодального режима. Интервенты наперед говорили, что они на меньшем не успокоятся; эмигранты обещали повесить на одном суку и Марата, и мэра Бальи, на которого Марат так яростно нападал, и Робеспьера, и генерала Лафайета,— словом, без разбора всех, кто с весны 1789 г. так или иначе провинился против христианнейшего короля Франции и Наварры, его величества Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты. Революция должна перерезать своих внутренних врагов, пока они ее не зарезали. Солдаты, которых мы отправляем на фронт сражаться против пруссаков и австрийцев, идущих уничтожать нашу свободу, должны быть уверены, что они не получат ниоткуда удара в спину! Таков был лозунг и клич Марата. Он с восторгом следил за начавшимися бурными проявлениями революционного гнева в южных департаментах, он приветствовал, как спасителей, отряды революционных добровольцев, пошедших войной на реакционный муниципалитет г. Арля и штурмовавших поместья аристократов. «Пусть они поскорее появятся в наших стенах и очистят наконец клоаку двора, сената (Законодательного собрания — *Е. Т.*), клуба фельянов, главного штаба спекулянтов, людей производящих нищету и голод, уже охваченных ужасом, уже дрожащих от ярости!» — писал Марат.

Внутренних врагов он считал в этот момент более опасными, чем врагов внешних, а к внутренним врагам он склонен был уже с давних пор причислять всех богатых людей, которые

полагают, что пора придушить революцию: будь эти богатые люди из дворянства или из буржуазии — все равно. Когда в Париже в июне 1792 г. появились батальоны ополчения с юга, идущие к границе, Марат обратился к ним с «Призывом» («Appel aux fédérés», 25 июня 1792 г.), в котором говорит: «Вам ли, неимущим гражданам, вам ли одним нести на себе тяжесть всех общественных повинностей и проливать свою кровь для защиты собственности ваших притеснителей и для сохранения привилегий ваших тиранов?» — Марат горячо агитирует, чтобы на фронт посланы были также батальоны национальной гвардии богатых кварталов столицы и все без исключения регулярные войска, а чтобы в столице остались именно эти революционные энтузиасты-добровольцы, на которых можно было бы уже вполне положиться в случае каких-либо контрреволюционных вспышек в городе или внутри страны.

Но вот становится известным знаменитый манифест герцога Брауншвейгского, главнокомандующего интервентов. Герцог грозит Парижу разрушением, революционерам — смертной казнью, если они посмеют тронуть короля или королевскую семью. Марат удваивает энергию своих призывов — покончить с изменниками, сидящими в королевском дворце и тайно радующимися приближению неприятеля! Бурная агитация Дантона в эти решающие дни была поддержана пламенными статьями Марата. Сбывалось на глазах у всех все то, что он пророчил еще в 1790 г., о чем не переставал писать в 1791 г.

9 августа вечером вспыхнуло в Париже восстание, прямо направленное к низвержению монархии, и на другой день, 10 августа 1792 г., дворец взят, швейцарские телохранители перебиты народом, король и его семья взяты под стражу, полуторатысячелетняя монархия перестала существовать.

Революционный Париж упивался победой, а Марат ровно через три дня после низвержения монархии писал о том, что новорожденная республика окружена тайными врагами и скоро погибнет от их ненависти, если не поспешит развить самые отчаянные усилия для самозащиты. Он возмущен, что народ не видит, как вчерашние тайные и явные защитники трона только маскируются теперь внезапными республиканцами. «И вы восторгаетесь этой чудесной переменой! И вы рукоплещете этому благородному их усердию! И вы благословляете нежные заботы их отеческого внимания! И вы воспеваете победу! О французы! Неужели вы навсегда останетесь взрослыми детьми?» Он требует раздачи народу оружия, ассигнования половины суммы, вырученной от продажи конфискованных эмигрантских имений, неимущим гражданам столицы, принимавшим участие в штурме и взятии Тюильри 10 августа,

введения во всей французской армии выборов офицеров самими солдатами, зоркого наблюдения за арестованной королевской семьей и прекращения ее сношений с внешним миром. Наконец, в ряде статей он настойчиво требует немедленного предания суду всех «изменников и заговорщиков», арестованных и до и особенно после 10 августа. Он не удовлетворился, когда (17 августа) был создан революционный трибунал. Его доводила до ярости мысль, что швейцарские наемники, убивавшие народ 10 августа и захваченные в плен, могут уйти от возмездия.

Начались выборы в Конвент, который должен был собраться 20 сентября 1792 г. и окончательно провозгласить Французскую республику. Марат выставил свою кандидатуру. Странные, оказавшиеся пророческими, слова читаем мы в самом конце его воззвания к избирателям, в котором он горячо рекомендует им Робеспьера, Дантона, Бильо-Варенна и других. В постскриптуме он выставляет и свою кандидатуру, «кандидатуру друга народа»; «...славы быть первым мучеником свободы мне достаточно...»,— пишет человек, которому осталось еще жить всего несколько месяцев...

9 сентября 1792 г. Марат был избран от г. Парижа 420 голосами из вотировавших в этот день 758 человек.

Марат не верил конвентскому большинству: ни жирондистам, ни тем группировкам, которые были правее жирондистов, ни даже части монтаньяров. Он верил только народной массе. Правда, он и в ней иногда отчаивался, возмущался ее инертностью, вялостью, быстро наступающим упадком революционного чувства, но он по крайней мере считал, что по сути дела, по логике вещей, по здравому смыслу, «народ», «неимущие» (les petits gens), «маленькие люди»,— другими словами, те, кого мы называем плебейской массой столицы и провинции, органически *не могут* быть врагами революции, *не могут* сознательно ей в чем-нибудь повредить. А другие, имущие, богачи, аристократы, состоятельные буржуа, очень и очень могут оказаться контрреволюционерами и даже не могут не быть в большинстве случаев таковыми.

Весьма, с этой точки зрения, характерно его первое выступление в Конвенте. Вопрос шел о том, в каком именно зале будет заседать Конвент. В Тюильрийском дворце был удобный зал, где и решили разместиться. Но Марат возмутился тем, что трибуны для публики вмещают только триста человек. Этого мало. Нужно, чтобы на заседаниях Конвента публика могла присутствовать по крайней мере в количестве четырех тысяч. Это всегдашняя мысль Марата: ведь он всегда и прежде говорил, что, например, суд над контрреволюционерами всегда дол-

жен происходить в присутствии народа, чтобы судьи чувствовали, что бдительное око революции зорко следит за их действиями. И подавно здесь, в верховном законодательном учреждении, от которого отныне зависят судьбы французского народа, депутаты должны творить законы в присутствии революционной массы. Еле удалось его успокоить. Но враги Марата и не желали дожидаться нападений с его стороны: они напали первыми. Уже 25 сентября, на пятый день существования Конвента, партия жирондистов поставила вопрос о лишении Марата депутатских полномочий и вообще открыла кампанию против левых, точнее, против Марата, Дантона и Робеспьера, обвиняя их в призывах к мятежу и убийствам и в диктаторских поползновениях.

Дантон предал Марата в этот критический миг, он просил не смешивать его, Дантона, «с этим человеком», т. е. с Маратом. Он публично отрекся от Марата, заявил, что никогда не был его другом и что Марат — «существо вредное для общества». Робеспьер повел себя гораздо достойнее: он ограничился тем, что сухо и сдержанно отверг взводимое на него и его группу обвинение в стремлении к диктатуре. Затем вышел на трибуну Марат. Бешеные крики встретили его, ему угрожали кулаками, кричали: «На гильотину!», долго не давали ему говорить.

Марат спокойно стоял на трибуне, ожидая, когда его перестанут осыпать бранью и оглушать яростными воплями. Долго продолжалась эта сцена. Когда наконец Марат получил возможность говорить, он очень благородно заявил, что ни Робеспьер, ни Дантон не участвовали ни прямо, ни косвенно в составлении и распространении по городу листовок, в которых он, Марат, действительно указывал на необходимость «вложить секиру возмездия» в руки революционного диктатора, чтобы он мог покарать изменников и врагов революции. В конце своей речи он выхватил пистолет и приставил ко лбу, заявляя, что без колебаний покончит с собой, если Конвент выдаст его преследователям. Это произвело впечатление. Жирондистам не удалось добиться в этот день изгнания Марата из Конвента.

В Конвенте Марат показал себя таким же неукротимым бойцом, как и в прессе.

В том поединке не на жизнь, а на смерть, который завязался с осени 1792 г. между Маратом и жирондистами, самым трудным для Марата периодом были конец 1792 г. и начало 1793 г. Жирондисты были в силе, и наступательные операции шли именно с их стороны — Марат оборонялся. Победившая крупная буржуазия в эти первые месяцы существования республики имела свое классовое представительство не только в партии жирондистов. Но только партия жирондистов, партия

буржуа-республиканцев, была достаточно сильна, чтобы главенствовать в Конвенте и в стране в первое время после низвержения монархии. Министерством руководил Ролан де ла Платьер, а Роланом руководила г-жа Ролан, его знаменитая жена. Супруги Ролан и бывший друг Марата в предреволюционные годы, Барбару, были главными вдохновителями поднявшейся против Марата травли. «Уничтожить поджигателя!» — так формулировался лозунг жирондистов. Но Марат имел за собой парижских санкюлотов, обездоленных пролетариев и полупролетариев столицы и провинции, и враги его признавали это со скрежетом зубовным. По своей натуре, по своей неукротимой революционной энергии, по своему инстинкту прирожденного блистательного журналиста Марат понял, что лучшая защита — нападение, а лучший способ нападения на врага — найти слабое место в его кирасе и бить в эту точку. Он и в Конвенте повел себя так, как он действовал все время в своем «Друге народа», открывая систематические кампании то против Лафайета, то против Бальи, то против Дюмурье (еще тогда, когда никто, кроме Марата, не подозревал Дюмурье). Он начал встречную кампанию против главного, заклятого своего врага Ролана, не перестававшего палить по Марату из всех своих батарей. Батареи Марата оказались в конце концов сильнее. Но не сразу пришла победа, и первая кампания против Ролана лишь подготовила почву для этой, еще далекой окончательной победы.

Во время сентябрьских событий 1792 г. случайно ускользнул от смерти и был выпущен вторгшимся в тюрьму народом сидевший в Шатле арестант по имени Декомб. Сидел Декомб не по политическому делу, а по чисто уголовному. Его обвиняли в выделке фальшивых банковых билетов. Он был настолько ловок, что, едва выйдя из тюрьмы, втерся в доверие к министру внутренних дел Ролану, и тот не нашел ничего лучшего, как поручить Декомбу расследование дел об обращении фальшивых ассигнаций. Узнав об этом, Марат сообщил обо всем полицейским властям, зависевшим от муниципалитета, и Декомб был арестован. Марат перенес дело в Конвент, собрав предварительно много улик, доказавших мошенническую натуру Декомба. Председательствовавший в заседании Конвента 27 октября 1792 г. жирондист Гаде пытался лишить его слова; жирондисты, как всегда, оглушительными криками не давали ему долго раскрыть рта. Это продолжалось *три четверти часа*. Марат переупрямил: он произнес речь против Ролана и передал собранные им материалы в бюро президиума. Марат требовал следствия над министром, который оказывает подозрительное доверие фальшивомонетчику Декомбу. Конвент неохотно решил все-таки запросить Ролана об этом деле. Правда, из этого запроса потом ровно ничего не вышло, но жирондисты с этого времени смот-

рели именно на Марата как на человека, которого уничтожить необходимо как можно скорее и как можно полнее.

Марат долгими днями прятался и не выходил из дому. Он не мог появляться и в Конвенте. Только в декабре преследования против него несколько ослабели. Его публицистическая деятельность продолжалась, и он сосредоточил все свое внимание на двух задачах: во-первых, добиваться во что бы то ни стало казни свергнутого и сидевшего в заключении короля Людовика XVI и, во-вторых, уничтожить жирондистов, более опасных, по его мнению, изменников, даже чем свергнутый и поэтому уже отчасти обезвреженный король.

В своей речи, в которой он в январе 1793 г. требовал казни короля, Марат, между прочим, прямо обвинял Ролана в том, что жирондистский министр тайком похитил из потайного железного шкафа в Тюильри наиболее компрометирующие королевскую семью документы. Он страстно восставал против аргументации тех, кто хотел спасти Людовика. На аргумент, что европейские монархи будут озлоблены против Французской республики, если короля гильотинируют, Марат отвечает, что гораздо опаснее оставить Европу под впечатлением безнаказанности Людовика XVI, которую всюду объяснили бы трусостью Конвента перед иностранным вмешательством. На заговорщиков нужно навести ужас! Народную свободу нужно закрепить кровью деспота! Преступления Людовика Марат видит главным образом в нескольких избиениях народа, учиненных во имя отстаивания короля и королевской власти, и прежде всего в стрельбе по народу, произведенной швейцарцами, телохранителями Людовика, 10 августа 1792 г. Яростно обличал он Бриссо и других жирондистов, пытавшихся спасти короля. Он высказал горькое сожаление, что 10 августа народ, отделавшись от короля, не отделался тогда же одним ударом от всех тайных изменников, богачей, юристов-крючкотворов, спекулянтов и пр., которые теперь сидят в Конвенте и защищают предателя, призвавшего против революции иностранцев и их войска.

После казни короля, 21 января 1793 г., единственной, центральной задачей Марата, очередной и неотложной, стало уничтожение жирондистов. От этого главного, по его мнению, вопроса он не отвлекался ничем. Эти последние месяцы зимы 1793 г. были временем страшного обострения нужды в Париже и в городах провинции, и именно в это время развилась с особенной силой агитация Жака Ру и «бешеных».

Жак Ру 21 февраля 1793 г. опубликовал воззвание, в котором говорил, что раз скупщики и спекулянты морят народ голодом, а правительственные власти им мирволят, то народ может и должен сам расправиться с этими ворами и помочь себе. А 25 февраля выступил и Марат. Его статья, более яркая и

талантливая, чем воззвание Жака Ру, проводила также мысль о революционной самопомощи, на которую имеет полное право народ, раз власти не хотят защищать его от грабителей. «Когда трусливые народные уполномоченные поощряют к преступлению, избавляя преступников от наказания, то не следует находить странным, что народ, доведенный до отчаяния, сам производит суд». Это была все та же мысль о необходимости революционной активизации масс, которую Марат не переставал проповедовать с первых же дней революции. «О болтливый народ, если бы ты умел действовать!» — восклицал он еще в сентябре 1792 г. чуть ли не в сотый раз. Но теперь, 25 февраля 1793 г., этот призыв совпал, а может быть, и не только совпал, с реальным выступлением голодающего народа в разных частях города. Эти выступления, кончившиеся разгромом нескольких складов, булочных и овощных лавок, произошли того же 25 февраля и были приписаны действию статьи Марата. Сам Марат протестовал против этого обвинения, когда на другой день, 26 февраля, жирондисты решили потребовать, чтобы его отдали под суд за эту «зажигательную» (как они говорили) статью, вызвавшую волнения и беспорядки в столице.

Начались бурные дебаты о предании Марата суду. Но очень опасно было давать Марату решительный бой на этой почве: ведь Париж и после 25 февраля продолжал голодать и волноваться. Дебаты кончились ничем.

Во время всех этих бурных выступлений Марат был совсем одинок. Монтаньяры, наиболее близкие к нему по убеждениям люди, в сущности, если не считать единичных выступлений, выражали презрение и недоброжелательство по его адресу. Да и Марат относился весной 1793 г. к монтаньярам с некоторой настороженностью. Ему не нравились недостаточная их близость к плебейской массе, нежелание давать простор массовым революционным выступлениям, их подозрительное отношение к революционному сотрудничеству законодателей с «народом на улице». Он в печати (и неоднократно) корил монтаньяров за то, что кое-кто из них поддерживает бытовую близость с жирондистами, с богатыми людьми, с генералами, обедает у них и т. д.

В течение всего марта, апреля и мая 1793 г. Марат часто появлялся в клубе якобинцев. Здесь его встречали всегда с полным сочувствием и часто с бурным восторгом, здесь — и только здесь — он не чувствовал себя одиноким, каким всегда чувствовал себя в Конвенте. «Марат, друг народа, мы тебе верим, спаси наших детей от голода!» — кричали женщины с трибуны клуба якобинцев, когда на возвышении для ораторов появлялась небольшая фигура с худым лицом, воспаленными, горящими глазами и повелительными жестами. Никого и уже никогда так

не слушали в клубе якобинцев, как Марата. Даже Робеспьер никогда так непосредственно не действовал своими личными выступлениями на этот клуб — авангард тогдашнего революционного Парижа. Отточенные, логические фразы Робеспьера, его плавная аргументация, рассчитанно-последовательное предъявление доводов и иллюстраций развиваемой мысли — все это доходило до ума наиболее высокой по интеллектуальному уровню части аудитории, а страстные призывы Марата доходили до сердца *всей* собравшейся массы слушателей.

Содержание было одно. И в речах, и в статьях он бил в одну точку: народ окружен изменниками и обманщиками, ворами и спекулянтами, а те, которых народ считает своими друзьями,— лентяи и сибариты и боятся повести атаку в лоб против врагов революции, вовсе еще не истребленных, а благополучно прячущихся во всех углах и ожидающих благоприятного часа. Да и как было ему не верить, когда события постоянно оправдывали его предсказания; когда все, что казалось плодом его болезненной подозрительности, превращалось в действительность; когда этот исступленный «маньяк», с повязанной платком головой, которого жирондисты предлагали запереть в дом умалишенных, оказывался гораздо более проницательным сердцеведом и политиком, чем все осторожные, расчетливые, ловко интригующие парламентарии, так возмущавшиеся его выходками и так презрительно над ним смеявшиеся!

Как внезапно разорвавшейся среди города бомбой, был потрясен Париж в предпоследний мартовский день 1793 г. известием, что генерал Дюмурье, прославленный начальник первой (по времени создания) революционной армии, отразивший осенью 1792 г. интервенцию, изменил теперь республике, перешел на сторону роялистов, пытался вовлечь в измену всю армию, не успел осуществить этого намерения и бежал в австрийский лагерь. И это был тот самый Дюмурье, которого Марат стал подозревать, когда генерал еще находился на вершине своей популярности, когда Марата никто и слушать не хотел!

31 марта 1793 г. Марат на заседании клуба якобинцев бросил прямо в лицо Дантону обвинение в том, что своей недостаточной энергией в борьбе с изменой он, монтаньяр, министр юстиции, сам сделал возможной измену Дюмурье и привел Францию к краю гибели. Выхватив кинжал и потрясая им, Марат закричал: «Вот чем я буду истреблять изменников!». Раздались такие приветственные крики, такой гром долго не смолкавших аплодисментов, что Марат не мог продолжать своей речи. «Веди нас, Марат! Ты, ты, ты наш предводитель, ты наш начальник!» — кричали со всех сторон. Через пять дней после этой сцены Марат был демонстративно избран президентом клуба якобинцев.

Революционно настроенные секции Парижа громко обвиняли жирондистов, главных до тех пор покровителей и защитников генерала Дюмурье, в тайной договоренности с изменником и в активном соучастии в его предательстве. Марат увидел, что час, которого он так долго ждал наконец пришел. Он потребовал голов изменников-жирондистов. Для него казалось ясно, что они уже не довольствуются тем, что губят революцию и республику своими послаблениями по отношению к предателям и своим пренебрежением к интересам и нуждам бедняков и всего голодающего народа, но что они сами непосредственно и деятельно участвуют в обширном контрреволюционном заговоре, готовом раздавить республику.

Агитация Марата против жирондистов приняла грандиозные размеры, и уже с 8 апреля в Конвент стали являться депутации от секций Сент-Антуанского предместья с петициями о предании суду жирондистских вождей: Верньо, Гаде, Барбару, Бриссо и других.

Жирондисты подняли брошенную перчатку и приняли вызов Марата.

12 апреля жирондисты решили дать генеральный бой Марату. «Мы очистим Конвент от чудовища!» — восклицали они. Решено было наконец сделать то, что уже столько раз собирались совершить, но все не удавалось,— отдать Марата под суд. Ему предъявлено было в заседании 12 апреля обвинение в том, что за его подписью, как председателя клуба якобинцев, было выпущено воззвание с призывом к истреблению изменников, под которым понимались жирондистские депутаты Конвента. Сверх того, ему ставили в вину (о чем рассказано выше) возбуждение продовольственных волнений и, в-третьих, требование «двухсот тысяч голов» (цифра несколько варьировалась и в статьях самого Марата, и в устах его обвинителей).

На этот раз монтаньяры поддержали Марата: и Робеспьер, и Дантон выступили в его защиту, хотя Робеспьер ограничился лишь коротеньким замечанием. Они хотели избавить его от предания суду. Но когда Марату дали слово, он заявил, что решительно ничего не имеет против суда над ним. Произошло голосование, и предложение жирондистов прошло: решено было отдать под суд и поэтому немедленно арестовать Марата. Тем не менее, когда Конвент разошелся после заседания, Марат, окруженный несколькими десятками монтаньяров и сотней, по крайней мере, человек из публики, арестован не был, потому что и полицейские очень неохотно взяли на себя эту попытку и не пробовали применить силу. Спасшись от ареста, Марат снова временно перешел на нелегальное положение и скрывался. Он немедленно обратился с письмом к Конвенту, в котором повторял все свои обвинения против жирондистов. В ночь с 13 на 14

апреля большинством 220 голосов против 92 при 48 воздержавшихся был принят обвинительный акт против Марата. Не забудем, что 374 депутата были в это время в длительной отлучке: с поручениями от Конвента, в провинции,— и большей частью эти отсутствующие были монтаньяры. Гаде, супруги Ролан, Барбару, Жансонне и другие вожди Жиронды очень хорошо учли это выгодное для их целей обстоятельство и поспешили провести поскорее нужное голосование. Негодование, охватившее народную массу при известии о предании Марата суду, было так велико, что уже 15 апреля ряд секций подал Конвенту демонстративные петиции с требованием арестовать 22 жирондистских депутата. Революционный порыв охватил столицу, когда она узнала, что подозреваемые изменники, вчерашние друзья предателя Дюмурье, осмеливаются декретировать обвинение против друга народа, против разоблачителя всех контрреволюционных махинаций, против Марата.

22 апреля, узнав, что обвинительный акт уже передан в революционный трибунал, Марат сам явился в полицию и был арестован. А 24 апреля начался суд.

Этот процесс с начала до конца был сплошным триумфом Марата. Революционный трибунал всецело ему сочувствовал, прокурор Фукье-Тенвиль с первых же слов заявил, что считает Марата лучшим другом народа. Сочувствие массы, собравшейся и в самом зале заседания и вокруг здания суда, было подчеркнуто бурными знаками одобрения, которыми встречалось каждое слово подсудимого. Он не защищался, а обвинял жирондистов и требовал их обезврежения и наказания всех изменников. Марат был, конечно, оправдан. Едва был произнесен вердикт, как раздались в зале, а через несколько секунд во всем здании и через две минуты на улице неистовые радостные вопли. Огромная толпа вынесла на руках Марата и с ликованием понесла его по улице прямо в Конвент. Толпа по пути увеличивалась, новые и новые группы примыкали к шествию. Марата внесли на руках в зал Конвента, а навстречу входившей народной массе с криками радости бросились все сидевшие на трибунах для публики. Тут раздался и гром аплодисментов со скамей монтаньяров. Несколько минут длились эти приветственные крики и рукоплескания. Крики удвоились в силе, когда Марата поднесли на руках к трибуне и он появился на ней. Он успел произнести лишь несколько благодарственных слов, сейчас же заглушенный новым взрывом рукоплесканий. Медленно и неохотно вышли в этот день из Конвента народные толпы.

Эта грандиознейшая демонстрация повторилась на другой день, но уже не в Конвенте, а на заседании Якобинского клуба, когда там появился Марат. Его буквально засыпали живыми цветами и просто не давали начать говорить бесконечными

овациями: «Оставим все эти ребячества! Подождите конца моей карьеры, чтобы венчать меня венками цветов! — кричал Марат.— А теперь будем думать только о том, чтобы раздавить наших врагов!». Немедленно же Марат произнес речь, в которой требовал очистки всей администрации от тайных и явных контрреволюционеров, «аристократов», причем советовал начать с министров. Для жирондистов эти неслыханные триумфы Марата были в полном смысле слова далеким, но уже явственно слышным погребальным звоном колокола. Жить на свете большинству из них оставалось еще несколько месяцев, но политическая смерть приближалась к ним гигантскими шагами.

31 мая 1793 г. началось грозное восстание народных масс против жирондистов, а 2 июня оно окончилось, как известно, изгнанием жирондистских депутатов из Конвента. Марат в решающие дни, 1 и 2 июня, обращался с пламенными речами к муниципалитету: «Требуйте у Конвента ареста и наказания изменников, не разоружайтесть, пока ваше требование не будет выполнено!». Это требование он поддержал и лично. 2 июня громадная толпа народа плотно окружила Конвент, повторяя это требование.

Декрет об аресте 34 жирондистских депутатов был вотирован. Революция сделала крутой шаг вперед. Это был ответ и на присоединение Англии к коалиции, и на измену Дюмурье, и на безнаказанность спекулянтов, наживавшихся на народном голоде.

Революция событиями 31 мая — 2 июня 1793 г. показала, что она вовсе еще не хочет сдавать позиций.

Много сокрушающих ударов готовила она своим врагам в будущем. Но и враги точили кинжал. Что касается первой жертвы, то на этот счет у врагов революции колебаний быть не могло: жертва была намечена давно.

Жирондисты, успевшие избежать ареста, 2 июня укрылись отчасти в самой столице, а отчасти в провинции. Они круто и бесповоротно перешли на сторону контрреволюции. Всюду жирондисты сеяли ненависть и вели агитацию против «санкюлотов Парижа» и особенно против Марата, которого изображали каким-то исчадием ада. В этот момент его полного торжества, наивысшего морального могущества и политического значения, какого ему вообще суждено было в жизни достигнуть, на нем сосредоточивалась самая лютая, не ведающая предела ненависть всех, самых разнообразных врагов бурного революционного движения.

Марат готовился к дальнейшим боям. Он отдавал себе полный отчет в том, до какой степени его ненавидят все тайные и явные враги революции. Но это его нисколько не смущало, и, когда он называл себя будущим мучеником и гордо требовал

от венчавшей его венками народной массы, чтобы «подождали конца его карьеры», то, конечно, он отчетливо видел сгущавшиеся над ним смертные тени...

Видел — и шел своей дорогой, не замедляя шага. Немая угроза и бесшумно подкрадывающийся враг пугали его так же мало, как ярые бури в Конвенте и в печати.

---

13 июля 1793 г., в десятом часу утра, в квартиру Марата постучались. Открыв дверь, привратница, бывшая в квартире, увидела незнакомую девушку высокого роста, просившую доложить о ней хозяину. Привратница сказала, что он болен и не принимает. Спустя некоторое время незнакомка снова поднялась по лестнице, привратница, теперь бывшая уже у себя, снизу заметила, что она остановилась у дверей на несколько мгновений, потом, не постучав на этот раз, спустилась по лестнице и ушла.

К концу дня Марату рассыльный принес письмо. В письме были такие строки: «Я приехала из г. Кан. Ваша любовь к отечеству должна возбудить в вас желание узнать о заговорах, которые там замышляются. Я жду вашего ответа». Письмо было подписано совершенно не знакомым Марату именем — «Шарлотта Корде».

Марат ничего не ответил и не мог ответить: незнакомка не дала своего адреса. Было это перед вечером. Спустя с полчаса после получения этого письма больной Марат сел в закрытую простыней ванну, где он проводил часы. В его комнате, где стояла ванна, находилась ухаживавшая за ним во время его болезни спутница последних лет его жизни Симонна Эврар. В соседней комнате, откуда был ход на лестницу, сидела привратница дома, работавшая по вечерам у Марата. Было около пяти часов, когда раздался стук в дверь. На пороге стояла та же девушка, которая приходила утром. Привратница снова сказала, что Марат никого не принимает. «Как неприятно! Как отвратительно, что я не буду принята!» — громко воскликнула незнакомка и, не понижая голоса, спросила, получил ли Марат письмо, которое она ему послала. Она говорила очень громко, почти кричала в явном расчете быть услышанной из другой комнаты. Марат услышал и сейчас же приказал Симонне Эврар пригласить незнакомку войти. Симонна вышла в комнату, где незнакомка продолжала спорить с привратницей, и попросила ее войти к Марату.

«Это вы мне писали?» — спросил Марат. «Да». Разговор продолжался около десяти минут. Так как Симонна Эврар в комнату уже не входила, а Шарлотта Корде была очень лаконична на суде, то мы не знаем и никогда не узнаем в точности, о чем они говорили. Разговор привел к тому, что девушка изъявила

готовность перечислить фамилии заговорщиков, которые, по ее словам, злоумышляют в г. Кан против республики. Марат, имевший под рукой письменные принадлежности и работавший часто, сидя в ванне, стал писать под диктовку незнакомки. Когда он углубился в это, она внезапно выхватила спрятанный в ее платье кинжал и вонзила его в грудь Марата.

Когда вбежали Симонна Эврар и привратница, Марат еще хрипел еле слышно. Смерть последовала меньше чем через пять минут.

Внезапная гибель Марата была воспринята народной массой Парижа и провинции как истинное бедствие, как страшный удар по революции, как исчезновение друга всех несчастных, угнетенных и обиженных. Как будто потух яркий факел, озарявший пред революционным народом путь впереди и освещавший беспощадным светом все закоулки в подполье, где прятались непримиримые, заклятые враги народной свободы, паразиты и изменники. Не удивились нисколько, узнав, что убийца-жирондистка совершила свое дело, чтобы отомстить за жирондистов. Инстинкт революционного народа предугадал, что отныне жирондисты будут и впредь действовать заодно с монархистами всюду и всегда, где только подвернется случай нанести удар революции. Однако кинжал Шарлотты Корде не только никого не запугал, но, напротив, резко поставил на первую очередь вопрос о беспощадном революционном терроре против внутренних врагов и изменников. Французская революция все еще шла в гору: до 9 термидора оставался еще целый год...

1936 г.

Крупная стачка шахтеров Рив-де-Жье в 1844 г.

1

Стачка, которую мы намереваемся описать в настоящем очерке, может по справедливости считаться одним из самых красноречивых симптомов революции, которая четыре года спустя должна была положить конец царствованию Луи-Филиппа. По своему размаху, по ожесточенной интенсивности борьбы эта стачка занимает важное место в ряду событий, начавшихся лионским восстанием и продолжавшихся созданием союзов рабочих Парижа в 1840 г. Многочисленные стачки, возникающие во всех промышленных районах королевства до и после 1831 г., и в особенности около 1840 г., равно как и после 1844 г., должны послужить предметом тщательного исследования [1]. Однако внимание историка рабочего класса прежде всего привлекают только что указанные нами три даты. Но как бы мало ни было изучено до настоящего времени движение парижских рабочих в 1840 г., события в Рив-де-Жье еще менее изучены. Поэтому мы надеемся, что настоящий очерк, написанный на основе неопубликованных документов, хранящихся в Национальном архиве, не окажется бесполезным. Помимо интереса, представляемого самими фактами, историк, занимающийся социальными идеями первой половины XIX в., не может пренебречь также содержащимися в наших документах указаниями — как бы они ни были неопределенны и неполны — на роль, которую сыграли некоторые доктрины, и особенно коммунистическая пропаганда, в событиях этой эпохи.

Шахтеры Рив-де-Жье забастовали в 1844 г. не в первый и не в последний раз. Сошлемся лишь на два примера и упомянем об аналогичных событиях, происходивших в 1840 г. и повторившихся в 1846 г. Но движение 1844 г., как это констатировали

современники, с самого начала отличалось своей особой организованностью, столь же удивительная была его продолжительность и сила сопротивления стачечников. Поэтому ни одно событие этого рода со времени парижских стачек 1840 г. не оказывало столь глубокого впечатления на современников.

Согласно официальным версиям, первоначальная причина стачки заключалась в следующем. Заработная плата шахтеров, главным образом забойщиков и крепильщиков, на всех предприятиях рудного бассейна Рив-де-Жье составляла в среднем 3 франка 50 сантимов в день, только в одной шахте рабочие получали 4 франка за десятичасовой день. Владельцы этой шахты, в свою очередь, решили снизить оплату до 3 франков 50 сантимов. В ответ на эту меру рабочие и прекратили работу, требуя, кроме того, чтобы тариф в 4 франка был принят на всех других предприятиях [2].

В «Réforme» от 1 мая 1844 г. мы находим такое же свидетельство в части, касающейся существа, но отличное в деталях. Оно принадлежало наблюдателю, не причастному к конфликту, но явно расположенному к рабочим. Две трети бассейна Рив-де-Жье, утверждает он, эксплуатировались основанной незадолго перед тем Генеральной компанией (Compagnie générale). На рудниках, не находившихся в ведении этой Компании, дневная заработная плата составляла в среднем от 3 до 4 франков, на рудниках Компании — всего 2 франка 50 сантимов. Только в одной шахте, в которой с трудом можно было дышать, шахтеры, ввиду особо тяжелых условий труда, зарабатывали до 4 франков. Именно на это последнее предприятие и обрушилась администрация рудников. Рабочий день в ней был увеличен с десяти до двенадцати часов, заработная плата снижена на 25 сантимов, причем разнесся слух, что поденная оплата будет повсюду снижена на 40 сантимов.

Третья версия — самая поздняя и исходящая от самих рабочих — значительно расширяет характер и смысл конфликта. Мы обнаруживаем ее в докладных записках (своего рода наказах) и в приложенных к ним таблицах, представленных делегатами шахтеров в ответ на анкету относительно условий труда в земледелии и промышленности, предписанную в каждом кантоне декретом Национального собрания от 25 мая 1848 г. [3]

Мы не можем исследовать здесь эти весьма поучительные во многих отношениях документы во всей их полноте. Мы надеемся вернуться к ним в другом месте и ограничиваемся сейчас извлечением — со всеми оговорками, какие требует этот род свидетельства, — главных данных, относящихся к занимающему нас событию. Рабочим, по-видимому, казалось, что условия их труда и главным образом расценки стали ухудшаться с создания в 1835 г. «иностранных» предпринимательских компа-

ний и особенно с тех пор, как эти компании слились в одну, Генеральную компанию[4], что произошло незадолго до большой стачки. «К концу 1843 г.,— писали горнорабочие,— в Рив-де-Жье образовалась гнусная коалиция; различные компании объединились в одну Генеральную компанию, которую рабочие прозвали Монополией; с этого времени рабочие, потребители и все местные отрасли промышленности оказались вынужденными терпеть жестокости этих гнусных проделок; оплата дневного труда сразу снизилась, число рабочих часов увеличилось»[5]. Согласно приведенным в таблицах данным, рабочий день шахтеров, продолжавшийся в 1830—1844 гг. с 4 часов утра до 2 или 3 часов дня (включая час на обед, который рабочие обычно съедали в шахте), отныне был удлинен до 5 часов дня. Средняя заработная плата, согласно этому же документу, претерпела следующие изменения.

	1830—1844	1844—1848
Забойщики . . .	5—6 фр. (в день)	3 фр. 50 сант.—3 фр. 75 сант.
Крепильщики . .	4 фр.—4 фр. 25 сант.	3 фр. 50 сант.
Рабочие по бадье на салазках . .	4 фр	3 фр. 25 сант.
Стволовые . . .	3 фр.—3 фр. 75 сант.	3 фр.
Сцепщики «под стволом» . . .	4 фр.—4 фр. 50 сант.	4 фр. 50 сант.
Бутчики	3 фр.	2 фр. 50 сант.
Погонщики . . .	2 фр.—2 фр. 50 сант.	1 фр. 75 сант.

Среди прочих жалоб, которые рабочие поспешили весьма подробно изложить как только политические условия дали им возможность высказаться, имелись обвинения по адресу Компаний в том, что они, рискуя серьезной опасностью, экономят расходы на содержание и ремонт забоев и главным образом в том, что они нанимали предпочтительно «пришлых», т. е., как это весьма определенно сказано в документах, сельских жителей или жителей других департаментов, неопытность которых приводила к многочисленным несчастным случаям[6]. Именно эти общие условия, а не относительно мелкие факты, послужившие, по-видимому, лишь предлогом, привели, согласно объяснению самих шахтеров, к событиям 1844 г.: «К этому времени (концу 1843 г.— *Е. Т.*),— пишут они,— ... на всех шахтах, принадлежавших этой крупной Компании, был внезапно навязан удлиненный рабочий день, вскоре после этого Компания пыталась сократить число своих рабочих, рабочие все возмутились и объявили стачку»[7].

Согласно официальной версии, начиная с марта (1844 г.), среди шахтеров стали замечаться признаки волнений; некото-

рые работы были частично приостановлены. Рабочие выражали недовольство новым директором Компании Амбером, который собирался либо увеличить рабочий день, либо снизить оплату. Стачка в настоящем смысле слова началась 1 апреля и тотчас возбудила сильное беспокойство местных властей ввиду того, что происходила поблизости от Лиона, где настроение рабочего населения точно так же внушало опасения [8]. Первые два дня центральная власть, по-видимому, не была встревожена, но 3 апреля генеральный прокурор Лиона телеграфной депешей известил министра юстиции о том, что две тысячи рабочих Рив-де-Жье бросили работу и угрожают уничтожить машины. Начались аресты, и в помощь жандармерии были посланы линейные войска. Если воспоминания самих рабочих точны, то власти сначала пытались подействовать убеждением: префект департамента Луары, предупрежденный о событиях, «спустился в Рив-де-Жье и сразу же направился в мэрию этого города, куда вызвал рабочих и потребовал, чтобы с ним говорили всего семь или восемь человек: он спросил их, что вызвало забастовку; рабочие объяснили ему, что это произошло оттого, что им снизили и без того низкую заработную плату; он посоветовал рабочим вновь приняться за их тяжелый труд, но рабочие ничего слушать не хотели, и несколько дней спустя власти запрятали в тюрьму кое-кого из шахтеров, чтобы навести страх на остальных» [9]. Но рабочие, не дав себя запугать, окружили конвой, который уводил арестованных, и изъявили намерение освободить их силой. Только угроза открыть огонь заставила толпу разойтись.

Аресты продолжались и в следующие дни. Стачечники пытались пробраться в шахты, чтобы свести счеты с теми, кто продолжал работать, но войска не давали им пройти. Между тем волнение все усиливалось. Рабочим не удалось освободить своих товарищей, попавших в руки жандармов, но они не хотели примириться с этим поражением. 4 апреля семнадцать обвиняемых должны были быть переведены из тюрьмы Рив-де-Жье в Сент-Этьеннскую тюрьму. Власти приняли меры предосторожности: конвой состоял из семидесяти пехотинцев, двадцати пяти конных егерей и десяти пеших и конных жандармов под командой капитана пехоты, лейтенанта егерей и жандармского лейтенанта. При проходе через угольный бассейн этот отряд должен был находиться под охраной пехотной роты, расквартированной в пяти километрах от Рив-де-Жье. Но подходя к деревне Гранд-Круа, невдалеке от Рив-де-Жье, конвой подвергся нападению толпы в триста или четыреста шахтеров, которые забросали его камнями [10]. Двенадцати — четырнадцатилетние дети повисали на поводьях лошадей кавалеристов, не давая им продвигаться вперед. Солдаты поспешили окружить повозки, в которых были размещены арестованные. Между тем

ярость нападавших все возрастала. Конвоиров осыпали камнями из окон соседних домов. В подкрепление конвою прибыла пехота, расположенная по другую сторону деревни; началась стрельба, после чего нападавшие в конце концов рассеялись, оставив на месте шесть тяжелораненых, один из которых был при смерти. Ни один из военных не был серьезно задет. Одному из арестованных удалось скрыться.

Тотчас же по приказу военного министра весь угольный район был занят войсками [11].

В течение первых дней апреля шахтеры Рив-де-Жье предприняли несколько безуспешных попыток «расширить место действия мятежа» и особенно вовлечь в движение своих товарищей из Сент-Этьенна [12]. В самом Рив-де-Жье работа кое-как продолжалась, хотя размеры ее значительно сократились, и она производилась с перебоями. Рабочие, не присоединившиеся к стачке, боялись репрессий со стороны стачечников, и присутствие войск имело своей главной целью защитить их. Все же 5 апреля стачечникам, например, удалось захватить нескольких из этих людей, и они водили их по улицам со свистом и гиканьем. Между тем аресты умножались. Сотни людей часами выжидали прохождения арестованных и осыпали камнями конвой [13]. Во избежание столкновений власти старались производить аресты на рассвете [14]. Наиболее скомпрометированные рабочие спешили скрыться.

С первых же дней властям пришлось признать решимость и дисциплину, царившие среди рабочих. «Стачка, по-видимому, прекрасно организована»,— писал 3 апреля прокурор Лиона своему министру. Шахтеры регулярно выстраивались у входа в шахты, чтобы не дать другим спускаться в них, в то время как их товарищи стояли невдалеке на страже, готовые в случае необходимости вступиться. Точно так же чинились препятствия доставке фуража для работавших в шахтах лошадей. Машины не были уничтожены, но в некоторых случаях были разобраны для того, чтобы ими невозможно было пользоваться. Стачка распространялась; она находила отклик вплоть до Сен-Шамона. Особенно серьезным власти считали то, что волнения, казалось, перебросились в среду рабочих Лиона. Начиная с 3 апреля, генеральный прокурор этого города информирует министра юстиции, что настроение рабочих ненадежно и что они устраивают тайные собрания, на которых произносятся злостные речи в адрес правительства. Днем позже то же должностное лицо сообщает своему шефу, что лионские рабочие «объединяются в общества», число рабочих, состоящих в этих обществах, достигает примерно двадцати тысяч. Лионская прокуратура произвела многочисленные аресты.

Власти ожидали, что после трагических событий в Гранд-

Круа и занятия района войсками сопротивление будет скоро сломлено. Но движение, напротив, только расширялось и крепло. Несколько конюхов оставалось в глубине шахт, наблюдая за лошадьми и не решаясь подняться на поверхность из страха перед возмездием; снабжение людей и животных обеспечивалось солдатами — чем в общей сложности и ограничивались меры, принятые правительством. Правительство, если не считать некоторых арестов, видимо, не решалось действовать слишком свирепо. Дело в том, что на этот раз оно стояло перед фактом, которого не могли не подтвердить самым решительным образом официальные свидетели: стачка проводилась в атмосфере всеобщей симпатии к рабочим. Масса потребителей, мелкая сельская буржуазия, интересам которых был нанесен ущерб «монополией» Компаний, нисколько не скрывали своих чувств. Если трудно было наложить руку на наиболее активных рабочих, то не потому, что они были хорошо замаскированы, как это утверждалось в донесениях полиции, а потому, что сами местные власти, как, например, деревенские мэры, позволяли им действовать и практически отказывались преследовать их. Однако мэры со времен Наполеона были главной пружиной сельской полиции, шахтеры Рив-де-Жье легко находили укрытие и пропитание в бесчисленных окрестных деревнях, где им была обеспечена симпатия. Это положение вещей было настолько очевидным, что высшее должностное лицо района, лионский генеральный прокурор, счел нужным обосноваться на некоторое время в Рив-де-Жье. «Все мэры прячутся или отказываются помочь,— писал он министру юстиции,— для пресечения беспорядка и успокоения населения весьма важно присутствие на месте представителя высшей власти». Эта стачка, признавал он, не похожа на все другие, ибо население сочувствует ей и рассматривает это движение как объявление войны монополии угольной Компании. Кровавые события в Гранд-Круа смогли произойти оттого, что, как полагали, невозможно было перевезти арестованных по железной дороге из опасения, что стачечники разберут железнодорожные пути, в чем им, по всей вероятности, помогло бы местное население [15]. В этих условиях понятно, что на следующий же день после инцидента, о котором идет речь, генеральный прокурор счел необходимым, с одной стороны, снова выступить в защиту Компании [16], в то же время сомневаясь, «следует ли переносить дело в суд».

Действительно и то, что «деревенское население» приняло активное участие в нападении на конвой, требовало от властей известной сдержанности. Правительству Луи-Филиппа было известно, что режим, противоречивший интересам мелких землевладельцев, имел во Франции мало шансов на продолжительное существование; поэтому у властей не было ни малейшего

желания предавать свои столкновения с деревней пагубной гласности. Однако, отдавая себе в этом полный отчет, министерство практически делало все необходимое для того, чтобы восстановить против правительства мелкую буржуазию как городскую, так и сельскую. В частности, в деле Рив-де-Жье оно с первых же дней заняло определенную позицию на стороне Компании эксплуататоров против рабочих, следовательно и против потребителей, на стороне набитых кошельков против тощих кошельков.

Как бы то ни было, все собранные за время расследования свидетельства сходились на том, что деревня была заодно со стачечниками. «Устроенная в прошлую пятницу засада была в еще большей мере преступна, чем мы думали»,— писал уже 7 апреля генеральный прокурор. «Нападение произошло в самой деревне Гранд-Круа, и в нем участвовало все население».

Если пролитая кровь и запугала некоторых, то других она только ожесточила. Деревенские мэры и, следовательно, подчиненная им сельская стража решительно саботировали все мероприятия прокуратуры; прокурор мог рассчитывать только на полицейских и жандармов. Но обычно это были вообще люди пришлые, которые никого не знали ни по виду, ни по имени и не могли доставить никаких полезных сведений: мало что можно было извлечь из их содействия. «Будет трудно производить аресты на месте преступления,— горько жалуется прокурор,— имена главных зачинщиков могут нам указать только полиция и жандармерия. Что касается мэров, то они до сих пор дали нам только одно свидетельство их существования: один из них причинил нам вчера величайшее затруднение, разрешив устроить в Рив-де-Жье похороны рабочего, принадлежавшего к другой коммуне, который умер (в результате ранений, полученных в Гранд-Круа). Нас предупредили об этом лишь в тот момент, когда похоронная процессия показалась у городских ворот. Порядок не был нарушен, в похоронах решились принять участие очень немногие рабочие» [17]. Таким образом, если похороны не послужили поводом к досадным манифестациям, то это во всяком случае не было заслугой местных властей. Факт этот был симптоматичен, и генеральный прокурор очень хорошо это понял. В это же время мэр Рив-де-Жье и его два помощника подали в отставку «по причинам, не связанным со стачкой, но именно в тот момент, когда она началась» [18].

8 апреля хозяева решились на первую уступку. Они заявили, сообщал генеральный прокурор министру, что «готовы сохранить все прежние расценки». Речь шла именно о шахте, работа в которой была особенно тяжелой и опасной. Но теперь, после борьбы, продолжавшейся более недели, после того как была пролита кровь и несколько десятков их товарищей были

заключены в тюрьму, рабочие не хотели удовлетвориться столь скудным результатом. Они настаивали на своих общих требованиях, а именно, на заработной плате в 4 франка для шахтеров той же категории на всех других шахтах. Компания отказалась уступить в этом вопросе, и работа не была возобновлена.

В течение первой половины апреля стачечники приложили много усилий, чтобы привлечь к своему движению шахтеров Сен-Шамона, Сент-Этьенна и Фирмини. Иной раз это им удавалось, но в Сент-Этьенне, например, их посланцы были задержаны полицией. Эти попытки не переставали беспокоить власти; в них с полным основанием усматривали еще одно доказательство исключительной организованности движения. «Единодушие, с которым действовали рабочие Рив-де-Жье, поразило всех. Они доказали, что они превосходно организованы и сумели извлечь пользу из подававшихся им со всех сторон дурных советов. Им беспрерывно повторяют, что войска в данный момент не очень-то расположены защищать порядок, они испытали на себе, что их в этом отношении вводили в заблуждение»,— писал генеральный прокурор после того, как на деле убедился, что войска, что бы там ни говорили, оставались еще привержены «порядку» [19].

Рабочим, находившимся под пристальным наблюдением вооруженных сил и полиции, было очень трудно поддерживать между собой связь. Они прибегли тогда к следующей военной хитрости: ночью с одного из пустынных холмов, окружающих Рив-де-Жье, раздавался выстрел,— это был сигнал, оповещавший окрестных шахтеров, что стачка продолжается и что им не следует возобновлять работу. «Эта стачка в отличие от предыдущих, сразу же приняла характер превосходно организованного мятежа»,— лишний раз констатирует генеральный прокурор [20]. Как он и предвидел, аресты производились с чрезвычайной медлительностью. Рабочие, получившие тяжелые ранения в Гранд-Круа, не могли быть взяты под стражу, так как двое из них были при смерти, а двое других должны были подвергнуться ампутации; тем, кто получил более легкие ранения, удалось скрыться. Пришлось удовольствоваться более или менее случайными арестами лиц, подозреваемых в участии в «западне» 4 апреля или в том, что они играли некоторую роль в общем движении, и которых можно было с большей или меньшей вероятностью выдать за «главарей». Нельзя было также оставить без награды солдат, особенно отличившихся в деле Гранд-Круа [21].

На место событий прибыл префект департамента Луары; предприниматели заявили ему, что отказываются от всяких дальнейших уступок. Между тем часть рабочих уже была доведена до нищеты; их положение становилось тяжелым, и власти

тщательно отмечали все наблюдавшиеся у них признаки упадка духа [22]. Префект созвал всех мэров близлежащих деревень и предложил им выступить посредниками и уговорить шахтеров возобновить работу. Эта попытка дала весьма жалкие результаты: один только мэр высказался за правительство, двое открыто приняли сторону рабочих, все остальные хранили молчание. Тогда-то королевский прокурор в Рив-де-Жье понял, что на содействие сельских властей рассчитывать не приходится [23]. Его начальник в Лионе, как мы видели, понял это уже раньше.

К середине апреля неизвестными были распространены среди рабочих печатные листовки, а также памфлет Жюля Леру, озаглавленный «Пролетарий и буржуа». Одновременно с этим дела в Сент-Этьенне, казалось, снова начали ухудшаться: семнадцать рабочих, подростков от четырнадцати до шестнадцати лет, занимавшихся подъемом угля из шахт, потребовали прибавки заработной платы (с 1 франка 25 сантимов до 1 франка 50 сантимов в день). Не получив удовлетворения, они оставили работу. Власти были осведомлены о том, что «прилагались большие усилия, чтобы побудить рабочих к беспорядкам» [24].

Генеральный прокурор видел во всем этом руку коммунистов: не обладая достаточной силой, чтобы бороться против правительства в Лионе, они — по его мнению — пытались создавать трудности в других местах. «Как удивляться тому, что рабочие Рив-де-Жье еще не приступили к работе?... Крамольные партии их поддерживают, газеты оправдывают, мэры и священники проявляют к ним сочувствие.» Одно только присутствие войск мешает стачечникам предаваться «самым прискорбным эксцессам» [25].

2

Каждый уходящий день, казалось, все яснее и яснее обнаруживал, что эта стачка шахтеров в некоторых отношениях открывала новую страницу в истории рабочего движения. Официальная переписка непрестанно возвращается к этой стороне вопроса: «Первые же действия (стачечников) показали наличие мощной организации. До сих пор стачки долгое время сохраняли безобидный характер, прежде чем дойти до эксцессов. Отныне, надо ожидать, что они будут протекать как восстания». Несмотря на присутствие войск, концессионеры и население «испытывают большой страх», аресты «требуют больших предосторожностей» [26]. В действительности власти толком не знали, кого им еще арестовать. Все же 21 апреля было отдано предписание об аресте одиннадцати шахтеров, но захватить сумели только троих, остальным удалось скрыться. Но даже для производства этих трех арестов пришлось войти в соглашение

с командующим войсками округа генералом де Перроном, причем прокурор с удовлетворением сообщал, что арестованных удалось перевезти в сент-этьеннскую тюрьму без досадных инцидентов.

Этих людей собирались судить как уголовных преступников, о них, следовательно, беспокоиться не приходилось. Но что делать с теми, кто был замешан в деле Гранд-Круа? Газеты говорили об этом инциденте, осуждая позицию правительства, в палате пэров виконт Дюбушаж произнес по этому поводу несколько неприятных слов... Генеральный прокурор, ссылаясь на чувства, возникшие в нем непосредственно после этих событий, сейчас утверждает, что лучшим выходом из положения было бы передать это дело в суд: таким образом весь мир узнал бы, что нападение на конвой было подготовлено с величайшей наглостью, что солдаты были вправе стрелять и рубить саблями нападающих. Но кого судить? Раненные холодным оружием скрываются, и мэры их не выдают. Вывести на суд тяжелораненых, которые еще живы? Досадно, что вооруженное нападение входит в юрисдикцию суда присяжных, и прокурор опасается, как бы суд присяжных департамента Луары, который является, «быть может, самым слабым из всех», не оправдал обвиняемых. Конечно, прокурор «остается весьма равнодушным к оскорблениям газет», он хотел бы только, чтобы факты опровергли оратора палаты пэров... [27] Центральная власть сумела разобраться в этом запутанном ходе рассуждений; было решено, что дело о вооруженном нападении будет положено под сукно — отныне в официальной переписке от времени до времени едва упоминается о том или ином рабочем, умершем в результате ранений. Но обычно речь идет о пришлом, которым никто не интересуется, его хоронят без всяких инцидентов [28]. С этой стороны, следовательно, все было кончено. Но сама стачка все еще внушает беспокойство. Получены также сведения, что лионские тайные общества производят сборы для оказания помощи шахтерам Рив-де-Жье. Материальный результат этих сборов был посредственный — около 50 или 60 франков, но это все же является поощрением, констатирует (25 апреля) генеральный прокурор.

23 апреля можно было надеяться, что сопротивление стачечников начинает ослабевать. За два дня до того рабочие направили делегацию к генеральному прокурору, но он отказался выслушать ее, заявив, что его миссия, которую он выполнит до конца, заключается в том, чтобы положить конец беспорядкам; что касается вопроса о заработной плате, то по этому поводу следует обращаться к предпринимателям. 23 апреля около сотни шахтеров согласились возобновить работу без повышения заработной платы, число их уже удвоилось. Прокурор не скры-

вал своей радости, так как был убежден, что дело шахтеров проиграно, что на сей раз им не удастся, как это было в 1840 г., добиться удовлетворения своих требований [29]. Надо сказать, что власти, которые до объявления стачки ничего не имели против полюбовного соглашения, с тех пор как стачка началась, с неудовольствием смотрели на всякую уступку со стороны предпринимателей. По их мнению, это значило поощрять рабочих к мятежу.

Заметим, что в официальных свидетельствах о неминуемой неудаче забастовки имелось одно темное место. В них, в частности, говорится о том, что хозяева, не соглашаясь на увеличение заработной платы, выдают рабочим, возобновляющим работу, «денежное вознаграждение». Что следует под этим понимать? Идет ли здесь речь о простой благотворительности или же о скрытой уступке при соблюдении внешней непреклонности? Генеральный прокурор, весьма ясно выражающийся, когда дело идет о том, чтобы хвалить твердость хозяев, предпочитает касаться вскользь этой подробности.

Между тем стачка далеко еще не кончилась. Число шахтеров вновь спускавшихся в шахты, увеличивалось весьма медленно; на этих людей часто изрядно наседали более стойкие товарищи [30]. Впрочем, и этот успех не носил постоянного характера: 28 апреля работу возобновили в общей сложности 400 шахтеров, а два дня спустя их насчитывалось всего 194 человека. Власти приписывали эту перемену тому, что крупные оппозиционные газеты «Le National» и «La Réforme» открыли подписку в пользу бастовавших рабочих и собрали значительные суммы. Кроме того, констатирует прокурор в своем донесении от 30 апреля, шахтеры этого района во время своих предыдущих забастовок привыкли выигрывать и на этот раз также не желали мириться с неудачей. 1 мая в шахтах работало на пятьдесят человек меньше, чем в предшествовавшие дни. Министр юстиции с неудовольствием узнал, что хозяева будто начинают проявлять слабость и выражают готовность начать переговоры со своими рабочими. Он настойчиво рекомендует генеральному прокурору воспрепятствовать такому соглашению, ибо это означало бы поощрять рабочих к новым стачкам и тем самым «вступить на опаснейший путь» [31].

Власти имели серьезные основания для беспокойства и недовольства. Эта грандиозная для своего времени стачка продолжалась уже целый месяц, влияние ее сказывалось и за пределами Рив-де-Жье, она поддерживала возбуждение среди окрестного рабочего населения и нередко встречала отклики даже в довольно отдаленных рудничных поселках. Так, к концу апреля в шахтах Гран-Комб (Нимский округ) проявились «симптомы волнений», там появились рукописные плакаты, содержавшие

угрозы по адресу администрации, обвинения в недостаточности заработной платы и т. д. Директор этой разработки уволил тут же пятьдесят рабочих — не потому, что у него было малейшее доказательство их виновности, а потому, что, по его мнению, они несли ответственность за беспорядки [32].

От времени до времени довольно неопределенные, трудно поддающиеся проверке, но весьма правдоподобные сведения выдавали влияние агитаторов-коммунистов. 1 мая генеральный прокурор сообщал министру, что к нему поступили сведения о собрании коммунистов в Живоре — деревне, расположенной между Лионом и Рив-де-Жье; эти люди якобы пытались спровоцировать стачку рабочих-стекольщиков.

Как бы то ни было, после нескольких дней ослабления стачка в Рив-де-Жье вдруг снова обрела силу. Предприниматели колебались. Генеральная компания, правда, оставалась непоколебимой, но несколько концессионеров, не входивших в Компанию («отколовшиеся» от Компании, как их называют шахтеры), явно пытались договориться с рабочими, начинали переговоры. Директора и другие высшие служащие предприятий собирались покидать этот край, опасаясь, что будут отозваны войска [33]. Число вернувшихся в шахты рабочих, вместо того чтобы увеличиваться, скорее уменьшалось, и, что еще более важно, рабочие держались более уверенно, чем когда-либо. Теперь они требовали не только повышения заработной платы, но и установления твердого тарифа, третейского суда, составленного из одинакового числа хозяев и рабочих, и создания кассы взаимопомощи, состоящей в ведении самих рабочих, а не хозяев. Когда вблизи не было солдат, шахтеры собирались на улицах, иногда перед домом какого-нибудь богатого предпринимателя, и пели Марсельезу или Ça ira [34]. Все это было весьма знаменательно и сильно отличалось от всех прежних чисто экономических стачек. «Все единогласно утверждают, что никогда еще ни одна стачка шахтеров не носила такого характера»,— признает генеральный прокурор. Если бы войска оставили этот район, то Рив-де-Жье, по мнению властей, стал бы «местом самых крупных беспорядков».

Состоявшийся в это время судебный процесс над стачечниками не смог успокоить умы. Он происходил 28 и 29 апреля в трибунале исправительной полиции Сент-Этьенна. Как это обычно бывало в то время, обвиняемые были схвачены случайно, в разное время, при различных обстоятельствах, по произволу того или иного полицейского. Будучи задержаны, эти люди по одному своему положению арестантов возводились в ранг главарей, подстрекателей к беспорядкам и т. п. Присутствовавшая на процессе публика была поражена болезненным видом обвиняемых, все удивлялись тому, что эти люди были способны выносить

тяжелый труд в шахтах. Допрос не дал ничего нового; все факты были более или менее известны. Прокурор в своей речи обрушился главным образом на подрывной характер упомянутого нами выше памфлета Леру, как и на кровавую стычку 4 апреля, ответственность за которую он возлагал только на рабочих. Он, по всей вероятности, считал особенно полезным остановиться на этом инциденте, чтобы косвенным образом ухудшить положение обвиняемых, которых, как мы видели, решили формально не подвергать преследованиям в связи с этим делом. В своей горячей защитительной речи адвокат Сэн отметил, что «закон бессилен защитить интересы масс»; хозяева практически имели право объединиться, в то время как рабочим это было запрещено. Адвокат сказал несколько слов об общем положении пролетариев, ссылаясь по этому поводу на труды Виллерме. Он приписывал растущую нищету шахтеров и частые аварии в шахтах «коалиции капиталов», т. е. созданию Генеральной компании предпринимателей,— эти доводы будут впоследствии повторены рабочими делегатами в 1848 г. Снижение заработной платы в особо опасной шахте должно было иметь последствием аналогичное снижение на всех прочих разработках — вот почему эта мера вызвала общее движение. Защитник не смог закончить свою речь, так как председатель, а иногда и прокурор прерывали его. После этого второй защитник Дюше в виде протеста отказался от своей защитительной речи. Приговор был произнесен 30 апреля. Восемь человек за отсутствием улик были оправданы, один рабочий приговорен к двум годам тюремного заключения, другой к десяти месяцам, остальные пятнадцать — к различным срокам от шести дней до трех месяцев.

Процесс в Сент-Этьенне заслуживает также внимания вследствие решительного протеста адвокатов против покушений на права защиты. Самый дух дебатов был иным, чем в громадном большинстве аналогичных процессов предшествующего периода. Прокурор направил жалобу в Париж, и министр юстиции выразил удивление по поводу того, что суд «не занялся вопросом о возможности наложения на адвоката дисциплинарного взыскания» [35].

Между тем стачка в Рив-де-Жье продолжалась. 3 мая из 2000 рабочих 300 возобновили работу. Шахты охранялись войсками. Тем временем в ближайших рабочих центрах, особенно в Лионе, волнения все нарастали. Хозяева мастерских в этом городе потребовали от фабрикантов, передававших им заказы, повышения расценок, отказываясь в противном случае продолжать работу. Два предпринимателя, выполнявшие срочные поставки для Америки, приняли это условие, другие же ничего и слышать не хотели, и рабочие волновались [36].

В 40-е годы, когда министерство Гизо, казалось, окончательно упрочилось и крупная буржуазия достигла вершины своего могущества, правящие круги ни в коем случае не желали допустить, чтобы в случае экономического конфликта победа досталась рабочим, и поощряла их на дальнейшую борьбу (это умонастроение давало себя сильно знать во время событий в Рив-де-Жье). Узнав, что движение возобновилось с новой силой и что предприниматели начали колебаться, министр юстиции тотчас послал генеральному прокурору Лиона телеграфный приказ *всеми силами противодействовать повышению заработной платы* (3 мая). Впрочем, лионский судейский чиновник не нуждался в этих предписаниях: он не упускал ни одного случая указать предпринимателям на опасность возможных уступок. 7 мая на одной из разработок, не входивших в Компанию, работы были возобновлены, и снова вместо «определенного увеличения заработной платы» шла речь о таинственной выдаче «вознаграждений» [37].

По-видимому, эти тонкие терминологические различия мало что значили. Три дня спустя стало известно, что «отколовшаяся» Компания Грезье согласилась на повышение заработной платы. Оповещенный об этом несчастье, генеральный прокурор немедленно отправился на место действия. Но он смог только констатировать совершившийся факт. Он сообщил о нем министру юстиции в тоне, скорее наводившем на мысль о преданном слуге Компании, чем о высшем должностном лице. «Компания Грезье,— пишет он 10 мая,— с первых же дней забастовки обнаружила сильную тенденцию к повышению заработной платы. Все же имелась надежда, что она будет учитывать обстановку и не поддастся этому прискорбному искушению. Позавчера не было больше беспокойства относительно ее намерений, так как акционеры собрались в Рив-де-Жье и решили не увеличивать заработной платы». Но вот некто Ленуар, отец одного из акционеров, испортил все дело, и т. д. Короче говоря, зло совершено, рабочие одержали верх. Конечно, речь идет только об одном предприятии и об одной категории рабочих (о забойщиках, заработная плата которых была повышена до 4 франков). Но какой прискорбный пример для всех других. Читая этот документ, понимаешь, что означают слова «классовое правительство», «классовое правосудие». Откровенность прокурора, наивная и в то же время грубая, типична для режима Луи-Филиппа.

После посещения Рив-де-Жье генеральному прокурору пришлось отдать себе отчет в том, что этот первый успех рабочих был только началом: предательство Компании Грезье нарушило единство действий хозяев. «Другие предприниматели, которые твердо решили не повышать заработной платы, не скры-

вают, что они, быть может, окажутся вынужденными последовать примеру Компании Грезье, так как не хотят допустить, чтобы эта компания одна добывала уголь, который она в этом случае будет продавать по весьма дорогой цене». За этим следует длинное рассуждение о пагубных последствиях уступок — тезис, с которым получатель письма был заранее согласен и который, повторяем, был чрезвычайно характерным: с одной стороны, никоим образом не следовало идти на уступки шахтерам Рив-де-Жье, ибо это означало бы разорение угольной промышленности, неспособной нести расходы на повышенную заработную плату; в этом случае пришлось бы через некоторое время взять обратно то, что было дано, и вызвать тем самым новые беспорядки. С другой стороны, вообще никогда не следует идти на уступки бастующим рабочим, ибо они увидели бы в этом награду за свой бунт. «Если мы хотим покончить с забастовками или по крайней мере сократить их число и значение, то надо доказать рабочим, что они не могут извлечь из забастовок никаких выгод». Вот уже шесть недель — с начала волнений — как генеральный прокурор не перестает повторять это. Префект такого же мнения. К несчастью, они оказались бессильными одолеть дурные стремления тех, кто решил договориться с рабочими: промышленники любят прибегать к защите властей, но затем, как только один из них находит в этом для себя некоторую выгоду, они своими действиями нарушают интересы общественного порядка. Ни генеральный прокурор Лиона, ни префект департамента Луары не смогли убедить предпринимателей, заставить их отказаться от переговоров с рабочими. Все же прокурор обязуется сделать все, что в его силах, чтобы не допустить новых уступок. «Инженеры рудников обещали помочь мне, и я не теряю надежды добиться при их посредстве кой-каких хороших результатов, на какие мы можем еще рассчитывать». Несколькими днями позднее (14 мая) новое сообщение на этот счет, на сей раз по телеграфу: «Один инженер обещал сделать все, чтобы не допустить повышения заработной платы. Завтра сообщу, каких результатов он смог добиться». Эта позиция высокого должностного лица министерства юстиции, которое договаривается с персоналом предприятий, чтобы не дать предпринимателям идти на уступки, больше говорит о социальной природе Июльской монархии, чем многочисленные теоретические дискуссии.

13 мая сообщения становятся более оптимистическими: положение в Рив-де-Жье улучшилось; 663 рабочих спустились в шахты, причем 240 из них в шахты, принадлежавшие Генеральной компании; за исключением Компании Грезье, ни один предприниматель не повысил заработной платы.

Предательство Компании Грезье взволновало центральную власть: министр юстиции сообщил о нем министру внутренних дел, который, впрочем, был уже информирован об этом [38]. В принципе оба министерства были между собой согласны: лучше было не делать рабочим никаких уступок. Все же министр внутренних дел считает необходимым умерить пыл своего коллеги и напомнить ему, что в конце концов правительство считает нужным не вмешиваться в экономическую жизнь. «Несомненно, дорогой коллега, власть может использовать свое влияние для того, чтобы промышленники не шли на неуместные уступки, которые в некоторых случаях могут увеличить трудности положения вместо того, чтобы их уменьшить. Но если его советы на этот счет не будут приняты во внимание, оно может лишь держаться наготове, чтобы пресечь правонарушения. Впрочем, взятая на себя властью обязанность защищать свободу коммерческих соглашений связывает ее в такой же мере с интересами рабочих, как с интересами хозяев, и она обязана одинаково защищать всех» [39]. Во всяком случае министерство внутренних дел отказывается дать свое согласие на откровенно враждебное по отношению к рабочим Рив-де-Жье вмешательство. «Это весьма щекотливое дело — вмешаться в дела хозяев и побуждать их к отказу от уступок, в то время когда они полностью защищены от всякой агрессии и тем не менее считают уместным отказаться от своих первоначальных притязаний. Это означало бы возложить на себя ответственность, которую власть добровольно на себя возложить не может; ее миссия заключается в том, чтобы защищать порядок и заставлять исполнять закон».

Таковы были два нюанса в позиции министерства в этом «весьма деликатном», по выражению господина Пасси, вопросе. Но оставим эти возвышенные сферы и вернемся в Рив-де-Жье.

Вскоре выяснилось, что Компания Грезье не только предоставила своим рабочим «значительное увеличение заработной платы», но и подтвердила эту уступку письменной гарантией; кроме того, она обязалась вновь принять на работу всех без исключения рабочих и даже разрешила им выбрать из своей среды двух или трех человек, которым поручалось бы в дальнейшем «делать директору все представления, какие они сочтут необходимыми» [40]. Стало также известно, что другое предприятие — «Ла Гурль» — готово было обещать увеличение заработной платы. «Можно только скорбеть о таком положении вещей»,— восклицает генеральный прокурор.

Как уже упоминалось выше, первые дни были отмечены новым подъемом движения; официальные наблюдатели приписывали это влиянию тайных обществ и в особенности коммунистам. «Забастовка не была порождением политики, но политика

вмешалась, когда увидела, что рабочие предаются крупным эксцессам и именно она поддерживает и продлевает их волнение»,— сообщал генеральный прокурор министру. Он констатирует, что уже 27 апреля можно было ожидать неминуемого окончания беспорядков, но какая-то «непредвиденная и тайная причина внезапно остановила это благоприятное движение» и половина рабочих, возобновивших работу, снова оставила шахты. В связи с этим прокурор указывает на приезд в Лион некоего Керсози, подозреваемого в связи с коммунистами и который, по его собственным словам, приехал, чтобы посмотреть, «какую пользу можно извлечь из этого брожения среди рабочего класса». Этот человек будто бы много занимался делом Рив-де-Жье и дал коммунистам инструкции относительно их поведения по отношению к шахтерам. В Живоре был создан специальный комитет, который занялся сбором пожертвования в пользу стачечников и распространением среди них сочинений Кабе. Прокуратура разыскивает членов этого комитета и готова возбудить против них судебное дело [41].

Власти пытались наложить руку на средства, предназначавшиеся для шахтеров Рив-де-Жье, они перехватывали письма, производили обыски, арестовывали подозрительных, отпускали их за недостатком улик, снова производили аресты, словом, предавались лихорадочной деятельности [42].

К середине мая движение снова начало ослабевать. 13 мая число рабочих, возвратившихся в шахты, составляло уже 663 человека. Голод одерживал верх над их сопротивлением, лавочники сокращали кредит или отказывали в нем, помощь извне была недостаточной. «Нищета начинает побеждать самолюбие рабочих»,— констатирует королевский прокурор. Правда, до него доходят тревожные слухи: шахтеры будто бы решили возобновить работу только для того, чтобы улучшить свое настоящее положение, после чего они забастуют снова. Но это представляется ему мало вероятным [43].

Между тем расследования в Живоре и в других местах начали давать некоторые результаты: было арестовано несколько человек, уличенных в сборе средств в пользу стачечников, при обысках были обнаружены коммунистические сочинения; был арестован человек, в доме которого происходили собрания коммунистов [44]. К сожалению, наши документы не дают точных сведений ни о личности этих коммунистов, ни о характере захваченных сочинений.

Наконец, 15 мая стачка почти сразу прекратилась. За исключением Компании Грезье, ни один предприниматель не пошел на уступки. Генеральный прокурор Лиона лично отправился в Рив-де-Жье, чтобы убедиться в этом. «Мне приятно констатировать услуги, которые нам оказали господа горные инженеры»,—

докладывает он 16 мая министру с удовлетворением Наполеона, поздравляющего своих маршалов на другой день после победы. Конечно, в этой картине имеется темное пятно: Компания Грезье. Но в этом предприятии было занято всего 112 рабочих, а число бастующих превышало 2000 человек. Следовательно, девятнадцать двадцатых (по расчетам прокурора) не добились удовлетворения своих требований. Все те, кого представитель юстиции обозначает словом «*мы*»,— угольная компания и официальная власть, акционеры и магистратура, инженеры и жандармерия — все они имели основание радоваться.

Между 15 и 20 мая все снова пришло в порядок. Но часть рабочих осталась на некоторое время без работы: несколько шахт было повреждено, спускаться в них было сразу невозможно. Некоторое число шахтеров, подозреваемых в активном участии в стачке, было решительно устранено администрацией шахт.

События в Рив-де-Жье нашли лишь слабый и запоздалый отклик в рабочем классе столицы. Мы находим всего одно упоминание о них в петиции, направленной парижскими рабочими 24 мая 1844 г. палате депутатов с требованием отмены закона о стачках; в ней указывается на прискорбные события, только что происшедшие в Рив-де-Жье, как на роковое последствие этого закона, запрещающего рабочим мирно договариваться о своих интересах и оставляющего им лишь выбор между нищетой и действиями, продиктованными отчаянием. Такого рода заявления не могли обеспокоить «победителей» в Рив-де-Жье. Между тем среди их лавров имелись и сильно тревожившие их тернии. 18 мая, когда стачка уже закончилась, генеральный прокурор Лиона в письме министру снова не без тревоги сообщает о сборах в пользу шахтеров Рив-де-Жье, организованных в мае месяце в Тулузе, Клермоне, Лионе и «во многих других городах», где рабочий класс производил в связи с этим «большие беспорядки». Прокурор полагал, что в Рив-де-Жье не все кончилось, что движение возобновится [45].

Действительно, новая стачка, сопровождавшаяся кровавыми инцидентами, вспыхнула в 1846 г. Но это выходит за рамки, которые мы себе наметили. Здесь мы хотели рассмотреть особый вопрос, поставленный стачкой шахтеров Рив-де-Жье. Именно во время этого события правительство Луи-Филиппа констатировало действенное влияние коммунистических идей на рабочий класс в провинции. Об этом уже говорилось раньше, в печати, в судах, в публичных выступлениях, но если судить по некоторым документам того времени, этим идеям не придавалось серьезного значения: в общем и целом, это была лишь фразеология, предназначавшаяся для запугивания буржуазной оппозиции с целью привлечь ее на сторону Июльской монархии.

Но, начиная с апреля — мая 1844 г., «коммунистическая опасность» начинает все чаще фигурировать в конфиденциальной переписке представителей власти. «Различные документы,— пишет, например, министр юстиции 23 мая своему коллеге, министру внутренних дел,— все более и более подтверждают, что *коммунистическая партия* старается оказывать воздействие на рабочих и что эта партия должна стать объектом постоянного надзора».

3

Мы уже видели, что стачка, историю которой мы изложили, произвела своей организованностью сильное впечатление на современников. С другой стороны, хотя имеющиеся в нашем распоряжении документы недостаточно ясны в этом отношении, нам кажется, что намеки властей на роль посторонних элементов, главным образом революционных агитаторов с коммунистическими тенденциями, не были лишены основания. Наличие некоторых попыток пропаганды не вызывает никакого сомнения. Мы, например, видели, что среди рабочих распространяли памфлет Жюля Леру «Пролетарий и буржуа». Часть его была вкратце изложена, а часть полностью воспроизведена в отчете о Сент-Этьенском процессе, опубликованном в местной газете «Le Mercure Segusien» (№ 2047 от 1 мая 1844 г.). Он написан в форме беседы между буржуа и пролетарием. Оба они жалуются — один на недостаточные прибыли, другой на свою заработную плату. Пролетарий клянется, что не станет работать за меньшую плату, нежели та, какую он получает в настоящее время. «Мы охотно работаем, но хотим работать для того, чтобы жить, а не жить только для того, чтобы работать... Это раб живет для того, чтобы работать, свободный человек работает для того, чтобы жить». Соглашаться на снижение заработной платы означает для рабочего унижать свое человеческое достоинство и одновременно «все глубже погружаться в пучину нищеты». Пролетарии должны объединиться, прекратить всякие раздоры между собой и бороться, в первую очередь, путем прекращения работы, чтобы пробудить в хозяевах чувство «стыда». Далее следует призыв к рабочим: «Пролетарии, смело идите по вашему пути. Это путь освобождения и социального возрождения... Не давайте себя запугать гнусными воплями о стачке, которые не преминут испускать хозяева, при виде ваших благородных усилий. Простой отказ от работы по неприемлемой для вас цене это еще не стачка. Пусть портной не отталкивает печатника, заявляя: «я тебя не знаю, ты печатаешь книги, а я — я шью одежду, что общего между тобой и мною?», ибо все пролетарии — это одна семья, и напрасно портной или печатник будут пытаться отмежеваться друг от друга, чтобы

спастись, и т. д. и т. п. Этот памфлет, разумеется, свидетельствует о свойственной тому времени путанице во взглядах: классовая идеология в собственном смысле слова легко уступает в нем место стихийному чувству. Так, среди прочих вещей мы можем в нем прочесть: «Пусть пролетарий не отталкивает хозяина, в сердце которого зародилось раскаяние, ибо хозяин не что иное, как впавший в заблуждение пролетарий».

Власти не преминули отметить влияние этого памфлета. Надо сказать, что представители власти и особенно генеральный прокурор Лиона Пион, переписка которого дала нам столько ценных сведений о стачке в Рив-де-Жье, всячески старались разобраться в этом деле и, решительно становясь на сторону хозяев, не пытались, однако, во что бы то ни стало впутывать в него непричастных к нему людей. Вот один из примеров: события в Рив-де-Жье совпали с поездкой известной в то время пропагандистки Флоры Тристан, идеология которой состояла из самых различных, не связанных друг с другом, элементов: она походила одновременно на будущих суфражисток, на Луизу Мишель и Бардину или Ольгу Любатович, русских пионерок пропаганды среди народа. Неутомимая, пылавшая негодованием против эксплуатации рабочих, Флора Тристан с 12 апреля 1844 г. предпринимает пропагандистское турне по Франции; в мае она посещает Лион Сент-Этьенн и покидает этот край только в начале июля. Таким образом, она находилась в двух шагах от Рив-де-Жье и могла бы в той или иной форме заняться борьбой шахтеров. И все же мы не находим никакой связи между этим движением и столь активной в сущности жизнью Флоры Тристан. Даже в ее превосходной биографии, опубликованной Жюлем Пюеш на основании огромного, в значительной части неопубликованного материала [46], Рив-де-Жье не упоминается. Перейдем теперь к документам, хранящимся в Национальном архиве, которые не были использованы названным биографом Флоры [47]. Как это можно себе легко представить, за пламенной пропагандисткой был установлен строгий надзор. За время ее поездки 1844 г., которая оказалась последней в ее жизни, она посетила Дижон, Шалон-сюр-Сон, Сент-Этьенн, Макон, Авиньон, Марсель, Ним, Монпелье, Окзерр, Каркасон, Тулузу, Монтобан, Ажан и Бордо. Судя по отзывам современников, как и по ее собственным, еще не опубликованным заметкам, она не имела большого успеха. В Лионе она подверглась строжайшему обыску, во время которого были захвачены все ее книги, письма и рукописи. Полиция весь день наблюдала за входом в гостиницу и брала на заметку всех, кто к ней приходил. В этих условиях прокуратура могла впасть в искушение связать ее пребывание в Лионе и Сент-Этьенне с пропагандой, имевшей место в Рив-де-Жье. Однако вот два секретных

донесения, направленных генеральным прокурором министру юстиции, одно от 18-го, другое от 21 мая 1844 г., оба констатируют, как мало успеха у рабочих имела пропаганда Флоры Тристан: «Они пренебрегают ее утопиями и отказываются слушать о других учениях, кроме учения о *коммунизме*» (подчеркнуто в тексте). Во втором донесении, тремя днями позднее, мы читаем: «Она потерпела полную неудачу у наших рабочих, у которых гораздо более передовые взгляды, чем у нее. Она хотела привлечь к своему учению членов тайных обществ, те ей ответили: вы привержены к фаланстерам, ступайте к приверженцам фаланстер; мы хотим оставаться коммунистами».

Как видим, лионский прокурор в тех случаях, когда он мог и должен был говорить с полной откровенностью, нисколько не старался использовать первое попавшееся событие, хотя бы и такое выдающееся, как присутствие Флоры Тристан; более того, он сумел признать, что сентиментальная и утопическая пропаганда не способна больше удовлетворить рабочих. Коммунисты и их влияние на массу — вот что в первую очередь беспокоило правящие круги.

Накануне событий в Рив-де-Жье, в конце марта 1844 г., высшие должностные лица и власти вели по этому поводу секретную переписку с тем, чтобы общими усилиями попытаться определить реальное значение влияния, оказываемого тайными обществами, в частности коммунистами, в Лионе и его окрестностях. Лучше всех, разумеется, было информировано министерство внутренних дел; оно могло исправлять и уточнять некоторые сведения, полученные прокуратурой. 31 марта 1844 г. министр внутренних дел сообщает своему коллеге, министру юстиции, некоторые интересные данные о тайных обществах департамента Роны. Самые важные, по его мнению, это «Реформированное общество карбонариев» (Charbonnerie réformée) и «Безымянное общество» (коммунисты). Последнее располагает значительным количеством оружия и печатным станком, который полиции не удается обнаружить; прежде у них был другой станок, но он был захвачен. Этот станок, однако, не работает; тайные сочинения и плакаты посылаются из Парижа «вместе с предписаниями Повстанческого комитета». Это общество насчитывает 120 или 130 членов. Существует также общество «Икарийских коммунистов», но число его членов, «за отсутствием реальной организации этого общества», точно установить невозможно; имеется основание предполагать, что в Лионе оно насчитывает по крайней мере тысячу членов. Продажа сочинений Кабе «производится в больших количествах»; имелись даже попытки привлечь новых членов в сельских коммунах департамента Роны и в соседних департаментах. Так, в Вьенне (департамент Изер) была создана «секция коммунистов»,

принявшая наименование «Голых рук» (Bras nus). Все члены, к какой бы группе они ни принадлежали, «вооружаются, по возможности, кинжалами, пистолетами и даже ружьями. Кинжал, в особенности... необходимое оружие каждого коммуниста или карбонария».

Выводы, к которым приходит министр внутренних дел, могут быть резюмированы следующим образом: тайные общества департамента Роны располагают довольно значительными силами, но не внушают особого беспокойства, их влияние на массы слабеет, ибо последние перестали верить их обещаниям; еще недавно рабочих привлекали их единодушие и дисциплина, равно как «общность чувств, притягивавших скрытыми нитями к их делу всю ту часть рабочего населения, которая оставалась вне ассоциаций». В настоящее время среди них царит «чрезвычайная разобщенность», ни одно из них не обладает «ни влиянием, необходимым командиру, ни самоотверженностью, которая создает солдата».

Что же это за чрезвычайная разобщенность, которая успокаивает министра? Поскольку в документе говорится об икарийцах, то позволительно думать, что речь идет о разногласиях, разделявших с 1842—1843 гг. Кабе и Теодора Дезами и произведших глубокое впечатление на тех самых людей, к которым еще в недавнем прошлом эти два политических единомышленника обращались с совместными призывами. Напомним в нескольких словах историю этой ссоры.

Уже в 1840 г., в момент обострения Восточного вопроса, Кабе и Дезами опубликовали страстный памфлет, озаглавленный «Патриоты, читайте и краснейте от стыда» [48]. Дипломатическая коалиция, утверждают авторы, создавшаяся против Франции, представляет собой чрезвычайную опасность для интересов французской торговли и промышленности, самая честь страны крайне задета, Франция находится накануне утраты своего влияния на страны Ближнего востока, необходимо избежать этой катастрофы и т. д. В другом памфлете Дезами доходит до того, что проповедует даже наступательную тактику, яростно протестует против «окружения Парижа фортами» и кончает призывом: «Война коалиции!» [49].

Но вскоре между двумя авторами возникают серьезные принципиальные разногласия. Они приводят к ожесточенной полемике. В памфлете, направленном против Кабе, Дезами приводит слова последнего (взятые из его «Ligne droite»): «Я прежде всего француз, затем демократ, затем реформист (политический), затем социалист и, наконец, коммунист». Дезами упрекает его за эту формулу, в которой, по его выражению, наименование коммунист «поставлено в хвосте». «Что касается меня,— заявляет он,— то я прежде всего коммунист:

через посредство какого бы ни было народа, каким бы ни было способом, какой бы ценой нам ни досталась система *общности* (la communauté), я приветствую ее, я встречу ее с радостью и энтузиазмом»[50].

Отметим попутно, что в 1844 г. популярность Дезами несколько возросла после того, как суд пустил под нож его «Альманах общественной организации» (Almanach de l'organisation sociale) и приговорил автора к восьми дням тюремного заключения и 300 франков штрафа.

Изложенная нами вкратце полемика была, по всей вероятности, не единственной причиной разногласий среди провинциальных коммунистов. Этому могли способствовать и другие вопросы, идеологические или организационные. Мы не станем заниматься этим сейчас; запомним лишь, что во время крупной стачки в Рив-де-Жье в этом районе существовало известное число тайных обществ коммунистического толка. Этот факт неоднократно установлен в конфиденциальной переписке представителей власти и главным образом в обширном донесении прокурора лионского суда Пиона о причинах забастовки. Прокурор ожидает в будущем новых беспорядков такого же рода, они «тем более заслуживают особого внимания со стороны властей, что коммунистические доктрины стремятся проникнуть в шахты и что имеются попытки установить известную солидарность между шахтерами и лионскими рабочими»[51].

Эти опасения сказываются в особенности в течение второго месяца стачки, самая продолжительность которой внушала беспокойство современникам, не приученным к столь упорной борьбе между трудом и капиталом. С начала мая власти и должностные лица не перестают обмениваться между собой мало успокоительными соображениями на этот счет. Лионский префект убежден, что вначале стачка носила чисто экономический характер, но что в дело вмешалась «революционная политика»: среди рабочих широко распространены коммунистические сочинения, и рабочие «заявляют теперь открыто о своей приверженности пагубным принципам, к которым до сих пор оставались совершенно равнодушными». Тайные общества организуют сборы в пользу стачечников Рив-де-Жье. Особое беспокойство внушают именно эти тайные сношения между шахтерами и Лионом, вторым рабочим центром Франции. Во время восстания 1831 г. шахтеры окрестностей Лиона не оказали никакой помощи лионским рабочим; если верить донесениям, полученным префектурой департамента Роны, то «в будущем их поведение при аналогичных обстоятельствах будет менее сдержанным»[52].

События в Рив-де-Жье внушали местным властям самые мрачные предчувствия. Они не сомневались в том, что тайная

рука направляет рабочих и организует их в чисто политических целях. Они видели в этом дело рук коммунистов, в некоторых случаях также происки легитимистской партии, которая ждала только смерти Луи-Филиппа, чтобы начать борьбу в пользу старшей линии. В том и другом случае власти объясняли происходящее одинаковым образом: политические партии стремятся поддерживать брожение в рабочем классе, чтобы иметь возможность использовать его в своих целях, когда наступит время. Но здесь следует себя спросить, «каким образом им удастся поддерживать брожение, *которое, быть может, разрастется сильнее, чем они предвидели*» [53].

Судя по переписке официальных лиц, сборы и пропаганда в пользу стачечников вызывали иногда беспорядки, как, например, в Клермоне, Гренобле, Тулузе и в других местах. Средства собирались не только в городах, но даже в деревнях. Чтобы возбудить сочувствие у крестьян , указывается в донесении, сборщики прочитывают им статью из «Populaire» (от 2 мая), в которой рассказывается о событиях в Рив-де-Жье [54].

Но и по окончании конфликта официальные власти не перестают беспокоиться. Разговор о нем продолжается весь июнь и даже позже. Участие в этом деле коммунистической пропаганды представляется им несомненным; революционеры небезуспешно стараются поддерживать связь с «этими рабочими массами, скопившимися у ворот второго города страны, который кишит многочисленными элементами беспорядка» [55]. Действительно, надо было быть слепым, чтобы не видеть, что здесь была особенно благоприятная почва для успеха коммунистических или, проще говоря, революционных идей; что каждая, сколько-нибудь значительная стачка способствовала развитию политического сознания рабочего класса. Даже для самых отсталых, самых равнодушных к политике элементов стачки силой вещей становились школой революции. Не нужно было даже пропаганды для того, чтобы рабочий в борьбе против полиции и жандармов, прокуроров и судов начинал размышлять о несправедливостях, жертвой которых он является. «Из рабочего, арестованного за участие в забастовке,— писал «l'Atelier» в августе 1842 г.,— почти всегда делают политического борца... Таким образом, правительство само вербует горячих противников, ожесточенных несправедливыми преследованиями». Как бы то ни было, именно после стачки в Рив-де-Жье власти и поддерживаемые ими капиталисты начинают устанавливать прямую связь между пропагандой коммунистических идей и рабочим движением в провинции.

Факты, казалось, подтверждали опасения властей. Между различными частями рабочего класса начала устанавливаться неизвестная еще недавно солидарность. Едва был урегулирован

конфликт в Рив-де-Жье, как аналогичное движение разразилось в самом Лионе. Был момент, когда можно было полагать, что оно не будет длительным, но после некоторой заминки оно возобновилось с новой силой. Рабочие объявили бойкот некоторым предпринимателям. «Серьезность положения заключается в том, что рабочие организованы и действуют согласно предписанию руководящего комитета»,— отмечает генеральный прокурор. Еще большую тревогу внушает тот факт, что в это дело снова замешаны коммунисты: они рассчитывают развязать движение на юге, которое должно начаться в Тулузе, и запросили лионские тайные общества о том, присоединятся ли они к «этой манифестации»[56]. Осведомленный об этих событиях министр юстиции послал лионской прокуратуре телеграфный приказ немедленно возбудить судебное преследование против инициаторов стачки, объявившей бойкот некоторым фабрикантам, на что прокурор ответил, что лионские рабочие действовали по приказу «обширной ассоциации, организованной в этом городе», которую, однако, очень трудно обнаружить[57]. Министр юстиции поспешил обратить на эти факты внимание министра внутренних дел, выражая при этом надежду, что для «прекращения всех попыток создания беспорядков»[58] достаточно будет лионского гарнизона.

Положение в Лионе, на шахтах Рив-де-Жье и в таких промышленных центрах, как Сент-Этьенн, не переставало беспокоить власти до самой революции 1848 г.

События, которые мы попытались изложить на основании документов той эпохи, могут быть правильно оценены лишь в историческом аспекте. Но уже современники могли почувствовать, что шесть недель стачки в Рив-де-Жье способствовали изменению в некоторых отношениях характера борьбы между трудом и капиталом. Шахтеры 1845 г.— это уже не рабочие-печатники осени 1830 г. или лионские рабочие 1831 г. и даже не парижские стачечники 1840 г. На этот раз ни власти, ни хозяева не были уверены в прочности своей победы. Положение стало ясным: налицо были два враждебных лагеря, готовых снова взяться за оружие. Власти и прокуратуру заботило лишь одно,— чтобы угольный бассейн Рив-де-Жье как можно дольше оставался занятым войсками и чтобы так же обстояло дело в Лионе, Сент-Этьенне, во всех рабочих центрах.

В заключение следует сказать, что постоянные требования об усилении гарнизона в районе Лиона в конце концов надоели военному министру, который выразил свое неудовольствие в довольно саркастическом письме к министру юстиции. Он намекал в нем на то, что министерство юстиции вмешивается в дела, которые его нисколько не касаются, и что генеральный

прокурор Лиона, по-видимому, «чрезмерно обеспокоен беспорядками», происходившими в последнее время в Рив-де-Жье» [59].

Военный министр еще не понимал того, в чем отдавал себе отчет лионский прокурор, более близко наблюдавший события: крупный капитал мог защищаться против рабочих, особенно при наличии враждебного нейтралитета мелкой буржуазии, только с помощью вооруженной силы, только до тех пор, пока войска были на его стороне. Он еще не сказал своего последнего слова, но ему предстояли трудные времена. В рабочем классе происходили неощутимые еще пока перемены, предвещавшие в будущем ожесточенные бои. Атмосфера, в которой протекала стачка в Рив-де-Жье, заставляла смутно предчувствовать восстание 1848 г. Близилось время, когда класс капиталистов, вдохновлявший Июльскую монархию и ею же поддерживаемый, окажется бессильным ее защитить и после нескольких потрясений сочтет себя вынужденным испробовать новые комбинации, чтобы найти новую форму политического господства.

1936 г.

ЖЕРМИНАЛЬ
И
ПРЕРИАЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жерминаль и прериаль были последними массовыми выступлениями «плебейских» предместий Парижа в эпоху Французской революции, величайшей из буржуазных революций европейского прошлого.

Были в эту весну 1795 г. налицо: «самоотверженная готовность к борьбе с беспощадным классовым врагом, раздражающее чувство и запоздалое сознание какого-то рокового обмана, совершенного имущими классами 9 термидора, было желание вернуть упущенный момент, померяться силами с убийцами Робеспьера, которым слишком легко достался успех, притянуть к ответу спекулянтов и воров, наживающихся на голоде неимущей массы; были даже, по-видимому, некоторые зачаточные попытки организованного выступления. Но не было ни своих признанных вождей, ни разработанной и усвоенной рабочими политической программы, которая шла бы дальше требования восстановления конституции 1793 г. и мер по борьбе с голодом и дороговизной, не было даже подготовленной согласованности в действиях и выступлениях между революционной массой и мелкобуржуазными «последними монтаньярами», которые жизнью своею заплатили за свое личное выступление 1 прериаля, но жертва которых оказалась политически бесплодной. Отсутствие чего бы то ни было похожего на *свою* рабочую партию, на *свою* политическую организацию, *своих* классовых вождей, на *свою* планомерную тактику жестоко сказалось в дни 1, 2, 3 и 4 прериаля. Но в истории мирового пролетариата эти дни занимают огромное и навеки памятное место, хотя, конечно, это было вовсе не чисто пролетарское восстание: это было восстание столичной плебейской массы, в которую рабочие входили лишь как одна из составных частей. За всю историю Француз-

ской революции нельзя назвать ни одного революционного выступления, которое до такой степени было бы именно выступлением (и значительным по своим размерам выступлением) неимущих против имущих. Вместе с тем не было ни одного движения за весь революционный период, которое имело бы такие роковые для революции последствия, как полное разоружение всего рабочего населения Антуанского предместья, если не считать более грандиозного по общему своему политическому значению события 9 термидора. Восторжествовавшая буржуазия, после своего военного «похода 4 прериаля», полностью использовала победу над враждебным классом. Только детальное изучение документов, относящихся к жерминальскому и прериальскому восстаниям, может показать, до какой степени этот резко классовый характер борьбы был осознан уже современниками, свидетелями и участниками.

В дни побед рабочий класс не должен забывать историю своих героических поражений.

Поразительная скудность специальной литературы по истории жерминаля и прериаля 1795 г. заставила меня обратиться исключительно к источникам и принудила подвергнуть самостоятельному обследованию даже такие вопросы, которые лишь косвенно и отдаленно касались моей темы. Многие рукописи оказались настолько полны интереса и научного значения, что я чрезвычайно жалею о невозможности привести их целиком. Желая все же сделать их хоть сколько-нибудь доступными читателю, я даю довольно большие выдержки *.

Собственно, только в старой (1867 г.) книге Жюля Кларти «Les derniers montagnards» есть очень скудные и случайные ссылки на неизданные документы, на которых основана моя книга. Даже Альбер Матьез в своей книге о термидорианской реакции ни разу не ссылается на эти документы в небольшой главе о жерминале и прериале. Нечего и говорить о новейшей книге «Les thermidoriens» Лефевра, сплошь основанной на работе Матьеза так же, как и остальная, имеющая открыто (или замаскированно) компилятивный характер, литература, затрагивающая так или иначе историю этих двух восстаний. В советской историографии должно отметить страницы, посвященные этой теме, в книге одесского профессора Добролюбского «Термидор», выгодно отличающейся своей добросовестностью от других, вышедших еще под извращающим воздействием «школы» Покровского.

При таком положении разработки вопроса (вернее, при полном отсутствии специальной разработки) нам представилось необходимым дать себе (и читателю) отчет о том, как рисуют

* Архивный материал, приводимый мною в конце книги, дается в той транскрипции, которая свойственна документам конца XVIII в.

эти выцветшие, пожелтевшие, бледными, расплывающимися буквами писанные рукописи то, что происходило в эту памятную весну 1795 г.

Маркс и Энгельс, которых влекла к себе эта тема вследствие их всегдашней живейшей научной любознательности и постоянного исключительного интереса к революционным моментам социальной борьбы в прошлом, неоднократно упоминают в своих произведениях о жерминальском и прериальском восстаниях, но, кроме отдельных замечаний в мемуарной литературе, у них почти ничего не было для систематического ознакомления с этими событиями. Имевшаяся литература, за вычетом разве указанной книги Жюля Кларти и нескольких страниц в общей работе Эдгара Кине, ничего, кроме беглой и бледной схемы, не давала.

Но они правильно оценили события.

«Французская революция была социальным движением от начала до конца»,— сказал в своей речи «Празднество наций в Лондоне» Энгельс, поясняя предварительно, что́ он имеет в виду в данном случае:

«Уже эта революция не была просто борьбой за ту или иную государственную форму... Связь между большинством восстаний того времени и голодом; значение, которое имело продовольственное снабжение столицы и распределение запасов уже начиная с 1789 г.; декреты о максимуме цен, законы против скупщиков жизненных припасов; боевой клич революционных армий: «Война дворцам, мир хижинам»...» *. Наконец, революционный лозунг «Карманьолы» о том, что республиканец должен иметь не только оружие и храбрость («du fer et du cœur»), но также и *хлеб* («du pain»),— вот чем Энгельс иллюстрирует свои слова. Восстания в жерминале и прериале и были прежде всего восстаниями из-за нужды, протестом против скупщиков, борьбой за хлеб против эксплуататоров, «конфисковавших революцию» в пользу своего кармана.

Конечно, оба восстания 1795 г. не были и не могли еще быть названы восстаниями пролетариата, хотя в них и участвовало главным образом население рабочих предместий.

Слабость и неорганизованность восставших сыграла и не могла не сыграть свою конечную роковую роль. Оба восстания окончились поражением. Но это не мешает им считаться по праву явлениями крупного исторического значения.

«...Революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение»,— эти слова Ленина вспоминаются тут невольно **.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 588

** В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 341.

Эта мысль приложима и к геройскому поражению борцов плебейской массы Парижа в жерминале и прериале 1795 г. Пулей, штыком и гильотиной ответила на эти восстания победившая буржуазия в жерминале и прериале. Испуг собственнических классов породил неистовую злобу и жестокость.

Оба восстания показали все-таки торжествовавшим победителям, что 9 термидора еще не все их враги были подавлены.

В истории мировой борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров «мрачные герои» жерминаля и прериаля, как назвал одного из них Герцен, никогда забыты не будут.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ МЕЖДУ 9 ТЕРМИДОРА И 12 ЖЕРМИНАЛЯ

Общие экономические условия существования парижской рабочей массы между 9 термидора и 12 жерминаля. Последние времена максимума. «Имущие» и «неимущие»

1

Приступая к рассмотрению общей экономической обстановки, в которой жила парижская неимущая масса — и прежде всего рабочие предместья — в суровую зиму 1794/95 г. и весной 1795 г., мы коснемся в первую очередь вопроса о том, в какие продовольственные условия была поставлена эта масса. Этот вопрос, конечно, тесно связан с другим: насколько продолжавшееся еще несколько месяцев после 9 термидора существование максимума отражалось (или не отражалось) на жизни рабочего класса и как жилось рабочему классу после формальной отмены максимума. Постараемся с возможной краткостью ответить на этот вопрос.

В тот момент, когда — весной, летом и осенью 1793 г.— городская беднота добивалась (и добилась) таксации, а в Конвенте монтаньяры (не говоря уже о жирондистах) одни — упирались, противились, другие — замалчивали и откладывали эту меру, она без всякого сомнения представлялась единственным средством спасти от голода рабочий класс и вообще всю городскую бедноту, средством хоть сколько-нибудь обуздать спекуляцию, средством, наконец, поддержать армию и спасти республику. Мелкобуржуазная стихия, психология интересов ремесла, мелкого хозяйства, душа торгового, промышленного или земельного «хозяйчика» были так сильны в якобинцах, что они долго (в революционные эпохи несколько месяцев — очень долгий срок) не понимали, что все равно от этой меры им никак не уйти, если вообще им неугодно поставить под угрозу или погубить революцию. Максимум прошел и был введен в действие. При продолжающемся и ревниво охраняемом господстве принципа частной собственности, при далеко не разгромленной

старой и при быстро растущей *новой* буржуазии как земельной, деревенской, так и городской; при упорном и сознательном сопротивлении капитала закон о максимуме в последние три месяца 1793 г. и в первую половину 1794 г. поддерживался суровыми мерами, угрозой закона о подозрительных, наконец, угрозой гильотины. Но даже и эти меры оказывались местами довольно мало действенными: спекуляция ухитрялась, несмотря ни на что, брать барыши, прятать товары, перепродавать их из-под полы в задних комнатах лавок; землевладельцы то скрывали урожай, то вывозили его на более отдаленные рынки, то не засевали земли в достаточном количестве и т. д. Тем не менее закон оставался законом, спекуляция вынуждена была действовать в подполье.

Рабочие, правда, жаловались на неисполнение закона, но раздражало их не столько это обстоятельство, сколько то, что и рабочий труд был таксирован и что *эта* часть закона о максимуме применялась и ограждалась как собственниками, так во многих местах в провинции и властями гораздо более ретиво и беспощадно, чем статьи, касавшиеся таксации продовольствия.

Сегодня землевладельцы требовали предоставления им рабочих рук, которые работали бы по таксе. Они грозили в противном случае невозможностью выполнить казенные подряды, а следовательно, кормить Париж и армию; завтра — власти требовали, чтобы рабочие заводов, работающих на оборону, не смели и думать об увеличении платы сверх установленной таксы.

Достаточно сказать, что за четыре дня до 9 термидора в Париже шла речь о стачечном движении среди оружейников. Если буржуазия, если собственническая стихия была сильна и очень давала себя чувствовать уже зимой 1793/94 г.; если уже с весны 1794 г. она не столько отбивалась, сколько сама все чаще переходила в наступление, то после 9 термидора это движение пошло усиливающимся темпом. И не то чтобы все термидорианские победители этого сознательно желали,— этот пестрый конгломерат политических группировок и не мог иметь одинаковую социально-экономическую базу, стремиться к одной цели. Левые термидорианцы, постепенно убеждавшиеся в своем роковом для них самих ослеплении, конечно, нисколько не желали рассматривать 9 термидора как отказ от максимума. Правые термидорианцы не высказывались до поры до времени вполне определенно, а все выжидали и осматривались. И, разумеется, ни те, ни другие, если бы и хотели, не могли бы уже остановить тот процесс, который наметился еще до 9 термидора и стал все ускоряться с осени 1794 г.

Рабочая масса столицы раньше тех и других заметила, что, собственно, она 9 термидора и не выиграла, а проиграла и что если было плохо при неполном и неудовлетворительном приме-

нении закона о максимуме, то совсем стало худо при совершенном его неисполнении, что спекуляция, действующая с опаской и оглядкой, все же предпочтительнее спекуляции, орудующей совершенно открыто и безбоязненно.

Как же относилась парижская плебейская масса к закону о максимуме в занимающие нас восемь месяцев: 9 термидора (27 июля 1794 г.) — 12 жерминаля (1 апреля 1795 г.)? Ответ на этот вопрос не легко поддается вполне отчетливой и доказательной формулировке.

Почти на середину этого периода, а именно на декабрь (4 нивоза) 1794 г., падает закон об отмене максимума, так что с этого момента приходится говорить об отношении не столько к максимуму, сколько к *идее* максимума, к легенде о нем. Тут именно очень и очень нужно отличать реальный, исторический факт от легенды.

В основе, в идее, максимум, как он мыслился требовавшей его введения парижской массой весной, летом и ранней осенью 1793 г., был несомненно мерой, которая должна была приостановить очень выгодное для спекулянтов и финансистов, но крайне вредное для неимущих, обесценение ассигнаций; мерой, которая могла обеспечить малоимущей, живущей трудами рук своих городской массе доступность предметов первой необходимости; словом, мерой, которая являлась и могущественным подспорьем для революционного правительства и прежде всего спасением от недоедания и всякого рода лишений, уже начинавших терзать неимущее население городов вообще и Парижа в частности. Без закона о максимуме, без реквизиций, как и без все новых эмиссий бумажных денег, нельзя было бы ни успешно вести войну с первой коалицией, ни подавить громадные контрреволюционные восстания, ни, наконец, извлечь из деревни все то, что нужно было для спасения городов от голодной смерти. Первая, самая насущная, непосредственная задача — прокормление громадной поднятой против внешних и внутренних врагов армии и обеспечение ее всем необходимым — не могла быть разрешена без максимума. Однако уже за несколько месяцев до 9 термидора стало все больше и больше выясняться, что если сил революционной диктатуры и угрозы террористической кары хватает на то, чтобы содержать армию, без которой республике и всем революционным завоеваниям грозила гибель, и на то, чтобы снабжать города хотя бы минимальным количеством предметов потребления, то никаких сил, средств и угроз недостаточно, чтобы обеспечить городскому населению правильное, законное, справедливое распределение этих скудных материальных благ. При существовании частной собственности длительное, последовательное и точное применение закона о максимуме оказалось невозможным. Богатые раздобывали для себя все или

почти все, что хотели; неимущим сплошь да рядом доставались крохи. Не зная, как положить конец очевидной, вопиющей ежедневной несправедливости, как утихомирить возмущение голодающих рабочих, правительственные агенты кое-где (например, Клод Жавог в Сент-Этьенне зимой и весной 1794 г.) просто прибегали к конфискации имущества состоятельных людей и к раздаче его, в той или иной форме, неимущим. Но, конечно, все эти отдельные мероприятия не были решением общего вопроса. Мало того, что богатые (и просто состоятельные) люди в обход максимума в обильном количестве доставали для личного своего потребления все то, что фактически было недоступно для рабочего класса, но они еще принялись спекулировать, торговать тайным образом по вольным ценам, искусственно задерживая в своих руках редкий товар, перевозя его тайком с места на место.

В то же время быстро шедшая тогда в гору сельскохозяйственная буржуазия, крупные, средние, мелкие землевладельцы и просто нуждавшиеся в батраках крестьяне, словом, все те производители или, шире говоря, продавцы сельскохозяйственных ценностей, которые на каждом шагу всеми способами нарушали и обходили закон о максимуме, пользуясь им, по примеру городских торговцев, только для обострения спекуляции,— все они вдруг стали требовать от властей предоставления им наемной рабочей силы по установленной законом расценке. А в городах сотни и сотни рабочих в то же время реквизировались властями для работ во всех производствах, нужных для снабжения армии, причем оплата труда тоже определялась по максимуму... Все эти обстоятельства привели к тому, что и десяти месяцев не прошло со времени издания закона о максимуме, как он уже перестал возбуждать в рабочей среде сколько-нибудь широкое упование. И рабочие предместья, столь безучастно на первых порах встретившие падение и казнь Робеспьера, сначала как будто даже и не подумали привести это событие в связь с судьбами закона, от которого они уже перестали ждать улучшения своей участи.

Но постепенно, как упомянуто, стало выясняться, что есть для рабочих нечто гораздо худшее, чем даже плохое исполнение закона о максимуме, а именно — внезапная если не юридическая, то фактическая его отмена в той экономической обстановке, которая оказалась налицо после 9 термидора. Тяжело было часами простаивать в очередях у лавок и затем получать порченую провизию, потому что хорошая тайком и за ушестеренную цену уже ночью сбыта кому следует; но еще тяжелее было не получать ничего. Трудно было бороться со спекулянтами, часто тщетно грозя им судебными и административными карами, но еще труднее стало с ними разговаривать, когда они

Е. В. ТАРЛЕ

ЖЕРМИНАЛЬ И ПРЕРИАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ «ЖЕРМИНАЛЬ И ПРЕРИАЛЬ»

окончательно перестали бояться каких бы то ни было преследований. Только существование угрозы судебной и административной кое-как (правда, слабо и во многих местах мало реально) сдерживало спекулянтов. После 9 термидора спекуляция сразу приняла неслыханные размеры. В очень многих частях республики фактически закон о максимуме так же мало соблюдался от 9 термидора до 4 нивоза, как и после этой последней даты, когда он был формально отменен Конвентом.

Не забудем, что налицо был большой и сильный класс, отчасти старая, отчасти *новая* буржуазия, новые капиталисты, которые, казалось, только и ждали 9 термидора, чтобы открыто выйти на арену и водворить желанное им царство «свободной конкуренции». Сдерживать их хоть сколько-нибудь возможно было только террором. Этот класс сразу почувствовал себя владыкой жизни. Уже с ранней осени 1794 г. он не переставал толкать термидорианское правительство на полную отмену максимума. Но термидорианцы были осторожны, они предпочитали ждать, и только удостоверившись окончательно, что максимум имеет сильных врагов, прекрасно знающих, чего они хотят, и не имеет по-настоящему убежденных и решительных защитников даже в тех слоях, которые в свое время, в 1793 г., так страстно требовали его введения,— только тогда термидорианский Конвент отменил этот закон.

Но как раз в то время, когда погибал и, наконец, погиб закон о максимуме, начала расти и шириться *легенда* о нем. Ведь отмена его (фактическая — с осени 1794 г., юридическая — зимой того же года) совпала в городах с жестоким и повсеместным обострением нужды. Голодающей городской (и прежде всего столичной плебейской) массе не могла, конечно, не прийти в голову весьма простая и наглядная истина: если закон о максимуме был слабой и часто недействительной уздой для спекулянтов, то отменить его, *ничем* не заменяя, не значит помочь голодающим, а значит лишь предоставить спекулянтам полнейшую свободу действий, избавить их от последних признаков каких бы то ни было помех и затруднений. Постепенно эта мысль стала, по-видимому, складываться еще и так: Робеспьер пытался по мере сил бороться за проведение в жизнь закона о максимуме, и нужно было энергично продолжать и усиливать деятельность в этом направлении, а вместо того его преемники, воры, грабители и эксплуататоры, отдали народ на съедение и разграбление скупщикам, спекулянтам, стремящимся извести его голодом (les accapareurs, les agioteurs, les affameurs du peuple — как они тогда именовались). Это запоздалое признание закона о максимуме еще не сделалось общим лозунгом, но уже зимой 1794 г. и весной 1795 г. оно начало становиться довольно заметным психологическим фактором.

2

9 термидора в настроениях рабочей массы проявился разнобой; перед этим были стачки в мастерских, работающих на оборону, было подавление этих стачек, было известное разочарование и раздражение и по поводу нарушений закона о максимуме и по поводу стремления хозяев использовать этот закон *во вред* рабочим для уменьшения необходимой (при их прожиточном минимуме) заработной платы; с другой стороны, рабочие предместья просто были захвачены врасплох: их никто ни о чем не предупредил, и появление Анрио, промчавшегося по Антуанскому предместью с криком: «Робеспьер арестован, мошенники и негодяи торжествуют!», в самом деле могло вызвать лишь полное недоумение и беспокойство, потому что никто ничего в тот момент не понял. А на другой день все уже было кончено [1].

Разумеется, термидорианцы очень хорошо понимали, насколько облегченно было их дело растерянностью или безучастностью рабочих предместий 9 и 10 термидора. Полиция с удовольствием отметила, что когда членов Коммуны (погибших за попытку или, точнее, за разговоры о необходимости отстоять Робеспьера) везли на казнь, рабочие издевались над ними, называли их «foutus maximum», срывая таким образом свое раздражение по поводу слишком низкой таксации заработной платы, утвержденной Парижской коммуной как раз 5 термидора, т. е. за четыре дня до переворота [2]. Комитет общественного спасения поспешил признать, что рабочие основательно ропщут против этой таксации, и заявил, что он займется ее исправлением, чтобы привести заработную плату в соответствие с ценами на предметы первой необходимости. Конечно, такое обещание было необходимо, чтобы задобрить на первых порах рабочий класс столицы.

Очень характерно, что Коммуна знала, как ненавистна рабочим эта выгодная для работодателей, но разорительная для рабочего класса таксация труда.

В ночь с 9 на 10 термидора, в часы предшествовавшие занятию Ратуши силами Конвента, Парижская коммуна составила воззвание к гражданам с призывом сопротивляться перевороту. Возмущаясь врагами Робеспьера, Коммуна упоминает в этом воззвании Барера; желая очернить его в глазах рабочих предместий, она подчеркивает, что именно он посодействовал фиксации заработной платы рабочих с целью «заставить их погибнуть от голода» [3]. Воззвание так и не увидело света, потому что Коммуна была арестована и казнена два дня спустя; рукописный же текст его был найден несколькими месяцами позже при ревизии опечатанных бумаг опального и казненного муниципалитета. Из этого текста мы ясно видим, что Парижская

коммуна очень хорошо понимала, в какое невозможное положение ставит рабочего человека применение закона о максимуме к его заработной плате. Конечно, если бы данное воззвание дошло до предместий, рабочий люд мог бы задать два вопроса: во-первых, почему Парижская коммуна раньше не пробовала бороться против такой фиксации заработной платы, и, во-вторых, почему единственной областью, где закон о максимуме фактически и очень строго выполнялся, была именно область заработной платы, тогда как землевладельцы, купцы, промышленники всячески нарушали тот же закон?

Мы тут не пишем истории конца максимума, а поэтому удовольствуемся лишь несколькими характерными штрихами, выбирая лишь те из них, которые ближе относятся к нашей теме.

Всего два месяца прошло после казни Робеспьера, и уже мы видим немыслимую раньше смелость спекулянтов. Дело не в том, что нарушается закон о максимуме: это случалось и при Робеспьере. Но характерны размеры этих нарушений. Из *Парижа* вывозятся большие количества хлеба, народ на это жалуется, власти (в служебной переписке) признают, что факт указан правильно [4]. Другими словами: правительство с большими усилиями и затратами ввозит из провинции хлеб, чтобы кормить столицу по дешевой таксе, и этот же хлеб, вследствие темных проделок каких-то спекулянтов и вошедших с ними в соглашение властей, кем-то беззаконно скупается и в «больших количествах» контрабандно вывозится из столицы обратно в провинцию, конечно, для продажи по «вольной цене».

Этот маневр вошел в практику и стал бытовым явлением. В течение осени и зимы 1794/95 г. исполнительные органы администрации не перестают на него указывать, отмечая (совершенно справедливо), что подобные злоупотребления уничтожают всякую возможность правильного расчета и планомерного удовлетворения потребностей столицы [5]. В течение долгих месяцев явно происходит какая-то сложная и грандиозная спекуляция, немыслимая без прямого пособничества властей, дающая неслыханные барыши одним и усиливающая хроническое голодание других.

По характерному наблюдению Фэна (впоследствии секретаря Наполеона и барона Империи), после 9 термидора правительственная машина как-то так распустилась, полиция настолько утратила энергию, что пути сообщения вследствие этого стали небезопасны [6]. Этим он объясняет и затруднения с продовольственными транспортами. Объяснение это весьма расплывчато и в такой общей форме просто неверно. Когда нужно было без суда ссылать в Кайенну, на «сухую гильотину», или гильотинировать по приговору военного суда, или расстреливать в ходе гражданской войны, термидорианцы никогда не обнаружи-

вали ни малейшего отсутствия энергии; напротив, выявлялись большие ее запасы. Спекулянты среди бела дня сворачивали транспорты хлеба с парижской дороги на другие пути не потому, что у полиции не хватало энергии, а потому, что и эта полиция, и гражданские власти, и армейские комиссии сплошь да рядом были куплены той же ширящейся спекулянтской стихией, в руках которой были и Тальены, и Фрероны, и Роверы, и Бурдоны, и все комитеты.

Жюллиан, один из вождей «золотой молодежи», ярый враг Робеспьера, вспоминая о времени после 9 термидора, тоже отмечает вялость и внезапно наступившую «слабость» правительственного аппарата, и прежде всего в области борьбы за продовольствие Парижа. «Безнаказанная алчность предпринимателей» доходила, в самом деле, до неслыханных размеров: через тот или иной департамент проходит обоз с продовольствием, направляясь в Париж, но до места назначения он не доходит, потому что местные спекулянты, очевидно, столковавшись с конвоирами, овладевают этой казенной кладью и обращают ее в свою пользу [7]. При Робеспьере подобные операции могли повести прямым путем к гильотине; после 9 термидора они сходили с рук вполне безнаказанно.

Правда, Комитет общественного спасения после сбора урожая 1794 г., в конце августа, постановил, что собственники и арендаторы земли обязаны вывозить на рынок определенную часть собранного зерна, определяемую местными властями в соответствии с общим количеством хлеба, принадлежащего данному лицу, с таким расчетом, чтобы рынки были обеспечены хлебом в течение целого года. Но тут же была сделана оговорка, сильно смягчившая это требование в интересах землевладельцев: они вольны были сами выбирать тот рынок, куда хотят представить причитающуюся с них долю зерна. Другими словами: они могут выбирать тот хотя бы далекий от них рынок, где есть надежда продать подороже. Разумеется, при таком порядке рынки наиболее бедных районов могли оставаться совсем худо снабженными [8].

Между прочим, тогда же стали поступать в Конвент усиленно окрашенные в черный цвет донесения местных властей о состоянии урожая, о положении землевладельцев и т. п. Комиссия торговли и снабжения предупреждала Конвент, что в этих донесениях много неправды и преувеличений: земельные собственники лгали и преувеличивали бедственность своего положения со специальной целью избавиться от реквизиций, а местная администрация, «по слабости», подкрепляла эти лживые жалобы своим авторитетом и тем самым вводила Конвент в заблуждение [9]. Конечно, дело было не в «слабости», а в сознательном потворстве местных властей интересам землевладельцев.

Нужно при этом сказать, что не центр, а именно местные органы проявляли больше всего попустительства и способствовали развалу и обессилению закона о максимуме. «Бюро», заведовавшее максимумом, в первые времена после 9 термидора — и в термидоре, и в фрюктидоре, и в вандемьере, и даже в брюмере,— напротив, продолжает настаивать на необходимости исполнения этого, как оно выражается, «спасительного закона» (cette loi salutaire) [10], строго выговаривает местным властям из поползновения от него отступить [11], готово преследовать спекулянтов, которые частным образом скупают у землевладельцев зерно, вследствие чего рынок оказывается пуст, и даже местных властей, попустительствующих спекулянтам и облегчающих эти злоупотребления [12], следит также и за тем, чтобы фабриканты получали нужное им сырье, например шерсть, по ценам, установленным максимумом [13], неуклонно требуя вместе с тем, чтобы и сами фабриканты сукон не плутовали, а продавали свой товар по максимуму, причем, в случае их уклонения от закона, местным властям предписывается проявлять величайшую настойчивость в борьбе с этим явлением [14]. Часто Бюро грозит не только нарушителям закона, но и должностным лицам, которые недостаточно энергично борются с этими последними, причем сулит им суровые наказания, прямо поминая о карах, установленных в самом разгаре революционного террора [15].

Когда местные власти пытаются, действуя в пользу «фабрикантов», произвести нажим на закон, Бюро их останавливает, требуя точного исполнения закона. Так, еще до термидорианского переворота Комитет общественного спасения издал (22 мессидора) [16] постановление, одним из пунктов которого (§ 8) повышалась расценка некоторых тканей. Кое-где местные власти под прямым воздействием «фабрикантов» пытались подвести под этот пункт также и такие ткани, которые там вовсе не были обозначены,— но Бюро с этой тенденцией боролось. И, например, администраторы округа Бар-сюр-Орнен получили выговор за подобное поползновение. Выговор, правда, был облечен в мягкую форму, так как речь шла только о *проекте* нового постановления, нарушающего постановление 22 мессидора, но, во всяком случае, выговор был сделан, и проект не приведен в исполнение [17]. Мало того, рекомендовалось *слепое* повиновение закону о максимуме: «вам поручено исполнение закона, и самое верное средство его поддержать — это слепо ему повиноваться» (c'est de lui obéir aveuglement). Замечу, что в данном случае местные власти пытались не только беззаконно повысить расценку некоторых тканей, но и освободить от обязанности повиноваться строгим контрольным правилам, установленным 22 мессидора, тех ткачей, которые работают «за свой счет» и по заказу частных лиц. Эта часть проекта тоже не была одобрена

Бюро [18]. Речь тут шла о ткачах, которым заказчик доставляет пряжу для дальнейшей переработки,— как это явствует из бумаги Бюро от того же числа, отправленной национальному агенту указанного округа Бар-сюр-Орнен [19].

Цитированные два документа вполне ясно рисуют дело: купцы и скупщики, дававшие заказы кустарям и заинтересованные в том, чтобы сбывать явно худшие ткани по ценам, установленным за ткани лучшего качества, желали избавить работавших на них кустарей (точнее, самих себя) от контроля качества материй, который именно и был установлен 22 мессидора, чтобы положить конец этому мошенническому обходу закона о максимуме. Мы видим, что еще в брюмере III года Бюро отказывается узаконить подобные поползновения. Но вся эта бюрократическая бумажная строгость не приводит к цели: со всех сторон в Бюро стекаются сведения о повсеместном и ежедневном нарушении закона. Вдруг прорываются нотки, которые довольно недвусмысленно показывают, как обстояло дело — не на бумаге, а в действительности — в эти последние времена существования максимума: 28 брюмера Бюро вынуждено отвечать на запрос национального агента округа Сомюр — составлять ли протоколы о нарушении закона о максимуме? Характерен не только запрос, но и то, что он сделан 8 фрюктидора, а отвечают на него 28 брюмера, т. е. спустя более $2^1/_2$ месяцев. Любопытно, что Бюро, по-видимому, нисколько не удивляется самому вопросу. «Несомненно, что национальные агенты коммун могут составлять протоколы, дабы констатировать нарушение закона о максимуме, это их истинный долг» и т. д. [20] Столь же вяло в других случаях отмечается «презрение» к закону о максимуме со стороны населения и выражается «удивление» по поводу его *безнаказанного* нарушения, а также по поводу того, что подобный факт «ускользает» от наблюдения местных властей [21].

Уже начиная с фримера, в ответ на просьбы подчиненных о точных решениях и властных инструкциях, Бюро максимума стало отделываться загадками в стиле пифии. Агент с места доносит о своем твердом намерении исполнять и заставлять других исполнять закон о максимуме, не скрывая, однако, трудностей, на которые он, очевидно, при этом наталкивается (effets fâcheux des efforts). А начальство отвечает на это донесение так: «Неприятное положение, в котором ты находишься, вероятно, не долго продлится. Национальный конвент декретом от 17 фримера препроводил соединенным комитетам общественного спасения, торговли, законодательства и финансов соображения, предложенные для оживления торговли республики, которую (торговлю.— *Е. Т.*) парализовали злоупотребления законом о максимуме» [22]. Что мог вывести из этой намеренно неясной «дипломатической» ноты чиновник, который вел на местах и

без того непосильную борьбу с землевладельцами, купцами, барышниками и спекулянтами? Приведенная отписка всего лишь образчик, характерный для самых последних времен максимума.

Правда, и во фримере попадаются «строгие» бумаги,— например, по поводу нарушений все того же постановления от 22 мессидора — с требованием «удвоить усердие и деятельность» в преследовании виновных [23], но все это при сопоставлении с другими фактами звучит неубедительно. Насколько само Бюро в это время изверилось в фактическом исполнении закона о максимуме, явствует из пессимистического *общего* его заключения в письме к администраторам округа Марени от 26 фримера (т. е. за восемь дней до отмены максимума): «Мы согласны с вами, что если бы этот закон одинаково исполнялся всей республикой, то народ испытывал бы меньше затруднений в продовольствии. Только честные люди страдают от закона о максимуме, потому что они ему подчиняются, тогда как мошенники открыто его нарушают» [24]. И Бюро советует ждать благих результатов от подготовляемых Конвентом мер к прекращению «стольких злоупотреблений» и к водворению «изобилия» в республике [25]. (Уже 17 фримера Конвент поручил своим комитетам выработать меры к оживлению торговли и пр., т. е. к отмене максимума). «Злоупотребления», по словам Бюро, происходят «от неисполнения» (l'inobservation) закона о максимуме *почти* во всех округах [26].

Еще в середине брюмера (в ноябре 1794 г.) Робер Лендэ пробовал провести ряд целесообразных, по его мнению, изменений в законе о максимуме: он предвидел тяжелые последствия в случае, если этот закон будет сразу и без всяких замен уничтожен. Но большинство Конвента не могло сочувствовать Лендэ, когда он говорил о возможном росте ажиотажа, о спекуляциях, о жестоких затруднениях, грозящих беднякам при внезапном введении «свободы торговли»: ведь это большинство своими интересами и симпатиями было гораздо более связано именно с теми социальными слоями, которые могли нажиться при свободе торговли, чем с бедняками, которым угрожали недоступные цены на продукты первой необходимости.

4 нивоза (24 декабря 1794 г.) закон о максимуме был отменен. Правда, реквизиции для снабжения армии, Парижа и тех городов, которые не могли прокормиться, остались в силе, но все было так устроено, что, конечно, интересы собственников и спекулянтов стояли на первом плане, а интересы потребителя — на втором. Так, например, Буасси д'Англа, прибравший к рукам продовольственное дело, провел декрет, в силу которого «земледельцы» (т. е. собственники зерна) имели право хранить у себя не подлежащее реквизициям количество хлеба, необходи-

мое им, чтобы прокормиться с семьей в течение шести месяцев. Робер Лендэ поспешил обратить внимание Буасси д'Англа на все злоупотребления, которые могут отсюда проистечь, и тот в конце концов сдался. Однако на практике взяточники и спекулянты совокупными усилиями и под всевозможными предлогами продолжали успешно обходить установленные законом реквизиции.

Когда Конвент совсем потерял свой престиж в глазах масс, возник и упорно держался слух, что самая отмена максимума была огромной спекуляцией, на которой нажились депутаты.

В парижской Национальной библиотеке имеется в высшей степени характерная листовка, изданная в Вандее в сентябре 1795 г. Это пародийный эдикт знаменитого вождя вандейцев. Шаретта, изданный якобы им «в пользу спекулянтов, скупщиков, мошенников, обирал и разорителей народного достояния». В этом памфлете мнимый Шаретт рекомендует своим сторонникам говорить, что Конвент есть корень всего существующего зла: «если он уничтожил максимум, то только потому, что он скупил все по законной таксе и захотел все перепродать во сто и во много раз дороже»[27]. Ясно, что подобные слухи существовали и крепко держались, если, спустя девять месяцев после отмены максимума, их еще приходилось опровергать путем подобных манифестов.

За восемь месяцев, отделяющих 9 термидора от 12 жерминаля, рабочие предместья, по-видимому, передумали много горьких дум относительно максимума и его отмены. Это явствует хотя бы из той ярой полемики против максимума, которой предался Буасси д'Англа в самый день жерминальского восстания. При этом он уже вполне откровенно подчеркивал, что после 9 термидора закон о максимуме был «парализован», хотя и не сразу отменен[28]. Зная, конечно, что парижская голодающая масса после опыта восьми месяцев смотрит на максимум не так, как до термидорианского переворота, Буасси д'Англа уже не боится выступить против ненавистного закона; что до реквизиций, то они являются, по его мнению, мерой, достойной восточных деспотов, но несовместимой с «мудрым и кротким правлением».

Речь эта была сказана как раз перед вторжением народной массы в Конвент, в исторический день 12 жерминаля. Конечно, гневные доводы *против* максимума в устах Буасси д'Англа могли только усилить в рабочих предместьях начавшуюся вскоре после 9 термидора реакцию в *пользу* максимума. Ведь Буасси д'Англа именно и был одним из типичных представителей разбогатевших на чужом голоде социальных слоев...

А между этим днем *первого* (жерминальского) восстания и ***вторым*** восстанием (прериальским) в лицо парижскому народу

была брошена кровавая, полная яда и мстительного торжества, насмешка, напомнившая о многом, что было так легко и без сопротивления потеряно.

Когда в одиннадцатом часу утра 18 флореаля (7 мая 1795 г.) везли на казнь Фукье-Тенвиля, государственного обвинителя робеспьеровских времен, и бежавшая за телегой толпа осыпала его неистовыми ругательствами и проклятиями,— он не молчал. По показанию очевидцев, бледный, с горящими глазами, скрученный веревками и привязанный к телеге человек отвечал толпе. Правительственный «Moniteur» туманно отмечает, что Фукье-Тенвиль отвечал «самыми страшными предсказаниями» [29]. Из других показаний мы знаем, что он улыбался и кричал народу: «ступайте за хлебом» (allez chercher du pain). Его гильотинировали последним по порядку из шестнадцати человек, казненных в Париже в это утро, и палач, по яростному требованию толпы, схватил за волосы его отрубленную голову и показал ее на все четыре стороны. Но насмешливый окрик Фукье-Тенвиля остался в памяти...

3

Плебейским предместьям столицы, столько раз в течение шести лет, по популярному тогда выражению, «спасавшим революцию», все еще не верилось, что они спасали ее для кого-то другого, что исторический процесс оборачивался не так, как, казалось бы, можно было рассчитывать, и что, по оригинальному выражению одного современника (Левассера, депутата в Конвенте от департамента Сарты), «народу» приходится «уйти в отставку». Эти слова, в психологии Левассера, именно и осмысливали то, что произошло в жерминале и прериале.

Но, пока не были проиграны эти две битвы, уходить «в отставку», т. е. на голод и на безропотное подчинение, казалось невозможным. Люди, перед которыми трепетал сначала королевский двор, потом трепетали Учредительное и Законодательное собрания и сам Конвент, гроза Европы,— эти люди к весне 1795 г. стали понимать, *кто* восторжествовал 9 термидора, *кто* уничтожил максимум, ничего взамен не давая и тем ухудшая положение, *кто* в деревне прячет хлеб, а в городе им спекулирует.

Статистика 1789 г. хорошо знала противоположение *ста тысяч* или *трехсот тысяч* и т. д. привилегированных «всему народу» или «25 миллионам французов». Теперь, зимой 1794/95 г., уже начали кое-где поговаривать о необходимости истребить «миллион купцов», которые доводят до голода «25 миллионов людей» [30]. Это весьма интересное знамение времени.

В том-то и дело, что именно в это время голодающее население плебейских предместий явственно увидело перед собой давно уже перед ним стоявшего могучего и деятельного противника. Задолго до 9 термидора этот противник пробовал влиять на события, придавая им ту или иную окраску. После 9 термидора авансцена политической жизни с первых же месяцев оказалась прочно занятой ставленниками той же враждебной рабочему классу стихии, к каким бы разновидностям политической мысли они ни принадлежали, какой бы тактики ни придерживались.

Над экономической историей французской буржуазии в эпоху революции можно и должно работать, потому что это, в сущности, один из центральных элементов всей новой французской истории вообще. Конечно, нельзя написать полное, исчерпывающее исследование на эту тему на основании одних только материалов Национального архива (хотя даже и эти скудные — по сравнению с законными научными запросами — материалы тоже почти не подвергались обследованию); нельзя разрешить эту научную задачу, даже прибавив к этим материалам обильнейшую, довольно хаотическую, документацию, разбросанную по департаментским, муниципальным, коммунальным архивам и по архивам торговых палат. Задача так обширна, она представляет такие характерные, совершенно своеобразные трудности, что требует, быть может, усилий целого поколения исследователей, предварительного появления ряда монографий, посвященных истории больших движимых и недвижимых состояний во Франции, систематической истории возникновения и развития отдельных капиталистических предприятий, фабрик, банков, сельскохозяйственных и винодельческих фирм и т. д. К слову сказать, работая над историей рабочего класса эпохи Французской революции, я имел неоднократно случай знакомиться с некоторыми из таких частных, «семейных», по существу, архивов; правда, они не дали мне ничего нового и важного по специально интересовавшему меня вопросу о рабочих, но зато я убедился, что они дают очень много для истории *капитала*. Во всяком случае эта экономическая история французской буржуазии в эпоху революции пока только начинает разрабатываться. Но, изучая историю послетермидорианской эпохи, мы, даже не зная составных частей и *эволюции* этих составных частей французского капитала, не пытаясь еще в строгой точности установить отдельные категории собственнической Франции того времени, должны безусловно признать *наличие* в только что вышедшем из революционных бурь обществе очень серьезной, очень заметной социально-политической силы собственнических классов.

Эта сила отчетливо знала в 1794 г., зачем ей нужно покончить с максимумом,— как знала, еще при терроре, каким обра-

зом отчасти повернуть максимум в свою пользу, а отчасти его саботировать; эта сила в 1795 г. оказалась достаточной, чтобы в жерминале и прериале победить опасность слева, шедшую из рабочих предместий, 13 вандемьера — опасность справа, поднимавшуюся со стороны реставраторов старого режима — роялистов; эта сила в 1796 г. позволила буржуазной республике покончить с заговором Бабефа, и она же в 1799 г. позволила генералу Бонапарту столь же легко покончить с республикой.

Для нашей непосредственной темы важно пока отметить *одну* черту. Новая, послереволюционная французская буржуазия переживала в рассматриваемый момент период быстрого роста и истинно хищнического накопления. Ажиотаж, игра на понижение ассигнаций, скупка и перепродажа земель, чуть ли не официально терпимые мошенничества с казенными поставками на армию, на флот, на снабжение Парижа, скупка, припрятывание и незаконные перемещения продовольственных припасов — вот на каких дрожжах буйно росла и ширилась новая социальная сила. Конечно, были у нее и другие питательные корни и живительные соки, но нам тут нужно заметить именно указанную особенность.

Это был золотой век поставщиков, вспоминает современник, и из дальнейших его пояснений видно, к каким проделкам прибегали эти «поставщики», особенно наживавшиеся на отравлении солдат всякой гнилью. Роскошные дворцы, изысканные обеды, балы, иногда, правда, и тюрьма, но тоже не прежняя грозная тюрьма робеспьеровских времен, откуда верная дорога на гильотину, а другая, гораздо более веселая, где можно устроиться с большими удобствами, даже с роскошью, тем более что ведь это ненадолго,— вот бытовая обстановка этих хищников. Официальной биржи еще не было, но биржа «частная» процветала, и крайне сомнительные сделки превращали сегодняшнего парикмахера в завтрашнего миллионера, тогда как вчерашний миллионер в один день спускал все, что успел наворовать за время революции [31]. Спекулировали все, до светских дам включительно. Негласная биржа орудовала в Пале-Рояле, где происходили самые крупные спекулянтские операции.

«Кто главные деятели ажиотажа?» — вопрошает одна анонимная брошюра 1795 г. и пересчитывает те категории населения, откуда выходят эти дельцы (les principaux agioteurs): «бывшие финансисты», которые вложили свои капиталы в товары и играют то на понижение, то на повышение, покупая и продавая эти товары; бывшие судейские чиновники (anciens officiers de judicature), бывшие банкиры, менялы, маклеры (agens de change et courtiers); служащие в разных учреждениях, которые, по окончании служебных часов, «употребляют остаток дня на это бесчестное дело»; рантье, которые уже не могут жить

на прежние доходы и ищут подсобных заработков «в разбое, вместо того, чтобы искать его в труде»; разные клерки нотариусов и т. п.; «слуги и рабочие, которых лень заставляет обращаться к гнусным спекуляциям», и т. д. Но горестнее всего анонимному автору признать, что даже «земледельцы и мельники», непосредственные производители хлеба, тоже принимают *личное* участие в преступной спекуляции, «постоянно переходя от своих работ в Пале-Рояль, чтобы там придумывать средства морить голодом сограждан» [32].

Напомню, кстати, что последнее показание подтверждается и другими источниками.

Корреспонденты, тайно сносившиеся с эмигрантом Малле дю Паном, доносили ему, что деревня, продающая продукты по вздутым ценам, богатеет и в общем довольна существующим режимом; собственническая деревня наживается на голодающих городах [33]. При Робеспьере она была раздавлена, а теперь дышит свободно и получает «сказочные барыши». Зажиточные крестьяне предаются торговым расчетам, ажиотажу, приобретают дорогую мебель, наперерыв скупают конфискованные у эмигрантов земли [34]. Начавшегося расслоения крестьянства роялисты не замечали.

Как мы видим, и в этом свидетельстве подчеркивается тот факт, что деревенские собственники в 1795 г. непосредственно и систематически занимались спекуляциями.

Франция богата, утверждает автор цитированной выше брошюры, но ее богатства сосредоточились ныне «в салонах, в роялистских будуарах, в темных и недоступных кабинетах банкиров и капиталистов» [35]. Подобные жалобы очень характерны для 1795 г.; обыватель, мелкобуржуазный потребитель, чуял какую-то таинственную, внезапно, как ему иногда казалось, возникшую и сразу необычайно окрепшую силу, вертящую Конвентом и правительством, но не выступающую с открытым забралом, а скрывающуюся где-то в недоступных недрах.

И на глазах у всех этой таинственной силе позволялось ни с чем не считаться: власти как-то вяло, растерянно, спустя рукава относились к самым неприкрытым, к самым откровенным грабительским деяниям.

Эмиссии ассигнаций следовали во все ускоряющемся темпе, и каждая из них обогащала дельцов, близких к правительству, каждая ставила жертвы спекуляции во все более отчаянное положение.

Вот как рисуется финансовое положение или, точнее, кризис ассигнаций в интересующие нас весенние месяцы 1795 г. по докладу, сделанному несколько месяцев спустя в Совете старейшин членом этого Совета Лекульте-Кантле на основании данных правительственных комитетов, сообщенных Конвенту в

жерминале Жоанно и 29 прериаля Ребелем. В жерминале III (1795) года ассигнаций было в обращении на общую сумму несколько больше семи с половиной миллиардов ливров; через два месяца, в конце прериаля того же года, их было почти *вдвое* больше: на общую сумму в *тринадцать* миллиардов. В жерминале еще считалось, что сумма от шести до семи ливров ассигнациями равноценна одному ливру звонкой монетой; в прериале за один ливр звонкой монетой уже давали *пятьдесят* ливров ассигнациями: обесценение шло еще быстрее, чем эмиссии [36]. Не трудно себе представить, как легко было при такой финансовой неустойчивости и запутанности положения спекулировать на товарах, на *реальной* покупательной силе непрерывно выпускаемых бумажных денег. Тут даже указанное соотношение — один к пятидесяти — часто оказывалось слишком «оптимистически» высчитанным.

Но зато эти щедрые эмиссии позволяли правительственным комитетам не скупиться на выдачу всякого рода субсидий и авансов туче дельцов и спекулянтов, суетившихся около Конвента и его руководящих деятелей. Правительство давало громадные подряды на снабжение армии и столицы продовольствием; на выполнение этих-то подрядов и выдавались часто крупные казенные субсидии. Так, например, в первых числах июня 1795 г. руанские негоцианты Фонтенуа и Левассер получили поручение закупить для казны за границей сто тысяч квинталов хлеба в зерне. На эту операцию им была выдана вперед сумма в десять миллионов ливров [37]. Конечно, даже при умеренном казнокрадстве один подобный подряд мог обогатить торговую фирму. Громадная финансовая сила, колоссальное биржевое влияние сосредоточивались в правительственных комитетах.

Современники видели всю эту пляску миллионов, этот буйно растущий ажиотаж, это открытое взяточничество, хищничество и казнокрадство, дружно объединявшиеся в особенности на грабеже и мошенничествах с казенными поставками. Но в 1795 г. об этих явлениях говорилось только очень робко, редко, неумело и анонимно. В то, что припасов нет, верили очень мало,— это надо запомнить; голод объясняли именно спекуляцией и сложными, огромными, разносторонними, если можно так выразиться, мошенничествами [38]. Некоторые представители тех слоев буржуазии, которые считали себя обойденными, причисляли себя к эксплуатируемым, объясняли именно отсутствием в Париже «большой» торговли и крупной промышленной жизни легкость, с какой спекулянты путем обманов, распространения панических слухов и т. п. могли грабить как государство, так и частного потребителя [39]. Разорительные для казны подряды, иногда в один месяц обогащавшие целую шайку поставщиков и

спекулянтов,— вот явление, заметно выделявшееся среди прочих в процессе создания и роста новой буржуазии.

По свидетельству современников, в эти первые времена после 9 термидора появилась роскошь, какой не видели с начала революции. Если мы вчитаемся, например, в показания Тибодо, то увидим, что он говорит не о *появлении* богатства, а лишь о том, что обнаружилась его внешняя сторона: обеды, балы, концерты, праздники, пышные охоты и т. д. А богатство уже *существовало*, оно только не смело прежде проявляться так открыто. Кто же были эти осмелевшие богачи? «Банкиры, поставщики и дельцы» [40]. Это была, очевидно, новая буржуазия, выросшая и окрепшая уже в годы революции, аферисты, финансисты, скупщики земель, биржевые агенты. Ведь если реквизиции и закон о максимуме разоряли одних, то других именно эти меры обогащали: на организованном обходе этих мер было построено их богатство.

Среди этой новой буржуазии были очень заметны и представители дореволюционного торгово-промышленного мира. Блиставший в салоне г-жи Тальен финансист, поставщик и спекулянт Уврар был сыном бумажного фабриканта; в 1789—1794 гг. он умудрился успешными спекуляциями составить себе большое состояние и в эти (1795—1796) годы делал огромные дела. Он сам рассказывает, например, что именно в это время он в компании с другим капиталистом скупил в Бордо партию колониальных продуктов; и эта операция через три месяца дала на одну его личную долю прибыли больше полумиллиона франков *золотом*. Не забудем при этом, что Габриэль Уврар сообщает в своих мемуарах лишь о ненаказуемых уголовно финансовых своих успехах, о прочих же предпочитает молчать [41]. Через Тальена и особенно через Барраса Уврар прибрал к рукам огромные поставки на флот и отчасти на армию. Этот хищник, который в 1798 г. мог дать взаймы Директории десять миллионов франков золотом, очень характерен для своего времени.

В своем роскошно отделанном замке Ренси и в других своих дворцах Уврар устраивал пиршества и празднества, которые мало уступали былым торжествам версальского двора. Это поколение французской капиталистической буржуазии отличалось большим размахом, проявляло какую-то ширь и безудержность, вовсе не свойственные ни их предшественникам, ни их наследникам — ни предреволюционной буржуазии, ни банкирам и купцам, лавочникам и биржевикам времен Реставрации или Луи-Филиппа. Некоторые бытовые черты тех людей, о которых у нас идет речь, напоминают не столько умеренные и аккуратные буржуазные фигуры, вроде героев Скриба или Бальзака, сколько замоскворецких самодуров Островского. Взять хотя бы блиставшего в те же годы и в тех же салонах, что и Уврар,

впоследствии его компаньона и такого же, как и он, хищника — Сегена. Этот Сеген выдумал какой-то новый способ дубления кожи, который должен был дать французской армии несокрушимые сапоги и тем самым «способствовать победе республики над европейскими тиранами». Конвент, не долго думая, приказал (в январе 1795 г.) реквизировать кожу и предоставить ее Сегену, причем дал ему для этого нового производства два поместья. Из дубления по новому способу ничего не вышло, сапоги разваливались, но Сеген продолжал действовать и богатеть, уже нажив на этих сапогах миллионы и перейдя к новым спекуляциям. Так же, как и Уврар, он швырял деньгами, оригинальничал, безобразничал, катался по Парижу в роскошном экипаже, но одетый в халат, устраивал великолепные приемы и выходил к гостям в домашних туфлях; задавал в своем поместье (в Жуи) ночные празднества с фейерверками и распоряжался, чтобы искры от фейерверка летели в лицо гостям; те в панике разбегались и при этом падали в ямы, прикрытые сверху листьями [42]. Его дом был полон редчайших картин, убран с неслыханной роскошью; в конюшнях стояло сорок лошадей; он собирал драгоценнейшие скрипки Страдивариуса и, по-видимому, просто не знал, куда и на что выбрасывать деньги. Все это проделывалось на глазах люто голодавшей столичной бедноты.

Потребности Парижа должны были удовлетворяться в первую голову, и когда, например, в морские порты приходили грузы риса, они прежде всего направлялись в столицу; если другим городам давалось разрешение на то или иное количество драгоценного продукта, то как бы в качестве награды за исправное снабжение Парижа хлебом и другими продуктами [43].

После 9 термидора была казнена наиболее активная и революционная часть муниципалитета. В просторечии этот погибший на гильотине сектор Коммуны стал распространительно именоваться заговорщической коммуной (la Commune conspiratrice). Казнь ее, как определенно говорят источники, была истолкована именно в том духе, что можно отныне не исполнять изданных ею постановлений относительно вывоза хлеба из города [44]. К первому мессидора в столице было накоплено запасов, которых должно было хватить на четыре месяца. Но немедленно после 9 термидора надзор ослабел, постановления Коммуны перестали исполняться, кары за явное нарушение закона о максимуме прекратились, и вследствие всего этого стала наблюдаться тревожно усиливавшаяся утечка хлеба из Парижа. Учреждения, специально соприкасавшиеся с вопросом о снабжении столицы, напрасно пытались время от времени побудить правительственную власть к проявлению строгости и применению репрессий.

Но в эти первые месяцы после термидора мудрено было ждать от правительства сколько-нибудь выдержанной линии поведения. Пестрота и разноречивость классовых интересов, с которыми должны были считаться термидорианские победители, неизбежно породили бы разнобой и несогласованность в их политике даже в том случае, если бы они сами не представляли собой (особенно на первых порах) очень разносоставной группы, наскоро сколоченной для специального политического задания и теперь, после своей победы, после гибели Робеспьера, оказавшейся лицом к лицу с неожиданно сложной социально-экономической обстановкой. Ссориться с торговой буржуазией? Со спекулянтами? С финансовой мощью негласной биржи и улицы Вивьен (где сосредоточивались банки)? И, значит, с Национальной гвардией «центральных» буржуазных секций? Давить городскую буржуазию и одновременно деревенских собственников, заставляя этих последних, если нужно, строжайшими мерами не саботировать сбора урожая и других сельскохозяйственных работ? На это термидорианцы не шли. А без этого — как кормить Париж, где нужно считаться с многочисленной потребительской беднотой, а в частности с обширным, скученным в определенных кварталах рабочим населением? Наши источники живо отражают эти колебания правительственной мысли поздней осенью 1794 г. [45]

Таким-то образом и вышло, что накопленный на четыре месяца запас начал быстро таять, новый реквизированный хлеб стал поступать после 9 термидора гораздо более туго, чем до той поры, а спекулянты стали распродавать незаконно вывозимый из столицы хлеб уже не по соседству, а в дальних местах, очевидно, убедившись, что перевозка более безопасна, чем можно было думать, и что, следовательно, нужно считаться лишь с тем, где сейчас цены на хлеб повыше. Образовалась специальная и очень прибыльная отрасль торговли мошеннически вывезенным столичным хлебом [46].

Выпуская из Парижа, явно вопреки закону, большие количества хлеба, вывозимые всевозможными спекулянтами, власти в то же время вдруг принимались сурово преследовать всякого, кто выходил за городскую черту, захватив с собой хлеба для собственного пропитания. Комитет общественного спасения, правда, пытался оградить жителей от подобного произвола, однако при свете других источников все эти слишком ретивые преследования за вынесенную из города краюху хлеба кажутся какой-то комедией, именно затем и разыгрывавшейся, чтобы под личиной этой строгости покровительствовать подлинному спекулянтскому вывозу хлеба из столицы [47].

С транспортными средствами тоже не ладилось. В портах Остенде, в Дюнкерке, в Кале, в Гавре лежали мешки с зерном,

предназначаемые для Парижа, а доставить их в Париж оказывалось очень затруднительно. Всю осень, особенно весь брюмер, шла оживленнейшая бюрократическая переписка, но толка не выходило [48]. Какая-то пружина была сломана.

Вот образчик того, что происходило: в течение вандемьера и брюмера в Амьен прибыло 61 000 квинталов зерна, предназначенного для Парижа: попало же в столицу всего 7000 квинталов. Местные власти спорили, утверждали, будто они получили всего 37 503 квинтала, из которых отправили в Париж 24 321 квинтал, но и они признавали, значит, огромную «утечку» хлеба. Прибавлю, что более чем вероятна правдивость именно первых двух цифр (61 000 и 7000) [49].

И тем не менее у нас есть свидетельство, что *полное* исчезновение хлеба не грозило Парижу даже накануне 12 жерминаля и что хлебные склады были полны [50]. Но выдаваемый паек оставался, конечно, по-прежнему убогим.

Умный старый циник Калонн неоднократно с раздражением доказывал своим соратникам, эмигрантам-роялистам, что напрасно тешить себя надеждой на голод во Франции. Он и европейским монархам советовал не верить в эту иллюзию. Он считал «абсурдом» и «химерой» умозаключать от стесненного продовольственного положения столицы к отсутствию хлеба во всей стране вообще и как человек реально мыслящий указывал, что революционными мерами можно добыть хлеб быстрее, чем обыкновенными, общепринятыми. По его убеждению, во Франции есть и хлеб и звонкая монета,— и только вследствие неумелости властей собственники ухитряются припрятывать и то и другое [51]. Калонн ошибался: дело было не только и не столько в «неумелости», сколько в том, что правительство, всецело опиравшееся на собственнические классы, не могло и не хотело применять к ним эти «революционные меры».

В заседании 28 вантоза, т. е. за две недели до событий 12 жерминаля, Буасси д'Англа сообщил, что из 636 тысяч человек, составляющих население Парижа, 324 тысячи получили за день 27 вантоза по полфунта хлеба, а 312 тысяч — по одному фунту. Он осторожно говорит не о ежедневных выдачах, а о выдаче одного определенного дня, зная прекрасно, что таких благополучных дней было очень немного. Но фактически Буасси был, конечно, прав, указывая, что парижане в лучшем положении, чем жители других городов: они не только имеют хлеб чаще и в большем количестве, чем другие,— так как правительство больше всего озабочено именно прокормлением столицы,— но и платят за него гораздо дешевле: по 3 су фунт, тогда как *всюду* он стоит свыше 20 су. Буасси д'Англа должен был бы прибавить, во-первых, что *всюду* — означает города, так как у крестьян в подавляющем большинстве департаментов хлеба

сколько угодно, а во-вторых, что, говоря о цене, он имеет в виду казенные пайки, так как в вольной продаже в том же Париже фунт хлеба стоил в эту бедственную весну не 3 су, а 7—8—10—15 и даже более *франков*, и спекуляция непрерывно повышала эти цены.

В течение всей зимы и всей весны 1795 г. мы встречаем в целом ряде полицейских докладов одно и то же повторяющееся указание: припасы на парижских рынках имеются в изобилии, но они дороги: les subsistances sont toujours abondantes, mais chères (иногда très chères или extrêmement chères) [52]. С середины фримера начинают попадаться и особые указания на ухудшающееся качество хлеба. В плювиозе уже временами отмечается такое увеличение дороговизны, что малосостоятельным гражданам невозможно *существовать*, вследствие чего всеобщее недовольство растет [53]. В вантозе полиции уже самой приходится употреблять такие выражения, как *устрашающая* дороговизна (subsistances d'une cherté effrayante) [54].

Зима была холодная, и это, конечно, обостряло нужду. В начале 1795 г. (в январе — феврале) административные власти отмечают усиливающееся недовольство и ропот. Брожение принимает порой весьма недвусмысленную форму: в первую очередь подвергаются нападениям хлебопекарни и булочники [55]. С каждым днем усиливалось и ожесточение городской голодающей массы против собственнической деревни, не желающей давать ни мяса, ни зерна, спекулирующей своими продуктами, подкупающей администрацию. Там, где трудно было продать хлеб по выгодной цене, землевладелец или фермер предпочитал откармливать им птицу, лишь бы не пустить на рынок без достаточной, по его мнению, наживы [56].

Во многих местах проявлялась настоящая ярость голодающего города против крестьянина, прячущего свой хлеб. Речь заходила о вооруженных экспедициях против алчных земледельцев, пользующихся декретом о свободе торговли, чтобы морить голодом городское население [57]. Нельзя без негодования смотреть на поведение земледельцев, пишут из провинции агенты власти: революция дала крестьянину все, а он делает все, чтобы ее погубить [58]. Что и среди крестьян есть батраки и голодающие полупролетарии, об этом умалчивалось.

Еще весной, летом и осенью 1794 г. для сельских работ не хватало рабочих рук, скота и перевозочных средств; снабжение армий в 1794 г. было налажено лучше, чем в 1792 и 1793 гг., но именно поэтому реквизиции чувствительнее отзывались на местах. Затем появились два очень удобных предлога для совершенно безопасного, почти легализованного нарушения закона о максимуме: по закону 26 фрюктидора продажа и покупка семян для посева не подчинялись общей таксации, а согласно поста-

новлению 12 вандемьера, из реквизиций было изъято количество зерна, потребное для прокормления владельца и его семьи. Обоими этими изъятиями очень злоупотребляли[59]. Нечего и говорить, что под влиянием общего политического изменения сами власти и тут смотрели сквозь пальцы на эти злоупотребления и нарушения закона. Наши документы жалуются, что едва можно было найти такого собственника, который согласился бы признать, что по обеспечении его самого и его семьи у него остается излишек хлеба. Далее: если, с одной стороны, деревня стала более туго давать хлеб городу, то, с другой стороны, жестоко усилился уже отмеченный выше спекулянтский, часто мошеннический *вывоз* казенного хлеба из *города*. Власти, как явствует из цитируемого нами документа, отлично зная, что административные органы подкуплены спекулянтами, деликатно говорили об их «беспечности, чтобы не сказать больше». Этой же причиной, конечно, объяснялась и та «крайняя слабость», которая также отмечается властями. И внезапная, совсем неслыханная дерзость спекулянтов, доходившая до последних пределов, и все эти тоже беспредельные и ничуть не скрываемые «беспечности» и «слабости» администрации — все это, как и вдруг обнаружившееся бессилие реквизиций, объяснялось сведущими наблюдателями полным прекращением репрессий в области продовольственных отношений,— ибо, говорит со скорбной иронией цитируемый документ, успешное проведение реквизиций держалось не только на патриотизме, но и на терроре.

И все же, помимо этих вполне открытых беззаконий, получать хлеб из деревни становилось нелегко.

Уже с осени 1794 г. не прекращались слухи о предстоящей в более или менее близком будущем отмене закона о максимуме. Эти слухи, разумеется, тоже сыграли вполне определенную роль: землевладельцы делали все от них зависящее, чтобы по возможности скрыть продукты, надеясь вскоре дождаться вольных цен и только тогда выпустить зерно на рынок[60]. Это тоже следует принять в соображение, говоря об обстоятельствах голодной зимы 1794/95 г.

Провинциальные власти плутовали в самых обширных размерах, и когда из центра их запрашивали о количестве поступающего провианта, о состоянии складов, о морском подвозе хлеба и т. д., они часто даже не трудились отвечать. Комиссия по продовольствию, например, очень хотела знать имена, способности, степень благонадежности смотрителей складов, но это законное любопытство удовлетворялось весьма скупо[61]. Широкий разгул воровства и расхищения казенного имущества начался задолго до Директории. Этому много способствовали беспорядок в делопроизводстве и несогласованность в действиях

отдельных ведомств. Сегодня, беззаконно, по личному соглашению местных властей, из запасов, предназначенных для Парижа, брали на нужды армии, а завтра оказывалось не трудно, *под предлогом* также нужд армии, взять из тех же запасов в пользу собственного кармана. Точно так же местные самоуправления незаконно задерживали то, что по закону должно было поступить в распоряжение центрального правительства [62].

Как ни тяжело было продовольственное положение столицы, оно все же было лучше, чем во многих и многих провинциальных городах и местечках. Дело в том, что для снабжения Парижа принимались как-никак чрезвычайные меры; а те города, которые не были тесно связаны с землей, с деревней, оказывались в отчаянном положении: в этих небольших городах правительство не боялось голодных бунтов, да и мудрено было, в самом деле, прокормить казенным хлебом все города Франции. Вот почему и происходили истории вроде той, которая случилась с рабочими венсенского порохового завода: шла война, и, разумеется, прокормить во что бы то ни стало этих рабочих было важнее и нужнее, чем любую другую категорию граждан. И вот окружным военным складам приказывается (19 вантоза) доставлять муку венсенским рабочим. Но так как никакой муки они все-таки не получают, приходится издать новый декрет: для прокормления рабочих порохового завода разрешается вывозить муку из Парижа [63]. А вот и другой пример: в Амьене голод, но достать для этого города хлеб нельзя, так как свыше велено все забирать для Парижа,— не драться же против высших властей, с горечью пишет представитель этих же властей, посланный помочь Амьену [64]. Конечно, дело дошло до голодного бунта, до насильственного захвата обозов, принадлежавших военному ведомству, и т. д. Все это случилось в Амьене 14 жерминаля [65]. Представителя народа, командированного в этот город, Бло (Blaux), жестоко избили и чуть ли не убили. Но и он считает нужным утверждать, что голод был лишь предлогом, а что все дело в заговорщиках, которые с роялистскими целями подкупили и напоили допьяна толпу [66]. В Руане тоже в эти дни происходили бурные сцены, со всех сторон слышались крики: «Хлеба и короля!» или «Да здравствует Людовик XVIII! Долой Конвент!» и т. п. [67]

Женщины, долгими часами простаивавшие перед булочными «в очередях» или «в хвостах» (à la queue), часто с утра ничего не евшие и знавшие, что дома их ждут голодные дети, естественно, часто доходили до последней степени раздражения, и только слепая злоба роялистского журналиста могла выдумать сказку о каких-то «шести подкупленных негодяйках», которые вовлекают этих несчастных женщин в якобинские вос-

стания[68]. Положение было такое, что следует удивляться не тому, что весной 1795 г. в Париже произошло два восстания, а тому, что их было в этот период только два, а не больше. Объяснения насчет таинственных подкупов, злобные сплетни о людях, «притворно» падающих на улицах в обморок от истощения,— весьма характерны для их авторов.

Термидорианец, написавший и издавший уже 23 жерминаля брошюру о событиях 12 и 13 жерминаля, прикидывается, будто он не понимает, почему перед лавками образуются громадные очереди. В любопытной по своему лицемерию этой брошюре он ни слова не говорит о булочных, а только о табачных магазинах, аптеках и кондитерских[69].

Борясь с «хвостами», Комитет общественного спасения постановил было, чтобы хлеб раздавался гражданам на дому. Декретом 8 жерминаля (28 марта 1795 г.) к каждой булочной приписано несколько домов, куда она должна будет развозить хлеб, выпекаемый ею из полученного от правительства определенного количества муки; печь из этой муки хлеб на вольную продажу — воспрещается; количество как получаемой муки, так и выпекаемого хлеба должно быть обозначено в особом извещении, вывешиваемом в булочной; каждый дом выбирает из числа своих жильцов доверенное лицо, которое получает полагающийся этому дому хлеб, распределяет его между жильцами и взыскивает с них деньги для уплаты булочнику. Все это, говорится в декрете, не должно препятствовать булочникам, которые не получают муки от правительства, добывать ее по вольным ценам, где угодно, и продавать выпеченный из нее хлеб кому угодно и по какой угодно цене[70]. Однако уже спустя четыре дня (как раз в заседании 12 жерминаля) исполнение этого декрета было приостановлено[71].

Уже в последние дни вантоза, наряду с известиями об очередях, о голоде, о женщинах, которые кричат, чтобы их лучше расстреляли картечью, чем морить голодом, мы встречаем весьма интересное упоминание о злонамеренных лицах, которые, не теряя времени, подготовляют восстание, и об увеличивающемся числе «зажигательных афиш». Самая формулировка полицейского донесения знаменательна: les affiches incendiaires se multiplient[72]. Ясно, что и до того полицейские агенты не раз срывали со стен подобные афиши, и только необычное их *размножение* за две недели до 12 жерминаля заставило автора донесения отметить этот факт.

Комитет общественного спасения, во главе с Буасси д'Англа, пытался свалить вину на агитаторов, на эмигрантов, на Англию. Но в устах термидорианцев подобные обвинения не внушали доверия: слишком очевидна была фальшь всей этой когда-то неотразимо действовавшей аргументации и фразеологии.

Очереди у булочных принимали устрашающий вид. Правительство непременно должно было принять какие-нибудь меры [73].

Конечно, не было недостатка и в попытках объяснить голод общей политикой Конвента до 9 термидора: нарушением прав собственности, максимумом, террором и т. п. При этом обыкновенно с настойчивостью говорилось об угнетении «торговли», «земледельцев». Распространение голодной зоны объяснялось так: сначала стала голодать провинция, а потом и Париж, который она кормила [74].

Очень характерно в таких писаниях стремление чисто словесным путем закрыть пропасть между «бедными» и «богатыми», между рабочими и «купцами» и подвести всех под общее понятие «peuple», народ. Крайне жаль, что до нас не дошли те «опасные» революционные воззвания (deux écrits dangereux), которые распространялись в рабочих кварталах весной 1795 г. и, судя по возбужденной ими полемике, именно стремились провести резкую грань между теми, кто умирает от голода, и теми, кто на этом голоде наживается [75].

Раздражение против спекулянтов принимало такие размеры, что предпринималась даже, так сказать контрпропаганда с целью вразумить «народ» относительно душевного бескорыстия и будто бы плачевного материального положения ненавистных купцов, рантье, собственников. Выходило, что эти последние еле перебиваются и что поэтому не следует верить «террористам и якобинцам», настраивающим «народ» против богатых [76]. Успеха эти успокаивающие речи не имели.

Власти были очень обеспокоены той ежедневной, произвольно возникавшей агитацией, которая шла среди женщин, стоявших долгими часами в «хвостах». Вопрос о том, как сократить эти «хвосты», как ускорить раздачу, ставился и обсуждался властями, по-видимому, именно под влиянием этой мысли: как прекратить нежелательные пересуды раздраженных женщин и справиться с ухудшающимся настроением в народе. У нас есть характерные в этом смысле документальные свидетельства [77].

Конечно, недобросовестные действия булочников очень часто еще ухудшали положение потребителя. Они продавали подмоченный рис, плохо выпекали хлеб для того, чтобы он, оставаясь полусырым, больше весил. Вообще они так многообразно мошенничали, так систематически обсчитывали и обвешивали население, что правительство стало назначать специальных комиссаров для контроля раздачи риса и хлеба, однако, как мы узнаем из официальной переписки, эти комиссары, с одной стороны, обнаруживали «крайнее невежество» во всем, что касалось их непосредственных функций, а с другой стороны, брали взятки с булочников и входили с ними в тайные сделки [78].

Даже с чисто технической стороны дело раздачи продуктов

было поставлено из рук вон плохо. В одних местах выдавали полфунта хлеба, в других фунт, в третьих *в тот же самый день* потребитель получал лишь четверть фунта [79]. В одних местах выдавали рис, но не выдавали топлива (ни дров, ни угля), так что нельзя было его сварить. В других местах выдавали топливо, но не выдавали риса, хотя правила раздачи были одинаковы для всего города.

Если было место, почти столь же опасное для правительства, как и Париж, то это была, разумеется, армия, воевавшая в Вандее против шуанов и начинавшая голодать в самом буквальном смысле слова. Представитель Конвента Бодран, состоявший при этой армии, доносит (как раз в жерминале), что солдаты страдают от недостатка пищи, что у них нет сапог, а одежда совсем развалилась, и они ходят почти голыми. И он с ударением заключает: «Нищета, дорогие коллеги, часто бывает дурной советчицей»; если правительство желает иметь солдат, полных энергии и республиканских чувств, то нужно их кормить. Без пищи и сапог им придется призадуматься над шуанскими соблазнами [80]. Письмо было очень определенно и грозно по смыслу. Помимо всяких намеков, оно ясно говорило о дезертирствах под влиянием голода. Невозможно, пишет Бодран, ставить солдат в положение отшельников, умерщвляющих плоть [81].

Нужно заметить, что по своей, так сказать, классовой структуре революционная армия 1795 и следующих годов была, конечно, несравненно более армией крестьян, чем рабочих, просто уж потому, что рабочий (да и вообще городской) элемент населения был численно ничтожен по сравнению с деревенским. Добавим, что уже в 1792 г., а особенно в 1793—1794 гг., рабочая сила в целом ряде промыслов (и не только обслуживающих армию) была реквизирована; она вообще была так малочисленна и во многих профессиях настолько незаменима, что отдавать рабочих в армию было невыгодно. Мне вспоминается ряд документов, в которых, напротив, идет речь о *возвращении* из армии в город, к покинутой работе, даже тех рабочих, которые почему-либо уже были забраны в солдаты. На офицерских местах были как люди, поднявшиеся из солдатской массы, так и представители мелкой и средней буржуазии, были кое-где и дворяне. Но, замечу, эти офицеры-дворяне были в общем не похожи на тех, которые в первые годы революции некоторое время послужили, а потом эмигрировали или стали подумывать об измене. Те, которые остались служить, не пошли ни за Дюмурье в его измене, ни за Пишегрю в его изменнических переговорах, ни за другими. Из военной среды вышел, между прочим, монтаньяр Субрани, дворянин по происхождению, погибший на эшафоте в прериале 1795 г. В общем же армия в 1795 и следующих годах исправно, покорно и беспрекословно поддерживала сущест-

вующий строй против его врагов, особенно против врагов справа. Действительно, армейская масса *прежде всего* и больше всего была враждебно настроена против роялистов. Эти последние были не только феодалами, классовыми противниками тех слоев народа, откуда главным образом вербовалась армия,— они были в глазах армии и непосредственными ее врагами, изменниками, которые вызвали к жизни коалицию воюющих против Франции держав. Армия тем больше верила в измену казненных короля и королевы, что на ее глазах преемники и наследники династических притязаний, принцы Бурбонского дома, вполне открыто объявляли своими друзьями и защитниками англичан, австрийцев, пруссаков, русских, вообще всех и каждого, кто только согласится обратить меч против Франции. И поэтому, когда нужно было либо обороняться от роялистов, как, например, 13 вандемьера, либо готовить и нанести им сокрушительный удар, как, например, 18 фрюктидора, правительство могло быть вполне уверено, что армия будет безусловно на его стороне. Но как поведет себя та же армия в борьбе с противниками слева, например, против рабочих предместий Парижа или арсенальских рабочих Тулона? Это, по-видимому, было не столь ясно. Приходилось пускаться на некоторые ухищрения, ласкать и задабривать гарнизон столицы, отделять солдат от революционеров, от «патриотов» рабочих предместий. «Le soldat choyé, caressé — et le patriote écrasé,— voilà la république»,— с горечью говорил замешанный впоследствии в заговоре Бабефа поэт Сильвен Марешаль. Ласкать солдат и давить монтаньяров — этот лозунг не был провозглашен, но начал применяться очень скоро после 9 термидора.

По специальному декрету рабочие *должны* были получать по полтора фунта хлеба в день, *но получали* часто всего полфунта, да и то не всегда. Это было признано с трибуны Конвента как раз накануне событий 12 жерминаля [82]. Заметим, однако, что, по другому сведению, рабочие в предместьях (где их больше боялись) получали все-таки полагавшиеся им полтора фунта хлеба в день. Но газета, сообщающая об этом факте, тут же подчеркивает, что с предместьями обходятся лучше, чем с внутренними кварталами [83]. Понимать это надо так: в предместьях, где перед властями стоит сплошная рабочая масса, выдается установленный законом усиленный полуторафунтовый паек; рабочий же, работающий где-нибудь в секции Тюильри, где его меньше опасаются, получает то же, что и прочие граждане, т. е. полфунта, в лучшем случае — фунт в день. Нечего и говорить, что вообще-то «внутренние кварталы», населенные буржуазией, меньше голодали, чем рабочие предместья.

Бегло, между прочим, нисколько на этом не останавливаясь, как о самом обычном факте, член Конвента Бурботт, рассказы-

вая в своем показании перед военной комиссией о своем времяпрепровождении 1 прериаля, говорит о встрече со знакомым, которому он, Бурботт, сообщил, что уже 24 часа ничего не ел; тот предложил ему хлеба, и они условились (дело было утром), что если и к обеду Бурботт не получит хлеба, который ему обещали прислать из деревни, то он возьмет его у этого знакомого [84].

Брожение в первые дни жерминаля усилилось необычайно. Все термидорианские газеты наперерыв и с беспокойством это отмечают. «Хвосты» в очередях приобрели истинно устрашающие размеры и разговоры там велись такие, что и арестовывать не стоило: пришлось бы хватать всех стоявших в очередях. Конечно, в настроениях замечался поворот, благоприятный для памяти Робеспьера и кончившегося с его падением режима. Многих очень возмущало, что приходится иногда становиться в очередь с вечера и дежурить у дверей булочной всю ночь, а между тем булочники получали муку не раньше часу ночи, иногда в четыре часа утра, что страшно задерживало выпечку. Раздражало и то, что булочники, ссылаясь на неполное получение ими должного количества муки, не могут выдавать каждому предписанное количество хлеба, т. е. фунт: если бы они формально исполняли свой долг, то часть «хвоста» осталась бы вовсе без хлеба и, конечно, разнесла бы вдребезги всю булочную. Доносилось о случаях самоубийства изголодавшихся людей [85].

По предложению Сиейса Конвент еще 1 жерминаля принял закон против мятежных сборищ (les attroupements séditieux) и в защиту народного представительства. Мятежные крики во время заседаний караются ссылкой; если же эти крики или угрозы задуманы заранее (combinés d'avance), то они навлекают на виновных смертную казнь. Целый ряд других пунктов предусматривает беспощадную борьбу против всяких попыток нападения на Конвент. Интересна мотивировка, выдвинутая Сиейсом [86].

Еще до жерминальских событий рабочих арестовывали и неопределенное время, но долго держали в арестных помещениях решительно без всякой вины и без тени фактических оснований, просто в силу заявленного в тайном полицейском донесении мнения, будто такой-то рабочий «сторонник системы Робеспьера» [87].

Полицейские агенты видели, что творится, и не скрывали от начальства своего беспокойства. Нужда в первые дни жерминаля царила самая жестокая. Людям, простоявшим иногда в очереди целую ночь напролет, сплошь да рядом все-таки приходилось возвращаться домой с пустыми руками, не дождавшись своего пайка, вследствие недостаточной выдачи муки булочникам. Да и самые пайки все больше сокращались: до трех

четвертей, до полуфунта. Нужда особенно свирепствовала в рабочих предместьях,— в очередях, да и не только в очередях, громко винили спекулянтов, купцов и правительство, потакающее их проделкам [88]. Не было ни хлеба, ни мяса, ни дров,— не было для рабочих, для бедноты, для Антуанского и Марсельского предместий, для улицы Муфтар, для квартала Тампля. Для богатых людей — все находилось в изобилии.

Уже 7 жерминаля в Париже было неспокойно, собирались группы людей, громко требовавших хлеба и проклинавших правительство. Национальная гвардия их разгоняла, но кровопролитных столкновений не было. Сборища продолжались и в следующие дни. Комитет общественной безопасности не был спокоен и не считал, что движение прекратилось. Зародилось движение у дверей булочных, среди женщин, измученных ожиданием. Конечно, правительство, извращая дело, пыталось представить его так, будто женщинам хлеб выдавали, а взбунтовались они по злобным проискам смутьянов (les méchants, les turbulents). Выходило по этой версии, что голодные женщины играли кем-то им заказанную «роль» [89].

Как сказано, очереди у дверей булочных начинали собираться уже с 8—9 часов вечера и простаивали всю ночь в ожидании начала утренней торговли и выдачи хлеба. Очереди были громадные, очень раздраженные и шумные, так что мешали спать жителям соседних домов. Шли слухи, будто народ в предместьях овладел пушками; выражались опасения, как бы крупные торговцы (les gros marchands) не сделали бы того же. Рабочие прямо говорили, что патрули (разъезжавшие в эти дни по городу) состоят из одних купцов.

Купец, торговец (le marchand), изредка крупный (gros) торговец — вот наиболее ходкое в те дни в устах рабочих обозначение классового противника. Купец спекулирует хлебом, он подкупил правительство и Конвент, он морит голодом рабочие предместья, и он же рассылает патрули [90].

В очередях в эти дни происходили иной раз жестокие ссоры; приходили люди, утверждавшие, что они уже несколько дней не получали хлеба. Административные власти беспокойным оком взирали на эти ежедневные огромные сборища голодных и раздраженных людей и подумывали о борьбе с этим опасным явлением. Так, в общем собрании секции инвалидов, в заседании 10 жерминаля, шел разговор о том, что «бесполезно» становиться в очередь перед булочными и другими местами выдач с 9—10 часов вечера, так как лавки открываются лишь в 8—9 часов утра и даже позже. Не следует ли арестовывать всех, кто будет стоять в очередях до 5 часов утра, и приводить их в секцию для допроса. Если же, «к несчастью», некоторые из стоящих в очередях не получат хлеба, то им стоит только сделать

соответственное заявление комиссару, и на следующий день они будут удовлетворены первыми [91].

Но уже с 1 жерминаля комитеты и Конвент предвидели решительное выступление: наскоро прошедший проект декрета о борьбе с мятежными сборищами достаточно показывает, насколько событие 12 жерминаля не явилось неожиданным. Очень характерен доклад Сиейса, внесшего этот проект от имени комитетов. Докладчик призывает к энергичному сопротивлению всякому готовящемуся нападению, причем явно считает, что дело идет о чем-то гораздо большем, чем «голодные беспорядки»: в самом начале доклада он поминает 31 мая (1793 г.), т. е. падение Жиронды, и, с типичной для него узостью взгляда, утверждает, будто указанное событие со всеми его последствиями произошло «быть может» именно потому, что не было налицо такого закона против мятежных сборищ, проект какового он, Сиейс, как раз вот и вносит [92].

К счастью для Сиейса и для стоявших за ним социальных слоев, вопрос об их победе не зависел от глубокомыслия старого доктринера и от степени его политической и исторической проницательности.

Глава II

ТЕРМИДОРИАНЦЫ И ПРАВЫЕ ГРУППИРОВКИ

Термидорианцы. Роялисты-эмигранты. Мюскадены

1

Член Конвента Левассер (de la Sarthe), современник и очевидец термидорианской реакции, различает в ней три последовательных периода [1]. Сначала реакция направляется победителями Робеспьера против их личных недругов, но по своим политическим убеждениям эти люди власти еще вполне республиканцы. Затем (когда жирондисты возвращаются в Конвент) власть враждебно поворачивается против всех дел и людей 1793—1794 гг. и против всего этого времени воздвигается гонение. Карают его деятелей, всячески порочат его традиции. Наконец, после этого начинается время, когда усиливается влияние замаскированных приверженцев реставрации Бурбонов и старого режима, целью которых является уничтожение республики, а средством — убийство людей революционного образа мыслей.

Мы должны внести поправку в это построение: зимой и весной 1794—1795 гг. наблюдается одновременное сосуществование всех трех группировок. Тотчас же после одержанной победы в общей массе термидорианцев стали обнаруживаться отдельные группировки.

В той или иной степени, с разными оттенками, не всегда одинаково формулируя свои мысли и настроения, в разные месяцы говоря разное, общая масса термидорианцев, *правых* монтаньяров (в противоположность левым, *всегда* после 9 термидора открещивавшимся от этого названия), стояла на почве защиты интересов собственников против несобственников, буржуазии против неимущей городской бедноты вообще и рабочих в частности; в деревне — за новую, послереволюционную собственническую массу против остатков былого дворянства, мечтавших о восстановлении привилегий и прав на землю, об отнятии конфискованных и распроданных при революции эмигрантских зе-

мель и т. д. Это отделяло термидорианцев как от «якобинцев» (левых монтаньяров, «вершины») — слева, так и от общей массы непримиримых роялистов — справа. Но и собственническая масса в городе и в деревне была пестра и разнообразна по составу, и термидорианцы были не на одно лицо: тут, как всегда, политика в той или иной степени отражала характерные черты экономики. Не всегда возможно точно и доказательно приурочить того или иного термидорианца к определенному слою или прослойке этой собственнической массы, тем более что не один из них, как сказано выше, в разное время выражал разные оттенки политической мысли. Но для непосредственной цели предлагаемого исследования углубляться в эти подробности было бы и излишне: когда эти люди видели перед собой в жерминале и прериале восставшую массу, они действовали с полным единодушием именно потому, что тут дело шло о борьбе имущих против неимущих, точнее — городской буржуазии против рабочих предместий.

Термидорианская группа, низвергшая и казнившая Робеспьера, проделала быструю эволюцию в восемь месяцев, отделяющих термидор от жерминаля. Я тут пока не буду говорить о *левых* термидорианцах, о левых монтаньярах, которые, подобно Камбону или Гужону, приветствовали падение Робеспьера, но довольно скоро — большинство из них уже осенью и в начале зимы 1794 г.— поняли истинное значение того, что произошло, и с отчаянием сообразили, кому они помогли. О них речь будет отдельно, а тут я остановлюсь только на *правых* термидорианцах. Замечу, впрочем, что современники ни *левых*, ни *правых* термидорианцев такими терминами не обозначали и, говоря о Тальене, Фрероне, Бурдоне и т. д., называли их просто термидорианцами (les thermidoriens). Будем следовать этой упрощенной терминологии, имеющей за собой весь престиж исторической давности. Эта группа тоже эволюционировала весьма ускоренно, но все время в одном направлении: слева направо. Нас она интересует такой, какой она была уже перед наступлением жерминальских событий. Приглядимся к руководящим деятелям этой главенствующей в Конвенте группы.

Та их черта, которая больше всего бросалась в глаза и возмущала их жертвы, заключалась в лицемерном негодовании против деятелей и событий эпохи террора, хотя сами они еще накануне не только были в числе этих деятелей и принимали непосредственное участие в этих событиях, но часто проявляли наибольшую беспощадность. И, конечно, Каррье был совершенно логичен, когда, уже видя ясно свою гибель, сознавая, что находится у подножия гильотины, он бросил в лицо термидорианскому Конвенту свои знаменитые слова: «Тут все виновны, все, вплоть до звонка председателя!» [2]

Но указанная группа занимает нас здесь главным образом с точки зрения социальных интересов, которые она представляла. Это — люди, бывшие люди власти, бывшие помощники и соратники Комитета общественного спасения робеспьеровских времен, изменившие Робеспьеру и его уничтожившие. Во главе их стояли Тальен, Фрерон, Бурдон (de l'Oise), Баррас и др. Это именно бывшие, а вовсе не «раскаявшиеся», как их иногда навывали старые историки. На «раскаявшихся» они так же мало походят, как бенгальские тигры на овец. Когда поздней весной и летом 1794 г. они готовились к смертному бою с Робеспьером. когда затем, в первые дни термидора, в ежедневных секретных совещаниях они подсчитывали окончательно свои и вражеские силы и уславливались о точном сроке, удобном для начала сражения, они все знали твердо, что тому, кто проиграет это сражение, останется срока до гильотины от одних до двух суток, но уж никак не больше. Один из монтаньяров, участвовавший в игре против Робеспьера, самый из них честный и очень скоро потом с отвращением отшатнувшийся от термидорианцев, Камбон, недаром написал 8 термидора карандашом на газете (которую он ежедневно, перед 9 термидора, посылал своей матери, чтоб дать ей знать, что он жив): «Завтра либо я буду мертв, либо Робеспьер». Это в строгой точности соответствовало настроениям момента. Люди такого закала, давно привыкшие к ежедневным смертельным опасностям, взявшие на себя инициативу и весь ужасающий риск выступления в дни 8 и 9 термидора, даже и не заикались о своих планах тому «болоту» (т. е. большинству Конвента), которое до последней минуты, казалось, не знало, за кем ему пойти, и которое, окончательно примкнув 9 термидора, уже во время заседания, к заговорщикам, решило гибель Робеспьера. Эта-то группа монтаньярских заговорщиков, уничтожившая Робеспьера и отвергшая потом всю монтаньярскую программу, и была в течение интересующих нас восьми месяцев фактически во главе термидорианского большинства; эти-то люди, со всей неистовой политическою страстью, на какую они были способны, и обрушились на своих прежних товарищей, которых им не удалось сразу отправить на гильотину вместе с Робеспьером, Сен-Жюстом, Кутоном и другими, казненными 10 термидора, на другой же день после навеки памятного во всемирной истории заседания. Дерзание, всегдашняя готовность к тому, чтобы убить или быть убитым, отличают всю эту группу. Даже Фуше в этом смысле не составляет исключения. Впрочем, Фуше сейчас же после 9 термидора отошел от этой группы. Но если решительность, боевой темперамент отличают почти всех участников этой группы, то по другим своим моральным качествам они были, разумеется, далеко не равнозначащи. Ровер и Бурдон (de l'Oise) были способны реши-

тельно на все, у Тальена, у Лежандра изредка прорывалось нечто похожее на сознание некоторой неловкости, некоторые как бы воспоминания о собственном прошлом; то же бывало и у Фрерона, но он стремился заглушить это чувство потоком слов в Конвенте, неистовыми ругательствами в своей газете, бешеной агитацией среди им же организованной «золотой молодежи», о которой речь будет ниже и которую он направлял на избиение якобинцев. Были между ними и другие индивидуальные отличия. Тальен жаждал и достиг материальных благ, наслаждений, большого места на жизненном пиру. Фуше искал богатства и власти и обрел (не в 1794—1795 гг., а позже) миллионы, дворцы, золоченный, осыпанный звездами мундир наполеоновского министра полиции, герцогский титул; но Фрерон, тоже всего этого желавший, достиг к концу своей жизненной карьеры только чиновничьего местечка в заморской колонии, куда его послал тот же Наполеон, а Бурдон (de l'Oise), еще более низменный и своекорыстный, дождался лишь смерти от гнилостной лихорадки в нищей хижине в Гвиане, где он прозябал в качестве ссыльнопоселенца. Не все они умели ждать, предвидеть, не у всех были одинаковые умственные способности.

Но в тот период, которым мы занимаемся,— между термидором и жерминалем, между жерминалем и прериалем,— этих людей объединяла тесная круговая порука. Не только их надежды на будущее, но и непосредственное решение вопроса об их жизни и смерти зависело от того, удастся ли им побороть две опасности: с одной стороны, всегда возможную, всегда ими ожидавшуюся контратаку монтаньяров, а с другой — восстановление легитимной монархии, возвращение Бурбонов. В первом случае они, ненавистные ренегаты, изменники, беспощадные гонители своих вчерашних товарищей, разумеется, будут истреблены в первую голову не только недобитыми приверженцами Робеспьера, но и некоторыми из тех, кто 8 и 9 термидора по недоразумению помогал им его низвергнуть, например, сурово-честным Камбоном и другими людьми того же типа. Во втором случае их тоже ждет неминуемая гибель: чтобы выяснить их психологию в этом отношении, достаточно напомнить, хотя бы в двух словах, о том, что говорилось и делалось в эмиграции в 1794—1795 гг. Эмигранты безнадежно *ничего* не хотели понимать в происходившем. Я говорю не об исключении, не о Малледю-Пане, неглупом человеке, которого ближайшее потомство склонно было иной раз производить чуть не в гении только потому, что окружавшие его соратники обнаруживали, в самом деле, совсем уже неслыханную тупость. Эмигрантская масса в общем была убеждена, что революцию создали изменник и гугенот Неккер, изменник Филипп Орлеанский; что если бы не беспредельная доброта и мягкость Людовика XVI, то все можно было бы своевре

менно уладить; что страна устала от революции и тайно жаждет приезда Бурбонов; что нужно будет впредь обращаться с народом по-отечески, но со строгостью, а главное — покарать лиц, участвовавших в революции, и в первую голову цареубийц (les régicides), т. е. всех членов Конвента, голосовавших в январе 1793 г. за смерть короля; что же касается конституции, то вполне достаточно будет восстановить, с кое-какими частичными поправками, то государственное устройство, которое существовало до 1789 г. Другими словами: всю главенствующую группу термидорианских победителей ждала, в случае реставрации, немедленная смерть. Для них знаменитая формула: «ни анархия, ни монархия — ни якобинцы, ни роялисты» — диктовалась повелительным голосом непосредственного самосохранения.

Что «правая сторона» смотрела на ренегатов-монтаньяров как на временное орудие, которое она рассчитывала сломать немедленно после победы,— мы знаем из многих показаний [3]. Но «правая сторона» слишком торопилась и очень уж ускоряла все сроки. За Тальенами и Фреронами стояла в тот момент несравненно бо́льшая социально-экономическая сила, чем за роялистами, и еще много воды — и крови — должно было утечь до реставрации Бурбонов, о которой так уверенно говорилось в Лондоне и в Вене, в Кобленце и в Вероне в 1795 г.

Уже после 9 термидора обозначилась та «система маятника», *или* «качелей», которая потом, при Директории, сделалась основной осью всей внутренней политики правительственной власти: то преследовали роялистов, то гнали «якобинцев», то сажали в тюрьмы и тех и других. Старый монтаньяр Бодо прав, когда он утверждает в своих записках, что эта политика уничтожала во всех лагерях именно наиболее сильных и мужественных людей [4].

Среди руководящих термидорианцев, как сказано, были люди с сильным характером, с волей и дерзанием. Ослабляла личную их позицию та вполне заслуженная репутация алчности, своекорыстия, взяточничества, сибаритства, продажности и предательства, которая справедливо связывалась с их именами. Захватив власть после 9 термидора, они оказались в таком положении: с одной стороны, чтобы держаться, чтобы стать под попутный ветер, им *нужно* было преследовать, обвинять, арестовывать, отдавать под суд, ссылать, громить с трибуны Конвента, чернить в печати и гильотинировать многих из тех, кто в эпоху 1794—1795 гг. проводил и выполнял политику тогдашнего Комитета общественного спасения и тогдашнего большинства; с другой стороны, им (Тальену, Баррасу, Фрерону, Роверу и др.) *непременно* нужно было *самим* стоять во главе преследователей, так как всякий другой непременно привлек бы их самих к ответственности [5]. Ведь всего за несколько месяцев, если не не-

дель, перед 9 термидора именно эти вожди термидорианской реакции действовали так, что самому Робеспьеру становилось жутко, тем более что он сильно (и основательно) подозревал их в подкупности, в грабеже виновных и невинных, живых и мертвых.

Робер Лендэ совершенно логично указывал Конвенту, что нелепо и непоследовательно сваливать все на покойного Робеспьера. Признать, что Конвент был против всех законов, против всех мер, которые он вотировал и издавал в течение ряда лет якобы исключительно из рабского страха перед Робеспьером, значило бы расписаться в собственной трусости и в полном своем ничтожестве [6]. Все обвиняемые деятели дотермидорианской эпохи — Каррье, Фукье-Тенвиль, Колло д'Эрбуа —говорили то же самое: если они виновны, то виновен и сам Конвент, если Конвент невинен, то невинны и они. Когда английского короля Карла I принудили подписать bill of attainder, отправлявший на эшафот лорда Стаффорда, король плакал слезами ярости, и семь лет спустя, перед собственной своей казнью, каялся как в большом грехе в том, что согласился казнить человека, с которым разделял полную ответственность за все содеянное. Конвентское большинство после 9 термидора было чуждо таким сентиментальностям: оно рубило головы тем, кто был повинен только в исполнении декретов и предначертаний того же самого большинства перед 9 термидора, и проделывало эту операцию «без борьбы, без думы роковой», сохраняя полную безмятежность. Люди, которые Робеспьера отталкивали своей неистовой жестокостью, не гнушались делать из террора орудие собственного обогащения, те же люди больше всего и настаивали на беспощадности к побежденным монтаньярам, якобинцам, в Конвенте и вне Конвента, в Париже и в провинции.

Я не считаю уместным давать в этом специальном исследовании подробные характеристики всех руководящих деятелей данной эпохи. Но нужно, однако, сказать хоть несколько слов о некоторых из них, чтобы дать читателю более ясное представление о правящем лагере времен жерминаля и прериаля.

Тальен своей фальшивостью, дерзостью, способностью легко приходить в бешенство, мстительностью наводил страх на своих товарищей и часто держал в руках термидорианский Конвент. Робеспьер его явно презирал да и не мог не знать скандального его поведения в Бордо, где он, в годину лютого недостатка припасов, кутил с Терезой Кабаррюс (на которой впоследствии женился), разъежал в карете, окружал себя вызывающей роскошью. Все знали, что он берет взятки с подсудимых, что люди, жертвуя состоянием, откупаются от гильотины, что за деньги же в Бордо выдаются любые паспорта и т. д. Арестовав в одну ночь (30 ноября 1793 г.) более двухсот крупных бордоских

купцов, Тальен доносил в Париж, что «гильотина и большие штрафы» произведут чистку среди купечества, искоренят спекулянтов и скупщиков [7], впоследствии, однако, оказывалось, что на гильотину при Тальене отправлялись большей частью те, у кого не было денег, чтобы от нее избавиться; из штрафов, наложенных на бордоское купечество, 1 325 000 франков было ассигновано на постройку госпиталя, но его даже и *не начали* строить, и сумма исчезла бесследно. Таких эпизодов в биографии Тальена до 9 термидора насчитывалось немало. Он был так омерзителен Робеспьеру, что тот формально воспротивился (1 жерминаля II года, т. е. 21 марта 1794 г.) напечатанию речи Тальена, хотя она была затем только и сказана, чтобы польстить Робеспьеру. Гроза явственно собиралась над головой Тальена. Жена его была арестована, и Робеспьер уже не скрывал, что идет на него походом: всякий раз, говоря о грабежах (rapines) и грабителях, он прежде всего имел в виду Тальена, хотя под угрозой по тому же поводу находились и Фрерон, и Бурдон (de l'Oise), и Ровер, и Фуше, и Баррас, и целый ряд других, помельче.

Но почти все эти приобретатели, грабители и взяточники умели пользоваться благоприятным стечением обстоятельств, умели бороться за свою жизнь. Они сожгли за собой корабли — грянуло 9 термидора. Тальен вышел из опасного боя в ореоле чуть ли не главного победителя. Для него наступили золотые времена быстрого обогащения, роскоши, которая не чета была прежней, бордоской, наступили времена взяток, перед которыми померкли его былые вымогательства. Еще не существовавшая легально, но реально уже могущественная биржа, спекуляция, ажиотаж, скупка — все это нашло в лице Тальена своего непосредственного защитника и покровителя. Недаром Дюэм публично бросил ему в лицо обвинение в том, что он делает дело финансистов и банкиров, группирующихся возле биржи, вокруг тестя Тальена, банкира Кабаррюса [8]. Для той кучки левых монтаньяров, к которой принадлежал Дюэм и которую ждала в близком будущем либо гильотина, либо Гвиана, либо долгая тюрьма, была ясна тесная связь между финансовыми кругами, между *новой* возродившейся и *переродившейся* буржуазией и той безудержной реакцией, которая царила в Конвенте. Заметим, кстати, что из всех термидорианцев руководящей группы Тальен чаще всего подозревался в то время в близости к роялистским заговорщикам. Но на самом деле такого политического сближения не произошло.

Правда, жена Тальена была в душе роялисткой и хотела чтобы роялисты посещали ее салон, но суть дела была, разумеется, не в этом; вся термидорианская группа, представлявшая разные слои собственнической Франции, новой ее буржуазии

сначала, конечно, полагала, что для защиты ее социально-экономических интересов возможнее и полезнее в данный момент сблизиться с роялистами, чем с «якобинцами». Но для такого сближения было необходимо, чтобы и роялисты заговорили не в тоне Полиньяка или претендента графа Прованского, или графа Артуа, а хотя бы в тоне Малле дю Пана, чтобы они отрешились от жажды мести, от требования виселицы для «цареубийц», от защиты навеки погибших феодальных интересов и т. д., словом, чтобы, говоря о троне, они имели в виду трон вроде будущего наполеоновского или конституционного, по образцу 1791 г., а не совершенно уже невозможный дореволюционный «прародительский» престол. Но роялисты оказались не способны на такую эволюцию. Дело свелось к личным связям, балам, обедам, кутежам [9].

Сложнее Тальена был другой влиятельный вожак термидорианцев, Фрерон. В нем — или, точнее, в авторе статей его газеты в 1794—1795 гг.— мы видим, с одной стороны, идеолога борьбы собственников против неимущих, с другой — то явного покровителя и друга городской спекулянтской буржуазии, то защитника городской потребительской массы против алчности и грабительства земельных собственников, то защитника этих самых земельных собственников против фермеров и т. д. Начал он (после 9 термидора) с добродетельного и чувствительного негодования па террор и террористов. А между тем Шудье, честный, непреклонный, неукротимый монтаньяр, сам убежденный революционный боец, так много сделавший для усмирения восстания в Вандее, все же с отвращением говорит о неистовствах Фрерона в Тулоне и Марселе, о расстрелах по 800 человек, о бессмысленных разрушениях исторических памятников, домов, церквей [10]. Но все это было до 9 термидора; и все это самому себе простил, но никому другому не желал простить Фрерон *после* 9 термидора.

Цинизм этих людей был таков, что вчерашние их товарищи, которых они теперь так яростно толкали на гильотину, просто не могли прийти в себя от удивления. По словам одного из переживших это время сурово-честных и чистых монтаньяров (Бодо), нужно было *самому* быть свидетелем, чтобы поверить в возможность такой наглости, какую, например, обнаружил Фрерон, «весь покрытый проказой преступлений» и в то же время обдуманно и хладнокровно отправлявший в эпоху реакции на эшафот заведомо благородных и убежденных людей [11].

Фрерон отступился от Робеспьера, как он делал все и всегда в своей жизни, движимый, конечно, исключительно своекорыстными мотивами. Его новейший биограф, Рауль Арно, использовавший обильный изданный и неизданный материал, даже вчитавшийся в него и все же умудрившийся написать несерьезную

и почти бесполезную для историка книгу, выдумал, чтобы сделать своего героя несколько симпатичнее, будто Фрерон мстил Робеспьеру за казнь Люсили Демулен, в которую он, Фрерон, в свое время был влюблен [12]. В том нестерпимом (в смысле безвкусия) тоне, к которому в последние годы приучили публику так называемые «романизованные биографии», где быль сознательно и преднамеренно смешивается с небылицей, Арно повествует о разных душевных переживаниях Фрерона (выдуманных от начала до конца), но сравнительно мало останавливается на поведении Фрерона в период термидорианской реакции. Он совсем не выясняет его роли в деле организации и подстрекательства мюскаденов; не останавливается и на том любопытном факте, что Фрерона особенно ненавидели в парижском народе, той ненавистью, какую обыкновенно питают к ренегатам [13]. Все знали, что он во время террора совершал (в Тулоне) такие деяния, каких никто из самых ярых врагов не приписывал (и не смел приписать) Робеспьеру, и знали, что тот же Фрерон не только участвовал в заговоре, приведшем к 9 термидора, но спустя неделю официально внес в Конвент бессмысленное и явно невыполнимое предложение: разрушить и смести с лица земли здание Парижской ратуши, осмелившейся в ночь на 10 термидора стоять на стороне Робеспьера. Знали, что этот человек, во время террора чуть ли не превзошедший всех других своей беспощадностью, имел дерзость, после 9 термидора, постоянно требовать в своей газете казни бывших террористов и вел против них неистовую травлю. Знали, наконец, что он был одним из тех, которые погубили Робеспьера не затем, чтобы прекратить террор (как он и его друзья пытались впоследствии представить), а затем, чтобы лично избавиться от весьма настойчивых и грозных обвинений в лихоимстве, вымогательстве и казнокрадстве. Он был из числа тех, кому в характере Робеспьера не нравилась и казалась опасною лишь одна черта: вражда к казнокрадам и взяточникам.

Как было уже упомянуто, газета Фрерона в разное время оказывала покровительство интересам разных собственнических групп, интересам, не всегда совпадавшим, чем и объясняются противоречия, нередко встречающиеся в этой газете. Фрерона, как только что сказано, нисколько не беспокоили воспоминания о собственном недавнем прошлом. Но, в частности, он мог бы, пожалуй, утверждать, что если при режиме 1793—1794 гг. его газета преследовала «коммерсантов и богатых», если там можно было в те годы прочесть изречение: «где много крупных коммерсантов, там много мошенников», если он ненавидел тогда негоциантов и весь их класс, «негоциантизм» [14], то в 1795 г. он, при случае, не прочь был рядиться в тогу защитника потребительской массы против алчности купцов и поставщиков пред-

метов потребления, не прочь был громить земельных собственков и т. д. Конечно, все это нисколько не мешало тому объективному факту, что Фрерон и своей газетой, и своими речами, и своими мюскаденами помогал в первую очередь именно крупноденежной буржуазии, все более усиливавшейся.

Газета Фрерона иногда настойчиво отделяет земельных собственников от арендаторов, фермеров, против которых она мечет громы и молнии, указывая, что именно они, заключавшие договоры с собственниками, когда ассигнации еще не были обесценены, ныне бросают этим собственникам жалкие подачки (в ничего не стоящих ассигнациях), а сами являются подлинными помещиками, спекулируют на повышении цен, искусственно удерживают у себя продукты и т. д. Не нужно удивляться поэтому, когда в печати того времени собственники оказываются в числе страдающих элементов. Нечего и говорить, что речь в таких случаях идет только о тех из них, которые, на свою беду, сдали свои земли в аренду [15].

После прериальских событий Фрерон и другие идеологи режима откровенно заговорили о классовой вражде между собственниками и несобственниками [16]. Под первыми они понимали как деревенскую, так и городскую буржуазию: землевладельцев, которых Фрерон называет земледельцами (les cultivateurs), и купцов (les négociants). Как известно, в то время под этим последним названием часто подразумевались также и владельцы промышленных предприятий. Из противопоставляемых собственническому классу несобственников Фрерон упоминает безземельных (les hommes sans terres) и рабочих (les ouvriers). Встречается у него также и сбивчивый, неопределенный термин: les hommes sans industrie, обозначающий, по-видимому, людей, не имеющих определенного занятия. Проискам этих-то людей «без земли» и «без занятий» Фрерон приписывает «ужасающее разделение» и вражду между собственниками и рабочими, возникшие, по его мнению, «в конце 1792 г.» (т. е. при созыве Конвента). Если бы Конвент был собранием собственников, он бы никогда не потерпел, чтобы сто тысяч землевладельцев во всей Франции были засажены в тюрьму. Эта теория искусственности и «ненормальности» существования классовой борьбы очень характерна не для одного Фрерона и не для одного XVIII в. Но для нас тут интересно только отметить, что Фрерон именно последствиями этой борьбы хотел объяснить рабочему отсутствие хлеба и хроническую голодовку 1795 г. [17]

Тем не менее с середины 1795 г. он побаивался повторения прериальских событий. Еще под живым их впечатлением он писал об алчности землевладельцев и предлагал различные меры борьбы с ней. Почему бы, например, не воскресить таксацию зерновых продуктов, установив для них умеренную цену, на-

пример полуторную по сравнению с ценой, существовавшей до 1789 г.? Почему бы не требовать уплаты налога на землю натурой, т. е. в зерне, опять-таки по установленной декретом расценке? Словом, Фрерон стремится поставить землевладельца в такое положение, при котором пришлось бы весь или почти весь хлеб вынести на рынок [18].

Раздражение против деревни, не дающей достаточно хлеба и саботирующей все усилия властей, не перестает сказываться в газете Фрерона. «Какому классу граждан революция благоприятствовала больше, чем классу крестьян-собственников?» — вопрошает одна статья (4 мессидора). «И какой класс оказался и оказывается наиболее неблагодарным по отношению к революции?» За последние три года крестьяне сплошь да рядом удваивали свое состояние; многие из них получают громадные барыши, а жертвовать ничем не желают [19].

Фрерон прямо взывает к властям, требуя у них репрессий против спекулянтов и мер для обеспечения урожая за потребителями, так как иначе ими завладеют «алчность и скупость», т. е., иными словами, собственники, с одной стороны, заломят высокую цену за хлеб, а с другой стороны, и вообще не выпустят его на рынок. Та же статья указывает на мошеннические проделки булочников с мукой, отпускаемой им из казенных складов для продовольствия столичного населения [20]. А два дня спустя оказывается, что земельный собственник — тоже жертва, главное же зло в городских перекупщиках и спекулянтах.

Деревенский собственник, землевладелец, враждебно относится к горожанину. И Фрерон выступает на защиту голодающего городского потребителя против «скандально» богатеющего землевладельца. Это опять-таки не мешает ему тут же выступить на защиту земельного собственника против городского спекулянта, который путем всяких махинаций усиливает свой золотой запас и за счет разоряемого землевладельца и за счет обираемого городского потребителя [21].

Очень показательны также для социально-экономической подоплеки термидорианских настроений мысли, высказываемые газетой Фрерона (летом 1795 г.) по вопросу о деревенских земледельческих рабочих. В своей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» * я отметил стремление землевладельцев (и властей) воспользоваться таксацией заработной платы, чтобы заполучить, в принудительном порядке, дешевый батрацкий труд. Теперь, т. е. летом 1795 г., максимум давно отменен; на все лады восхваляется и поощряется принцип свободы торговли, свободы частных сделок и т. п., и в то же самое время Фрерон печатает в своей газете следующее «письмо в редакцию»: зем-

* См. наст. изд., т. II.— *Ред.*

левладельцы нуждаются в рабочих руках, а рабочие, сознавая, что они необходимы, загордились, ставят свои условия и предъявляют слишком высокие требования, поэтому предлагается проект декрета, по которому все население, способное «работать по сбору урожая» (кроме армии и лиц, выполняющих общественные функции), подлежит реквизиции [22].

Близкий товарищ и соратник Фрерона, Баррас, был много умнее и осторожнее. Идеология, публицистика, полемика и тому подобное интересовали его крайне мало. Действовал он вместе с Фрероном в 1793—1794 гг., вместе с ним старался выслужиться перед Робеспьером, но обоим им Робеспьер не верил и обоих презирал. Путешествуя однажды вместе с Фрероном, Баррас «потерял» как-то 800 тысяч ливров казенных денег, причем, в ответ на запрос по этому делу, оба объяснили, что их карета по несчастной случайности опрокинулась в болото, где потонул безвозвратно портфель с казенными деньгами. Только они двое и были свидетелями этого прискорбного исчезновения. После усмирения Тулона Баррас вывез оттуда в свое имение целые возы всякого рода драгоценной клади. 9 термидора спасло его от близкой гильотины наравне с Фрероном, Тальеном, Фуше, Бурдоном и другими хищниками, помельче. Но после 9 термидора Баррас, уже обладавший к тому времени значительным состоянием, занял несколько выжидательную позицию. Его роскошная жизнь, пиры, любовные похождения, близкие отношения с воротилами спекуляции — все это развернулось особенно пышно уже в эпоху Директории, когда он стал фактически правителем Франции; но и в зиму 1794/95 г. на него уже многие смотрели с презрением как на крупнейшего казнокрада и циника, как на богача, нагло швырявшего наворованными деньгами, в то время как вокруг люди умирали от голода. Но Баррас по крайней мере активно не толкал недавних товарищей на гильотину, как это делали Фрероны, Бурдоны, Тальены, Роверы.

Что должны были чувствовать затравленные монтаньяры, видя, что одним из самых жестоких их гонителей, одним из самых ярых реакционеров является тот самый Ровер, который в эпоху террора прославился своими неистовствами и который, по собственному признанию, подольщался в свое время к Кутону, лаская любимую собачку могущественного члена Комитета общественного спасения [23].

Ровер (маркиз Ровер де Фонвьель), ударившийся в революцию, когда это ему показалось выгодным; человек, которого даже термидорианец Дюбуа-Крансе называет «самым отвратительным чудовищем, какое породила революция» [24], стал деятельным орудием крайней реакции в 1794—1795 гг. и особенно весной 1795 г. Его тогда уже подозревали не только в связях с роялистами, но и в тайных сношениях с англичанами [25]. Это

нисколько не помешало ему быть избранным в разгар прериальских казней (15 прериаля III года) в Комитет безопасности и получить тогда же чин бригадного генерала. Еще раньше он состоял членом того же комитета, как раз с 15 нивоза по 15 флореаля (с 4 января по 4 мая 1795 г.), и, таким образом, непосредственно участвовал в ликвидации жерминальского восстания. И в жерминале и в прериале восставшие нашли в нем беспощадного и опасного врага. Именно он образовал в то время в Париже обширную шпионскую сеть.

Когда дальше у меня речь будет идти о преследованиях и казнях, читатель неоднократно встретится также с именем Бурдона. Этот Бурдон (Франсуа Бурдон, депутат от департамента Уазы, называвшийся, в отличие от своего однофамильца Леонара, Bourdon de l'Oise, а в просторечии Бурдоном Рыжим, Bourdon le Roux) был человеком, которого презирали все партии, правильно считавшие его предателем и переметной сумой по природе. Одаренный зычным голосом, подвижностью, отсутствием какой бы то ни было брезгливости и бесспорно боевым темпераментом, Бурдон сначала делал революционную карьеру; много и часто пьянствуя, он, под пьяную руку, невольно обнаруживал всю грубость и жестокость своей природы; Робеспьер имел, между прочим, сведения, что в Вандее, не довольствуясь казнями, во время пьяных оргий Бурдон собственноручно убивал людей. Победи Робеспьер 8—9 термидора, Бурдон несомненно и немедленно отправился бы на гильотину. Не называя его по имени, Робеспьер тем не менее определенно причислял его к людям, «упившимся кровью и грабежом» (gorgés de sang et de rapines). Бурдон это знал и 9 термидора решительно выступил против Робеспьера. После 9 термидора он отличался в Конвенте неистовой, неукротимой злобой против якобинцев, преследовал руганью и доносами своих недавних товарищей монтаньяров и всегда стоял за самые крутые меры против них. Хотя сам он любил прикидываться человеком, режущим правду в глаза и за это преследуемым клеветою [26], в искренность его никто не верил ни тогда, когда он деятельно участвовал в терроре, направляемом монтаньярами, ни тогда, когда он принял еще более деятельное участие в терроре, направленном против монтаньяров. Как и Ровер, как и Фрерон, Бурдон был шакалом, выходящим на поле битвы, когда победа уже решена, ищущим пищи и добычи на арене побоища. Но у Фрерона и у Ровера была и более одаренная голова и более живая, еще более боевая натура.

На первые роли Бурдон не годился. Но следить, доносить, выискивать тайные и явные, прошлые и настоящие грехи, поставлять жертвы гильотине, чернить и оскорблять людей, у которых завязан рот,— все это он умел делать и делал постоянно и непрерывно.

Эмигранты отлично знали его прошлое и презирали его как человека, всегда льстившего Робеспьеру, пока тот был в силе [27]. Знали его и термидорианцы, уцелевшие монтаньяры конвентской «вершины».

Гораздо крупнее других был Мерлен (de Thionville), умный, вполне бесстрашный, энергичный, находчивый и беспринципный человек, разумеется, более деловой, чем какой-нибудь Фрерон, и более осторожный, чем Бурдон или Ровер. Реакцию 1794—1795 гг. он тоже хотел сделать кровавой и беспощадной, такой, чтобы гильотина работала без больших перебоев. Жил он в это время в княжеском дворце, держал кареты не только для себя, но и для всех своих любовниц, затевал в собственных парках охоты на оленей, все у него было поставлено на широкую ногу. «Это был новый князь, возникший из демократического вихря»,— пишет о нем современник. И этот-то «новый князь» публично осмеливался называть «мошенниками» монтаньяров, едва ли не единственных в то время членов Конвента, голодавших в эти бедственные времена не хуже рабочих Антуанского предместья [28].

Сравнительно с только что охарактеризованными людьми гораздо пристойнее вел себя в зиму 1794/95 г. Лежандр. Для него побежденные монтаньяры все же не враги, а противники: он отдает должное их великим заслугам перед революцией, напоминает бесстрашную борьбу этих «пламенных сердец» и «горячих голов» в те дни, когда надо было низвергнуть трон,— все дело в том, думает он, что эти люди стали непригодны, когда понадобилось строить новое на развалинах старого [29].

Такова была формула Лежандра, вежливая, но все же выбрасывающая из политической жизни сиротливую кучку «вершины». Повторяю, говоря об этих людях, Лежандр, по крайней мере иногда, не забывал, что они еще накануне были его товарищами.

Второй группой, входившей в состав большинства термидорианского Конвента, были возвращенные после падения Робеспьера 73 жирондиста и примыкавшие к ним депутаты, изгнанные из Конвента народным восстанием 31 мая 1793 г. Далеко не все из них дожили до смерти Робеспьера. Многие были казнены в 1793 г., другие покончили самоубийством, третьи не выдержали долгих скитаний, трудностей нелегального положения и тяжких лишений. Уцелевшие и вернувшиеся осенью 1794 г. в Конвент были по составу и природе столь же неодинаковы, как главенствовавшая группа монтаньярских ренегатов. Меньшинство этих возвращенных жирондистов, во главе с Луве и Ланжюине, тоже, с одной стороны, не желало восстановления монархии, с другой — не хотело воскрешения революционного террора; но у них все же сохранились кое-какие старые пред-

ставления о гранях политической борьбы и ненависти; они, например, не решались объявлять монтаньяров вне закона и отправлять их на эшафот с такой легкостью, как склонен был это делать вчерашний монтаньяр Франсуа Бурдон, или призывать к избиению встреченных на улице якобинцев, как это делал бывший террорист Фрерон. Однако, повторяю, среди возвращенных в Конвент жирондистов Луве и Ланжюине выражали настроения сходившего на нет ничтожного меньшинства; большинство же этой группы было полно жажды мести за перенесенные испытания, за казнь товарищей, за долгие гонения и, быть может, больше всего за то, что монтаньяры, весной 1793 г., согнали их с исторической арены. Своей былой контрреволюционной роли они признать не желали до конца. «31 мая» не сходило с их уст. Многие из них, сами иногда в том не признаваясь, все больше и больше приближались к монархистам. А иные просто стали монархистами. Для них или, по крайней мере, для многих из них возможность восстановления Бурбонов не была чревата столь непосредственными, личными опасностями, как для упомянутой группы монтаньярских ренегатов. Но их смущала и раздражала нелепая повадка эмигрантов, нежелание этих последних отказаться от каких бы то ни было старых претензий, упорное — до курьеза — нежелание понять, что старый строй и старый быт в главном своем содержании провалились бесповоротно. Жирондисты, сколько-нибудь еще способные к политическому мышлению, даже при желании сблизиться с монархистами, с каждым месяцем все больше убеждались, что это невозможно, что всякий, кто пойдет на такое сближение, безнадежно погибший человек. Понимал это и умеренный, смиренно и безгласно сидевший в конвентском «болоте» до самого 9 термидора и выдвинувшийся лишь теперь, зимой 1794/95 г., Буасси д'Англа, в свое время униженно льстивший Робеспьеру, а ныне громивший всех уцелевших монтаньяров. Осторожный, сдержанный, усиленно готовивший себя к почетным нейтральным или центральным ролям, Буасси д'Англа был, по сравнению с правыми термидорианцами, менее замаранным человеком, хотя, впрочем, и его обвиняли в сибаритстве, в роскошном образе жизни среди всеобщего голода [30]. Но в нем все же было меньше азартной ненависти, не было той лютой злобы, характерной для подлинных ренегатов, вроде Фрерона. Его никогда не считали завзятым грабителем казны, как, скажем, Барраса, Ровера и других. Конечно, близко стоя к делу сближения Парижа, он не мог не знать о проделках спекулянтов, о том, что на этом деле, в частности на поставках хлеба и риса, ежедневно наживаются разные темные дельцы. И мы тщетно стали бы искать в его речах и выступлениях следов борьбы с этими спекулянтами.

Замечу, что Баррас в довольно ясных выражениях обвиняет Буасси д'Англа в продажности. Указывая, что накануне 12 жерминаля в столице оказалось мало муки — и к тому же она была попорченная,— Баррас сначала говорит о каком-то «патроне» спекулянтов, которому платили за покровительство, и вслед за тем упоминает о Буасси, «небрежности» которого приписывает эту беду с продовольствием. Все это в мемуарах Барраса так построено, что мысль автора вполне ясна [31]. Как ни мало доверия внушает личность обвинителя, в самом обвинении нет ничего невозможного. Волей судеб Буасси д'Англа попал после 1 прериаля в герои; картина, где он изображен кланяющимся отрубленной голове Феро, уже в начале 30-х годов обошла в лубочных воспроизведениях всю Францию, а слухи о попорченной муке как-то замерли.

Имя Буасси д'Англа вводит нас вместе с тем в ту область политической жизни, которую ни на минуту нельзя упускать из виду при анализе двух весенних восстаний 1795 г. Я говорю об обстановке внешнеполитической.

Был у термидорианского Конвента еще один могучий якорь, на котором он держался. Голос революционной Франции все более властно и грозно звучал в международной политике. Правда, термидорианцы главным образом пожинали то, что сеяли не они, а те, кто стоял у руля до 9 термидора; но, как бы то ни было, победа над монархической Европой начала реально выявляться в мирных договорах именно зимой и весной 1794—1795 гг. Герцог тосканский просил мира; король прусский просил мира; император австрийский мечтал о мире и страшился продолжения борьбы. Монархи, так уверенно и высокомерно выступившие против революции в 1792 г., один за другим складывали или готовились сложить оружие. Армия санкюлотов, оборванцы, не умевшие маршировать, двадцатисемилетние генералы били и били старинные дворянские полки, били титулованных фельдмаршалов, били «печатавших носком» на парадных маршах королевских и императорских гренадер, красу берлинских и венских парадов. Это еще не был полный, страшный разгром дворянской, полуфеодальной Европы: человек, которому выпала историческая судьба продолжить и довершить этот разгром, еще ждал своего близкого часа. Но уже разыгрывался как бы пролог к наполеоновской эпопее, победоносно занимались исходные пункты для дальнейших движений. Рейнская граница была завоевана, Голландия фактически подчинена. Испания трепетала. Пьемонт со страхом ждал решения своей участи. Термидорианцы поздней осенью 1794 г. и весной 1795 г. с готовностью шли на мир,— и это тоже усиливало их позицию и внутри страны и вне ее. Ведь все это было так неожиданно! Ведь

еще так недавно Франция совсем была снята со счетов, еще вчера, можно сказать, ей прочили участь Польши,— и вдруг она не только вернулась на историческую арену, но и вернулась на то место, которого не занимала уже сто лет, со времен Людовика XIV. Мало того, в Италии, в Германии, в непримиримой Англии, всюду французские победы с ликованием встречались всеми передовыми элементами буржуазного общества, потому что для Европы эти победы, одерживаемые под республиканским знаменем, при звуках революционной Марсельезы, были не победами термидорианской реакции, а торжеством освободительных принципов Декларации прав, продолжением дела, начатого под стенами Бастилии 14 июля 1789 г. С тем умом и тактом, которые отличали французскую дипломатию в течение всего революционного периода вообще, термидорианцы тотчас же сообразили, как им выгоднее всего себя держать. Отправляя в тюрьмы и на эшафот людей, вынесших на себе революцию, попустительствуя избиениям якобинцев в провинциальных тюрьмах — в Лионе, Марселе, Ниме и вообще, где придется, они в то же время нисколько не понижали гордого революционного тона в сношениях с растерявшейся, полуразбитой, смущенной и удивленной монархической Европой. Они еще не говорили — да и не могли говорить — с нею так, как заговорил несколько лет спустя Наполеон, но и в их голосе уже звучал тон победителей, согласных, по своей умеренности и по чувству справедливости, *даровать* врагам мир.

Буасси д'Англа демонстративно использовал это положение. В ответ на речь Питта 30 января (11 плювиоза) 1795 г. он произнес большую речь о внешней политике Франции. Сверху вниз, как победитель к побежденному, обращается он к готовой мириться Пруссии, первой великой державе, решившей, что революционную Францию нельзя сломить, что нужно ее признать и так или иначе наладить с «цареубийцами» добрососедские отношения [32]. Для оратора важно вовлечь Пруссию во французскую орбиту, изолировать Россию. Он напоминает Пруссии, что русские батальоны не так давно (в Семилетнюю войну) уже стояли в Берлине: «Если бы не непредвиденный каприз Петра III, самое название прусской державы было бы уничтожено». Он советует Пруссии опасаться честолюбия Екатерины, которая, расточая пустые обещания французским эмигрантам, успела втравить немецких государей в тяжкую войну против Французской республики, чтобы тем временем завладеть Польшей и «открыть себе ворота в Германию». «Можно с основанием сказать,— добавляет Буасси д'Англа,— что Русская империя — колосс на глиняных ногах»; что в России «порча предшествовала зрелости»; что рабство, существующее в этой стране, «лишает ее силу всякой прочности»; что при всей своей

внешней роскоши Россия бедна, при всей своей обширности — в значительной мере пустынна, что, расширяясь, она ускоряет час своего распадения, «каждым новым своим завоеванием приближает свою гибель» [33], и, однако, положение Пруссии опасно: «раньше, чем погибнуть, этот гигант раздавит вас». России оратор противопоставляет Францию и приглашает пруссаков оценить усилия французского правительства, которое «разбило эшафоты», подавило внутренние волнения, «открыло двери тюрем», «отомстило за невинную кровь», казнило «министра террора», вернуло торговле свободу, земледелию — спокойствие...

Так термидорианцы хотели использовать казнь Робеспьера и отмену закона о максимуме, между прочим, и для внешнеполитических целей.

В настроениях собственнических классов весной 1795 г. (и именно тогда, когда частичная победа республики над коалицией привела к замирению с Пруссией и Голландией) проскальзывает один любопытный мотив: некоторым идеологам этих классов представлялось, по-видимому, что немедленно по окончательном заключении мира с внешним врагом можно будет приняться за расправу с якобинцами и жестоко покарать их за прошлое [34]. Конечно, так мыслили далеко не все представители социальной и политической реакции. Крайние роялисты (с графом д'Артуа во главе) и вообще большинство эмигрантов возлагали главное свое упование на продолжение войны коалиции против Франции. Малле дю Пан тщетно старался раскрыть им глаза на невозможность дальше основывать свои надежды на внешней войне: тщетно указывал, что союзников (т. е. антиреволюционную европейскую коалицию) во Франции «все» ненавидят и что все партии смотрят на иностранцев «не как на врагов революции, но как на врагов Франции». Именно тогда, когда он пытался все это внушить претенденту, роялисты готовились к своей безумной авантюре — высадке на Кибероне [35].

Одним из ходячих аргументов у роялистских агитаторов было утверждение, что иностранные державы, особенно Англия, ни за что не заключат мира с республиканским правительством, но будут воевать до тех пор, пока во Франции не воцарится король [36]. Этот аргумент пускался в ход долго, вплоть до Кампо-Формио и даже до Консульства. Однако успехи во внешней политике зимой и весной 1794—1795 гг. сильно ослабляли роялистскую агитацию, подрывая ее именно в этом существенном пункте.

И как раз к моменту схватки — к жерминалю и прериалю — оказались хронологически приуроченными наиболее крупные внешнеполитические успехи термидорианского Конвента. 21 плювиоза (9 февраля 1795 г.) был подписан мир с Тосканой.

Еще до жерминаля начались мирные переговоры с Пруссией; 16 жерминаля (5 апреля 1795 г.) мир с нею был подписан, а 24 жерминаля ратифицирован Конвентом. Когда член Комитета общественого спасения Ребель докладывал Конвенту о подписании трактата, подчеркивая важное значение мира с Пруссией, он с первых же слов был встречен ликующими рукоплесканиями. Современник (Фэн) пишет, что газеты особенно отмечали появившуюся отныне возможность получать хлеб с севера [37].

27 флореаля Сиейс и Ребель подписали в Гааге мир с Голландией. Французская республика получила голландскую Фландрию, Мастрихт, Ванлоо, кондоминиум (с Голландией) в порте Флиссинген; река Шельда провозглашалась свободной для судоходства; Голландия выплачивала республике 100 миллионов флоринов. 2 прериаля Мерлен (de Douai) обрадовал этой вестью Конвент. Подоспевший из Гааги Сиейс доложил подробности, и 8 прериаля мирный договор был ратифицирован Конвентом. 28 флореаля была подписана дополнительная конвенция с Пруссией, что тоже было встречено в Париже с большим удовлетворением. Наконец, всем было известно в течение всего жерминаля, флореаля и прериаля, что в том же Базеле ведутся переговоры с Испанией, испугавшейся дальнейшей борьбы, и что с этой страной также готовится выгодный для республики мир, который был подписан 4 термидора (22 июля 1795 г.). Трехлетняя борьба с монархической Европой как раз весной и в начале лета 1795 г. заканчивалась триумфальными трактатами, первая коалиция быстро распадалась.

Термидорианцы старались использовать эти, столь кстати подоспевшие дипломатические достижения в своей борьбе как против роялистов, так и против последних монтаньяров и против рабочих предместий. Прибавляю, что они пытались при этом внушить народу, что мирные договоры дадут прежде всего новые запасы хлеба· И в самом деле, в этом смысле являлись новые надежды.

Затеваются ли переговоры о мире с Тосканой,— Комитет общественного спасения дает знать Карлетти (в ноябре 1794 г.), что требуется прежде всего отдать хлеб, захваченный англичанами в Ливорно и предназначавшийся для Тулона. Начинается ли негласная беседа с неаполитанским двором,— Лаллеман, представитель Франции, требует в первую голову, чтобы Сицилия прислала по крайней мере 300 тысяч квинталов хлеба. Обсуждается ли в Комитете общественного спасения (10 флореаля, т. е. 29 апреля 1795 г.) вопрос о мире с Португалией,— Комитет и тут прежде всего требует от Португалии хлеба. Заключается мир с Пруссией,— тотчас же указывается, как было отмечено, на возможность получения запасов хлеба с севера.

2

Таковы были общие внутренние и внешние политические условия, в которых термидорианцы встретили жерминальскую и прериальскую грозу. Но раньше, чем приступить к характеристике их врагов слева, необходимо сказать несколько слов об их врагах справа,— тем более, что нельзя говорить о жерминале и прериале, ничего не сказав о мюскаденах.

Говорить же о мюскаденах, вдохновлявшихся отчасти термидорианскими, отчасти же чисто роялистскими настроениями, совсем обойдя молчанием роялистов, было бы методологически неправильно.

Ничто не дает такой картины полного окостенения, духовной и политической смерти, как идеология и психология подавляющей массы роялистов в этом, 1795 году. Как уже упоминалось выше, они самым искренним образом абсолютно ничего не понимали, ничего не желали понимать в происшедшем землетрясении и, ослепленные классовой ненавистью, надеялись повернуть назад колесо истории. Впрочем, с их точки зрения, и землетрясения никакого не было. Просто, один предатель — швейцарский гугенот Неккер — толкнул Францию в пропасть; другой предатель — Филипп Орлеанский — строил козни против королевы; слишком добрый и слабый король своими уступками погубил себя и своих; европейские монархи действуют слишком вяло и своекорыстно, иначе они давно уже были бы со своими войсками в Париже; злодеи уже начали резать друг друга, значит, скоро конец. Самое главное — не уступать.

Эмигранты нисколько не интересовались всеми перипетиями, конвульсиями и зигзагами грандиозной трагедии, развертывавшейся на покинутой ими родине. Неккер хуже Мирабо, Мирабо ненавистнее Робеспьера, непременно нужно повесить Лафайета, и очень жаль, что за смертью Мирабо нельзя будет и его подвергнуть той же участи. Еще до 10 августа кое-как знали ход событий (хотя и тогда ничего в них не понимали), но после падения монархии все происходившее превратилось для эмигрантов в какую-то бесформенную кучу обломков и обрывков. Имена, даты, факты — все сливалось в темную мешанину. Чтобы вглядеться в события и настроения вантоза II года, 9 термидора, жерминаля и прериаля III года, необходимы были сила и напряженность внимания, на которые большинство этого в полном смысле если не нравственно, то умственно отжившего класса было уже не способно. Чтобы уразуметь смысл этих событий, требовались широкий кругозор и энергия мысли, которых в наличности было еще меньше. Эмигранты с гневом и презрением отворачивались от всякого, кто советовал им идти на те или иные компромиссы; в их среде был, например, очень

непопулярен один из немногих умных людей этого круга, Малле дю Пан. Купить вождей термидорианской реакции, чтобы с их помощью, путем внезапного переворота, овладеть Парижем; купить важного военачальника вроде Пишегрю, чтобы повернуть штыки против Конвента,— дальше этого их тактическая изобретательность не шла. Лишь бы снова водвориться, а дальше уже никаких вопросов, сомнений, колебаний не будет и быть не может: абсолютная монархия с сильно укрепленным сословным началом, восстановление старых порядков, беспощадная расправа со всеми сколько-нибудь активно замешанными в революции. При таком умонастроении не все ли равно, почему Антуанское предместье пошло на Конвент и почему Конвент победил? Все это — домашняя ссора одних злодеев и разбойников (scélérats, brigands) с другими. В частности, роялисты совершенно не понимали ни новой буржуазии (как, впрочем, в свое время, в годы Тюрго, не понимали и старой), ни вождей термидорианского Конвента. Они не понимали, что буржуазия скорее согласится на повторение революционного террора, чем на восстановление неограниченной дворянской монархии; что Баррас, Тальен, Фрерон, Бурдон и т. п. могут быть запятнаны какими угодно пороками, но не грешат ни трусостью, ни глупостью, а поэтому твердить им по всякому поводу (или без всякого повода), что лично они непременно будут повешены в случае реставрации, не значит приобретать в их лице сторонников монархии. Трудно — да в данной работе и неуместно — проследить, как образовалась и окрепла эта гибельная для роялистов психология, трудно решить, насколько тут повлияла глубокая вера в неминуемую победу иностранной интервенции, после которой незачем будет разговаривать ни о каких компромиссах. Достаточно сказать, что роялисты сами и очень скоро озаботились свести к нулю все те политические выгоды, которые, казалось, сулила им реакционная ярость собственнических классов и термидорианского Конвента после жерминальских и особенно после прериальских событий.

Пока еще был жив маленький дофин, его дядя, Людовик-Станислав граф Прованский, был несколько стеснен в своих изъявлениях. Но как только дофин умер, новый претендент поспешил выпустить «манифест», который сам по себе способен был убить всякие возможности реставрации, если бы таковые еще существовали. Основная мысль графа Прованского, которую он выражал много раз и до и после этого манифеста (например, в письме к вождю Вандеи Шаретту), заключается в том, что, взойдя на прародительский престол, он согласен будет, пожалуй, оказать снисхождение некоторым *заблудшим,* но будет непримирим с *заблуждениями.* Другими словами: частичную амнистию он даст, хотя и исключит из нее «цареубийц», но

никаких ограничений своей власти, никаких политических компромиссов не допустит. Такими заявлениями претендент ожесточал, раздражал, пугал, отталкивал от себя и от своего дела и собственнические деревенские круги, и городскую буржуазию, не говоря уже о рабочих, не говоря также и о том, что самые деятельные и энергичные из термидорианцев участвовали в 1793 г. в январском процессе Людовика XVI и, следовательно, им как «цареубийцам» оставалось ждать от реставрации только веревки.

Напрасно лорд Гренвиль деликатно, но определенно старался дать понять Людовику, что следует не только обещать широчайшую амнистию, но и не исключать из нее даже «цареубийц», ибо многие из них, мол, часто бывали несвободны в своих вотумах и только не имели мужества противиться большинству. Их не следует доводить до отчаяния, а, напротив, нужно обнадежить, заверив, что большими заслугами они могут загладить «величайшее преступление» [38]. Другими словами: англичанин понимал всю нелепость поведения эмигрантов, которые определенно сулили, в случае своей победы, казнь именно тем лицам, которые в 1795 г. являлись лидерами конвентского большинства и правительственных комитетов. Характерно, что претендент вообще даже и не намекал на желание как-нибудь сблизиться с термидорианцами, найти общий язык с ними: он не выражал по их адресу ничего, кроме презрения, и глумился над их «слабостью» [39].

Все сколько-нибудь разумные люди из эмиграции (их, впрочем, было, по свидетельству самих эмигрантов, очень немного) сразу поняли нелепость этого королевского воззвания. Калонн, например, не скрывал своего огорчения, за что и был прославлен дезертиром, изменившим дому Бурбонов [40].

Вот образчик того, насколько претендент ровно ничего не понимал в настроениях и событиях 1795 г. 24 вантоза (14 марта) французам удалось захватить на море корабль, на котором они нашли письмо, адресованное Людовиком графу д'Аркуру в Лондон. «Я не могу сомневаться,— читаем мы в этом письме,— что Тальен склоняется к монархии. Но мне трудно верить, чтобы это была настоящая монархия (la royauté véritable); и какие бы видоизменения он ни внес, несомненно, что все конституционалисты 1791 г. за нее уцепятся (s'y accrocheront)» [41]. Другими словами: претендент уже нисколько не сомневается, что руководящие силы Конвента, вроде Тальена, жаждут реставрации Бурбонов, но они хотят конституционной монархии, а он, Людовик, желает восстановления неограниченной королевской власти и на конституционных монархистов смотрит с презрением. Все это был политический бред: даже и ограниченная конституционная монархия Бурбонов встретила бы в 1795 г. жестокое сопротив-

ление, мечтать же о восстановлении дореволюционного режима могли только люди, лишенные тени здравого смысла и ощущения реальности.

Роялисты-эмигранты как-то мало отдавали себе отчет в том, до какой степени они за несколько лет революции стали чужды и не нужны новой Франции, психологически чужды, *потому что* социально не нужны. Может быть, в самые светлые свои минуты догадывался об этом Малле дю Пан, и тогда это настроение проявлялось у него раздраженными укоризнами по адресу окружавших его великосветских и военных фантазеров. Но и он гнал от себя эту удручающую мысль. Дело в том, что сложный конгломерат социально-консервативных слоев,— куда прежде всего входила громадная новая буржуазия, от денежных своих верхов, от негласной биржи и банков и улицы Вивьен до мелкого и мельчайшего собственнического крестьянства,—требовал установления крепкой власти, «обуздывающей» рабочих, исправно действующего и охраняющего *новое* право административного механизма, суда, защиты принципа и практики неограниченно свободной конкуренции во всех многообразных отношениях торгово-промышленной жизни; требовал прежде всего условий, нужных для промышленного прогресса, наконец, успешной внешней политики, которая дала бы новому, возникшему уже при революции, капиталу возможность планомерно и целесообразно эксплуатировать соседей, в первую очередь Бельгию, Голландию, Северную Италию, Рейнланд. А с чем шел роялизм, о чем открыто говорила эмиграция, что сулил в своих официальных «манифестах» претендент на французский престол? Они шли не утверждать и кодифицировать новое, созданное революцией право, а восстанавливать старое, ради разрушения которого и началась революция; они по-прежнему хотели видеть свой оплот в дворянстве; они отнюдь не раскаивались в бесчисленных нелепостях, учиненных ими до и во время революции, а, напротив, призывали к покаянию весь народ, всех французов, кроме себя самих; наконец, их теснейшая зависимость от всех иностранных держав, восставших против революционной Франции, и в первую очередь от Англии и Австрии, внушала уверенность, что в случае реставрации монархии все завоеванные или полузавоеванные революционной армией территории будут возвращены прежним владельцам. При этих условиях Бурбоны могли рассчитывать не на новые, очень большие, социально-могущественные силы, не на новую буржуазию, не на новое крестьянство (о случайных местных или временных исключениях я тут не говорю), а всего только на часть дворянства и духовенства. Социальные же классы, наперед враждебно настроенные против всякого воскрешения робеспьеровских времен, выдвинувшие своим лозунгом охрану «жизни и собственности»,

готовые беспощадной рукой раздавить всякое движение, идущее из рабочих предместий столицы или возникающее в провинции,— эти классы шли не за чуждыми, ненужными и враждебными им роялистскими лозунгами, а за совсем другой программой, носителями которой оказывались люди, *непременно вышедшие из революции.* Эти новые вожди могли бить и приканчивать революцию, как делали это сначала термидорианцы в Конвенте, потом Директория; могли желать и вовсе ее убить, как генерал Бонапарт, но должны были во что бы то ни стало продолжать ее дело, учитывать ее наследство; мало того, они должны были действовать так, как если бы до 1789 г. во Франции не было ничего, как если бы история государственного бытия страны началась 17 июня 1789 г., в день, когда Генеральные штаты объявили себя Национальным учредительным собранием; наконец, они должны были продолжать (и продолжали) внешнюю политику робеспьеровского Конвента. Много лет спустя, когда исторические судьбы на короткий срок все же привели Бурбонов на французский престол, то этот престол, как правильно тогда же указал склонный к иронии Жозеф де Местр, оказался вовсе не «прародительским», а бонапартовским, ибо «прародительский» рассыпался бы в один день при первой попытке его восстановления. *Все,* что ввел Наполеон, осталось в силе при реставрации Бурбонов. Но в 1795 г. Бурбоны и их приверженцы еще мечтали именно о прародительском престоле, никому, кроме них, не нужном и уже тогда совершенно невозможном.

Куда же было идти молодому поколению новой буржуазии, новых собственнических слоев? Под чьим знаменем толпились эти «молодые люди» (jeunes gens), эта «золотая молодежь» (jeunesse dorée), эти «мюскадены» (muscadins) — словом, все те, кто под этими разнообразными наименованиями одинаково наполнял шумом своих скандалов Париж, Лион, Бордо, Марсель, Орлеан, Лилль и множество других мест? В массе своей они не были убежденными роялистами, и один из их вождей и организаторов, Жюллиан, утверждает в своих воспоминаниях, что они просто совсем не знали ни Бурбонов, ни роялистов, да, пожалуй, не очень хотели знать; реальной и симпатичной силой были для них термидорианцы, низвергнувшие Робеспьера и захватившие власть в свои руки,— за термидорианцами они и пошли. Но, разумеется, были между мюскаденами и вполне определенные роялисты, стремившиеся даже внешним своим видом походить на шуанов и, по совести, считавшие приемлемыми лишь те политические директивы, которые исходили от эмигрантского двора.

Эмигранты-роялисты, разумеется, многократно пробовали использовать в целях агитации голод. Но вели они это дело в высшей степени неумело. То они объясняли все прямым

воровством властей, то хотели раздразнить провинцию, уверяя, что ее грабят ради прокормления столицы, то манили надеждой на роялистский переворот, в случае которого все государи и народы Европы помогут Франции и разделят с ней свои продовольственные запасы [42]. Все это было ребячески нелепо. И в этих своих начинаниях эмигранты лишний раз обнаруживали свое полное непонимание того, чем стал французский народ после шести лет неслыханной политической бури. Ненависть их ко всему, что произошло во Франции начиная с 1789 г., была беспредельна, им хотелось бы искоренить все, вплоть до слоев и понятий, возникших и укрепившихся в эту эпоху [43]. Некоторые из них, вроде князя Жюля Полиньяка, дожив до 1830 г., даже и тогда остались при убеждении, что монархия Бурбонов должна быть абсолютной и что Великая революция была плачевным, но легко исправимым недоразумением. Чего же было требовать от них в 1795 г.? И как могли они понимать разницу между Роммом и Тальеном, когда они отказывались относиться по-разному к Неккеру и Робеспьеру, к Лафайету и Марату?

Вчитываясь в мемуары и публицистику, исходящие от эмигрантов, я пришел к заключению, что они ничего не знали ни о готовившемся движении предместий в жерминале, ни о назревавшем таком же движении в прериале, что они вообще, за единственным исключением Малле дю Пана, даже post factum, задним числом, ничего не поняли в характере и смысле этих движений. Не потому, конечно, что они считали по существу невозможным насильственное низвержение термидорианского правительства. Напротив, никогда, кажется, ни до, ни после 1795 г., они не были так предприимчиво и бодро настроены. Ведь именно на этот год (на середину августа 1795 г.) выпало такое событие, как начало тайных переговоров генерала Пишегрю с агентом дома Бурбонов, Фош-Борелем; летом (в июне 1795 г.) произошла дерзкая по замыслу, единственная за весь революционный период высадка вооруженного отряда эмигрантов на западном берегу Франции, в Кибероне; попозже (в октябре) произошла попытка открытого выступления на улицах Парижа (13 вандемьера). Все эти события страшно волновали умы в эмиграции. Но жерминаль и прериаль, предшествовавшие всем этим событиям, эмигранты почти совершенно проглядели.

Исключение и тут составлял уже не раз упоминавшийся Малле дю Пан. Более наблюдательный, чем другие, хотя и впадавший сплошь да рядом в самые изумительные ошибки, он регулярно доносил о положении Франции португальскому послу Суза (в Берне). Эти донесения, опубликованные в 1897 г. Франсуа Декостом, очень существенно дополняют то, что мы уже знали из литературного наследия Малле дю Пана. Парижский рабочий люд и вообще «простонародье», констатирует автор донесе-

ний, живет впроголодь, питается двумя унциями хлеба и риса, залежалыми селедками, салатом на плохом масле и т. д., даже бунтует (донесение написано под впечатлением прериаля) и все-таки не хочет восстановления монархии; эти люди остаются «фанатиками, цареубийцами, якобинцами» (fanatiques, régicides, jacobins) и заявляют, что скорее будут есть камни, чем подчиняться королю, что вот только нужно дождаться нового урожая — и спасение близко [44].

Малле дю Пан понимал, конечно, что при непримиримой программе Бурбонов дело роялизма — мертвое и безнадежное предприятие и что под него не удастся подвести сколько-нибудь прочную социальную базу. Он соображал при этом, что сторонников реставрации Бурбонов можно найти только среди «собственников и капиталистов» (так он неопределенно обозначает более или менее крупную буржуазию), да и то с непременным условием принятия хоть части революционных завоеваний, начиная с конституции, «аналогичной конституции 1791 г.». Что касается таких слоев, как ремесленники, «работающие по сумасшедшим ценам», деревенские арендаторы (фермеры), зажиточные крестьяне, скупающие эмигрантские земли, то они желают не столько перемены режима, сколько более устойчивого порядка, *«каков бы он ни был»*. Другими словами: на них Бурбонам особенно рассчитывать не приходится. Но хуже всего, с эмигрантской точки зрения, обстоит дело с «простонародьем» (le bas peuple). Кого понимает Малле дю Пан под этим названием? «Рабочих, каменщиков, кузнецов, возчиков, водовозов, мелких лавочников». Этот довольно путаный перечень достаточно хорошо поясняет, однако, мысль автора. Все подобные люди, «особенно в Париже», остались «по склонности, по привычке» неисправимыми революционерами и всегда готовы пойти за тем, кто «захочет произвести беспорядок». Словом, масса «еще не исправилась», несмотря на опыт пережитых бедствий [45]. Таков смысл всех слов Малле дю Пана. Как видим, он в общем верно учел внутренний смысл жерминальских и прериальских событий.

Но он был, повторяю, исключением. Эмигранты ничего в этих событиях не уловили, кроме разве того, что «разбойники» между собой перессорились и что следует поэтому ускорить вооруженный десант при помощи английского флота.

Если бы эмигранты в своей массе умели хоть издали наблюдать; если бы они, например, умели внимательно читать приходившие из Парижа газеты с более или менее подробными протоколами заседаний Конвента, то уже это одно могло бы внушить им скептическое отношение к идее о скорой реставрации. В термидорианском Конвенте никогда и речи не было о сколько-нибудь отрицательной оценке какого бы то ни было большого

революционного дня из первых трех с половиной лет революции. Не только 14 июля 1789 г. (взятие Бастилии), не только 5 и 6 октября того же года (перевезение королевской семьи из Версаля в Париж), не только 10 августа 1792 г. (низвержение монархии) и 21 января 1793 г. (казнь короля) поминались как славные даты французской истории, но даже сентябрьские события 1792 г. стали вспоминаться с укоризной больше *после* жерминаля и прериаля. Во *всем,* что касалось борьбы с монархией и установления республики, термидорианский Конвент, в лице своего руководящего большинства, стоял на почве революционной традиции; в этом смысле были или старались казаться солидарными с уцелевшей «вершиной» Горы как изменившие ей монтаньяры, так и возвращенные жирондисты. Если была революционная дата, о которой в термидорианском Конвенте принято было говорить всегда с негодованием, с искренним или притворным ужасом, то это было 31 мая — 2 июня 1793 г.;— день политической гибели Жиронды. Любопытнее всего, что так говорили об этом дне не только спасшиеся жирондисты (что было бы вполне естественно), но и бывшие монтаньяры, которые тогда толкали жирондистов на гильотину, а теперь сидели с ними рядом и старались перекричать их, когда требовалось выразить возмущение по поводу тогдашних событий. Жирондистов это соседство и это лицемерие ничуть не возмущали, тут не до возмущения было; их, напротив, радовал этот неожиданный союз с недавними смертельными врагами. Ведь не следует забывать, что никто даже и приблизительно не знал завтрашнего дня, никто не мог сказать, не повторится ли завтра 31 мая, не суждено ли уцелевшим жирондистам отправиться вслед за погибшими товарищами. Вулкан еще действовал, еще слышно было затихавшее, но все еще грозное клокотание стихии. Прочна ли победа, одержанная 9 термидора? Действительно ли этот день был началом нового исторического периода? Современники вовсе не были так в этом уверены, как иной раз прикидывались, когда им приходилось говорить о свержении Робеспьера.

Во всяком случае, было ясно одно. Если в стране или, точнее, в столице существуют силы, способные и дать бой Конвенту и отомстить за 9 термидора; если 9 термидора революция не убита, а только ранена, то ближайшая схватка непременно произойдет в виде нового 31 мая, т. е. в виде массового движения части парижского населения, прежде всего рабочих парижских предместий, направленного против Конвента с целью очистить его от реакционных элементов, конкретнее говоря, с целью захватить это верховное учреждение и осуществить через его посредство монтаньярскую программу, быть может, с некоторыми дополнениями. Провинция, в подавляющем большинстве случаев, грозила скорее роялистскими восстаниями (прериальских

тулонских событий не предвидели). Рабочие предместья столицы — вот откуда ждали нового революционного удара. Никто не сомневался также, что во всяком случае дело будет идти не об уничтожении, а только о *захвате* государственной машины и ее руководящего аппарата. Таким образом, в рассматриваемый период призрак точного повторения 31 мая 1793 г. все время стоял перед глазами термидорианского Конвента, и когда зимой и весной 1794—1795 гг. эта дата кстати и некстати поминалась как исходная точка всех бедствий, то это не делалось в качестве простой исторической справки, а с явно агитационными целями: помните, как бы говорили ораторы, что если вы не убережете Конвент от нового покушения, то вам предстоит снова пережить долгий период террора и всего, что последовало за 31 мая 1793 г.; помните, что легче защитить Конвент в момент попытки его захвата, чем бороться против Конвента *после того,* как он сделается опять орудием новых Робеспьеров. Вот к чему сводилась эта агитация и эти настойчивые напоминания о 31 мая. К кому же обращалась эта агитация? Разумеется, не к будущим инсургентам, не к рабочим предместьям, не к одинокой «вершине», где засели, ожидая своего часа, предполагаемые вожди будущего восстания. Против них готовились военные суды и гильотина. Агитация же рассчитана была на буржуазную массу в городе, на собственническую крестьянскую массу в деревне, на все те социальные слои, которые по тем или иным причинам считали, что их жизни или собственности или той и другой, может быть опасна победа монтаньяров.

Этим слоям необходимо было внушить, что новое 31 мая может для них оказаться еще более роковым, чем прежнее. Непосредственно же требовалось внушить эту мысль той безличной массе депутатов, тому «болоту» Конвента, которое являлось как бы политическим представительством городских и деревенских имущих кругов. Это «болото» в свое время поддержало монтаньяров вовсе не из одной только трусости перед восстанием 31 мая, но, может быть, гораздо больше потому, что жирондистская программа, по мнению многих из них, грозила расчленением Франции и в конечном счете победой роялистов,— а целостного воскрешения старого строя не желали ни буржуазия, ни главная масса крестьянства. В этом смысле они и теперь, в 1795 г., не изменились, вот почему, чем нелепее и откровеннее заявляли о своих претензиях эмигранты, тем настойчивее и отчетливее термидорианское правительство должно было, с одной стороны, подчеркивать, что оно ни в каком случае не допустит реставрации монархии, а с другой стороны, указывать, что *на этот раз* для борьбы с роялистами незачем снова отдавать власть монтаньярам, что монтаньяры *на этот раз* окажутся для всех собственнических классов «новой Франции» такими же, если не

худшими, врагами, как и роялисты. Конечно, атмосфера благоприятствовала постепенному внедрению монархических симпатий в некоторой части собственнических кругов. Но тут, как мы видим, на выручку республике пришли сами роялисты. Именно в 1795 г. своими речами и поступками они, точно по заказу, точно желая доставить торжество своим врагам, постарались воочию показать, насколько сами-то они неприемлемы, а главное, не нужны ни имущим классам, ни неимущим, ни городу, ни деревне.

3

Роялисты не рискнули показаться на улицах Парижа под собственным своим знаменем ни в жерминале, ни в прериале. Если они участвовали тогда в активной борьбе, то в рядах так называемых мюскаденов, или золотой молодежи. В эпоху термидорианской реакции мюскадены составляли очень заметное явление парижской улицы (провинциальных мюскаденов мы здесь оставляем в стороне). Это были представители молодого поколения отчасти буржуазии, отчасти уцелевшего дворянства, отчасти, по-видимому, и других слоев населения: были между ними и служащие разных торговых и промышленных предприятий, были и молодые чиновники. Социальный состав их никогда не подвергался критическому анализу ни со стороны современников, ни со стороны позднейших историков. Мне не удалось также набрести на какие-либо сырые материалы, которые позволили бы произвести исчерпывающим образом подобный анализ. В зиму 1794/95 г. и весной 1795 г. группы этой молодежи были настроены очень враждебно ко всему, что так или иначе было прикосновенно к якобинцам, к монтаньярам, к эпохе 1793—1794 гг. до 9 термидора. Между ними, наряду с людьми, стоявшими на термидорианской, но все же республиканской точке зрения, были, как я уже отмечал, и бесспорные роялисты, горячо сочувствовавшие шуанам, эмигрантам, готовившейся высадке в Бретани, были люди, для которых, как для крайних элементов роялистской эмиграции, в революции было ненавистно все, начиная с созыва Генеральных штатов и кончая тем же Тальеном или Баррасом, и новые слова в языке, и новые названия месяцев, и деление Франции на департаменты, все, вплоть до побед революционной армии над австрийцами и пруссаками. Возможно, что именно наличие *этих* элементов среди мюскаденов и ослабляло их значение, отталкивая от них часть собственнических кругов и суживая социальную базу, на которой они могли бы крепнуть и действовать. Как бы то ни было, в первые времена своего существования мюскадены старались не выставлять напоказ свой роялизм, а, напротив, не раз подчеркивали

свое сочувствие термидорианскому Конвенту. И они действительно являлись усердными помощниками правительства, поскольку оно добивало якобинский клуб, попустительствовало избиениям монтаньяров в провинциальных тюрьмах, преследовало деятелей дотермидорианского режима.

Слово muscadin — осуждающий эпитет, который в то время только входил в употребление, нуждалось уже тогда в пояснениях; автор одной брошюры о жерминале выводит это слово из Лиона, где оно обозначало приказчиков и служащих в москательных лавках [46].

Лионский историк Риффатерр не так давно доказывал, что слово muscadin для обозначения врагов революции было впервые пущено не монтаньяром Шабо, как утверждал в 1803 г. в своей брошюре Болье [47], но родилось в Лионе, в феврале 1793 г.; еще раньше, в августе 1792 г., в том же Лионе было уже в ходу выражение — *le grenadier musqué*. Так в насмешку называли гренадер, вербовавшихся среди зажиточной лионской буржуазии и одетых гораздо щеголеватее, чем солдаты других воинских частей, происходившие из бедноты. Это насмешливое прозвище было особенно популярно среди рабочих лионской шелковой промышленности, которые видели, что ненавистные им приказчики сплошь шли в гренадеры. Риффатерр правильно отмечает, что лионские рабочие смотрели в то время на этих гренадер не как на защитников родины, а как на защитников богачей против бедняков [48].

Слово muscadin получило особую популярность после 9 термидора; с весны 1795 г. оно было у всех на устах. В эту зиму 1794/95 г. ни одно публичное выступление контрреволюционного характера не обходилось без участия мюскаденов. Они выбросили в клоаку бюст Марата, поставленный на Карусельской площади. Они учиняли почти ежевечерние скандалы в театрах, освистывая Марсельезу, угрозами заставляя артистов исполнять входивший тогда в моду гимн термидорианской эпохи *Réveil du peuple*. Они, собравшись толпой до двух тысяч, повторными нападениями разгромили 19—20 брюмера помещение Клуба якобинцев, избили палками многих присутствовавших, подвергли истязаниям женщин. Более мелким их выступлениям, вошедшим в обыденную жизнь термидорианской эпохи, нет числа. Пунктом сборищ этой молодежи был первоначально Пале-Рояль [49]. По-видимому, их организованность и сводилась к обязательству быть в условленный час в условленном месте для участия в той или иной демонстрации, в том или ином нападении.

Зимой 1794/95 г. они сделали прямо немыслимым появление на улице особенно ненавистных им якобинцев. Свидетели (притом дружественно расположенные к этой «золотой моло-

дежи») рисуют такую картину. Молодые люди публично оскорбляют, преследуют на улицах и площадях, в кафе, в театрах, словом, всюду, где встретят, членов Конвента, вотировавших в январе 1793 г. смерть королю, и вообще якобинцев и террористов,— и те должны уступать, отвечать молчанием, стушевываться, покидать общественные места [50]. Дело в том, что мюскадены ходили вооруженными бандами по нескольку человек и к тому же были уверены в благосклонности и поддержке полиции. Они любили носить особые костюмы, вообще одевались очень изящно, даже изысканно, явно щеголяя этим и как бы желая показать, что они своей наружностью воскрешают дореволюционные времена. Их враги мало их уважали, отмечая, что эти молодые борцы обыкновенно где-то прятались, пока бороться было опасно, и выступали лишь тогда, когда оставалось бить лежачего [51]. Среди мюскаденов были лица, потерявшие родных и близких в эпоху террора 1793—1794 гг., и это обстоятельство, конечно, давало повод всей этой организации (если можно тут употребить это слово) считать себя как бы исполнительницей правосудной кары над теми, кто владычествовал перед 9 термидора. Своими безобразиями, от которых страдали все прохожие, почему-либо показавшиеся им якобинцами, своими дикими выходками, вроде сбрасывания людей в бассейны, сбивания их с ног, ежедневных избиений и т. д., эта «золотая молодежь» терроризовала в то время и Париж, и Лион, и Бордо [52]. По-видимому, одним из их организаторов был Фрерон [53]. Это многократно утверждали его враги, и сам он открыто этим хвалился в те моменты, когда подобная похвальба была выгодна, например, вечером 4 прериаля. Недаром мюскаденов часто называли «фрероновской молодежью».

Мудрено, впрочем, сказать, насколько он реально участвовал в их организации. По утверждению одного очень наблюдательного современника (Бодо), Фрерон скорее пользовался только титулом начальника «золотой молодежи» [54], да и не способен он был к роли реального организатора боевого политического движения. Для этого он слишком был актером, и притом склонным к истерике.

Роялистский дух был особенно силен среди провинциальных мюскаденов — в Лионе, Марселе, Бордо. Типичным представителем этого рода «золотой молодежи» был знаменитый в свое время Шодрюк-Дюкло, много безобразничавший в описываемую эпоху в Бордо и впоследствии, уже при Наполеоне, надолго засаженный в тюрьму стараниями министра полиции Фуше, не нуждавшегося в столь непримиримых личностях. Характерно, что и Бурбонам, по их возвращении в 1814 г., а потом в 1815 г., Шодрюк-Дюкло, при всем своем яром легитимизме, тоже оказался не нужен, и он умер в конце концов нищим, в буквальном

смысле слова в канаве. Это-то и знаменательно, что программа чистого легитимизма была *абсолютно* беспочвенна и что приверженцы ее выталкивались из жизни при любом режиме, даже именовавшем себя «легитимным». Тем не менее, как раз в 1795 г., 13 вандемьера, легитимисты, как уже упомянуто, были полны предприимчивости и оптимизма, под их-то влиянием главным образом деятельность мюскаденов в рассматриваемую эпоху, накануне и в особенности после жерминаля и прериаля, стала принимать особенно беспокойный и резко провокационный колорит.

Против кого же непосредственно, в первую голову, боролись мюскадены? По позднейшему признанию одного из их главарей, они понимали под «революционным народом» именно рабочих: «собрание нескольких тысяч рабочих или чернорабочих», которые, по их мнению, вследствие своей темноты и необразованности всегда были для политических партий орудием устрашения, а иногда и избиения противников [55]. В газетах, в полицейских донесениях, в воспоминаниях современников, соучастников, врагов и друзей мы чаще всего встречаем именно это противоположение: рабочие — и «золотая молодежь», рабочие — и мюскадены. Но эти последние, как и их вдохновители, не теряли по-видимому, надежды переманить часть рабочих на свою сторону, чтобы сообща с ними ударить затем на ненавистных якобинцев. Как ни фантастична была такая надежда, одно время с ней кое-кто носился.

Мысль о пропаганде среди рабочих, об отвлечении их от якобинцев и т. д. несомненно назревала среди части мюскаденов незадолго до 12 жерминаля. Об этом свидетельствует целый ряд документальных данных [56]. Обращаясь к рабочим, пытаясь установить с ними «дружественные» отношения, мюскадены прежде всего оправдывались от обвинений в роялизме, называли себя республиканцами, уверяли, что борются только против преступников, «анархистов», террористов, убийц и тому подобных [57]. Все эти попытки, разумеется, не приводили ни к каким результатам: «экономика», как и всегда, оказывалась убедительнее «политики», уверить голодного рабочего, что спекулянт, наживающийся на его голоде, или хозяин, живущий в сытости и довольстве,— его друзья, было не под силу мюскаденским агитаторам.

Одна из попыток такого сближения вызвала в ответ особую брошюру, написанную якобы от имени парижских рабочих. Умеренность, благонамеренность, оглядка на термидорианское начальство — таковы основные черты этого произведения, и было бы, разумеется, весьма произвольно заключать по его содержанию и тону не только о настроении всего рабочего класса столицы или даже о сколько-нибудь заметной его части [58].

Во всяком случае с этой брошюрой стоит ознакомиться просто потому, что она хорошо вводит в бытовую обстановку момента.

Автор, берущий на себя смелость говорить от имени парижских рабочих, утверждает прежде всего, что они и сами стремятся к единству, согласию и спокойствию, без этого они не могут жить и заниматься своим трудом. Они охотно бы согласились «брататься» с мюскаденами (которых устами автора так и именуют «братьями»), слухи о роялизме этих последних они считают «страшной клеветой» (calomnie atroce) со стороны «общих врагов», но у них все же есть возражения и упреки. Зачем молодые люди безобразничают в общественных местах? Зачем рядятся в преувеличенно, до смешного изысканные одеяния? Зачем ходят вооруженные? Почему, проповедуя народу необходимость мириться с уменьшением продовольствия, сами они оказываются вдоволь снабженными всем необходимым? [59]

Брошюра подчеркивает последнюю мысль: «Мы хорошо видим, что вы дети состоятельных родителей, которые, вероятно, ведут крупную торговлю и мощные предприятия, раз они не требуют, чтобы вы с утра до вечера были заняты своим делом». Дальше следует иронический совет: если молодые люди так убеждены в необходимости устраивать взаимное счастье, то не уговорят ли они своих родителей уменьшить цены на товары, не подрывать ценности ассигнаций, не увеличивать дороговизну жизни, скупая по любой цене все, что ни подвернется [60]. Тут мы видим стрелу, пущенную именно в крупную, спекулирующую на товарах, буржуазию. После этих фраз звучит сухой, беглой, как бы казенной отпиской выпад против якобинцев [61]: автор брошюры вложил слишком много яда и горечи в свой протест против «братьев»-мюскаденов, чтобы можно было придавать особенную веру его желанию бороться с якобинскими «негодяями»: ведь он укоряет «молодых людей» именно за их активное выступление, за устройство разных облав и нападений на «тех, кого им угодно именовать кровопийцами», за демонстрации в театрах, где они навязывают исполнителям контрреволюционный, «провокационный» гимн, называемый, «неизвестно почему», пробуждением народа, и т. д. [62] Правда, благонамеренный автор и сам готов при случае донести на тех или иных «якобинцев», но видит в этом только исполнение «печального долга» [63].

Возможно, что вся эта брошюра соответствовала в той или иной степени психологии иного мелкобуржуазного потребителя, раздраженного недоеданием, втайне уже начинающего жалеть об уничтоженном максимуме, завидующего всем этим Тальенам, Фреронам, банкирам, спекулянтам и ненавидящего их, но вместе с тем боящегося и возвращения якобинской диктатуры. Этот раздраженный обыватель, во всяком случае, ни в малейшей сте-

цени не связан ни в настроениях, ни в фразеологии с теми, кто в жерминале и прериале двинулся из рабочих предместий на Конвент. Те «рабочие», от имени которых он якобы беседует с мюскаденами, больше похожи на мелких лавочников, на ремесленных хозяев и т. п., чем на подлинных рабочих. Разумеется, и в жерминале и в прериале мюскадены оказались в первых рядах врагов рабочих предместий.

Замечу, что если явно немыслимо было привлечь рабочих на сторону «золотой молодежи», то и с точки зрения ее несомненных друзей необходимо было избавить ее от слишком компрометирующего налета роялизма и вообще несколько умерить скандальность ее поведения.

В том же, 1795, году некий Пенсе, назвавший себя «старцем», выпустил небольшую брошюрку, в которой преподавал «молодым людям» ряд благожелательных советов. Без излишней скромности он рекомендует соблюдать эти советы еще рачительнее, чем десять божьих заповедей. Кстати сказать, этих советов тоже ровно десять [64].

Первый совет: «повинуйтесь законам»,— хотя, по признанию автора, они часто бывают плохи. Во-вторых, «уважайте Конвент», не споря о том, не слишком ли долго он удерживает власть, не пора ли ее передать в другие руки. Автор не очень доволен Конвентом, в частности декретом, который объявил Марсельезу национальным гимном. Он понимает возмущение «молодых людей» по этому поводу: ведь при звуках этой песни их близких вели на эшафот [65], но все же почитайте Конвент — «respectez la Convention».

Третья заповедь велит молодым людям прекратить производимые ими безобразия в театрах (ne troublez pas les spectacles), даже когда они слышат там ненавистную Марсельезу или требуют исполнения гимна Réveil du peuple. Тут, правда, «старец» с горечью напоминает, что 1 прериаля именно те, кто хотел уничтожить Конвент, пели Марсельезу, а их противники защищали Конвент при звуках Réveil du peuple [66],— но все же не следует «превращать театры в рынок» (transformer nos théâtres).

Четвертая заповедь гласит: «никого не оскорбляйте» — иначе говоря, рекомендуется прекратить нападение на граждан в публичных местах, даже если эти граждане заслуживают «порицания и самой горькой критики». Далее: «ходите в секции», чтобы там воздействовать на общественное мнение. Затем идет совет очищать собственную среду от подозрительных элементов, которые туда пробираются с разными предательскими целями. «Презирайте оскорбления» (méprisez les injures), т. е. не обращайте внимания, если вас обзывают роялистами. «Будьте всегда мюскаденами, т. е. чисто одетыми, напудренными; и никого

не убивайте» (soyez toujours muscadins, c'est à dire vêtus proprement, poudrés; et ne massacrez personne).

Эта курьезная фраза, объединяющая столь различные по смыслу «советы», необыкновенно характерна для эпохи и для мюскаденов. «Наблюдайте за террористами», ибо сам «Конвент предлагает доносить на якобинцев, на преступников, на убийц» (la Convention vous a invité à dénoncer les jacobins, les scélérats, les égorgeurs).

Тут «старец» мягко порицает мюскаденов за то, что они подписывали свои доносы, ибо что получилось? Уличенных ими людей сначала действительно арестовали, но потом выпустили под видом «угнетенных патриотов», и теперь террористы знают имена доносивших и при случае с ними расправляются. А потому, если эти люди затеют «новый заговор», пусть мюскадены не дают им пощады [67].

«Будьте в хороших отношениях с линейными войсками»,— тем более что заметны старания поссорить армию с мюскаденами. Заметим по этому поводу, что с самого начала термидорианской реакции и во все время Директории слухи о резко антироялистских чувствах армии, в самом деле, очень сдерживали реакционные течения в столице.

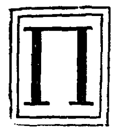
В заключение автор дает молодежи совет «быть едиными». Он даже решается прямо рекомендовать ей *сопротивляться* декрету самого Конвента, если таковой попытается воскресить терроризм (si... quelque décret... tendait à ressusciter le terrorisme), и жалеет задним числом, что Конвент не встретил сопротивления 31 мая 1793 г. 1 прериаля, подчеркивает «старец», показало, что опасность всегда может возникнуть. Но он надеется на провидение, которое, правда, терпело «пятнадцать месяцев беспримерной тирании», но более одного раза в столетие таких отступлений от справедливости не допускает [68].

В последние дни вантоза и в самые первые дни жерминаля мюскадены вели себя усиленно нагло: нападали на прохожих, наступали им умышленно на ноги, толкали, хватали за шиворот, грозили им палками, а иногда и избивали. Случалось, что они своей властью арестовывали людей и тащили их в Комитет безопасности [69]. Между тем, если отдельные «якобинцы» могли не выходить в определенные часы на улицу и прятаться, то рабочим трудно было принимать такие меры предосторожности: мюскадены подстерегали их при возвращении с работы, задирали их сначала словесно, а потом нападали и колотили их, выступая обыкновенно лишь там и тогда, где численный перевес был на их стороне.

Глава III

«ВЕРШИНА» (ПОСЛЕДНИЕ МОНТАНЬЯРЫ)

риступая к характеристике левых термидорианцев, нужно прежде всего не забывать, что все-таки они были термидорианцами и в роковые дни 8 и 9 термидора были с врагами Робеспьера и тоже погубили его. Неисторично также делать из них каких-то вождей пролетарской массы.

Левые термидорианцы, которых современники объединяли под названием la crête (гребень, вершина), сочувствовали и содействовали гибели Робеспьера как «тирана», «Катилины» и т. д., но более или менее скоро они начали понимать истинное значение происшедшего и отшатнулись от тех, кто был главными организаторами и режиссерами термидорианской трагедии. Якобинцы до 9 термидора сыграли огромную революционную роль, отрицать которую было бы глубоко ошибочно. «Последние монтаньяры», сознав трагические последствия своего поведения 8 и 9 термидора, заплатили жизнью за свою попытку поддержать требования народа, вторгшегося 1 прериаля в Конвент. Но вождями этого восставшего народа они не были.

Мрачными и величавыми фигурами остались в памяти современников «последние монтаньяры», носители великой идеи, основоположники революционной легенды и традиции. Окруженная яростной злобой, предательством, врагами, алчущими ее крови, отбиваясь от жестокой травли, одинокая кучка шла в эти месяцы после 9 термидора — кто к гильотине, кто к кинжалу, кто к могиле в гвианских болотах. Одним оставалось до такой развязки несколько месяцев, другим несколько лет. Кое-кто спасся, и пережившие (уже в 20—30-х, а иные, глубокими стариками, в 40-х годах) еще встречались с представителями

нового поколения. Но не все их понимали и не все, говоря о них, нашли подходящий тон.

Эдгар Кине этот тон нашел; молодой Маркс с жадностью читал и испещрял пометками воспоминания одного из них, Левассера (de la Sarthe). Старший современник Маркса, Герцен, который еще мог и лично познакомиться хотя бы с Тиссо и слышать рассказы Кине, знавшего старика Бодо, тоже интересовался событиями 1795 г., но вполне правильного тона как-то не нашел. Если читатель, ничего не зная о жерминале и прериале, о «вершине» и ее гибели, захотел бы составить себе представление о психологическом типе этих людей по знаменитому герценовскому очерку «Доктор, умирающие и мертвые», то, конечно, впечатление получилось бы не очень верное.

Правда, в данном случае Герцен иронизирует добродушно, мягко, с теплой симпатией, но все-таки недостаточно принимая во внимание, что даже и такая ирония вовсе не приложима ни к людям жерминаля и прериаля, ни даже к их эпигонам. Он представил себе некий психологический тип, быть может немного смешной, хотя очень трогательный сам по себе, но имеющий крайне мало общего с настоящими, документально нам известными стариками вроде Бодо или Тиссо, пережившими на 35—40 и больше лет жерминаль и прериаль.

В своей замечательной речи-статье «Празднество наций в Лондоне» Энгельс приводит высказывание английского чартиста Гарни, который вспоминает с глубоким почтением и горячим сочувствием как Бабефа, заплатившего жизнью за попытку «создания истинной республики», так и погибших за год до открытия заговора Бабефа «последних монтаньяров»: «Я должен еще назвать героических депутатов — Ромма, Субрани, Дюруа, Дюкенуа и их товарищей; приговоренные к смерти аристократическими предателями Конвента, они, в присутствии своих убийц и бросая им вызов, лишили себя жизни одним и тем же кинжалом, который передавался из рук в руки» *.

Группа монтаньяров, уцелевшая в Конвенте после 9 термидора и окончательно разгромленная в жерминале и прериале, пережила в эти восемь месяцев (от 9 термидора по 12 жерминаля) очень трудное время, и настроения этих людей, из которых столь многих ждали гильотина, Кайенна или тюрьма, были нерадостными. Но не потому только, что они могли считать (и считали) себя обреченными на вероятную гибель в более или менее близком будущем: ведь после казни Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и их товарищей; после ареста и казни парижского муниципалитета; после целого ряда других арестов, из которых многие были однозначащи со смертным приговором; пос-

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 596.

ле страшных и вполне безнаказанных избиений крупных и мелких деятелей дотермидорианского периода в провинции; после неистовой травли, которую Фрерон и другие термидорианские публицисты вели в печати,— группа монтаньяров сильно сократилась численно. Сразу отпали все те, которые поддерживали Гору из страха или из корысти, все, кто просто шел за силой, кто, наконец, до 9 термидора поддерживали режим, боясь лично для себя еще худшего, предпочитая существующую диктатуру анархии, возможной в будущем.

После того как все мелкое, трусливое, лицемерно поддакивавшее разбежалось и либо притаилось впредь до выяснения обстоятельств, либо открыто перешло в стан победителей, на «вершине» остались люди, не отказавшиеся ни от своего знамени, ни от тяжелого наследства. Ни чужой, ни своей жизнью они никогда не дорожили, и не личным их трудным и опасным положением объясняется их угрюмое настроение в эти восемь месяцев. Но оно не обусловливалось также и сознанием крушения их дела. Нет, наступающая реакция была тут ни при чем. Ромм и вся его группа считали, что борьба вовсе еще не закончена. И все же нерадостны их высказывания между 9 термидора и 12 жерминаля, и их вообще совсем уже мало слышно между 12 жерминаля и 1 прериаля. Очень уж труден был для них момент, и очень уж тяжкую ношу взвалила на них история. Нужно было собрать все мужество, чтобы погибнуть с наибольшей пользой для торжества своего дела. В политической обстановке, окружавшей их в эти восемь месяцев (для многих из них — последние в жизни), были налицо два факта, из которых один мог внушать им надежды, а другой, напротив, являлся грозным сфинксом, так и оставшимся для них загадочным до конца.

Оба эти факта касались, однако, основного вопроса: на какие социальные силы, на какие общественные классы могли рассчитывать люди «вершины», продолжая борьбу с реакцией, ведя защиту, мечтая о наступлении?

Прежде всего, у них не было налицо в этот момент никакого конкретного плана немедленных мероприятий экономического характера. Со времени закрытия Якобинского клуба (конец 1794 г.) они лишились возможности постоянного общения с теми слоями революционной мелкой буржуазии, представителями которых они являлись.

Монтаньяры, даже самые горячие и искренние, все же убеждены были, что, например, максимум — несправедливая мера и что все его оправдание — лишь в исключительных условиях, причем, возражая обвинителям, говорят они об этой исключительности обстоятельств больше в прошлом, чем в настоящем. Выходит так, что прежде, в 1793—1794 гг., для введения этого «несправедливого» максимума были серьезные основания. Но

о том, чтобы можно было ввести его в 1795 г., нет и речи [1]. Левассер, например, что чрезвычайно для него характерно, классом, «который дает популярность», считает *именно* класс буржуазии, пострадавший от максимума и от принудительного займа [2]. Левассер до конца дней своих не любил буржуазию, возмущался тем, что ее часто превозносят (ведь пишет он свои воспоминания уже при Луи-Филиппе), называл ее «самым эгоистическим классом общества» (la classe la plus égoïste de la société), противопоставляя ей «народ». И, однако, ему и в голову не могло прийти, что сам он ближе к тем, кого не любит, чем к тем, кого хочет возвеличить и кому симпатизирует. Несправедлив и нецелесообразен был бы реставрированный максимум,— допустим. Но если не эта мера, то повелительно требовалась ведь какая-то другая? Или комплекс других мер? Ничего этого у последних монтаньяров в запасе не было.

Вспоминая месяцы, последовавшие за термидором, старый монтаньяр, который так незаменим в своих свидетельствах, справедливо указывает, что «народ» признал себя обманутым, что уничтожение максимума не улучшило, но ухудшило его положение, что буржуазия запомнила относительно прошедших лет лишь об ущербе для своего кармана, о принудительном займе, о максимуме и т. п.— и поэтому ненавидела их, эпигонов конвентской Горы, уцелевших (до времени) монтаньяров. Только он едва ли основательно полагает, что «народ» продолжал смотреть на этих эпигонов как на своих «естественных вождей (ses chefs naturels)» [3]. К парижской массе, во всяком случае, это не относится.

Вспоминая о дожерминальском времени, Левассер признает, что он и его товарищи по «вершине» желали восстания, старались доказать его необходимость, собирались, *когда оно произойдет,* принять в нем направляющее участие,— но они его не подготовляли, не организовывали, не заводили никаких сношений, нужных для его организации [4]. Этому легко можно поверить. Могли быть (и, наверное, были) люди, пытавшиеся и агитировать в предместьях и организовывать там выступление. Могли быть революционно настроенные лица, которые потом оказались в той или иной мере причастны и к заговору Бабефа и к нападению на Гренельский лагерь и которые являются, таким образом, как бы скрытой сокровенной связью, объединяющей известной преемственностью все эти выступления.

В жерминальском, а особенно в прериальском выступлениях чувствуется наличие такого скрытого элемента. Но во всяком случае конвентская «вершина» в своем подавляющем большинстве была тут ни при чем, да и не только конвентская «вершина».

По наблюдениям того же Левассера, Якобинский клуб зимой

1794/95 г. был уже трупом; влияние его на массы исчезло потому именно, что народ изверился в действенности восстаний, не приводивших к увеличению его благосостояния [5]. Другими словами: и якобинцы, бесславно разгромленные, униженные наглыми нападениями мюскаденов и всеми обстоятельствами, сопровождавшими закрытие Клуба (21 и 22 брюмера), не решались, не могли, не умели связаться с предместьями, добиться от них хотя бы попытки оказать Клубу помощь и защиту от прямых насилий, от палочных избиений.

И все-таки Якобинский клуб был более популярен в предместьях, чем конвентская «вершина».

Рабочие Антуанского и Марсельского предместий и других аналогичных кварталов столицы, вроде Тампля или улицы Муфтар, просто *не знали* последних монтаньяров. Это были не только люди чужого и враждебного класса, но и люди чужого, незнакомого быта, другого воспитания, другой жизненной дороги, которая не только никогда не скрещивалась, но и *не могла* скреститься с дорогой парижского рабочего. Ромм в своем синем рединготе и белом жабо, эрудит и педант, помнивший любезность Екатерины II на аудиенции в петербургском Зимнем дворце, был для разъяренного голодом рабочего, изверившегося в обещаниях и ворвавшегося первого прериаля во дворец Конвента, точь-в-точь таким же чужим человеком, как Буасси д'Англа, сидевший в тот момент на председательском месте. Дворянин и офицер Субрани был этому рабочему так же чужд (и поэтому, с первого взгляда, враждебен), как и те пять офицеров, которые потом того же Субрани судили и отправили на гильотину.

Интеллигент и поэт Гужон говорил на языке, который был очень мало понятен толпе голодных женщин, заявлявших, что они пришли в Конвент за хлебом и не уйдут домой без хлеба. Монах Дюкенуа, может быть, в некоторых отношениях был понятнее народной массе предместий, когда был монахом, чем тогда, когда стал депутатом и монтаньяром: потому что в монашеской рясе он мог быть понят как враг; в качестве монтаньяра он был просто незнаком и чужд. Каждый из них был для среднего рабочего *барином* (un monsieur) и как таковой неизвестен индивидуально и подозрителен *социально*, если можно так выразиться. Трагизм положения монтаньяров, взошедших в прериале на эшафот, усугублялся тем, что рабочие, которых в том же прериале ежедневно казнили на той же гильотине, так до конца и не знали и не признали своими защитниками людей, одновременно с ними и по тому же делу погибших. Они были депутаты, т. е. частью той чужой, непонятной, всемогущей государственной машины, того Конвента, на который некогда (например, 31 мая — 2 июня или осенью 1793 г.) можно было влиять непосредственным нажимом, массовой демонстрацией,

от которого резкими и повторными требованиями можно было добиться, например, издания закона о максимуме, но который не заключал в своей среде *ни одного* в самом деле родного рабочим предместьям человека. Юрист Робеспьер или дворянин Сен Жюст оставались для этих предместий такими же, с бытовой стороны, чужими людьми иного мира, как и те, кого Робеспьер и Сен-Жюст отправляли на эшафот. Но пока Робеспьер был у власти, инстинкт говорил рабочему, что эта власть помнит, что она зародилась после 31 мая — 2 июня 1793 г., которое было немыслимо без выступления рабочих предместий. А 9 термидора прошло без малейшего участия рабочего населения столицы. Этот день, принесший с собой решительный переворот в политике, пришел и прошел без того, чтобы та или другая изборовшихся сторон захотели или успели апеллировать к предместьям. Когда 10 термидора Робеспьера везли на казнь вместе с его друзьями и помощниками, вчерашними владыками Франции, парижский рабочий класс оставался в общем спокоен и безучастен, и даже умышленное мучительство, которое палач успел учинить над раненым Робеспьером за несколько секунд до падения лезвия гильотины, было встречено без малейшего замеченного протеста, без тени негодования или сожаления. И если оставалась в первые дни хоть какая-нибудь легенда, хоть какая-нибудь несколько дней длившаяся молва о погибшем, то это была кем-то пущенная, со злорадством повторявшаяся бессмыслица о тайных замыслах Робеспьера жениться на сидевшей в Тампле дочери Людовика XVI. Потом и об этом забыли. Вспоминать о нем стали в рабочих предместьях (судя по полицейским донесениям и другим источникам) только в те месяцы долгой и люто голодной зимы 1794/95 г., когда оказалось, что жизнь стала еще голоднее, чем при Робеспьере, что, впрочем, голодно живут *не все*; что если в Антуанском и Марсельском предместьях матери кончают самоубийством вместе с грудными детьми, не выдерживая мук голода, то зато в других кварталах появились богатые кареты, танцевальные залы, кондитерские, рестораны, где подают изысканные кушанья и тонкие вина.

Обида и злоба на верховную власть, на тот же Конвент, все возрастали и возрастали. Различить в этом всемогущем, чужом и ненавистном учреждении сиротливую кучку монтаньяров, до времени избежавших гильотины; понять, что эти люди — какой-то *Ромм,* какой-то *Дюкенуа,* какой-то *Субрани* и еще несколько человек, им подобных, не солидарны с большинством, что они больше друзья голодающего трудового люда, чем те, у кого в руках власть,— узнать и понять все это оказалось среднему парижскому рабочему совсем не под силу.

И действительно, эта кучка монтаньяров, морально осажденная в Конвенте смертельными врагами, провоцируемая и

оскорбляемая каждый день и возвращенными жирондистами, и безличной массой (которая прежде раболепствовала перед Робеспьером, а теперь угождала термидорианцам), и больше всего ярыми, безудержными бывшими товарищами — монтаньярами-ренегатами, эта кучка сидевших на «вершине» людей была и в самом деле не родной для рабочих предместий. Мелкая буржуазия, адвокатура, провинциальное дворянство, низшее духовенство, мелкое и среднее чиновничество старого режима — вот социальная бытовая среда последних представителей монтаньярской идеи. Дело было не только в том, что Жильбер Ромм умел с интересом разговаривать с императрицей Екатериной и не знал, как и о чем говорить с сент-антуанским столяром.

Главное заключалось в том, что для последних монтаньяров рабочие в сущности были прежде всего средством и оружием. Единственная общая, реальная, серьезная — пусть не удавшаяся в значительной степени — попытка ограничить свободную конкуренцию, наложить узду на спекуляцию, призвать к порядку финансистов и капиталистов, помочь голодающему, обнищавшему потребителю — словом, единственная за весь ранний дотермидорианский, точнее, довантозовский период попытка крупной меры социального законодательства заключалась в введении максимума, таксации предметов потребления. И эта мера была *навязана* упиравшемуся монтаньярскому Конвенту парижской голодающей массой. Только в этом случае масса взяла на себя инициативу, толкала колебавшихся и упиравшихся революционных законодателей. В других случаях, когда речь шла о завоевании, удержании, укреплении своей политической власти, о проведении своей политической программы, о потребностях внутренней и внешней войны,— монтаньяры сами шли к массе, искали ее поддержки, звали ее на выступления. Они могли, конечно, сказать, что их политическая программа, их тяжелая и колоссальная борьба с врагами республики тоже были, в последнем счете, нужны этим массам парижских предместий, клонились и к их благу и к их защите, но во всяком случае не только после 9 термидора, но уже и до этого дня рабочая масса не ждала и не получила от Конвента ничего, что сколько-нибудь *непосредственно* клонилось бы к удовлетворению ее материальной, все обострявшейся нужды. И Ромму с товарищами тоже не пришло в голову выдвинуть, хотя бы в виде идеала, какую бы то ни было экономическую программу, хотя сколько-нибудь способную привлечь предместья. Рабочие хорошо поступили бы, если бы помогли свергнуть термидорианцев. Но что это даст самим рабочим,— этот вопрос, по-видимому, непосредственно занимал гораздо меньше монтаньяров 1795 г.

Но, повторяем, объективные результаты якобинской диктатуры имели великое революционное значение. «Вершина»,

личуть не усомнившаяся в своих политических идеалах, вовсе не желавшая сложить оружие, вовсе не переживавшая послереволюционного похмелья (так как, с ее точки зрения, борьба была еще впереди), все-таки сознавала страшную трудность момента, смотрела мрачно и на ближайшее будущее и на личную свою участь.

По свидетельству монтаньяра Левассера, бóльшая часть уцелевших в Конвенте монтаньяров, не изменивших старому знамени и не ушедших к победителям, была в интересующее нас время удручена, подавлена, вяла. Но среди них выдавалась кучка человек в 30, которые сохранили свою былую энергию, готовы были на борьбу и самопожертвование [6]. Как я уже отметил, эта кучка, осколок былой Горы, и стала называться в просторечии «вершиной» (la crête).

Это были люди, закаленные в боях, отборные, бесстрашные, нечто подобное, в своем роде, в смысле бесстрашия и стойкости, «последнему каре» старой гвардии при Ватерлоо. Их преданность самой идее революции не знала пределов: чтобы поддержать хотя на время гаснущий огонь, они все готовы были лечь костьми.

Даже политические враги, вроде современника Дюлора, вспоминая о «вершине» времен дожерминальского восстания, признавали почти за всеми составлявшими ее людьми способность к самопожертвованию и искренность; этой аттестации, конечно не ослабляют обычные оговорки о заблуждениях, увлечениях, раздражительности и т. п. [7]

Когда приходится присматриваться к этим людям в этот, для многих из них последний, момент их жизни, нельзя отделаться от впечатления, что они не только презирают и ненавидят своих многочисленных и разъяренных врагов, но в одном важном отношении не очень довольны и самими собою. Все они недовольны своим былым поведением 9 термидора, недовольны и деятельным участием в перевороте (как Камбон), и всегдашней былой враждебностью к Робеспьеру (как Ромм), и позднейшим своим сочувствием перевороту (как Гужон, Субрани или Рюль).

В большей или меньшей степени все они переживали в это время то чувство, которое мучило Камбона, когда он, наблюдая термидорианскую реакцию, припоминал 9 термидора и говорил, что лучше было бы ему пойти на эшафот, чем помогать тем, кто победил в этот день. Это мы знаем из заметок, оставшихся от старика Бодо [8]. Но и сам Бодо не любил предтермидорианский Комитет общественного спасения, в особенности Сен-Жюста, казненного в один день и час с Робеспьером.

Скажем теперь несколько слов об отдельных монтаньярах, с именами которых нам придется встретиться в дальнейшем из-

ложении,— о Субрани, Ромме, Гужоне и их товарищах. Я скажу о них лишь то, что необходимо для разъяснения их роли в рассматриваемой драме, и то, чего не знали их биографы [9].

Субрани принадлежал к провинциальной старинной знати. При старом режиме он был офицером, вышел в отставку накануне революции (в апреле 1789 г.) и тогда же тесно сблизился с Роммом, вернувшимся из России вместе со своим воспитанником графом Павлом Строгановым. Субрани был выбран депутатом сначала в Законодательное собрание, потом в Конвент и примкнул к монтаньярам. В 1793—1794 гг. он, в качестве народного представителя при армии, проделал ряд кампаний, как на Рейне, так и в Пиренеях, где отличился необычайной отвагой в боях. После долгого пребывания при армиях он вернулся в Конвент через месяц после гибели Робеспьера. Сначала он относился к памяти Робеспьера отрицательно, возмущался, например, законом 22 прериаля об изменении судопроизводства в революционном трибунале.

Разобравшись, однако, в обстановке, он скоро стал относиться с глубоким презрением к термидорианцам. От него остались интимные письма, интересные для характеристики не только их автора, но и всего исторического момента, о котором идет речь. Эти, давно изданные, всего в одной сотне экземпляров, но мало кем цитированные, а ныне как-то совсем забытые письма — один из редких источников, позволяющих нам проникнуть в психологию «вершины» в эти зимние и весенние месяцы 1794—1795 гг. [10] Благородный, прямой, правдивый Субрани понимает, что «правая сторона» Конвента (т. е. тайные роялисты, часть возвращенных жирондистов и т. п.) не была бы сама по себе столь непреодолима, если бы ей не помогали перебежчики из былой монтаньярской партии. Эти ренегаты преследуют своих вчерашних товарищей с ожесточением. Субрани называет, в частности, Тальена, Фрерона, Ровера и Бантаболя. Правая партия, к которой эти люди переметнулись, знает их и, по мнению Субрани, тоже презирает [11]. Она пользуется ими, чтобы раздавить «вершину», но с готовностью уничтожила бы их самих, если бы пока не имела в них надобности. В Конвенте нет более преступной шайки, чем эти ренегаты. Они ведут распутный образ жизни, проводят жизнь в «скандальных оргиях» с разными бывшими маркизами, графинями и т. д. Тальен женился на вдове эмигранта, дочери банкира испанского короля, г-же Кабарюс, и эта женщина теперь (писано в январе 1795 г.) разыгрывает роль Марии-Антуанетты. Она выставляет напоказ вызывающую роскошь, появляется в театрах, покрытая бриллиантами,— это в разгар народной нищеты. Особенно возмущает Субрани то лицемерие, с которым эти люди осмеливаются вторить большинству и тоже называть «кровопийцами» деятелей павшего (робеспье-

ровского) режима. Кто осмеливается во имя гуманности возмущаться былым террором? Тальен, один из людей, ответственных за сентябрьские убийства в Париже и за избиение в Марселе; Фрерон, который своей властью и без суда велел расстрелять восемьсот человек в Тулоне [12].

Субрани с омерзением относится к этим лицемерам. С грустью говорит он о закрытии «народных обществ» в рабочих предместьях, следит за бабефовским «Tribun du peuple» и старается переслать своему другу номера этого органа [13],— весь тон этих скудных, случайно уцелевших страниц частной переписки говорит о сдержанной печали, о предчувствии личной обреченности, если можно назвать «предчувствием» логически обоснованную мысль. Когда знакомишься с этими письмами, вспоминаются слова поэта: «его судьба давно ему ясна».

В ночь с 1 на 2 прериаля Субрани был вовремя предупрежден о готовящемся аресте; однако, узнав, что Ромм уже арестован, он заявил: «Я с ним не разлучусь; я разделял его убеждения и разделю его участь». Субрани, в самом деле, преклонялся перед Роммом. Когда Лев Толстой ознакомился с личностью Ромма (читая биографию его воспитанника П. А. Строганова), он записал в своем дневнике (31 декабря 1905 г.): «Читал Строганова о Ромме, был поражен его геройством в соединении с его слабой, жалкой фигуркой... Я думаю, что это чаще всего бывает так. Силачи чувственные, как Орлов, бывают трусы, а эти напротив» [14]. Холодное его бесстрашие поражало его современников. «Ромм оставался бы свободным, даже если бы на него были направлены все пушки Европы»,— сказал о нем Кутон в заседании Конвента 14 июня 1793 г. [15]

Уже в своей дореволюционной жизни, на незаметных, скромных ролях, он обнаруживал этот суровый, не знающий никаких компромиссов, нрав.

За тысячи верст от родины, незаметный, безвестный, наемный гувернер в доме богатейшего русского барина, для службы у которого он отказался от всякой возможности иной карьеры в своей стране, человек всецело зависимый, Ромм пишет графине Строгановой, хозяйке дома, где он служит, что ввиду ее предосудительного поведения он не намерен больше, в отсутствии отца, пускать к ней ее сына, так как ее общество может неблагоприятно отразиться на нравственности мальчика [16]. И он настоятельно предлагает графине принять к сведению, что во всяком случае сын будет к ней заходить не иначе, как в его, Ромма, сопровождении: «Я слишком неспокоен, когда он от меня удаляется» [17].

Ромм был стоик в самом точном смысле слова. Предпринимая со своим воспитанником большое, рассчитанное на несколько месяцев, путешествие по тогдашней бездорожной России,

Ромм больше всего ценит в этой поездке именно ее тяжелые неудобства: голод, холод, жару, лишения всякого рода. Поэтому он предпочитает кибитку всякому другому экипажу и *поэтому* он берет с собой в трудный путь очень мало провизии [18].

Де Виссак нашел в бумагах Ромма знаменательную запись о впечатлении, произведенном на маленького Павла Строганова рассказом о героической смерти Сократа [19]. Ясно, что молодой учитель выразил в этой записи и собственное отношение к греческому мудрецу. Смерть Сократа, которого убивает неправедный суд, неблагодарность и зверство людей по отношению к Велизарию,— вот что Ромм считал лучшим воспитательным материалом. И он сумел возбудить в своем ученике чувство любви и преклонения, и когда, по приказу Екатерины, молодому графу нужно было покинуть революционный Париж и расстаться со своим воспитателем, Павел Александрович Строганов с раздражением и ожесточением заявил, что он не флюгер и скорее сломается, чем изменит своим принципам — принципам «справедливости, разума, чувства» [20].

Ромм пользовался большим авторитетом среди своих друзей. Так, по-видимому, относились к нему молодой Строганов и Субрани. Были и враждебно настроенные к нему люди, вроде Баранта, но и они, однако, признавали его «чистое и бескорыстное поведение» (une conduite pure et désintéressée) и только попрекали его мрачным фанатизмом (un fanatisme sombre), нетерпимостью, безмерной гордостью.

С начала революции Ромм был среди левых якобинцев; с начала Конвента — голосовал с монтаньярами, выполнял трудные миссии, плодотворно работал в области законодательства. В термидоре он тоже, как и Субрани, сначала сочувствовал падению Робеспьера и тоже скоро отшатнулся от термидорианцев после их победы.

Представляя доклад комиссии по делу об обвинении Каррье в преступлениях по должности в эпоху террора, Ромм предостерегал от таких преследований в тех случаях, когда они основываются на пристрастных показаниях и на сомнительных документах. В самой комиссии он разошелся в мнениях со всеми остальными ее членами [21]. Он не побоялся защищать Каррье, шаг за шагом обороняя позиции от все растущей агрессивной реакции. Он требовал какого-нибудь обуздания бесчисленных доносчиков, требовал, чтобы вакханалии обвинений был положен предел, хотя бы, например, привлечением к ответственности за обвинения, оказавшиеся ложными. В эту тяжелую зиму начала 1795 г. Ромм мог бы стать известен голодающей рабочей массе Парижа своим предложением выдавать рабочим, находящимся на работе, не по одному фунту, как прочим гражданам, а полтора фунта хлеба в день. Мог бы стать известен... Но стал

ли? Нет. По крайней мере, у нас нет ни малейших указаний на его популярность в рабочих предместьях. И когда вечером 1 прериаля он стал говорить, рискуя этим самым головой, то наполнявшая Конвент толпа ничем не выразила, что знает его имя: она слушала его сначала с нетерпением и раздражением. И тут тоже, на частном примере, обнаруживается истинная трагедия последних монтаньяров. Единственным местом, откуда они могли в этот исторический момент ждать помощи в борьбе против плутократической реакции Конвента, были рабочие предместья. Но, как я уже отмечал, внутренне и внешне эти предместья были не родной силой для Ромма и его товарищей.

Правда, Ромм принадлежал по своей натуре к числу тех немногих монтаньяров, в которых никакая мелкобуржуазная стихия не могла заглушить сознания какого-то громадного исторического долга «великой» революции перед голодающими и подавленными массами, которые эту революцию вынесли на своих плечах, вскормили своей кровью. В его сознании объективный результат исторического процесса окрашивался в моральные тона: «Мое последнее дыхание будет... за несчастного и угнетенного, которого покидают» [22],— так говорил он военной комиссии за три дня до приговора и до самоубийства. Он не захотел «покинуть» голодающих.

Рядом с Роммом заседали на «вершине» люди, менее, чем он, бросающиеся в глаза, но которым тоже предстояло погибнуть после 1 прериаля.

Дюруа, Дюкенуа, Субрани, Бурботт отдали революции очень много сил и души, занимая ответственнейшие посты в качестве народных представителей, то прикомандированных к армии, то управляющих с почти неограниченными полномочиями той или иной провинцией, где по обстоятельствам требовалось присутствие такой исключительной власти. Эти длительные командировки народных представителей (т. е. депутатов из Конвента) в очень значительной степени содействовали полному сосредоточению всей власти, как законодательной, так и исполнительной, в руках Конвента. В 1793—1794 гг. Конвент знал, что он окружен людьми, готовыми ему изменить; что нельзя вполне положиться ни на одного генерала в армии, ни на один муниципалитет в провинции, особенно если в этой провинции сколько-нибудь сильны жирондисты, роялисты, неприсягнувшее духовенство или купечество, когда-то ведшее заграничный торг, а теперь поэтому разорившееся. Чрезвычайные уполномоченные, приезжавшие от Конвента и поддерживавшие с ним чуть не ежедневную связь, были глазами и руками этого высшего и единственного органа верховной власти. И Дюруа, и Дюкенуа, и Субрани, и Бурботт пользовались перед 9 термидора полным доверием Конвента. В частности, Субрани, Бурботт и Дюруа

были людьми военными по призванию (а Субрани, как мы видели, и по прежней профессии). Они нередко принимали непосредственное участие в военных действиях, рискуя жизнью, проводя все время в переходах, на бивуаках, в осадах, приступах, сражениях. После 9 термидора они оказались не нужны. Термидорианский Конвент постепенно отзывал из командировок всех тех, кто был известен своими монтаньярскими убеждениями. С рейнских полей, из вандейских лесов, из альпийских отрогов, от военной среды, с которой они так свыклись, они вернулись в Конвент в такой политический момент, перенеслись в такую обстановку, которая даже очень опытных парламентских интриганов приводила в смущение своей сложностью.

Как я уже сказал, уцелевшие от этих месяцев письма Субрани отражают мысли и настроения очень многих из членов «вершины». Как Ромм, сын прокурора, как Субрани, аристократ и офицер, так и все другие будущие жертвы прериаля, здесь названные, принадлежали к тем общественным слоям, которые не имели ничего общего с рабочим классом, были чужды ему и по происхождению, и по образованию, и по воззрениям. И даже те из них, которые стояли за весьма по тому времени радикальные меры в области экономической помощи беднейшей части населения, все-таки по своему умственному складу, по самому подходу к вопросу оставались неблизкими для тех, кому хотели помочь. Вот, например, несколько раз уже упоминавшийся выше Дюкенуа. Сорокалетним монахом он в 1789 г. всей душой отдается революции, покидает монастырь, становится энергичным членом крайней левой в Законодательном собрании, потом в Конвенте, мужественно, настойчиво и часто самоотверженно проводит целый ряд самых ответственных миссий в разных армиях, куда его отправляет Конвент. В этом человеке было что-то от революционного евангелия времен реформ XVI века, и едва ли кого удивило, когда он в Меце наложил на «богатых» специальный налог в пользу «бедных»; в его психологии эта мера (аналогичная той, которую тогда же, в 1794 г., провел в гораздо бо́льших размерах Клод Жавог в Сент-Этьенне) носила именно такой характер, какой она могла бы носить, например, в Цвиккау, в годы «пророков». В последние часы жизни, в письме к жене, он завещает воспитывать детей в духе заповеди: «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали».

За три недели до своего рокового ареста он издал брошюру в опровержение взводимых на него вражеских обвинений. Нападали на него термидорианцы, которых он искренно презирал, в особенности за их отступничество, за то, что именно те из них, кто больше всех пролил крови в эпоху террора, теперь больше всех жаждали пролить кровь своих вчерашних товарищей [23]. Конечно, этой брошюрой Дюкенуа мог еще больше возбудить

ненависть со стороны преследователей: именно они ее и читали, рабочие предместий таких брошюр не могли бы купить, часто не умели бы прочесть и, главное, никогда не были бы в состоянии ими заинтересоваться.

Другой товарищ Ромма, Дюруа, был сыном хозяина кузнечной мастерской. Он родился в 1753 г., получил образование и стал адвокатом. В Конвенте, куда он был избран в 1792 г., он примкнул к монтаньярам. Он много работал в качестве администратора как по гражданской, так и по военной части. Чисто политической карьеры он не сделал, в Конвенте появлялся не часто, постоянно разъезжая и находясь в длительных, очень трудных командировках. Во время термидорианской реакции он решительно отвернулся от победителей и остался с побежденными. В сущности он был прав, когда в заседании 20 брюмера (10 октября 1794 г.) сказал, что 18 месяцев отсутствовал в Конвенте и не принимал поэтому никакого участия в борьбе партий. Но он с отвращением относился к грубому своекорыстию, к алчности, к мстительности, к предательскому поведению многих и многих термидорианцев. Я уже цитировал речь, с которой он именно 20 брюмера выступил в Конвенте после полутора лет отсутствия и в которой он высказал термидорианцам не мало горьких истин. И укоры его были тем чувствительнее, что он в свое время приветствовал падение Робеспьера.

Из всей «вершины» наиболее способными к руководящей роли, к инициативе, наиболее свыкшимися с мыслью о неизбежности революционного выступления являлись молодые еще люди, Гужон и Бурботт. Именно их (и только их) неоднократно указывал в своих воспоминаниях Левассер, именно от них как будто ждали сигнала их товарищи, последние монтаньяры [24]. Оба они приветствовали падение Робеспьера, оба отправили в Конвент из Тионвиля, где они тогда находились, поздравление с низвержением «тирана»: «Да будут уничтожены все тираны (que tous les tyrans soient anéantis)»,— писали они. Это было написано 13 термидора; не могли они тогда знать, что им самим остается жить около 10 месяцев и что покончат с ними те самые люди, которых они так горячо приветствовали.

О Гужоне, революционере и поэте, пылком и обаятельном в своей душевной чистоте, героически храбром человеке, дают нам понятие факты и документы, собранные его родственником и другом Тиссо, тоже по-своему любопытной личностью тех времен, близко стоявшей к конвентской «вершине» (сам Тиссо не был членом Конвента).

Тиссо был женат на сестре Гужона, Софии. Он прожил долгий век, умер (86 лет отроду) уже при Второй империи (1854 г.) и до конца дней оставался верен своим монтаньярским

убеждениям. Это был твердый, благородный, бескорыстный человек. Умер он почти слепым, да еще и изувеченным (после одного несчастного случая на улице), в полной нищете. Вся его духовная жизнь, все его задушевные интересы во всю вторую половину его жизни были связаны с памятью о 1 прериаля, с заботой о посмертной славе людей, погибших в прериальские дни. Некоторое время он увлекался Наполеоном I и его победами; со временем он стал ученым латинистом, читал лекции в Collège de France (откуда его изгнали в 1821 г. за якобинизм) и даже был избран в 1833 г. в Академию, что, как мы видели, не избавило его от нищеты, так как академики ничего не получали. Он непременно хотел спасти от забвения память прериальцев, особенно Гужона.

Гужон, тоже проведший 1793—1794 гг. в ответственных миссиях при армиях и в провинции, по-видимому, хотел и даже пытался завязать сношения с рабочими предместьями.

Но и между ним и народом, заполнившим Конвент в самый день 1 прериаля, не обнаружилось, насколько можно судить, никакой особой связи; незаметно также с его стороны руководящего участия в этот день. Его выступление с внешней стороны прошло так же, как и выступления его товарищей. Как бы то ни было, у Левассера осталось впечатление, что Гужон мог коечто знать о том, что делается в предместьях. В своем последнем письме, написанном за три дня до смертного приговора и самоубийства, Гужон говорит о будущей конституции (именно тогда вырабатывавшейся Конвентом), при которой народная масса окажется совершенно порабощенной «более богатой кастой — единственной госпожой правительства и государства» [25]. Таким образом, для него предстоящее восстание в самом деле могло иметь характер борьбы против «богатых» и в пользу «народной массы», чем как будто подтверждается выше отмеченное показание Левассера с намеком о каких-то сношениях Гужона с предместьями [26].

О Бурботте нам известно меньше, чем о других погибших в прериале членах «вершины». В момент гибели ему было 32 года. Он прославился как в вандейских войнах, где неоднократно подвергался смертельным опасностям, так и в войне с союзниками (летом 1794 г.), на Рейне. Всецело преданный идее демократической республики, он был, конечно, врагом термидорианцев. За его прямодушие, бескорыстие, личную храбрость его любили даже такие по существу далекие от него люди, как, например, его товарищ и земляк, знаменитый впоследствии наполеоновский маршал Даву (герцог Экмюльский). Его отличительной чертой была мягкость характера: одним из предложений, которое он успел сформулировать в невообразимом смятении и шуме 1 прериаля, было именно уничтожение смертной

казни. Он внес это предложение, когда, казалось, была полная надежда на победу, во всяком случае его же одновременное предложение об аресте людей, «продавшихся реакции», и его вхождение в комиссию четырех, призванную возглавлять новое правительство, показывают, что лично он вполне верил в победу.

Упомяну еще о Рюле. Филипп-Огюст Рюль, сын выходца из Западной Германии, ставшего страсбургским пастором, юрист, архивист и генеалог, долго служил в Пфальце. Во Франции он окончательно поселился с начала революции (в 1789 г. ему было уже 52 года); был членом сперва Законодательного собрания, затем Конвента. Именно по его предложению поэт Шиллер получил от Конвента звание французского гражданина. Рюль примкнул к монтаньярам и, как и другие его товарищи, неоднократно посылался в очень ответственные командировки. 9 термидора он занял позицию, враждебную Робеспьеру, однако уже через пять месяцев он выступает в защиту преследуемых членов бывших (робеспьеровских) комитетов общественного спасения и безопасности. С тех пор его травят, как и прочих депутатов «вершины». 1 прериаля он выступил (вечером) всего лишь с несколькими словами, обращенными к председателю (Буасси д'Англа): с предложением приступить к обсуждению вопросов о продовольствии и о конституции 1793 г. Когда председатель возразил, что нельзя обсуждать при том шуме, который царил в Конвенте, Рюль не настаивал. Его арестовали на другой день, но даже Бурдон (de l'Oise) выступил на его защиту. Решено было ограничиться домашним арестом. Тем не менее спустя несколько дней он был предан суду военной комиссии. Не желая идти на гильотину, он закололся кинжалом 10 прериаля, за девятнадцать дней до самоубийства Ромма и его товарищей.

Такова была эта кучка людей, погибших при последнем в эту эпоху революционном выступлении парижских рабочих предместий, но не связанных с этими предместьями ни классовым происхождением, ни экономическим положением, ни духовной жизнью. Вождями рабочей массы, составлявшей ядро прериальского восстания, они не могли бы стать, даже если бы захотели: выдвинувшая их в первые годы революции мелкобуржуазная стихия явственно оставляла их без поддержки, отходила от них в своей массе, рабочие предместья к ним не шли, их не знали, и сами они могли пойти в предместья лишь затем, чтобы подтянуть оттуда боевую силу для низвержения термидорианцев. Историку, который хотел бы себе представить, каково было бы поведение «вершины» в случае, если бы 1 прериаля была одержана победа, незачем даже особенно апеллировать к своему воображению: достаточно вспомнить монтаньяров после 31 мая 1793 г. Ведь и тогда, сквозь ликование, горячие восторги по по-

воду поведения великого парижского народа, героического подъема и т. д., довольно явственно просвечивало как бы некоторое замешательство: да, «народ» очень хорошо сделал, что вышел из предместий, устремился к Конвенту, заставил его изгнать жирондистов. Но теперь хорошо бы, чтобы «народ», исполнив свою задачу, доверился работе монтаньяров на благо единой и неделимой республики. Не забудем, что даже и после 31 мая монтаньяры туго, с остановками, замедлениями, колебаниями, подчиняясь давлению того же «народа», в течение целых четырех месяцев подвигались к *общему* закону о максимуме, т. е. к мере, которая представлялась тогда неимущей городской массе чуть ли не якорем спасения.

В жерминале и прериале 1795 г. на «вершине» в Конвенте сидели люди по натуре своей крупные и способные быть вождями: в Антуанском и Марсельском предместьях, в квартале Тампля, на улице Муфтар — были налицо массы, готовые на решительное революционное выступление. Но эти вожди и эти массы друг друга не знали, не понимали и не нашли. Иначе в тот исторический момент и быть не могло.

Они остались неблизкими друг другу даже у подножья прериальской гильотины, на которой смешалась их кровь.

Глава IV

ЖЕРМИНАЛЬ

С первых дней жерминаля III года (1795 г.) положение становится все более угрожающим. То доносят о людях, которым при раздаче не хватило хлеба; то рабочие вслух высказывают самые резкие угрозы; то женщины кричат, что убьют себя и своих детей, которых нечем кормить; то работницы решительно собираются идти в Конвент с требованием хлеба; отчаяние сменяется угрозами [1]. Женщины-работницы обходят мастерские, снимают с работы подруг, зовут идти вместе в Конвент [2]. Хлеб в эти дни выдавался очень плохого качества, да и то получали не все: полиция отмечает, что многие, продежурив всю ночь у дверей булочных, уходят, не получив своей порции [3].

С 27 вантоза вплоть до 12 жерминаля не проходит дня без более или менее многолюдных сборищ, образующихся иногда в плебейских предместьях, иногда в центральных кварталах.

Ядром этих все более и более усиливавшихся групп бывали чаще всего бесконечные «хвосты» (les queues) около булочных. Иногда сборища состояли только из женщин; иногда к ним присоединялись и мужчины. Учащались и нападения на обозы с хлебом, направлявшиеся из провинции в Париж. Чтобы объяснить это явление, совершенно незачем прибегать к глубокомысленным соображениям о специальных агентах иностранных держав, как это делает в своих воспоминаниях термидорианец Дюлор [4]. Голод царил ведь не только в Париже, жители и других местностей старались, по мере сил, отбить хлеб, шедший в столицу.

Не помогали уже и попытки поставить рабочих, при раздаче хлеба, в несколько лучшее положение сравнительно с остальным населением, тем более что в соответственных постановлениях обыкновенно наряду с «рабочими» (les ouvriers) ставились

«нуждающиеся» (les indigents), и, таким образом, все эти постановления на практике сводились на нет: кто же из стоявших в очередях допустил бы, чтобы его не считали нуждающимся [5].

20 плювиоза Комитет общественной безопасности устами Матье докладывал Конвенту, что он сурово борется с опасным брожением. Есть люди, осмеливающиеся требовать возобновления террора, осмеливающиеся подозревать Конвент в контрреволюционности и называть его «сенатом Кобленца», есть преступная агитация в предместьях. Далее констатируется, что уничтожение бюстов Марата («золотой молодежью») вызывает возмущение среди беспокойных элементов и что один из таких бюстов, в виде протеста, торжественно носили в Сент-Антуанском предместье [6].

Принудительный (хлебный) «заем» натурой прошел в Комитете общественного спасения 4 жерминаля [7]. Он был обязателен для всех мест, расположенных в окружности Парижа радиусом в 20 лье (art. 6). Собственникам зерна или муки разрешалось оставлять себе для личного потребления на два месяца; все остальное они обязаны были одолжить для снабжения Парижа. Нормой потребления каждого лица без различия пола или профессии считалось 25 фунтов муки или 30 фунтов зерна в месяц. Из всего количества муки или зерна, *сверх* этой нормы (исчисляемой для всей семьи собственника сроком на два месяца), собственник обязывался две трети выдать немедленно правительственным властям, а остальную треть оставить временно у себя, но в распоряжении местных муниципалитетов, для удовлетворения местных нужд.

Власти все-таки настолько сильно беспокоились, что обрели даже былой суровый тон в отношении собственников зерна и других укрывателей, а также и скупщиков хлеба. Заговорили о вооруженном захвате хлеба, подлежащего реквизиции: для выполнения всех заданий по части поисков и отобрания зерна или муки агентам правительства предоставлялось, в случае надобности, требовать воинскую силу [8].

Спешно было приказано направить в Париж часть хлеба, который первоначально предназначался для снабжения армий [9]. Но очень злоупотреблять этой крайней мерой не приходилось. Армия была главным оплотом правительства, и если для термидорианцев было что-нибудь страшнее парижских предместий, то это, конечно, в тот момент была армия. А между тем и она уже начала местами голодать.

Конвент и правительственные комитеты провели наскоро еще две-три меры чисто паллиативного характера. Была сделана, например, попытка прекратить возмущавшее народ кумовство и протекцию при выдаче хлеба: воспрещено было выдавать его по особым запискам, подписанным Комитетом общест-

венного спасения или Комитетом безопасности. Тогда же (за пять дней до жерминальского выступления) решено было реквизировать у купцов весь имевшийся у них в магазинах рис, оставив им только то количество, которое им было необходимо для удовлетворения покупателей в течение месяца [10]. Но не эти паллиативы могли в самом деле внести успокоение. Да и едва ли они имели реальные последствия; просто при выдаче хлеба по протекции стали избегать письменных доказательств и меньше писать записок.

Перед самым 12 жерминаля раздражение в народной массе бросается в глаза всем наблюдателям, почти во всех частях города. Выдают по полфунта хлеба на человека вместо фунта, дополняют одну скудную порцию шестью унциями риса.

Женщины укоряют мужчин в трусости: почему они не спросят у заведующих продовольствием, что сделало правительство из прекрасного урожая и почему морит народ голодом? Носятся слухи, что народ собирается идти в Конвент просить хлеба [11]. Твердая уверенность, что урожай 1794 г. был отличный, порождала не менее твердое убеждение, что голод в Париже этой весной 1795 г.— последствие спекуляции, мошенничества и тайных сделок купцов с правительством. Слышатся угрозы прямого нападения на купцов и разгрома их собственности. Полиция и патрули не могут справиться с толпами. Пробуют арестовать несколько женщин, но толпа отбивает их силой. Ждут близкой бури и прямо говорят о ней, яростно поминая полфунта хлеба, который притом не все и получают из булочных. Угрозы становятся с каждым днем все решительнее [12]. Гроза собирается на «купцов», на «лавки», на «богатых», на «спекулянтов».

Правительственные комитеты, по-видимому, ждали выступления уже на 10 жерминаля. По крайней мере они запросили комитет шестого округа, не нужно ли прислать к этому дню жандармский отряд для поддержания порядка и воспрепятствования замыслам «злонамеренных людей». Однако такое чисто деловое предложение, оставившее следы в официальной переписке местных (окружных) административных органов, отчетливее и, главное, неопровержимее всего свидетельствует о тревоге, охватившей власти в эти грозные дни [13].

Рене Левассер (de la Sarthe), внимательно следивший за настроениями Конвента в эту зиму и весну, тесно связывает два события: 29 вантоза Лекуантр, довольно неожиданно для своих друзей термидорианцев, вносит предложение восстановить конституцию 1793 г., которое тотчас же отклоняется; два дня спустя недовольные и голодные народные массы столицы начинают готовиться к выступлению [14]. Левассер приписывает такое действенное значение политическому лозунгу, брошенному именно Лекуантром. Но мы знаем, что и до и после жерми-

наля и прериаля, и до и после заговора Бабефа требование восстановления конституции 1793 г. являлось необходимой частью любой революционной программы. В интересующие же нас дни полиция доносила больше всего о голоде в народе, о требовании хлеба, о желании заставить Конвент найти хлеб для Парижа. *Сам по себе* лозунг о конституции 1793 г. не объясняет жерминальского взрыва.

Правительство готовилось. Комитет безопасности забрасывал непосредственно ему подчиненные административные учреждения и комитеты округов письмами, приказами, запросами, сообщениями. Подозревали агитацию и политический замысел в готовившемся выступлении. Рекомендовалось бдительно следить за «интригами злонамеренных». Комитеты тех округов, где был силен буржуазный элемент, спешно раздавали ружья добровольцам [15]. Это важное и деликатное дело выполнялось таким образом, что ружья получали лишь те элементы населения, в которых Конвент и его органы могли быть вполне уверены.

Между тем ненависть к «спекулянтам», к «купцам» проявлялась в народе вполне открыто.

Когда толпа из предместий проходила, направляясь к Конвенту, по одной из самых нарядных улиц тогдашнего Парижа (rue Honoré), раздавались такие возгласы: «Вот очень богатая улица! Мошенники купцы! Мы их навестим!» Иногда к числу врагов народа присоединяли еще и мюскаденов: их социальная природа в эти жерминальские дни ни для кого не была тайной [16].

В жерминальские дни наблюдатели событий без всяких колебаний вполне определенно говорили о происходящей или готовящейся борьбе двух классов: буржуазии и плебса; «с одной стороны, народ, с другой — буржуазия»,— записал, например, Левассер [17], и так как он вполне отчетливо объяснил, что́ понимает под «народом», то никаких сомнений относительно смысла этого свидетельства быть не может: поход рабочих предместий на Конвент и 12 жерминаля и 1 прериаля, выступление центральных секций и их вооруженной силы против предместий в эти же дни, наступление вооруженных сил на Антуанское предместье 4 прериаля — все это, так сказать, топографические термины для характеристики борьбы враждебных классов. Если даже мы захотим употребить более общие выражения и скажем: борьба между имущими и неимущими,— все же в лагере неимущих мы видим *прежде всего,* слышим *больше всего* именно рабочих.

Классовый характер назревавшей борьбы сознавался в собственническом стане весьма отчетливо. Стоит почитать воспоминания Жюллиана: сколько было в секции Тюильри «собственников и почтенных граждан», все они, за несколько дней до 12 жерминаля, собрались и поручили ему выступить перед

Конвентом [18]. Les propriétaires et les citoyens honnêtes — вот класс, который решил бороться против бедноты. Слово honnêtes здесь явно означает не «честные», а именно «почтенные» в социальном смысле, именитые, зажиточные граждане (в том же значении, в каком говорят о солидном состоянии, о хорошем достатке: une fortune honnête, une aisance honnête). И как уверенно чувствует себя этот оратор собственник! Он хвалится тем, что явился произносить свою речь в Конвенте в сопровождении двух тысяч вооруженных людей из секции Тюильри, причем эта внушительная свита стояла *в боевом порядке* (en bataille) на террасе дворца Конвента и была готова «идти на защиту оратора, если бы кто осмелился что-нибудь против него предпринять». Но, конечно, эта вооруженная демонстрация была по существу *дружественной* Конвенту и грозила не ему, а завтрашним, ожидаемым противникам из рабочих предместий.

Столь резко вызывающая демонстрация буржуазных сил, очень благосклонно встреченная Конвентом, могла, конечно, только еще более уронить это верховное законодательное собрание в глазах голодающей массы.

Непопулярность Конвента была и без того очень велика в эти дни. В народе говорили, что правительство «молчаливым согласием» допускает алчных и эгоистических людей (т. е., разумеется, тех же «купцов», «богачей» и «спекулянтов») убивать (assassiner) другую часть народа (т. е. «бедняков», les malheureux). Шедшие в это время в Конвенте разговоры о созыве избирательных (первичных) собраний для выборов новых законодателей не встречали сочувствия в народе. Поговаривали, например, что депутаты, достаточно «разжирев», желают уйти и покинуть население в затруднительный момент [19].

При таких настроениях и разразились жерминальские события. Напомним вкратце их внешнюю историю.

В первой, написанной по горячим следам (истинно термидорианской по направлению) брошюре, посвященной событиям 12 и 13 жерминаля, автор отмечает ряд происшествий, имеющих, по его мнению, характер как бы введения, подготовки к жерминалю. Это была, во-первых, «зажигательная петиция» (une pétition incendiaire) Антуанского предместья. Во-вторых, петиция женщин, требовавших сначала, чтобы их всех впустили в зал заседаний. В-третьих, приход особой делегации от секции Гравилье, которая желала быть впущенной в полном составе и поэтому не была принята. В-четвертых, внесенное в Конвент предложение заменить его новым собранием, выбранным на основе конституции 1793 г. [20] Относительно этого последнего предложения наш автор, впрочем, оговаривается, что он отнюдь не хочет подозревать внесшего это предложение депутата Мерлен (de Thionville) в сочувствии к готовящемуся восстанию [21].

По-видимому, по мнению некоторых участников жерминальского восстания, этот день должен был быть, по результатам, аналогичным выступлению 31 мая — 2 июня 1793 г., когда парижский народ потребовал и добился изгнания жирондистов из Конвента. Жерминаль должен был вместе с тем покончить с термидорианцами и воскресить время господства монтаньяров [22]. В это время, т. е. уже в день 12 жерминаля, и начало проявляться правительственное сопротивление [23].

Некоторых наблюдателей поражала странная пассивность властей в самый критический момент жерминальских событий: не знали (или прикидывались незнающими), что в городе образуется большое скопление народа, что эта масса идет на Конвент; не делалось попыток преградить ей доступ в зал заседаний, не была усилена охрана Конвента. Нам говорят даже, будто *общее* мнение в эпоху жерминаля считало некоторых членов Комитета безопасности орудиями иностранной интриги [24]. Последнее обывательское объяснение нас не интересует, но важно отметить, что и тогда уже поведение властей казалось совершенно непонятным и наводило на подозрение об *умышленной тактике*.

Накануне 12 жерминаля в городе царило отчасти подавленное, отчасти ожесточенное настроение. В рабочих кварталах громко говорили о необходимости бить общий сбор и выступить. Жаловались и на недостаточность выдаваемых порций, и на плохое качество хлеба, и на потерю времени и трудности, связанные с получением этих скудных порций (вследствие огромных очередей). Полицейские агенты с ударением писали в своих донесениях, что «порядку и спокойствию» грозит опасность [25]. В этот день (11 жерминаля) плебейские предместья являли картину весьма грозную. Народные толпы, кричащие, что их морят голодом; ораторы, призывающие идти к Конвенту, и процессии, уже двигающиеся,— все это было так недвусмысленно, что колебавшиеся вечером монтаньярские депутаты на другой день решили вмешаться в движение, но опять-таки с оговоркой: если оно окажется сколько-нибудь значительным [26].

Раздражение растет: «Пусть Конвент постарается достать хлеба для несчастных, потому что богачи не ощущают в нем недостатка». Вот это-то последнее обстоятельство, разумеется, и раздражало больше всего: ведь голод не был всеобщим, были кварталы сытые и кварталы голодные. В булочных, выдававших хлеб народу, не хватало муки и хлеба, между тем как рестораны и кондитерские были снабжены «лучше, чем когда-либо (mieux fournis que jamais). Значит, богачи и правительство как-то столковались между собой, завладели урожаем, обокрали народ и обрекли его на голод. Рабочие снова стали поговаривать о том, чтобы пойти к «богатым и купцам» (les riches et les marchands)

и отобрать у них излишек (leur superflu). Часть рабочих уже бросила работу, заявляя, что не вернется к ней, пока не получит хлеба: «возьмите ружье и лучше убейте нас, чем заставлять нас страдать от голода!» — кричали женщины комиссарам и булочникам [27].

В тот же день, 11 жерминаля, в Конвент входит большая толпа народа. Это — одна из секций Антуанского предместья (Quinze-Vingts) принесла свою петицию. Из среды петиционеров выступает оратор; он жалуется на аресты патриотов, на отсутствие в Париже хлеба, на спекуляцию, лишающую народ предметов первой необходимости. Народ, с ударением прибавляет оратор, готов защищать законодателей, *а еще больше* свободу. Народу говорили, что после 9 термидора все пойдет хорошо; что отмена максимума тоже приведет к хорошим результатам, а между тем все идет плохо, патриоты угнетены, а «фанатики» и «золотая молодежь» оскорбляют мирных граждан; у Парижа нет муниципалитета, клубы закрыты [28].

Отвечая на петицию, вожди термидорианцев, Тальен, Бурдон (de l'Oise) и другие, разоблачали попытки влиять на Конвент, указывали на интриги, которые против него ведутся, и т. д., но не забыли при этом сказать и о том, что к Парижу со всех сторон подтягиваются обозы с продовольствием, что голод был бы меньше, если бы злонамеренные люди не останавливали этих обозов; указывали они также, что крестьяне как раз заняты обсеменением полей, что у них мало перевозочных средств, и этим тоже объясняется скудость припасов на рынках.

Но народ, гласила петиция, требует не только помощи в безысходной продовольственной нужде, но и немедленного введения в действие конституции 1793 г., причем внушительно подчеркивалась готовность отстоять это требование активно: народ поднялся, чтобы «поддержать республику и свободу», эта фраза не могла иметь в данном случае иного смысла, кроме революционно-угрожающего [29].

Термидорианский Конвент решил принять вызов. В бурном заседании 11 жерминаля прозвучали (правда, в очень мягком тоне) весьма угрожающие и зловещие слова: Париж ничего не производит. Париж живет исключительно милостью земледельцев. В случае новых революционных вспышек департаменты могут, в виде репрессий, окончательно оставить столицу без хлеба. Эта угроза в устах термидорианцев крайне знаменательна и характерна для событий, происходивших весною и летом 1795 г. [30]

12 жерминаля громадные толпы стали собираться отчасти в предместьях, отчасти в Ситэ. Во всех почти секциях велено было бить тревогу. Во главе воинской силы, предназначенной для подавления восстания, был поставлен генерал Пишегрю.

Но созыв национальной гвардии шел туго, в первые часы она собиралась чуть ли не десятками. Будь у восставших хорошие предводители и точно выработанный план действий, может быть, жерминальские дни окончились бы иначе. Участие — и очень значительное — рабочих в восстании отмечается очевидцами, но, к сожалению, в слишком беглых чертах [31].

В Ситэ собралась значительная толпа под предводительством Варле и Добсена. Одновременно стали собираться в секциях Инвалидов и Quinze-Vingts. Эти две секции с утра сносились между собой; назначено было сойтись перед дворцом Конвента.

Соединившись, они отбросили стражу и вошли в Конвент. Лозунгами их было: «Хлеба, восстановления конституции 1793 г. и освобождения патриотов, арестованных 9 термидора».

Автор брошюры, враждебной восставшим, инсинуирует, что эти лозунги исходили от члена Конвента Юге (Huget), который будто бы подсказал их вошедшей в Конвент толпе [32].

На 12 жерминаля в Конвенте был назначен доклад о состоянии продовольственных запасов в столице. Как раз когда Буасси читал об этом доклад, в здании Конвента, в помещениях, соседних с залом заседаний, раздались страшные крики и громадная толпа ринулась в зал; возгласы: «Хлеба, хлеба, мы умираем, хлеба!» — заглушили все остальное. Мерлен (de Thionville) — термидорианец — бросился в толпу и стал говорить, как бы от ее имени, что народ пришел не оскорблять Конвент, а защищать его; кто же может помыслить, что славные руки, низвергшие трон и Бастилию, вдруг захотели бы подняться, чтобы уничтожить Конвент и свободу? Прием был очень ловкий и в первый момент как-то сбил с позиции вошедшую толпу. «Мерлен, на место!» — закричали ему с монтаньярских скамей (где, очевидно, поняли его цель). Но Мерлен крикнул в ответ: «Мое место среди народа! Я не хочу, чтобы вы его вводили в заблуждение!» [33].

С первой минуты, когда толпа заполнила зал заседаний, крики: «Хлеба! Конституцию 93 года! Свободу патриотам! Смерть роялистам! — не переставали раздаваться в ушах членов Конвента.

Большинство депутатов в смятении покинуло зал, между тем как все новые и новые толпы напирали сзади на первых вошедших, так что около трибуны и председательского кресла образовалась неимоверная давка. Гастон Ферен пробовал прокричать, чтобы народ дефилировал, а не толпился у трибуны, но в ответ раздались крики: «Нет, нет, хлеба, хлеба!» Однако председателю удалось на миг добиться относительной тишины, и он предложил народу избрать из своей среды делегацию, которая высказала бы его пожелания. Но и эти слова были заглушены новыми криками: «Нет, хлеба, хлеба!» На трибуну вышел

один из толпы, которому председатель и дал слово. «Граждане представители! — начал он,— вы видите перед собой людей 14 июля, 10 августа, а также 31 мая. Пора, чтобы народ перестал быть жертвой богачей и крупных торговцев; пора, чтобы в этой зале царил мир,— благо народа ставит вам это в обязанность. Перед вами здесь не фрероновская молодежь, но масса чистых патриотов, которые не затем низвергали Бастилию, чтобы позволить возводить новые, предназначенные для ввержения в оковы энергичных республиканцев. Что сталось с нашими урожаями? Где хлеб, собранный на нашей территории? (Тут речь оратора была прервана громкими аплодисментами и одобрениями толпы — *Е. Т.*). Ассигнации потеряли свою ценность, и потеряли ее из-за ваших декретов... Вам надлежит вернуть спокойствие и изобилие, карая эгоиста, который хочет только золота в то время, как мы проливаем свою кровь. А ты, священная Гора,— обратился он к монтаньярам,— разразись, прогреми громом, рассей тучи, раздави своих врагов: люди 10 августа и 31 мая тут, чтобы оказать тебе поддержку. Мы требуем у вас освобождения патриотов, заключенных в тюрьму с 9 термидора; их преступление в том, что они были энергичными патриотами, когда ваши декреты повелевали им быть таковыми» [34].

После этой речи наступил долгий перерыв. К неистовым крикам, раздававшимся в зале, прибавились звуки набата, бой барабанов, сзывавших милицию секций, и пушечные выстрелы, возвещавшие тревогу [35]. Монтаньяр Приер (de la Marne) обратился к толпе с предложением разойтись, уверяя, что Конвент сегодня же постановит нужные меры по продовольствию и освободит арестованных патриотов. Но Приер слишком поторопился хоть как-нибудь использовать эту грандиозную демонстрацию. Председательствовавший в тот момент Дюмон поспешил заявить, что он еще не знает мнений Конвента по данным вопросам, что ему надо прежде всего опросить депутатов, а поэтому гражданам нужно освободить зал заседания.

Часть толпы действительно двинулась к выходам, но другая часть осталась на месте. Среди продолжавшегося смятения монтаньяр Шудье успел высказать очень знаменательную мысль: он тоже просил народ разойтись, так как его присутствием захотят воспользоваться как предлогом для перевода Конвента из Парижа, где якобы он несвободен. Как видим, мысль о провокации возникала уже и в жерминале [36].

После Шудье успел сказать несколько слов Баррас, заявивший, что Конвент вовсе не собирается покинуть столицу. Толпа стала понемногу расходиться; заседание как будто пошло своим чередом; стали являться обычные делегации от секций, читались петиции по разнообразным вопросам (например, о новой конституции, о созыве первичных собраний для новых вы-

боров и т. д.). Все это входило в выработанный, как всегда, заблаговременно порядок дня и не имело никакого отношения к только что происходившей бурной сцене. Говорили, конечно, и о голоде (петиция секции хлебного рынка Halle-au-Bled), потому что об этом никак нельзя было не говорить. Говорили и по вопросу об освобождении арестованных (высказывались против этого), но и тут могли иметь в виду требования, неоднократно высказывавшиеся задолго до 12 жерминаля. Буасси д'Англа поспешил провести декрет об откомандировании особой вооруженной силы (по 50 человек от секции) для охраны обозов с продовольствием, идущих к Парижу.

Монтаньяр Лекуантр заявил, что, по его мнению, причинами голода являются, между прочим, алчность земледельцев и отмена закона о максимуме. За это на него тотчас же напал Баррас, который прямо стал его обвинять в разжигании вражды к Конвенту. После довольно расплывчатой речи Жанбон-Сент-Андре (об ассигнациях и о необходимости укрепить правительственную власть) подоспел доклад Комитета общественной безопасности об утренних событиях.

Докладывал от имени Комитета один из его членов — Изабо. Он сообщил в первую очередь, что его коллега по Комитету Оги (Auguis), который весь день объезжал верхом в сопровождении нескольких лиц наиболее беспокойные кварталы столицы, был отделен толпой от своих спутников, ранен и взят в плен. По мнению докладчика, в этом не было ничего удивительного: ведь и во время утреннего вторжения народа в Конвент какой-то человек, с карандашом в руках, уже составлял проскрипционный список, и ведь сказал же этот человек находившимся в толпе детям: «Уходите, через час мы вырежем всех молодых людей, двадцать тысяч человек сию минуту будут с нами и нам помогут»[37]. Далее сообщалось, что, по сведениям Комитета, движение началось в секции Братства (Fraternité), откуда направилось на булочные, причем лозунгом было отказываться брать хлеб в тех количествах, какие были назначены свыше. Во главе этого движения были женщины, именно они усиленно созывали народ. Распространялись слухи, что в Булонском лесу собрано тридцать тысяч мюскаденов, что Конвент постановил обезоружить секцию Гравилье и т. д. Эти слухи окончательно раздражили народ, который и вторгся в Конвент.

Таков был ход событий, как его рисовал в предвечерние часы того же 12 жерминаля Комитет общественной безопасности. В заключение Комитет предложил Конвенту проект декрета такого содержания: во-первых, Конвент объявляет, что совершено посягательство на свободу его занятий; во-вторых, Комитету общественной безопасности предлагается найти и предать уголовному суду зачинщиков[38].

Конвент поручил Пишегрю командование всей национальной гвардией столицы; в помощь ему были назначены члены Конвента Баррас и Мерлен (de Thionville) [39]. Пишегрю, завоеватель Голландии, был тогда на вершине своей славы. Впрочем, ему не пришлось выдержать в самом деле сколько-нибудь серьезного столкновения с инсургентами. Народ, рассеявшийся вечером 12 жерминаля, уже не делал в ближайшие дни попытки снова собраться в таком же или приблизительно таком же количестве. Мысль о повторении шествия к Конвенту не осуществлялась ни 13, ни 14 жерминаля.

С тем уменьем безмятежно и величаво лгать, с той уверенностью в глупости и невежестве читателя, с тем непрерывным самолюбованием, которые его отличают, Баррас в своих мемуарах заявляет, что, случись он в Париже во время *прериальского* восстания, можно было бы избежать многих несчастий; он жалеет голодающий народ, восхищается древнеримским мужеством казненных монтаньяров, скорбит о поведении Конвента,— но все это, когда речь идет о *прериале,* когда его случайно не было в столице, и он поэтому не нес никакой ответственности [40]. Но вот в *жерминале,* когда восстание было несравненно слабее и менее опасно для Конвента, Баррас был в Париже. Как же он себя вел? В своих записках он распространяется о том, как он геройски якобы вызволил генерала Пишегрю из рук толпы [41], но обходит глубоким молчанием нечто несравненно более важное и характерное: свое поведение в Конвенте в этот день 12 жерминаля, когда он был одним из руководителей травли заподозренных депутатов [42].

В городе весь этот день прошел в тревоге и ожиданиях.

Во второй половине дня непрерывный набат и барабаны, бьющие тревогу, собрали в конце концов вокруг Конвента довольно большие вооруженные силы, и восставшие постепенно стали рассеиваться. Еще до наступления вечера Конвент оказался в безопасности [43]. Дело кончилось без кровопролития.

Начались аресты. Был арестован депутат Юге и еще несколько человек, заподозренных в сочувствии «якобинцам» (так, намеренно неточно, обозначали всех противников *слева* термидорианской реакции). Арестованных в тот же вечер велено было вывезти из Парижа и направить кого на остров Олерон, кого в крепость Гам. При выезде из города толпа народа напала на конвой, пытаясь отбить арестованных. Но попытка не удалась.

Как вела себя в этот момент монтаньярская «вершина»? В первые дни жерминаля монтаньяры колебались. Они не хотели отдавать себя на заклание без надежды на успех, но были готовы рискнуть головой, если будут какие-нибудь шансы на победу. Так описывает их настроение один из их среды. Рене

Левассер: «...nous ne voulinos pas donner nos têtes, mais nous voulions bien les risquer contre un succès» [44].

Когда 12 жерминаля большая толпа окружила Конвент и народ вошел в зал заседаний, когда правая часть собрания поспешно скрылась, но заседание продолжалось, был момент, когда даже такому осторожному и сдержанному монтаньяру, как Левассер, могло показаться, что стоит провести тот или иной энергичный декрет, и бежавшее большинство подчинится потом оставшемуся в зале меньшинству. Но драгоценные часы ушли на речи, возгласы, были потеряны в смятении. Не было плана, не было вождей. Монтаньяры не успели овладеть движением, как уже гренадеры, за которыми двигались батальоны национальной гвардии и мюскадены, оттеснили окружавшую Конвент толпу народа и вошли в здание Конвента. Со штыками наперевес они устремились в зал заседаний. Мюскадены, предводимые термидорианцем Лежандром, первые бросились с палками и саблями в руках на петиционеров, еще окружавших трибуну. Свалка длилась недолго и кончилась изгнанием петиционеров. Их не старались задержать на месте: перевес сил еще не определился, и никто не знал, какой будет исход дня. И в тот день тоже — как отмечает относительно последующих восстаний один из очевидцев (реакционер Лакретель) — ни инсургенты, ни победивший их Комитет общественного спасения не проявили никакой решительности в борьбе [45]. Вслед за военной силой, очистившей зал, вернулись бежавшие оттуда депутаты правящего большинства [46]. Все было кончено.

После окончательного удаления толпы вечером 12 жерминаля заседание Конвента возобновилось, и тотчас же обнаружилось, что большинство депутатов либо в самом деле в ярости, либо прикидывается разъяренным, но что во всяком случае события дня непременно будут использованы против горсточки монтаньяров. Неистовые крики о наказании, о немедленных арестах неслись со скамей Конвента. Выкрикивали одно за другим имена монтаньяров, либо говоривших в тот день, пока народная толпа наполняла Конвент (Шудье, Дюэм), либо вообще особенно неугодных большинству. Ясно было, что громы и кары прежде всего падут на «вершину». Когда были декретированы первые аресты, Мерлен, указывая угрожающим жестом на монтаньярские скамьи, вскричал, что там имеется сорок преступников, которых тоже надо арестовать [47].

Рене Левассер хотел, чтобы монтаньяры сделали еще попытку сопротивляться; он считал, что дело еще, пожалуй, окончательно не проиграно и может быть спасено, если начать энергично и страстно возражать с трибуны: ведь народные толпы еще были на улицах столицы. Но товарищи его не поддержали. «Какие вы трусы!»— крикнул он им громко [48].

Была сделана попытка разделить ответственность между «вершиной» и роялистами, но она не имела успеха. Депутат Сержан, например, указывал на происки роялистов и приписывал им утренние происшествия. Уже во время его речи обнаружилась сильная оппозиция; его прерывали криками: «Это якобинцы, это монтаньяры!» (ce sont les jacobins, c'est la montagne!). Выступивший вслед за ним Тибодо окончательно сформулировал преобладавшие в Конвенте чувства: «Время слабости прошло» (le temps de la faiblesse est passé),— восклицал он,— и большинство Конвента, стоя и аплодируя, кричало: «Да, да!» «Я не стану искать виновников нынешнего движения в Англии, среди меньшинства дворянства, среди фельянов. Вот где меньшинство, устраивающее заговоры!» — и он указал на скамьи крайней левой, на депутатов «вершины». Именно их он обвинял во всем, отказываясь порицать народ, введенный в заблуждение нуждой и злонамеренными подстрекательствами [49]. Нечего и говорить, что декрет о преследовании виновных был тотчас же принят собранием против нескольких голосов «вершины».

Уже в этот день явно сказалось то стремление, которое гораздо более трагически проявилось спустя семь недель, после 1 прериаля: желание воспользоваться одержанной победой, чтобы отделаться от монтаньяров, сидевших еще в Конвенте. Утром 13 жерминаля Левассер приходит в Конвент, и один лично к нему расположенный депутат дает ему дружественный совет не являться вечером в заседание, иначе ему, как и некоторым его товарищам, грозит арест. «В чем же меня упрекают?» — «Да разве в упреках дело! Тебя хотят арестовать, вот все, что я знаю. У вас, у тебя и твоих товарищей, имеется в Комитете яростный враг, Сиейс, который ежедневно вас обвиняет и хотел бы послать вас на гильотину» [50].

Свидетельство это крайне характерно. Дело было не в юридически обоснованных обвинениях, а в том, чтобы так или иначе истребить монтаньяров. Сиейс, ненавидевший врагов буржуазии «слева» куда больше, чем раньше (в 1789 г.) ненавидел он ее врагов «справа»,— именно Сиейс, за невозможностью казнить всех вторгшихся 12 жерминаля в Конвент, добивался хотя бы голов тех, кто мог *сочувствовать* этой толпе.

У нас осталось бесхитростное, но тем более яркое описание ночи с 12 на 13 жерминаля, принадлежащее перу участника и жертвы событий. Как мы видели, по удалении толпы из Конвента, правая часть собрания немедленно и круто перешла от испуга к неистовой ярости. Правда, еще не исполнились все исторические сроки, еще следовало ждать решительного боя и полной победы, еще нельзя было дать себе полную волю и приступить к казням, как семь недель спустя, после прериальских

дней. Но можно было немедленно ослабить ненавистную «вершину» целым рядом арестов. Без тени какого бы то ни было основания или мотивировки, без обсуждения прошел декрет об аресте Шаля, Фуссдуара, Шудье, Амара, Леонара Бурдона. Попытки некоторых монтаньяров сказать слово в их защиту были заглушены неистовыми воплями большинства. Эти крики и угрозы смертью так потрясли и испугали часть монтаньяров, что некоторые из них даже голосовали с большинством за арест своих же товарищей: *дрожа,* поднялись они со своих мест, когда всем вотировавшим за арест предложено было встать. В эту ночь все входы в зал заседания и все здание дворца были заняты непрерывно прибывавшими отрядами национальной гвардии и «золотой молодежью», отовсюду раздавались призывы к мести, угрозы казнью. Заседание то и дело прерывалось входившими в зал депутатами, которые, при громких рукоплесканиях присутствовавших, докладывали о настроении Парижа, об *энтузиазме буржуазии,* как выражается Р. Левассер, переживший эту трагическую ночь [51].

К этому времени трибуны для публики были настолько прочно заняты приверженцами правительства, или, точнее говоря, врагами монтаньяров и приверженцами реакции, что наиболее яростные и кровожадные крики неслись именно оттуда. Когда прошел декрет о привлечении к суду виновников, из публики раздались вопли: «Монтаньяров — вне закона! Якобинцев под арест! (La montagne hors la loi! Les jacobins en arrestation!)» и т. д. Эта атмосфера подействовала на депутатов, окончательно утративших всякие следы сдержанности и чувства ответственности за свои слова. Шенье, Дюссо, Дюмон, Фрерон и прочие и прочие, кому только было не лень, устремлялись на трибуну с новыми и новыми доносами и обвинениями, называя имена своих товарищей по Конвенту, которых они старались запутать в дело, подвести под арест и суд. «Хотя бы меня разорвали на куски на этой трибуне,— яростно кричал Дюмон,—я вижу вас, палачи народа, убийцы французов. Народные представители, вы жалуетесь, что общественное мнение как будто от вас отдалилось, от вашей энергии зависит поднять его. От этого заседания зависит ваше спасение; вы не хотите больше казней, избавьте же французскую землю от чудовищ, которые залили ее кровью. Я требую, чтобы сегодня же ночью трое обвиняемых были отправлены в ссылку» [52]. Последние слова относились к Бильо-Варенну, Колло д'Эрбуа, Бертрану Бареру. Заключение было логически совершенно неожиданное: ясно было, что эти лица, бывшие под арестом уже больше месяца, не могли принимать в утренней демонстрации никакого участия, но термидорианцы правильно учли момент.

Тут же было решено, что как три названные лица, так и Вадье будут немедленно отправлены в ссылку (в Гвиану).

Вслед за тем выступил Бурдон (de l'Oise) с предложением немедленно арестовать трех членов Конвента — Шудье, Шаля и Фуссдуара. Первые два обвинялись в том, что в утреннем заседании, когда народ вошел в зал, они будто бы крикнули, указывая на председательское место: в этом кресле сидит роялизм. А Фуссдуар накануне будто бы сказал толпе, к которой подходил патруль: сопротивляйтесь этой роялистской гвардии (résistez à cette garde royaliste). Ни одному из них не дали ничего сказать в свое оправдание, и декрет об их аресте был принят. В этот момент председательствовал уже не Дюмон, а Тальен. Он и в новой своей роли, как вождь термидорианской реакции, сохранил все приемы недавнего, но уже далекого времени, когда сидел среди наиболее радикально настроенных монтаньяров. В героические, бурные времена 1793 г. политическая роль «трибун для публики» была несомненна. Теперь, арестуя своих бывших товарищей, Тальен счел необходимым устроить в честь этого акта народную манифестацию. Поэтому *он пригласил* публику, присутствовавшую на заседании, *которое будет памятно,* поддержать своей *энергией* меры, обсуждаемые Конвентом! [53]

Это любезное приглашение было тотчас же понято: публика встала и, крича и размахивая шляпами, изъявила полный свой восторг. Она и дальше, до конца заседания, помнила, чего от нее ждут, и делала все от нее зависевшее, чтобы оправдать доверие Тальена. Таким образом, в заседании, где *утром* высказывалось столько негодования по поводу недопустимого вмешательства посторонних лиц в занятия Конвента, *вечером* сам председатель счел уместным обратиться к столь же посторонним лицам с просьбой «энергично» выразить свои чувства по поводу решений Конвента. Правда, посторонние лица были теперь, вечером, уже совсем не те, что утром.

Между тем в Конвент пришли разом два известия: задержанный с утра, в качестве заложника, член Комитета безопасности Оги все еще в руках инсургентов и просит помощи, а объезжавший неспокойные кварталы член Конвента Пеньер тяжело ранен и даже, по слухам, уже умер от ран.

Полемизируя много лет спустя с Дюролом, монтаньяр Шудье утверждал, что те депутаты Горы, которые пытались говорить с толпой, убеждая ее разойтись и очистить зал заседания, были потом арестованы якобы за возбуждение толпы против Конвента. Термидорианец Дюлор, извращая истину (как это делали и газеты того времени), приписывает председателю заседания 12 жерминаля ту успокоительную фразу, которая на самом деле была сказана Шудье [54]. Уже в жерми-

нальские дни был, таким образом, пущен в ход тот прием, который столь блестяще удался 1 прериаля, с той разницей, что в прериале все было устроено гораздо обдуманнее, и дело кончилось *не только арестами,* но и казнями и полным разгромом «вершины».

13 жерминаля Колло д'Эрбуа и отдельно от него Бертран Барер и Бильо-Варенн были вывезены из Парижа. Толпа, враждебно к ним настроенная и, конечно, искусственно возбуждаемая, несколько раз пыталась с ними расправиться, вытащив их из карет, в которых они начала свой путь. Между прочим, им, как мы видели, приписывали иной раз, вопреки здравому смыслу, организацию восстания 12 жерминаля. В Орлеане мюскадены прямо высказали Бареру это обвинение, ссылаясь на печатный плакат о событиях [55].

А сам Барер, замечу кстати, при всей своей мелкой хитрости и изворотливости, был человеком настолько ограниченным, что объяснял события 12 жерминаля и 1 прериаля... происками *Сиейса!* [56]

В вечернем заседании Конвента (13 жерминаля) Комитет безопасности, сознательно извращая факты, изобразил дело с отправкой трех ссыльных так, будто кареты были остановлены населением Антуанского предместья, тогда как на самом деле, по показаниям Барера и другим свидетельствам, толпа состояла из *врагов* ссылаемых, которые хотели их растерзать, а вовсе не из друзей, будто бы намеревавшихся воспротивиться ссылке. Мюскадены, роялисты, термидорианцы, а вовсе не «якобинцы», остановили эти кареты. Но важно было подогреть в Конвенте возбуждение против монтаньяров; для этой цели и прибегали к лживому освещению дела [57]. Решено было к первому списку, прошедшему накануне, прибавить *еще семь* человек, подлежащих аресту, в том числе Камбона и Левассера [58].

Уже 13 жерминаля в столице ходили слухи о состоявшемся или предполагаемом убийстве сосланных депутатов. У нас есть для этого целый ряд доказательств [59].

В брошюре, вышедшей несколько дней спустя после событий, мы читаем, что сборным пунктом, откуда опять началось было 13 жерминаля движение, оказалось помещение секции Quinze-Vingts (в Антуанском предместье). Но туда двинулся Пишегрю с отрядом жандармерии и рассеял собравшихся. Правительственная публицистика утверждала, что, хотя инсургенты 12 жерминаля не имели в своем распоряжении ни городской коммуны, ни центрального комитета секций, ни Якобинского клуба, ни начальника национальной гвардии (тут явно имеется в виду сравнение с 9 термидора), все же им удалось «исключительно при помощи тактики петиций и сборищ» на несколько мгновений оказаться господами положения [60].

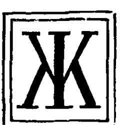
Термидорианский Конвент победил. 15 жерминаля генерал Пишегрю сложил с себя порученное ему за три дня до того главное командование, получив при этом ряд поздравлений и комплиментов (с указанием, что бунтовщики — такие же враги республики, как и австрийцы, которых, подразумевалось, победил тот же Пишегрю); генерал со своей стороны, обещал поведать своим «братьям по оружию», как успешно Конвент покончил с остатками партии, разгромленной еще 9 термидора. Будущий изменник усвоил себе при этом скромный, полный достоинства тон, приличествующий, например, спасителю отечества перед лицом древнеримского державного сената [61].

Ликуя по поводу одержанной победы, официозная публицистика, одновременно с призывами к мщению и карам, не скрывала, что положение остается трудным и опасным, так как хлеба все-таки нет. «Покажите народу будущие средства, которые вы для него готовите, указывайте ему на запоздания в подвозе (продовольствия), которые причиняют дурное состояние дорог, путаница в мероприятиях, неопытность агентов. Старайтесь обуздать алчность, которая спекулирует на голоде и которая торгует народной нищетой!» Так поучал казенный «Moniteur» жерминальских победителей [62]. Все это были праздные слова. Обе стороны готовились к новой схватке.

Глава V

МЕЖДУ 12 ЖЕРМИНАЛЯ И 1 ПРЕРИАЛЯ

ерминальские события стали известны во Франции (в местах, более или менее отдаленных от столицы) лишь тогда, когда все уже кончилось и победа правительства вполне выяснилась. Это не значит, конечно, что все и всюду одинаково уверовали в прочность победы; но во всяком случае было очевидно, что нападение на Конвент на этот раз не удалось.

Парижские публицисты и провинциальные самоуправления наперерыв спешили выразить свои чувства. Сохранилось много адресов, присланных из провинции в ответ на парижские вести. Они очень шаблонны и по форме и по содержанию и в главном сводятся, во-первых, к патетическому изъявлению радости по поводу спасения Конвента (сената, высокого собрания, отцов отечества, представителей нации и т. д.) от посягнувших на него инсургентов (злодеев, якобинцев, кровопийц, бесстыдных заговорщиков, охвостья Робеспьера), а во-вторых, к выражению упований, что отцы отечества беспощадно расправятся с побежденными якобинцами. Вся эта рукописная литература, повторяю, так по существу однообразна, что добыть из нее хоть какие-нибудь конкретные данные об *оттенках* настроений в том или ином департаменте представляется весьма затруднительным. *Ясно одно:* провинциальные самоуправления и другие группы и организации, славшие Конвенту свои поздравления в жерминале и флореале (как и позже, в прериале), всецело отражают мысль и чувство раздраженных и напуганных собственнических кругов как города, так и деревни. Восстание, направленное в первую голову против укрывательства припасов и спекуляции хлебом и прямо провозгласившее целью восстановление конституции 1793 г., естественно могло возбудить в

собственнических слоях деревни и города лишь чувство ожесточения, жажду мести и беспощадной кары. Чтобы дать некоторое понятие о внешней форме упомянутых адресов, приведу кое-какие образцы, сопоставляя их при случае с соответственными отрывками из термидорианской прессы.

Отметим прежде всего, что провинция была склонна особенно подчеркивать связь между жерминальскими событиями и 9 термидора: выходило, что 12 жерминаля прикончило гидру якобинизма и террора, тяжелораненую 9 термидора. Часто просто приравнивали 12 жерминаля к 9 термидора, утверждая, что «злодейство» нашло себе могилу в эти два разделенных восьмимесячным промежутком, мятежных дня [1]. Подобные сопоставления сделались тогда своего рода готовым клише. «Мы смотрим (на 12 жерминаля) как на конец и завершение 9 термидора»,— пишут, например, граждане округа Же. И они, как и многие другие, настаивают при этом на карах, репрессиях, на изгнании из Конвента всех монтаньяров и т. д. [2] Скажу кстати, что отмеченную мысль старались широко распространить и из центра. В газете Фрерона, вышедшей по странному совпадению как раз 2 прериаля, но еще трактующей о жерминальских событиях (номер явно составлялся еще в флореале, до прериальского восстания), издатель настаивал, что 9 термидора было только началом «благого переворота», но что в «святилище законов», т. е. Конвенте, еще оставались «заговорщики, замышлявшие гибель свободы, смерть отечества». Но вот все так счастливо обернулось, что кинжал, занесенный 12 жерминаля, не причинил зла, напротив, «свобода» восторжествовала [3].

Некоторые, не довольствуясь ссылкой на 9 термидора, торопились как бы пригвоздить к позорному столбу всех деятелей революции, начиная с момента изгнания жирондистов. 12 жерминаля — это неудавшаяся попытка повторить 31 мая — 2 июня 1793 г. Таков был широко пущенный в обращение афоризм [4]. Нечего и говорить, что после 1 прериаля эта параллель между весной 1793 г. и весной 1795 г. окончательно вошла в оборот. Но попадается она уже и после 12 жерминаля, хотя в адресах, кажется, реже, чем в прессе. Так, например, она встречается в брошюре «О страстях народных», причем автору, в согласии с общими его убеждениями, 31 мая представляется позорным днем, который ныне заглажен достославной жерминальской победой доблестного правительства [5].

Оптимизм провинциальных термидорианцев заходил часто так далеко, что они считали жерминальское движение «лишь конвульсиями на смерть пораженного чудовища» [6]. Это — все то же клише, повторяющееся как в газете Фрерона, так и в разных провинциальных адресах: 9 термидора — начало победы, 12 жерминаля — ее счастливое завершение.

В адресах из провинции нередко делались и попытки смешать в одну кучу якобинцев и роялистов и даже ретроспективно представить дело так, будто победители 12 жерминаля являются в настоящем и даже были в прошлом неизменными борцами против «тирании», причем оказывается, что 10 августа 1792 г. (свержение Людовика XVI) и 9 термидора 1794 г. (свержение Робеспьера) — явления совершенно одного порядка, две достославные даты свержения тиранов, а 12 жерминаля — день, когда был разоблачен и побежден заговор, составленный клевретами обеих этих павших тираний [7]. Это, так сказать, наиболее казенная, наиболее выгодная для термидорианского правительства, версия.

Та же условная, хотя и крайне наивная, ложь упорно держалась в официальной переписке: велено было понимать и особенно *представлять* дело так, будто инициаторами 12 жерминаля были отчасти роялисты и контрреволюционеры. Отсюда возникали курьезные документы: народный представитель Порше, поздравляя Конвент с победой над контрреволюционерами, доносит в том же письме о проезде двух таких «контрреволюционеров» — Бильо-Варенна и Колло д'Эрбуа, отправляемых в ссылку [8].

В адресах и петициях, поступавших в Конвент после 12 жерминаля, мы нередко находим настойчивое желание добиться судебного преследования якобинских элементов, причем даже официальные учреждения не стесняются в весьма прозрачных восхвалениях самосуда и в поощрениях к насилиям над представителями павшего режима [9]. Некоторые из провинциальных адресов ставят все точки, где следует, и прямо подчеркивают, что только казнь пока еще уцелевших монтаньяров может гарантировать «общественную свободу». Следует обратить внимание на терминологию: одни говорят общо́ и неопределенно о «кровопийцах», «якобинцах» и т. д. Другие уточняют: la montagne, les montagnards, т. е. прямо указывают на кучку *депутатов Конвента*, к которым еще применялось это название [10]. Именовали их также «охвостьем Робеспьера»; название, которое к ним применялось ими самими и кое-кем из других партий в самом собрании — «вершина» (la crête), было мало распространено вне Конвента.

Сравнительно с общим количеством сохранившихся провинциальных адресов не часто попадаются указания на то, что *местные* якобинцы проявляют какие-либо признаки волнения или готовятся к выступлениям в связи с парижскими событиями. Возможно, что об этих событиях узнали на местах лишь тогда, когда они уже кончились, и выступление там могло представляться явно запоздалым. Но кое-где чего-то, по-видимому, ждали: местные власти изредка говорят в своих адресах о «раз-

ветвлениях» заговора, о зловещих улыбках «людей крови», как бы предвещающих «восстание преступления против добродетели», и т. д. [11] Но в провинции все оставалось спокойно.

В общем восторг, как видим, выражался весьма горячо. Адрес шербургских граждан даже проводит параллель между успехами внешней и внутренней политики Конвента: только что заключенный выгодный мир с некоторыми державами распавшейся первой коалиции сопоставляется с победой над жерминальским восстанием [12]. Нужно только «довершить» внутреннюю победу, т. е. расправиться с якобинцами и остатками конвентской Горы.

Но, разумеется, все эти бурно-пламенные адреса и поздравления, шедшие из всех углов Франции, как после 12 жерминаля, так и впоследствии, после 1 прериаля, не следует переоценивать, т. е. не следует преувеличивать личной боевой готовности составителей этой литературы. В высшей степени характерна в этом отношении формула, на которой остановились граждане г. Рошфора после первых известий о брожении в Париже (незадолго до разгара жерминальских событий), когда в провинции еще не очень было ясно, чем кончится дело: осторожные рошфорцы поклялись «всегда присоединяться к большинству Конвента», если «жестокий рок» ввергнет его «в гибельное разделение» [13]. На таких защитников трудно было возлагать большие упования: они ведь не определяли, какое именно большинство они будут поддерживать. Их заявление было равносильно обещанию всегда становиться на сторону победителя; и стóит лишь внимательно прочесть текст этого документа, чтобы стал ясен его внутренний, неосознанный авторами, комизм.

Замечу кстати, что и столичная пресса приурочила наиболее горячие свои изъявления преданности не к тем дням, когда готовились и происходили жерминальские события, а к тому моменту, когда все уже было решено.

Газеты (например, «Le Républicain français») рискнули выступить с льстивыми приветствиями Конвенту не 13, а 14 жерминаля, когда не оставалось уже и тени сомнения в победе правительства [14]. А между тем эта газета была из числа задававших тон в то время. С каждой неделей торжество победителей выражалось все громче, потому что каждая неделя, прошедшая спокойно, казалось, делала все значительнее победу 12 жерминаля. На самом деле, однако, термидорианский Конвент и его правительственные комитеты вовсе не были так убеждены в прочности и *окончательности* своей победы. Лесть прессы и приветствия провинции не очень их убаюкивали...

В создавшейся атмосфере яростной травли «якобинцев» не мог, конечно, не поднять головы тот непримиримый «интег-

ральный» роялизм, о котором речь шла выше. Из жерминальских событий роялисты, по-видимому, извлекли только одно заключение: конец республики близок, разбойники и цареубийцы вступают в междоусобную брань, следует поэтому ускорить вооруженное нападение, чтобы покончить с той и другой стороной.

Если Малле дю Пан подозрителен по революционизму, если бывший министр Людовика XVI Калонн неблагонадежен по конституционализму, то можно ли унизиться до сделок и переговоров с какими-то Тальенами и Фреронами? Всем им место на той же виселице, на которую отправятся также инсургенты Антуанского и Марсельского предместий, лишь только трон и алтарь воссияют прежним блеском.

К счастью для Французской республики, эти воззрения во всей незапятнанной чистоте восторжествовали в тот момент в роялистских эмигрантских руководящих кругах.

Но роялисты, действовавшие в самой Франции, ничуть не расходясь со своими заграничными вождями и нисколько не отличаясь от них в смысле глубины политического понимания и прозрения, сразу почувствовали после жерминальской победы, что вода пошла теперь на их мельницу — Вандея снова подняла голову.

Своеобразное перемирие с вождями вандейцев, соглашение об «умиротворении» (traité de pacification), на которое пошло правительство 1 флореаля (20 апреля 1795 г.), через две с половиной недели после жерминальских событий в Париже, нисколько не прекратило шуанского бунта на западе. Во-первых, далеко не все вандейские вожди примкнули к соглашению; во-вторых,— и это самое главное — общее резкое усиление реакции после 12 жерминаля было так на руку роялистам, до такой степени окрыляло их надеждами, что они дальше чем когда-либо были от какой бы то ни было мысли о примирении. Напротив, именно тогда, в весенние месяцы 1795 г., затевался и вырабатывался план решительного прямого военного нападения на Французскую республику с запада, при помощи английской эскадры. С этой точки зрения позднейшая высадка на Кибероне — прямое и непосредственное последствие жерминальских и прериальских бурь. Но в течение всего флореаля и прериаля грабежи и вооруженные нападения шуанов не прекращались ни на один день [15]. И это было после заключения перемирия.

Если в Вандее и Бретани роялисты действовали после жерминаля вполне открыто, то в других местах рост реакции выразился в усилении мюскаденов, среди которых, как сказано, роялистские тенденции были очень живы, хотя и не обнаруживались до поры до времени слишком демонстративно.

В Париже, в Лионе, в Руане мюскадены после 12 жерминаля подняли голову. Да и во многих других местах то же. Некоторые донесения из провинции откровенно указывали обоим комитетам (общественного спасения и безопасности), что напрасно так много воли дают этой молодежи и не слишком ли усердно взялись за преследование якобинцев [16].

«Золотая молодежь» устами одного из своих вождей (Жюллиана) взывала к мести, возмущалась тем, что в Конвенте еще сидят люди, которые «убили Францию» [17]. Неустанно требовали «очищения» Конвента, т. е. искоренения тем или иным способом ненавистной «вершины». То, что полностью не удалось, а было лишь намечено и начато в жерминальские дни, должно было быть завершено при следующем восстании, которого все ждали, считая его неизбежным. Тот же термидориански — но, отнюдь, не роялистски — настроенный деятельнейший организатор и идеолог «золотой молодежи», Жюллиан, необыкновенно ярко рисует психологию буржуазного класса, взятого в целом, в промежуток времени между жерминалем и прериалем. Было *прежде всего* сознание силы: «Наше дело было делом всех собственников, всех добронамеренных людей»,— пишет Жюллиан [18]. Следовательно, нечего было падать духом: что собственники могут не победить в конце концов,— это ему и в голову не приходило. А если так, то нечего и пугаться сознания, что жерминаль был только пробой сил со стороны врагов (essai des forces de nos ennemis) и что дело еще далеко не окончено. Это сознание силы не обмануло их и тогда, когда настали прериальские дни: «золотая молодежь» или, шире говоря, социально-консервативные элементы оказались в решающие минуты этих дней всюду — и около Конвента, и на улицах, и даже, в качестве наблюдателей и шпионов, в рядах восставших. Идеологи этого течения (вроде того же Жюллиана) останавливаются, между прочим, на неумелом образе действий вождей восстания, которые не дали революционной толпе ясных директив; но тут же следует признание, что, с другой стороны, и «золотая молодежь» действовала, так сказать, экспромтом и даже не имела формально признанного («легального») места для сосредоточения своих сил. Но дело было в данном случае не столько в большей или меньшей организованности, сколько *в соотношении реальных сил в столице и в стране.*

Очень характерным явлением этих промежуточных между жерминалем и прериалем дней, поистине знамением времени, было усиление белого террора в провинции. Он имел место и до 12 жерминаля, но теперь принял бо́льшие размеры.

22 флореаля роялисты и отчасти термидорианцы разгромили тюрьмы в Марселе и учинили избиение сидевших там якобинцев. Представитель Конвента Шамбон мягко им за это выговаривал, указывая, что правительство и само, без посторон-

ней помощи, сумеет покончить с теми, кого желают истребить «всегда добрые и великодушные», но охваченные «простительным нетерпением» граждане г. Марселя [19]. Ясно, что составленная в подобных выражениях прокламация звучала скорее приглашением к дальнейшим насилиям и поголовным избиениям, чем попыткой их остановить.

О марсельских (и подобных им) избиениях говорилось в официальной переписке того времени как опять-таки о вполне простительных вспышках «общественного негодования», вызванных угрозами и поведением якобинцев. При этом никого и ничуть не смущало, что эти возмутительные угрозы, выводящие из терпения благонамеренных граждан, исходят каким-то образом от людей, сидящих в тюрьме или отправляемых туда под крепким караулом и тем не менее будто бы умудряющихся всенародно грозить «пролить потоки крови», «сжечь город», «восстановить тиранию Робеспьера» и т. п. [20] Конечно, власти всегда оказывались в таких случаях «бессильны» предупредить «ужасные последствия» праведного негодования благонамеренных граждан. Другими словами: погромы и избиения якобинцев или подозреваемых в якобинстве стали в то время бытовым явлением. На юге они чаще всего организовывались элементами, очень близкими к роялизму.

Луве уже через месяц после событий 12 жерминаля не скрывал своего беспокойства по поводу усиления роялистов [21]. Бессилие его собственной позиции, парадоксальность, нелепость и, главное, опасность всей политики «балансирования» не бросаются ему в глаза. В жерминале он вопит против монтаньяров, во флореале против роялистов, в прериале снова против монтаньяров, в мессидоре опять против роялистов.

Таких, как Луве, было много, и именно с ними должен был считаться Конвент.

Внимательно анализируя действия Конвента в течение всего рассматриваемого периода — от жерминаля до прериаля,— мы должны прийти к заключению, что власти на протяжении всех этих семи недель не верили в прочность своей победы и ждали нового нападения, правда, не сейчас, но в ближайшем будущем. Возникла даже официозная версия, имевшая целью объяснить не только бывшее (жерминальское), но и будущее, пока неведомое, восстание. В речи Шенье, произнесенной 12 флореаля перед Конвентом и тотчас же напечатанной отдельной брошюркой, мы читаем: «К чему скрывать от себя, представители (народа — *Е. Т.*), ваши враги существуют, ваши враги многочисленны, они дерзко поднимают голову...». Существует всегдашний, всегда одинаковый план восстания (ce plan toujours suivi, toujours uniforme). Сначала женщины, отчасти введенные в заблуждение, отчасти преступные, начинают

кричать о голоде; вокруг них собираются люди, которые сами же мешают подвозу припасов и т. д. Образуются многочисленные группы, которые требуют одновременно и «анархии» и восстановления королевской власти, жалеют в одно и то же время и о Робеспьере и о Людовике XVI. Вообще «анархия — это только орудие роялизма» [22].

Эта нота о *роялизме* была очень слышна в подобных «разъяснениях». Дело в том, что армия была так резко антироялистски настроена, что преподносить ей одни только нападки на якобинцев и «террористов» было неполитично. Для армии врагами были прежде всего Вандея, австрийцы и англичане, а не Антуанское и Марсельское предместья.

Давая знать в армию о жерминальских событиях в Париже, Комитет общественного спасения (Шазаль, Лакомб, Мерлен, Марен, Ребель, Дюбуа-Крансе, Сиейс) старается объяснить восстание происками внешних врагов и роялистов, только вскользь, в одной фразе, упоминая наряду с этими последними также и «террористов». Что до недостатка продовольствия, то это не более как «предлог». Сообщение кончается настойчивой просьбой бдительно следить за передвижениями неприятеля, который, пожалуй, хотел скомбинировать брожение внутри страны со своими военными планами [23].

Термидорианцы вообще были отлично осведомлены о настроениях в армии и не упускали случая разъяснять солдатам происходящие события со своей точки зрения. Неведомые «враги терроризма» обратились как раз в последние дни флореаля к брюссельскому гарнизону с воззванием, в котором убеждали солдат не верить клевете, распускаемой против мюскаденов: мюскадены стремятся только к защите законов; именно они участвовали 12 жерминаля в спасении Конвента, а следовательно, и Франции.

Эта агитация была не лишней: мюскадены слыли тайными роялистами, и правительству важно было, чтобы армия не раздражалась, слыша, какой благосклонностью они пользуются со стороны властей [24].

Но из армии стали поступать успокоительные сведения. Можно было, значит, приняться за расправу с «якобинцами».

И враги термидорианской реакции, и ее руководители с разными чувствами и настроениями, но по существу довольно одинаково расценивали вероятные последствия жерминаля. Первые опасались, а вторые надеялись, что Конвент и его комитеты довершат дело, начатое 9 термидора, дело искоренения монтаньярской политики и якобинской традиции [25]; как сказано, провинциальные адресы наперерыв подталкивали Конвент на свирепую расправу. Но, как мы видели, Конвент пока еще не решался на те крутые меры, перед которыми он не остановился

в прериале. Тем не менее преследования тотчас же обратились против «вершины». Я уже отмечал, что в ночь с 12 на 13 жерминаля было постановлено арестовать Шаля, Шудье, Фуссдуара, Юге, Леонара Бурдона, Дюэма, Рюана и Амара. Одновременно, в порядке исключительного акта, было сразу закончено тянувшееся уже несколько месяцев дело членов бывшего Комитета общественного спасения. Барер, Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа и Вадье были осуждены в ссылку; из вновь арестованных выше перечисленных членов Конвента шестеро были посажены в крепость Гам, а двое (Амар и Дюэм) подвергнуты заключению в Париже.

Напомню кстати, что при вышеупомянутом проезде через Орлеан Колло д'Эрбуа, как и Барер, подвергся нападению со стороны своих политических врагов. Если верить в общем пристрастному свидетельству члена Конвента Порше, Колло был спасен только вмешательством «золотой молодежи», воспрепятствовавшей самосуду толпы [26]. Более похоже, во всяком случае, на тогдашнюю действительность было бы известие, что именно «золотая молодежь» и хотела учинить самосуд над опальным монтаньяром.

Аресты, начавшиеся тотчас же после 12 жерминаля, продолжались в следующие дни (людей попроще арестовывали и позже, в течение всего жерминаля). С каждым днем яснее обнаруживалось, что в ближайший, по крайней мере, момент можно не опасаться нового выступления, и с каждым днем Конвент и его комитеты смелели больше и больше. Уже 16 жерминаля решено было арестовать ряд людей, связь которых с жерминальскими событиями доказать юридически было нелегко, но которые давно уже были ненавистны термидорианскому большинству Конвента. Политическая карьера таких людей, как Камбон, Левассер (de la Sarthe), Тюрьо, была кончена в эти дни. Камбон прятался в нелегальном скитальчестве; другие — засели в тюрьму [27]. Кроме них, Конвент того же 16 жерминаля постановил арестовать Моиза Бейля, Гране, Гентца, Менье, Крассу и Лекуантра. Некоторым, впрочем, удалось еще несколько времени уклоняться от ареста. Левассер и Рюан скрывались несколько дней в Антуанском предместье и даже, по сведению полиции, вели здесь на тайных сборищах агитацию против правительства, предметом которой являлся все тот же недостаток съестных припасов [28]. Арестованы они были несколько позже.

Таковы были последствия жерминальского восстания для конвентской «вершины».

С чисто парламентско-правительственной точки зрения оно, таким образом, прежде всего заметно усилило крен направо, в сторону возвращенных жирондистов и затаенных роялистов.

Напомню, что, с одной стороны, возвращение 73 жирондистов уже давно давало себя чувствовать при голосованиях. С другой стороны, в первые же дни после 12 жерминаля из Конвента, как мы только что видели, был устранен целый ряд левых депутатов [29]. Тем не менее, по словам такого правдивого и внимательного наблюдателя, как Фэн, тогда начинавшего свою карьеру, Конвент воздерживался от введения в Комитет общественного спасения явно монархически настроенных депутатов. 15 жерминаля произошли обычные частичные перевыборы в Комитет, и он сорганизовался в количестве 16 человек (до тех пор он состоял лишь из 12), в числе которых оказались, между прочим, Мерлен (de Douai), Сиейс, Камбасерес, Тальен, Обри.

Одновременно с арестами ряда монтаньяров, очень ослабившими и без того численно слабый состав «вершины», победившее конвентское большинство и правительственные комитеты предприняли другое дело, еще более для них существенное: разоружение подозрительных граждан и раздачу оружия благонадежным. В ряде показаний, цитируемых мною в этой работе, читатель найдет точное доказательство, что этот двусторонний акт разоружения одних и одновременно вооружения других был основан на вполне определенных соображениях и на точном расчете: разоружалась неимущая, пролетарская часть населения, вооружались собственники, которым «было что терять и что защищать».

Некоторые случайно уцелевшие документы дают нам возможность заглянуть в секретные комнаты управлений городских округов тотчас же после жерминальских событий. Идет кипучая работа. Тут «подозрительные» граждане сдают, согласно приказу, имеющееся у них оружие; там, напротив, «благомыслящим» гражданам *выдается* оружие; тут предпринимается расследование по бесчисленным доносам; там составляются — и тотчас препровождаются в Комитет безопасности — списки подозрительных лиц, проживающих в данной секции; тут нужно принять граждан, желающих лично и устно осведомить власти о поведении таких-то и таких-то людей в жерминальские дни, и т. д. [30]

Только что отмеченная мера — раздача оружия благомыслящим гражданам — характерна для жерминальских дней. В разгаре событий (13 жерминаля) в первом округе все заседание комитета округа (т. е. высшей местной полицейской власти) прошло в раздаче оружия «братьям по оружию, достойным... доверия» [31]. Это отчасти как будто указывает, что правительство в жерминале было все-таки застигнуто событиями врасплох или во всяком случае не очень ясно представляло себе размеры движения. Но, с другой стороны, эта раздача оружия «достойным доверия» свидетельствует, как далеко, в смысле

ясткости и ясности, шагнуло классовое самосознание борющихся: ведь мы знаем из позднейших документов, вроде писем Ровера, мемуаров Левассера, Жюллиана и др., что достойными доверия термидорианцы в эту грозную для них весну считали прежде всего собственников. Но довершить это дело до прериаля не успели.

Правительство разоружало врагов, вооружало своих — и ждало новой схватки, чтобы вплотную расправиться с противником.

Если «вершину» арестовали не всю, удовольствовавшись для начала только частью ее, то с рядовыми якобинцами церемонились мало и в Париже и в особенности в департаментах. В провинции так усердствовали, что политическим (давно уже сидевшим в тюрьме и никак не связанным с жерминальскими событиями) предлагали на официальном следствии такие вопросы: с *удовольствием* ли допрашиваемый узнал о движении, имевшем место в Париже 12 жерминаля [32].

В провинции вообще было осуществимо то, о чем в столице могли пока только мечтать: мы уже упоминали об обширных и безнаказанных избиениях заключенных в провинциальных тюрьмах. Но в центре, в Париже и в самом Конвенте, еще приходилось немного подождать.

Спустя несколько дней после 12 жерминаля Фрерон недвусмысленно заявлял, что если некоторые якобинцы (в том числе Гужон) и остались еще на свободе, то они являются как бы заложниками и будут арестованы при первом «бунте», а до той поры Конвент будет за ними следить [33].

Сам Фрерон зорко следил за недобитыми якобинцами, за их настроениями и чаяниями. Но пока все обстояло тихо и благополучно,— эти наблюдения давали ему лишь пищу для злорадных издевательств над недавними его товарищами.

Люди, помнившие кровавую террористическую карьеру Фрерона (а кто же мог ее забыть за один год времени), едва ли могли без внутреннего омерзения читать, например, статью этого человека, появившуюся 17 жерминаля в его органе «L'orateur du peuple». Но самые факты, излагаемые в статье, весьма любопытны и показательны. Это сцена с натуры, мимо которой не вправе пройти ни один историк [34]. Перед нами люксембургская тюрьма в дни 10, 11, 12 и 13 жерминаля. С «воли» подходят друзья и родственники заключенных: разными способами и ухищрениями они передают известия о том, что творится в городе. Каждые несколько часов одни слухи сменяются другими и, соответственно, в самой тюрьме надежда уступает место унынию, отчаяние — радости, ликование — страху и раздражению. То узнают (10 жерминаля вечером), что секции собираются на другой день требовать у Конвента хлеба, конституции 1793 г.

и освобождения заключенных с 9 термидора: всеобщая радость. На другой день эти радостные слухи как будто подтверждаются: говорят, что секции предместий идут на Конвент и что завтра надо ждать «большого восстания» (une grande insurrection).

День 12 жерминаля, до самого вечера, проходит в ликующем возбуждении: заключенные толпятся во дворе, прислушиваясь к обнадеживающим звукам набата; при виде проходящих патрулей, состоящих из «чисто одетых граждан» (des citoyens de Paris proprement vêtus), настроение несколько падает, но знакомый гражданин из секции Обсерватории дает с улицы знак, что готовится решительный бой (on va se battre à outrance): надежда воскресает, с минуты на минуту ждут освобождения. К 11 часам вечера все стихает, заключенные печально расходятся [35]. На утро (13-го) жена одного из заключенных сообщает с улицы, что народ опять собирается и что дело пойдет на лад (on se rassemble le nouveau aujourd'hui... Ça ira). Через полчаса получаются газеты: лица вытягиваются. Вскоре приходит известие об осуждении трех депутатов в ссылку и об аресте шести монтаньяров: мрачное уныние сменяет радостные надежды. К полудню печальные известия подтверждаются: всякая надежда исчезла. Звуки набата в три часа пополудни: не надолго надежда воскресает. К шести часам все печально и безнадежно: все в отчаянии. Все кончено...

Конвент, однако, знал, что вовсе еще не все кончено. Но ему сильно повезло и в жерминале и позже: как раз в эти критические недели Французская республика заключала один победоносный мир за другим.

Гордое сознание победы широко разливалось в стране. Ходили искусно распространяемые правительством слухи о запасах продовольствия, которых можно ждать из вновь завоеванных земель; царило сознание, что от побежденных врагов можно будет многого требовать; в первую очередь ждали возвращения на родину военнопленных французов [36].

Нужно, кстати, отметить, что жерминальские события все же в конце концов отразились на франко-прусском мирном договоре, подписанном в Базеле 5 апреля (16 жерминаля) 1795 г. Дело в том, что представитель Пруссии Гарденберг при окончательном обсуждении текста договора вдруг потребовал введения статьи, по которой Французская республика обязывалась в течение ближайших трех месяцев не рассматривать как враждебные державы все те германские государства, лежащие на правом берегу Рейна, в которых примет участие прусский король (en faveur desquels le roi s'intéressera, как сказано тугим, истинно суконным слогом в подлинном тексте). Французский представитель Бартелеми знал, что Комитет общественного спасения

не желал брать такого обязательства, но Гарденберг, уже проведавший о событиях 12 жерминаля, вдруг заупрямился, а Бартелеми по той же причине побоялся, что Пруссия и вообще захочет повременить с заключением мира, и, превысив свои полномочия, поспешил согласиться на введение указанной оговорки, лишь бы поскорее кончить дело [37].

Под знаком заключения мира с Пруссией прошел жерминаль; под знаком подготовляемого, еще более выгодного, мира с Голландией прошли конец жерминаля, весь флореаль, начало прериаля. Атмосфера для предстоящей новой схватки с плебейскими предместьями складывалась для Конвента благоприятная. Избежать этой схватки было невозможно, *даже* если бы конвентское большинство этого *очень* хотело, что едва ли на самом деле имело место. Но час пробил раньше, чем этого, по-видимому, ждали.

Конвент, разумеется, понимал, что расправа с монтаньярами сама по себе еще ни в малейшей степени не устраняет главной опасности. Нужно было откуда угодно и какой угодно ценой достать хлеба и накормить голодающую пролетарскую массу столицы. В первом же (дневном) заседании после событий 12 жерминаля Конвент особым декретом постановил, что Комитет безопасности обязан *каждые полчаса* (sic!) доносить собранию, в каком положении находится снабжение столицы хлебом [38]. Но по мере того, как шли дни за днями и нового нападения на Конвент не произошло, эта ретивость ослабела, и вопрос о хлебе снова отодвинулся. Да и что мог сделать Конвент, категорически отклонявший всякую мысль не только о принудительной таксации, но и вообще о каких бы то ни было мерах, затрагивающих интересы собственников, как в деревне, так и в городе.

17 жерминаля (6 апреля) Комитет общественного спасения издал постановление о хлебных карточках, на которых должно было быть обозначено количество *ртов* данной семьи (а не фунтов причитающегося ей хлеба); предписывалось также усиление надзора за правильным распределением хлеба среди населения столицы, точное прикрепление каждого гражданина к определенной булочной и т. д. Но все это были паллиативы, все это были технические детали, борьба с опасными «очередями»,— и только [39]. По существу призрак голода продолжал висеть над Парижем!

В течение второй половины жерминаля и всего флореаля выдаваемые пайки были по-прежнему скудны, по-прежнему шли жалобы, требования выдачи фунта хлеба вместо полфунта [40], тянулись прежние очереди, повторялись прежние указания на невозможность варить рис за отсутствием топлива и т. д.

Мяса не было, да о нем подавляющее большинство парижского населения и мечтать не смело. Порция хлеба была, по за-

кону, полфунта на человека, в действительности же, по доступным, установленным Конвентом ценам, его выдавалось целыми неделями по две унции в день (т. е. шестая часть фунта). Покупать же хлеб по вольным ценам могли только очень немногие: он давно уже стал предметом кипучего ажиотажа и спекулятивного поднятия цен. В конце флореаля фунт хлеба, «переходя из рук в руки», как выражается один очевидец, в одну минуту доходил до такой цены, которая, явно, могла быть доступна только состоятельным людям [41]. В флореале хлеб стоил в вольной продаже до 10 ливров фунт, в начале прериаля до 16 и даже, в иные дни, до 22 ливров. Иногда можно было встретить даже «хорошо одетых» людей (un homme bien vêtu), пытавшихся добыть картофельную шелуху из мусорных куч и тут же ее съедавших [42].

Бедственно голодное состояние в рабочих кварталах столицы продолжалось в течение всего жерминаля и флореаля. Становиться с ночи в очередь перед булочными, чтобы после долгих часов изнурительного ожидания получить несколько унций хлеба или, сплошь да рядом, вместо хлеба — сырого риса, который не на чем сварить,— такова была участь женщин рабочих предместий. Немногие монтаньяры, переживавшие это время и хорошо знавшие настроение кучки своих товарищей, утверждали впоследствии, что хотя они вели в эти недели (между жерминалем и 1 прериаля) некоторую агитацию в клубах секций, желали нового взрыва и надеялись его использовать, но *вызвали* его не они, а объективные условия жизни. Монтаньяр Левассер поминает при этом и безработицу [43]. Но о безработице наши документы говорят несравненно меньше, чем о недостатке съестных припасов для неимущего населения. Неимущие в провинциальных городах были в общем еще в более беспомощном состоянии, чем в Париже.

В департаментах становилось неспокойно. Бывали недели особенно трудные, когда местная администрация ждала выступлений революционого характера. Может быть, в самом деле, как уверяют некоторые документы, «порядок» в провинции сравнительно редко нарушался именно из-за сознания, что непосредственного улучшения положения ждать нельзя [44].

Власти видели, что положение неимущей массы в столице (провинциальные города их интересовали несравненно меньше) ничуть не изменилось к лучшему и что, следовательно. можно ждать повторения жерминальской вспышки. Изредка делались, правда, со стороны официальных и официозных публицистов удивительные по своей бесцеремонной лживости и курьезные по своему слащавому тону попытки затушевать все происходящее: и лютый, все обостряющийся голод, и возрастающее раздражение против имущих, и недвусмысленные признаки надвигающейся новой схватки двух враждебных классо-

вых стихий. «Страсти, по-видимому, навсегда утихли», народ терпит голод «с величавым терпением и героической покорностью судьбе», состоятельные люди идут на «жертвы», и между всеми классами граждан устанавливается «обмен благодеяний и признательности»[45]. Эту последнюю, несколько запутанную фразу следует понимать так: состоятельные секции великодушно благотворят, а рабочие предместья отвечают им порывами благодарного чувства. Это писалось за три с небольшим недели до 1 прериаля, писалось, конечно, для публики. Ни Фрерон, ни его вдохновители из конвентского большинства, ни комитеты, ежедневно осведомляемые через полицию, разумеется, не могли верить ни одному слову этого приторно фальшивого разглагольствования. Они явно знали, что новое выступление неизбежно.

Тут следует коснуться одного вопроса, для точного разрешения которого документальных прямых указаний у нас нет. Мы увидим, что провокационный элемент в действиях правящего лагеря в зале заседаний Конвента в самый день (и особенно вечер) 1 прериаля едва ли можно отрицать. Но было ли все восстание прериальских дней с самого начала вызвано обдуманной провокацией властей?

На этот вопрос, по-видимому, может быть дан такой ответ. Отдельные руководящие деятели термидорианского Конвента, быть может даже и большинство комитетов как общественного спасения, так и безопасности, не прочь были довершить явно половинчатую жерминальскую победу и для этого провоцировать новое выступление. Но что это выступление произошло *раньше,* чем им было желательно, что плебейские предместья двинулись 1 прериаля *помимо* тайно провоцирующей воли властей, если таковая и была,— это явствует из целого ряда признаков. Разоружение «подозрительных» слоев населения еще не только не было закончено, но даже и не подвинулось заметно к концу; войска не были подтянуты к столице и вообще не было налицо и тени той подготовки, какую можно было бы предположить. Мало того: 1 прериаля, когда это слишком преждевременное выступление рабочих секций все-таки произошло, оно не сразу испугало комитеты, и еще можно было пытаться использовать его с провокационными целями. Но выступлений 2, 3 и 4 прериаля уже не предусмотрели, они уже являлись для властей вполне неожиданным развитием событий, именно и показавшим, как опасно было (с точки зрения правительства) слишком раннее выступление 1 прериаля. Правда, надежды на победу в конце концов не обманули правительство, но этой победы пришлось ждать четыре дня, пережив при этом немало весьма критических моментов.

Глава VI

ПЕРВОЕ ПРЕРИАЛЯ

Приступая к анализу характерных черт прериальского восстания, нужно прежде всего отметить ту черту его, которая, правда, не столь ярко, сказалась и в жерминальских событиях. Нелепо было бы резюмировать особенности прериальского восстания, сказав, например (как это иногда делается), что в нем был налицо характер классовой борьбы. Как будто без классовой борьбы была бы возможна вообще вся революция, со всеми ее событиями, начиная со спора Генеральных штатов о способе проверки полномочий и кончая государственным переворотом генерала Бонапарта. Но в весенних выступлениях 1795 г. и особенно в прериальском восстании бросается в глаза гораздо более отчетливое *сознание* того, что дело идет именно о победе или поражении либо собственников, либо неимущих, причем, как увидим, иной раз берется еще более узкая и конкретная формула (редкая для тех времен) и говорится о борьбе «рабочих» и «буржуазии». Другими словами: вся подготовленная идеологией и фразеологией философии XVIII в. словесная завеса, за которой, начиная с 1789 г., происходили сдвиги и схватки реальных движущих сил революции, рассеялась и рассыпалась, и обнаженная борьба имущих с неимущими выступила с несравненно большей отчетливостью.

Термидорианец Тибодо называет три категории людей, которые 1 прериаля пришли на выручку Конвента: честные республиканцы — из-за любви к свободе; люди, у которых было что терять,— из боязни грабежа; роялисты...— чтобы спасти свои головы [1]. Первая категория, как видим, весьма неопределенна, зато остальные две обозначены не только вполне точно, но и в полном согласии с другими источниками.

Согласно показаниям одного из верховодов «золотой молодежи», Жюллиана, уже перед 1 прериаля «все секции» (конечно, кроме секций двух рабочих предместий), боясь воскрешения террора, предложили свои услуги Конвенту. Прежде всех явилась «молодежь» (мюскадены). В день 1 прериаля и в следующие дни мюскадены были «везде» и даже пробирались в гущу инсургентов [2].

Это показание, очень беглое и общее, нуждается, разумеется, в пояснениях: не только не «все» секции стали на защиту Конвента, но и в самых, казалось бы, буржуазных и зажиточных из них не «все» граждане были вполне благонадежны. У нас есть крайне характерное указание на тот зрело обдуманный отбор, который производился в эти критические дни властями в *каждой секции*.

Опубликованная только в 1908 г. переписка члена Конвента Ровера с Гупильо дает нам интереснейшее свидетельство того, до какой степени отчетливо термидорианское правительство понимало классовый характер поднимавшегося движения. Конвент, утверждает Ровер, *никогда* не подвергался такой опасности, как в прериальские дни. Спасли его «добрые граждане, отобранные *поодиночке* в каждой секции» и позванные на его защиту. Если бы были просто призваны секции в общем составе (*en masse*), все погибло бы, потому что везде преобладали «злодеи», а честные люди стыдились с ними смешиваться. Это обстоятельство, «к счастью», не ускользнуло от внимания Конвента. Кликнули клич только «добрым гражданам, *имевшим состояние»* и которым, следовательно, было что защищать. Из этих-то отборных граждан и составилась «сразу» армия в 50 тысяч человек (вместе с линейными войсками) [3]. Официальный отчет о событиях, правда, говорит лишь о 25 тысячах, и ясно, что Ровер от восторга впал в преувеличение. Но самая тактика отбора только имущих людей для защиты их собственности, находящейся под угрозой, и расправы с «злодеями» настолько восхищает Ровера, что он рекомендует ее на будущие времена своему, находящемуся в командировке, приятелю [4].

О таком же *персональном* приглашении «отборных граждан» для защиты Конвента говорит и Давид в одном неизданном письме к Мерлену, причем, по его предположению, 4 прериаля набралось от 30 до 40 тысяч «отборных граждан»; сопровождали же их два полка кавалерии и несколько отрядов «добровольцев» (под последними Давид, вероятно, понимает мюскаденов). Конечно, и к этой цифре следует отнестись скептически, но во всяком случае характерно, что и Давиду дело, по-видимому, представлялось так: главная сила — «отборные граждане», линейные же войска их только «сопровождают» [5]. Тотчас же после победы разоружение подозрительных («террористов»)

и аресты по докладам полиции и по доносам частных лиц возобновились с удесятеренной энергией. Провинция хорошо понимала, что Конвент рассчитывает и может рассчитывать в предстоявшей борьбе в первую голову именно на собственников. Члены уголовного трибунала департамента Эро в адресе Конвенту обещают ему в помощь целые «фаланги республиканцев-собственников», тех самых, которые в большом количестве и, прибавим, вполне добровольно, по личному почину, пошли за несколько дней до того усмирять восстание в Тулоне [6]. Но Конвенту их помощь не понадобилась: борьба была решена к вечеру 4 прериаля силами регулярной армии и буржуазных секций столицы.

Хотя отбор производился во всех секциях, но были, разумеется, среди них и такие, где и без всякого отбора «благонадежный» элемент имел подавляющую силу. Такие секции с первого же момента явились предлагать свои услуги.

Секция Брута (где была сильна средняя буржуазия) первая пришла в Конвент с предложением помощи против восставших. Комитеты в самых сильных выражениях высказались об инсургентах, благодаря секцию за проявленные ею чувства и предложенные жертвы (сбор среди «богатых» для помощи «нуждающимся» и т. д. [7]). Целым рядом следовавших одно за другим постановлений комитеты (в объединенном заседании) подтягивали к Конвенту отборную вооруженную силу секций, обеспечивали ее провиантом, устанавливали связь с генералом Фоксом, которому Конвент непосредственно поручил свою охрану.

Если, как мы видим, показание Жюллиана о «всех» секциях нуждается в справках и пояснениях, то относительно «золотой молодежи» оно совершенно точно. Во все эти дни мюскадены играли роль деятельных соглядатаев, лазутчиков и осведомителей. Едва ли не они первые принесли 2 прериаля известие, что в Антуанском предместье происходят сборища, принимающие тревожный характер, причем в точности указали участвующие в этом движении секции. Они же доложили о собирающихся совсем близко от Конвента женщинах. Этих «молодых людей, полных усердия и доброй воли», пересылали из комитета в комитет для представления кому следует обстоятельных устных докладов. Подлинные архивные документы, писавшиеся в разгар прериальских событий, рисуют, таким образом, роль мюскаденов в полном согласии с воспоминаниями Жюллиана [8].

В другом лагере также сознавали, что восстание направляется именно против собственников. Сидевший уже во время прериальских событий в тюрьме Левассер знал о них по рассказам людей, арестованных уже после прериальского дела. Да и до своего ареста он как один из членов «вершины», пользо-

вавшийся большим доверием, тоже многое мог знать. По его словам выходит, что какая-то организация существовала; она состояла из «нескольких отважных молодых людей», задумавших восстановить «господство патриотов» и с этой целью вошедших в сношения с некоторыми монтаньярскими депутатами. Гужон и Бурботт будто бы согласились «стать вождями восстания», причем решено было «использовать опыт 12 жерминаля»; целью восстания должно было быть немедленное восстановление конституции 1793 г., а до ее введения в действие — «диктатура нескольких энергичных патриотов». На этот раз,— пишет Рене Левассер,— речь шла о том, чтобы «победить или погибнуть»; на этот раз «это была борьба народа против средних классов, рабочих курток против сюртуков». Материальная сила была несомненно (certainement) на стороне народа, но ему не хватало единого руководства, правильной дисциплины,— и он был побежден [9].

Это свидетельство заслуживает полного внимания. У исследователя истории Великой буржуазной революции, нужно сказать, остается впечатление, что в Париже, а отчасти и в провинции, была некоторая группа людей, которая так или иначе, в той или иной мере, участвовала и в жерминальских и в прериальских событиях, и в заговоре Бабефа, и в гренельском деле; группа эта была, конечно, не очень велика, редела с каждым годом, но в ней хранились и передавались известные, если можно так выразиться, традиции и навыки инсуррекционных выступлений.

Не ее ли имеет в виду Левассер, говоря об отважных молодых людях? Возможно, что она-то и составила живую связь между «вершиной» (la crête) Конвента и рабочими предместьями, если такая связь вообще была. Насколько правильно утверждение, касающееся Гужона и Бурботта, сказать трудно. Конечно, то обстоятельство, что впоследствии перед лицом судившей их военной комиссии они оба отрицали какую бы то ни было свою связь с подготовкой восстания, само по себе не могло бы служить аргументом. Но, с другой стороны, близкий друг и родственник Гужона, Тиссо, всецело разделявший его убеждения и почти на шестьдесят лет его переживший, никогда ничего не говорил о его согласии стать во главе восстания. Как бы то ни было, свидетельство Левассера, хотя и не подтверждаемое другими источниками, заслуживает быть отмеченным. Еще интереснее для историка утверждение того же очевидца (на этот раз совпадающее с рядом других показаний), что борьба в весенние месяцы 1795 г. носила явно выраженный характер выступления «народа», блузников рабочих предместий, против буржуазии, или, как он говорит, «средних классов».

Арестованный еще до 1 прериаля, Левассер мог много и точно знать о прериальском восстании: ведь тюрьмы в те времена

были своеобразными политическими клубами, а с 1 прериаля они были битком набиты арестованными участниками и свидетелями событий. По его словам, инсургенты 1 прериаля были или совсем не вооружены или вооружены плохо (дурными ружьями, пиками, ржавыми саблями, рабочими инструментами); среди них было много женщин. Левассер несомненно повторяет жалобы самих инсургентов, когда говорит о недостаточном вооружении, о неумелом предводительствовании и когда настойчиво и многократно изображает прериальское восстание как возмущение «рабочего класса» (la classe ouvrière) против «буржуазной аристократии» (l'aristocratie bourgeoise) [10].

Характер назревавших событий понимал, конечно, и Фрерон. В 123-м номере своей газеты, составленном и отпечатанном в самом конце флореаля (и появившемся в свет 2 прериаля, причем разыгравшиеся накануне события в нем еще не упоминаются), Фрерон, признавая «грязную алчность и гнусное мошенничество» (la sordide avarice et la vile friponnerie) спекулянтов, искусственно создающих дороговизну, отмечает «доводящую до отчаяния» скудость выдаваемых пайков хлеба и общее удрученное настроение. «La consternation était générale»,— пишет он, скорбно-иронически поясняя, что говорит обо всем этом, как о *прошедших* бедствиях, только потому, что «было бы слишком тягостно» говорить о них в настоящем времени, хотя, прибавляет он, они продолжаются по-прежнему. Как бы задабривая голодающих, он восторженно хвалит их за долготерпение, за самоотверженность, за покорность судьбе, длящиеся столько же, сколько и лишения. Главное же, в чем, по мнению Фрерона, проявляется возвышенная добродетель «народа», это то, что он не восстает против собственников: «Никогда еще собственность не была столь религиозно чтима» (la propriété ne fut jamais si religieusement respectée), и порядок существует так же прочно, как если бы вокруг царило изобилие [11].

Едва успели выйти из типографии все эти слащавые комплименты долготерпению народа, как долготерпение лопнуло и плебейские предместья выступили.

С утра 30 флореаля распространился слух, что порция хлеба на человека в день определена в Париже в две унции. На другой день, 1 прериаля, в 5 часов утра в предместьях раздался бой барабанов, а несколько позже — набатный перезвон. Толпы женщин первыми двинулись к центру города; мужчины (сначала в меньшем числе) следовали за ними. Лозунгом, который громко провозглашала толпа и который в виде надписи мелом красовался на шляпах, на груди или на рукавах у многих участников шествия, были слова: «Хлеба и конституцию 1793 г.» (du pain et la constitution de 1793).

Хотя, как сейчас увидим, существовал «план восстания» или, вернее, распространялась прокламация, содержавшая программу требований и общие указания о том, что́ прежде всего надлежит делать восставшим; хотя более чем вероятно, что утреннее формирование масс в предместьях было делом организованным, а не стихийно возникшим, но самая организация или предполагаемая инициативная группа ускользнула от внимания и поэтому от ареста. Уже утром 1 прериаля Комитет безопасности знал о существовании какого-то инсуррекционного комитета; он даже укорял полицию в недостаточной активности (конечно, за то именно, что исходный центр восстания остался неоткрытым) [12].

Были, несомненно, и неоднократные попытки создать днем 1 прериаля, уже в разгаре событий, организационное и стратегическое ядро восстания, но они не привели ни к какому осязательному результату. Из некоторых документов (например, из подлинного протокола заседания «революционного комитета» 12-го округа, протокола, составлявшегося в ходе самого заседания) мы видим, что инсургенты пытались в первый день восстания завладеть частью помещений секций и открыть там собрание, которое могло бы, очевидно, стать первой ячейкой местной инсуррекционной власти. Такие попытки возобновлялись в течение дня в разных местах, но ни одна из них не получила развития [13]. Точно так же и в секции Обсерватории и в секции Пантеона делались попытки самочинно открыть общее собрание секции, независимо от официальных окружных комитетов и вообще без всякого касательства к установленным властям. Эти собрания предполагалось связать с секциями восставших предместий. Но и это не удалось. Была также сделана попытка открыть заседание такого самочинного собрания в городской ратуше, причем были выдвинуты требования, отчасти совпадавшие с теми, которые включал упомянутый план восстания, отчасти же более конкретные (например, об изгнании из Конвента возвращенных 73 жирондистов и вообще «людей 31 мая», о восстановлении закона о максимуме и, в частности, таксации зерна, о принудительном курсе ассигнаций, о раздаче народу продовольственных запасов) [14].

Во всяком случае, и друзьям и врагам прериальских инсургентов было ясно, что никакого обдуманного, центрального руководства в течение всего дня 1 прериаля восстание не имело, что признает и Левассер, с одной стороны, и Жюллиан — с другой, как и все вообще очевидцы, писавшие об этом дне. Похоже было на то, что кое-какая организованность проявилась лишь в первоначальном сформировании народных масс и в направлении их из предместий в Конвент, а потом все было предоставлено случаю [15]. Драгоценные часы в Конвенте были даром

потеряны: ни Комитет общественного спасения, ни Комитет безопасности, ни Военный комитет не были захвачены.

С самого утра 1 прериаля начинавшееся в центральных кварталах столицы восстание характеризовалось так: Антуанское и Марсельское предместья (слово saint тогда опускалось) идут к Конвенту требовать хлеба [16]. Для властей на местах размеры надвигающейся опасности стали более или менее выясняться, по-видимому, только к 11 часам утра. Комитет 6-го округа, например, лишь к этому времени получил известие о предстоящем движении массы к Конвенту. В течение всей середины дня это движение не ослабевало; приходили все новые и новые известия об инсуррекционных формированиях [17].

При всей пестроте показаний, касающихся точного времени отдельных событий 1 прериаля, можно считать, что народ из предместья двинулся походом на Конвент не в утренние часы, а уже после 1 часа дня. Об этом говорят не только свидетельства очевидцев, записанные ими на другой же день (как, например, письмо Дизе), но и данные вроде, например, той записи, какую мы встречаем в протоколе комитета 9-го округа от 1 прериаля: «В половине второго... член комитета, откомандированный в Антуанское предместье, сообщает, что мастерские (слово boutiques в документах того времени обозначает часто не столько лавки, сколько мастерские — *Е. Т.*) там заперты, что женщины выходят оттуда и направляются в Конвент, что мужчины там собираются группами и вооружены, причем у некоторых на шляпах слова: «Хлеба или смерть» [18]. Если так обстояло дело в предместье во втором часу пополудни, ясно, что движение не могло начаться очень рано. Слухи с утра ширились, становились все более грозными. При этих обстоятельствах и открылось заседание Конвента.

Комитет безопасности прежде всего ознакомил собрание с «планом восстания» [19]. В этом документе объявлялось, что «тиранническое» правительство морит народ голодом; указывалось на заточения и избиения «энергичных граждан»; напоминалось, что при столь невыносимом угнетении «восстание есть священный долг»; граждане и гражданки приглашались идти в Конвент и требовать: 1) хлеба; 2) уничтожения существующего образа правления; 3) конституции 1793 г.; 4) ареста всех членов правительства и освобождения всех патриотов, арестованных за то, что они требовали продовольствия для народа или выражали «энергичные мнения»; 5) созыва первичных избирательных собраний на 25 прериаля и Национального собрания на 25 мессидора; 6) собственность и личная безопасность всех граждан должны быть поставлены под охрану народа, выезд из Парижа — запрещен всем, кроме тех, кому будет поручено продовольственное дело; почта, сигнальный телеграф,

транспортные конторы должны быть захвачены; курьеры будут впускаться в столицу, но не будут из нее выпускаться; 7) бежавшие члены Конвента должны быть «с подобающим уважением» возвращены в Конвент; 8) с самим Конвентом будут обходиться со всем почтением, какое полагается оказывать представительству французского народа; 9) всякая власть, «не исходящая от народа», отменяется; все агенты правительства, которые окажут неповиновение, будут наказаны, «как тираны». Секции пойдут на Конвент в «братском беспорядке».

Выслушав доклад Комитета безопасности, председатель Конвента Вернье заявил: «Бумага, которую (нам) только что прочли, не может испугать представителей народа; они сумеют умереть на своем посту» [20]. Все собрание на мгновение встало, аплодируя и крича: «Да! Да!» В этом документе больше всего должны были, конечно, заинтересовать депутатов немногие содержащиеся в нем чисто тактические распоряжения: «Секции в братском беспорядке отправятся в Конвент и увлекут за собой те, которые окажутся у них по пути». Лозунгом движения, как сказано, объявлялись слова: «Хлеба и конституцию 1793 г.». Впрочем, в Конвент уже с утра поступали сообщения о том, что в Антуанском предместье и некоторых других местах действительно собираются большие толпы, выдвигающие этот лозунг. Теперь пришли известия, что громадная масса инсургентов подходит к дворцу Конвента и что на шляпах у большинства «мятежные надписи».

Уже 12 жерминаля на шляпах многих людей, вторгшихся в зал заседания, были слова, ставшие потом лозунгом восстания 1 прериаля: «Du pain et la constitution de 1793!». Кроме этих требований, появилось теперь и третье: «Свободу заключенным патриотам!» Дюлор слышал этот возглас уже от первой толпы, вошедшей в Конвент [21].

Первыми вторглись в Конвент толпы женщин с криками: «Хлеба! Хлеба!». Они заняли сначала трибуны, и их крики раздавались около четверти часа. Почти тотчас же народные толпы, гораздо более многочисленные, хлынули в здание Конвента. При страшно усиливавшемся шуме председатель пытался говорить о том, что получены удовлетворительные сведения о доставке продовольствия, но его слова заглушались криками: «Нет, нет, мы хотим хлеба!» (Non, non, c'est du pain que nous voulons) [22]. С первой же минуты настроение вошедших было враждебным. Угрозы и брань сыпались на членов Конвента. Особенно раздражены были, по свидетельству очевидцев, женщины: они призывали к прямому нападению на депутатов и бранили трусами вошедших вместе с ними в зал мужчин.

Председатель приказал очистить трибуны, но почти в тот же момент раздались сильные удары во внутренние двери.

Через полчаса народ выломал эти двери, и новые толпы ринулись в зал. По приказанию председателя два человека были схвачены и уведены. Вскоре затем арестовали еще и третьего. Депутат Феро бросился навстречу толпе, но был сильно помят. Среди жандармерии и войск, спешно вызванных на защиту Конвента, стало замечаться некоторое колебание. Самовольно спешившиеся кавалеристы поговаривали о том, что хотели бы сражаться с неприятелем на границе, но вовсе не желают стрелять в народ [23].

В два часа дня шум на улицах, перед зданием Конвента, неимоверно возрос: все новые народные толпы прибывали со всех сторон с криками: «Хлеба! Хлеба!». Конвент постановил передать генералу Дельма командование вооруженными силами столицы. Около 4 часов перестрелка у входа в Конвент и внутри самого здания усилилась. Депутат Феро бросился навстречу народной массе, пытаясь ее остановить; почти в тот же момент он был убит, и атакующие бросились в зал [24]. Одновременно новая громадная волна народа хлынула в здание Конвента.

Конвент на время оказался во власти инсургентов. Но они совершенно непроизводительно, с точки зрения своих интересов, потеряли несколько часов. Тут же и сказалось отсутствие центрального обдуманного руководства, отсутствие дееспособных вождей восстания.

Феро был убит после 3 часов дня огромной толпой, где уже в подавляющей массе преобладали мужчины. Когда он упал раненый и кто-то произнес его имя, инсургенты,— как гласит очень распространенная версия,— будто бы смешали его с Фрероном, особенно ненавистным за свою близость к мюскаденам и за общее направление своей деятельности. Раздались крики ярости, на упавшего посыпались удары, его стали топтать ногами, и через минуту его отрезанная голова была воткнута на пику [25]. Нужно сказать, что версия о будто бы погубившей Феро путанице фамилий усердно поддерживалась самим Фрероном, желавшим, по-видимому, таким дешевым способом отчасти приобщиться к посмертным лаврам убитого депутата.

Гибель Феро была подробно описана в торжественной поминальной речи, произнесенной Луве 15 прериаля, когда Конвент чествовал память убитого. Конечно, речь эта, составленная в том приподнятом ложноклассическом духе, который тогда был в большой моде в подобных случаях, сильно стилизует подробности события. Получается, будто Феро, безоружный, став перед толпой со словами: «Вы пройдете только через мой труп»,— был повергнут на землю. Друзья подняли его и увлекли прочь. А когда затем Феро увидел, что толпа подняла оружие на некоего Льебо, он, желая защитить этого, лично ему ненавистного,

человека, кинулся к нему на помощь, принял на себя удары и пал жертвой. Удары пиками и штыками продолжали сыпаться на уже бездыханное тело [26].

Такова была официальная версия, окончательно канонизированная речью Луве. В других источниках я не нашел подтверждений всех этих деталей. В невообразимом шуме, царившем в тот момент вокруг и внутри Конвента, при лихорадочной быстроте событий, словом, во всем этом страшном хаосе едва ли была у Феро возможность произносить величавые изречения, и уже во всяком случае, если они и были произнесены, навряд ли окружавшие могли их расслышать.

Один из инсургентов, окончательно отделивший ножом голову убитого Феро, воткнул ее на пику и в сопровождении нескольких товарищей пронес через весь зал прямо к президиуму, где он в течение нескольких мгновений держал голову перед глазами председательствовавшего Буасси д'Англа. Легенда, впоследствии вдохновившая нескольких художников (начиная с лубочных и кончая Жозефом Куром и знаменитым Евгением Делакруа), гласит, будто Буасси встал и поклонился отрезанной голове своего товарища. Ничего подобного источники не подтверждают. Вообще Буасси д'Англа в первое время после событий сам нисколько не поддерживал сказаний о собственном геройстве; передавали даже, будто он впоследствии признавался, что, вероятно, убежал бы, если бы было куда бежать.

Как бы то ни было, толпа, окружившая президиум и показавшая председателю только что отрезанную голову Феро, все же не тронула самого Буасси. Разговор между ним и инсургентами, передаваемый Сальвертом в его брошюре, вышедшей сейчас же после событий, не был, насколько известно, опровергнут самим Буасси. Это не значит, конечно, что разговор происходил именно в таком виде, в каком его передает Сальверт: «Как! — спрашивает кто-то из толпы.— Так это ты тот Буасси, который нас морил голодом в эту зиму».— «Я Буасси, который не морил вас голодом в эту зиму. Напротив, напрасно я раздавал слишком много хлеба, считаясь с бедственными обстоятельствами. Если бы я тогда экономил хлеб, его теперь было бы больше».— «Ты преступник. Мы умирали с голоду».— «У меня нет хлеба».— «У меня не больше хлеба, чем у вас».— «У меня жена и четверо детей».— «И у меня есть жена и дети».— «А! и у тебя нет хлеба?» — «Я уже вам это сказал; если хотите убедиться, пойдите ко мне домой, от моего имени, я живу там-то...» — «Право у тебя вид порядочного человека. Стань во главе нас».— «Не могу. Я на своем посту».— «Тем хуже... Так у тебя жена и дети?» — «Да».— «И нет хлеба? Ну, так вот кусок, отнеси его своей жене». С этими словами человек из толпы подал Буасси кусок хлеба, который тот спрятал в карман. Но разговор на

этом не кончился. «Скажи-ка мне, прошу тебя, где преступники Тальен и Фрерон? Мне надо пойти убить этих негодяев».— «Я вам не скажу. Я совсем не знаю, где они; но если бы и знал, я бы не захотел вам сказать».— «Право же, у тебя вид порядочного человека, жаль, что ты не хочешь стать во главе нас». Буасси, придя после всех событий домой, будто бы рассказал весь этот разговор жене и отдал ей полученный кусок хлеба [27]. Но в момент самого разговора положение казалось Буасси отчаянным: в голове, которую держали перед ним на пике, он не опознал Феро, а думал, что это голова генерала Фокса, которому он только что дал приказ отразить вооруженной силой нападение на Конвент. Приказ был письменный, за подписью председателя; в случае победы восставших немедленная гибель Буасси была бы неизбежна [28].

Толпа, переполнявшая зал заседаний, не предпринимая никаких решительных действий, продолжала волноваться и шуметь; среди всеобщего шума раздавались отдельные возгласы, требования, угрозы.

Официальный отчет чаще всего упоминает следующие требования инсургентов: объявление вне закона тех, кто после 9 термидора и 12 жерминаля требовал ареста некоторых членов Конвента; непрерывность заседаний секций; домашние обыски у подозрительных по контрреволюционности лиц; освобождение арестованных. Иногда слышались крики: «Уходите, мошенники, мы сами хотим образовать Конвент» (Allez vous en, coquins, nous voulons former la Convention nous-mêmes). С момента появления толпы, несшей на пике голову Феро, шум и смятение еще больше увеличились. Часы шли за часами, развязка не наступала. Часть народных представителей из числа монтаньяров «вершины» смешалась с народной толпой. Правая часть собрания, как и все термидорианцы, впоследствии воспользовалась этим обстоятельством, чтобы отправить в ссылку или казнить тех, в ком она видела «якобинскую опасность». Депутаты, требовавшие слова, предлагавшие декреты или голосование, ставили этим на карту свою голову, и они погибли потом в первую очередь. Официальный протокол не жалеет бранных слов, чтобы изобразить их поведение. Они, читаем мы в этом документе, «доводят бесстыдство и гнусность до того, что даже сами провоцируют дебаты и голосуют вместе с этим сбродом разбойников то, что они называют декретами». И протокол перечисляет ораторов этой группы: «Romme, Duroi, Goujon, Duquesnoi, Bourbotte, Forestier, Ruhl, Albitte aîné» [29].

К их выступлению мы теперь и перейдем.

Уже вечерело. Председательство в Конвенте перешло от утомленного и разбитого Буасси д'Англа к Вернье. Шум в зале заседаний не смолкал, народ не уходил, президиум бездейство-

вал, но не объявлял заседания закрытым. Густая толпа окружала Конвент снаружи и, казалось, отрезала его от сообщений с внешним миром и прежде всего от сношений с правительственными комитетами. На самом деле это было не совсем так, и те немногие, кому ведать надлежало, уже знали, что против инсургентов поднимается гроза... Вожди «вершины», ничего об этом не знавшие, решили выступить. Судя по содержанию их речей и по внесенным ими предложениям, они учитывали уже победу восстания или, во всяком случае, считали, что первый этап борьбы пройден победоносно, что следует оформить это в определенных декретах, а также взять исполнительную власть в свои руки. Смысл их выступлений был таков: прежде всего — попытаться санкционировать вотумом Конвента ряд мер, которые укрепили бы предполагаемую победу восстания. Это-то и привело больше всего в ярость их врагов, когда участь восстания была решена. Но раньше, чем говорить о выступлении «последних монтаньяров», следует коснуться одного вопроса, тесно связанного с этим выступлением.

В общей историографии революции уже давно проскользнула мысль, что в поведении термидорианцев (как комитетских, так и Вернье, председательствовавшего в Конвенте 1 прериаля, после Буасси д'Англа) была налицо намеренная провокация. К этой же мысли склонился и покойный Альбер Матьез в своей книге о термидорианской реакции [30]. Точно так же и новейший биограф Гужона, Раймон Гюйо, склонен приписывать сознательному умыслу бездействие правительства, особенно явственно сказавшееся вечером, после 8 часов, когда у войск была уже полнейшая возможность войти в Конвент и покончить все разом. Умысел заключался в том, чтобы дать монтаньярам время и возможность скомпрометировать и погубить себя [31].

В самом деле, некоторые черты в поведении правительственных комитетов и самого Конвента в день 1 прериаля с трудом поддаются объяснению, если мы отвергнем гипотезу об умышленном желании возможно полнее и безнадежнее скомпрометировать, вернее, подвести под нож гильотины ненавистных депутатов уцелевшей пока «вершины». Почему председатель даже не пытался остановить ораторов, как не сделал этого и никто из депутатов большинства, хотя спустя несколько часов они признали всех этих ораторов достойными ареста и военного суда? Почему президиум так надолго затянул заседание, хотя вечером уже знал, что снаружи собраны достаточные вооруженные силы и что дело инсургентов уже проиграно? Изучение бумаг процесса монтаньяров дает несколько очень характерных и занимательных черт, подтверждающих гипотезу о провокационном поведении правительства и президиума в конце

заседания 1 прериаля, непосредственно перед входом гренадер и национальной гвардии в зал заседаний. Насколько грозен, самопроизволен и поэтому устрашающ для правительства был ход событий с утра вплоть до вечерних часов, настолько с вечера близкое поражение восстания становилось все яснее и несомненнее. И тем легче соблазн захватить, наконец, в сети и окончательно истребить монтаньяров мог охватить душу правящих термидорианцев, которым за ненавистной кучкой людей «вершины» неотступно мерещилась тень Робеспьера. Покончить с этой кучкой, уцелевшей после 9 термидора, и тем самым навсегда избавиться от «левой» опасности было очень важно,— и случай представился слишком благодарный.

30 августа 1925 г. в журнале «Intermédiaire des chercheurs et des curieux» появился перепечатанный затем в июле 1926 г. в журнале «La Révolution Française» (стр. 258—259) документ большого значения. Это — небольшая (в полторы печатных страницы) записка Вернье, бывшего председателем Конвента на тот месяц, в котором произошли прериальские события, с 16 флореаля по 16 прериаля. 1 прериаля Вернье председательствовал в начале заседания; потом, когда толпа уже заняла Конвент, он уступил председательство Буасси д'Англа. Когда жизни Буасси стала грозить серьезная опасность, Вернье снова занял председательское место, причем Буасси остался сидеть рядом с ним. В упомянутой записке (писанной 12 лет спустя, 8 сентября 1807 г., уже при Империи) Вернье вскользь — но это тем важнее и тем достовернее — признает, что было условлено как можно больше затянуть заседание, чтобы дать кому следует за стенами Конвента время собрать достаточно сил [32].

Что свидетели и участники событий подозревали о провокации с самого начала, явствует также до известной степени из злого и смелого намека, сделанного Ланжюине во время заседания 10 прериаля, когда этот депутат вместе с Лесажем силился передать дело арестованных монтаньяров из военной комиссии в обыкновенный суд. Настаивая на необходимости судить факты, а не намерения, Ланжюине прибавил: «Предположу, например, что наш почтенный коллега Вернье, занимавший (председательское) кресло в этот ужасный вечер, явится в качестве обвиняемого перед комиссией; если его намерение не будет принято во внимание, он будет осужден за то, что поставил на голосование предложения, внесенные Дюруа, Роммом и другими; между тем мы все убеждены, что он принял это решение только для того, чтобы спасти Конвент и республику от полной гибели» [33].

Дюкенуа, говоря о 1 прериаля, категорически утверждает, что председатель не то что позволил ему говорить, а повторно приглашал его, как и других подсудимых, взять слово [34].

В мемуарах герцога Ларошфуко-Лианкура я нашел подтверждение умышленного затягивания заседания со стороны Вернье, с прямой целью выиграть время и с определенного согласия правительственных комитетов, с которыми председатель Конвента нашел возможность сноситься. Конвент непременно хотел дождаться ночи [35]. Правда, Ларошфуко не говорит ясно, что дожидались именно выступлений «вершины», чтобы ее скомпрометировать и погубить, но ведь он и не стал бы в этом признаваться: в прериальской борьбе он сам был враждебен инсургентам и дружествен правительству. Обратимся еще к одному свидетельству.

Враждебный инсургентам член Конвента Кассани между двумя важными поручениями, которые он выполнял сначала в южной армии, потом в департаменте Монблан, случайно оказался в Париже и оставил описание прериальского дня, которое, к сожалению, до сих пор доступно историку только в выдержках, напечатанных Видалем в журнале «La Révolution Française» за 1890 г. К тому же Видаль дает более обширные выдержки из других частей попавшей к нему рукописи Кассани, а прериальскому восстанию отводит всего три страницы (236—238). Но и эти скудные строки определенно свидетельствуют о том, до какой степени их автор был убежден в провокационном поведении правительства не только в прериале, но и раньше — в жерминале. Поведение комитетов общественного спасения и безопасности в жерминале Кассани приписывает «макиавеллизму» и сознательному умыслу поднять восстание, чтобы потом обрушиться на монтаньяров. Что касается 1 прериаля, то Кассани, не колеблясь, утверждает, что и в начале этого дня, на улице, и в конце его, в Конвенте, у правительства было более чем достаточно сил, чтобы разогнать инсургентов [36].

Относительно утренних и дневных часов Кассани, пожалуй, ошибается, но к вечеру силы правительства были значительны.

После этого необходимого замечания о сознательно провокационной тактике правительства в конце дня 1 прериаля обратимся теперь к последним часам этого дня.

В зале темнело. Все новые и новые группы вооруженных людей подходили к Конвенту и входили в здание. «Moniteur» говорит, что в это время вокруг дворца уже находилась преданная правительству вооруженная сила, но ей приходилось ждать приказаний,— а они ниоткуда не приходили [37].

С четырех часов монтаньяры «вершины»: Ромм, Дюруа, Дюкенуа, Гужон пытались говорить, но среди страшного шума им не удавалось произнести больше нескольких слов подряд. К семи часам наступило относительное спокойствие, и в восьмом часу на трибуне стали появляться ораторы [38]. Но вокруг

них все время было по нескольку человек из вошедшей в Конвент толпы, и речи Ромма, Гужона и других часто прерывались возгласами тут же на трибуне стоявших людей: «Хлеба! Хлеба! Мы не этого хотим! Хлеба! Арестовать! Поименное голосование, чтобы мы знали, кого арестовать! Домашние обыски, чтобы найти продовольствие! Конституцию 93-го года! Уходите все вон, мы закроем Конвент!» и т. д. [39]

Пестрые, часто противоречивые в деталях, показания очевидцев, которые в эти грозные часы были, разумеется, страшно взволнованы, позволяют, однако, восстановить главные моменты этой вечерней, последней части заседания 1 прериаля. Была, конечно, в этих показаниях и сознательная ложь, особенно лгали газетные обвинители. Были и весьма понятные умолчания — не обо всем обвиняемые могли и хотели впоследствии сказать военным судьям. Не упуская из виду всех этих оговорок, попытаемся в самом сжатом виде отметить главные моменты этого вечернего заседания.

Уже не раз цитированный нами Жюллиан изображает заключительную часть заседания 1 прериаля следующим образом. Он был в зале, присутствовал при всех выступлениях монтаньяров и в своих показаниях передает то, что больше всего врезалось ему в память среди страшного шума, стоявшего в собрании. В позднейших своих мемуарах он силился отметить свое великодушное нежелание губить подсудимых. Но вот перед нами подлинное его рукописное показание, данное военной комиссии, и мы видим, что он тоже, по мере сил, подталкивал всех обвиняемых к гильотине, не скрывая ничего, что могло их окончательно погубить. Вместе с тем его показание, по крайней мере в части, касающейся речей выступавших ораторов, производит впечатление правдивости и в общем подтверждается показаниями самих обвиняемых. Вот какова была, по впечатлениям Жюллиана, роль монтаньярских ораторов [40].

Ромм предложил освободить всех террористов, арестованных с 9 термидора, а также установить непрерывность заседаний парижских секций. *Дюруа* поддерживал эти предложения и, кроме того, предлагал вновь вооружить разоруженных по подозрению в «терроризме» (le réarmement des individus désarmés pour fait de prétendu terrorisme); он требовал также освобождения членов Конвента, арестованных в ночь с 12 на 13 жерминаля. *Гужон* в своей речи назвал восстание 1 прериаля «пробуждением народа» (réveil du peuple); он предлагал издать особое воззвание к народу для разъяснения причин событий 1 прериаля и требовал учреждения комиссии взамен всех правительственных комитетов. Это предложение поддержал и Дюруа; *Бурботт* назвал превосходными меры, принятые в тот момент Конвентом [41]. *Дюкенуа* предложил уничтожить Комитет обще-

ственной безопасности. *Субрани* — образовать комиссию из четырех членов; в эту комиссию были выбраны Дюруа, Бурботт, Приер (de la Marne) и Дюкенуа. Когда *Лежандр* принес в Конвент известие о мерах, принятых правительственными комитетами, *Дюкенуа* снова предложил уничтожить комитеты и арестовать их членов. *Субрани* торопил выбранную по его же предложению комиссию из четырех лиц поскорее приступить к действию, чтобы не повторилась неудача 12 жерминаля [42]. Наконец, когда правительственный военный отряд вошел в зал, кто-то крикнул: «Сан-кюлоты, ко мне!» (Sans-culottes à moi!), причем Жюллиана «уверяли», что крикнул эти слова Приер (de la Marne). Вот и все показание. Жюллиан, как видим, не колебался обрекать человека на эшафот даже на основании чьих-то «уверений»: ведь он не мог не знать, чем его показание грозило Приеру. И, однако, ничего, кроме изложенного выше, он против подсудимых привести не мог, хотя и находился все время в зале заседания. В конце своего показания Жюллиан переходит от определенного свидетельства к голословным обвинительным догадкам и высказывает убеждение в том, что подсудимые были «главарями и подстрекателями» восставших (les chefs et les promoteurs de la révolte), причем тут же прибавляет: «или по крайней мере хотели воспользоваться этим восстанием, чтобы восстановить свое кровавое владычество». Это характерное «по крайней мере» показывает, что установить какую бы то ни было связь между организацией восстания и преданными суду военной комиссии членами Конвента было абсолютно невозможно.

Документы военной комиссии, среди которых сохранились показания самих обвиняемых, дают некоторые очень характерные детали.

В тот момент, когда Ромм впервые стал обнаруживать желание говорить с трибуны (около 7 часов вечера), его не только никто не удерживал и не предостерегал, но бывшие вблизи депутаты, наоборот, просили его выступить [43]. Он просил слова у председательствующего Буасси д'Англа и получил позволение говорить. Ромм не умел говорить без подготовки; во время речи он останавливался, и тогда из толпы на него сыпались угрозы и оскорбления [44]. Это лишний раз показывает, что имена конвентских монтаньяров были мало известны в тот момент парижскому народу: имя Ромма ничего не говорило толпе. Сам Ромм, по собственному признанию, не знал, что́ думать обо всем происходящем. «Где правительственные комитеты? Осаждены ли они? Распущены ли?» Действительно, с 7 часов утра до 8 часов вечера правительственные комитеты, казалось, не обнаруживали никаких признаков жизни, никакая вооруженная сила не являлась, все сношения Конвента с внешним миром прекратились.

Ромм утверждает в своем показании перед военной комиссией, что он, потребовав вечером слова, хотел воспользоваться «первым проблеском доверия», чтобы побудить вторгшихся в Конвент граждан разойтись по домам [45]. Интересно отметить, что бездействие и безмолвие правительственных комитетов могли внушить Ромму и всей «вершине» мысль, что инсургенты победили, что можно, значит, отправив победителей поскорее по домам, приступить к законодательной работе. Это очень характерная черта для приемов политического мышления последних монтаньяров.

Предложения Ромма, средактированные им среди кипевшего вокруг него смятения и шума, были, конечно, направлены прежде всего к взятию на учет всех хлебных запасов в столице, к организации выпечки и равной раздачи одного лишь сорта хлеба (с воспрещением всяких сладких и кондитерских сортов), наконец, к выработке закона об учете хлеба на всей территории республики. По заявлению Ромма, эти предложения не были ни оглашены, ни поставлены на голосование. Он не объясняет, когда председатель успел сделать поправку, о которой он пишет, приводя пункт 2 своих предложений [46].

Ромм не чувствовал никакой органической связи между собой и вторгнувшимся в Конвент народом: он ставит себе и своим товарищам в заслугу то обстоятельство, что самый факт их выступления возродил доверие к Конвенту; толпа стала постепенно очищать зал и трибуны, благодаря чему появившийся в полночь вооруженный отряд, руководимый правительством, без труда удалил «то, что еще оставалось» из народной толпы. Таков был, по признанию Ромма, главный результат, которого желали монтаньяры [47].

Предъявленное Ромму обвинение вкратце сводилось к тому, что́ говорила о нем бумага, присланная впоследствии в военную комиссию из Конвента: после того как вторгшаяся толпа уже «в течение нескольких часов» занимала Конвент, Ромм потребовал молчания «во имя суверенного народа»; он предложил, чтобы ораторская трибуна была предоставлена всем, кто захочет говорить; предложил немедленно голосовать и тотчас же разослать с чрезвычайными курьерами декрет об освобождении патриотов. Он заявил далее, что правительство должно было принять меры для доставки продовольствия; что те, у кого много денег, ни в чем не нуждаются, тогда как неимущим приходится умирать с голоду; потребовал, чтобы хлеб изготовлялся лишь одного сорта, одинаковый для всех, чтобы немедленно были произведены домашние обыски для обнаружения запасов муки.

Он предложил также созыв и непрерывность заседаний парижских секций, дабы граждане снова вступили в свои права,

избрали комиссаров по продовольствию и переизбрали «по усмотрению народа» гражданские комитеты, причем предложенные мероприятия должны были вступить в силу лишь после освобождения арестованных патриотов [48]. Вот главное, что ставилось Ромму в вину и за что ему пришлось заплатить жизнью.

После Ромма слово получил его товарищ по «вершине», Дюруа, который также настаивал на немедленном освобождении лиц, арестованных после 9 термидора и жерминальских дней. Это предложение было принято.

Среди все возраставшего шума выступил Гужон. Из его речи больше всего запомнилось и попало в обвинительный акт следующее: он настаивал на составлении воззвания к «угнетенным патриотам», к департаментам и к армии, чтобы осведомить их о характере и целях движения: нужно, чтобы пробуждение народа на этот раз не оказалось бесполезным. Конвент принял хорошие декреты (имелись в виду принятые собранием предложения Ромма), но нужны люди, которые бы их выполняли. (Если следовать отчету «Moniteur'а», Гужон прибавил: «Мы не знаем, что делают правительственные комитеты, они не обсуждают, они не являются. Нужна власть, которая взяла бы на себя исполнение наших декретов. Я прошу Конвент избрать чрезвычайную комиссию для выполнения декретов, которые он только что издал». Тут оратора прервали аплодисменты и крики: «Хлеба! Хлеба!»)

Гужон предложил отозвать всех представителей Конвента, находившихся в разных командировках (en mission), переменить состав правительственных комитетов (по версии «Moniteur'а»); он обратил внимание на то, что какая-нибудь из еще существующих властей может двинуть войска против народа. Наконец, он поддержал предложение Субрани об образовании комиссии из четырех лиц. Вот что было поставлено в вину Гужону, когда 8 прериаля Конвент предал его в числе прочих суду военной комиссии [49]. Предложение его о смене личного состава комитетов было принято.

После кратких заявлений Форестье и Альбитта (причем первый высказывался против смены комитетов, а второй говорил о необходимости образования бюро с целью упорядочения прений) слово взял Бурботт. О его выступлении, кроме нескольких небрежных строк в отчете «Moniteur'а», имеются еще некоторые данные, между прочим, его письмо о событиях 1 прериаля. Передавая это письмо тайком, нелегально, имея, следовательно, в виду, что в случае, если оно будет перехвачено, оно может не только окончательно скомпрометировать самого писавшего, но и погубить друга, которому он пишет, Бурботт едва ли мог быть вполне откровенен в том, что касается его личной роли. Но его письмо написано 6 прериаля, пять дней спустя

после описываемых событий (во время переезда арестованных из Парижа в Морле), и нам, конечно, интересно знать, как запечатлелась только что разыгравшаяся трагедия в памяти ее свидетеля и участника. Услышав утром, что в секции барабан бьет тревогу, Бурботт отправился в Конвент, где один из членов Комитета общественного спасения сообщил о большом восстании. Вскоре после этого «разъяренные женщины наполняют трибуны, требуя громкими криками хлеба и конституции. Несколько депутатов требуют, чтобы трибуны были очищены; приказ об этом дается и немедленно приводится в исполнение» [50]. Далее следует рассказ о том, как новые толпы народа, выломав двери и отбросив стражу, ворвались в зал заседаний. Во вторгшейся толпе Бурботт отмечает два элемента: одни, «ужасные люди, примешавшиеся к народу» (des hommes affreux mêlés parmi le peuple), хотели истребить весь Конвент; один из них даже нанес Бурботту несколько ударов и все повторял, что хочет отрезать ему голову, но тут вступились другие, а именно *рабочие*: они с ужасом отнеслись к мыслям о таком преступлении и помешали убийству [51]. В зале стоял неимоверный шум; ораторы один за другим сменялись на трибуне. Тут-то Бурботт и сделал два погубивших его предложения: во-первых, об аресте роялистских журналистов, вводящих общественное мнение в заблуждение «своими отравленными листками» (par leurs feuilles empoisonnées), а во-вторых, об отмене смертной казни с оставлением ее только для убийц, для эмигрантов и для выделывающих фальшивые ассигнации. И впоследствии, перед лицом смерти, давая показания военной комиссии, Бурботт с полной убежденностью повторил, что требовал 1 прериаля ареста журналистов, которые развращают общественное мнение и заполняют свои органы «свободоубийственными (liberticides) мыслями» [52].

Нужно сказать, что 1 прериаля не один Бурботт выражал ненависть к представителям печати: так же относились к ним и другие члены «вершины», в течение долгих месяцев подвергавшиеся беззастенчивой и безнаказанной травле со стороны термидорианской прессы всех оттенков. «Видишь этих мошенников? — спросил Дюкенуа одного санкюлота, показывая на ложи журналистов.— Они все подняли оружие против народа, но мы помешаем им вернуться когда бы то ни было в их логовище» [53].

Свидетели и обвинители отметили также слова Бурботта, имевшие, очевидно, целью напомнить о необходимости немедленной смены исполнительной власти, немедленного учреждения новой правительственной комиссии, без чего и это восстание окажется таким же безрезультатным, как и жерминальское: «Мы не должны забывать дни 12, 13 и 14 жерминаля, мы не хотим быть отправленными в крепость Гам» [54]. Это заявление

Бурботта запомнилось не меньше, чем его резкое нападение на термидорианскую печать.

Что касается Дюкенуа, то он сам не только отрицал какое бы то ни было свое участие в организации восстания, но утверждал, что около семи или восьми часов подряд находился «под кинжалами» инсургентов, подвергался с их стороны оскорблениям, угрозам и насилиям [55]. Как бы то ни было, но относительно Дюкенуа есть вполне категорическое свидетельство, по которому он предложил уничтожить правительственные комитеты и прежде всего Комитет общественного спасения [56]. Субрани, поддерживая этот проект, внес со своей стороны очень важное предложение — образовать комиссию из четырех человек, которая должна будет немедленно распустить правительственные комитеты. Дюкенуа вторично говорил на ту же тему, причем повторил раздававшееся со всех сторон требование об аресте членов этих комитетов [57]. Субрани примкнул к этому требованию, причем настаивал, чтобы четыре члена новой комиссии собрались немедленно и приняли меры к воспрепятствованию вторичному торжеству «тиранов 12 жерминаля», т. е. вторичному провалу восстания [58]. Кем-то из толпы Субрани был предложен в начальники парижских войск; впрочем, это предложение не голосовалось. Все это и составило содержание обвинительного акта против Субрани. Он, как и другие, категорически отрицал какую бы то ни было предварительную свою осведомленность о подготовке восстания. Так как он и до суда и во время него отличался полным бесстрашием, да и не мог все равно не смотреть на себя как на безнадежно погибшего, то его отрицанию можно вполне поверить. Мало того, уже утром 1 прериаля, идя в Конвент, Субрани, по-видимому, не отдавал себе отчета в характере начавшегося движения и даже готов был приписать его проискам роялистов. Только попав в зал заседаний Конвента, он понял, в чем дело. Но, ориентировавшись в происходящем, он, как и Дюкенуа и Гужон, понял, как страшна для восставших продолжающаяся где-то на свободе деятельность правительственных комитетов, и выразил эту мысль ярче и конкретнее других. Предложение арестовать старые комитеты было, однако, сформулировано тремя представителями «вершины» уже поздно вечером, когда время было безвозвратно упущено инсургентами.

Насколько мысль об уничтожении комитетов была с точки зрения интересов инсургентов тактически правильна, мы узнаем, между прочим, из речи ярого врага якобинцев Луве, произнесенной в Конвенте 14 прериаля. Возмущаясь восстанием 1 прериаля, Луве подтверждает, что если бы инсургенты вовремя захватили комитеты общественного спасения и общественной безопасности, то все было бы кончено и центр правительствен-

ного сопротивления был бы уничтожен [59]. С этим мнением вполне совпадает и утверждение политического антипода Луве, убежденного якобинца Брута Манье, признавшего себя автором плана восстания и судившегося по прериальскому делу (его не было в Париже в момент восстания). Он жалел, что восставшие не догадались арестовать членов правительственных комитетов, равно как главарей термидорианцев в Конвенте — Фрерона, Тальена, Лежандра, Барраса, Ровера, Дюмона, Тибодо, Оги, Бурсо, Шенье, Дюбуа-Крансе, Сиейса, обоих Мерленов «и всех убийц Робеспьера» (et tous les assassins de Robespierre) [60].

Как бы то ни было, драгоценные для инсургентов часы были безвозвратно потеряны, и уже ничто не могло поправить дело восстания, по крайней мере вечером 1 прериаля.

Между тем правительственные комитеты, о которых роковым для себя образом забыли инсургенты, действовали.

Комитет общественного спасения заседал весь день [61], никем не тревожимый, и успел вынести целый ряд постановлений, прямо относившихся к событиям дня. Прежде всего приказано было безотлагательно прислать в Париж из окрестностей 300 человек кавалерии. Эта цифра показывает, что Комитет утром еще не отдавал себе ясного отчета о размерах движения. Затем, ввиду указания, содержавшегося в «плане восстания», предписано было усилить охрану телеграфа. Спустя некоторое время все пехотные войска, расположенные от Парижа до департаментов Соммы и Эн (Aisne), получили приказ немедленно усиленным маршем спешить в столицу. Во вторую половину дня Комитет общественного спасения заседал уже сообща с Комитетом безопасности и Военным комитетом. В течение нескольких часов они действительно были отрезаны от Конвента; только к вечеру были найдены способы сноситься с председательствовавшим Вернье. Соединенные правительственные комитеты выносят в эти критические часы любопытное постановление: ввиду того, что Конвент находится во власти и под гнетом инсургентов, которые хотят ему «предписать свою волю и вырвать у него декреты, разрушающие республику и правительство» и создающие анархию, комитеты постановляют не признавать этих декретов до тех пор, пока собрание не получит вновь свободы и не будет в состоянии сноситься с комитетами. Члены же комитетов не покинут своих постов впредь до освобождения Конвента. «Когда бывший тиран,— торжественно напоминают они,— хотел уничтожить свободу в ее колыбели, то Же-де-Пом послужил убежищем для народных представителей, преданных делу свободы» [62].

Краткий протокол этого объединенного заседания трех комитетов позволяет ознакомиться с целым рядом приказаний, непосредственно направленных к ликвидации восстания вечером

1 прериаля. Комитеты приказывают немедленно оповестить все парижские секции о том, что Конвент возлагает на городскую коммуну ответственность за свою безопасность от всяких посягательств. Комитеты распоряжаются движением вооруженных сил по улицам, ведущим в Тюильри; они отдают приказы о снабжении хлебом и вином собранных у Конвента войск; об оставлении в Доме инвалидов всего 75 человек охраны и об отправке остальных находившихся там воинских чинов в распоряжение Комитета безопасности; наконец, они решают в определенный момент двинуть наличные силы внутрь дворца и в зал заседаний Конвента [63].

Уже в Конвенте провозглашены были имена четырех членов комиссии, избранной по предложению Субрани: Дюкенуа, Бурботт, Дюруа и Приер (de la Marne). Но в этот момент раздался барабанный бой; вооруженная сила, которую Комитет общественного спасения успел подтянуть к дворцу Конвента, а также батальоны не примкнувших к восстанию городских секций через несколько входов одновременно вошли в Конвент.

В зале заседаний, по воспоминаниям свидетелей, барабанная дробь раздалась одновременно с двух противоположных концов: к одним дверям подходил батальон национальной гвардии (секции Бютт-де-Мулен), прежде всех вступивший в зал; через другие двери, несколько минут спустя, вошел отряд, состоявший из гренадер и жандармов. Следом за ним шли члены трех правительственных комитетов. При виде первого отряда народная толпа, наполнявшая зал, еще пыталась негодующими криками показать, что она не испугалась и не намерена уходить. Но когда в зале появились гренадеры, когда при непрерывном барабанном грохоте в Конвент стали вливаться все новые и новые колонны, тогда инсургенты не могли не понять, что дело их в этот день проиграно. Они были так плохо вооружены по сравнению с войсками, что о сопротивлении или сражении не приходилось и думать. Началось повальное бегство из здания Конвента. Бежавших беспрепятственно выпускали на улицу, кроме некоторых, задержанных совершенно случайно. Когда сопоставляешь эту неожиданную снисходительность с той неслыханной свирепостью, с какой в ближайшие же дни военные судьи отправляли на эшафот людей, случайно задержанных, попавшихся на резком жесте, на неосторожном слове, то разительная непоследовательность в поведении властей становится совершенно очевидной. Вероятно, несмотря на явный и все увеличивавшийся перевес сил, правительство в первую минуту, когда войска вошли в зал, все же не очень было уверено в столь быстрой и безболезненной победе. Казалось предпочтительнее не столько захватить в западню всех инсургентов, сколько поскорее избавиться от их присутствия в Конвенте.

Все источники говорят о только что отмеченном факте, не объясняя его, хотя некоторые и подчеркивают довольно ясно самую любопытную его черту. Тибодо так описывает финал 1 прериаля: «Четыре отряда разом проникают через четыре двери в зал и входят туда беглым шагом. Застигнутые бунтовщики стараются их отбросить..., но толпа, которую страх лишает способности сопротивляться, ищет спасения в бегстве.

...Чтобы прекратить этот беспорядок, освободили одну дверь и выстроились в две шеренги, сквозь которые восставшие и вышли без иного наказания (sans autre punition), как только несколько пинков ногами, розданных им национальной гвардией при проходе» [64]. Слова «без иного наказания» явно удивляют очевидца-мемуариста. Да и не могут не удивить: ведь в ближайшие дни военная комиссия отправила на гильотину немало людей, на которых, правда, возводились разные обвинения, но относительно которых, в сущности, твердо доказано могло быть только одно: их присутствие 1 прериаля в зале Конвента.

Как только народные толпы очистили здание Конвента, настроение депутатов круто изменилось. Неожиданная победа пришла в такой момент, когда на нее уже перестали надеяться. Весь страх, пережитый в долгие часы, когда перед глазами депутатов, сбившихся в кучу вокруг президиума, то в одном, то в другом конце зала появлялась колеблющаяся на пике голова Феро; все напряжение нервов, вся страшная усталость запертых целый день в духоте голодных людей — все это теперь сразу прорвалось мстительным раздражением, неистовой яростью, направленной прежде всего против монтаньяров. «Немедленно арестовать всех, кто в эти страшные часы осмеливался всходить на трибуну, вносить и ставить на голосование предложения!» «Нет, не арестовать, а немедленно тут же, в соседнем зале, расстрелять их всех! Пусть еще до восхода солнца будет покончено с злодеями, замышлявшими гибель Конвента!» [65] — кричали Тальен, Тибодо, Дюмон, и их голоса сливались с яростными воплями всего собрания.

Арест монтаньяров, выступивших в этот день, был решен немедленно. Их тут же во всеуслышание стали обвинять и в организации восстания и в убийстве Феро. Правда, предложение Дюге-Бассе об объявлении их вне закона не было принято; зато прошло предложение Тибодо о предании их суду. Заодно были преданы суду и депутаты, арестованные по постановлению 12 и 16 жерминаля [66].

Тибодо, который в ночь на 2 прериаля *первый* потребовал ареста и предания суду Ромма, Гужона и их товарищей и таким образом первый толкнул их к гильотине (чем он и хвалится), все-таки не может не отдать должного героизму и личному благородству погибших. Впрочем, он довольно откровенно под-

черкивает, что победители спасли прежде всего собственное существование. «Если бы мы их простили, мы бы поставили на карту собственные головы»,— пишет он [67]. В грозный день 1 прериаля термидорианское большинство пережило очень тревожное состояние духа: далеко не все были так осведомлены, как председатель Вернье, о том, что́ делается за стенами Конвента. Призрак гильотины стоял перед глазами очень и очень многих.

Расходясь из Конвента, в предрассветные часы 2 прериаля, они еще не знали, что победа их далеко не решена, что до окончательного торжества придется ждать еще трое суток. В ту ночь, вплоть до утренних часов 2 прериаля, можно было, казалось им, невозбранно предаться радости спасения и жажде мести.

Глава VII

ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ ПРЕРИАЛЯ

1. Второе прериаля

То обстоятельство, что поздним вечером 1 прериаля здание Конвента было покинуто народной толпой и занято вооруженной силой дружественных Конвенту секций, было только началом победы правительства.

Впечатление лишь случайно избегнутой страшной опасности не только не рассеивалось, но все более сгущалось по мере того, как депутаты приходили в себя. Вспоминая на другой день о событиях 1 прериаля, член Конвента Дизе (Dyzez) писал в частном письме: «Вчера мы пережили день, по сравнению с которым 9 термидора было лишь бледным образчиком» [1]. Конечно, эта оценка Дизе может быть воспринята только как свидетельство современника по свежим следам событий, и не больше. Решающим поражением для якобинцев было 9 термидора. События 1—4 прериаля были только последствием и в известной мере завершением 9 термидора. Но они были все же очень существенным событием, которое недооценивает большинство историков, а с этой стороны суждения современников — при всех их преувеличениях — заслуживают внимания. Письмо Дизе не было предназначено для печати. Но и печать во главе с «Moniteur'ом» не замедлила со своей стороны поставить 1 прериаля на исключительное место. Так, по мнению публициста Трувє, с этим днем не могут быть сравнены ни 31 мая, ни 12 жерминаля. Это впечатление современников держалось долго — до конца революции и дольше. Автор многотомного собрания замечательных процессов эпохи революции Дезессар ставит «роковой день 1 прериаля» чуть ли не на первое место в ряду «необычайных происшествий» и «кровавых

катастроф времен великой буржуазной революции»[2]. Эти строки он писал в 1798 г.; когда события еще были свежи в памяти пережившего их поколения, которому к тому же было с чем сравнить прериальскую грозу. Только что упомянутый Труве настаивает даже на совершенно исключительном месте прериаля в истории французской революции вообще и на все лады повторяет эту мысль, не щадя самых ярких красок: «Французская революция,— пишет он,— эта драма, столь обильная страшными и кровавыми происшествиями, еще не являла столь ужасающей по своим катастрофическим последствиям сцены»[3].

Характерно также столь же настойчивое (и исходящее от разных наблюдателей) утверждение (уже отчасти отмеченное в предыдущей главе), что только случай и неумелое поведение или отсутствие вождей восстания спасли Конвент 1 прериаля. Об этом, между прочим, вполне категорически говорит в своих воспоминаниях мюскаден Жюллиан. Если бы инсургенты, полагает он, имели лучших предводителей и догадались арестовать правительственные комитеты, то переворот удался бы, «правительство было бы разогнано и террор восстановлен». Как и все другие свидетели, Жюллиан подчеркивает необычайно быструю, как «по волшебству» (par... enchantement), ликвидацию дела после появления вооруженных правительственных сил. Но это не мешает ему признать, что в течение всего заседания, с момента, когда народ вошел в Конвент, и до самого вечера правительство висело на волоске[4].

То же утверждает только что цитированный нами Дизе в другом своем письме от 23 прериаля. Для него является «загадкой», каким образом на глазах правительства могло сорганизоваться такое огромное движение: если бы инсургенты проявили «немного более активности», переворот вполне удался бы[5]. В написанном на другой день после восстания письме, которое мы цитировали выше, он считает *чудом*, что дело обошлось без страшного кровопролития и *что члены Конвента избежали «величайшей опасности»*[6].

Роковой и непростительной ошибкой инсургентов было, повидимому, в самом деле как бы полное забвение самого существования правительственных комитетов и особенно Комитета общественной безопасности, возглавлявшего административно-полицейскую организацию в столице. Когда вечером монтаньяры об этом заговорили и пытались сформировать новую власть в лице комиссии из четырех членов, было уже поздно.

В течение всего дня 1 прериаля Комитет безопасности был поставлен в чрезвычайно критическое положение. Прежде всего ему трудно было сноситься с непосредственно ему подчиненными двенадцатью комитетами округов. По тем «регистрам» (кратким протоколам заседаний), какие сохранились от этих

окружных комитетов за 1 прериаля, мы выносим определенное впечатление бездействия и выжидания. Комитеты объявляют себя «непрерывно заседающими» (en permanence), но особенного толка от этого усердия незаметно. Время от времени они посылают своих членов на разведки, чтобы узнать, что делается на улицах, что происходит возле Конвента и что говорит Комитет безопасности. На этом и кончается их деятельность. Так, по крайней мере, получается, если судить *только* по сохранившимся протоколам заседаний этих комитетов за 1 прериаля.

Комитет 11-го округа пытался в течение дня снестись с Комитетом безопасности, но ничего не получил [7], кроме известия о вторжении народа в Конвент. 1-й округ, если судить только по протоколу, оказался пассивнее 11-го. Он принадлежал к числу округов, комитеты которых были в течение всего дня совершенно отрезаны от сообщений как с Конвентом, так и с непосредственным своим начальством, Комитетом безопасности. Правда, эти комитеты заседали, не расходясь, весь день и бо́льшую часть ночи, а некоторые еще позже. Они были официально извещены Комитетом безопасности о том, что Конвент «освобожден» [8].

Были, однако, и сравнительно более активные комитеты. Краткий протокол заседания комитета 12-го округа от 1 прериаля показывает, что комитет безопасности с самого начала этого дня не переставал поддерживать сношения с некоторыми местными органами правительственной власти в разных кварталах Парижа. Но движение казалось час от часу все грознее и победоноснее, и местным органам приходилось в этот день с ударением подчеркивать, что единственным своим начальством они считают Комитет безопасности [9].

Известия, прибывавшие в комитет 12-го округа, к вечеру становились все тревожнее. В секции Финистер образовалось самочинное общее собрание, которое потребовало от правительства возвращения оружия гражданам, разоруженным после жерминаля [10]. Когда в этой просьбе было отказано, собравшиеся взломали двери, проникли в помещение, где было сложено оружие, и сами его разобрали (оно было возвращено лишь при общем разоружении, после 4 прериаля).

Протоколы окружных комитетов, по-видимому, далеко не полно отразили их деятельность: их поведение было, пожалуй, гораздо активнее; например, извещая окружные комитеты поздней ночью об избавлении Конвента от прериальских инсургентов, о победе правительства и т. д., Комитет безопасности горячо благодарит эти местные власти за усердие, за существенную помощь, ими оказанную, за патриотизм, за сохранение «священного огня» и т. д. [11] Даже при довольно обычной тогда

велеречивости в официальной переписке этот документ все же производит несколько странное впечатление: как будто Комитет безопасности не очень был уверен в таком непоколебимом усердии *всех* окружных комитетов и как будто их поведение явилось для него приятным сюрпризом. Ясно, что их благодарят за то, что они не стали на сторону восставших; похоже также, что они нашли способ быть полезными начальству, не отмечая в своих протоколах всего, что́ они делали.

Если затруднительны были сношения в самой столице, то с провинцией сноситься можно было вполне свободно. Правительственные комитеты знали, что уже накануне и затем в самый день 1 прериаля в провинцию были отправлены воззвания, приглашавшие примкнуть к восстанию. В ночь на 2 прериаля соединенные правительственные комитеты разослали провинциальным властям циркулярное извещение о происшедшем в этот день, с предписанием рассеивать сборища и разъяснять гражданам «контрреволюционную преступность» восстания, направленного к «низвержению республики» [12]. Еще до этого, вечером 1 прериаля, Комитет безопасности обратился с особым циркуляром к комендантам целого ряда крепостей, предписывая им не выпускать на свободу арестантов и ждать дальнейших приказаний. Этот циркуляр имел целью предупредить исполнение приказов об освобождении заключенных, тех приказов, которые могли быть отправлены днем инсургентами, занявшими зал заседаний Конвента. Как гласил циркуляр, «насилие вырвало у Конвента несколько декретов, которые свободный Конвент поспешит отменить» [13].

Что касается Комитета общественного спасения, то он, как мы видели, уже с утра 1 прериаля начал делать распоряжения о спешном подтягивании войск к столице [14], но войска подходили медленнее, чем рассчитывал Комитет.

С ночи на 2 прериаля сношения правительственных комитетов не только с провинцией, но и с большинством парижских округов наладились и продолжались беспрепятственно. Но весь день 2-го и весь день 3-го положение оставалось настолько напряженным, до такой степени можно было ждать нового революционного взрыва, что Комитет настойчиво требовал от полиции представления докладов *то каждые полчаса, то с часу на час* о положении вещей во всех 48 секциях Парижа [15]. Комитет хотел знать, что́ происходит в городе, где замечены сборища, как они себя именуют и каковы их планы и т. д. [16] Кроме докладов, Комитет требовал также присылки ему *надежных граждан* (des citoyens sûrs) [17]. Речь шла, конечно, о том отборе «собственников», «добрых граждан», о котором говорят нам и другие цитированные выше источники. Происходила спешная мобилизация имущих против неимущих. Продолжалось и подтягивание

регулярных войск, причем нужно было хлопотать о том, чтобы этим войскам аккуратно выплачивалось жалованье и выдавалось все необходимое [18]. На это ушли дни 2 и 3 прериаля.

Самая редакция официальных бумаг от этих двух дней обнаруживает волнение, поспешность, беспокойство. Правда, комитеты в циркулярных обращениях стараются делать вид, что они вполне уверены в победе. Однако в циркуляре Комитета безопасности, разосланном 2 прериаля по секциям, Комитет больше употребляет будущее время, чем настоящее: «Все предсказывает, что этот день будет счастливым для друзей свободы, законов и национального представительства» [19]. Термидорианцам не приходилось учиться придавать себе вид бодрой уверенности в разгаре сложной и сомнительной игры. Отступления для них не было: ближайшие дни, быть может часы, сулили разрешение вопроса, кто и кого отправит на гильотину.

Вообще правительственным комитетам пришлось гораздо больше проявить себя 2, 3 и 4 прериаля, чем 1-го.

В первые часы заседания Конвента 2 прериаля пришло известие, что в здании коммуны (maison commune) заседает собрание инсургентов, именующее себя «конвентом». Бурдон (de l'Oise) предложил объявить вне закона всех участников этого собрания, но Лежандр просил повременить, так как там могли очутиться и просто любопытные. Тальен, поддерживая пущенную с утра официальную версию, воскликнул, что, по-видимому, не все англичане находятся на берегах Темзы, имеются они и в Париже. Он потребовал немедленной казни всех, кто накануне выступал против Конвента. Настроение депутатов все повышалось по мере того, как им докладывали, что «дух» граждан, собравшихся с утра вокруг здания Конвента, превосходен и что войска поклялись бороться не на живот, а на смерть «с террористами и кровопийцами». На всякий случай то тот, то другой член Конвента выходил на улицу проверить настроение граждан и солдат. Но впечатления всякий раз были самые успокаивающие [20].

По предложению Луве, Конвент решил выпустить особое воззвание к населению с опровержением слухов о будто бы существующих в Париже складах провианта и с заверением, что продовольствие раздается, как только оно прибывает в город; указывалось также, что мука, прежде выдававшаяся пирожникам (pâtissiers), будет отныне полностью выдаваться булочникам (boulangers), что люди, желающие произвести новое 31 мая, несут с собой голод, террор и тиранию. Опровергались и «зложелательные» слухи о том, будто Конвент объявил весь парижский народ вне закона, и т. д. Воззвание кончалось призывом о помощи против «приспешников разбоя, дру-

зей террора, тайных приверженцев королевской власти» и обещанием охраны «собственности, личной безопасности и свободы»[21].

В то же утро, 2 прериаля, как нельзя более кстати для Конвента подоспело сообщение Комитета общественного спасения о двух в высшей степени важных и счастливых событиях: во-первых, о состоявшемся заключении мира и союза между Францией и Голландией, а во-вторых, о новом договоре республики с Пруссией, по которому последняя делала Франции новые уступки. Известие было встречено рукоплесканиями, и публика, сидевшая на галерее, вышла с восторженными криками из Конвента, чтобы сообщить эту новость народу. Термидорианец Марен счел долгом воскликнуть: «Никогда якобинцы не дали бы нам этого мира», хотя справедливость требовала бы признать что термидорианское правительство в данном случае лишь пожинало плоды якобинских побед[22]. Дульсе поспешил подчеркнуть, что вспыхнувшее накануне движение не обошлось без происков Англии, пытавшейся таким путем помешать дипломатическим успехам Французской республики[23].

Известие об этих успехах пришло, как сказано, для Конвента чрезвычайно кстати; еще за несколько часов до того, в ночь на 2 прериаля, Конвент в своем обращении к гражданам Парижа старался связать минувшее 12 жерминаля и происходящие в Париже волнения с успехами своей внешней политики: враги республики «ненавидят мир», который вернет ей изобилие и воскресит ее промышленность; 12 жерминаля они пытались помешать подписанию базельского договора с Пруссией, теперь, 1 прериаля, они хотят воспрепятствовать сближению Франции с Голландией[24].

Характерно, особенно ввиду полной неизвестности о настроениях армии, что уже с 2 прериаля начали создаваться версии о реакционном характере восстания и о тайном пособничестве враждебных держав.

Во время обмена мнений Бурдон (de l'Oise) старался объяснить движение происками роялистов и неприсягнувших священников, равно как и интригами людей, желающих сорвать мирные переговоры с иностранными государствами и доказать, что Конвент не пользуется никаким признанием со стороны народа. Мерлен (de Douai) в подтверждение этих слов, повторяя мысль, высказанную уже в воззвании Конвента, напомнил, что и жерминальское восстание совпало с франко-прусскими переговорами в Базеле. Мало того, по словам Мерлена, вскоре после подписания базельского мира одна из коалиционных неприятельских держав в ноте, поданной регенсбургскому сейму, ставила в вину прусскому королю заключение мира в момент, когда царившее во Франции брожение позволяло рассчи-

тывать на новый «кризис» в этой стране [25]. При свете таких соображений казалось нетрудным связать и 1 прериаля с тайными происками внешних врагов. Эта версия осталась официально признанной. Буасси д'Англа, например, при всяком удобном случае возвращался к такому толкованию.

Уже 1 термидора (III года), т. е. через два месяца, он торжественно перед лицом «всей Франции, Европы, всего света» обвинял лондонский кабинет в том, что он «провоцировал преступления 1 прериаля», и объяснял это восстание «макиавеллизмом» британского правительства [26].

Члены Конвента, командированные утром 2 прериаля для оповещения парижских граждан о мире с Голландией, вернулись с не очень успокоительными известиями. Предместья продолжали волноваться, новые массы народа двигались оттуда к центру города, правда, не так решительно, как накануне, но двигались неуклонно в одном направлении. Все утро прошло под знаком тревоги, особенно усилившейся после полудня. В заседании Конвента громогласно, не вызывая возражений, высказывались опасения, что революционный взрыв может не только повториться, но и превзойти по силе все бывшее накануне [27]. Каждый час приходили все новые и новые известия, то как будто успокоительные, то еще более усиливавшие тревогу. С одной стороны, раздача хлеба в булочных прошла в этот день сравнительно спокойно, хотя кое-где и отмечались небольшие и, так сказать, вошедшие в привычку эксцессы [28]. С другой стороны, крепли слухи о том, что в Антуанском предместье что-то затевается, что там ждут подкреплений из пригородных деревень, что вообще там сосредоточиваются инсургенты. Бурдон (de l'Oise) предлагал немедленно снарядить туда поход; другие депутаты его поддержали. Лежандр был осторожнее: он указал, что дальнейшая борьба поручена правительственным комитетам и Конвенту незачем в нее вмешиваться [29].

Напомним, что к большому числу недостатков термидорианцев (даже таких низменных личностей, как Бурдон или Ровер) не относилась трусость. И 2 прериаля они не обнаруживали боязни, но знали вместе с тем, что продолжают находиться в опасности.

Условный знак (лозунг восстания — надпись о хлебе и конституции 1793 г.) с утра 2 прериаля еще красуется на шапках целых батальонов национальной гвардии предместий. Комитет безопасности приказал приверженцам Конвента не пытаться срывать эти надписи и вообще не затевать ссор: самый этот приказ, притом, по современным свидетельствам, настойчиво повторяемый, показывал, как мало Конвент еще был уверен в своей победе [30]. С другой стороны, с каждым часом становилось яснее, что и восставшие еще не считают своего дела окончатель-

но проигранным. По-видимому, они и в этот и в последующие два дня пытались искать подмоги в окрестностях столицы. Это констатируют и комитеты общественного спасения и безопасности, поспешившие издать соответствующее разъяснение [31].

На улицах дело не доходило до кровавых столкновений, но обе стороны держались в полной боевой готовности. Вот, например, одна из характерных для 2 прериаля уличных сцен: батальон одной из антуанских секций (Quinze-Vingts) подходит с пушками к Конвенту; батальон буржуазной секции Елисейских полей стоит лицом к лицу с подошедшими, защищая Конвент. Наскоро собираются граждане других буржуазных секций и идут на указанный им стратегический пункт, чтобы помешать соединению отрядов предместья Марсо и Антуанского предместья [32]. Никогда, пожалуй, за всю историю революции так отчетливо, не в переносном, а в буквальном смысле, не выступали друг против друга в боевом порядке имущие и неимущие, буржуазия и плебейская масса, и никогда это так точно и недвусмысленно не сознавалось свидетелями и соучастниками.

Слухи о большом сборище поблизости от здания Конвента, и притом состоящем далеко не из одних женщин, подтвердились. Комитет общественного спасения немедленно дал знать об этом Дельма, который и отдал генералу Алексису Дюбуа приказ рассеять толпу вооруженной рукой. Дюбуа и сопровождавшие его члены Конвента Ровер, Дантзель и Кавеньяк двинулись во главе национальной гвардии секции Лепеллетье против собравшихся [33]. Толпа разошлась без сопротивления. На мосту Нотр-Дам она снова собралась и снова разошлась без боя. Только подойдя к улицам, ведущим в Антуанское предместье, генерал натолкнулся на сопротивление. Он велел направить пушки на инсургентов, они ответили тем же. Начать стрельбу генерал не решился. Он вступил в переговоры с предводителями восставших; на его вопрос они ответили, что требуют хлеба и конституции 1793 г. и что никаких других намерений у них нет. Генерал стал укорять их за убийство Феро, но они прекратили переговоры и снова двинулись вперед по направлению к Конвенту, не обращая внимания на Дюбуа и его отряд. Не то следуя за ними, не то по параллельному пути, генерал вернулся к Лувру. Было уже около двух часов пополудни. Толпа все увеличивалась; в половине четвертого на площади Революции собралось уже свыше 20 тысяч человек. Генерала Дюбуа окружили, стащили с лошади и хотели убить, но за него вступился какой-то знавший его инвалид, и он остался в руках инсургентов в качестве заложника; он должен был отвечать головой за безопасность членов депутации, которую восставшие отправили в Конвент для переговоров. Как только депутация вернулась,

генерала отпустили. Во вторую половину дня агитация в секциях продолжалась; у Дюбуа не было сил вступить в вооруженную борьбу; к тому же, по его сведениям, инсургенты ждали первого насильственного действия (coup de force) с его стороны, чтобы уничтожить Конвент (sacrifier la Convention), и все его усилия были направлены к тому, чтобы не дать им этого повода. Конвент был спасен от нападения только тем, что и восставшие не решились на новый удар. Так обе стороны и пребывали в бездействии, наблюдая и подстерегая друг друга. Генерал Дюбуа, не чувствуя комизма своих слов, приписывает благополучный исход дела своей выдержке и уменью воздействовать на толпу словами кроткого убеждения, причем заканчивает свой доклад таким изречением в древнеримском стиле: «Вот мое поведение... Когда дело идет о спасении отечества, человек способен на все, даже на победу над самим собой» [34]. Иначе говоря, ему стоило много труда обуздать свой боевой пыл и не напасть на толпу — так он хочет изобразить происшедшее.

Силы Конвента нарастали к вечеру 2 прериаля довольно медленно. Прибыл отряд конных егерей (под начальством капитана Мюрата, знаменитого впоследствии наполеоновского маршала и короля неаполитанского), начали подходить и еще коекакие отряды, но все это делалось с большими проволочками. А между тем из рабочих предместий к Конвенту снова подошла густая толпа народа с пушками. Она расположилась на Карусельской площади, направив орудия на здание Конвента. Против них стояли части, пришедшие защищать собрание. И тут-то произошло событие большой важности: часть артиллеристов внезапно перешла на сторону инсургентов, заявив: «Мы не желаем стрелять в наших братьев» [35]. Положение Конвента в этот момент было поистине отчаянным, но, на его счастье, инсургенты и тут не решились открыть огонь и перейти в наступление.

В четверть восьмого вечера — новая тревога: канониры секций Антуанского предместья, находившиеся вместе с национальной гвардией этих секций на площади перед Конвентом, как будто вознамерились бомбардировать дворец. Во всяком случае так показалось войскам, охранявшим Конвент. Переполох среди депутатов продолжался с полчаса. Лежандр взошел на трибуну, призывая членов Конвента оставаться и, если понадобится, умереть на своих постах: «Природа всех нас приготовила к смерти, немного раньше или немного позже — не все ли равно! Будем сохранять спокойствие. Лучшая резолюция, какую мы можем принять,— это хранить молчание» [36].

Конвенту, по-видимому, было не очень ясно, что происходит вокруг здания. Появляется Рабо-Помье с известием, что войска

секций предлагают Конвенту прислать к ним десять депутатов, «которые объяснились бы с гражданами во избежание пролития крови» (qu'ils allâssent s'expliquer avec ces citoyens afin d'épargner l'effusion du sang). Эта просьба была немедленно исполнена, и делегация покинула зал заседаний. Все это имело довольно зловещий для термидорианцев вид. Лежандр снова занял трибуну. «Как бы ни кончился сегодняшний день, мы выполнили свой долг,— сказал он,— а теперь одна лишь судьба решит ход дела». «Один только бог»,— откликнулся Ланжюине. Потянулись критические минуты ожидания. После 8 часов пришли, наконец, известия от правительственных комитетов. Они сообщали, что среди войск царит дух братства, что происки врагов тщетны, но предлагали, однако, «дабы скрепить это единение и исполнить все чаяния» (pour sceller cette réunion et combler tous les væux), издать декрет, текст которого они уже поспешили выработать [37]. Этот декрет, в сущности, знаменовал *капитуляцию* Конвента, ибо не только сулил неусыпную заботу о продовольствии для граждан Парижа, но и почти обещал восстановление конституции 1793 г.

Конвент не только тотчас же, без обсуждения, вотировал этот декрет, но и постановил, как сказано в самом тексте декрета, *немедленно* объявить его «гражданам, окружающим Национальный конвент». Любопытно, что один из депутатов (Delahaye) предложил послать с этой целью двух членов Конвента, но против этого запротестовали во имя достоинства собрания, и оповещение народа было возложено на пристава. Как раз в это время Конвенту сообщил Шарль Лакруа, что граждане Антуанского и Марсельского предместий просят принять их делегатов. Тотчас же было решено их выслушать [38]. Характерны обстоятельства, при которых эти представители «граждан, окружающих Конвент», говорили с «народными представителями». Войдя в зал, один из них определенно заявил, что они избраны именно «*Антуанским и Марсельским предместьями*», что приславший их народ требует освобождения арестованных патриотов, хлеба, конституции 1793 г., а также наказания преступников, спекулирующих на ассигнациях. Народ, закончил делегат, готов разойтись по домам, но он столь же готов, в случае неисполнения его требований, «умереть на посту, который он в данный момент выполняет».

Враждебные крики прервали оратора, но он заявил, что ничего не боится, и назвал свое имя. Не менее характерно и поведение председательствовавшего Вернье. Прочтя уже вотированный декрет, он поспешил успокоить делегацию относительно пункта об освобождении арестованных патриотов и обещал, что Конвент «в своей мудрости» обсудит и это требование. Затем, по предложению члена Конвента Госсюена, произошла

сцена поцелуя: от имени всей парижской национальной гвардии председатель Конвента расцеловался с петиционерами, хотя этот жест и вызвал, наряду с «несколькими *рукоплесканиями*», «сильный ропот», как сказано в протоколе [39].

Все эти детали столь же характерны, как и поспешное вотирование указанного выше декрета.

Наступил поздний вечер. В центре города толпы постепенно редели. Народ возвращался на ночь в предместья. В 11 часов кончилось заседание Конвента. Но положение оставалось гораздо более сложным и проблематическим, чем оно казалось сутками раньше.

В ночь с 2 на 3 прериаля в городе было такое ощущение, что инсургенты одержали верх, что день кончился их торжеством над Конвентом. По показаниям Ларошфуко, инсургенты были прямо *опьянены* своим «удивительным успехом», «радость и надежды» переполняли их сердца, тогда как приверженцы Конвента предавались «унынию и сожалению» [40].

2. Третье прериаля

Заседание Конвента возобновилось 3 прериаля в 12 часов дня. Трельяр доложил о дополнительной конвенции, подписанной представителем Франции Бартелеми и представителем Пруссии Гарденбергом в Базеле 28 флореаля (17 мая 1795 г.), т. е. за четыре дня до заседания. Ланжюине предложил, чтобы Комитет общественного спасения разослал по секциям копии нового договора с Пруссией: пусть народ увидит, «что те, кто восстал против Конвента, враги человечества, так как они силятся ниспровергнуть правительство в момент, когда оно заключает славный мир». Когда в дальнейшей речи Ланжюине заметил, что конституция 1793 г. не может в своем целостном виде обеспечить счастье Франции, то Бурдон (de l'Oise) поспешил снабдить это заявление поправками, дабы, пояснил он, «злонамеренные» не использовали неосторожного слова, «вырвавшегося у добродетельнейшего из законодателей»: «Конвент *хочет* конституции 1793 г.», но в ней имеются некоторые оттенки (*nuances*), которые «могут быть смягчены», и «легкие пятна» (tâches légères), которые хорошо бы «стереть» [41].

Эти осторожные, как бы извиняющиеся поправки особенно характерны в устах Бурдона, ярого реакционера, ненавидевшего конституцию 1793 г., беспощадного доносчика, отправлявшего на плаху своих недавних товарищей. Лично честный, прямолинейный Ланжюине вел свою линию, а Бурдон колебался и действовал пока что с оглядкой — лишнее доказательство того, насколько утром 3 прериаля положение дел в столице было еще невыясненным.

В коротком заседании этого дня было решено вверить руководство вооруженными силами Парижа и окрестностей членам Конвента: Дельма, Жилле и Обри. Постановлено было также предавать смертной казни всякого, кто посмеет самовольно бить тревогу. В три часа дня Конвент счел удобным разойтись до утра следующего дня. Нужно было непременно выиграть время: ни инсургенты не были достаточно сильны и решительны, чтобы напасть на Конвент, ни Конвент не чувствовал себя еще в силах нанести восстанию окончательный удар. Но от бездействия инсургенты с каждым часом слабели, тогда как Конвент, напротив, с каждым часом усиливался: с разных сторон к столице подходили войска, вызванные еще в предыдущие дни.

К настроениям армии Конвенту приходилось относиться очень внимательно, а иной раз и с опаской. Правда, при первых слухах о прериальских волнениях в Париже представители Конвента, состоявшие при Северной армии Самбры и Мааса, тотчас же устроили совещание с генералами для обсуждения способов выручить Конвент, и уже были даже отданы приказы о подготовке похода на Париж [42].

Нет сомнения, что войска подчинились бы соответствующему распоряжению, если бы только к нему решились прибегнуть. Но власти (и до и после того, как миновала непосредственная опасность) были весьма озабочены тем, чтобы армия не очень раздражалась слухами об эксцессах реакции, о поднимающем голову роялизме, о безобразиях мюскаденов.

Правительству приходилось ждать подхода воинских частей. А пока что трудно было приступить к сколько-нибудь значительным арестам даже в центральных секциях, не говоря уже о территории Антуанского предместья, бывшей всецело в руках инсургентов; 3 прериаля Комитет безопасности разослал, правда, по всем 12 комитетам парижских округов, а оттуда по секциям каждого округа, приказ с предписанием арестовать с *поспешностью, но и с осторожностью* всех слывущих «агентами и подстрекателями анархии» [43]. Такая редакция приказа Комитета ясно давала возможность хватать кого угодно, основываясь на мнении соседей, на доносах, на сплетнях, на наговорах врагов, на впечатлениях арестующих. Но воспользоваться этим правом в широких размерах властям привелось лишь 4 прериаля, да и то больше с вечера этого решительного дня. Окружные власти приняли пока больше к сведению рекомендованную начальством «осторожность», чем «поспешность».

Вообще и 2 и 3 прериаля необходимо было еще не очень напирать на вопрос о карах и репрессиях. Правительственные комитеты в воззвании к гражданам, которое они провели через Конвент, стремились, напротив, снять с Конвента

обвинение в том, что он велел стрелять в женщин. Конвент, говорилось в воззвании, «доверяется усердию добрых граждан, их любви к свободе и равенству» [44]. Хотя кое-где (в «буржуазных» секциях) аресты начались уже 2 прериаля, но шли они вяло и, судя по всему, производились больше усердствующими добровольцами, чем по официальному приказу властей [45].

Улица все еще не была во власти правительства. Это обнаружилось, между прочим, того же 3 прериаля по одному, очень характерному, поводу.

Уже вечером 1 прериаля был схвачен слесарь Тинель, обвиненный в том, что он принял участие в убийстве Феро. На другой же день он был приговорен к смерти; когда жандармы вели его на казнь, группа людей (по воспоминаниям Жюллиана, их было человек 25—30 [46], по другим сведениям — это была толпа женщин) отбила его, причем, по утверждению современников, жандармы не очень этому противились.

Невероятного в этом обстоятельстве ничего не было, если принять во внимание определенно установленное сочувствие части жандармерии прериальскому восстанию. Так или иначе, по городу быстро распространилось известие, что осужденный увлечен толпой в Антуанское предместье и там скрывается. Это обстоятельство послужило одним из чисто внешних поводов к организации 4 прериаля похода на Антуанское предместье. Но это было еще впереди. А пока что 3 прериаля приходилось временно примириться с совершившимся фактом.

Судя по целому ряду признаков, день 3 прериаля является днем перелома. Конвент, правительство и комитеты округов *уже* отказываются иметь дело с самочинными собраниями граждан, уже напоминают о недозволенности таких собраний, но *еще* не арестуют за участие в них. С другой стороны, люди еще не боятся объявлять себя, например, председателями подобных собраний, но *уже* являются к властям с целью снять с себя подозрение в участии в событиях 1 и 2 прериаля [47].

Когда вечером 3 прериаля делегаты 6-го окружного комитета пришли с предложением тотчас же отправиться в Антуанское предместье, чтобы найти и вновь арестовать отбитого у жандармов Тинеля, Комитет общественного спасения, приветствуя усердие добрых граждан, тем не менее указал, что у них в данный момент нет в распоряжении иных средств, «кроме собственной их храбрости и энергии», но что правительственные комитеты распорядились привести войска в таком количестве, чтобы «при помощи добрых граждан Парижа» сила оказалась на стороне закона [48].

Правдивые и сдержанные воспоминания Левассера (de la Sarthe) еще более усиливают впечатление, которое создается

у нас при внимательном изучении хода событий. Не 1, 2 или 3, а только 4 прериаля был окончательно проигран бой плебейскими предместьями. Целых два дня (2 и 3 прериаля) не прекращались столкновения между батальонами национальной гвардии центральных секций и батальонами предместий, иными словами, между буржуазией и плебейской массой; в этих столкновениях плебейская масса брала верх. 3 прериаля «инсургенты были почти хозяевами Парижа»; куда бы они ни являлись, гвардия «термидорианских секций» обращалась в бегство; были часы, когда пушки их снова угрожали Конвенту. Но... не было вождей, не было организации, не было дальнейшего, годного при новой обстановке, плана, и «громадная сила предместья даром ушла на бесполезные передвижения и бесцельные демонстрации» [49].

Между тем враг не дремал и готовился к решительному удару.

Для Комитета общественного спасения, как и для Комитета безопасности, дни 2 и 3 прериаля прошли в выжидании. 2 прериаля объединенное заседание обоих комитетов приняло меры к скорейшей рассылке по окрестностям Парижа «чрезвычайных курьеров» с воззваниями Конвента и разъяснениями событий 1 прериаля («кровавых планов анархистов и заговорщиков»).

Эта мера мотивировалась экстренной необходимостью бороться против «злонамеренных» слухов, распространяемых инсургентами. В тот же день комитеты постановили перевезти под военным караулом в крепость Торо (Taureau), в Бретани, народных представителей: Бурботта, Дюкенуа, Дюруа, Ромма, Субрани, Гужона, Пейссара и Лекарпантье [50]. Правительство явно опасалось, что инсургенты могут силой освободить арестованных депутатов, если те будут сидеть в одной из парижских тюрем. Комитеты (включая и военный) провели через Конвент вышеуказанный декрет о вручении членам Конвента Дельма, Жилле и Обри верховной власти и надзора над армейскими частями, действующими в Париже и в округе 17-й дивизии.

В заседании 3 прериаля пока не нужно было выносить никаких постановлений, оставалось ждать прибытия вызванных в столицу войск и позаботиться об их устройстве, экипировке и снабжении. Остальная часть заседания Комитета была посвящена вопросам, не связанным с событиями в столице.

В течение всего дня 3 прериаля настроение оставалось очень напряженным. Революционные речи слышались повсюду; полиция их слушала, но арестовывать ораторов не решалась: «Вчера, 3 прериаля, всюду, особенно вечером, сборища были очень многочисленны и состояли из рабочих; волнение среди них было чрезвычайное; ропот раздавался отовсюду; угрозы

против купцов, против установленных властей и против Конвента были ужасны; клялись бороться насмерть с молодыми людьми, именуемыми мюскаденами, которых считают опорой национального представительства»,— читаем мы в полицейской сводке за этот день[51]. Конечно, много было разговоров о событии дня — освобождении толпой предполагаемого убийцы Феро, и «рабочий класс» (la classe ouvrière) проявлял большое удовлетворение по этому поводу, тогда как «истинные патриоты» были этим фактом удручены[52].

3 прериаля прошло, как и 2, не принеся развязки. Ей суждено было наступить только на следующий день, памятный день разоружения революционных предместий.

Глава VIII

ЧЕТВЕРТОЕ ПРЕРИАЛЯ

В течение всей второй половины 3 прериаля и в ночь на 4-е армейские отряды подходили к Парижу и вступали в город. С раннего утра 4 прериаля усиленно готовилась также и национальная гвардия центральных секций, в частности и в первую очередь секций Buttes des Moulins, Lepelletier, Brutus и Елисейских полей. Явились к военному начальству с предложением своих услуг и мюскадены, образовавшие особый добровольческий батальон. Генерал Кильмен, под непосредственное начальство которого попал этот батальон, счел нужным в своем докладе о событиях 4 прериаля напомнить вообще о заслугах мюскаденов в месяцы после 9 термидора и заодно снять с этих «столь оклеветанных» молодых людей подозрение в роялизме [1]. Последнее, как мы знаем, было далеко не лишним, учитывая настроения армии.

Уже на рассвете комитеты общественного спасения и безопасности стали получать кое-какие сведения о том, что делается в Антуанском предместье. Эти сведения были добыты добровольными разведчиками, членами комитета 6-го округа [2]. Явившись в комитет полицейского управления (comité de surveillance) 8-го округа, разведчики, к своему негодованию, никого там не застали. Пройдя затем в одну из секций Антуанского предместья (Quinze-Vingts), они поговорили с полицейским комиссаром этой секции и узнали от него, что он заблаговременно предупреждал власти о намерении инсургентов отбить осужденных (sic!) по делу об убийстве Феро, так как весь день 3 прериаля в предместье происходили по этому поводу значительные сборища [3], и, таким образом, правительство *знало заранее* о готовящемся нападении на жандармов. Между прочим, это интересное свидетельство лишний раз доказывает, как

мало было уверено в себе правительство в течение всего 3 прериаля. По свидетельству тех же разведчиков, утром 4 прериаля Антуанское предместье проснулось не так рано, как этого можно было ждать. Может быть, там не знали, что враг именно в этот день готовит решающий удар. По крайней мере, пройдя в глубь предместья, разведчики убедились в том, что все его обитатели спали глубоким сном, «как будто бы,— прибавляют они со скорбной иронией,— все они были членами комитета 8-го округа» [4]. Все эти сведения относятся к 5 часам утра. Но уже к 11 часам в Антуанском предместье вооруженная масса стала строиться в боевой порядок, с пушками, заряженными картечью. Приходили сведения, что командующий этой вооруженной силой, «человек с пистолетом в руке», обзывает мюскаденами и аристократами «всех, кто не является обитателями Антуанского предместья» [5], и арестовывает некоторых граждан, которых уводят в глубь предместья. Эта вооруженная масса постепенно увеличивалась, и было даже опасение, что она двинется на Тампль и захватит орудия этой секции.

Комитет безопасности понимал, конечно, что очень многое зависит от местного окружного (выборного «революционного», как они официально назывались) комитета 8-го округа, т. е. того округа, куда входило Антуанское предместье. Захочет ли этот комитет проявить должное усердие? Не побоится ли он мести рабочего населения, среди которого он живет и действует? Поможет ли он опознать и арестовать таинственных главарей восстания? Комитет безопасности взывает к «патриотической и мужественной правдивости» этого местного административного органа [6], но и это обращение ни к чему не привело.

В течение 3 прериаля к Парижу было подтянуто три тысячи человек кавалерии; 4 прериаля под командой генерала Мену оказалось в общей сложности (считая как линейные войска, так и национальную гвардию) около 25 тысяч человек. Этих сил было достаточно, чтобы окружить Антуанское предместье и занять все выходы из него. Тем не менее окончательная развязка последовала только к 10 часам вечера, так как только к этому времени предместье было разоружено.

По свидетельству наших документов, в этот критический момент «добрые граждане» внутри самого предместья оказали большое давление на инсургентов [7]. Это вполне понятно: ведь, кроме рабочих, там жили и фабриканты, и торговцы, и хозяева многочисленных лавок и ремесленных заведений и т. д.

Конвент формально и торжественно объявил войну Антуанскому предместью особым *законом* утром 4 прериаля, одновременно с открытием военных действий, т. е. с походом на предместье вооруженных сил правительства. Причиной похода называлось укрывательство в предместье осужденного «убийцы»

депутата Феро. Говорилось и об общей причине — необходимости бороться против попыток воскресить эпоху революционного террора, и выдвигались требования немедленной выдачи укрывающихся «злодеев», выдачи пушек. Основной целью похода было полное разоружение рабочего населения. Антуанское предместье обвинялось в том [8], что и 1 и 2 прериаля выступило против Конвента и направило против него орудия; что оно пыталось силой «вырвать декрет у представителей 25 миллионов французов» и «снова явить зрелище ничтожной части народа, желающей диктовать законы большинству нации»; что оно оскорбило это большинство в лице его представителей; что, наконец, оно угрожало снова облечь Францию в тот *мрачный траур,* который навсегда сорвал с нее день 9 термидора, и своими «свободоубийственными» деяниями отсрочить установление «свободной и демократической конституции», скрепленной уже заключенными или готовящимися в близком будущем мирными договорами.

Текст этого закона был разослан вечером 4 прериаля во все армии и во все департаменты Франции уже одновременно с извещением об одержанной над мятежным предместьем победе [9].

О бескровном походе на Антуанское предместье осталось, между прочим, указание одного мюскадена, некоего Луи Коста, именующего себя учителем математики. Узнав, что убийца депутата Феро отбит толпой и увезен в Антуанское предместье, Коста, как и все его товарищи, предложил свои услуги начальству и получил из казенного склада оружие. Для психологии тогдашней политической жизни характерно, между прочим, что некоторые мюскадены, получая оружие под *расписки,* призадумались над тем, не послужат ли эти бумажки «проскрипционными списками», которые погубят подписавшихся в случае торжества якобинцев [10].

Так или иначе, наступательный порыв взял верх. Термидорианский журналист Лакретель, деятельно старавшийся, по его собственному признанию, в эти дни возбудить дух и натравить вооруженные силы Конвента на предместье, с восторгом вспоминает то совершенно новое зрелище, какое представляли 4 прериаля бульвары, когда по ним проходили «уже не инсургентские пики, а десять тысяч человек, отправлявшихся разоружать так называемый суверенный народ» [11].

Кроме этой армии, было еще 15 тысяч человек в резерве, и к вечеру часть их также двинулась на место действия. Но, как неясно и осторожно отмечает тот же автор, «начало этого дня было неудачным» (point heureux) [12].

Уже с самого начала прериальских волнений мюскадены и наиболее воинственно настроенные центральные секции не переставали требовать разоружения Антуанского предместья,

иначе говоря, вооруженного похода на этот «Гибралтар якобинцев», как выражается Лакретель [13]. Когда 4 прериаля поход был окончательно подготовлен и официально решен, общему наступлению предшествовал один в высшей степени характерный эпизод: частичная экспедиция генерала Кильмена, в которой, как уже упоминалось, именно мюскадены приняли деятельное участие. Но военная фортуна оказалась к ним довольно неблагосклонной; правда, они сами были виноваты: они то недооценивали, то переоценивали силы противника. В окончательной победе в этот день не все они были уверены, да и вообще действовали порывами. Из скудных, пристрастных, идущих *исключительно* из лагеря «победителей» показаний о походе на Антуанское предместье можно привести следующие главные моменты.

Рано утром 4 прериаля, а может быть еще в ночные часы, дивизионный генерал Кильмен получил от членов Конвента, которым было поручено верховное начальство над вооруженными силами столицы, приказ войти в Антуанское предместье, окружить дом Сантерра и произвести там обыск с целью найти и арестовать скрывающихся членов Конвента Камбона и Тюрьо. В $5^1/_2$ часов утра Кильмен уже выступил в поход, имея под своим начальством «батальон» мюскаденов (le bataillon d'avant-garde), как они себя называли, отряды из трех наиболее благонадежных секций (Buttes des Moulins, Lepelletier, Champs Elysées) и двести драгун, всего 1200 человек с двумя орудиями [14]. Самый характер этого первоначального выступления показывает, что ранним утром 4 прериаля власти уже настолько чувствовали перевес на своей стороне, что, по-видимому, перестали ждать активного сопротивления со стороны инсургентов: иначе они не стали бы посылать в недра предместья явно недостаточную воинскую часть.

Начало было как будто благоприятным для правительства: Кильмен вошел со своим отрядом в предместье, подошел к дому Сантерра, произвел обыск, но никого не нашел. Впрочем, во время обыска генерал, по-видимому, чувствовал себя не очень уверенно: все время посылал патрули узнавать, подходят ли к нему подкрепления из города. Но о подкреплениях пока что не было и слуха. Дело в том, что войска, которые, по первоначальному плану, должны были поддержать Кильмена, внезапно получили совсем иное назначение: они должны были воспрепятствовать рабочим Марсельского предместья двинуться на подмогу Антуанскому. На это понадобились как раз те две тысячи человек, которых обещали послать в распоряжение Кильмена. Вместо двух тысяч к нему пришли, да и то с большим опозданием, всего триста человек. Тем временем отряд Кильмена оказался в очень затруднительном положении. В своем официаль-

ном рапорте генерал храбрится и явно хвастает, но даже и из этого рапорта видно, что он пережил немало критических минут, пока ему удалось выбраться из того «осиного гнезда», куда он так неосторожно попал, недооценив силы противника.

Прежде всего по рапорту заметно, что у Кильмена возникла как бы новая «стратегическая цель»: не продолжать «наступление», а начать попятное движение, устремляясь возможно кратчайшими путями к базе, иначе говоря, поскорее покинуть Антуанское предместье и вернуться восвояси. Посланные на разведки патрули не вернулись, так как были захвачены инсургентами. Тут генерал получил запоздавший приказ из центра с предписанием *не входить* в предместье, а «охранять подходы» в ожидании прибытия «всех войск», которым предписано окружить предместье.

По-видимому, правительство уже после ухода первого отряда поняло, что покончить с восстанием можно лишь при помощи несравненно больших сил и, притом, собрав их в один кулак, а не раздробляя по мелочам. Но приказ этот, как мы видели, запоздал, и Кильмену пришлось довольно туго. Оказалось, что после того, как он пришел к дому Сантерра, инсургенты успели выстроить по пути от дома Сантерра к выходу в город несколько баррикад.

«Мы были окружены 20 тысячами вооруженных мужчин и 40 тысячами (sic!) фурий, потому что женщинами их назвать нельзя»,— докладывает Кильмен. Само собой разумеется, что цифра эта преувеличена для того, чтобы увеличить размер своей победы. Но как бы то ни было, сопротивление было, очевидно, достаточно серьезным. Когда отряд Кильмена, отступая, подошел к первой баррикаде, преграждавшей путь, генерал при поддержке комиссаров секции (Quinze-Vingts) вступил в переговоры с инсургентами. Встретили его враждебными криками и «самыми страшными ругательствами», а «фурии» просто грозили перерезать весь отряд. Наконец, действуя и убеждениями и угрозами, Кильмену удалось добиться пропуска через эту баррикаду и двинуться дальше. Снова баррикада, снова остановка, снова враждебные крики, снова переговоры в течение пятнадцати минут. Инсургенты согласились было пропустить отряд, но тут выяснилось, что арьергард его вздумал отобрать пушки одной из секций предместья (Montreuil).

Инсургенты немедленно отменили пропуск и снова загородили проход через вторую баррикаду. Генералу пришлось немедленно послать приказ пушек не брать. Он склонен объяснять такую уступчивость своим природным человеколюбием: «Нам было бы очень трудно увезти пушки, не проливая много крови». Правда, он тут же приводит и другое, более правдоподобное объяснение: не было ни веревок, ни привязей, ни лошадей, что-

бы тащить отобранные орудия, но о самом существенном обстоятельстве генерал Кильмен скромно умалчивает, хотя оно очевидно по ходу им же излагаемых событий: попытка пробиться сквозь многочисленную толпу даже в несколько десятков тысяч человек, по явно преувеличенному подсчету Кильмена, и сквозь вторую, затем третью баррикаду, сражаться с такой толпой в узкой, застроенной и забаррикадированной улице, имея всего 1200 человек, сулила весьма малоутешительные результаты.

Зная, конечно, что читателям его рапорта не может не прийти в голову эта простая мысль, Кильмен с достоинством подчеркивает: «Арьергард отказался от намерения забрать пушки, но он сделал это по своей доброй воле (*de bonne grâce*), а вовсе не по принуждению мятежников». Свое нежелание вступить в борьбу Кильмен объясняет еще и тем, что при его отряде находились два народных представителя (Вернье и Куртуа) и была опасность, что «убийцы направят против них все свои усилия». Правда, участники отряда решили защищать депутатов, хотя бы пришлось для этого поголовно лечь костьми, но... «нас было только 1200 человек, а мы были окружены бесчисленным множеством людей и ордой мегер, в тысячу раз более страшных, чем мужчины». Да и стратегические соображения требовали уступки: «Мы могли скомпрометировать успех большой вечерней экспедиции, ускорив открытие военных действий со столь незначительными силами». Словом, пушки остались в руках инсургентов, а отряд получил, наконец, пропуск мимо второй баррикады.

Обратимся к другому свидетелю, который менее официален, а потому чаще (хотя и против воли) проговаривается. Это уже упоминавшийся нами Луи Коста, проделавший описанную утреннюю экспедицию в Антуанское предместье в рядах «батальона молодых людей», т. е. в числе приблизительно 500 мюскаденов, находившихся в отряде Кильмена.

Луи Коста (впоследствии барон Империи), описавший в весьма героических тонах действия своего батальона и издавший это описание тотчас же после событий, признает, что, очутившись перед баррикадами и перед толпой «разъяренных людей, вооруженных пиками, саблями и ружьями», отряд и разгневался и «немного смутился» (la rage et conséquemment un peu de trouble étaient dans nos rangs): положение его «становилось трудным и опасным». По признанию Коста, возвращение отнятых было у инсургентов пушек тоже произошло вовсе не «по доброй воле» военного начальства, а просто под влиянием естественного в их положении опасения грозных последствий: «Депутат, который нас сопровождал, полагал, что их (инсургентов — *Е. Т.*) успокоит, если им отдать пушки» [15].

Все это существенно дополняет изложение генерала Кильмена. Задержка перед второй баррикадой была долгая и опасная. Но, миновав, наконец, это препятствие, отряд вскоре наткнулся на новое: третья баррикада заграждала выход из предместья. Крики и угрозы защитников этой баррикады снова остановили Кильмена. Правда, теперь его положение было значительно выгоднее, чем раньше, когда ему приходилось с трудом продвигаться по узким улицам предместья: теперь ему стоило только прорваться через последнюю баррикаду, а дальше было уже широкое свободное пространство, где он мог развернуться и действовать [16]. Кильмен направил на баррикаду два орудия, но до стрельбы дело не дошло: помогли убеждения комиссаров и «добрых граждан, замешавшихся в толпе», и отряд был пропущен без борьбы.

Выйдя из предместья, Кильмен был спасен, тем более что он тут же соединился с генералом Моншуази, который привел подкрепление в 300 человек. При этом во вспомогательном отряде находился Фрерон, который тотчас же отправился в Комитет общественного спасения с целью ускорить прибытие главных сил и замышляемый общий поход на предместье для разоружения инсургентов. Почти одновременно с Моншуази подошел и другой отряд с кавалерией и пехотой.

Соединенная воинская сила, составившаяся из указанных трех отрядов, расположилась недалеко от входа в предместье. На новую самостоятельную атаку три генерала не решились и решили ждать прибытия главной массы войск. В это время женщины, выйдя из предместья, пробовали убедить солдат перейти на сторону инсургентов. Некоторые начальствующие лица были обеспокоены появлением этих «фурий гильотины», как выражается Кильмен. Но сам он, по его словам, был вполне уверен в лояльности солдат. По-видимому, отогнать женщин силой или пытаться их арестовать было в данный момент небезопасно. Кильмен прибег поэтому к некоторой контрагитации и стал говорить с драгунами, на которых, по его наблюдениям, особенно старались воздействовать женщины. В своем рапорте он приводит речь одного из этих солдат, сказанную в ответ на увещевания начальства, и, конечно, хвалит этого солдата; насколько эта речь подлинная — остается навеки покрыто мраком, но генерал передает ее будто бы дословно и для большей живости даже в первом лице, совершенно в манере Геродота и Фукидида. Вот что якобы сказал солдат: «Mon général, когда при королевском деспотизме нами хотели пользоваться, чтобы угнетать народ, нашим долгом, как граждан, было стать на сторону народа против деспотизма. Но сегодня — дело совсем другое: орда разбойников и убийц хочет возмутиться против верховной власти всего французского народа; эта верховная власть

вручена Национальному конвенту, который один является ее носителем: тот, кто возмущается против него, бунтует против всего французского народа. Мы находимся тут, чтобы с опасностью для жизни защищать народное представительство против якобинцев, разбойников и анархистов, и мы сделаем свое дело». «Вот язык драгун 3-го полка!» — восклицает генерал Кильмен, приведя этот небольшой политический спич, и прибавляет: «Другие линейные войска произносили подобные же республиканские слова».

Ясно, конечно, что все это стилизовано в нужном духе и что все эти государственно-правовые тонкости (о Конвенте как носителе (*dépositaire*) народного суверенитета), мало свойственные и по содержанию и по форме даже самому идеальному из всех мыслимых драгун, рассчитаны главным образом на дальнейшие агитационные цели: армия причиняла кое-какие заботы всякий раз, когда приходилось обращать ее штыки не «вправо», а «влево»: доклад же Кильмена был немедленно отпечатан на казенный счет.

Так или иначе, войска оставались на своем месте. Только к 4 часам пришел приказ примкнуть к войскам, двигавшимся на предместье под общим командованием генерала Мену.

К этому времени у генерала Мену оказалось под началом в общей сложности 25 тысяч человек (считая линейные войска и национальную гвардию) [17]. В своем кратком докладе Конвенту Обри говорит, что Мену двинулся в Антуанское предместье тремя колоннами. Генерал Кильмен говорит о пяти колоннах, направленных на предместье с пяти сторон с прямой целью его *окружить* и разоружить. При этом, однако, уже заранее имелось в виду вернуть потом оружие «очень большому числу истинных республиканцев, живущих в этом предместье». Части армии генерала Мену вступили в предместье с разных сторон. На этот раз вначале они не встретили сопротивления (если не считать, что вооруженный отряд инсургентов пытался задержать колонну войск, наступавшую под ближайшим командованием Кильмена), ибо на *этот* раз перевес сил был столь явно на стороне генерала, что его угроза открыть огонь немедленно подействовала, и его пропустили. Тем не менее, уже войдя в предместье, войска Кильмена стреляли в инсургентов, «возымевших дерзкое намерение разоружить несколько человек в авангарде». Вслед за этой стрельбой мюскадены бросились на инсургентов и прогнали их с позиции. Продвинувшись еще дальше в глубь предместья, Кильмен прочел толпе народа воззвание Конвента с требованием немедленной покорности, сдачи пушек и выдачи укрываемых лиц. Инсургенты нашли эти требования «суровыми» и медлили с ответом. «Я дал им знать, что если в предписанный срок они не подчинятся приказам Конвента, то предме-

стье будет стерто в порошок (réduit en poudre), так что на другой день будут искать то место, где оно существовало».

Тем временем уже и все главные силы генерала Мену вошли в предместье. Инсургенты пытались вступить в переговоры с самим Мену, но тот повторил ультиматум Конвента. Инсургенты покорились. Пушки были выданы, баррикады заняты правительственными войсками. И все-таки масса вооруженных мужчин и женщин теснила войска, правда, не нападая на них. Кильмен отрядил сотню драгун, чтобы сдерживать напор. По этому поводу он, кстати, снова считает нужным похвалить драгун, «которые высказывались так, что не оставляли сторонникам восстания никаких надежд». Очевидно, даже в этот последний момент, когда все было потеряно, инсургенты делали попытки поколебать солдат, и, судя по тому, с каким подчеркиванием говорит об этом Кильмен, можно допустить, что всякий раз неуспех подобных попыток являлся для начальства приятной неожиданностью.

Тотчас же было приступлено и к арестам и к разоружению жителей. К 10 часам вечера все «усмирение» было кончено, кроме, разумеется, разоружения, деятельно продолжавшегося еще много дней, и кроме арестов, которые тоже шли несколько дней и ночей подряд. Волоча за собой пушки, отнятые у секций Антуанского предместья, приветствуемые радостными криками высыпавшего на бульвары населения центральных секций, войска прошли ко дворцу Конвента и продефилировали мимо здания. Об этом вечернем триумфальном шествии войск по бульварам до Тюильри сообщает некоторые подробности и Коста: густая толпа встречала их с неистовым восторгом, женщины плакали и целовали им руки [18]. К ночи палач г. Парижа получил предписание находиться со следующего дня в распоряжении военной комиссии, только что созданной для суда над инсургентами.

Заседавший с утра Конвент до самого вечера не имел точных известий из предместья. Сведения, поступавшие в полицию из других кварталов в течение всего дня 4 прериаля, вплоть до 7—8 часов вечера, были тоже весьма неопределенны. Очевидно, везде господствовало выжидательное настроение: все понимали, что дело решится в Антуанском предместье. Сборища, «очень многочисленные и очень шумные», как доносили агенты, происходили во *всех* парижских кварталах весь день. Раздавались очень резкие речи против Конвента. «Женщины, как фурии, возбуждали мужчин и кричали: «Нужно поддержать наших братьев из Антуанского предместья, нужно расправиться с (народными) представителями и не давать никакой пощады купцам и мюскаденам»» [19]. Полицейским агентам все это казалось таким устрашающим, что им уже мерещилось «полное

уничтожение и разрушение» всего существующего. Только между 7 и 8 часами вечера пронесся по городу и тотчас же подтвердился слух о том, что инсургенты изъявили покорность. Сразу все в городе изменилось. Сочувствовавшие инсургентам умолкли: малейшая неосторожность грозила гибелью. Теперь полиции оставалось только регистрировать громко и невозбранно раздававшиеся благонамеренные речи.

Впрочем, в течение всего этого дня (и особенно во вторую его половину) Конвент с каждым часом все более убеждался в своей близкой победе. Даже утром, когда открылось заседание, уже нельзя было узнать того собрания, которое так мягко, почти «сердечно» беседовало с гражданами и о гражданах Парижа 2 и отчасти 3 прериаля. Уже на рассвете, как мы видели, началось движение войск к Антуанскому предместью. Об утренней неудаче Кильмена еще не знали, но было ясно, что инсургенты переходят к защите.

Лапорт, выступивший от имени Комитета общественного спасения, сразу же заявил, что «дерзость бунтовщиков» (l'audace des factieux) заставит считать преступлением всякую слабость со стороны Конвента.

В этот критический момент опять, как и в жерминале и в первые два дня прериаля, успехи внешней политики подняли и подкрепили дух и престиж термидорианского большинства.

4 прериаля, когда силы правительства плотно облегли Антуанское предместье и его обезоружение было лишь вопросом часов, типичнейший представитель буржуазии, Сиейс, докладывал Конвенту о новой внешней победе: о победоносном мире с Голландией, фактически отдававшем материальные ресурсы Бельгии и отчасти Голландии в руки французов. Докладчик напомнил при этом, что Брюгге и Антверпен будут отныне успешно конкурировать с Лондоном [20].

Это известие было встречено с ликованием.

В середине заседания явилась депутация от одной из секций Антуанского предместья (Quinze-Vingts), но она не была допущена председателем: «Никаких сделок с изменниками!» — неслись с трибун крики публики. Бурдон (de l'Oise) крикнул, что Конвент выслушает «этих презренных» лишь тогда, когда они станут на колени перед законом. Он предложил даже арестовать петиционеров, но они были оставлены на свободе. Конвент подтвердил свою волю: «сегодня же», 4 прериаля, Антуанское предместье будет подвергнуто бомбардировке, если не выдаст укрывающихся там людей и если все три его секции не сдадут пушек.

Собственно говоря, с середины дня Конвент был уже уверен в своей победе, и именно поэтому тон его круто изменился. С каждым часом приходили известия, все больше повышавшие

настроение. «Сегодня — последняя борьба между преступлением и добродетелью!» — восклицает Дюмон, сообщая собранию, что вооруженные секции ждут приказа о выступлении против инсургентов.

Неудача первой, утренней экспедиции Кильмена могла, конечно, несколько охладить настроение, обнаружив, что «мятежное предместье» как будто собирается принять бой. Но после этой неприятной для Конвента и тревожной заминки тем больше радостного волнения вызвала пришедшая в начале вечера первая весть о «победе».

В 8 часов вечера председатель огласил первое официальное донесение с места военных операций вокруг Антуанского предместья. Сообщалось, что одна из трех секций уже сдала пушки, что две остальные, несомненно, последуют ее примеру; что уже взято под стражу много лиц, в том числе перешедшие на сторону восстания пешие и конные жандармы. Трибуны, где сидела публика из центральных секций, приветствовали это известие. Тотчас же было решено предать суду военной комиссии всех взятых с оружием в руках. Спустя некоторое время на улице послышались барабанный бой и звуки трубы: это возвращались первые отряды, освободившиеся после полной капитуляции Антуанского предместья. Через минуту при громе рукоплесканий на трибуне показался член Комитета безопасности Оги. Он сообщил о полной победе правительства, о разоружении предместья и о ликовании на бульварах при известии о торжестве Конвента.

С не меньшим жаром аплодировал Конвент и характерным словам Дульсе, который выступил тотчас же после Оги и заявил, что победа, одержанная войсками в Антуанском предместье, не менее важна, чем победы над внешним врагом при Флерюсе (т. е. самая крупная победа, какую до того времени одержала Франция в войне против европейской коалиции). 9 термидора и 12 жерминаля получили свое завершение — такова была мысль идейного вождя термидорианцев Фрерона [21]. Речь его, впрочем, вызвала ропот неудовольствия, так как ему пришлось сообщить, что властям так и не удалось найти «убийцу Феро», отбитого накануне толпой [22]. Известие об этой неудаче еще больше возбудило ярость Конвента. «Бейте скорее, бейте сильнее, вспомните о занесенных над вами кинжалах, о пулях, метавшихся в вашего председателя. Скамьи, где вы сидите, еще хранят следы сабельных ударов, кровь убитого Феро еще видна на лестнице и на трибуне!» — так разжигал собрание Грегуар [23].

«Война насмерть кровопийцам!» — восклицал Андре Дюмон уже перед самым концом заседания [24]. Жажда мести окончательно овладела собранием. Конечно, тот, кого решено было принять за убийцу Феро, мог считать себя безнадежно погиб-

шим именно потому, что установить и разыскать настоящего убийцу было невозможно.

Осужденный на смерть 3 прериаля уголовным трибуналом (военная комиссия, как сказано, была учреждена лишь на другой день) слесарь Тинель действительно укрывался в Антуанском предместье и вечером 4 прериаля был схвачен при ликвидации восстания. Он обвинялся в том, что участвовал в убийстве Феро и носил на пике его отрезанную голову. Казалось, теперь, после вторичного ареста, оставалось только снова отправить осужденного на гильотину. Но тут подвернулась досадная деталь: кажется, этот «вновь» арестованный человек вовсе не Тинель, а какой-то Жег. Впрочем, это не важно: «если он не Тинель», то, очевидно, один из его сообщников. Главное, чтобы он не избег казни [25].

При капитуляции предместья, как сказано выше, было задержано довольно много жандармов, присоединившихся к инсургентам в предшествовавшие дни. Их казнь, разумеется, тоже была предрешена. И сами они и все, что при них было найдено и что могло послужить против них уликой, было немедленно передано в распоряжение учрежденной в тот же день военной комиссии [26]. Но главным результатом 4 прериаля, разумеется, самым существенным для всей последующей истории революции, было разоружение в ближайшие же дни Антуанского предместья. Арестовывали, конечно, направо и налево, но все не тех, кого Конвент больше всего хотел схватить.

Можно было с горделивым торжеством оповещать армию и кого угодно о захвате главарей восстания и т. д., но сами-то правительственные комитеты отлично знали, что никаких главарей они в предместье не нашли и что самым ценным трофеем оставался все тот же отбитый накануне у стражи и в конце концов вновь арестованный Тинель, который к тому же не Тинель, а Жег,— но все равно должен быть казнен. Комитет общественной безопасности был недоволен и настойчиво требовал от подчиненных ему органов немедленного ареста «главных создателей мятежа», обнаружения «всех нитей» и «всех агентов» заговора, которые, мол, непременно *должны* быть найдены в Антуанском предместье [27]. Но найти никого не удавалось.

О репрессиях речь пойдет в следующих главах. Заканчивая эту главу, я хотел бы подчеркнуть то огромное значение в истории Французской революции, которое придавали дню 4 прериаля современники.

Отметим прежде всего, что сам Конвент всегда считал днем своей победы не 1-е, а именно 4 прериаля,— что и выразил весьма недвусмысленно, спустя два месяца, в особом воззвании к французскому народу от 1 термидора III года, где он упоминает

три знаменательные даты: 9 термидора, 12 жерминаля и 4 прериаля [28].

Комитет безопасности, стоявший в центре правительственной борьбы против прериальского восстания, категорически говорит именно о дне 4 прериаля, что этот день «чуть не погубил республику». Это было сказано вечером 4 прериаля, уже после победы [29]. С этой точки зрения, спасение пришло только к ночи этого дня, когда Антуанское предместье увидело безвыходность своего положения и капитулировало.

Для правительственных комитетов не было сомнения, во-первых, в том, что 4 прериаля был выигран бой «собственности против разбоя», т. е. имущих против неимущих, а во-вторых, что нужно немедленно «организовать победу», т. е. приступить к беспощадной репрессии. В докладе Шенье, говорившего от имени соединенных правительственных комитетов, эти две мысли вполне реальны и конкретны, все остальное — литература и декламация [30].

Такое же, свойственное современникам, понимание относительной важности событий сказывается часто и в провинциальных адресах, составлявшихся в прериале. Мы читаем, например, в одном из таких адресов, что навеки памятным днем истинной победы является день *четвертого* прериаля, когда все головы «гидры» восстания «разом скатились в прах» под дружным напором «честности, храбрости, знания и трудолюбия»,— так характеризуется победа буржуазных секций над мятежным рабочим предместьем [31]. То обстоятельство, что эта победа приурочивается именно не к 1, а к 4 прериаля, совершенно согласуется, конечно, с внутренним смыслом всех прериальских событий. Ту же ноту мы слышим и в неофициальных отзывах современников и участников и в воспоминаниях, предназначенных для потомства.

Мюскадены вроде Коста с убеждением твердили, что *республика была основана 4 прериаля,* потому что именно этот день призван был примирить с республиканской формой правления «миллионы французов», в глазах которых «в течение двух лет» вожди партий были «султанами», а предместья играли роль «янычар». Главное же заключается в том, что 4 прериаля «убило якобинский дух», который до той поры продолжал жить в народе, хотя народ и кричал: «Долой якобинцев!» [32].

Смысл этих восторженных строк тот, что «миллионы» собственников столицы и провинции впервые 4 прериаля удостоверились, что республиканское правительство хочет и может защитить их интересы от плебейских предместий столицы.

Еще яснее выражает ту же мысль другой свидетель событий, Феп, подводя итог политическому значению 4 прериаля: «Таким образом, парижская чернь (la populace de Paris) сложила

оружие, которое дало ей ее торжество 6 октября 1789 г., 10 августа 1792 г. и 31 мая 1793 г. и которое еще накануне все бы ей подчинило, если бы того захотел какой-нибудь человек с головой. Последствия этого разоружения важны. Это — революция, которая вырвала силу оружия у пролетариата и передала ее богатым кварталам» [33].

В этих строках все характерно: жаргон автора («чернь»), указание на огромное значение дня 4 прериаля в глазах свидетеля событий, сопоставляющего эту дату с значительнейшими моментами революции (вроде падения монархии или изгнания жирондистов), и, наконец, противопоставление *пролетариев богатым.*

Подобные же мысли мы находим и у представителей побежденного монтаньярского лагеря, но, разумеется, настроение тут другое. По отзыву монтаньяра Бодо, одни считают моментом *упадка* республики, т. е. моментом перелома, после которого она уже пошла к своей гибели, 9 термидора, другие — прериаль, гибель Ромма, Субрани и их товарищей. Бодо примыкает ко *второму* мнению [34].

Другой монтаньяр, тоже до конца дней сохранивший верность своим убеждениям, Левассер (de la Sarthe), называют прериаль «последним усилием агонии (*dernier effort de l'agonie*) республиканцев 1793 г.». По его мнению, после прериальских дней борьба идет только «между роялизмом и термидорианцами», последние «патриоты» исчезают со сцены [35]. Таким образом, с его точки зрения, прериаль — не только большое поражение (un grand revers), но, как показали последствия, поражение непоправимое, бедственное для судеб революции и республики. Левассер до конца своих дней считал, что с того момента, как у восставшего предместья 4 прериаля было отнято оружие, и вплоть до Июльской революции 1830 г., «народ, казалось, подал в отставку», все события совершались без его участия и даже без всякого проявления интереса с его стороны [36].

Разумеется, история никак не может повторить этой оценки современников. В истории Великой буржуазной революции поворотным пунктом было 9 термидора, *прериальские события и их исход были предрешены 9 термидора, они были его прямым, логическим последствием.* Но, подходя с этой критической оценкой прериальских дней, отводя им по необходимости более скромное место в истории революции, чем это казалось Бодо или Левассеру, мы обязаны все же считаться с этими показаниями, которые подкрепляются суждениями заграничных наблюдателей. Внимательные английские наблюдатели верно и тонко уловили настроения прериальских победителей и побежденных.

По их мнению, разоруженные рабочие Антуанского предместья стали смотреть на себя «как на завоеванный народ», который отныне должен подчиниться лучше организованному и «более осторожному» врагу [37]. Вообще же, по мнению этих английских наблюдателей, прериальские дни ознаменовали победу «среднего класса населения» (middling sort of people) над «низшими» (lowest) его слоями [38]. Европа внимательно следила за прериальскими событиями,— и 1 прериаля дипломатические представители присутствовали при заседании Конвента. Спустя две недели, 14 прериаля, в заседании, посвященном памяти убитого Феро, Луве, обращаясь к ложе иностранных представителей, заявил, что отныне Франция установит свободу, законность и согласие внутри страны, равно как и умеренность при всех триумфах своей внешней политики. Все это он просил передать иностранным правительствам: «Скажите это, и прибавьте, что все эти счастливые перемены будут плодами одной только победы, самой трудной, если не самой славной,— победы, одержанной над анархией 4 прериаля» [39].

Отметим, что речь эта, по приказу Конвента, была переведена, отпечатана и распространена на испанском, итальянском, немецком, голландском и шведском языках.

Говоря о прериальских событиях, английские наблюдатели касались той серьезной опасности, которой подвергался Конвент, отмечая при этом, что конфликт не разрешался ни в ту, ни в другую сторону *в течение нескольких дней*. Едва ли только правы англичане-наблюдатели, предполагая, будто сам Конвент узнал о размерах опасности лишь тогда, когда она миновала [40].

Мы знаем, наоборот, что только вечером 1 прериаля, под непосредственным впечатлением разгона занявшей здание толпы, Конвент проявил некоторый преждевременный оптимизм. И 2 и 3 прериаля он не переставал сознавать грозную опасность своего положения. Даже 4 прериаля, когда шансы на победу *очень* возросли, в Конвенте проявляется скорее ярая решимость использовать все средства и дать окончательный бой, чем уверенность в победе. У нас есть данные, свидетельствующие, что члены Конвента, стоявшие в центре событий, до самого вечера 4 прериаля, до самой капитуляции Антуанского предместья, вовсе не спешили торжествовать победу.

Термидорианец Ровер в течение всего дня 4 прериаля не только сильно тревожился за самую участь Конвента, но не считал невозможным даже дальнейшее распространение парижского восстания на департаменты, особенно на южные. О тулонских событиях он тогда не мог еще быть вполне осведомлен, но знал о существующем на юге сильном брожении. В самый день 4 прериаля он сообщал своему корреспонденту лишь о том, что «внушительная сила занята обузданием предместий, глав-

ным образом Антуанского, где находится очаг мятежа. Будет сделана *попытка* их разоружить, *если возможно*» [41]. Так говорил один из членов Комитета общественного спасения за несколько часов до развязки!

Вечером 4 прериаля вся тревога сразу рассеялась. Полная победа правительства была налицо. Оставалось расправиться с обезоруженным врагом. Париж был переполнен войсками. Тюильрийский дворец, где заседал Конвент, был окружен настоящим военным лагерем, где в палатках расположились три тысячи человек кавалерии. Патрули объезжали город: не только полиция, но и частные лица хватали и арестовывали всех, кто им казался подозрительным. Народ безмолвствует, с удовлетворением доносят полицейские агенты: «Арест и заключение в тюрьму террористов и других подозрительных лиц происходят без затруднений: мужчины глядят, женщины молчат» [42]. Правда, иногда эти внезапно замолчавшие женщины напоминают о себе, власти узнают, например, о таких бытовых явлениях: «Одна женщина, не имея возможности дать хлеба своим детям, бросилась в колодезь» [43].

Но эти детали ничуть не нарушают общей картины. Среди гробового молчания, запуганности и покорности можно было смело приступить к расправе и люто отомстить за пережитый страх.

Глава IX

ПРЕРИАЛЬСКИЙ ТЕРРОР

Впечатление, произведенное прериальскими днями, было колоссальное — и в Париже и в провинции. Для того, чтобы яснее представить, в какой атмосфере начался и протекал прериальский террор, приведу некоторые образчики из той огромной массы адресов и поздравлений, которые стекались в Конвент со всех концов Франции в течение по крайней мере двух месяцев после событий. Эта литература, как и аналогичная ей, порожденная жерминальскими волнениями, крайне однообразна по содержанию и шаблонна по форме: достаточно отметить несколько основных мотивов, чтобы понять ее всю. Нечего и говорить, что адресы отражают и на этот раз только настроения победителей. Рабочие и неимущая городская масса не имели в тот момент никакой возможности подать свой голос. Они после 4 прериаля *замолчали*, что и отмечала чуть ли не ежедневно в своих рапортах полиция. А хор тех, кому позволено было говорить, создавал очень благоприятную для правительства обстановку.

Само правительство поспешило дать известный тон этим адресам. Были выработаны некоторые клише, с которыми небезынтересно познакомиться. Правительственные комитеты старались изобразить дело так, что собственно в столице есть лишь два лагеря: население центральных кварталов, где царят мир и согласие, так как «изгнанные» оттуда раздоры целиком перешли в другой лагерь — рабочие предместья [1]. Прериальская победа правительства — это благодатный удар грома, который развеял «пары преступления», исходившие из этих предместий и омрачавшие «с некоторых пор» парижский горизонт. Конечно, Конвенту и комитетам было очень важно официально установить

наличие только *двух* враждебных сторон — собственников и *несобственников*. Но этого было недостаточно. Термидорианцы отлично понимали, что удар по рабочим предместьям и истребительная борьба против якобинцев непременно будут истолкованы роялистами как начало общего крушения ненавистной республики. Поэтому уже в самые первые дни после победы Комитет безопасности счел нужным циркулярно напомнить местным властям, что бдительность необходима и по отношению к незаконно проникающим во Францию эмигрантам: если Конвент преследует прериальских инсургентов («убийц и мошенников»), то он не менее беспощаден и по отношению к роялистам-эмигрантам [2]. Вопрос о роялистах был и сам по себе очень деликатен: необходимо было с особым вниманием посматривать на рейнскую армию. Там распространялось во время прериальского восстания какое-то воззвание, написанное в «якобинском», «террористическом» духе и даже приглашавшее армию к активному выступлению «в пользу террористов». Главное — это не был памфлет, проникший в армию извне, напротив, это «крамольное произведение» возникло в недрах самой армии. По тому, в каких серьезных, тревожных тонах Комитет общественного спасения пишет об этом воззвании, по той важности, какую он придает тому, чтобы оно не распространялось, видно, до какой степени правительство не считало войска свободными от резкого якобинского уклона [3].

Конечно, в официальных документах, объявляемых во всеобщее сведение, подобные опасения тщательно затушевываются. Наоборот, подчеркивается, что все обстоит благополучно; Мерлен (de Thionville), от имени всей армии Рейна и Мозеля, выражает Конвенту «чувство негодования» по поводу прериальского мятежа, а Комитет общественного спасения отвечает столь же прочувствованной благодарностью и т. д. [4] Но так или иначе — о настроениях армии следовало помнить.

«Объединенные терроризм и роялизм» — вот официальная формула для обозначения «внутренних врагов», побежденных и в жерминале и в прериале. Самая настойчивость подобной формулировки показывала, в каком свете правительству было выгоднее всего представить оба восстания, чтобы привлечь на свою сторону большинство собственнической Франции: и «богатых», и «честных ремесленников», и «мирных земледельцев», а заодно и армию [5].

Кое-где в провинции власти тоже делали явные и упорные усилия, чтобы объяснить как жерминальские, так и прериальские события «контрреволюционными» (и прежде всего роялистскими) происками. Доказательств у них никаких не было, но они прикрывали этот недостаток чрезвычайной уверенностью тона и пафосом негодования [6]. Когда же эта версия получила

официальный штамп, то провинция окончательно и охотно ее усвоила. Особенно усердствовала администрация, как выборная, так и назначенная.

Даже там, где оба восстания объясняются кознями недобитых «кровопийц», т. е. якобинцев, все же наравне с ними упоминаются и роялисты. Элементы, дружественные этим последним, пытались (в печати и в самом Конвенте) бороться против обвинений их в соучастии. «Первого прериаля,— пишет, обращаясь к своим коллегам, вогезский депутат Брессон,— на вас занесли нож (vous êtes égorgés)... террористы; вы спасены... роялистами, по крайней мере так называемыми роялистами». «Какая странная вещь революция»,— глубокомысленно добавляет автор [7].

Таково было популярное клише, формула, пущенная в оборот теми роялистами, которые писали и печатались в Париже и потому не могли в легальной прессе повторять эмигрантских суждений о том, что Конвент и его враги слева — одно и то же, вполне стóят друг друга и т. д.

Предостережения от необдуманного милосердия, призывы к казням и беспощадным репрессиям, к войне насмерть против «кровопийц» перемежаются иногда с утверждениями, что эти «кровопийцы» и «злодеи» «продались тиранам» [8]. Под таковыми в этих документах понимаются то Бурбоны, то Вильям Питт и другие внешние враги. Обе версии получили полное официальное одобрение, усиленно распространялись из центра и тотчас же воспринимались провинцией: «Прериаль» создан агентами Питта и английским золотом, но внутренние союзники Англии в войне против Французской республики провалились так же, как и внешние ее союзники. Эта мысль постоянно встречается в адресах [9].

Но чаще всего интерпретация прериальских событий сводилась в провинции к такой схеме: террористы, лишенные власти 9 термидора, попытались вернуть себе былое значение и обманным образом увлекли за собой людей, у которых не хватило терпения «переносить некоторые временные лишения». Организаторы «заговора» — обманщики, восставшая масса — обманутые. К тому же, прибавлялось сплошь да рядом, сами «обманщики» состоят «на жаловании», подкуплены таинственной рукой из-за границы [10].

Многие обращения к Конвенту, вызванные прериальскими событиями, составлены в тоне укора. Восстание объясняется слабостью, будто бы проявленной правительством после 12 жерминаля, а по мнению авторов некоторых адресов, даже и после 9 термидора [11]. Такой недостаток энергии со стороны правительства довел Францию до пропасти; если бы оно тотчас же после 9 термидора наказало «сообщников Робеспьера», не произошло

бы ни событий 12 жерминаля, ни событий 1 и 4 прериаля [12]. Такого тона не было после 12 жерминаля в аналогичных документах. Похоже на то, что реакция в некоторых департаментах зашла настолько далеко, что уже и сам термидорианский Конвент начинал рассматриваться там как слабовольное и потому несколько подозрительное сборище, которое не может или не хочет вырвать зло с корнем.

Горячий укор Конвенту за его долготерпеливую снисходительность (один из излюбленных мотивов провинциальных адресов) является, конечно, прелюдией к требованию кар и быстрой расправы. Допустим, что после 9 термидора Конвент еще «не знал всех врагов», но разве «опыт 12 жерминаля» не должен был вскрыть перед ним всю опасность «отвратительных заговоров»? Быть может, «чудовищные события» прериальских дней пойдут, наконец, на пользу республике и Конвенту, заставив его «ускорить казнь тигров, которые пытались его уничтожить» [13].

Киапп, делегат Конвента при альпийской и италийской армиях, в адресе, которой он посылает от имени армий и населения, среди всяческих изъявлений восторга перед «энергией и принципами» Конвента, также с ударением предостерегает его от излишней снисходительности к побежденным, которая может оказаться «роковой для свободы» [14].

Эта мысль бесконечно варьируется на все лады: Конвент сам виноват в прериальских событиях, так как не сумел воспользоваться своей жерминальской победой, не прибег к суровым репрессиям, не казнил никого из виновников восстания. Вот почему «сообщники Робеспьера» становятся все смелее: 12 жерминаля они только угрожали, 1 прериаля они уже стали убивать. Надо стереть их с лица земли, иначе придется погибнуть от их руки. «Законодатели, вы медлите, а они действуют, вы рассуждаете, а они убивают» [15].

На юге впечатление от парижских событий еще больше усилилось под влиянием событий в Тулоне, хронологически почти совпавших с парижскими. В департаменте Воклюз, например, так напуганы, что заранее взывают к центральной власти о помощи и явно не верят в окончательный характер «побед» 9 термидора, 12 жерминаля и 1 прериаля [16].

Эти три даты часто связываются авторами адресов как бы в одну цепь развивающихся событий, причем прериаль рассматривается как завершение, как «дополнение» к предшествующим двум победам над «террористами» [17]. Но при этом опять-таки обычно подчеркивается мысль, что прериальское выступление *повсюду* объясняется «безнаказанностью», которой будто бы воспользовались в свое время виновники жерминальских беспорядков [18].

Некоторые адреса и доклады, идущие из провинции, указывают, что кое-где имелись политические элементы, готовые немедленно поддержать прериальских инсургентов. Они жадно ловили смутные слухи, шедшие в прериальские дни из Парижа, а на юге и из Тулона, и даже будто бы знали заранее о готовящихся событиях, ждали перемены, низвержения «умеренных», изменения всей политики и т. д.[19] Были ли эти «якобинские» элементы организованно связаны между собой или с парижскими инсургентами? Их враги иногда утверждают, что были, но доказательств никаких не приводят, так что вопрос этот, к сожалению, остается пока открытым. Как бы то ни было, весть о поражении парижских инсургентов пришла в провинцию (особенно в далекие департаменты) почти одновременно с известием о выступлении 1 прериаля, и все надежды провинциальных «якобинцев» быстро погасли[20].

В указанном отношении весьма категоричны, но также вполне голословны, утверждения Дюма и Реаля, делегатов Конвента при альпийской и италийской армиях: поздравляя Комитет общественного спасения с победой над прериальскими инсургентами, они пишут, что «гнусный заговор» имел разветвления в главных пунктах республики, и ссылаются при этом на одновременные смуты в Эксе, Тулоне, Марселе, вообще на юге и на «зажигательные воззвания», распространяемые в армии. Затем следует утверждение, что всему причиной — роялистская опасность, причем в качестве единственного доказательства отмечается совпадение прериальских событий с прибытием «толпы эмигрантов», выехавших из Ливорно и Генуи в Марсель[21].

Попадаются среди этих адресов и такие, которые живо напоминают и былые лозунги жирондистов и будущую реакционную публицистику времен подавления Коммуны 1871 г.: «Прочь от Парижа!». К Конвенту обращаются с горячей мольбой покинуть развращенную столицу, где столь многочисленны «злодеи», и перебраться в менее населенный город, «где страсти бессильны». От Конвента требуют даже издания особого закона, по которому национальные представительства не должны будут отныне заседать в городе, население которого превышает 50 тысяч душ[22].

Авторы адресов противопоставляют то Париж провинции, то парижские рабочие предместья остальной стране. Впрочем, и под «Парижем» тоже разумеются в этих случаях именно рабочие его предместья: главную роль в прериальском восстании провинция определенно приписывает рабочим столицы, «Антуанскому предместью», причем иной раз попутно указывается, что земледельцы провинции сами находятся в нужде, что они «отдают свои жатвы» городам и армии, а между тем на их жалобы не обращают внимания[23]. Таким прикрытым и

осторожным способом в эти благонамеренные адреса вводится протест собственников против продолжающихся реквизиций для нужд армии и отчасти для прокормления столицы.

Довольно упорно мысль составителей адресов обращается к ненавистной конвентской «вершине», которую обвиняют в руководстве восстанием. Не только жаждут крови арестованных монтаньяров, но и торопят их казнь; непрерывным потоком прибывают в Конвент все новые и новые адреса с риторическим вопросом: почему чудовища (les monstres) еще дышат? Когда же казнь? Правда ли, что «эти люди, пресыщенные человеческой кровью», еще не на плахе? [24] Нужно поскорее издать «строгий закон», который их «уничтожит и сотрет в порошок» [25]. Эта ярость против монтаньяров, против арестованных членов «вершины» выражается в провинциальных адресах на все лады. Что они будут казнены, в этом никто не сомневается,— жаль только, скорбят иные, что смерть слишком легкое наказание для этих «людоедов» [26].

Изредка среди потока беспредельной лести и воззваний к беспощадной расправе со злодеями, террористами, якобинцами, убийцами отечества и т. д. проскальзывают неожиданные жалобы на спекулянтов и хищников, которым так хорошо жилось уже в эти месяцы. Иной раз эти почтительные обращения к Конвенту прямо требуют суровых мер против биржевых дельцов (agioteurs), приравниваемых к пиратам, против «жадных спекулянтов», обесценивших ассигнации [27].

Но эти отголоски настроений потребительской массы, средней и мелкой буржуазии, теряются и не дают тона адресам. Да и парадоксально было бы жаловаться на «пиратов» от спекуляции в обращениях к таким же пиратам, их представителям и покровителям. И не в спекулянтах усматривали составители адресов главное зло. Важно, что ненавистная гидра, по-видимому, побеждена, раз побеждено олицетворявшее ее Антуанское предместье. Остается завершить дело. В требованиях расправы провинциалы, впрочем, несколько отставали от парижских лидеров. Фрерон, например, предлагал сжечь все Антуанское предместье, лишний раз обнаруживая при этом то свойственное ему пылкое усердие, которое, по замечанию наблюдавшего и ненавидевшего его Шудье, он проявил, требуя после 9 термидора разрушения здания парижской ратуши, пытавшейся воспротивиться аресту Робеспьера, то же усердие, с каким еще раньше, в качестве сторонника революционного террора, он носился с проектом разрушить до основания г. Марсель. «Переменив знамя, Фрерон не переменил своего характера»,— замечает по этому поводу Шудье [28]. Конечно, предложение сжечь целое предместье было несерьезно, это был лишь выкрик бешеного маньяка или человека, которому казалось нужным прики-

нуться таковым. Однако, не заходя так далеко, правительство считало возможным воздвигнуть гильотину и дать ей ежедневную работу. Это и было сделано.

В такой атмосфере правительство, в лице прежде всего комитетов общественного спасения и безопасности, приступило к ликвидации восстания: к обыскам, арестам, разоружениям и казням или для полной точности к отсылке в военную комиссию. Названные комитеты, избранные Конвентом и всецело им поддерживаемые, были всевластны в этом кровавом прериале. Именно они ежедневно наполняли тюрьмы; именно они давали ежедневную пищу гильотине: военная комиссия, через которую, для формы, проталкивали людей на эшафот, была только технической подробностью. Фрерон, Тальен, Бурдон, Ровер, Вернье — вот кто, непосредственно или косвенно, вдохновляли в эти дни правительственные комитеты и Конвент. В некоторых мероприятиях этих комитетов чувствовалось влияние возвращенных жирондистов. Из них в это время более других выдвинулся Луве; правда, реакция очень быстро его обогнала. Правительство принялось за работу, не теряя ни минуты времени. Прежде всего комитеты известили армию о победе одержанной ими на внутреннем фронте. На всякий случай прибавили, что вожди восстания схвачены и «завтра» будут казнены. Сообщалось при этом о начавшемся разоружении инсургентов, которое, надо надеяться, окончательно обеспечит спокойствие «добрых граждан» [29]. Аресты шли во всех частях города, но в первые дни главное внимание было, разумеется, обращено на Антуанское предместье, а затем на оказавшиеся очень неблагонадежными жандармские части, стоявшие в Париже. Их обвиняли в бездействии, в самовольных уходах с поста в течение 1—4 прериаля, а некоторых — в прямом переходе на сторону восставших. Тотчас же вслед за арестами жандармов, укрывшихся в Антуанском предместье, последовала общая мера против этой воинской части. Декретом 6 прериаля три жандармских дивизиона, стоявших в Париже, были объявлены распущенными, причем служившие в них лица получали отныне возможность снова поступить на военно-полицейскую службу только после особой чистки (un scrutin épuratoire) и при условии, что их признают годными для несения этих обязанностей [30]. Следует прибавить, что в течение целого месяца в Париже фактически царило военное положение с непрерывно действующим военным судилищем, и город был полон войск. Может быть, именно этим объясняется, что только через месяц с лишним после уничтожения жандармских дивизий Комитет общественного спасения и Военный провели декрет об учреждении особого военно-полицейского корпуса («легиона общей полиции»), на обязанности которого лежала охрана Конвента, тюрем, а также «общественного спо-

койствия внутри столицы»[31]. В течение всего прериаля можно было обойтись без подобного корпуса.

С жандармами вообще было много хлопот в прериальские дни. Некоторые из перешедших на сторону восстания жандармов были схвачены в ночь на 5 прериаля, после капитуляции Антуанского предместья. По секциям немедленно были приняты самые энергичные меры для дальнейшего расследования действий бывших чинов жандармских дивизионов столицы. Предписано было, на основании поименных списков жандармов по месту их жительства, выяснить степень их благонадежности, нравственность и характер знакомств каждого из них[32].

Приказы об обысках, арестах, расследованиях, воспрещение женщинам присутствовать на каких бы то ни было собраниях политического характера, формальный и демонстративный отказ Конвента принять делегацию от секции Quinze-Vingts, входившей в состав Антуанского предместья, приказ арестовывать женщин на улице, если их соберется больше пяти в одной группе, суровые напоминания о необходимости действовать как можно поспешнее в деле ловли злоумышленных лиц — все эти распоряжения, предписания, назидания так и сыпались ежедневно, начиная с 4 прериаля, на местную администрацию секции[33]. И все это нужно было принимать к сведению, к руководству, часто к немедленному исполнению, одновременно с разбором бесчисленных дел по доносам. Дело в том, что после прериальских дней многих охватила какая-то мания доносов. Эти доносы часто поражали своей нелепостью и бездоказательностью, что не мешало им иной раз приводить людей на гильотину, в особенности в течение первых трех недель после прериальского восстания. Особенных оснований для арестов и не требовалось: одного брали за то, что он слывет необузданным террористом (un terroriste effréné); другого за то, что он террорист, сеятель анархии, да к тому же и пьяница (terroriste. ivrogne, provocateur à l'anarchie); третьего за то, что он был некогда агентом Кутона; четвертого за подстрекательство к грабежу (excitant au pillage); пятого за лицемерие (homme Tartuffe) и тайное сочувствие террористам; шестого за развращение «несчастных рабочих» (corrompant les malheureux ouvriers); седьмого за то, что он публично «хвастался», что любит кровь (se vantant publiquement... qu'il aime le sang); восьмого за то, что он человек «ужасный по своим принципам» (homme affreux dans ses principes) и даже уже сидел два раза в тюрьме; целый ряд женщин за то, что они выражали мнение, что хорошо бы вырезать весь Конвент, и т. д. Хватали, словом, всякого, о ком кто бы то ни было доносил; случайно подслушанные неосторожные слова сплошь да рядом стоили говорившему по меньшей мере свободы[34].

Велено было арестовывать всех принимавших участие в незаконных «общих собраниях», происходивших, как мы видели, в некоторых секциях 1 и 2 прериаля; строго предписывалось хватать на местах всех, кого можно было заподозрить в прикосновенности к восстанию; велено было прекратить, впредь до нового приказа, выдачу паспортов тем, кто еще до 1 прериаля был обезоружен по предписанию властей; усиленно разыскивали тех, кто бил в набат, кто вообще играл, как казалось, сколько-нибудь активную роль в восстании [35]. Уже 5 прериаля по всем секциям разослан был декрет Конвента, объявлявший вне закона всех участников незаконных собраний, присваивающих себе какую-либо власть [36]. Правительство больше всего страшилось возможной кристаллизации восстания, возникновения какого-нибудь нового центра революционной области.

Разобраться в массе схваченных людей было некогда, особенно в первые дни после восстания. В официальной переписке Комитета безопасности попадаются бумаги, свидетельствующие, что схваченные после капитуляции Антуанского предместья люди сидели в тюрьме по семи недель и больше, правда, никем не тревожимые, но и всеми забытые, без предъявления к ним каких бы то ни было обвинений и даже без указания первоначальных мотивов их задержания [37]. Но вообще те, кому удалось пережить прериаль, были избавлены от наиболее грозной опасности: в мессидоре и, еще дальше, в термидоре уже было несравненно легче доказать свою невиновность и добиться освобождения.

Под строгий полицейский надзор попал, между прочим, в эти дни родственник и друг Гужона, Тиссо, опубликовавший несколько лет спустя ценные показания о прериале. Он был арестован еще после 12 жерминаля, но был тогда выпущен на свободу под поручительство Гужона, который лично не был ни замешан, ни привлечен к дознанию по жерминальскому делу. Когда сам Гужон был арестован (1 прериаля ночью), тотчас же вспомнили об этом поручительстве; было приказано установить «очень активное» наблюдение за Тиссо [38]. И он мог еще почитать, что счастливо отделался. Аресты шли неослабевающим темпом в продолжение всего месяца.

Одновременно было обращено очень большое внимание на разоружение «подозрительных» элементов. Декрет о разоружении был издан Конвентом 4 прериаля, и правительство сразу стало очень серьезно следить за выполнением в секциях. Уже 5 прериаля соединенные правительственные комитеты (общественного спасения, безопасности и военный), извещенные, что некоторые секции еще не могли приступить к полному разоружению, и «принимая в соображение, что для сохранения общественного спокойствия важно, чтобы эта операция была быстро

закончена»,— предписали парижским секциям собираться ежедневно с 12 часов дня до 7 часов вечера, «дабы приступить к разоружению дурных граждан». При этом секциям определенно воспрещалось «заниматься каким-либо другим предметом»[39].

Одновременно с разоружением «дурных граждан» должно было идти в ускоренном темпе вооружение «хороших». С этой целью 8 прериаля Комитет общественного спасения затребовал у всех секций представления ему в трехдневный срок списков соответственных «хороших граждан» (l'état des bons citoyens de leurs sections), а также сведения о числе имеющихся у них ружей[40].

Ненавистные пики, самое дешевое и доступное, а потому наиболее распространенное в рабочих предместьях оружие, должны были навсегда исчезнуть. С представлением о пиках связывались воспоминания о всех без исключения революционных выступлениях «народа предместий»,— начиная со взятия Бастилии 14 июля 1789 г. 8 прериаля Комитет общественного спасения приказал секциям сдать в арсенал под расписку все пики; соответствующим военным органам было одновременно предписано немедленно отломать металлические острия, а древко сжечь. Насчет того, что́ делать с металлическими частями,— ждать дальнейших распоряжений Комитета[41].

Декрет от 4 прериаля о разоружении всех «подозрительных» был прочитан 5-го, в 10 часов утра, в заседании собраний секций, которые уже с утра были на своих местах. Подлежащие разоружению элементы официально обозначались в эти дни все теми же весьма неопределенными наименованиями: «убийцы, кровопийцы, воры», «агенты тирании, предшествовавшей 9 термидора»[42]. Дело, разумеется, не ограничивалось разоружением; наиболее «подозрительных» надлежало хватать, отправлять в тюрьму, иных представлять страшной военной комиссии.

Следует напомнить, что разоружение всех тех, кто так или иначе сочувствовал или подозревался в сочувствии режиму Робеспьера, стало на очередь еще задолго до жерминальских событий и особенно усилилось после 12 жерминаля; нечего и говорить, что после прериальских дней оно приняло необычайно интенсивный, массовый характер. Любопытно отметить, что не только в прессе и в просторечии, но и в официальной переписке того времени наблюдается некоторая сбивчивость в терминологии. С одной стороны, секциям предоставляется широчайшая свобода в толковании терминов «дурные» и «хорошие» граждане. С другой стороны, властям ясно, кого они хотят обезоружить, засадить, кому отказать в паспорте, но каким словом обозначить этот вредоносный и ненавистный им элемент, они не знают. Террористы? Не очень ясно: ведь и Фрерон, и Тальен, и другие столпы термидорианства тоже были террористами.

Злодеи (les scélérats)? Слишком общо. Постепенно остановились на «кровопийцах» (buveurs de sang). Это слово получило деловой официальный смысл и встречается в самых сухих беглых протоколах [43], впрочем, утверждалось оно далеко не повсеместно и не на очень продолжительное время.

Разоружение в прериале происходило в атмосфере террора. Ничего не стоило в эти страшные дни за малейшую попытку не то что сопротивления, а просто выражения неудовольствия попасть в военную комиссию и, следовательно, на другой же день на гильотину. Немудрено, что после поражения и неизбежного упадка духа в рабочем населении, всюду, в том числе и в рабочих предместьях, разоружению покорились молчаливо и безропотно. Люди становились в очередь, образовывали «хвосты» перед секциями, куда велено было сдавать оружие [44]. Разумеется, разоружение в конечном счете коснулось только неимущей массы. Наиболее деятельно оно проводилось в рабочих кварталах.

Списки лиц, подлежащих разоружению, составлялись давно, и к применению этой меры тоже было приступлено уже довольно давно, но как-то несистематически и с перебоями. Теперь, после прериальских событий, эти списки приобрели как бы проскрипционный характер: велено было, например, не выдавать паспортов (для отлучки из Парижа в провинцию) тем гражданам, имена которых были внесены в списки разоружаемых [45]. Это последнее обстоятельство стало клеймом, которое не так-то легко и скоро можно было с себя снять. Вот, для примера, очень обыденный и характерный случай: рабочий-столяр, с женой и детьми, бедствует в Париже, где у него нет достаточного заработка; он просит паспорт для возвращения в свой родной город Диепп, где надеется устроиться. Но разрешения на выезд из Парижа ему не дают, так как он числится в списке лиц, разоруженных после 4 прериаля. Приходится сидеть в столице, проживать последнее, жаловаться высшей власти и т. д. Все это происходит через полтора месяца после прериальских событий [46].

Искали и преследовали не только людей, прикосновенных к этим событиям, и даже не только тех, которые были подозрительны по своему поведению в жерминальские дни. Решено было преследовать людей и за гораздо более далекие «прегрешения», привлекать к ответу в связи с былыми событиями буржуазной революции. Толчок в этом направлении также последовал свыше, от центрального правительства.

В этом смысле очень характерно заявление, прочитанное в Конвенте Мари-Жозефом Шенье от имени трех правительственных комитетов. Дело было 6 прериаля после похода на Антуанское предместье. Комитеты с ударением напоминают Конвенту,

что именно ему, а не этому предместью, народ вручил законодательную власть, и угрожающе прибавляют, что «на этот раз» людей, покушавшихся на республику и на народное представительство, постигнут месть и кары [47]. При этом только что побежденное движение ставится в одну линию с сентябрьскими событиями 1792 г. и с событиями 31 мая — 2 июня 1793 г.,— и безнаказанности этих событий приписываются все последующие «бесчисленные преступления и бедствия». Мы видим, как далеко зашла к этому времени эволюция термидорианцев: в первые месяцы после 9 термидора ни один правительственный орган не осмелился бы так говорить в Конвенте.

Комитет безопасности уже 13 прериаля разослал всем двенадцати округам столицы циркулярное требование немедленно разыскать и прислать (из архивов секций) все бумаги, имеющие какое-либо отношение к 10 марта, 31 мая и следующим за этой последней датой дням 1793 г. [48] Тут несомненно сказалось влияние жирондистской части Конвента и комитетов: о 10 марта и 31 мая 1793 г. мстительно вспоминали, конечно, только жирондисты. Так или иначе, совершенно ясно, что решено было выкорчевать в столице именно тот элемент, который был наиболее активен в революционном смысле с первых времен существования Конвента.

Зачем вдруг понадобились Комитету в самые горячие дни прериальских обысков, арестов, доносов, проскрипций, расследований, казней эти документы о далеких уже временах борьбы монтаньяров с жирондистами? Конечно, не для удовлетворения исторической любознательности. Травля и уничтожение монтаньяров — вот что было на очереди дня, и так как в 1793 г. победившие монтаньяры и поддерживающие их элементы населения не имели нужды скрываться, то можно было теперь, в прериале 1795 г., воспользоваться этим обильным материалом в целях ловли и сыска.

Вслед за этой быстрой экскурсией в область истории последовали практические мероприятия: стали хватать и арестовывать даже всех тех, чьи имена фигурировали в некоторых петициях 1792—1793 гг., в свое время вполне благосклонно принятых тогдашними властями [49]. Замечу, что еще до общего циркуляра 13 прериаля некоторые административные чины отдельных секций по своей инициативе уже производили, по-видимому, указанные изыскания. По крайней мере у нас есть свидетельство, что кое-где по секциям нужные властям справки были готовы уже на третий день после похода на Антуанское предместье. 6 прериаля секретарь одной из секций (de l'Unité), оказывается, уже имел в руках «интересные документы, относящиеся к 2 сентября и 31 мая», и даже успел, по-видимому, изготовить какую-то «работу» по этому вопросу [50]. Конечно, кроме

писанных источников, для подобного рода спешных «работ» весьма годились также устные показания граждан, и эти, так сказать, ретроспективные доносы о том, кто как себя вел в 1792—1793 гг., полились рекой, а в прериальские дни доносы сплошь да рядом влекли за собой немедленный арест. Циркуляр 13 прериаля отверз уста многим, до той поры молчавшим.

Аресты членов Конвента по подозрению в соучастии в восстании начались тотчас же по освобождении здания Конвента от народной массы, к вечеру 1 прериаля. В ночь на 2 прериаля постановлено было арестовать 13 депутатов; на другой день решено было предать суду не только их, но и тех 14 членов Конвента, которые были привлечены еще по жерминальскому делу. 5 прериаля к ним прибавилось еще новых 11 человек. Из этих 38 депутатов не все пошли на гильотину, но почти все попали в тюрьму, а те, кому удалось ее избегнуть (как Камбон, Альбитт, Приер), вынуждены были скрываться. «Вершина», вместе с близкими ей элементами, была окончательно разгромлена в первые дни прериаля и от этого удара уже не оправилась. Многие из этих депутатов были схвачены единственно на основании голословных обвинений, брошенных в Конвенте Бурдоном, Фрероном, Тальеном или просто анонимом, тремя звездочками в отчете «Moniteur'a». Бурдон крикнул, что надо арестовать Пейссара и Субрани,— и эта мера была сейчас же принята. Аноним предложил арестовать Пине, другой аноним выкрикнул фамилию Бори, третий — Файо, еще кто-то прокричал о Гужоне. «Я прошу слова»,— сказал Гужон. В ответ понеслись возгласы: «Нет, нет! убийца!». И он был арестован. Так же быстро решена была участь Ромма, Дюкенуа, Форестье, Дюруа, Бурботта и других.

Все депутаты, решившиеся говорить с трибуны 1 прериаля, сразу оказались на краю гибели. Альбитт, например, предложил некоторые меры (технического порядка) с целью остановить невероятный поток декретов, которые издавались с ужасающей быстротой, да и все его настроение было явно против восстания [51]. Тем не менее тотчас же было решено арестовать и его в числе других депутатов, бравших слово в этот день. Лишь поспешное бегство помогло ему скрыться в ближайшие дни и избежать участи других. Скрылось и еще несколько человек; Салисетти, Шарбонье, Тирион, Эспадье, Рикор (Ricord), Леньело (Laignelot), Жавог, Сержан, Малларме, Лакост, Бодо, Аллар, Монестье, Лежен (Lejeun de l'Indre) разыскивались уже с первых дней после начала репрессий; 16 прериаля декреты об их аресте были разосланы по секциям [52]. И еще кое-кому удалось спастись бегством, например, арестованному было, но скрывшемуся уже из-под ареста Приеру. Деятельно искали, между прочим, Камбона; именно в первые дни после прериальского

восстания намечался обыск у его предполагаемой любовницы [53], и т. д. Мы видели уже, что непосредственным заданием, возложенным рано утром 4 прериаля на рискованную и неудачную экспедицию генерала Кильмена, был обыск в доме Сантерра, где, как полагали, скрывался Камбон. Замечу, кстати, что этого депутата так и не удалось арестовать. Фрерон по этому поводу очень горячился и, ссылаясь на то, что после жерминаля коекому удалось бежать, призывал власти к большей бдительности и энергии.

2 и 3 прериаля аресты членов Конвента, конечно, несколько замедлились, но 4 и особенно 5 прериаля возобновились с новой силой. Обвинения, доносы, декреты об арестах продолжались и в следующих заседаниях. Одни только Луве и Ланжюине пытались немного образумить разъяренное собрание, но они делали это очень вяло, больше как бы для очистки совести.

Попутно возник и другой вопрос: что делать с арестованными депутатами? Некоторые из них были арестованы решительно без всяких сколько-нибудь законных оснований. Таких удобнее всего было держать впредь до особого о них распоряжения. Других, а именно выступавших в день 1 прериаля с речами, решено было предать смертной казни, а так как формальную вину признать за ними тоже было нельзя, то с ними покончили тем общим способом, который был найден еще 4 прериаля, когда решалась участь восстания.

4-го же прериаля было создано особое судилище, которое действовало в течение нескольких последующих недель под названием военной комиссии (commission militaire); она формально была уничтожена только в середине термидора (хотя уже с начала мессидора ее деятельность стала заметно ослабевать).

Ей было поручено, в первую голову, судить и *расстреливать*, как почему-то выражается текст закона, всех, кто будет самозванно брать на себя роль патрулей, совращать войска и национальную гвардию, носить на головном уборе или на одежде мятежные эмблемы: все такие лица «будут тотчас же передаваться военной комиссии для немедленного суда и расстрела» (pour être jugés et fusillés sur-le-champ) [54].

Из текста этого декрета явствует, что первоначальной мыслью правительства было учредить своего рода военно-полевой суд для преследования *непосредственных проявлений* восстания, а также для подавления попыток пропаганды среди войск. Первым же делом вновь учрежденной комиссии было вытребовать в свое распоряжение Сансона, палача г. Парижа [55]. В тот же день, 4 прериаля, комиссия получила из Конвента новый декрет; ей передавались уже *все* дела, так или иначе связанные с восстанием 1 прериаля, что в необычайной степени расширяло ее полномочия и компетенцию [56]; этот второй декрет не

отменял, а дополнял первый. Не успела военная комиссия принять его к сведению и внести в свой «регистр», как явились (все в тот же день 4 прериаля) два новых декрета. Одним из них Конвент заменял отмеченное выше выражение seront fusillés словами seront punis de mort («будут наказаны смертью»). Другой декрет имел уже не только стилистическое значение: он предписывал, в случае, если в Антуанском предместье (которое, напомним, как раз в эти часы было осаждено) будут найдены члены Конвента, либо подлежащие аресту, либо объявленные вне закона,— чтобы эти члены Конвента были тотчас же отведены в комиссию и немедленно казнены [57]. Вся безграничная, безапелляционная и быстро действующая власть была сохранена за комиссией и тогда, когда уже и речи не было о восстании, когда все было покорно и безгласно в рабочих предместьях.

В Конвенте отлично понимали, что военная комиссия в том виде, как она была организована в прериале, является вовсе не судом, а формальным придатком к гильотине, на которую правительство посылает всех, кого находит нужным. Когда впоследствии зашла речь об уничтожении этой комиссии, докладчик подчеркнул, что подобного учреждения не существовало даже в разгар террора, при Робеспьере, и что в интересах доброй исторической славы Конвента поскорее ее прикрыть [58]. Но тот же докладчик, вспоминая условия, при которых комиссия была учреждена, поставил на вид, что дело было в разгаре борьбы, что комиссия действовала «на бреши», окрашенной кровью Феро, и что «спасение народа» требовало тогда этой «великой и страшной меры». Он только забыл прибавить, что восстание кончилось 4 прериаля, а комиссия начала казнить 5-го, уже после полной победы правительства.

Комиссия заседала ежедневно, защиты не полагалось, суд выслушивал тех свидетелей, которых сам считал нужным вызвать; приговоры приводились в исполнение в тот же день, как их выносили. Заседания происходили публично, но публика фактически стала на них присутствовать только после 9 прериаля, когда комиссия почла долгом всенародно опровергнуть «злонамеренный» слух, будто она действует при закрытых дверях [59]. При создавшихся условиях эта публичность заседаний военного судилища, конечно, не имела и не могла иметь каких-либо неудобных для правительства последствий. Допускаемая на заседания суда публика знала, как легко было погибнуть при малейшей неосторожности, и вела себя соответственным образом.

Комиссия с чисто военным чувством дисциплины быстро, нисколько не задумываясь, выполняла свое задание. В прериале, когда Конвент и комитеты требовали многочисленных

казней, она казнила много; когда велено было приговорить к смерти Ромма и его товарищей,— она их приговорила; когда в мессидоре стали сильно шевелиться роялисты и поэтому уместнее было меньше казнить «якобинцев» и рабочих,— она стала казнить поменьше. С ней и обращались как с подчиненным исполнительным органом. Даже и материально ее обставили крайне небрежно, совсем не так, как был обставлен, например, революционный трибунал; ей приходилось указывать, что у нее нет даже свечей для освещения, и просить особыми бумагами об отпуске ей этого материала [60].

За отсутствием «вождей» приходилось часто казнить первых попавшихся, выхватывать наудачу жертвы, виновные лишь настолько, насколько вообще была виновна вся выступившая в прериальские дни народная масса. Официальные подсчеты судебных результатов военной комиссии сводятся к следующему: осуждено на смерть тридцать шесть человек, из которых шесть членов Конвента [61]. К ссылке (в Кайенну) приговорено одиннадцать человек. К тяжкому тюремному заключению (в оковах, aux fers) — семь человек. К заключению (détention) — тридцать четыре. Оправдано 60 человек. Кроме этих подсудимых, оказалось еще 15 человек, замешанных по прериальскому делу, но переданных Комитетом безопасности другой юрисдикции: 9 человек уголовному трибуналу и 6 человек суду исправительной полиции [62].

Но не следует слишком доверять этим официальным подсчетам, неизвестно когда *сделанным*. Военная комиссия в своих приговорах ни перед кем не отчитывалась, да никто особенно и не интересовался подробностями ее работы. Во всяком случае у всякого, изучающего документы о прериале, остается впечатление, что погибло на гильотине в то время больше 36 человек. Многие безвестные жертвы прериальского террора так основательно забыты, что, например, Гюстав Эрманн, в своей заметке о Пейссаре и Манье, полагает, будто они были *первыми* осужденными военной комиссией [63]. Если бы он заглянул в картоны W. 546 и W. 547 Национального архива, он увидел бы, до какой степени он заблуждается.

Уже в ночь на 5 прериаля комиссия начала действовать и приступила к допросам. На другой день утром начались казни.

Столяр Гильом Делорм, он же капитан канониров секции Попенкур, схваченный 3 прериаля, был предан суду военной комиссии по обвинению в том, что «грозил пистолетом» донесшему на него гражданину, говорил возмутительные речи и вообще участвовал в восстании первых прериальских дней. Так, например, на вопрос генерала Мену, республиканец ли он, Делорм будто бы ответил: «Ты можешь дать мне хлеба?» (as-tu du pain à me donner?), т. е., собственно, свидетель не говорит, что это

ответил именно Делорм, а только, что ответил «человек в блузе», находившийся впереди. Но показание записано под заголовком: Déposition contre le cit. Delorme. Результат: смертная казнь, приведенная в исполнение в 11 часов утра в самый день суда, 5 прериаля [64]. Жандармский поручик Жан-Жак Легран покинул свой пост и ушел 4 прериаля в Антуанское предместье, где примкнул к восставшим. 5 прериаля — приговорен к смерти и казнен [65].

Плотник Никола-Жозеф Жантиль, арестованный 2 прериаля, тоже предстал перед военной комиссией в первый же день ее существования. Любопытны и типичны поставленные ему вопросы. Ясно, что его схватили наудачу, что он был одним из самых рядовых инсургентов. На вопрос, почему он был арестован, он отвечал, что ничего об этом не знает. Не было ли у него какой-нибудь надписи на шляпе? Была надпись: «Конституцию 1793 г. и хлеба!». Кто его пригласил сделать эту надпись? Граждане, которых он не знает, он следовал их примеру, потому что, как он видел, плохо приходилось, у кого не было этой надписи. Не пробовал ли он подстрекать канониров стрелять в граждан, защищавших Конвент? Нет. Но погубили его вопросы о его прошлом: во времена Робеспьера он был членом комитета своей секции и тогда донес на лиц, которых считал врагами отечества и народа. Результат: смертный приговор и гильотина в тот же день [66].

6 прериаля судили Луку Буше, виноторговца, арестованного 3 прериаля и обвиненного в том, что он отрезал голову у трупа убитого Феро. Буше сознался и был гильотинирован в этот же день. Тоже 6 прериаля перед военной комиссией предстали 23 жандарма, перешедшие на сторону инсургентов, выданные, по требованию властей, вечером 4 прериаля при капитуляции Антуанского предместья и тогда же арестованные Фрероном, находившимся при войсках. Их обвиняли в самовольном оставлении поста у арсенала (утром 4 прериаля) и в переходе на сторону восставших. 18 человек были приговорены к смерти и казнены в тот же день. Остальные пять, как выяснилось, были неповинны в оставлении поста, но так как их тоже нашли в Антуанском предместье, то они были оставлены в заключении на один год [67].

Много возни и неприятностей было со слесарем Тинелем, которого толпа отбила 3 прериаля у жандармов и скрыла в Антуанском предместье. Захватив 4-го вечером массу людей, полиция все-таки не обнаружила в их числе Тинеля. Но так как Конвент рвал и метал, требуя казни уже осужденного «убийцы», то Комитет безопасности делал чрезвычайные усилия к тому, чтобы кто-нибудь из арестованных сошел за Тинеля и был казнен как таковой. «Мы предполагаем, граждане, по некоторым,

дошедшим до нас, сведениям, что слесарь Тинель, осужденный вчера уголовным трибуналом за соучастие в убийстве народного представителя Феро и за ношение его головы на пике, находится в числе тех, кто сегодня арестован и передан комиссии. Если это не Тинель, то может быть *Жег*, его соумышленник. Мы приглашаем вас тщательно проверить этот факт, чтобы эти преступники не избежали кары, которую они навлекли на себя своим возмутительным преступлением»,— так писал вечером 4 прериаля Комитет безопасности в военную комиссию[68]. Опознать в арестованном осужденного убийцу Феро было крайне затруднительно по той простой, но серьезной причине, что это был совсем другой человек. Пришлось предъявлять его членам уголовного суда парижского департамента, судившего его 3 прериаля. При этом он, впрочем, был осторожно назван не убийцей Феро, а только лицом, носившим (на пике) голову убитого депутата[69]. Это было, в сущности, вовсе не то, чего желал Конвент: он хотел во что бы то ни стало ареста и казни того, кто являлся непосредственным виновником смерти Феро, кто лишил жизни депутата, а не отрезал голову у безжизненного трупа. Правда, казнили всех, кого обвиняли и в ношении отрезанной головы на пике,— но убийцу в точном смысле так и не нашли.

5 прериаля в полицию явился владелец фаянсовой мастерской Оливье и донес, что один из его рабочих, Дюпюи, рассказывал ему при свидетелях, будто он тоже участвовал в убийстве депутата. Характерно для того состояния колебания и неуверенности, какое царило в эти дни, что упомянутый рассказ впервые имел место еще 3 прериаля, но тогда хозяин не только не посмел донести на рабочего, но даже и на другой день (днем 4-го) согласился с ним «брататься» (fraterniser), выдал ему, по его требованию, 10 франков и обещал дать рубаху,— а с доносом явился лишь 5 прериаля, на другой день после капитуляции предместья, когда окончательно удостоверился в безопасности такого шага. Показание Оливье полно поэтому большого исторического интереса: 4 прериаля он жмет руку рабочему Дюпюи, надеясь таким образом «сохранить свою собственность, да и рабочий держится еще победителем»[70]. После поражения рабочего предместья, вечером 4 прериаля, картина меняется. 8 прериаля, по приговору военной комиссии, Дюпюи гильотинирован на основании показания Оливье.

8 прериаля комиссия судила рабочего-лепщика Эннекена. Он погубил себя, сказав кому-то (кто сейчас же об этом донес), а потом бесстрашно повторив уже перед комиссией, что убийца Феро, лично ему знакомый слесарь Тинель,— «не злодей». С этого, собственно, и началось его дело. Все остальные обвинения (в том, что он будто был 1 прериаля в числе лиц, носивших

на пике голову Феро, и затем 3-го принимал участие в насильственном освобождении Тинеля) рассыпались в прах за полным отсутствием доказательств. Даже в приговоре он объявлен *уличенным* только в ношении (1 прериаля) на шляпе надписи: «Du pain et constitution de 1793», и сильно подозреваемым (violemment soupçonné) в том, что он носил на пике голову убитого депутата, как и в том, что он «сказал и настаивал, что убийца — не злодей». За это он был приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение в тот же день в 5 часов вечера [71].

11 прериаля приговорен к смерти и гильотинирован слесарь Луи Шовель, также обвиненный в том, что 1 прериаля носил на пике голову Феро. Он это отрицал, но его погубили доносы людей, с которыми он был излишне откровенен [72]. Между прочим, как на него было показано, он будто бы сказал, что, если бы от него зависело, он отнес бы голову Феро в Антуанское предместье.

Каменщик Менфруа, уличенный в том, что говорил оскорбительные слова о Конвенте и даже сказал кому-то, что следовало бы снять голову депутатам Лежандру и Бурдону (de l'Oise), на заседании комиссии 10 прериаля был приговорен за это к ссылке.

Рабочий, а в последнее время сторож коммунального склада, Шербрие, 57 лет (любопытно, что среди рабочих, привлеченных по прериальскому делу, преобладают люди немолодого возраста), 11 прериаля предстал перед грозным трибуналом. Его обвиняли в произнесении революционных речей в первый день восстания, в подстрекательстве к мятежу рабочих Антуанского предместья, в ношении на шляпе надписи «Хлеба и конституцию 1793 г.» и т. д. Ему приписывали также попытку заставить председателя Конвента заявить, что «восстание есть священный долг». Суд признал его виновным, и он был казнен в тот же день, 11 прериаля [73]. Погубили его оговоры лиц, с которыми он повздорил на улице и одного из которых обозвал мюскаденом. Рабочий-башмачник Дюваль, казненный в тот же день, обвинялся в том, что, находясь в толпе, вторгшейся в Конвент, читал там мятежную петицию и будто бы сказал, обращаясь к председательствующему Буасси д'Англа, что следует избрать народного трибуна. Между прочим, он также оговорил (по неосторожности, пытаясь спасти свою жизнь) только что упомянутого Шербрие, указав, что видел, как этот последний взобрался на трибуну Конвента.

Прериальские казни обычно происходили около 5 часов дня, на площади Революции, при очень большом стечении народа. В Париже, с самого начала этих казней, все было тихо. Только родственники ежедневно погибавших на эшафоте людей время

от времени причиняли властям некоторое беспокойство. То слишком много их собиралось на месте казни, то жены арестованных теснились около арестных помещений; изредка происходил переполох, когда приходило известие о бегстве арестованного или сведения о том, что бежавшего видели там-то и там-то [74]. Но ни о каких сколько-нибудь опасных для властей сборищах не было и помина.

Иногда, за отсутствием всяких улик, человека оставляли «в сильном подозрении» и отправляли, без указания срока, в тюрьму. Так было, например, с Мишелем Сореттом и другими. Формула была: впредь до нового распоряжения (pour y rester jusqu'à nouvel ordre) [75]. Иногда человека оправдывали, но отдавали под надзор полиции, причем военные, заседавшие в комиссии, мотивировали такой приговор очень курьезно: освободить, *но тем не менее* отдать под надзор «ввиду того», что подсудимый, по словам свидетелей, человек «очень непоследовательный» [76].

Поденщик Антуан Паради приговорен был к годичному тюремному заключению за то, что был в числе 60 или 80 человек, которые сначала, в одном месте, снимали с работы рабочих, а потом требовали у жены церковного сторожа ключей, чтобы бить в набат. Ясно, что этого человека выхватили наудачу, потому что лицо его больше запомнилось и что он, будучи в числе четырех человек, непосредственно говоривших с этой женщиной, назвал свое имя [77].

К женщинам, привлеченным по прериальскому делу, в общем были несколько милостивее, хотя и тут было несколько крайне жестоких приговоров. Четыре женщины (из них три работницы), преданные суду военной комиссии за деятельное участие в восстании 1 прериаля, отделались: одна — пятилетним заключением, другая — трехлетним, а две остальные — двумя месяцами тюрьмы [78]. Первую — белошвейку Марию-Жанну Мандрийон — обвиняли в том, что она 1 прериаля призывала к восстанию, бросала камни в окна булочных, мешала раздаче хлеба, произносила угрозы, бранные слова и проклятия по адресу Конвента, призывала к убийству одной женщины, приняв ее за жену депутата. Другая, приговоренная к трем годам тюрьмы, будто бы говорила, будучи в толпе и глядя на труп убитого Феро, что за ним должна наступить очередь купцов. Остальные отделались легким наказанием, потому что, по определению самой комиссии, за ними ровно ничего не было замечено, кроме того, что они находились в толпе.

Мария Дефо, жена золотых дел мастера, была приговорена к шестилетнему тюремному заключению, с предварительным выставлением в течение трех дней у позорного столба, за то, что подбивала других женщин к участию в восстании 1 прериаля.

Характерна для уровня юридической культуры военных судей изумительная формулировка второго пункта приговора: подсудимая объявляется уличенной в том, «что она давно уже была признана одной из якобинских фурий»[79]. Очень характерно также показание одной свидетельницы: по ее словам, подсудимая говорила в толпе 1 прериаля: «Сегодня Гора восторжествует, надо раздавить жаб Болота, надо потребовать обратно (redemander) Бильо, Колло, Барера и арестованных монтаньяров и, пока они не прибудут в Париж, держать Конвент в осаде, а очередь до купцов дойдет потом». Она же говорила, что не следует отчаиваться, что войска и предместья — за них. Это одно из очень редких свидетельств, показывающих некоторое умение разбираться в общепринятых конвентских терминах (Гора, Болото),— в прериале 1795 г. такое явление не очень обычно, когда дело идет о женщинах из народа. Но и эта женщина знает тех сосланных монтаньяров, имена которых столько раз повторялись зимой 1794/95 г., но не поминает ни одного из трех монтаньяров, которые в день 1 прериаля один за другим всходили на трибуну Конвента и делали заявления, за что вскоре заплатили своею жизнью.

Пьяная болтовня тоже нередко вела в эти дни к военному суду — счастлив был арестованный, если отделывался двухмесячным заключением в тюрьму, как, например, рабочий Луи Денуа[80]. За излишнюю болтливость вообще пострадали многие. Так, 19 прериаля пошли в ссылку наборщик Этьен Гюйо и его жена — за резкие слова, слышанные от них в очередях перед булочной, и за дерзкие замечания, сделанные женой Гюйо, когда она узнала об убийстве Феро. Никаких других улик против них не было, все остальные наветы сводились к голословным обвинениям в подстрекательстве к восстанию и в попытках помешать 1 прериаля раздаче хлеба и т. д.[81]

18 прериаля был приговорен к смерти парикмахер Рене Монже, арестованный по доносу, обвинявшему его в том, что он был в числе людей, которые носили на пике голову Феро[82]. Он окончательно погубил себя тем, что сам об этом рассказал 2 прериаля нескольким клиентам, пришедшим в его парикмахерскую. Эта последняя деталь очень характерна,— она подтверждает впечатление, которое производят и другие документы: 2 прериаля инсургенты вовсе еще не считали своего дела проигранным. Только этим можно объяснить, что Монже беспечно сообщал первым встречным столь опасные для него вещи. Да и клиенты, с которыми он, на свою беду, так разоткровенничался, донесли на него не сразу, а спустя несколько дней, 10 прериаля. Он был гильотинирован в самый день приговора, 18 прериаля[83].

Слесарь Пьер Блонди приговорен 19 прериаля к годичному тюремному заключению за участие в восстании 1 прериаля,

причем он был уличен в том, что, находясь с толпой в Конвенте, приблизился к председателю [84]. И его, как и других, спрашивали, не знает ли он вождей восстания. И он, как и другие, тоже отвечал, что не знает. «Вождей» тщетно искал Комитет безопасности; не с бо́льшим успехом допытывалась о них и военная комиссия. Пока что, за ненахождением настоящих вождей, приходилось их выдумывать.

18 прериаля обвинен и казнен гравер Лим, признанный одним из главарей восстания. Он командовал 1 и 2 прериаля группой инсургентов, причем 2-го заставил военные власти, в Антуанском предместье, выдать часть снарядов [85]. В сущности, если внимательно вчитаться в бумаги, относящиеся к делу этого рабочего, мы не найдем никаких доказательств особо выдающейся, предводительской его роли в восстании 1 прериаля: он шел во главе одной из бесчисленных групп, устремлявшихся к зданию Конвента; он требовал снаряды у командира канониров,— вот и все его действия, и комиссия ничего больше не решилась утверждать в тексте приговора. Таких «вождей» было, конечно, очень много, так как толпы народа подходили к Конвенту с разных сторон. Но Лима поспешили произвести в одного «из главных виновников заговора против республики», и он сложил свою голову на эшафоте, потому что установить и арестовать настоящих вождей — если они были — полиции не удалось [86].

Пьер Дорисе, выводчик пятен (dégraisseur), приговорен 22 прериаля к ссылке за то, что в день 1 прериаля был замечен в толпе, выламывавшей двери Конвента [87].

Счастье было тем, кого судили не в первые дни прериаля, а хотя бы недели три спустя. Например, если бы рабочего Эбера судили не 23 прериаля, а, скажем, 8-го или 9-го, он безусловно был бы гильотинирован, хотя против него и не существовало никаких улик, кроме пустейших россказней «очевидцев». Но 23 прериаля военные судьи уже не так торопились: они оставили его «в сильном подозрении», дело было направлено к доследованию, а Эбер — обратно в тюрьму [88]. Конечно, и это уже было для подсудимого огромным выигрышем, даже и при полном отсутствии улик. В том же заседании 23 прериаля 13 подсудимых (из них 11 рабочих, 1 разносчик фруктов и 1 водовоз) были оправданы за полной недоказанностью какой бы то ни было вины [89]. Точно так же закончились оправданием всех подсудимых процессы 24 и 25 прериаля против десяти рабочих [90].

Конвентское большинство знало, что гильотина воздвигнута не для нескольких десятков более или менее случайно выхваченных из толпы, никому неведомых рабочих.

Судьба арестованных членов «вершины», выступавших 1 прериаля, была, собственно, решена уже поздно вечером того

же дня. Как мы видели, в адресах и поздравлениях Конвенту то и дело попадаются напоминания, призывы, поощрения поскорее покончить с арестованными депутатами. Пресса, со своей стороны, действовала по мере сил в том же направлении. Наступила последняя неделя прериаля. Все процессы рабочих и других лиц были после 22 числа отложены на мессидор. Решено было без дальнейших проволочек отдать те шесть голов, которых так громко и настойчиво требовали победители.

Фрерон — который поспешил, конечно, популяризировать версию о случайном убийстве Феро, якобы павшего, по недоразумению, вместо заранее намеченного самого же Фрерона,— требовал крови и мщения, вопил об ускорении казни Ромма и других арестованных депутатов. Жалуясь на медлительность, он поучал, что «при заговорах надо разить быстро», и утверждал, что всюду задается вопрос: «почему так долго щадят нечистую кровь» Ромма и его товарищей? [91] Фрерон, с полнейшей бессовестностью и бесспорной ловкостью опытного газетчика, умел при случае прикидываться выразителем возмущенного общественного мнения. И все, что возможно было сделать для ускорения казни монтаньяров, было им пущено в ход.

От газеты Фрерона не отставал и официальный «Moniteur». Не довольствуясь помещением крайне пристрастного, рассчитанного на то, чтобы повредить арестованным, отчета о заседании 1 прериаля, он напечатал, спустя несколько дней, необычайно резкую и злобную статью, прямо направленную против Ромма и его товарищей [92]. Как,— с негодованием и укором восклицал автор,— кровь виновных, «истинных виновных», еще не смыла оскорбления, нанесенного отечеству? Заговорщики, мечтавшие об убийстве, побеждены,— их должна постигнуть смерть!

С той дешевой смелостью, которая заключается в укорах правительству по поводу слишком большой мягкости по отношению к его же врагам, публицист казенной газеты напоминал, что, щадя преступников, откладывая «национальное мщение», власть сама делается соучастницей преступления.

Но в этом смысле автор мог не беспокоиться (он, впрочем, только делал вид, что беспокоится): с первого же момента ареста можно было считать, что депутаты, сколько-нибудь заметно выступавшие в Конвенте в те часы, когда он был занят народом,— люди безнадежно погибшие; вопрос ставился лишь о том, как оформить их казнь — кто именно пошлет их на гильотину? Этот, так сказать, чисто технический вопрос был решен 8 прериаля, когда Конвент особым законом передал одиннадцать арестованных депутатов суду военной комиссии [93]. Вечером того же дня комиссия получила из Конвента соответствующую бумагу [94].

При создавшемся положении вещей такое решение было неизбежно. Там, где была бы хоть тень возможности защищаться и аргументировать, обвинение оказалось бы в затруднительном положении. Как казнить депутатов за то, что они, с разрешения, а иные чуть ли не по приглашению законного председателя, предлагали Конвенту те или иные меры, ставившиеся притом на голосование тем же председателем? Ровно ничего больше им в преступление не вменялось, если не считать отдельных слов, восклицаний, замечаний, даже жестов, подслушанных и подмеченных в том же заседании доносчиками и обвинителями. Связать хоть кого-нибудь из арестованных членов «вершины» с самой организацией прериальского выступления — тоже никак не удавалось (и не удалось до конца). Военно-полевой суд, каким была фактически военная комиссия, крайне просто и легко устранял все препятствия, отделявшие подсудимых от уже воздвигнутой и ежедневно работавшей гильотины.

В брошюре, изданной в прериале за подписью матери Гужона (но написанной, вероятно, Тиссо), автор, обращаясь к Конвенту, спрашивает, почему не преследуются другие депутаты, тоже выступавшие с речами 1 прериаля [95]. При этом *имеется, очевидно,* в виду самый слабый пункт обвинения. В самом деле: в речах арестованных депутатов по существу ничего преступного не было; их предложения так или иначе выслушивались и *принимались* Конвентом. Значит, чтобы ускорить их отправку на гильотину, надо приравнять к преступлению *самый факт* произнесения речи в заседании 1 прериаля. А если так, то почему же арестуют не всех, а только некоторых? Нечего и говорить, что этот протест остался гласом вопиющего в пустыне.

Еще 2 прериаля, как мы видели, арестованные депутаты были под сильным эскортом выведены из Парижа и отправлены в крепость Торо, в Бретани (департамент Финистер).

Эдгар Кинэ, единственный из старых историков революции, мысль которого хотя сколько-нибудь задержалась на жерминале и прериале, дает весьма неудовлетворительное толкование факту этого внезапного увоза арестованных монтаньяров в глухую островную тюрьму. Он приписывает эту меру желанию сделать невозможными попытки освободить арестованных или наладить с ними сношения. Возвращение же их в Париж (для суда) он никак не объясняет (puis par le changement soudain ils sont ramenés précipitamment à Paris) [96]. Между тем для всякого, кто знакомится с детальной историей 2, 3 и 4 прериаля, вполне ясно, что, пока победа правительства не была решена окончательно, Конвент просто не посмел оставлять в Париже людей, которые прежде всего, в случае хотя бы временного торжества инсургентов, могли бы стать во главе движения.

8 *прериаля* прошел декрет о высылке из Парижа, в течение 24 часов, *жен* всех арестованных или объявленных вне закона членов Конвента [97]. В тот же день Конвент постановил арестовать депутата Эскюдье и наложить печати на его бумаги [98]. Правительство беспощадно боролось против всех, кто был сколько-нибудь причастен к прериальскому восстанию, и в то же время с опаской и растерянностью подходило к грозному вопросу о продовольственной нужде. Среди дышащих местью репрессивных приказов, писем, внушений — Комитет безопасности внезапно рекомендует властям милостивое прощение заблудших, когда речь идет о разграблении голодными женщинами военного хлебного склада — деянии, обычно каравшемся особенно беспощадно [99]. Только 9 прериаля Конвент настолько удостоверился в невозможности новых волнений, что решил возвратить арестованных депутатов из далекой крепости Торо в столицу. При выполнении этой меры начальнику бригады Маргарону рекомендовалась особая рачительность [100].

Об обратном переезде арестованных депутатов в Париж имеются лишь очень скудные данные. Путешествие было тяжкое и небезопасное. Кое-где по дороге народ, настроенный (по замечаниям одного современника) не так, как в Париже, хотел вырвать арестованных из рук стражи и расправиться с ними. Так было, например, в Авранше. В бумагах Строгановского архива, хранящихся в Ленинградском отделении Центрархива и куда попали кое-какие бумаги, касающиеся Ромма (приобретенные, по-видимому, во Франции вел. кн. Николаем Михайловичем, когда он готовил биографию П. А. Строганова), я нашел два документа, относящихся ко времени пребывания арестованных в крепости Торо. Это письмо к ним директории округа Морле и их ответ, оба помеченные 13 прериаля III года.

Директория округа посылает арестованным некоторые предметы, о которых они просили; запоздание, как она пишет, произошло оттого, что трудно было достать эти предметы. Она предлагает и впредь извещать ее о всех нуждах арестованных, так как лодка с их острова приходит ежедневно. Директория сообщает также, что у нее нет книг, которых они просят, но что она соберет разрозненные тома, имеющиеся в местной публичной библиотеке, и «завтра» пошлет их [101]. Ясно, что, подобно многим местным властям, именно в Бретани и Вандее, где шла гражданская война с роялистами, директория округа Морле была настроена скорее сочувственно к монтаньярам и делала все зависящее, чтобы облегчить участь привезенных из Парижа арестантов. Это предположение еще больше подтверждается ответом Ромма и его товарищей. Они благодарят директорию за внимание к их нуждам: «друзьям равенства, страдающим за отечество», особенно приятно встретить такое братское

отношение у людей, обязанных стеречь их во имя закона. «Такое соединение чувствительности и долга может встретиться только в республиканских душах». Они благодарят за обещание прислать книги и просят еще снабдить их последними выпусками газет, выбрав «самую пространную» и «самую правдивую», чтобы дать им возможность следить за работой Конвента [102]. Ясно, что так можно было писать только к политическим единомышленникам, к людям, сочувственно настроенным, понимающим, как важно прериальским обвиняемым узнать, что творится в Париже.

Если директория округа Морле, как можно думать, сочувственно относилась к арестованным монтаньярам, то она в этом была не одинока. Среди побежденных, гонимых, готовящихся к гибели якобинцев не редкостью, конечно, были те настроения, следы которых мы встречаем в заметках одного из них, старика Бодо, когда он говорит о жертвах прериальского террора.

Слишком разительная, в самом деле, была противоположность между нравственной физиономией прериальских обвиняемых и их обвинителей и судей, и не один Бодо, считавший Ромма и его товарищей героями и «полубогами», глубоко возмущался уродливым зрелищем, каковое являли миру отъявленные воры, казнокрады, взяточники и ренегаты, вроде Барраса, Фрерона, Тальена, Ровера, посылающие на гильотину Ромма, Субрани, Бурботта, Гужона, Дюкенуа и т. д.: «это Картуш, приговаривающий своих судей к эшафоту и предписывающий выполнение своего приговора» [103].

Гильотина ждала своих жертв, но не всех дождалась. К некоторым со временем пришла свобода, иных избавил от рук палача собственный кинжал.

Из числа конвентских монтаньяров, арестованных весной 1795 г., одна группа, как мы знаем, была привлечена не по прериальскому, а еще по жерминальскому делу. Положение этих обвиняемых с самого начала было лучше, чем положение «прериальцев». Никто из них не погиб на гильотине. Рюан (Ruamps), скрывавшийся с 11 жерминаля и добровольно отдавшийся в руки полиции 29 того же месяца, был отправлен в крепость в Безансон, откуда его освободила амнистия, объявленная в брюмере IV (1795) года, в последний день существования Конвента. В той же крепости сидели еще два депутата, тоже арестованные по жерминальскому делу, тоже освобожденные по амнистии, Левассер (de la Sarthe) и Марибон-Монто. Некоторые жерминальцы (Камбон, Бодо) продолжали скрываться на нелегальном положении.

Депутаты Лоран Лекуантр (не смешивать с Лекуантром-Пюираво), Тюрьо, Дюэм, Амар, Шудье, Шаль, Фуссдуар, Юге, Леонар, Бурдон, Франсуа Гране так и не были отданы под

суд, вопреки декрету 2 прериаля: ни малейшей юридической возможности к тому не представлялось даже для термидорианского правительства. Тем не менее они просидели в заключении до общей брюмерской амнистии.

Из второй группы депутатов, привлеченной в связи с прериальским восстанием, Лекарпантье, просидев несколько месяцев в тюрьме, был освобожден по той же амнистии. Она же вернула к легальному существованию Пине, которому еще 1 прериаля удалось бежать и укрыться в Эльзасе. Точно так же бежал и скрывался до брюмерской амнистии Альбитт. Приер (de la Marne) был подвергнут 2 прериаля домашнему аресту; 10 прериаля ему удалось спуститься на улицу по привязанному к окну шарфу и бежать из-под стражи. Брюмерская амнистия спасла его окончательно, она же вернула на свободу арестованных 2 прериаля Бори и Файо.

10 прериаля депутат Рюль, привлеченный к суду декретом 8 прериаля и находившийся под домашним арестом, закололся кинжалом, о чем и было немедленно доложено Конвенту. В связи с этим велено было всех арестованных депутатов, содержавшихся под стражей в Комитете безопасности или у себя на дому, перевести в тюрьму. В том же заседании Лесаж попытался было спасти арестованных членов Конвента от военной комиссии с тем, чтобы они были преданы обыкновенному суду. Его осторожно и вяло поддерживали Ланжюине, Луве и даже Фрерон. Все говорившие, особенно Фрерон, конечно, пересыпали свои речи враждебными выходками против обвиняемых, выражая уверенность в их полной виновности, но все-таки указывали на необходимость обыкновенного трибунала, дающего подсудимым хотя некоторые гарантии, а не военного, где нет ни защиты, ни вообще ничего, кроме произвола военных судей. Но Клозель, Ларивьер и особенно Бурдон сорвали предложение Лесажа после довольно раздраженных, однако не очень долгих прений, во время которых Бурдон пожалел о том, что обвиняемые не были публично расстреляны. На другой же день после 1 прериаля Конвент отверг декрет, предложенный Лесажем, вернее, даже отказался его обсуждать по существу.

Группа арестованных депутатов, отправленная 2 прериаля в крепость Торо, была доставлена обратно в Париж 20-го [104], заключена в тюрьму [105] и предана, на основании декрета от 8 прериаля, в распоряжение военной комиссии. Трагедия быстро приближалась к развязке.

Доказательство, до какой степени все судопроизводство по делу членов Конвента было простой формальностью, я нашел в книге исходящих бумаг военной комиссии. Оказывается, Комитет общественной безопасности препроводил в комиссию

текст закона 8 прериаля (об отдаче Ромма и его товарищей под суд) только 21 прериаля.

На другой же день комиссия сообщает Комитету, что для немедленного начала процесса она ждет «только» улик, которые и просит ей препроводить, равно как «инструкции и особые замечания» Комитета, а также несколько экземпляров «Moniteur'а» с отчетом о заседаниях Конвента 1, 2, 3 и 4 прериаля[106]. 24-го утром уже начался процесс восьми обвиняемых. В таких условиях, разумеется, не могло быть и речи о сколько-нибудь внимательном предварительном ознакомлении с материалами по данному делу.

Как только военная комиссия приступила к суду над членами Конвента. Комитет общественной безопасности решил принять все меры предосторожности на случай волнений. Большая масса народа в самом деле окружала все эти дни здание, где происходил суд[107]. Но при царившей подавленности не было и речи о новой попытке восстания или хотя бы массового протеста. Да и почему бы рабочие могли особенно волноваться осуждением и казнью нескольких неведомых им депутатов, когда они, начиная с 5 прериаля, молча переносили ежедневные казни своих братьев и близких друзей?

И все-таки в течение целых четырех дней, не столько в начале процесса, сколько к концу его, Комитет безопасности боялся, что рабочее население столицы ответит на предстоящую казнь членов Конвента какой-нибудь демонстрацией. Он получил даже сведения, будто в Антуанском предместье можно ожидать волнений, и предлагал военным властям послать туда патрули национальной гвардии, причем, памятуя недавнюю историю с жандармами, рекомендовал составить эти патрули из «хорошо подобранных людей»[108].

Опасения оказались напрасными, и суд и казнь прошли беспрепятственно.

Процесс начался 24 прериаля и закончился 29-го. Я уже упоминал, что все это судоговорение было бесплодной и ненужной формальностью. Один за другим подсудимые признавали факт своего выступления в заседании Конвента 1 прериаля; тот же факт в разукрашенном виде подтверждался свидетелями, чем дело и кончалось впредь до приговора. Отметим все же некоторые моменты.

Дюкенуа, как и другие подсудимые, категорически отрицал на суде какую бы то ни было предварительную осведомленность о готовившихся событиях и какое бы то ни было личное знакомство с кем-либо из участников восстания[109]. Но, конечно, это ни его, ни других не спасло: факт выступления в Конвенте был налицо.

Обвинение использовало доносы и показания не только членов Конвента, но и посторонних лиц, очутившихся 1 прериаля в зале заседаний. Таких свидетелей не беспокоили при этом щекотливыми вопросами, вроде того, например, как и почему они сами оказались в этот день в Конвенте, а довольствовались получением от них нужных сведений и отпускали с миром.

В эти страшные дни всякому бывшему 1 прериаля в зале Конвента легко было попасть на гильотину; поэтому позволительно предположить, что кое-кто из посторонних «свидетелей» покупал собственную неприкосновенность именно ценой оговоров и наветов. Некоторые даже не умели назвать по фамилии никого из привлеченных к делу депутатов, а довольствовались передачей своих зрительных впечатлений: один был лысый и, кажется, полный; другой как будто бы небольшого роста, худощавый и черноволосый, а третий, кажется, был ростом повыше; первые два были больше возбуждены, а третий меньше и т. д.[110]. И все такие наблюдения, как и все подслушанное, выкладывалось перед военным судом и старательно записывалось.

Было несколько добровольцев-обвинителей, явившихся свидетельствовать не против отдельных лиц, а против всех подсудимых вообще (contre tous), как отмечают протоколы допросов.

Один из главных свидетелей обвинения, Журдан, сотрудник «Moniteur'a», усердно топил всех подсудимых своими разъяснениями и донесениями. Когда его уличали иногда в противоречии истине, он ссылался на то, что как раз в данный момент выходил из ложи, где сидел 1 прериаля, и что в его отсутствие заметки делало другое лицо. Когда ему пришлось сознаться, что он, по слабости зрения, не может определенно опознать в Дюкенуа то лицо, которое говорило с трибуны, он заявил, что узнает голос подсудимого. Тонкий слух восполнял недостаточную остроту зрения[111].

Характерно было также поведение Жюллиана, тоже давшего показания «против всех», кроме случайно пристегнутых к делу Пейссара и Форестье. Жюллиан рассказал военной комиссии, кто что говорил, кто что одобрял, кто что поддерживал, кто что крикнул. Если он сам чего не дослышал, он на всякий случай ссылался на то, что ему говорили другие... Его показание было конденсированным, ясно и кратко изложенным обвинительным актом[112]. В таком же роде было и показание еще одного журналиста, Мартенвилля: он тоже все знал, все видел, все слышал, всех уличал, приводил точные слова подсудимых[113].

Дело главных шести обвиняемых было настолько предрешено, что самое судопроизводство особого интереса не пред-

ставляет. Подсудимые кое-что отрицали из возводимых на них обвинений, отрицали те или иные приписываемые им слова, жесты, восклицания, но не отрицали, конечно, самого факта своего выступления 1 прериаля. А суду больше ничего и не требовалось, чтобы послать их на гильотину. Бывало, например, так: выступает свидетель, депутат Конвента Шарлие, и произносит горячую речь в пользу Дюкенуа; за ним другой депутат, Бониваль, также хвалит Дюкенуа за всю его деятельность, за всего его заслуги перед республикой. Но оба признают, что видели подсудимого на трибуне 1 прериаля и слышали, как он предлагал образовать комиссию. Суд только это и выделяет из обоих показаний, оставляя все прочее без внимания [114].

Отмечу из документов, сохранившихся от этого процесса, еще кое-какие немногочисленные детали, кое-какие исторически интересные свидетельства подсудимых об их роли 1 прериаля. В своих показаниях пред военной комиссией, приговорившей его к смерти, Ромм навряд ли хитрил и утаивал что-либо существенное, не только потому, что всегда отличался полнейшим бесстрашием, но и потому, что участь его все равно была предрешена,— это понимали все и в суде и за дверями суда. Вот как он рисует картину вечерних часов 1 прериаля: густая толпа запрудила Конвент до последней крайности; среди всеобщего шума раздаются подстрекательства «злонамеренных» (из дальнейших слов явствует, что, по мнению Ромма, была опасность новых убийств членов Конвента). От правительственных комитетов — никаких сведений, неизвестно, существуют ли они еще. Конвент отрезан от внешнего мира, никакой надежды на помощь нет, «вся тяжесть этого дня» лежит на самом Конвенте [115]. Ромм подтвердил все сказанное им в тот день с трибуны, но подчеркнул, что не только слово было ему дано председателем Вернье, но что даже, когда какой-то вооруженный человек, взобравшись на трибуну, хотел его перебить, то он, Ромм, обратился к председателю, прося оградить его право слова. Кроме того, Ромм подчеркнул, что он сам предлагал народу разойтись по секциям, но ему ответили, что все секции находятся в зале Конвента. Уже этот эпизод показывает, до какой степени было мало общего в настроениях между Роммом и народом, ворвавшимся в Конвент. На третий день суда Ромм представил письменную защиту, в которой весьма явно и решительно указывает на провокационный элемент во всем прериальском деле, говорит о «жестоком расчете», об интригах, погубивших его и его товарищей. Конечно, тут прежде всего имеется намек на уже отмеченное нами по другим источникам предательское поведение председателя Вернье [116].

Одновременно с Роммом, 24 прериаля, был допрошен и Дюруа, обвинявшийся в том, что он поддержал предложения Ромма, и особенно в том, что требовал освобождения арестованных после 9 термидора и 12 жерминаля; кроме того, он вошел в комиссию четырех, избранную как раз перед входом в Конвент правительственных войск. Система его защиты также заключалась в указании на роль председателя Конвента: Дюруа принял избрание в комиссию четырех после того, как Вернье поставил на баллотировку предложенных кандидатов [117]. И его, как и всех других, усиленно топил журналист и доносчик Журдан, всячески старавшийся представить в более ярком свете революционный характер выступления Дюруа.

Нужно заметить, что термидорианцы давно уже знали, как к ним относится этот член конвентской «вершины»: он сам не делал из этого тайны, не раз выступая в Конвенте в последние месяцы и давая понять, что ему противны все те, кто при Робеспьере с полной готовностью отправляли на эшафот жертвы за жертвами, а теперь вдруг распространяются о своей гуманности; он говорил об опасной реакции (réaction dangereuse), о неприличной республиканцам роскоши, в которой утопают некоторые лица, об их сношениях с аристократами, охоте в заповедных лесах и т. д. Все это были намеки, всем вполне понятные; речи Дюруа в Конвенте обычно прерывались раздраженными возгласами. Он заявил, между прочим, что говорит с целью помешать аристократии восстановить в ближайшем будущем монархию (pour empêcher l'aristocratie de nous présenter un roi d'ici quinze jours) [118].

Столь же определенно держал себя всегда и Гужон, молодой, пылкий, благородный энтузиаст. С первого же момента ареста он ничуть не сомневался в полной безнадежности своего положения. В первой же, наскоро составленной записочке, написанной к жене несколько часов спустя после ареста, он просит ее воспитать их ребенка «в памяти отца». По-видимому, он думал, что будет немедленно расстрелян, потому что прощается с семьей как бы в последний раз [119]. Во всех письмах, сохраненных и напечатанных три года спустя стараниями Тиссо, видна боязнь, как бы не погиб еще кто-нибудь из его семьи, окруженной в тот момент шпионами правительства, от которых он не перестает предостерегать жену и родных [120]. Гужон был моложе своих товарищей, ему было 29 лет (а Ромму, например, 45, Дюкенуа 47, Субрани 42, Дюруа 41), и выделялся своей энергией и активностью. Как мы видели, именно у него (и Бурботта) были, по мнению Левассера, какие-то сношения с Антуанским предместьем. Инкриминируемые ему предложения, сделанные им в заседании 1 прериаля, он признал полностью только с некоторыми незначительными поправками.

Между прочим, он указал суду на нелепость и недобросовестность как газетных отчетов о заседании 1 прериаля, так и свидетельских показаний, претендующих на точность: при том невообразимом шуме, среди которого развертывались события в этот день, невозможно было ручаться за точность услышанного; даже и в официальный протокол заседания за этот день вкрались, по утверждению Гужона, явные неправильности [121]. Так, например, мысль образовать комиссию из четырех членов приписана в отчете Дюкенуа, тогда как она исходила от Субрани (который это с самого начала признал). Возражая на показания Журдана (выступившего против него в очной ставке), Гужон тоже указывал на невозможность придавать веру словам, сказанным в таком шуме. Но смутить Журдана было невозможно: он ответил, между прочим, что именно благодаря шуму и крикам он, свидетель, имел достаточно времени, чтобы записать слова оратора с *буквальной* точностью [122]. Подобные «свидетели» могли быть уверены не только в благосклонном внимании со стороны судей, но и в сочувствии собиравшейся в зале суда публики: о безобразном поведении этой публики мы знаем из одного случайного документа — очень почтительного письма некоего Жильбера, заступающегося за Гужона перед председателем военной комиссии, причем автор письма, хлопоча за одного Гужона, не стесняется назвать остальных подсудимых «людьми крови» и даже признает, что публика, по существу, права в своих чувствах, но только слишком уже варварски их проявляет [123].

При такой обстановке доносчики, толкавшие подсудимых на эшафот, могли себя чувствовать бодро и уверенно. Справедливость требует заметить, что Ланжюинэ, например, свидетельствовал, напротив, скорее в пользу некоторых подсудимых (Дюруа и Гужона), хотя и делал это очень сдержанно и с оговорками [124]. Были и еще некоторые показания в пользу подсудимых, но все равно спасти их ничто не могло. Уже 26 прериаля Гужон написал свое последнее письмо к родным. Он писал, что рад умереть за «конституцию равенства», принятую французским народом. «Я поклялся ее защищать и за нее погибнуть; я умираю, радуясь, что не изменил своей клятве. Я умер бы еще более довольным, если бы был уверен, что она не будет уничтожена и заменена другой конституцией, при которой равенство не будет признано, права человека нарушены, а народная масса окажется вполне порабощенной более богатой кастой, единственной владычицей правительства и государства. Я счастливее тех, кто остается, счастливее тех, кто склонит под этим постыдным ярмом свое униженное чело. Я умру, не изменив своему долгу, убитый беззаконно, арестованный, обвиненный и уже почти осужденный, не будучи вовсе

выслушан, без присяжных, без соблюдения формальностей, без закона»[125].

Письмо написано 26 прериаля, до приговора и смерти оставалось меньше трех суток.

Показание Дюкенуа не дало ничего нового или неожиданного. Я уже отмечал в другом месте, насколько его свидетельство уличает председателя Конвента, Вернье, в сознательном провоцировании «вершины». Дюкенуа не только, как сказано, не имел понятия о готовящемся выступлении, но даже не знал лично своих товарищей на скамье подсудимых, кроме Дюруа, с которым вместе столовался, и Пейссара, с которым был знаком давно. Он вообще редко бывал в Париже, так как всегда почти находился при армии, в качестве представителя Конвента[126].

В своем предсмертном письме к другу Дюкенуа подчеркивает, что было уже 11 часов вечера, когда он выступил со своим предложением; он думал, что Комитет безопасности уже не существует, так как члены его за весь день ни разу не появлялись в зале заседания[127]. Дюкенуа пишет об этом непосредственно перед последними строками письма, где, прощаясь с женой, он выражает желание, чтобы кровь его «навсегда скрепила свободу и равенство», а друзьям поручает заботу о своей жене и детях. Не такой это был человек, чтобы лгать в эти последние часы своей жизни. Он только ошибается относительно времени своего выступления: большинство других показаний сходится на том, что монтаньяры выступили не в 11 часов, а раньше, около девяти.

В другом своем письме, написанном тоже в день смерти, Дюкенуа советует жене воспитать детей в республиканских чувствах, называет себя жертвой своего патриотизма и чужой клеветы и заканчивает восклицанием: «Да здравствует демократическая республика!»[128].

Бурботту, кроме того, что он поддержал предложения Ромма, Дюруа, Гужона и Альбитта, ставилось в вину еще и то, что он попал в предложенную Субрани комиссию четырех, предлагал арестовать журналистов, кричал: «Победа!» и просил не забывать жерминальских дней. В своей защитительной записке, поданной суду, Бурботт настаивает на том, что он всегда был противником как роялистов, так и террористов; что в эпоху террора он многих спас от смерти в г. Нанте, в годину, когда там действовал Каррье; что он всегда был противником смут и беспорядков. Но все эти оправдания никакого значения не имели. Факт его выступления 1 прериаля был налицо, а сам он не только не отрицал главных пунктов приписываемых ему заявлений, но даже, как мы упоминали, повторил на суде свое мнение о журналистах, отравляющих общественное мнение[129].

С первого дня суда, с первого допроса Бурботт знал, что он безнадежно погиб. Выражением этой уверенности и начинается письмо, набросанное 24 прериаля, «за несколько часов до смерти». Протестуя против возведенных на него обвинений, он заявляет, что прощает своим убийцам, что умирает, не жалея о жизни, «убежденный, что и смерть его будет полезна отечеству» [130]. Ему суждено было прожить не «несколько часов», как он писал, полагая, что приговор будет вынесен в тот же день, а еще пять дней.

После Бурботта перешли к допросу Субрани.

Согласно показанию одного свидетеля перед военной комиссией, в день 1 прериаля Субрани вышел из дому, ничего не зная о начавшемся движении.

Когда же народ начал стекаться к Конвенту, он выразил сожаление по поводу того, что «народ сбит с толку роялистами» [131]. Это вообще очень характерное показание, дышащее правдой. Свидетель (Изар) провел часть утра 1 прериаля с Субрани, который все разыскивал кофейню, где ему бы дали кусочек хлеба [132]. Но так же, как и относительно других подсудимых, суд не очень интересовался тем, что знал ли Субрани о готовящемся восстании. Все дело и тут было в его выступлении в Конвенте 1 прериаля, и в этом смысле у него не могло быть никаких надежд: ведь именно он предложил там избрать комиссию из четырех человек, которая взяла бы на себя функции правительственных комитетов.

Правда, подсудимый, подобно Ромму и Гужону, указывал суду, что он сделал свое предложение, полагая, что комитеты, не подававшие никаких признаков жизни, уже парализованы и бессильны помочь Конвенту, и поэтому нужна новая власть [133].

Но, конечно, эта система защиты ни к чему привести не могла, да Субрани и не рассчитывал на оправдание. Ведь он мог бы еще спастись в ночь на 2 прериаля и сам отдался в руки правительства, когда узнал, что его ближайший многолетний друг, Ромм, арестован. Субрани по натуре отличался таким же врожденным равнодушием к смерти, таким же стоическим бесстрашием, как и Ромм.

Колебания у судей (или у правительства, волю которого судьи исполняли) явились лишь относительно двух подсудимых: Пейссара и Форестье. Во всяком случае оба спаслись от смертной казни.

Над Пейссаром тяготело единственное обвинение: когда правительственные войска уже вошли в зал заседаний Конвента, вечером 1 прериаля, создалось было на один момент впечатление, будто инсургенты все-таки отбросят эту атаку, и вот в этот-то момент Пейссар якобы крикнул со своего места: «Победа!» (victoire!). Сам он решительно это отрицал. Главным

его обвинителем явился все тот же газетчик Журдан. Пейссар был приговорен к ссылке.

Форестье, в сущности, выступил 1 прериаля лишь с предложением *не уничтожать* правительственных комитетов. В вину ему ставили мотивировку: он убеждал, что комитеты не в состоянии будут пойти против принятых в тот день декретов [134]. Он попал на скамью подсудимых исключительно за эти слова, приписанные ему в ответе «Moniteur'a». Он был оправдан, но оставлен под стражей в распоряжении Комитета безопасности.

Между прочим, в показании Форестье встречается факт, свидетельствующий о страшном озлоблении народной толпы, ворвавшейся в зал заседаний, против всего Конвента в целом: женщины, указывая Форестье на голову Феро, кричали ему, что это не единственная депутатская голова, которая будет отрезана в этот день [135].

Процесс подходил к концу. Все судопроизводство сводилось к допросам подсудимых и свидетелей да к очным ставкам. Речей сторон не полагалось.

27 прериаля подсудимым было объявлено, что они могут в последний раз повидаться с родными. Процесс, правда, еще продолжался, но насчет приговора иллюзий ни у кого не было; точно так же было заранее известно, что казнь последует через несколько часов после приговора, а быть может, и немедленно после приговора. К Гужону на это последнее свидание пришла мать с двумя другими своими сыновьями. У младшего, одиннадцатилетнего Антуана, спрятан был в одежде длинный отточенный нож с черной рукояткой.

Тиссо правильно рассчитал, что жандармы старательно обыщут мать и старшего мальчика, но небрежнее отнесутся к обыску маленького Антуана: именно ребенку доверил он поэтому роковую последнюю передачу [136].

В архивных документах я нашел, однако, сведения, что сестра Гужона на другой же день после его самоубийства явилась к одному из членов военной комиссии и призналась, что именно она доставила брату возможность избегнуть рук палача, т. е., иными словами, успела передать ему нож [137].

Не один Гужон заботился о получении оружия для самоубийства. Бурботт, в первые же дни после ареста, точно так же твердо знал, что не выйдет живым из рук военной комиссии; в первом же письме, которое ему удалось тайком переслать одному другу на волю, он просил прежде всего доставить ему кинжал. Очевидно, он уже тогда решил ни в коем случае не попасть в руки палача [138].

Судьи, как вполне очевидно явствует из приводимого в примечании документа, знали, что подсудимые собираются

34*

покончить с собой. 28 прериаля, т. е. накануне ожидавшегося на другой день конца процесса и казни, военная комиссия велела произвести у арестованных тщательный обыск, отнять у них всякого рода оружие и воспретить с этой поры какие бы то ни было сношения с ними посторонних лиц. С ударением указывалось, что ответственность за *происшествия,* которые может повлечь за собой неточное выполнение этого предписания, падет на офицера, которому приказано руководить обыском [139].

Судом военной комиссии 29 прериаля III года было осуждено семь человек и один оправдан. Жильбер Ромм был признан виновным в том, что, во-первых, при вторжении народной толпы в Конвент, он потребовал предоставления всем, кому угодно, права говорить с трибуны; во-вторых, в том, что он тогда же предложил немедленно освободить всех арестованных, начиная с 9 термидора, патриотов; в-третьих, в том, что он предложил прекратить все начатые против этих патриотов судебные преследования; в-четвертых, в том, что он предложил немедленно приступить к обыскам; кроме того, в том, что он тогда же предложил поименное голосование, чем давал возможность составить поскрипционные списки (на случай победы восстания), а также замену правительственных комитетов особой комиссией и т. д. Остальные подсудимые признавались виновными в тех же приблизительно действиях, а некоторые еще и в том, что «аплодировали» предложениям Ромма. Один подсудимый (Форестье), «так как ничто не доказывает, что он принял активное участие в событиях 1 прериаля...», был, как сказано, отправлен обратно в тюрьму в распоряжение Комитета безопасности; другой (Пейссар) — приговорен к ссылке, остальные шесть — Ромм, Дюкенуа, Бурботт, Субрани и Гужон — приговорены к смертной казни [140].

В ночь на 29 прериаля состоялся приговор. В ту же ночь, в 2 часа, военная комиссия известила об этом начальника парижского гарнизона, предлагая ему отрядить достаточное количество войск как для охраны места казни, так и для доставки осужденных из места их заключения (т. е. из дома, где заседала комиссия, на rue Neuve des Capucines) до площади, где ставили гильотину. Тогда же, в два часа ночи, военная комиссия написала и палачу Сансону, приказывая немедленно воздвигнуть гильотину и ровно в $11^1/_2$ часов утра быть у здания комиссии с повозкой, где могло бы поместиться шесть человек. Соответственный приказ был отдан и плотнику. Новым письмом Сансон извещался, что казнь должна состояться в 2 часа дня [141].

Приговор был прочитан подсудимым 29 прериаля в 12 часов дня. Он должен был, как мы видели, быть приведен в

исполнение в тот же день, спустя два часа. Осужденных вывели из зала заседаний и отвели в арестное помещение, где они содержались в течение всего процесса. По описанию секретаря военной комиссии, в половине первого, когда заседание уже закрывалось, жандармский офицер, командующий караулом, явился с экстренным донесением: осужденный Бурботт только что вонзил в себя кинжал. Через мгновенье пришла новая весть: все остальные осужденные последовали примеру Бурботта. После предписанного накануне личного обыска обвиняемых такая развязка была, как констатирует комиссия, полной для нее неожиданностью [142].

Вот как произошло, по-видимому, дело, насколько можно выяснить его при скудости источников. Когда осужденных уже подводили к арестному помещению, откуда их должны были отвезти на гильотину, на площадь Революции, Гужон внезапно выхватил спрятанный в одежде кинжал и закололся. За ним тем же кинжалом, выдернутым из тела товарища, закололся Ромм, за Роммом — Дюкенуа, который, нанося себе смертельную рану, еще имел силу, перед смертью, сам выдернуть кинжал из раны и передать его Дюруа, но удар, нанесенный себе Дюруа, не повлек за собой немедленной смерти. Точно так же не удалось умереть на месте и Бурботту и Субрани, поразившим себя не кинжалом, как было донесено, а длинными ножницами. Троим раненым была сейчас же оказана медицинская помощь, после чего, наскоро перевязанные, они были взвалены на телегу, отвезены на место казни, втащены на эшафот и гильотинированы.

Когда Субрани клали на телегу, он был уже при последнем издыхании, и потом положительно утверждали, что он умер по дороге и гильотина обезглавила уже мертвое его тело. Бурботт и Дюруа, тоже тяжело себя ранившие, спокойно и молча глядели на народ. Первым втащили на гильотину Субрани (или его труп), вторым казнили Дюруа, успевшего перед смертью крикнуть: «Убийцы, наслаждайтесь вашим торжеством!». Последним был обезглавлен Бурботт. Когда его уже положили на плаху, оказалось, что голова не входит в отверстие гильотины, так как палач забыл, после предшествующей казни, поднять лезвие. В немногие секунды, которые Бурботту пришлось еще прожить благодаря этой заминке, он сказал: «Я умираю невинным и хочу, чтобы республика благоденствовала» [143].

Жюллиан — выступавший, как мы видели, на суде свидетелем со стороны обвинения и, что бы он впоследствии ни говорил, способствовавший своими показаниями их гибели — стоял в народе, когда тяжело раненных Бурботта, Субрани и Дюруа везли на казнь, причем торопились из опасения, что осужден-

ные умрут, не доехав до гильотины. И даже этот ярый враг прериальцев спустя двадцать лет не может без восхищения говорить о героизме, с каким эти люди — «герои революционного фанатизма» — встретили смерть [144].

Народ, собравшийся на площади, молча смотрел на казнь. Полицейские донесения вполне категорически говорят о полном спокойствии, царившем в столице в день казни депутатов и в ближайшие за нею дни. Этому факту нисколько не противоречит сведение, доставленное 29 прериаля одним агентом, о том, что скрывающиеся в Антуанском предместье «террористы» «стараются вызвать сборище...» [145]. Более чем вероятно, что среди политических единомышленников и личных друзей приговоренных могло возникнуть желание попытаться ответить демонстрацией на готовившееся и совершившееся 29 прериаля судебное убийство. Но ни к каким последствиям это не привело. Казнь депутатов была встречена предместьями так же молчаливо, как встречались в течение всего месяца ежедневные казни рабочих. И тотчас после этой казни военная комиссия сочла возможным отказаться от усиленной военной охраны, окружавшей ее с 23 прериаля [146].

В газетах появилось несколько самых беглых и сухих строк, где в двух словах говорилось о том, что трое осужденных закололись кинжалами, а трое только ранили себя и были гильотинированы [147], иногда к этому короткому сообщению прибавлялась брань по адресу погибших монтаньяров. «Le Républicain Français», например, приглашал своих читателей подумать о том, что наделали бы эти «изменники» при такой своей энергии, если бы победа оказалась на их стороне [148].

Любопытен по-своему отчет о процессе, помещенный Журданом в «Moniteur'е» — пять дней спустя после гибели осужденных. Лжесвидетель, доносчик и клеврет правительственных комитетов, Журдан, продолжает злобно ругать уже погибшего Ромма, который на суде публично, в глаза обвинил его во лжи. Но, несмотря на все усилия как-нибудь очернить, опорочить, опозорить казненных или покончивших с собой монтаньяров, публицист, против своей воли, необычайно усиливает блеск трагического ореола этих людей. Даже по этому отчету, писанному рукой озлобленного и лично обиженного врага, все обвиняемые вели себя, как герои, и все, судя по впечатлениям того же Журдана, нисколько не сомневались с самого начала процесса, что они люди погибшие. Последние минуты их жизни проняли даже Журдана, во всяком случае он счел уместным в конце статьи проявить какое-то человеческое движение души и лицемерно взгрустнуть [149].

Люди, даже очень далекие по своим убеждениям от погибших монтаньяров, но сохранившие способность беспристраст-

ного суждения, возмущались происходившим. Член Конвента Кассани писал в частном письме: «Что несомненно... это то, что военная комиссия, осуждая на смерть наших несчастных коллег, только угождала капризам временщиков (hommes du jour) вместо того, чтобы заняться расследованием дела для разыскания истинных виновников мятежа, и образование этой комиссии всегда будет рассматриваться как произвольный, жестокий и тиранический акт». Но эти слова современника увидели свет только больше столетия спустя, случайно попав в руки покойного Олара, который их и напечатал в своем журнале [150]. Нечего было и думать о том, чтобы публично выступить с подобными заявлениями тотчас после 29 прериаля. Писать тогда о процессе и гибели прериальцев можно было только так, как писал Журдан, или вовсе никак не писать.

День и обстоятельства их гибели стали вспоминаться лишь спустя десятки лет. Вокруг их кинжала и их гильотины надолго воцарилось безмолвие.

Глава X

ПОСЛЕ КАЗНЕЙ

Деятельность военной комиссии в мессидоре и термидоре. Дело Манье. Последние процессы и закрытие военной комиссии. Ближайшие политические последствия прериальских событий

1

После казни депутатов-монтаньяров военное судилище просуществовало еще больше полутора месяцев, но действовало уже не так беспощадно, как в течение всего прериаля. Дело было, конечно, не в том, что военная комиссия как бы смутилась «героическим самоубийством» членов «вершины», как думает Герцен, объясняя этим спасение Ральера от гильотины: пятеро офицеров, из которых состояла комиссия, готовы были и в мессидоре и в термидоре продолжать действовать точно так же, как и в прериале. Их в чем угодно можно было заподозрить, только не в угрызениях совести и тому подобных романтических переживаниях. Мало того, они не прочь были казнить не только за прериаль, но и за жерминаль. Когда несколько поосвободились руки от ликвидации прериальского дела, военная комиссия запросила Комитет безопасности: как же быть с жерминальскими обвиняемыми? Готовность к дальнейшим действиям в прежнем направлении была, таким образом, самая несомненная [1]. И, однако, факт большей снисходительности в приговорах — налицо.

Дело объясняется, помимо «смущения» военных судей, во-первых, тем, что после казни членов «вершины» Конвент, Комитет и влиятельные лидеры потеряли интерес к дальнейшим судебным избиениям, тем более что рабочие предместья были в достаточной степени безгласны и подавлены, и, во-вторых,— и это самое важное — явно нарастала роялистская опасность, надо было освободить гильотину для новой работы.

Прериаль уже отодвигался вдаль; назревали новые события: в течение последних дней прериаля и всего мессидора английские суда с эмигрантскими вооруженными силами рыскали по Ламаншу и по океану, крейсировали у берегов Бретани,

высматривая удобное место для высадки; вечером 5 мессидора британский флот пристает у Карнака, на полуострове Кибероне, и начинает высаживать эмигрантов; весь мессидор и первые дни термидора генерал Гош осаждает Киберон; только 4 термидора он может оповестить Конвент о своей полной победе над роялистским десантом; на место военных действий выезжает член Конвента Тальен, и с 10 термидора начинаются расстрелы взятых в плен эмигрантов. При такой общей обстановке являлось политически бесцельным и неуместным свирепствовать в Париже против людей, в той или иной (часто крайне слабой) степени связанных с восстанием рабочих предместий, продолжать бой с только что раздавленными левыми врагами.

Необходимо было поскорей кончать с прериальскими обвинениями, тем более что никаких «вождей» восстания так и не нашли, и в тюрьмах томилось много людей, которые даже с точки зрения военных судей, были решительно ни в чем неповинны. Правда, совсем без крови не обошлось и в мессидоре. Но это было уже исключением, а не правилом. В общем же военные судьи, по-видимому, сразу учли некоторую перемену ветра в правительственных сферах.

Обратимся к сравнительно более интересным процессам, разобранным комиссией в последние времена ее существования. Дела, закончившиеся оправданием, конечно, будут меньше привлекать наше внимание: сплошь и рядом они возникали по недоразумению, некоторые не заслуживают даже упоминания.

Каменотес Нарго, в пьяном виде, 2 прериаля, в кабаке или выйдя из кабака, похвалялся (как выяснилось, совершенно облыжно) своим деятельным участием в восстании 1 прериаля. Суд официально признал ложность пьяной похвальбы Нарго и то обстоятельство, что он, будучи пьян, мало сознавал, что говорил. Он был тем не менее приговорен к тюремному заключению на один год [2].

Парикмахер Антуан Тайорда был предан суду военной комиссии за то, что 3 прериаля, стоя в группе людей на мосту (Pont-Neuf), держал возмутительные речи. Робеспьера и Коммуну, говорил он, принесли в жертву; Людовик XVI за все свое царствование не сделал столько зла, сколько Конвент в один день; пора приступить к новым выборам; к нынешним депутатам нельзя питать доверия, а нужно взять «рабочих и патриотов, которых держат в тюрьме с 9 термидора,— они-то не обманут народ» [3]. Обвиняемый был приговорен к ссылке с предварительным выставлением на эшафоте в течение двух часов. Рабочий Лажуа приговорен к двум месяцам тюрьмы за то, что, будучи в качестве солдата национальной гвардии в непосредственной близости к месту убийства Феро, ничего не сделал, чтобы помешать этому, и незаконно покинул свой пост [4].

Золотых дел мастер Моран, сказавший в частной компании при известии об убийстве Феро: «тем лучше», и что он убил бы не одного, а сорок человек, отделался двумя месяцами тюрьмы единственно потому, что по единодушным показаниям свидетелей был пьян почти до потери сознания — что признал в тексте приговора и военный суд [5]. Оправдан, но отдан под надзор комитета своей секции Андрие Александр, тоже обвинявшийся (вполне голословно) в брани и угрозах. Между прочим, в бумагах по этому делу есть одна характерная черта: подсудимый, по утверждению некоторых свидетелей, говорил, что депутат Феро убит по заслугам за то, что кричал «Да здравствует король!». Самый слух этот показывает, насколько чужд был роялистским тенденциям народ, вошедший 1 прериаля в Конвент.

Рабочий (по фаянсовым изделиям) Дюкло был арестован 2 прериаля: он сказал в группе граждан, читавших декреты Конвента, что глупо верить этим словам, что надо прогнать депутатов, как преступников, и т. д. Его задержали, и он был предан суду военной комиссии. Судили его 11 мессидора и приговорили к двухмесячному заключению [6]. Того же 11 мессидора оправдан каменщик Пьер Бутон, арестованный 4 прериаля в пьяном виде за слова, сказанные не им, а кем-то другим [7]. Другой каменщик, Комб, приговорен к ссылке за слова, оскорблявшие депутата Бурдона (de l'Oise). Обвиняли его и в том, что он «жестикулировал и угрожал народным представителям, яростно требуя хлеба и конституции 1793 г.» [8]. На суде обвиняемый привел свои слова, сказанные им, когда он находился с толпой в зале Конвента 1 прериаля, и показавшиеся оскорбительными Бурдону. Комб сказал ему, что он, Бурдон, заставляет народ умирать с голода, что нельзя жить, питаясь четвертью фунта хлеба, и что это отвратительно [9]. Интересно отметить, что, как явствует из свидетельских показаний, Комб говорил, будто, убив Феро, народ ошибся,— имелся в виду другой депутат. Кроме доносов разных лиц, против обвиняемого не было ровно никаких улик. Пришлось даже в тексте приговора приводить эти россказни доносчиков и, между прочим, поставить в вину подсудимому то, что после 1 прериаля он надел другую одежду, «чтобы не быть узнанным». Приговоренный к ссылке, Комб попал потом под брюмерскую амнистию III года, но год спустя был опять арестован за самовольное возвращение в столицу, так как по закону 21 флореаля IV (1796) года не имел права проживать в Париже и его окружности [10].

Мартин Так, погонщик быков, был арестован 2 прериаля по обвинению в том, что в числе других носил на пике голову Феро. Обвиняемый решительно отвергал возводимые на него обвинения; свидетели тоже больше говорили об оскорбительных словах, произнесенных Таком по адресу Конвента, чем о

его участии в убийстве Феро. Дело его долго откладывалось, по-видимому, именно из-за слабости улик. Судили его только 12 мессидора. Он был приговорен к смерти и в тот же день, в 5 часов пополудни, гильотинирован [11].

Пьер Керков (15 лет) был приговорен к месячному заключению за то, что 1 прериаля омочил свою саблю в луже крови, оставшейся после убийства Феро. В самом убийстве он не участвовал, а свой поступок объяснил нетрезвым состоянием [12]. Рабочий Матюрен Бертело в пьяном виде где-то сказал, будто он участвовал 3 прериаля в освобождении убийцы Феро. Схваченный тотчас же по доносу, он просидел полтора месяца и был оправдан [13].

Плотник Клод Перро утром 1 прериаля пошел к булочной, к которой был приписан, чтобы стать там в очередь; но узнал, что булочника нет, что комиссар отправился в секцию узнать насчет распределения хлеба, так как его имеется только по две унции на человека, и что люди отказались принимать такую порцию. Перро идет в секцию и видит до восьмисот женщин, требующих хлеба. Сам же он третий день уже не получал хлеба и питался рисом. Под военный суд он попал по ложному обвинению и был оправдан (13 мессидора, через несколько недель после ареста) [14]. Точно так же решительно без всяких улик и оснований просидел полтора месяца в тюрьме и был оправдан 14 мессидора Жан-Никола Ридд. Даже доносов на него ниоткуда не поступало [15]. Вообще бывало, что человека арестовывали, а на вопрос его о причинах ареста отвечали, что ему об этом скажут впоследствии. А так как аресты шли массовые, то разъяснения и освобождения приходилось ждать около полутора месяцев. Кроме уже упомянутых случаев, так было, например, с Барруа и Трипье, арестованными в Антуанском предместье 5 прериаля и освобожденными по постановлению военной комиссии 14 мессидора [16].

Сапожник (и бывший жандарм) Пьер Саланья и бывший жандарм Клод Фуке осуждены были 16 мессидора (первый — на пять месяцев тюрьмы с выставлением у позорного столба, второй — на три месяца тюрьмы) за то, что произносили в прериальские дни мятежные речи, обнаруживали склонность присоединиться к инсургентам, а также побуждали к этому военных [17].

Санитар (officier de santé) Кроппе, 58 лет, увидев 2 прериаля, как арестуют какого-то человека, которого он принял за депутата Конвента, крикнул из окна: «Отрежьте ему голову». Напрасно подсудимый силился убедить суд, что он, напротив, рекомендовал снять голову тем, кто осмеливался напасть на Конвент. Военная комиссия ему не поверила, и он пошел в ссылку [18].

Рабочий оружейного завода Жак Карре, просидев в тюрьме пять недель (с 12 прериаля по 19 мессидора), предстал перед комиссией по обвинению в том, что, председательствуя 2 прериаля в своей секции, он поддерживал мятежные слова и предложения выступавших там ораторов и обнаруживал враждебные намерения относительно Конвента. Оправдан за полной недоказанностью обвинения [19].

Парикмахер Клод Перрен — один из немногих прериальских обвиняемых, которые могли быть заподозрены не в «якобинизме», а в роялизме. 1 прериаля, находясь в здании Конвента, он крикнул, что не надо демократической конституции и что он кровь свою готов отдать за Людовика XVII [20]. На суде он отрицал приписываемые ему слова, но, несмотря на это, был приговорен к ссылке.

Долго искали женщин, которым можно было бы приписать инициативную роль в самый первый момент прериальского восстания, но никаких доказательств не находилось. Оставалось либо оправдать подсудимых, либо присудить их к тюремному заключению. Если не считать Розы Мигелли, о которой речь будет особо, ни одна женщина не пошла на эшафот.

Три молодые работницы (две гладильщицы и одна прачка, одна 16, другие две 18 лет), обвиненные в оскорбительных словах по адресу Конвента и комитета их секции, присуждены 8 мессидора к двухмесячному тюремному заключению [21]. Комиссия мотивировала «снисходительный» (по ее мнению) приговор крайней молодостью подсудимых. Конечно, если бы их дело разбиралось в начале или даже в середине прериаля, это соображение навряд ли было бы принято во внимание. За несколько дней до их процесса присудили оставить в тюрьме на три месяца «впредь до дальнейшего расследования» поденщицу Катерину Виньо — только на том основании, что 1 прериаля она была замечена в мужском костюме. Правда, комиссия тут же признала, что этот факт ничего против подсудимой не доказывает, так как она 15 лет носит мужской костюм (она работала в кузнице). Тем не менее ее отправили в тюрьму [22].

Значительно дольше пришлось просидеть в предварительном заключении Франсуазе Жермен, работнице веревочной мастерской, взятой последней из всех женщин, судившихся по прериальскому делу. 27 мессидора она была приговорена к четырем месяцам тюрьмы. Обвинялась она в том, что 2 прериаля, когда по улице провезли корзину, принадлежавшую частному лицу, она громко требовала, чтобы эту корзину вскрыли, так как там спрятан хлеб. Ее не послушали, и никаких последствий ее слова не имели, только этим военная комиссия мотивировала свой приговор, который, очевидно, представлялся ей слишком мягким [23].

2

Последние дни мессидора и первые дни термидора военная комиссия была занята разбором дела молодого монтаньяра Манье, именовавшего себя Брутом Манье. Сидя в тюрьме г. Ренн по другому обвинению, он сам заявил на себя как на автора того «плана восстания», который, как мы видели, распространялся в Париже перед выступлением 1 прериаля. Вот как документы рисуют его дело.

Луи-Бернар Манье, по прозванию Брут, сам бывший в свое время, до 9 термидора, председателем военной комиссии при одной из армий, воевавших против шуанов, был предан суду военной комиссии особым законом от 25 прериаля [24]. Спасся он от смерти и отделался ссылкой, может быть, потому, что, во-первых, в прериальские дни не был в Париже и не принимал поэтому непосредственного участия в восстании, да и вообще установить фактическую его связь с прериальским восстанием было очень нелегко. Во-вторых, что еще важнее, приговор о нем был вынесен 3 термидора, когда военная комиссия доживала уже последние дни, а правительство было всецело поглощено роялистским восстанием на западе и высадкой эмигрантов на полуострове Киберон. Но сам Брут сделал все от него зависящее, чтобы не миновать гильотины; в течение всего своего предварительного заключения он нисколько не сомневался в том, что его песня спета и что ни малейших шансов на спасение у него нет. Только в самом конце проявились кое-какие колебания. Это был очень интересный человек, и в трагической галерее прериальских подсудимых ему нельзя не отвести особое место. Ему было всего 24 года, и все его поведение перед процессом обнаруживает не только неукротимое мужество, но и желание перед смертью успеть высказать ненавистным и презираемым врагам все, что у него накипело на сердце. Он принадлежал к тем монтаньярам, которые иногда негодовали на Робеспьера, когда Робеспьер был всемогущ, но которые, уже довольно скоро после 9 термидора, стали склоняться к тому мнению, что удар, снесший голову Робеспьера, отрубил и крылья у революции и что республика в опасности. «Я краснею, что аплодировал 9 термидора»,— писал впоследствии Брут Манье [25]. Эпоху термидорианской реакции он проводил в тюрьме [26]. 14 прериаля, т. е. в самый страшный момент прериальского террора, из Реннской тюрьмы, где, как сказано, он тогда сидел, Брут Манье счел своевременным обратиться к Комитету общественной безопасности с письмом, которое он адресовал так: «Гнусному комитету общего опустошения», а датировал следующим образом: «14 прериаля третьего года французской республики, единой и неделимой, но до сих пор проблематической» [27]. Обра-

щение к адресатам было формулировано так: «О чудовища, изрыгнутые демонами деспотизма и жестокости, значит кончена свобода моего отечества! Так знайте же, что я дал клятву не пережить ее». И дальше: «Итак, я предаю вашей всепожирающей и неугасимой ненависти новую жертву,— это я. Разите, разите, палачи, я имею благородную гордость сказать вам, что нет француза, который более справедливо заслуживал бы пасть под вашими ударами, чем я» [28]. И тут-то он спешит заявить, что именно он составил план восстания и передал его «комитету восстания»; что он сам руководил бы движением, если бы был в Париже: «Вы не поверите, какую скорбь я испытываю оттого, что различные попытки, предпринятые, чтобы уничтожить термидорианский деспотизм, не увенчались успехом» [29]. Как уже было сказано в своем месте, он выражает сожаление о том, что восставшие не сумели использовать положения и не арестовали правительственные комитеты и влиятельных термидорианцев; с горечью говорит он и о том, что был против Робеспьера, поверил в его виновность и не сразу понял, до какой степени 9 термидора подготовило «гибельную реакцию», «дерзость» которой растет с каждым днем [30]. Он требует, чтобы его присоединили к процессу «благородных граждан» — Ромма, Гужона и их товарищей, которых правительство обрекает на смерть: «До последнего издыхания я буду кричать, что монтаньяры были единственными патриотами» — мало того: «Я клянусь отомстить за смерть тех, кого вы убиваете, вонзив Брутов кинжал в грудь любого из вас, кого я встречу, будь то через тридцать лет». Он предает проклятию «узурпаторскую и контрреволюционную шайку, осмеливающуюся еще именовать себя Национальным конвентом». «Достаточно ли этого письма, жестокие тираны,— заканчивает он,— чтобы направить на меня весь ваш гнев?» [31] И прибавляет, что план восстания при нем и он его покажет суду. Его желание предстать перед военной комиссией было исполнено Конвентом 25 прериаля.

Чем больше вчитываешься в бумаги Манье, тем более интересной и необычайно характерной для эпохи и партии представляется эта фигура. Для какой партии? «После этого рассказа и по тому, как он сделал, ты сразу увидишь, к какой партии я принадлежу»,— отвечает на этот вопрос сам Манье в письме, обращенном из тюрьмы к Помму, члену Конвента [32]. Он — монтаньяр чистейшей воды, для него чужая или своя жизнь не сто́ит в буквальном смысле ни гроша, если речь идет о конституции 1793 г., о республике, как ее понимали в тот момент приверженцы Горы.

К термидорианцам, правящим Францией, он питает непримиримую вражду и открыто заявляет об этом на суде. На вопрос, посодействовал ли бы он осуществлению своих же советов по

части восстания, если бы подвернулся благоприятный случай, Манье отвечает, что сделал бы это от всего сердца; сделать же из него друга нынешнего правительства так же невозможно, как обратить в республиканскую веру прусского короля [33]. Еще за несколько дней до допроса он письменно и весьма отчетливо высказал военной комиссии свое мнение о ней, а кстати и о правителях. Письмо это написано 16 мессидора; в заголовке, в обычной формуле «Свобода, равенство, братство», последний термин заменен словами: «Демократия или смерть»; отправитель прибавляет к своему имени титул: «бывший председатель комиссии, учрежденной, чтобы судить разбойников»; текст составлен так: «Вырезывателям патриотов, собравшимся в бойне, которую они именуют также военной комиссией. Господа, я прибыл вчера и, воздавая должное усердию, которое вы проявляете, чтобы выполнять виды достойных ваших учителей-правителей, я приглашаю вас не забывать меня. Разите, разите, палачи, я умру, восклицая: да здравствует республика!» [34].

Свое отношение к 9 термидора, высказанное в письме к Комитету безопасности, Манье поясняет и развивает на допросе в военной комиссии 21 мессидора. В свое время он поверил в виновность Робеспьера, так как его осудил весь Конвент, но он видит теперь, что ошибся: «Фрероны, Тальены, Дюбуа-Крансе и столько других», которых Робеспьер преследовал, доказывают теперь «своим контрреволюционным поведением», что покойный был прав. К тому же подсудимый считает, что если над Францией тяготела тирания (это слово употребил суд, формулируя свой вопрос), то виновен в этом был весь Конвент, а не один Робеспьер — «одна семисотая часть Конвента» [35]. На допросе 23 мессидора Манье, однако, смягчает свою мысль о термидорианцах: если он высказывается за их смерть, то потому лишь, что они намерены, по его мнению, дать Франции «монархическое или, по меньшей мере, аристократическое правление; если же они республиканцы и разнятся от него только относительно «способов установить демократию», он сам «с удовольствием» отдаст свою голову во искупление ошибки, в которую он впал из любви к отечеству» [36].

Манье может представлять интерес только как один из подсудимых, привлеченных по прериальскому делу; поэтому я намеренно не останавливаюсь ни на предшествующей, ни на последующей его биографии. Не могу, однако, не привести еще несколько черт для характеристики этого человека, его убеждений и настроений. В мае 1792 г. он прибыл во Францию из Кайенны, поступил в армию, воевал, был потом председателем военного суда (в Ренне); через несколько дней после термидорианского переворота был арестован (21 термидора); его

обвинили сначала в превышении власти; когда это обвинение оказалось несостоятельным, выдумали новое — в растрате казенных сумм; термидорианское правительство явно решило под тем или иным предлогом не выпускать его из тюрьмы.

«Я не знаю, был ли ты тогда гнусным обманщиком (fourbe) или ты переменился с той поры»,— так начинает он письмо к Томину, товарищу прежних лет, члену Конвента. Это письмо, писанное из Ренской тюрьмы еще в жерминале (т. е., следовательно, отнюдь не для того, чтобы просить депутата о заступничестве по еще не существовавшему прериальскому делу), попало впоследствии в дела военной комиссии, судившей Манье в мессидоре; оно содержит некоторые, хотя и скупые, автобиографические данные. Манье вспоминает зарю своей молодости, совпавшую с началом революции. Теперь, когда он сидит в тюрьме и считает свою жизнь конченной, несмотря на то, что ему всего 24 года, Манье пишет о своей молодости как пишут о далеком прошлом. Он вспоминает бескорыстные восторги прежних лет, счастье, которое давали его поколению пламенные надежды и мечты о свободе, полноту своего сердца в то радостное и невозвратное время,— и так ясно, что никакие бури и грозы никогда уже не изгонят из этой души память о светлом утре, когда так вдохновенно работалось во время свободы отечества [37]. В личной жизни это утро сменилось безысходной тюрьмой, перспективой гильотины; в революции заря свободы сменилась прериалем, но Манье, даже и в мессидоре, уже привлеченный к делу о восстании, из глубины одиночного заключения продолжает говорить о свободе и благе родины, для которых, по неизменному своему убеждению, он жил и во имя которых жаждет умереть.

Затем в жерминале он пишет товарищу это письмо. Только затем, чтобы тот сделал все от него зависящее для ускорения суда по нелепому и позорному обвинению его в растратах. Но он тут же считает нужным пояснить, что хочет поскорее очиститься и избавиться от тюрьмы для того, чтобы сейчас же приступить к проповеди восстания, открыто выступить против контрреволюционного собрания, *в надежде*, что тогда его скоро казнят или хотя бы сошлют. По крайней мере он не будет видеть всех гнусностей реакции, а «прозябать в молчании» он считает бесстыдным и преступным [38].

По-видимому, у Брута Манье не было особенной склонности к отвлеченным рассуждениям и логическому совершенству определений. Он любит санкюлотов, он вполне примыкает к монтаньярам. Но кто такие санкюлоты? Под ними «он понимает победителей Бастилии, 10 августа и 31 мая», гласит протокол его допроса,— «а кроме того тех, кого обозначают под именем террористов, кровопийц и людоедов» [39]. Монтаньяры, по его разу-

мению, «это все люди, идущие по стезе демократической республики»[40], а термидорианцы — те, которые по справедливости заслуживают названий, даваемых «санкюлотам», те, которых он назвал в своем письме от 14 прериаля, где он поносил членов Комитета безопасности.

Личность Брута Манье, бурная, пламенная, неуравновешенная, его живой ум, его левоякобинские настроения ярко сказываются в оставшейся после него любопытной «газете», которую он писал, сидя в Реннской тюрьме.

Эта, конечно рукописная, газета называется «Démocrite ou journal de Midi», состоит она из отдельных сероватых листков — «номеров» газеты, которых сохранилось 25 штук. Первый номер помечен 24 плювиоза, последний —23 вантоза; следовательно, этот своеобразный орган просуществовал ровно месяц. Характерна вступительная статья Манье, где он объясняет, что его газета будет иметь целью развлечь и подбодрить товарищей по заключению, лишенных волею правящих «заговорщиков» возможности служить своему отечеству, и т. д.[41]

Так как содержание газеты само по себе не имеет прямого отношения к нашей теме, а интересно лишь для личной характеристики Манье, то я на ней останавливаться не буду. Читатель найдет в примечаниях две характерные выдержки из этих листков. Неукротимая ненависть к термидорианцам и призыв к восстанию против них — вот господствующая идея, проникающая этот тюремный рукописный орган Брута Манье. Он укоряет в трусости тех, кто отказывается от борьбы из боязни *гильотины:* ведь если они не будут бороться, они будут *повешены* — намек на роялистскую реставрацию с ее ожидаемыми виселицами[42].

Манье вообще имел большое расположение к перу, и оно не изменяло ему ни при каких обстоятельствах. Так, 24 мессидора, во время суда, который очень легко мог кончиться казнью, Манье пишет в тюрьме письмо военной комиссии *на латинском языке.* Делает он это, «чтобы развлечься»: ведь его держат в секретном отделении тюрьмы, не позволяя ни с кем сноситься, ни с товарищами по заключению, ни с друзьями на воле[43]. Латинское письмо требует, чтобы его перевели из секретного отделения, а кончается бранью против правительства и послушных ему военных судей[44].

Того же 24 мессидора, в ожидании близкой смерти, Манье в своей одиночке пишет большое стихотворение — подражание Марсельезе,— которое тоже посылает членам военной комиссии. И в этом произведении основные мотивы все те же: ненависть к термидорианцам, полная готовность взойти на эшафот вслед за погибшими прериальцами, уверенность, что жизнь кончена. Неуклюжие стихи, неумелые обороты — все это пропадает, ког-

да думаешь, где и когда это написано: серый листок с пожелтевшими строками остается как замечательный памятник психологии этого революционного поколения [45].

На том же листке, пользуясь оставшимся местом, Манье пишет другое стихотворение, где в шутливой форме изображает предстоящую ему, как он думает, на другой день казнь: как палач Сансон приготовится его стричь, как его повезут на телеге к месту казни. И он иронически напоминает, что бретонский поход ему пришлось проделать пешком, а теперь правительство настолько заботливо, что для путешествия к гильотине предоставляет ему колесницу [46].

После всего приведенного выше для личной характеристики Манье и на основании образчиков тех ответов, которые он давал в военной комиссии 21, 23 и 24 мессидора на допросах, касавшихся его политических убеждений,— читатель будет склонен с известным доверием отнестись к ответу подсудимого на основной вопрос, интересовавший военную комиссию, является ли он, Манье, автором того «плана восстания», который распространялся в Париже перед прериальским выступлением?

Еще сидя в Реннской тюрьме, Манье приписал себе сочинение этого плана. На первом допросе, 21 мессидора, Манье подтвердил это заявление, но прибавил, что он не знал, в какое именно время этот план должен быть приведен в исполнение. На вопрос, пересылал ли он копию этого плана в Париж, Манье отвечал утвердительно, причем пояснил, что переслал план «одному хорошо известному патриоту, который должен был передать его одному народному представителю», но имени этого депутата он не знает, а имени патриота не назовет. План свой он составил под влиянием одной брошюры, где предлагалось всем патриотам представить свои соображения относительно средств безотлагательно устроить «мирное восстание» (une insurrection pacifique) [47]. Но ни о брошюре, ни о ее авторе он ничего больше сказать не пожелал. Судьи обратили его внимание на противоречие между словами «мирное восстание» и выраженным им (в письме к Комитету безопасности от 14 прериаля) сожалением о том, что инсургенты не догадались покончить с народными представителями в числе чуть ли не ста человек. На это Манье ответил, что план его был именно планом «мирного» восстания; когда же он потом увидел, что правительство действует все смелее и хочет истребить санкюлотов, он подумал, что для укрепления свободы нужна смерть правителей (пункт 19 допроса). Ему задали затем чисто провокационный вопрос: кого из членов Конвента он считает истинными санкюлотами? Манье отказался ответить, не желая «открыть обширное поле для проскрипций». На вопрос, не было ли в Париже центрального комитета, куда он послал свой план вос-

стания и откуда должны были последовать соответственные приказания, подсудимый ответил, что он этого не знает: если же раньше утверждал что-либо подобное, то лишь затем, чтобы вернее подвергнуться казни (afin que sa mort fût plus certaine, пункт 30). Очевидно, если еще недавно Манье жаждал смерти, то теперь это настроение несколько изменилось. Допрос 23 мессидора подтверждает это предположение: теперь он уже не зовет смерть, а борется против опасности такого исхода. Жалеет ли он, что его план не вполне удался,— спрашивает суд, и, если бы Манье был в Париже, принял ли бы он активное участие в восстании? Манье ответил, что «он составил не план восстания первых дней прериаля, так как свой план он выдвинул накануне суда в революционном трибунале, когда он ждал своей гибели,— но что это были советы, которые, умирая, он давал своим согражданам относительно средств спасти свободу». Когда ему заметили, что декреты, проведенные в Конвенте 1 прериаля (в часы, когда Конвент был занят народом), кажутся взятыми из его плана, он ответил, что «это весьма возможно, так как он давал план не для того, чтобы этот план ни к чему не послужил». Потом последовало заявление, что к убийству Феро он отнесся с негодованием, и уже приведенное мною в другой связи объяснение, почему он желал смерти правящих лиц. Наконец, его спросили, что именно он понимает под выражением «мирное восстание». Подсудимый заявил, что он не желает играть словами, признал, «что это грамматическая ошибка», но что, как явствует из его плана, под «мирным восстанием» он понимает «величественное движение народа, говорящего своим уполномоченным: делайте то-то, потому что я этого хочу» [48].

Допрос кончился. Но на другой день, 24 мессидора, Манье вручил военной комиссии письменное показание под названием: «Мое последнее слово» [49]. В этом документе он берется доказать следующие четыре пункта: во-первых, что *не он* автор плана восстания первых дней прериаля; во-вторых, что, будь он даже автором, его невозможно было бы в этом уличить; в-третьих, что все его поведение после 9 термидора, его рукописный журнал, его письма к Комитету безопасности и Помму, как и другие найденные у него бумаги,— не составляют преступления; в-четвертых, что он, следовательно, не подлежит никакому наказанию. Нас здесь интересуют, конечно, лишь первые два пункта: «Когда я составил свой план восстания? В конце плювиоза, когда я получил извещение, что меня будет судить революционный трибунал, от которого я ждал гибели (où je m'attendais à être sacrifié). Зачем вы составили этот план? спросят меня. Я мог бы ответить: к чему вам это?» Но он так и не ответил. Он составил план с целью изложить свое мнение о средствах восстания,

которое он считал необходимым. «Но, скажут, ход восстания в прериале — почти тот же, что и намеченный вами? Что же, это доказывает, что я не был одинок в своем мнении,— а, впрочем, восстание имеет только тот недостаток, что оно не удалось; ведь если бы оно увенчалось успехом, вы бы увидели дождь поздравительных адресов, и кто бы их посылал? Те же, кто теперь сочиняет их в противоположном смысле» [50].

1 прериаля он, Манье, был за сто лье от Парижа, занятый предстоящим ему процессом (по старому делу), ни с кем в Париже не переписывался. Как же он может быть «автором 1 прериаля»? Откуда черпаются улики? Из его же письма к Комитету безопасности. Тут он цитирует (по-латыни) римское юридическое правило: нельзя слушать того, кто хочет погибнуть (nemo audiatur perire volens). Если в припадке отчаяния человек сам на себя возводит поклеп, поднимает руку, суд не должен этим пользоваться. Он мало надеется, что эти доводы ему помогут: военная комиссия его осудит хотя бы потому, что он отдан под суд по решению Конвента, а для специально созданного трибунала (un tribunal de circonstance) это равносильно приказу осудить. Что же касается самого Конвента, то «в его глазах всякий, кто называет себя монтаньяром, так же виновен, как в прошлом году был виновен тот, кто не был монтаньяром». Кроме того, подсудимому вредят, по его мнению, Бурсо и тому подобные тайные шуаны. Вообще Конвент всецело подчинен своим комитетам и прежде всего Комитету безопасности. Все послание меньше всего похоже на покаянную просьбу о помиловании: тон его резкий, иронический, местами даже саркастический; комитеты, например, сравниваются с Кромвелем, но с той оговоркой, что им не хватает гения английского диктатора.

Какой вывод позволительно сделать из всей этой документации, приняв во внимание характер и настроения молодого монтаньяра? Нет ничего невероятного в том, что «план восстания» действительно был не только составлен Брутом Манье, но и переслан в Париж задолго до прериаля и пущен в ход перед самым выступлением Антуанского предместья. Но вместе с тем Манье навряд ли уклоняется от истины, утверждая в своем последнем слове, что написал он этот план не для конкретно подготовлявшегося, именно прериальского, восстания, а, так сказать, вообще, на случай попытки восстанием низвергнуть термидорианское владычество. Лозунги «плана» и тактические его указания настолько общи по своему характеру, что в самом деле больше похожи на советы, выраженные в суммарной, схематической форме, чем на детально разработанную тактическую программу действий.

Вообще верить словам Манье можно еще и потому, что, как

мы только что отмечали, его «последнее слово» вовсе не является покаянной грамотой: за половину в нем сказанного военная комиссия могла бы отправить его на эшафот и несомненно отправила бы, если бы дело происходило не в конце мессидора и начале термидора, а в прериале.

Но в момент, когда едва кончалась победоносная кампания Гоша против роялистского десанта на Кибероне, было довольно затруднительно послать на эшафот человека, обвинителем которого выступил (в заседании Конвента 25 прериаля) Бурсо, скомпрометированный именно по сношениям с шуанами и заподозренный в роялистских симпатиях. Замечу кстати, что сам Бурсо в упомянутом заседании высказал как будто сомнение (правда, в риторическом стиле), в своем ли уме Манье [51]. Это не помешало Бурсо тогда же настаивать на отдаче Манье под суд военной комиссии. Но теперь, в начале термидора, когда политическая обстановка сильно изменилась, это сомнение насчет уравновешенности подсудимого сыграло, быть может, благоприятную для него роль. Разумеется, и в таком случае это был лишь благовидный предлог; главной причиной оказанного ему «снисхождения» была, повторяю, перемена ветра в правящих сферах.

Отмечу, для полноты картины, что в своем «последнем слове» Манье вполне отчетливо указывает именно па презрение к ренегатству термидорианцев как на источник своей вражды ко всему, что они делали: «Ведь я видел Тальенов, Фреронов, Лежандров, Дюбуа-Крансе и стольких еще других, когда, вскарабкавшись на вершину Горы, они сами метали громы на так называемых умеренных,— и эти-то самые люди преследуют с наибольшей яростью людей той партии, из которой они дезертировали». Уже одна эта выдержка показывает, как мало Манье заботился о том, чтобы вызвать к себе сочувствие в самых могущественных людях, от которых, по собственному его убеждению, всецело зависела его участь и которым рабски подчинялась военная комиссия. Но один из упомянутых им термидорианцев, Тальен, как раз в те же или ближайшие дни собирался в армии Гоша руководить репрессиями против роялистов. Очередной политический зигзаг правительственного курса складывался так, что голова Брута Манье уцелела на плечах. 3 термидора военная комиссия приговорила Манье к ссылке.

Тотчас по окончании этого процесса комиссия обратилась к последним, еще ожидавшим своей участи, прериальским обвиняемым.

3

3 термидора судили плотника Жака Рише и слесаря Пьера Броше. Оба они были арестованы по доносу еще 2 прериаля; первый, находясь в толпе, сказал, что при Робеспьере было

лучше,— хоть и лилась кровь, да была еда; второй одобрил и поддержал эти слова. За обоих хлопотали, ручаясь за их поведение, многие лица, свидетельства которых военная комиссия аккуратно регистрировала,— что не помешало ей отправить Рише в ссылку, а Броше на четыре года в тюрьму [52].

4 термидора, после двухмесячного предварительного заключения, судили и оправдали арестованных по ошибке в прериальские дни Жана Амона, Елизавету Форжо и Марию Гарнье [53]. В тот же день оправдана портниха Монто, арестованная еще в прериале по ошибочному доносу [54]. Старьевщик Жан Симонне, судившийся 5 термидора за то, что 1 прериаля он вырвал из рук жандарма воззвание Конвента к народу, а также собирался кого-то ударить саблей (но не ударил) и вообще возбуждал толпу к восстанию,— приговорен к ссылке. До выполнения приговора он стоял по два часа в течение трех дней у позорного столба на площади [55]. Башмачник Жан-Мари Лафон сидел в тюрьме с 3 прериаля: двое детей 14 лет донесли на него, будто он предлагал ударить в набат и бить сбор. Он отрицал возведенное на него обвинение, и военная комиссия выпустила его на свободу, мотивировав свое решение не очень логично: с одной стороны, в приговоре с ударением указывалось, что против обвиняемого свидетельствовали только двое детей (и тем как бы высказывалось недоверие к несовершеннолетним доносчикам); с другой стороны, отмечалось, что подсудимый «достаточно наказан двухмесячным заключением». Выходило, что он и невинен и наказан [56]. Военные судьи, впрочем, не очень гнались за строгой юридической выдержанностью в формулировке приговоров.

Точно так же мотивирован, например, и оправдательный приговор по делу полицейского инспектора Жака Брабана, ложно обвиненного в том, что он 1 прериаля сказал кому-то «мятежные слова». Он решительно отрицал свою вину, и не было никаких доказательств правильности доноса, сделанного на него. Мало того, два доносчика, на основании слов которых подсудимый был арестован, отказались от своих первоначальных заявлений. От самого Брабана поступила в военную комиссию просьба ускорить разбор его дела, так как семья его доведена до нищенства. В конце концов военная комиссия его судила (5 термидора) и освободила опять-таки за недоказанностью обвинения, а с другой стороны, ввиду того, что Брабан «достаточно наказан двухмесячным заключением» [57]. Столь же противоречивое обоснование находим мы и в приговоре об освобождении Жана Тевнена: он ни в чем не повинен, так как он не говорил слов против Конвента, приписанных ему доносчиком, да к тому же во время инкриминируемого разговора был пьян, да и сам доносчик стал потом свидетельствовать в его пользу; кроме

того, у него два сына, защищающих отечество в рядах армии, и вдобавок жена и двое малолетних детей, кормильцем которых он является; сам же он служит в войсках и сражался против инсургентов в Вандее. К тому же он «достаточно наказан двухмесячным заключением» [58].

Последний прериальский подсудимый, о деле которого сохранились письменные следы в фонде документов военной комиссии,— бывший жандарм Жан Оже, судившийся и оправданный одновременно с Тевненом 11 термидора. Мотивировка приговора тоже очень характерна для прериальских арестов: «Принимая во внимание, что он (Оже) предъявил несколько удостоверений в свою пользу; что его никто не обвинял в прямом или косвенном участии в событиях первых дней прериаля; что в деле не имеется даже ни одной бумаги, которая бы ставила ему в вину другие факты,— военная комиссия приказывает, чтобы Жан-Венсан Оже был немедленно выпущен на свободу» [59]. Он тоже просидел два месяца, совершенно не понимая, за что его засадили.

Через пять дней после этого последнего процесса декретом Конвента от 16 термидора военная комиссия была уничтожена и ее члены возвращены к своим обычным обязанностям по военной службе.

Собственно, после террора, длившегося около месяца, после казни депутатов-монтаньяров, при усилившихся с последних чисел прериаля и с первых дней мессидора слухах о новых предприятиях, затеваемых роялистами,— военная комиссия уже довольно мало интересовала правительство. Опасность слева уже не так тревожила, как нараставшая опасность справа. Военная комиссия еще заседала, судила, изредка еще казнила, но золотое ее время уже миновало. Если и раньше, как мы упоминали в своем месте, ее не всегда снабжали всем, что ей было нужно. то теперь ей даже стали иногда определенно отказывать в выдаче необходимых вещей, например в нескольких вязанках дров для изготовления пищи [60].

Фрерон, отлично знавший, что в прериале его личное усердие отправило многих на гильотину, уже в конце мессидора, т. е. месяц спустя после казни последних монтаньяров, с обычным своим цинизмом вопрошал, почему еще существует военная комиссия, и с горечью протестовал против того, что «еще говорят о ненависти и мщении» [61]. Конечно, это внезапное великодушие к еще уцелевшим прериальцам было вызвано страхом перед обострением роялистской опасности. Никаким другим ходом милосердие в душу Фрерона пробраться не могло.

В последние дни, даже недели, своего существования комиссия часто оправдывала и освобождала подсудимых,— правда, большинство из них были почти сплошь жертвами полицейского

усердия и недоразумений. Поэтому-то разбор их дел как неинтересных и откладывался так долго.

Любопытен и не совсем ясен конец существования этого учреждения. 11 термидора шло обычное заседание; в 4 часа дня оно было прервано во исполнение постановления Комитета общественного спасения, согласно которому предложено было перенести занятия комиссии в другое помещение (на улице d'Antin). 14-го и 15-го комиссия была занята переездом и не заседала, а 16-го, по-видимому совершенно для нее неожиданно, она была закрыта декретом Конвента [62]. Заканчивая свою деятельность, она сочла своим долгом составить заключительный протокол, нечто вроде эпитафии себе самой. В этом акте комиссия напоминает, сколь тяжела была возложенная на нее важная миссия; однако ее патриотизм и пламенная любовь к свободе помогли ей действовать, не страшась чьего-либо неудовольствия. Она принесла в жертву все частные соображения, пренебрегла всеми влияниями,— «уверенным шагом шла по пути, воистину новому для военных» [63]. Чистая совесть, щепетильная справедливость и прочие свойственные военной комиссии душевные качества и моральные красоты помогли ей. Единственное, чего она желает, это доверия со стороны сограждан и т. д. Сквозь все эти велеречивые фразы просвечивает сознание той страшной роли, которую сыграли эти пять офицеров и, пожалуй, несколько неприятное (или беспокойное) воспоминание о всей той крови, которую они пролили по специальному поручению властей.

4

После прериальских событий реакция усиливалась настолько быстро, что роялисты даже принялись кое-где заблаговременно и вполне открыто составлять будущие проскрипционные списки, куда помещали лиц, известных своим революционным прошлым и лично им несимпатичных. И это делалось не в медвежьих углах Бретани или Вандеи, а иногда в двух шагах от Парижа, например в Фонтенебло [64]. Уже упомянутый мною член Конвента Кассани определенно говорит, что после прериальского террора «торжествующий роялизм» сильно окреп, а казнь членов «вершины», людей энергичных и честных, ослабила «партию истинных защитников свободы и отечества» [65].

Ту же мысль высказывает и старый монтаньяр Бодо. Он должен был быть арестован 13 прериаля, но успел бежать, скрывался некоторое время в Венеции, вернулся после осенней амнистии 1795 г. во Францию, но уже никакой роли не играл (умер в 1837 г.). Записки его, изданные впервые лишь в 1893 г., видел

в рукописи Эдгар Кине. Выше мне уже приходилось ссылаться на это очень интересное свидетельство.

По словам Бодо, после прериаля в Конвенте осталось не больше 15—20 республиканцев, которые до конца мужественно боролись против подавляющего большинства Конвента[66]. Нет сомнения, что после прериальского разгрома «вершины», которая сильно пострадала уже в жерминале,— *убежденных республиканцев* в Конвенте уцелело немного. Были, конечно, люди, не желавшие восстановления монархии и только поэтому стоявшие за республику. Но не стало почти вовсе народных представителей, для которых республика была идеальнейшей формой правления, а конституция 1793 г.— лучшей из конституций. Получилось нечто вроде того, что впоследствии было названо «республикой без республиканцев». Так было и в Конвенте, так было и вообще в собственнической Франции, интересы которой отражало конвентское большинство.

Как истый сын XVIII в., тот же Бодо приписывает существование «болота» в робеспьеровском Конвенте «невежеству»: признавая губительную и бесспорную силу этой части собрания, он считает ее, со своей точки зрения, наихудшим злом[67]. Конечно, не «невежеством» объясняется наличие «болота» до 9 термидора и не «невежеству» следует приписать после указанной даты владычество этого «болота» — ставшее, как казалось, особенно прочным и решительным вслед за прериальскими событиями.

Правда, еще в течение прериаля проносились, иногда то замирая, то вновь возникая, слухи о новых «беспорядках» в Париже. В середине 20-х чисел прериаля, когда шел процесс депутатов-монтаньяров, эти слухи особенно усилились. Но это было не больше чем слухи. Все было тихо и мертво. Пикеты и караулы объезжали и обходили город. Молчаливая толпа провожала взорами отправляемых на гильотину. Власти заботились лишь о том, чтобы департаменты были вполне осведомлены о совершенном спокойствии, царящем в столице[68]. С начала же мессидора они и вовсе перестали беспокоиться.

Почти через месяц после прериальских дней Малле дю Пан получил сведения, что хотя голод в Париже прежний, но там «уже больше не ропщут». Землевладельцы (деревня) на этом бедствии наживаются и довольны режимом. Городское население, правда, в отчаянии, «но это отчаяние не внушает никакого проекта». Другими словами: эмигранты и их сторонники не предвидели в ближайшем будущем возможности нового восстания в столице[69]. Да и правительство в этом смысле довольно мало тревожилось. Приведу для примера характерный факт.

По требованию правительства, полиция не должна была разрешать кондитерам выставлять в окнах пирожные, сдобные булки и т. д., так как это, разумеется, раздражало живущие

впроголодь слои населения. Речь зашла и о том, чтобы вообще запретить публичную продажу всяких сортов хлеба, кроме того, который выдавался у булочников рационно [70]. Но тут дело кончилось одними разговорами, ибо оказалось, что по существующему закону нельзя стеснять публичность торговли. Такое преклонение перед святостью закона со стороны термидорианской полиции, конечно, может вызвать только улыбку. Как бы то ни было, даже из скромнейших поползновений, направленных к тому, чтобы не слишком вызывающе дразнить голодных людей, ничего реального, по-видимому, не получилось. По крайней мере из дальнейшей административной переписки явствует, что полицейские комиссары и не думают беспокоить кондитеров: всевозможные деликатесы продолжают по-прежнему красоваться в окнах кондитерских к «большому неудовольствию и беспрестанному ропоту» голодающих граждан [71]. Переписка на эту тему между административными властями длилась целые месяцы: кондитеры делали по-своему, а *полиция* им мирволила [72]. Все это — характерное бытовое явление, которое при всей своей незначительности могло иметь свойство раздражать народ. Тем временем роялисты, одушевленные надеждами на киберонский десант, фантазируя о близкой реставрации, все выше поднимали голову, все менее стеснялись в своих выступлениях.

Термидорианская пресса этого времени обнаруживает некоторую двойственность в настроениях: с одной стороны, похваливают правительство за водворение порядка; с другой — все же удручены обнищанием и оскудением городов. Газеты, поддерживающие правительство (а других почти не было слышно), утверждали летом 1795 г., что Конвент по-настоящему существует только с 1 прериаля, а все, что делалось до той поры, было «делом безумия или страстей» [73]. Правда, жаль погибшего Феро, но все-таки 1 прериаля было полезно в том отношении, что после него завели надежную национальную гвардию и вообще водворился, наконец, покой. Головой убитого депутата *«куплено спокойствие»* — нет худа без добра [74].

Но среди всех этих славословий и победных кликов неожиданно в том же мессидоре III года (начало июля 1795 г.) и у того же официозного публициста вырывается подлинный крик отчаяния: «Я знаю, что занимаются планом общего надзора за торговлей. Пусть же поторопятся, потому что пока так чудовищно увеличивают все цены, что скоро всем придется положить зубы на полку, ходить без рубах, без башмаков, без шляпы, без чулок, вовсе без штанов» [75].

Эти неутешительные перспективы, однако, не мешали с жаром преследовать всякие следы сколько-нибудь терпимого отношения к побежденным. С голодающими стеснялись еще меньше, чем прежде.

Наоборот, рабочие предместья были и оставались тем подозрительнее, чем более они голодали. А в Конвенте, как и в провинциальных административных собраниях, реакция становилась все сильнее и прочнее. Люди, желавшие удержать ее в известных рамках, деятели типа Луве, уже оказались не ко двору. Еще в середине прериаля Луве, произнося, по поручению Конвента, похвальное слово в память убитого Феро, не пожалел красноречия и пафоса, чтобы громить монтаньяров. А спустя полтора месяца тот же Луве уже оказался слишком революционным с точки зрения «золотой молодежи» и стал предметом очень враждебных демонстраций с ее стороны [76].

Однако не вся «золотая молодежь» была так крайне настроена в эти первые месяцы после прериаля. У нас есть характерный факт, доказывающий, что один из влиятельнейших ее вождей, известный нам Жюллиан, страшился усиления роялизма после прериальских событий. Остановимся на этом факте, тем более что он хронологически является как бы последним отголоском прериальской бури и связан с *последним* эшафотом, воздвигнутым под знаком прериаля.

Тотчас после прериальских событий Жюллиан стал носиться с мыслью о политической целесообразности такого шага: необходимо свалить на роялистов если не все восстание, то по крайней мере убийство Феро. Если этого не сделать, роялисты могут извлечь из прериальских событий слишком большую пользу [77]. Жюллиан, надо сказать, принадлежал к числу именно тех термидорианцев, которые в то время не хотели, чтобы реакция довела до реставрации Бурбонов. Чтобы совершить указанный и столь нужный, по его мнению, политический ход, он рекомендовал использовать дело одной странной арестантки, сидевшей с первых дней прериаля в тюрьме Консьержери. Насколько вообще можно говорить о политических взглядах этой, явно не вполне нормальной, 23-летней девушки, она была убежденной роялисткой, жаждавшей уничтожения (и даже физического истребления) Конвента и не разбиравшейся притом в оттенках политических партий: все республиканцы как таковые были ей одинаково ненавистны [78]. Однако, сравнивая ее с Шарлоттой Корде, Жюллиан явно стремится, во исполнение своего плана, возбудить особый интерес властей к этой неуравновешенной женщине.

Осенью 1793 г. она сидела в тюрьме и ходатайствовала перед Фукье-Тенвилем о переводе из тюрьмы Отель-Дье в Консьержери, причем обещала раскрыть лиц, подстрекавших ее к произнесению роялистских речей, за которые она была посажена. Во втором письме к Фукье-Тенвилю она жалуется, что не получает от него ответа. Сидит она, по ее словам, уже пять месяцев, на помилование не надеется, так как требовала воцарения Лю-

довика XVII с Monsieur (братом Людовика XVI) в качестве регента. Письма совершенно безграмотны, она даже не умеет как следует назвать своего кандидата на престол, а пишет так: «Aiant démandé le roy dix-sept monsieur frère du ci-devant roy pour régent» [79]. Оба письма — единственные наши документы по данному делу 1793 г.— производят впечатление крайней неуравновешенности их автора. Смысл их, однако, ясен: арестованная домогается, чтобы ее выслушали, обещая на кого-то донести.

Затем следы ее теряются вплоть до вандемьера III года, т. е. до сентября 1794 г. Тут мы находим ее снова в тюрьме в Венсенне. Она требует, чтобы ее судили: вот уже 18 месяцев, как она сидит в тюрьме. Она торговала туалетными принадлежностями, и ее арестовали, по ее словам, по обвинению в скупке белья для эмигрантов, а также за то, что она говорила о восстановлении монархии. Она просит, чтобы ее допросили, и спешит прибавить, что будет защищать свои мнения «до конца». Закон, пишет она, не имеет права так долго держать людей в заключении без допроса,— и она бранит режим и судей, утверждая, что никогда не было во Франции такой тирании и что судят одни только деспоты [80]. Если бы она была знатной особой (une personne de qualité), иронически прибавляет она, ее голова давно бы слетела к ее же благу [81], и заканчивает так: «Усердие доброго республиканца в том, чтобы судить виновного; так как я виновна в глазах закона, я прошу у вас какого-нибудь суда. Ответ тотчас же». Письмо подписано: Мария-Франсуаза Карле-Мигелли, 23 лет отроду [82].

Спустя три дня она пишет второе письмо в таком же духе. Еще через два месяца оказалось, что полиция, после всех запросов и поисков, ровно ничего не знает об этой женщине: ни за что она сидит, ни кто ее посадил: никаких бумаг о ней не обнаружено. Ее даже судить было невозможно за полным отсутствием не только улик, но и обвинения. С дерзким же письмом, очевидно, решено было не считаться. Ее допросил один из членов революционного трибунала (записи допроса, к сожалению, в деле нет), затем доложил о ее деле в распорядительном заседании трибунала (le Tribunal assemblé en chambre de conseil) 13 фримера III года, и трибунал постановил немедленно выпустить ее на свободу [83].

При массовых арестах после прериальских событий 1795 г. она снова была арестована и попала к Консьержери. Здесь-то она и наговорила таких вещей, что Жюллиану, сгоряча принявшему полупомешанную женщину за Шарлотту Корде, и впрямь могло показаться, будто прериальское восстание устроено не кем другим, как роялистами. Она, мол, лично прикончила раненого Феро; она пробиралась в президиум, чтобы убить самого

Буасси д'Англа, что намеревалась сделать уже и раньше; отец ее будто бы служил у принца Конде, а ее любовником был дворянин, погибший на гильотине; в толпе будто бы были переодетые роялисты, которые затратили на устройство восстания много золота, и т. д. Жюллиан был потрясен этими, дошедшими до него, тюремными разговорами и хотел непременно дать делу огласку, чтобы именно на роялистов пала вся ответственность прериальского «преступления» [84].

Конечно, если бы план Жюллиана удался, то значение прериальских событий для роялистской агитации было бы подорвано: вышло бы, что роялистский агент убил Феро, что роялистка покушалась на Буасси д'Англа, словом, что именно роялисты угрожали Конвенту, а защищали его «люди из предместья» (les hommes du faubourg), окружившие Буасси и тем спасшие его от смерти [85].

Сведения о признании Карле-Мигелли дошли до Жюллиана через ее товарищей по заключению. Решив выпытать у нее все подробности, они прикинулись ее единомышленниками. Но ничего существенного от нее не добились. Она говорила о генералах, на которых будто бы могут положиться роялисты, о каких-то особых кинжалах, будто бы изготовляемых в Сен-Жерменском предместье для роялистских заговорщиков, о шести тысячах человек, подготовленных для провозглашения королем маленького дофина Людовика (еще жившего в эти дни), и т. д. Все это больше походило на бессвязный бред [86]. У ее собеседников была мысль, которую они и подсказали начальству: выпустить ее из тюрьмы и, установив за ней слежку, добраться до ее сообщников [87]. Однако, несмотря на хлопоты Жюллиана, девушка не была немедленно предана суду: очевидно, ее разоблачения показались слишком явно фантастическими. Следует заметить, что рассказы Карлэ-Мигелли сначала записывались ее товарищами, а потом явно подвергались обработке и стилизации. Не могла полуграмотная девушка (какой мы ее знаем по ее собственным письмам) повествовать о себе в таких, например, выражениях: «Я — уроженка Италии. где воображение живо и пламенно». Читая эти бумаги, постоянно приходится вспоминать, что исходили они от Жюллиана, что Жюллиан принадлежал именно к тому течению среди мюскаденов, представители которого отмежевались в то время от роялистов, и что в данном случае он, по собственным его словам, стремился приписать роялистам вину в прериальских событиях. Показание арестованной девушки, будто первый, кто ранил Феро, был роялист, переодетый рабочим, а она сама прикончила раненого; будто вечером 1 прериаля решено было, по сигналу с трибун, истребить весь Конвент; ее заявление: «скоро у вас будет король» (bientôt vous aurez le roi),— все это явно отзывалось

расстроенным воображением. К тому же она утверждала, будто 2 прериаля она узнала, что на нее донесут как на убийцу Феро, и потому явилась сама с доносом на себя — «для того, чтобы мои враги не заработали на моей шкуре» [88].

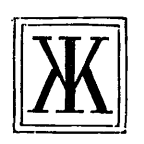
Никто и не думал на нее доносить или обвинять ее в чем-либо подобном. Но она не успокаивалась. Когда ни на ее самообвинение, ни на ее откровенничанья, переданные Жюллиану, не было обращено внимания, она, по-видимому, решила о себе напомнить непосредственно военной комиссии, судившей прериальских обвиняемых. Она обратилась к комиссии с каким-то письмом, которого в делах этой последней я не нашел. Комиссия пожелала узнать, кому именно эта девушка диктует свои письма, для чего и оставила оригинал письма у консьержа тюрьмы; в то же время одному из военных судей было поручено ознакомить с этим делом Комитет безопасности [89].

Это уже второй раз военная комиссия интересовалась арестанткой: в книге исходящих бумаг комиссии от 17 прериаля имеется еще след какого-то требования о доставке бумаг Карле-Мигелли [90]. Но тогда ничего из этого не вышло, и данных для привлечения девушки к суду не оказалось: очевидно, военная комиссия окончательно утвердилась в мысли о ее ненормальности. К несчастью для Карле-Мигелли, она продолжала сидеть в тюрьме и, вероятно, напоминать о себе. Последнее известие о ней относится уже к 1796 г., к прериалю IV года: ровно через год после описываемых событий Карле-Мигелли предстала перед уголовным трибуналом. Тут она уже называла себя не Франсуазой, а Аспазией, и под этим именем процесс ее значится в седьмом томе коллекции Дезессара (вышедшем в 1798 г.) [91]. Здесь мы находим некоторые подробности ее жизни, лишний раз доказывающие ее душевную неуравновешенность. На суде она подтвердила все то, что мы уже знаем из бумаг Жюллиана: и свое якобы участие в убийстве Феро, и покушение на Буасси д'Англа, и заявление, что все депутаты — несчастье для народа. От защиты на суде она отказалась, сообщников никаких не назвала, но признала, что повиновалась внушениям эмигрантов, англичан, итальянцев и роялистов; говорила и о деньгах, потраченных на восстание, и о том, что целью его было провозглашение Людовика XVII королем. «Председатель суда,— читаем мы в отчете Дезессара,— тщетно пытался доставить обвиняемой все средства спастись, настаивая на том, чтобы она назвала вероломных, вооруживших ее руку, и напоминая ей разные черты ее жизни, доказывающие, казалось, что она помешанная: она все отвергала с негодованием». 24 прериаля IV года она была признана виновной и приговорена к смертной казни. Осужденная приняла приговор вполне спокойно и сказала присяжным, что она исполнила свой долг. И на гильотину

она взошла, сохраняя до последнего мгновения жизни полное хладнокровие [92].

Во всем этом эпизоде с Франсуазой Карле-Мигелли известный исторический интерес представляет не только попытка Жюллиана придать новую окраску прериальскому делу, но и действительная его — на первых порах — уверенность, что арестантка в Консьержери говорит правду: очевидно, умы были в этот момент подготовлены не только к нападению *слева*, но и к нападению *справа*. Эта психология очень характерна для времени между прериалем и киберонской высадкой эмигрантского десанта. Только чересчур уже бредовый характер показаний экзальтированной девушки и явное их противоречие бесспорным фактам уничтожили в самом зародыше планы Жюллиана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ерминаль и прериаль знаменуют последние массовые выступления рабочих предместий Парижа во время Французской революции. При этом, в отличие от 14 июля 1789 г., от 5 и 6 октября 1789 г., от 10 августа 1792 г., от 31 мая — 2 июня 1793 г., плебейская масса предместий на этот раз совсем не имела союзников в средней и имела не очень много союзников среди мелкой буржуазии. Эти выступления не вызвали даже и платонического сочувствия в других классах общества. В жерминале и прериале движение направлялось прежде всего против «купцов», скупщиков, спекулянтов, «богатых» и против Конвента, поскольку он в глазах инсургентов являлся орудием этого класса. Класс имущей буржуазии (крупной, средней и отчасти мелкой) в Париже и правительственная машина во главе с Конвентом приняли бой — и выиграли его. В этом конфликте на их стороне оказалось также полное сочувствие как крупных и мелких земельных собственников, так и всех, кто кормился посредничеством между деревенским производителем и городским потребителем. Больше, чем когда-либо за всю предшествовавшую эпоху революции, жерминальское и прериальское восстания были осознаны обоими лагерями, были учтены современниками как борьба неимущих против имущих.

Разоружение парижского рабочего класса после 4 прериаля было важнейшим историческим фактом, обессилившим рабочих в том пункте Франции, где они были наиболее сильны и могли деятельно участвовать в политических событиях, а иногда даже играть решающую роль. В этом смысле цитированные мною слова старого монтаньяра о том, что после двух весенних восстаний 1795 г. «народ подал в отставку», хорошо передают впечатле-

ние современников и ближайшего потомства, если тут под «народом» понимать более точно население парижских предместий.

Изучаемые документы позволяют думать, что в Париже 1795 г.— как и в Тулоне 1795 г.— была все-таки руководящая группа людей, какой-то зародыш организации, и что эта-то группа, тот инсуррекционный комитет, который деятельно искали, но не нашли после 4 прериаля, пытался сообщить движению масс более или менее планомерный характер. Но если такой комитет действительно существовал, то ни в жерминале, ни в прериале ему не удалось использовать с наибольшей целесообразностью те силы, которые явились угрожать Конвенту, вошли в зал заседаний 1 прериаля, а затем оставались в боевой готовности вплоть до капитуляции Антуанского предместья вечером 4 прериаля. Что касается до конвентской «вершины», до «последних монтаньяров», то ничто не указывает на их причастность к самой организации выступлений в жерминале и прериале; даже об осведомленности хотя бы только двух членов «вершины» (Гужона и Бурботта) относительно предстоящего движения у нас есть всего одно свидетельство, не подкрепленное ни другими мемуарными показаниями, ни архивными документами. Вся обстановка событий обнаруживает оторванность депутатов-монтаньяров от плебейской массы предместий. Вождями этой массы они ни в коем случае быть не могли и даже не располагали какой-либо программой более или менее радикальной социально-экономической политики, которая могла бы сулить облегчение положения городской неимущей массы.

Коалиция разнохарактерных собственнических слоев города и деревни — вот кто оказался истинным победителем в жерминале и прериале и вот кто пожал все плоды победы. Что касается реставраторов и идеологов феодально-абсолютистского строя, то их попытка вырвать эту победу, учесть ее в *свою* пользу, не удалась и не могла удаться. Та же собственническая буржуазия, в состав которой входили и обломки старой буржуазии, и «новые богачи» — купцы, поставщики, спекулянты и приобретатели национальных имуществ, и земельные собственники,— не колеблясь, приняла и выиграла бой при отражении атаки справа, на острове Кибероне в мессидоре — термидоре 1795 г., а также на улицах Парижа 13 вандемьера того же года.

Таким образом, 1795 год окончательно выявил и осветил ту дорогу, по которой, согласно с определившейся 9 термидора группировкой социально-экономических сил, предстояло направиться дальнейшей истории Франции в течение ближайших десятилетий. В истории французского рабочего класса события, о которых шла речь в этой книге, сыграли, с одной стороны, роль как бы заключительного аккорда, последней попытки плебейских масс активно повлиять на ход Французской революции.

С другой стороны, эти события, разыгравшиеся почти на пороге XIX столетия, явились как бы предвестием и прообразом отдаленных, грядущих бурь и битв неимущей эксплуатируемой массы против буржуазии, в которых рабочий класс сыграл такую колоссальную роль.

Жерминальское и прериальское восстания были как бы грозным предупреждением, мстительным, гневным ответом голодающей трудящейся массы на вопрос: удовлетворена ли она результатами буржуазной революции, не пошедшей по пути коренного социального переустройства.

Рабочие предместья Парижа ответили на этот вопрос негодующим протестом, который вписали собственной кровью в скрижали истории.

Документы, использованные в моем исследовании, являются яркой иллюстрацией к словам Маркса, установившего прямую логическую связь между бессилием буржуазной революции, обнаруженным в 1794 г., покончить с проблемой нищеты — и крупными восстаниями парижской неимущей массы в жерминале и прериале 1795 г.

«*Конвент* имел на одно мгновение мужество *декретировать* уничтожение пауперизма... Каков был результат постановления Конвента? — Результат был тот, что на свете стало одним постановлением больше и что спустя *один* только год после этого Конвент был осажден изголодавшимися женщинами» *,— говорит Маркс, поминая еще старый, дотермидоровский Конвент и намекая на позднейшие события в жерминале и прериале.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 438—439.

Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение

Июльская монархия
Вторая республика
Начало Второй империи

Фигура Якова Толстого, в молодости приятеля Пушкина и участника движения, закончившегося восстанием 14 декабря, затем эмигранта, оставшегося за границей, где его застал декабрь 1825 г., наконец, агента и секретного сотрудника русской политической полиции, достаточно выяснена, чтобы стоило здесь на ней много останавливаться. К сожалению, правда, ни тот материал, исходящий от Якова Толстого, который уже был опубликован в русском переводе Центрархивом, ни тот, еще не изданный, с обширными выдержками из которого читателю предстоит сейчас ознакомиться, ни, наконец, свидетельства других лиц, касающиеся самого Я. Толстого, не дают ключа к психологическому пониманию того момента, когда этот человек превратился в соглядатая III отделения. Но нас здесь интересует не личность Я. Толстого, а его секретные политические корреспонденции, которые он составлял и слал из Парижа в Петербург на протяжении целых 30 лет. Ряд моментов в его донесениях является безусловно ценным и свежим материалом для истории Франции, *особенно для истории французской печати* от середины 30-х годов XIX в. до начала Крымской войны 1854—1856 гг. Конечно, Яков Толстой в этих донесениях усердно подделывается и к политическим воззрениям и к умственному уровню своих нанимателей и начальства: Бенкендорфа, Орлова, которым он непосредственно адресовал свои письма, Дубельта, Николая I. Но при всем том в корреспонденциях Я. Толстого разбросано немало тонких и проницательных замечаний, обличающих местами очень отчетливое и ясное понимание происходящих перед ним событий и заставляющих читателя неоднократно вспоминать, что перед ним не заурядный шпион из иностранного отдела

петербургского III отделения, а человек, которому Пушкин посвящал в молодости стихи, который лично общался со многими выдающимися современниками как в России, так и за границей и которого они считали человеком подходящим к общению с ними по своему умственному уровню. Конечно, не часто Яков Толстой в своих донесениях пускается в историко-философские размышления и общие соображения: его нанимателям это вовсе не требовалось. Философия происходящей истории была ими усвоена в том виде, как она была сформулирована в 1850 г. в льстивой «записке» министра иностранных дел Нессельроде, представленной Николаю I по поводу исполнившегося двадцатипятилетия его царствования. Все эти годы, по мнению царского министра, Европа была обуреваема пламенем «мятежей», а русский царь не переставая «спасал» ее, стоя на страже тронов, алтарей, общественного «порядка» и «нравственности». Во главе «мятежей» всегда шла и продолжает идти Франция, очагом их был и остается Париж. Яков Толстой все время вполне применяется к этим махрово-реакционным воззрениям, обеспечившим самодержавию заслуженную репутацию «жандарма Европы», а на свою роль поэтому он не может не смотреть, как на роль лазутчика, пробравшегося во вражеский стан и сигнализирующего оттуда в свой лагерь о поднимающихся опасностях и возникающих тучах.

Тон, которым говорится в этих донесениях о людях и событиях, неизменно презрительно-порицающий, укоризненный, свысока-поучительный; это тот самый тон, какого всегда держался, говоря о Франции, сам Николай I, начиная с Июльской революции 1830 г. и вплоть до той грозной минуты весной 1854 г., когда Наполеон III объявил царю войну, которой суждено было нанести такой страшный, непоправимый удар всему николаевскому режиму и смести самого Николая I с лица замли.

Использованные нами документы именно и доводят нас почти до этой финальной катастрофы — до начала 1854 г. Начинаются же они как раз с того момента, когда русское правительство решило иметь в лице Якова Толстого политического соглядатая, и дают понятие о том, чего, собственно, хотело от него начальство [1].

Дело происходит осенью 1836 г. Яков Толстой уже успел зарекомендовать себя (сидя за границей) благонамеренными выступлениями в европейской прессе в пользу русского правительства [2]. В III отделении возникает план возложить на него миссию бороться в Париже против враждебной России прессы. Николай I дает на это свое согласие, и Толстой, вызванный царским распоряжением на родину, поступает на службу в III отделение. Несколько позднее, по инициативе самого Толстого, круг его обязанностей расширяется: он получает разрешение,

помимо основной своей обязанности — борьбы с французской прессой осведомлять русское правительство о том, что делается в политических кругах Парижа, а также снабжать начальство книжными новинками.

Новая карьера Якова Толстого устроилась окончательно, по-видимому, после письма посла Палена к Бенкендорфу. Письмо Палена помечено 20 ноября 1836 г., а уже 3 января 1837 г. варшавский наместник Паскевич сообщает Бенкендорфу о проезде через Варшаву направляющегося в Петербург Якова Толстого.

Эти характерные документы много разъясняют в миссии, возложенной на Толстого, хотя и не дают исчерпывающего представления о полном, так сказать, «объеме» этой миссии нового секретного сотрудника III отделения *.

Париж, 20/8 ноября 1836 г.

Е. с. графу Бенкендорфу

Дорогой граф,

Я не хочу отпустить Якова Толстого, не сообщив вам нескольких соображений по поводу поручения, которое правительство намерено, по-видимому, на него возложить. Насколько можно судить по смыслу вашего официального письма от 8/20 августа [3], это поручение должно носить чисто полемический характер, а потому оно связано с существенными затруднениями, на которые я считаю своим долгом обратить ваше внимание.

Агент, назначенный ad hoc, чтобы вести борьбу с прессой сильной, грозной, я сказал бы, даже всемогущей в этой стране, так как она охватывает все, проникает всюду, господствует над всем, сделался бы мишенью для самых ожесточенных нападок, и его поручение с самого начала было бы обречено на неудачу. Все органы прессы, каких бы убеждений они не придерживались, претендуют на известную независимость, а поэтому человек, который предстал бы перед ними в качестве борца, бросающего перчатку всем, кто посмел бы хулить Россию, несомненно, погиб бы под ударами своих многочисленных противников. Все это относится к положению агента, имеющего открытое поручение бороться против нежелательных уклонений в прессе.

Совершенно иным было бы положение агента, на которого правительство возложило бы безобидную, но почетную миссию, например, корреспондента Министерства народного просвещения по научным и литературным вопросам. Он мог бы тогда обрабатывать прессу, так сказать, под шумок, а те связи, которые создадутся у него в силу самого служебного его положения, значительно облегчат ему возможность приобрести влияние в литературных кругах [4].

---

* Перевод документов с французского сделан А. Сиверсом.

Подобного рода поручение, дорогой граф, поскольку оно было бы явным и не связанным ни с какой иной обязанностью, представило бы массу затруднений и подвергало бы агента, выполняющего его, беспрестанным оскорблениям и скандальным обвинениям. Между тем, если сделать это поручение тайным и дополнительным, можно было бы, введя тем в заблуждение газетных писак, достигнуть намечаемой цели. Я могу сослаться на пример г. Дюрана [5], проживающего во Франкфурте и принимающего участие в местной газете статьями по вопросам, в защиту которых и Толстому также придется, вероятно, выступать. Некоторые из этих статей достаточно хорошо написаны, но они не достигают обычно цели потому, что общественное мнение восстановлено против автора и на него везде смотрят, как на наемного агента правительства, который пишет не по убеждению, а за определенную плату.

Напротив, русский агент, миссия которого, не получив огласки, прикрывалась бы служебными обязанностями, представляющими известную с ней аналогию, смог бы действовать с бо̀льшим успехом. В особенности, если выбор остановится на таком человеке, как Яков Толстой, который уже более двенадцати лет из личной склонности, по убеждению и из патриотизма занимается литературной и политической полемикой и которого парижские публицисты привыкли видеть выступающим в защиту интересов России с брошюрами и газетными статьями. Такое лицо не покажется подозрительным и сможет, если предоставить ему для этого средства, с успехом бороться с заблуждениями и клеветой, которые не перестают распространять о нас.

Таковы, дорогой граф, соображения, внушаемые мне интересами службы нашему государю, и мне остается только рекомендовать вашей доброте подателя этого письма. Все, что известно мне о Якове Толстом, свидетельствует только в пользу его поведения и его убеждений.

Примите, дорогой граф, вновь уверение в моей старинной и неизменной дружбе.

Пален [6]

Варшава, $\frac{\text{3 января 1837 г.}}{\text{22 декабря 1836 г}}$

Яков Толстой, остановившийся здесь на несколько дней, беседовал со мной относительно поручения, которое, по вашему предложению и по приказанию е. и. в., предположено возложить на него в Париже. Он подал мне даже небольшую докладную записку с изложением своих мыслей о том, как, по его мнению, возможно выполнить порученную ему задачу.

Так как г. Толстой выразил желание, чтобы я сообщил вам свое мнение по этому поводу, мне кажется самым лучшим переслать вам его собственные соображения. Я добавлю только, что основание газеты, которая была бы в его полном распоряжении, представляется мне делом полезным и что, по моему мнению, не встречается препятствий к

сообщению лицу, которое пользуется вашим доверием, сведений о положении дел в Польше.

С готовностью пользуюсь этим случаем, дорогой граф, чтобы повторить вам уверение в высоком моем уважении, а также в сердечной моей привязанности.

Князь Варшавский Паскевич-Эриванский [7]

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 1—3.]*

«Записка», о которой сообщает Паскевич, дает возможность узнать, как представлял себе свою будущую деятельность сам Яков Толстой. Он развертывает перед начальством обширный план подкупа пяти, по крайней мере, газет и параллельно — план основания особой, специальной французской газеты в Париже, с подставным редактором, с ассигнованием на это дело пятидесяти тысяч франков, с организацией постоянной информации из России, и в первую очередь из Польши, для «опровержения» «ложных» слухов о безобразиях царского правительства.

Вот текст этой докладной записки Якова Толстого Паскевичу:

...Имею честь представить вашей светлости нижеследующие соображения.

Агент, которого содержали бы в Париже для воздействия на прессу, был бы в состоянии использовать свои возможности и свои связи с главными органами печати лишь при условии, если в его распоряжении будут достаточно крупные денежные средства для подкрепления того интеллектуального влияния, которое он по своим способностям сможет оказать на прессу. В настоящее время более чем когда-либо парижские журналисты подкупны, общее направление идей влечет их лишь к одной цели — разбогатеть, короче говоря, все перья, за небольшими исключениями, продажны. Отсюда вытекает, что лицо, на которое было бы возложено поручение влиять на прессу, сможет, действительно, его выполнить, если ему предоставят средства для подкупа наиболее озлобленных хулителей России. Итак, совершенно очевидно, что для этого необходимы три вещи, без которых, как говорил великий Фридрих, нельзя вести войну,— деньги, деньги и деньги.

Его величество почтил меня своим выбором, и я не смею предъявлять каких-либо требований. Я слишком осчастливлен тем, что наш августейший государь выделил меня среди других, и мне непристойно торговаться и заявлять притязания, но между тем мне хотелось бы достойным образом и с пользой выполнять возложенные на меня обязанности. Если бы мои личные средства были достаточны, я счел бы себя счастливым пожертвовать их на дело, которое всегда считал своим и

* Здесь и далее в документах настоящей статьи текст автора дан в квадратных скобках.— *Ред.*

которое всегда, даже в постигшем меня несчастии, я поддерживал со всей энергией, какую может внушить самая чистая любовь к своему государю и к родине. Но, к несчастию, я небогат, и я вижу себя вынужденным просить поддержки правительства.

Столбцы пяти газет будут в моем распоряжении, как только я получу средства для их поощрения: «La Gazette de France»[8], «La Quotidienne»[9], «La Presse»[10], «La France»[11], «La Chronique de Paris»[12]. Есть у меня также некоторые связи среди редакторов «Journal des Débats»[13]. Я смог бы до известной степени уже теперь использовать эти связи, но это привело бы к появлению в печати только слабых и несовершенных опровержений, которые редакторы принимали бы по своему желанию, сокращая и изменяя в них все то, что покажется им чересчур сильным, и воздействие, которое я мог бы таким образом оказать на прессу при теперешних моих отношениях с журналистами, не было бы достаточно действенным.

Я думаю поэтому, что для достижения хороших результатов необходимо было бы, помимо прочего, основать собственную газету и иметь ее всецело в своем распоряжении, поручив ведение ее *подставному* лицу. Это возможно осуществить, ассигновав сумму приблизительно в 50 000 франков. Впрочем, сделав основанную мной газету достаточно интересной по своему общему содержанию и по сообщаемым в ней новостям, я мог бы без особого труда покрыть этот расход, и, таким образом, это явилось бы лишь временным помещением средств, которые не замедлят вернуться. Все, что я сказал, относится к денежному вопросу, что же касается материалов, равным образом необходимых для поддержания полемики, то необходимо сообщать мне как можно больше *фактов,* чтобы я мог с успехом бороться с ошибками и клеветою, которые распускают о России. В этом отношении на первом месте стоит польский вопрос, он является мишенью, и в нем политическое распутство газет черпает больше всего поводов для своего недовольства Россией. Поэтому мне необходимо иметь корреспондента в Варшаве, который поставлял бы мне оружие, нужное для борьбы с россказнями наших противников.

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 4—7.]

По приезде в Петербург Толстой представляет Бенкендорфу в докладной записке еще более развернутый план своей будущей деятельности. Это один из самых интересных, самых содержательных документов всей переписки, а краткие характеристики, которые он дает руководящим органам французской печати, в большинстве случаев и верны и метки, хотя, конечно, постоянно нужно учитывать специфическую точку зрения, с которой подходит к ним автор. Для истории французской прессы времен Июльской монархии этот документ, бесспорно, существенен. Этот враждебный взгляд *со стороны* очень интересен для историка.

И снова Толстой настаивает на необходимости, не довольствуясь подкупом уже существующих в Париже газет, основать еще свою собственную. «Идея» этой будущей газеты такова. Нужно внушать французскому общественному мнению мысль, что Франции необходим союз не с Англией, но с Россией; что, помимо всяких внешнеполитических выгод для Франции, этот союз упрочит общественный «порядок» внутри страны, «остановит успехи демагогии» и «ярость цареубийц» (не забудем, что еще очень живы были в тот момент воспоминания о покушении Фиески). Попутно Толстой рассказывает о любопытнейшем разговоре, который он имел с Тьером. В 1836 г. Тьер уже перестал быть министром и еще не успел снова сделаться им, а поэтому язык у него развязался, и он, по-видимому, разоткровенничался с царским агентом. Оказалось, что по самому важному вопросу оба собеседника солидарны: «Он согласился со мною, что для того, чтобы остановить революционный поток, следует опереться на Россию». Правда, Тьер выразил упование, что, когда революционный поток будет обуздан, тогда Франции будет выгоднее дружить с Англией, а не с Россией. Это место о разговоре с Тьером изложено Толстым несколько неясно.

Конечно, боевым вопросом в 1837 г. и в ближайшие годы в глазах Николая и Бенкендорфа был вопрос о борьбе против французского полонофильства, возбужденного слухами о том, что творили царь и Паскевич в эти первые годы после усмирения восстания 1830—1831 г. Поляков жалели и за них негодовали, с одной стороны, радикальные, а с другой стороны и из иных побуждений — клерикально-католические органы печати. Естественно, что этому вопросу в «записке» уделено большое внимание.

Докладная записка Якова Толстого Бенкендорфу заслуживает быть напечатанной без сокращений:

[11 апреля 1837 г.]

Среди парижских газет имеются только две-три, проявляющие преданность России настолько, чтобы мы могли ими всецело располагать.

В первую очередь следует назвать «La Quotidienne», редактируемую талантливо и имеющую 7000 подписчиков. Она придерживается мнений, враждебных нынешнему правительству Франции, но тем не менее ее читают все ее противники, как это принято во Франции по отношению к любой газете, лишь бы только она редактировалась с некоторым талантом. Другими причинами, обусловливающими интерес к той или иной газете, нужно считать резко выраженное оппозиционное направление и хорошо организованную связь с другими странами, в силу которой газета может давать самые свежие новости. Это последнее часто отсутствует у большинства газет по той причине, что они проявляют чрезмерную экономию в своих расходах. «La Quotidienne» всецело предана интересам России. Господа Мишо [14] и Лоранти [15] будут принимать

в печать все, что мы захотим сообщить им о России, по крайней мере они нам это обещали.

Газета «La France», менее распространенная, чем «La Quotidienne», обещает, однако, сделаться влиятельной, благодаря тому, что редактирует ее талантливый Делиль, и потому, что ее поддерживает партия, располагающая средствами. Она также предана России и будет принимать, за редкими исключениями, все статьи, доброжелательные нашей родине.

«La Gazette de France». Эта газета отличается злобной оппозиционностью, явной привязанностью к павшей династии и в особенности религиозной экзальтацией, которую ее главный редактор, г. Женуд[16], довел до крайности, в особенности с тех пор, как сам сделался священником. Это обстоятельство создало целую массу затруднений, которые по сию пору мешали нам найти доступ к этой газете. Ненависть, которую эта партия питает к России, совершенно иного характера, чем ненависть республиканских газет. Источник ее — в чувстве религиозной нетерпимости и чрезвычайном фанатизме, которым всегда отличалась католическая кружковщина.

Впрочем, поскольку газета постоянно черпала свои обвинения из мутных и лживых источников, не исключена возможность, что она вернется к более разумным мнениям, если представить ей в истинном свете те притеснения, которые католическая церковь в Польше будто бы терпит от русского правительства и которые наши противники изобразили ей в самых отвратительных красках. Автор этих строк недавно во время пребывания своего в Варшаве сам видел там архиепископа, назначенного папою, католическое духовенство, пользующееся в общем почетом у властей, и церковь и монастыри, процветающие под покровительством правительства. Если некоторые религиозные учреждения и были закрыты, то это было сделано в согласии с конкордатом и каноническим уставом, допускающими закрытие монастырей, число монахов в которых не превышает пяти. Масса других фактов, свидетельствующих о веротерпимости и справедливости русского правительства, мне лично неизвестна, но как только я получу нужные сведения, в моих руках окажутся неопровержимые доказательства, которые я предъявлю, и это поможет нам заполучить один из самых влиятельных органов прессы. Газета эта очень распространена потому, что она редактируется людьми, заслуживающими большого уважения, и насчитывает среди своих сотрудников лиц выдающихся, как, например, Берье, Шатобриан и др. Кроме того, газета выходит по вечерам и, следовательно, читается с большей охотой, как и все вечерние газеты, сообщающие новости из первых рук. И в настоящее время редакторы этой газеты выступают против России только вследствие того, что воображают, будто русское правительство преследует католицизм. Итак, очевидно, что их недовольство носит специфический характер и направлено только в определенную сторону, но тем не менее их ненависть ipso facto имеет своим последствием то, что они без разбора печатают всякие вздорные

и клеветнические сведения, непрестанно распускаемые здесь о России.

Что же касается газет так называемой «золотой середины» (juste milieu) и газет правительственных или, вернее, министерских, то они будут принимать наши возражения, если в политических отношениях обоих правительств не будет никаких трений.

«Le Journal des Débats» — один из самых влиятельных органов прессы — совсем недавно дал пример этому, когда с бессмысленным неистовством набросился и злостным образом исказил речь, произнесенную в Варшаве [17]. Французское правительство, дезавуировав выражения газеты, заявило, однако, что оно не может запретить органам, ему преданным, высказывать политические убеждения, которые расходятся со взглядами правительства. Это был выход, который они себе оставляли, допуская возможность охлаждения между обоими правительствами, чтобы затем безнаказанно напасть на нас, когда представится случай.

«Le Journal des Débats», располагающий многочисленной клиентурой и редактируемый с большим талантом, заслуживает внимания, и нужно приложить всяческое старание, дабы привлечь его на нашу сторону с тем, чтобы он помещал у себя хотя бы сообщения о действительных фактах, которые мы будем в состоянии противопоставлять злостной хуле наших противников. Среди редакторов «Journal des Débats» имеются лица, на которых пишущий эти строки мог бы оказать влияние, в особенности если его заявления могли бы быть подтверждены неопровержимыми документами. Находясь давно в дружеских отношениях с этими людьми, я имел возможность убедиться, что они далеко не являются нашими врагами и что их нападки на нас лишь результат того покровительства, которое оказывает правительство этой газете. Автор настоящей записки знаком с г. де Сальванди [18] и Жюлем Жаненом. Последний, хотя и ведет в газете лишь драматический и литературный фельетон, имеет, однако, достаточное влияние на главного редактора; я добавлю к этому, что он человек очень продажный и потому его легко купить. Он сотрудничает, кроме того, в массе других газет, где пользуется также заметным влиянием [19].

«La Presse», редактируемая Эмилем де Жирарденом [20], с которым автор также знаком,— газета, всецело преданная Луи-Филиппу. Задача, на него (Жирардена) возложенная, как он сам мне сказал, состоит в примирении умов; он желал бы, чтобы все правительства пришли к соглашению для общего блага. Это заявление показывает, что он непрочь был бы принимать от нас статьи. Он небогат и надеется, что, если будет к нам расположен, получит от этого какую-нибудь выгоду.

«La Chronique de Paris», которая не раз печатала мои возражения благодаря тому, что я близко знаком с заведующим редакцией г. Дюккетом, как и с одним из главных редакторов ее Капфигом, заслуживает внимания. Эта газета поддерживается доктринерами и редактируется под влиянием двора; ее страницы будут в нашем распоряжении, когда представится случай опровергнуть клевету фактами. Некоторые литературные журналы, как, например, «Revue des Deux Mondes» [21], «La

France Littéraire»[22], смогут быть нам полезными (последний особенно нам предан), но политика, хотя она господствует над всем и всюду проникает, стоит у них на втором плане.

Эти журналы могли бы служить нам для ознакомления через их посредство с огромными достижениями нашего правительства как в деле развития промышленности страны, так и в области управления. В них могли бы быть помещаемы сообщения, свидетельствующие о мудрости и великодушии императора, о замечательных чертах и блестящих фактах его царствования.

Остальные журналы и газеты — наши противники и ведут с нами ожесточенную борьбу, но уже легче выдерживать их натиск, когда располагаешь несколькими пунктами для обороны. В полемике, ведущейся против нас, следует различать два враждебных лагеря: одни во имя определенного принципа хотят принизить нашу страну, оскорбить и оклеветать ее — *это неисправимые, для них борьба* — вопрос решенный, и их девиз: война не на жизнь, а на смерть, и таким отвечать незачем! Другие не знают России, они наивно принимают клевету за правду и огорчаются тем, что́ узнают,— это противники по неведению, их надо просветить, открыть им ряд фактов и, не вступая с ними в спор и воздерживаясь от возражений, просто противопоставить клевете совокупность данных, ее убивающую. При всем этом, мне кажется, должны быть пункты, которых следует как можно меньше касаться,— так, личность императора стоит настолько выше всяких посягательств, что надо избегать упоминаний о ней в полемике, сохраняя, однако, за собой возможность напоминать о благодеяниях его для своих народов, о мудрости его управления, делая это в больших статьях, независимо от полемики. В 1823 г., когда я приехал во Францию, общественное мнение не было враждебно к России и в особенности к отдельным русским. Эта ненависть возникла после турецкой войны[23], но не была тогда особенно сильно и ярко выраженной, хотя уже величие России, управляемой властной и энергичной рукою, вселяло беспокойство. Зависть при виде России столь великой, прекрасной, сильной, идущей от одного преуспеяния к другому, породила это враждебное отношение, которое с той поры только росло вплоть до 1830 г., когда разразилось польское восстание. Его взрыв был ужасен в смысле воздействия на общественное мнение. С этого самого времени все партии соединились, чтобы обрушиться на нас под влиянием превратной идеи, что поляки имеют права на симпатии Франции потому, что сражались во французских рядах. Масса таких же легкомысленных, как и парадоксальных, предрассудков была причиною того, что все органы общественного мнения набросились на Россию с безмерным и непрекращавшимся неистовством. Этой борьбой, продолжающейся уже шесть лет и с каждым днем все усиливающейся, добились того, что Россия лишилась доверия Европы. Подобно тому, как утес, на который капля за каплей падает вода, оказывается, наконец, подточенным, так и общественное мнение, непрестанно обрабатываемое прессою, оказалось для нас окончательно неблагоприятным. К неса-

стию для нас, это нерасположение не ограничивается одной Францией. *Мировое распространение французского языка* и нелепое убеждение прочих наций, что все разумное исходит только из Франции и что там источник просвещения для Европы, явились причиною того, что ответвления французской ненависти распространились по всей Европе. Я нашел эту ненависть сильной в Германии, так как всякая страсть приобретает бóльшую силу по мере своего распространения. Однако поляки, как и следовало того ожидать, перестали, при ближайшем знакомстве с ними французов, внушать последним к себе сочувствие. Их поведение в предоставленных им убежищах настолько мало соответствует их положению и так мало достойно эмигрантов, пользующихся покровительством, что жители провинций, где расположены эти убежища, начинают уже замечать, что поляки не достойны оказываемого им гостеприимства. Париж еще не переменил окончательно своего мнения на этот счет, потому что те, кто живут в столице, составляют избранную часть эмиграции — они ведут себя достаточно пристойно из опасения быть высланными. Однако некоторые из эмигрантов своим поведением открыли глаза парижанам,— я оставляю в стороне вопрос о многочисленных кражах и процессах в судах исправительной полиции, как и участие поляков в разных беспорядках и заговорах. Они разделились на несколько партий, которые взаимно поносят друг друга в брошюрах и на страницах газет; нередко дело доходит даже до дуэлей. Партия наиболее комичная из всех та, что провозгласила князя Чарторыйского королем, под именем Адама I, что дало повод говорить, что этот Адам не первый из людей. Интерес, который он вызывал к себе, заметно ослабел с некоторого времени. Много было разговоров, когда однажды вечером, прибыв на бал к английскому послу, князь Чарторыйский послал спросить разрешения фиакру въехать во двор особняка, между тем как всем известно, что в Париже не принято допускать фиакров подъезжать к особнякам, расположенным между двором и садом. Все общество, собравшееся у английского посла, пришло в смущение при мысли, что князь Чарторыйский настолько впал в бедность, что вынужден ездить на бал в фиакре, и жена посланника поспешила распорядиться, чтобы впредь делалось исключение и, во внимание к *его великому несчастию,* допускали его подъезжать к подъезду особняка в любом экипаже. Через несколько дней Чарторыйского видели в маскараде, на котором бывают все парижские шелопаи, и по этому поводу справедливо говорили, что он мог бы деньги, истраченные на входную плату на этот маскарад и на другие развлечения, употребить на наем экипажа, а потерянное время — на размышления о *своем великом несчастии.*

Как бы то ни было, для меня важно иметь под руками материалы, из коих я мог бы почерпнуть доказательства огромных благодеяний, оказываемых Польше Россией. Я имел возможность видеть Польшу по прошествии 24 лет: в 1813 г. я видел ее бедной, жалкой и несчастной, а в 1836 г. я нашел ее прекрасной, богатой и процветающей. Мне пришло на память, что в Министерстве иностранных дел должен иметься доку-

мент, в котором сделана сводка всех улучшений и достижений в Польше за время русского управления. Я прошу ваше сиятельство, если действительно такой документ существует, предоставить мне его, так как он был бы в высшей степени полезен для выполнения моих служебных обязанностей. Общеизвестно, что Польша является кульминационным пунктом, привлекающим внимание и возбуждающим воинственное настроение наших противников, она доставляет наибольшее количество поводов для политического бесстыдства, она — наиболее обильный источник, откуда завидующие нам черпают свои гнусные оскорбления, она служит резервуаром для этих оскорблений.

Я по-прежнему настаиваю на своем мнении, что необходимо, кроме всех тех шагов, которые мы предпримем для привлечения на свою сторону союзников среди публицистов, основать также орган, которым мы могли бы всецело располагать. Газеты меняют свой цвет и своих редакторов, и часто газета, превозносившая вас сегодня, назавтра мешает вас с грязью — оттого, что она переменила владельца. Необходимо было бы иметь постоянный орган в нашем распоряжении. Я обратился с предложением основать такой орган к Анатолию Демидову[24], который сначала одобрил эту мысль, но потом другие планы заставили его от нее отказаться. Эта газета редактировалась бы французом, всецело преданным нам, и никто бы не знал, кто является настоящим редактором и владельцем этого листка. За вознаграждение в размере от 10 до 12 тысяч франков такой номинальный редактор примет на себя упреки, которые посыплются на него за постоянное восхваление России. Его ответ на эти упреки мог бы быть аргументирован следующим образом: союз с Англией неизбежно приведет Францию к гибели, революция — бич рода человеческого, вместилище всех несчастий и бедствий, предвестник низвержения тронов и общественных смятений — не остановится в своем поступательном и разрушительном движении, пока Франция не будет поддержана союзом с могущественной нацией, олицетворяющей собой порядок и благоденствие. Влияние, которое Россия окажет на Францию, задержит дальнейшие успехи анархии. Наконец, не ушло еще время для того, чтобы остановить развитие демагогии и неистовство цареубийц. Эти мысли я, между прочим, высказал г. Тьеру вскоре после его отставки[25], и он их вполне себе уяснил. Он согласился со мной, что для того, чтобы остановить революционный поток, нужно опереться на Россию, но он полагает, будто ему удалось до некоторой степени сдержать этот поток, и выразил надежду, что сможет его окончательно укротить, если снова вернется к власти. Тогда союз с Россией стал бы для Франции предательским, так как Россия, без сомнения, пожелала бы пойти далее этой первоначальной цели, между тем как союз с Англией является для Франции в материальном отношении более необходимым и более подходящим.

Принадлежность к русской партии считается в настоящее время во Франции настолько признаком дурного тона, признается так мало патриотичной, что нужно иметь известный запас мужества и не ставить ни

в грош популярность, чтобы заявить себя защитником России, в особенности в ущерб интересам Польши. Однако, убедив легитимистских редакторов, что дело Польши не их дело, мне удалось привлечь некоторых из них на нашу сторону.

Возвращаюсь к мысли о создании собственной газеты. Ей не пришлось бы пройти через ряд обычных для всех газет превратностей, так как успех газеты зависит прежде всего от оригинальности ее убеждений или, скорее даже, от их неожиданности. Поэтому газета, которая выступает с заявлениями, противоположными тому, что говорят все 200 французских газет, неизбежно привлечет к себе общественное внимание и приобретет больше шансов на успех по сравнению с газетой, придерживающейся общего со всеми другими газетами направления. Возможно, что этот успех будет непродолжительным, но тем не менее газета получит уже некоторую известность. Ослабление интереса и явное охлаждение к новой газете всегда следует за успехами первых ее шагов. Эти перипетии обычно являются предвестником гибели тех газет, которые, основываясь на своем первом успехе, не останавливаются перед огромными затратами и падают под тяжестью своих несоразмерных расходов. С нашей газетой дело обстояло бы иначе. Поскольку мы не преследуем значительных барышей, мы смогли бы поддерживать газету в ее затруднениях, как это делал Жозеф Бонапарт, субсидируя газету «La Tribune», которую 118 раз присуждали к уплате денежных штрафов, причем не было ни одного штрафа ниже 3000 франков, не считая судебных издержек[26]. Но не по такому пути, конечно, должна пойти газета, которая будет выходить под нашим покровительством. Ее задачей будет непреклонно сохранять умеренность, при сообщении фактов решительного опровержения нелепых оскорблений, наносимых России, и придерживаться скромной и приличной полемики, в основание которой должен быть положен силлогизм, а не эпиграмма. С другой стороны, наша газета будет иметь спрос потому, что она, вероятно, будет единственной, где читатель найдет точные сведения о России, Пруссии и Австрии, и сами наши противники будут черпать из нее сведения, которые, благодаря нашим связям с Петербургом, Берлином и Веною, нам представится возможным публиковать.

В Париже существует газета под заглавием «Le Polonais»[27], посвятившая себя борьбе с Россией не на жизнь, а на смерть. Эта газета—собрание всяких мерзостей и клеветнических сплетен — ведется очень плохо и дает только сведения вымышленные, апокрифические и необычайные. Она не имеет спроса и тем не менее существует, потому что партия, ее поддерживающая, не помышляя о барышах, преследует лишь цель поношения России. Поэтому эта газета, не имеющая подписчиков, доставляется бесплатно в читальни, кафе, рестораны и вообще во все общественные места; ее посылают, равным образом, даром и без обмена во все редакции газет, а также всем французским политическим деятелям. Таким образом, несмотря на весьма небольшой интерес этой газетки, ее принудительно читают все. Так практикуется в отношении всех газет,

которые субсидируются какой-либо партией и ею распространяются. Из всего этого вытекает, как я уже имел честь изложить выше, что важно иметь газету, неограниченно нам преданную, и что газета «Le Polonais» заслуживает того, чтобы появился антагонист для разоблачения ее гнусных измышлений [28].

Таков путь, которым я предполагал бы идти при выполнении возложенного на меня поручения, если только это не противоречит намерениям вашего сиятельства. Я смею думать, что отличающий вас возвышенный ум позволит вам, граф, достойным образом оценить побуждения, заставляющие меня так поступать. Эти побуждения вытекают из долголетнего опыта и основательного знакомства с поприщем, на котором мне предстоит работать. Я не скрываю от себя предстоящих опасностей и принимаю на себя торжественное обязательство переносить их мужественно и с достоинством.

Резюмирую. Чтобы верно и безошибочно достигнуть намеченной цели, необходимо принять, как правило поведения, нижеследующее:

1) Следить с величайшей осторожностью за тем, чтобы ни у кого не могло возникнуть даже подозрения, что мое поручение является заданием правительства. 2) Проявлять большую сдержанность в полемике: статьи, имеющие целью отражать памфлеты наших противников, должны быть основаны на *фактах* и должны быть написаны без всяких колкостей и самовосхваления, с легкой и приличной шуткой, и подкреплены энергичной аргументацией и разумными и убедительными доказательствами. 3) Пользоваться всевозможными средствами для привлечения сторонников, стараясь внушить им, что наше дело является жизненным вопросом, как бы единственным якорем спасения, и что от успешного его разрешения зависит сохранение порядка и существования общества. 4) Действовать путем обещания наград и теперь же раздать их некоторым лицам, оказавшим услуги нашему делу. 5) Публиковать время от времени отдельные брошюры в ответ на сочинения, для достойного опровержения которых газета, по ограниченности места, является недостаточной. 6) Продолжать оказывать воздействие на умы влиятельных лиц через посредство автора настоящей записки, проявляя бо́льшую настойчивость, чем то делалось до сих пор; к этому представится возможность, так как круг отношений автора записки неизбежно должен расшириться.

Его долголетний опыт, его патриотизм, его углубленное знание людей и вещей — гарантия того, что он выполнит свое поручение с успехом. Влияние, которое он призван оказывать на умы, должно теперь, когда он занял выгодное положение в свете, распространиться гораздо шире. И ранее, когда он жил в Париже, его, человека нуждающегося, тем не менее посещали писатели, публицисты, ученые, постоянно советовавшиеся с ним по поводу работ, которые они собирались публиковать о России. Они заявляли, что предпочитают с ним советоваться, чем подвергаться его критике. Таким образом содействовал он появлению нескольких серьезных трудов, как-то: «Географии» Бальби [29], значительной

части которой он является автором, его же «Синоптической таблицы России», «Живописной вселенной» Дидо [30], «Географии» Мальт-Брёна [31], «Энциклопедического словаря» [32] и т. д. Он принимает на себя обязательство служить с таким же усердием и с бо́льшей еще энергией. При выполнении своей трудной и опасной задачи он найдет поддержку в чувстве *привязанности, удивления и безграничной благодарности*, которое он питает к нашему великому государю.

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 9—20об.]

Можно не сомневаться, что «записка» Толстого была одобрена его начальством. Скоро мы видим агента Николая I вновь в Париже [33]. В первых же своих донесениях в Петербург Толстой берется за «высокую политику». Он знает, как раздражали и беспокоили царя всякие намеки на политическое сближение Франции и Англии. В том-то и было несчастие Николая, что тени грядущей в далеком еще пока будущем Крымской войны, перспективы очутиться лицом к лицу с англо-французской военной коалицией беспокоили царя, когда еще они были далеки, при Луи-Филиппе, и, на его беду, совсем перестали его тревожить именно тогда, когда опасность была, что называется, совсем на носу, при Наполеоне III. Причина ясна: при Луи-Филиппе хотя царь и убедил себя в слабости Франции, но все-таки с ней, по его мнению, кое-как считаться приходилось, и Англия легко могла вступить с ней в союз. А в 1852—1853 гг. что такое в глазах Николая была Франция? Калека с переломанными руками, страна, вконец разоренная революцией 1848 г., бессильная, живущая среди дымящихся развалин. Зачем Англия станет заключать союз с такой «развалиной»? Да и может ли Англия заключить союз с племянником своего смертельного врага — Наполеона I? Из всего этого и получилось в свое время роковое, погубившее царя недоразумение. Но в 1838 г. царь еще не был так спокоен, как после 1848 г., и поэтому письма Якова Толстого в Петербург о возможности или невозможности франко-английского соглашения должны были, конечно, очень интересовать Зимний дворец. Толстой много распространяется о полемике между английскими и французскими газетами, с удовольствием отмечая всякий раз обострение полемического тона и подчеркивая непрекращающуюся враждебность между правящими классами обеих стран. Источником периодических обострений антирусской агитации во французской журналистике Яков Толстой считает Лондон, причем, как и все в тогдашней Европе, запевалой антирусского хора он признавал само британское правительство во главе с лордом Пальмерстоном. В донесении Толстого от 19 ноября 1838 г. мы читаем:

№ 13

Париж, $\frac{19 \text{ ноября}}{2 \text{ декабря}}$ 1838 г.

Е. с. графу Бенкендорфу

Граф,

За время, прошедшее с тех пор, как я имел честь представить в. с. последнее свое донесение, обозначились довольно яркие симптомы перемены настроения англофильских газет.

Еще недавно казалось, что в области печати невозможен никакой поворот; какой-то поток уносил ее неизменно в одном направлении. Толчок исходил из Лондона, где скопляются сейчас все гнусности, порождаемые ненавистью и завистью к России или страхом перед ней. Столбцы английских газет ежедневно наполнялись лживыми выдумками, одна невероятнее другой. А затем этими выдумками наводнялась и Франция. Сказывалось это преимущественно в республиканских газетах: здесь о степени преданности интересам Англии можно было судить по яркости демагогической окраски. Исключением, впрочем, являлась «Gazette de France» с ее политическими разглагольствованиями, выходящими за пределы здравой логики, а часто доходящими и до окончательно разнузданного республиканизма.

При всем том, постоянно натравливая французскую печать на Россию, английская пресса не давала пощады и Франции, часто обвиняя ее в воинственности и завоевательных стремлениях, а с некоторых пор более чем неблагосклонно отзываясь и о французском правительстве. В английских политических органах то и дело появлялись и повторно печатались выпады то по поводу блокады Буэнос-Айреса и Мексики[34], то по поводу военных действий в Африке или насчет французских владений в Германии, или швейцарских дел.

Эти постоянные, непрекращающиеся нападки лондонских газет вызвали со стороны французских язвительную полемику, и в вышедших за последнее время номерах парижских демократических газет слышится тон серьезной обиды на почти враждебное настроение всей английской печати без различия направлений. Столбцы французских органов крайнего левого лагеря, являющихся, так сказать, авангардом зажигательной прессы, заполняются отповедью их заморским противникам.

В особенности «Le Courrier»[35] во враждебной по тону статье предъявляет англичанам обвинение в меркантильности и эгоистичности. Газета считает, что с каждым днем все более остывает и ослабляется интимный союз Англии с Францией, естественно зародившийся под влиянием событий 1830 г. «Le Courrier» винит в этом английскую прессу, определяя при этом ее как прессу не политическую, а торгашескую. Особенно удручена газета тем обстоятельством, что нападки на Францию представляют собою совсем не единичное явление. Враждебные Франции вопли раздаются в органах самых противоположных партий — тори, вигов и радикалов: «Times», «Morning Chronicle», «Courrier» с оди-

наковым ожесточением требуют от своей недавно обретенной союзницы то отчета по поводу завоевания Алжира, то обвиняют ее в агрессивных замыслах против Мексики и призывают Соединенные штаты к оружию на защиту последней. Из названных английских газет «Courrier» доходит даже до обвинения французской прессы в проповеди войны, в попытках поссорить Англию с Россией.

С особенным негодованием ополчились парижские либеральные газеты на статью «Sun», в которой этот орган радикалов стремится убедить, что достаточно одного слова, совместно произнесенного Англией и Францией, чтобы восстановить польскую национальность в ее правах и уничтожить Россию. Франция, заявляла «Sun», проявит величайшее вероломство, если не присоединится к кампании, начатой в связи с этим английскими радикалами.

«Le Courrier Français» считает только что приведенные изречения «Sun» грубыми и смешными и добавляет, что такого рода выступления английской печати могут вызвать опасные отзвуки хотя бы тем одним, что поощряют национальные предрассудки.

«Еще два-три года такой газетной полемики,— пишет «Le Courrier Français»,— и между двумя народами, пожалуй, снова разгорится соперничество, вызванное в свое время последней войной. Ход событий, приведший к союзу Франции с Англией, прежде всего требует полного равенства сторон. Франция, вступив в союз с народом, в характере которого мало рыцарских черт, должна вполне определенно подсчитать, какие выгоды может она извлечь из такого союза». Газета заканчивает заявлением, что ее крайне интересует вопрос, что именно намерена сделать в пользу Франции Англия, если уже заходит речь о вовлечении Франции в войну с Россией — войну, которая неизбежно превратится в общеевропейскую и которую Англия предпримет, конечно, лишь для того, чтобы закрепить за собою или расширить свои территориальные владения. Народ, который всегда имеет в виду себя и только себя одного, не должен находить странным, если, вступая с ним в сделку, напоминают ему его собственное излюбленное правило: «Даром ничего не делается...».

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 216—219.]

В этом же донесении Толстой рассказывает любопытнейшую историю о своих переговорах с тогдашним светилом парижской прессы — пресловутым Эмилем Жирарденом, талантливым и продажнейшим основателем и редактором газеты «La Presse». Тут интересен и деликатный разговор между продающим себя Жирарденом и покупающим его Толстым и характерна предусмотрительность покупателя, который уже с первых шагов запасается против Жирардена документами, которыми можно будет контршантажировать его, если тот вздумал бы впоследствии шантажировать царское правительство. Этот Жирарден, убивший на дуэли в 1836 г. благородного республиканского

публициста Армана Карреля, возбуждал тогда к себе презрение и вражду мало-мальски чистоплотных людей своими финансовыми проделками в области журналистики. Его газета пользовалась колоссальным распространением.

Продолжение донесения № 13 от $\frac{19\ ноября}{2\ декабря}$ 1838 г.:

...Что же касается газеты «La Presse», то она самым решительным образом объявляла себя против Англии и за Россию. Подтверждалось это в выступлении главного ее редактора, Эмиля де Жирардена, недавно вернувшегося к руководству газетой. Э. де Жирарден поместил в своем органе ряд статей дружественного по отношению к России содержания и, между прочим, статью от 6 октября с ответом на враждебный выпад «Journal des Débats» на тему о пресловутом запрещении польского национального костюма [36]. Такое открыто дружественное к России заявление на столбцах министерского органа, диаметрально противоположное при этом точке зрения другого, тоже министерского органа, «Journal des Débats», на взгляд многих, могло казаться странным. Я начал тогда же искать сближения с Э. де Жирарденом и вслед за тем был вызван г. послом, ознакомившим меня с содержанием секретного письма к нему г. Жирардена, копию с которого я здесь сообщаю.

«Обращаю внимание его сиятельства, г. российского посла, на статьи в «La Presse» и особенно на статью в сегодняшнем номере, касающуюся деятельности русского правительства; не найдет ли он нужным ознакомить с ними свое правительство на предмет допущения и распространения этой газеты в России и Польше? Если в этих целях необходимо предпринять какие-либо шаги, граф Пален очень обязал бы г. Эмиля де Жирардена, сообщив ему об этом и уделив несколько минут на личную беседу с ним».

Граф Пален, удостоив меня чести узнать мое мнение по поводу этого письма, предложил мне посетить г. Эмиля де Жирардена и передать ему, что он снесется с русским правительством по вопросу о допущении в России его газеты [37]. Я был у г. де Жирардена, рекомендовавшись как лицо, специально уполномоченное по отправкам в Россию книг и журналов. Он много говорил мне о своей преданности России, о своем преклонении перед прекрасными свойствами характера его императорского величества и заявил, что отныне примет за правило помещать в своей газете, в противовес несправедливым выступлениям «Journal des Débats» против России, всевозможные опровержения, основанные на достоверных данных. Он сказал, что думает даже снискать себе этим признательность министерства или, вернее, графа Моле [38]. Он просил снабжать его материалом, опираясь на который он смог бы придавать больше убедительности опровержениям клеветнических статей, печатаемых газетами противоположного лагеря. Я сделал вид, что несколько затруднен его просьбой, указав на чисто научный характер возложенной на меня миссии; однако в интересах родины я согласился снабжать его время от времени сведениями, которые могут облегчить

ему выполнение его похвального намерения, но просил его при этом смотреть на наши отношения как на совершенно частные и держать их в строгой тайне.

Через несколько дней после нашего свидания г. де Жирарден доставил мне некоторые печатные свои работы с приложением записки, которую я здесь воспроизвожу дословно:

«Г-н Эмиль де Жирарден просит г. Толстого принять в дар три следующих его труда: 1) «О народном образовании», 2) «О периодической печати XIX в.», 3) «Политические этюды» [39]. Г-н де Жирарден будет счастлив, получив разрешение поднести эти книги его императорскому величеству».

Имею честь приложить к настоящему докладу одну из этих брошюр под заглавием: «О периодической печати», содержащую довольно правильную оценку современного положения прессы.

Идя навстречу предложению г. Жирардена, я доставил ему два небольших сообщения, которые он и поспешил поместить на столбцах своей газеты в номере от 14 октября. То были опровержения двух статей. Одна из них, все на ту же тему о польском костюме, была напечатана в «Le Constitutionnel» [40], несмотря на опровержения «Journal de Francfort» [41]. «Le Constitutionnel», помещая указанную статью, заявил, что, вопреки появившимся опровержениям, он настаивает на своих утверждениях, так как имел возможность собственными глазами видеть приказ, налагающий запрет на ношение польского костюма, снабженный подписью: Szypof; другая же статья касалась назначения прелата князя Гедройца, которое истолковывалось, как неблагоприятное для католического духовенства.

Первая из моих заметок имела целью положить конец нелепой полемике о польском костюме. Я решительно настаивал на подложности документа, который, будь он подлинным, не мог бы быть снабжен подписью: général-major Szypof, с польским начертанием фамилии, а должен был быть подписан по-русски — Шипов (Chipoff). Еще более сильным доказательством подложности документа является чин генерал-майора, которым не мог назвать себя г. Шипов, будучи генерал-лейтенантом и к тому же генерал-адъютантом. Ваше сиятельство, впрочем, сможете судить обо всем самолично по прилагаемым газетным вырезкам.

Спустя несколько дней г. де Жирарден доставил мне корректурный оттиск статьи, которую я отметил черными чернилами и также здесь прилагаю. Я бережно сохраняю подлинники писем г. де Жирардена, адресованных как к г. послу, так и ко мне, чтобы иметь, на всякий случай, документы, которыми можно было бы припугнуть его, если бы ему вздумалось проявить недостаток скромности....

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 221 об.— 223 об.]

Дальнейшие донесения Толстого непрерывно указывают на быстро усиливающуюся вражду Англии к России и на влияние Англии на Францию. Вражда Англии объяснялась осложне-

ниями на севере Индии и в Персии и твердой уверенностью британского кабинета в опасных для Англии происках царского правительства в Тегеране. Влияние же Англии на французскую прессу объяснялось прежде всего ненавистью французских либералов и радикалов к самодержавному деспоту, главе мировой реакции Николаю I и враждой католических кругов к притеснителю Польши. Отмечает Толстой и попытки англичан и французов втянуть в подготовляемый антирусский союз также Австрию, пугая ее могуществом и возможной агрессией со стороны восточного соседа. Характерно, что Меттерниха французские левые партии ненавидели гораздо меньше, чем русского царя. Эти сообщения перемежаются с отдельными заметками о политических скандалах, антиправительственных выступлениях и т. д. во Франции и в Англии. Особого интереса это не имеет, так же как сообщения о переговорах с русофилами из французов, внезапно являющимися время от времени к Толстому с предложением за самое умеренное вознаграждение пропагандировать в печати необходимость франко-русского союза.

Скромно перечисляет Толстой собственные статьи во французских газетах, печатавшиеся им часто без подписи, так как он хотел, чтобы их принимали за статьи французов: 6 октября 1838 г. в газете «La France» он писал «О русском императоре и революционерах», всячески стараясь, разумеется, выявить «превосходство» русского императора перед революционерами; 10 октября там же он писал «О популярности его величества императора Николая в России»; 18 ноября в «La Presse» и 24 ноября в «Quotidienne» — об инспекционной поездке министра просвещения Уварова и т. д. За эти литературные выступления, как и за всю деятельность в совокупности, Толстой сподобился следующей пометки Бенкендорфа на полях донесения от 19 ноября (2 декабря) 1838 г.: «Написать ему, что император очень доволен его усердием, а я восхищен им».

Высочайшая ласка оказалась очень кстати. Яков Толстой уже раньше сообщал, что хорошо было бы несколько согреть милостью тех французов — редакторов, литераторов и ученых,— которые выражают наиболее ясно свое стремление быть по мере сил полезными царскому правительству. Свою мысль он подробно развил в личной беседе с Сагтынским — чиновником особых поручений при III отделении, специализировавшимся на политическом сыске за границей, которому Бенкендорф поручил заняться французской прессой в бытность Сагтынского в Париже. Теперь Сагтынский счел момент благоприятным, чтобы продвинуть пожелания Толстого. В докладной записке к Бенкендорфу от 26 ноября 1838 г. он пишет, что хорошо было бы, например: 1) подписаться на 30 годовых экземпляров газе-

ты «La France»; 2) на 15 экземпляров журнала «La France et l'Europe» [42]; 3) дать редактору газеты «La Quotidienne» г. Лоранти золотую табакерку; 4) дать журналу «La Revue du Nord» [43] шесть тысяч рублей единовременно (рукой Бенкендорфа на полях: «Лучше по две тысячи рублей в год»; ясно, что Бенкендорф меньше доверял природе человеческой, чем Яков Толстой). Отдельно отмечены ученые, ждущие поощрения в своем русофильстве: г. Адриену Бальби, знаменитому географу и статистику, следует дать Станислава (рукой Бенкендорфа: «Анну 3-й степени»); г-ну Шнитцлеру [44], составившему благонамеренную статистику о России,— золотую табакерку (рукой Бенкендорфа: «Ценой в одну тысячу рублей, если он еще не получил»); господину Шопену [45], написавшему в хорошем духе работу о России, подарить перстень (рукой Бенкендорфа: «Ценой в тысячу двести рублей»). Награды были утверждены царем.

О самом Якове Толстом скромно указывалось, что Париж город дорогой, а интересы службы заставляют делать расходы, получает же он всего три тысячи рублей в год.

Царь приказал дать ему полторы тысячи наградных. 19 декабря 1838 г. Бенкендорф лично уведомил об этом Толстого, присовокупляя уверение в двух благоволениях разом: императорском и в своем собственном («С искренним удовольствием сообщаю вам,— писал Бенкендорф,— что император остался весьма доволен вашим последним донесением») [46].

Много хлопот в эти годы причиняли царскому правительству проникавшие в Европу и волновавшие общественное мнение не только Франции, но и Италии, и Австрии, и Южной Германии, и всех католических стран известия о насилиях, которые творили царская власть и православное духовенство в Литве и Польше. Ссылка ксендзов в Сибирь, засекание до полусмерти католических монахинь, насильственное разлучение детей с родителями, жестокое навязывание униатам православия — все это постоянно описывалось в прессе с соответствующими комментариями. Римский папа протестовал официально, знаменитый ирландский агитатор Даниэль О'Коннель гремел на митингах в присутствии прелатов ирландской церкви. Об одной из таких «клевет», вызвавшей вмешательство О'Коннеля, Толстой говорит в своем донесении от 18/30 января 1838 г. И тут же сообщает об антирусской демонстрации, которой открылась сессия французского парламента в этом месяце.

№ 4 **Париж, 18/30 января 1838 г.**

...Еще совсем недавно мы видели О'Коннеля, повторившего на одном из митингов эту нелепую и гнусную клевету и говорившего о ней, как о событии, истинность которого не подлежит сомнению...

...Открытие палат было отмечено враждебными России демонстрациями и возобновлением бесплодных симпатий к Польше, которые изливались в необоснованных речах и превращались в ребячество. Эти речи были сказаны в связи с обсуждением адреса королю в палате пэров. Вновь введенные туда за последние дни пэры сочли своим долгом занести в верхнюю палату плебейскую политику нижней. Гг. Биньон и д'Аркур[47] и профессор Кузен[48] внесли предложение включить в адрес королю устарелые сетования по поводу судьбы Польши и требовать сохранения польской национальности. Премьер ответил им, что это совершенно излишне и что факт обращения ежегодно с одной и той же просьбой, без надежды на ее удовлетворение, свидетельствует о ее бесполезности и становится, следовательно, предосудительным для достоинства французской нации. Однако он добавил при этом, что сам он более чем кто-либо оплакивает судьбу польского народа, но что он не в состоянии помочь ему в беде. Нижняя палата также не упустила случая повторить те же фразы по тому же поводу. Маркиз де Морне[49] внес поправку, которая и была принята палатой депутатов. Я не вписываю здесь эту поправку, предполагая, что е. с. знает ее содержание...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, л. 59—59об.]

Полно интереса сообщение Якова Толстого о происходившем перед его глазами революционном восстании 12 мая 1839 г., связанном с именами Бланки и Барбеса. Эта неудавшаяся революционная попытка, так напугавшая не только правительство и крупную буржуазию, но также буржуазию среднюю и значительную часть мелкой, была последним крупным революционным выступлением времен Луи-Филиппа вплоть до Февральской революции. Вот что пишет Яков Толстой спустя три недели после восстания, 29 мая 1839 г. Его показания дают некоторые любопытные черточки и детали для истории этого памятного дня.

№ 18

Париж, 17/29 мая 1839 г.

Е. с. графу Бенкендорфу

Граф,

Шесть недель прошло со времени отправки моего последнего донесения вашему сиятельству. За это время здесь произошли события большой важности, и я не мог, за отсутствием верной оказии, сообщить вам подробности о них. Только сегодня отправление курьера дает мне возможность представить вам свои наблюдения и сведения, которые мне удалось собрать о беспорядках, имевших место в Париже.

Министерский кризис, чрезмерно долго продолжавшийся, придавал стране мрачный вид, предвещавший какой-то неблагополучный исход. На общественных собраниях слышался ропот, и мрачные предсказания вызывали повсюду волнение и беспокойство. Печать, не опасавшаяся

преследования со стороны министерства, лишенного определенной программы и, по собственному признанию, посаженного лишь для разрешения текущих дел, стала держать себя вызывающе, и можно было опасаться в будущем катастрофы. Тем не менее люди опытные и переживавшие времена смуты и скорби, которые так часто покрывали кровью Париж, были уверены, что полицией приняты надлежащие меры против повторения беспорядков, и никто не представлял себе, что в Париже возможно организовать восстание, когда правительство располагает всеми средствами для пресечения в корне всякой попытки такого рода.

Восстание тем не менее разразилось самым неожиданным образом, при отсутствии каких бы то ни было предвестников, которые могли бы внушить обществу хотя бы малейшее предположение о возможности подобного выступления. Что же касается полиции, то она, по-видимому, плохо выполняла свои обязанности, так как доказано, что во Франции существовал обширный заговор, подготовленный в глубочайшей тайне и имевший разветвления даже за границей. Тайные организации, под наименованиями «Общества четырех времен года», «Общества семей», «Друзей народа», соединились, по-видимому, в единый союз поджигателей; они предполагали поджечь Париж со всех четырех сторон и попытаться спалить Тюильри при помощи зажигательных бомб. Только поспешность помешала осуществлению этого адского плана [50]. Префект полиции получил сведения о готовившемся выступлении, и оно произошло раньше первоначально назначенного срока. По другой версии, выступление должно было произойти в день открытия палат, но оно было отложено, так как король лично там не присутствовал.

12 мая около 4 часов восставшие в числе от 200 до 300 человек направились в полицейскую префектуру; муниципальная стража и постовые полицейские отбили их ружейным огнем. Они напали тогда на пост при Дворце юстиции, завладели этим постом и обезоружили стражу. Командующий постом лейтенант Друино, сержант и трое солдат были убиты залпом, сделанным в упор. При этом был совершен возмутительный и варварский поступок: когда восставшие заняли караульное помещение, они нашли в одной из задних комнат старого больного солдата, который не был в состоянии подняться с кровати. Не понимая, что означает весь этот шум, он спросил об этом у восставших, которые вместо ответа его безжалостно умертвили. Этот пост был вслед за сим немедленно отбит муниципальной гвардией, и восставшие захватили пост у ратуши, который равным образом был взят обратно и занят линейными войсками. Отбитые от ратуши, восставшие бросились в квартал Сен-Мартен. Разграбив несколько оружейных магазинов, они соорудили баррикады на нескольких улицах. На следующий день в 10 часов перестрелка возобновилась на Marché des Innocents, где укрепилась часть бежавших накануне восставших, но их не замедлили разогнать.

Это восстание, по своей продолжительности, по числу принимавших в нем участие и по количеству жертв, было значительнее восстания

1830 г., так как по подсчетам до 200 человек пострадало за эти два дня. Потери линейных войск составляют одну треть этого числа. Один только батальон 7-го линейного полка в первый вечер потерял 15 человек убитыми, в том числе одного младшего лейтенанта. Полковник 53-го линейного полка Баллон (произведенный потом в генералы) был ранен в ногу; командир эскадрона Пеллион из Генерального штаба, брат редактора журнала «Revue du Nord», был тяжело ранен на улице Амбуаз, в центре города, у Итальянского бульвара. Последние полицейские списки дают нижеследующий подсчет убитых и раненых: убито военных 15, гражданского населения 59, итого 74; ранено военных 36, гражданского населения 61, итого 97; всего убитых и раненых 171.

Теряются в догадках по поводу происхождения этого восстания. Общее мнение во время самих беспорядков склонялось к тому, что это было бонапартистское движение. Был даже пущен слух, что арестован полковник Водре [51], принимавший участие в вылазке Луи-Наполеона в Страсбурге, но письмо его жены удостоверяет, что он не покидал департамента Côte d'or. Сам Луи-Наполеон написал в «Times» письмо, в котором, официально отрицая какую бы то ни было прикосновенность свою к парижскому восстанию, заявил, что если бы было предпринято какое-либо выступление в его пользу, его долг повелевал бы ему стать во главе восставших и он бы этот свой долг выполнил. По словам «Times», опубликовавшей это письмо, он не так давно предпринимал таинственное путешествие в Париж.

Бывший депутат Кабе [52], известный своими демагогическими убеждениями, скрывавшийся за границей, чтобы уклониться от наказания за преступление против закона о печати, только что вернулся во Францию, воспользовавшись правом давности, предоставляемым приговоренным после пяти лет отсутствия. Одна консервативная газета сообщила, желая этим внушить мысль о прикосновенности Кабе к восстанию, что Кабе несколько раз предпринимал подозрительные поездки в Париж, незадолго до беспорядков, но Кабе ответил, что он не покидал Дижона (департамент Côte d'or).

Среди арестованных, контингент которых в главной своей части состоит из рабочих, ремесленников и мальчишек, двое обратили на себя внимание как стоящие выше других по своей профессии и как принадлежащие к республиканской партии,— это некто Бланки, брат академика, приговоренный уже ранее за политическое преступление, и адвокат Барбес, равным образом приговоренный по такому же делу и впоследствии амнистированный. Говорят, что Бланки скрылся в Англию [53]. Впрочем, произведенные аресты были, по-видимому, недостаточны, так как 16 мая ночью произошли сновы буйства и были выбиты окна в магазине оружейника Лепажа. В связи с тем, что на палату пэров возложены судебные функции по делу арестованных за участие в восстании, канцлер Пакье [54] и несколько других пэров получили анонимные письма с угрозами на случай, если будет хоть один смертный приговор. В этих письмах говорилось, что пэры, голосовавшие за смертную казнь, будут сами

убиты при первом же восстании, которое несомненно произойдет вслед за этим. Но довольно трудно застращать 158 судей, из которых многие старые военные. Это обстоятельство может служить возражением против установления суда присяжных. Все, что можно извлечь из вышеизложенного, свидетельствует лишь о том, что Франция живет на кратере вулкана.

Другое важное наблюдение, невольно бросающееся в глаза,— это то, что национальная гвардия никогда еще в такой мере не уклонялась и не выказывала своего нежелания участвовать в подавлении мятежа. Из составляющих ее 60 тысяч, не считая 20 тысяч призываемых в предместьях, с большим трудом удалось собрать 3 тысячи. Очевидец, сам в качестве национального гвардейца принимавший участие во взятии одной из баррикад, рассказал мне самым наивным образом следующий случай: отряд в 500 человек национальной гвардии был направлен к баррикаде, возведенной в конце улицы Тиктон, при этом оказалось, что весь состав этого отряда состоял из торговцев и буржуа, проживавших по улице, где сооружена была баррикада. Сперва, пока они не видели восставших, скрытых от них баррикадой, они храбро шли вперед, несмотря на крики их жен и детей, но как только они подошли ближе и заметили дула ружей, концы которых высовывались из щелей укрепления, их охватил панический страх, и они все разбежались по своим лавкам и квартирам. Взрыв смеха, вместо ружейного залпа, раздался из-за баррикады, и только полчаса спустя 4-й легион, при поддержке линейных войск, захватил ее, причем во время атаки был убит национальный гвардеец Леду.

Линейные войска настроены, в общем, очень враждебно против восставших, и если бы допустили, они уничтожили бы всех и все, что оказалось на их пути. В своем рапорте военному министру маршал Жерар [55], несмотря на явное стремление прикрыть нежелание национальной гвардии выступить, должен был тем не менее признать, что в ней оказались убитыми только два гвардейца и два барабанщика.

Во время восстания произошел любопытный случай, имеющий отношение к Политехнической школе. Восставшие, отогнанные от площади Шатле, направились к Политехнической школе. Неся труп одного из своих, убитого во время атаки, и взывая о мщении, они прорвались через ворота школы, запертые при их приближении, с криком: «Нам нужны... командиры!». Подоспевший кстати отряд муниципальной гвардии быстро их атаковал и разогнал, причем было убито трое восставших.

«Journal des Débats», давая отчет об этом событии, сообщил, что будто бы восставшие были оттеснены учениками школы, что вызвало со стороны последних возражение. Неосторожные похвалы, которыми их щедро осыпали в 1830 г., взвинтили умы молодых людей, вообразивших, что они, действительно, командиры и политические деятели. Они отнесли письмо с возражениями в «Journal des Débats». Когда газета отказалась его напечатать, в редакцию явилась делегация учеников и заявила, что она не покинет помещения, пока их возражение не будет

принято в печать, после чего редакции пришлось согласиться с их требованием, и письмо появилось в газете, однако без подписей. Заключительная его фраза такова: «Муниципальная гвардия бросилась на тех, что оставались еще тут, и убила двоих на глазах учеников *возмущенной* Политехнической школы» [56].

Муниципальная гвардия, возмущенная такими выражениями, в свою очередь послала делегацию в школу, чтобы заявить ученикам, что они дерзкие дети, которых следует наказать, а что касается муниципальной гвардии, то она готова доказать, что поступила законно. Их протест заключал в себе вызов и был сформулирован в презрительных выражениях: ученики там назывались просто *мальчишками*. Однако этому протесту не пришлось увидеть света, так как в дело вмешались власти. Начальник Политехнической школы генерал Толозе был смещен за проявленный им недостаток энергии и распорядительности, и 31 ученик был заключен в тюрьму аббатства.

Пока эти события происходили в Париже, в Авиньоне был открыт легитимистский заговор; 28 заговорщиков были захвачены на собрании и арестованы. Однако, по-видимому, нет никакой связи между этой организацией и той, что недавно подняла знамя восстания в Париже.

Рассказывают даже, что во время последних беспорядков несколько вооруженных людей с белым флагом подошли к одной из баррикад с целью присоединиться к республиканцам, но были отвергнуты последними. «L'Europe Monarchique» высказывает предположение, что этот пресловутый заговор был попросту открытым собранием для танцев, которое переусердствовавший префект принял за секретное собрание заговорщиков. Подробности, относящиеся к последнему восстанию, заслуживающие, на мой взгляд, быть отмеченными, указывают на новую и опасную систему организации восстания, при помощи отдельных пятерок, которые по определенному сигналу должны были собраться, не будучи знакомы между собой. Ни одного имени не было занесено в списки заговорщиков, и привлеченные участники обозначались номерами и не знали друг друга. Начальники, руководившие восстанием, не появлялись и были невидимы и неизвестны членам организации. Эту подробность я узнал от герцога Деказа [57], одного из пэров, на которого возложено следствие в этом процессе...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 178—186.]

Французские легитимисты, неуклонно продолжая старую традицию своих отцов (эмигрантов революции 1789 г.), упорно стремились возможно глубже запустить руку в русский казенный сундук. В середине 1839 г. явился к Якову Толстому маститый редактор газеты «La France» виконт де Жайи и просил передать его величеству Николаю Павловичу, что хотел бы получать от царя на издание газеты 50 тысяч франков ежегодно. Такие просьбы постоянно встречаются у Якова Толстого в его донесениях. Приводим этот образчик.

№ 21

Париж, $\frac{\text{25 июля}}{\text{6 августа}}$ 1839 г.

...Виконт де Жайи, один из редакторов газеты «La France», был у меня сегодня утром и заявил мне, что безвыходное финансовое положение этой газеты ставит его перед необходимостью предпринять путешествие в Германию и в Россию с целью хлопотать о субсидии у правительств стран, которые он собирается посетить. После обстоятельного изложения всех нужд своей газеты виконт объяснил мне, что Карл X снабдил газету суммой, необходимой для внесения залога, в размере 100 тысяч франков и что, пока король был жив, они ни в чем не нуждались, после же его смерти герцог Ангулемский[58] заявил, что он недостаточно богат, чтобы их субсидировать. Герцог де Блакас[59] оплатил первый выявившийся дефицит по газете, но с некоторых пор он отказался от дальнейшей ее поддержки. Таким образом, они оказались предоставленными своим собственным силам. Молодой человек, виконт де Бонни, жертвует теперь всем своим достоянием для выхода газеты. Он отказывает себе во всем и с редкою самоотверженностью употребляет весь свой доход в 60 тыс. франков на содержание газеты. Г-н де Жайи[60] надеется иметь великое счастье видеть и лично заявить свою просьбу е. и. в. Его претензии показались мне чрезмерными и цифра субсидии сильно преувеличенной, и я рекомендовал ему не питать больших надежд. Он рассчитывает, что правительство могло бы назначить ему ежегодную субсидию в 50 тысяч франков, и вместе с теми субсидиями, которые он надеется извлечь еще и у других правительств, он мечтает создать газету, которая сможет идти вровень с лучшими парижскими органами...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 234об.— 235.]

Довольно однообразная служебная лямка Якова Толстого нарушалась время от времени волнениями и неприятностями с парижскими журналистами. Очень уж те были юрки и жадны. Яков Толстой терялся и не знал, как быть среди этой борьбы ненасытных аппетитов. Вот образчик. Дело происходит в августе 1839 г. Тут пишут о Польше, о пожаре Зимнего дворца — успевай только опровергать; обостряется восточный вопрос — успевай только сообщать о слухах из Англии,— и вот изволь от всего этого оторваться и расхлебывать следующую в самом деле любопытную историю. Жил-был тогда на свете некий небезызвестный III отделению Дюран, редактор газеты «Le Capitole». И вот узнает весь Париж, в том числе и Яков Толстой, что Дюран направо и налево рассказывает о себе самом, что он, Дюран, получает большую тайную субсидию от русского царя. На самом деле Дюран на сей раз ровно ничего от царского правительства не получил. Яков Толстой сразу догадался, с какими целями г. Дюран хвалится тем, что он подкуплен,— это затем, чтобы получить кредит у банкиров. Толстой пустился

опровергать Дюрана. Но опровергнуть человека, который сам упорно признает за собой определенный и никак не могущий быть опровергнутым, предосудительный для него самого факт, нелегко! — возмущается Яков Толстой. «Возмутителен» этот «цинизм» именно потому, что никаких взяток Дюран не брал, а утверждает («не краснея!»), что *брал* их. Если бы в самом деле брал, то и краснеть нечего было бы, по мнению стыдливого Якова Толстого. Недоумение по поводу необъяснимых действий Дюрана продолжалось недолго.

Является в разгаре этой суматохи к Якову Толстому старый его благоприятель, Эмиль Жирарден, и сообщает следующее: основанная Жирарденом, но принадлежащая не только ему, но целому акционерному обществу газета «La Presse» продается этим акционерным обществом с публичного торга. Он, Жирарден, хочет ее купить в полную свою собственность (газета была в самом цветущем положении в тот момент). Но вот неожиданно объявляется конкурент: этот самый Дюран, который слухами о том, будто бы за ним стоит финансовая поддержка России, именно и хочет отпугнуть конкурентов, сорвать торги и заполучить газету. Эмиль Жирарден с достоинством замечает при этом, что Дюран обладает притом демократическими убеждениями. Так стоит ли его поддерживать? Другое дело — он, Жирарден, всегда боровшийся с дурной прессой. Яков Толстой продолжал опровергать Дюрана, но насчет Жирардена советует своему начальству осторожность (Жирарден как раз в это время попался в проделке, весьма похожей на мошенничество). В Петербург отправляется такой отчет о событиях:

№ 22 **Париж, 7/19 августа 1839 г.**

...В предыдущем своем донесении я имел честь сообщить вашему сиятельству, что здесь ходят слухи о субсидировании русским правительством нынешнего редактора газеты «Le Capitole» [61] г. Дюрана. Эти слухи в последнее время еще усилились, благодаря нелепым похвальбам этого Дюрана. Лица, вполне заслуживающие доверия, передавали мне, что слышали о субсидировании от него самого. Из этих лиц назову: одного из редакторов газеты «Quotidienne» г. Вогренье и г. де Бонни, из редакции «La France». Я счел своим долгом решительно заявить, что совершенно немыслима какая-либо прикосновенность русского правительства к органу, демократическое направление которого громко провозглашается самим редактором. Но весьма трудно опровергнуть сложившееся у всех мнение, особенно, когда личность, служащая предметом россказней, сама их подтверждает, не краснея и с возмутительным цинизмом. Поведение г. Дюрана, очевидно, объясняется желанием создать себе кредит у банкиров, которого, конечно, легче добиться, уверив их, что он пользуется субсидией от русской власти. Последнее соображение подтвердил зашедший ко мне сегодня утром г. Эмиль де Жирарден. Поводом к

его визиту послужило следующее обстоятельство: основанную им газету «La Presse» сейчас продают; г. де Жирарден делает все возможное, чтобы приобрести ее в свою исключительную собственность от нынешних ее владельцев и пайщиков. Но вчера ему довелось услышать от одного немецкого банкира, имя которого он мне не назвал, что г. Дюран намеревается приобрести эту газету для русского правительства, от которого он, согласно его уверениям, получает по 12 000 франков в месяц. Г-н де Жирарден заявил, что ему не приходится вступать в состязание со столь могущественным конкурентом, что предложенная г. Дюраном цена на торгах неизбежно повысит, вероятно, настолько стоимость газеты, что он поставлен будет в невозможность ее приобрести. Если русское правительство, продолжал он, действительно намерено приобрести газету, ему следовало бы поручить это дело не г. Дюрану, а ему — де Жирардену: в противоположность г. Дюрану, он придерживается монархических и консервативных принципов, он всегда отстаивал сближение с Россией против союза с Англией, даже тогда, когда газета его была министерской; наконец, как основатель издания, он создал ему определенную репутацию, которую другое лицо вряд ли сумеет поддержать.

Я заверил г. де Жирардена, что г. Дюран берет на себя смелость похваляться такими вещами, в которых нет ни тени истины. Чувствуя необходимость погасить слухи, распускаемые г. Дюраном в целях личных выгод, я принимаю в этом направлении все зависящие от меня меры, оставаясь в диктуемых осторожностью границах. Что же касается г. Эмиля де Жирардена, то, невзирая на высокую его одаренность и крупные общественные заслуги по ожесточенной борьбе с печатью вредного направления, которой ему удалось нанести не один сокрушительный удар, я все же считал бы непредусмотрительным связывать себя сношениями с ним, ввиду его несколько запятнанной в общественном мнении репутации. Скомпрометированный в деле о рудниках Сен-Берена, он хотя и был по этому делу оправдан, все же вышел из него несколько опороченным. Сам он, правда, сваливает все на врагов, которых в большом числе нажил за время борьбы своей со всевозможными газетными уклонениями,— и в таком объяснении есть доля правды. Но при всем том, повторяю, вести с ним деловые сношения можно лишь с величайшей осмотрительностью, и этого правила я неизменно придерживаюсь [62].

Из числа лиц, имеющих намерение приобрести «La Presse», назову банкира Агуадо и сына Наполеона — графа Валевского.

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 246—248об.]

Газета осталась за Жирарденом.

С видимым удовольствием отмечая трудную борьбу, которую вели в это время французы с поднявшимися на защиту своей независимости алжирскими племенами, предводительствуемыми Абд-эль-Кадером, внимательно следя за высказываниями прессы по восточному вопросу, очень тогда обострившемуся,

Яков Толстой не забывает, конечно, польских эмигрантов, живших в Париже, и отмечает всякий раз празднование поминальной годовщины польского восстания 1830 г. (29 ноября), донося о речах Чарторыйского, Мерославского и других.

В донесение от 6 декабря вкраплена записанная под свежими впечатлениями сцена первого публичного чтения в салоне жены Эмиля Жирардена ее нашумевшей пьесы «L'Ecole des journalistes» («Школа журналистов»). Об этой пьесе и о возникшей вокруг нее полемике Яков Толстой дает свидетельство очевидца, небезынтересное для историка французской литературы и парижского литературного быта в годы Июльской монархии.

№ 25 Париж, 24 ноября / 6 декабря 1839 г.

...Мне недавно привелось присутствовать у бывшего депутата г. Эмиля Жирардена при чтении пьесы, написанной его женой г-жей де Жирарден[63], «Школа журналистов» («L'Ecole des journalistes»). На чтение пьесы в огромном количестве собрались писатели и редакторы газет всевозможных направлений и оттенков; присутствовало и большинство здешних женщин-писательниц. Эту пятиактную пьесу в стихах предполагалось поставить на сцене Французского театра, но она была запрещена цензурой. Принимая во внимание, что в ней нет ничего противоправительственного, что она скорее представляет собой резкую сатиру на самых неистовых и подлых врагов всех правительств, недопущение ее до постановки, вероятно, объясняется иного рода соображениями: дело, полагают, в том, что она полна личных намеков. Как бы то ни было, пьеса заслуживает внимания во многих отношениях, и только случившиеся алжирские бедствия заставили утихнуть возбужденные ею шумные толки.

В первом действии изображается редакция газеты, носящей название «Истина». Автор, выводя на сцену ответственного редактора, главного редактора, лицо, дающее средства на издание, и сотрудников газеты, рисует их правдивыми красками. Начинается пьеса сценой оргии, после которой все ее участники принимаются за писание статей, направленных против правительства, против всякого дарования, против добродетели, против неприкосновенности личности и против семейной чести. Пишется все это в пьяном до омерзения состоянии, и, невзирая на него, эти люди считают себя в праве провозглашать новые правила общественной жизни, корчат из себя аристархов-обличителей современности — ее политики, нравов, искусства, литературы и т. д. Излишне говорить, что стихи сделаны превосходно: г-жа де Жирарден — одна из знаменитых поэтесс.

По прочтении первого акта г-жа де Жирарден стала обходить собравшихся, спрашивая их мнение о пьесе. Когда она подошла к г. Жюлю Жанену, тот, на просьбу высказаться, сердито отвечал, что «все, что он прослушал, по его мнению, фальшиво от первого до последнего слова,

что журналисты никогда не напиваются допьяна перед тем, как писать, и не пишут, когда бывают пьяны». Тут, в свою очередь, рассердилась больно задетая в авторском своем самолюбии г-жа де Жирарден. Повысив голос, она заявила, что все ею написанное с совершенной точностью воспроизводит действительность и основано на неопровержимых данных, и добавила, что приложит к тексту пьесы примечания, где будут указаны подлинные имена всех изображенных в пьесе лиц. Она сослалась, наконец, на известную статью в «Journal des Débats», написанную г. Беке [64] в пьяном виде, во время оргии, и вызвавшую падение монархии и изгнание старшей ветви Бурбонов. Эта статья, приведшая к столь роковым последствиям, начиналась так: «Несчастная Франция, несчастный король!..».

После этого скандального эпизода г-жа де Жирарден возобновила чтение своей пьесы. Во втором акте изображено, как любовница одного из редакторов, балетная танцовщица, похищает рукопись, которую и продает, чтобы на вырученные деньги купить себе муфту. В похищенном документе повествуется о министре, который долго состоял любовником одной женщины, а затем женился на ее дочери. Последняя из обличительной газетной заметки, случайно попавшейся ей на глаза, узнает о бывшей между ее мужем и матерью связи, о которой раньше не подозревала. Это приводит к объяснениям между дочерью и матерью и дает в третьем акте прекрасную и умело написанную патетическую сцену. Всем ясен тут намек на эпизод из жизни г. Тьера, и имя его переходило из уст в уста.

В четвертом акте дан эпизод, изображающий судьбу старого художника, одного из самых выдающихся живописцев своего времени, талант которого не может получить признания из-за газетной травли. После долгих, но тщетных попыток бороться с могуществом и злобой газетной прессы он теряет рассудок под действием ежедневных оскорблений и умирает жертвой журналистики, в отчаянии бросившись из окна. Это в немного измененном виде история жизни художника барона Гро [65].

В пятом акте рельефно выявляется все зло, причиненное газетой: опрокинутое министерство, обесчещенная семья, самоубийство выдающегося художника и т. д. Один из редакторов, честный человек, признает свою ошибку, отказывается от прежних своих взглядов и заявляет, что отныне он перестает работать в газетах. В противовес ему, юноша, выступивший на защиту оскорбленной семьи, заявляет о противоположном решении — он хочет сделаться журналистом и вскрыть все тайные пружины журналистики: он вступит в ряды газетных сотрудников, чтобы крепче ее заклеймить, он сделается соучастником ее преступлений, чтобы до конца их разоблачить. Он знает, что его ждет: ненависть журналистов будет преследовать его клеветою, перетрясут всю его жизнь с младенческих лет, станут копаться в его происхождении, постараются опорочить его честь, лишить его даже родины,— он готов ко всему. Он падет жертвой, но падением своим раскроет всем глаза на зияющую пропасть! Этот молодой человек не кто иной, как сам Эмиль де Жирарден,

выведенный здесь, конечно, под другим именем, и здесь имеется в виду именно его деятельность. Так заканчивается пьеса.

Г-жа де Жирарден была восхитительна, когда с выразительностью и с волнением читала эту заключительную, прекрасными стихами написанную сцену. Она так волновалась, заканчивая чтение, что у нее прорывались рыдания и слезы душили ее. Так завершился этот знаменитый вечер, вызвавший затем столько шумных толков [66].

Клеймо, наложенное на журналистов женщиной, энергично разоблачившей отвратительные стороны их ремесла, привело их в подлинное неистовство, и они яростно набросились на комедию г-жи де Жирарден. Началось с «Le Temps», где лишь в нескольких строках фельетона было упомянуто о вечере, без указания места, и как бы для того только, чтобы осудить подобные чтения и поиздеваться над учеными женщинами, так называемыми «синими чулками». Но когда затем в «L'Artiste» появилось письмо Жюля Жанена к г-же де Жирарден [67], остальные газеты целым хором присоединились к его нападкам на автора этой комедии. Письмо Жюля Жанена весьма примечательно по манере изложения и развязности своего тона. Главная цель его — доказать, что пороки печати, изображенные г-жею де Жирарден в ее комедии,— плоды измышления автора, который совершенно умолчал о том, что называется благом печатного слова; печать, утверждал Жюль Жанен, никогда не приносила такого вреда, какой приписан ей в пьесе. В высшей степени циничное и бестактное, письмо это написано все же очень ловко и полно едкого остроумия. Оно произвело настоящую сенсацию и покупалось нарасхват, так что газета «L'Artiste» на нем составила свое благосостояние. Многие поражены, что в письме, обращенном к молодой женщине из общества, г. Жанен допустил такие фразы, как: «девки у уличной тумбы» или «своими белыми ручками вы копаетесь в навозе», «вы мараете их в грязи, крови и плевках» и т. д. и т. д. Словом, письмо изобилует столь отвратительными выражениями, что становится совершенно очевидным, что автор чужд порядочному обществу.

Вечером у г-жи де Жирарден была, можно сказать, еще более подогрета ненависть журналистов ко всем, кто оспаривает их право на руководство общественным мнением. Следует отметить, между прочим, что почти все серьезные газеты в ссоре между собой. Никогда газетная полемика не велась с таким ожесточением, как за последнее время, не говоря об органах диаметрально противоположных направлений, которые и без того обычно грызутся между собой,— и газеты одного приблизительно лагеря воюют друг с другом не на живот, а на смерть: так, «Journal des Débats» вступила в бой с «Le Courrier» и с «Le National»; «Gazette de France» с «La Quotidienne» и с «La France». Словом, в рядах журналистики царит полнейший раздор. Недавно «Le Courrier» возбудил судебное преследование против «La Presse» за диффамацию, и ответственный редактор последней приговорен к 2000 франков штрафа... [68]

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 282об.—287об.]

На обязанности Якова Толстого было не только следить за текущей политической прессой, но и радеть о том, чтобы историческая наука не уклонялась в нежелательную сторону. Так, 20 февраля 1840 г. граф Бенкендорф потребовал, чтобы Толстой немедленно связался с редакцией большого словаря «Biographie des hommes du jour» [69]. Редакторы этого издания согласились, чтобы биографию Николая Павловича у них написал сам Яков Толстой, уже и ранее писавший там и исправлявший биографии сановных россиян. Стоило это не очень дорого. Например, за нужные «пропуски» в биографии Паскевича редакция взяла всего 500 франков наличными. Эта же редакция пускалась еще и на такие ухищрения. Они за несколько лет до того уже издавали (в первом издании) том своего словаря с биографией Николая I, написанной в «возмутительном» духе. Теперь они обнаружили желание не только получить за новую благонамеренную биографию, но и за старую «возмутительную», и Яков Толстой принужден был скупить и уничтожить тысячу экземпляров первого издания! А тут еще вышли неприятности с другим историком, г. де Норвеном. Последний предложил написать историю Петра I. Яков Толстой и материалы ему достал,— и едва ли только материалы. Но историк оказался неумеренно алчным. Он вдруг потребовал, чтобы ему авансом дали 40 тысяч франков золотом и напечатали бы его труд за счет царской казны. Дело расстроилось [70].

Очень хлопочет Толстой о том, чтобы царь обнаружил щедрость к жене влиятельного редактора Эмиля Жирардена. Ту самую пьесу («Школа журналистов»), при чтении которой, как рассказано выше, присутствовал Яков Толстой, автор ее г-жа Жирарден повергла к стопам ценителя муз Николая Павловича, от которого и ждет если не табакерки, то чего-нибудь посущественнее. Яков Толстой деликатно настаивает, что хорошо бы ей что-нибудь, в самом деле, дать — муж человек влиятельный.

Толстой подкупал газеты от раза до раза, но три органа — «La France», «La France et l'Europe» и «La Revue du Nord» — были у него более или менее на постоянном иждивении. Когда эти издания прекратили свое существование, их сменили «La Patrie», «L'Assemblée Nationale» и «Constitutionnel» [71].

Впрочем, охотников «служить» было немало. Вот, например, консервативная газета, посвященная легитимизму, дружественная царская Россия, «Le Journal Général», и ее издает «человек почтенный и серьезный», виконт де л'Эспин. У этого л'Эспина состояние личное от 8 до 10 миллионов. Что бы, кажется, лучше? Но нет: в один прекрасный день почтенный и серьезный виконт обращается через третье лицо к Толстому и просит в награду за свой консерватизм и легитимизм денег от Бенкендорфа.

№ 29 Париж, 15/27 марта 1840 г.

...Через посредство виконта де л'Эспина еще один консервативный орган — легитимистского направления, состав редакции которого дружески настроен по отношению к России и к ее интересам,— я разумею «Le Journal Général»[72],— обратился с предложением своих услуг. Г-н де л'Эспин в письме на имя третьего лица, которым письмо и было мне передано, еще не заговаривает о субсидии, но ясно, что дело клонится к этому, хотя сам он и чрезвычайно богатый человек. Он сын бывшего управляющего монетным двором, и его средства исчисляются от 8 до 10 миллионов. Это человек достойный и положительный, и сношения с ним не могли бы меня компрометировать. Имею честь приложить письмо г. де л'Эспина к одному бывшему судебному деятелю, давнишнему моему знакомому, человеку, в честности и скромности которого сомневаться не приходится.

Убедительно прошу ваше сиятельство сообщить мне ваши распоряжения по всем этим вопросам, в каком бы смысле ни угодно было вам их разрешить...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 370об.— 371.]

Все эти попрошайки не могли, конечно, надеяться на такое внимание, как Эмиль Жирарден, владелец наиболее распространенной тогда газеты «La Presse». Курьезно, к каким приемам прибегал Эмиль Жирарден, чтобы напомнить деликатно русскому казначейству об «обязанностях» по отношению к газете «La Presse». Так, осенью 1841 г. (6 ноября) Жирарден посетил Якова Толстого и поведал ему, что он, Жирарден, побывал недавно в Австрии, четыре часа беседовал с канцлером князем Меттернихом и что Меттерних очень обнадежил его газету своей поддержкой. Ко всем этим интересным сообщениям Жирарден не преминул прибавить, кстати, что он теперь и в Россию собирается! Намек был крайне прозрачен, и Яков Толстой усиливается понять: была ли «поддержка» Меттерниха *денежная* или какая-нибудь иная?

В своем донесении от 6/18 ноября 1841 г. Яков Толстой сообщает о размолвке Жорж Санд с «Revue des Deux Mondes», об основании при ее участии нового журнала и дает несколько очень интересных замечаний бытового, так сказать, характера, ярко рисующих, до какой степени в эпоху Июльской буржуазной монархии издание газеты было в руках плутократии. Толстой приводит мнение одной парижской газеты, что фактически «право писать признано законом за г. Ротшильдом и некоторыми другими». Попутно он дает несколько конкретных примеров, интересных для истории французской периодической печати, и приводит наглядные объяснения того факта, что газеты оказываются такими хрупкими и скоропреходящими предприятиями.

...Пресса обогатилась за последние месяцы текущего года двумя ежедневными органами: «Le Globe»[73] и «Le 19me Siècle»[74]. Последняя из этих двух газет ведется в консервативном духе и склоняется на сторону России.

Знаменитая Жорж Санд, которой редакция «Revue des Deux Mondes» отказала в помещении одной ее статьи, как бы в отместку, решила основать новое повременное издание того же рода и дала ему название «La Revue Indépendante»[75]. К Жорж Санд присоединились два радикальных писателя: гг. Л. Виардо и П. Леру. Последний, бывший сен-симонист и пылкий писатель-республиканец, поместил в первой книжке этого журнала статью, исполненную крайнего революционного духа.

Но появление новых органов еще не служит доказательством процветания прессы вообще: на два вновь возникающих издания приходится вдвое больше исчезающих с арены печати. Со всех сторон твердят об отчаянном положении прессы. Правда, по-видимому, пробелы от гибели одних органов заполняются появляющимися им на смену новыми. В подобных начинаниях особенно легко поддаваться иллюзиям — это своего рода лотерея, и этого достаточно для людей, ищущих успеха. Любопытно наблюдать за постепенным упадком этих органов, со всеми его перипетиями, и, наконец, за окончательным их крушением, вопреки всем мерам, всем жертвам, чтобы предотвратить гибель. Но как ни оказываются тщетными все такие усилия, газеты все-таки упрямо продолжают твердить то самое, что провозглашали в первых объявлениях о своем выходе: что они призваны удовлетворить назревшей, всеми ощущаемой, всеми высказываемой потребности и т. д. Некоторые газеты объясняют многочисленные случаи гибели изданий суровостью законов о налогах. Вероятнее, однако, что причина здесь лежит просто в азартной конкуренции — этой игре, разорительной как для гибнущих, так и для тех, кто пока еще уцелел. Даже имеющее успех газетное предприятие требует огромных расходов, не компенсирующихся этим успехом, будет ли он достигнут сразу или постепенно. Бесконечное количество наводняющих теперь Францию газет совершенно не соответствует возможному в этой стране числу подписчиков на них: сильный ущерб подписке наносят существующие в значительном количестве общества, клубы, кафе и другие публичные учреждения, выписывающие все газеты. Надо прибавить к этому и читальни, которых в Париже насчитывается до 800, а по всей Франции — до 4000. Недаром одна газета, горько сетуя на огромность требующихся для ее существования издержек, заявила, что закон признает право на печатное слово лишь за г. Ротшильдом да еще за немногими другими, которым, впрочем, было бы крайне затруднительно этим правом воспользоваться.

Как бы то ни было, вот перечень наиболее значительных, уже успевших было упрочиться газет, прекратившихся в 1841 г.:

«Le Bon Sens» поглотила миллион слишком франков и разорила своих пайщиков. Ее зарезала основанная правительством газета «Le Sens Commun»[76], выходившая в том же формате, имевшая тот же внешний вид, что и названный республиканский орган, но при этом проводившая совершенно противоположные идеи; эту газету продавали по воскресеньям на улицах по очень низкой цене.

«Le Monde»[77]. При всей талантливости редактора этого издания г. аббата Ламенэ, оно погибло под бременем расходов и из-за недостатка подписчиков.

«Le Capitole». Издание это, обошедшееся Людовику Бонапарту в значительную сумму, погибло, однако, подобно предыдущим.

«L'Europe Monarchique»[78]. Газета не могла продержаться, несмотря на огромные средства, затраченные на нее маркизом де Ла Рошжакленом и другими богатыми легитимистами, даже при таком даровитом, по общему признанию, главном редакторе, как г. Канфиг.

Одна из самых процветающих парижских газет — «La Presse» — поглотила на поддержку своего существования 600 тысяч франков, отпущенных правительством, и только поэтому сейчас и жива. Между тем редактор ее, г. де Жирарден, должен быть признан одним из самых способных к руководству газетой людей: среди писателей его даже называют *воплощенной прессой*. Впрочем, признано, что для газеты не оппозиционного направления успех вообще дается с бо́льшим трудом...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. С, лл. 81—84.]

Несмотря на всю свою ловкость и пронырливость и несмотря на денежные жертвы со стороны царского правительства, Яков Толстой, по мере приближения Февральской революции, чувствовал с каждым годом, как возрастают трудности, связанные с его деликатной миссией. Особенно огорчали его католики. Клерикальная пресса не скрывала своего резко враждебного отношения к усилившимся в русской Польше и Литве в начале 40-х годов преследованиям католицизма и унии. «Фанатические редакторы!» — жалуется Яков Толстой в 1842 г. Особенно «фанатична» газета «Quotidienne». Газета «La France» тоже фанатична, но так как эти фанатики непрерывно получают от Якова Толстого деньги, то они хоть не враждебны в других вопросах, не касающихся католической религии и ее положения во владениях русского царя. А с другой стороны, как быть с Жирарденом? Положительная черта этого редактора газеты «La Presse» — его влияние, обусловливаемое громадным распространением его газеты; отрицательная его черта — это его мошенническое умонастроение и непобедимая природная наклонность к шантажу, от которой он и не может и не хочет отделаться! Давно ли, например, Жирарден с достоинством и горечью обличал Дюрана в том, что тот обманным образом *хвастает*, будто получает субсидии от России? А теперь сам он де-

лает то же самое и, главное, по тем же мотивам: тоже для поддержания кредита своего в банкирских кругах. Тут Яков Толстой помещает деликатный упрек царю, напоминая, что посылка пьесы жены Жирардена, повергнутой к стопам российского монарха, «осталась без ответа», то есть без подарка и без денежного всемилостивейшего вознаграждения. Эмиль Жирарден так рассердился на это невнимание к его жене, что и пустился шантажировать; такова была привычная форма выражения гнева этого маститого редактора.

№ 46 Париж, 1/13 октября 1842 г.

...«La Presse», с которой я, учитывая авантюристские свойства его главного редактора, никогда не желал входить в слишком близкие сношения, продолжала помещать мои статьи, хотя Эмиль де Жирарден и в обиде на меня из за отсутствия какого-либо ответа на присылку его женой, через мое посредство, ее комедии «Школа журналистов». Со своей стороны, я также воздерживался от свиданий с г. Жирарденом из боязни себя скомпрометировать. Дело в том, что, по обычаю малодобросовестных французских журналистов, он сам для увеличения своего кредита распускает слух о том, что получает субсидию от русского правительства. Слух этот так широко распространен, что даже г. Гизо убежден, что редактор «La Presse» снабжается крупными суммами из этого источника. Как передавал мне г. Киселев, г. Гизо совершенно уверен, что каждая дружественная по отношению к России статья, появляющаяся в «La Presse», проредактирована в русском посольстве. Так, однажды, по поводу статьи этой газеты о договоре 13 июля, он заметил: «Бьюсь об заклад, что за эту статью русским посольством хорошо заплачено»[79].

Принимая во внимание эти обстоятельства, я вынужден был воздерживаться от сношений с г. де Жирарденом. И когда я счел своим долгом напечатать статью в опровержение ложных слухов о недоразумениях, якобы происшедших между государем императором и прусским королем, я обратился к начинающей пользоваться успехом газете «Le Globe», с одним сотрудником которой я знаком. Имею честь приложить здесь небольшую заметку, напечатанную мною в этой газете...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. Д, лл. 54—55.]

Иногда одними деньгами ничего нельзя сделать. Из донесений Толстого Бенкендорфу от 13 октября 1842 г. мы узнаем, например, следующее. Известный польский эмигрант граф Владислав Замойский дал средства на издание сатирической биографии Николая I. Проведав об этом, Яков Толстой бросился к русскому посланнику в Париже Киселеву, а Киселев — к министру Гизо с просьбой о соответствующем административном воздействии, которое и было оказано.

Среди этой текущей хроники Яков Толстой отмечает в своих донесениях и факт большого значения для польской литературы: прибытие в Париж польского мессианиста, мистика и визионера Андрея Товянского, которому суждено было иметь такое роковое влияние на Адама Мицкевича в последние годы жизни великого польского поэта.

Продолжение донесения № 46 от 1/13 октября 1842 г.:

...В Париже появился поляк из Литовского края по фамилии Товянский [80]. Вдохновляемый, как он уверяет, святым духом, он собирается основать секту, по характеру своему одновременно и религиозную и политическую, и приобрел уже довольно значительное число приверженцев среди эмигрантов. Товянский начал с того, что обратился в Брюсселе к генералу Скжинецкому [81], в надежде подчинить себе при посредстве своих мистических теорий ум этого религиозно настроенного человека. По-видимому, это ему не вполне удалось, так как генерал счел его за интригана и даже дал ему понять, что подозревает в нем русского агента. Тогда же Товянский прибыл в Париж и здесь сблизился с Адамом Мицкевичем, человеком тоже чрезвычайно набожным. Овладеть душой польского поэта ему помогло обстоятельство совершенно исключительного свойства: жена Мицкевича заболела душевной болезнью и содержалась уже несколько месяцев в больнице для умалишенных. Явившись к Мицкевичу, этот бесноватый объявил ему тоном пророка, что, в силу божественного откровения, он пришел возвестить ему полное исцеление его жены и что Мицкевичу остается только отправиться за ней в больницу. И действительно, по удивительнейшей игре случая оказалось, что душевное заболевание г-жи Мицкевич прошло, так что, приехав в больницу, муж застал ее совершенно поправившейся. Этой случайности, истолкованной как чудо, было достаточно, чтобы и так уже экзальтированное состояние Мицкевича превратилось в подлинный фанатизм. Теперь он всецело находится под влиянием иллюминатских идей Товянского, и ряды секты ежедневно пополняются новообращенными...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. Д, лл. 60—61.]

В донесении своем от 16 марта 1844 г. Яков Толстой уже начинает сигнализировать приближающуюся революционную бурю и недовольство части буржуазии недостаточно решительной и твердой внешней политикой Луи-Филиппа, особенно по отношению к Англии в вопросе о борьбе за тихоокеанские владения, ненадежность мелкобуржуазных слоев и тесно с ними связанной гражданской милиции, то есть национальной гвардии, растущее раздражение против царствующей Орлеанской династии и недовольство в армии и во флоте. Толстому нельзя отказать в известной политической проницательности. Для 1844 г. его пессимистические суждения являются вовсе не шаблонными.

№ 58

Париж, 4/16 марта 1844 г.

...Когда вглядываешься в общее положение современной Франции, неизбежно приходишь к выводу, что недовольство королем и даже ненависть к нему неимоверно быстро растут. В Париже количество приверженцев правящей ныне династии заметно убывает,— в этом не остается никаких сомнений, когда видишь, как быстро нарастает охлаждение к ней во всех слоях населения. Никогда не встречал я раньше такого множества недовольных, и притом во всех кругах общества. В провинции ропот и жалобы носят, пожалуй, еще более обостренный и угрожающий характер, как это утверждают заслуживающие полного доверия лица, которым привелось за последнее время совершать поездки внутрь страны. И там так же, как и здесь, в Париже, все убеждены, что после смерти Луи-Филиппа возникнут серьезные волнения, которые приведут к изменению политического строя. Эта мысль овладела всеми умами, и такие рассуждения у всех на устах.

По всей справедливости надо, однако, признать, что тревоги и недовольство вызываются не одной только деятельностью нынешнего кабинета. Причина коренится в самой государственной системе, так как, будь это иначе, не трудно было бы найти средство для устранения болезни. На самом деле болезнь только усугубилась бы от смены кабинета: заменить г. Гизо г. Тьером (а пригодным сейчас для управления страной признается он один) — значило бы попасть из Сциллы в Харибду. Упреки по адресу правительства, выдвигаемые как столичной, так и провинциальной прессой, касаются всех без исключения сторон административной и политической его деятельности. Правительству ставят в вину, что оно опирается лишь на незначительное большинство в выборной палате народных представителей и может совершенно неожиданно лишиться этого большинства при переходе нескольких голосов на другую сторону. Указывают на резкое расхождение правительства с избирателями, воочию доказанное вторичным избранием пяти депутатов, подвергшихся исключению[82]; далее на конфликты в муниципальных советах, особенно в анжерском, где мэр ведет открытую борьбу с членами совета, а те не дают ассигновок и голосуют против всех предложений своего главы. Затем выставляют на вид разногласия между духовенством и правительством; недоверие к национальной гвардии, которую теперь не решаются привлекать на большие парады и расформированных отрядов которой не восстанавливают; недовольство во флоте, вызванное умалением достоинства его морского флага; недовольство в армии, вызванное недоверием и слежкой за ней, в частности тем, что, в видах предосторожности, отдельные подразделения отправляют на гарнизонную службу в отдаленные укрепленные пункты. Причиной недовольства является также борьба с прессой, которая раздражена суровыми сентябрьскими законами[83], длительностью тюремного заключения за преступления печати и чрезмерными штрафами; с другой стороны — игнорирование интересов торговли, промышленности и земледелия, совершенно не

пользующихся поощрением со стороны правительства; пренебрежение к общественному мнению в деле сооружения укреплений, в мероприятиях фиска, в повышении налогов; подкупность администрации и, наконец, унизительная для Франции политика по отношению к Англии. Таков длинный ряд неизменно формулируемых печатью обвинений. И все это повсюду проникло в умы, все это повсеместно можно услышать.

Славную книгу мог бы сейчас написать о Франции кто-нибудь из русских, в отместку за книгу о России маркиза де Кюстина: стоило бы только перечислить все обвинения, которыми осыпают друг друга различные партии; стоило бы только воспроизвести все то, что высказывается в печати о непорядках, безнравственности, корыстолюбии, недобросовестности и даже бесчеловечности французов! И действительно, никогда, быть может, не совершалось столько преступлений, сколько их совершается с некоторых пор в городе, именуемом ими столицей культурного мира, да и вообще по всей Франции, впавшей в ту глубочайшую развращенность, которая ежедневно сказывается в ужасающих, приводящих в содрогание преступлениях...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. Е, лл. 132об.—135.]

Появившаяся в 1843 г. в Париже четырехтомная книга маркиза Кюстина о его путешествии по России, совершенном в 1839 г., произвела в Петербурге и Москве впечатление разорвавшейся бомбы. Аристократ, консерватор, легитимист, маркиз поехал, по собственным словам, искать в России аргументов против конституционных порядков, а вернулся решительным врагом абсолютизма. Книга Кюстина, которого Николай в свое время пытался очаровать любезнейшим приемом при дворе, читалась с жадностью во всей Европе, газеты не переставали писать о ней, делать выдержки, ученые ссылались на нее. Безобразия николаевского режима не были в этой книге обнажены сколько-нибудь полно и решительно. Но и того, что сказал Кюстин, было более чем достаточно. Колоссальный успех обличительной книги Кюстина «La Russie en 1839» вызвал, с грустью отмечает Яков Толстой, нескольких продолжателей.

Не ускользнуло от внимания Якова Толстого и такое значительное явление в истории европейской политической мысли, как знаменитый журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher», начавший выходить в Париже под редакцией молодого Маркса и Арнольда Руге. Толстой (называющий Карла Маркса «профессором») находит этот журнал настолько любопытным, что даже посылает книжку Бенкендорфу. Яков Толстой утверждает, что по жалобе графа Арнима, прусского посланника, Гизо призвал к себе (чего в действительности не было) Карла Маркса и Руге и угрожал не только выслать их из Франции, но и выдать Пруссии.

Продолжение донесения № 58 от 4/16 марта 1844 г.:

...Успех книги Кюстина, 30 000 экземпляров которой разошлось в одной Бельгии, пробудил пыл и корысть у некоторых других памфлетистов. Некий Витте чуть ли не ежедневно угрожает нам в газетах тем, что в близком будущем появится направленное против России сочинение под заглавием: «Пять лет пребывания в России, с 1838 по 1843 г.».

Об этом произведении печатались несколько раз сообщения в «Journal des Débats» в сопровождении таких пояснений: «Разоблачение вопиющих несправедливостей, незаконных и произвольных арестов. Предостережение для всех, кто вознамерился бы направиться в Россию с промышленной целью или чтобы предложить плоды своей научной работы».

Автор этого памфлета, надо полагать, не более, как потерпевший неудачу авантюрист, и в таком случае и книжонку его постигнет участь всех подобного рода произведений, которые сами себя убивают своими преувеличениями.

Только что появилась еще книга, о которой оповещали с не меньшим шумом. Заглавие ее: *«Россия, Германия и Франция. Разоблачение русской политики»*, соч. Марка Фурнье. Несколько отрывков из этого произведения уже было напечатано в мелких театральных газетах; неправильные положения изложены в ней с таким явным недоброжелательством и так глупо, что, надо думать, большого успеха и эта брошюра иметь не будет. Как меня уверяли, автором этого памфлета является в действительности поляк граф Яблоновский, Фурнье же — только подставное лицо. Верить этому побуждают многие места в книге, в которых речь заходит о Польше: по ним легко заподозрить в авторе именно поляка. Так, упоминая о князе Льве Радзивилле, он отмечает, что тот из Клецкого ордината *, определение которого ни одному французу даже не понять: орфография имен собственных — польская: он пишет Galiczin вместо Galitzin. Все убеждены, что книжка исходит из кухни Чарторыйского, без которого, очевидно, дело тут не обошлось [84].

Имею честь препроводить при сем эту книгу вашему сиятельству.

Несколько немецких писателей, высланных за революционные убеждения из Германии и нашедших себе убежище в Париже, основали здесь журнал: «Deutsch-Französische Jahrbücher» под редакцией профессоров Руге и Маркса. Предприняли они это издание для того, чтобы, пользуясь существующей во Франции свободой печати, распространять в Германии свои разрушительные теории, а также чтобы, наводняя Германию издаваемым ими журналом, выместить свою личную злобу на нее. Два недавно вышедших номера заполнены гнусными подстрекательствами и опорочением всего, что достойно самого высокого уважения: ничему нет пощады, нет для этих людей ничего святого! Возмутительные по своему содержанию статьи направлены против королей Пруссии и Баварии. Прусский посланник граф фон Арним, вполне основательно воз-

* Польский термин *ordynat* означает майоратные владения.— *Ред.*

мущенный появлением такого журнала, обратился к французскому правительству с просьбой принять меры воздействия против авторов этих гнусных разглагольствований. По его настоянию, г. Гизо, вызвав к себе обоих редакторов журнала, пригрозил, что прикажет препроводить их по этапу на границу Пруссии, а там передать их в распоряжение прусских жандармов,— закон предоставляет правительству право принимать подобные меры по отношению к эмигрантам. Примененное г. Гизо средство вполне достигло цели — издание прекратилось, но первые два номера в тот же день были увезены из типографии, их продавали затем по очень высокой цене, и значительная часть экземпляров проникла в Германию. Мне удалось достать один экземпляр, и ввиду того, что в нем много любопытного, я позволю себе препроводить его вашему сиятельству...[65]

[Дело III отд, 1-й эксп., № 191, лит. Е, лл. 136—138.]

В 1844 г. Бенкендорф умер, и шефом жандармов, а потому и начальством Якова Толстого, стал граф А. Ф. Орлов.

В первом же донесении Орлову (от 19 ноября 1844 г.) Яков Толстой дает общую характеристику французской прессы и останавливается особенно на нескольких более влиятельных органах. В этом своем отчете Яков Толстой констатирует, между прочим, некоторое охлаждение в сношениях с подкупаемыми им редакторами. Причин он усматривает две: 1) католики не могут простить преследований их религии в Польше; 2) и католики и левые недовольны тем, что слишком мало получают от царского правительства, а между тем, по судебным приговорам им приходится платить большие штрафы, и вообще они поиздержались. Это был, конечно, деликатный намек Якова Толстого новому начальнику, чтобы он был пощедрее Бенкендорфа.

№ 1 Париж, 7/19 ноября 1844 г.

..«Le Journal des Débats» по-прежнему остается газетой, которая даже в новых условиях пользуется наибольшим влиянием и стоит во главе газетного легиона: ей отдают предпочтение перед другими газетами, и, хотя цифра ее подписчиков ниже «Siècle»[86] и «La Presse», во всех читальнях ее читают охотнее, по сравнению с двумя предыдущими газетами. Более низкое сравнительно число подписчиков объясняется разницей в цене: «Le Journal des Débats» стоит 80 франков в год, а те обе газеты по 48 франков, поэтому подписчиков последних насчитывается (в особенности у «Siècle») свыше 25 000, тогда как у «Journal des Débats» их только 10 000. Убеждения этой последней не пользуются особой популярностью, но зато газета представляет для читателей массу преимуществ, из-за которых ее и предпочитают другим. Во-первых, всем хочется знать точку зрения правительства по тем или другим вопросам. Затем обеспеченное финансовое положение газеты дает ей возможность иметь на всех пунктах земного шара деятельных и толковых корреспон-

дентов и сообщать из первых рук и скорее других всякие заграничные новости. Оказываемая ей правительством поддержка дает ей также преимущество, по сравнению с другими газетами, при опубликовании важных известий, передаваемых по телеграфу. Благосостояние этой газеты объясняется не только высокой подписной платой и крупным числом подписчиков — оно проистекает также от того почти непрерывного успеха, который позволил газете с самого ее начала укрепиться на прочном основании; к этому надо добавить еще и правительственную субсидию в размере 12 000 франков в месяц. Прекрасное редактирование и внешний вид — формат и печать — все это, повторю, заставляет отдавать ей предпочтение перед другими ее собратьями.

«Le Siècle», насчитывающий наибольшее количество подписчиков, редактируется довольно посредственно. Скромная подписная плата, доставляющая газете многочисленных читателей, но в то же время заставляющая соответственно увеличивать тираж, не дает достаточно денежных средств.

«La Presse» находится в таком же положении, но имеет то преимущество перед «Le Siècle», что редактируется много лучше. Люди большого таланта, ума и большого умения удерживают для нее первое место [87]. Кроме того, она субсидируется графом Моле. Главный ее редактор Эмиль де Жирарден все время проповедует союз с Россией и постоянно нападает на Англию.

Что же касается легитимистских газет, то они перебиваются со дня на день, их поддерживает, хотя и слабо, большинство высшего общества, и они едва двигаются по узкой стезе журналистики. Если бы они не опирались время от времени на республиканскую партию, которая, разделяя с ними ненависть к существующей власти, не пренебрегает выступать против нее в союзе с публицистами старого режима, эти газеты неминуемо погибли бы. Сверх того, их настойчивость начинает ослабевать от усталости все время сражаться по-пустому. С некоторого времени мои сношения с этими листками менее деятельны, чем раньше. Объясняется это разными причинами, из которых главная — в их уверенности, что русское правительство угнетает католическую церковь. Фанатически относящиеся к своей вере и слепо преданные папе, они приносят все в жертву этому чувству. Вторая причина состоит в том, что они, как неоднократно высказывалось ими при сношениях со мной, желали бы получать субсидии. Наложение на них постоянных штрафов и охлаждение некоторых богатых сторонников старой династии привели их денежные средства к оскудению, и они неоднократно обращались ко мне с просьбами о деньгах, которые я не мог удовлетворить. К счастью, за последнее время нападки дурной прессы на Россию несколько ослабели, что избавляет меня от необходимости прибегать к опровержениям...

[Дело III отд., 1-й эксп., лит. F, л.л. 4—6об.]

Это донесение Якова Толстого было представлено графом Орловым царю, и вот как реагировал Николай I. Мы узнаем об

этом из сделанной рукой Дубельта приписки на полях донесения: «Этот рапорт граф Орлов представлял государю императору при своей собственноручной выписке, на которой его величество изволили написать: «За ними присматривать, но не давать им важности в собственных глазах». 24 ноября 1844 г.». Другими словами, Николай не счел нужным проявлять особую щедрость.

№ 6 Париж, $\frac{\text{17 февраля}}{\text{1 марта}}$ 1846 г.

... Рассказ о приключениях Макрены Мечиславской, называющей себя аббатиссой базилианского монастыря в Минске, произвел здесь неблагоприятное впечатление.

Большинство газет воспроизвело на своих страницах жалобы этой авантюристки с добавлением ругательств и оскорблений по поводу русского тиранства, не замечая, что этот раздутый и нелепый рассказ весь проникнут таким глупым преувеличением и носит на себе отпечаток такого тупого фанатизма, что, при наличии малейшего здравого смысла, легко было убедиться, что он не что иное, как апокриф, и должен рассматриваться не иначе, как гнусная интрига, задуманная партией непримиримых врагов России. Все это было собрано в брошюре, изданной тремя польскими священниками [88], на первом месте среди которых стоит аббат Рылло, человек с опороченной репутацией, известный своими авантюрами. Об этом говорилось в проповедях, произнесенных во всех церквах Франции, служились искупительные мессы, и в конце концов люди были до такой степени возбуждены, что со всех сторон только и слышались проклятия русским и России. Ни одна газета не пожелала на своих страницах поместить самое маленькое опровержение этого вероломного и лживого рассказа. К несчастию, редакторы газет, с которыми я связан, имеют тот недостаток, что отличаются крайним фанатизмом, и, руководствуясь им в своих поступках, они отклоняли все мои возражения. Г-н Лоранти, главный редактор газеты «La Quotidienne», лично относящийся ко мне с большим расположением и в то же время искренне преданный России, оказался в данном случае возбужденным и раздраженным, как и все другие. Несмотря на это, я вручил ему заметку, в которой поместил опровержение гнусных фактов, содержащихся в рассказе польской авантюристки. В то же время г. Гоголь, русский писатель, в письме, присланном из Рима, сообщил нам, что Макрена Мечиславская, допрошенная в комиссии прелатом, отказалась там от своих прежних чудовищных показаний [89]. В заметке, переданной мною г. Лоранти, я упоминал об этом письме, но редакция «Quotidienne» в целом не согласилась напечатать ее, и все, чего г. Лоранти смог добиться, это помещения лишь нескольких строк, которые я при сем прилагаю. Эта заметка, в которой только отрицается факт, произвела, однако, превосходное впечатление, но дала повод к резко враждебному выступлению газеты «L'Univers» [90]; вырезку из последней я также позволяю себе представить вашему сиятельству

«La France», газета, на преданность которой я неоднократно указывал в. с., воздерживалась, из уважения к России, от опубликования памфлета Макрены Мечиславской, и, несмотря на свои ультракатолические взгляды и на нападки, которые за это молчание ей пришлось претерпеть от «L'Univers» и других газет, она так-таки ничего не опубликовала по этому делу. «La Presse», по тем же мотивам, проявила сдержанность и не напечатала ни слова об этом происшествии. Мне очень хотелось дать более широкую гласность моей заметке, и в этих целях я обратился к графу Сиркуру [91], женатому на русской и совсем недавно бывшему в России. Этот писатель, проявляющий большую преданность России, сотрудничает в газете «Le Semeur» [92], основанной протестантами в целях борьбы с религиозной нетерпимостью. Моя заметка, несколько измененная по существу и весьма сильно переделанная по форме, послужила, тем не менее, основанием для аргументации статьи, появившейся в «Le Semeur». В своей статье эта газета, осуждая — чему мне не удалось помешать — нетерпимость русского правительства, самым решительным образом отвергает гнусные клеветы, собранные в показании Макрены Мечиславской. К настоящему донесению я прилагаю, равным образом, и номер газеты «Le Semeur». Эта статья появилась в выпуске от 4 февраля и, так как я знал, что на следующий день, 5 февраля, г. Лэрбет [93], депутат-радикал, должен был выступить в палате по внесенной поправке, касающейся польской национальности, с резкой речью о преследованиях, которым будто бы подвергались базилианские монахини, я поспешил доставить ему со всевозможной осторожностью, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения по поводу источника статьи, номер «Le Semeur», вместе с анонимной заметкой, дополняющей и подкрепляющей аргументы газеты. Этот шаг привел к желаемым результатам. Присутствуя на заседании палаты депутатов, я сам слышал, как г. Лэрбет заявил, что, несмотря на всю ненависть, питаемую им к угнетателям Польши, и на любовь свою к этой последней, он не может, однако, дать веры тем ужасам, которые описаны в памфлете о. Рылло...

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. G, лл. 2—5.]

Якова Толстого во Франции принимали за атташе русского посольства (чем он стал лишь после 1848 г.), и в качестве такового он был удостоен в 1846 г. беседы с Тьером, который, приближаясь в своей «Истории Консульства и Империи» к изложению событий 1812 г., намерен был съездить в Россию и лично осмотреть поля сражений Наполеона в России. Попутно Тьер делает комплименты Николаю I, прочитавшему его работу, и жалуется, что Луи-Филипп не удосужился даже взглянуть на нее.

Продолжение донесения № 6 от $\frac{\textit{17 февраля}}{\textit{1 марта}}$ *1846 г.:*

...Считаю долгом своим дать в. с. отчет о разговоре, который вел при мне г. Тьер. Я встретился с ним с неделю назад на одном вечере.

Он начал с того, что отозвался с похвалой о его величестве государе императоре — «этом необыкновенном человеке», как он сказал. «России нужен государь такой именно складки». Затем он добавил: «Я узнал от одного из своих друзей, что император соблаговолил прочесть мою «Историю Консульства и Империи», что он прочел ее со вниманием и судил о ней, как человек, разбирающийся в исторических трудах. Между тем мой король не удостоил меня даже чести бросить взгляд на мою книгу. Для продолжения своей «Истории» я намечаю съездить в Россию с целью посетить все поля сражений 1812 г.,— это предположение я думаю осуществить летом будущего года».

Потом, заметив меня, он обратился ко мне со следующими словами: «Вы, как дипломат (они здесь все считают меня за атташе посольства), скажите мне откровенно, примут ли меня хорошо на вашей родине?» Я ответил ему, что Россия — страна гостеприимная, что там хорошо принимают всех и даже людей, которые этого не заслуживают, а что столь заслуженный человек, как он, может быть уверен в превосходном приеме. После этого он продолжал: «Я буду справедлив по отношению к России: при чтении реляций кампании 1807 г. нельзя не удивляться героизму русских войск, в особенности хороша русская пехота, занимающая первое место в Европе,— она проявила чудеса храбрости в этой кампании, в частности в битве при Эйлау».

Теперь я позволю себе просить в. с. не отказать осведомить меня, будет ли, если г. Тьер предпримет эту поездку, ему оказан хороший прием, для того, чтобы я мог, устранив всякую официальность, сообщить ему окольным путем, что ему делать: воздержаться ли от поездки или же осуществить свое предположение?..[94]

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. G, лл. 14об.— 16.]

Следует заметить, что, очевидно, применяясь к вкусам и наклонностям своего нового начальства, Яков Толстой пишет графу Орлову несколько в ином стиле, чем писал Бенкендорфу: много шуточек, прибауточек, светских сплетен, просто сплетен. Пишет об эмигранте Головине, о полуэмигранте Стремоухове (в 1846 г.), но все это тоже сбивается на совсем не интересные пустячки. Пишет помногу о заседаниях палаты, пишет не только о французских, но и об английских и испанских делах, но все это берет преимущественно из газет, и ничего нового и интересного в этой части его донесений найти нельзя.

В марте 1847 г. он принимается даже за составление «Парижской хроники», адресуя ее Сагтынскому, от которого она попадала к шефу жандармов и далее к царю. В веселом, гривуазном стиле Толстой болтает о легитимистах, о стишках против Луи-Филиппа в салонах Сен-Жерменского предместья и тому подобных пустяках, непосредственно слышанных и виденных, которых, по его словам, не сыщешь ни в одной газете. Орлову нравились эти писания. Направляя одну из «хроник»

царю, он написал: «Есть много любопытного», но царь приписал: «Еще больше чепухи». На этом если не самое существование, то присылка «Парижской хроники» в III отделение прекратилась.

Любопытно, что пишет Толстой в этой «Парижской хронике» о нашумевшем процессе Александра Дюма (отца) с газетами «Presse» и «Constitutionnel», вскрывшем, как фабриковались Дюма его романы.

Париж, 6/18 марта 1847 г.

...Процесс г. Алексадра Дюма, сына негра, именующего себя маркизом де ла Пайлетри, или, как его называют мелкие газеты, маркиза де ла Пайяссри *, вскрывает печальные подробности того, как в наши дни делается литература — это просто-напросто торговля [95]. Стихи, строфы, полустишья продают, как пирожки. Издатели газет заказывали ему столько-то томов, столько-то страниц, столько-то строк из расчета за строчку. «Я поставил,— сказал он,— 175 000 строк и условился поставить еще 125 000». Этот маркиз Паяц в защитительной речи, с которой он сам выступил, выказал себя смешным, дерзким, грубым и похожим на шута. Он оскорбил депутатов, академию, бросил тень на министров и на герцога Монпансье, и все это безнаказанно, так как здесь берегут плодовитых писателей, пользующихся известностью и отличающихся смелостью — таких, которых Бальзак называл маршалами литературы. Правда, несколько депутатов протестовали, но это скорее против данного ему поручения и против того, что правительство предоставило в его распоряжение судно. На другой день после заседания палаты, на котором шли разговоры по этому делу, г. А. Дюма послал вызов на дуэль г. де Мальвилю, депутату, выступавшему против него. Вот своеобразный обмен писем, произошедший по этому поводу,— заимствую это из английской газеты, так как французские воздержались от публикации.

Письмо г. Ал. Дюма к г. де Мальвилю:

«Милостивый государь! Вы оскорбили меня на днях в палате депутатов. Свободный теперь от каких-либо служебных обязательств, направляю вам своего друга Вьенне, пэра Франции, президента Общества писателей, чтобы сговориться с вами о дне, часе и месте, которые покажутся вам наиболее удобными для того, чтобы мы встретились, дабы перерезать друг другу горло».

Подписано: «Александр Дюма, маркиз де ла Пайлетри».

На это странное послание г. де Мальвиль ответил следующей шуткой:

«Милостивый государь, благодарю вас за доставленное мне удовольствие повидать очаровательного и милейшего г. Вьенне. Что же касается вашего любезного предложения перерезать мне горло, то я, к моему большому прискорбию, вынужден от него отказаться, так как не имею чести быть дворянином».

Подписано: «Маркиз де Мальвиль».

---

* От слова *paillasse* — паяц.— Ред.

Этот блестящий писатель сделался известным, благодаря изумительному количеству опубликованных им томов, а также оригинальности своего поведения. Между тем, вникая в его сущность, изучая его поступки и разбираясь в его творениях, убеждаешься, что он поднялся на такую высоту при помощи ловкости, уменья и краснобайства, а не в силу настоящего дарования и таланта. К тому же всем известно, что он завел фабрику романов и драм: двенадцать молодых людей работают днем и ночью в его писательской мастерской, а г. Дюма, выправив стиль и внеся несколько изменений в эти коллективные измышления, печатает это как плод своего творчества, как произведение своего обширного ума. Он только что выстроил театр, который обошелся, вероятно, чрезвычайно дорого и строился по совершенно особому плану. По этому плану его театр должен быть обширнее и удобнее, чем все театры прежние, настоящие и будущие,— одним словом, чем-то сказочным. Сперва его предполагали назвать Театром Монпансье, так как он строился под покровительством герцога Монпансье [96]. Но король не позволил этого, узнав, что дела Ал. Дюма находятся в печальном состоянии, и считая, что Дюма при таких условиях не преминет обратиться к кассе герцога как покровителя этого учреждения, что совсем не по вкусу Луи-Филиппу. Тогда решили назвать его Историческим театром, что достаточно нелепо, так как никто так не уродует, не искажает и не насилует исторической правды, как Александр Дюма, пьесы которого должны монопольно ставиться в этом театре; в пьесах же этих исторического только одно название. К тому же он сам высказал в своем предисловии к «Catherine Howard», что «пользуется историей, как гвоздем, на который вешает свою картину...».

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. Н, лл. 100—102.]

Грянула гроза 1848 г. Нам не приходится касаться донесений Якова Толстого за бурный революционный год, потому что они уже напечатаны в вышеназванном издании Центрархива. Остановимся лишь на двух документах, не попавших в это издание: одном — от 12/24 марта 1848 г., адресованном Дубельту, и другом — от 23 марта (4 апреля) 1848 г., адресованном Сагтынскому.

Якову Толстому представляется, что произошло светопреставление. Префект полиции Коссидьер похож больше на разбойника, чем на сановника, «чернь» владычествует и пр. А тут еще известия о революциях в Вене, Берлине, о трехстах поляках, едущих мутить Польшу, и др.

Париж, 12/24 марта 1848 г.

...Мы здесь по-прежнему находимся под тяжелым впечатлением политического катаклизма, который поглотил правительство и династию. Мы живем под властью террора, которым теперь исключительно определяется бытие Парижа — огромного города, не имеющего уже месяц ни правительства, ни полиции. Безопасность граждан зависит всецело от

усмотрения черни, которую каждая искра может снова воспламенить. Наше положение можно сравнить с положением укротителей диких зверей, которые на представлении в зверинце вкладывают голову в пасть льва или тигра. Дикий по природе, но до известной степени прирученный зверь не трогает головы укротителя, но, если бы ему пришла подобная фантазия, он легко мог бы искрошить ее своими страшными зубами,— кто мог бы этому помешать? Правительство, само себя поставившее, не пользуется никаким уважением и не имеет, в действительности, никакой власти, так как никто не обязан ему повиноваться, а если это делают, то только по своей доброй воле. К тому же они все в раздорах между собой. Префект полиции, *гражданин* Коссидьер[97], бывший предводитель лионского восстания, пользуется самой отвратительной репутацией. Своею внешностью и по своим чувствам он напоминает более предводителя разбойничьей шайки, чем должностное лицо. Он не подчиняется никому, обращается с министром внутренних дел и всеми членами правительства, как с равными себе, и окружил себя толпой разбойников, которые служат ему преторианскою гвардией и набраны из самых гнусных подонков черни, «la goîpe», как называют их мальчишки.

А пока что казна пуста, лавки, магазины и другие учреждения закрываются и исчезают. Все иностранцы и люди состоятельные бегут, и Парижу неминуемо угрожает полное разорение. Человек, побывавший здесь в начале февраля и приехавший теперь снова, совсем не узнал бы несчастной столицы — она обезображена, опустошена, опозорена, и ее вид внушает жалость. У всех состоятельных людей и буржуа, встречающихся на улицах,— мрачные лица, недоверчивый взгляд, в котором отражаются беспокойство и страх. Только подонки народа предаются радости, на улицах постоянно видны многочисленные толпы, и ночью они разгуливают при свете факелов, кричат, воют, поют, предаются адским танцам или пляске смерти. Такие ночные прогулки производят тягостное впечатление, а в Сен-Жерменском предместье, где живет прежняя знать, они вселяют ужас. Прошлою ночью толпа угрожала поджечь особняки богатых аристократов, вынувших, как она утверждала, все свои деньги из банков и спрятавших их в своих подвалах. К счастию подоспел сильный патруль национальной гвардии; офицер, им командовавший, обратился сперва с убеждениями к толпе, а потом разогнал этих неистовых людей. Теперь полночь, и я слышу, как по моей улице[98] проходит шумная толпа с факелами в руках и с пением «Марсельезы».

Итак, мы живем на краю пропасти. Известия из Берлина и из Вены произвели зловещее впечатление,— мудрые и честные люди потеряли надежду на возможность быстрой реакции. Примите уверения и т. д.

Я. Толстой

P. S. В последнюю минуту я узнал, что 300 человек из числа самых решительных польских легионеров отправляются сегодня на границу Польши, чтобы вызвать там смуту.

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, лл. 166—168.]

Письмо к Сагтынскому от 23 марта (4 апреля) не менее мрачно, чем донесение Дубельту.

Париж, $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апреля}}$ 1848 г.

Дорогой и бесценный друг,

Очень благодарен вам, что вы не забыли меня среди ужасной бури, потрясающей мир. Ваше сердечное письмо от 4/16 марта[99] поддержало мою бодрость в тяжелых обстоятельствах, в которых я нахожусь. Положение мое становилось невыносимым. Теперь, когда оно урегулировано, мои опасения улеглись. Г-н Киселев поставил меня в известность о принятом по поводу меня решении, и, хотя он не считает его еще окончательным, так как оно было сообщено ему раньше событий в Пруссии и в Австрии, которые переменили облик Европы, я тем не менее могу быть уверенным, что мои труды ценятся и сам я не покинут. Как бы то ни было, я не скрываю от себя трудностей своего положения, которое разделяет со мной несколько русских, задержавшихся в Париже по служебным обязанностям или вследствие каких-либо препятствий, помешавших им выехать. До сих пор мы претерпевали такие же тревоги, как вообще все иностранцы здесь, но польские события неизбежно сделают теперь наше пребывание в Париже опасным, как никогда. Во всяком случае, наше правительство может положиться на мое знакомство с местными условиями, на мою уже не раз испытанную осмотрительность, на мое усердие и мужество. Положение в Париже далеко не меняется к лучшему, успокоение не наступает, и, по-видимому, с каждым днем состояние все более и более ухудшается. Вот уже шесть недель, что мы без правительства, без полиции и отданы всецело во власть подонков народа, которые могут, если им заблагорассудится, безнаказанно нас грабить, громить, поджигать, избивать. Это, наверное, и случится в один прекрасный день, если наступившие бедствия будут и дальше идти тем же губительным путем. Некоторые надеются, что Учредительное собрание вернет Франции ее нормальное состояние, но я не разделяю такого мнения. Прежде всего, собрание, поскольку оно — плод всеобщего голосования, будет, естественно, весьма разнородным и будет состоять из молодых людей неопытных, беспокойных и не имеющих никакого понятия о законодательной работе. Затем, может ли успешно работать собрание, находясь под надзором 100 демократических клубов? Ясно, что эти демагогические притоны будут стеснять его деятельность. История, к тому же, нам свидетельствует, что даже Конвент пал под давлением клубов. Короче говоря, Франция висит над пропастью! Я испытываю большие затруднения при отправке своих донесений; я не смею доверить их почте, и когда есть что-либо спешное, мне приходится с надежным человеком посылать их в Брюссель. Каждая его поездка обходится мне в 60 франков. Считаете ли вы удобным, чтобы я обратился за разрешением пользоваться этим способом, по крайней мере, раз в неделю, чтобы не было перерыва в моих донесениях как раз в такое вре-

мя, когда всякая мелочь может иметь значение? На всю жизнь, по гроб ваш самый преданный друг

Я. Толстой

[Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. лл. 155—156об]

Яков Толстой пересидел грозу 1848 г. и остался в Париже. В 1849 г. он продолжает писать Орлову, но в этих донесениях нет почти ничего такого, что тот не мог бы вычитать из иностранных газет (об итальянских делах, о внутренней и внешней французской политике, о позиции Англии и т. д., см., например, донесения от 9/21 марта 1848 г. и 6/18 апреля 1849 г.). А если он отклоняется в сторону передачи доверительно полученных сведений, то это, по большей части, ничего не дающие великосветские сплетни о президенте Луи-Наполеоне Бонапарте, о его дамах и романах, о его холодности к своим родственникам, о его якобы непрочном положении. Яков Толстой не разгадал будущего императора и тоже содействовал своими донесениями сформированию в уме Николая I совершенно превратного представления о силе и значении Луи-Наполеона. В донесении от 8 ноября 1849 г. Яков Толстой глубокомысленно замечает, что «государственный переворот теперь невозможен вследствие дурного настроения в армии, а тем не менее это единственный путь спасения». Он пресерьезно на нескольких страницах передает глупейшие слухи о том, что президент республики собирается бежать, тайно уехать в Америку и т. п. Любопытно, что Яков Толстой ничего не говорит о Герцене (по крайней мере, в дошедших до нас донесениях) [100], хотя несколько раз пишет о ничтожном Иване Головине, ни о высылке из Франции Сазонова, ни о закрытии газеты Прудона, которую финансировал и в которой писал Герцен; а о Ксаверии Браницком и его субсидии этой газете Толстой говорит и о Сазонове, как сотруднике газеты «La Réforme», тоже поминает в донесении от 18 января 1850 г.

Уже с марта 1850 г. в донесениях Якова Толстого проскальзывают строки об усилении русофобии в Англии, об английских намерениях *«уничтожить русский флот и сжечь Севастополь»* (донесение от 27 марта 1850 г.). Но эти зловещие предостережения тонут в ненужной трухе сплетен и общеизвестных газетных банальностей о внутренней политике Франции и об интригах вокруг президента Луи-Наполеона. И по-прежнему даже в октябре 1850 г., власть Луи-Наполеона кажется Якову Толстому «эфемерной» (донесение от 9 октября 1850 г.).

Мудрено ли, что внезапный государственный переворот 2 декабря 1851 г., сделавший Луи-Наполеона самодержцем, явился для русского соглядатая совершеннейшей неожиданностью. До нас дошло его донесение, написанное в самый день

2 декабря и, вероятно, из осторожности посланное на домашний адрес Сагтынского. Он тут повторяет пущенную бонапартистами утку о том, что будто генерал Шангарнье собирался арестовать самого президента и что только государственный переворот, учиненный президентом, помешал этому намерению. Показание очевидца в первые же часы после переворота, конечно, имеет особый интерес.

№ 90 Париж, $\frac{\text{20 ноября}}{\text{2 декабря}}$ 1851 г.

Как я уже отмечал в своем последнем донесении [101], разыгрывающаяся здесь в течение нескольких месяцев драма приближается к своей развязке. Немыслимо было долее терпеть оппозицию, которую Национальное собрание оказывало Луи-Наполеону. Последним были уже предприняты некоторые подготовительные шаги к государственному перевороту. Однако потому ли, что не все еще было готово, или из желания внушить своим врагам, что ему не хватает решимости на дело, серьезность которого пугает его самого, и этим путем успокоить умы противников Елисейского дворца, но Бонапарт уверял всех, что он никогда не выйдет из рамок законности. Несмотря на это, беспокойство было очень велико. Вчера вечером, в понедельник 1 декабря, возвращаясь домой, я проходил мимо Елисейского дворца, где был большой прием. Когда я остановился, чтобы посмотреть на выходивший народ, ко мне подошел *человек,* постоянно поставляющий мне сведения. Запыхавшийся и сильно взволнованный, он отвел меня в сторону и, как всегда лаконичный, торопливо шепнул мне на ухо: «Завтра будет жаркий день, Собранию крышка, до свиданья в Тюильри». Я вернулся домой очень взволнованный, а сегодня утром в 8 часов я узнал, что подготовлялся заговор, что генерал Шангарнье должен был арестовать президента и отвезти его в Венсенский замок, но что вовремя предупрежденный Луи-Наполеон приказал арестовать генерала, равно как и 15 его сообщников, в числе которых называют генералов Кавеньяка, Ламорисьера, г. Тьера и пр. и пр. [102] Председатель Дюпен [103] — под домашним арестом. Появились два обращения президента: одно к народу, другое к армии. Очень трудно достать экземпляры этих обращений. Париж объявлен на осадном положении. Национальное собрание распущено так же, как и Государственный совет.

Все главнейшие пункты в городе охраняются отрядами войска с заряженными ружьями. Луи-Наполеон разъезжает по городу в сопровождении своего штаба и многочисленного кавалерийского конвоя. Он направился раньше всего к Тюильри, затем к ратуше, а потом посетил и предместья. Он на коне с 8 часов утра. Опасаются, что к вечеру народ начнет собираться, но вряд ли эти сборища могут быть многочисленными и угрожающими, поскольку приняты военные меры и введено осадное положение. Пока в городе все спокойно, народ высказывает безразличие. Мне только что доставили, вместе с последними новостями, выпущенные прокламации, которые при сем прилагаю.

В начале документа пометы рукой Орлова и Дубельта:

«Вот письмо, полученное Сагтынским от Толстого; подробности, по всей вероятности, прибудут с курьером». «Его величество изволил читать. Ген.-лейт. Дубельт. 30 ноября 1851 г.»

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 123—126об.]

Яков Толстой продолжал давать реляции день за днем, и все эти донесения от 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 10 декабря полны самого живого интереса. Это впечатления человека постороннего, но живейшим образом заинтересованного в совершающейся перед его глазами исторической драме. Эти наблюдения в общем не расходятся с теми фактами, которые могут считаться установленными историческим исследованием событий декабрьского переворота, а кое в чем дополняют и ярко освещают эти события такими прямо из жизни выхваченными черточками, которые могли быть подмечены лишь непосредственным наблюдателем. Это — самая исторически ценная часть донесений Толстого.

Полная и непоколебимая решимость войск парижского гарнизона, при помощи которых Луи-Наполеон произвел свой государственный переворот, отмечается прежде всего. Очень точно отмечены пункты, на которых были воздвигнуты баррикады (в рабочих кварталах) и было оказано первое сопротивление перевороту, начиная с 3 декабря. Очень интересно показание о бойне, учиненной войсками 4 декабря на бульварах и особенно при взятии большой баррикады у ворот Сен-Дени; есть, однако, и отдельные неточности (например, сообщение о гибели на баррикаде депутата Мадье де Монжо). Интересен текст рукописной листовки, сообщаемый Толстым и свидетельствующий о преданности республике авангарда парижской демократии. Сочувствуя перевороту, Толстой явно стремится обелить бонапартистскую солдатчину, утверждая, будто «войска начали стрелять лишь после того, как сами подверглись огню восставших», что фактически неверно. Начиная с 6 декабря Толстой не скрывает своей радости по поводу случившегося. В предшествующих донесениях наблюдалась некоторая растерянность, происходившая от неполной уверенности в победе Луи-Наполеона. Тут, начиная с 6 декабря, чувствуется полное успокоение. Этот тон еще более акцентируется в донесениях 7 и 8 декабря. Наконец, 10 декабря Толстой с торжеством сообщает о полнейшем порядке в Париже.

Даем в хронологическом порядке эти донесения о событиях, возбудивших, как мы знаем, нескрываемое удовольствие при петербургском дворе.

№ 91 Париж, $\frac{21\ \text{ноября}}{3\ \text{декабря}}$ 1851 г.

Вчера еще в городе было спокойно, несмотря на отсутствие войск и полиции, ибо около 9 часов вечера воинские части получили приказ удалиться и все посты были сняты. После этого начались сборища, главным образом на бульварах от улицы Монмартр до ворот Сен-Мартен. Однако не произошло ничего особенного, хотя толпа была очень возбуждена, в отдельных группах шли разглагольствования за и против, больше в последнем смысле. К 11 часам эти сборища внезапно разошлись. Но сегодня возбуждение приняло более враждебный характер. Многочисленные и шумные толпы образовались в предместьях Сент-Антуанском и Сен-Марсо. Повсюду пели «Марсельезу», и часто раздавались крики «Долой тирана!». К 2 часам дня начали сооружать баррикады в Сент-Антуанском предместье. В момент, когда я пишу эти строки, полки, стоявшие лагерем на Елисейских полях, получили приказ двинуться быстрым шагом в предместье. Артиллерия последовала за ними. Ходят слухи, что одна из баррикад была взята и что командовавший на ней депутат Горы там убит.

Кассационная палата собиралась сегодня с целью отменить постановление президента, низложить его и объявить вне закона, но, ввиду отсутствия генерального прокурора Дюпена, арестованного у себя на квартире, палата ничего не решила. Войска, по-видимому, вполне преданы Луи-Наполеону, но народ кажется возбужденным. Повсюду, где проезжает президент, слышатся крики: «Да здравствует республика!», на что он отвечает таким же возгласом. Но часто крики эти сопровождаются другими: «Долой диктатора!», «Смерть тирану!». Как бы то ни было, он не отступает и говорит: «Я знаю, что я играю крупную игру, но пойду до конца». Его близкие питают большую надежду на успех его планов, но опасаются пули убийцы.

К вечеру ожидают важных событий, в Париж все время стягиваются войска, готовые, по-видимому, действовать решительно.

В начале документа помета:

«Государь император изволил читать».

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 126—127об.]

№ 92 Париж, $\frac{22\ \text{ноября}}{4\ \text{декабря}}$ 1851 г.

Вчерашний день и сегодняшнее утро прошли в бóльшем волнении по сравнению с предыдущим днем. В предместьях восстание вспыхнуло в нескольких местах. Два народных представителя из партии Горы, гг. Боден и Мадье де Монжо, были убиты на баррикадах Сент-Антуанского предместья, третий, г. Шельше, тяжело ранен[104]. Войска начали стрелять лишь после того, как сами подверглись огню восставших и потеряли одного из своих. Восставшие изобрели новый способ сооружать

баррикады, а именно: они вырывают ров от одних ворот к другим поперек улицы. Такого рода траншеи, связанные с легким бруствером, хорошо предохраняют от артиллерийского огня и облегчают возможность укрываться в домах. Сегодня настроение народа заметно тревожнее, выкрики из толпы стали более громкими, более частыми и более оскорбительными по отношению к президенту. Одно лицо из служащих в нашем доме, побывавшее в предместьях, подтвердило мне, что народный гнев, действительно, возрос. Этот человек поднял с мостовой объявление, вывешенное в начале улицы Сен-Дени, написанное крупными буквами красными чернилами, следующего содержания (лишь несколько отдельных букв на нем стерлись):

«Свобода, Равенство, Мщение».

«Гнусное и неслыханное преступление совершено бесчестным Луи Бонапартом. Вся Франция (за исключением нескольких изменников) восстала, чтобы отомстить за это злодеяние... Мщение, братья, те кто не покинули знамени свободы... Пусть самое жестокое, самое неумолимое наказание поразит в самое сердце презренного человека, осмелившегося не признать волю и бросить вызов гневу 36 миллионов освобожденных людей! Представители народа, оставшиеся верными своим мандатам и не поддавшиеся грубому насилию, собрались в мэрии 10-го округа и постановили объявить изменника и клятвопреступника Бонапарта вне закона. Всем гражданам, преданным свободе родины, надлежит без колебаний и без сострадания покончить с ним».

Этот призыв никем не подписан [105].

Отмечено, что бывший вестфальский король Иероним всюду сопровождает своего племянника в парадном мундире маршала Франции. Уверяют, что уже 25 миллионов были изъяты из казначейства на то, чтобы удовлетворить потребностям настоящего момента.

Некоторые признаки волнений заметны в Орлеане и в Амьене, и для подавления этих волнений несколько полков отправлено на место по железной дороге. Все оружейные магазины были закрыты, и имевшееся в них оружие свезено на хранение в цитадель. Неверно, что зал заседаний Национального собрания разрушен, как сообщалось в газетах.

Только что передают, что сооружение баррикад с большой энергией начато на улице Рамбюто, в кварталах Сен-Дени по направлению к рынку и по всей линии, которая всегда служила ареной революционных выступлений. Народ, по-видимому, сильно раздражен, войска не препятствуют сооружению баррикад, и это имеет вид провокации со стороны правительства. Приказ военного министра только что расклеен на стенах Парижа, в нем лишь два пункта. Первый приглашает мирных граждан не участвовать в сборищах и воздерживаться от любопытства и т. д. и т. д. Второй указывает, что, ввиду осадного положения, всякий, взятый с оружием в руках, будет немедленно расстрелян.

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 128—129 об.]

№ 93 Париж, $\frac{23\ \text{ноября}}{5\ \text{декабря}}$ 1851 г.

Вчерашний день ознаменовался ожесточенной борьбой: дрались не только на Итальянском бульваре, самом элегантном квартале Парижа, по соседству с Тортони, с Большой оперой и «Кафе де Пари»; клубы «L'Union» и «Commerce», расположенные в этой части бульваров, были изрешечены пулями; крупный магазин «Bonnes Nouvelles» был разграблен. Местом наиболее серьезных разрушений был квартал у ворот Сен-Дени, где восставшие сосредоточили все свои силы. Там была воздвигнута огромная баррикада, против которой пришлось пустить в ход пушки. Когда она была взята, за ней оказалась целая масса трупов. Газеты, печатающие лишь то, что им разрешают, скрывают число жертв, понесенных войсками, и говорят только о нескольких раненых солдатах, но по сведениям, которые мне удалось получить от самих военных, 72-й линейный полк понес очень большие потери — его подполковник был смертельно ранен и убито несколько сот человек. Несмотря на это, возмущение еще не подавлено окончательно, и на сегодняшний вечер ожидаются снова кровопролитные столкновения. Ходили слухи, что принц Жуанвильский и герцог Омальский [106] прибыли инкогнито в Париж, но по проверке оказалось, что это просто выдумка. Говорят, что какой-то англичанин, высадившийся в Трепоре, был принят за герцога Омальского и арестован, но затем отпущен. Около сотни восставших, взятых с оружием в руках, было расстреляно сегодня утром на Марсовом поле. Опубликованный новый порядок открытого голосования с обозначением фамилий и имен вызвал ропот и всеобщее недовольство, и поэтому тайная подача голосов была восстановлена. Но полагают, что раз все заведующие выборными бюро — сторонники президента, то при подсчете бюллетеней может быть допущена подтасовка, и число голосов, поданных за Луи-Наполеона, при опубликовании результатов выборов окажется преувеличенным.

По всему, что говорится в Елисейском дворце, ясно видно, что президент твердо решил восстановить империю, и его прихлебатели со смешною хвастливостью открыто делят уже между собой титулы и должности.

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 130—131об.]

№ 94 Париж, $\frac{24\ \text{ноября}}{6\ \text{декабря}}$ 1851 г.

Спокойствие окончательно восстановлено; полная безопасность и возобновившееся беспрепятственное движение повсюду могли бы дать повод подумать, что Париж не пережил никаких потрясений, если бы явные следы повреждений от пушечных ядер и пуль не свидетельствовали о происходивших вчера сражениях. Энергия, с которой приняты были репрессивные меры, и стойкая храбрость войск, не дававших никому пощады, положили конец всякой демагогии. Многие, встревоженные сначала тем, что все это было проведено слишком круто, согла-

шаются теперь, что надлежало действовать сурово и сразу нанести решительный удар и что это было единственное средство уничтожить красных и единственный способ спасти Францию от угрожавшей ей неизбежной гибели. Убеждаются, что никто, кроме Луи-Наполеона, не был бы способен принять такое энергическое решение и что средним решениям не было больше места. Покамест все хорошо, но опасения начинают возникать, когда размышляешь о том, что Луи-Наполеон проявляет явные поползновения идти по следам своего дяди, что он мечтает провозгласить себя императором и может, опьяненный своим успехом и считая себя великим полководцем, приняться также за завоевания и вторжения, как это было после узурпации императора Наполеона. Он непрестанно повторяет, что его ведет звезда его дяди. В войсках то и дело слышны крики: «Да здравствует император!». Его воззвания к народу и к армии можно рассматривать как выражение решительной политики и как принятие им на себя определенного обязательства, так как в его обращении к народу находят как бы возобновление консульского соглашения VIII года, составленного аббатом Сиейсом и закрепленного впоследствии сенатским решением 28 флореаля XII года[107].

Известия из департаментов в достаточной степени удовлетворительны, хотя в Лиможе и в Орлеане и еще в трех-четырех местах наблюдались серьезные признаки беспорядков. Эти беспорядки были, впрочем, легко подавлены. Все попытки анархистов в пригородах Парижа равным образом потерпели неудачу, и повсюду красные повергнуты в ужас. Г-н Тьер находится не в крепости Гам, как говорили, а под домашним арестом. Уверяют, что Луи-Наполеон, узнав, что г. Тьер, будучи под арестом, высказывал в достаточной мере свободные суждения о нем и, между прочим, заявил, что «еще не все кончено, посмеется хорошо тот, кто будет смеяться последним», послал генерала Ребильо к г-же Тьер сказать, чтобы она предупредила мужа, что, если тот позволит себе произнести малейшее осуждение его (Луи-Наполеона) личности или его поступков он прикажет немедленно его расстрелять[108]. Генерал Арбувиль, командовавший войсками в Бордо, заявил, что он готов поддерживать порядок, но что он не одобряет произвольных и незаконных мероприятий президента. Тотчас после этого он был смещен и заменен генералом Буржоли. Заслуживает внимания, что когда 170 представителей народа отводились из мэрии 10-го округа в казармы набережной Орсе под конвоем солдат, народ, встречавшийся по дороге, приветствовал войска и поносил депутатов. Национальная гвардия не принимала никакого участия во всех этих событиях, и это обеспечило успех Луи-Наполеона. Вооруженные люди, которые рассуждают в строю и имеют каждый свое собственное мнение, мало пригодны для борьбы с врагами порядка и вносят только смятение и путаницу, а иногда даже и колебания в войска, когда те видят их перешедшими на сторону восставших.

Французские политические эмигранты в Лондоне обратились через английские газеты к французскому народу с воззванием, составленным в самых язвительных выражениях[109]. Оно начинается со следующих слов

(перевожу с английского): «Неужели вы хотите, чтобы вас презирали? Хотите быть рабами? Неужели хотите опять стать предметом всеобщего презрения и насмешек в глазах порабощенных народов, ожидающих от вас своего освобождения? Луи Бонапарт в течение этих нескольких часов совершил столько преступлений, каких могло бы хватить на целую человеческую жизнь. Подобно вору, он тайком, ночью завладел свободами своей родины, при помощи самого заурядного приема, который некоторые люди имеют наглость называть смелостью». Далее эти люди нападают на Национальное собрание, считая, что оно заслужило нанесенное ему оскорбление. В заключение они заявляют, «что слов недостаточно, что они обязаны принести республике свою кровь, что они это знают и не забудут». Это воззвание подписано Луи Бланом и 27 другими эмигрантами. Подписи Ледрю-Роллена под ним нет.

[К делу IIIотд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 132—135об.]

№ 95 Париж, $\frac{25 \text{ ноября}}{7 \text{ декабря}}$ 1851 г.

Восставшие, не будучи в состоянии противостоять 100 000 человек, решившимся выполнить свой долг и возбужденным против черни, все внезапно исчезли из переулков и узких улиц, которые преимущественно они всегда занимают. По всей вероятности, тайные общества, которые за последнее время были так ловко сорганизованы, соберут их опять — таково по крайней мере мнение префекта полиции. Этот последний, при содействии своего предшественника, г. Карлье [110], который самым честным образом ему помогает, приказывает производить домашние обыски во всех подозрительных домах, что представляется возможным выполнять, пользуясь осадным положением. Обыски дали уже хорошие результаты Говорят, что со вчерашнего числа при этом были задержаны 800 человек. Многие из народных представителей отпущены. Примерно 60 человек из них, заключенные в форте Сен-Валерьен, сговорились не выходить из тюрьмы и считать ее священным местом собрания представителей народа [111]. Префект полиции, видя, что его уговоры покинуть тюрьму остаются тщетными, приказал нанять столько фиакров, сколько было заключенных, затем распорядился вывести их силой из казематов и посадить в экипажи; кучерам же было приказано отвезти каждого по его месту жительства. Я ошибся, когда в прошлом своем донесении сообщил, что г. Тьер находится под домашним арестом. Получив более достоверные сведения, я узнал, что он содержится в тюрьме Мазас. Большое количество совсем наивных людей стало жертвой своего любопытства или роковой случайности, оказавшись на местах, где происходили столкновения. В числе их называют некоего русского из Киева, который, желая посмотреть поближе происходившее, отправился на бульвар и с тех пор не возвращался,— его жена и семья находятся в сильнейшем отчаянии. Другой из наших соотечественников оказался арестованным при занятии ресторана «Maison dorée», где он завтракал, но он был отпущен на свободу после нескольких часов ареста. Таким же образом пострадали

находившиеся в клубе «Commerce» и мирно читавшие там газеты генерал Бильяр, раненный в глаз, и бывший генеральный прокурор г. Дювержье.

Войскам были даны очень строгие инструкции, и они применялись с большой точностью. Было приказано стрелять по толпе и по домам, откуда произведены ружейные или пистолетные выстрелы. Очевидец рассказывал мне, что он находился в толпе любопытных на улице Лаффит, когда там проходил батальон. Какой-то молодой человек, отделившись от толпы, выстрелил из пистолета в солдат. Они моментально повернулись к толпе и произвели залп, которым было убито и ранено до 15 человек, в том числе две женщины. То же лицо было свидетелем другого, менее трагического инцидента. Мятежники, числом до 20, остановили омнибус в улице Рамбюто, с целью устроить из него баррикаду. Они высадили из него всех пассажиров, но в этот самый момент появившийся отряд жандармов их окружил, заставил самих поместиться в омнибус и приказал кучеру отвезти всех в полицейскую префектуру.

Сейчас в провинции сильное возбуждение, но очень трудно определить подлинный размах его, так как газеты публикуют только то, что правительство разрешает довести до сведения публики. Редкие путешественники, приезжающие из провинции, очень скупы на разговоры о беспорядках. Известно только, что несколько полков было отправлено в разные пункты департаментов. Вчера отправлено несколько полков в Мулен (департамент Алье). Но самое важное — не давать распространяться восстанию в самом главном его очаге, и пока Париж будет спокоен, беспорядки в провинции не могут иметь серьезных результатов.

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 136—139.]

№ 96 — Париж, 26 ноября / 8 декабря 1851 г.

Со вчерашнего дня не произошло ничего нового, достойного быть отмеченным. Президент всецело поглощен работой в связи с предпринятой им реорганизацией управления. Много затруднений должно встретиться при выполнении этой тяжелой задачи. Лица, наиболее привычные к подобного рода занятиям, теперь, после революции, удалены из числа советников президента, большинство же последних — люди совсем неопытные и способные даже в обыкновенное время только запутать дело. Отсюда происходит, что в такой новой и сложной обстановке, как сейчас, задача эта становится еще более тяжелой, и все новые и новые затруднения возникают на каждом шагу. Никто не сомневается здесь в том, что целью президента является провозглашение империи. Английская пресса единодушно высказывается в таком смысле. И действительно, может ли он выбрать иной путь, как не тот, что ведет к абсолютизму? Если он восстановит какую бы то ни было законодательную власть, его действия неизбежно попадут под контроль будущего Законодательного собрания. Затем, каким образом сможет он оправдать свое распоряжение о заключении под стражу наиболее знаменитых генералов, которые, в сущности,

были виновны только в том, что, не превышая прав, поступали согласно полномочиям, предоставленным им народом? Очевидно, что его роль должна поэтому свестись к тому, чтобы завладеть всеми видами власти и, сосредоточив все в своем лице, облечь себя самого властью полной, неограниченной и суверенной. Лица, пользующиеся доверием в Елисейском дворце, совершенно этого не скрывают, они открыто говорят, что спасение Франции зависит от установления империи, что все удастся Луи-Наполеону, располагающему армией, преданной ему душой и телом, что день 2 декабря — годовщина аустерлицкой битвы — хорошее предзнаменование для того, кто готов решиться на все. Можно с уверенностью сказать, что, если войска останутся верными, ему легко будет систематически устранять всякое препятствие при помощи штыков. Не следует, однако, чрезмерно потворствовать солдатам, чтобы не превратить их в преторианцев, так как, если возникнут затем военные бунты, не будет уже средств для их подавления. До сих пор ему можно сделать только один упрек — тот, что, назвав в своем обращении к армии солдат «цветом нации», он тут же цвет этих самых солдат в лице их наиболее славных генералов упрятал в тюрьму, поступив с ними жестоко, как с преступниками. Что же касается толков о деньгах, розданных войскам, и о состоянии опьянения, в котором, по заявлению английских газет, их все время держали, то это все неправда. Солдаты, действительно, получают двойное денежное довольствие, и на это обращены те 18 тысяч франков, которые ежегодно шли на вознаграждение народных представителей. Но по всей справедливости нужно признать, что не было ни одного случая пьянства, и солдатам, сытно накормленным, отпускалось вполне умеренное количества вина и обычная порция водки.

Нужно, впрочем, выждать до 20 декабря [112], чтобы составить себе ясное представление о неожиданностях, которые сулит будущее, а пока следует признать одно, что торговые круги и значительное большинство буржуазии, по-видимому, довольны этой революцией. Уничтожение красных и социалистов представляется им фактом совершившимся. Роспуск собрания также встречает сочувствие, так как начинали уже уставать от болтовни, которая служила помехой для правильного хода управления и парализовала торговлю. Г-н Тьер в конце концов был освобожден, но оставлен под надзором полиции [113]. Рассказывают, что когда полицейский комиссар, явившийся его арестовать, произнес установленную формулу: «Я вас арестую именем закона», г. Тьер воскликнул: «Нет, г. полицейский комиссар, вы ошибаетесь — не именем закона, его больше нет во Франции, а именем насилия». Фамилия русского, который пропал без вести, — г. Понинский, а того, который был арестован и выпущен,— Стонынин.

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл 140—143 об.]

№ 97

Париж, $\frac{28\ ноября}{10\ декабря}$ 1851 г.

Полный порядок царит в Париже, везде огромные толпы народа, торговля принимает свой обычный оживленный вид ввиду приближения нового года. На бирже изумительное повышение курса. В Елисейском дворце все, по-видимому, преисполнены спокойной уверенностью относительно будущего. Там работают день и ночь, и министры почти не покидают резиденции Луи-Наполеона, а сам он под предлогом спешной работы никуда не выходит и отказался даже присутствовать 10 декабря на большом банкете в городской ратуше. Дело в том, что если бы Луи-Наполеон появлялся как раньше на улицах, он мог бы сделаться жертвою покушения. В таком огромном городе, как Париж, несмотря на всю бдительность и при наличии любого количества агентов охраны, трудно все-таки принять все необходимые меры предохранения от убийц, подосланных демагогами. Только что вышедший ордонанс о мерах, которые надлежит принять, чтобы очистить Париж от уголовного элемента и лиц, находящихся под надзором высшей полиции, без сомнения, освободит несколько столицу от этой подлой толпы, но не сможет удалить из нее всех опасных людей, способных на все, чтобы удовлетворить свое чувство вражды и ненависти. Вот такой-то мести убийц и следует президенту больше всего опасаться в настоящее время, и он совершенно прав, не желая рисковать. Впрочем, в ту самую минуту, когда я писал эти строки, я увидел из окна, как он проехал мимо в карете, окруженной эскадроном кирасиров.

Беспорядки, происходящие теперь в провинции, ужасны. Сведения, помещенные о них в газетах, по-видимому, преуменьшают действительность, так как вчера еще я виделся со знакомым, только что вернувшимся из Виши и по дороге проезжавшим через несколько пунктов, где происходили страшные погромы. Мирные жители повергнуты в ужас, войск недостаточно для подавления беспорядков, войска двинуты в провинцию во всех направлениях, но несмотря на это ужасная резня продолжается — это настоящее повторение жакерии во всей ее гнусности. В некоторых местностях, как, например, в Безье, народ громил всех состоятельных людей, не разбирая их убеждений. Видели красные флаги, на которых были следующие надписи: «Смерть богатым!», «Дележ имущества!». Дикие толпы бродят, увлекая за собой не только тех, кто разделяет их убеждения, но принуждая также насилием и угрозами мирных жителей присоединяться к ним. Тем не менее, пока порядок и спокойствие будут царить в Париже, опасность не так уже велика и может быть устранена хотя и не без пролития крови, но без дурных последствий для правительства.

Вечерний прием 8 декабря в Елисейском дворце был одним из самых многолюдных и самых блестящих — вся улица предместья Сент-Оноре и другие прилегающие к ней были запружены экипажами, а на главной улице они следовали в три ряда. Комнаты, предназначенные для обычных приемов, оказались недостаточными, и пришлось отпереть и наскоро

осветить большие залы. Более чем когда-либо бросались в глаза заискивающий тон приветствий, низкопоклонство — казалось, все явились сюда, чтобы приветствовать восходящее светило. Среди всей этой раболепной толпы президент держал себя холодно и безучастно, и вид у него был крайне неприветливый, что легко объясняется заботами и трудностями теперешнего его положения.

Английская пресса, в общем, относится очень враждебно к президенту. Несколько английских органов уже подверглось здесь запрещению, на днях та же участь должна постигнуть и «Times», так как в последнем его номере была статья, направленная против Луи-Наполеона, по своей язвительности превосходящая все, что было в этом роде напечатано в других английских газетах [114]. Это мое предположение подкрепляется и тем, что вот уже два дня, как я сам не получаю «Times».

Лицо, сообщающее мне иногда ценные сведения, уверяло меня, что полиция осведомила президента, что несколько русских высказывали резкие суждения о его личности и о его поступках, что крайне раздражило Луи-Наполеона. После этого он приказал высылать за пределы Франции всех тех, кто позволит себе осуждать его. То же лицо подтвердило мне, что удвоили число обслуживающих черный кабинет, усердно работающий круглые сутки, и что все мало-мальски подозрительные письма перлюстрируются. Это обстоятельство вынуждает меня воздержаться от сообщения вам некоторых весьма интересных новостей, которые могли бы показаться обидными французским властям.

Г-н Тьер испросил себе разрешение покинуть Францию, что ему и дозволили под условием, что он не поедет ни в Лондон, ни в Брюссель; говорят, он едет в Италию [115].

Парижский архиепископ [116], назначенный на эту должность при генерале Кавеньяке, другом которого он состоит, не появлялся в Елисейском дворце. Он придерживается самых крайних социалистических взглядов, и ему недавно ставили в упрек, что он запретил служение заупокойных месс по герцогине Ангулемской [117].

Уверяют, что в ближайшем будущем появится декрет об уничтожении ввозных сборов на городских заставах. Дефицит, который произойдет от этого в бюджете, будет, как говорят, восполнен установлением особого вида подоходного налога (income-tax) и законов против роскоши. Популярность, которую приобретет президент благодаря таким мероприятиям, вряд ли сможет компенсировать недовольство, которое вызвал бы закон, явно направленный против богатых, тем более, что это являлось бы поощрением взглядов коммунистов и сторонников дележа имущества.

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 144—149.]

В дальнейшем Яков Толстой внимательно приглядывается к действиям принца-президента, быстрыми шагами шедшего к формальному восстановлению империи. В последующих донесениях он отмечает произвол правительства, требование прися-

ги в верности президенту (от депутатов), недопущение во Францию газет из-за границы, преследование журналистов. Сообщает об арестах в Париже и провинции и пр.

№ 104

Париж, 12/24 октября 1852 г.

...Избрание генерал Кавеньяка и г. Карно очень не понравилось правительству. Декрет, требующий от депутатов принесения присяги на верность президенту, ставит их обоих в невозможность принять участие в заседаниях палаты[118]. По-видимому, даже решено, что в случае, если эти депутаты, отказавшись от принесения присяги, появятся в палате для того, чтобы занять свои места, против них будет возбуждено дело, как о лицах, не пожелавших подчиниться закону.

Иностранные газеты часто не доходят по назначению, они, по-видимому, подвергаются просмотру и попадают в руки публики лишь после этой формальности. В течение месяца у меня таким образом задержали три номера «Times». Возбуждены судебные дела против бельгийских журналистов за оскорбление, нанесенное президенту Французской республики. Французское правительство потребовало также смещения губернатора Гента за то, что тот не воспрепятствовал появлению на улицах города во время карнавала маски, изображающей Луи-Наполеона в комическом одеянии и подгоняющим ударами бича Сенат, Законодательный корпус и Государственный совет, представленные в виде стада. Такое бесцеремонное отношение к Бельгии является, по-видимому, прелюдией для последующих планов Луи-Наполеона относительно Бельгии, правительство которой так это и поняло, ибо идет уже речь об усиленном воинском наборе. Собираются увеличить состав армии до 80 000 человек — цифры крайне высокой для такой маленькой страны. Впрочем, очень сомнительно, чтобы Франция это допустила. Кроме того, 30 миллионов франков, предназначаемых на осуществление этого мероприятия, едва ли хватит, а состояние финансов Бельгии таково, что вряд ли удастся отпустить больше. Нейтральное государство с $3^1/_2$ миллионами жителей, смежное с государством, население которого достигает 35 миллионов, становится явной аномалией, и независимость его фиктивна, так как обусловливается лишь поддержкой, оказываемой ему, в противовес Франции, другими государствами. Во время войны такая страна будет рассматриваться лишь как военная добыча.

Несмотря на бдительность полиции и на строгость, с которой обошлись с демократами, не удалось еще окончательно уничтожить их партии. Они и по сию пору все еще проявляют дерзость и действуют вызывающе, невзирая на энергичный и строгий надзор правительства. Еще довольно часто происходят аресты заговорщиков и не только в провинции, но даже в самом Париже.

На днях арестовали 30 демагогов, собравшихся на совещание в Батиньолах...

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 203—205об.]

Яков Толстой обнаруживает ту самую двойственность настроений в эти последние месяцы перед восстановлением империи во Франции, как и его петербургские хозяева. С одной стороны, хорошо, что красные растоптаны, расстреляны, разосланы, засажены, что в Париже и Франции самая настоящая абсолютистская диктатура, а с другой стороны, куда же этому Бонапарту равняться с благочестивейшим, самодержавнейшим и пр. обитателем Зимнего дворца! Придворный бал в Тюильри вызывает некоторую иронию Якова Толстого, парад войск в Париже — ну, какой же это парад сравнительно с теми, что бывают в Петербурге! Яков Толстой и не подозревает близости Севастополя и страшного поражения всех этих героев петербургских парадов, всего торжества этого «принца-президента» над его петербургским коллегой. Но во всяком случае, «спасительная реакция» торжествует во Франции и Европе. И этому не могут помешать революционные речи, которые произносятся против этой «спасительной реакции».

В своем донесении от 15 мая 1852 г. Яков Толстой сообщает о похоронах Натальи Александровны Герцен, которые получили характер политической демонстрации.

№ 107

Париж, 3/15 мая 1852 г.

...Приезжающие из Ниццы удостоверяют, что этот маленький городок является теперь более, чем когда-либо, вместилищем демагогии. Местная полиция не установила там никакого наблюдения. Большая траурная церемония имела место недавно по случаю смерти жены Герцена. Огромная толпа, которую исчисляют от 5 до 6 тысяч человек, собралась в 9 часов вечера. Все экипажи в городе и в окрестностях были наняты, чтобы придать похоронам больше пышности, и более 10 000 факелов освещало траурную процессию. Четыре эмигранта разных национальностей шли во главе, и в их числе был Головин, который стал теперь нахлебником Герцена и живет на его счет. Герцен произнес речь на могиле жены и воспользовался случаем, чтобы в самых неистовых выражениях напасть на порядок и спасительную реакцию, происходящую теперь в Европе, и в то же время превознести сверх меры пагубное учение, им исповедуемое...[119].

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), л. 245—245об.]

Большое донесение Якова Толстого от 31 августа 1852 г. наполнено бесконечными описаниями празднеств при дворе президента и сплетнями о министре Друэн де Люисе и других сановниках. Любопытно непосредственное впечатление от появившегося вне Франции, но проникшего во Францию знаменитого памфлета Виктора Гюго, направленного против Луи-Наполеона, под названием «Наполеон Маленький».

№ 111 Париж, 19/31 августа 1852 г.

...Другой памфлет появился одновременно в том же городе [Брюсселе]. Автором его является человек большого таланта — Виктор Гюго. Заглавие книги — «*Наполеон Маленький*» [120]. Ввоз ее во Францию строжайшим образом запрещен, и читать ее можно только в рукописном виде. Предъявляемые в ней обвинения не представляют ничего нового. Всем известны малейшие подробности узурпации Луи-Наполеона и все события, которые последовали после 2 декабря. Однако талант автора сумел придать книге некоторый интерес, хотя если ее и читают с жадностью, то главным образом потому, что на ней лежит строжайший запрет. Я знаю одного человека, который специально съездил в Брюссель, чтобы иметь возможность там ее прочесть. Впрочем, в этой брошюре находится много ложных утверждений, преувеличенных и двусмысленных и чрезмерно напыщенных фраз. Приняты строгие меры, чтобы памфлет этот не проник в провинцию. Однако заглавие «*Наполеон Маленький*» у всех на устах и сделалось для президента кличкой, которая должна очень его раздражать. Обидно видеть, что человек, одаренный таким большим талантом, превращается в памфлетиста. Этот способ мщения всегда бесплоден и не достигает никогда полностью намеченной цели. Какова бы ни была известность памфлета при появлении, его вскоре постигает забвение, потому что, по существу, это нечто эфемерное. Как в просторечии говорят: «удар шпаги по воде». Впрочем, если бы только не имя Виктора Гюго, его смело можно было бы отнести к категории произведений *Ивана Головина* и ему подобных. Статьи «Times» против президента бьют вернее в цель. Они более разумны, очень метко направлены и написаны без раздражения и потому производят бо́льшое впечатление. Статья, появившаяся 21 сего августа в этой английской газете, очень живо задела Луи-Наполеона, приказавшего напечатать в «Moniteur» ответ слабый по аргументации, но явно свидетельствующий о раздражении, испытываемом от невозможности покарать газету. «Times», в свою очередь, ответила [121]. Спокойно, но в то же время иронически она доказывала, что возражение г. Бонапарта не опровергает сообщенных фактов и не освобождает его от ответственности за преступления, в которых его обвиняют. Возражение, как заявляет газета, существенно лишь постольку, поскольку исправляет число жертв, исчисляемых в 380 человек вместе 1200 — цифры, приведенной в газете, и т. д. и т. д. ....

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 294—296.]

Но вот наступает осень 1852 г. Луи-Наполеон совершает свою знаменитую поездку по провинции, послужившую непосредственной прелюдией к провозглашению империи. В сущности, фактически президент стал самодержавным императором уже 2 декабря 1851 г. Но все-таки *формальное* уничтожение республики и официальное превращение президента Луи-Наполеона в императора Наполеона III произвело сильнейшее впе-

чатление во всем мире. Знаменитая фраза президента, сказанная им во время этого путешествия в Бордо: «Империя — это мир», фраза, оказавшаяся впоследствии такой лживой по существу, имела целью внушить Европе, что племянник не пойдет по стопам дяди и не будет думать о военной славе и завоеваниях. Говоря о приветствиях президента, Толстой отмечает в провинции и в Париже также симптомы и враждебного настроения относительно автора государственного переворота и завтрашнего императора. Это донесение (24 октября 1852 г.) полно живого интереса в начальных своих страницах.

№ 113

Париж, 12/24 октября 1852 г.

Речь Луи-Наполеона в Бордо, произнесенная в ответ па приветствия президента торговой палаты, разрубила, так сказать, гордиев узел и пролила свет на намерения главы государства. Эта речь произвела большую сенсацию и рассматривается, как исповедание веры будущего императора. Переход к империи, хотя мысль эта и скрытно выражена в речи, был признан всеми как окончательно принятое решение. Если бы слова, сказанные президентом, могли стать истинной правдой, обязательство не воевать, принимаемое им на себя в выражении: «Империя — это мир», должно было бы успокоить Европу. Но тут возникает вопрос: сможет ли он выполнить свое обещание? Конечно, нет. Увлекаемый событиями и своими собственными воинственными наклонностями, он нарушит это свое обещание так же, как он привык нарушать другие обещания и даже свои самые торжественные клятвы. Речи, произнесенные им до 2 декабря, послания, обращенные к Законодательному собранию, не наполнены ли все они формальными заверениями сохранить конституцию и республику? Император Наполеон, его дядя, произносил такие же речи и заявлял также о своей любви к миру в то время, как все минуты его жизни были наполнены лишь одними проектами военных действий и завоеваний. Луи-Наполеон чувствовал необходимость успокоить население одного из первых торговых городов Франции по поводу распускаемых слухов, что империя должна неминуемо повлечь за собой войну.

Между тем идут работы по серьезному вооружению портов Франции. В одной только Ла-Рошели пять линейных кораблей на верфи готовы к спуску, не говоря уже о фрегатах и разных паровых судах, которые также строятся. Говорят, правда, что правительство намерено отпустить из армии 75 тысяч человек, но это только слух, и ничто не указывает на близость осуществления такой меры. Это сокращение состава армии должно быть возмещено созданием милиции (чего-то вроде ландвера) численностью в 600 000 человек. Англичане — народ рассудительный, не поднимающий тревоги без серьезных оснований; и все они, однако, глубоко убеждены, что эра цезарей есть эра завоеваний. Пародируя слова, произнесенные когда-то Людовиком XIV, президент сказал в Марселе: «Средиземное море становится впредь французским озе-

ром»[122]. Это горделивое выражение сильно шокировало англичан и только увеличило их опасения.

Овации и энтузиазм, которыми отмечено было путешествие президента по провинциям, составляющим $^{3}/_{4}$ Франции, были представлены в прессе в высшей мере преувеличенными. Не подвергая сомнению манифестации, устраиваемые чернью, а также официальные выступления административных органов, можно, однако, подвергнуть сомнению искренность, добровольность и увлечение всего населения посещаемых президентом местностей. Затем я беседовал с людьми, вполне заслуживающими доверия, бывшими очевидцами приема, оказанного принцу-президенту в Авиньоне и Ниме. Они заверили меня, что, наблюдая все с величайшим вниманием, они слышали, правда, много раз крики «Да здравствует император!» но не заметили никакого подъема. Более того, в Ниме они узнали среди кричавших тех самых людей, которых видели перед этим в Авиньоне. Эти данные подкрепляются еще другими неоспоримыми фактами, свидетельствующими, что манифестации и заявления о преданности далеко не были единодушными. В Сент-Этьенне, в Роанне происходили выборы в муниципальные советы за несколько дней до проезда президента через эти города, и вот все новые советники, избранные крупным большинством голосов, оказались принадлежащими к республиканской и социалистической оппозиции, а некоторые из выбранных — даже лица административно-высланные. Я не говорю уже ни о найденной адской машине, ни о молодом человеке из Мулена, который должен был убить президента, но сам отравился, ни о многих других фактах, подкрепляющих высказанное мнение, а именно: что триумфальные арки, овации, крики — все это в большинстве случаев организовано полицией и что в действительности было немало манифестаций и враждебных президенту. Но что в конце концов должно устранить всякие сомнения и разрушить фантастическое сооружение, воздвигнутое прессою для того, чтобы поверили общему энтузиазму всей Франции,— это прием, оказанный президенту в Париже при его возвращении. И на этот раз пресса заявляла во всеуслышание *о полных энтузиазма и стихийности приветствиях метрополии.* Нельзя, однако, не поверить многочисленным свидетелям роскошно обставленной комедии, представление которой давалось только что в Париже. Все эти триумфальные арки, все военные приготовления и вся торжественная роскошь официальной встречи не смогли наэлектризовать большинство населения. Я побывал в различных местах, где соорудили триумфальные арки, я ходил повсюду, и везде только изредка то там, то здесь слышались крики «Да здравствует император!» и т. д. Иногда в отдельных группах слышны были пьяные голоса, выкрикивающие установленные приветствия. У церкви Мадлен это молчание обращало на себя особенное внимание тем, что время от времени оно прерывалось криками детей, раздававшимися регулярно, как будто по сигналу,— это кричали ученики лицеев и семинарий, поставленные на ступенях церковного портала. На смену им слышались многочисленные шутки и насмешки над президентом и над его

свитой. Смеялись над тем, что он заставляет свою лошадь плясать на месте, сравнивали его с одним из наездников от Фанкони, с которым он имеет отдаленное сходство. Так как он сильно загорел во время своего путешествия, говорили, что он старается почернеть, чтобы походить на свой идеал: негритянского императора Сулука [123]. Когда он принял поднесенную ему императорскую корону, сплетенную из цветов, кричали: «Ну вот, получай корону, только она скоро завянет». Тысячи других острот раздавались под аплодисменты и смех толпы. Неуверенный в том, правильно ли я оцениваю все то, что видел и слышал, я проверил свои впечатления у нескольких человек, и все они их подтвердили. Несколько национальных гвардейцев, находившихся в строю и спрошенных мною, подтвердило мне то же самое. Один из них, из 1-го батальона национальной гвардии, рассказал мне, что при приближении кортежа весь батальон стал сговариваться, приветствовать ли президента или нет. Войска, стоявшие напротив, глазами запрашивали о том же. Было решено молчать. Это решение в точности было выполнено, что, по-видимому, чрезвычайно рассердило принца-триумфатора, так как он проехал вдоль рядов не здороваясь и сильно нахмурившись.

Национальная гвардия очень недовольна, там введена такая же строгая дисциплина, как и в армии. При малейшем нарушении устава, при всяком, даже незначительном, опоздании виновного предают дисциплинарному суду и строго его наказывают. Не так давно, рассказал мне тот же национальный гвардеец, один негоциант, задержавшись по важному делу, из-за которого могло пострадать все его благосостояние, опоздал на четверть часа явкою на свой пост; капитан, зная, что в его команде, состоящей из 80 человек, не хватает одного, сделал перекличку, но каждый раз, как он называл имя отсутствующего, все 79 человек, сговорившись, отвечали вместе: «Здесь». Капитан не захотел отправить под арест всю команду и после угроз и крика, продолжавшихся с четверть часа, ушел сильно раздосадованный и ругаясь. Надо думать, что все это предпринимается, чтобы служба в национальной гвардии опротивела парижской буржуазии и чтобы затем распустить ее, не вызывая этим особого недовольства. Это была бы, по правде говоря, полезная мера, которую следовало бы осуществить, так как вооруженные граждане, сорганизованные в полки,— явление совершенно ненормальное в стране, управляемой абсолютной властью и не могущей притом управляться иначе. Если служба в национальной гвардии имеет своей задачей приучить к военному делу, то без этого смело можно обойтись, имея армию в 400 тысяч человек.

Кроме того, опыт показал, что национальная гвардия вместо того, чтобы подавлять беспорядки, постоянно сама в них участвовала и только содействовала этим их успеху.

Два важных декрета выпущены 18 и 19 октября. Первый из них касается освобождения Абд-эль-Кадера [124], а второй созывает сенат на 4 ноября для того, чтобы сенатским решением провозгласить империю. Что касается первого декрета, то он был встречен почти всеобщим со-

чувствием. Говорят также о приказе, который должен появиться на днях с тем, чтобы открыть доступ во Францию генералам, сосланным в Африку. Ходят также разговоры о всеобщей амнистии,— это последнее известие требует, однако, подтверждения...

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 304—312об.]

Но вот, наконец, империя и формально восстанавливается. И тут-то Яков Толстой, подыгрываясь к Николаю I, вместо того, чтобы сделать хоть попытку предостеречь царя, вступившего на гибельный путь, напротив, подталкивает его к совершению опасной ошибки. Дело было вот в чем. Николай очень рад был перевороту 2 декабря 1851 г. и водворению во Франции власти Луи-Наполеона. Но в 1852 г., когда речь пошла о восстановлении империи, царь усмотрел в этом оскорбление монархов, единогласно решивших на Венском конгрессе 1814—1815 гг., что династия Бонапартов «навсегда» лишается прав на французский престол. Когда же Луи-Наполеон, сделавшись императором, принял титул Наполеона Третьего, то это было принято царем, как намеренная пощечина всем принципам Священного союза и всем решениям Венского конгресса, так как этим титулом Луи-Наполеон демонстративно показывал, что он игнорирует царствовавшую в 1815—1830 гг., от конца Ста дней до Июльской революции 1830 г., династию Бурбонов, а считает законным императором после 1815 г. никогда фактически не царствовавшего, скончавшегося в ранней молодости сына Наполеона I, который поэтому в его глазах и был «*Наполеоном Вторым*». Николай пробовал выражать неудовольствие, протестовать — все было напрасно. Европа признала сразу нового императора и титул и наименование, которое он пожелал себе дать. Уступил, конечно, скоро и Николай I, отыгравшись лишь тем, что отказался в переписке называть Наполеона III, по монархическому ритуалу, «дорогой брат», а стал именовать его «мой добрый друг». Все эти детские выходки царя очень дорого обошлись ему впоследствии и с самого начала испортили в корне отношения между обоими императорами. Яков Толстой, угождая начальству, тоже разглагольствует о «божественном праве» монархической власти, противополагая ее монархии Наполеона III, обосновывавшего ее — в демагогических целях — на «всеобщем» голосовании.

№ 114 Париж, $\frac{\text{20 октября}}{\text{2 ноября}}$ 1852 г.

Послание президента республики к сенату по случаю сенатского решения, которое должно было последовать в связи с востановлением империи [125], возбудило большие тревоги в умах мирно настроенных людей, в особенности нижеследующая фраза в нем: «Это удовлетворяет его (народа) справедливую гордость, так как восстанавливая свободно

и обдуманно то, что Европа 37 лет назад низвергла путем вооруженного насилия, во время обрушившихся на родину бедствий, народ, тем самым, благородно мстит теперь за пережитые ранее невзгоды и т. д. и т. д.». Эта фраза, по мнению этих людей, таит в себе возможность новой войны и рассматривается, как вызов европейским державам и как окончательное уничтожение договоров 1815 г.

Несмотря на это, сенат слепо подчинился приказам главы государства. Доклад вице-председателя сената Тролона [126] может послужить образцом одурманивающей фразеологии, основанной на софизмах, приводящих к нелогичному выводу — вроде того, что «организованная демократия есть символ монархии». Как бы то ни было, но сенатское решение было проредактировано согласно с волею Луи-Наполеона, и при голосовании из 87 человек только один решился высказаться против. Сенатское решение, предоставляя новому императору право назначать себе наследника, намечает устранение бывшего короля Иеронима и лишает его права наследования престола. После этого Иероним, сильно обиженный, немедленно сложил с себя звание председателя сената.

Уверяют, что в припадке сильного гнева он держал крайне непристойные речи в заседании сената. Он заявил, между прочим, что Луи-Наполеон самым формальным образом обещал ему не покушаться на его права: «Впрочем, добавил он, если мой племянник принимает титул Наполеона III, он не может привести разумных доводов к лишению меня моих прав, которые неотчуждаемы и покоятся на тех же основаниях, которые он сам приводит в подтверждение своих прав. А если он захочет выбрать себе наследника из линии Люсьена Бонапарта и объявить одного из потомков покойного князя Канино обладающим правом занятия императорского трона, то тем самым он подорвет свои собственные права, как главы наполеоновского дома, так как Люсьен был старшим братом Людовика» [127].

Плебисцит назначается на 21 и 22 ноября, и возобновление сессии Законодательного корпуса состоится 25 того же месяца с тем, чтобы заняться проверкой голосования. Но все предусмотрено заблаговременно, и приняты меры к устранению какой бы то ни было оппозиции и к подмене бюллетеней с *нет* — бюллетенями с *да*, если только цифра этих последних не достигнет, по меньшей мере, семи миллионов голосов. В общем ожидали, что будущий император не назовет себя Наполеоном III: считали, что у него больше здравого смысла, чем тщеславия, и что он откажется от этого ребячества, так как, конечно, царствование Наполеона II не более как фикция, представляющая лишь нелепое право и в то же время отменяющая постановления всех европейских государей, собиравшихся на конгрессе. Но, по-видимому, он остался глух ко всем советам и ставит выше всего свою всемогущую волю. Общепризнано, что всякая власть основана на праве божественном и законном или же на праве, проистекающем из единодушного избрания народом. Это последнее может иметь применение только в республиканском строе, и всякое правление монархическое и наследственное является уже, тем самым, закон-

ным, а не выборным, одним словом, одно поглощает другое. Отсюда очевидно, что Луи-Наполеон, основывая свою власть на двух диаметрально противоположных принципах, отрицает втихомолку присущую каждому из них силу и идет против здравого смысла, опираясь одновременно на два принципа, по природе своей противоречащие один другому. Итак, эта новая комбинация покоится на явно шатких основаниях, потому что они, по существу, противоречат одно другому и не допускают никакой между собой аналогии. На таких основаниях никак нельзя утвердить власть, не вызывая ни сомнений, ни возражений. Предоставляемое императору право установить порядок престолонаследия, открывая путь для множества новых претендентов, угрожает в будущем Франции рядом непрестанных волнений и неисчислимых бедствий...

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(2), лл. 300—330об.]

В донесении от 9 декабря 1852 г. Толстой снова бесконечно и праздно резонирует относительно титула *«Третьего»* Наполеона. Более интересно (но, конечно, не ново) его сообщение об увеличении французского корпуса жандармов на тридцать тысяч человек. Еще менее интересно донесение от 26 января 1853 г., сплошь посвященное парижским сплетням и пересудам по поводу женитьбы нового императора на испанской графине Евгении Монтихо. Это так поглощает Якова Толстого, что он ни о чем другом тут и не пишет.

Но зато совсем иной характер имеет донесение от 10 июня 1853 г. Веяние приближающейся бури уже чувствуется ясно. Николай I уже успел совершить ряд поступков, которые должны были привести его к гибели. Уже чрезвычайный посол Меншиков успел совершить знаменитый свой визит к султану, «не снимая пальто», уже успел после этого молодецкого визита выехать из Константинополя, уже Николай распорядился двинуть войска в Молдавию и Валахию...

Англия и Франция уже не скрывают своего намерения защитить Турцию, слухи о громадной надвигающейся войне растут, но и царь в Петербурге, и его тайный агент в Париже, как бы пораженные какой-то странной слепотой, продолжают ничего не видеть и ничего не понимать. Глупейшие «угрозы» Якова Толстого, что Россия выставит в случае войны *восемь миллионов* солдат, по его мнению, должны были запугать его собеседников в Париже. Он и не подозревал, насколько осведомлен был французский штаб об истинных силах и о степени оснащенности и технической подготовки русской армии. Утешая своих петербургских корреспондентов, Яков Толстой старается внушить им, что при первом же военном выступлении своем Французская империя будет низвергнута изнутри революцией. Подобные донесения очень и очень принимались во внимание и Николаем I и его сыном, получившим в наследство Крымскую

войну. Мы знаем из других источников, что, например, весной и летом 1855 г., когда Севастополь уже погибал, Александр II выражал упование, что, авось, революция в Париже спасет осажденную русскую крепость.

Приводим часть донесения Якова Толстого, хорошо характеризующую политическую атмосферу в Париже и отчасти в Англии в эту тревожную предвоенную пору.

№ 123 Париж, 29 мая / 10 июня 1853 г.

С некоторого времени идут упорные слухи о войне, которые вызывают волнение во всей Франции: курс на бирже сильно падает, встревоженные капиталисты припрятывают свои деньги, и все уверены, что мы находимся накануне всеобщей войны. Эти слухи вызваны отъездом князя Меншикова[128] и краткими сообщениями о всех тех инцидентах, которыми отмечено было его посольство и которые газеты хвастливо раздули и снабдили злобными комментариями. Возникновению этих слухов помогли также слова, приписываемые Луи-Наполеону, который будто бы сказал, что «при первом известии о разрыве между Россией и Портой он прикажет своим войскам занять Бельгию и Пьемонт». Весьма трудно, однако, утверждать, в какой мере все это правдоподобно. Скорее, это даже сомнительно, и многие хорошо осведомленные люди считают, что эти слова никогда не были сказаны императором, который отличается выдержкой и планы которого в достаточной мере непроницаемы. Поэтому надо признать, что, по всей вероятности, слова эти были выдуманы кем-либо из окружающих императора, мечтающих только о победах и завоеваниях. С другой стороны, тон английских газет немало способствовал тому, что слухам этим придавали веру и приходили в смятение. Необходимо отметить, что внезапная перемена, происшедшая во взглядах на восточный вопрос у главных органов британской прессы, особенно на страницах «Times», не может считаться естественной. Эти взгляды чересчур резко расходятся с тем, что высказывалось раньше. Приводимые теперь «Times» аргументы диаметрально противоположны тем, которые высказывались там еще недавно, вначале миссии князя Меншикова. Объясняется это тем, что переговоры относительно протектората над христианскими подданными Турции имели в виду некоторые преимущества, которые могли затронуть коммерческие интересы Англии. Общеизвестно, что лондонские газеты, и в особенности «Times», в своих взглядах руководствуются лишь тем, бо́льшие или меньшие выгоды для английской торговли могут быть извлечены из того или другого политического положения. К тому же известия, получаемые с Востока, несомненно, преувеличены и часто противоречивы. Эти неудобства возникают оттого, что первый попавшийся человек может пользоваться электрическим телеграфом, который должен бы быть только в исключительном пользовании правительства.

Статья «Journal des Débats» в номере от 1 июня, сообщенная мне еще

накануне выхода, заметно успокоила тревогу и вызвала значительное повышение курса. Наоборот, воинствующая партия и правительственные органы печати, как «Le Constitutionnel», «La Presse», «Le Pays» и др., рвут и мечут по поводу так называемой ими измены «Journal des Débats», его «казацкой политики» и т. п. [129] В тот же день лорд Шельбёрн, встреченный мною в клубе, сказал мне с самодовольным видом: «Надеюсь, что Россия задумается над угрожающей ей опасностью, если осмелится объявить войну Турции, в особенности, когда увидит флаг адмирала Дендаса у входа в Дарданеллы». «Во всяком случае, милорд,— возразил я ему с живостью,— вы вспомните потом, что имели дело не с королем Оттоном и что то, ради чего мы будем воевать, нечто иное, чем интересы еврея Пачифико» [130].

После этого я покинул его, пораженного моим ответом, не желая продолжать разговор, который мог бы принять неприятный оборот, тем более, что вокруг нас было большое количество людей, фанатически преданных мусульманству и в силу этого противников христиан. Другой член клуба спросил меня, не являюсь ли я вдохновителем статьи в «Journal des Débats», на что я ему ответил, что статья г. Бертена была внушена здравым смыслом и что она была основана на самых подлинных документах. Я добавил, что если бы я был автором подобной статьи, то привел бы неопровержимые доводы того, что случись, к несчастию, война, вся вина за нее падет исключительно на Францию и Англию.

Только обе эти страны и окажутся виновными перед потомством за потоки пролитой крови. Франция первая начала при содействии г. де Лавалета [131] путать карты, и, когда Россия захотела восстановить status quo, Франция отправила 6 или 7 кораблей, которые должны были угрожать России ее гневом. Англия, под влиянием страха перед Францией, присоединилась к ней и начала применять в отношении огромной Российской империи целую систему запугиваний и угроз, и такая бесчестная и немного глуповатая политика поставила русское правительство в необходимость занять более враждебное положение. Другой собеседник сказал мне: «Но подумайте, ведь Турция может выставить армию в 448 тысяч человек». Я возразил, что такое огромное количество в большей части своей недисциплинированных бойцов является скорее помехой в войне. Затем, добавил я, «если бы наш император пожелал объявить, что это священная война, я уверен, приняв в расчет религиозность русского народа, что внезапно и стихийно возник бы крестовый поход, и не только 448 тысяч, но 8 миллионов поднялись бы сразу». Положительно нельзя шагу ступить, чтобы не встретить людей встревоженных, расспрашивающих вас со страхом относительно возможности европейской войны. Однако надо отметить, что большинство этих вопрошающих заканчивает свои расспросы соображением, что европейская война ни в коем случае не может быть начата Францией, не только потому, что страна еще не оправилась от происходившей в ней смуты, но и оттого, что недовольство против сурового и дорого стоящего правительства Луи-Наполеона распространяется по Франции с изумительной быстротой и охватывает все

классы общества. Демократическая партия поднимает голову, и революционный комитет, организованный на острове Джерси[132], у самых границ Франции, развивает широко свою деятельность. Ждут только момента, когда возникнет война, чтобы поднять восстание во Франции, где все для этого подготовлено. Правительство не может не знать про все эти происки, но чувствует, что оно бессильно их прекратить. Воинственный дух генералов, заседающих в Сенате и в Законодательном корпусе, пробудился опять с комическою горячностью. Принц Наполеон, облекшись в мундир генерал-лейтенанта, мечтает, что он призван воскресить славу своего дяди и одержать победу над всеми врагами Франции. Дух завоеваний значительно обострился с тех пор, как Англия открыто стала на сторону Турции и решила действовать в согласии с Францией. Слухи об европейской коалиции, к которой будто бы присоединились Австрия и Пруссия, только усилили воинственное увлечение как старых остатков армии Первой империи, так и молодого генерала[133], которого шутки ради Луи-Наполеон дал своей армии. Не слышно более разговоров о мести за поражение при Ватерлоо и за плен на св. Елене, нет больше речи о занятии Бельгии,— Восток составляет предмет всех разговоров и всех планов военных кампаний...

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(4), лл. 71—78.]

Спустя несколько дней, 18 июня 1853 г., Яков Толстой пишет новое донесение, в котором констатирует продолжающуюся предвоенную горячку в Париже, сменяющие друг друга слухи о войне или мире и т. д. Он отмечает, что демократы и социалисты твердо уверены в неизбежности войны. Передает также, что французской прессе велено поддерживать Турцию и Англию.

№ 124 Париж, 6/18 июня 1853 г.

Политическое положение в восточном вопросе остается прежним, оно тревожно, очень натянуто, в особенности же переменчиво. Бывают дни, когда панический страх охватывает всех, повсюду раздаются воинственные крики, враги правительства поднимают голову, легитимисты, орлеанисты и республиканцы с нетерпением ждут первого пушечного выстрела — и мирный обыватель всем этим подавлен. На следующий день все меняется — никто не верит в близость войны, она невозможна материально и неосуществима по моральным соображениям. То приезд графа Панина, то известие о прибытии великой княгини[134] успокаивают умы и повышают курс на бирже. При всей этой путанице трудно разобраться в истинных намерениях правительства, которое непрочь было бы затеять войну, необходимую, по его мнению, для армии, но представляющуюся, однако, опасной в отношении населения. Но одних желаний недостаточно, нужно в данном случае иметь и соответствующие возможности. Тут камень преткновения, о который разбиваются все воинственные планы и мечты о пустой славе нового императора, серьезным образом

считающего себя прирожденным завоевателем. Однако достоверно, что республиканско-социалистическая партия твердо убеждена в том, что европейская война произойдет неизбежно. Это видно из слов членов партии, которых не постигла кара правительства и которых в достаточной мере много в Париже, а также из разговоров недовольных из других политических партий, которые прежде играли важную роль, а при теперешнем режиме обречены на бездеятельность и безвестность. Подкрепляется это мнение и тем обстоятельством, что главари демократического движения покинули Лондон. Мадзини и Кошут две недели назад выехали оттуда в неизвестном направлении [135].

Пресса вынуждена или воздерживаться или брать сторону турок. Это молчание обязательно не только для газет. Ни одна брошюра не смеет касаться турецкого вопроса, и вообще запрещено печатать что-либо, противное политической линии, принятой правительством...

... Очень забавно смотреть, как эти старые ratapoils [136] — так их здесь зовут — толкуют о планах войны, о неизбежных победах и с заржавленными шпагами в трясущихся старческих руках хвастливо грозятся разгромить русскую армию. Молодые люди также унаследовали от своих отцов бахвальство, слабость, присущую природе французского характера. Шовинизм все возрастает, все кричат, что нужна хорошая война, чтобы поднять доблесть французов, усыпленную вследствие отсутствия случая, где она могла бы выявиться.

На этих днях был вечер у принцессы Матильды [137]. В числе приглашенных был оттоманский посол Вели-паша [138]. Принцесса обратилась к нему с вопросом: «Скажите, господин посол, будет у нас война или нет, успокойте нас». Вели-паша ответил на прекрасном французском языке, на котором он говорит почти без акцента, но с некоторою медлительностью: «Я считаю возможным уверить ваше императорское высочество, что войны не будет, по крайней мере таковое мое личное убеждение. Однако, если русские будут настаивать на своих требованиях, придется воевать. Если мы уступим, то мы погибли, тогда как при войне у нас могут оказаться кое-какие шансы на спасение». По-видимому, Вели-паша выучил наизусть эту фразу и стереотипно повторяет ее повсюду, так как мне передавали, что буквально то же самое он сказал на вечере у госпожи Тролон, жены председателя сената.

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(4), лл. 82—84, 92—93.]

На полях этого донесения Орлов написал: «При нынешних обстоятельствах, чтобы судить о вранье в Париже, оно довольно интересно». Это, по-видимому, общий отзыв о донесении. Рядом с пометой Орлова Николай I собственноручно выразил свои настроения следующими строками: «Да, мало надежды на такую развязку, все с ума сбрели». Это, очевидно, относится к упованиям Якова Толстого на возможность мирной развязки.

Очень характерен, между прочим, в этом донесении отчет о маневрах парижского гарнизона, происходивших в Сатори

15 июня 1853 г. Конечно, Яков Толстой взирает на французскую армию с высоты величия николаевской шагистики, превратившей, как вскоре оказалось, русское войско в кордебалет, умеющий выкидывать на парадах разные штуки ногами и руками и совсем бессильный перед европейскими прекрасно вооруженными армиями. Теперь, накануне крымского разгрома, Яков Толстой с комической важностью критикует французов и всячески успокаивает царя. В общем, на этих маневрах, по мнению Толстого, и то не так, и это неисправно. Несомненно, Николай I в последние дни перед своей «простудой» в начале 1855 г., когда из Крыма шли вести о позорных и непрерывных поражениях, не раз должен был вспомнить, как его обманывал, в числе прочих, Яков Толстой, отзываясь о французской армии — в угоду царю — так, как он о ней отзывался в своих донесениях.

Два последних донесения Якова Толстого, присланных из Парижа до выезда его в Брюссель, относятся к самому началу 1854 г. Первое помечено 3 января, а второе 18 января 1854 г.

Катастрофа придвинулась уже совсем близко. Не сегодня-завтра Франция и Англия ввяжутся в русско-турецкую войну и начнут громить Одессу, Николаев, Севастополь, начнут высаживать десанты на черноморском побережье Кавказа в помощь Шамилю. Всякий, кто знает историю Крымской войны, хорошо помнит, что именно Синопский бой в ноябре 1853 г. и толкнул окончательно Наполеона III и Англию на войну с Россией. Яков Толстой, явно извращая истину, стремится уверить, будто только англичане в самом деле раздражены и огорчены Синопской победой Нахимова над турками, а французы только притворяются огорченными. Но и он вынужден признаться, что вся французская пресса — против России. Единственным средством против зла Яков Толстой по-прежнему считает прямой денежный подкуп парижских журналистов. Для доказательства он приводит курьезнейшую и правдоподобную историю о подкупе газеты «Siècle» турецким посольством. Продолжая губительную (для Николая) политику успокаивания царских нервов ложью и преувеличениями, Яков Толстой приводит мнимые слова министров Наполеона III, будто в случае войны Франции грозит банкротство, а французскому императору — революция и т. п. Правда, тут же он приводит и более тревожные и более правдивые известия о быстро усиливающемся шовинизме, о полной, судя по всем признакам, неизбежности войны.

№ 132 Париж, $\frac{\text{22 декабря 1853 г.}}{\text{3 января 1854 г.}}$

Сильное раздражение против России волнует как парижское, так и лондонское общество. Настроение умов в обеих странах было доведено до такой степени экзальтации всеми возможными средствами. Пресса и по-

лиция попеременно прилагали все новые и новые усилия, чтобы внушить ненависть к нам и симпатии к туркам. Но легко убедиться в том, что если в Англии эта ненависть кажется искренней, то во Франции она вызвана только искусственно. Действительно, когда пришла весть о Синопской победе [139], у парижан заметна была более радость, чем грусть, между тем как в Лондоне весть эта вызвала настоящее бешенство. И конечно, там это было естественно и проистекало из британской гордости, считающей, что англичане одни только способны побеждать на море. Грустно видеть, что эта ненависть к России в значительной степени создана прессой. Эта гидра, которую стараются уничтожить, возрождается опять, раз есть возможность творить зло, и она теперь доказала, что следует еще опасаться ее пагубного могущества. Здесь, в Париже, вся журналистика набросилась на нас. Одна лишь газета «Assemblée Nationale» [140] защищала нас на свой страх, да и то с оглядкой. Тысячи брошюр появились с тех пор, что восточный вопрос озабочивает мир, и все они направлены против нас. Я один, можно сказать, вел непрестанную борьбу, но что мог я сделать один против множества? Если мне удавалось открыть глаза нескольким сотням, то тысячи, увлекаемые газетами, нас покидали, чтобы перекинуться на сторону врага. Недавно г. Летелье, редактор «Assemblée Nationale», который часто советовался со мной по поводу статей, печатаемых там в наших интересах и принимал мои сообщения, заявил мне, что их денежные средства приходят к концу, что, получив уже два предостережения, они находятся в большом страхе и терпят огромный ущерб. В начале года у них было 14 тысяч подписчиков, а теперь у них их осталось только 6 тысяч. Он рассказал мне, также, что они получили 50 с лишком писем, написанных все в одном стиле. Он познакомил меня с одним из них нижеследующего содержания: «Более пяти лет, м. г., состою я подписчиком вашей газеты, потому что считал вас за француза, но в настоящее время, заметив, что вы русский, я прекращаю подписку: желаю, чтобы вы вернулись к более патриотическим взглядам». Подписано — барон де Пьер. Не приходится сомневаться в том, что антипатия, которой все проникнуты против нас, является результатом стараний прессы и что это недружелюбное отношение к нам, как бы искусственно оно ни было, может неблагоприятно отразиться на нашем святом деле и увеличить число наших врагов. К несчастию, единственное средство предотвратить последствия этой пагубной пропаганды — это платить. Убеждения в этой продажной стране продаются тому, кто дороже платит. Один из бывших сотрудников «Siècle», покинувший эту газету вследствие разногласий с главным редактором, рассказал мне, что турецкое посольство самым регулярным образом платит редакции этой газеты ежемесячно по 100 наполеондоров (2000 франков) и что ему самому неоднократно приходилось принимать эти деньги от Сельфисбея [141], выдавая соответствующие расписки. Он же передал мне, что в октябре, когда сумма не была уплачена в срок, заведующий редакцией навел справки по поводу этой задержки. Оказалось, что турецкий посол решил из экономии воздержаться от уплаты, полагая, что, раз обще-

ственное мнение в достаточной мере уже благоприятно настроено по отношению к Турции, нет оснований продолжать долее этот излишний расход. И вот тут-то ко всеобщему удивлению, и появилась ироническая и почти враждебная Порте статья, и оттоманский посол, испуганный этой внезапной переменой фронта, могущей оказать неблагоприятное впечатление, поспешил внести обусловленную плату, и «Siècle» вновь сделался одним из самых фанатических приверженцев султана.

Г-н Вольферс [142] передал мне рукопись приготовленной им к печати брошюры под заглавием: «La Russie et l'équilibre européen» («Россия и европейское равновесие»), прося меня сделать нужные изменения и замечания. Мы вполне договорились с ним относительно указанных мною исправлений и дополнений, которые я посоветовал ему сделать в этой его работе. Брошюра произвела большое впечатление при своем выходе в свет. Главные газеты отозвались о ней, как о замечательной публикации, так что автор мечтает выпустить ее вторым изданием, снабдив его предисловием, в котором он думает поместить новые аргументы в пользу своего мнения о неотложной необходимости союза России с Францией.

Тот же самый публицист, бельгиец по происхождению, выполнивший несколько поручений нидерландского правительства, сообщил мне рукопись своей другой работы под заглавием: «L'Etat de la Belgique dans ses rapports avec la France» («О положении Бельгии в ее сношениях с Францией»), которую я прилагаю при сем, не разделяя, впрочем, вполне предлагаемых автором мероприятий. В этой рукописи отмечаются важное значение маленького Бельгийского королевства и безусловная необходимость защитить его от хищнических поползновений Франции. Автор указывает на средства, при помощи которых, по его мнению, этого можно было бы с успехом достигнуть, но эти самые средства, в глазах людей практических, далеко не представляются безошибочными, пока на опыте не будет доказана их осуществимость. Как бы то ни было, этот проект, весьма недурно изложенный, не имеет, по-видимому, вопреки утверждению автора, особых шансов на успех, а, наоборот, должен встретить неисчислимые трудности. Автор доказывает только, что, в случае возникновения европейской войны, Бельгия будет в несколько часов и без всяких затруднений оккупирована французской армией и что, вне всякого сомнения, бельгийские войска не окажут в этом случае никакого сопротивления и сами с радостью перейдут под французские знамена. Это находит свое подтверждение в словах Луи-Наполеона; когда ему сказали, что Бельгия располагает армией в 100 тысяч человек, он ответил: «Тем лучше для нас, это на 100 тысяч больше в моей армии».

С момента, как получено было известие об отставке лорда Пальмерстона [143], Луи-Наполеон находится в сильном раздражении, которое заметно, несмотря на его обычную флегматичность. Он послал за маршалом де Сент-Арно [144] и приказал ему приготовиться к мобилизации армии численностью в 600 тысяч человек. Военный министр ответил ему, что, призвав под знамена запасных, можно вполне достигнуть этой цифры

и что она находится в полном соответствии с его мобилизационными планами, но что вряд ли хватит средств на содержание такой армии.

На это Луи-Наполеон в раздражении сказал, что «если его политика того потребует, он сумеет найти способы достать деньги, а что, если его министры не смогут оправдать его доверие, он найдет других». Военный министр отправился после того к Фульду и Барошу [145] и сообщил им о том, что произошло — они все трое опасаются войны. Они полагают, что, если только она возникнет, неизбежно падение правительства, с которым они связаны своим участием в перевороте. Г-н Фульд неоднократно повторял: «Война — это банкротство». На следующий день было созвано заседание совета министров. Персиньи [146] говорил с гневом, что скоро придется иметь против себя всю Европу. Друэн де Люис [147] объявил, что нет оснований сомневаться в Англии, она не изменит союзу. Сент-Арно заявил просто-напросто, что раньше, чем нападать, нужно воздержаться от поступков, которые напоминали бы поступки сумасшедших. Персиньи после этого, приходя еще больше в гнев, воскликнул, что нельзя сомневаться в его преданности династии и что его советы — это советы преданного и бескорыстного друга. Совет министров разошелся среди всеобщего волнения, не приняв никакого решения.

Известно, что Луи-Наполеон всегда оставляет за собой принятие единолично того решения, которое он считает для себя подходящим.

Чтобы понять гнев г. де Персиньи, необходимо знать, что он поддерживает самые интимные отношения с Иеронимом Бонапартом и его сыном. Между тем Иероним придерживается убеждения, что Европа надует императора, его племянника, объединившись против него. И отец и сын желали бы, чтобы вошли в соглашение с революционерами всех стран и в особенности примирились с республиканцами Франции. Они предлагают свои услуги для того, чтобы устроить это примирение. Луи-Наполеон, у которого свои виды, не разделяет доверия дяди и племянника к союзу с республиканцами. Он опасается, что, если он доверится им, они первые толкнут его к гибели. Он даже подозревает своего кузена в том, что тот советует этот союз, имея в виду свергнуть его потом и самому занять его место. Недавно Луи-Наполеон сказал: «Если бы я был уверен в республиканцах, я не боялся бы Европы, а если она выведет меня из терпения, я сброшу свою корону, надену фригийский колпак и провозглашу всемирную республику». Инстинкт Луи-Наполеона подсказывает ему, что республиканцы — его смертельные враги.

В настоящее время последний том стихов Виктора Гюго воскрешает непримиримую ненависть [148]. 40 тысяч экземпляров этого тома распространены только в одном Париже, несмотря на бдительность полиции. Г-н де Персиньи уверен, что его императору не суждено долго жить,— возможно, что он умрет естественной смертью, возможно, что его убьют, и потому он сблизился с Иеронимом и всецело предался их политике и их интересам. Я получил эти подробности из очень хорошо осведомленного источника [149].

[К делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10(4), лл. 156—163об.]

В противоположность предыдущему донесению, письмо от 18 января 1854 г., последнее присланное Толстым из Парижа, в значительной своей части совершенно лишено интереса. Это длиннейшее и очень шаблонное не только по содержанию, но и по форме изложение официальной русской точки зрения на Синопский бой, на занятие дунайских княжеств русскими войсками и т. п., изложение, сделанное Яковым Толстым в разговоре со знакомым ему французским сенатором Дюпеном. Трудно понять, для какой надобности Толстой все это пишет. Но ответ Дюпена на все эти разглагольствования о правоте и святости русского дела совершенно недвусмысленный: война неизбежна. И снова утешительный рефрен к концу: Франция накануне банкротства, Ротшильд отказывает в займе Французской империи и т. д. Как известно, финансы Франции стояли прочно, золотое обращение не колебалось, финансисты всей Европы предлагали займы...

На этом мы обрываем выдержки из имеющихся в наших руках донесений Якова Толстого. Если, по словам поэта, «под говор лжи и лести» царская Россия подошла к краю гибели, то, бесспорно, в этом «говоре» весьма видную роль сыграли докладывавшиеся непосредственно Николаю сообщения Якова Толстого. Но и с этой точки зрения его последние донесения не лишены исторического интереса.

Вообще же повторим то, с чего начали: эта корреспонденция агента Бенкендорфа и Орлова дает некоторые яркие штрихи и мазки, воскрешающие разом всю историческую обстановку момента, и историк Франции, несомненно, не откажет во внимании многим страницам этих донесений, с незначительной частью которых мы только что ознакомили читателя.

1937 г.

Взятие Бастилии

Осада и взятие Бастилии — одно из грандиознейших событий в истории человечества. Оно имело огромное значение в глазах не только современников, но и последующих поколений. Взятие Бастилии сделалось символом всякого достигнутого революционным путем политического освобождения, самое слово «Бастилия» стало нарицательным.

Мы не будем рассматривать это событие во всей его огромной полноте. Мы рассмотрим его в суженном масштабе с целью определить, чем было взятие Бастилии в ходе Французской буржуазной революции. Какую роль — особенную и решающую — сыграло это событие?

Напомним непосредственные обстоятельства, предшествовавшие осаде и взятию Бастилии.

8 июля 1789 г. в Национальном собрании граф Мирабо, тогда еще игравший революционную роль, сказал, что народные представители настойчиво просят его величество убрать войска, непрерывно стягивавшиеся в Версаль; пока это не сделано — спокойная законодательная работа невозможна. Что имел в виду Мирабо и почему его сразу поняло Собрание?

Дело в том, что до 8 июля не был решен коренной, самый важный вопрос — о голосовании, несмотря на то, что Генеральные штаты собрались еще в мае. Дворяне и духовные желали голосовать по-сословно, чтобы иметь два голоса против одного, т. е. голоса дворян и духовенства. А третье сословие требовало поголовного голосования. Полтора месяца длилось это топтание на месте. Наконец 17 июня Генеральные штаты в лице представителей третьего сословия объявили себя Национальным собранием.

Это был первый революционный шаг. 20 июня, после того как король, пытаясь разогнать собрание, закрыл дворец, депутаты третьего сословия собрались в Же-де-Пом и дали клятву не расходиться, пока не будет выработана конституция. Тогда король и двор решили применить силу.

То полное смятение, которое царило с 20 по 23 июня при королевском дворе, сменилось уверенностью. Приверженцы королевского двора, имевшие за собой определенное большинство, считали, что у короля эта сила есть. В ничтожном меньшинстве при королевском дворе был Неккер — министр реформ, который не ручался, что войска пойдут за королем. Он считал, что во избежание будущих потрясений необходимо пойти на уступки.

Между тем к Версалю непрерывной чередой подходили батальоны, еще сохранявшие верность королю. Эти батальоны, как и вся французская армия, состояли из двух совершенно не соединяющихся между собой частей. С одной стороны, генералитет и офицерство, с другой — нижние чины — солдаты. За последние девять лет перед революцией был издан ряд наиболее реакционных законов и статутов, имевших целью окончательно сделать офицерскую службу исключительным уделом дворян. Тот, кто не мог предъявить доказательства дворянства до четвертого поколения, не мог и претендовать на сколько-нибудь значительное повышение в армии.

В солдатской массе шло явное брожение. Гвардейцы появлялись на улицах Парижа, часто без разрешения покидая казармы, и не переставали выражать симпатии новому строю, свою преданность Национальному собранию. Уже с конца июня попал в разряд ненадежных для короля полк «Французской гвардии» («La garde française»); драгунский полк тоже вызывал сомнение. Верными считались так называемый «Королевский немецкий полк» («Royal allemand») и «Королевский швейцарский полк» («Royal suisse»). Эти полки состояли не целиком из немцев или швейцарцев, но значительное большинство и руководящая роль в них принадлежала иностранцам, пользовавшимся рядом привилегий.

Солдаты иностранных полков ничем особенно не отличались от полка «Французской гвардии», но офицеры, полковники и генералы дорожили репутацией непосредственной охраны короля, его семьи и королевской власти. Они от имени своих полков (ничуть не считаясь с истинным настроением солдат) красноречиво произносили верноподданнические речи. На эти-то полки больше всего и надеялся двор.

Мы приводим этот факт только для того, чтобы ввести читателей в курс событий, которые произошли после заявления

Мирабо, когда король и двор решили нанести «большой удар» (frapper le grand coup), т. е. разогнать Национальное собрание и удалить в отставку ненавистного Неккера.

Почему именно Неккер, умереннейший из умеренных реформаторов, богатый женевский банкир, человек, стоявший на несколько пушечных выстрелов от революции, почему он попал в глазах двора в число революционеров, неизвестно. Но те аристократы, которые уцелели в вихре революции, впоследствии не переставали утверждать, что Неккер сделал революцию. Неккер с их точки зрения был символом измены, прокравшейся внутрь двора и правительства. Истребление этого умеренного реформатора казалось приближенным Людовика XVI делом первой необходимости.

Королева и королевский брат граф д'Артуа обратились к Людовику XVI с требованием убрать Неккера. Король колебался в течение всего дня 9 июля; 10-го он наконец решился, и Неккер получил через третьих лиц приказ об отставке. Король предложил ему немедленно выехать из Франции. 11 июля в 5 часов вечера Неккер отбыл из Версаля. Когда это произошло, при дворе царило ликование. Король и двор считали, что с отставкой Неккера половина дела уже сделана, революция предотвращена.

После отставки Неккера во главе министерства был поставлен маршал герцог де Бройль, который наскоро стал составлять кабинет, но сформировать его так и не успел; он привлек только барона де Бретейля. И вот эти два человека — маршал де Бройль и барон де Бретейль — взяли в свои руки инициативу начавшейся реакционной борьбы двора против Национального собрания. Они должны были поправить дело, испорченное Неккером.

Имена новых министров возбуждали общую ненависть. Отставка Неккера была воспринята народом как симптом подготовляемой королем расправы с Национальным собранием и революционным Парижем. К 6—7 часам вечера 12 июля в Версаль стали проникать сначала смутные, а потом все более и более определенные слухи о том, что Париж охвачен огнем восстания, что известие об отставке Неккера оказалось искрой, которая подожгла пороховой погреб.

Вечером же 12 июля, несмотря на воскресный день, в экстренном порядке собралось Национальное собрание. Но никаких решений оно не вынесло. Впоследствии руководители собрания, Мирабо и другие, объясняли эту нерешительность тем, что собралось слишком мало депутатов.

Это, разумеется, одно из тех объяснений, которые ничего не объясняют. Чувство неуверенности, чувство жесточайшей тревоги, не оставлявшее депутатов вплоть до вечера 14 июля, было

истинной причиной того, что собрание не приняло никаких решений.

Никто не знал, что будет дальше. После всего, что король сделал, начиная с 23 июня, после его слащавых разговоров о необходимости действовать вместе на почве законодательства, после того, как король взял назад свое повеление голосовать посословно и разрешил голосовать поголовно, отставка и высылка Неккера казались внезапным и решительным вызовом.

Было ясно, что отставка Неккера и назначение де Бретейля и де Бройля — прямой ответ на заявление Мирабо и на требование удаления войск из Версаля. Вызов королевского правительства требовал решительных действий. Но большинство Учредительного собрания отнюдь не было обрадовано наметившимися признаками сближения солдат с революционным населением Парижа, ибо оно вовсе не желало решать свой спор с правящими кругами при помощи вооруженного восстания народа. Учредительное собрание до последней минуты надеялось, что одной угрозы вооруженного восстания будет достаточно для того, чтобы правящие круги уступили и отказались от применения вооруженной силы. О насильственном свержении власти короля Учредительное собрание и не помышляло.

Нужно иметь в виду, что Французская революция развертывалась совсем не при тех условиях, при которых начинались другие большие революции, например английская революция XVII в., а тем более русская революция 1905 г., не говоря уже о Февральской революции 1917 г.

В годы, предшествовавшие революционному взрыву, во Франции появилась обширная просветительная литература. Классовая борьба обострялась. Отдельные вспышки народного гнева быстро заливались кровью. И в XVII и в XVIII вв. происходили многочисленные крестьянские восстания, направленные против феодального гнета, а местами и против правительственного налогового пресса. Имели место и стачки рабочего люда, и их было несравненно больше, чем обычно думают. Но эти разнообразные движения не направлялись непосредственно против королевской власти. Не было ни одного настоящего, сколько-нибудь заметного революционного выступления против монархии Бурбонов за весь XVIII в., вплоть до 1789 г.

Мало того. В конце апреля 1789 г. рабочие двух мануфактур (Ревельона и Априо), озлобленные хозяйской эксплуатацией, с яростью голодных людей бросились уничтожать имущество своих поработителей. Солдаты стреляли в рабочих, потом несколько рабочих было повешено, причем войска окружили эшафот. И все же глухо волновавшееся рабочее Сент-Антуанское предместье не поддержало этого восстания. Характерно, что собравшиеся через несколько дней Генеральные штаты даже не

обратили внимания на эти кровавые события в Париже. Ясно, что, вспоминая полную покорность войск королю в апреле, собрание депутатов не решилось что-нибудь предпринять 12 июля. Депутаты не знали, что будет дальше, как поведут себя войска и на этот раз.

Но уже к вечеру 12 июля в Париже творилось нечто небывалое. Огромные массы народа высыпали на улицу, толпа носила бюст Неккера. Назревало революционное выступление масс. В Версаль приходили слухи, что в нескольких местах драгуны пытались разогнать толпу, но не пускали в ход своего оружия. Некоторые полковники не переставали заявлять, что они за своих солдат не очень ручаются.

В тот же день солдаты полка «Французской гвардии» появились на улицах. Их не арестовывали потому, что солдаты других полков будто бы никак не могли их настигнуть: ясно, что они не хотели арестовывать своих товарищей.

Несметная толпа собралась в Пале-Рояле, в огромном внутреннем дворе, сохранившемся в пространственном смысле до сих пор. Выступавший там молодой журналист Камилл Демулен произнес революционную речь и назвал отставку Неккера предисловием к Варфоломеевской ночи.

Речь Демулена произвела колоссальное впечатление. Тысячи людей кричали, что они будут бороться, и требовали немедленного возвращения Неккера.

Ночь с 12 на 13 июля прошла в приготовлениях. Огни горели во всем Париже. Из Сент-Антуанского предместья шли новые и новые толпы людей. Они не возвращались домой, а располагались лагерями на улицах. Было ясно, что на следующий день нужно ожидать дальнейшего обострения событий.

Много легенд окружает дни 12 и 13 июля. В ряде французских книг (а русских и подавно) написано, что Камилл Демулен призывал к взятию Бастилии. Ничего подобного не было. Одна мысль беспокоила народ: опасность со стороны войск, движущихся из Версаля. Все знали, что так называемые верные полки там, что нужно идти к городской заставе и принять бой с королевскими полками, идущими громить бунтующий Париж.

Бастилия вышла на первый план простым и естественным образом: для борьбы нужно было оружие и порох, а запасы пороха хранились в Бастилии.

Бастилия была тогда эмблемой угнетения. Бастилия ассоциировалась с ужасными «Леттр де каше» («Lettre de cachet») — страшными приказами об арестах, которые подписывались королем и пачками давались кому угодно: министрам, губернаторам, любовницам, фаворитам. Такой приказ, заранее подписанный королем, повелевал коменданту Бастилии заключить в крепость такого-то (тут оставлялось место для имени

и фамилии) и держать его впредь до распоряжения. Таким образом, сановник или любимец, которому в порядке милости давалась такая бумажка, мог вписать в этот бланк кого ему вздумается и передать приказ полиции. Человека заключали в тюрьму и держали его до тех пор, пока владелец приказа не соблаговолит испросить у короля позволения выпустить заключенного или сам король о нем не вспомнит. Держали и год, и пять лет, и тридцать пять лет, а о некоторых забывали совсем.

И все же вовсе не об этой ненавистной Бастилии думал народ 12 и 13 июля. Речь шла о гораздо более неотложном деле, чем освобождение заключенных. Необходимо было дать отпор войскам, которые не сегодня — завтра войдут в Париж, а может быть, уже сейчас входят в него. Народ бросился к лавкам оружейных мастеров, все лавки и мастерские были мгновенно опустошены. Кинулись во Дворец инвалидов (Palais des invalides), где хранилось оружие. Это было огромное здание, в которое было трудно проникнуть. Командир гарнизона дворца Безанваль пытался вступить в переговоры с толпой. Но толпа не расходилась. Она силой ворвалась во двор. Офицеры, потерявшие веру в своих солдат, не решились пустить в ход оружие. Безанваль со своим отрядом вынужден был удалиться.

Народ, ворвавшись во Дворец инвалидов, захватил 32 тысячи ружей, но пороху найдено было мало. Бросились в арсенал, но и там пороху почти не оказалось. Порох был заранее перевезен в Бастилию. И вот именно тогда Бастилия предстала перед мыслью и воображением революционной толпы как непосредственное препятствие к вооружению народа, и поэтому взятие Бастилии показалось ближайшей и самой важной задачей. Только тогда огромная масса народа бросилась к Бастилии. Эта твердыня сразу стала основным оплотом врага. И именно в этот момент нараставшее революционное напряжение достигло своего апогея.

Это произошло уже утром 14 июля. События у Бастилии начались с того, что губернатору де Лонэ предложили выдать оружие. Де Лонэ ответил отказом и стал готовиться к сопротивлению.

Бастилия была огромной твердыней и считалась одной из самых грозных крепостей, которые стояли когда-либо внутри городов. Она была расположена у самого входа в Сент-Антуанское предместье и своими орудиями «покрывала», как говорят артиллеристы, не только предместье, но и кварталы, расположившиеся вокруг в форме звезды. Здесь были подъемные мосты, которые вели во внутренний двор и из внутреннего двора — в крепость.

Огромная толпа собралась вокруг Бастилии. Несмотря на всю ненависть, которую возбуждала Бастилия в революционно

настроенных людях, несмотря на ужасающие воспоминания, связанные с грозными, серыми стенами этой крепости, все же первые два часа толпа еще не думала о штурме. Она требовала только выдачи оружия.

Но когда началась стрельба, когда маленький гарнизон стал оказывать сопротивление, это требование революционной массы переросло в другое. Ярость толпы возросла до такой степени, что люди непоколебимо стояли, ничем не прикрытые, и падали под выстрелами. Они не теряли времени на устройство каких бы то ни было ретраншементов. Однако они отстреливались, достали даже несколько пушек. Осаждающие действовали, рискуя жизнью. Некоторые из них бросились к подъемному мосту, ведущему во внутренний двор, и опустили его. Опустили и другой мост, отбили его от скреп без нужных предосторожностей. Огромный мост упал, раздавив одного человека и поранив нескольких. Не обращая внимания на эти жертвы, толпа бросилась по подъемным мостам и проникла во внутренний двор. В это время со стен Бастилии загремели пушки, что довело народ до последней степени возмущения.

Де Лонэ, так же как и Безанваль, видел полную невозможность дальнейшего сопротивления. Он ожидал помощи от герцога де Бройля. Помощь, однако, не подходила. Де Лонэ растерялся. Он собрал своих инвалидов и швейцарцев, которых у него было в общей сложности немногим больше сотни человек. Проверили запасы провианта. Его оказалось достаточным только на 24 часа и не более чем на 36 человек. Между тем настроение толпы — целого моря людей, окружившего не только Бастилию, но запрудившего и все улицы города, ее гневные вопли, усилившаяся стрельба — все показывало, что ярость народа не только не ослабевает, но усиливается.

В это время несколько делегаций под белым флагом пытались проникнуть к де Лонэ. Одна делегация прошла, вторая проникла в крепость уже с трудом, а третью обстреляли. Это было принято за сознательную провокацию со стороны де Лонэ. Окруженные, полуголодные и измученные инвалиды и швейцарцы явно не желали продолжать бой. Губернатор хотел было взорвать пороховой склад. Но ему не дали это сделать. Тогда он решил сдаться.

Легенда говорит о том, что будто бы осаждавшие гарантировали де Лонэ сохранение жизни, что они обещали ему капитуляцию *.

Никакого обещания со стороны народа не только не было, но и не могло быть. Распространил эту легенду Юлен. Он был

* Теперь слово «капитуляция» равносильно понятию «сдача на милость победителя». На языке же военных парламентеров XVIII и начала XIX в. под капитуляцией понималась сдача на известных условиях.

одним из героев взятия Бастилии. Ему, собственно, и сдался де Лонэ. Когда от имени де Лонэ с высот Бастилии он обратился к толпе с вопросом, обещает ли народ капитуляцию, т. е. сохранение жизни губернатору и его отряду, то осаждавшие единодушно ответили: «Нет! Не будет никакой капитуляции!»

Народ требовал сдачи крепости на милость победителей. Юлен сам дал де Лонэ обещание сохранить ему жизнь, хотя он не имел на это никакого права. Победители хотели растерзать не только де Лонэ, но и Юлена за то, что тот его защищал.

Когда Юлен с чрезвычайным трудом довел де Лонэ до ратуши (Hôtel de ville) и хотел сдать его под арест, толпа отшвырнула Юлена и чуть не растоптала его. Раньше чем Юлен успел подняться, он уже увидел голову де Лонэ на пике, которую несли несколько человек перед ликующей толпой, ринувшейся к ратуше.

Еще один вопрос вызывает много разногласий в исторической литературе. Это вопрос о том, какова была роль организации, которая взяла на себя переговоры с де Лонэ. Такая организация была. Она самочинным порядком явилась на свет еще 12 июля, а на следующий день окончательно конституировалась. Это был так называемый «Комитет избирателей».

Как известно, избрание в Генеральные штаты было двухстепенным. Сначала выбирались выборщики из числа имевших право голоса, а уже затем они избирали депутатов. Выборщиков от Парижа было двести человек. И вот эти двести человек собрались. Никаких прав они не имели, никаких полномочий народ им не давал, тем не менее на первых порах они сыграли роль муниципалитета. Во главе их стоял купеческий старшина Флессель, игравший двойную, изменническую роль.

Внешне он изображал человека, желающего во что бы то ни стало вооружить народ и спасти его от Версаля, т. е. от полков, верных королю. На самом же деле Флессель искусно обманывал революционную массу, направляя ее туда, где оружия заведомо не было. Этим он рассчитывал выиграть время, ожидая быстрого прихода королевских войск из Версаля.

Большинство членов «Комитета избирателей» вполне одобряло все, что делал Флессель для того, чтобы помешать вооружению парижского народа. Именитые буржуа Парижа не желали вооружать никого, кроме состоятельных горожан, составивших в дальнейшем национальную гвардию.

Флессель заставил несколько тысяч человек топтаться на месте, говоря, что он достанет продовольствие, оружие и артиллерийские снаряды. Когда же люди открыли ящики, обещанные им, то там оказались не снаряды и не хлеб, а камни, железный лом и какой-то отовсюду набросанный хлам.

Однако эта двуличная игра Флесселя была быстро разгадана. Восставшие схватили его и по дороге в Пале-Рояль убили как изменника.

Победа — и победа блистательная — была одержана.

Взятие Бастилии, которое уже к вечеру 14 июля определилось как полное торжество революции, тут же стали приукрашивать легендами. И в народной массе и историки говорили (а иной раз и до сих пор повторяют) о взятии Бастилии штурмом. Между тем это была осада, сдача крепости последовала до штурма, и нужды в штурме не оказалось. Но даже и штурм Бастилии не был бы столь веским аргументом в пользу победы революции, как то, что случилось на самом деле: сдача грозной, неприступной крепости обнаружила полнейший маразм власти. Для королевского правительства стало ясно, что сопротивляться дальше невозможно. Было очевидно, что революция сокрушила не только Бастилию, но и твердыню абсолютизма. Народные массы Парижа, поддержанные всей Францией и значительной частью войска, совершили вооруженное восстание в защиту Учредительного собрания, т. е. в защиту буржуазии. Однако это восстание произошло не по воле крупной буржуазии, а в значительной мере вопреки ее желанию.

Всю ночь — это была уже, считая с 12 июля, третья ночь революции — люди лишь по очереди, на несколько часов ложились спать. Всю ночь горели огни в городе. Все ждали, что главнокомандующий министр де Бройль придет ночью с полками из Версаля. И вместе с тем все были полны решимости к продолжению борьбы.

Герцог Ларошфуко-Лианкур, один из приближенных Людовика XVI, явился во дворец, когда король еще спал. Короля разбудили, и Ларошфуко рассказал ему, что взята Бастилия, губернатор де Лонэ, убит, а Париж во власти восставших. Король спросил: «Это возмущение?». Ларошфуко ответил ему историческими словами: «Это — революция, государь!».

И тут впервые король Людовик XVI осознал, что он столкнулся лицом к лицу с таким событием, которого не переживал никто из его предшественников за полторы тысячи лет существования французского королевского трона.

Утром 15 июля герцог Ларошфуко, сделав радостное лицо, сообщил Национальному собранию, что король решил удалить войска из Версаля. Собрание, переживавшее в течение всего предшествующего дня смертельную тревогу, ответило на эти слова громкими аплодисментами. Затем, когда Ларошфуко сказал, что король хочет лично сообщить о своем решении, Мирабо встал и заявил: «Скажите королю, что Генрих IV, память которого все благословляют, тот из его предков, которого король Людовик XVI хотел принять за образец, пропускал съестные

припасы в восставший Париж, который Генрих лично осаждал, а свирепые советники короля Людовика XVI отправляют прочь хлеб, который торговцы хотя ввезти в голодающий и верный королю Париж!»

15 июля, когда Мирабо произносил эти слова, в Париже, после первоначальной горячки победы и торжества, появилась некоторая растерянность. Дело было уже не в том, пошлет или не пошлет король войска, но в том, что де Бройль запретил пропускать съестные припасы в Париж. Начиная с 13 июля в Париже уже не хватало съестных припасов. Говорили, что де Бройль хочет взять Париж голодом. И когда Мирабо заявлял, что Людовик XVI не пропускает в Париж хлеб, он имел в виду то страшное оружие, которое оставалось еще в руках короля — голод.

Но за день 15 июля случилось нечто новое и очень важное: в версальских войсках, именно в так называемых верных частях, начались колебания.

Королевский двор ждал выхода революционной массы из Парижа и нашествия ее на Версаль. Король знал, что у этой массы есть теперь оружие и порох, он знал, что полк «Французской гвардии» уже полностью перешел на сторону народа,— значит, у восставших уже есть организованная военная сила. И король пошел на уступки. К вечеру 16 июля он вынужден был вернуть Неккера и уволить в отставку де Бройля. Мало того: короля заставили выехать в Париж для того, чтобы лично примириться с восставшим против него народом. Уже в этот момент король, разумеется, потерял свою власть. Правда, с тех пор он сделал еще немало попыток покончить с революцией вооруженной рукой, прежде чем проиграл сначала свою свободу, а затем и жизнь.

Весть о взятии Бастилии парижским народом произвела потрясающее впечатление на весь мир. Вот что писала архибуржуазная голландская газета «Gazette de Leyde» через несколько дней после этого происшествия:

«Непостижимое дело славной французской нации и особенно жителей революционной столицы. В течение 26 часов они выставили 100 тысяч вооруженных. Ночью они очистили Париж от множества воров и разбойников, из которых те, кто был пойман на месте преступления, немедленно были повешены или расстреляны... Без всякого военного командования революционеры заняли Дворец инвалидов и грозный замок Бастилию. Все эти огромные и поистине героические действия совершены без всякого беспорядка».

Интересно подчеркнуть, что реакционные историографы, в том числе Тэн, который был наиболее талантливым и, бесспорно, наиболее ученым из буржуазных историков французской

революции, гнуснейшим и вполне сознательным образом лгут, говоря, что в ночь на 13, 14 и 15 июля происходили грабежи и т. д. Он и ему подобные стремятся свалить в общую позорную кучу и революцию и те грабежи, за которые революционеры беспощадно карали. Голландская газета, несомненно, более объективно освещает действительный ход событий. Революционный порядок был даже в этой несметной массе, которая без всякой организации шла на штурм.

Английский посол Дорсетт, донося своему правительству о совершившейся революции, писал, что во Франции воцарится свобода и эта свобода завоевана в день 14 июля.

В России весть о революции в Париже была принята различными слоями населения не одинаково. Екатерина не только была ненавистницей революции, но и больше всех агитировала за интервенцию против нее. Правда, она непосредственно ничего не сделала, чтобы уничтожить революцию, но старалась втянуть других в контрреволюционную интервенцию. Во всяком случае уже тогда она начала деятельную агитацию против революции. Конечно, при дворе Екатерины царило возмущение таким революционным актом, как взятие Бастилии. Однако вот что пишет Сегюр, наблюдавший не только императорский двор, но и население Петербурга:

«Надо отметить не только возмущение при дворе, но и восторг в городе... Я не могу выразить энтузиазма, который возбудило в Петербурге падение этой государственной темницы — Бастилии, и то первое бурное торжество свободы среди негоциантов, торговцев и буржуазии».

Под негоциантами Сегюр понимает крупное купечество, многочисленное в тогдашнем Петербурге. Под «торговцами» и «буржуазией» он, вероятно, подразумевает мелкое купечество и мещан. Далее он добавляет, что восхищение по поводу взятия Бастилии проявляется также «и среди некоторых молодых людей более высших классов», т. е. среди дворянской молодежи.

Касаясь той иностранной, по преимуществу торговой, буржуазии, которая жила в Петербурге и в Кронштадте, Сегюр говорит: «Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы — все поздравляли, обнимали друг друга на улице так, как будто их избавили от слишком частой цепи».

Это пишет придворный человек, не имевший ни малейшего революционного энтузиазма. С его показаниями о Петербурге историки должны считаться. Очевидно, тут нет выдумки, ибо странно было бы Сегюру выдумывать или преувеличивать именно в этом направлении.

Кант, Шиллер, английский поэт Соути, великий Бетховен, передовые люди самых разнообразных профессий, самые яркие представители передового человечества своего времени — все

с энтузиазмом приветствовали грозную увертюру Французской буржуазной революции — взятие Бастилии.

Теперь, спустя 150 лет, советский народ чествовал взятие Бастилии и начало буржуазной революции во Франции с несравненно большей широтой и искренностью, чем чествовали его в городе, трудовое население которого некогда взяло Бастилию. Накануне великого юбилея во Франции появились, как грибы после дождя, книги и брошюрки, касающиеся революции. Большинство из них самой гнусной клеветой и грязью обливают эти события. Реакционные публицисты и историографы связывают революцию 1789 г. с ненавистным им большевизмом, с большевистской революцией 1917 г. Они с горечью указывали, что предстоит торжественное заседание в Сорбонне по поводу взятия Бастилии под председательством президента Французской республики, тогда как, по их мнению, вспоминая о 14 июля, надо было бы посыпать главу свою пеплом. «Пусть в Москве чествуют это событие!» — восклицает один из этих людей. Это восклицание ярко показывает, насколько жестоко, больно, чувствительно ударило взятие Бастилии по реакционерам самых далеких поколений.

Нам кажется, что эта неумирающая ненависть реакции делает особенно лучезарным тот ореол, который навсегда окружил бессмертной славой бастильских победителей.

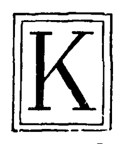
1939 г.

Справедливая война Французской революции

[Предисловие к кн. Р. Роллана «Вальми»]

ак понятно, что друг Советского Союза, возвышавший так часто свой негодующий голос против упорных и разнообразных попыток удушить нашу революцию вооруженной рукой, Ромэн Роллан, увлекся воспоминанием о бессмертной битве, с которой началось спасение Французской революции от нашествия интервентов!

Пройдут века, а это воспоминание не изгладится из памяти человечества, как не потускнели до сих пор за две с половиной тысячи лет Фермопилы, где кучка греческих героев отдала жизнь за родину, как не померкнет никогда слава испанской Сарагосы, где все население легло костьми среди пожарища, потому что не пожелало стать рабами Наполеона, как не пропадет никогда память о русских крестьянах, которые выходили против победивших весь мир наполеоновских кирасир и гренадер с плохими ружьями, с вилами, с топорами и дрекольем. Когда героизм соединяется с глубоким и непререкаемым внутренним сознанием полнейшей нравственной правоты своего дела (а это всегда бывает в справедливых войнах), то в летописи истории вписываются подвиги, остающиеся самым чистым и высоким моральным достоянием народа.

Тысяча семьсот девяносто второй год. Монархическая феодальная Европа идет походом на ненавистную Французскую революцию. Французский народ видит пред собой страшилище, несущее ему рабство, и в то же время чует вокруг себя деятельно работающую измену. В Париже, во дворце, сидит в качестве французской королевы родная сестра австрийского императора, предательски позвавшая своего брата на бой против Франции. Рядом с ней — король Людовик XVI, не скрывающий своего сочувствия всем контрреволюционным проискам церкви. В Кобленце, у самой французской границы,— дворяне-эмигранты, громко похваляющиеся люто покарать «презренное мужичье», которое осмелилось взбунтоваться против благородного дворянства. Эти эмигранты деятельно сносятся тайными путями со своими приверженцами, разбросанными по городам и

селам Франции и доставляющими ценные для врагов военные сведения. Эти шпионские гнезда разбросаны по всей стране. Две великие державы уже находятся в войне с Францией: это Австрия и Пруссия. Третья великая держава — Англия, еще не объявившая войны,— всецело помогает пруссакам и австрийцам. Четвертая великая держава — Россия — не сегодня — завтра тоже выступит.

Таково было состояние Франции в средине лета 1792 г. И все-таки весь ужас положения не всеми революционерами учитывался в полной мере, пока не появился знаменитый «манифест» герцога Брауншвейгского *. Старый владетельный князь, один из многочисленных мелких феодально-абсолютистских царьков тогдашней Германии, именно потому и был поставлен в качестве главнокомандующего армией австро-прусских интервентов, что его яростная ненависть к революции была очень хорошо всем известна. Французские эмигранты, совершенно уверенные в близкой и полной победе над «презренными санкюлотами» («бесштанниками») и в неизбежности своего решительного торжества, боялись лишь одного: как бы революционеры, возмущенные явно предательским поведением королевского двора, не вздумали немедленно истребить его центральное шпионское гнездо во дворце Тюильри и прежде всего уничтожить ненавистную всему народу «австриячку» — королеву Марию-Антуанету. Наиболее умное, по мнению эмигрантов, средство к охранению жизни короля и королевы в тот короткий промежуток времени, пока интервенты не войдут в Париж, заключалось в том, чтобы как следует припугнуть революционеров грозящей лично им карой. Герцог Брауншвейгский и поступил согласно указаниям своих советчиков из эмигрантской среды. В своем воззвании он грозил не оставить от Парижа камня на камне и жестоко наказать всех виновных, если королевская семья подвергнется хоть какой-нибудь опасности.

Эти угрозы именно и ускорили неизбежный и без того взрыв народного негодования: 10 августа 1792 г. парижская плебейская масса восстала и низвергла монархию. Франция стала республикой.

Итак, трехлетний опыт (1789—1792 гг.) показал, что монархия Бурбонов совершенно не в состоянии ужиться с революционными завоеваниями народа, и вот спустя три года после начала революции монархия перестала существовать.

---

* К слову сказать, Ромэн Роллан как художник иногда увлекается живописностью, красочностью той или иной исторической фигуры и тогда даже склонен несколько преувеличивать ее роль в истории (так это было у него с герцогом Брауншвейгским, с Дюмурье и др.).

Но основная нить повествования Роллана — показ того, как народная революционная армия спасает Францию от интервенции,— блестяще вскрывает подлинный исторический смысл события у Вальми.

Уже по этому первому результату своего нелепого и наглого воззвания герцог Брауншвейгский — вождь интервентов — мог бы, казалось, хоть с опозданием, сообразить, наконец, что он понятия не имеет о характере французского народа и о том, что такое представляет собой страна, охваченная революционным пылом и чувством жгучей обиды и яростного протеста против дерзкого вмешательства пруссаков и австрийцев во французские дела. Гнев народа обратился не только против короля и королевы, арестованных немедленно после низвержения с престола, но также против всех аристократов, дворян и духовенства, подозреваемых в предательских сношениях с интервентами и эмигрантами и в шпионской деятельности на пользу вторгшегося неприятеля. Избиения, казни, аресты были ответом народа на интриги внутреннего врага, на изменнические происки контрреволюционеров. Все это, однако, не остановило интервенции. Пруссаки и австрийцы вторглись во Францию. Они держали путь на Париж. Вся Европа, затаив дыхание, ждала развязки возгоревшейся страшной борьбы.

Ни при одном европейском дворе не было сомнений в том, как эта борьба окончится. Что же могут поделать какие-то недисциплинированные революционные оборванцы против стройных, хорошо вооруженных прусских и австрийских полков, где солдаты так хорошо умеют на парадах «печатать носком» и «делать гусиный шаг» (т. е. отбивать шаг всей ступней) и где офицеры щеголяют в таких красивых разноцветных мундирах?

Больше двух третей старого французского офицерства, которые еще в 1789 г. остались на службе после первого взрыва революции, теперь, к лету 1792 г., дезертировали из революционной армии и бежали в лагерь неприятеля, где не стыдились немедленно же сообщить все французские военные тайны, указать на все слабые места, на все недостатки в обороне страны.

Все преимущества выучки, вооружения и технической подготовленности были на стороне интервентов, обилие кадровых офицеров (прусских, австрийских, а также из французских военных эмигрантов) необычайно повышало боевую силу армии интервентов.

Но французское революционное войско было полно решимости, если потребуется, лечь всем на месте, только ни в коем случае не уступить наглому врагу, и именно эта решимость вполне уравновешивала силы революционного сопротивления с силами агрессора. «И равен был неравный спор», как сказал Пушкин о *другой* справедливой войне, той самой, которую повел в 1812 г. русский народ против могучих и огромных полчищ вторгшегося в Россию Наполеона.

В своей увлекательной книжке Ромэн Роллан рассказывает о победе французов при Вальми. Эта битва, конечно, еще не

решила исхода завязавшейся борьбы феодально-монархической Европы против Французской революции. Еще много опаснейших тяжелых дней и месяцев пришлось пережить революционному народу, немало еще предстояло испытать поражений и военных неудач, пока восьмидневная битва при Флерюсе в июне 1794 г., окончившаяся полной победой французов над австрийцами, положила, наконец, предел надеждам интервентов на быструю ликвидацию Французской революции.

Но ни сражение при Флерюсе, несравненно более значительное в чисто военном отношении, чем битва при Вальми, ни другие сражения времен революции не остались в народной памяти в таком ослепительно блестящем ореоле, как этот «бой у мельницы», о котором рассказывает Ромэн Роллан.

Эта первая победа имела великие моральные последствия: революционной Франции она дала уверенность в своих силах, монархическую Европу заставила впервые раскрыть глаза на тот факт, что за революцией в самом деле стоит могучая сила поддержки огромных народных масс и что лживые россказни эмигрантов о «кучке преступников», которые произвели будто бы всю революцию, лишены всякого смысла.

В наши дни, когда французская крупная буржуазия предает все национальные интересы Франции, лишь бы только поддержать иностранных фашистов, этих истинных палачей всех трудящихся, особенно волнующе действует воспоминание о битве при Вальми.

У победителей при Вальми не было в распоряжении ни всех усовершенствований военной техники, ни миллионной армии, ни грозной линии Мажино с подземными в несколько этажей укреплениями и внезапно подымающимися из-под земли бьющими на десятки километров батареями, у них не было ни подвалов французского банка с золотыми миллиардами, ни богатейших колоний, превосходящих своими размерами всю Европу, и, однако, никто не смел разговаривать с ними так нагло, угрожать им так откровенно и с таким презрением, как это делают с нынешними правителями Франции фашистские диктаторы.

Но своей небольшой и с таким сердечным увлечением написанной книжкой Ромэн Роллан, истинный сын великого французского народа, еще раз напоминает нам, что народ, в прошлом которого есть взятие Бастилии, есть революционный отпор интервентам, есть Парижская Коммуна 1871 г., непременно рано или поздно воспрянет духом и поразит своих внутренних и внешних врагов такой же прискорбной для них «неожиданностью», какой оказалась 20 сентября 1792 г. битва при Вальми.

1939 г.

Комментарии

РАБОЧИЙ КЛАСС ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Введение

[1] Blanc L. *Histoire de dix ans*, t. III. Paris, 1844, стр. 85: ...et à la puissance que venaient de déployer ces esclaves des temps modernes, esclaves, auxquels pourtant avait manqué un Spartacus, il était facile de deviner quelles tempêtes le XIX siècle portait dans ses flancs.

[2] Rist Ch. *La durée du travail dans l'industrie française de 1820 à 1870. Revue d'économie politique*, t. XI. Paris, 1897, стр. 371—393.

[3] Laurent Ed. *Le compagnonnage ou confréries de compagnons du temps passé*. Paris, 1921, стр. 42. Курьезнее всего, что автор, Лоран, до такой степени не подозревает всей пучины своего незнания, что ставит эпиграфом к своей книжке слова: «Pour bien comprendre une question, il faut connaître son histoire!» (Чтобы хорошо понять вопрос, нужно знать его историю).

[4] Нац. арх. F. Ic V, carton № 4. *Rapport fait au Conseil par le Préfet de la Seine-Inférieure le 8 Septembre 1828:* Il est fâcheux qu'un semblable travail soit au dessus des ressources dont l'administration départementale peut disposer.

[5] Villermé L. *Tableau sur l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie*, t. 1—2. Paris, 1840.

[6] *Edinbourgh Review or critical journal for July 1819... October 1819*, vol. XXXII, 1819, стр. 352.

Глава I

[1] Нац. арх. F7 3783. *Bulletin d'analyse du 24 septembre 1814:* Il n'y a que le roi à déplacer pour que Bonaparte retrouve son gouvernement entièrement organisé dès son retour; et trivialement ils ajoutent qu'il n'a besoin d'apporter aux Tuileries que son bonnet de nuit.

[2] Нац. арх. F7 3793. Carcassonne, le 23 octobre 1820 (*Bulletin № 63*).

[3] Нац. арх. F12 502. Paris, le 27 septembre 1814. Direction de l'agriculture, du commerce etc.— аббату Монтескью.

[4] Нац. арх. F7 3783. *Bulletin d'analyse du 16 août 1814.*

[5] Нац. арх. F[7] 3783. *Bulletin d'analyse du 1 août 1814:* Ce qui prouve combien les anglais avaient lieu de se réjouir de la chute de Napoléon.

[6] Там же.

[7] Нац. арх. F[7] 3789. Bordeaux, le 1 février. Le maire: ...l'Angleterre influence le gouvernement français... on attribue ce commerce destructeur à la complaisance outrée de notre gouvernement, et l'exaspération est très grande.

[8] Нац. арх. F[7] 3783. *Bulletin d'analyse du 30 septembre 1814:* La proposition... a jeté la consternation dans l'esprit de *tous* les négociants qui voient dans cette mesure l'avant-coureur de la destruction de l'*industrie* française. И дальше: ...il est évident que le Roi a des engagements à remplir envers les anglais qui l'ont remplacé sur le trône. Tous ces bruits fâcheux circulent avec beaucoup de rapidité dans toutes les classes du commerce...

[9] Нац. арх. F[12]* 194. *Procès-verbaux* etc., 5-me séance du 9 juin 1814: C'est d'autre part le système constamment suivi par le gouvernement anglais et par les manufactures anglaises et au moyen duquel ils déjouent toutes les spéculations des nôtres par les grands encouragements qu'ils donnent à l'importation en France. On en a dans ce moment une preuve bien formelle puisque les anglais établissent à trente pour cent de moins à Bordeaux le prix des mêmes articles qu'ils vendent 30% de plus à Naples.

[10] Там же. *Procès-verbaux* etc., 8-me séance du 23 juin 1814: Des plaintes amères se font entendre de toutes parts contre la fraude excessive qui se fait à nos frontières principalement en ouvrages de coton. M. le Directeur général pense qu'elle est très difficile à réprimer.

[11] Нац. арх. F[12]* 195. Типичные рассуждения на заседании 12 июня 1817 г.: C'est par ces moyens, c'est par un système bien soutenu de la part de l'Angleterre de favoriser tout l'emploi de tous les bras de ses ouvriers, qu'elle avait atteint cette richesse qui a surpassé même ses espérances.

[12] Там же. *Procès-verbaux* etc. 178-me séance du 10 décembre 1818: ...l'intérêt de quelques exploitations de ce genre ne saurait l'emporter sur celui bien autrement essentiel de toute notre agriculture.

[13] Там же, 110-me séance du 13 mars 1817.

[14] Нац. библ. Inventaire V, 54.704. Vaublanc. *Du commerce de la France en 1820 et 1821.* Paris, 1822, стр. 120.

[15] Нац. арх. F[12]* 195. *Procès-verbaux* etc., 102-me séance du jeudi 16 janvier 1817.

[16] Там же: L'expérience a prouvé que pendant tout le temps où le Piémont et une portion d'Italie ont été provinces françaises et par conséquent exempts de tout droit sur les soies de toutes espèces,— les fabriques de moulinage... n'ont pas prospéré.

[17] Нац. арх. F. I[e] V, Somme, carton № 2, *Conseil général,* session du 31 mai au 14 juin 1816, séance du 10 juin 1816.

[18] Там же. Les fabricants ont profité de cet événement et on ne peut leur en faire un reproche; mais il n'était pas naturel que les cultivateurs soufrissent longtemps sans se plaindre d'un état de choses qui les menaçait d'une ruine totale.

[19] Там же, Procès-verbal, стр. 11. Курьезно, что Совет, забыв об этом своем утверждении, в той же сессии, вотируя петицию к королю о необходимых фискальных льготах, констатирует застой в делах и экономическое истощение обитателей департамента.

[20] Там же, carton № 3: ...si cette situation bizarre et nouvelle de deux peuples, qui sans être en guerre se voient réciproquement et avec regret privés des avantages de la paix, pouvait cesser...

[21] Ср. там же, carton № 2. *Procès-verbal du Conseil général,* session de 1820.

[22] Нац. арх. F[12] 2473. *Conseil général du commerce*, 20-me séance du 13 février 1815.

[23] Нац. арх. F[12] Ic *V*, carton № 3. *Procès-verbal*. Session de 1827, chap. 2. *Vœux et propositions*.

[24] Нац. арх. F[12] 2474. *Copie du Procès-verbal de la 40-me séance du 9 février 1815*. ...ce genre de guerre que le Gouvernement anglais fait à notre industrie.

[25] Нац. арх. F[7] 3788. Lyon, le 26 février 1817. *Le lieutenant de police*.

[26] Нац. арх. F[7] 3784. *Bulletin de Paris*, samedi le 18 mars 1820.

[27] Нац. арх. F[7] 3790. Lyon, le 26 septembre 1818. *Lieutenant de police*.

[28] Нац. арх. F[7] 2470, 43-me séance du 2 mars 1815.

[29] Ср. Нац. библ. V. 50 470: Заседание комиссии от 17 декабря 1828 г., ответы Кеклина, Дежуи, Люси и Баумгартена (*Rapport de la Commission libre nommée par les manufacturiers et négociants de Paris*. Paris, 1829, стр. 140 и сл.).

[30] Нац. арх. F[7] 2473. *Courtes réflexions à soumettre à Leurs Excellences* etc. Подписано: Bruniquel, Président du Conseil général des Bouches-du-Rhôme. 26 septembre 1815: Le système exclusif qui s'est établi par la violence et l'ignorance d'un seul homme et d'après les plus fausses idées a donc eu pour résultat d'enrichir quelques fabricants en faisant porter sur le peuple une sorte d'imposition...

[31] Ср. Нац. арх. F[7] 3791. *Bulletin des 14 et 15 février 1819:* Le commerce du Havre a pris un accroissement extraordinaire depuis qu'Anvers n'appartient plus à la France.

[32] Нац. арх. F[12] 2474. *Procès-verbaux du Conseil général des manufactures* за май, июнь, июль, август 1814 г.

[33] Там же. Séance du 21 juillet 1814.

[34] Там же. 5-me séance du 9 juin 1814. (ср. Нац. арх. F[7] 194, 5-me séance).

[35] Там же. 7-me séance du 18 juin 1814.

[36] Нац. арх. F Ic *V*, carton № 2 (сессия 1818, *Vœux de Conceil général de la Seine-Inférieure*).

[37] Нац. арх. F[12] 2473. *Conseil général du commerce*, 6-me séance du 2 juillet 1814.

[38] Нац. библ. V. 11. 765. *Discours, prononcés à la quatrième séance du Conseil de perfectionnement de l'Ecole spéciale* etc. Paris, 1828, стр. 71.

[39] Нац. арх. F[12] 2474. *Rapport... par la Commission des métaux:* ...tous les raisonnements faits à ce sujet sont à très peu près dictés par le seul intérêt personnel de ceux qui les font (22 février 1821).

[40] Нац. арх. F[12] 502. Paris, le 12 novermbre 1814. *Copie de la lettre écrite par le Directeur général des mines:* ...que le tarif actuel serait destructeur de tous les avantages que 25 ans de soins et de travaux ont procurés à nos exploitations, qu'il ruinerait absolument cette branche précieuse d'industrie... ce sacrifice fait aux étrangers et particulièrement à l'Angleterre serait gratuit et sans motif...

[41] Нац. арх. F[12] 2474. 11-me séance du 14 juillet 1814 (*Conseil général des manufactures*).

[42] Там же. *Observations sur le commerce de houilles, 1817*, стр. 67: Mais depuis la perte de la Belgique les choses ont entièrement changé, nos relations commerciales sont faibles et diminuent chaque jour.

[43] Нац. библ. V, 50. 470. *Rapport de la Commission libre, nommée par les manufacturiers et négociants de Paris sur l'enquête rélative à l'état actuel de l'industrie de coton en France, 1829*, стр. 22.

[44] Там же, стр. 35.

[45] Там же, стр. 37.

[46] Нац. арх. F[12]* 194. Докладная записка Ternaux, прочитанная в

11-м заседании 14 июля 1814 г.: Négocier les traités de commerce avec les nations commerciales et le manufacturiers, telle que l'Espagne, le Portugal, l'Italie surtout, le Levant, la Russie, et enfin principalement avec les nations chez lesquelles on peut aller par terre, si une guerre maritime venait à éclater.

[47] Там же: Dans le cas, où le traité de commerce avec l'Angleterre serait nécessaire aux relations politiques et à la continuation de la paix...

[48] Там же: S'il y a un traité de commerce avec l'Angleterre... si l'usage des machines à peigner n'est pas introduit promptement en France, jamais notre industrie ne pourra se soutenir.

[49] Нац. арх. F[12] 2473. *Conseil général du commerce.* Paris, le 13 août 1814, 12-me séance: ...à raison de la qualité et du prix les draps français ne peuvent qu'obtenir la préférence dans la consommation en Levant.

[50] Нац. арх. F[12] 3788, *Bulletin des 16 et 17 janvier 1817.* ...un filateur anglais admis à examiner les premiers produits de cet ingénieux procédé... tomba dans une profonde rêverie d'où il ne sortit que pour s'écrier avec l'accent du dépit: voilà les coquins qui nous font bien du tort.

[51] Ср. Birkbeck. *Notes on a journey through France.* London, 1815, стр. 15. (О сукнах мануфактур г. Лувье): ...the quality of their cloth proves their skill too well to leave a doubt of the excellence of their implements.

[52] *Travels in France,* vol. II. Edinbourgh, 1816, стр. 192. Авторы — не обозначенные на обложке Alison и Tytler.

[53] Там же, стр. 193.

[54] Ср. Dupin Ch. *Forces productives et commerciales de la France,* t. I. Paris, 1827, Introduction, стр. VI—VII.

[55] Там же, стр. XII.

[56] Там же, стр. IV: Eh bien! depuis 1818 jusqu'en 1827, en neuf années seulement, ces plaies sanglantes et profondes ont été guéries: L'œil cherche en vain nos cicatrices; la patrie a réparé ces immenses malheurs; ...la voilà plus robuste, plus active et plus imposante que jamais.

[57] Нац. арх. F[7] 3791. Limoges, le 6 mai 1819.

[58] Нац. библ. L[29] 22. *Notes on a journey through France.* London, 1815, стр. 11: Since I entered the country I have been looking in all directions for the ruins of France... but instead of a ruined country I see fields highly cultivated and towns full of habitants... I see the same marks of comfort and plenty everywhere as I proceed...

[59] Alison and Tytler. *Travels in France,* vol. II. Edinbourgh, 1816, стр. 188—189.

[60] Нац. библ. Inventaire, V, 37. 364. *Le petit producteur français,* vol. III. Paris, 1827, стр. 1.

[61] Нац. библ. L[29] 22. *Notes on a journey through France.* London, 1815, стр. 10.

[62] Нац. арх. F[12] 2473. *Courtes réflexions à soumettre à Leurs Excellences* etc.

[63] Нац. арх. F I[c] V. Seine-Inférieure, carton № 2. Compte d'administration (session 1816).

[64] Нац. арх. F[7] 3783. *Bulletin du 6 août 1814.*

[65] Там же. *Bulletin du 8 août 1814.*

[66] Там же. *Bulletin du 13 août 1814.*

[67] Нац. арх. F[7] 3784. *Bulletin de Paris,* le 9 janvier 1819: ...celle du S. Richard le Noir se soutient péniblement au moyen de sacrifices de sa part...

[68] Нац. библ. V. 50.470: *Rapport de la Commission libre* etc., 1829, стр. 2—3.

[69] Нац. библ. V. 12.661.— 30 novembre 1834. Dupin Ch. *De l'influence de la classe ouvrière sur les progrès de l'industrie,* стр. 10.

[70] Нац. арх. F. Ic V, carton № 4. *Rapport fait au Conseil général par le Préfet de la Seine-Inférieure,* le 8 septembre 1828.

[71] Нац. библ. V. 50.470. *Rapport de la Commission libre* etc. Paris, 1829, стр. 37.

[72] Там же, стр. 179.

[73] Нац. библ. V. 50.470. *Rapport de la Commission libre* etc., стр. 5—6.

[74] Нац. библ. V. 11.765. *Discours* etc. Paris, 1828, стр. 77.

[75] Нац. арх. F. Ic, carton № 3. *Procès-verbal,* session de 1827.

[76] Там же.

[77] Нац. арх. F^7 3791. Besançon, le 24 décembre 1818, *Bulletin № 2.* Донесение полковника жандармерии.

Глава II

[1] Нац. арх. F. Ic. V. Seine-Inférieure, carton № 4, *Rapport fait au Conseil général par le Préfet de la Seine-Inférieure le 8 septembre 1828.*

[2] Нац. арх. F^7 3797. *Bulletin du 14 octobre 1826,* № 92.

[3] Нац. арх. F^7 3789. Toulon, le 15 mars. *Le Commissaire général de police.*

[4] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 39—40.

[5] Ср. Нац. арх. F^7 3881. *Bulletin du 28 décembre 1827:* Quoique les travaux en général soient peu actifs dans ce moment, la classe laborieuse est assez occupée; mais les salaires sont extrêmement faibles et beaucoup de familles souffrent dans les faubourgs...

[6] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 14—16. Автор утверждает, что к середине 30-х годов число рабочих в этом департаменте удвоилось.

[7] Там же, стр. 38.

[8] Нац. библ. Invent. S. 25.420. *Costaz. Essai* etc. Paris, mars 1818, стр. 150.

[9] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 45.

[10] Там же, стр. 284.

[11] Там же, стр. 298—299.

[12] Там же, стр. 290—291.

[13] Там же, стр. 301.

[14] Там же, стр. 307.

[15] Villeneuve-Bargemont A. de. *Economie politique chrétienne ou recherches sur la nature et les causes du paupérisme en France et en Europe,* t. II. Paris, 1834, стр. 64.

[16] *Rapport à la municipalité sur les moyens à prendre immédiatement contre le choléra morbus* (1 Avril 1832). В кн.: Villermé L. Цит. соч., I, стр. 86—88.

[17] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 101.

[18] Там же, стр. 103.

[19] Там же, стр. 268: ...tous ceux qui n'ont que leurs bras pour vivre préfèrent les louer à la fabrique.

[20] Там же, стр. 271.

[21] Нац. арх. F^7 9787, carton *Seine.— Préfecture de police,* Paris, le 25 janvier 1811: ...L'Empereur était alors en Allemagne... il y eut des rumeurs, des rassemblements et de l'opposition...

[22] Там же.

[23] Там же. *Question relative à la fixation des heures de travail* etc. Paris, le 28 janvier 1811. *A S. E. M-r le Duc de Rovigo.*

[24] Там же: ...pour qu'ils arrivent à Paris avec autant de résignation qu'on peut le désirer. Ils pourront bien encore conserver quelque espoir de s'opposer à la mesure, mais il s'évanouira du moment ou ils manqueront de point de ralliement et qu'ils verront soumis ceux de leurs camarades qui n'auront point quitté la capitale.

[25] Согласно наполеоновскому декрету 1806 г. Ср. Нац. арх. F^7 9787. *Seine. Décret Impérial qui fixe la durée de la journée des ouvriers du bâtiment.*

[26] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 146—147.

[27] Там же, стр. 162—163, главным образом стр. 163.

[28] Нац. арх. F. I^c V, carton № 2, заседание 6 августа 1819 г.

[29] Нац. арх. F I^c V, carton № 2. Session 1820. Séance du 8 août.

[30] Там же.

[31] Там же, carton № 4. *Rapport... du Préfet de la Seine-Inférieure, le 8 Septembre 1828.*

[32] Там же.

[33] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 152.

[34] Там же, стр. 154.

[35] Там же, стр. 158—159.

[36] Там же, стр. 259: ...ce qu'on appelle leur cinquième quart de journée.

[37] Там же, стр. 136.

[38] Там же, стр. 142—143.

[39] Там же, стр. 144.

[40] Там же, стр. 192—193.

[41] Там же, стр. 241 и сл.

[42] Для позднейшего периода (1834 г.) даются несколько меньшие цифры. См. там же, стр. 116—117.

[43] Там же, стр. 14—15.

[44] Там же, стр. 23.

[45] Там же, стр. 72.

[46] Там же, стр. 71.

[47] Там же, стр. 77.

[48] Там же, стр. 83: ...la plupart sans chemises et d'une saleté repoussante. Père, mère, vieillards, enfants, adultes, s'y pressent, s'y entassent. Je m'arrête...

[49] Там же, стр. 83.

[50] Там же, стр. 84—85.

[51] Там же, стр. 86.

[52] Там же, стр. 26.

[53] Там же.

[54] Там же, стр. 27.

[55] Там же, II, стр. 209.

[56] Там же, стр. 228.

[57] Там же, стр. 401—403.

[58] Там же, стр. 231—233.

[59] Нац. библ. Inventaire V, 37.367. *Le petit producteur,* IV. Paris, 1828, стр. 100.

[60] Там же, стр. 13.

[61] Был сделан подсчет для 100 предприятий разных размеров в разных частях города, и затем из полученных цифр сделаны были выводы для 4000 предприятий, которые были зарегистрированы в префектуре. Незачем много останавливаться на примитивности этих статистических приемов. Напечатан этот документ (вернее — перепечатан, ибо впервые он появился в печати в 1829 г.) в собрании текстов. См. Bourgin G. *Le régime de l'industrie en France de 1841 à 1830,* t. II. Paris, 1921, стр. 272—298.

[62] Нац. арх. F^7 3789. Paris, le 20 avril.

[63] Нац. арх. F^7 3878. *Bulletin du lundi 28 juin 1824.*

[64] Rapport, 43—98 (*Filature*).

[65] D'Haussez. *La Grande Bretagne en 1833. Paris, 1833,* стр. 340—348.

[66] Нац. библ. V. 50.470. *Rapport de la commission libre* etc., стр. 152.
[67] Villermé L. Цит. соч., I, стр. 258. О седанском рабочем населении: Ces ouvriers forment une population excellente, laborieuse, soumise, tranquille, amie de l'ordre, facile à conduire...

Глава III

[1] Ср. Pellew G. *The life and correspondence of the R. H. Henry Addington, first Viscount Sidmouth,* vol. III. London, 1847, стр. 80, примечание.
[2] *Annual Register,* vol. 54, стр. 19 и сл., отдел *Chronicle,* 1812.
[3] Там же, стр. 20.
[4] Там же, стр. 61.
[5] Там же, стр. 78: ...all possible means have been tried to induce the Luddites in prison to divulge the whole extent of their plan and to impeach their ring leaders, but without effect.
[6] *Parliamentary Debates.* London, 1812, vol. XXI, House of Lords, February 27. Frame Work Bill. Речь Байрона на стр. 966—974.
[7] Mantoux P. *La Révolution industrielle au XVIIIe siècle.* Paris, 1906, стр. 423.
[8] Ср. *Letters and journals. (The Works of Lord Byron,* изд. Prothero. IV. London, 1900, стр. 30.) Письмо Байрона к Т. Муру от 24 декабря 1816 г., № 620.
[9] *Parliamentary Debates,* vol. XXI, стр. 966: ...forty frames had been broken the preceding evening, as usual, without resistance and without detection... И раньше: not twelve hours elapsed without some fresh act of violence.
[10] Там же, стр. 967.
[11] *Lettres and journals (The Works of Lord Byron,* vol. IV, стр. 30). Письмо Т. Муру от 24 декабря 1816 г., № 620: Are you not near the Luddites? By the Lord! if there's a row, but I'll be among ye! How go on the weavers — the breakers of frames — the Lutherans of politics — the reformers?
[12] Там же, стр. 48. Venice, January 28, 1817. Письмо Т. Муру, № 626: I think of being in England in the spring. If there is a row, by the sceptre of King Ludd, but I'll be one...
[13] Sismondi. *Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population,* t. I—II. Paris, 1819.
[14] Sismondi. Цит. соч., т. II, стр. 321.
[15] Там же, стр. 332: Toutes les récompenses offertes pour l'invention des machines sont désormais devenues dangereuses. Aucune ne l'est plus peut-être que le privilège qu'on accorde à leur inventeur. La suppression de ce privilège est probablement la seule chose que le gouvernement puisse faire pour protéger directement les pauvres ouvriers contre ce qu'on a assez bien nommé *le pouvoir scientifique.*
[16] Там же, стр. 334.
[17] Sismondi. Цит. соч., т. I, стр. 364, 368 и сл.
[18] Там же, стр. 363.
[19] Нац. библ. Lb^{51}. 749. *Discours sur le sort des ouvriers... prononcé par M. Charles Dupin...* le 19 juin (1831): Par conséquent tandis qu'ils souffrent ce premier dommage, au lieu de leur demander qu'ils éprouvent une satisfaction anticipée, il faut leur demander... résignation pour le présent, espérance pour l'avenir.
[20] Villermé L. Цит. соч., II, стр. 297—298.
[21] Там же, стр. 299: ...mais ce mal inévitable n'est que passager...
[22] Нац. библ. Inventaire, S. 25.420. Costaz. *Essai sur l'administra-*

tion de l'agriculture, du commerce, des manufactures et des subsistances. Paris, 1818, стр. 150, 167 и сл.

[23] Нац. библ. Inventaire, S. 25.420. Costaz. Цит. соч., стр. 167: Il n'y a pas de milieu: il faut prendre ce parti ou renoncer à avoir une industrie.

[24] Blanqui aîné M. *Cours d'économie industrielle, leçons...*, t. I. Paris, 1836, стр. 110: Mais quoiqu'il en soit, la question des machines est jugée... la nécessité des machines est un fait accompli.

[25] Ср. цитируемую мною книгу: Vaublanc. *Du commerce de la France en 1820 et 1821*, стр. 81.

[26] Colmont A. de. *Histoire des Expositions des produits de l'industrie française.* Paris, 1855, стр. 263.

[27] *Oeuvres diverses de J.-B. Say (Collection des principaux économistes*, XII. Paris, Guillaumin, 1848).— *De l'Angleterre et des anglais*, стр. 219: A New-Castle, à Leeds des machines à vapeur ambulantes traînent après elles des chariots de houille; et rien n'est plus surprenant, au premier abord, pour un voyageur qui la recontre dans la campagne, que ces longs convois qui s'avancent par eux-mêmes et sans le secours d'aucun être animé.

[28] Нац. арх. F. Ic V, carton № 3. *Procès-verbal du Conseil général du département de la Seine-Inférieure*, Session de 1826, chap. 2.

[29] Нац. библ. V. 8823. *Avantages sociaux d'un enseignement public appliqué à l'industrie.* Paris, 1824, стр. 19—20 и сл.

[30] Нац. арх. F. Ic V, carton № 3. Session de 1827. *Procès-verbal.*

[31] Нац. библ. V. 50. 470. *Rapport* etc., стр. 167. Séance du 17 décembre 1828. *Machines. Réponses de M. Taylor, ingénieur.*

[32] Нац. библ. V. 50. 470. *Rapport* etc., 1829, стр. 33.

[33] Там же, стр. 8.

[34] Нац. арх. F7 9796. Toulouse, le 30 juillet 1819. Префект Верхней Гаронны — министру внутренних дел.

[35] Нац. арх. F7 9796. Perpignan, le 22 février. Префект Восточных Пиренеев — министру внутренних дел и целый ряд досье в том же картоне.

[36] Нац. арх. F7 9796. Amiens, le 12 février 1818. *Rapport du Comissaire de police Decoron.*

[37] Нац. арх. F7 9796. Perpignan, le 18 octobre 1816. Специальный комиссар полиции Renouard — министру полиции.

[38] Там же, 21 октября 1816. Renouard — министру полиции.

[39] Там же. Perpignan, le 7 mars 1817. Префект Восточных Пиренеев — министру внутренних дел, и особенно его же доклад от 26 февраля 1817.

[40] Там же, 26 février 1817: ...entreprise qui a pour but de transporter dans la Catalogne des machines propres à la fabrication des draps, d'y faire passer les principaux ouvriers de nos manufactures...

[41] Нац. арх. F7 3788. Perpignan, le 7 mars 1817.

[42] Нац. арх. F7 3789. Amiens, le 6 août, *le Préfet de la Somme.*

[43] Там же.

[44] Нац. арх. F7 3790. Perpignan, le 17 juillet 1818.

[45] Нац. арх. F7 3792. Perpignan, le 3 décembre 1819.

[46] Нац. арх. F7 9796. Paris, le 3 mars 1819: Des russes, aidés par quelques mauvais français sans doute, s'occupent d'une manière active à nous embaucher nos ouvriers en soyeries etc. (Не подписано. Папка *Russie*, 63 895).

[47] Там же, le 18 janvier 1824.

[48] Там же, le 11 mars 1824. Префект полиции — министру внутренних дел.

[49] Там же, le 4 novembre.

[50] Нац. арх. F7 3796. *Bulletin du 12 juin 1824*, № 33.

[51] Там же. *Bulletin du 19 juin 1824*, № 34.

[52] Нац. арх. F[7] 3796. *Bulletin du 14 janvier 1825*, № 4.

[53] Нац. арх. F[7] 9796. Paris, le 26 juillet 1824. Префект полиции — министру (папка *Angleterre*); там же папка *Dalin, teinturier de Lyon;* там же (14 novembre 1825) папка *La femme Morel* и целый ряд других дел.

[54] Нац. арх. F[7] 9796, папка *Angleterre. Ouvriers en porcelaine.*

[55] Там же. Préfecture de l'Aisne, le 23 avril 1824. Префект — директору полиции (на папке, по очевидной описке, —établissement à Manchester de *1500* mécaniques. Тут один ноль прибавлен по ошибке).

[56] Нац. арх. F[7] 9796, папка *Angleterre*, № 63 895 (obj. gén.), дела 1824, 1825 и 1826 гг.

[57] Там же, *Extrait d'un Rapport du 28 décembre 1824.*

[58] Нац. арх. F[7] 9796. Valence, le 23 novembre 1824; Paris, le 17 novembre 1824; Paris, le 24 mars 1825 и др.

[59] Нац. арх. F[7] 9796, Lyon, le 1 mars 1825. Префект Роны — министру внутренних дел.

[60] Нац. арх. F[7] 3796. *Bulletin du 3 mars*, № 17.

[61] Нац. арх. F[7] 9796. На полях доклада префекта Арденнов, Mezières, le 12 août 1826.

[62] Там же, прошение рабочего Geoffroy, le 5 août 1826.

[63] Там же, Mezières, le 26 août: Votre Excellence verra... qu'il y a peu d'espoir de les amener à rompre le silence sur ce point. Il paraît que la leçon leur avait été faite à l'avance.

[64] Нац. арх. F[7] 9796, le 28 février 1826. A Monsieur le Sous-Préfet — фабриканты Boudin-frères и др.

[65] Ср. Нац. арх. F[7] 9796, папки *Pays-Bas, Suisse, Allemagne.*

[66] Там же. Bordeaux, le 17 septembre 1819.

[67] Там же. Paris, le 17 décembre 1827. Префект полиции — министру внутренних дел (папка *Amérique, James Tupper*).

[68] Там же. Paris, le 11 juillet 1826.

[69] Нац. арх. F[7] 3789. Strasbourg, le 18 mars 1818. *Le Préfet du Bas-Rhin:* L'autorité use de tous les moyens qui sont en son pouvoir pour déraciner cette funeste manie.

[70] Нац. арх. BB[18] 990—994. Expédié le 25 mai 1819 au Procureur général etc. Nota: Pour poursuivre le S-r Ollivier aux termes de l'art. 417 ...il faudrait qu'il eût en vue de nuire à l'industrie française, et l'embauchage d'un seul ouvrier ne paraît pas pouvoir être considéré comme le fait prévu par cet article.

[71] Нац. арх. F[7] 3879. *Bulletin du vendredi 26 août 1825:* ...des passeports pour l'Amérique... ils ne sont toutefois accordés qu'après un examen attentif, afin que ni les droits individuels, ni les intérêts du commerce et de l'industrie nationale n'en soient blessés.

[72] Нац. арх. F[7] 3789. Arras, le 28 avril. *Le Préfet du Pas-de-Calais.*

[73] Нац. арх. F[7] 3790. Marseille, le 24 novembre 1818.

[74] Нац. арх. F[7] 3808. *Bulletin du samedi 26 août 1826.*

[75] Там же. *Bulletin du samedi 2 septembre 1826.*

[76] Там же. *Bulletin du mardi 10 octobre 1826.*

[77] Нац. арх. F[7] 3797. *Bulletin du 30 août 1826*, № 78. Bordeaux, le 24 août.

[78] Нац. арх. F[7] 3837. *Bulletin de Paris du 3 au 4 novembre 1816.* On ne brise pas les métiers en France comme en Angleterre. On ne saurait trop remarquer quelles différences se prononcent plus que jamais entre les goûts, les mœurs, les systèmes et jusque entre les excès des deux peuples.

[79] Нац. арх. F[7] 3788. Lille, le 23 janvier 1817. *Le Préfet de Nord.*

[80] Нац. арх. F[7] 9787. Paris, le 18 juin 1817. Лефевр — министру полиции: ...la conduite de ces hommes a une si grande connexité avec celle des

luddistes anglais, qu'un pareil noyau peut faire craindre des résultats fâcheux.

[81] Там же, в конце прошения.

[82] Нац. арх. F^7 9787. Paris, le 14 juillet 1817. Префект полиции — министру общей полиции.

[83] Нац. арх. F^7 3789. *Bulletin des 3 et 4 février 1818.*

[84] Нац. арх. F^7 9787. Grenoble, le 25 janvier 1819. ...il serait pénible d'employer la force pour réprimer ces nouveaux luddistes... quelque protection que l'on doive aux perfectionnements de l'industrie française, je pense qu'il faut aussi compter pour quelque chose de leur introduction.

[85] Нац. арх. F^7 3791. Grenoble, le 22 janvier 1819. *Bulletin № 21.*

[86] Там же. Grenoble, le 25 janvier 1819.

[87] Там же.

[88] Нац. арх. F^7 9786. Папка: *Troubles à Vienne, à l'occasion d'une machine à tondre des draps.*

[89] Там же. Лейтенант жандармерии де Вервиль — полковнику. 11½ heures du soir, Vienne, le 26 février 1819.

[90] Там же. Paris, le 3 mars 1819.

[91] Там же. Начальник эскадрона жандармерии — полковнику. Rapport: des arrestations se font tous les jours.

[92] Нац. арх. F^7 3791. Vienne (Isère), le 3 mars 1819.

[93] Там же. Marseille, le 10 mars 1819.

[94] Нац. арх. F^7 9786. Черновик письма министра от 19 апреля 1819; ответ префекта — Carcassone, от 27 мая 1819.

[95] Там же. Письмо префекта. Carcassone, le 27 mai 1819: Les ouvriers qui ont à souffrir de ce nouvel établissement ont cédé à la persuasion, mais ils doivent adresser à Votre Excellence leurs humbles remontrances pour peindre l'infortune dans laquelle ils sont précipités, puisqu'ils n'ont plus les moyens de pourvoir à la subsistance de leur famille.

[96] Нац. арх. F^7 9786. Протокол, составленный мэром Лиму, 1 июля 1819. Папка *l'Aude.*

[97] Там же, 27 июля 1819. Министр — префекту (копия): ...il faut par cet éclat frapper les esprits et intimider; c'est le moyen de prévenir des désordres plus graves... Vous sentez, Monsieur, combien la punition de ces ouvriers serait utile au maintien de l'ordre.

[98] Нац. арх. BB^{18} 990—994. Папка *Montpellier, Aude — Limoux.*

[99] Там же, Carcassone, le 16 mai 1821. *Bulletin № 161.*

[100] Там же. *Bulletin № 3 du 7 juin 1821.*

[101] Нац. арх. F^7 9786. Начальник жандармского эскадрона — барону Mounier, начальнику департамента полиции. Carcassone, le 15 mai 1821.

[102] Там же, le 2 juin 1821. Черновая копия. Министр — префекту.

[103] Нац. арх. BB^{18} 1000—1006. Enregistré le 25 mai 1821. Lodève.

[104] Нац. арх. F^7 3876. *Bulletin de Paris*, le 13 novembre 1822.

[105] Нац. арх. F^7 9786. Chartres, le 24 février 1824. Префект — министру.

[106] Нац. арх. F^7 3882. *Bulletin de Paris*, le 22 janvier 1828. К увольнению привело *исключительно* введение машин: ...par suite de l'introduction dans cet établissement de machines...

[107] Нац. арх. F^7 3798. Départements. 6 décembre 1828, № 27.

[108] Нац. арх. F^7 3883, 12 janvier 1829.

[109] Ср. типичное свидетельство префекта парижской полиции от 21 мая 1820 г. Нац. арх. F^7 3875: L'imprimerie est dans la plus grande activité; les presses travaillent nuit et jour; la librairie participe à ce mouvement... ce qui procure des ressources à un grand nombre de familles.

[110] Нац. арх. F^7 3880. *Bulletin du mercredi 16 août 1826.*

[111] Ср. *L'Artisan,* № 3, dimanche le 10 octobre 1830. Статья *Statistique de la profession des ouvriers imprimeurs.*

[112] Duprat A. *Histoire de l'Imprimerie Impériale de France*. Paris, 1861, стр. 297—299.

[113] L'*Artisan*, № 1, mercredi, le 22 septembre, стр. 2. Отчет о процессе.

[114] Нац. библ. Lb^{51} 124. *Les justes alarmes de la classe ouvrière au sujet des mécaniques*. Paris, le 20 août 1830.

[115] Нац. библ. Lb^{51} 125. *Dialogue entre une presse mécanique et une presse à bras, recueilli et raconté par une vieille presse en bois etc.* Paris, 1830.

[116] Там же, стр. 14: Conséquemment, je vous représente les mécaniques d'imprimerie comme placées tout-à-fait en dehors de toutes les autres mécaniques, véritablement à l'industrie.

[117] *L'Artisan*, № 2, 5 octobre, передовая статья.

[118] Нац. библ. Lb^{51} 541. *Le Cri du Peuple*. Par Auguste Colin. Paris, 1831.

[119] Там же, стр. 7: ...et qui pourrions nous trouver plus digne de notre confiance? ...jamais un souverain ne fut l'élu d'une nation mieux que Louis-Philippe l'a été de la France. Son cœur saigne de voir sa patrie, ses enfants dans la désolation...

[120] Нац. библ. Lb^{51} 941. *Société des amis du peuple*, le 15 septembre 1831.

[121] *Gazette des Tribunaux*, lundi le 7 et mardi le 8 mars 1831 (двойной номер) 427. *Révolte d'ouvriers*. Correspondance de la *Gazette des Tribunaux*.

Глава IV

[1] Ср. Нац. арх. F^7 9787. Poitiers, le 14 septembre 1824. *Parquet du Procureur du Roi.*

[2] Ср. Нац. арх. F^7 9786. Папка *Aube*. Troyes, le 22 décembre 1822. Префект департамента de l'Aube — министру внутренних дел: Je viens de lui répondre que l'esprit de la loi du 16 fructidor an 4 était évidemment de détruire ces associations et de rendre individuels les rapports et les discussions entre les maîtres et les ouvriers.

[3] Нац. арх. F^7 9787. Paris, le 13 décembre 1822. Le Conseiller d'Etat Castelbajac à M. Franchet-Desperey, Directeur de la police.

[4] Там же. Последние строки так важны для понимания правительственной позиции, что приведу их в подлиннике:

...Lorsque les parties ont confiance aux dites autorités et les choisissent pour médiatrices dans leurs débats, il n'est pas défendu à celles-ci d'interposer leurs bons offices afin d'arriver amiablement à la conciliation de tous les intérêts.

[5] Нац. арх. BB^{18} 990—994. *Copie d'une dépêche de M. le Commissaire Chef maritime à St. Servan à Mr. le Commissaire de la Marine*. St. Servan, le 4 mars 1819.

[6] Нац. арх. F^7 3879. *Bulletin du vendredi le 4 mars 1825.*

[7] Нац. арх. BB^{18} 1007—1012. *Ministère de la justice. Expédié le 12 août au Procureur Général de Poitiers.*

[8] Ср. Нац. арх. F^7 3878. *Bulletin du dimanche 18 juillet 1824.*

[9] Нац. арх. F^{12} * 194. *Procès-verbaux*, 1 séance du 18 mai 1814: Des abus enracinés pendant nos orages révolutionnaires ont désorganisé nos manufactures où des ouvriers infidèles exercent des vols ruineux pour le fabricant honnête. Mais en vain le Conseil a demandé à ce sujet un réglement protecteur: on s'est obstiné à confondre des réglements de police avec ces réglements absurdes qui précédemment enchaînaient l'industrie et qui longtemps avant la Révolution étaient justement tombés en désuétude.

[10] Нац. арх. BB^{18} 1000—1006. *Directeur général de l'Administration etc. à M. le Préfet de Haut-Rhin* (le 3 février 1821): ...en les invitant à légitimer par le mariage leurs liaisons clandestines.

[11] Там же, доклад министру юстиции, le 10 avril 1821: ...la conduite peu mesurée du maire etc., хотя и признается son zèle pour les bonnes mœurs.

[12] Нац. арх. F[7] 3787. Octobre 1816.

[13] Там же. Marseille, le 12 octobre: le commerce reprend de l'activité... les ouvriers en très grand nombre sont occupés aux divers travaux...

[14] Нац. арх. F[7] 3787. *Bulletin du 7 novembre 1816.*

[15] Нац. арх. F[7] 3788. *Bulletin des 16 et 17 janvier 1817.*

[16] Нац. библ. Inventaire. S. 25. 420. Costaz. *Essai sur l'administration de l'agriculture, du commerce, des manufactures et des subsistances.* Paris, mars 1818, стр. 149 и сл.

[17] Нац. арх. F[7] 3788. L'Aisne, le 31 janvier 1817. *Le Sous-préfet de Soissons.*

[18] Там же. Bar-le-Duc, le 5 mars 1817. *Le Préfet de la Meuse.*

[19] Там же. Bar-le-Duc, le 12 mars 1817. *Le Préfet de la Meuse.*

[20] Таких указаний очень много. Типичные см. Нац. арх. F[7] 3789. *Bulletin du 16 octobre 1817.* Речь идет о спекулянтах, действовавших в Версале, в двух шагах от столицы.

[21] Нац. арх. F[7] 3788. *Le Préfet du Pas-de-Calais,* le 26 avril: ...mais ils les ont rétablis, lorsqu'ils ont vu que l'autorité les protégeait.

[22] Там же. Lorient, le 11 mars 1817. *Le Commissaire général de police.*

[23] Там же. Lyon, le 19 janvier 1817.

[24] Там же. Lyon, le 18 janvier 1817.

[25] Нац. арх. F[7] 3789. Lyon, le 9 novembre. *Le Préfet du Rhône.*

[26] Нац. арх. F[7] 9787. Lyon, le 6 août 1819. «Лейтенант полиции» — министру внутренних дел. Ср. Нац. арх. BB[18] 995—999. Lyon, le 19 décembre 1819.

[27] Нац. арх. F[7] 3789. Bordeaux, le 2 août 1817.

[28] Нац. арх. F[7] 3788. Corbeil, le 10 janvier. *Bulletin du 16 janvier 1817.*

[29] Нац. арх. F[7] 3789. *Bulletin du 7 octobre 1817.*

[30] Там же. Limoges, le 4 octobre. *Préfet de la Haute-Vienne.*

[31] Там же. Metz, le 10 octobre 1817. *Le colonel de Gendarmerie.*

[32] Нац. арх. F[7] 3790. Angoulême, le 10 août 1818. *Le Préfet de la Charente;* там же, Angers, le 26 août. *Le Préfet de Maine-et-Loire* и др. в том же картоне.

[33] Нац. арх. F[7] 9786. Montpellier, le 22 janvier 1818. Префект департамента l'Hérault — министру внутренних дел.

[34] Нац. арх. F[7] 9786. *Copie de deux placards, affichés en plusieurs exemplaires* etc.

[35] Вот текст этого второго рукописного заявления (с сохранением орфографии подлинника, весьма фантастической):

M-rs les Administrateurs qui êtes munis des pouvoirs suprêmes que par votre bonté ordinaire, veuillez concilier M. M. les fabricants afin de ne pas nous couvrir de honte par une tentative que la misère nous force. Daignez, s'il vous plaît, M. M., prendre cela en considération, vous seuls pouvant tout envers M. M. les fabricants où notre sort dépend (там же). В картоне есть и подлинные, сорванные полицией со стен, рукописные плакаты и переписанная уже в полиции копия их.

[36] Нац. арх. F[7] 3790. Lorient, le 18 juin 1818. *Le Commissaire général de police.*

[37] Нац. арх. F[7] 3780. Amiens, le 24 juin. *Le Préfet de la Somme.*

[38] Там же. Amiens, le 10 juillet. *Le Préfet de la Somme.*

[39] Нац. арх. F[7] 3791. Amiens, le 4 janvier 1819, *Bulletin № 2.*

[40] Нац. арх. BB[18] 1000—1006. Sarrancollin, le 13 mars 1821. *Louis Estrade à Son Excellence le ministre de la justice.*

[41] Там же: L'intrigue, les sollicitations, les propos sans nombre et les présents qui ne tarissaient jamais, la calomnie, la diffamation — tout a été mis en œuvre contre moi devant ce tribunal...

[42] Там же: ...le bien de la société, le respect des personnes et de la propriété et ma tranquillité personnelle l'exigent...

[43] Нац. арх. BB[18] 1000—1006, Pau, le 26 mai 1821. Главный прокурор — министру юстиции.

[44] Нац. арх. F[7] 3791. Rennes, le 3 avril 1819.

[45] Там же. Lyon, le 1 mai 1819.

[46] Нац. арх. F[7] 9787. Roanne, le 1 juin 1819. Маркиз де Тарди — супрефекту.

[47] Там же. Roanne, le 15 mars 1819. Мэр г. Роанна — рабочим делегатам.

[48] Там же. Montbrison, le 7 juillet 1819. Префект — министру внутренних дел.

[49] Нац. арх. BB[38] 990—994. Paris, le 25 juin 1819. Генеральный прокурор г. Анжера — министру юстиции: ...ces coalitions sont assez fréquentes.

[50] Там же. Angers. Maine-et-Loire. Префект — министру внутренних дел, 4 августа 1818 (до стачки, о которой у нас тут идет речь): Ceux-ci travaillent le plus qu'ils peuvent à combattre des droits illégaux contraires à leurs intérêts.

[51] Там же: ...ce qui force les entrepreneurs de leur accorder des prix beaucoup plus élévés pour les ravoir (т. е. чтобы *снова заполучить* рабочих).

[52] Там же. *Extrait d'une lettre datée d'Angers le 7 juillet 1819.* Префект — министру (выдержка сделана в министерстве).

[53] Там же: ...il n'était pas persuadé de l'illégalité des prétentions des ouvriers.

[54] Там же. Angers, le 29 juillet 1819: ...on pourrait même soupçonner avec assez de fondement quelques propriétaires, chargés d'une quantité immense d'ardoises d'avoir fomenté et entretenu des ouvriers etc.

[55] Там же.

[56] Там же: ...il y a vraiment eu de la part des propriétaires et des régisseurs un désir trop marqué de s'assurer une espèce de pouvoir absolu sur les ouvriers...

[57] Нац. арх. F[7]. 9787. (Roubaix) Lille, le 3 août 1819. Префект — министру. В той же папке целый ряд относящихся сюда донесений жандармских властей и т. п.

[58] Нац. арх. BB[18] 990—994. Douai, le 19 juillet 1819. Главный прокурор — министру юстиции.

[59] Там же. Douai, le 21 juillet 1819: ...c'est une perte pour les manufacturiers qui paraissent tenir beaucoup à les conserver, parce que ce sont, disent-ils, leurs meilleurs ouvriers et qu'ils font des ouvrages que les ouvriers français ne veulent ni ne peuvent faire.

[60] Нац. арх. F[7] 3791. *Bulletin du 19 juillet 1819.* Lille, le 16 juillet.

[61] Там же. *Bulletin du 22 juillet 1819.* Lille, le 20 juillet.

[62] Нац. арх. F[7] 3880. Объяснение префекта полиции. *Bulletin du mercredi 5 juillet 1826.* Ср. также vendredi, le 14 juillet 1826.

[63] Нац. арх. F. Ic V. Somme, carton № 3. Session de 1819, discours du Préfet, le 3 août 1819.

[64] Нац. арх. F[7] 3792. Bordeaux, le 22 novembre 1819.

[65] Нац. арх. F[7] 9786. Bordeaux, le 11 février 1820.

[66] Нац. арх. F[7] 3791. Bordeaux, le 12 juin 1819.

[67] Там же. Nîmes, le 2 août 1819: ...une grande population ouvrière et exposée aux privations exige une surveillance particulière,— прибавляет доносящий.

[68] Нац. арх. F[7] 3792. *Bulletin du 7 ou 10 novembre 1819.*

[69] Из Лилля, из Мулэна. Нац. арх. F[7] 3792. *Bulletin du 11--13 Novembre 1819.*

[70] Нац. арх. F[7] 3791. Lyon, le 16 août 1819.

[71] Нац. арх. F^7 9786. Le 6 septembre 1819. *Extraits des déclarations des conducteurs de diligences et des courriers de la malle.* Arrivée du 6 septembre 1819.

[72] Нац. арх. F^7 3791. *Bulletin № 16.* Lyon, le 18 janvier 1819: Les demandes se succèdent, ce qui n'est pas ordinaire dans cette saison.

[73] Нац. арх. F^7 3793. *Bulletin № 99.* Rouen, le 8 mai. Другая бумага об этом деле: F^7 9787, le 8 août 1825.

[74] Там же. Bordeaux, le 5 mai.

[75] Нац. арх. F^7 9787. Mâcon, le 4 mai 1820.

[76] Нац. арх. F^7 3793. *Bulletin № 116.* Rouen, les 5—6—10 juin 1820.

[77] Там же. № 18. Amiens, le 15 juillet 1820.

[78] Там же. *Bulletin № 79.* Amiens, le 4 décembre 1820.

[79] Там же. *Bulletin № 19.* Lyon, le 20 juillet 1820.

[80] Там же. Lyon, le 23 juillet 1820 (№ 24): Les ouvriers font la loi: on en manque.

[81] Там же. Lyon, le 6 décembre, № 81.

[82] Нац. арх. F^7 3794. *Bulletin du 7 janvier 1821.*

[83] Там же. *Bulletin du 10 janvier 1821* и др. в том же картоне.

[84] Нац. арх. F^7 3792. *Bulletin № 50.* Carcassone, le 21 septembre 1820.

[85] Там же. *Bulletin № 51.*

[86] Там же. *Bulletin des 18 et 19 décembre 1820,* № 85.

[87] Нац. арх. F^7 3794. *Bulletin № 123.* Bordeaux, le 22 février 1821.

[88] Там же. *Bulletin № 125.* Vannes, le 1 mars 1821. Ср. Нац. арх. F^7 9787. Vannes, le 27 février 1821. Префект — главному директору полиции.

[89] Нац. арх. F^7 9787. Alençon, le 18 novembre 1821.

[90] Нац. арх. F^7 3794. Amiens, le 5 mars 1821. *Bulletin № 125:* Il ne paraît pas douteux que la première cause de la tranquillité dont on jouit ne soit due à la censure des journaux.

[91] Нац. арх.: La plus parfaite tranquillité n'a cessé de regner dans les départements de la Seine-Inférieure, de l'Oise, de la Somme et de l'Eure. Les fabriques de diverse nature qui couvrent ce pays sont dans l'état le plus florissant, tous les ouvriers sont occupés...

[92] Нац. арх. BB^{18} 1007—1012. *A Son Excellence Monseigneur le Garde des Sceaux de France* (прошение красильщиков).

[93] Там же. Amiens, le 12 février 1822. Parquet de la Cour Royale d'Amiens — хранителю печати (т. е. министру юстиции).

[94] Нац. арх. F^7 3794. Lyon, le 10 juin 1821. *Bulletin № 8:* La ville de Lyon est maintenant dans un état de prospérité qu'elle n'avait pas encore atteint... cette dernière classe (les ouvriers) est fort occupée et assez chèrement payée.

[95] Там же. *Bulletin № 19 du 3 juillet 1821.*

[96] Там же. *Bulletin № 58.* Lyon, le 20 septembre 1821.

[97] Там же. *Bulletin № 76.* Carcassonne, le 1 novembre 1821.

[98] Нац. арх. F^7 Ic V, carton № 3, сессия 1822 г., отчет префекта. Страница рукописи 133.

[99] Там же, стр. 134.

[100] Нац. арх. F^7 9786. Ardennes, Mezières, le 17 avril 1822. Префект — министру.

[101] Нац. арх. F^7 9787. Секретарь префектуры — министру внутренних дел.

[102] Нац. арх. F^7 3876. Jeudi, le 18 juillet 1822. *Bulletin de Paris.*

[103] Там же, le 31 juillet 1822. *Bulletin de Paris.*

[104] Нац. арх. F^7 9787. Lyon, le 29 novembre 1822. Префект Роны — министру внутренних дел.

[105] Нац. арх. BB^{18} 1089. Главный прокурор — министру юстиции. Lyon, le 28 novembre 1822.

[106] Нац. арх. F^7 3876. Mercredi, le 11 septembre 1822. *Bulletin de Paris.*

[107] Там же, le 13 septembre 1822 (об аресте «зачинщиков»).

[108] Нац. арх. F[7] 9787. Seine-et-Marne. *Insurrection de 400 ouvriers* etc. (без даты, подписано Felix Delagarde): Je dois vous dire, Monseigneur, que j'ai des ouvriers qui ont une corporation, extrêmement étendue en France, extrêmement entreprenante et indisciplinée; je dois vous dire encore que cette corporation a des lois tellement bien combinées, tellement bien observées et tellement dangereuses que les gouvernements de Louis XVI, du Directoire et de Napoléon ont voulu s'occuper particulierement de dissoudre la corporation des papetiers et qu'ils y ont échoué.

[109] Нац. арх. F[7] 9787. Папка *Yonne*, Auxerre, le 9 janvier 1823: Il existe nécessairement des moteurs, mais ils agissent si secrètement qu'on ne peut les découvrir.

[110] Там же. *Mesure de Police* (печатное объявление).

[111] Нац. арх. F[7] 9787. Дело 56 820 серии *Objets généraux.* Департамент Nièvre. Paris, le 9 mai 1823.

[112] Нац. арх. BB[18] 1099. Lyon, le 10 août 1823. Главный прокурор — министру юстиции (Сент-Этьенн был в лионском судебном округе).

[113] Нац. арх. F[7] 9787. Bar-le-Duc, le 14 mars 1823. Префект — министру внутренних дел.

[114] Нац. арх. F[7] 9787. Le 26 juillet 1823. *A Mr. le ministre de l'Intérieur.* От префекта департамента. ...il a été promis aux fabricants tout appui de la part de l'autorité administrative...

[115] Нац. арх. BB[18] 1095. Agen, le 19 août 1823. Главный прокурор Ажана — министру юстиции.

[116] Нац. арх. BB[18] 1101. Lyon, le 3 octobre 1823. Прокурор — министру юстиции.

[117] Нац. арх. F[7] 3878. *Bulletin du 31 janvier 1824:* Les divers mouvements de coalition parmi différentes sortes d'ouvriers ont été reprimés ou arrêtés...

[118] Нац. арх. BB[18]. Lyon, le 9 février 1824. Главный прокурор — министру юстиции. Там же. Saint-Etienne, le 7 février. Королевский прокурор Сент-Этьенна — министру юстиции.

[119] Нац. арх. F[7] 9787. Manche, Saint-Lô, le 21 mai 1824: ...on est souvent fort étonné du petit nombre de plaintes qui s'élèvent et de la douceur avec laquelle elles sont exprimées... Je crois que toute mesure qui se trouverait en opposition avec les intérêts de cette classe pourrait devenir dangereuse...

[120] Там же. Paris, le 7 juin 1824.

[121] Там же. Nantes, le 12 mai 1824. Папка *Loire-Inférieure*: ...en raison de la multiplicité des travaux et de l'augmentation que cette dernière cause avait opéré dans le salaire de quelques autres professions analogues.

[122] Там же. В Нанте очень сильны были в то время еще старые товарищества (compagnonnages). В документах об этой забастовке 1824 г. тоже упоминается о влиянии этой организации.

[123] Нац. арх. F[7] 3796. *Bulletin du 8 mai 1824,* № 27.

[124] Нац. арх. F[7] 9786. Bordeaux, le 28 août 1824.

[125] Нац. арх. F[7] 9787. Agen, le 9 décembre 1824. Префект — министру.

[126] Там же. Epinal, le 27 décembre 1824. Префект Вогезов — министру иностранных дел: ...que les ouvriers seraient eux-mêmes jusqu'à un certain point excusables...

[127] Там же. Epinal, le 18 janvier 1825. Префект Вогезов — министру внутренних дел.

[128] Нац. арх. F[7] 3879. *Bulletin de vendredi, le 2 décembre 1825.*

[129] Нац. арх. F[7] 9786. Angoulême, le 24 avril 1825.

[130] Там же, le 28 septembre 1825. Префект сообщил о конце апрельского дела в другой, сентябрьской, бумаге, писанной по поводу нового движения среди рабочих другой бумажной мануфактуры.

[131] Там же, ...ce feu n'est pas éteint ...il couve sous le cendre.

[132] Там же. Moulins, le 19 août. *Bulletin du 24 août 1825,* № 74.
[133] Там же. *Bulletin du 7 septembre 1825,* № 75: Ce projet de désorganiser d'importantes usines sans qu'on puisse en espérer la repression légale, cause une vive inquiétude.
[134] Там же. *Bulletin du 29 septembre 1825,* № 80.
[135] Нац. арх. F[7] 9786. Laon, le 20 août 1825. Префект департамента de l'Aisne — министру.
[136] Там же. Папка *Allier.* Le 28 décembre 1825: ...il est essentiel que les délits de ce genre soient toujours promptement et sévèrement réprimés... (Министр — префекту).
[137] Там же. Moulins, le 9 octobre 1827. Префект — министру.
[138] Нац. арх. F[7] 3796. *Bulletin du 7 septembre 1825,* № 75: ...l'autorité perd de jour en jour de sa force morale et de son influence sur le peuple et qu'il ne cède plus qu'à la force matérielle.
[139] Нац. арх. F[7] 9787. Комиссар 3-го округа — министру полиции. 11 août 1825.
[140] Нац. арх. F[7] 3796. *Bulletin du 9 août 1825,* № 67. Rouen, le 9 août.
[141] Нац. арх. F[7] 9787. Rouen, le 11 août 1825: Tout le monde ici, dans toutes les classes de la société, s'accorde à blâmer la conduite de M. Levavasseur... (Комиссар 3-го округа — министру полиции).
[142] Там же. Rouen, le 8 août 1825. Полковник жандармерии — министру внутренних дел.
[143] Там же. Rouen, le 9 août 1825. Полковник — министру внутренних дел.
[144] Там же: la gendarmerie en a sabré un bon nombre. Je puis assurer Votre Excellence que la conduite vigoureuse de cette troupe qui a fait des prodiges de valeur est au-dessus de tout éloge.
[145] Там же: ...mais elle a été écrasée de coups de pierres et a reçu des coups de fusils.
[146] Там же: ...l'affaire d'hier où les insurgés n'ont pas été ménagés.
[147] Там же. 9 августа 1825. Делапорт — военному министру.
[148] Там же. Rouen, le 11 août. Префект — министру внутренних дел.
[149] Там же. Rouen, le 12 août 1825. Начальник эскадрона, полковник жандармерии,— министру внутренних дел.
[150] Там же. Paris, le 15 août 1825. Министр юстиции — министру внутренних дел (на основании донесения руанского прокурора относительно l'esprit d'agitation, qui s'est emparé de la population).
[151] Там же. Paris, le 26 août 1825. Военный министр — министру внутренних дел.
[152] Нац. арх. F[7] 3796. Rouen, le 27 août. *Bulletin du 29 août 1825,* № 73.
[153] Нац. арх. F[7] 9787. Rouen, le 29 septembre 1825.
[154] Там же: ...l'influence libérale n'a joué aucun rôle dans cette circonstance...
[155] Там же.
[156] Там же. Rouen, le 20 septembre 1825. Префект Нижней Сены — министру внутренних дел.
[157] Ср. обвинительный акт в *Constitutionnel,* 22 сентября 1825, стр. 2: *Cour d'assises de Rouen.*
[158] Нац. арх. F[7] 9787. Rouen, le 23 septembre 1825. Префект Нижней Сены — министру внутренних дел.
[159] Там же. Paris, novembre 1825 (точного числа нет). Note: ...Il insinue même que ce fonctionnaire qui est aussi propriétaire d'une filature n'est pas étranger aux manœuvres qui avaient pour but la destruction de celle du S-r Levavasseur.
[160] Там же. Rouen, le 19 novembre 1825. Префект Нижней Сены — министру внутренних дел.
[161] Там же.

[162] Там же. Rouen, le 20 novembre 1825. Префект Нижней Сены де Варенн — министру внутренних дел.

[163] Там же. Rouen, le 23 novembre 1825. Префект Нижней Сены — министру внутренних дел.

[164] Нац. арх. F⁷ 3880. *Bulletin du mardi 25 juillet 1826:* ...des chefs d'établissements de commerce assurent que l'état des affaires commerciales s'améliore... que les entreprises commerciales et industrielles seront à l'avenir moins grandes, moins avanturées et auront plus de solidité...

[165] Нац. арх. F. Ic. V, carton № 3, протокол сессии 1826 г.: Telle est d'ailleurs la marche ordinaire des choses: lorsqu'après avoir fait de grands efforts on atteint le but fixé d'abord, on ne tarde pas à le franchir.

[166] Там же.

[167] Там же, Cahier 2: ...malheuresement elle se fait sentir sur tous les points de la France...

[168] Нац. арх. F⁷ 3797. *Bulletin du 12 octobre 1826*, № 91.

[169] Там же. *Bulletin du 28 octobre 1826*, № 96.

[170] Нац. арх. F⁷ 9786. Laon, le 2 juin 1826. Префект департамента de l'Aisne — министру.

[171] Нац. арх. F⁷ 9787. Папка *Yonne. Coalition des ouvriers employés à l'écluse St. Aignan, sur le canal du Nivernais,* Auxerre, le 20 mai 1826.

[172] Там же. Bar-le-Duc, le 19 décembre 1826. Префект департамента Мозеля — министру внутренних дел.

[173] Там же: ...le leur a dit en termes propres à exciter de l'effervescence dans leurs imaginations.

[174] Там же: ...conseil de prud'hommes qui n'a point à s'en mêler, d'après ses attributions légales.

[175] Там же. На полях замечание министра внутренних дел.

[176] Нац. арх. F⁷ 3797. *Bulletin du 15 juillet 1826*, № 66.

[177] Там же. *Bulletin du 20 juillet 1826*, № 67.

[178] Там же. *Bulletin du 24 juillet 1826*, № 69. Marseille, le 16 juillet.

[179] Там же. *Bulletin du 29 juillet*, № 71.

[180] Нац. арх. F⁷ 9786. Marseille, le 30 juillet 1826. Синдик булочников — мэру г. Марселя.

[181] Там же: Le compagnonnage fut présenté comme un moyen licite et sûr, devant conduire au but qu'on avait manqué dans les précédentes coalitions.

[182] Там же: Mère sédentaire, mère de conduite, roleurs, compagnons, aspirants.

[183] Там же.

[184] Нац. арх. F⁷ 9796. Marseille, le 26 juillet 1826. Префект Устьев Роны — министру внутренних дел: Le plan des ouvriers boulangers a été évidemment concerté avec soin. Ils connaissent le peu de gravité des peines qui peuvent leur être appliquées. Ils sentent d'ailleurs que l'administration ne peut qu'être embarassée du nombre de prévenus... et ils évitent constamment d'aggraver leur délit par une résistance à force armée...

[185] Нац. арх. F⁷ 9786. Marseille, le 4 octobre 1826. Префект называет это «глухими неприятностями», vexations sourdes, assez mesurées pour ne pas donner lieu contre leurs auteurs à des poursuites juridiques...

[186] Там же. Marseille, le 25 juillet 1826. Префект Устьев Роны — министру внутренних дел.

[187] Там же: ...ils vont en prison en riant (le 20 juillet 1826, префект — министру).

[188] Там же. Marseille, le 30 novembre 1826. Префект — министру внутренних дел.

[189] Там же. Marseille, le 8 septembre. Префект — министру.

[190] Нац. арх. F⁷ 9787. Angers, le 7 mars 1828. Командир жандармерии — министру внутренних дел.

[191] Нац. арх. F^7 3798, № 29, le 13 décembre 1828.
[192] Там же, № 30, le 16 décembre 1828.
[193] Там же, № 2, le 7 janvier 1829.
[194] Там же. Orne, Alençon, le 20 décembre 1828 (№ 33).
[195] Там же, № 54, le 7 juillet 1829.
[196] Нац. арх. F^7 9787. Saint-Lô, le 30 novembre 1829. Префект — министру внутренних дел.

Глава V

[1] Нац. арх. F^7 3883. *Bulletin du 21 juillet 1829*; Le prix des subsistances en général n'a point été plus élevé que pendant les premières années, et elles sont abondantes.

[2] Ср. картину, рисуемую префектом полиции 29 апреля 1820 г. Нац. арх. F^7 3875.

[3] Там же, 30 апреля 1820 г. (общие рассуждения о необходимости дальнейшего повышения цены хлеба в 4 фунта с 65 сантимов до 80).

[4] Нац. библ. Lc^2 1256: *L'Artisan*, № 1, le 22 septembre 1830.

[5] Нац. арх. F^7 3783. *Bulletin du 12 juillet 1814.*

[6] Нац. арх. F^7 3786. *Bulletin du 27 août 1815.*

[7] Нац. арх. Ср. дела картона F^7 9817. Особенно бич этот свирепствовал в Париже.

[8] Нац. арх. F^7 3786. *Bulletin de Paris des 22 et 23 octobre 1818*: Pendant que quelques manufactures reprennent de l'activité dans Paris, le commerce s'anéantit dans les départements. On remarque que les commandes pour la province ont cessé, notamment dans la bijouterie et les autres parties analogues aux objets de luxe.

[9] Нац. арх. F^7 9787. Paris, le 1 avril 1816. Префект полиции — министру полиции.

[10] Нац. арх. F^7 3837. *Bulletin de Police du 9 ou 10 novembre 1816.*

[11] Намек префекта (там же): ...les hommes attachés aux ateliers que la paix a dû fermer...

[12] Там же. *Bulletin du 12 novembre 1816.*

[13] Там же. *Bulletin du 31 décembre 1816*: ...la plupart de ces ouvriers sont restés contre l'usage, parce que le prix des subsistances y est généralement moins élevé que dans les provinces.

[14] Там же. *Bulletin de Paris du 6 novembre 1816.*

[15] Там же. *Bulletin de Paris des 22 et 23 janvier 1817*: Cette mesure dictée, sans doute, par la nécessité a répandu la consternation parmi les artisans qui demandent du travail et du pain. Presque tous ont des enfants à élever...

[16] Там же. *Bulletin de Paris,* le 1 février 1817.

[17] Нац. арх. F^7 3788. *Bulletin de Paris,* le 1 mars 1817.

[18] Нац. арх. F^7 9787, le 24 avril 1817. Префект полиции — министру полиции.

[19] Там же.

[20] Нац. арх. F^7 3837. *Bulletin de Paris des 8 et 9 mars 1817:* Voici le moment où les provinces versent sur Paris une partie de leur population... à Paris le pain est moins cher, c'est un attrait de plus...

[21] Там же: ...cette classe qui n'échappe à la surveillance de la police...

[22] Там же: ...la classe... que les bienfaits et les secours prévoyants du gouvernement arrachent souvent au désespoir.

[23] Нац. арх. F^7 9787. Paris, le 4 avril 1818 (папка *Seine*).

[24] Нац. арх. F^7 3791. *Bulletin du 27 janvier 1819,* № 20. (Почему-то извещение о ноябрьских событиях попало в январский бюллетень.)

[25] Нац. арх. F^7 3784. Préfecture de Police. *Bulletin de Paris,* dimanche, le 17 janvier 1819.

26 Там же. *Bulletin de Paris*, le 18 février 1819: Le commerce est toujours peu actif, les manufactures languissent. Il en résulte qu'il y a de la misère dans cette classe d'ouvriers qui n'ont pas toujours de l'ouvrage pendant la semaine entière et qui reçoivent aussi de moindres salaires. Cependant il y a beaucoup moins de misère que les années précédentes lorsque le pain et les autres subsistances étaient chères.

27 Там же, le 11 mars 1819.

28 Нац. арх. F7 9787. Папка *Seine*. Префект — министру внутренних дел, le 26 janvier 1819.

29 Нац. арх. F7 3791. Paris, le 22 mars 1819.

30 Там же, le 20 juin 1819: La plupart des fabriques ont ralenti leurs travaux et diminué le prix des journées... On voit cependant peu d'ouvriers absolument sans ouvrage, et lorsqu'ils travaillent, ils gagnent encore un franc cinquante centimes.

31 Там же, dimanche, le 15 août 1819.

32 Там же, jeudi, le 30 septembre 1819.

33 Там же, mercredi, le 8 décembre 1819. Причина понижения — отсутствие сбыта (la stagnation des affaires et le défaut de vente depuis 15 jours).

34 Там же, vendredi, le 23 juillet 1819.

35 Там же, jeudi, le 13 janvier 1820.

36 Там же, samedi, le 26 février 1820.

37 Там же, jeudi, le 2 mars 1820.

38 Там же, mardi, le 7 mars 1820.

39 Там же, vendredi, le 10 mars 1820.

40 Нац. арх. F7 3875. *Bulletin de Paris*, le 7 avril 1829: La classe ouvrière des fabriques et manufactures du faubourg St.-Antoine qui souffre depuis six mois de la stagnation du commerce, des travaux aussi, fait entendre des plaintes sans néanmoins annoncer des dispositions inquiétantes.

41 Там же.

42 Нац. арх. F12 2282. *Seine. Stagnation du commerce de bijouterie* etc. Paris, le 13 mai 1820. Префект — министру внутренних дел: ...ce genre de commerce... est anéanti dans ce moment...

43 Нац. арх. F7 3875, mercredi, le 26 avril 1820.

44 Там же, vendredi, le 28 avril 1820.

45 Там же, lundi, le 11 décembre 1820: On ne voit pas d'ouvriers sans travail.

46 Нац. арх. F7 3876, dimanche, le 14 septembre 1821.

47 Нац. арх. F7 8787. Paris, le 7 mars 1821.

48 Нац. арх. F7 3875. *Bulletin de Paris*, mercredi, le 29 août 1821.

49 Там же, le 30 août 1821.

50 Нац. арх. F7 3876. *Bulletin de Paris*, jeudi, le 1 novembre 1821.

51 Там же, le 5 novembre 1821.

52 Там же, le 4 décembre 1821: La classe ouvrière est très occupée... Des nouvelles fabriques s'établissent chaque jour et cette grande concurrence ne parait pas ralentir les succès de celles qui sont plus anciennes.

53 Нац. арх. F7 3876. *Bulletin de Paris*, vendredi, le 8 février 1822.

54 Нац. арх. F7 3795—112. *Bulletin № 17*, du 15 février 1822.

55 Нац. арх. F7 3876. *Bulletin de Paris*, vendredi, le 22 mars 1822.

56 Нац. арх. F7 3875. *Bulletin de Paris*, jeudi, le 7 mars 1822.

57 Нац. арх. F7 3876. *Bulletin de Paris*, jeudi, le 23 mai 1822.

58 Там же, le 30 mai 1822.

59 Нац. арх. F7 3795. Paris, le 5 juin 1822. Bulletin № 49.

60 Нац. арх. F7 3876. *Bulletin de Paris*, samedi, le 8 juin 1822.

61 Там же, mardi, le 11 juin 1822.

62 Там же, mercredi, le 12 juin 1822.

[63] Там же, jeudi, le 13 juin 1822.
[64] Там же, vendredi, le 14 juin.
[65] Там же, jeudi, le 20 juin 1822.
[66] Там же, le 25 juin 1822.
[67] Там же, le 26 juin 1822.
[68] Нац. арх. BB[18] 1007—1012. Ministère de la Justice, le 2 juillet 1822. Главному прокурору.
[69] Там же, текст ордонанса 18 июня 1822 г. (подписано Delaveau).
[70] Нац. арх. F[7] 3876, mardi, le 4 juin 1822.
[71] Там же, le 5 juin 1822.
[72] Там же, vendredi, le 7 juin 1822.
[73] Там же, vendredi, le 28 juin 1822.
[74] Там же, mercredi, le 3 juillet 1822.
[75] Там же, samedi, le 13 juillet 1822.
[76] Там же. Paris, le 16 juillet 1822. Префект — министру.
[77] Там же. ...de graves inconvéniants en ce qu'elles leur fournissent les moyens de s'entendre pour interrompre les travaux et pour imposer des conditions aux maîtres qui les emploient... C'est à cette cause que l'on doit principalement attribuer l'accord qui a regné parmi les ouvriers charpentiers...
[78] Ср. там же. Paris, le 7 novembre 1822 (рабочие, занятые постройкой казармы).
[79] Там же. Le 8 novembre.
[80] Нац. арх. F[7] 3877, vendredi, le 28 février 1823.
[81] Там же, le 21 avril 1823.
[82] Там же, mercredi, le 17 septembre 1823.
[83] Там же, mardi, le 22 juillet 1823.
[84] Там же, le 23 juillet 1823.
[85] Там же, le 24 juillet 1823.
[86] Нац. арх. F[7] 9787. Paris, le 27 juillet 1823 (папка *Seine*).
[87] Ср. Нац. арх. F[7] 3877. *Bulletin du lundi 22 septembre 1822*: On a encore à reprimer aujourd'hui les troubles occasionnés par des ouvriers charpentiers entre lesquels s'étaient élevées des rixes assez graves. Elles avaient pour cause des animosités particulières et des discussions relatives au prix de leurs journées.
[88] Там же, le 24 septembre 1823.
[89] Там же. *Bulletin du vendredi 7 novembre 1823*: ...une aussi grande quantité de fabriques et avec un nombre d'ouvriers dont le commerce n'avait aucune idée et qui à aucune autre époque n'avait été à beaucoup près aussi considérable.
[90] Там же, le 10 décembre 1823.
[91] Нац. арх. F[7] 3878. *Bulletin du vendredi 9 janvier 1824.*
[92] Там же, le samedi 7 février 1824.
[93] Там же, le mardi 16 mars 1824.
[94] Там же, les 26 et 27 juillet 1824.
[95] Там же, le samedi 7 août 1824.
[96] Там же, le 3 septembre 1824.
[97] Там же, le samedi 30 octobre 1824.
[98] Там же, le samedi 20 novembre 1824.
[99] Нац. арх. F[7] 3879. *Bulletin du vendredi 17 juin 1825.*
[100] Там же, le 23 juin 1825.
[101] Там же, le 26 juin 1825.
[102] Нац. арх. F[7] 3880. *Bulletin du dimanche 12 mars 1826.*
[103] Там же, le jeudi 30 mars 1826.
[104] Там же, le jeudi 11 mai 1826: Il est urgent de concerter avec les préfets des départements des mesures pour arrêter cette espèce d'émigra-

tion sur la capitale, et une des plus efficaces serait d'entraver la délivrance des passeports à ces ouvriers.

[105] Там же, le lundi 22 mai 1826: La plupart de ceux qui viennent sur cette place sont déjà attachés à différents ateliers et ne se réunissent à ceux qui cherchent de l'ouvrage que pour se tenir au courant des prix de journées...

[106] Там же, le mercredi 24 mai 1826.

[107] Ср. там же, le mercredi 28 juin 1826.

[108] Там же, le mardi 6 juin 1826.

[109] Там же, le lundi 21 août 1826.

[110] Там же, le mardi 22 août 1826. Ср. также *Bulletin du mercredi, 4 octobre 1826*: ...en général très peu d'ouvriers ont été renvoyés depuis un mois, mais on a diminué la quantité, la durée et les salaires des journées de travail.

[111] Там же, le samedi 14 octobre 1826.

[112] Там же, le mercredi 16 décembre 1826.

[113] Там же, le lundi 11 décembre 1826.

[114] Нац. арх. F^7 3881. *Bulletin du mardi 13 mars 1827.*

[115] Там же, le jeudi 15 mars 1826.

[116] Там же, le mardi 27 mars 1827.

[117] Там же, le 25 mai 1827.

[118] Там же, le lundi 4 juin 1827 et passim, в других бюллетенях за май, июнь, июль.

[119] Там же, le 7 juin 1827.

[120] Ср. там же, le 9 juillet 1827.

[121] Там же, le mercredi 8 août 1827.

[122] Там же, le samedi 22 septembre 1827.

[123] Ср. Нац. арх. F^7 3882. Почти ежедневно повторяющиеся замечания префекта полиции в Bulletin de Paris за январь 1828 г. и др.

[124] Там же, le 9 janvier 1828, а также le 15 janvier 1828.

[125] Там же, le 15 janvier 1826.

[126] Там же, le 16 janvier 1826.

[127] Нац. арх. F^7 3882. *Bulletin de Paris,* le 31 janvier 1828.

[128] Там же. *Bulletin de Paris,* le 18 avril 1828.

[129] Там же, le 4 decembre 1828: Les ouvriers qui manquent de travail ou dont le prix des journées a été diminué à cause de la saison, souffrent de l'augmentation du prix du pain, et, malgré sa taxe exorbitante ($19^1/_2$ sous), la tranquillité n'a pas été troublée... les habitants sont pleins de confiance dans la haute sagesse du Roi. Это — типичное донесение.

[130] Нац. арх. F^7 3883. *Bulletin du 6 janvier 1829.*

[131] Там же, le 7 janvier 1829.

[132] Там же, le 8 janvier 1829.

[133] Там же, le 9 janvier 1829.

[134] Там же, le 13 janvier 1829.

[135] Там же, le 20 janvier 1829.

[136] Там же, le 23 janvier 1829.

[137] Там же, le 24 janvier 1829.

[138] Там же, le 25 mars 1829.

[139] Там же, le 10 avril 1829.

[140] Там же, le 1 mai 1829: Cette augmentation n'en a pas moins produit ce matin sur la classe ouvrière une sensation vive et douloureuse, les plaintes amères ont été proférées и т. д.

[141] Там же, le 2 mai 1829.

[142] Там же, le 6 mai 1829.

[143] Там же, le 18 mai 1829.

[144] Там же, le 23 mai 1829.

[145] Там же, le 25 mai 1829.

[146] Там же, le 5 juin 1829: A aucune époque depuis plusieurs années la capitale n'a présenté un aspect plus calme... on aperçoit une direction marquée à la tranquillité et au repos.

[147] Там же, le 11 juin 1829.

[148] Там же, le 17 décembre 1829: La diminuation du prix a produit le meilleur effet sur toute la population de la capitale et principalement parmi les ouvriers qui continuent d'être paisibles et animés d'un bon esprit malgré le peu d'ouvrage que fournit la saison.

Глава VI

[1] Нац. арх. F[7] 3878. *Bulletin du samedi 16 octobre 1824:* ...enfin la classe ouvrière, dont les mouvements ne sont jamais indifférents dans une capitale, a pris aujourd'hui un tel accroissement que les seuls ouvriers en bâtiment réunis à Paris forment une partie considérable de la population...

[2] Stendhal. *Mémoires d'un touriste,* t. I. Paris, 1838, стр. 28.

[3] Нац. арх. F[7] 3878. *Bulletin du mardi 10 février 1824:* Les élèves des écoles et des collèges, les ouvriers des ateliers, les cafés, les théâtres, les cabinets littéraires ont été soigneusement observés.

[4] Ср. Нац. арх. F[7] 9786. Caen, le 17 août 1825. Жандармский полковник — министру вн. дел.

[5] Там же. Bordeaux, le 20 août 1820 etc.

[6] Beugnot. *Les premiers temps de la Restauration.* Paris, 1854, стр. 34: ...j'avais assez de bon sens pour sentir que ce qu'on appelait la police sous le règne de Napoléon, c'est-a-dire d'un maître, n'était pas praticable sous celui d'un Bourbon...

[7] Нац. библ. Lb[51] 749. *Discours sur le sort des ouvriers... prononcé par M. Charles Dupin,* le 19 juin 1831, стр. 22.

[8] Там же, стр. 23: Tant qu'elle laisse à la France une liberté moderée, avec un ordre passable, la France prospère et l'ouvrier éprouve un bonheur comparatif. Tout tendait à la prospérité...

[9] Вот, например, картина настроений рабочих предместий Парижа при майских выборах 1822 г.; рассказав раньше, что результаты выборов живо интересуют столицу, префект полиции поясняет: Mais ce n'est en général que dans les classes aisées de la société que cette agitation se fait sentir et le peuple que l'abondance des vivres et du travail satisfait en ce moment se montre assez indifférent à des opérations auxquelles il n'est pas appelé a concourir et dont il ne ressent pas immédiatement les effets (Нац. арх. F[7] 3876. *Bulletin,* samedi, le 11 mai 1822).

[10] Нац. арх. F[7] 3879. *Bulletin d'analyse du lundi, le 7 mars 1825.*

[11] Нац. арх. F[7] 3878. *Bulletin d'analyse du dimanche, le 24 octobre 1824:* Les nombreuses sociétés de secours... ont beaucoup contribué à les ramener en général à de meilleurs principes et à une conduite plus régulière.

[12] Нац. арх. F[7] 3783. *Bulletin d'analyse du 5 juillet.*

[13] Там же. *Bulletin d'analyse du 8 juillet 1814:* La classe ouvrière des faubourg Saint-Antoine et Saint-Marceau paraît généralement occupée et ne murmure plus ... il est facile par là de sentir que l'oisiveté plus que toute autre cause la portait à tenir les propos qu'on pouvait avoir à lui reprocher.

[14] Нац. арх. F[7] 3782. Nantes. *Esprit public. Bulletin d'analyse du 22 mars 1814:* Les négociants ne s'occupant que de spéculations commerciales ne sont pas dans de meilleures dispositions.

[15] Там же. Police générale, *Bulletin d'analyse du 15 mars 1814:* L'opinion général à Bordeaux ... est qu'on ne doit opposer aucune resistance à l'ennemi. On insinue que les Anglais vont rétablir le commerce ... qu'ils répandront de l'argent, procureront du travail aux ouvriers.

[16] Нац. арх. F^{12} 2474, le 1 décembre 1814. Петиция, поданная в Главный совет мануфактур (подписи обойщиков в конце).

[17] Там же. *Extrait du procès-verbal* etc. du 8 décembre 1814.

[18] Нац. арх. F^7 3785. *Bulletin d'analyse du 6 juin. Extrait d'une lettre transmise au Préfet* (du Nord) etc. Письмо от 23 мая 1815 г.: ... il ne faut pas s'effrayer des bruits d'accomodement de Bonaparte avec l'Autriche. Elle aura des prétentions modérées, mais il ne les acceptera pas.

[19] Там же. *Bulletin d'analyse du 29 mai 1815.* Préfet du Morbihan: ... une troupe d'insurgés qu'on dit de 5 à 600 ouvriers et artisans de la ville d'Avray ... a arboré les couleurs royales.

[20] Там же. *Bulletin d'analyse du 6 mars 1815:* ... présentent l'aspect de la satisfaction et de la tranquillité.

[21] Там же.

[22] Там же. *Bulletin d'analyse du 2 mars 1815:* ... les bras manquent et les journées ont augmenté beaucoup.

[23] Там же. *Bulletin d'analyse du 3 mars 1815.*

[24] Там же. *Bulletin d'analyse du 6 mars 1815.*

[25] Там же. *Bulletin d'analyse du 22 mars 1815.*

[26] Там же. *Bulletin d'analyse du 5 avril 1815.*

[27] Там же. *Bulletin d'analyse du 10 avril 1815.*

[28] Там же: Le haut commerce est opposé au gouvernement impérial, parce qu'il craint la guerre maritime. Le fabricant le préfère parce qu'il espère que les lois prohibitives se renouvelleront. Le peuple est devoué à l'Empereur.

[29] Там же. Rouen, le 26 avril 1815. *Nouvelles d'Angleterre.*

[30] Нац. арх. F. I^c V. Somme, carton № 2. *A Sa Majesté Louis XVIII, Roi de France et de Navarre.* Amiens, le 5 juin 1816: ...les maux d'une désastreuse usurpation de 100 Jours qui sont devenus pour nous l'équivalent d'un siècle de calamités...

[31] Нац. арх. F^7 3785. Paris, le 6 juin. *Bulletin du 8 juin 1815.*

[32] Нац. арх. F. I^c V, carton № 2. *Compte d'administration* (1816): L'état des esprits est tel en France et tout le système nerveux et cérébral a été si ébranlé après tant de secousses et de tourmentes, qu'on s'agite au moindre événement et qu'on croit facilement revoir tous les fantômes de nos anciens malheurs; c'est ce qui est arrivé pour les blés: à peine ont-ils un peu augmenté de prix que le peuple a craint la cherté de 1812 et a produit une hausse considérable par les approvisionnements extraordinaires qu'il a fait.

[33] Нац. арх. F^7 3786. *Bulletin du 31 août 1815:* Malgré ce qu'en ont pu dire les journaux de la capitale, il est absolument faux que les manufactures reprennent ici leur ancienne activité et que les Américains aient fait pour sept à huit millions de commandes d'étoffes de soie. Les ouvriers sont pour la plupart sans occupation, et le petit nombre de commissions qui existent sont faites a un si vil prix que les fabricants ont été obligés de reduire la main d'œuvre d'un tiers.

[34] Там же. *Bulletin d'analyse du 6 septembre 1815* (...un mécontentement sourd).

[35] Там же. *Bulletin d'analyse du 14 septembre 1815.* Nantes: L'occupation manque aux ouvriers, et le mécontentement se manifeste.

[36] Там же. *Bulletin d'analyse du 30 septembre 1815.*

[37] Там же. *Bulletin d'analyse du 10 octobre 1815.*

[38] Там же. *Bulletin d'analyse du 17 octobre 1815.*

[39] Там же.

[40] Там же. *Bulletin d'analyse du 9 décembre 1815.*

[41] Нац. арх. F^7 3837. *Bulletin de Paris des 11 et 12 janvier 1816:* Cette classe si nombreuse où se retrouve pourtant encore trop de traces de l'ivresse révolutionnaire, continue à donner l'exemple d'une soumission

dont la révolution l'avait d'abord affranchie et à laquelle le despotisme l'a ramenée au profit d'une monarchie paternelle.

[42] Там же. *Bulletin de Paris des 11 et 12 janvier 1817.*

[43] Там же. *Bulletin de Paris du 22 novembre 1816:* Ces politiques en veste avaient leurs orateurs et les discours de ces derniers ont paru de nature à les rendre l'objet d'une surveillance qui fera connaître s'ils parlent de leur propre mouvement ou s'ils cèdent à quelque influence ennemie de la tranquillité.

[44] Там же. *Bulletin de Paris du 27 novembre 1816:* Leur esprit est toujours le même. Trop souvent sans emploi, ils sont soumis; plus heureux, ils seraient dévoués.

[45] Нац. арх. BB^{18} 990—994. В разных местах; то же и в других картонах серии BB^{18} за годы 1814 и сл.

[46] Нац. арх. F^7 3787. *Bulletin d'analyse du 14 janvier 1816:* Mais ces discussions restent enfermées dans les salons et il est vrai de dire qu'elles n'ont aucune influence sur la masse de la population qui dans tout ce département est beaucoup plus ordinairement dirigée par des considérations commerciales et manufacturières.

[47] Там же. *Bulletin d'analyse du 13 décembre 1816:* La classe ouvrière est triste, les travaux de manufacture se ralentissent encore. Les salons accusent, le peuple se tait et, pourtant, c'est dans son sein qu'est la véritable souffrance; il ne demande que du travail. L'ambition lui est étrangère, les chimères sanglantes de la révolution sont loin de lui.

[48] Ср., например, там же. *Bulletin de Paris du 25 au 26 mars 1817:* Dans les faubourgs St. Marceau et St. Antoine on ignore encore le nom de Germanicus... le peuple n'est plus révolutionnaire, etc.

[49] Нац. арх. F^7 3784. *Bulletin de Paris,* mercredi, le 10 mars 1819.

[50] Нац. арх. BB^{18} 1000—1006. Aix, le 28 juin 1820. Заместитель прокурора — министру юстиции.

[51] Там же. Lyon, le 30 mars 1821. Заместитель прокурора — министру юстиции.

[52] Там же. Aix, le 14 juin 1821. Заместитель прокурора — министру юстиции.

[53] Нац. арх. BB^{18} 1007—1012. Lyon, le 19 décembre 1821. *Parquet de la Cour royale à Lyon.*

[54] Нац. арх. F^7 3794. Avignon, le 5 mars 1821. *Bulletin d'analyse № 129.*

[55] Нац. арх. F^7 3788. Mâcon, le 21 mars 1817. *Le Préfet de Saône-et-Loire:* Le peuple est naturellement porté à croire qu'un changement quelconque dans le gouvernement améliorerait sa situation.

[56] Там же. *Bulletin d'analyse des 6 et 7 avril 1817.*

[57] Нац. арх. F^7 3793. *Bulletin d'analyse № 17 du 21 juillet 1820.* Rouen.

[58] Там же. Tours, le 22 novembre 1820 (*Bulletin № 73*).

[59] Нац. арх. F^7 3794. Lyon, le 16 mars 1821. *Bulletin № 134*: Il n'a point été question cette année du retour de Bonaparte.

[60] Нац. арх. F^7 3875. *Bulletin de Paris,* samedi, le 18 août 1821.

[61] Там же, le 11 décembre 1821.

[62] Нац. арх. F^7 3788. *Bulletin de Paris du 20 au 25 mars 1817:* Les classes qui furent si longtemps agitées sont de plus en plus vouées au calme et inébranlables dans leur soumission.

[63] Вот характерное для этой эпохи донесение: L'esprit public a pris une autre physionomie. Il s'est amélioré d'un côté et détérioré de l'autre. Jamais les personnes que l'on comprend sous la dénomination de Bonapartistes et de Jacobins ne se sont conduites avec plus de sagesse; et jamais celles connues sous l'appellation d'ultra-royalistes n'ont montré plus d'inquiétude et moins de soumission au gouvernement (Нац. арх. F^7 3790, le 17 septembre 1818. *Le Préfet de l'Orne*).

[64] Нац. арх. F^7 3789. *Bulletin du 17 avril. Extrait de correspondances privées:* ...il faut des potences, beaucoup de potences.

[65] Нац. арх. F^7 3791. Lyon, le 16 août 1819.

[66] Нац. арх. F^7 3789. Nîmes, le 6 août. *Le Préfet du Gard.*

[67] **Нац. арх. F^7** 3790. *Bulletin d'analyse du 31 août 1818:* Il m'est pénible, mais il est de mon devoir de dire que la confiance dans le gouvernement du Roi a diminué. Cette observation n'a pas été faite seulement dans la classe des libéraux indépendants, mais bien dans toute la bourgeoisie... Qu'ont fait beaucoup de bourgeois à Grenoble? Ils se sont armés.

[68] Ср. Нац. арх. F^7 3789. *Bulletin d'analyse du 6 juin 1817:* les gros fabricants de Sédan pensent très bien et influent beaucoup sur le reste de la population qu'ils nourrissent. То же самое наблюдается в Бордо: Le commerce s'est prononcé pour le gouvernement du Roi; il entretient même dans cette disposition la portion du peuple qu'il fait vivre.

[69] Там же. *Bulletin du 3 juin 1817.*

[70] Там же. Auch, le 18 mai 1818. *Le Préfet de Gers*; Le cri: *Guerre des pauvres contre les riches,* servait de ralliement.

[71] Там же. Marseille, le 20 janvier, *le Commissaire général de Police:* On remarque depuis quelque temps, même dans les classes inférieures du peuple, une tendance singulière à fronder les opérations du gouvernement.

[72] Там же. Marseille, le 27 avril 1818: Le peuple, naturellement bon, riche du produit de son industrie et de l'espérance d'une récolte abondante... montre une heureuse indifférence pour les matières politiques.

[73] Нац. арх. F^7 3790. Lyon, le 29 mai 1818: Les Empereurs ont régné leur temps, les Rois le leur, c'est maintenant au nôtre. Il ne nous manque plus qu'un peu de blanc d'Espagne, de bleu de Prusse et de rouge d'Angleterre et nous ne tarderont pas à l'avoir.

[74] Там же. Lyon, le 9 juin 1818.

[75] Нац. арх. F^7 3792. Lyon, le 31 août 1819: Les politiques lyonnais donnent une attention très suivie aux affaires d'Angleterre. Les libéraux ne paraissent pas fâchés de ce qui s'y passe etc.

[76] Нац. арх. F^7 3790. Bordeaux, le 12 juin 1818: Tout concourt à rendre cette époque remarquable. Le peuple trouve du travail dans une foule d'entreprises particulières.

[77] Там же. Lille, le 5 août 1818. *Le Préfet du Nord.*

[78] Нац. арх. F^7 3791. Rouen, le 13 mars 1819: L'agitation causée par la proposition faite à la Chambre des Pairs a eu la plus fâcheuse influence sur le commerce et l'industrie manufacturière dans ce département... on craint que bientôt les ateliers ne cessent de marcher.

[79] Там же. Rouen, le 3 janvier 1819. *Bulletin № 4.*

[80] Там же. Dijon, le 3 janvier; Metz, le 5 janvier etc.

[81] Нац. арх. F^7 3784. *Bulletin de Police,* jeudi, le 27 janvier 1820: Les commissaires de police n'ont observé aucun symptôme d'agitation ni parmi les ouvriers, ni parmi les militaires qui se trouvent souvent réunis à des gens du peuple и т. д.

[82] Там же, vendredi, le 28 janvier 1820.

[83] Там же. *Bulletin de Paris,* vendredi, le 7 janvier 1820: Vive le Roi s'il maintient la Charte et fait activer le commerce; que Dieu le bénisse, mais qu'il soutienne ce qu'il nous a promis, la loi des élections.

[84] Там же. *Bulletin de Paris,* samedi, le 8 janvier 1820.

[85] Там же. *Bulletin de Paris,* mercredi, le 2 février 1820.

[86] Там же, vendredi, le 4 février 1820.

[87] Там же, mardi, le 15 février 1820.

[88] Там же, le 15 février 1820.

[89] Там же. *Bulletin de Paris,* mercredi, le 16 février 1820.

[90] Там же. *Bulletin de Paris,* jeudi, le 17 février 1820.

[91] Там же. *Bulletin de Paris,* vendredi, le 18 février 1820.

[92] Там же. *Bulletin de Paris,* dimanche, le 20 février 1820: ...beaucoup de personnes qui depuis longtemps tremblaient devant eux et craignaient de paraître se réunir aux agents de l'autorité... n'ont pas craint de venir offrir leurs services à MM. les Commissaires de leur quartier pour les seconder dans cette surveillance.

[93] Там же, vendredi, le 25 février 1820.

[94] Там же, lundi, le 28 février 1820.

[95] Нац. арх. F^7 3875. *Bulletin de Paris,* le 7 avril 1820: Toutefois ce qui peut tromper en ce moment les espérances des agitateurs, c'est que la fermentation n'a point encore gagné la masse du peuple et, tant qu'il restera indifférent à leurs appels, ils ne pourront tenter aucune entreprise, aucune résistance.

[96] Там же. *Bulletin de Paris,* samedi, le 8 avril 1820: La tranquillité se maintient dans les Halles. Il y règne un bon esprit. Nul agitateur ne cherche à troubler cette partie de la population... les anciens suppôts de la Révolution qui habitaient ce quartier ou sont morts, ou ne l'habitent plus. Ils y étaient mal vus.

[97] Ср. Нац. арх. F^7 3876. *Bulletin de Paris,* vendredu, le 1 mars 1822: Les agents ont observé avec attention les mouvements et les conversations de ces ouvriers et n'ont remarqué ni agitation, ni dispositions contraires au bon ordre. Дальше определенно говорится: в кварталах, «где рабочий класс — самый многочисленный», все спокойно и было спокойно во время беспорядков в городе.

[98] Нац. арх. F^7 3793. Grenoble, du 9 au 16 mai 1820. *Bulletin № 104.*

[99] Там же. Bordeaux, le 22 mai. *Bulletin № 108:* Le peuple s'occupe exclusivement de ses travaux et il serait très difficile de l'agiter.

[100] Там же. Paris, le 7 mai. *Le Colonel de gendarmerie (Bulletin № 96):* Il fallait des jeux et du pain au peuple romain; aux ouvriers français il faut du travail.

[101] Там же. Rouen, le 6 mai. *Bulletin № 100.*

[102] Там же. Lyon, le 18 septembre 1820: Le commerce de Lyon voit une branche de prospérité de plus dans l'expulsion des Anglais de ce royaume.

[103] Нац. арх. F^7 3792. *Bulletin du 6 au 9 février 1820:* ...si depuis quelques jours les affaires d'Espagne paraissent avoir absorbé l'attention, c'est moins par l'intérêt qu'inspire ce pays que parce qu'on cherche dans ces événements des présages de la conduite que tiendra le gouvernement français.

[104] Нац. арх. F^7 3793. Toulouse, le 8 août 1820 (донесение префекта Верхней Гаронны).

[105] Нац. арх. F^7 3794. Lyon, le 16 mars 1821. *Bulletin № 134:* Les commerçants veulent bien être libéraux, mais ils ne veulent pas s'exposer à des révolutions.

[106] Там же. Bayonne, le 4 janvier 1821. *Bulletin № 101:* Cette imprévoyance a eu pour notre commerce les plus heureux résultats.

[107] Там же. Foix, le 25 avril. *Bulletin du 3 au 6 mai 1821,* № 151: Nos relations commerciales avec l'Espagne, loin de se ralentir, semblent prendre plus d'activité и т. д.

[108] Вот это наивно выраженное признание: ...la contrebande supplée à la liberté du passage qu'on voudrait interdire aux marchandises françaises (там же. Lyon, le 10 juillet 1821).

[109] Там же. Marseille le 23 juillet. *Bulletin du 1 au 2 août 1821,* № 32.

[110] Нац. арх. F^7 3793. *Bulletin du 20 juin 1820,* № 119.

[111] Там же. *Bulletin № 33,* Amiens, le 19 août 1820.

[112] Нац. арх. F^7 3794. St.-Lô, le 25 février 1821. *Le Préfet de la Manche:* On remarque seulement un peu d'inquiétude; mais on doit ajouter que c'est une maladie annuelle pendant les sessions des Chambres et que cet état de choses commence et finit avec elles.

[113] Там же. Lyon, le 22 mars 1821. *Bulletin № 134:* Ce qui c'est passé à Grenoble a été une utile leçon pour Lyon. L'autorité a trouvé un puissant auxiliaire dans les chefs les plus influents du commerce et de la fabrique... Cette heureuse réciprocité de confiance и т. д., и т. д.

[114] Там же. Amiens, le 4 décembre 1821. *Bulletin № 93.*

[115] Нац. арх. F⁷ 3795. Laval. *Bulletin d'analyse du 7 janvier 1822, № 160.*

[116] Нац. арх. F⁷ 3876. Vendredi, le 30 août 1822.

[117] Там же, samedi, le 14 septembre 1822.

[118] Там же, dimanche, le 15 septembre 1822.

[119] Нац. арх. F⁷ 3876, dimanche, le 10 novembre 1822: ...une agitation en sens divers dans les classes élevées de la société et principalement dans la Banque et dans le haut commerce. Mais on n'a point remarqué jusqu'à présent que cette agitation ait gagné la classe ouvrière.

[120] Нац. арх. F⁷ 3795. Lyon, le 10 juin 1822. *Bulletin № 52.*

[121] Там же. Nantes, le 28 août 1822. *Bulletin № 76.*

[122] Нац. арх. F⁷ 3878. *Bulletin d'analyse du dimanche, le 14 mars 1824.*

[123] Нац. арх. F⁷ 3795. *Bulletin d'analyse du 1 janvier 1822,* № 97.

[124] Там же. *Bulletin d'analyse du 22 février 1822,* № 19.

[125] Нац. арх. F⁷ 3793. *Bulletin d'analyse du 23 juin 1820,* № 122.

[126] Там же. *Bulletin d'analyse du 10 juillet 1820,* № 10.

[127] Там же. *Bulletin № 123.*

[128] Ср. высказанные тотчас после Июльской конференции мысли в мемуаре, поданном министру финансов Эмилем Лафон-Ладеба: Après s'être engagé dans une guerre ruineuse pour soutenir la cause d'un roi voisin, il n'en avait retiré aucune espèce d'avantage pour notre commerce et notre industrie и т. д. (Нац. библ. Lb⁵¹ 244. *Mémoire adressé à M. le Ministre des finances sur les secours* etc. Paris, 1830).

[129] Нац. арх. F⁷ 3795. Lyon, le 1 mars 1823.

[130] Там же. Lyon, le 21 avril 1823. *Bulletin № 27.*

[131] Villermé L. *Tableau,* I, стр. 330—331.

[132] Нац. арх. F⁷ 3795. Bar-le-Duc, le 14 mars 1823. *Bulletin № 19.*

[133] Там же. Lâon, le 25 mars 1823. *Bulletin № 21.*

[134] Там же. Colmar, le 27 mars 1823. *Bulletin № 22:* Depuis quelque temps ils appellent le gouvernement des Bourbons le gouvernement provisoire.

[135] Там же. Grenoble, le 3 février 1823.

[136] Там же. Colmar, le 29 juin 1823. *Bulletin № 39.*

[137] Там же. Colmar, le 7 janvier 1823. Bulletin № 4.

[138] Ср. Нац. арх. F⁷ 3877. *Bulletin du lundi, le 3 mars 1823;* — об отношении рабочих к исключению Манюэля из Палаты.

[139] Вот вся эта сложная фраза: La classe ouvrière a pris une vive part à la joie commune; les ouvriers en général espèrent que la paix va rendre au commerce industriel toute son activité et que les chefs d'ateliers pourront augmenter le prix de la main-d'œuvre (там же, samedi, le 11 octobre 1823).

[140] Там же, le 13 octobre 1823.

[141] Там же, le 3 décembre 1823.

[142] Там же, le 14 décembre 1823.

[143] Там же, le 16 décembre 1823: ...il est à remarquer que plusieurs banquets nombreux ont eu lieu chez les restaurateurs, où se sont réunis des ouvriers de la même profession pour fêter le succès de nos armées et célébrer le triomphe du Prince...

[144] Нац. арх. F⁷ 3878. *Bulletin du vendredi, le 30 janvier 1824.*

[145] Ср. картину выборов 1824 г. Там же. *Bulletin du samedi, le 28 février 1824.*

[146] Там же. *Bulletin du lundi, le 11 octobre 1824.*

[147] Там же. *Bulletin du mardi, le 20 juillet 1824.*

[148] Там же. *Bulletin du mardi, le 19 octobre 1824.*

[149] Там же. *Bulletin du vendredi, le 24 décembre 1824.*

[150] Нац. арх. F^7 3795. Colmar, le 26 août 1823, *Bulletin № 49.*

[151] Даже базельские и иные швейцарские фабриканты, тоже негодовавшие на экспедицию вначале, тоже обнаруживали удовольствие, когда она удалась,— и по той же причине (там же. *Bulletin № 57,* Colmar, le 21 octobre 1823).

[152] Там же.

[153] Нац. арх. F^7 3796. *Bulletin d'analyse du 3 janvier 1824,* № 1.

[154] Там же. *Bulletin d'analyse du 24 mars 1824,* № 19.

[155] Там же. *Bulletin d'analyse du 12 janvier 1824,* № 2.

[156] Там же. *Bulletin d'analyse du 28 décembre 1824,* № 84.

[157] Нац. арх. F^7 3797. *Bulletin du 20 juillet 1826,* № 67: Cet établissement qui devient de jour en jour plus hostile et qui prend un accroissement considérable est étayé et vanté par tout ce que le haut commerce a de libéral, et il ne peut manquer s'il est toléré plus longtemps, d'avoir une influence pernicieuse sur le nombre immense de ceux qui vivent de leur travail.

[158] Вот картина с натуры (Нац. арх. F^7 3879. *Bulletin du vendredi, le 14 janvier 1825*): Les projets de loi présentés aux Chambres sont sujet de tous les entretiens et d'assez vives controverses dans les sociétés et salons de la capitale. Quelques discussions commencent à s'élever à ce sujet dans les cafés et cabinets de lecture... quant aux classes populaires, elles n'ignorent pas les propositions de loi, parce que les journaux sont répandus partout, mais il ne parait pas que le peuple y fasse une grande attention; les marchands, les ouvriers sont occupés et paraissent partout fort tranquilles.

[159] Можно было бы привести целые страницы этих однородных документальных свидетельств. См., например, там же, *Bulletin d'analyse du samedi, le 26 février 1825:* Rien ne semble confirmer plus fortement la réalité des changements survenus dans l'esprit public, dans les dispositions pacifiques des classes populaires, rien ne prouve mieux la force du gouvernement que l'influence de la prospérité répandue dans toutes les classes de la population.

[160] Там же. Mercredi, le 9 mars 1825.

[161] Нац. арх. F^7 3796. *Bulletin du 8 janvier 1825,* № 2: En résumé, jamais, depuis longtemps, la France n'a été aussi paisible, jamais on n'a remarqué moins de troubles, moins de délits politiques dans toute l'étendue de Royaume.

[162] Там же.

[163] Нац. арх. F^7 3879. *Bulletin d'analyse du samedi, le 23 juillet 1825.*

[164] Там же. *Bulletin d'analyse du jeudi, le 8 septembre 1825:* ...délivrée des doctrines révolutionnaires et heureuse par ses lois et sa position, la population de la capitale serait le modèle des grandes populations.

[165] Нац. арх. F^7 3796. Paris. *Bulletin d'analyse du 26 mars 1825,* № 24.

[166] Там же. *Bulletin d'analyse du 4 juin 1825,* № 52.

[167] Там же. *Bulletin d'analyse du 14 juin,* № 54.

[168] Там же. *Bulletin d'analyse du 25 juin,* № 57.

[169] Ср. положение в Сен-Кантене. Нац. арх. F^7 9786. Sous-préfecture de l'arrondissement de St. Quentin. Le 25 septembre 1825. Супрефект — начальнику главного управления полиции: ...l'esprit des ouvriers de ce pays commence à se rassentir de l'influence de ceux d'Anglais attachés à nos fabriques. Ces derniers cherchent à entraîner les nôtres dans les démarches dont ils n'avaient pas encore eu l'idée и т. д.

[170] Там же.

[171] *Nottingham Mercury, 23 september 1825:* ... That a copy of the above resolutions be transmitted to the Committee at Calais, Lisle and St. Quentin requesting their assistance in case of need.

[172] Нац. арх. F⁷ 9787. Préfet de l'Aisne de Floirac — министру полиции.

[173] Это интересное бытовое дело — в папке *Seine* (Там же. Paris, le 24 juin 1826. Префект — министру внутренних дел). Резолюция на полях, рукой министра: Expulser Patrick seulement; mais non parce qu'il y a provocation à l'embauchage ou aux coalitions comme le dit le Sr. Sargent; car ce fait n'est ni prouvé, ni vraisemblable; mais parce qu'il est un mauvais sujet.

[174] Там же: Mécontentement des ouvriers. Avis au préfet de Police: tous ces ouvriers, la tête montée de ces perfides instigations ... tiennent des propos infâmes contre le gouvernement et les autorités, ils maudissent par toutes sortes d'imprécations l'auguste famille Royale, manifestent le désir de voir revenir Napoléon II и т. д.

[175] Там же. ...connaître le moment de prendre les armes pour chasser les Bourbons qui deviennent de plus en plus les ennemis du peuple...

[176] *Le Constitutionnel*, vendredi, le 12 août 1825.

[177] *Le Constitutionnel*, mardi, le 16 août 1825, стр. 3.

[178] Там же: La garde royale... fait admirer sa prudence et sa réserve.

[179] Нац. арх. F⁷ 9787. Paris, le 21 octobre 1825: Il peut se faire que quelquefois on y ait lu des articles du «Constitutionnel» et du «Courrier»; mais rien ne fait présumer que cela ait eu lieu depuis quelque temps ni qu'on a cherché à y attirer les ouvriers...

[180] Там же. *Bulletin d'analyse du 30 mai 1826.*

[181] Там же: Et la licence de la presse a fait pénétrer dans les masses l'esprit de rébellion et d'impiété.

[182] Там же. *Bulletin d'analyse du 6 novembre 1826*, № 99.

[183] Там же. *Direction de la Police. Bulletin du 22 juillet 1826*, № 68.

[184] Ср. Бутенко В. А. *Перелом в истории реставрации Бурбонов.— Анналы*, т. III. Пг., 1923, стр. 87. Интересна курьезная петиция (или проект петиции) типографских рабочих, напечатанная в той же очень содержательной статье.

[185] L'imprimerie et la librairie ... sont dans une très grande activité. Эта фраза встречается постоянно (ср. Нац. арх. F⁷ 3784. samedi, le 27 mars 1819. *Bulletin de Paris*).

[186] Нац. арх. F⁷ 3881. *Bulletin d'analyse du dimanche, le 7 janvier 1827:* ... on a lieu de croire que leur but a été de manifester et d'exciter le mécontentement contre la loi proposée pour réprimer les abus de la liberté de la presse.

[187] Там же. *Bulletin d'analyse du mardi, le 9 janvier 1827.*

[188] Там же. *Bulletin d'analyse du samedi, le 17 février 1827.*

[189] Там же. *Bulletin d'analyse du mercredi, le 21 février 1827.*

[190] Там же. *Bulletin d'analyse du mardi, le 13 février 1827.*

[191] Там же. *Bulletin d'analyse du lundi, le 19 mars 1827.*

[192] Там же. *Bulletin d'analyse du samedi, le 14 avril 1827: Les* journaux du libéralisme et notamment le «Constitutionnel» sont devenus les régulateurs de l'esprit de la multitude.

[193] Там же. *Bulletin d'analyse du jeudi, le 19 avril 1827:* ... quelques bandes d'ouvriers ...

[194] Там же. *Bulletin d'analyse du dimanche, le 22 avril 1827.*

[195] Там же. *Bulletin d'analyse du mardi, le 24 avril 1827.*

[196] Там же. *Bulletin d'analyse du mercredi, le 25 avril 1827.*

[197] Там же. *Bulletin d'analyse du 27 avril 1827:* ...des réunions d'ouvriers et d'élèves des écoles se proposent de se rendre au Champ de Mars avec des drapeaux...

[198] Там же. *Bulletin d'analyse du dimanche, le 29 avril 1827:* Dans l'intérieur du Champ de Mars, au moment de l'entrée du Roi et pendant la

revue, divers groupes d'ouvriers ont fait entendre des clameurs inconvenantes sur plusieurs points...

[199] Там же. *Bulletin d'analyse du 8 mai 1827.*

[200] Там же. *Bulletin d'analyse du 9 mai 1827.*

[201] Там же. *Bulletin d'analyse du 21 mai 1827.*

[202] Там же. *Bulletin d'analyse du 22 mai 1827:* A mesure que ces feuilles se sont montrées plus hostiles et plus violentes, elles ont aussi été plus répandues et plus avidement recherchées.

[203] Там же. *Bulletin d'analyse du 23 mai 1827:* La malveillance et les intentions perturbatrices de quelques journaux continuent de produire leur effet sur les ouvriers et les gens du peuple qui fréquentent le plus les cabarets et les lieux de réunion. On y lit, on y répète les faussetés et les absurdités ... Des affiches grossières sont le résultat de ces excitations и т. д.

[204] Там же. *Bulletin d'analyse du 26 mai 1827.*

[205] Там же. *Bulletin d'analyse du lundi, le 23 juillet 1827:* ... le peuple lit peu les pamphlets ... l'influence des gazettes est infiniment plus efficace et plus prompte.

[206] Там же. *Bulletin d'analyse du vendredi, le 27 juillet:* Ces moyens d'excitation ne remplacent pas la licence journalière des gazettes, mais ils agitent, ils échauffent...

[207] Там же. *Bulletin d'analyse du 6 septembre 1827:* On est à même de remarquer dans les faubourgs que, depuis que les journaux ne peuvent plus fournir aussi facilement d'aliment à la malveillance, les ouvriers sont plus tranquilles et plus assidus dans leurs ateliers ...

[208] Там же. *Bulletin d'analyse du jeudi, le 20 septembre 1827:* ... les ouvriers rentrent dans les fabriques dont on les chassait, il y a quelques mois, plus encore par système que par nécessité.

[209] Там же. *Bulletin d'analyse du 13 novembre 1827.*

[210] Нац. арх. F[7] 3882. *Bulletin de Paris du 23 janvier 1828:* Quant à la population ouvrière, livrée à ses travaux, elle reste à peu indifférente à toute discussion sur les affaires publiques ...

[211] Там же. *Bulletin de Paris du 29 janvier 1828.*

[212] Там же. *Bulletin de Paris du 5 février 1828.*

[213] Нац. арх. F[7] 3798. *Bulletin d'analyse № 21.* Corrèze, le 15 novembre 1828.

[214] Там же. Cher, Bourges, le 14 avril 1829.

[215] Ср. там же, *Bulletin d'analyse du 25 avril 1829, № 33,* выступление 400 рабочих в Шатору 21—22 апреля 1829 г. и многие другие.

[216] Там же. *Bulletin d'analyse,* février — mars 1829.— *Départements.*

[217] Там же. Amiens, le 10 mars: ... les classes laborieuses souffrent sans murmures les privations ...

[218] Там же. Nantes, le 7 mars: L'attitude des classes populaires est très rassurante ... (... avec résignation...).

[219] Там же. Isère, Grenoble, le 19 août, № 71.

[220] Нац. арх. F[7] 3883. *Bulletin du 2 août 1829:* Cette observation semble indiquer qu'elle (la classe ouvrière, о чем речь шла раньше) a éprouvé une sorte d'amélioration morale.

[221] Там же. *Bulletin d'analyse du 13 août 1829.* При сборе нового урожая цена на хлеб понизилась с 90 до 85 сантимов за 2 килограмма (по льготным карточкам цена осталась 80 сантимов за 2 килограмма).

[222] Там же. *Bulletin d'analyse du 13 août 1829.*

[223] Там же, le 20 janvier 1829: L'esprit des ouvriers est bon; ils s'occupent peu ou point même de politique, et l'on voit avec satisfaction qu'ils supportent les rigueurs de la saison sans en faire un sujet d'accusation contre le gouvernement.

[224] Нац. арх. F[7] 3798, № 65 (août 1829).

Глава VII

[1] Ср. Bourg, le 30 juin 1826 (dép. de l'Ain). Резолюция министра на полях: Le Ministre ne peut donner son consentement à une pareille association qui n'offre point de garantie. Резолюция наложена 4 июля 1826 г.

[2] Нац. арх. F^7 9787. *Copie d'une lettre du Préfet du Haut-Rhin, en date du 31 juillet 1823, au ministre de l'Intérieur.*

[3] Villeneuve-Bargemont A de. *Economie politique chrétienne*, III. Paris, 1834, стр. 183.

[4] Нац. арх. F^7 9786. *Note sur le compagnonnage.* Paris, le 20 février 1829.

[5] Нац. арх. F^7 3789. Bordeaux, le 6 mars 1818. — *Le maire:* ... d'associations turbulantes dont on ne peut attendre que le désordre.

[6] Нац. арх. F^7 9786. Chartres, le 15 septembre 1820. Например, случай с рабочим Davant, булочником, «который хотел учредить ассоциацию между рабочими своей профессии» в Шартре, в августе 1820 г.; суд его оправдал. Вот мотивы суда: Davant a seulement cherché à établir un compagnonnage semblable à celui qui existe dans les autres professions...

[7] Там же. Troyes, le 22 décembre 1822. Папка *Aube.* Префект департамента — министру внутренних дел.

[8] Там же: ...ce qui facilite leur habitude d'inconsistance et de vagabondage, parce que, n'ayant aucun mobilier, ils s'en vont avec un simple paquet.— Это объяснение префекта открыло мне смысл упорного, проходящего чрез столетия, требования рабочих, чтобы постель была непременно от хозяина.

[9] Там же. Marseille, le 16 décembre 1826. Префект — министру внутренних дел: ... cet homme audacieux et très adroit exerce un empire absolu sur ces ouvriers et d'un seul mot, d'un seul regard il peut les faire mouvoir. On a remarqué surtout cette singulière influence aux débats devant la Cour d'assises, où d'un seul geste il pouvait faire parler ou taire ses coaccusés et ranimer le courage de ceux qui paraissaient abattus...

[10] Ср. Нац. арх. F^7 3796. Toulon, le 20 août 1825. *Bulletin № 72*: Les maîtres boulangers sont alarmés de ces coalitions qui ne sont pas moins dangereuses pour leurs intérêts que pour l'ordre public.

[11] Нац. арх. F^7 3797. *Bulletin d'analyse du 4 juillet 1826*, № 63.

[12] Нац. арх. F^7 3796. Mâcon, le 3 septembre 1825. *Bulletin № 75.*

[13] Нац. арх. F^7 3879. *Bulletin d'analyse du mercredi, le 14 septembre 1825.*

[14] Там же.

[15] Нац. арх. F^7 3796. *Bulletin du 22 septembre 1825*, № 78.

[16] Там же. Mâcon, le 28 novembre. *Bulletin № 95.*

[17] Нац. арх. F^7 3879, jeudi, le 15 septembre 1825.

[18] Нац. арх. F^7 3789. Valence, le 6 avril. Le Préfet de la Drôme.

[19] Нац. арх. F^7 3793. *Bulletin des 13 et 14 décembre 1820*, № 82: On remarque depuis quelque temps que l'esprit de corps parmi les ouvriers dits les compagnons prend une nouvelle force.

[20] Ср. особенно дела картона F^7 9786. Папка *Compagnonnage. Correspondance avec le Préfet des Bouches-du-Rhône* (о побоищах в Марселе летом 1826 г.); там же папка *Compagnons du devoir.*

[21] Ср. там же. Milhau, le 21 décembre 1824. Лейтенант жандармерии — министру внутренних дел (Пачка *Aveyron*).

[22] Там же. Marseille, le 20 janvier 1825. Префект — министру.

[23] Там же. Privas, le 10 mai 1826. Префект — министру.

[24] Там же, переписка между военным министром и министром внутренних дел. (Paris, le 16 juin 1826) и др.

[25] Нац. арх. F^7 3881. *Bulletin* за июнь, passim (13, 14, 20, 21 июня и мн. др.)

[26] Ср. Нац. арх. F[7] 3797. *Direction de la police. Bulletin du 4 octobre 1826*, № 88.

[27] Нац. арх. F[7] 3790. *Bulletin du 17 novembre 1818, Bulletin du 22 novembre 1818. Le Préfet de l'Isère.*

[28] Нац. арх. F[7] 9787. Nevers, le 12 novembre 1819. Префект — министру.

[29] Нац. арх. F[7] 3793. Besançon, le 16 décembre 1820. *Bulletin № 89:* Charbonniers ou bons cousins.

Глава VIII

[1] Нац. арх. F[7] 3884. *Bulletin de Paris,* le 25 juillet 1830; *Bulletin de Paris,* le 26 juillet 1830.

[2] Нац. библ. Lb[51] 1127. *Etrennes d'un prolétaire à M. Bertin aîné:* ...car le peuple ne fut jamais plus heureux que de 1816 à 1829.

[3] Нац. арх. F[7] 3794. *Bulletin de Paris,* № 123, le 24 février 1821. *Préfecture de police.*

[4] Нац. библ. Lb[51] 983. *Société des amis du peuple,* № 9: Le besoin d'être compté pour quelque chose dans la société mit seul au peuple les armes à la main.

[5] Mantoux P. *Patrons et ouvriers en juillet 1830.— Revue d'histoire moderne et contemporaine,* t. III. (Paris, 1830, стр. 291—296).

[6] Там же, стр. 293, слова д'Аргу: Les ouvriers imprimeurs étant plus intelligents et plus instruits que les ouvriers ordinaires donnèrent une impulsion très active à l'émeute.

[7] Нац. библ. Lc[2] 1255.

[8] Там же: La révolution de 1830 a eu un caractère tout différent et ce fut alors que les vrais patriotes reconnurent avec joie ...

[9] Нац. библ. Lc[2] 1256. *L'Artisan, journal de la classe ouvrière.*

[10] Нац. библ. Lb[51] 330. *Avis et propositions concernant la répartition du fonds créé par le gouvernement pour aider les commerçants et fabricants* (1830). A qui devons — nous la victoire si ce n'est au dévouement spontané, au courage, à la bravoure de la classe ouvrière? A qui devons — nous la sécurité qui a si rapidement succédé au mouvement révolutionnaire? etc.

[11] Там же: ...cette classe laborieuse à qui il devait sa couronne.

[12] Нац. библ. Lb[51] 170. *Note sur les moyens de secourir le commerce et projet de caisse d'Escompte.* Paris, le 7 septembre 1830: Notre admirable révolution, terminée si promptement, a mis pendant trois jours en péril le Trésor, la Banque et toutes les caisses particulières, et l'on sait maintenant par qui eût été fait le pillage! Toute la nation se réjouit de l'issue aussi heureuse que glorieuse de ces grands événements, et ceux qui au milieu de cette joie universelle éprouvent des embarras, ne seraient pas secourus!

[13] Нац. арх. F[7] 9787. Lille, le 13 août 1830. Префект — министру.

[14] Нац. библ. Lb[50] 89. *Les ouvriers et M. de Chateaubriand, ou la lettre d'un compagnon charpentier à ce dernier.* Paris, août 1830.

[15] Нац. библ. Lb[51] 244. *Mémoire adressé à M. le ministre des finances.* Paris, 1830, стр. 8: Si la détermination de la Chambre avait été prise à l'époque dont je viens de parler, elle aurait prévenu bien des malheurs qu'on ne saurait trop déplorer.

[16] Нац. арх. F[7] 3884. *Bulletin de Paris*, le 13 août, le 15 août 1830.

[17] Там же, le 15 août 1830.

[18] Там же, le 17 août 1830.

[19] Там же, le 19 août 1830.

[20] Там же, le 15 septembre 1830.

[21] Там же, le 23 août 1830.

[22] Там же, le 24 août 1830: ...ils veulent vivre indépendants et sans chefs.

23 Там же.

24 Там же: En général tous les rapports de la surveillance m'ont décelé une agitation réelle parmi les ouvriers de toutes les industries.

25 Там же, le 25 août 1830.

26 Там же.

27 Там же, le 26 août 1830.

28 Там же, le 29 août 1830.

29 Там же, le 22 août 1830.

30 *Ordonnance concernant les attroupements et les coalitions d'ouvriers.* Paris, le 25 août 1830. (Подлинная печатная афиша — Нац. арх. F[7] 9787, папка *Seine*): Aucune demande à nous adressée, pour que nous intervenions entre le maître et l'ouvrier au sujet de la fixation du salaire ou de la durée du travail journalier ou du choix des ouvriers, ne sera admise comme étant formée en opposition aux lois qui ont consacré le principe de la liberté de l'industrie.

31 Нац. арх. F[7] 3884. *Bulletin de Paris*, le 2 septembre 1830.

32 Там же, le 3 septembre 1830. Préfet de police: Je viens d'adresser de nouvelles instructions aux commissaires de police. Je les ai invités à chercher par tous les moyens... à connaître les meneurs, surtout ceux qui seraient étrangers à la classe ouvrière.

33 Там же, le 4 septembre 1830.

34 Там же.

35 Там же, le 5 septembre 1830.

36 Там же.

37 Там же, le 7 septembre 1830: ...mais cet exemple de condescendance eût pu avoir de fâcheux résultats.

38 Там же, le 17 septembre 1830: ...mais ces odieuses menées échoueront contre ma ferme résolution d'accorder aux individus et à l'industrie toute la protection qu'ils ont droit d'attendre. Quelques artisans de troubles m'ont été signalés, je viens de donner l'ordre de les arrêter...

39 Там же, le 18 septembre 1830: ...aussi les plus raisonnables avouent-ils franchement qu'ils ont été séduits ou entraînés par un faux calcul.

40 Там же, le 8 septembre 1830: La manie des coalitions gagne aussi les femmes.

41 Там же, le 9 septembre 1830: ...ces ouvriers... auraient oublié leurs anciens différends pour ne s'occuper que de l'intérêt commun.

42 Там же, ...malheureusement c'est une affaire dans laquelle l'autorité ne peut intervenir.

43 Там же, le 10 septembre 1830: La détermination des ouvriers maréchaux a été froide et calme.

44 Там же, le 12 septembre 1830.

45 Там же, le 18 septembre 1830: Néanmoins les lettres qui m'ont été adressées de part et d'autre permettent de croire que la bonne intelligence ne tardera pas à se rétablir; l'intérêt est le puissant mobile qui doit amener cette espèce de reconciliation.

46 Там же, le 22 septembre 1830: ...leur intervention pour détourner leurs camarades du travail n'a été jusqu'à ce jour que très indirecte.

47 Там же, le 23 septembre 1830.

48 Там же, le 26 septembre 1830. Префект в восторге: On doit se féliciter que cette espèce de querelle de famille qui s'annonçait avec un caractère d'opiniâtrete difficite à vaincre se soit terminée d'elle même...

49 Там же, le 28 septembre 1830.

50 Там же, le 30 septembre 1830.

51 Там же, le 16 septembre 1830: ...les prétentions absurdes,— так отзывается префект о неудовольствиях рабочих-шляпочников.

52 Там же (corroyeurs).

[53] Там же, le 24 septembre 1830: Ce but, ils comptent l'atteindre surtout par le soulèvement successif ou simultané des classes ouvrières...

[54] Там же.

[55] Там же, le 23 septembre 1830: Aussi ne suis-je point éloigné de penser qu'il est temps enfin de recourir à d'autres moyens pour étouffer ces ferments de désordre et que, là où la persuasion et la patience ont été impuissantes, la force et la justice peuvent seules obtenir de bons résultats.

[56] Там же, le 28 septembre.

[57] Там же, le 29 septembre 1830: ...puisqu'on ne faisait pas meilleure justice, autant valait rester comme on était avant la dernière révolution...

[58] Там же, le 3 octobre 1830.

[59] Там же, le 9 octobre 1830: ...pour les punir, disent-ils, de leur longue obstination. Mieux vaudrait un peu d'indulgence et un entier oubli du passé,— укоризненно прибавляет префект полиции, который вообще с неодобрением относится к хозяевам кузнечных мастерских и их поведению.

[60] Там же, le 4 décembre 1830.

[61] Там же, le 14 octobre 1830: L'état de stagnation où se trouve le commerce oblige les chefs d'ateliers à renvoyer leurs ouvriers.

[62] Там же, le 17 octobre 1830.

[63] Там же, le 4 novembre 1830.

[64] Там же, le 11 novembre 1830.

[65] Там же, le 2 décembre 1830.

[66] Там же, le 8 décembre 1830.

[67] Там же, le 11 décembre 1830.

[68] Там же, le 14 décembre 1830.

[69] Там же, le 18 décembre 1830.

[70] Там же, le 23 décembre 1830.

[71] Там же, le 3 janvier 1831.

[72] Там же, le 10 janvier 1831.

[73] Нац. арх. F^7 3885. *Bulletin de Paris*, le 19 janvier 1831: Ces ouvriers sont maintenus avec sévérité dans leurs brigades respectives et ils ne peuvent s'absenter sous aucun prétexte.

[74] Там же, le 20 janvier 1831.

[75] Там же, le 27 janvier 1831.

[76] Там же, le 20 janvier 1831.

[77] Там же, le 24 février 1831.

[78] Нац. арх. F^7 3884. *Bulletin de Paris*, le 21 décembre 1830: Les ouvriers paraissaient ne pas s'occuper des débats de la Chambre des pairs.

[79] Там же, le 22 novembre 1830: Presque tous les genres de commerce et d'industrie sont dans un état de langueur et de souffrance. On aspire au moment où le rétablissement du calme intérieur donnera quelque activité à la vente et à la consommation des objets de luxe qui alimentent à Paris un si grand nombre d'ouvriers.

[80] Там же.

[81] Там же, le 24 octobre.

[82] Там же, le 1 décembre 1830.

[83] Нац. арх. F^7 3885. *Bulletin de Paris*, le 1 mars 1831: La stagnation de toutes les industries et le malaise des classes ouvrières qui en est la suite produisent une inquiétude générale.

[84] Там же, le 2 mars 1831.

[85] Там же, le 29 mars 1831.

[86] Там же, le 30 mars 1831.

[87] Там же, le 11 mai 1831: Les ouvriers sont toujours fort tranquilles et ne s'occupent point de politique. Ils désapprouvent hautement la conduite de ceux qui depuis deux jours cherchent encore une fois à occasionner du désordre.

[88] Ср. случай 12 июля 1831 г. Там же. *Bulletin de Paris* под этой датой: ...c'est un républicain qui vient encore nous troubler, il faut en finir avec cette canaille.— Полиция еле спасла его от избиения толпой рабочих; вся его вина была в том, что он на глазах двух рабочих сорвал со стены одно правительственное извещение.

[89] Нац. арх. F[7] 12.329. *Bulletin de Paris*, le 16 avril 1831: Ces ouvriers, quoique manquant d'ouvrage, ont pour le prix de leurs journées des prétentions exagérées: ceux qui d'habitude gagnaient 1 f. 50 par jour veulent 2 f. et 2 f. 50.

[90] Там же, le 11 mars 1831: ... tous (рабочие — *Е. Т.*) ont témoigné une vive répugnance pour le désordre dont on voulait les rendre complices. Les étudiants, deçus dans leur espoir, ont repris leur chemin...

[91] Нац. арх. F[7] 3885. *Bulletin de Paris,* le 19 août 1831.

[92] Там же, le 1 septembre 1831.

[93] *Journal des Débats,* le 7 septembre 1831, хроника, стр. 2.

[94] Там же, le 8 septembre, хроника, стр. 2. Кто этот верный источник (source certaine), на который ссылается сообщение,— неясно.

[95] Нац. арх. F[7] 3885. *Bulletin de Paris,* le 5 septembre 1831.

[96] Там же, le 6 septembre 1831.

[97] Там же, le 8 septembre 1831: Ces désordres excitent dans la population une indignation unanime et toujours croissante et l'esprit public éprouve toujours le même besoin d'ordre et de stabilité. Quoiqu'il en soit, cette excitation populaire pendant plusieurs jours pour une cause si légère, sur un simple prétexte, est digne de toute l'attention du gouvernement.

[98] Там же: L'appui prêté par les habitants paisibles ... a facilité les nombreuses arrestations...

[99] *Le National,* № 255, vendredi, le 9 septembre 1831 (Хроника).

[100] Нац. арх. F[7] 3885. *Bulletin de Paris,* le 25 septembre 1831: Aujourd'hui nous avons reçu la visite de tous les commissaires de police. Leurs plaintes sont unanimes sur la détresse des classes laborieuses et ils manifestent tous les plus vives alarmes sur l'hiver qui s'approche...

[101] Там же, le 27 septembre 1831: ... les emeutes à venir ... auront un caractère plus redoutable que les précédantes, car les classes laborieuses y prendront une part plus générale et plus active.

[102] Там же, le 2 octobre 1831: Qu'une administration habile profite du découragement pour soustraire aux agitateurs les classes laborieuses en créant de grands travaux qui occuperont leurs bras...

[103] Там же, le 3 octobre: Rien de nouveau aujourd'hui. Notre histoire devient ennuyeuse comme celle des peuples heureux.

[104] Там же: Ces résultats sont affligeants.

[105] Там же, le 4 octobre 1831: Rien n'y encore paru de plus criminel... Dans la réalité, ce n'est rien moins qu'une guerre de ceux qui n'ont rien contre ceux qui possèdent.

[106] Farrat R. *Prospectus des instructeurs du peuple:* Cela pourra contribuer à raviver un peu le zèle des tièdes. Памфлет был написан членом «Общества друзей народа».

[107] Нац. арх. F[7] 3885. *Bulletin de Paris:* Il est constant que le nombre des ouvriers sans travail diminue. Nous avons nous-mêmes avisé à des travaux dont l'exécution occuperait à Paris plus de dix mille ouvriers pendant quatre mois...

[108] Там же, le 31 octobre, le 1 novembre, le 5 novembre 1831.

[109] Там же, le 5 novembre 1831: Le commerce continue à reprendre de l'activité; quelques classes d'ouvriers seulement n'ont point encore ressenti les heureux effets de cette amélioration.

[110] Нац. арх. F[7] 3884. *Bulletin de Paris,* le 18 novembre 1830. (По ошибке сначала думали, что они требуют закрытия кондитерских по воскресеньям.)

[111] Там же, le 18 et 19 novembre 1830.
[112] Там же, le 20 novembre 1830.
[113] Там же, le 1 décembre 1830.
[114] Нац. библ. Lb^{51} 808. *Grande nouvelle pour les ouvriers sans ouvrage*. Paris, 1831.
[115] Нац. библ. Lb^{51} 1043 et Lb^{51} 1044. *Jacques Bonhomme à ses camarades ouvriers*. Вторая брошюра имеет в заглавии еще одно слово: *Suite*.
[116] Нац. библ. Lb^{51} 1044 (вторая брошюра): Par-dessus tout cela il est arrivé à Lyon des jésuites mâles et femelles d'une autre race, qu'on appelle Saint-Simoniens, du nom d'un grand seigneur, très mauvais sujet, mort il y a quelques années et qui était un peu fou...
[117] Нац. библ. Lb^{51} 469. *Pétition d'un prolétaire à la Chambre des Députés*.— Сначала было напечатано в газете *Globe* от 3 февраля 1831 г.
[118] Там же, стр. 14: Mais il faut vivre, et moi qui ne suis qu'un vilain, un prolétaire, bon français pourtant, j'en suis réduit à dire qu'il vaut mieux, surtout quand on est père de famille, vivre d'aumône que de mourir de liberté. Je sais bien que de telles phrases ne sont pas très constitutionnelles; pour me faire taire donnez moi du travail...
[119] Нац. арх. F^7 3885. *Bulletin de Paris*, le 2 décembre 1831: ...pour imiter les ouvriers de Lyon.
[120] Там же, le 3 décembre 1831.
[121] Там же: Les événements de Lyon n'occupent plus les esprits que d'une manière secondaire, on les considère a peu près comme non avenus.
[122] Там же, le 4 décembre 1831: ...mais on a remarqué plus d'agitation dans les esprits, surtout parmi la classe ouvrière. On s'aperçoit que les agitateurs travaillent cette partie de la population en mettant sans cesse devant ses yeux l'exemple des ouvriers de Lyon.
[123] Там же, le 12 décembre 1831.
[124] Нац. библ. Lb^{51} 229. *Manifeste de la Société des Amis du Peuple*. Paris, 1830, стр. 23.
[125] Нац. библ. Lc^2 1282. *Au Peuple*, le 1 juillet 1831: C'est au contraire uniquement à vous, hommes laborieux de toutes les professions, sans qui le beau monde aurait bien de la peine à se mettre du pain sous la dent; à vous tous, artisans et paysans aux mains calleuses, qui formez plus de onze douzièmes de la population; c'est-à-dire, à vous qui travaillez, produisez et souffrez pour le petit nombre qui ne fait rien, consomme et jouit.
[126] Ср. *Au Peuple*, 3-me livraison, du 13 juillet 1831: ...le peuple ... travaille pour entretenir le luxe et l'oisiveté des classes qui l'oppriment. Il travaille encore pour verser l'or à pleines mains dans les coffres de l'Etat.
[127] *National*, jeudi, le 8 septembre 1831, передовая статья: ...un avertissement à la propriété de se tenir en garde.
[128] Там же: ...et jamais aucun effort pour réaliser l'utopie de la communauté des biens ne se fera par en-bas, mais par en-haut.

Глава IX

[1] Нац. арх. F^{12} 502, папка *Commerce de la Russie.— Soie recueillie dans les environs d'Odessa.*
[2] Stendhal. *Mémoires d'un touriste*, t. I. Paris, 1838, стр. 182.
[3] Ср. Нац. библ., Inventaire V, 54. 704. Comte de Vaublanc. *Du Commerce de la France en 1820 et 1821*. Paris, 1822, стр. 46 и сл. В другом месте Воблан немного отклоняется от этой цифры и дает другую — 48 000 000 франков (для вывоза шелковых материй). Ср. стр. 98 той же книги.
[4] Нац. арх. F^7 3793. *Bulletin*, du 23 au 26 juillet 1820, № 19.
[5] Нац. арх. F^7 3796. *Bulletin*, le 17 avril 1824, № 23.

[6] Там же, le 8 mai 1824, № 27.
[7] Там же, le 20 mars 1824, № 18.
[8] Там же, le 3 mars 1825, № 17.
[9] Нац. арх. F[7] 3797. *Bulletin*, le 19 janvier 1826. *Direction de la police.*
[10] Там же, le 22 mars 1826. *Direction de la police.*
[11] Там же, le 30 mai 1826, № 43.
[12] Там же, le 1 juillet 1826, № 62. Malgré la corruption générale de l'esprit public et l'état réel de la souffrance d'une grande partie de la population, il ne doute pas que Son Altesse Royale n'y fût reçue avec enthousiasme et que quelques paroles d'intérêt et quelque secours aux ouvriers n'y fissent un merveilleux effet.
[13] Там же, le 5 septembre 1826, № 82.
[14] Там же, le 31 octobre 1826, № 97.
[15] Нац. арх. F[7] 3798. *Bulletin*, le 7 février 1829, № 21.
[16] Нац. библ. Lb[51] 1074. *Histoire de Lyon pendant les journées des 21, 22 et 23 novembre 1831.* Lyon, 1832.
[17] Там же: Ces rapports qui doivent être soigneusement entretenus seront avantageux à nos transactions futures et amèneront une intimité d'autant plus précieuse que les millions d'hommes de l'Amérique du Sud sont amis du luxe, exploîtent les métaux précieux et sont étrangers à toute industrie.
[18] Нац. арх. F[7] 3798. Lyon, le 1 mai 1829, № 36.
[19] Там же. Rhône, le 11 avril 1829, № 29.
[20] Там же. Lyon, le 13 juin, № 49.
[21] Нац. библ. Lb[51] 1087. *Relation de M. Bouvier du Molart sur les événements de Lyon.* Lyon, 1832, стр. 4.
[22] Ср. Pariset E. *Histoire de la fabrique Lyonnaise,* Lyon, 1901, стр. 299. Автор этой книги, дающей общий очерк истории лионского шелкового производства с XVI до конца XIX в., только в двух строках упоминает о событиях 1831 г. В этой книге много неосновательных и прямо легкомысленных суждений; единственная ее ценность — в использовании некоторых документов лионской Chambre de Commerce, откуда и взяты цитируемые цифры.
[23] Colmont A. de. *Histoire des expositions des produits de l'industrie française.* Paris, 1855, стр. 484 и сл.
[24] Villermé L. Tableau, I, стр. 378.
[25] Нац. библ. Lb[51] 1081. Monfalcon. *Histoire des insurrections de Lyon.* Lyon, 1834, стр. 49.
[26] Villermé. Цит. соч., I, стр. 360.
[27] Нац. библ. Lb[51] 4805. *Aux chefs d'ateliers composant l'association des mutuellistes lyonnais* (1834).
[28] Audiganne A. *Les populations ouvrières et les industries de la France.* II. Paris, 1860, стр. 18.
[29] Нац. библ. Lb[51] 1074. (Lyon, 1832). Брошюра Огюста Барон о 21, 22 и 23 ноября 1831 г.
[30] Нац. библ. Lb[51] 1087. *Relation de M. Bouvier du Molart,* стр. 5. Автор, приведя этот факт, прибавляет, что он засвидетельствован чисто фабрикантскими организациями, вроде Conseil des prud'hommes и торговой палаты.
[31] Stendhal. Цит. соч., т. I, стр. 150.
[32] Villermé. Цит. соч., стр. 366.
[33] Stendhal. Цит. соч., т. I, стр. 183: ...l'octroi que l'Europe ne veut plus rembourser.
[34] Нац. арх. F[7] 3797. *Bulletin*, le 30 mai 1826. Lyon, le 27 mai.
[35] Villermé. Цит. соч., I, стр. 247.
[36] Нац. библ. Lb[51] 1074: Les soussignés ouvriers en soie de la ville de Lyon à Messieurs les membres de la Chambre des Députés: ...toute la

turpitude d'un trop grand nombre de négociants sans pudeur, avec lesquels nous sommes en rapport, pour la fortune desquels nous devançons l'aurore et prolongeons bien avant dans la nuit un travail dont ils ne rougissent pas de diminuer le salaire.

[37] Villermé. Цит. соч., I, стр. 372: ...ils jalousent les fabricants et les regardent comme leurs ennemis naturels.

[38] Ср. там же, стр. 373. Виллерме пробует смягчить это нелепым указанием, что «во все времена и во всех классах общества находятся подобные люди».

[39] Stendhal. Цит. соч., т. I, стр. 150.

[40] Нац. библ. Lb[51] 1141. *Cause des troubles de Lyon* par Maurice Onslow. Clermont-Ferrand, le 18 décembre 1831.

[41] Нац. арх. F. 1b, 1—156. Dossier 41.— Lyon, le 7 octobre 1831. Префект Роны — министру финансов (№ 126).

[42] Там же: ...une inquiétude ... pouvant ... compromettre la tranquillité publique.

[43] Нац. арх. F. 1b. 1—156. Dossier 41. — Lyon, le 7 octobre 1831. Префект Роны — министру финансов (№ 126): C'est-à-dire que l'on a sacrifié à des considérations locales les règles de la justice distributive, consacrées par la Charte...

[44] Там же: ...et l'enveloppent si bien qu'il lui est impossible d'en esquiver aucun.

[45] Там же.

[46] Там же. Раскладка обложения еще не была в тот момент опубликована в Лионе.

[47] ...je vous prie de croire, Monsieur le Ministre, que je mettrai tout mon zèle et toute ma sollicitude pour l'accomplir d'une manière digne du mandat honorable qui m'est confié.

[48] Там же. Nancy, le 4 avril 1815.— Там же его послужной список.

[49] Там же, бумага № 120 (текст речи).

[50] Там же; Loin d'elle, Monsieur le Préfet, l'idée d'arriver à son but par des voies violentes et illégales... (Письмо рабочих к префекту от 10 октября 1831 г.).

[51] Там же: ... ils sauront garder le souvenir de tout ce que vous avez fait pour la classe ouvrière qui elle — même vous donne le nom de protecteur et de père и т. д.

[52] Ср. Favre J. *De la coalition des chefs d'ateliers de Lyon.* Lyon, 1831, стр. 29. Фавр имеет в виду именно время после ноября 1831 г.

[53] Там же, стр. 35. Фавр дает много любопытных черт быта лионских рабочих в это время.

[54] *Echo de la Fabrique,* dimanche, le 30 octobre 1831: ...mais qu'ils y réfléchissent à deux fois, parce qu'ils pourraient bien le tenir fermés plus longtemps qu'ils ne le voudraient.

[55] Вот это характерное место: Or, il est arrivé dans cette occurence que des fabricants qui le 31 juillet 1830 n'avaient pas craint de braver les baïonnettes sur la place publique, n'ont pas osé encourir le reproche même mal fondé d'inhumanité et exposer leur existence manufacturière au ressentiment des ouvriers en combattant ouvertement leurs prétentions.

[56] Нац. арх. F. 1b, 156, d. 41. Lyon, le 2 novembre 1831: ...si j'avais eu l'imprudence de montrer tant de défiance et tant de crainte, j'aurais fait naître un danger qui n'existait pas et provoquer des malheurs que j'ai su prévenir avec de la bienveillance et de la justice et en donnant à l'autorité une force morale, une influence sur les masses qu'elle ne connaissait plus depuis longtemps à Lyon.

[57] Там же: ...il n'y a point parité entre notre situation tranquille et l'état de quasi-insurrection des départements de l'Ouest...

[58] Там же: Enfin le succès de mes soins a été complet et j'en a recueilli seul tout l'honneur. Voilà ce qu'on ne me pardonne pas. Les cris de vive le préfet élevés par dix mille voix, la brillante sérénade qui m'a été donnée ... —Генерал Рогэ, в самом деле, не отличался изысканностью слога. Префект, между прочим, жаловался Казимиру Перье, что генерал Рогэ ему в глаза называл префектов «панталонами» (parlant à moi-même traiter les préfets de pantalons).

[59] Нац. библ. Lb[51] 1074. *Petite statistique.* (A. Baron, éditeur. Lyon, 1832).

[60] Там же. Lb[51] 1076. Colomb. *Détails historiques sur les journées de Lyon.* Lyon, 1832, стр. 8.

[61] Префект был выпущен рабочими в 8 часов вечера, а генерал — в 2 часа ночи (там же, стр. 10).

[62] Там же, стр. 13.

[63] Там же: Le vol et le pillage seront punis de mort.

[64] Нац. арх. BB[18] 1324. Главный прокурор Дюплан — хранителю печати (министру юстиции). Lyon, le 28 Novembre 1831.

[65] Нац. библ. Lb[51] 1080. *Relation exacte des événements ... arrivés dans la ville de Lyon.* (1831, s. l.)

[66] Там же.

[67] Нац. библ. Lb[51] 1074. Lyon, 1832.

[68] Нац. арх. BB[18] 1324—1326. Villefranche, le 23 novembre 1831. *Ressort de la Cour Royale de Lyon:* ... qu'il y a un très grand carnage, la garde nationale et les troupes de ligne ont été forcées de se retirer après avoir éprouvé des pertes considérables et le manque absolu de vivres.

[69] Нац. арх. BB[18] 1324. Lyon, le 25 novembre 1831. Главный прокурор Дюплан — хранителю печати (министру юстиции).

[70] Там же: Je dois dire que Monsieur le Préfet a rendu les plus grands services.

[71] Там же: Les ouvriers (cette puissance du jour) continueront-ils à repousser les tentatives de nos ennemis intérieurs?

[72] Там же. Lyon, le 24 novembre 1831. (На полях: Pour lui seul).— Главный прокурор Дюплан — хранителю печати.

[73] Нац. арх. BB[18] 1324—1326. Dijon, le 27 novembre 1831. Дижонский главный прокурор — министру юстиции.

[74] Нац. арх. BB[18] 1324. Lyon, le 23 novembre 1831. Главный прокурор — хранителю печати (министру юстиции).

[75] Так думал в этот день прокурор, очень удрученный событиями: ... les partis cherchent chacun de son côté à s'emparer du mouvement (там же).

[76] Там же.

[77] Там же. Lyon, le 29 novembre 1831. Главный прокурор — хранителю печати: ... la certitude irrévocablement acquise qu'ils (les troubles) ne se lient ni à la politique, ni à aucune coalition intérieure ou extérieure.

[78] Там же.

[79] Нац. арх. F[7] 3885. *Bulletin de Paris* (лист без даты, вложенный в бюллетень от 22 ноября): Cependant les événements de Lyon commencent à être connus et donnent beaucoup d'inquiétude aux amis du gouvernement. Les anarchistes de toutes couleurs s'en réjouissent.

[80] Там же, le 23 novembre 1831.

[81] Нац. библ. Lb[51] 1110. *Evénements de Lyon,* par M., стр. 37 (1831).

[82] Нац. арх. F[7] 3885, le 25 novembre 1831: On a entendu plusieurs ouvriers dire qu'il fallait imiter leurs camarades de Lyon et, puisque les ministres violaient la Charte, frapper le grand coup (подчеркнуто в подлинной рукописи).

[83] Там же, le 26 novembre 1831.

[84] Там же, le 27 novembre 1831: ...malgré les écrits incendiaires répandus dans le public ... la population est restée calme.

[85] Нац. арх. F^6 156, d. 41, Metz, le 28 avril 1832: Ce n'est pas une émeute que vous avez arrêtée, c'est une révolution que vous avez empêchée. Vingt-quatre heures plus tard — nous partions d'ici: tout était prêt (подчеркнуто в тексте рукописи).

[86] Нац. арх. BB^{18} 1324. Lyon, le 26 novembre 1831: Mais nous craignons une scission parmi nos vainqueurs.

[87] Там же. От чьего имени сделал свое предложение полковник 49-го полка,— неизвестно.

[88] Там же, Lyon, le 27 novembre 1831.

[89] Там же, Lyon, le 28 novembre 1831. Главный прокурор — хранителю печати: ... tout projet de désordre a été abandonné, les agitateurs de dehors fuyent et couvrent nos routes.

[90] Нац. библ. Lb^{51} 1140. *Communication du gouvernement au sujet des événements de Lyon,* стр. 4: ...il y avait à choisir entre une brusque entrée dans Lyon, au risque des hasards d'une résistance obstinée ou d'une réaction aveugle, et la sage précaution d'un séjour prolongé devant ses portes pour donner le temps aux passions de se calmer.

[91] Нац. библ. Lb^{51} 1111. *Entrée du duc d'Orleans à Lyon.* (1832, s. l.).

[92] Там же, стр. 1.

[93] ... des insinuations politiques et séditieuses n'ont eu aucune influence.

[94] Нац. библ. Lb^{51} 1091. Monfalcon, стр. 90.

[95] Там же, стр. 88. Cette publication est écoutée par la multitude avec autant d'étonnement que d'indifférence.

[96] Там же, стр. 92.

[97] Нац. арх. BB^{18} 1324. Lyon, le 29 novembre 1831. Главный прокурор Дюплан — хранителю печати (министру юстиции).

[98] Вся эта нерешительность и растерянность проявляется необыкновенно ярко в письме министра юстиции главному лионскому прокурору от 7 декабря 1831 г. См. Нац. арх. BB^{48} 1324—1326: ... il importe que le crime de rébellion à main armée contre l'autorité publique soit poursuivi... Тут на полях вставка: l'intérêt public, le besoin de rassurer la France contre le retour d'attentats aussi graves, les lois le prescrivent; toutefois il est également constant que, par suite d'un entraînement aussi criminel que déplorable, une grande partie de la population ouvrière a participé au crime etc. И дальше идут резоны, почему нельзя всех преследовать.

[99] Там же. Lyon, le 16 décembre 1831. Главный прокурор — хранителю печати (министру юстиции): L'attentat de Lyon a retenti dans l'Europe entière. Il est effrayant dans ses conséquences dans l'avenir. La France entière attend une éclatante et prompte réparation; la dignité du gouvernement l'ordonne.

[100] Нац. арх. F 1^d, 1—156, d. 41. Metz, le 25 février 1841. Бувье-Дюмолар — председателю совета министров.

[101] Нац. арх. BB^{18} 1324—1326. Paris, le 17 décembre 1831. Подписано: Casimir Périer.

[102] Там же, le 20 décembre 1831. Министр юстиции — главному лионскому прокурору.

[103] Там же: Analyse des procédures criminelles auxquels ont donné lieu les déplorables événements de novembre à Lyon.

[104] Там же. Paris, le 22 décembre 1831. Казимир Перье — хранителю печати (министру юстиции).

[105] Там же: La temporisation ne sera jamais interprétée comme une mesure de convenance pour une plus sûre justice. On la prendra pour la crainte ou pour la faiblesse, ou pour une dangereuse indulgence.

[106] Там же. Письмо главного прокурора от 10 марта 1832 г.

[107] Там же. Lyon, le 17 mars 1832. Главный прокурор Дюплан — хранителю печати (министру юстиции).

[108] *Gazette du Midi.* Ср. Нац. арх. Lb[51] 1111. *Entrée du duc d'Orleans à Lyon,* стр. 5.

[109] Нац. библ. Lb[51] 1130. Extrait du *Moniteur. Circulaire adréssée aux Préfets.*

[110] *Communication du Gouvernement au sujet des événements de Lyon, présentée à la Chambre des députés dans la séance du 17 décembre 1831 par M. le Président du Conseil des ministres.*— Это признание так важно и оно так основательно забыто всеми историками, писавшими о Лионе, что я приведу подлинные слова: ... l'autorité supérieure ... prit soin de tracer à M. le Préfet du Rhône une marche prudente et mesurée pour parvenir insensiblement à l'abolition de ce tarif, moitié par désuétude, moitié par persuasion, mais surtout sans violence, sans secousse.

[111] Нац. арх. BB[18] 1324. Прокурор Дюплан — хранителю печати (министру юстиции): La révolte de Lyon, Monsieur le Garde des Sceaux, mérite d'être étudiée avant toute résolution du gouvernement. Il y a peut-être danger à la juger de loin, je vous livre et vous recommande cette dernière observation.

[112] Нац. библ. Lb[81] 1143. *Mémoire aux Chambres à l'occasion des événements de Lyon.* Paris, décembre 1831.

[113] *Journal des Débats* от 8 декабря 1831 г.: La sédition de Lyon a révelé un grave secret, celui de la lutte intestine qui a lieu entre la classe qui possède et celle qui ne possède pas.

[114] Нац. библ. Lb[51] 1127. *Etrennes d'un prolétaire à M. Bertin, aîné,* стр. 8.

[115] Нац. библ. Lc[2] 1165. *Journal du Commerce,* le 25 novembre 1831, передовая статья: Les événements de Lyon ont jeté une affligeante lumière sur la condition des classes laborieuses. Il a été irrécusablement démontré que les salaires ne peuvent nourrir les ouvriers ... Quand ce phénomène se produit, toutes les questions s'effacent...

[116] Там же, le 27 novembre 1831, передовая статья.

[117] Там же: ...étrange manière de rétablir la paix troublée par la misère que de se borner à prêter main forte pour comprimer les mécontents!..

[118] Я говорю о конце адреса: Nous sommes heureux, Sire, de vous offrir au nom de la France le concours de ses députés pour rétablir la paix ... étouffer tous les germes de l'anarchie, affermir les principes sacrés sur lesquels repose l'existence même de la société...

[119] Там же, le 2 décembre 1831 (передовая статья): Une séparation s'était opérée, après la révolution de juillet, entre les deux portions de la classe moyenne; l'une craintive, jalouse de ses droits, se barricadant dans sa prérogative; l'autre découragée et ne se souciant plus de coopérer officieusement à une oeuvre à laquelle on lui avait refusé de concourir officiellement ... C'est cette portion précieuse de la bourgeoisie, cette portion composée de médecins, de professeurs, d'avocats, d'artistes, cette nation portant diplômes ... cette portion de la classe moyenne vivant de son travail et n'ayant pas un pouce de terre au soleil, qui conduira toujours le peuple et lui inspirera des idées d'ordre et des sentiments de soumission.

[120] Нац. библ. Lb[51] 1113. *La Voix du Peuple* (décembre 1831).

[121] Там же. Статья La guerre civile: ... les richesses qu'elle devait incessament morceler pour qu'une parcelle en arrivât à chacun.

[122] Favre J. Цит. соч., стр. 35.

[123] Там же: Juillet et novembre ont montré comment se pulvérise une garnison.

[124] Нац. библ. Lc[2] 517. *L'Echo de la Fabrique, journal industriel de Lyon et du département de Rhône,* № 6 (dimanche, le 4 décembre 1831):

..le Prince en qui nous mettons toute notre espérance, le Prince qui doit un jour régner sur nous ... Pressez-vous sur son passage, que dans vos traits il lise l'amour que vous avez pour lui, amour qui ne finira que quand vos cœurs auront cessé de battre.

[125] *L'Echo de la Fabrique*, № 8 (le 18 décembre 1831), стр. 2.

[126] Ср. Нац. арх. F[7] 3885. *Bulletin de Paris*, le 3 janvier 1831 (Préfecture de police): Au prêche du culte St. simonien dans la salle Taitbout, il y avait hier beaucoup moins de religion que de politique. L'orateur ... a mis sur le compte de la jeunesse tout ce qui s'est fait de grand, d'héroïque de 1789 à 1830 et il a terminé en se félicitant de ce qu'il restait beaucoup à faire dans l'avenir. L'auditoire était beaucoup moins nombreux que de coutume: le ridicule ne sauve pas de l'ennui.

[127] Charlety S. *Histoire du Saint-Simonisme, 1825—1864*. Paris, 1896.

[128] Weill G. *L'Ecole Saint-Simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours*. Paris, 1896.

[129] Louvrancour H. *De Henri de Saint-Simon à Charles Fourier. Etude sur le socialisme romantique français de 1830*. Thèse pour le doctorat. Chartres, 1913.

[130] Сборник статей газеты Globe хранится в Национальной библиотеке под шифром Ld[190] — 49 *(Religion Saint-Simonienne. Evénement de Lyon)*.

[131] *Globe*, le 31 Octobre 1831.

[132] Там же. Курсив в подлиннике, а слово *tous* набрано заглавными буквами: ... il nous appartient à nous, défenseurs de *tous* les travailleurs, des directeurs d'industrie comme des ouvriers des rangs les plus humbles...

[133] Там же, стр. 4: Ne voyez-vous point qu'alors même qu'une intervention directe dans les affaires de l'industrie vous est dictée par l'humanité, vous est imposée par la nécessité, vous ne pouvez calmer passagèrement les souffrances d'une des classes de la société sans peut-être opprimer d'autres cl sses?

[134] *Globe*, le 31 octobre 1831: ... enfin elles donneraient pour quelque temps sécurité aux gouvernés et popularité aux gouvernants. Et cependant ce ne seraient là que des palliatifs temporaires.

[135] Там же, le 25 novembre: Il nous est déchirant de la voir se flétrir par sa brutalité. Notre cœur saigne au spectacle de ces misères morales bien autrement hideuses que les misères physiques. Et cependant plus nous la voyons se salir, plus nous éprouvons en nous un besoin indicible de la purifier ... Nous voudrions ... lui communiquer par tous les pores les sentiments d'ordre, de paix et de conciliation dont nous sommes pleins.

[136] Там же. Дальше еще следующее: Aussi nous sommes résolus ... à les prier, à les supplier, car la pétition d'hommes qui se consacrent à la paix et au progrès de l'humanité doit finir par être accueillie и т. п.

[137] Там же: Que nous importe: carlistes ou libéraux, nous voulons du pain.

[138] Там же: Mes Pères, nous attendons vos ordres; nous répandons partout des paroles conciliatric s; mais nous avons suspendu nos enseignements: nous comprenons que tout ce qui se passe doit influer sur notre conduite. A vous, mes Pères, nous attendons votre inspiration et votre secours.

[139] Там же: Nous sommes ... près des pauvres la voix des classes supérieures, près des riches — la voix des classes inférieures, car nous sentons, nous comprenons les souffrances et les besoins de tous.

[140] Börne L. *Gesammelte Schriften*, Bd. 10. Hambourg, 1862, стр. 20: Es sei nichts weiter, als ein Krieg der Armen gegen die Reichen, derjenigen, die nichts zu verlieren hätten, gegen diejenige, die etwas besitzen! Und diese fürchterliche Wahrheit, die weil sie eine ist, man in den tiefsten

Brunnen versenken müsste, hielt der wahnsinnige Mensch hoch empor und zeigte sie aller Welt!

[141] Там же, стр. 20—21. Вот это важное, совсем забытое место, без которого нельзя понять европейский радикализм начала 30-х годов: Die dunkeln Triebe des Volks hat er ihm klar gemacht; seiner wilden Laune des Augenblicks hat er durch Grundsätze Dauer gegeben; seinen kurzsichtigen Sorgen des Tages den Blick in ewige Noth eröffnet. ...opfert Casimir Périer das Glück Frankreichs, Europas vielleicht, um ein Jahrhundert auf.

КРУПНАЯ СТАЧКА ШАХТЕРОВ РИВ-ДЕ-ЖЬЕ В 1844 г.

[1] Это исследование войдет в состав книги, которую мы посвящаем истории рабочего класса Франции в период Июльской монархии (в настоящее время подготовляется к печати *). В последний момент нам стало известно, что, независимо от нашего исследования, подобный же труд был предпринят одним молодым гарвардским историком, Френком Э. Манюелем.

[2] Нац. арх. BB[18] 1419—1421. *Le procureur général au garde des Sceaux*. Lyon, le 8 avril 1844.

[3] Нац. арх. C. 956 (archives de l'Assemblée nationale). Две докладные записки без заглавия, одна в ученической тетради (восемнадцать страниц), другая на листах большого формата, на обеих восемь подписей рабочих делегатов (Рив-де-Жье). Вторая большей частью воспроизводит, изменяя или дополняя, в соответствии с местными условиями в Рив-де-Жье, докладную записку шахтеров Сент-Этьенна, озаглавленную: *Réclamations rélatives aux ouvriers mineurs. Par Thiôlière Jean Baptiste*. Приложенные четыре таблицы должны были явиться ответом на вопрос относительно заработной платы (№ 7 анкеты), но «Общие соображения» далеко выходят за рамки этого вопроса и частично вновь рассматривают данные и жалобы докладных записок. Помимо сведений о заработной плате, эти таблицы содержат указания на количество добываемого угля и на продолжительность рабочего дня, они соответственно охватывают годы: 1820—1830, 1830—1844, 1844—1848 и 1848.

[4] Характер и роль этих компаний, которые привели в столкновение местные интересы и прибывший извне крупный промышленный капитал, представляют собой важную страницу экономической истории этой эпохи. За отсутствием места мы вынуждены воздержаться от рассмотрения здесь этого вопроса.

[5] Нац. арх. C. 956. *Mémoire des mineurs* (cahier, стр. 17). Ср. таблицы за 1844—1848 гг. Примечание: «Эта коалиция, столь опасная для всех промышленных предприятий, явилась для шахтеров сокрушительной монополией».

[6] К докладной записке приложен отчет о наиболее значительных несчастных случаях, происшедших с 1820 по 1847 г. в угольном бассейне Рив-де-Жье, с указанием числа жертв. Ср. в том же деле доклад медицинской комиссии, приложенный к анкете, и т. д. (Сент-Этьенн, 11 декабря 1848 г.). Правда, этот доклад касается лишь Сент-Этьеннского бассейна, а не бассейна Рив-де-Жье, но в общем он констатирует, что данные администрации рудников, главным образом за 1836—1843 гг., «необычайно преуменьшают мартиролог рабочих».

[7] Таблицы за 1844—1848 гг. Общие соображения (следует описание событий).

[8] Нац. арх. BB[18] 1419—1421. *Le procureur général au garde des Sceaux*. Lyon, le 3 avril 1844.

* Книга не была опубликована.— *Ред.*

[9] Нац. арх. C. 956. *Tableaux de 1844—1848. Observations.*

[10] Нац. арх. BB[18] 1419—1421. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 5 avril 1844. 11 heures du soir. *Dépêche télégraphique du même au même,* le 6 avril.

[11] Нац. арх. *Le ministre de la Guerre au garde des Sceaux.* Paris, le 9 avril.

[12] Там же. Saint-Etienne, le 6 avril 1844. Cf. 1420. Lyon, le 10 avril.

[13] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 10 avril 1844.

[14] Там же. *Du même au même.* Lyon, le 4 avril.

[15] Нац. арх., 1421. Lyon, le 5 avril.

[16] Там же. Несколько шахтовладельцев образовали ассоциацию. Власти всегда полагали, что она не противоречит закону и что она является единственным средством для предохранения угольной промышленности от полного разорения.

[17] Там же. Lyon, le 7 avril.

[18] Там же. Lyon, le 10 mai.

[19] Там же. Lyon, le 8 avril 1844, 9 heures du matin.

[20] Там же. Lyon, le 10 avril.

[21] Там же. Lyon, le 10 avril. *Le ministre de la Justice au ministre de la Guerre.* Expédié le 10 avril 1844. Четыре года спустя горнорабочие Рив-де-Жье с горечью вспоминали о последней подробности: «...эти несчастные (рабочие, по которым стреляли — *E. T.*) не имели ни винтовок, ни пистолетов, ни какого-либо другого оружия для своей защиты; доказательством служит то, что и при обыске на дому никакого оружия не было найдено. Но это не помешало тому, что сержант получил крест за это дело или вернее за это гнуснейшее злодеяние, в то время как храбрец, сражавшийся с самой пылкой отвагой против неприятеля, весьма часто получает в награду упреки». (C. 956. *Tableaux 1844—1848. Observations.*)

[22] Нац. арх. BB[18] 1419—1421. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 11 avril 1844.

[23] Там же. *Le procureur du Roi au procureur général.* Rive-de-Gier, le 12 avril 1844, 7 heures du matin.

[24] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 17 avril 1844.

[25] Там же. *Du même au même.* Lyon, le 18 avril 1844. Говоря о священниках, прокурор, очевидно, имеет в виду священников-легитимистов, которые иногда пользовались обстановкой, чтобы тайком выступать против Луи-Филиппа.

[26] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Saint-Etienne, 19 avril 1844.

[27] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, 21 avril 1844.

[28] Там же. Lyon, 23 avril 1844.

[29] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, 23 avril. A la même date, dépêche télégraphique du même au même. Cf. lettre du 25 avril.

[30] Там же. *Le garde des Sceaux au procureur général de Lyon,* le 27 avril 1844.

[31] Там же. Paris, 4 mai 1844.

[32] Там же. *Le procureur au garde des Sceaux.* Nîmes, le 2 mai 1844.

[33] Там же. Lyon, le 30 avril 1844.

[34] Там же. Lyon, le 1 mai 1844, 2e rapport.

[35] Там же. *Le ministre de la Justice au procureur,* 4 mai 1844.

[36] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 4 mai 1844.

[37] Там же. Lyon, le 7 mai 1844.

[38] Там же. Paris, le 16 mai 1844.

[39] Там же. *Le sous-secrétaire d'État, Antoine Passy, à M. le garde des Sceaux.* Paris, le 16 mai 1844.

[40] Там же. *Copie de la déclaration de la compagnie.* Signé: Revol, directeur.— Cf. la lettre du procureur général. Lyon, 12 mai 1844.

[41] Там же. Lyon, le 8 mai 1844.

[42] Там же, см. например, письмо королевского прокурора в Рив-де-Жье к генеральному прокурору от 12 мая 1844 г. (обыск у содержателя кофейни в Рив-де-Жье Ропетта, в результате двух перехваченных писем).

[43] Там же. Rive-de-Gier, le 13 mai 1844.

[44] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 14 mai 1844.

[45] Там же. *Lettres du procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, 18, 19 et 21 mai 1844.

[46] Puech J. *La vie et l'œuvre de Flora Tristan.* Paris, 1925.

[47] Нац. арх. BB^{18} 1419—1421.

[48] Нац. библ. Lb^{51} 3231 (1840).

[49] Нац. библ. Lb^{51} 3172. *Conséquences de l'embastillement,* etc. Paris, 1840.

[50] Нац. библ. Ln^{27} 3312. *Calomnies et politique de M. Cabet. Réfutations par les faits et par sa biographie,* par T. Dezamy. Paris, 1842, стр. 36 (подчеркнуто в подлиннике).

[51] Нац. арх. BB^{18} 1419—1421. *Rapport sur le caractère légal des compagnies houillères.* Lyon, le 30 mai 1844.

[52] Там же. Préfecture du Rhône (au préfet de la Loire). Lyon, le 8 mai 1844.

[53] Там же. Lyon, le 12 mai 1844 (подчеркнуто нами).

[54] Там же. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 18 mai 1844.

[55] Там же. *Le ministre de la Justice au ministre de l'Intérieur.* Expédié le 26 juin 1844.

[56] Нац. арх. BB^{18} 1419—1421. *Parquet de la Cour royale.* Lyon, le 8 juin 1844.

[57] Нац. арх. BB^{18} 1419—1421. *Le procureur général au garde des Sceaux.* Lyon, le 10 juin 1844.— Там же. *Le garde des Sceaux au procureur général de Lyon.* Expédié le 11 juin 1844.

[58] Там же. Expédié le 11 juin 1844.

[59] Там же. Paris, le 29 juin 1844.

ЖЕРМИНАЛЬ И ПРЕРИАЛЬ *

Глава I

[1] Нац. библ. Le 38—1767. *Rapport sur les événements du 9 thermidor an 2.* Paris. Par Courtois E. B., député de l'Aube (Germinal an 3, Paris); № XXXIV, стр. 207 (показание Dulac'а): Le 9 thermidor après avoir assisté à la séance, témoin d'arrestation de Robespierre et de quelques uns de ses complices, je prévis que ses partisans tenteroient d'agiter les faubourgs en sa faveur. Je me rendis à celui d'Antoine, où je trouvais dans la plus parfaite ignorance tous les ouvriers; mais en revenant pour gagner la grève je rencontrais Henriot et trois de ses aides de camp qui se portoient

* Так как в подавляющем большинстве случаев в тексте моего исследования я цитирую неизданные рукописи французского Национального архива, то я считал необходимым привести цитируемые места в возможно более полном виде.

à toute bride vers le faubourg en criant, le sabre nu: Aux armes, mes frères, les coquins, les scélérats triomphent: ils viennent d'arrêter Robespierre et tous les meilleurs patriotes de la Convention. — Le peuple semblait montrer plus de crainte de l'événement que d'intérêt.

[2] Aulard A. *Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire*. Recueil de documents, vol. I. Paris, 1898, стр. 11. 13 thermidor an 2 (31 juillet 1794). Там же, стр. 14 (15 thermidor): Les ouvriers sont bien disposés à se soumettre avec confiance aux mesures qu'adoptera la Convention. Это предположение не оправдалось.

[3] Нац. арх. F⁷—4430. Commune de Paris. Le 9 thermidor an 2: Ce Barère qui appartient à toutes les factions tour à tour et qui a fait fixer des journées des ouvriers pour les faire périr de faim...

[4] Нац. арх. AF. 11—69, plaq. 508: Du 11 vendémiaire an 3. Le Comité de salut public a été informé que plusieurs citoyens se sont plaints de ce qu'il sortoit de Paris une grande quantité de pain. Ils se sont plaints de ce que l'on y faisait entrer de la viande. Chacun a cru pouvoir faire cesser les abus et l'on est tombé dans les plus grands inconvénients. On a voulu empêcher des citoyens sortant de Paris d'emporter un morceau de pain. Une rigueur si outrée ne justifie pas néanmoins que l'on ait exercé une surveillance active... Si l'on a empêché par une rigueur injuste la sortie de quelques morceaux de pain, il est évident que l'on n'a pas empêché la sortie des grands approvisionnements. La surveillance a été en défaut.

[5] Там же, F¹¹—1236—1238. *Compte moral* (sic!) *relatif à l'approvisionnement de Paris* (l'Agence des subsistances générales). Frimaire: Dès les premiers jours de ce mois on a cru devoir fixer de nouveau l'attention du Comité de salut public sur la facilité avec laquelle le pain continue à sortir de Paris pour alimenter au loin des districts où l'on éprouve de la peine à se procurer des grains. Le 3, 9 et 28 frimaire on a exposé au Comité les motifs les plus puissants pour le déterminer à prendre des mesures capables de mettre fin à un abus qui déconcerte tous les calculs faits pour assurer l'approvisionnement de Paris et le compromet essentiellement... Le relevé prouve qu'au lieu de seize cents à seize cents cinquante sacs qui auraient été plus que suffisants pour la consommation de Paris, les distributions ont été souvent portées au delà de deux mille sacs.

[6] Baron Fain. *Manuscrit de l'an trois* (1794—1795). Paris, 1828, стр. 68—69: La sûreté des transports, la liberté des communications sont compromises. Un relâchement général a succédé à une compression trop forte et la police intérieure n'a presque plus de ressort.

[7] M. de J. (Jullian). *Souvenirs de ma vie depuis 1774 jusqu'en 1814*. Paris, 1815, стр. 183—184: Des émissaires étaient repandus dans les faubourgs pour soulever les ouvriers; les circonstances étaient difficiles. Depuis le 9 thermidor, un extrême relâchement... s'était introduit dans toutes les parties du gouvernement et de l'administration: une faiblesse excessive avait pris la place d'une rigueur sans mesure. Les subsistances arrivaient difficilement; et comme le même besoin se faisait sentir partout, par l'effet de désordre, et de la cupidité impunie des entrepreneurs, il arrivait souvent que ceux des départements que les convois devaient traverser pour se rendre à Paris les détournaient pour leur propre usage.

[8] Нац. библ. Lb⁴¹—5022. *Arrêté du Comité de salut public*, du 1 fructidor an 3. Art. I: Les autorites constituées sont chargées de déterminer les quantités de grains qui devront être portées chaque jour de marché et de foire par les cultivateurs, propriétaires et fermiers, en raison de leur exploitation et des quantités de grains qu'ils ont à vendre, de manière que les marchés soient également approvisionnés pendant tout le cours de l'année.— Art. II. Les cultivateurs, fermiers et propriétaires sont tenus et ne pourront se dispenser sous aucun prétexte de porter sur les foires et marchés les quantités de grains déterminées par les autorités constituées

et d'en justifier sous peine de confiscation des dites quantités; sans néanmoins qu'ils soient assujettis à porter leurs grains dans un marché plutôt que dans un autre.

[9] Нац. арх. F[11]—427. *Rapport fait le 26 fructidor* (an 2). (Доклад комиссии торговли и продовольствования): Si l'on juge par les réclamations multipliées qui parviennent journellement à la Commission, la récolte de cette année est bien loin de répondre aux espérances qu'on en avait conçues... la faiblesse des administrations qui, se livrant d'une manière inconsidérée aux alarmes que l'égoïsme et la malveillance se plaisent à répandre, trouvent plus facile de faire des tableaux effrayants que de vérifier l'état véritable de leur situation et trompent ainsi la religion des représentants du peuple qui n'étant pas sur les lieux et croyant à la sincérité des ces tableaux appuient des demandes qui ne sont pas toujours fondées.

[10] Нац. арх. F[12]—183. 14 thermidor (an 2). *Aux Administrateurs du District de Douai.*

[11] Там же. 14 thermidor (an 2). *A l'Agent national du District de Lamballe.*

[12] Там же. 6 fructidor. *Au Juge de paix du Canton de Tessy.*

[13] Там же. 28 fructidor. *Aux Agents nationaux des Districts de Vervins, Laon, Chauny, Château-Thierry, Soissons.*

[14] Там же. 4 vendémiaire. *Aux Agents nationaux des Districts de Moulins et de Gex.*

[15] Там же. 28 vendémiaire (an 3). *A l'Agent national du District de Pont-de-Vaux:* Comment arrive-t-il que ces loix ne soient pas exécutées dans ton district? Ne faut-il pas en rapporter la cause à la négligence, à l'insouciance et à la faiblesse des fonctionnaires publics, chargés de les faire exécuter? La Commission t'invite à leur rappeler à tous leurs devoirs et à mettre sous leurs yeux l'art. 4 de la section 5 de la loi du 14 frimaire. Ils y liront les peines auxquelles s'exposent les membres des corps judiciaires, administratifs, municipaux et révolutionnaires qui se rendent coupables de négligence dans la surveillance et l'application des loix.

[16] *Recueil des actes du Comité de salut public,* publ. par A u l a r d A., t. XV. Paris, 1903, p. 55—56.

[17] Нац. арх. F[12]—183. 12 brumaire. *Aux Administrateurs du District de Bar-sur-Ornain:* Il résulte de ces observations, citoyens, qu'avec de bonnes intentions, sans doute, vous auriez vous mêmes donné l'exemple d'une infraction et vous devez sentir combien les conséquences en pourraient être dangereuses.

[18] Там же: ...vous avez pensé que les dispositions du dit arrêté ne doivent point s'appliquer aux tisserands ou tissiers qui font des toiles pour leur compte ou pour celui des particuliers.

[19] Там же. 12 brumaire. *A l'Agent national du District de Bar-sur-Ornain:* Quant à l'observation que tu nous fais qu'il n'existe point dans l'étendue de ton District de manufactures de toiles et qu'il ne s'en fabrique que par des tissiers qui emploient le fil que les particuliers leur remettent...

[20] Там же. 28 brumaire.

[21] Там же. 16 vendémiaire. *A l'Agent national du District de Gournay.*

[22] Нац. арх. F* 12—184. Registre de la correspondance du bureau de maximum. 19 frimaire. *A l'Agent national près le district de Pont de Vaux*: La position désagréable où tu te trouves ne sera pas vraisemblablement de longue durée etc.

[23] Нац. арх. F*[12]—183. 12 frimaire. Au cit. Agent national du District d'Alençon.

[24] Там же. 26 frimaire: Il n'y a que les honnêtes gens qui souffrirent de la loi du Maximum, parce qu'ils s'y conforment, tandis que les fripons la violent ouvertement.

[25] Там же.

[26] Там же. 26 frimaire. *A l'Agent national de Montmédy.*

[27] Нац. библ. Lb^{41}—4833. *Edit de Charrette* (sic!) *en faveur des agioteurs, accapareurs, avaleurs, escroqueurs et exterminateurs de la fortune publique.* A Cholet, de l'imprimerie royale: ...et que si elle a supprimé le maximum ce n'a été que parce qu'elle avait tout acheté au taux de la loi et qu'elle a tout voulu revendre au centuple et au multiple.

[28] Нац. библ. Le^{38}—1323. *Rapport sur les opérations du Comité de salut public relativement aux subsistances et à l'approvisionnement de Paris, présenté au nom du Comité de salut public par Boissy d'Anglas,* le 12 germinal, an 3: Or, le maximum ne peut se concilier avec les achats libres, surtout quand on redoute la disette... Il restait donc celui des réquisitions; moyen forcé, moyen violent, moyen oppressif... moyen excellent sans doute quand le despotisme peut user de toutes ses forces, la terreur de toutes ses ressources; moyen enfin en usage chez tous les pachas d'Egypte et de Levant à qui l'ancien comité en a dérobé l'application; mais moyen qui ne peut aller que difficilement avec un gouvernement sage et doux et qui enfin se trouvait paralysé d'avance par la seule révolution du 9 thermidor, par la seule révocation de l'ancien Comité de salut public... C'est pourtant avec lui et avec lui seul que nous avons marche... Dans les premiers moments sans doute même après le 9 thermidor quand Lindet était encore au comité, d'où il n'est sorti que deux mois après la récolte, il était possible de réaliser les réquisitions...

[29] *Moniteur*, primidi 21 floréal an 3 (dimanche 10 mai 1795): Fouquier répondait quelquefois par les plus horribles prédictions. Sa figure était pâle et livide, tous ses muscles contractés, ses yeux égarés et animés par la colère.

[30] Нац. арх. F^7. 3688—4. Paris, le 22 brumaire an 3: Un citoyen a crié à plusieurs fois qu'il fallait écraser un million d'hommes; sur la demande qui lui a été faite ce qu'il entendait dire par écraser un million d'hommes, a dit encore à plusieurs reprises qu'il fallait écraser un million de marchands qui affament et écrasent les 25 millions d'hommes. (Бумага об аресте этого человека, некоего Армонвиля.)

[31] Lacretelle. *Dix années d'épreuves pendant la Révolution.* Paris, 1842, стр. 284, 285: C'était l'âge d'or des fournisseurs... Tel modeste coiffeur en sortait possesseur de quelques millions; tel millionaire y perdait en quelques heures le fruit de dix ans de rapines...

[32] Нац. арх. AD. III—75. *Mémoire sur le commerce,* p. 12.

[33] *Mémoires et correspondances de Mallet du Pan,* t. II. Paris, 1851, p. 148: Les campagnes profitent de cette detresse vendant toutes les denrées à des prix excessifs et sont assez contentes de ce régime.

[34] Там же, стр. 154: Les paysans aisés sont devenus calculateurs agioteurs.

[35] Нац. арх. AD. IX—75. *Mémoire sur le commerce,* стр. 5: Nos richesses territoriales seroient-elles donc taries dans leurs sources? Non, elles sont dans les salons, dans les boudoirs de royalistes, dans les cabinets obscurs et impénétrables des banquiers, des capitalistes.

[36] Там же. *Conseil des anciens. Opinion de Lecoulteux-Canteleu.* Séance du 12 frimaire an 4 (стр. 5, 8). Замечу, что в официальном издании доклада Жоанно мы находим для жерминаля (точнее, по 30 вантоза) более точную цифру (la circulation réelle): 7 564, 941 849 ливров. Ср. Нац. библ. 38/346.25 germinal an 3. *Rapport* etc. par Johannot.

[37] Нац. арх. F^{11}—290. Extrait du registre du Comité de salut public. Paris le 15 prairial an 3. Art. I. Les citoyens Fontenoy et fils, Levasseur aîné, négociants à Rouen, sont autorisés à acheter dans l'étranger pour le compte de la République la quantité de cent mille quintaux de grain lesquels devront avoir destination pour les magasins militaires à Rouen... Art. 3. Pour mettre ces négociants à même de donner à cette opération toute l'at-

titude et célérité la trésorerie tiendra à leur disposition une somme de dix millions, dont ils deviendront comptables et au moyen de laquelle ils seront tenus de remplir le dit achât sans délai.

[38] Нац. библ. Lb[41]—1809. *Entretien entre un représentant du peuple et un négociant propriétaire.* A Paris, l'an troisième: C'est ainsi qu'au milieu d'une énorme quantité de marchandises, on éprouve une cherté qui équivaut à la disette: c'est ainsi que les ventes des denrées qui n'avaient lieu à Paris que par les achâts directs des consommateurs, ne sont faites aujourd'hui qu'à des spéculateurs qui achètent et revendent sans examiner, sans déplacer.

[39] Там же, стр. 6: Si Paris avoit pris son rang parmi les grandes villes de commerce de l'Europe, on n'y seroit pas le jouet de l'ignorance, des vaines terreurs, et le gouvernement ne seroit pas forcé si souvent d'y souscrire des marchés extravagants et ruineux.

[40] Thibaudeau A. *Mémoires sur la Convention et le Directoire,* vol. I. Paris, 1824, стр. 128—129: On donna des dîners, des bals, des concerts. La richesse n'étant plus un crime, le luxe reparut peu à peu, non plus avec sa profusion monarchique, mais assez pour procurer les commodités et les jouissances de la vie... La représentation était alors un goût et non un devoir. Elle appartenait à ceux qui avaient les moyens d'en faire les frais, comme les banquiers, fournisseurs et gens d'affaires. Des familles nobles, qui n'avaient point émigré avaient aussi leurs salons ouverts à côté de ceux de ces personnages nouveaux.

[41] *Mémoires de G. J. Ouvrard sur sa vie et ses diverses opérations financières,* vol. I. Paris, 1826, стр. 23.

[42] Levy A. *Un grand profiteur de guerre.* Paris, 1929, стр. 107—108.

[43] Нац. арх. F[11]—290, pl. 2. Paris, le 11 floréal an 3 (extrait du registre des arrêtés du Comité de salut public): Art. I. Le district de Melun est autorisé à prendre cent quintaux de riz sur le premier arrivage qui aura lieu au Havre. (Considérant que le district de Melun a rempli toutes ses réquisitions en grains et légumes pour Paris et qu'il est actuellement réduit à la plus grande pénurie de subsistances.)

[44] Нац. арх. F[11]—1236—1238. *Compte moral* etc.: Cet excédent sur lequel on semblait devoir compter à l'époque du 1 messidor où toutes les réquisitions auraient cessé, présentait des ressources pour plus de quatre mois. En sorte que, par cette mesure, l'approvisionnement de Paris semblait assuré jusqu'après la première décade du mois brumaire de l'an 4. Mais la sortie du pain hors des barrières de Paris n'ayant plus rencontré d'obstacles depuis le 9 thermidor, époque ou les arrêtés de la Commune conspiratrice tombèrent en désuétude et même dans l'avilissement, la consommation a considérablement et progressivement augmenté et a dérangé tous les calculs faits pour assurer l'approvisionnement de Paris. La Commission redoutant les suites que pourrait entraîner la libre sortie du pain, avait fait part dès le mois fructidor de ses craintes au Comité et avait sollicité des mesures représsives pour empêcher cette sortie et pour maintenir d'ailleurs divers arrêtés de la Commune de Paris relatifs aux subsistances.

[45] Там же. *Compte moral* etc. (an 3): ...on rappelle au Comité la pénible situation ou s'est vue la commission froissée entre la nécessité de voir l'approvisionnement de Paris compromis par l'inexécution des réquisitions ou de voir les terres incultes et abandonnées, si les réquisitions eussent été à cette époque et antérieurement exécutées avec rigueur. On finit par proposer diverses mesures pour hâter la rentrée des grains et farines et on demande surtout qu'il soit pris une prompte détermination relativement au maximum.

[43] Там же: L'arrêté du Comité de salut public du 12 vendémiaire est survenu. La cupidité s'en est servie pour faire sortir du pain non seulement

à l'usage des communes environnantes, mais pour le transporter au loin et en faire une branche de commerce très lucrative. Cette consommation surabondante dérangea nécessairement toutes les espérances qu'on devait avoir pour assurer l'approvisionnement de Paris...

[47] *Arrêtés* etc... vol. XVII, стр. 197: Comité de salut public. Séance du 12 vendémiaire an 3 (3 octobre 1794). Le Comité de salut public, informé que plusieurs citoyens, sortant de Paris pour vaquer à leurs affaires ou pour se rendre à leur domicile ont été arrêtés aux barrières, pour avoir été trouvés saisis d'un pain ou d'un morceau de pain qu'ils emportaient pour leur subsistance journalière; qu'une surveillance exercée avec tant de rigueur peut être plus nuisible qu'utile, qu'elle contrarie les citoyens sans nécessité arrête que le Comité militaire est invité de changer toute consigne qui aurait pour objet de faire arrêter et saisir le pain que les citoyens emportent de Paris pour leur subsistance journalière, d'avertir que l'on ne doit empêcher que la sortie des approvisionnements en pain qui, par leur quantité, méritent de fixer l'attention et doivent être un objet de surveillance. (Подписано: R. Lindet.)

[48] Нац. арх. F^{11}. 1236—1238. *Compte moral* etc.: Les vives inquiétudes qu'inspirait cette lenteur capable de compromettre l'approvisionnement de Paris etc., etc... Les 9 et 10 on a fait de nouvelles instances à la commission des transports pour prendre les moyens les plus expéditifs, pour faire arriver tous ces bleds depuis Ostende jusqu'au Havre etc... Le 12 on lui a envoyé un nouveau tableau des grains à transporter des ports de la Manche à Paris... Le 14, dans une nouvelle conférence avec cette commission il a été convenu qu'elle doublerait, triplerait les moyens de transports des ports etc., etc... (Подобные же шаги предпринимались и дальше, без конца и без результатов.)

[49] Там же (frimaire): Cette commission avait annoncé et même affirmé au Comité de salut public que pendant les mois vendémiaire et brumaire il était arrivé à Amiens 61000 q. de grains et qu'il n'en était cependant sorti pendant la même intervalle pour les moulins de Creil, Senlis et Beaumont à la destination de Paris que 7000 q.

[50] Н. D. AD. XVIII—248. *Discours prononcé par Lindet, député à la Convention Nationale*, 113: ...avant le 12 germinal nous avions rempli tous les magasins de Paris.

[51] Нац. библ. Lb^{12}—34. *Tableau de l'Europe en novembre 1795.* A Londres, s. a., стр. 56: ...Ce qu'on donne pour preuve qu'un manque absolu de richesses métalliques en France n'est qu'un manque d'habileté à les faire sortir de leurs retraites. Там же, стр. 57: Quelle chimère d'imaginer qu'on doive mourir de faim dans le pays le plus fertile et le plus agricole d'Europe, dans un pays, qui, année commune, produit plus qu'il ne consomme... И раньше (стр. 56): ...de ce que Paris n'est approvisionné, de ce qu'il y a en France des disettes locales, on en conclut qu'il ne s'y trouve plus assez de denrées pour nourrir ses habitants...

[52] Нац. арх. F^7—3022, бумаги 2e Bureau.

[53] Там же. 17 pluviôse, an 3: Les subsistances sont toujours, comme nous l'avons annoncé tant de fois, abondantes, mais d'une cherté qui augmente si énormément, qu'il est à craindre, si cette augmentation continue, que les citoyens peu fortunés ne puissent trouver le moyen de vivre et qu'il n'en résulte un mécontentement général etc. etc.

[54] Там же. 28 ventôse an 3.

[55] Нац. арх. F^7. 3688—4. Comité du 8 arrondissement, le 27 nivôse, an 3. *Situation politique:* La disette factice que les malveillants se plaisent à grossir occasionne en ce moment la plus grande fermentation dans les esprits faibles qui se croient d'autant plus fondés à s'effrayer que la rigueur de la saison et la rareté de plusieurs articles de première consommation paraît les autoriser à se plaindre. Les suites de cette fermentation se présentent de la

manière la plus effrayante, on se livre aux plus grands excès vis-a-vis des boulangers.

[56] Нац. арх. F[11]—427. *Tableau du travail de la décade du 15 au 25 nivôse:* Des plaintes se sont élevées de toutes parts contre la malveillance des fermiers et des cultivateurs qui refusent de vendre des bestiaux nécessaires à la consommation journalière de la République... La commission... veille sur les communes qui négligent la culture des terres, dénonce leur affreux délit aux administrations supérieures, est inexorable pour l'exécution de la loi qui ordonne le versement des grains en nature.

Там же, décade du 25 nivôse au 5 pluviôse, armées: Un fermier mal intentionné—et il n'est pas le seul... emploie ses grains pour l'usage de la volaille.

[57] *Actes*, vol. XXI. Paris, 1911, стр. 606. Au Greuzot, 17 germinal an 3 (6 avril 1795): Je vais vous entretenir principalement des abus que l'on fait de la loi du 4 ventôse (конечно, это описка, как и указывает цит. изд.; речь идет о декрете 4 нивоза, отменяющем максимум). Partout l'égoïsme et la cupidité l'emportent sur la chose publique. Les gens de la campagne notamment, abusent de la liberté du commerce à un tel point que, si cela continue, les habitants des villes seront bientôt réduits à la plus affreuse famine. Déjà partout on murmure sourdement, et on menace d'aller dans les campagnes chercher de vive force les aliments de première nécessité, qu'on ne peut obtenir aujourd'hui qu'avec peine, et même en payant six fois sa valeur.

[58] Там же.

[59] Нац. арх. F[11] — 1236—1238. *Compte moral* etc.: Cet été de pénurie a été entretenu: 1. Par les difficultés de faire marcher en même temps les travaux de la moisson et le battage des grains, les bras des cultivateurs et des moissonneurs ne suffisant pas pour se livrer simultanément à ces deux genres de travaux. 2. Par le défaut de moyens de transports, les bestiaux ne pouvant transporter en même temps dans les fermes les grains récoltés dans les magasins, les entrepôts, les moulins, les grains battus. 3. Par l'abus qu'ont fait les cultivateurs de la loi du 26 fructidor. Sous prétexte d'acheter ou de vendre des grains de gré à gré pour les semences, ils les vendoient ou achetoient avec un profit lequel les dédommageait des pertes que leur occasionnait la loi du maximum. 4. Par l'interprétation de l'arrêté du Comité de salut public du 12 vendémiaire qui autorisait les possesseurs de grains à ne pas fournir aux réquisitions lorsqu'ils n'avaient que ce qui était nécessaire posséder au delà de leur consommation et de ce qui était nécessaire pour leur consommation et leurs semences. La latitude donnée à cet arrêté était telle qu'à peine trouvait-on des propriétaires qui reconnussent posséder au déla de leur consommation et de ce qui était nécessaire pour leurs semences. 5. Par les discussions qui se sont élevées dans la convention nationale depuis le 9 thermidor, relativement aux lois sur le maximum... Aussi plus l'on s'est éloigné de l'époque de la récolte, plus l'arriéré sur la rentrée des contingents est devenu considérable. 6. Par l'insouciance pour ne rien dire de plus de quelques administrations de district et par la faiblesse de quelques autres. 7. Par la libre sortie du pain hors de la barrière. 8. Par les difficultés de toute espèce que présentait le système des réquisitions. Mais comme le patriotisme des français n'était pas son seul appui et que le terreur avait nécessairement coopéré à l'execution des réquisitions,— du moment où la terreur a été proscrite, les approvisionnements par voie de réquisitions ont eu à surmonter des obstacles sans nombre.— ...La liberté de commerce ramenera sans doute l'abondance dans cette grande commune, ainsi que dans toute l'étendue du territoire français. Si à la liberté du commerce dans l'intérieur se réunit la liberté du commerce au dehors quel puissant motif de sécurité pour cet important approvisionnement...

[60] Там же. Frimaire: Les discussions longtemps prolongées sur les lois

du maximum ont encore arrêté la rentrée des contingents. Des cultivateurs ne livraient leurs grains qu'avec une répugnance extrême au prix du maximum, lorsqu'ils ne pouvaient se dissimuler qu'à une époque rapprochée ils en recevroient un prix plus considérable.

[61] Нац. арх. F^{11}—427. *Tableau du travail de la décade du 15 au 27 nivôse. Armées:* La Commission... veut connaître la nature de leur chargement, le nom des navires et blâme énergiquement la négligence de ceux qui, jusqu'à ce jour, n'ont pas répondu à cette demande... demande l'état exact des magasins où sont versés les produits des domaines nationaux de leurs arrondissements respectifs, demande à connaître les noms, les talents, le civisme des gardes-magasins.

[62] Там же. *Tableau du travail de la décade du 25 nivôse au 5 pluviôse:* ...On puise à Nayon pour le service militaire, dans les magasins destinés à l'approvisionnement de Paris.

Там же. *Tableau du travail du 5 au 30 pluviôse:* Pour assurer leurs subsistances, des communes voudroient conserver dans leurs greniers les blés provenants des biens des émigrés: la Commission blâme ce genre de précautions et rappelle à (la) loi.

[63] *Actes*, vol. XXI, p. 456, Séance du 13 germinal (2 avril 1795).

[64] Там же, т. XXI, стр. 464. *Le représentant dans la Somme au Comité de salut public,* Amiens, 13 germinal (2 avril 1795): ...ma présence d'ailleurs y serait inutile... car je sais qu'il y a des ordres et des commissaires de la part du Comité de salut public... pour presser l'enlèvement des grains au fur et à mesure qu'il en est de prêts et leur conduite à Paris; je ne pourrai donc en faire prendre pour Amiens qu'en me battant contre ces autorités plus fortes que la mienne...

[65] Там же, стр. 487. Amiens, 14 germinal an 3, à midi (3 avril 1795).

[66] Там же, стр. 563. Amiens, 16 germinal (5 avril 1795).

[67] Там же, стр. 571. Rouen, 16 germinal an 3 (5 avril 1795): ...de tous côtés l'on n'entendait que ces cris: Du pain et un roi! Vive Louis XVII! A bas la Convention! Avec un roi la paix se fera! et l'on aura du pain! Les anglais prennent toutes nos subsistances, plus de guerre si on avait un roi, etc.

[68] Ср., например, Нац. библ. Lb^{41}—1819 (Eusèbe Salverte). *Les premiers jours de prairial.* (A Paris an 3), стр. 60—61: Il est à propos que nos frères des départements sachent comment se forment les rassemblements de ce genre. Six coquines salariées, autant de femmes enivrées préalablement pour cette expédition, douze ou quinze autres que les premières ont trompées par des bruits mensongers et exaltées par des plaintes insidieuses, appuyent de concert le projet mis en avant par un motionnaire soudoyé. Aussitôt elles forcent toutes les femmes qui sont avec elles à la queue et toutes celles qu'elles rencontrent de grossir leur troupe...

[69] Нац. библ. Lb^{41}—1719. *Journées des 12 et 13 germinal,* стр. 43: L'usage des queues est devenu une fureur. On s'y met aux portes des apothicaires, des églises et de pâtisseries, que dis-je? A la porte d'un magasin de tabac, magasin inépuisable et qui à certaines heures ne voit pas un seul de ces chalands si empressés en d'autres moments. Il seroit bien nécessaire de réprimer cet usage immoral qui fait perdre un temps précieux pour le travail, entretiens l'oisiveté, ruine les mœurs et la santé et fournit aux séditieux une occasion si commode de répandre leurs principes dévastateurs.

[70] *Actes*, vol XXI, стр. 357. Séance du 8 germinal an 3 (28 mars 1795).

[71] Там же, стр. 433. Séance du 12 germinal an 3 (1 avril 1795).

[72] *Recueil,* vol. I, стр. 581. 29 ventôse an 3 (19 mars 1795).

[73] Нац. библ. Le^{38}—1949. *Rapport sur l'état actuel des subsistances de Paris, relatif à la distribution du pain... par Boissy d'Anglas,* le 10 ven-

tôse, l'an 3: Depuis quelques jours les habitants de Paris semblent livrés à une agitation dangereuse; des rassemblements se font à la porte des boulangers; on proclame partout la disette... Il n'y a pas longtemps que des lettres venues de Suisse et écrites à des émigrés annonçaient que Paris nageait dans le sang et que le manque des subsistances en était la cause; il n'y a pas longtemps que les papiers anglais annonçaient un soulèvement à Paris, occasionné par la disette. Ils avaient préparé tous leurs ressorts, les ennemis qui nous font la guerre... Mais toutes les espérances des ennemis de la liberté seront trompées.

[74] Нац. арх. AD. I—III. *Motion d'ordre, sept germinal an troisième:* La famine après avoir parcouru tous les départements s'avançait à son tour sur Paris qui depuis si longtemps était alimenté par eux. Voilà... les fruits des horribles violences exercées depuis deux années contre les propriétés, contre le commerce, contre les cultivateurs eux-mêmes, voilà les suites funestes des dévastations, des pillages, des assassinats, autorisés ou plutôt commandés par la loi du maximum, par le droit de réquisition. La prudence ou la nécessité viennent de déterminer la Convention à fixer

[75] Нац. библ. Lb^{41}—1689. *Avis au peuple sur les subsistances* (аноним): la portion de pain à délivrer chaque jour à chaque citoyen.. Il est bien certain que les terroristes ne manqueront pas de profiter de ces dispositions pour occasionner, s'il est possible, un mouvement favorable à leur parti... Il est vrai que les queues qui se forment aux portes des boulangers ne sont pas raisonnables, qu'elles occasionnent du désordre dans la distribution du pain... Ce que je dis ici s'adresse à tous mes concitoyens, aux riches comme aux pauvres, à l'ouvrier comme au marchand; ils sont tous peuple, ils forment tous le peuple et il faut répéter souvent cette vérité si simple, afin de détruire l'influence de tous ces charlatans populaires qui n'appellent peuple que la portion des citoyens pauvres et peu éclairés qu'ils peuvent plus facilement tromper. Ces charlatans viennent de répandre deux écrits dangereux dans les faubourgs St. Antoine et Marceau, dans l'espoir de soulever ceux qui les habitent. Hommes pauvres, estimables ouvriers, ne sentez-vous pas combien est injurieuse pour vous l'affectation que l'on met à vous louer exclusivement, à faire résider en vous exclusivement la puissance... à quoi veut on vous exciter pour amener soi disant l'abondance? Piller les marchands...

[76] Там же: Ces marchands, ces rentiers, ces propriétaires qu'on vous représente comme vos ennemis, les croyez-vous donc bien plus heureux que vous? Ces marchands qu'on vous dépeint comme très riches, sont souvent chargés de famille, ils gagnent à peine leur subsistance; ils peuvent à peine payer leurs loyers. Ces propriétaires paient à l'Etat, à la Nation, le tiers de leurs revenus en impositions. Ces rentiers éprouvent une diminution du cinquième sur leurs rentes; et tel d'entre eux qui passe pour riche n'a pas à dépenser par jour le prix d'une de vos journées. Défiez vous de tous ceux qui vous parlent le langage que vous ont parlé les terroristes et les jacobins et croyez que ceux qui ne flattent pas le riche aux dépens du pauvre, ni le pauvre aux dépens du pauvre, ni le pauvre aux dépens du riche sont seuls de bons citoyens.

[77] Нац. арх. F^7—3022. *Rapport. Le président de la section du Nord en réponse à une circulaire adressée le 18 messidor par le Comité de sûreté générale aux 48 sections:* La difficulté qu'il faut vaincre aujourd'hui pour empêcher les boulangers et leurs surveillants de tromper le peuple... ces démarches ont eu pour objet de lui soumettre un mode de distribution du pain qui détruisait les queues aux portes des boulangers, restituait aux individus 3 à 4 heures qu'ils employent journellement à atteindre leur ration, faisait conséquemment cesser les clabaudages de femmes indisposées tant par la longue attente, que par la faiblesse des distributions d'alors et empêchait ainsi l'esprit public de s'altérer.

[78] Там же: ...il y a reconnu une source d'abus tant dans l'ordonnance des distributions de pain et de riz que dans la perception du prix de ces subsistances et dans la mauvaise fabrication du pain qui trop chargé d'eau afin d'en augmenter le poids pèche dans sa base essentielle de nutrition. L'ignorance extrême des commissaires aux distributions rend leurs fonctions inutiles et même nuisibles. Ils favorisent la fraude par le défaut de connaissances des lois et d'intelligence de la partie qu'ils surveillent.. Il soupçonne encore des causes secrètes d'intelligence entre ces mêmes commissaires et les boulangers.

[79] Нац. арх. С. 338. 13 germinal: Vous voyez en ce moment une députation de citoyens et citoyennes de la section de la fraternité... Ce sont principalement des mères de famille qui s'occupent plus particulièrement de leurs enfants que d'elles-mêmes... Elles voient avec douleur qu'il y ait une grande inégalité dans la répartition des farines. Dans quelques endroits on obtient une demi-livre, dans d'autres, jusqu'à une livre de pain, tandis que dans celle-ci elles ne peuvent en obtenir qu'un quarteron... Le besoin de bois et de charbon rend presque nul le supplement en riz... Qu'une égale répartition allège le mal...

[80] *Actes,* vol. XXI, стр. 468—471. *Le représantant dans la Mayenne... au Comite de salut public.* Laval, 13 germinal an 3 (12 avril 1795). Nos braves frères d'armes sont dans un état réel de souffrance et de misère dans cette division... Indépendamment de l'insuffisance dans la nourriture, le soldat est dans un état de délabrement dans ses habits qui avoisine la nudité. Ce qui est plus intolérable encore, s'est d'être sans souliers... La misère, mes chers collègues, est souvent une mauvaise conseillère... Le gouvernement veut-il avoir de bons soldats, des soldats forts, vigoureux, pleins d'énergie et de républicanisme? Il faut qu'il les nourrisse et les mette au dessus des premiers besoins... les chouans continueront leurs tentatives de séduction et d'attaque.

[81] Там же: Il est impossible d'avoir des soldats si on les traite comme anachorètes...

[82] *Recueil,* vol. I, стр. 622. Заседание 11 жерминаля, речь Pinet: ...pourquoi les hommes qui doivent avoir une livre et demie de pain n'en reçoivent-ils qu'une demi-livre?

[83] Там же. *Vedette* от 11 жерминаля: Les queues aux portes des boulangers sont toujours effrayantes; l'on ne donne guère qu'une demi-livre de pain à chaque personne; on remplace le déficit par du riz. Les faubourgs sont un peu mieux traités que l'intérieur de la ville: chaque ouvrier y reçoit sa livre et demie de pain.— Я не нашел этого номера газеты и цитирую его по перепечатке в Оларовском сборнике. Подтверждений факту, сообщаемому *Vedette,* я в других источниках не нашел (по крайней мере для этих первых 11 дней жерминаля).

[84] Нац. арх. W. 547. Bourbotte. *Défense* (sic!) *de Bourbotte, représentant du peuple, député pour le departement de l'Yonne.*

[85] *Recueil,* vol. I, стр. 598. 4 germinal an 3 (24 mars 1795).

[86] Нац. библ. Le[38]—1303. *Rapport fait... par Sieyès.* Le premier germinal l'an 3: Il vaut mieux prévenir le crime que d'avoir à le réparer. C'est à atteindre le but que se montrent le talent et la sagesse de législateur. Ici l'expérience a été très utile. On se souvient comment ont commencé les agitations qui nous ont conduit au fatal 2 juin... Quelques différents, quelques contraires même que paroissent être leurs intérêts vos ennemis les confondent tous dans un seul, celui de la haine également ardente qu'ils vous portent; factieux, royalistes, tous déjà se rallient et semblent s'apprêter à marcher sous la bannière commune de la révolte et du crime.

[87] Нац. арх. F[7]—308 (registre), № 338. Du 9 germinal. Vu les rapports faits à la commission administrative de Police, desquels il résulte que

le cit. Cambrai, employé à l'atelier de filature, de la rue St. Jacques, est prévenu d'être un terroriste et un partisan du système de Robespierre le Comité de sûreté générale arrête qu'il sera déposé dans une maison de détention...

[88] *Recueil*, vol. I, стр. 598. 4 germinal an 3 (24 mars 1795): ...un citoyen... s'est jeté à l'eau près des bains... ayant été retiré à l'instant, il fut conduit au corps de garde, ou interrogé sur la cause de son désespoir, il répondit qu'il n'avait ni pain, ni viande à manger. Les citoyens se plaignent de ne pouvoir se procurer du bois; toutes les marchandises continuent d'augmenter; il n'y a plus de bornes à l'agiotage... plusieurs boulangers... n'ont délivré à chaque citoyen qu'une demi-livre à trois quarterons de pain, faute de farine; malgré cette diminution, ils n'ont pu satisfaire toutes leurs pratiques. Violents murmures à ce sujet...

Там же, 5 germinal: ...les murmures se font entendre, de ce que le gouvernement ne prend pas des mesures afin de reprimer la cupidité des marchands... (стр. 601): ...une nouvelle affiche incendiaire vient d'être placardée... plusieurs (boulangers) n'ont donné qu'une demi-livre de pain par bouche, et, malgré cette diminution, beaucoup de personnes n'ont point été servies... Le mécontentement causé par la disette de pain est général... ce qui occasionne des queues dès minuit, ainsi que des violents murmures contre les autorités constituées.

[89] Нац. библ. Le[38]—1316. *Rapport fait au nom du Comité de sûreté générale par C. Alex. Ysabeau,* le 8 germinal l'an troisième: Vous n'ignorez pas que le tumulte a pris naissance dans la section de Gravilliers... Quelques femmes... prévenues dès la veille se sont présentées à la porte des boulangers, ont refusé la distribution de pain qui leur était faite sous prétexte de son insuffisance et se sont ensuite répandues avec fureur dans les divers quartiers de cette commune entraînant par force avec elles les femmes qu'elles rencontraient et jetant des cris de discorde et de fureur. Tel était leur rôle, elles l'ont rempli sinon avec succès, au-moins avec une sorte de fidélité.

[90] *Recueil*, vol. I, стр. 611. 8 germinal an 3 (28 mars 1795).

[91] Нац. арх. F[7]*—2510. *Registre des Assemblées générales de la section des Invalides.* Séance du dix germinal l'an 3. Un membre a fait part de ses réflexions sur les attroupements. Il a démontré l'inutilité qu'il y avait de se rassembler dès neuf et dix heures du soir aux portes des boulangers, puisqu'on ne délivrait le pain que dès le lendemain à 8 et 9 heures, quelquefois même plus tard... les citoyens étaient assurés de recevoir leur contingent; que si le malheur arrivait que quelques uns des citoyens ne pussent obtenir la portion de pain qui leur revient, ils donneraient au commissaire de service leurs noms pour être les premiers appelés à la distribution du lendemain. Il a proposé d'arrêter que tous les citoyens ou citoyennes qui seraient trouvés aux portes des boulangers, bouchers, charcutiers et autres marchands avant cinq heures du matin, seraient traduits au comité de la section, afin d'y être interrogés sur les motifs etc..

[92] Нац. библ. Le[38]—303. *Rapport fait à la Convention Nationale le premier germinal l'an 3 au nom des Comités de salut public, de sûreté générale et de la législation, par Sieyès:* Si une telle mesure de précaution avait été prise avant le 31 mai, nous n'aurions peut-être pas à déplorer une des époques les plus cruelles et les plus désastreuses de l'histoire du monde.

Глава II

[1] *Mémoires de R. Levasseur de la Sarthe,* vol. IV. Paris, 1831, стр. 7—8. D'abord placée dans les mains des hommes de thermidor, elle (la réaction) fut dirigée par eux contre quelques ennemis personnels; mais le caractère

du gouvernement resta évidemment républicain. Bientôt le char de l'État fut dirigé par l'alliance semi-girondine, semi-thermidorienne, et alors le passé fut renié, on fit le procès à l'ère dite de la terreur, c'est-à-dire à l'ère de la grande résistance nationale. Plus tard, enfin tombée entre les mains des partisans déguisés de l'ancien régime, la réaction se teignit du sang des patriotes: la destruction de la république en devint le but, l'assassinat en fut le moyen...

[2] Tout est coupable ici, tout, jusqu'à la sonnette du président!

[3] См., например, *Mémoires et notes de Choudieu,* publiés par V. Barucand. Paris, 1897, стр. 291—292: Je demandais un jour à Aubry... comment il se faisait que des hommes comme lui, que j'estimais malgré la différence d'opinions qui nous divisait, n'eussent pas de honte de s'allier à des hommes tels que Tallien, Fréron et Bourdon de l'Oise.— Ce sont, me répondit-il, de vils instruments dont nous sommes forcés de nous servir momentanément, mais que nous briserons quand nous n'en aurons plus besoin.

[4] Baudot M. A. *Notes historiques sur la Convention Nationale.* Paris, 1893, стр. 15: En immolant les patriotes, il (le Directoire) se trouvait en présence des royalistes, ce qui lui avait fait imaginer son ridicule système de bascule; mais en frappant la virilité de toutes parts, il ne lui restait plus que des eunuques, et il faut de la force pour fonder des républiques.

[5] Там же, стр. 53—54: Une épouvantable révision de la conduite politique, militaire et administrative des représentants du peuple que la Convention avait envoyés soit aux armées soit dans les départements, fut décrétée, et la précipitation d'une aveugle vengeance les confondit et les exposa aux mêmes dangers. Sur quels titres faisait-on les rapports? Sur la dénonciation des royalistes et des ennemis de la République!.. Certes, jamais mission n'avait été plus déprédatrice, plus meurtrière, plus sanglante que celle de Barras et de Fréron à Marseille et à Toulon. Barras et Fréron étaient parmi les chefs de la réaction, on se garda bien de les attaquer. Tallien et un autre député que je ne veux pas nommer avaient institué la Commission révolutionnaire de Bordeaux; ils avaient autorisé et fait exécuter une foule de spoliations et de meurtres. Aucun des accusés n'avait été si loin mais Tallien s'était donné le sceptre de Thermidor; l'autre était membre du Comité de la sûreté générale. Non seulement ils étaient inviolables pour leurs personnes, mais, dans leur puissance réactionnaire, ils pouvaient envoyer à la mort sans réclamation...

[6] Нац. арх. AD. XVIII—C. 248. *Discours prononcé par Lindet, député à la Convention Nationale,* 116: Allez-vous desavouer aujourd'hui toutes les lois que vous avez portées, toutes les mesures que vous avez commandées? Allez-vous dire à toute la France que vous étiez frappés de terreur, que vous étiez asservi par Robespierre ou par un comité? Quel nom voudriez-vous que la France vous donnât? Elle se demanderait si tout le courage des Français s'était porté sur les frontières, s'il n'était resté qu'asservissement et terreur dans le sein de la convention... Si ce jugement vous dégrade, vous avilit, vous présente comme des esclaves qui viennent de briser leurs fers, elle vous retirera le droit de la gouverner.

[7] ...la guillotine et de fortes amendes vont opérer le scrutin épuratoire du commerce et exterminer les agioteurs et les accapareurs...

[8] *Moniteur,* tridi 23 brumaire (четверг, 13 ноября 1794 г.), suite de la séance du 20 brumaire: Si je voulais me traîner dans des libelles comme tant d'autres écrivains, je dirais que tout cela a été combiné dans les boudoirs de madame Cabarus, dont le père a établi la banque de Saint-Charles et voudrait régir nos finances, et qui fait attaquer les meilleurs patriotes par Tallien...

[9] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 49. Les thermidoriens tenant maison ouverte et fréquentant ce qu'il y avait à Paris de grandes fortunes de l'ancien régime, devinrent bientôt hommes du monde. Il n'y avait point loin de là à devenir courtisan.

[10] Choudieu. Цит. соч., стр. 289.

[11] Baudot. Цит. соч., стр. 199: Il faut avoir été témoin de ces temps de malheurs pour croire que Fréron, tout couvert de la lèpre du crime, comme disait Isnard, ait pu dominer une Assemblée où il y avait des vertus privées en grand nombre, à la vérité, sans science, sans énergie; presque tout avait disparu à cette époque... Les réacteurs persécutèrent, poursuivirent et firent mettre à mort de sang-froid des membres de la Convention qu'ils savaient gens de bien...

[12] Arnaud R. *Le fils de Fréron, 1754—1802.* Paris, 1909, стр. 277—281.

[13] Там же, стр. 317. Арно повторяет, правда, старую и, конечно, ошибочную, возникшую уже после события, версию будто Феро был убит 1 прериаля, потому что его смешали с Фрероном. Самое возникновение такого толкования очень характерно.

[14] *L'Orateur du peuple,* par Fréron; № LXXVIII, du 1 ventôse, стр. 627: Le petit Jullien... écrit qu'il appelle partout la méfiance sur les muscadins, les commerçants et les riches... Le même écrit à Saint-Just que Bordeaux est un foyer de négociantisme (разрядка в подлиннике), que là où il y avait beaucoup de gros commerçants. il y a beaucoup de fripons.

[15] *L'Orateur du peuple,* № CXLVI, du 2 thermidor (an 3), стр. 127: Telle est aujourd'hui notre situation que le prix des objets de première nécessité est infiniment au-dessus des facultés communes. La classe des propriétaires fonciers, celle des rentiers et celle des salariés de l'état ne peuvent plus subvenir à leurs premiers besoins. Toutes leurs ressources sont épuisées, et pour peu que le prix des subsistances continue à demeurer au taux effrayant où il s'est progressivement élevé depuis quatre mois ou qu'il éprouve encore de nouveaux surhaussements, il ne restera plus à ces classes nombreuses que la triste perspective d'une ruine absolue et les horreurs d'un désespoir inévitable.

[16] *L'Orateur du peuple,* № CXXX, du 29 prairial: Il n'y avait que des hommes sans terres et sans industrie capables de déclarer cette haine violente, jurée dans ces derniers temps aux propriétaires, aux cultivateurs et aux négociants. Eux seuls ont pu dès la fin de 1792 séparer les propriétaires des ouvriers, établir une effrayante scission entre deux classes d'hommes unis par le même intérêt... Jamais une assemblée de propriétaires n'auroit souffert qu'on embastillât dans toute la France cent mille cultivateurs...

[17] Там же: L'ouvrier de bon sens ne sent-il pas aujourd' hui que son intérêt ne se sépare pas de celui des propriétaires?

[18] *L'Orateur du peuple,* № CXXIX, du 27 prairial, стр. 296: Les grains sont à la nation entière qui doit les fixer à un prix modéré, puisque c'est le seul aliment des pauvres et la classe en est grande; pourquoi ne pas s'en emparer au prix de moitié en sus de celui qui existait avant 1789, payable dans un an en numéraire, et les distribuer à un prix raisonnable, payable en assignats pour la consommation de chaque individu; certainement ceux qui ont de ces objets au delà de leur consommation sont des accapareurs... Le projet avancé de prelever en nature l'impôt foncier sur les terres pourrait être d'une grande ressource, à compter de la récolte prochaine et jusqu'à ce que la cupidité des cultivateurs ait été amortié. Il procurerait une concurrence qui forcerait le cultivateur à donner au prix fixé par la Convention les denrées qui lui resteraient, en l'obligeant de porter au marché et en ne lui conservant que ce qui serait nécessaire à sa consommation pour l'année, en sus de ses

semences pour l'année suivante; nul ne pourrait avoir chez soi au delà de sa consommation pour une année.

[19] *L'Orateur du peuple*, № CXXXII, du 4 messidor, стр. 13: ...quelle classe de citoyens a été aussi favorisée par la révolution que celle des paysans propriétaires? Et qui a été et qui est plus ingrât qu'elle envers la révolution? J'ose assurer que dans la commune où mon petit bien est situé, il n'est aucun paysan propriétaire de qui la fortune n'ait plus que doublé depuis trois ans et j'ose assurer aussi qu'il n'y en a pas un seul à qui la révolution ait arraché un sacrifice de cent francs; quoique je puisse dire avec vérité qu'il y en a parmi eux plusieurs qui cette année ont retiré de leurs denrées au delà de trente mille livres.

[20] *L'Orateur du peuple*, № CXLIV, du 28 messidor (an 3), стр. 108: On s'étonne de ce que la Convention n'a pris encore jusqu'à présent aucune mesure pour s'assurer de la moisson dont la cupidité et l'avarice sont prêtes à s'emparer. On s'étonne de ce que le gouvernement ne prenne pas des mesures aussi pour réprimer l'agiotage qui va tous les jours redoublant d'insolence et de fureur. On s'étonne enfin de ce qu'il y a si peu de surveillance que plusieurs boulangers trafiquent impunément de la farine qui leur est envoyée pour la subsistance du peuple.

[21] *L'Orateur du peuple*, № CXLV, du 30 messidor, стр. 114: L'habitant des campagnes traite en ennemi celui des villes, le spéculateur avide détrait la fortune publique et attente journellement à celle des particuliers. Non content de conserver ce qu'il possède, si jamais il possède quelque chose, il veut encore accroître ses richesses. Les canaux vivifiants de la circulation sont presque tous interceptés; l'or est attiré par l'or, il va s'enfouir dans le trésor caché de quelque sangsue publique, à la main de fer, au cœur desséché. L'ancien propriétaire est presque entièrement dépouillé, des fortunes scandaleuses se sont élevées et sapent les fondements de l'égalité qu'on voudrait introduire.

[22] *L'Orateur du peuple*, № CXII, du 22 messidor (письмо в редакцию): ..un laboureur qui cultive beaucoup de terres doit nécessairement avoir un grand nombre d'ouvriers pour ses moissons; mais ceux-ci, fiers du besoin qu'on a de leurs bras, font la loi au laboureur et lui demandent un prix exorbitant ou préfèrent de travailler à d'autres ouvrages; ...et voici le projet de décret que je propose: de même que tout français, capable de porter les armes, est mis en réquisition pour défendre la patrie, ainsi tout individu restant dans l'intérieur et capable de travailler aux moissons est mis en réquisition, excepté ceux dont les fonctions publiques sont indispensables.

[23] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 66: On lui a entendu répéter: C'était un temps si affreux, que nous étions obligés de flatter les décemvirs. J'ai souvent caressé le petit chien de Couthon pour me mettre dans les bonnes grâces de son maître.

[24] Dubois-Crancé E. L. *Analyse de la Révolution française*. Paris, 1885, стр. 149: Le plus exécrable monstre qu'ait enfanté la révolution.

[25] Там же, стр. 151.

[26] Нац. библ. LB[41]—4030. *Bourdon de l'Oise à ses collègues et à ses concitoyens:* C'est le sort de ceux qui servent bien leur pays et surtout de ceux qui disent des vérités dures et sans ménagement, d'être calomniés...

[27] Нац. библ. Lb[41]—4243. Comte de Montgaillard, l'an 1795. Hambourg, 1795, стр. 16: ...André Dumont... Bourdon de l'Oise fatiguèrent sa fortune de leurs éloges. Ср. там же, стр. 52 и сл.: Legendre proposa au mois de décembre 1793 le massacre général des prisons,— et Bourdon de l'Oise fit tous ses efforts pour le décider...

[28] Baudot. Цит. соч., стр. 144—145. Merlin de Thionville

après le 9 thermidor: Merlin de Thionville prit à cette époque la maison de campagne d'un prince (le Raincy) pour se délasser de ses travaux parlementaires. Il y avait une meute considérable, des équipages de chasse, il courait le cerf; il avait des voitures pour ses maîtresses, un repas splendide pour ses convives. C'etait un nouveau prince surgi du tourbillon démocratique; il avait de bonnes raisons pour ne plus vouloir de l'égalité. Depuis, nous avons vu bien autre chose!.. il osa dire un jour à la tribune: «il y a encore quarante coquins à la Montagne dont il faut se défaire».

[29] *Le Moniteur,* 11 pluviôse l'an 3 (vendredi, 30 janvier 1795). Convention Nationale (séance du 9 pluviôse), речь Лежандра: Il est des hommes bien utiles dans les moments orageux d'une révolution; ce sont ces esprits exaltés, ces têtes chaudes, ces cœurs brûlants qui ne connaissent pas de danger, mais ne voient que le but, le bonheur de la patrie; ces hommes sont excellents pour renverser les trônes... Mais lorsqu'il faut rebâtir sur les ruines qu'ils ont amoncelées, ces instruments ne sont plus de mise.

[30] Нац. библ. Ln[27]—2249. *La vie de Boissy* (sic!) *d'Anglas, membre des cinq-cents, traité sans égards et comme il mérite,* 6; Tu n'as jamais rien voteé pour le peuple, tu n'as pris que la défense des hommes qui avaient des rentes comme toi. Après les catastrophes qui ont suivi le neuf thermidor nous t'avons vu employer tous les stratagèmes pour affamer la nation... Vil assassin! que faisais-tu dans ces instants d'horreur et de tribulation? Tu t'enivrais dans les plaisirs et dans les jouissances... Tu goûtais à longs traits les fruits de la scélératesse dans des repas de sybarites. C'est avec raison qu'on t'a donné le sobriquet de Boissy-famine...

[31] *Mémoires de Barras,* т. I. Paris, 1895, стр. 228: ...Paris ne possédait que très peu de farines et encore étaient-elles avariées. Elles étaient fournies par des spéculateurs, qui avaient bien payé la haute protection de leur patron. Dans cet état déplorable, causé par la négligence de Boissy d'Anglas qui était chargé des subsistances... etc.

[32] *Le Moniteur,* 13 pluviôse an 3 (dimanche, 1 février 1795), séance du 11 pluviôse, discours de Boissy d'Anglas: Faut-il rouvrir des plaies encore saignantes, et vous retracer ces bataillons nombreux entrant dans Berlin même et, sans le caprice imprévu de Pierre III, anéantissant jusqu'au nom de la puissance prussienne? Ne voyez-vous pas que l'ambitieuse Catherine en donnant de vaines promesses aux émigrés, en enflammant le courroux des princes d'Allemagne contre la liberté française, a su enchaîner ses rivaux à une guerre qui les épuise, pour s'emparer de la Pologne, et s'ouvrir par là les portes de la Germanie? Je sais qu'on peut dire avec fondement que l'empire russe est un colosse aux pieds d'argile; que la corruption y a précédé la maturité; que l'esclavage qui y existe ôte toute solidarité à sa force, toute énergie à ses ressorts: qu'il est immense, mais en partie désert; fastueux, mais pauvre; qu'en s'étendant il avance sa dissolution, et que chaque conquête qu'il fait est un pas de plus vers sa ruine... mais ce géant, avant de périr, vous écrasera... Appréciez notre gouvernement actuel par le spectacle qu'il offre au monde; il a reprimé les troubles intérieurs, anéanti les factions rébelles, brisé les échafauds, ouvert les prisons, vengé le sang innocent, voué à la mort et à l'infamie les ministre de la terreur; il a rendu la liberté au commerce, la tranquillité à l'agriculture...

[33] Замечу кстати, что эта ложная мысль о слабости и непрочности русской империи была, по-видимому, очень распространена во французских дипломатических кругах того времени. Я нашел ее, между прочим, в неизданных документах архива франц. мин-ства иностр. дел, в серии Russie — см. *Russie,* № 31, f. 37. *Observations*

politiques sur la Russie par le cit. Guttin, Ventôse en IV (1796): Qu'on ne craigne rien de la prépondérance et de l'aggrandissement de cet Empire déjà trop vaste pour lui-même et, de plus, despotique, il écroulera sous son propre poids.

[34] Нац. арх. AD. I—III. *Motions d'ordre sept germinal,* an 3: Ces hommes... qui désespérés de nos triomphes sur l'étranger et ne pouvant consentir à la paix (qui ramenant l'ordre semble appeler le châtiment de leurs crimes) sont ceux-là même qui s'appliquent en ce moment à susciter la guerre civile...

[35] Mallet du Pan. Цит. соч., т. II, стр. 150—151 (письмо «Людовику XVIII», 3 juillet 1795): La ressource de la guerre étrangère n'est pas moins usée maintenant dans le fait et dans l'opinion: rien n'égale le mépris qu'on porte en France aux armes et à la politique des alliés, si ce n'est la haine non moins générale qu'ils ont inspirée... Lyon, ville la plus royaliste de France, n'est pas moins animée contre l'Angleterre qu'un club de Jacobins. Tout le royaume, sans distinction de parti, se ralliera éternellement contre les étrangers, considérés comme ennemis de la France et non comme ennemis de la révolution.

[36] Нац. арх. F^7—3688—4. Ce messidor an 3. *Au citoyen d'Albarade, commissaire de la Marine et des colonies.* (Подп. Cadron voilier; донос на двух его собеседников): Vous pouvez me croire, Monsieur, m'ont-ils, dit, que jamais l'Angleterre ne traitera qu'avec un Roy, ni même Espagne.

[37] Fain. Цит. соч., стр. 156—157.

[38] Ср. Forneron H. *Histoire générale des émigrés,* t. II. Paris, 1884, стр. 106.

[39] *Déclaration de Louis XVIII, roi de France et de Navarre, à ses sujets.* Donné au mois de juillet de l'an de grâce 1795 et de notre règne le premier: ...pour despotes sanguinaires que vous abhorriez, vous avez eu des despotes hypocrites que vous méprisez, ils cachent leur faiblesse sous une feinte douceur... le règne de la terreur a suspendu ses ravages, mais les désordres de l'anarchie les ont remplacés; moins de sang inonde la France, mais plus de misère la consume...

[40] Tableau de l'Europe. Цит. соч., стр. VI: Parce que j'ai déploré le mal trop réel qu'ont produit quelques points de la proclamation de Louis XVIII qui sont généralement reconnus impolitiques et que j'ai attribués à des conseils peu réfléchis, on voudrait me faire passer pour déserteur de la cause des Princes Bourbons.

[41] Fain. Цит. соч., стр. 142.

[42] Comte de Montgaillard. *L'an 1795.* Hambourg, 1795, стр. 256: Peuple français, c'est pour entretenir l'abondance dans Paris, qu'on épuise tes campagnes; c'est pour payer ses crimes qu'on te dépouille de tes propriétés... Там же, стр. 263: Peuple français... la Convention t'a tout enlevé; mais dès qu'elle cessera d'exister, tous les souverains de l'Europe te rendront leurs bienfaits; tous les peuples partageront avec toi leurs subsistances.

[43] Нац. арх. AD. XVIII.—255. *Discours prononcé dans la séance de la Convention Nationale du 11 vendemiaire an 4, par J. Ch. Bailleul:* Pendant les temps d'une trop longue tyrannie toutes les conceptions avaient été dépravées; le langage même était devenu inintelligible; les principes sur lesquels se fonde l'ordre social étaient méconnus. Ce n'a été que par un progrès lent et pénible que les esprits sont revenus de leur égarement.

[44] Descostes F. *La Révolution française vue de l'étranger.* Tours, 1897, стр. 372—373: A défaut de pain, la populace vit de vieux harengs, d'œufs durcis, de salade au mauvais beurre; ce qui avec deux onces de pain et autant de riz qu'on distribue journellement l'empêche de mourir

de faim... Avec la diète, dit la multitude, nous atteindrons la moisson, et alors nous serons sauvés. Nous mangerons plutôt des pierres que de nous soumettre. Tel est le langage des charretiers, des forgerons, des garçons cordonniers, imprimeurs, femmes, canailles en général.

[45] Mallet du Pan. Цит. соч., т. II, стр. 161—162 (1795 г.): La disposition publique la plus générale est en faveur d'un gouvernement analogue à la constitution de 1791, épurée dans sa partie démocratique, et renforcée d'un gouvernement vigoureux. Telle est surtout l'opinion des propriétaires et des capitalistes. Les artisans qui travaillent à des prix fous, les fermiers qui vendent à des prix exorbitants, les paysans aisés qui achètent des biens d'émigrés et ne payent aucune imposition, désirent moins un changement qu'un ordre fixe quel qu'il soit. Quant au bas peuple, à Paris surtout, ouvriers, maçons, forgerons, charretiers, porteurs d'eau, petits boutiquiers, sont encore septembristes par goût, par habitude, et toujours prêts à servir celui qui voudra causer du désordre et du mal. И дальше: Aucun fléau, aucune expérience n'a encore corrigé la masse de la nation.

[46] Journée des 12 et 13 germinal, an 3, стр. 38: Le nom de Muscadins vient de Lyon, où il fut originairement donné aux apprentis épiciers. Il s'est appliqué depuis à tous les jeunes gens. Замечу, кстати, что словарь Littré (т. III, стр. 672) дает определение этого понятия, но о происхождении его говорит только, что оно объясняется названием мускусных духов, которыми пользовались эти щеголеватые молодые люди (Petit-maitre, homme qui affecte une grande recherche dans son costume; ainsi dit du parfum des muscadins, dénomination qui est née durant la Révolution).

[47] Beaulieu C. F. *Essais sur les causes et les effets de la Révolution de France*. Paris, 1803.

[48] Riffaterre. *L'origine du mot muscadin. (Révolution française*, 1909, vol. 56, стр. 385—390). Риффатерр говорит о судьбах этого слова лишь в 1792—1793 гг.

[49] Jullian. Цит. соч., стр. 181—182: Nous nous réunissions tous les jours dans un café du Palais-Royal... C'était là que chacun racontait ce qu'il avait appris des desseins de l'ennemi commun, qu'on se faisait part de ses projets et de ses alarmes et qu'on formait des plans de campagne. C'était de là que nous partions quand il y avait quelque grande entreprise à exécuter. Tous les jours on s'y réunissait de tous les points de Paris... et quand on organisa les bataillons sacrés, destinés à livrer enfin une guerre de destruction à la tyrannie des jacobins... ce fut au Palais-Royal, devant le café de Chartres qu'un rendez-vous général fut donné.

[50] Léopold M. *Paris pendant le cours de la Révolution*, t. I. Paris, 1816, стр 81—82: Ce dernier parti (royaliste), dans lequel figurait l'ardente jeunesse... injuria, outragea publiquement les conventionnels qui avaient voté la mort du Roi... attaqua de front tous les jacobins, les patriotes à bonnet rouge et sans-culottes, dans les rues, sur les places publiques, dans les spectacles, les cafés, les promenades et les lieux de rassemblement, et les couvrit de huées et de mépris... A ce déchaînement prononcé, à ces persécutions ouvertes contre les terroristes, les lâches membres de ce parti, qui ne se sentaient plus en force parce qu'ils n'étaient plus réunis en masse contre un individu dénoncé, désarmé... n'opposèrent que le silence et cherchèrent à se mettre à l'abri des insultes auxquelles ils étaient en butte, en s'éloignant des spectacles, des promenades et des lieux de rassemblements publics, et en se tenant renfermés dans leur domicile...

[51] Levasseur de Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 11: Une jeunesse déchaînée par Fréron commit un grand nombre d'excès sous

le prétexte de venger d'anciennes injures. Ce nom même de jeunesse dorée qu'on lui donna indique assez qu'elle aimait à substituer l'élégance et la mollesse de l'ancien régime à l'austérité républicaine. Там же, стр. 12: *Et c'était ce ramas honteux d'hommes qui n'avaient su que se cacher* pendant la lutte, qui venaient se lancer contre les vaincus après le combat! Там же, стр. 27: On ameuta contre les jacobins cette horde de jeunes gens, ridicules par leur parure, hideux par leur esprit antipatriotique, atroces dans la férocité avec laquelle ils se précipitaient sur les amis de la liberté pour les massacrer...

[52] Choudieu. Цит. соч., стр. 292—295. Fréron donnait le mot d'ordre à la jeunesse dorée. C'est ainsi qu'on désignait la bande qu'il avait organisée. On y avait adopté comme signe de ralliement une coiffure... A l'imitation des chefs des Chouans et de Vendéens, ils portaient des collets noirs à leurs habits; il n'y manquait plus que la cocarde blanche pour afficher ouvertement la contre-révolution... L'armée de Fréron se composait de jeunes gens ardents qui, sans avoir jamais eu rien à perdre, prétendaient être des victimes intéressantes de la Terreur et avoir à venger la mort de leurs parents qui avaient péri sur les échafauds. A leur tête figuraient deux adjudants de Fréron, Méchin et Jullian, qui, tous deux, ont servi depuis l'un comme préfet de Bonaparte, l'autre — comme employé diplomatique dans la police secrète de Fouché... Les fonctions de cette bande étaient de faire chaque jour la police dans le Palais-Royal et dans le jardin des Tuileries, et de chanter le «Réveil du Peuple»... Dans leurs moments de loisir ils s'amusaient à danser une espèce de galoppe... qui consistait pour eux à se tenir par la main et à former une ligne composée de tout ce qui se rencontrait sur leur chemin et surtout de ceux qu'ils soupçonnaient d'être jacobins... Tous ceux qui se refusaient à en faire partie étaient empoignés et jetés dans les bassins...

[53] Ср. цитированные выше Мемуары Levasseur de la Sarthe, стр. 27: cette jeunesse dorée... guidée par Fréron contre les sans-culottes.— Choudieu в только что цитированных записках называет мюскаденов «солдатами Фрерона»: les soldats de Fréron signalaient leur bravoure quand ils se trouvaient dix contre un (стр. 295).

[54] Baudot. Цит. соч., стр. 65: Fréron accepta le titre plutôt que les fonctions d'un chef de parti, chef de jeunesse dorée...

[55] Jullian. Цит. соч., стр. 197: ...il faut, une fois pour toutes, qu'on sache bien que ce peuple, dont on a tant parlé dans la révolution et qu'il faut bien que je nomme ainsi, n'était que la réunion de quelques mille ouvriers ou gens de peine, très estimables sans doute lorsqu'ils honorent leur état par des vertus privées, mais que leur peu d'instruction ou de lumière rendra toujours faciles à égarer. Les factions s'en servaient alors, comme d'un instrument redoutable pour frapper de terreur et quelquefois de mort, tout ce qui s'opposait à elles.

[56] *Recueil*, vol. I, стр. 598. 4 germinal an 3 (24 mars 1795): La députation de douze jeunes gens, qui devait avoir lieu hier pour déjeuner avec les ouvriers du faubourg Antoine, n'a pas été complètement exécutée... ils sont convenus, de part et d'autre, de leurs torts réciproques, que des hommes mal intentionnés s'etaient introduits parmi les deux partis pour les diviser et fomenter la discorde; on s'est juré paix et union, guerre aux royalistes et aux anarchistes... Il a été arrêté... qu'une nouvelle députation de douze membres se rendrait aujourd'hui, 5, pour continuer de serrer ce nouveau lien de fraternité.

[57] Braves camarades... on vous a dit: les muscadins veulent un roi. Nous voulons la république comme vous, nous la défendons avec vous jusqu'au dernier soupir... On vous a dit: les jeunes gens font la guerre aux sans-culottes; nous ne la faisons qu'au crime, et vous n'êtes pas les défenseurs... Si les assassins de notre pays obtiennent la victoire, vous partage-

rez le sort qui nous attend: on nous opprimera tous également... La mort, les fers, les bandes révolutionnaires, le pillage, la famine, l'opprobre, voilà ce qui nous est réservé (Воспроизведено в брошюре, цитированной в следующих примечаниях).

[58] Нац. библ. Lb^{41}—1976. *Réponse des ouvriers de Paris à l'adresse des jeunes citoyens.*

[59] Frères, ce ne sera jamais parmi nous que vous trouverez de la résistance à l'union et à la concorde; nous sommes trop près du besoin, le travail est pour nous d'une nécessité trop absolue pour ne pas chercher tous les moyens de maintenir le calme dans la République, et pour ne pas sentir que si nous voulions opprimer, nous serions les premiers punis de notre audace. Nous acceptons donc bien volontiers l'offre gracieuse que vous nous faites de fraterniser. Seulement... nous allons vous dire franchement notre façon de penser. Vous dites que l'on nous a trompé sur votre compte... On ne nous a pas trompé, frères, nous avons des yeux... Qu'est-ce en effet que des jeunes gens qui se permettent sans cesse de violer la liberté des lieux publics? qui sont vetûs d'une manière affectée pour ne pas dire ridicule? qui ont des armes offensives à la main? qui en entretenant sans cesse le peuple du besoin qu'il a de se préparer à la réduction des subsistances (chose très bonne, très excellente en soi), laissent violemment soupçonner qu'ils sont suffisamment approvisionnés, ou qu'ils ont une fortune qui les mettra à l'abri de tous les événements?

[60] Nous voyons bien que vous appartenez à des parents aisés qui font vraisemblablement de gros commerce et de fortes entreprises puisqu'ils n'exigent pas que vous soyez du matin au soir à vos occupations mais puisque vous êtes si persuadés de la nécessité de nous rendre heureux les uns les autres, engagez-les donc à faire tous leurs efforts pour diminuer le prix des marchandises et pour donner l'exemple de leur confiance dans les assignats. Car comment voulez-vous que nous puissions vivre quand nous payons tout aussi horriblement cher? Et comment le prix des denrées peut-il diminuer quand on voit les riches s'empresser d'acheter tout ce qu'ils rencontrent, à tel prix que ce soit pour se mettre, disent-ils, à l'abri des événements?

[61] Vous nous proposez, frères, de nous lever pour atteindre, dites-vous, les scélérats qui ont couvert notre patrie de sang, de deuil et de misère. Ils sont bien coupables, sans doute, ces hommes qui en paraissant servir l'état ne faisaient qu'assouvir leur passion brutale et la vengeance atroce... livrons-nous sans réserve à la douce espérance de jouir bientôt de notre chère constitution; elle seule peut faire renaître parmi nous le calme et l'abondance.

[62] Quoi! nous avions des tribunaux et vous faisiez ce que vous appeliez les battues à la maison Egalité, pour découvrir ceux qu'il vous plaisait de qualifier de buveurs de sang. Quoi! dans les spectacles vous faisiez et vous faites encore la loi, au point de n'y laisser jouer que des pièces de circonstances, qui font la honte de leurs auteurs par l'esprit de parti, qui les a dicté et d'en exclure tous les airs patriotiques, pour y substituer une provocation à la guerre civile que vous appelez, nous ne savons pourquoi, le réveil du peuple... Et qu'étaient donc rassemblements?.. Avez-vous vu qu'aucun de nous les ait été troublé? Avez-vous vu que nous ayons aussi quitté nos ateliers pour faire des rassemblements? Avez-sous entendu dire seulement qu'il y eut le moindre mouvement dans Paris?... Quoi! chacun était à son poste et vous faisiez des provocations...

[63] Nous savons bien que parmi les jacobins il s'en est trouvé quelques uns qui ont abusé horriblement de la confiance qu'ils avaient su nous arracher, mais nous nous gardons bien de vouloir rejetter sur la masse entière le mépris dont ils se sont couverts, et quand le devoir nous oblige

de dénoncer un ou plusieurs citoyens que nous croyons coupables, nous remplissons à regret cette triste mission...

64 Нац. библ. Lb41—1974. *Un vieillard de la Butte aux Moulins aux Jeunes Gens de Paris.* Paris, le 3 thermidor, an 3.

65 Je ne vous blâme pas d'avoir frémi, en voyant ressusciter et consacrer l'air, au son duquel vos parents, vos amis ont été traînés à l'échafaud.

66 Peut-être la convention en se rappelant que le 1-er prairial ceux qui voulaient l'anéantir, qui ont massacré Féraud dans son sein, chantaient l'hymme des Marseillais et que vous, brave jeunesse qui l'avez défendue, chantiez le «Réveil du peuple», peut-être, dis-je, aurait-elle dû proscrire l'un pour consacrer l'autre.

67 S'ils osent tenter quelque nouveau complot contre votre liberté, que l'heure qu'ils auront choisie pour exécuter soit celle de leur mort. Plus de pitié... (там же, стр. 22).

68 ...le ciel veillera sur vous, il protègera la bonté de votre cause. Si pendant quinze mois d'une tyrannie sans exemple dans les fastes du monde vous avez pu l'accuser d'injustice, rassurez-vous, ces écarts de la providence n'arrivent qu'une fois par siècle et le notre est acquitté.

69 *Recueil*, vol. I, стр. 581. 29 ventôse an 3 (19 mars 1795): Les jeunes gens du café de Chartres sont venus, selon l'habitude qu'ils ont prise depuis quelques jours, pour dissiper les groupes... Там же, стр. 585 (30 ventôse): ...les citoyens... ont été très mécontents de la conduite qu'ont tenue les jeunes gens à cinq heures du soir. Ils... s'ouvrirent un passage à travers les différents groupes, provoquèrent les citoyens en leur marchant sur les pieds ou les coudoyant. Cette provocation excita différents tumultes, dans lesquels les provoqués furent traités de Jacobins... Там же, стр. 586: ...le public se plaint d'être vexé par les jeunes gens du café des Cannonniers qui vont au Jardin National, lesquels troublent les citoyens en les poussant à coups de coude, les traitant de Jacobins, les arrachant des compagnies où ils sont et les traînant au Comité de sûreté générale. Там же, стр. 594—595 (2 germinal): ...plusieurs jeunes gens ont été arrêtés hier, faubourg Antoine, pour s'être permis d'insulter les citoyens et une citoyenne de canton... Quelques ouvriers, sortant de leur journée, ont été arrêtés à la porte Denis par quantité de jeunes gens armés de bâtons et autres armes, qui criaient: «Vive la Convention, à bas les Jacobins!», et qui les prirent au collet.

Глава III

1 Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 206: Quand toute la France était un vaste camp, n'était-il pas juste, souverainement juste que le riche nourrît de gré ou de force ceux qui se battaient...

2 Там же, стр. 206: Il est vrai que déjà à cette époque la classe qui donne la popularité nous était contraire. Le maximum avait frappé les commerçants. L'emprunt forcé avait pesé sur les riches...

3 Там же, стр. 207.

4 Там же, стр. 205: ...nous désirions, il est vrai, une insurrection: nos discours, nos actes tendaient à en démontrer la nécessité; nous nous préparions à y prendre part et à la diriger, mais nous ne cherchions à nouer aucune trame pour la faire; nous ne conspirions pas.

5 Там же, стр. 15: Déjà cependant elle (la Société des Jacobins) avait perdu son influence, puisque le peuple, dégoûté d'insurrections qu'on n'avait pas su faire servir à augmenter son bien-être réel, avait en quelque sorte, donné sa démission. Le persécuter en haine de sa puissance déchue, c'était s'acharner sur un cadavre sans mouvement.

6 Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. III, стр. 264: Malheureusement, je retrouvai les plus véhéments de nos collègues tièdes et découragés; à peine il était possible de reconnaître encore cette vigoureuse

Montagne dont l'énergie avait fait trembler le monde; il y restait cependant une trentaine de chauds patriotes, décidés à donner leur vie pour leurs principes: de ce nombre étaient le véhément Duhem, Ruhl, Ruamps, Bourbotte, Soubrany, et cet intéressant Goujon... c'était de leur côté que se trouvait le courage et le dévouement...

[7] Dulaure J. A. *Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française...*, т. IV. Paris, 1826, стр. 43—44; Presque tous avaient la ferveur des martyrs, presque tous étaient de bonne foi, mais trompés, mais séduits par leur tempérament irascible et violent...

[8] Baudot. Цит. соч., стр. 75: Cambon avait aidé prodigieusement à renverser Robespierre, bien plus même que Tallien, quoi qu'on en ait dit. Lorsque Cambon vit les massacres de la réaction et le triomphe de la corruption et des pervers, son âme toute républicaine ne put y tenir; il s'écria un jour... «Oui, j'aurais dû me faire guillotiner ce jour-là, plutôt que de me trouver aujourd'hui l'appui d'une journée qui a amené tant de forfait!».

[9] Интересующихся их деятельностью и их биографией вообще я отсылаю, за неимением лучшего, к старой книге J. Claretie. *Les derniers montagnards*. Paris, 1867, или к справочному изданию: Kuczynski J. *Dictionnaire des Conventionnels*. Paris, 1916.

[10] *Dix-neuf lettres de Soubrany*. Clermont-Ferrand, 1867. Tiré à cent exemplaires. (Нац. библ. Lb^{41}—2157, réserve).

[11] Там же, стр. 62. Paris, le 27 nivôse an 3: La Montagne eût néanmoins lutté avec avantage contre le côté droit, si de malheureuses divisions n'eussent fait naître dans son sein un parti qui, après avoir marché avec elle pendant le cours de la révolution, la poursuit aujourd'hui avec acharnement. Je veux te parler de la faction Tallien, Fréron, Rovère, Bentabole etc., etc. Le côte droit les connaît comme nous, les méprise; mais il s'en sert pour nous écraser et les écraserait eux-mêmes s'il n'en avait pas besoin. Cette faction renferme ce qu'il y a de plus scélérat dans la Convention. Au reste leur conduite est démasquée assez, plongés sans cesse dans les voluptés, passant leur vie dans des orgies scandaleuses au milieu des Phriné, des Laïs, avec toutes les ci-devant marquises, comtesses dont ils se sont déclarés défenseurs en s'alliant avec elles. Tallien, comme tu le sais, a épousé la Cabarus, veuve d'un Fontenoy émigré et fille d'un banquier du roi d'Espagne. Cette femme remplace anjourd'hui Marie-Antoinette; elle affiche le luxe le plus insolent au milieu de la misère publique, paraît au spectacle couverte de diamants, vêtue à la Romaine et donne le ton à tout ce que Paris renferme d'impur dans les deux sexes...

[12] Там же: Ces hommes osent aussi prendre le ton du jour, en appelant buveurs de sang, terroristes, tous les patriotes purs et énergiques. N'est-ce pas avoir atteint le comble de la scélératesse et de l'hypocrisie, lorsque le mot humanité se trouve dans la bouche de Tallien, l'un des auteurs du massacre du 2 septembre, qui porta à Bordeaux les mêmes principes et y vecut en vrai Sardanapale: dans la bouche de Rovère, l'un des hèros du carnage de la Glacière à Avignon; dans la bouche de Fréron qui fit de son autorité et sans jugement fusiller à Toulon 800 individus, etc.! Je ne finirais pas si je voulais te retracer tous les forfaits de ces nouveaux apôtres...

[13] Там же, стр. 81. Paris, le 29 pluviôse an 3: Soubrany à son ami Dubreuil, salut... Je profite du départ du citoyen Phelut pour te faire parvenir les trois derniers numéros du «Tribun du peuple». L'auteur a été arrêté au moment où il allait publier la trente-troisième, le jour où, au mépris des droits de l'homme et de la Constitution, les sociétés populaires des faubourgs Antoine et Marcel furent fermées sous le prétexte d'une prétendue conspiration contre la représentation nationale, conspiration dont on ne nous a fourni ni preuves, ni les moindres indices...

[14] Гусев Н. Н. *Жизнь Л. Н. Толстого*. М., 1927, стр. 368—369.

[15] Эти слова принадлежат не Ruhl'ю, как ошибочно думает Kuczynski (цит. соч., стр. 584), а именно Кутону. Произнесены они были в за-

седании Конвента 14 июня 1793 года, когда было оглашено письмо Ромма, извещавшее об аресте комиссаров Конвента, Ромма и Приера, в Шербурге. Депутату Госсюену показалось, что Ромма заставили приписать post-scriptum к этому письму. Тогда Кутон воскликнул: Romme serait libre au milieu de toutes les bouches à feu de l'Europe (*Moniteur*, lundi 17 juin 1793. Suite de la séance du vendredi 14 juin).

[16] Граф П. А. Строганов, т. I. СПб., 1903, стр. 283 (№ 43): Madame la Comtesse, pour le bien de votre fils et pour le vôtre, je me vois réduit à la dure nécessité de ne plus paraître chez vous avec Popo en l'absence de M. le comte, à moins que vous ne nous envoyez chercher; c'est l'unique ressource qui me reste pour prévenir toute indiscrétion de ma part ou de celle de Popo, qui influerait trop désavantageusement pour lui et pour vous sur son éducation morale...

[17] Там же: Je crois aussi nécessaire que lorsque vous ferez appeler votre fils je l'accompagne toujours et que s'il se présentait quelque obstacle pour moi vous veuillez bien me permettre de ne pas laisser aller votre fils seul: je suis trop inquiet lorsqu'il s'éloigne de moi...

[18] Там же: Ce voyage est bien fait... pour l'endurcir à la faim, la soif, le chaud, le froid. C'est ce qui me fait préférer le Kibitque à taute autre voiture, c'est ce qui me détermine à ne prendre que très peu de provisions...

[19] M. de Vissac. *Romme le Montagnard.* Clermont Ferrand, 1883, стр. 62: La lecture de Socrate, faite a peu de temps de celle de Belisaire, l'a aussi profondément troublé. L'injustice de l'aréopage et la mort de ce sage l'ont attendri, et c'est au milieu des sanglots qu'il me dit en poussant un long soupir: tous les gens de bien sont donc persécutés; les plus vertueux sont donc les plus exposés à être tourmentés!..

[20] Граф П. А. Строганов. Цит. соч., т. I, стр. 301—304 (№ 53): Vous devez sentir, Monsieur, combien il serait douloureux pour moi de me séparer en ce moment de M. Romme. On croit sans doute qu'on me fera changer d'opinion comme une girouette tourne, lorsque le vent change, mais la girouette s'est fixée sur son pivot, le vent la fera plutôt casser que la fera tourner. Mes opinions dans ce moment sont établies sur les principes de justice, de raison, de sentiment qui ne s'effaceront pas aisément de mon âme. Toutes les horreurs du despotisme ont été dévoilées à mes yeux, j'ai vu tout un peuple en ayant horreur lever l'étendard de la liberté en secouant son joug dans instant; non, je ne l'oublierai jamais cet instant là...

[21] *Le Moniteur,* tridi 23 brumaire (jeudi 13 novembre 1794, séance du 21 brumaire). Baudin: Je déclare que Romme seul a été d'un avis opposé à celui de tous ses collègues.

[22] Нац. арх. W. 547 (Pièces de Romme). Показание Ромма перед военной комиссией 26 прериаля: J'ai fait mon devoir; mon corps appartient à mes juges, mon âme reste indépendante et tranquille au milieu de ces souvenirs, mon dernier soupir en quelque temps, en quelque lieu, de quelque manière que je le rende, sera pour la république une et indivisible, pour ma patrie si cruellement déchirée et que j'ai servie de donne foi; pour le malheureux et l'opprimé qu'on abandonne ou qu'on repousse, pour mes amis dont la fidélité et les vertus républicaines honoreront ma mémoire...

[23] Нац. библ. Lb[41]—1768. *Réponse d'Ernest Duquesnoy, député à la Convention nationale* (Paris, le 7 floréal, troisième année révolutionnaire): Je ne suis pas le seul député qui soit aujourd'hui inculpé, calomnié et honni par ceux qui partageaient autrefois mes opinions et qui même surpassaient en fait de mesures révolutionnaires...

[24] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 239: Les débris peu nombreux, mais puissants encore par leur énergie de l'ancienne Montagne étaient à leur poste, calmes et silencieux, attendant le résultat

du mouvement que Goujon et Bourbotte leur annonçaient comme le moment de la délivrance.

[25] Tissot F. *Souvenirs de la journée du 1 prairial an III. Paris,* an VIII, стр. 151: ...une autre constitution, où l'égalité sera méconnue, les droits de l'homme violés, et par laquelle la masse du peuple se verra totalement asservie à une caste plus riche, seule maîtresse du gouvernement et de l'état... (Dernière lettre, du 26 prairial).

[26] Интересующимся личностью Гужона я очень рекомендую обстоятельную его биографию, написанную проф. Раймоном Гюйо (Guyot R. *Le conventionnel Goujon.* Paris, 1908).

Глава IV

[1] *Recueil,* vol. I, стр. 601, 5 germinal.

[2] Там же, стр. 602, 6 germinal.

[3] Там же, стр. 605, 7 germinal.

[4] Dulaure. Цит. соч., т. IV, стр. 50 и сл.

[5] Нац. арх. AF, 11—69, pl. 509. Le sept germinal an 3. Le Comité de salut public... arrête.. Art. 3. Les indigens et les ouvriers de peine recevront par préférance la quantité de pain que le décret précité leur accorde.

[6] La manière dont l'opinion publique s'est prononcée sur Marat, dans quelques spectacles, lui était présentée comme un crime; on proposait de venger sa mémoire; son buste fut porté en triomphe ou en signe d'alarme, par quelques membres d'une société populaire du faubourg Saint-Antoine (Dulaure. Цит. соч., т. IV, стр. 15).

[7] Нац. арх. AF, 11—69, pl. 509. Le 4 germinal an 3. Art. 1. Les personnes ayant des grains ou farines pour plus de deux mois seront tenues de les prêter pour l'approvisionnement de la commune de Paris. Art. 2. La consommation de chaque individu de toute profession, sexe et tout âge sera indistinctement calculée sur le pied de vingt cinq livres de farine ou de trente livres de grains par mois. Art. 3. Dans chaque ménage on laissera la subsistance de deux mois calculée suivant le nombre des individus et sur les bases ci-dessus. Art. 4. Les deux tiers de tout ce qui sera trouvé d'excédent seront prêtés, livrés sur le champ et transportés dans le chef-lieu de canton par les soins de la diligence de l'agent national de la commune... le tiers restant sera gardé par les propriétaires et mis à la disposition des municipalités pour les besoins locaux.

[8] Там же. Du 6 germinal an 3. *Extrait du registre des délibérations de la commission des approvisionnements...* Art. 12. Dans le cas où ces inspecteurs ou agents principaux éprouveroient des difficultés... ils se retireront par devers les représentants du peuple à l'effet d'obtenir une force armée suffisante pour soutenir leurs opérations...

[9] Нац. арх AF, 11—69, pl. 509. Du 6 germinal an 3. Le Comité de salut public arrête... Art. 1. Que les dix mille quintaux de grains formant l'arriéré actuel de la réquisition de grains... frappée sur le district de Peronne pour l'approvisionnement des armées, seront appliqués à l'approvisionnement de Paris...

[10] Там же. Le 7 germinal an 3: Sur les plaintes portées par les comités civils et de bienfaisance de la section de la Butte des Moulins que différents particuliers se présentoient chez les boulangers pour avoir du pain sur des bons des comités de salut public et de sûreté générale, le comité de salut public arrête que les boulangers ne pourront délivrer de pain à aucun citoyen sur des bons des comités de la Convention. Там же. Le Comité de salut public arrête: Art. 3. Il sera laissé à chaque marchand en détail la quantité de riz nécessaire à son débit pour un mois. Art. 4. Les riz excédants les quantités portées à l'article 3 sont en réquisition.

[11] *Recueil*, vol. I, стр. 619. 10 germinal an 3 (30 mars 1795).

[12] Там же, стр. 606. 7 germinal.

[13] Нац. арх. F[7]—2491. Comité du 6-me arrondissement. Séance du 8 germinal: Le récit détaillé de la situation actuelle des rassemblements des citoyens de Gravilliers et diverses conjectures sur les rassemblements projetés pour décade prochain... Des rassemblements qui recommencent de nouveau... 9 germinal: запрос правительства: si le comité vouloit avoir un renfort de gendarmerie pour le lendemain afin de maintenir l'ordre et la tranquillité et déjouer les complots des malveillants.

[14] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 204—205: La motion de Lecointre fut repoussée par l'ordre du jour, mais le coup était porté. L'invocation de la constitution de 93 eut ses résultats... Deux jours après déjà les faubourgs commencèrent à s'ébranler. Ainsi la motion extravagante d'un homme complètement isolé fit plus d'effet que toutes nos attaques, enfin que toutes les ressources de la politique.

[15] Нац. арх. F[7]—2476. Comité du 1 arr. de Paris, séance du 2 germinal:... lettres... toutes relatives aux troubles et rassemblements qui existent et à la surveillance la plus exacte et la plus active, à mettre en pareil cas pour déjouer les intrigues des malveillants... 3 germinal: ...on s'est aussi occupé de la suite des objets urgents recommandés à notre surveillance et **à notre activité par le Comité de sûreté générale**... 3 germinal au soir: toujours de la suite des objets urgents recommandés par le Comité de sûreté... dont plusieurs de nos membres ont été à la recherche et poursuite très avancée dans la nuit. Раздача ружей. 4 germinal: то же самое. 4 germinal au soir: un rassemblement d'hommes et de femmes. Раздача ружей (délivrance des fusils confiés à notre sagesse: séance du 7 germinal).

[16] *Journée des 12 et 13 germinal*, стр. 39: J'ai moi-même entendu ces mots: «nous demandons du pain et la chasse aux Muscadins». En passant dans la rue Honoré, des hommes disoient: «Bon! voilà une rue bien riche! ces coquins de marchands! nous allons les visiter!».

[17] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 217: Le rappel fut battu dans toutes les sections. La garde nationale, dont on avait expulsé les patriotes, se rassembla sous les ordres des commissaires de la Convention. On vit Paris divisé en deux nations: d'un côté le peuple et de l'autre la bourgeoisie. Le peuple toujours patriote, mais sans chefs, sans armes, partant sans influence véritable, et la bourgeoisie tout concentrée dans ses intérêts égoïstes, bourgeoisie armée et conduite par des chefs redoutables.

[18] Jullian. Цит. соч., стр. 184—185: Peu de jours auparavant, tout ce qu'il y avait de propriétaires et de citoyens honnêtes dans la section des Tuileries s'étoient réunis, et m'avoient prié de faire une adresse à la Convention contre les terroristes, de me charger de la présenter, et de la prononcer moi-même... Je fis l'adresse; je la prononçai devant l'Assemblée, à la tête de plus de deux mille habitants armés de la section des Tuileries, restés en bataille sur la terrasse du château, et prêts à marcher à la défense de leur orateur, si l'on osait entreprendre quelque chose contre lui.

[19] *Recueil*, vol. I, стр. 616 (9 germinal).

[20] *Journées des 12 et 13 germinal*. Paris, an 3, стр. 10—11.

[21] Там же, стр. 37.

[22] Там же, стр. 16: Leur orateur, dans un discours insolent, où il qualifie ses compagnons d'hommes du 31 mai (разрядка подлинника) dicte des lois à la Convention, apostrophe la Montagne qui tant de fois a sauvé la République dans les moments de crise (тоже), et rappelle à grands cris le règne de la terreur.

[23] Там же, стр. 16:... les comités de gouvernement délibèrent, ou plutôt le sentiment du péril dicte des résolutions subites. La générale bat dans toutes les sections...

[24] Dulaure. Цит. соч., т. IV, стр. 58: La conduite du Comité de sûreté générale n'était pas excusable. Ce comité, qui dirigeait la police de Paris, ignore qu'il se forme un rassemblement de deux ou trois mille individus; que ce rassemblement, au bruit du tambour, traverse une partie de Paris... La garde de la Convention qui, en cette circonstance, aurait dû être considérablement accrue, se trouvait confiée à une poignée d'adolescents et de vieillards, incapables d'opposer la moindre résistance aux attaques des rébelles. Cette conduite confirme l'opinion alors généralement établie, que certains membres de ce comité étaient les complices ou les instruments de la faction étrangère.

[25] *Recueil*, vol. I, стр. 624 (11 germinal).

[26] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 209: Nous jugeâmes qu'il était temps d'agir et le soir même, pendant la séance, nous résolûmes de nous mêler le lendemain au mouvement populaire, s'il prenait quelque consistance.

[27] *Recueil,* vol. I, стр. 622—623, 11 germinal (заседание 11 жерминаля).

[28] *Le Républicain français,* № 858, 13 germinal (заседание 11 жерминаля). Ср. также *Le Moniteur,* Quartidi 14 germinal an 3 (suite de la séance du 11 germinal).

[29] Nous demandons qu'on emploie tous les moyens de subvenir à l'affreuse misère du peuple... de mettre promptement en activité la constitution démocratique de 1793. Nous sommes debout pour soutenir la république et la liberté.

[30] Я имею в виду слова Тибо (Thibault), сказанные им в заседании 1 жерминаля в Конвенте. Так как я их никогда не встречал в литературе, посвященной революции, то приведу их здесь: on a demandé ce qu'étoient devenus les moissons?.. Il faut le dire, une grande partie a été consommée par cette grande cité qui ne reproduit rien et dont des immenses besoins ne peuvent se satisfaire qu'aux dépenses de tout ce qui l'entoure; Paris, jusqu'à ce jour, doit ses subsistances à la fraternité, au généreux dévouement des habitants des départements qui aiment Paris parce qu'il a en l'initiative de la liberté et du gouvernement républicain. Ces sacrifices des départements, Paris ne peut les mériter qu'en faisant lui-même, qu'en conservant le calme et la tranquillité qui inspirent la confiance; que les bons citoyens de Paris qui ne veulent pas perdre le fruit de leurs travaux sachent bien une fois pour toutes que plus ils s'agiteront, moins ils auront de ressources, moins les arrivages seront complets.

В *Moniteur* (réimpression, vol. 24, стр. 108) это заявление передано после первых фраз в сжатом и измененном изложении: ...Paris ne produit rien, il ne subsiste que par les moyens d'échange. Il a eu l'initiative de la liberté; voudrait-il perdre le fruit de ses travaux et des privations qu'il s'est imposées? Non; il sera calme, et ne se laissera pas séduire par des agitateurs. Le gouvernement passe des nuits entières pour que Paris soit approvisionné.

[31] *Journées des 12 et 13 germinal,* стр. 17: Les ouvriers furent donc les plus nombreux sous les armes.

[32] Там же, стр. 15: Huguet, mieux instruit que les rebelles mêmes, de ce qu'ils devoient demander, les interpelle de déclarer: «S'ils ne viennent point réclamer du pain, la constitution de 1793 et la liberté des patriotes détenus depuis le 9 thermidor?». Des oui! oui! unanimes répondent à chaque question...

[33] «*Moniteur*» (réimpression, v. 24, p. 111) «Ma place est au milieu du peuple! Je ne veux pas que vous l'égariez!».

[34] Там же, стр. 112: Citoyens représentants, vous voyez devant vous les hommes du 14 juillet, du 10 août et encore du 31 mai. Il est temps que le peuple ne soit plus la victime des riches et des gros marchands; il est

temps que la paix règne dans cette enceinte, le salut du peuple vous en fait un devoir. Vous ne voyez point ici la jeunesse de Fréron, mais une masse de patriotes purs qui n'ont point renversé les bastilles pour en laisser élever d'autres, destinées, à mettre aux fers des républicains énergiques. Que sont devenues nos missions? Où sont les grains recueillis sur notre territoire? Les assignats ont perdu leur valeur; ce sont vos décrets qui la lui ont fait perdre... C'est à vous qu'il appartient de ramener le calme et l'abondance, en punissant l'égoïste qui ne veut que de l'or, pendant que nous répandons notre sang. Et toi, montagne sainte,— éclate, tonne, dissipe les nuages, écrase tes ennemis: les hommes du 10 août et du 31 mai sont là pour te prêter mainforte. Nous vous demandons la liberté des patriotes incarcérés depuis le 9 thermidor, leur crime est d'avoir été des patriotes énergiques lorsque vos décrets leur ordonnaient de l'être.

[35] Там же, стр. 114: Séance du 12 germinal. Duhem: La générale bat, le canon d'alarme tire; le tocsin du pavillon de l'Unité sonne en ce moment. Je demande que tous les citoyens ici présents retournent dans leurs sections et nous laissent délibérer.

[36] Там же, стр. 114: Choudieu: Si le président ne fait pas son devoir, je demande qu'il soit remplacé. Je déclare aux bons citoyens qu'on leur tend un piège en voulant les faire rester ici, parce qu'on dira ensuite que la Convention nationale n'est pas libre; et on fera sonner le tocsin pour qu'elle sorte de Paris.

[37] Там же, стр. 116: Retirez-vous, car dans une heure, nous égorgeons tous les jeunes gens et vingt mille hommes sont à nous dans un moment et nous seconderont.

[38] Там же, стр. 117: Art. I. La Convention Nationale déclare au peuple français qu'il y a eu aujourd'hui attentat contre la liberté de ses délibérations. Art. II. Le Comité de sûreté générale fera rechercher et traduire devant le tribunal criminel du département de Paris les auteurs et instigateurs de cet attentat.

[39] Loi qui nomme provisoirement le général Pichegru général en chef de la Garde Nationale parisienne du douzième jour de germinal an trois. La Convention Nationale décrète que le général Pichegru est nommé à l'instant général en chef de la Garde Nationale parisienne, tant que durera (s i c!) les périls actuels, et que les représentants Barras et Merlin (de Thionville) lui seront adjoints. В этом подлинном тексте (он находится в бумагах Мерлена, в отд. рукописей Нац. Библ., в регистре f. fr., nouv. acquis. 245) есть отмеченная мною, обличающая спешность и взволнованность, характерная грамматическая ошибка (périls actuels вместо péril actuel). Эта ошибка признана и исправлена 15 прериаля (там же).

[40] *Mémoires de Barras*, vol. I, стр. 232.

[41] Там же, т. I, стр. 226—227.

[42] Например, против Амара *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 124), sextidi, 16 germinal (dimanche, 5 avril 1795). Suite de la séance du 12 germinal.

[43] Там же, стр. 121: Баррас доложил вечером, что Конвент «располагает вооруженною силою в 30 000 человек, 40 пушками и любовью всех граждан».

[44] L e v a s s e u r d e l a S a r t h e. Цит. соч., т. IV, стр. 208—209: Mes amis de la Montagne et moi, nous étions plongés dans la plus vive anxiété: sans relations avec les mouvements, qui se renouvelaient sans cesse, nous comprenions qu'il y avait sympathie entre le peuple et nous. La cause pour laquelle il entreprenait ces promenades armées dans les rues de la capitale était celle que nous défendions tous les jours à la tribune. Cependant, nous ne pouvions pas nous prononcer pour lui, sans

savoir si, dans ses mouvements, il y avait de véritables éléments d'insurrection, ou si c'était simplement un mécontentement passager et sans importance. Dans nos réunions particulières, nous cherchions à prévoir les événements, et nous nous demandions quand et comment il nous faudrait y prendre part. Attaquer nous-mêmes la Convention, c'eût été une imprudence impardonnable; laisser passer les mouvements sans en profiter, c'eût été une faiblesse indigne de notre caractère. Nous résolûmes d'attendre les événements et de prendre parti pour le peuple, au moment où il nous presenterait quelques chances de réussite.

[45] Lacretelle M. Ch. *Dix ans d'épreuves*, стр. 221: Pendant ce retard, la défense s'organise par le Comité de salut public, mais avec une extrême lenteur... il y avait autant d'irrésolution dans l'attaque que dans la défense.

[46] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 210.

[47] Там же, стр. 215: Merlin, se tournant alors de notre côté avec un regard sinistre et un geste menaçant, s'écria: «Il y a quarante scélérats sur cette Montagne qui méritent le même sort».

[48] Там же, стр. 216: ... je les apostrophai à haute voix en m'écriant: Ah, que vous êtes lâches!

[49] *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 117): Je suis loin de blâmer un peuple facile à égarer quand la voix impérieuse de besoin se mêle aux clameurs de la malveillance.

[50] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 220—221 (13 жерминаля, утром).

[51] Там же, стр. 218—220.

[52] Dussé-je être mis en pièces à cette tribune, je vous signalerai, bourreaux du peuple, assassins des français. Représentants, vous vous plaignez de ce que l'opinion publique a paru s'éloigner de vous, c'est à votre énergie de la relever. De cette séance dépend votre salut; vous ne voulez plus d'échafauds, plus de mort: eh bien, délivrez le sol français des monstres, qui l'ont ensanglanté. Je demande que cette nuit même les trois prévenus soient déportés.

[53] *Le Républicain Français*, № 860, quintidi 15 germinal. Suite de la séance du 12 germinal. Tallien: J'invite les citoyens qui assistent à cette séance qui sera mémorable, à seconder de leur énergie les mesures qui vont être délibérées par les représentants du peuple.

[54] Choudieu. Цит. соч., стр. 302: En venant au sein de la Convention, votre intention est d'obtenir d'elle la justice que vous réclamez. Mais en restant ici, vous nous empêchez de délibérer sur votre demande. Je vous invite à vous retirer: justice vous sera rendue.

[55] *Mémoires de B. Barère*, vol. III. Paris, 1848, стр. 15.

[56] Там же, стр. 268: ...l'ex-abbé Sieyès s'emparait secrètement du pouvoir. Il avait dirigé les émeutes provoquées le 12 germinal et le 1 prairial.

[57] Ср. Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 222—223. Aussitôt Thibaudeau accusa la Montagne d'avoir dirigé le mouvement... Les uns voulaient qu'on nous déportât; d'autres demandaient... le décret de hors la loi.

[58] Там же, т. IV, стр. 224—225 (Moyse Bayle, Thuriot, Cambon, Granet, Hentz, Maignet, Levasseur de la Sarthe).

[59] Ср., например, Нац. арх. F^7—2524 (registre 12-го округа). Du dix-huit germinal, l'an 3: est comparu au comité le citoyen Louis Jubin perruquier... lequel a déclaré que le 13 du présent... il a entendu le cit. Vachard dire que l'on voulait assassiner les représentants qui étoient déportés... Таких сведений в разных местах разбросано сколько угодно.

[60] Journées des 12 et 13 germinal, an 3, цит. соч., стр. 24—25 (13 germinal): Cependant, la section des Quinze-Vingts était en insurrection, ou

plutôt, des scélérats de tous les quartiers de Paris, s'étaient emparés de la salle de cette section, et discutaient s'il fallait mettre les faubourgs en insurrection. Cette audace eut été le comble du délire, si l'indulgence habituelle du gouvernement n'eût autorisé à tant de confiance ces insolents agitateurs. Pichegru s'avance à la tête de la gendarmerie; tous se dispersent...

...A quoi néanmoins a-t-il tenu, qu'ils n'eussent un plein succès? Ils n'avaient à leur disposition ni commune conspiratrice, ni comité central des sections, ni club des Jacobins, ni chef de la garde nationale... et cependant, par la seule tactique des petitions et des rassemblements... ils sont parvenus à se rendre quelques instants maîtres de la chose publique... Qu'on rapproche de cette réflexion les renseignements positifs qu'avaient depuis longtemps les comités sur ce qui se tramait; la connaissance s'est répandue parmi tous les citoyens d'un mouvement prochain, dont les subsistances seraient le prétexte, l'or de l'étranger, le mobile, et le retour des jacobins et de la terreur, le véritable but...

[61] *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 143): Discours prononcé par le général Pichegru dans la séance de la Convention Nationale du 15 germinal an troisième, etc: ...Ce sera une bien douce satisfaction pour moi de faire part à mes frères d'armes de l'attitude imposante de la Convention Nationale, et des mesures qu'elle a prises pour abattre le reste de la faction tyrannique qu'elle a frappée le 9 thermidor.

Réponse du président: ...les factieux sont aussi dangereux à la République que les autrichiens...

[62] *Moniteur,* quartidi 14 germinal, an 3. (vendredi, 3 avril 1795).

Глава V

[1] Нац. арх. C. 342. Adresse du Directoire du district de Castellane à la Convention Nationale, le 19 floréal: ...nous vous conjurons de demeurer fermes à votre poste, de continuer à écraser les têtes de l'hydre à mesure qu'elles voudraient renaître... non, la scélératesse ne triomphera pas, elle a trouvé son tombeau dans les journées des 10 (sic!) thermidor et 12 germinal...

[2] Там же, C. 338. Les citoyens du district de Gez (département de l'Ain) à la Convention Nationale (le 12 germinal, an 3): Le douze germinal sera célébré dans les fastes de la République, nous le regardons comme la fin et le complément du neuf thermidor. Cependant il manque encore quelque chose à la vengeance du peuple outragé; il faut que les représentants de la terreur cessent de représenter le peuple français... Nous demandons qu'ils soient chassés du temple et du sol de la liberté française. Nous ne voulons plus que les scélérats qui se sont alimentés de votre sang pendant le cours de dix huit mois, trouvent en eux des moyens de défense et un point de ralliement... Que la journée du douze germinal devienne le signal de la punition de tous les oppresseurs...

[3] *L'Orateur du Peuple,* № CXXIII, du 2 prairial (an 3), стр. 247: ...vous avez fait la révolution du neuf thermidor... Cette heureuse révolution il est vrai, n'était encore qu'ébauchée... le sanctuaire des lois demeurait encore souillé par la présence de quelques conspirateurs qui méditaient la perte de la liberté, la mort de la patrie! Mais telle est l'influence du génie tutélaire sur le sort des français! plus les factieux conspiraient contre la liberté, plus ils ont montré d'audace et de témérité en levant le poignard qui devait le 12 germinal porter le coup de la mort et consacrer le deuil général de la république,— et plus dans ce même jour la liberté triomphe, etc., etc.

[4] Нац. арх. AD. I—III. Discours de Dusault (séance du 17 germinal, l'an 3, imprimé par ordre de la Convention Nationale): Je demande qu'il

soit incessamment élevé un autel en signe expiatoire; que sur l'une des faces de cet autel il soit inscrit: la Nation française délivrée de ses tyrans se hâte par ce monument de douleur et de regrets de faire amende honorable à son siècle et à la postérité de tous les forfaits commis dans son sein depuis le 31 mai 1793 jusqu'au 12 germinal 3-e an.

[5] Нац. библ. Lb^{41}—1720. La Passion du peuple selon Mathurin Bonace: ...et le douze germinal effaça la honte du trente un mai...

[6] Нац. арх. C. 343. District de Billom (dép. Puy de Dôme), ce premier floréal an 3: ...Le dernier coup est donc porté à cette faction monstrueuse et colossale dont nous n'avons jamais bien pénétré toutes les sourdes menées; nous regardons ses derniers efforts comme les mouvements convulsifs d'un monstre blessé à mort qui ne font que précipiter sa fin.

[7] Нац. арх. C. 338. Les citoyens de la commune de Thiers à la Convention Nationale (28 germinal): Encore une fois vous avez sauvé la patrie. Le 10 août, le 9 thermidor vous avez renversé les chefs de la tyrannie, le 12 germinal vous avez déjoué le complot de ses suppôts... Non, le Terrorisme ne redressera pas ses échafauds... Non, le Royalisme ne relèvera pas son trône...

[8] *Actes*, vol. XXI, стр. 560. Orléans, 16 germinal an 3 (5 avril 1795).

[9] Нац. арх. C. 342. Orange, le 17 floréal an 3. Le Directoire du district d'Orange à la Convention Nationale: ...Ordonnez qu'on livre aux tribunaux tous les hommes de rapine et de sang. Le peuple attend impatiemment cet acte de justice. Il peut seul l'empêcher de se livrer à des excès que la loi désavoue et punit, mais qu'elle n'arrête pas, parce qu'elle a au-dessus d'elle dans le cœur du français né sensible, privé de son père, de son époux ou de son fils morts innocents sur l'échafaud, les sentiments invincibles de la nature.

[10] Нац. арх. C. 343 (Femur, départ. de la Côte d'Or), 16 floréal an 3: ... Pourquoi laissez-vous subsister au milieu de vous les restes impurs de cette montagne volcanique dont les agitations intestines semblent menacer en ce moment encore la République d'une nouvelle et désastreuse irruption? ... Oui! La mort des tirans est la plus sûre et dans les circonstances difficiles est l'unique garantie de la liberté publique.

[11] Нац. арх. C. 338. Bar-sur-Ornin, le 18 germinal an 3 (A la Convention Nationale): Le complot infâme qui a éclaté le douze germinal avait, n'en doutez pas, des ramifications dans les départements, déjà le sourire des hommes de sang semblait présager cette insurrection du crime contre la vertu... Vomissez donc à l'instant tous ces cannibales du territoire sacré de la liberté...

[12] Нац. арх. C. 343. *Les citoyens de la commune de Cherbourg... à la Convention Nationale*. Le 13 floréal an 3: En dictant à l'Etranger une paix honorable vous ne perdez pas de vue les moyens d'assurer la tranquillité intérieure et nous avons à vous féliciter d'avoir fait poser en même temps les armes et aux ennemis extérieurs et aux oppresseurs du peuple.

[13] Нац. арх. C. 338. Rochefort, 10 germinal an 3. (*Les citoyens membres de la Société populaire de Rochefort, départ. de la Charente Inférieure, à la Convention Nationale*): Nous avons appris avec le sentiment de la plus vive indignation le danger éminent qui a menacé la Convention Nationale dans les séances des 2 et 3 germinal. Ce tumulte de deux journées ne peut étonner les bons citoyens quand il est provoqué par des brigands qui ont assassiné pendant 14 mois... les citoyens de Rochefort ont juré de se rallier toujours à la majorité de la Convention Nationale, si une destinée cruelle jettait une scission funeste parmi vous.

[14] *Le Républicain Français*, № 859, quartidi 14 germinal: La Convention a surpassé par son énergie l'espoir des patriotes; elle a

triomphé dans un jour de famine d'une faction qui depuis trois ans exerce la plus odieuse tyrannie...

[15] Ср. Closmadeuc T. *Quiberon,* 1795. Paris, 1899, стр. 2—3 и сл.

[16] *Actes,* vol. XXI, стр. 575. Rouen, 16 germinal an 3 (5 avril 1795): J'attribue tous ces orages au trop grand nombre de prêtres et de religieux insermentés que le Comité de sûreté générale a fait mettre en liberté... à la trop grande importance qui a été donnée au parti de la jeunesse, à la conduite vacillante qu'a tenue la Convention Nationale, à l'espèce d'injustice que l'on a commise en proscrivant de bons citoyens sous le titre de Jacobins ou Buveurs de sang.

[17] *Adresse présentée à la Convention Nationale au nom de la section des Tuileries, le 30 germinal, troisième année de la République française, imprimée, affichée et envoyée aux départements, aux armées, etc., par ordre de la Convention Nationale* (Jullian): Le cri de la vengeance retentit d'un point de la République à l'autre, et cependant ses assassins souillent encore le jour qui nous éclaire! Quelques uns siègent au milieu de vous!.. Générations futures, que direz-vous de nous?.. (La France) vous demande vengeance des traîtres qui l'ont assassinée...

[18] Jullian. Цит. соч., стр. 198—199. Nous sentîmes que l'insurrection de germinal n'avait été, en quelque manière, que l'essai des forces de nos ennemis, et les escarmouches de l'action générale qu'ils allaient engager. Nous le sentîmes, et nous n'en fûmes ni étonnés, ni découragés; notre cause était celle de tous les propriétaires, de tous les gens de bien.

[19] Нац. библ. Le[39]. 286—329. *Proclamation* (signé: Chambon, Maigron, secrétaire): Citoyens, toujours bons et généreux, méfiez- vous de la perfidie... Vous avez des magistrats, ils ont votre confiance... Laissez leur le soin pénible de fouiller dans les archives du crime... mais plutôt suspendez encore votre excusable impatience de la lenteur des formes contre d'aussi grands criminels.

[20] Нац. арх. AF. 11—25. Aix *Rapport* (au Comité de salut public, le 22 floréal): ... En déplorant le malheureux événement dont il rend compte, le Directoire observe que les menaces, les provocations atroces faites au peuple par les prisonniers pendant leur trajet des prisons au tribunal et pendant les séances des juges, leurs projets de vengeance qu'ils ne dissimulaient point, comme de verser encore des torrents de sang, d'incendier la ville, de rétablir enfin la tyrannie de Robespierre, avaient soulevé contre eux l'indignation publique et rendu impuissants tous les efforts des autorités constituées pour en prévenir les terribles effets.

[21] Нац. арх. ADXVIII[e]—255. *Discours prononcé par le cit. Louvet... dans la séance du 12 floréal:* Représentants, on vous parle souvent du terrorisme et sans doute l'horreur qu'il inspire est trop juste; mais je dois vous avouer que ce n'est pas lui qui cause maintenant mes plus vives inquiétudes. Vous l'avez abbatu dans ses chefs... le règne des hommes de sang est à jamais passé. ... Représentants, vos vrais ennemis, les ennemis naturels, les implacables ennemis... qui vous renverseront si vous ne les contentez, ce sont les royalistes. Sans doute on fait bien d'appeler vos regards sur les partisans de la terreur; mais pourquoi vous détournerait-on de les porter sur les hommes aujourd'hui plus dangereux, sur les fauteurs de la royauté?

[22] Нац. библ. Le[38]. 1365—1445. Séance... du 12 floréal an 3: ... et dans ces groupes nombreux les cris d'anarchie et de royauté sont dans les mêmes bouches; on y regrette à la fois Robespierre et Louis XVI... l'anarchie n'est qu'un moyen du royalisme...

[23] *Actes*, vol. XXI, стр. 462—463. *Le Comité de salut public aux représentants aux armées du Nord et de Sambre-et-Meuse, à Utrecht.* Paris, 13 germinal an 3 (2 avril 1795): Depuis quelque temps toutes les correspondances étrangères annonçaient qu'il y aurait un mouvement dans Paris. La pénurie factice des subsistances en était le prétexte, le royalisme levait audacieusement la tête... tous les instigateurs du royalisme et du terrorisme seront recherchés avec soin... Observez avec soin le mouvement des armées qui sont devant vous: nous avons lieu de croire que c'était un mouvement combiné, et il serait possible que l'ennemi eût voulu le faire correspondre avec les mouvements extérieurs.

[24] *L'Orateur du Peuple*, № CXXII, du 30 floréal (an 3), стр. 237. *Adresse à la garnison de Bruxelles par les ennemis du terrorisme:* ... Désabusez vous donc, braves frères d'armes; ouvrez enfin les yeux et soyez bien convaincus que ces mêmes hommes qu'on vous désigne sous la qualification insignifiante de muscadins sont comme vous français intéressés au maintien des lois; qu'ils sont unis de cœur et d'esprit avec ceux qui le 12 germinal, aux accents sublimes du chant du «Réveil du peuple», ont sauvé la France, en sauvant la Convention et terrassant les jacobins... sachez enfin que les dénominations de muscadins et autres n'ont été inventées que par les scélérats factieux, qui voulaient organiser des massacres.

[25] Choudieu. Цит. соч., стр. 309: Voilà donc quel était le véritable but de l'insurrection du 12 germinal. Et Fréron l'avoua lui-même quand il dit aux applaudissements de la majorité thermidorienne: «La révolution du 9 thermidor va recevoir son complément...».

[26] Нац. арх. F^7—4443, pl. 2. Orléans, ce 16 germinal an 3. *Le représentant du peuple Porcher à la Convention Nationale:* ...La présence de Collot avait excité la plus vive indignation... Accablé des malédictions des parents des nombreuses victimes qu'il avait faites, Collot pâlit en se voyant entouré d'elles. Ces craintes n'eussent malheureusement été que trop fondées sans le dévouement généreux de cette jeunesse dont il ne faut que diriger l'esprit au lieu de la calomnier sans cesse. Son intrépidité et l'extrême confiance que le peuple a dans ses magistrats ont empêché un événement désastreux.

[27] Там же, pl. 8. *Loi qui ordonne l'arrestation de neuf représentants du peuple y dénoncés.* Du 16 jour de germinal an troisième (Moyse Bayle, Thuriot, Cambon, Granet, Hentz, Maignet, Levasseur de la Sarthe, Crassous, Lecointre de Versailles).

[28] Там же, pl. 10. Ce 24 germinal à 9 h. $^1/_2$ du soir. *Bacon aux membres du Comité de sûreté générale:* D'après ce que je viens d'apprendre par mes émissaires du faubourg Antoine, j'instruis le gouvernement qu'il se tient des conciliabules, présidés par les députés Ruamps et Levasseur. Ils mettent en avant la disette de pain pour occasionner un mouvement. Ces conciliabules ont lieu sans qu'on puisse encore connaître la localité de leurs séances.

[29] Fain. *Manuscrit de l'an* II, стр. 138—141. Сначала 8 (Duhem, Choudieu, Châles, Léonard Bourdon, Huguet, Amar, Foussedoire, Ruamps); потом еще 9 (Bayle, Thuriot, Cambon, Granet, Levasseur de la Sarthe, Crassous, Maignet, Lecointre de Versailles, Hentz). Если присоединить к ним сосланных Колло д'Эрбуа, Барера, Бильо-Варенна и Вадье (судьба которого внезапно была решена тоже в ночь с 12 на 13 жерминаля), то получится цифра 21 депутат и все из левой части Конвента. Ср. там же, стр. 140—141.

[30] Нац. арх. F^7—2476. Comité de l'arrondissement de Paris, séance du 15 germinal: ...on s'y est occupé des affaires courantes telles que visa des passeports, recherches faites pour renseignements à donner à diverses dénonciations reçues, dont copie envoyée sur-le-champ au Comité de

sûreté générale... ainsi qu'une liste nominative de plusieurs individus, reconnus très suspects dans la journée du 13 du courant...

Там же. 16 germinal: ... différents citoyens de la section des Champs-Elysées qui... nous ont donné des renseignements sur la journée du 13 et sur la conduite suspecte de certains individus... 17 germinal: ... plusieurs citoyens dans le cas de nous procurer des connaissances sur les journées de 12, 13 et 14 dudit, pour sur-le-champ en faire part au Comité de sûreté générale... И ежедневно: la distribution des fusils.

[31] Нац. арх. *Comité révolutionnaire du 1 arrondissement de Paris.* Séance 13 germinal an 3: Les membres sortis... sont revenus à leur poste... la séance s'est passée... à délivrer les fusils à nos frères d'armes, dignes de notre confiance...

[32] Forot V. *Les Thermidoriens tullois.* Paris, s. d., стр. 86: ...interrogé s'il avait appris avec plaisir les mouvements arrivés à Paris le 12 germinal...

[33] *L'Orateur du peuple,* № CII, du 19 germinal: Mais elle (la Convention) les surveillera, elle les tiendra en respect. Au reste ils profiteront sans doute de la leçon et leur liaison avec les coupables doit les rendre responsables de la première sédition qui s'éleverait. Ils restent dans la Convention, mais ils y sont en ôtage.

[34] *L'Orateur du peuple,* № CI du 17 germinal. Nouvelles données par le télégraphe du Luxembourg sur l'intérieur de cette maison d'arrêt pendant le cours des journées des 10, 11, et 12 germinal et de la nuit suivante.

[35] (Le 12 germinal)... A 8 heures. On croit qu'on délivre les détenus de Plessis, parce qu'on entend du bruit de ce côté; chacun s'apprête... A 10 heures. Tout est calme, on commence à ne plus espérer que pour le lendemain, on arrête de ne pas se coucher. A 11 heures. Chacun se retire tristement.

[36] Нац. арх. C. 337. Séance du 14 germinal an 3 (Convention Nationale): Des citoyens de la commune de Rennes réunis en société populaire demandent un prompt échange des prisonniers français contre ceux des despotes afin que les premiers jouissent avec leurs frères du bonheur que la Convention prépara à la France.

[37] Fain. Цит. соч., стр. 154: Il vient de recevoir un premier avis des troubles de Paris. On a tout lieu de craindre que ces mouvements populaires, exagérés par l'éloignement et par l'intrigue, ne refroidissent à Berlin le désir qu'on a d'en finir...

[38] Нац. арх. Procès verbal de la Convention Nationale. Séance du 13 germinal an 3, стр. 337: La Convention Nationale décrète que de demie-heure en demie-heure le Comité de sûreté générale rendra compte à l'Assemblée de l'état de pain.

[39] *Actes,* vol. XXI, стр. 587—588. Séance du 17 germinal an III (6 avril 1795): ... considérant qu'il importe de mettre la plus grande régularité dans la distribution des farines entre les boulangers et du pain entre les citoyens; considérant qu'il importe à la tranquillité publique que chaque individu soit assuré d'avoir la portion qui lui sera assignée, sans être exposé, à une perte de temps considérable et à la fatigue d'une trop longue attente...

[40] Нац. арх. F7*—2523. Registre des délibérations du Comité du 12 arrondissement. Séance du 24 germinal: ... un rassemblement de femmes s'est fait au Comité civil de la section du Panthéon demandant qu'il leur soit délivré une livre de pain au lieu d'une demi-livre que l'on leur voulait délivrer en vertu d'un arrêté des deux comités — civil et de bienfaisance réunis.

[41] Письма D'Yzez, найденные и опубликованные Raphaël Larquier, *La Revue de France,* 1926, novembre-décembre. Paris, le 30 floréal

an 3 (19 mai 1795): Ici c'est une horreur de l'agiotage qu'on se permet. Au Jardin Egalité, un pain d'une livre dans un instant passe de main en main et va depuis 12 jusqu'à 18 et 20 livres par cette opération infâme... il est certain que cet état de choses ne peut pas durer longtemps. (*R. de F.*, 1926, 15 décembre, стр. 685).

[42] Peltier. *Paris pendant l'année 1795,* t. I. Londres, 1795, стр. 125—126.

[43] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 236—237: Dans l'intervalle de deux mois, qui séparent la journée de germinal de l'insurrection de prairial, il n'y eut point de conspiration arrêtée; seulement les esprits irrités davantage par la récente lutte et par notre proscription sentaient qu'il serait fait un nouvel appel aux armes. A défaut de club des Jacobins les patriotes exposaient avec énergie leurs griefs dans les clubs des sections... tout annonçait enfin une grande crise: sans l'avoir provoquée les Montagnards la désiraient et se promettaient d'en profiter. La disette était parvenue au point le plus effrayant; il fallait passer une partie de la journée à la queue, aux portes des boulangers, pour obtenir quelques onces de pain et de riz. La chute des assignats, sans modification dans leur cours forcé, le relâchement des lois en faveur des pauvres; le manque d'ouvrage dans toutes les classes ouvrières, avaient mis le peuple dans un état de détresse difficile à décrire...

[44] Нац. арх. AF 11—50. Meaux, le 2 prairial an 3. *Le Directoire de Meaux aux représentants du peuple composants les Comités de sûreté générale et de salut public et militaire réunis:* Des nuages s'élèvent dans quelques communes qui manquent absolument de subsistances, mais ils se dissipent généralement et nos administrés sentent que l'insurrection ne leur donnerait pas ce qui leur manque et les plongerait dans l'abîme.

[45] *L'Orateur du peuple,* № CXI, du 7 floréal: Tout est parfaitement tranquille. Les passions semblent pour jamais assoupies. Le peuple continue à souffrir la disette avec une patience sublime et une héroïque resignation... Les gens aisés font des sacrifices, un commerce de bienfaits et de reconnaissance s'établit entre toutes les classes de citoyens.

Глава VI

[1] Thibaudeau. Цит. соч., т. I, стр. 165: Les républicains honnêtes, par amour de la liberté, les gens qui avaient quelque chose à perdre par la crainte du pillage, les royalistes même, pour sauver leurs têtes arrivèrent au secours de la Convention.

[2] Jullian. Цит. соч., стр. 199: Quoique nous n'eussions point de rassemblement legal, nous nous retrouverions partout, et même au milieu de cette foule.

[3] *Correspondance intime du conventionnel Rovère avec Goupilleau de Montaigu en mission dans le midi après la Terreur.* Nîmes, 1908, стр. 184: Rovère à Goupilleau, Paris le 7 prairial an 3: Tu auras sans doute déjà appris la crise violente que nous venons d'essuyer. Jamais la Convention n'a couru de si grands dangers. Notre malheureux collègue Féraud a été la seule victime. Nous ne devons notre salut qu'à l'energie des bons citoyens choisis un à un dans chaque section. Si nous n'avions pas élagué la canaille, nous étions perdus. Ce qui n'aurait pas manqué d'arriver, si nous avions fait lever les sections en masse, où les scélérats dominaient, parce que les honnêtes gens rougissaient de se mêler avec eux. Heureusement nous y avons fait attention. Nous avons donné l'éveil aux hommes probes, aux bons citoyens qui avaient une fortune à conserver. Nous les avons appelés de chaque section, et tout d'un coup nous avons eu une armée de 50 mille hommes qui avec la cavalerie que nous avons fait venir, nous ont sauvé, et avec nous la chose publique.

[4] Там же: Voilà un moyen sûr de terrasser les scélérats. Tu feras bien d'y avoir recours si le cas l'exigeait.

[5] Нац. библ. Отделение рукописей. Mss., fonds franç., nouv. acq. 244 (Бумаги Мерлен-де Тионвиля. Письмо, подписанное David). Paris, le 7 prairial: Le 4, l'élite des citoyens de Paris, rassemblés par avertissements personnels au nombre de 30 à 40 mille hommes, tous armés de fusils, accompagnés de deux régiments de cavalerie, de quelques détachements de volontaires, de canons et de mortiers, ont cerné le fb. Antoine... Cette fermeté et les préparatifs militaires leur en ont imposé. Ils ont voulu entrer en négociation; l'assemblée a refusé de les entendre, enfin ils se sont soumis vers le soir... Le 5 toutes les sections furent assemblées pour désarmer les terroristes et faire arrêter les plus coupables. Tous les citoyens ont exécuté cette mesure avec une ardeur incroyable. On fait déposer toutes les piques...

[6] Нац. арх. C. 342. *Les membres composant le tribunal criminel du département de l'Hérault à la Convention Nationale le 13 prairial an 3:* ... il faut faire aux méchants une guerre continuelle; il n'est point de traiter avec le crime. Représentants, votre collègue Olivier Gerente a raison de vous annoncer qu'à votre ordre on verra accourir du département de l'Hérault des phalanges de républicains propriétaires déterminés à protéger le sanctuaire des lois. Un grand nombre est allé déjà soumettre les révoltés de Toulon...

[7] *Actes*, vol. XXIII, стр. 369: ...pour sauver la chose publique, horriblement menacée par les hommes de sang et de carnage...

[8] Нац. арх. F^7 4441—B. Du 2 prairial an 3. *Comité de sûreté*, etc., *au comité militaire:* Nous vous prévenons, collègues, que nous venons de recevoir l'avis qu'il se formait dans le faubourg Antoine de ces rassemblements qui prenaient un caractère vraiment inquiétant, c'est principalement dans les sections de Popincourt, de Quinze-Vingts et de Montreuil avec plus d'audace. Nous venons de vous envoyer quelques jeunes gens pleins de zèle et de bonne volonté qui nous ont assuré qu'il se formait encore des rassemblements de femmes aux Thuilleries, semblables à ceux d'hier. Nous vous invitons à donner des ordres pour dissiper le plus promptement que faire se pourra ces groupes qui peuvent alarmer la tranquillité publique et avoir les suites les plus fâcheuses pour la liberté.

[9] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 237—238.

[10] Там же, стр. 239.

[11] *L'Orateur du peuple*, № CXXIII.

[12] Нац. арх. F^7 4411—B. *Comité de sûreté générale à la commission de police administrative.* Du 1 prairial an 3: Citoyens administrateurs, nous apprenons que votre surveillance ne soit point assez active, on nous assure qu'il existe un Comité d'insurrection, indépendamment du rassemblement séditeux qui y est réuni...

[13] Нац. арх. F^7 2523. *Les opérations du Comité révolutionnaire du douzième arrondissement composé des sections du Panthéon français, du Finistère, de l'Observatoire et des Sansculottes*, etc., 43: Séance du 1prairial l'an 3. Le président averti qu'il se forme des rassemblements dans les sections de l'arrondissement, que le tocsin sonne, convoque à l'instant le comité lequel réuni arrête qu'il restera en permanence jusqu'à la cessation des troubles.— Les cit. Leboy, secrétaire du Comité civil de la section de l'Observatoire, avertit le Comité d'un rassemblement des citoyens de ladite section, dans le lieu des séances ordinaires sous la dénomination d'assemblée générale de section.— Le cit. Diot annonce le même rassemblement dans la section du Jardin des Plantes et ajoute qu'après la lecture faite de la loi par l'agent national cette prétendue assemblée s'est dissipée... Les commissaires du Comité civil de la section du Panthéon français préviennent le

Comité sur un rassemblement de citoyens dans le lieu ordinaire des séances de la section sous la dénomination d'assemblée générale permanente et que pour communiquer avec les autres portions des sections insurgées ils avoient reçu une députation à la tête de laquelle étoit un nommé Pignaud, qui en vertu de ses prétendus pouvoirs avoit requis du comité l'apposition du timbre sur des arrêtés pris par ce rassemblement ce à quoi ledit comité s'est refusé.

[14] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 239.

[15] Jullian. Цит. соч., стр. 199—200. ...cette foule, dirigée par des chefs malhabiles, qui ne lui avaient donné qu'une impulsion générale, et qu'on avait laissée sans instructions particulières pour agir suivant les circonstances...

[16] Нац. арх. W. 547. Bourbotte, déposition à décharge (допрос 26 прериаля, показание свидетеля Paul Forestier): ...le déclarant répondit que l'on lui avoit dit que c'étoit un rappel, parce que les faubourgs Antoine et Marceau se proposaient de venir en masse à la Convention pour demander du pain...

[17] Нац. арх. F^7—2491. Comité du 6 arrondissement, séance du 1 prairial an 3: A onze heures du matin le comité informe que ses craintes se réalisent, que plusieurs groupes se forment pour marcher à la Convention, que la générale bat dans plusieurs quartiers de Paris, arrête que sa séance est permanente, arrête de plus qu'il entretiendra une correspondance très active avec les comités de gouvernement...— A quatre heures de relevé deux membres se rendent au Comité de sûreté générale pour le prévenir que le bataillon de Gravilliers voulait marcher sur la Convention...

[18] Нац. арх. AF. 11—50. Le Comité révolutionnaire du neuvième arrondissement de Paris, le 3 prairial l'an 3. (Начало: 1 prairial): A une heure et demie... le membre envoyé en mission au faubourg Antoine fait part que les boutiques en sont fermées, que les femmes en descendaient et se portaient à la Convention, que les hommes y étaient en groupes et armés, plusieurs ayant sur leurs chapeaux les mots: du pain ou la mort. (Комитет заседал непрерывно, en permanence, а потому общий протокол помечен третьим числом прериаля, когда заседание окончилось).

[19] *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 497): Вот этот документ в том (сокращенном) виде, в каком Пьерре (Pierret) доложил его Конвенту по поручению Комитета общественной безопасности, при открытии заседания 1 прериаля: Le peuple considérant que le gouvernement actuel est tyrannique, qu'il affame le peuple, que des citoyens énergiques sont incarcérés par ses ordres, transférés de communes en communes et égorgés dans beaucoup d'autres; considérant que ce gouvernement n'a de force que par notre faiblesse, c'est-à-dire qu'autant qu'on a la lâcheté de lui obéir; considérant enfin que lorsque l'oppression est insupportable, l'insurrection est le plus sacré des devoirs et un besoin de première nécessité, le peuple arrête ce qui suit: Aujourd'hui, sans plus tarder, les citoyens et les citoyennes de Paris se rendront à la Convention nationale pour y demander: 1. Du pain; 2. L'abolition du gouvernement révolutionnaire, dont chaque parti abuse au gré de ses intérêts et de ses passions; 3. La constitution de 1793; 4. L'arrestation de tous les membres du gouvernement et mise en liberté de tous les patriotes incarcérés pour avoir réclamé des subsistances en faveur du peuple, ou pour des opinions énergiques; 5. La convocation des assemblées primaires au 25 prairial, et celle de l'assemblée nationale au 25 messidor; 6. Les propriétés et les personnes seront mises sous la sauvegarde du peuple; les barrières seront fermées; personne ne pourra sortir de Paris, excepté les citoyens chargés de l'approvisionnement. On s'emparera des postes et messageries, ainsi que du télégraphe; les courriers pourront entrer, mais ne pourront sortir; 7. Les représentants qui seraient surpris en fuite, seront avec tout le respect qui leur est dû ramenés dans le sein de le Convention;

8. Il sera conservé pour la Convention Nationale tout le respect qui est dû à la représentation du peuple français; 9. Tout pouvoir non émané du peuple est suspendu; tout agent du gouvernement qui n'obéira sera puni comme tyran...

[20] La pièce qu'on vient de lire n'est point faite pour effrayer les représentants du peuple; ils sauront mourir à leur poste.

[21] Dulaure. Цит. соч., т. IV, стр. 52.

[22] Нац. библ. Le[38]—1446. *Projet de procès-verbal de la séance du premier au 2 prairial de l'an troisième,* etc., стр. 7.

[23] Salverte E. *Les premiers jours de prairial.* Paris, an 3, стр. 15.

[24] *Le Moniteur* (quintidi, 5 prairial, 24 mai 1795), излагая это происшествие, явно путает, дабы усилить впечатление от поведения Феро. По маловероятной версии этой газеты выходит, будто толпа сначала «прошла через тело» депутата (on passe sur son corps), который все же остался жив и продолжал действовать, а убит был уже спустя некоторое время.

[25] Thibaudeau (цит. соч., т. I, стр. 163) утверждает, что тело Феро было вытащено из здания Конвента на улицу, где у трупа была отрезана голова и затем на пике внесена обратно в Конвент. Луве в ниже цитированной речи, напротив, говорит, быть может, впрочем, только для красоты слога, что Феро пал «у подножия трибуны».

[26] Discours de J. B. Louvet dans la séance du 14 prairial an 3, pour célébrer la mémoire du représentant du peuple Féraud, etc.: ...sans armes, à peu près seul, Féraud, l'intrépide Féraud reste devant eux... Eh bien, vous passerez sur mon corps, s'écrie-t-il. Il a dit, il se jette; les barbares vont le fouler aux pieds. Quelques amis le relèvent à peine et l'entraînent. Il rentre couvert de sueur, chargé de poussière, brisé de fatigue, hors d'haleine, haletant, épuisé... voici l'instant fatal... Le président donne des ordres; l'adjudant-général Lieubault les recevait... trente sabres sont levés sur lui. Féraud voit l'innocent menacé, il retrouve des forces, il vole au secours de l'inconnu. Entre la victime et les assassins il s'élance... les bras étendus, les bras désarmés... c'est là qu'ils l'ont frappé... au pied de cette tribune il est tombé sans dire un mot, sans pousser un cri! c'est là qu'ils se sont acharnés sur lui, qu'ils l'ont criblé de leurs piques et de leurs baïonnettes! c'est là qu'ils l'ont traîné par les cheveux...

[27] Salverte. Цит. соч., стр. 66—67: Il faudrait la plume de Plutarque pour retracer un pareil trait avec les couleurs qu'il mérite,— прибавляет умиленный автор. В том-то, разумеется, и дело, что историку весь этот рассказ именно и представляется умышленно стилизованным «под Плутарха», с молчаливого согласия самого Буасси д'Англа. Победители в подобных случаях вообще редко противоречат своим восторженным Плутархам. (Ср., напр., Николая I и описание декабрьских событий 1825 г. в просмотренном императором изложении графа Модеста Корфа).

[28] Там же, стр. 67—68.

[29] *Projet de procès-verbal,* etc., стр. 14: ...Ils poussent l'impudeur et l'infamie jusqu'à appuyer les insolents réclamations des révoltés, jusqu'à provoquer eux-mêmes des délibérations et rendre avec ce ramas de brigands ce qu'ils appellent des décrets.

[30] Mathiez A. *La réaction thermidorienne.* Paris, 1928.

[31] Guyot R. *Le conventionnel Goujon,* стр. 170—171.

[32] Mais comme le mot d'ordre secret était de gagner du temps autant que possible, pour donner le loisir à ceux qui étaient dehors de dégager la Convention, je me dirigeai entièrement sur ce point de vue.

[33] *Moniteur,* quintidi 15 prairial an 3. (mercredi, 3 juin 1795). Suite de la séance du 10 prairial: Je suppose, par exemple, que notre respectable collègue Vernier, qui tenait le fauteuil dans cette soirée affreuse, soit

accusé devant la commission; il sera condamné, si l'on n'examine pas l'intention, pour avoir mis aux voix propositions qui étaient faites par Duroy, Romme et autres; cependant nous sommes tous persuadés qu'il n'a pris ce parti que pour sauver la Convention et la république d'une perte totale.

[34] Нац. арх. W. 547. *Pièces de Duquesnoy. Défense de représentant du peuple Duquesnoy:* je déclare n'avoir parlé qu'une fois et l'un des derniers dans la soirée du premier prairial, je ne l'ai fait ainsi que tous ceux qui ont parlé avant moi qu'après l'invitation réitérée qui nous en fut faite par le président et croyant faire le bien.

[35] *Mémoires de M. de La Rochefoucauld,* vol. IV. Paris, 1862, стр. 527: De concert avec les comités de gouvernement, s'il (Vernier) paraissait seconder les délibérations des factieux, il ne tendait qu'à gagner du temps, à empêcher des violences qui eussent prévenu ces mesures salutaires que la nuit seule pouvait rendre efficaces.

[36] *La Révolution Française,* vol. 19, стр. 238: Leur fallait-il dix heures de temps pour s'affubler de leurs costumes et se mettre à la tête d'un simple détachement qui pourtant a suffi, quand on l'a vu, pour mettre en fuite un tas de bandits que trente hommes bien armés pouvaient arrêter dans sa marche.

[37] *Le Moniteur,* quintidi 5 prairial an 3 (dimanche 24 mai 1795): Cependant le tocsin sonnait au pavillon de l'Unité; la cour, le jardin du Palais-National, tout était rempli de gardes nationales et d'artillerie. Les bataillons qui attendaient des ordres voyaient défiler au milieu d'eux des hommes armés qui pénétraient dans la Convention, sans qu'on sût ce qu'ils allaient y faire.

[38] Там же. Il est 7 heures un quart; on est parvenu à obtenir un peu de silence.

[39] Там же.

[40] Нац. арх. W²—547, pièce 130. Paris le 25 prairial l'an 3. *Déposition de Jullian contre tous.*

[41] «Тем, что он называл Конвентом» (par ce qu'il appelait la Convention), презрительно формулирует Жюллиан. По официальной теории Конвент формально не существовал и не действовал в течение всех часов, когда в зале находилась народная толпа.

[42] *Moniteur,* 6 prairial, l'an 3 (25 mai 1795): ...afin que les tyrans du 12 germinal ne renouvelassent pas la même nuit.

[43] Нац. арх. W. 547. *Pièces de Romme.* Допрос 24 прериаля:... qu'il y a été d'ailleurs vivement sollicité par ses collègues voisins de lui.

[44] Там же (показание Ромма):... n'ayant pas le talent d'improviser il s'est tu, que le silence lui a valu des outrages et des menaces de plusieurs personnes de la mêlée qui étaient au bas de la tribune...

[45] Там же (показание Ромма 24 прериаля): ...que les comités de gouvernement gardoient le silence depuis sept à huit heures quoiqu'un décret rendu le matin les chargeait d'éclairer la Convention d'heure en heure sur ce qui se passait à Paris, que la force armée, dirigée par le gouvernement et qui auroit reçu l'ordre de faire respecter la Convention en repoussant même s'il le falloit la force par la force, ne paraissait plus, que toutes communications avec l'extérieur étoient interrompues... les comités de gouvernement étoient-ils assiégés? étoient-ils dissous? Le sang ne couloit-il dans les rues de Paris? que voilà les causes de l'anxiété cruelle qu'il éprouvoit, que les doutes le poursuivoient à chaque instant, qu'il voyait la Convention qui s'était déclarée le matin en permanence réduite à la seule puissance morale, dénuée de tous moyens de répression intérieure pour se faire respecter, qu'il crut devoir profiter de la première lueur de confiance pour obtenir le soir ce qu'on n'avoit pu obtenir le matin, que les citoyens se rendissent dans leurs sections.

[46] Tissot. Цит. соч., стр. 178—179. Вот текст этих предложений: 1) Les comités civils des sections feront un récensement des farines et grains qui se trouvent chez les traiteurs, restaurateurs, pâtissiers, boulangers de Paris, et tous ceux qui emploient des farines pour le commerce. 2) Les visites qui seront faites à cet effet n'auront lieu que pour les farines et grains seulement (Cet amendement est du président). 3) Les comités civils seront préalablement renouvelés. 4) Ce renouvellement sera fait par les assemblées de section. 5) On ne procédera à ce renouvellement qu'après la mise en liberté des patriotes incarcérés. 6) Les farines provenant du récensement seront converties tout de suite en pain. 7) Il est défendu jusqu'à nouvel ordre de faire des brioches et autres pâtisseries. 8) Il ne sera fait qu'une seule espèce de pain qui sera réparti également. 9) Une commission de cinq membres sera nommée dans le sein de la Convention pour veiller à l'exécution de ces mesures. 10) Il sera présenté, dans la séance prochaine, un projet de loi relative à un récensement des grains dans toute la république.

[47] Нац. арх. W. 547. Записка Ромма суду, 26 prairial, l'an 3. Подписано: Romme: Dès l'instant où les représentants du peuple ont été réunis dans un même lieu de la salle, l'ordre s'est rétabli, le respect et le silence ont régné, les représentants du peuple seuls ont parlé... Le résultat principal a été tel que nous le désirions, la confiance a reparu, la foule s'est écoulée peu à peu tant de la salle que des tribunes. Il a été facile d'évacuer ce que restoit encore lorsque la force armée a reparu à minuit, dirigée par le gouvernement.

[48] Там же. *Extrait du procès-verbal de la Convention Nationale du 8 jour de prairial an 3 de la République française. Romme, représentant du peuple:* La salle de la Convention Nationale était envahie depuis plusieurs heures par une foule nombreuse de femmes et d'hommes armés, le représentant Féraud avait été assassiné... Romme demande la parole au nom du peuple, dit qu'il ne voit dans cette enceinte que des républicains... Il réclame le silence au nom du peuple souverain, demande que la tribune soit libre à ceux qui voudraient parler et assure qu'il est tout dévoué à la cause du peuple. Il demande que le président mette aux voix à l'instant les propositions qu'il fait comme représentant du peuple, de mettre en liberté les patriotes, et que le décret soit envoyé par des courriers extraordinaires. Il propose ensuite la suspension de toutes les procédures commencées contre les patriotes incarcérés. Après avoir dit que le comité de gouvernement a dû prendre des mesures pour l'arrivage des subsistances... que l'abondance règne pour ceux qui ont beaucoup d'assignats tandis que l'indigent est obligé de mourir de faim, qu'il ne doit y avoir qu'une seule espèce de pain pour tous, il demande qu'il soit fait à l'instant des visites domiciliaires pour chercher la farine. Il ne suffit pas, dit-il, de rendre des décrets salutaires, il faut s'assurer des moyens de les faire exécuter. Il propose en conséquence la convocation et la permanence des sections de Paris, que les citoyens reprennent leurs droits, qu'ils nomment les commissaires pour les subsistances et que les comités civils soient renouvelés au gré du peuple. Enfin il demande que ce décret ne soit exécuté qu'après que les patriotes incarcérés auront été mis en liberté.

[49] Там же. *Le représentant Goujon* (Pièces). *Extrait du procès-verbal de la Convention Nationale du 8 prairial.*

[50] Tissot. Цит. соч., стр. 202—203: Peu de temps après des femmes furieuses remplissent nos tribunes en réclamant à grands cris du pain et la constitution. Plusieurs membres demandent que l'on fasse évacuer les tribunes, l'ordre en est donné et exécuté sur-le-champ...

[51] Там же, стр. 203: ...et sans doute il l'aurait fait si un grand nombre d'ouvriers, à qui un pareil crime faisait horreur, ne l'eussent empêché. Бур-

ботт не поясняет точнее, почему он считает спасших его людей именно рабочими, и не говорит определенно, к какому классу причисляет l e s h o m m e s a f f r e u x, желавших истребить Конвент.

[52] Нац. арх. W. 547. Bourbotte. *Défense* (sic!) *de Bourbotte*, etc.: Personne ne put se dissimuler que depuis quelque temps l'esprit public a été perverti par quelques journalistes dont les feuilles étoient remplies de maximes liberticides... je demande en conséquence l'arrestation de ceux des journalistes qui ont perverti l'esprit public.

[53] Там же. Pièce 140—141. Paris le 25 prairial, l'an 3. *Déposition de Martinville:* ...et ensuite en s'adressant au sans-culotte il lui montra les loges des journalistes qui étaient vides et lui dit: vois-tu ces coquins-là? ils ont pris tous les armes contre le peuple, mais nous les empêcherons de jamais rentrer dans leur repaire...

[54] Там же. Приписка к *Extrait du procès-verbal du 8 jour de prairial an 3:* Dans la séance du vingt trois prairial un membre observe, etc.. il ajoute que dans la séance calamiteuse du premier prairial et dans le temps où la Convention étoit sous les poignards, après la motion faite de révoquer le comité de sûreté générale pour ses fonctions en être attribuées à une commission, sur les murmures excités par cette motion, Bourbotte se trouvant à la tribune dit: nous ne devons pas oublier les journées des douze, treize et quatorze germinal, nous ne voulons pas être transférés au château de Ham...

[55] Там же: *Pièces de Duquesnoy. Défense du représentant du peuple Duquesnoy:* ...je n'ai été ni l'auteur, ni fauteur, ni complice et déclare de n'avoir participé en aucune manière aux attentats et atrocités commises le premier prairial, d'avoir au contraire été pendant sept à huit heures sous les poignards des assassins, accablé d'injures, de menaces de tout genre et maltraité par les factieux.

[56] Там же. Paris, le 25 prairial an 3. *Déposition de Jullian*, очная ставка с обвиняемыми (en confrontation).

[57] Там же. То же дело.

[58] Там же. *Extrait du procès-verbal*, etc. Le représentant Soubrany:... invita ses quatre collègues qui venaient d'être nommés pour remplacer le Comité de sûreté générale à se réunir sur-le-champ et à prendre toutes l e s m e s u r e s n é c e s s a i r e s p o u r e m p ê c h e r q u e l e s t y r a n s d e 12 g e r m i n a l n e f i s s e n t e n c o r e u n e p a r e i l l e j o u r n é e (подчеркнуто в подлиннике).

[59] *Discours prononcé par... J. B. Louvet,* etc. стр. 15—16: Oh, si le crime savait en effet combiner tous ses plans et calculer tous ses moyens! Mais un génie protecteur des gens de bien ne le souffre pas; il veut que les méchants soient frappés d'un esprit de vertige; qu'au sein même de leurs succès ils s'embarassent dans leur marche... Tandis qu'ils vous tenaient esclaves, vos comités demeuraient libres, vos comités préparaient votre délivrance. Si de cette troupe impie seulement le tiers se fût présenté pour les dissoudre, c'en était fait. Plus de moyens de ralliement pour les citoyens fidèles, pour la patrie plus de salut, pour nous plus d'autre destinée que la mort. Les conjurés n'y songèrent pas, ou plutôt ils y songèrent trop tard...

[60] Нац. арх. W. 548. № 67. *Brutus Magnier à l'infâme Comité de dévastation générale*; ...puisque les insurgés ont eu la maladresse de ne pas faire main basse sur les membres des comités de gouvernement...

[61] Там же. В заседании участвовали в этот день Камбасерес, Трельяр, Сиейс, Тальен, Мерлен (de Douai) и др.

[62] *Actes*, t. XXIII, стр. 368—369. Séance du 1 prairial.

[63] Там же.

[64] T h i b a u d e a u. Цит. соч., т. I, стр. 166.

[65] *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 518, 522): La Convention ne peut

tarder à faire justice des scélérats qui l'ont assassiné. Il ne faut pas que le soleil se lève et que ces hommes vivent encore.

[66] Там же, стр. 522: Suite de la séance du 2 prairial: Duguet-Bassé: Je demande que pour le cas dont on parle, on prononce le hors la loi...— Thibaudeau:.., Cependant je trouve la mesure de l'arrestation insignifiante (on applaudit), pernicieuse même. Ceux que vous avez arrêtés sont, tant qu'ils vivent, les causes d'une réaction sans cesse renaissante.— André Dumont: Je demande que ce décret soit étendu à ceux qui ont été arrêtés le 12 germinal (vifs applaudissements).— La Convention Nationale décrète d'accusation les représentants du peuple Duquesnoy, Duroy, Bourbotte, Prieur (de la Marne), Romme, Soubrany, Goujon, Albitte aîné, Peyssard, Lecarpentier, Pinet aîné, Borie et Fayau, décrétés d'arrestation dans la séance du 1 prairial; et les représentants Ruamps, Thuriot, Cambon, Maribon-Montaut, Duhem, Amar, Choudieu, Chasles, Foussedoire, Huguet, Léonard Bourdon, Granet, Levasseur (de la Sarthe), Lecointre (de Versailles), décrétés d'arrestation dans les séances du 12 et 16 germinal.

[67] Thibaudeau. Цит. соч., т. I, стр. 172: Enfin, si nous avions été vaincus, c'est nous qui aurions été coupables, c'est nous...

Глава VII

[1] *Revue de France*, 1926, 15 décembre, стр. 687. Письмо, помеченное Paris, le 2 prairial, an 3: Hier citoyens, nous avons eu une journée dont le 9 thermidor n'était qu'un faible échantillon.

[2] Нац. библ. Lb 41—2239. N. L. Desessarts. *Procès fameux jugés depuis la Révolution*, vol. VII. A Paris, an 7 de la République, p. 1: L'histoire de la révolution si féconde en événements extraordinaires et en catastrophes sanglantes, n'offre aucune époque où la fureur des factions se soit développée avec plus d'audace que dans la fatale journée du premier prairial de l'an 3.

[3] *Moniteur*, № 246, sextidi 6 prairial an 3. (lundi, 25 mai 1795): De tous les attentats commis contre la représentation nationale, il n'est point de plus atroce dans son but, de plus cruel dans ses moyens, que le complot qui a éclaté le 1 prairial... La Révolution française, ce drame si fécond en événements terribles et sanglants, n'avait point encore présenté de scène aussi effrayante par les catastrophes qui devaient en résulter... etc., etc. Замечу кстати, что эта статья (в числе еще нескольких) подшита к делам военной комиссии, судившей Ромма и его товарищей (Н. А. 547).

[4] Jullian. Цит. соч., стр. 201—202.

[5] *Revue de France*, 1926, 15 décembre, стр. 688—689. Письмо D'Yzez от 23 прериаля:... le 1 prairial on a été à un point qu'un peu d'action de plus renversait tout. Il n'a tenu à rien que ce mouvement n'ait réussi, et je ne conçois pas comment, sous les yeux d'un gouvernement armé de tous les pouvoirs, il a pu s'organiser. C'est une énigme pour moi.

[6] Там же, стр. 687, письмо от 2 прериаля: Ce fut une espèce de miracle que, dans cette attaque, le sang n'eût pas coulé à grands flots... j'ai vu que nous avons couru les plus grands dangers.

[7] Нац. арх. F7* — 2513. *Second registre des délibérations du Comité révolutionnaire du onzième arrondissement du département de Paris*. Séance du 1 prairial: A cinq heures du soir le comité envoie deux de ses membres au Comité de sûreté générale pour s'informer des ordres qu'il auroit à transmettre au comité et pour s'instruire de ce qui se passe à la Convention, le comité envoie aussi dans divers endroits de son arrondissement pour s'assurer si tout est calme. Les membres de retour du Comité

de sûreté générale apprennent au comité que des factieux se sont introduits en armes dans le sein de la Convention et qu'ils y dictent les lois.

[8] Нац. арх. F⁷ — 2476. *Comité de l'arrondissement...* Séance du 1 prairial an 3: Des mouvements extraordinaires se manifestant vers la Convention, le comité s'est déclaré en permanence, en jurant de périr à son poste plutôt que de souffrir que la représentation nationale soit violée, de faire tout ce qui sera en son pouvoir pour empêcher tous attentats publics et privés. La salle de la Convention ayant été forcée le Comité de sûreté générale étant investi, le comité reste dans l'anxiété en se voyant dans l'impossibilité de communiquer avec les comités de gouvernement... Le comité passe le reste de la soirée et la nuit jusqu'à trois heures sans pouvoir juger de l'état des choses que d'une manière vague. A trois heures il reçoit une lettre du Comité de la sûreté générale qui lui annonce que la représentation nationale était délivrée de ses oppresseurs par la courageuse énergie de plusieurs sections de Paris...

[9] Нац. арх. F⁷ — 2523, стр. 45: Le comité arrête qu'il sera répondu à l'administration que toutes les opérations du comité ont été exactement envoyeés au Comité de sûreté générale comme seule autorité avec laquelle il doit correspondre.

[10] Там же:... pour demander que les armes des citoyens désarmés leur fussent rendus et que, sur le refus du comité, ces citoyens avoient forcé les portes et les avoient repris...

[11] Нац. арх. F⁷ 4411 — B. *Comité de sûreté générale.* Du 1 prairial (циркуляр по всем комитетам округов Парижа): la représentation nationale secondée de la courageuse énergie de plusieurs sections de Paris, vient de rentrer dans le lieu de ses séances, dans le libre exercice de ses fonctions, etc... Vous ne doutez pas que votre zèle et vos moyens de persuasion n'aient puissamment concouru dans cette journée au maintien de la tranquillité publique dans chacun de vos arrondissements; par vous le feu sacré s'est conservé; votre correspondance et vos communications avec les comités de gouvernement ont attesté votre patriotisme.

[12] Там же. *Les Comités de sûreté générale, de salut public et militaire réunis aux administrateurs du district de...* (циркуляр). Du 2 prairial, deux heures de nuit, an 3: Nous sommes informés, citoyens, que des lettres parties hier ou avant hier de Paris et dictées par la scéléraiesse la plus contre-révolutionnaire et la plus noire ont invité les citoyens des communes de votre district à s'assembler cette nuit pour prendre des mesures conséquentes au crime que leurs coupables auteurs méditaient contre la représentation nationale et par la consommation duquel ils se flattaient de renverser la républiquc... La représentation nationale affranchie de l'oppression sous laquelle elle a gémi pendant une partie de la journée d'hier, a repris son attitude fière et majestueuse... empêchez et dissipez les rassemblements... éclairez les citoyens sur les événements qui viennent de se passer.

[13] Там же. *Comité de sûreté générale.* Du 1 prairial an 3: Aux commandants de forts de l'Isle Oleron, Besançon, Sédan, Château St. Michel, fort de Ham. Nous te prévenons, citoyen, que la Convention Nationale a été violée dans le lieu de ses séances, un de ses membres a été assassiné dans son sein; au milieu de ces affreux désordres la violence a arraché quelques décrets que la Convention libre s'empressera de rapporter. Ainsi si tu reçois les ordres de mettre en liberté les individus qui sont soumis à ta garde, nous t'enjoignerons d'attendre des ordres ultérieurs. Réponse — par le courrier que nous te dépêchons.

[14] *Actes,* vol. XXIII, стр. 362. Séance du 1 prairial (20 mai 1795).

[15] Нац. арх. F⁷ 4411—B. Du 3 prairial an 3. *Le Comité de sûreté générale à la commission administrative de police.* Le comité a besoin de recevoir dans le plus bref délai des renseignements sur la position actuelle

des 48 sections de Paris. En conséquence il vous invite à lui faire parvenir d'heure en heure des rapports très exacts et des citoyens sûrs. Il compte sur votre exactitude.

[16] Нац. арх. F[7] 4411—B. Du 2 prairial an 3. *Comité de sûreté générale à la commission de police administrative.* Du 2 prairial, an 3: Que font (sic!) à cette Maison Commune? quel caractère a ce rassemblement? quelle dénomination prend-il? quels paraissent être ses projets? Réponse sous demi-heure au plus tard. Correspondez avec nous de demi-heure à demi-heure.

[17] См. цитированное выше отношение Комитета безопасности от 3 прериаля.

[18] Там же. Du 3 prairial, an 3. *Le Comité de sûreté générale au Comité de salut public.* Nous vous faisons passer, citoyens collègues, une déclaration qui vient de nous être adressée pour qu'il y ait une exactitude scrupuleuse dans le payement des troupes stationnées à Paris et dans les environs ainsi que dans le service de tout ce qui tient aux besoins de la vie.

[19] Там же. *Le Comité de sûreté générale au comité civil de la section* (циркуляр): Que votre patriotisme devienne celui de tous vos concitoyens, que partout ils réunissent les esprits, etc., tout présage que cette journée sera heureuse pour les amis de la liberté, des lois et de la représentation nationale...

[20] *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 518): Perrin (des Vosges): Je dois annoncer à la Convention que l'esprit des citoyens qui l'entourent est excellent. Il n'est pas une section qui ne soit animée de la plus grande ardeur pour détruire les cannibales; la cavalerie partage les mêmes sentiments.— Henri Larivière: La force armée qui entoure la Convention vient de prêter le serment de faire une guerre à mort aux terroristes et aux buveurs de sang.

[21] Там же, стр. 518: La malveillance dit aussi que la Convention Nationale a mis hors la loi le peuple de Paris: comme si on mettait le peuple hors la loi... Fermes à vos postes, maintenez-nous libres dans le nôtre et, par un dernier effort, nous assurerons aux satellites du brigandage, aux amis de la terreur, aux secrets partisans de la royauté leur châtiment et à vous le maintien de vos propriétés, la sûreté de vos personnes et la liberté.

[22] *Moniteur,* septidi 7 prairial, an 3. Suite de la séance du 2 prairial Marec: Jamais les Jacobins ne nous eussent donné cette paix.

[23] Там же, стр. 517, речь Doulcet.

[24] Нац. арх. C. 341. 1 prairial. *Proclamation de la Convention Nationale aux citoyens de Paris:...* Citoyens, les provocateurs des troubles se gardent bien de vous dire leurs secrets. Ils abhorrent la paix qui pourrait ramener l'abondance et vivifier l'industrie. Un traité de paix devait être et fut signé à Bâle le seize germinal: le douze germinal ils excitèrent une révolte. Des négociations suivies avec activité et prudence ouvrent au gouvernement une perspective heureuse... ces mêmes provocateurs s'efforcent d'étouffer à la naissance le germe de votre bonheur...

[25] *Journal des hommes libres*, № 242, 2 prairial. Séance du primedi 1 prairial: Un autre fait, ajoute Merlin (de Douay), c'est qu'à peine la paix avec la Prusse était conclue, qu'une des puissances coalisées a fait remettre à la diète de Ratisbonne un mémoire, dans lequel on faisait un crime au roi de Prusse d'avoir signé la paix dans un moment où la fermentation qui régnait en France faisait espérer une crise prochaine.

[26] Нац. арх. A. D. I—III. *Discours prononcé par Boissy d'Anglas... dans la séance de la Convention Nationale du premier thermidor l'an troisième:...* il faut le dire à la France entière, à l'Europe, à l'univers, le cabinet de Londres use en ce moment de ses dernières ressources... Désespérant de

triompher de nous par la force des armes, et craignant d'être bientôt forcé de céder aux volontés de sa nation, le génie macchiavélique de la cour de Londres cherche à porter dans notre propre sein un germe d'anéantissement: c'était lui qui tout-à-l'heure provoquait les crimes du premier prairial...

[27] *Moniteur*, № 247, septidi 7 prairial. (Mardi 26 mai 1795). Suite de la séance du 2 prairial. Delahaye: Des événements plus fâcheux que ceux qui nous ont environnés hier nous menacent peut-être encore; je demande que les comités de gouvernement viennent nous rendre compte.

[28] Там же, стр. 520. (Génissieux).

[29] Там же, стр. 520. Perrin: Je dois annoncer que les factieux ont quitté la commune, qu'ils se rassemblent au faubourg Antoine et qu'ils disent attendre les habitants de campagne qui se joindront à eux... Bourdon de l'Oise: Il faut marcher dessus. Dès qu'il y a un rassemblement, il faut aller en avant. Garnier: ...il faut marcher contre les coquins... p. 521.— Legendre: On a chargé les comités de prendre des mesures, ils agissent sans doute, il est inutile de rien proposer ici.

[30] La Rochefoucauld. Цит. соч., т. IV, стр. 532.

[31] *Actes*, vol. XXIII, стр. 402. 2 prairial (21 mai 1795).

[32] La Rochefoucauld. Цит. соч., т. IV, p. 521, 532, 537—538.

[33] *La Révolution Française*, 1904, vol. 47, стр. 180 и сл. Une lettre du général Alexis Dubois sur les journées de Prairial.

[34] Там же: Voilà ma conduite... lorsqu'il s'agit de sauver sa patrie l'homme est capable de tout, jusqu'à se vaincre lui-même.

[35] Fain. Цит. соч., стр. 194.

[36] *Moniteur*, réimpr., vol. 24, стр. 527. Suite de la séance du 2 prairial (Legendre).

[37] Там же, стр. 527. Вот этот декрет: La Convention Nationale, en déclarant qu'elle continue à s'occuper sans relâche des subsistances des citoyens de Paris, décrète que la commission des Onze lui proposera les lois organiques de la constitution 1793 quintidi 25 du présent mois. Le présent décret sera proclamé sur-le-champ aux citoyens qui entourent la Convention Nationale, publié dans toutes les sections de Paris et envoyé aux départements et aux armées par des courriers extraordinaires.

[38] Там же, стр. 527—528. Suite de la séance du 2 prairial.

[39] Там же, стр. 528.

[40] La Rochefoucauld. Цит. соч., т. IV, стр. 535: ...la consternation et les regrets des patriotes, la joie et les espérances des séditieux...

[41] *Moniteur*, octidi 8 prairial an 3. (Mercredi 27 mai 1795). Séance du 3 prairial (Bourdon).

[42] Нац. арх. C. 341. La Haïe (sic!), le 7 prairial an 3. Les représentants du peuple près les armées du Nord et de Sambre et Meuse... nous nous sommes occupés sur-le-champ avec le général en chef Moreau et les généraux Eblé, Delmas et Dumonceau des mesures à prendre soit pour délivrer la Convention Nationale de ses oppresseurs, soit pour la venger si elle avait succombé sous leurs coups. Des ordres ont été expédiés sur-le-champ pour faire mettre en mouvement tout ce que nous avons de troupes disponibles et les diriger vers la France.

[43] Там же. Le Comité de sûreté générale. Du 3 prairial, an trois, etc.: Le Comité de sûreté générale arrête que chacun des douze comités révolutionnaires de Paris mettront en arrestation les individus notoirement connus comme agents ou provocateurs de l'anarchie, et porteront dans cette mesure autant de célérité que de prudence.

[44] *Moniteur*, septidi 7 prairial an 3 (mardi, 26 mai 1795). Suite de la séance du 2 prairial... la proclamation... présentée par Auguis au nom des comités.

[45] Нац. арх. F[7]—2476. Comité du 1 arrondissement. Séance du 2 prairial an 3: La matinée se passa à entendre les déclarations des citoyens armés qui amenaient au comité des citoyens et des citoyennes qui prêchaient le désordre, provoquaient à des moyens sanguinaires contre la Convention.

[46] Jullian. Цит. соч., стр. 202.

[47] Нац. арх. F[7]—2523, 46. Séance du 3 prairial an 3: Le citoyen Jumiliard se déclarant président du rassemblement d'individus de la section du Panthéon français sous le nom d'assemblée générale, se présente au comité et demande à protester sur la conduite qu'il a tenue dans les journées du 1 et 2 prairial. Le comité après avoir délibéré sur ladite demande a arrêté qu'il n'y avait lieu à délibérer, motivé sur ce que ledit citoyen ne pouvait ignorer la loi qui défend ces sortes de ressemblements pour recevoir une protestation de cette nature...

[48] Нац. арх. F[7]—2491. (A onze heures du soir dudit jour trois prairial, etc.). Самая характерная фраза в устах председателя комитета общественного спасения:... que les bons citoyens n'avoient plus de ressource que dans leur courage et leur énergie...

[49] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 245—246.

[50] *Actes*, vol. XXIII, стр. 404. Séance du 2 prairial an 3 (21 mai 1795).

[51] *Recueil*, vol. I, стр. 738; 3 prairial an 3 (22 mai 1795).

[52] Там же.

Глава VIII

[1] Нац. библ. Lb[41]—1826. *Détails circonstanciés de ce qui s'est passé le 4 prairial au faubourg St. Antoine, par le général Kilmaine:* ...il est nécessaire que je dise un mot du bataillon des jeunes gens, qu'on a tant et si souvent calomnié, qu'on a tant accusé de royalisme et qui cependant ont tant rendu de services depuis le neuf thermidor.

[2] Антуанское предместье входило, собственно, вовсе не в 6-й, а в 8-й округ, но комитет этого последнего округа был в глазах властей довольно подозрителен по своему составу, поэтому и пришлось воспользоваться услугами чужого, но зато вполне «благонадежного» комитета.

[3] Нац. арх. F[7]—2491[1]. *Registre* (ff. 103—107). A cinq heures du matin quatre prairial, etc:... les autorités constituées avoient été prévenues et avoient averti le gouvernement que l'on y proposait d'enlever les condamnés et de les soustraire au supplice.

[4] Там же: Il sembloit que tous les habitans fussent membres du comité du 8 arrondissement étant tous profondément endormis.

[5] Там же:... traitant de muscadins et d'aristocrates tout ce qui n'est point habitant du faubourg Antoine...

[6] Нац. арх. F[7] 4411—B. Du 4 prairial. *Le Comité de sûreté générale au Comité révolutionnaire du 8 arrondissement:* La victoire se prononce en faveur de la loi, citoyens, l'ordre triomphe de l'anarchie et la loi du canon. Nous invoquons, citoyens, votre patriotique et courageuse véracité pour faire placer sous la main de justice les auteurs et provocateurs de la conspiration qui a aujourd'hui failli de perdre la république. Il ne faut pas que la patrie soit chaque jour exposée à des convulsione qui atteignent toutes ses ressources et la mettent aux portes du tombeau; achevons de concert le salut de la France.

[7] Нац. арх. C. 341. 9 prairial. *Rapport* (Delamas, Gillet, Aubry):... les rebelles se voyant investis de tous côtés par la force armée et pressés dans le même moment par les bons citoyens du faubourg Antoine n'ont pas tardé à faire des propositions de paix... à dix heures du soir le faubourg était désarmé, les coupables livrés à la commission militaire et tout était rentré dans l'ordre sans avoir fait couler une goutte de sang.

[8] Нац. арх. AF. 11—57. *Loi contenant des mesures répressives contre les factieux du faubourg Antoine.* Le 4 prairial an troisième, etc...:

Considérant que les factieux du faubourg Antoine ont dans les journées des 1 et 2 de ce mois marché en armes sur la Convention Nationale et braqué leurs canons contre le lieu de ses séances à l'effet d'arracher aux représentants de vingt-cinq millions de français des décrets qui dans aucun cas ne doivent être l'ouvrage de la contrainte, mais toujours celui de vœu libre de la majorité; considérant que les factieux menacent de présenter encore à la France le spectacle d'une faible portion du peuple voulant faire la loi à la majorité de la nation; qu'ils menacent la France entière de la couvrir de nouveau de crêpe funèbre que la révolution du 9 thermidor doit avoir déchiré pour jamais; que leurs projets liberticides sont évidemment de reculer l'époque heureuse où la France enfin doit jouir d'une constitution libre et démocratique, consolidée par les traités de paix déjà conclus et ceux qui sont prêts à être consommés... Considérant... qu'un des assassins, condamné par les lois, a été arraché par la force des mains de la justice au moment où il devait subir le châtiment dû au plus grand des forfaits; que les factieux du faubourg Antoine ont eu l'audace inconcevable de promener en triomphe ce scélérat et lui donnent retraite de sûreté dans le sein de leurs sections... décrète ce qui suit...

[9] Нац. библ. Mss., fonds fr., nouv. acq. 245. Paris, le 4 prairial, an 3. *Les Comités de salut public, de sûreté générale et militaire réunis — aux représentants du peuple près les armées et dans les départements et aux Administrations de département:* La loi que vous avez reçue contenant des mesures répressives contre les factieux du faubourg Antoine, a reçu son entière exécution; il a suffi de déployer l'appareil imposant de la force pour ramener les factieux à l'obéissance. Plusieurs des chefs ont été saisis, la journée de demain éclairera leur supplice; le désarmement des autres les mettra hors d'état de nuire, et les bons citoyens peuvent espérer que leur tranquillité ne sera plus troublée. Les Représentants du peuple, signé: Cambacérès, président; Treilhard, Defermon, Fourcroy, Sevestre, Bernard, Doulcet, Roux, Merlin (de Douai), Gillet.

[10] Нац. библ. Lb[41]—1827. *Histoire du bataillon des jeunes citoyens à l'attaque du faubourg Antoine le 4 prairial, an 3,* par Louis Costaz, Paris, s. a., стр. 5: ...et que dans le cas où les événements tourneroient en faveur des jacobins les notes deviendroient des tables de proscription...

[11] Lacretelle. Цит. соч., стр. 226.

[12] Там же, стр. 227.

[13] Там же, стр. 223—224.

[14] Kilmaine Ch. J., général. *Détails circonstanciés de ce qui s'est passé le 4 prairial au faubourg Saint-Antoine.* Брошюра без места и года. Отмечу, что есть некоторая несогласованность в показаниях участников насчет часа экспедиции. Луи Коста (Costaz. Цит. соч., стр. 6) утверждает, что выступили они не в $5^1/_2$ часов, а в 3 часа утра и около пяти уже были в предместье.

[15] Costaz. Цит. соч.

[16] Там же, стр. 5.

[17] Нац. библ. Le[38]—1459. *Rapport fait par le représentant Aubry sur les événements militaires 1, 2, 3, 4 et 5 prairial.* Imprimé par ordre de la Convention Nationale.— В сокращенном изложении этого отчета, напечатанном в *Moniteur'е,* говорится лишь о двадцати (*Moniteur,* séance du 9 prairial). Но цифра 25 000 дается в официальном издании отчета, который я тут цитирую.

[18] Costaz. Цит. соч., стр. 14.

[19] *Recueil,* vol. I, стр. 741. 4 prairial an 3 (mai 1795). Rapport du 5 prairial.

[20] Нац. арх. C. 341. Du 4 prairial. *Rapport du représentant du peuple Sieyès sur le traité de paix et d'alliance conclu à la Haye, le 27 floréal, etc.:* Des nouveaux moyens, de nouvelles sources de prospérité s'ouvrent

devant vous... La Tamise doit voir avec inquiétude les futures destinées de l'Escaut. Londres est trop éclairé sur ses intérêts pour ignorer que Bruges et Anvers doivent acquérir sur son commerce la supériorité que nos armes ont remportée sur nos ennemis.

[21] *Moniteur* (réimpr., vol. 24, стр. 539): Les révolutions des 9 thermidor et 12 germinal ont reçu aujourd'hui leur complément.

[22] *Moniteur.* Suite de la séance du 4 prairial (№ 249, nonidi 9 prairial an 3), (jeudi 28 mai 1795): Quelques murmures suivent ce rapport.

[23] Там же. Grégoire: En révolution frapper vite et frapper fort est un moyen de salut. Rappelez-vous moment où les poignards étaient levés sur vous. Ici sont les balles destinées à la tête de votre président, là les bancs où vous êtes assis sont marqués de coups de sabre. A cette tribune, sur cet escalier, je vois encore le sang de notre collègue.

[24] Там же (André Dumont).

[25] Нац. арх. F[7] 4411—B. Du 4 prairial l'an trois. *Le Comité de sûreté générale à la Commission militaire:* ...Nous présumons, citoyens, d'après quelques renseignements qui nous sont parvenus que le nommé Tinel, serrurier, que a été condamné hier par le Tribunal Criminel pour avoir concouru à l'assassinat du représentant du peuple Féraud et avoir porté sa tête au bout d'une pique, est du nombre de ceux qui ont été arrêtés aujourd'hui et traduits à la commission, si ce n'est pas Tinel, ce pourrait être le nommé Jueg, son complice. Nous vous invitons de vérifier...

[26] Нац. арх. F[7] 4411: Nous vous adressons, citoyens, les déclarations et notes, relatives à un grand nombre de gendarmes à pied et particuliers qui ont été arrêtés aujourd'hui près le faubourg Antoine par ordre des représentants du peuple et des commandants de la force armée... Nous y joignons les cartes de sûreté, portefeuilles et papiers trouvés sur eux, qui pourront vous fournir des renseignements sur la conduite de ces individus. Nous vous envoyons aussi les armes et les porte-manteaux des gendarmes.

[27] Там же. Du 4 prairial l'an 3. *Le Comité de sûreté à la Commission de police administrative:* La Convention Nationale, citoyens, est dans une juste impatience de ce que les principaux auteurs de la rebellion dans le faubourg Antoine ne sont point livrés; les designer sera utile, les faire arrêter sera nécessaire; nous vous engageons à ne rien negliger pour saisir tous les fils, tout l'ensemble et tous les agents de la conspiration.

[28] Нац. библ. Le[38] 1490—1545. *Proclamation de la Convention Nationale au peuple français du 1 thermidor an troisième,* etc.: Le 9 thermidor la Convention Nationale a frappé les chefs de cette faction coupable; le 12 germinal elle a bravé ses poignards; le 4 prairial elle a terrassé ses débris...

[29] Нац. арх. F[7] 4411—B. Du 4 prairial. *Le Comité de sûreté générale au Comité révolutionnaire du 8 arrondissement:* ...la conspiration qui a aujourd'hui failli perdre la république...

[30] Нац. библ. Le[38]—1458. *Rapport.. par M. J. Chenier du 6 prairial l'an 3.*

[31] Нац. арх. C. 342. *Les administrateurs du district de Port-Malo à la Convention Nationale* (9 prairial): ...la probité, le courage, le savoir et l'industrie — ces vraies colonnes des républiques fondirent à la fois sur le monstre... et le 4 prairial, jour à jamais mémorable, y vit toutes ses têtes rouler à la fois dans la poudre. Oh, la belle journée! Vaste univers, qu'elle soit inscrite dans tes fastes! elle prononce sur tes destins...

[32] Costaz. Цит. соч., стр. 15.

[33] Fain. Цит. соч., стр. 197—198.

[34] Baudot. Цит. соч., стр. 79.

[35] Levasseur de la Sarthe. Цит. соч., т. IV, стр. 236.

[36] Там же, стр. 246.

[37] *Annual Register, 1795,* London, 1800, стр. 92: They looked upon themselves as a conquered people over whom their victorious fellow-citi-

zens would henceforth exercise that empire, which their more prudent conduct intitled them.

[38] Там же. Газета *Morning Chronicle*, обсуждая прериальские события, утверждала, что власть Конвента окрепла и что новое восстание уже невозможно. Приводя это мнение, *Journal du bonhomme Richard* (№ 2, p. 29) с похвалой отзывается об английской проницательности.

[39] *Discours prononcé par J. B. Louvet*, стр. 22.

[40] *Annual Register, 1795*, стр. 93: The spirit that promoted this insurrection had been more active than was at first suspected; and the Convention knew not the full extent of the danger they had escaped until it was entirely overcome...

Там же, стр. 92: Thus, after a doubtful conflict of three days fortune declared at least for the Convention.

[41] *Correspondance... de Rovère*, стр. 182 и сл. Rovère à Goupilleau, Paris, le 4 prairial an 3: ...en ce moment la Convention ne peut s'occuper que de se sauver elle-même. Jamais depuis le commencement de la Révolution il ne s'est passé rien de pareil à ce que nous éprouvons depuis quelques jours... Une force imposante est actuellement occupée à contenir les faubourgs et principalement le faubourg Antoine où est le foyer de la révolte. On va essayer de les désarmer s'il est possible. Je crains bien que cette révolte qui n'avait été organisée que pour égorger tous les bons députés de la Convention, ne s'étende jusque dans les départements méridionaux qui ne sont déjà que trop malheureusement agités.

[42] *Recueil*, vol. I, стр. 746. 6 prairial an 3 (25 mai 1795).

[43] Там же, стр. 755. 10 prairial an 3 (29 mai 1795).

Глава IX

[1] Нац. библ. Lb[41]—4375. *Adresse aux départements et aux armées de la République Française, présentée à la Convention Nationale, au nom des comités de gouvernement, le 8 prairial de l'an troisième de la République, par E. B. Courtois, député par le département de l'Aube:* La discorde chassée du centre de Paris s'était refugiée dans les faubourgs: là elle agitait ses serpents; là elle méditait, en aiguisant ses poignards, l'asassinat des vrais patriotes et des représentants du peuple; là aussi elle armait les bras des jacobins pour l'exécuter.

[2] Нац. арх. F[7]—4411. Le Comité de sûreté générale. Du 6 prairial l'an trois, etc. *Aux Procureurs généraux syndics des départements:* Un décret du 30 floréal, citoyens, rappelle au Comité de sûreté générale l'obligation de se conformer à celui qui lui enjoint de rendre compte toutes les décades des noms des emigrés arrêtés sur le sol de la République et punis conformement à la loi: si la Convention Nationale poursuit sans relâche les assassins et les fripons, elle est aussi inexorable pour les émigrés, etc. (Подписано): Les membres du Comité de sûreté générale Delecloy, Bergoeing, Monmayon. P. Guyomar, Pierret, Courtois, Auguis, Calès.

[3] Нац. библ. Mss., f. fr., nouv. acq. 245. Paris, le 15 prairial an 3. *Le Comité de salut public à ses collègues en mission près l'armée du Rhin:* Le Comité est instruit, citoyens collègues, qu'on remue encore dans une des armées de la république les cendres des jacobins; il vient d'en sortir un écrit séditieux artificieusement présenté qui ne tend à rien moins qu'à faire intervenir les armées en faveur des terroristes, dans la guerre à mort que nous leur avons jurée. On a pris tous les moyens convenables pour arrêter l'effet de cette levée de boucliers. Il en est un pour lequel nous avons besoin de votre concours, et nous nous empressons de vous le faire connaître parce qu'il dépend d'une part de votre vigilance et d'autre du bon esprit qui vous anime pour le triomphe de l'ordre, de la justice et

de cette exacte discipline dans les troupes sans laquelle les victoires les plus brillantes ne sont que des titres dangereux dont les vainqueurs étayent toujours leurs prétentions. Il consiste à empêcher dans les armées la circulation de cet écrit ou d'en atténuer l'effet dès sa première apparition. Cette double précaution, citoyens collègues, est confiée à votre zèle et vous en sentez trop la conséquence pour ne pas employer tous les moyens qui sont dans vos mains au succès des mesures de prudence que nous vous indiquons. Salut et fraternité. Les membres du Comité de salut public: Cambacérès, Raubell, Gillet, Rabaud, Treilhard.

[4] Там же. A Paris le 1 messidor an 3. *Comité de salut public... au citoyen Merlin de Thionville:* La Convention Nationale nous a renvoyé, citoyen collègue, la lettre du 7 prairial par laquelle tu lui transmets les sentiments d'indignation dont la brave armée du Rhin et Moselle a été pénétrée en apprenant les attentats commis contre la Représentation nationale dans les premières journées de ce mois...

[5] *Adresse... par Courtois:* Ils demandaient du pain et ils se nourrissaient dans leurs vœux impies de la propriété du riche, des fruits de l'industrie de l'honnête artisan, de la sueur du cultivateur paisible... Cette bataille gagnée sur le terrorisme et le royalisme réunis, nous assure à nous aussi un traité de paix solide dans l'intérieur.

[6] Нац. арх. AF. 11—50. *Les administrateurs*, etc., *de Rozoy, département de Seine-et-Marne* (3 prairial an 3): La journée du 1 de ce mois a éclairé le plus noir attentat contre la liberté et la République. Des scélérats pour qui le crime est l'élément et le désordre un besoin, les complices sans doute et les continuateurs de l'insurrection contre-révolutionnaire qui éclata à Paris le 12 germinal dernier, ont fait de nouveaux efforts...

[7] Нац. библ. Le^{38} 4446—1489. *Bresson, député des Vosges à ses collègues.*

[8] Нац. арх. AD. I—III. *Adresse des administrateurs*, etc., *de Seine-et-Oise*, le 4 prairial an 3. *Réponse du président.* La Convention... reconnait qu'un système de clémence serait dangereux envers les ennemis de la tranquillité; elle fera respecter les lois en livrant une guerre à mort aux assassins, aux buveurs de sang et aux factieux. Les mesures... anéantiront les scélérats vendus aux tyrans...

[9] Нац. арх. C. 343. Tourneville (à la Convention Nationale), 7 prairial: O Pitt! tu vas crever de rage et de désespoir en apprenant que ton or n'a pas eu plus de succès que tes armes.

[10] Нац. библ. Lb 41—4378. *Proclamation Bergerac du 9 prairial, an 3. (Le représentant du peuple Dulaure... aux citoyens du département de la Corrèze):* Ainsi les conspirateurs reconnus, des trompeurs à gages, et des trompés, forment la masse des rebelles qui viennent de faire éclater le plus affreux des complots...

[11] Нац. арх. C. 342. Pons, 12 prairial an 3. *Le Directoire du district de Pons à la Convention Nationale:* Aucune mesure compressive n'a suivi les révolutions du 9 thermidor et 12 germinal. Si, à ces glorieuses époques vous eussiez terrassé les royalistes et les buveurs de sang, vous n'auriez pas à regretter la perte d'un collègue mort sous le fer des assassins.

[12] Нац. арх. C. 343. La section des Amis de la Patrie à la Convention Nationale, ce 11 prairial an 3: ...N'oubliez pas que c'est le peu d'énergie du gouvernement qui a creusé le précipice sous nos pas, que s'il eût puni sur-le-champ les complices de Robespierre au 9 thermidor, les journées du 12 germinal, des 1 et 4 prairial, ne fussent point arrivés.

[13] Нац. арх. C. 342. *Le conseil général d'Auxonne* (dép. de la Côte d'Or) *à la Convention Nationale* (8 prairial an 3): Représentants, si vous n'avez pas connu tous les ennemis le 9 thermidor pour les frapper du même coup, l'expérience du 12 germinal eût dû vous tenir en garde contre leurs abominables complots. Nous le disons avec franchise, trop d'indulgence, trop de lenteur à punir ont failli vous perdre et peut-être avec vous

la République... Les **événements monstrueux des premiers jours de Prairial** tournent du moins à son profit en hâtant le supplice des tigres qui ont tenté de l'anéantir.

[14] Нац. арх. C. 341. Toulon, le 19 prairial. *Chiappe, représentant du peuple près les armées des Alpes et d'Italie... à la Convention Nationale:* Vous avez sauvé la liberté dans les premiers jours de ce mois: cette époque mémorable attestera aux générations futures et vos principes et votre énergie... tous les départements, tous les bons citoyens vous contemplent, ils s'étonnent de votre indulgence, prenez garde qu'elle ne devienne pas fatale à la liberté... jamais plan plus horrible n'a été combiné...

[15] Нац. арх. C. 343. *Les citoyens d'Agde à la Convention Nationale,* 28 prairial an 3: L'impunité de la première révolte en a produit de nouvelles... à celle du 12 germinal les assassins vous menacèrent, le 1 prairial ils ont frappé, mutilé, tué... Représentants, vous temporisez et ils agissent... vous discutez et ils assassinent... non, non les complices de Robespierre ne peuvent plus vivre avec leurs victimes sur le même sol, il faut qu'eux ou nous le vidions — ou que nous périssions.

[16] Нац. арх. AF 11—25. *Rapport* (au Comité de salut public). Département de Vaucluse. Du 18 prairial an 3: Les terroristes y lèvent une tête audacieuse et tous nos efforts ne peuvent les réprimer. Les complots de cette secte abominable à Toulon ont ranimé leur esprit et ses succès momentanés ont redoublé leur audace... O vous, législateurs, qui avez terrassé cette horde exécrable le 9 thermidor; le 12 germinal, le 1 prairial, vous nous retenez votre assistance...

[17] Нац. арх. C. 342. *Les officiers municipaux et membres du conseil général de la commune de Dinan* (14 prairial). *A la Convention Nationale:* La Révolution du premier prairial comme celle des 9 thermidor et 12 germinal fera époque dans notre histoire ou plutôt elle en est le complément.

[18] Нац. арх. AF. 11—25. *Rapport du 2 messidor an 3.* Département de l'Ardèche: Partout on attribue l'excès de leur audacieuse atrocité à l'impunité des auteurs de la journée du 12 germinal.

[19] Там же. Du 7 prairial an 3. Département de l'Orne. *Rapport:* Le procureur syndic du district de Mortagne annonce au Comité de salut public en date du 4 courant que l'événement arrivé à Paris était connu d'avance par les intrigants de son canton. Depuis huit jours ils répandaient que la Convention nationale et les affaires changeraient bientôt de ton, que les modérés régnaient depuis trop longtemps, etc. L'assassinat du Représentant du peuple Féraud a rempli de joie ces scélérats.

[20] Там же. *Rapport du 2 messidor an 3.* Département de l'Ardèche: Cette conspiration, la plus inouïe qui ait paru jusqu'ici, était tellement ourdie qu'elle avait des confidents dans les divers pays... ce fut surtout à la nouvelle de la révolte de Toulon que leur joie prit un nouvel éclat, mais heureusement elle n'a pas été de longue durée, la nouvelle de la défaite des conspirateurs à Paris arriva aussitôt que celle de leur conspiration... de toutes parts l'indignation éclate contre les monstres et leurs complices...

[21] *Actes*, vol. XXIII, стр. 795. Nice, 13 prairial an 3. Подписано: Dumaz, Réal.

[22] Строгановский архив. *Papiers Biauzat. Adresse des citoyens de Clermont-Ferrand, département de Puy-de-Dôme, à la Convention Nationale.* Du 6 prairial, l'an troisième: Hâtez vous donc, représentants, de sortir de cette cité corruptrice et corrompue où de nombreux scélérats veillent sans cesse, tandis que les bons citoyens dorment trop souvent... Nous le répétons, vous ne serez rendus à vous-mêmes, au caractère auguste dont le peuple souverain vous a revêtus, que lorsque vous siègerez dans une ville médiocrement populeuse... Nous vous demandons... que vous consacriez constitutionnellement le principe que dans aucun temps,

des assemblées nationales ne pourront siéger dans une ville dont la population soit au-dessus de cinquante mille âmes.

[23] Нац. арх. C. 342. (Lons-le-Saunier). *A la Convention Nationale.* 19 prairial: Et que veut le faubourg Antoine, que veulent ses adhérents? est-ce donc en abandonnant leurs ateliers pour suivre l'étendard de la révolte qu'ils auront du pain? ...Ils souffrent! Et sommes-nous dans l'abondance et a-t-on entendu nos murmures quand nous avons conduit nous-mêmes nos récoltes aux défenseurs de la liberté publique?

[24] Нац. арх. C. 342. (District de Lamarche). *A la Convention Nationale,* 16 prairial: Et ces hommes gorgés du sang humain vivent encore?.. Représentants du peuple, il est un terme à la clémence...

[25] Там же. (La Commune de Couches, départ. de l'Eure). *A la Convention Nationale,* 17 prairial:... une loi sévère et prompte qui anéantisse et pulvérise tous les terroristes...

[26] Нац. арх. C. 343. *Les citoyens de la commune de Belley à la Convention Nationale.* (21 prairial an 3.): ...Nous apprenons qu'ils sont enchaînés ces cannibales; demain sans doute nous apprendrons leur jugement et leur mort. La mort! Ah! ne serait-elle pas un supplice trop doux pour ces êtres féroces...

[27] Нац. арх. C. 342. *Les administrateurs etc. du district de Salins-libre à la Convention Nationale* (10 prairial an 3):... frappez de mort les traîtres, constituez les terroristes, les hommes sanguinaires dans l'impossibilité de nuire; dirigez des peines sévères contre les agioteurs dont le commerce ne présente que piraterie et exaction, faites renaître la confiance que des spéculateurs avides ont enlevée aux assignats...

[28] Choudieu. Цит. соч., стр. 297: Fréron en changeant de bannière n'avait pas changé de caractère.

[29] Нац. арх. AF. 11—57. pl. 418. Paris, le 4 prairial an 3. *Les comités... réunis aux représentants du peuple près les armées,* etc:... il a suffi de déployer l'appareil imposant de la force pour ramener les factieux à l'obéissance. Plusieurs des chefs ont été saisis, la journée de demain éclairera leur supplice. Le désarmement des autres les mettra hors d'état de nuire et les bons citoyens peuvent espérer que leur tranquillité ne sera plus troublée.

[30] Нац. библ. Lc[38] — 1460. *Projet de décret sur le licenciement de la gendarmerie de Paris,* etc. (art. II).

[31] Нац. библ. Lc[38] — 1461. *Projet de décret sur la légion de police générale proposé... par le citoyen Aubry, membre du Comité de Salut public* (9 messidor an 3).

[32] Нац. арх. F[7]—2523, 51. Séance du 7 prairial an 3: Le Comité reçoit... l'état nominatif de tous les citoyens gendarmes domiciliés sur les sections de l'arrondissement, à l'effet de prendre tous renseignements possibles sur le civisme, les mœurs et fréquentations habituelles des gendarmes et de suite communiquer les renseignements au cit. Delmas.

[33] См. например, протокол заседания комитета XII округа за 8 прериаля (Нац. арх. F. 7—2253, стр. 53—55).

[34] Ср., напр., Нац. арх. F[7]—2476. Comité du 1 arrondissement, séance du 4 prairial и след. дни.

[35] Нац. арх. F[7]—2523. Séance du 4 prairial (Comité révolutionnaire du XII arrondissement).

[36] Там же: La loi qui met hors la loi les individus formant le rassemblement organisé à la Maison commune ou ailleurs en prétendue autorité.

[37] Нац. арх. F[7]—4411—B. Du 23 messidor an 3. *Le Comité de sûreté générale au Comité de surveillance du 1 arrondissement:* Le Comité, citoyens, vous invite de lui faire parvenir le plus tôt possible les motifs d'ar-

restation de Thierry-père... que vous avez fait arrêter et conduire à la Grande Force dans la nuit du 4 au 5 prairial...

[38] Там же. *Le Comité de sûreté générale à la commission administrative de police.* Du 4 prairial, 2 heures après minuit, an 3: Tissot (sic!) attaché à la commission d'agriculture et des arts, fut mis en état d'arrestation comme prévenu d'avoir participé aux mouvements de la journée du 12 germinal; ayant produit des pièces justificatives et sur la garantie de son beau-frère Goujon il a obtenu la mise en liberté, nous pensons cependant que les circonstances commandent qu'il soit mis sous une surveillance bien active. Vous voudrez, citoyens, remplir les vues du comité avec toute la prudence convenable.

[39] *Actes*, vol. XXIII, стр. 480. Séance du 5 prairial an 3 (24 mai 1795).

[40] Там же, стр. 582. Séance du 8 prairial an 3 (27 mai 1795).

[41] Там же.

[42] Нац. арх. F7—2509. *Registre des Assemblées générales de la section de la Fontaine de Grenelle.* Séance extraordinaire en exécution de la loi du 4 prairial an 3. Du 5 du dit mois, 10 heures du matin: ...il a été fait lecture plusieurs fois de la dite loi, portant que les sections procéderont sur-le-champ au désarmement des assassins, des buveurs de sang, des voleurs et des agents de la tyrannie qui précéda le 9 thermidor, les autorise même à arrêter ceux qu'elles croiront devoir être traduits devant les tribunaux.

[43] См., например, Нац. арх. F7—2510. *Registre des Assemblées générales de la section des Invalides*, séance du cinq prairial: ... Le citoyen Guigard a été dénoncé par plusieurs membres comme terroriste et buveur de sang, qui depuis 4 ans n'a cessé de manifester des principes contraires à l'humanité et tendants à l'effusion de sang. L'assemblée... a arrêté qu'il serait désarmé sur-le-champ.

[44] Mallet du Pan. Цит. соч., т. II, стр. 146 (письмо, полученное Малле дю Паном из Парижа): La 6 prairial, ordre de remettre les piques à la section c'est à dire désarmer les trois quarts des habitants sous peine de prison: tout cela se fait sans murmure, on est à la queue pour attendre son tour; moi-même j'ai attendu trois quarts d'heure pour donner ma pique. On désarmerait ainsi toute la France sans coup férir.

[45] Нац. арх. F7—4411—B. Du quatre prairial an 3. Le Comité vient d'apprendre que des hommes justement suspects se présentent aux comités pour obtenir des passeports, nous pensons que la prudence exige d'examiner avec attention à qui on les délivrera; jamais il ne fut plus instant de surveiller les ennemis de l'ordre et des lois; du courage, citoyens, et la République triomphera: nous vous autorisons de suspendre momentanément les passeports de ceux qui ont été compris dans les listes de désarmement...

[46] Там же. Du 13 messidor an 3. *Au Comité de surveillance de 1 arrondissement:* Jean François Massé, compagnon menuisier... a fait exposer au comité qu'étant dans le cas de retourner avec sa femme et ses enfants à Dieppe au milieu de sa famille pour y trouver de l'occupation et des secours, vu que le produit de son travail ne peut suffire pour le faire subsister à Paris... il a ajouté que vous n'aviez pas cru devoir déférer à sa demande, attendu qu'il se trouve sur la liste des citoyens désarmés... un plus long séjour à Paris acheverait de le ruiner et ne lui laisserait peut être pas le moyen de faire son voyage.

[47] Нац. арх. AD XVIIIc—225. *Rapport fait au nom des Comités de salut public, de sûreté générale et militaire, par Marie-Joseph Chenier...* De 6 prairial an 3: Ce n'est pas au faubourg Saint-Antoine qu'ils ont délégué le pouvoir législatif,— c'est à vous... Cette fois sans doute la République et la représentation nationale seront vengées de nombreux attentats

méditės, entrepris, exécutés contre elles. L'impunité du 2 septembre a produit le 31 mai; l'impunité du 31 mai a produit des forfaits et des calamités sans nombre.

48 Нац. арх. F7—4411 — B. *Aux membres des comités révolutionnaires des douze arrondissements.* Du 13 prairial an 3: Aussitôt la présente reçue vous voudrez bien faire rechercher parmi les papiers qui vous ont été déposés par les anciens comités révolutionnaires et en faire extraire ceux qui pourroient avoir quelque rapport aux journées du 10 mars, 31 mai et jours suivants 1793. Vous les adresserez sur-le-champ au Comité de sûreté générale.

Там же. Section de Brutus, le 13 prairial, au Comité de sûreté générale.. quoiqu'il soit à présumer qu'on a soustrait les parties, celles relatives aux iniques mystères.

49 Там же. *Le Comité de sûreté générale à la Commission de police administrative de Paris,* du 13 prairial: Vous voudrez bien... faire arrêter et traduire dans telle maison d'arrêt qui vous paraîtra convenable les signataires de la trop mémorable circulaire de septembre 92.

50 Там же. Du 6 prairial an 3. *Au cit. Lambinel, secrétaire de la section de l'Unité:* Instruit que tu es nanti des pièces intéressantes relatives aux journées du 2 septembre et 31 mai, le Comité de sûreté générale t'invite à les lui communiquer ainsi que le travail dont tu t'est occupé la-dessus.

51 Нац. библ. Lb41—1823. *Albitte l'aîné, représentant du peuple, à qu'il appartiendra.* Paris, le 2 prairial an 3.

52 Нац. арх. F7—2523. Séance du 16 prairial.

53 Нац. арх. F7—4411—B. Du cinq prairial an 3. *Comité de sûreté générale à la Commission de police administrative de Paris.*

54 Séance de la Convention Nationale du 4 prairial.

55 Нац. арх. W. 548: Elle requiert en conséquence le citoyen Samson, exécuteur des jugements criminels, de se transporter sur-le-champ dans son local pour y recevoir et exécuter ses ordres.

56 Там же. *Registre de la commission militaire:* La Convention Nationale décrète que la Commission militaire est investie du droit de juger tous les faits relatifs à la conspiration du premier de ce mois et à la révolte qui en a été la suite.

57 Там же. *Registre,* etc.: ...seront sur le...

58 Нац. арх. AD I—III. *Motion d'ordre faite à la Convention Nationale, dans la séance du 14 thermidor, par Delahaye, député de Seine-inférieure:* Vous luttâtes aux premiers jours de prairial contre le torrent de la rebellion et vous eûtes le bonheur de triompher. Vous dûtes alors établir sur la brèche encore teinte du sang de notre courageux collègue un tribunal redoutable, capable de porter l'épouvante dans l'âme de vos assassins. Le salut du peuple vous commanda impérieusement cette grande et terrible mesure de l'action rapide du pouvoir militaire... Sous le rapport du jugement de l'histoire votre gloire est intéressée à supprimer la commission militaire... que dira l'histoire si vous conservez davantage cette cour du pouvoir militaire? Elle dira que vous avez surpassé non en cruautés, mais en institutions violentes et dangereuses les decemvirs qui vous opprimèrent si indignement.

59 Нац. арх. W. 548. *Registre № 1. Avis aux citoyens que les séances de la commission sont publiques:* La commission militaire informée que la malveillance qui ne s'endort jamais, se plaît à repandre qu'elle tient ses séances et rend ses jugements portes closes, déclare à ses concitoyens qu'elle les tient maison de Noailles, rue Honoré, qu'elles ont toujours été et seront toujours publiques.

60 Нац. арх. BB3—4. Paris, le 27 prairial an 3: La Commission militaire invite la commission des administrations civiles, police et tribunaux à donner des ordres pour qu'il lui soit fourni de la bougie et de la chandelle dont elle manque totalement.

[61] Нац. арх. F⁷—4411. *Etat des Révoltés des journées des 1, 2, 3 et 4 prairial qui ont été jugés à mort par la Commission militaire.*

[62] Там же.

[63] *La Révolution Française*, т. 50, стр. 538 (Hermann G. *Note sur deux condamnés de prairial*).

[64] Нац. арх. W. 546. *Affaire contre Guillaume Delorme.*

[65] Там же, № 3. *Affaire de Jean Jacques Legrand.*

[66] Нац. арх. W. 547, № 4. *Nicolas Joseph Gentil condamné à la peine de mort.*

[67] Нац. арх. W. 546. № 6. *Affaire des 23 gendarmes.*

[68] *Le Comité de sûreté générale à la Commission militaire*, du 4 prairial an 3.

[69] Нац. арх. F⁷—4411—B. Du 5 prairial l'an 3. *Comité de sûreté générale à l'accusateur public près le tribunal criminel du département de Paris:* Vous êtes prévenu, sans doute, citoyen, que l'individu qui a promené la tête du représentant du peuple Féraud a été traduit aux prisons de la Conciergerie; cet homme a été condamné par votre tribunal et soustrait par des brigands au glaive de la loy. Il n'appartient qu'à vous de reconnaître l'identité de l'individu sur lequel vous avez prononcé. Après cette reconnaissance votre devoir est de le livrer à l'exécuteur pour qu'il subisse la mort sur la place de Grève. Vous préviendrez le Comité de sûreté générale de l'heure de l'exécution afin qu'il puisse prendre les mesures de police convenables assez à temps pour que ces mesures puissent avoir leur plein et entier effet.

[70] Нац. арх. W. 546. № 9. *Ignace Nicolas Dupuy.* (Протокол доноса). Paris, le 7 prairial an 3: Hier 4, à $7^1/_2$—8 heures du matin s'est présenté de nouveau le cit. Dupuy... il me dit qu'il vouloit fraterniser avec moi. Je lui donnai la main dans le sentiment de conserver ma propriété. Il me suivit dans une salle et là il me dit en me découvrant sa poitrine qu'il n'avoit pas de chemise et qu'il falloit que je lui en donne; je l'ai ajourné au lendemain, il persista... il me dit: bon, à demain pour les chemises, mais qu'il lui falloit dix francs...

[71] Там же, № 8. *Jean Nicolas Hennequin.*

[72] Там же, № 16. *Jean Louis Chauvel.*

[73] Там же, № 17. *Nicolas Estienne Cherbrier.*

[74] Нац. арх. F⁷ 4411—B. Du 11 prairial l'an 3, *le Comité de sûreté générale au Comité militaire:* Nous venons d'être informés, citoyens collègues, qu'il s'est rassemblé un assez grand nombre de femmes dans le jour auprès du bâtiment où les gendarmes sont détenus rue de Grenelle, nous nous hâtons de vous en prévenir et de vous inviter à prendre les mesures que vous jugerez convenables pour dissiper le rassemblement et maintenir l'ordre. Там же, du 11 prairial an 3, *le Comité de sûreté générale à la commission de police administrative:* Nous vous prévenons que Prieur de la Marne s'étant évadé par la négligence de ses gardes, il est urgent que vous donniez les ordres nécessaires pour qu'il puisse être arrêté. Mettez à cette recherche le plus grand nombre d'agents...

[75] Нац. арх. W. 546, № 20. *Michel Sorette.* Заседание военной комиссии 12 прериаля.

[76] Там же. № 22. *Charles Simon Lagesse, mis en liberté et, néanmoins, renvoyé sous la surveillance du comité civil de la section:* ...attendu que ledit Lagesse est très inconséquent... (13 prairial).

[77] Там же. № 21. *Antoine Paradis condamné à une année de détention,* etc. (13 prairial).

[78] Там же, № 23. *Marie Jeanne Adélaïde Legrand* и др. (Séance du 15 prairial l'an 3).

[79] Там же. Séance du dix-huit prairial: 2... d'avoir été reconnue depuis longtemps pour une des furies jacobines...

[80] Там же. W. 546, № 25. *Louis Devoyes.* (Séance du seize prairial.)

[81] Там же, № 33. *Etienne Guyot et Claude Françoise Humbert, sa femme.* (Séance du 19 prairial.)

[82] Там же, № 28. *René Monger.* (Séance du 18 prairial.)

[83] Там же, *Procès-verbal d'exécution du nommé René Monger.*

[84] Там же, № 34. *Pierre-André Thomas Blondy.*

[85] Там же, № 30. *Jean-Baptiste-Pierre Lime, condamné à la peine de mort.*

[86] Там же. Вот как зарегистрировано решение военной комиссии по делу Лима: Jugement qui condamne Jean-Baptiste Pierre Lime à la peine de mort. Suite de la séance du dix-huit prairial. La commission... ayant fait comparoître devant elle... le nommé... Lime âgé de 23 ans, graveur, natif de Paris... arrêté le deux de ce mois, conduit au Comité de la Sûreté générale et renvoyé à la commission... déclare ledit... Lime atteint et convaincu d'avoir le premier prairial marché contre la Convention Nationale à la tête des séditieux, dont il se disoit commandant provisoire, de s'être encore trouvé le deux à la tête d'un autre rassemblement au faubourg Antoine, d'avoir forcé le commandant des canonniers à leur délivrer des cartouches sur un ordre signé de lui commandant provisoire, déposé en sa section et renvoyé par elle à la commission, et de s'être pour ces faits montré un des principaux auteurs de la conspiration qui a existé contre la République à l'effet de dissoudre la Convention Nationale et d'assassiner ses membres; pour réparation de quoi la commission militaire condamne ledit Jean-Baptiste-Pierre Lime à la peine de mort.

[87] Там же, № 38. *Pierre Dorisse.* (Séance du 22 prairial).

[88] Там же, № 39. *François Jerôme Hébert.* (Séance du 23 prairial).

[89] Там же, № 40.

[90] Там же, № 41 и 42.

[91] *L'Orateur du peuple*, № CXXIV, du 17 prairial: Oh, Féraud, le rapport des noms m'associa pour ainsi dire un moment à ton illustre trépas; les cannibales ont cru prendre ma tête en prenant la tienne... On sait comment les factieux ont été réduits, comment leurs crimes ont été punis, comment leurs chefs sont dans les fers en attendant le supplice qu'ils ont mérité; ce supplice est trop lent! déjà leurs têtes auraient dû tomber. Dans les conspirations il faut frapper rapidement... La Convention Nationale doit donc hâter la punition de Romme et de ses complices. On se demande partout pourquoi leur sang impur est si longtemps respecté... qu'ils périssent! etc., etc.

[92] *Moniteur,* sextidi 6 prairial (lundi 25 mai 1795). (Статья Trouvé.)

[93] Нац. арх. W. 547. *Loi qui décrète d'accusation onze représentants du peuple, du huitième jour de prairial, l'an troisième,* etc.: La Convention Nationale accuse Ruhl, Romme, Duroi, Gougeon (sic!), Forestier, Albitte aîné, Bourbotte, Duquesnoy, Soubrany, Prieur de la Marne, Peyssard, représentants du peuple, d'être auteurs, fauteurs ou complices de la rebellion du premier prairial et jours suivants contre la représentation nationale et la République française, les renvoie pour être jugés devant la commission militaire établie à Paris par la loi du 4 prairial et charge le Comité de sûreté générale de surveiller et accélérer l'exécution du présent décret.

[94] Нац. арх. W. 548. *Registre,* etc. A neuf heures du soir le dit jour huit prairial an 3.

[95] Нац. арх. AD. I—III. *La citoyenne Ricard veuve Goujon aux représentants du peuple* (prairial an 3): Il est encore d'autres membres de l'assemblée qui ont aussi parlé le même jour et n'ont été ni accusés ni arrêtés; s'ils sont exempts de blâme, comment mon fils serait-il un grand criminel? est-il deux poids et deux mesures pour juger les actions et les hommes?

[96] Quinet E. *La Révolution,* 14 éd. t. III. Paris, 1909, стр. 137.

[97] Нац. арх. F^7 4411—B. Du 8 prairial an 3. *Comité de sûreté générale à la commission de police administrative.*

[98] Там же, того же числа. *Rapport de Diancourt, officier de paix.*

[99] Там же, того же числа. *Au représentant Bourchen.*

[100] Там же, du 9 prairial. *Au chef de brigade Margaron.*

[101] Строгановский архив. 13 prairial an 3. *Le Directoire du district de Morlaix aux représentants du peuple Bourbotte, Duroy, Duquesnoy, Soubrany, Peyssard, Goujon, Romme, Le Carpentier.*

[102] Там же, 13 prairial an 3: Votre empressement à pourvoir à nos besoins nous a fait éprouver une satisfaction que nous ne pouvons nous empêcher de vous exprimer. Il est doux pour des amis de l'égalité condamnés à souffrir pour la patrie de trouver les attentions de la fraternité dans ceux qui doivent les surveiller au nom de la loi. Cet accord de la sensibilité et du devoir ne peut se trouver que dans des âmes républicaines... Nous vous prions de nous donner communication de quelques papiers nouvelles (sic!) pour nous mettre au courant des travaux de la Convention. Vous voudrez bien choisir le plus étendu et celui que vous croirez le plus véridique.

[103] Baudot. Цит. соч., стр. 16. (Надо кстати отметить, что Баррас тут назван, так сказать, для полноты картины, так как он не принимал личного участия в декретировании ареста прериальцев и даже почему-то посвятил их памяти несколько прочувствованных слов.) (Картуш — знаменитый вор.) Ср. также стр. 255: Romme, Soubrany et leurs collègues... ce sont des demi-dieux, et il y a vingt héros dans Plutarque qui n'ont eu ni leur courage, ni leurs vertus.

[104] Нац. арх. F^7 4411—B. Du 20 prairial an 3. *Le Comité de sûreté générale. Aux représentants du peuple Delmas, Aubry et Gillet, chargés de la force armée:* ...des mesures pour l'arrivée de Bourbotte, Duquesnoy et autres.

[105] Там же, Du 21 prairial an 3. *A la Commission militaire:* ...les représentants du peuple Romme, Duroi, Goujon, Forestier, Bourbotte, Duquesnoy, Soubrany et Peyssard... sont actuellement à la maison d'arrêt des 4 Nations.

[106] Нац. арх. W. 548. Copie les lettres, № 1. 22 prairial. *Au Comité de sûreté générale:* La Commission n'attend pour les mettre en jugement que les pièces de conviction qu'elle vous invite à lui faire passer avec vos instructions et observations particulières, etc.

[107] Нац. арх. F^7 4411—B. *Le Comité de sûreté générale au Comité militaire.* Du 24 prairial an 3: La Commission militaire est occupée du jugement des représentants du peuple décrétés d'accusation le 8 prairial; nous vous invitons à prendre toutes les précautions qui dépendent de vous pour que l'ordre public ne soit pas troublé. On annonce que la foule est très nombreuse aux environs du lieu où se tient cette commission.

[108] Там же. Du 29 prairial l'an 3. *Le Comité de sûreté générale aux représentants du peuple chargés de la direction de la force armée de Paris:* ...suivant quelques renseignements qui nous sont parvenus celles (sections) du faubourg Antoine notamment celle des Quinze-Vingt, pourraient être agitées; nous pensons qu'il conviendrait d'y faire passer des patrouilles d'hommes bien choisis dans la garde nationale; leur apparition (sic!) ne pourrait que maintenir l'ordre.

[109] Нац. арх. W. 547. *Pièces de Duquesnoy* (Défense): ...déclare n'avoir eu aucune connaissance de l'insurrection qui a eu lieu le premier prairial... Je déclare faux et calomnieux l'acte d'accusation porté contre moi... en ce qu'on m'y fait dire encore que si on ne prenait pas cette mesure on ferait le lendemain ce qu'on a fait le 12 germinal... déclare n'avoir jamais eu de relation ni directe ni indirecte avec aucun des révoltés...

[110] Там же, № 6, допрос Galbos: ...un ayant la tête chauve et lui ayant paru avoir l'embonpoint, le second lui a paru d'une taille médiocre, assez mince, les cheveux plats et un peu noirs et le troisième lui a paru d'une taille assez grande et mince...

[111] Там же. *Pièces de Duquesnoy.* Очная ставка 28 прериаля Журдана с Дюкенуа: ...la faiblesse de sa vue ne lui permit pas de reconnaître les traits du cit. Duquesnoy; mais qu'il crut reconnaître sa voix, qu'il crut aussi reconnaîre sa personne à la taille et à la grosseur de l'homme qu'il voyait...

[112] Там же, Pièce 139. *Déposition de Jullian contre tous.* Paris, le 25 prairial l'an 3.

[113] Там же. *Déposition de Martinville contre tous les prévenus.* Paris, le 25 prairial l'an 3.

[114] Там же. *Pièces de Duquesnoy.* Показание Charlier; показание Bonneval'я (оба — 27 prairial). Характерна отметочка, резюмирующая показание Боннваля и сделанная уже в комиссии: à l'égard de Duquesnoy fait éloge de sa moralité, mais (déclare) l'avoir vu proposer à la tribune l'organisation de la commission, etc. (подчеркнуто в тексте).

[115] Там же. *Pièces de Romme.* (Показание Ромма перед военной комиссией): Le tumulte continue, les demandes se multiplient, se croisent, le spectacle hideux de désordre et de confusion se prolonge jusqu'à l'entrée de la nuit. Autour de moi des femmes enceintes, des mères de famille, des ouvriers faisoient entendre le cri de douleur, gémissoient des maux qu'ils souffroient et de ceux dont ils ne pouvoient garantir leurs malheureux enfants. Les esprits déjà exaspérés s'irritoient du désordre même qu'ils avoient produit; les malveillants les excitoient encore par des propositions criminelles qui sur les hommes sans défiance pouvoient faire des impressions funestes. Les événements du matin faisoient redouter les suites de l'impatience qui éclatoit de toute part. Il n'étoit plus possible aux femmes de se retirer à cause de l'engorgement qui existoit à toutes les issues et c'est elles qui avoient le plus à souffrir. L'anxiété des représentants du peuple augmentoit par le silence des comités du gouvernement. Etoient-ils assiégés? étoient-ils dissous?... Enveloppés au dedans par une multitude aigrie, égarée; sans espoir de secours au dehors, la Convention portoit seule tout le poids de cette journée.

[116] Там же. Записка Ромма суду, 26 prairial an 3: Mais si je cherche hors de moi, si je rapproche les événements, si je fouille dans les ressorts cachés de l'ambition et de l'intrigue, je suis frappé du tableau de notre position. Elle a été calculée avec une profondeur et une atrocité qui n'échapperont pas à l'histoire...

[117] Там же. *Pièces de Duroy* (Dossier 43). Paris, le 24 prairial an 3. Interrogatoire du cit. Duroy:... a dit qu'il a été effectivement un des quatre nommés sans sa participation, car la nomination fut faite au bureau où il n'était plus depuis quelques instants, ce qu'il n'a accepté que parce que le cit. Vernier, président, mit la nomination aux voix.

[118] *Moniteur*, duodi 22 brumaire an 3 (mercredi 12 novembre 1794), séance du 20 brumaire.

[119] Tissot. Цит. соч., стр. 133. *Lettres écrites par Goujon à sa famille* — Premier prairial an 3: Adieu, embrasse notre enfant, élève le dans mon souvenir. Ma mère, je te salue et t'embrasse. Ma sœur et mon frère, ne m'oubliez point... Vivez en paix et en union tous ensemble.

[120] Там же, стр. 134—135. Даже старухе-матери: je vous recommande la prudence...

[121] Нац. арх. W. 547. *Le représentant Goujon.* Paris, le 24 prairial. Допрос Гужона: ...qu'il défie à qui que ce soit qui ait une âme d'avoir un souvenir aussi exact au milieu de pareille scène...

[122] Там же. *Confrontation du cit. Jourdain avec le représentant Goujon*, Paris, le 28 prairial.

[123] Там же. Paris, le 26 prairial. Подписано: Gilbert, membre d'agence de la commission d'agriculture et des arts:... personnes qui forment votre auditoire ou au moins du plus grand nombre: elles crient avec raison contre les hommes de sang et elles montrent une impatience barbare de voir couler celui des accusés.

[124] Там же. *Pièces à la décharge.* 27 prairial an 3. *Déposition de Lanjuinais.*

[125] Tissot. Цит. соч., стр. 151.

[126] Нац. арх. W. 547. *Pièces de Duquesnoy.* (Défense, etc.)... je déclare n'avoir jamais eu de relations ni directe ni indirecte... avec... mes collègues arrêtés excepté Duroy avec qui je mangeois depuis neuf mois et Peyssard que j'ai connu étant en mission, il semble il y a environ vingt mois.

[127] Там же. Paris, le 29 prairial 3-me année républicaine. *Au citoyen Lefebure-Cayet:* ...nous sommes restés sous les poignards des factieux, accablés d'injures et de menaces en tous genres jusqu'au moment où le président fit inviter tous les membres de la Convention qui étaient restés fidèlement à leur poste à se rassembler en face du Bureau afin de pouvoir délibérer. Je croyais le Comité de sûreté générale dissous et j'étais d'autant plus porté à le croire, qu'il était plus de onze heures de la nuit, qu'il n'avait pas encore paru à la Convention, c'est ce qui me fit faire la demande de son renouvellement. Voilà tout mon crime et je meurs. Je vous recommande ma pauvre femme et mes chers enfants... Je vous fais à tous un éternel adieu. J'ai l'âme calme, je n'ai rien à me reprocher, je pardonne aux auteurs de ma mort et désire que mon sang consolide à jamais la liberté et l'égalité dans ma patrie pour le salut de laquelle j'ai constamment combattu depuis l'origine de la révolution. Vive à jamais la république démocratique!

[128] Там же, Paris, le 29 floréal (sic!, описка вм. prairial), 3-me année républicaine: Ma chère amie, je vous fais passer ci-inclu ma justification. Elle contient la plus exacte vérité. Cela n'empêche pas que je meurs victime de mon patriotisme et de la calomnie... Tâchez de conserver vos jours afin de pouvoir faire donner à nos infortunés enfants une éducation républicaine; rappelez leur souvent ceci: n e f a i t e s j a m a i s à u n a u t r e c e q u e v o u s n e v o u d r i e z q u ' o n v o u s f î t (подчеркнуто в рукописи). Je vous embrasse mille et mille fois de tout mon cœur, embrassez bien tendrement pour moi nos chers enfants et recevez mes tendres et éternels adieux. Faites de ma part mes adieux à tous mes parents et amis que vous verrez et dites leur que tel qu'ils m'ont connu, tel je meurs. Je vous conseille de vendre une partie du bien pour rembourser la lettre de rente de quatre mille livres que j'ai contractée à Arras il y a environ dix-huit à vingt mois. Je vous embrasse de nouveau, adieu, ma tendre et fidèle amie, je ne vous reverrai plus, c'est le seul regret qui me tourmente. Vive la république démocratique! Votre sincère et fidèle ami Ernest Duquesnoy.

[129] Нац. арх. *Le représentant Bourbotte. Interrogatoire de Bourbotte*, Paris, le 24 prairial an 3.

[130] Там же. Paris, le 24 prairial an 3: Bourbotte, convaincu d'avance qu'il va être assassiné, a tracé ces lignes quelques heures avant sa mort. Je déclare à toute la France, à l'Europe entière, à la postérité que jamais je ne fus coupable du crime qui me fut imputé d'avoir participé en quelque chose au soulèvement qui eut lieu le premier prairial... je déclare donc que je meurs innocent et assassiné, mais je pardonne à ceux qui m'arrachent la vie. Je la perds sans regret parce que je suis convaincu que ma mort sera encore utile à la patrie... Je recommande mon malheureux fils aux soins obligeants de tous ceux que ses malheurs et les miens pourront

intéresser... Vive à jamais la liberté, l'égalité et la république française une et indivisible!

[131] Там же. *Le représentant Soubrany*. Paris, le 27 prairial an 3, показание Isar'a:... il me témoigna combien il voyoit avec peine que le peuple étoit égaré par les royalistes et que cette démarche contribuoit plutôt à priver Paris de ses subsistances.

[132] Там же:... arrivé dans l'avant-dernier café il se fit verser du chocolat qu'il ne put prendre faute de pain...

[133] Там же. Допрос 24 прериаля: ...affirme de plus qu'il n'a proposé cette mesure que parce que ne recevant plus de nouvelles du Comité qui avait promis de rendre compte de ce qui se passoit d'heure en heure, ne sachant absolument rien de ce qui se passoit dehors, il dut croire que les comités étaient eux-mêmes ou paralysés ou dans l'impuissance d'agir...

[134] Там же. *Extrait du procès-verbal de la Convention Nationale du 8 prairial an 3. Forestier, représentant du peuple.* Il a dit que la suspension des comités de gouvernement pourroit être funeste à la chose publique, ils ne peuvent pas aller contre les décrets que vous venez de rendre; ainsi je demande qu'ils restent en place et qu'ils rendent compte de leurs opérations.

[135] Нац. арх. *Le représentant Forestier* (допрос 8 прериаля): ...les mêmes femmes lui dirent que ce ne se seroit pas le seule tête de représentant qui seroit coupée dans le courant de la journée.

[136] Тенар и Гюйо, авторы биографии Гужона, лично слышали рассказ об этом из уст дочери Антуана Гужона (*Le conventionnel Goujon*, стр. 210, прим. 4-е).

[137] Нац. арх. F[7]—4429. Paris, le 1 messidor l'an 3. *La Commission militaire, établie en vertu de la loi du 4 prairial de l'an III, aux membres composant le Comité de sûreté générale:* Le citoyen Fabri, un de nos membres vient de nous faire le rapport qu'hier matin la sœur du condamné Goujon s'est présentée chez lui et qu'après diverses plaintes de ladite citoyenne contre la commission elle lui a avoué que c'était elle qui lui avait fourni les moyens pour empêcher qu'il ne tombât entre les mains de l'exécuteur.

[138] Tissot. Цит. соч., стр. 199—201. Ce 4 prairial an 3. *Bourbotte à son ami:* Surtout aie bien soin de joindre à tous les effets que tu m'enverras le petit meuble oriental qui peut m'être si nécessaire pour échapper à barbarie des hommes. Tâche de le cacher adroitement et si tu ne trouves pas celui-là dans mes effets quoique je l'y aie caché, envoye moi en place ce qui peut me rendre le même service.

[139] Нац. арх. W. 547. *Paris, le vingt huit prairial an 3:* La Commission militaire ordonne à l'officier des grenadiers de faire aussitôt après la séance levée une visite exacte sur les représentants du peuple en jugement devant elle. Il fera à cet effet appeler dans la pièce qui tient au lieu des séances, chaque accusé l'un après l'autre et ils resteront après être fouillés dans cette même (sic!). Ensuite on ira visiter la chambre où ils couchent. Avant de les y introduire on leur retirera toutes espèces d'armes: L'officier fera faire cette opération par le concierge et en sa présence et celle de huit grenadiers. Cette opération faite qui que ce soit ne pourra communiquer avec eux. L'officier est personnellement responsable des événements qui pourra (sic!) résulter de l'inexactitude de cette mesure. Les membres de la Commission: P. Beaugrand, Capitain.

[140] Нац. библ. Lb[41]—1862. *Jugement de la Comission militaire.* Fait et jugé à Paris, le 29 prairial, l'an troisième de la République Française une et indivisible.

[141] Нац. арх. W. 548. *Copie des lettres.* № 1. Du 29 prairial, 2 heures du matin. *Au chef de l'Etat major de la force armée parisienne.*— Там же.

Du dit jour, 2 heures du matin, à Samson.— Там же. Au charpentier.— Там же. Du dit jour, à Samson (второе письмо).

[142] Нац. арх. W. 547. Liberté, Egalité, Justice, Humanité. République française. Suite de la séance du 29 prairial an 3. Fait ledit jour vingt neuf prairial an 3, etc. Signé: M. J. Capitain, vice-président, Verger, adjudant général, Talmet, chef d'escadron, Fabre, capitaine de cavalerie, Deville, volontaire et Rouhière, secrétaire général.

[143] Там же: Je meurs innocent et je veux que la République prospère.

[144] Jullian. Цит. соч., стр. 204: Ils furent jetés sur les charrettes et traînés à l'échafaud. J'ai vu les uns déjà morts; j'ai suivi les autres au lieu de supplice. Jamais on n'a montré un plus sublime courage dans une cause plus coupable. Il est impossible que ces héros du fanatisme révolutionnaire ne fussent pas de bonne foi...

[145] Aulard A. *Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire.* Recueil de documents, т. II. Paris, 1899, стр. 20. 29 prairial an 3 (17 juin 1795).

[146] Нац. арх. W. 548. № 1. *Au chef de l'état major de la force armée parisienne* (du 29 prairial): La commission vous prévient, citoyen, que la force armée tant à pied qu'à cheval, qui fait le service auprès d'elle depuis le vingt trois du courant, peut être retirée.

[147] *Journal des hommes libres,* 1 messidor.

[148] *Le Républicain français,* № 934, decadi, 30 prairial: Qu'on juge par l'énergie de ces traîtres le sort qui nous était réservé s'ils eussent triomphé.

[149] *Moniteur,* Quartidi, 4 Messidor an 3 (lundi 22 juin 1795): Tout homme sensible qui lira ces détails pensera sûrement comme moi, que quels qu'aient été les crimes des coupables, de pareils tableaux finissent par fatiguer l'imagination, contrister l'âme et faire souffrir l'humanité.

[150] *La Révolution française,* т. XIX, стр. 238 (Неизд. письма Кассани).

Глава X

[1] Нац. арх. W. 548. *Copie des lettres,* № 1. Du 12 messidor. *Au Comité de sûreté générale:* Citoyens représentants, en vertu de la loi du 6 prairial, dont nous joignons ici la copie, le tribunal criminel s'est cru obligé de nous renvoyer toutes les affaires relatives à la journée du 12 germinal. Vous verrez que cette loi ne donne pas une attribution directe à la commission et qu'il faudrait nécessairement une loi précise pour qu'il puisse s'occuper de ces affaires; nous vous invitons à faire cesser nos incertitudes qui nécessitent des retards à la mise en jugement des prévenus, en nous faisant passer ou un arrêté explicatif ou en provoquant une autre loi qui détermine d'une manière positive notre compétence.

[2] Нац. арх. W. 547. № 45. *Affaire de François Nargaud condamné à une année de détention par jugement de la commission militaire de 2 messidor.*

[3] Там же, № 47. *Séance du deux messidor, an 3:* ...qu'il étoit impossible d'avoir confiance aux députés actuels, qu'il falloit prendre des ouvriers et les patriotes incarcérés depuis le neuf thermidor, que ceux-là ne tromperoient pas le peuple...

[4] Там же, № 48. *Séance du 4 messidor.*

[5] Там же, № 50. *Louis Jean Morand* (Séance du 7 messidor).

[6] Там же, № 53. *Louis Duclos* (11 messidor).

[7] Там же, № 54.

[8] Там же, № 56. *Jean-Baptiste Combes.* Séance publique du 12 messidor an 3... d'avoir gesticulé, menacé les représentants et demandé avec fureur du pain et la constitution de 1793...

[9] Там же:... qu'avec un quarteron de pain il ne pouvcit pas vivre et que c'étoit abominable...

[10] Там же. (Bureau central du canton de Paris).

[11] Там же, № 55. *Martin Tacque*. Paris, le 12 messidor an 3. (Séance publique). Там же, Paris, le 12 messidor (протокол казни).

[12] Там же, № 57. *Pierre Kerkove* (séance du 12 messidor): ...a dit qu'il ne sait comment cela s'est fait, qu'il étoit gris et qu'il ne savoit pas ce qu'il faisoit.

[13] Там же, № 61. *Mathurin Berthelot* (16 messidor).

[14] Там же, № 58. *Claude Perreau* (Séance du 13 messidor).

[15] Там же, № 59. *Jean-Nicolas Ridde* (14 messidor).

[16] Там же, № 60. *J. A. Barrois et François Trippier*.

[17] Там же, № 62. *Pierre Salagniat et Claude Antoine Fouquet* (Séance publique du 16 messidor an 3).

[18] Там же, № 63. *Robert Croppé* (16 messidor)

[19] Там же, № 65. *Jacques Sulpice Carré* (19 messidor).

[20] Там же, № 64. *Claude Perrin*, Paris, le 13 messidor an 3: ...prévenu d'avoir dit le premier prairial au sein de la Convention Nationale: point de constitution démocratique, au péril de son sang qu'il vouloit Louis Dix-Sept (подчеркнуто в подлинной рукописи протокола заседания 18 мессидора).

[21] Там же, № 52. *Josephine Rouyère*, etc. (8 messidor).

[22] Там же, № 46. *Catherine Louise Vignot* (2 messidor).

[23] Там же, № 66. *Françoise Ribo femme Germain* (29 messidor).

[24] Нац. арх. W. 548. *Loi portant que le nommé Magnier dit Brutus* etc. 25 Prairial an 3.

[25] Там же, № 67. *Antoine-Louis-Bernard Magnier, dit Brutus*. Допрос 21 мессидора: Je rougis d'avoir applaudi au neuf thermidor. Ср. дальше письмо к Помму.

[26] Там же: В письме от 21 жерминаля (из Реннской тюрьмы) члену Конвента Pomme'у пишет: C'est aujourd'hui le deux cent quarante sixième (jour) de ma captivité. Значит, к 21 жерминаля (10 апреля 1795 г.) он уже просидел в заключении 8 месяцев и шесть дней.

[27] Там же: *De la prison Porte-Marat à Rennes:* L'infâme comité de dévastation générale... Le quatorze prairial troisième année de la République française, une et indivisible, mais jusqu'à présent problématique.

[28] Там же: Je livre donc à votre rage dévoratrice et inextinguible une nouvelle victime, c'est moi. Frappez, frappez, bourreaux, j'ai le noble orgueil de vous dire qu'il n'est pas un français qui ait plus justement mérité de tomber sous vos coups que moi.

[29] Там же: Vous ne sauriez croire quelle douleur je ressens de ce que les différentes tentatives que l'on a fait (sic!) pour anéantir le despotisme thermidorien n'aient pas été couronnées de succès.

[30] Там же: Je frémis encore en parlant de Robespierre et je me reproche continuellement l'erreur où je suis tombé involontairement en croyant un instant qu'il étoit coupable, mais cette erreur a été bientôt dissipée, quand je me suis aperçu de la funeste réaction que l'horrible événement du neuf thermidor a préparé et que je vois compléter de jour en jour avec plus d'effronterie.

[31] Там же: Il est de votre intérêt de me joindre à ces généreux citoyens que vous faites envoyer à la mort pour avoir conspiré votre perte, car jusqu'à mon dernier soupir je m'écrierai que les montagnards étoient les seuls patriotes, bien plus je jure de venger la mort de ceux que vous assassinez, en plongeant le poignard de Brutus dans le sein du premier de vous que je pourrois rencontrer ne fut ce que dans trente ans. Je voue à l'exécration la bande usurpatrice et contre-révolutionnaire qui ose encore se nommer Convention nationale. En est-il assez de cette lettre, cruels tyrans, pour diriger sur moi toute votre colère... J'ai

fini, scélérats, puisse-t-elle, cette lettre, être pour vous tous la tête de Méduse.

[32] Там же. № 67. *Magnier... à Pomme... actuellement membre de la Convention nationale:* d'après ce narré et la manière dont il est fait, tu vois tout de suite de quel parti je suis.

[33] Там же. Допрос 21 мессидора, пункт 31: ...et qu'il est aussi impossible de faire de lui l'ami du gouvernement actuel que de républicaniser le Roi de Prusse.

[34] Там же. *De la maison d'arrêt des Quatre-Nations, le seize messidor 3-me année républicaine. Liberté, Egalité, la Démocratie ou la mort. Brutus Magnier ex-président d'une commission établie pour juger les brigands.* Aux égorgeurs des patriotes, réunis dans une étale qu'ils appellent aussi commission militaire. Messieurs, je suis arrivé d'hier et tout en rendant justice au zèle que vous employez pour remplir les vues de vos dignes instituteurs les gouvernants; je vous invite à ne pas m'oublier; frappez, frappez, bourreaux, je mourrai en criant vive la République! L. B. Brutus Magnier.

[35] Там же. Допрос 21 мессидора, пункт 27.

[36] Там же. Допрос 23 мессидора, пункт 7: ...a dit... qu'il ne vote leur mort que parce qu'il les croit dans l'intention de donner à la France un gouvernement monarchique ou tout au moins aristocratique; mais s'ils sont républicains et qu'ils ne diffèrent avec lui, répondant de sentiment que sur les moyens d'asseoir la démocratie il verra avec plaisir tomber sa tête en expiation d'une erreur où il n'est tombé que par amour pour sa patrie.

[37] Там же, № 67. *De la maison d'arrêt de Rennes, le 21 germinal, troisième année de la mort de titan* (sic!) *et de la république française jusqu'à présent et aujourd'hui plus que jamais problématique:* ...c'est nous rappeler à tous les deux ces temps heureux et ces lieux chéris où dans l'abondance du cœur et dans les sentiments du plus pur désintéressement nous aspirions par nos vœux et nos travaux à la liberté de notre patrie...

[38] Там же: Je termine, Pomme, en te conjurant au nom de la justice de faire en sorte que le tribunal me juge promptement; quand je me serai lavé des dilapidations qui me sont imputées — car je ne veux pas laisser la moindre tâche sur ma réputation, surtout du côté de la probité — je prêcherai partout l'insurrection du peuple contre les tyrans, j'irai à la barre du sénat contre-révolutionnaire faire ma profession de foi et j'espère qu'il m'épargnera la douleur de voir plus longtemps tant d'infâmies en me faisant assassiner ou du moins en m'accordant les honneurs de la déportation...

[39] Там же, № 67. Допрос Magnier. Paris, le ving un messidor, an 3.

[40] Там же. Допрос 23 мессидора: ...que c'est tous les hommes qui marchoient dans le sentier de la république démocratique.

[41] Там же. *Démocrite ou journal de Midi.* Du 24 pluviôse: Prospectus. C'est un homme de sang qui se fait gloire d'être du nombre de ces patriotes énergiques qu'on entasse chaque jour par milliers dans les prisons, qui veut aussi se mêler de faire un journal lequel paraîtra tous les jours à midi. Charmer ses ennuis, encourager ses compagnons d'infortune à la patience voilà son but; analyser les papiers publics, présenter des réflexions critiques sur les événements voilà son plan de travail. Le titre de cette feuille périodique paroitra singulier; je semble plaisanter quand tout ce qu'on voit aujourd'hui n'est fait que pour arracher des larmes; je conviens que les conspirateurs sont aujourd'hui au pinacle, mais quelques puissants qu'ils soient on ne peut que rire les vils moyens qu'ils emploient pour anéantir la liberté... que ceux qu'on a mis hors d'état de

servir la patrie autrement que par leurs vœux soient toujours en belle humeur...

[42] Там же. *Democrite*, n°1, du 24 pluviôse:... Ah, que maintenant tout est bien changé! Quantum mutatus ab illo! Patriotes, patriotes, qu'avez vous fait depuis ce maudit neuf thermidor... eh! quoi? vous avez souffert que des nobles, des prêtres, des fédéralistes prissent sur vous le dessus, que dis-je? vous le souffrez encore. Poltrons, vous avez peur d'être guillotinés si vous montrez de l'énergie. Eh! ignorez-vous que si vous n'en montrez pas et si vous vous laissez subjuguer, vous serez tous pendus, oui, oui, pendus... Que faut-il faire, me direz vous? Jouir de vos droits et vous insurger contre ceux qui les violent quels qu'ils soient. Je vous donnerai mes idées sur les moyens d'opérer une insurrection immanquable dans sa marche, comme dans ses effets...

[43] Там же, № 67. 24 messidor, 3 année républicaine. *Brutus Magnier à la commission militaire:* ...je vous conjure au nom de l'humanité de lever l'ordre qui me tient au secret...

[44] Там же. *Ex carcere quator gentium 24 die messidorri mensis anno respublicae tertio. Brutus Magnier Martialis Comitatus judicibus:* ...atque generalis utilitatis non offertur ulla causa ut in secretis remaneam nulla quidem allegari portest. И дальше: Sin minus dicam alta voce vos omnes esse plus quam perversorum gubernantium instrumenta caeca.

[45] Там же. *Du dépôt de la Commission militaire le 24 messidor*, etc. 4-я строфа: Tremblez, thermidoriens perfides,— Redoutez notre désespoir,— Tremblez, vos projets parricides — Ne rempliront pas votre espoir.— Si la Montagne libre et fière — Succombe, vous triompherez,— Mais certes vous ne régnerez — Que sur un vaste cimetière. Характерна и 9-я строфа: Avec quelle fureur impie — Ces insatiables Caesars — Envoyent à la boucherie — Les intrépides montagnards! — Je rougirais de vous survivre — Oh généraux républicains! — Heureusement vos assassins — M'accordent l'honneur de vous suivre. — Ни тени уныния в нем нет (ср. 7-ю строфу). Mais c'en est fait des patriotes — Les thermidoriens ont vaincu; — Eh bien, malheureux sans-culottes! — Votre cœur est-il abbatu? — Pour moi, je reste imperturbable... — Tel j'ai vecu, tei je mourrai — Mon serment est inviolable,— Bourreaux de mon pays, frappez je vous attends! — Brutus jusqu'à la mort maudira les tyrans!

[46] Там же. Je m'en vins de Rennes à pied — Convenez-en, la chose est dure; — Le Sénat n'avait pas pensé — De m'accorder une monture.— Voyez à présent — qu'il est prévoyant: — Je vais au supplice en voiture.

[47] Там же, № 67. Допрос 21 мессидора, пункт 16-й.

[48] Там же, № 67. Допрос 23 мессидора, пункт 7-й: ...le mouvement majestueux d'un peuple qui dit à ses mandataires, faites cela parce que je le veux.

[49] Там же. *Mon dernier mot* (Déposé sur le bureau de la commission militaire par Magnier, en séance publique le 24 Messidor an 3).

[50] Там же: ...vous eussiez vu les ardesses de félicitations pleuvoir, et qui sont ceux qui les auroient envoyés? Ceux mêmes qui en rédigent aujour'hui en sens contraire...

[51] *Moniteur*, 28 prairial an 3. Suite de la séance du 25 prairial: ...le style extravagant de cette lettre, le délire sanguinaire qui l'a dictée pourraient vous faire croire que cet homme ne jouit pas de la plénitude de sa raison...

[52] Нац. арх. W. 548. № 68. *Jacques-François-Louis Richer et Pierre-Désiré Brochet* (3 Thermidor).

[53] Там же, № 71. *Jean Hamon Elisabeth Forgeot, Marie Duquilleux femme Garnier* (4 Thermidor).

[54] Там же, № 72. *Hyacinthe Compagne femme Montot.*

[55] Там же, № 731. *Jean-Marie Simonnet condamné à la deportation*, etc.

[56] Там же, № 74. *Jean Marie Lafond mis en liberté...* (8 Thermidor).

[57] Там же, № 75. *Jacques Brabant mis en liberté par jugement du 5 thermidor.*

[58] Там же, № 76. *Jean Thevenin mis en liberté par jugement du onze thermidor.*

[59] Там же, № 77. *Jean Vincent Augé mis en liberté par jugement du 11 thermidor.*

[60] Нац. арх. BB^7 — 4. — Paris, le 3 messidor de l'an 3. *La Commission de revenus nationaux à la Commission des administrations civiles, police et tribunaux:* Le dénouement absolu de bois à brûler dans lequel nous nous trouvons, citoyens collègues, nous empêche d'en envoyer sur-le-champ quelques brassées à la Commission militaire... nous vous observons, citoyens collègues, que malgré notre empressement à pourvoir aux besoins de cette commission, nous ne pouvons lui fournir que les objets mobiliers qui sont à notre disposition.

[61] *L'Orateur du peuple,* № CXLIV du 28 messidor, p. 107: On parle encore de haines, de vengeances; on parle de cette commission militaire qui n'est point encore abolie et qui cependant suivant son but et son essence, n'aurait dû subsister que quelques jours; pourquoi ce glaive n'est-il pas rentré dans le fourreau?

[62] Нац. арх. W. 548. Registre № 2, предпоследний лист.

[63] Там же. *Procès-verbal de clôture des séances de la Commission militaire.* Du-Dix-sept thermidor an 3: ...elle a marché d'un pas assuré, dans une carrière, à la vérité, neuve pour les militaires.

[64] Нац. арх. F^7 4411—B. *Aux citoyens composants le Comité de salut public de la Convention nationale. Fontainebleau,* 2 messidor an 3. (Подписано: Adam, secrétaire de la commune de Fontainebleau): Le citoyen Adam s'aperçoit que depuis le premier prairial dernier il y a dans la commune quelques hommes égarés qui se réunissent et lui paraissent chercher à troubler l'ordre social. Il veut citer notamment le citoyen Quevanne, homme d'esprit ayant appartenu à la ci-devant reine... il est en ce moment d'autant plus dangereux qu'il est président de la Société populaire. Le 20 prairial dernier il y a lu un mémoire anonyme et une liste sur laquelle étaient dénoncés les patriotes qu'il n'aime pas.

[65] *La Révolution française,* т. XIX, стр. 238.

[66] Baudot. Цит. соч., стр. 162: Après le 1 prairial il ne resta dans la Convention que quinze à vingt républicains au plus qui luttèrent avec courage jusqu'à la fin contre l'immense majorité qui mettait à profit ses victoires contre la République.

[67] Там же, стр. 67—68: Il y avait un grand instinct de liberté à la Convention nationale, mais aussi beaucoup d'ignorance; les ignorants votaient avec la Montagne contre les Girondins, et avec les débris de la Gironde en faveur de la réaction. Ils voyaient toujours le parti le plus sage dans le parti le plus fort. C'est ce qu'on appelait le Marais... Soit à la Convention, soit plus tard cette espèce a toujours été le pire de tous les maux politiques.

[68] Нац. арх. F^7 4411—B. Paris, le 26 prairial an 3. *Le Comité de salut public... au Comité de sûreté générale:* Les bruits qui s'étaient répandus depuis quelques jours et qui nous menaçaient de quelque désastre pour le 25, ayant pu se propager, ne penseriez-vous pas qu'il serait à propos d'annoncer par une lettre circulaire à toutes les administrations des départements que la tranquillité publique n'a point été troublée.

[69] Mallet du Pan. Цит. соч., т. II, стр. 147—148, 17 juin 1795: La disette est toujours au même point, on s'y habitue, on n'en murmure plus. Le louis d'or valait le 13 à Paris cinq cent soixante francs... Les campagnes profitent de cette détresse, vendent toutes les denrées à des prix

excessifs et sont assez contentes de ce régime. Les villes sont au désespoir; mais ce désespoir n'inspire aucun projet...

[70] Нац. арх. BB³—82. *Commission de police administrative de Paris aux membres composants la commission des administrations civiles, police et tribunaux.* Paris, le 19 messidor de l'an 3: Nous avons reçu la lettre... par laquelle vous nous faites part de votre sollicitude relativement aux gâteaux, brioches et pâtisseries que les pâtissiers et même d'autres professions étalent sur les dehors des boutiques; nous avons eu connaissance de cette infraction à la loi, etc... Quant au second objet de votre lettre, relativement à la vente publique du pain autre que celui distribué par les boulangers, nous pensons avec vous que cela présente de grandes difficultés, mais avons nous le droit de resserrer ces ventes dans les boutiques et d'en empêcher la publicité?

[71] Там же. Paris, le 25 messidor de l'an 3. *La Commission de police administrative de Paris à la Commission des administrations civiles*, etc. (черновик): Citoyens, nous vous croyons mal informés si l'on vous a assurés que les commissaires de police font leur devoir pour empêcher conformément à la loi que les pâtissiers ne fassent et ne débitent des brioches, pâtés et gâteaux, car la plupart depuis cette loi n'ont pas cessé un moment d'en vendre publiquement et s'il fallait en nommer un entre cent nous (nommerions) celui établi entre la ci-devant porte des Jacobins et la rue de la Fourdière. Ce pâtissier n'a sans doute jamais été repris puisqu'il continue d'étaler un grand nombre de ces mets de luxe au grand mécontentement et aux murmures sans cesse répétés des citoyens... ces exemples frappants de négligence des commissaires de police etc., etc.

[72] Там же. Paris, le 2 thermidor. *Commission administrative de la police de Paris au chargé de pouvoir de la commission*, etc...: Nous avons écrit plusieurs fois au commissaire de police de la section de la Butte des Moulins pour la négligence qu'il met dans l'exécution de la loi du premier prairial contre les pâtissiers qui exposent en vente des mets de luxe. Nous lui avons écrit de nouveau en lui signalant le pâtissier établi rue Honoré, etc...

[73] *Journal du bonhomme Richard*, № II (messidor an 3): Il n'existe vraiment de Convention Nationale que depuis le premier Prairial. Tout ce que nous avons vu avant cette époque ne fut que l'ouvrage du délire ou des passions.

[74] Там же, № III, стр. 23: A quelque chose le malheur est bon. Peut être sans la mort de ce pauvre Féraud qui étoit mon camarade et que je regretterai toute ma vie, auroit-on tourné longtemps encore autour du pot pour se décider à prendre de grandes et vigoureuses mesures... Falloit-il que nous achetassions au prix de ta tête le calme dont nous jouissons aujourd'hui!

[75] Там же, № XIII, стр. 101: Mais qu'on se depêche donc, car en attendant on augmente tout si prodigieusement que bientôt il faudra que tout le monde mette ses dents au crochet, qu'on aille sans chemises, sans souliers, sans chapeaux, sans bas, sans culottes tout-à-fait...

[76] *Recueil*, vol. II, стр. 89—90. 29 messidor an 3 (17 juillet 1795).

[77] Бумаги Jullian'a. № 18. *Détails des aveux importants qui sont échappés à la femme Carle, complice des assassins de la Représentation nationale:* Puisqu'un député a été assassiné dans le sein même de l'assemblée et sa tête sanglante portée au bout d'une pique devant le bureau du président: puisque cet acte atroce et inouï est attribué au peuple et ne peut que révolter la France entière et affaiblir la haine contre les royalistes: n'est-il pas essentiel de publier la preuve matérielle qui fait rejaillir sur eux toute l'horreur de ce crime. Ces monstres assassinent les deputés pour accuser Paris de leurs assassinats, soulever contre Paris les départements indignes et allumer la guerre civile. (Эти рукописи Жюллиана являются личной собственностью известного историка Жоржа Буржена,

который с обычной любезностью предоставил их мне для использования.)

[78] Там же: Elle regrette le gouvernement d'un seul, elle voit du même œil tous les deputés. Elle annonce froidement leur mort prochaine. Elle développe les sentiments non cachés d'un fanatique royalisme. Elle est pour le caractère et la résolution comme une autre Corday... Elle a pris du café avec nous et n'a voulu en goûter qu'aprés que nous en avons goûté nous-mêmes. Elle paraissait redouter le poison et tout autre genre de mort que la guillotine avec laquelle son imagination s'était d'avance habituée.

[79] Нац. арх. W[1]—Q[a] 5. № 241. *Pièces faisant partie de l'affaire de la fille Carle.* Одно письмо помечено: Paris, ce 3 septembre 1793. Другое — без даты, но, по смыслу, писано позже первого.

[80] Нац. арх. W. 490, Pl. 444. Ce 3 vendémiaire, etc.: il me semble que nous sommes dans une tyrannie plus grande que jamais, que nous ne pouvons être jugé que par des despotes.

[81] Там же: ...il y a longtemps que ma tête serait en bas pour mon bien...

[82] В написании имени этой женщины документы часто разнятся: Miguelly, Miquelly, и даже: Michelly.

[83] Нац. арх. Pièce 8. Tribunal Révolutionnaire. (Fait et jugé en la chambre du conseil le treize frimaire an trois.)

[84] Бумаги Jullian'a. Paris, ce 5 prairial: c'est aux royalistes seuls qu'appartient l'horreur de ce crime.

[85] Там же. Sur le 1 prairial.

[86] Там же: Notes remises au Comité de sûreté générale les 20, 21 et 22 prairial par des républicains détenus à la Conciergerie, etc.

[87] Там же. *Observations générales et particulières.*

[88] Там же: Le lendemain j'ai su que l'on allait me dénoncer pour avoir achevé Féraud et pour que mes ennemis ne tirassent pas profit de ma peau et ne reçussent pas le prix de leur dénonciation, j'ai mieux aimé m'aller dénoncer moi-même.

[89] Нац. арх. W. 548. *Copie des lettres № 1.* Du 23 messidor. *Au Comité de sûreté générale:* La Commission militaire ayant reçu du concierge de la maison d'arrêt des Quatre-Nation copie d'une lettre écrite à la Commission par la nommée Charlotte Miguelly et dont l'original est resté entre les mains du concierge pour lui servir à découvrir celui qui sert de secrétaire à la d. Miguelly, arrête que le chef d'escadron Talmet, un de ses membres, se retirera sur l'heure auprès du Comité de sûreté générale pour lui donner connaissance et copie de cette lettre.

[90] Там же. Du 17 prairial. *Au Comité de sûreté générale:* Ecrit au Comité pour lui demander les pièces de Françoise Carle Michelly (sic!), détenue à la Conciergerie.

[91] Desessarts. Цит. соч., т. VII. *Procès et supplice d'Aspasie, l'un des assassins du représentant du peuple Féraud.*

[92] Там же, т. VII, стр. 57.

ДОНЕСЕНИЯ ЯКОВА ТОЛСТОГО ИЗ ПАРИЖА В III ОТДЕЛЕНИЕ

[1] Донесения Якова Толстого извлечены из обширной переписки его с III отделением, охватывающей период с конца 1836 по 1867 г. Донесения в собственном смысле слова, т. е. отчеты Толстого шефу жандармов о состоянии французской прессы, о происходящих событиях и пр., сохранились лишь по 1855 г. включительно. Судьба остальных неизвестна, и не исключена возможность, что они просто еще не разысканы в архивах. С октября 1836 г. по январь 1854 г. корреспонденция Толстого помечена Парижем, с марта 1854 г. и за 1855 г.— Брюсселем, куда во

время Крымской войны переехал Толстой. Донесения, как правило, нумерованы; донесений к Бенкендорфу — 58, к Орлову — 188; за единичными исключениями, все они налицо. Начиная с 1848 г. рапорты часто отправлялись без подписи и без обозначения адресата. К своим сообщениям Толстой прилагал обычно всевозможный печатный материал; последний почти не сохранился.

Кроме донесений Бенкендорфу и Орлову, в архиве III отделения имеются письма Толстого к А. А. Сагтынскому (чиновнику особых поручений при III отделении) и к Дубельту. Эти письма служат зачастую хорошим дополнением к отчетам Толстого. Вся переписка его, кроме нескольких писем к Дубельту и ответов последнего, а также незначительного числа других документов,— на французском языке.

При отборе текстов для публикации была взята переписка, отражающая наиболее яркие политические события, свидетелем которых был Толстой (восстание Бланки, переворот 2 декабря 1851 г. и т. п.); далее отчеты, характеризующие французскую прессу, следить за которой было основной обязанностью Толстого; наконец, документы, сообщающие новости литературной жизни Франции. Ограниченный размер публикации не позволил, однако, и в этих суженных рамках дать исчерпывающе весь заслуживающий внимания материал, и значительное количество его осталось неиспользованным. Хронологически публикуемые выдержки обрываются на январе 1854 г., т. е. на том моменте, когда Толстой выехал из Франции и перестал быть очевидцем парижской жизни.

Переписка Толстого хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ), под рубрикой «Дело III отделения, 1-й экспедиции, № 191 (начато с 1836 г.)», с подразделением на литеры А — Н и на части 1—6. Донесения за 1849—1855 гг. сложены в особые картоны с заголовком: «К делу 1836 г. № 191», а внутри картонов разложены в пакетах по годам. Под рубрикой «Дело III отделения, 1-й экспедиции, № 95» выделены составлявшиеся по-русски резюме донесений Толстого за 1854 г. Донесения за 1848 г. изъяты из общей переписки Толстого в «Дело III отделения, 1-й экспедиции, № 337. О политических переворотах в Европе, ч. 1» (хранится в ЦГИАМ). Отдельные письма и документы Толстого встречаются и в ряде других дел III отделения. Это объясняется тем, что, не довольствуясь порученной ему систематической информацией о французской прессе и французской политической жизни, Толстой сообщал также, от случая к случаю, разнообразные попадавшие в поле его зрения факты, которые, по его мнению, могли заинтересовать начальство. Например, о русских подданных, «уклоняющихся от православия», о проживающих самовольно за границей, о поляках в Париже и т. д. При существовавшей в III отделении системе классификации дел эта переписка изымалась из «Дела» Толстого, попадая в соответствующие предметные рубрики.

О существовании переписки Толстого с III отделением известно уже давно. П. Е. Щеголев еще в 1904 г. указывал, что в архиве III отделения имеются «кипы (буквально) его донесений из Франции..., которые, быть может, представят даже интерес для историков Франции, ибо Толстой обстоятельно знакомил своих хозяев с политической жизнью Франции, с революциями...» (Щеголев П. Е. *Из жизни и творчества Пушкина.* Изд. 3. ГИХЛ, 1931, стр. 61). Имел доступ к материалу и М. Лемке, судя по ряду его указаний о Толстом (Лемке М. *Николаевские жандармы и литература.* СПб., 1909, стр. 105—106). Однако до последнего времени этот архивный материал оставался неизученным, в противоположность документации, относящейся к первому периоду жизни Як. Толстого, связанному с его участием в тайных обществах и со встречами с Пушкиным (см. Модзалевский Б. Л. *Я. Н. Толстой. Биографический очерк. — Русская старина,* 1899, IX—X; Щеголев П. Е. Цит. соч.,

стр. 39—68; Щеглова С. А. *Памяти декабристов*. Сборник материалов. Изд. Академии наук СССР, 1926, вып. 2, стр. 164—188 и др.). Исключение составляют лишь донесения Толстого о революции 1848 г., опубликованные Центрархивом (*Революция 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого*. Л., ГИЗ, 1926). Донесения эти, как указано выше, выделены из общей переписки Толстого.

Помимо III отделения, Толстой посылал корреспонденции в Министерство народного просвещения, корреспондентом которого (см. ниже) он официально числился одновременно со службой в III отделении. Эта переписка осталась нам неизвестной. В бывшем архиве Министерства, по справке Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЦГИАЛ), сохранился лишь ряд деловых бумаг, письма по вопросам снабжения Министерства и лично министра выходившими во Франции книгами и журналами, а также отчет Толстого от 1/12 января 1843 г. о состоянии народного образования во Франции. Последний документ был опубликован проф. Мазоном (Mazon A. *Rapport d'un Russe sur l'instruction publique en France en 1842.— Feuilles d'Histoire*, 1914, № 7, 1 juillet). По сообщению профессора Мазона, очень большой личный архив Толстого сохранился в Париже, в одном из частных собраний.

Служебные бумаги Толстого, судя по документам III отделения, поступили, по-видимому, после его смерти в распоряжение русского посольства в Париже.

[2] Перечень (неполный) печатных работ Толстого дан Б. Л. Модзалевским в названной выше статье его в *Русской старине* (1899, IX—X); см. также Quérard (J.-M.) *Les supercheries littéraires dévoilées*, III. P., 1870, стр. 476—477.

[3] См Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 1, 1836, л. 2 — отпуск письма Бенкендорфа Палену. Бенкендорф сообщал здесь, что он докладывал царю о желательности использовать Толстого для сношений с французскими журналистами и что Николай I распорядился вызвать предварительно Толстого в Петербург. Палену поручалось передать это распоряжение по назначению, а также заплатить долги Толстого (не свыше, однако, 10 000 руб.), если они служат препятствием к его выезду из Парижа.

[4] Этот совет был осуществлен. 18 февраля 1837 г. Толстой, по высочайшему повелению, был назначен корреспондентом Министерства народного просвещения (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 1, лл. 14—16, а также «Формулярный список» Толстого — ЦГИАЛ, фонд департамента народного просвещения, д. № 141592, карт. 3779 (1866 г.).

[5] Durand Шарль (ум. в 1848 г.) — французский литератор, редактор *Journal de Francfort*, выходившей на французском языке и субсидировавшейся русским, австрийским и прусским правительствами; агент III отделения (1833—1839). В делах III отделения сохранились его донесения и переписка с ним (Дело III отд., 1-й эксп., № 761, ч. 1—6). О Дюране см. также в статье С. Дурылина. *Александр Дюма-отец и Россия.*— Лит. наследство, № 31—32, 1937, стр. 498—501.

[6] Пален Петр Петрович, граф (1778—1864) — русский посол во Франции в 1835—1851 гг.

[7] Паскевич Иван Федорович, граф Эриванский, светл. кн. Варшавский (1782—1856). Перу Толстого принадлежала биография Паскевича: *Essai biographique et historique sur le feld-maréchal, prince de Varsovie, comte Paskevitch d'Erivan*. P., 1835, переведенная также на польский язык (1840). Этой книгой, преследовавшей цель реабилитировать в глазах общественного мнения Франции усмирителя Польши, Толстой приобрел себе в лице Паскевича надежного покровителя. По мнению Б. Л. Модзалевского, Паскевич помог ему получить прощение николаевского правительства, до тех пор остававшегося глухим к его покаяниям

(см. **Модзалевский**. Цит. соч. *Русская старина,* 1892, X, стр. 185—186). Помещаемое письмо Паскевича к Бенкендорфу подтверждает это предположение. См. также **Головин** Ив. *Записки.* Лейпциг, 1859, стр. 77.

[8] *Gazette de France* (1631—1914) — старейшая французская газета, наиболее видный из роялистских органов. После Июльской революции вела непрерывную борьбу с правительством Луи-Филиппа, во имя восхваления легитимной монархии. Газета стремилась «примирить» защиту монархических традиций с демократическими свободами, высказывалась за всеобщее избирательное право, заигрывала с республиканцами.

[9] *La Quotidienne* (1792—1847) — одна из старейших роялистских газет, пользовавшаяся большой известностью. Во время Реставрации — орган крайней роялистской и клерикальной правой, прозванной за свои призывы к самой оголтелой реакции «кровавой монашенкой» (la nonne sanglante). При Луи-Филиппе — орган воинствующей фракции легитимистской партии, призывавший к насильственному свержению династии Орлеанов. Газета постоянно подвергалась преследованиям и штрафам со стороны правительства Луи-Филиппа.

[10] *La Presse* (1836—1931?) — известная французская газета, основанная Эмилем Жирарденом. *La Presse* произвела переворот в организации газетного дела во Франции, первая снизив вдвое подписную плату (с 80 до 40 франков) и построив свое материальное благополучие на многотиражности и доходах с объявлений. Газета пользовалась для своего времени очень широким распространением, занимая по числу подписчиков второе место среди французских газет (имела с 1840-х годов до 20 000 подписчиков). Объявления давали газете (по данным на 1838 г.) до 150 тысяч франков в год. Газета отличалась богатством и разнообразием содержания и насчитывала среди постоянных сотрудников своих ряд авторитетнейших в различных областях знаний имен и крупнейших писателей своего времени. Политическая ориентация *Presse* не раз менялась. В первые годы своего существования — к моменту, описываемому Толстым, она была всецело на стороне Луи-Филиппа.

[11] *La France* (1834—1847) — легитимистская газета. По характеристике легитимистского журналиста Ал. Нетмана — «арьергард» легитимистской печати (**Nettement** Al. *La presse parisienne.* P., 1846, стр. 119—120). По числу подписчиков занимала одно из последних мест среди ежедневных парижских газет. В переписке Толстого сохранилась докладная записка редактора газеты, виконта де Жайи (Jailly Габриэль-Гектор, 1759—1857), предназначавшаяся для Николая I. Записка дает ряд фактических сведений о газете (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. B, л. 195 об.). С *France* Толстой был наиболее тесно связан в течение всего времени ее существования.

[12] *La Chronique de Paris* (1834—1837) — воскресная политическая и литературная газета; руководил газетой литератор Дюкет (Dukette Вильям, 1805—1863), редактор *Dictionnaire de la conversation et de la lecture* (см. ниже, прим. 32). Толстой называет редактором *Chronique* также Капфига (Capefigue Баптист-Оноре-Раймон, 1802—1872), упоминаемого французской библиографией лишь в качестве сотрудника газеты. Последний был известен в те годы как автор многочисленных исторических сочинений, написанных в духе крайней монархической и клерикальной нетерпимости, а позднее как автор «будуарных» романов на исторические сюжеты. Биографы Капфига знают факт получения им от правительства Луи-Филиппа сумм из секретных фондов.

[13] *Journal des Débats* (1789 — существует до настоящего времени) — одна из старейших и влиятельнейших французских газет. Во время Июльской монархии пользовалась особым авторитетом. Полуофициоз. Руководил газетой в те годы ее основатель Бертен (Bertin Луи-Франсуа, так называемый Бертен-старший, 1766—1841). Не ограничиваясь

широкой политической информацией, *Journal des Débats* держала своих читателей в курсе всего нового в области науки, литературы, искусства, располагая исключительным по блеску личным составом сотрудников. По отношению к официальной России газета занимала резко враждебную позицию, что не мешало ей уделять некоторое внимание русской литературе, искусству, музыке и пр.

[14] Michaud Жозеф-Франсуа (1767—1839) — публицист, историк, член Французской академии (1815), один из видных легитимистов, многолетний редактор и сотрудник *Quotidienne*.

[15] Laurentie Пьер-Себастьен (1793—1876) — один из виднейших публицистов легитимистского лагеря, редактор и совладелец *Quotidienne*.

[16] Genoude Антуан-Эжен, аббат (1792—1849).— публицист, многолетний редактор *Gazette de France*. Духовный сан Женуд принял в 1835 г.

[17] Имеется в виду крайне агрессивная и оскорбительная для поляков речь, произнесенная Николаем I 4/16 октября 1835 г., во время посещения Варшавы, перед польской депутацией. При опубликовании речь была изменена, однако в европейскую прессу проник не официальный вариант, а подлинный текст (ср. Schiemann Th. *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I*, Bd. III. B.— Lpz., 1904—1919, стр. 277).

[18] Salvandy Нарцисс-Ахилл, граф, де (1795—1856) — политический деятель, публицист, историк, член Французской академии (1835), министр народного просвещения (1837—1839), многолетний сотрудник *Journal des Débats*.

[19] Janin Габриэль Жюль (1804—1874) — романист и критик, был одним из плодовитейших писателей своего времени. Помимо *Journal des Débats*, постоянным сотрудником которой он состоял с 1829 г. и где вел театральный фельетон и помещал литературно-критические статьи, Жанен печатался в те же годы также в *L'Artiste, Revue de Paris, Musée de Famille, Revue des Deux Mondes* и ряде других органов. Ни о каких попытках «купить» Жанена в дальнейших донесениях Толстого нет речи.

[20] Girardin Эмиль де (1806—1881) — журналист и политический деятель, член палаты депутатов (1834—1839, 1842—1848), инициатор издания во Франции многотиражной дешевой газеты (см. прим. 10). Автор многочисленных публицистических сочинений и нескольких (неудачных) драм. Человек большого ума и блестящих дарований, Жирарден был, однако, нечистоплотным дельцом и крайне беспринципным политиком. В рецензии на книгу Жирардена «Социализм и налог» (1850) Маркс писал: «Из всех шарлатанских реклам, сочиненных когда-либо г-ном Жирарденом,— а, как известно, имя им легион,— этот проспект налога на капитал является, несомненно, шедевром» (Маркс К. и Энгельс Ф., *Сочинения*, т. 7, изд. 2, стр. 304). Те же шарлатанские приемы применялись Жирарденом и при ведении газеты. Будучи прекрасным редактором и организатором газетного дела, Жирарден не стеснялся вместе с тем в выборе способов привлечения для своего издания денежных средств и решался, «получая правительственную субсидию, стучаться в двери и стоять с протянутой рукой у порога всех иностранных посольств и миссий» (Goltier J. et Lefebvre R. *Histoire de la Presse.— Crapouillot*, 1934, juin, 27). Эти свойства Жирардена особенно ярко выступают в публикуемых нами документах.

[21] *Revue des Deux Mondes* (1829 — существует до настоящего времени). Этот руководимый Бюлозом (Buloz Франсуа, 1803—1877) и получивший такую широкую известность журнал успел уже к тому времени завоевать себе положение, уделяя преимущественное внимание литературе и привлекая к сотрудничеству крупнейших писателей и поэтов эпохи.

[22] *La France Littéraire* (1832—1842?) — литературный журнал, выходивший под редакцией Мало (Malo Шарль, 1790—1871). По указанию

французской библиографии, журнал прекратился в 1836 г. (ср. Hatin E. *Bibliographie de la presse périodique française*. P., 1866, по указателю). Между тем Толстой пишет о журнале как о существующем в конце 1839 г. и в октябре 1842 г. (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, л. 300 и лит. Д, л. 55об.).

[23] Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

[24] Демидов Анатолий Николаевич, позднее кн. Сан-Донато (1812—1870) — известный богач и меценат. Получив образование во Франции, Демидов был связан с литературными и научными ее кругами. В 1837 г. на средства Демидова была снаряжена научная экспедиция на юг России, в которой принимал участие ряд французских ученых и художников. В конце того же 1837 г. Демидов начал сотрудничать в *Journal des Débats*.

[25] Отставка Тьера 25 августа 1836 г., после пребывания во главе кабинета (первого кабинета Тьера) с 22 февраля того же года.

[26] *La Tribune des Départements* (1829—1835) — самая влиятельная республиканская газета своего времени, выходившая под редакцией братьев Фабр (Fabre) и А. Марраста (Marrast). Подвергалась непрерывным преследованиям правительства Луи-Филиппа. Число судебных процессов и сумма уплаченных ею штрафов приводятся в литературе как исключительные по своей величине (до 114 привлечений к суду, до 23 приговоров по ним и до 160 тысяч франков штрафа). Указания Толстого во много раз превышают, однако, и эти баснословные для 30-х годов цифры. Во время процессов *Tribune* практиковались сборы средств в ее пользу. Преследования в конце концов задушили газету.

[27] *Le Polonais* — о каком точно органе польской эмиграции идет речь, установить не удалось. Толстой называет *Le Polonais* газетой; по другим данным под этим названием в Париже выходил ежемесячный журнал (см. приложение к письму Палена к Нессельроде от 3/15 августа 1836 г.— Фонд МИД, канц. réception, д. 153, 1836, л. 96об. Архив внешней политики России, АВПР). Hatin также называет *Le Polonais* журналом, существовавшим, однако, лишь в 1833—1834 гг.

[28] Предложение основать во Франции собственную газету, несмотря на поддержку Паскевича, не было принято. Мысль эта не встречала, видимо, сочувствия Николая I. Так, 14/26 января 1843 г., отвечая на письмо Паскевича, снова рекомендовавшего «устроить секретно свой орган печати за границей», царь писал, что находит лишним «отвечать на статьи и брошюры, издаваемые за границей с ругательствами на нас», по той причине, что «кроме того, что считаю сие ниже нашего достоинства, но и пользы не предвижу... Пусть лают на нас, им же хуже. Придет время, они все будут перед нами на коленях с повинной, прося помощи». Щербатов. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич, его жизнь и деятельность*, V, 1896, стр. 306—307.

[29] Balbi Адриен (1782—1848) — географ и статистик, автор ряда трудов, среди которых наибольшей известностью пользовалось *Abrégé de Géographie*. P., 1833. В предисловии к этой книге (стр. XXXVIII) Бальби свидетельствует, что Толстой действительно оказал ему большую помощь в составлении отдела, посвященного России, и является также автором ряда заметок по Франции, Германии и Италии. Бальби принадлежит также специальная работа о России: *L'Empire Russe comparé aux principaux états du monde, ou essai sur la statistique de la Russie, considérée sous les rapports géographique, moral et politique*. P., 1829. Участие в этой книжке Толстого равным образом оговорено Бальби.

[30] *L'Univers Pittoresque. Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, mœurs, coutumes, industrie*. P., Firmin Didot-frères, 1835—1856. 62 vol. (Живописная вселенная. История и описание религий, нравов, обычаев, промышленной жизни всех народов). Издание

распадалось на разделы: Европа, Америка, Азия, Океания, и выходило в виде монографических работ отдельных авторов. Среди последних Толстого мы не находим. Его участие в *L'Univers* ограничивалось, повидимому, подбором и предварительной обработкой материала. Толстой и позднее поддерживал связь с *Univers* (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А).

[31] *Malte-Brun* (1775—1826) — географ и публицист. Толстой имеет в виду его известный труд *Précis de géographie universelle*, издание которого было закончено после смерти автора. В VII томе, посвященном Восточной Европе (*Europe Orientale, peuples slaves*. P., 1833), отмечено, что при составлении раздела России ряд сведений был получен от русских — без указания, однако, их имен.

[32] *Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Répertoire des connaissances usuelles*. P., 1833—1852. 68 vol. Энциклопедический словарь, выходивший под общей редакцией В. Дюкета и при сотрудничестве ряда крупных французских ученых и писателей. Какие именно статьи в словаре написаны Толстым, мы не выявляли. В основном списке авторов словаря он, во всяком случае, не значится (ср. 1 том 2 издания словаря 1852 г.).

[33] Толстой вернулся в Париж лишь 21/9 октября 1837 г., сильно задержавшись в дороге (см. донесение № 1 от 24/12 октября 1837 г. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, л. 21).

[34] Правительство Июльской монархии поддерживало борьбу Уругвая с Аргентиной. В 1838 г. оно посылало эскадру для блокады Буэнос-Айреса. Осенью 1838 г. посылалась также эскадра к берегам Мексики, от которой Франция требовала возмещения убытков, понесенных ею во время гражданской войны в Мексике, и гарантий безопасности для французских подданных.

[35] *Le Courrier Français* (1819—1851) — влиятельная в то время ежедневная газета, орган либеральной оппозиции.

[36] В большой редакционной статье *Journal des Débats* от 8 сентября 1838 г. сообщала о приказе С. П. Шипова (генерал-лейтенанта, председательствующего в правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского, 1837—1840), запрещающем ношение польского национального костюма и об открытии во всех польских деревнях складов готового платья, в которых население могло бы приобретать себе одежду нового образца. Газета ставила это мероприятие в один ряд с вышедшим ранее распоряжением о введении в школах Польши обязательного обучения русскому языку и квалифицировала его как один из самых нестерпимых видов пытки, превращающий повседневные привычки и обыденные действия людей в источник мучений. Сообщение *Journal des Débats* было подхвачено другими французскими газетами и послужило поводом для резкой критики руссификаторской политики самодержавия в Польше.

[37] Пален, действительно, обратился к Нессельроде, поддерживая просьбу Жирардена. «Хотя,— писал он (переводим с французского — *Е. Т.*),— взгляды, защищавшиеся до сих пор Эмилем Жирарденом, и не отличались слишком высокой нравственностью и он меняет их, поскольку ему это выгодно, я полагаю, что, пока он будет оставаться в тех рамках умеренности, какой придерживается ныне, и будет защищать деятельность нашего правительства от нападок хулителей, его (Жирардена) не следует обескураживать. Тем более, что он просит всего лишь о разрешении допустить распространение его газеты в России». Ответ Нессельроде гласил, что *Presse* уже включена в список газет, распространение которых разрешено в России, и публика может, следовательно, приобретать ее путем подписки в Санкт-Петербургской газетной

экспедиции... Прося Палена уведомить об этом Эмиля Жирардена, Нессельроде предлагал, одновременно указать ему, что «газета его будет пользоваться предоставленной ей льготой до тех пор, пока она будет вестись в том же умеренном духе, в каком ведется ныне» (депеша Палена к Нессельроде от 6/18 октября 1838 г.— Фонд МИД, канц. réception, д. 170, лл. 44—45. АВПР; отпуск депеши Нессельроде к Палену от 20 декабря 1838 г.— там же, лл. 296—297).

[38] Molé Луи-Матьё, граф (1781—1855) — в то время и по март 1839 г.— глава кабинета министров.

[39] Речь идет о книгах Эмиля Жирардена: *De l'instruction publique en France*. 1838; *De la presse périodique au dix-neuvième siècle*. 1836; *Études politiques*. P., 1838.

[40] *Le Constitutionnel* (1815—187?) — газета либерально-буржуазного направления, игравшая очень видную роль в последние годы Реставрации и в первые дни после июльского переворота. К моменту, описываемому Толстым, и по 1843 г., когда она была куплена доктором Вероном, далеко не пользовалась своим прежним влиянием. Газета являлась органом правительственной ориентации. См. также прим. 71 и 129.

[41] См. прим. 5.

[42] *La France et l'Europe* (1838—1839) — политический и литературный двухнедельный журнал. Выходил при поддержке А. Берье и редактировался видным легитимистским журналистом Нетманом (Nettement Альфред, 1805—1869), сторонником сближения с Россией. Журнал уделял большое внимание вопросам религии, пытался касаться социальных проблем, помещал интересные литературные новинки (Ср. Biré E. *Alfred Nettement. La presse royaliste de 1830 à 1852*. P., 1901, стр. 233—240, 271—272). См. также прим. 71.

[43] *Revue du Nord* (1835—1839?) — ежемесячный журнал, освещавший по преимуществу вопросы политической и культурной жизни германских государств. Толстой был приглашен сотрудничать в этом журнале. Списавшись с Бенкендорфом и получив его разрешение и полномочия на будущее давать свое согласие при всех аналогичных обращениях со стороны французской прессы, Толстой связался с журналом (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 64об., 67об., 100об.). По данным французской библиографии *Revue du Nord* прекратился в 1838 г. Толстой поддерживал связь с журналом в течение 1839 г., и по его указаниям, журнал перестал выходить лишь в конце 1839 г. (см. письмо Толстого к Сагтынскому от 24 ноября) 6 декабря 1839 г. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В., лл. 299об.— 300).

[44] Schnitzler Жан-Анри (1802—1871) — французский литератор. Автор ряда статистических и исторических трудов, в том числе: *Essai d'une statistique générale de l'Empire de Russie, accompagné d'aperçus historiques*. Strassburg, 1829; *La Russie, la Pologne et la Finlande, tableau statistique, géographique*. P., 1835. За эти работы Шницлер получил уже в 1835 г. Станислава. Толстому представлялось очень заманчивым располагать пером Шницлера. Однако позднее Шницлер выступил с сочинениями о России, которые едва ли могли расцениваться, как особо «благонамеренные», царским правительством. Так, в статье о Николае I в *Encyclopédie des gens du monde* (XVIII, 1843) осуждается польская политика царя; в *L'histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas* (P., 1847. 2 vol.) большое место уделено декабрьским событиям, истории тайных обществ в России, процессу и казни декабристов, во время которой Шницлер был в Петербурге (см. «Русский архив», 1882, 1)

[45] Chopin Жан-Мари (1796—1870) — французский литератор, секретарь и библиотекарь Александра Борисовича Куракина — русского посла в Париже (1808—1812), выехавший с ним в Россию. Имеется в ви-

ду двухтомная книга Шопена *Russie*, вышедшая в 1838 г. в серии *Univers Pittoresque*. Книга знакомит с географией, экономикой, административным устройством и историей России. Исторический очерк заканчивается царствованием Николая I. Этот очерк писался под наблюдением Толстого. Однако по требованию издателя Шопен несколько отступил от редакции Толстого, чем вызвал его недовольство. Толстой колебался даже, передавать ли Шопену царский подарок, предназначенный автору еще до выхода в свет II тома, где помещена история царствования Николая I. Впрочем, в конце концов они договорились, и подарок был передан Шопену (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В., лл. 110—111об., 128—129об., 205об.). Шопен является автором и другой работы о России: *Coup d'œil sur Saint-Pétersbourg* (P. 1821), изданной вторично в 1822 г. под названием: *De l'Etat actuel de la Russie ou Observation sur ses mœurs, son influence politique et sa littérature; suivi de poésie traduite de russe*. Позднее вышли: *Révolution des peuples du Nord*. P., 1841—1842 (значительная часть этой книги отведена истории России), и *Choix de nouvelles russes de Lermontoff, Pouchkine, von Wisin* etc. P., 1853.

[46] Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 3, лл. 1—5, 8. Это было уже вторичное с начала службы награждение Толстого. В январе 1838 г. он получил «высочайшую» благодарность и полугодовой оклад за предоставление статистических таблиц французской и английской периодики того времени. Французская таблица в делах не сохранилась, и все наши попытки разыскать ее остались безрезультатными. Судя по английской (последняя содержит 125 названий периодических изданий и дает характеристику их направления, сведения о редакторском составе, о числе подписчиков и пр. — см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. А, лл. 88—91), документ этот должен представлять большой интерес, являясь к тому же наиболее ранней библиографией французской периодики периода Июльской монархии.

[47] Bignon Эдуард, барон (1771—1841) — политический деятель, историк, публицист; французский посол в Варшаве (1811—1812) и политический комиссар Вильны во время занятия ее французами (1812); член палаты депутатов (1831—1837); пэр Франции (1837). Был известен своим полонофильством. Биньон оставил воспоминания о своем пребывании в Польше (*Souvenirs d'un diplomate. La Pologne*. P., 1867).

Harcourt Франсуа-Эжен-Габриэль, герцог (1786—1865) — политический деятель, дипломат, член палаты депутатов (1827—1834) и палаты пэров (с 1837), умеренный либерал.

[48] Сведения Толстого о философе не точны. Виктор Кузен (1792—1867) получил звание пэра еще в 1832 г. (ср. Cousin V. *Discours politique*. P., 1851). и никогда не избирался в палату депутатов. Возможно, впрочем. что неточность эту следует отнести за счет свойственной Толстому некоторой неясности изложения. Смысл фразы о Кузене туманен.

[49] Поправка, внесенная в адрес королю на заседании палаты депутатов 9 января 1838 г., гласила: «Являя пример лояльного выполнения договоров, мы, со своей стороны, имеем право неустанно напоминать Европе о гарантиях, торжественно данных древней польской нации, нации, на стороне которой всегда будет право, равно как и наши горячие симпатии». *Journal des Débats*, 11 janvier 1838.

[50] Толстой идет здесь даже дальше тенденциозной официальной и полуофициальной французской прессы, не предъявлявшей участникам восстания 12—13 мая такого рода обвинения.

[51] Vaudrey Клод-Никола (1784—1857) — французский офицер; участник страсбургского путча Луи-Наполеона (1836). Уволенный за это из армии, был в те годы не у дел.

[52] Cabet Этьен (1788—1856), знаменитый социалистический публицист, приговоренный в 1834 г. за статью в *Populaire*, направленную

против короля, к двум годам тюрьмы, бежал в Англию, где прожил до 1839 г., а затем вернулся на родину, в Дижон.

[53] Бланки и Барбес были приговорены в 1836 г. к тюремному заключению по делу о фабрикации пороха на улице Лурсин, но освобождены по амнистии 1837 г. После восстания 12 мая Бланки успешно скрывался в течение 5 месяцев и был арестован лишь 14 октября, когда садился в дилижанс, направляясь в Швейцарию. В дальнейших донесениях Толстой сообщает о суде над участниками восстания 12—13 мая, о борьбе, которая велась за сохранение жизни Барбеса, об отмене королем смертного приговора, вынесенного судом, об аресте и суде над Бланки (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 217—218, 224—226об., 230, 333).

[54] Pasquier Этьен, барон, затем герцог (1767—1862) — префект полиции при Наполеоне I, хранитель печати и глава нескольких министерств при Людовике XVIII; пэр Франции (1811), председатель палаты пэров (1830); канцлер Франции (1837).

[55] Gérard Этьен-Морис, граф де (1791—1855) — маршал Франции (1831), командующий парижской национальной гвардией (1838—1842).

[56] *Journal des Débats* в восторженных выражениях описывала расправу, будто бы учиненную учениками Политехнической школы над «смутьянами», и призывала воздать «хвалу молодежи». В письме учеников подчеркивалась полная непричастность их к расстрелам и выражался протест против приписывания им такого «подлого поступка», как убийство безоружных людей.— *Journal des Débats,* 14, 15 mai 1839.

[57] Decazes Эли, герцог (1780—1860) — один из главарей партии доктринеров, игравший крупную политическую роль в первые годы царствования Людовика XVIII. Пэр Франции (1818) Деказ исполнял в палате пэров (1834—1848) обязанность хранителя печати и архивов палаты (grand référendaire).

[58] Angoulême Луи-Антуан, герцог де (1775—1844) — старший сын Карла X (1757—1836), вместе с ним отрекся 2 августа 1830 г. от прав на престол.

[59] Blacas d'Aulps Пьер-Луи, герцог де (1771—1839) — в течение многих лет ближайшее доверенное лицо и советчик Людовика XVIII. После революции 1830 г. последовал за Карлом X в изгнание.

[60] Более подробно планы и претензии *France* изложены в докладной записке Жайи Николаю I (см. прим. 11). В Россию Жайи не поехал, и субсидия, которую получала *France* от русского правительства, ограничивалась до конца существования газеты годовой подпиской на 30 экземпляров ее (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 3, лл. 119—119об., а также прим. 71).

[61] *Le Capitole* (1839—1840) — бонапартистский орган, стремившийся популяризировать бонапартизм в массах и прикрывавшийся демократическими лозунгами. Основатели газеты маркиз де Круа, или Круи-Шанель (Croy ou Crouy-Chanel Клод-Огюст, 1795—1873), и редактор Шарль Дюран (см. прим. 5) пытались связаться с царским правительством. Дюран обратился с письмом к Бенкендорфу, развивая перед ним программу газеты и прося денежной поддержки. Бенкендорф ответил вежливым отказом. Тем не менее Дюран заявлял, что получает субсидию от русских. Переписка III отделения с Дюраном причинила царскому правительству впоследствии, после ареста Шапеля, замешанного в бонапартистском заговоре и аресте в связи с этим Дюрана, много беспокойств и служила предметом специальных переговоров с французским правительством. (Фонд МИД, Канц. réception, д. 150, л. 93; Фонд МИД, Канц. expédition, 1839, д. 151, лл. 366—369. АВПР). Особенно взволновало Петербург появление брошюры о Шапеле (*Notice sur M. A. de Crouy-Chanel, extrait de la Biographie des hommes du jour* par

M. M. Germain Sarrut et B. Saint-Edme. P., 1841), где переписка Дюрана с Бенкендорфом была частично опубликована. Палену удалось добиться обещания Гизо, что брошюра не будет допущена к распространению (см. Фонд МИД, Канц. réception, 1841, д. 150, лл. 46—48. АВПР). Когда в Петербурге стали известны похвальбы Дюрана о его связи с царским правительством, Бенкендорф распорядился вернуть Дюрану аккуратно доставлявшиеся им в III отделение номера *Capitole*. Русские книгохранилища лишились, таким образом, этого, по указанию французской библиографии, чрезвычайно редкого издания.

[62] В донесении Толстого от 4/16 февраля 1840 г. приводится любопытный случай, характеризующий, какими неожиданностями грозили сделки с Жирарденом. В момент ареста Дюрана (см. прим. 5 и 61), когда в Париже открыто обвиняли петербургское правительство в поддержке бонапартистских попыток переворота, Толстому удалось получить согласие Жирардена на помещение в *Presse* его (Толстого) заметки-опровержения, согласованного, в тайне от Жирардена, с русским посольством. Заметка, действительно, появилась, однако, с небольшим редакционным добавлением,— перед текстом ее стояло: «как нам сообщают». Статья Толстого была превращена, таким образом, в официальный документ русского посольства. В итоге — новый шум в прессе, новые хлопоты посольству, опровержение через французский официоз *Moniteur* и т. д. (Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 350—354об., а также фонд МИД, Канц. réception, 1841, д. 137, лл. 132—134. АВПР).

[63] *Gay de Girardin* Дельфина (1804—1855) — дочь писательницы Софи Гэ; поэт, драматург, беллетрист. Пользовалась также известностью как блестящий журналист (под псевдонимом Виконт де Лоне). В ее салоне, одном из самых популярных парижских салонов 1830—1840 гг., собирался не только весь цвет французской литературы, но и видные политические деятели, дипломаты и пр. Толстой следил за литературной карьерой Дельфины с первых же ее шагов. В *Письме из Парижа к А. А. Бестужеву от 25 апреля 1824 г.* (*Сын отечества*, ч. 94 № XXIV, стр. 166—167) он оповещал русских читателей о появлении во Франции нового поэта — «девицы Дельфины Гэй». В корреспонденции, помещенной в *Московском Телеграфе* в 1828 г. (№ 5, стр. 113—114), он называет Дельфину Гэ в числе лучших поэтов Франции.

[64] Bequet Этьен (1800—1833) — писатель, журналист, сотрудник *Journal des Débats*. Упоминаемая статья была написана Беке в августе 1829 г. в ответ на ордонанс от 8 августа, назначивший новое ультрареакционное министерство, во главе с князем Полиньяком. Она характеризовала тогдашнее политическое положение Франции и указывала на опасности, грозившие монархии Бурбонов. Статья получила громадный резонанс в стране и сыграла свою роль в борьбе, приведшей к низвержению Карла X. Беке, действительно, отличался неумеренным образом жизни, рано сведшим его в могилу.

[65] Gros Антуан-Жан, барон (1771—1835) — знаменитый французский художник, окончил жизнь самоубийством, причиной которого явилось ослабление творческого таланта, пошатнувшееся общественное положение, семейные неурядицы. Художественная деятельность Гро в последние годы его жизни подвергалась резкой критике, которая нашла свое отражение в печати.

[66] Пьеса г-жи Жирарден заинтересовала Бенкендорфа. У него явилась даже мысль поставить эту запрещенную в Париже вещь на сцене французского театра в Петербурге. Толстому было предложено выслать экземпляр пьесы, что он, разумеется, исполнил (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 304, 311, 345об. и 354). Пьеса, однако, не была поставлена, и г-жа Жирарден не получила даже никакой благо-

дарности от царя за поднесенный ему экземпляр пьесы. Объяснения этого факта в переписке Толстого с III отделением мы не нашли. Такое невнимание к г-же Жирарден особенно непонятно, если вспомнить, что она принадлежала к числу любимых при русском дворе писательниц. Кюстин, описывая свой разговор с царицей, передает следующие ее слова: «Мы любим за их произведения ряд лиц, с которыми вы постоянно видетесь, особенно г-жу Гэ и ее дочь, г-жу Жирарден... Было бы жаль, если г-жа Жирарден с ее прекрасным поэтическим талантом ограничилась бы созданием небольших вещей...» Custine (marquis de). *La Russie en 1839,* II. P., 1843, стр. 89—90.

[67] Письмо Жанена было вскоре опубликовано в качестве приложения к вышедшему в Брюсселе изданию *L'Ecole des Journalistes.* Жанен дает в нем апологию журнализма, его общественной роли, беспощадно вскрывает сценические недостатки пьесы г-жи Жирарден.

[68] *La Presse* в номере от 30 сентября 1839 г. (в статье Эмиля Жирардена) назвала редактора *Courrier* уголовным преступником, осужденным будто бы в свое время судом за воровство, что, в действительности, оказалось грубой клеветой. *Journal des Débats,* 10 novembre 1839.

[69] *Biographie des hommes du jour* en douze volumes in 4° rédigée par Germain Sarrut et B. Saint-Edme (1835—1842). Оба редактора — и Саррю (Жермен-Мари), бывший главный редактор «La Tribune», и Сент-Эдм — принадлежали к республиканцам. О взаимоотношениях Толстого с этим изданием см., в частности, Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 340, 342—342об., 345; там же, лит. С, лл. 42—43.

[70] Norvins Жак-Марке, барон де Монбертон (1769—1854) — историк, писатель, автор апологетического жизнеописания Наполеона I (*Histoire de Napoléon,* 1827 et suiv.), истории Французской революции (*Essais sur la Révolution Française,* 1832) и др. Норвен вызвался написать историю царствования Петра I и просил Толстого помочь ему в подборе необходимых материалов. Толстой списался по этому поводу с Бенкендорфом и получил его апробацию. Норвен представлял Бенкендорфу план своей книги, впоследствии (по просьбе Норвена) ему возвращенный. Среди прочих исторических документов Толстой предполагал предоставить в распоряжение Норвена документы, собранные Пушкиным. Это желание Толстого не было удовлетворено, ибо Пушкин, как писал Сагтынский Толстому, посылая ему книги для Норвена, «по-видимому, не оставил материалов, касающихся царствования Петра, во всяком случае до сих пор ничего не нашли» (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 129об. и 149об.).

[71] Толстому ежегодно (1838—1862) высылались «на подписку заграничных журналов и поддержку французских издателей» 1142 руб. 85 коп. серебром, что составляло, в зависимости от колебания курса, примерно 4571—4573 франка. Эти деньги распределялись между *La France, La France et l'Europe, Revue du Nord,* а позднее, когда эти органы прекратили свое существование, между *La Patrie, L'Assemblée Nationale* и *Constitutionnel* (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 3, в частности лл. 88, 120, 126—130 об.). В эту сумму не входили эпизодические расходы по отдельным заказам, как и оплата различных секретных сведений о французской армии, о финансовом положении Франции и т. п., добыванием которых также занимался Толстой, особенно в предвоенные годы и в годы Крымской войны.

[72] *Le Journal Général* (1836—1840) — ежедневная газета консервативного направления, редактировавшаяся Грюном (Grün Альфонс, 1801—1866) и Лавернем (Lavergne Леонс, (1809—1880). В письме виконта де л'Эспина, пересланном Толстым в III отделение, сообщалось, что, ввиду предстоящего назначения Грюна редактором официоза *Moniteur,* предпо-

лагается продажа газеты. Эспин с группой друзей намеревался забрать газету полностью в свои руки и сделать ее программой — сближение Франции с Россией и борьбу против Англии. Толстой должен был поставлять газете материал о России. Было ли Толстому разрешено войти в сношения с газетой, о чем он запрашивал далее в своем донесении,— неизвестно. В мае 1840 г. Толстой был вызван для свидания с Бенкендорфом в Варшаву, где и должен был получить непосредственно от последнего распоряжения по всем текущим вопросам (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 360—360об.; отпуск письма Бенкендорфа к Толстому от 9 апреля ст. ст. 1840 г.). В архивных материалах варшавские распоряжения Бенкендорфа не отражены.

[73] *Le Globe* (1837—1845) — газета, несколько раз менявшая название и периодичность. С 1841 г. приняла окончательно название *Globe* и начала выходить ежедневно; орган правительственной ориентации. Ближайшее участие в газете принимал Гранье де Кассаньяк (*Granier de Cassagnac* Адольф-Бернар, 1806—1880), будущий апологет Наполеона III, в эти годы продававший свое перо Гизо. Маркс в *18 брюмера Луи Бонапарта* так характеризует и *Globe* и Кассаньяка: «Гизо во время своего министерства, пользуясь в одной темной газете этим Гранье как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: „C'est le roi des drôles", „Это король шутов"». (Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. 8, изд. 2, стр. 216). В *Globe* сотрудничал также журналист Солар (Solar Феликс, 1805—1870). Солар и Кассаньяк после закрытия *Globe* получили печальную известность созданием основанной на дутой рекламе газеты *Epoque* (1845—1847). Толстому удалось завязать связи с Гранье и с *Globe*.

[74] *Le 19-me Siècle* (1841) — ежедневная политическая газета либерального направления, основанная писателем левого лагеря Пелетаном (Pelletan Эжен, 1813—1884). Просуществовала из-за отсутствия средств очень недолго (ср. Hatin. Цит. соч.). У Толстого, видимо, описка, и его характеристика издания, как консервативного, относится, по всей вероятности, к *Globe*, т. е. к первой, а не к последней из перечисляемых им газет.

[75] *La Revue Indépendante* (1841—1848) — ежемесячный журнал, издававшийся Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. Вскоре же по основании журнал завоевал широкое признание и популярность, в особенности своими антикатолическими выступлениями и статьями по социальным вопросам (ср. Avenel H. *Histoire de la presse française depuis 1789*. P., 1900, стр. 382). Социалист Пьер Леру печатал в *Revue* свои *Sept discours sur la situation actuelle de la société et de l'esprit humain*. В первой книжке (от 1 ноября 1841 г.) помещены обращение к философам (*Aux philosophes*) и начало обращения к политикам (*Aux politiques*).

[76] *Le Bon Sens* (1832—1841?) — воскресная газета для рабочих. Издавалась республиканцами совместно с представителями династической оппозиции. Руководили газетой Кошуа-Лемер (Cauchois-Lemaire), Луи Блан и Роде старший. Указания о времени прекращения газеты в французской библиографии разноречивы и колеблются между 1837—1839 гг. Толстой устанавливает новую дату — 1841 г. *Le Sens Commun* (1832—1844) — до 1840 г. воскресное приложение к газете *Le Bonhomme Rochard* (орган правительственной ориентации), позднее самостоятельное издание, так же как и *Le Bon Sens*, предназначавшееся для рабочих и не прекращавшее попыток подорвать авторитет последней.

[77] *Le Monde* (1836—1841?) — газета, посвященная религиозным вопросам, выходившая при сотрудничестве Ламенэ (Lamennis, 1782—1854). По сведениям французской библиографии, расходящимся в данном случае, как и в ряде других, с указаниями Толстого, газета прекратилась еще в 1837 г.

[78] *L'Europe Monarchique* (1837—1841?), до 1838 г. выходившая под заглавием *L'Europe,*— газета легитимистской группировки, защищавшей парламентские методы борьбы с династией Луи-Филиппа. Руководили газетой Антуан Берье и Жак Кретино-Жоли (Cretineau-Joly, 1805—1875). Французская библиография не дает точных сведений о дате прекращения газеты. Hatin (см. по указателю) высказывает предположение, что газета прекратилась в 1839 г. Равным образом не отмечается причастие к газете видного легитимиста маркиза де Ла Рошжаклена (La Rochejacquelein Анри-Огюст, 1805—1857). Сообщение Толстого вносит, таким образом, некоторые библиографические уточнения.

[79] Любопытным дополнением к сообщаемому здесь Толстым служит депеша Н. Д. Киселева к Нессельроде от 18/6 ноября 1843 г. Приводим в переводе выдержки из этой депеши: «Как я уже имел честь сообщать в. с., г. Гизо проникся с некоторых пор убеждением, что мы широко субсидируем газету *La Presse* с тем, чтобы возбудить ненависть и антипатию Франции к Англии. Ныне он заявляет, что субсидия эта еще увеличена с целью направить нападки лично против него и «свалить» министерство, наиболее влиятельным членом которого он является. Действительно ли таково убеждение г. Гизо или нет, но, как мне передавали, на этом основании он говорит, что мы не должны удивляться, если впредь он не всегда окажется расположенным идти нам навстречу и проявлять уступчивость при сношениях с императорским правительством. На все мои попытки, сделанные через третьих лиц, отрицать утверждения г. Гизо, он отвечает, что допускает, что я, действительно, могу быть непричастным к сговору с газетой, но тем не менее он уверен в существовании наших сношений с *Presse*. Он добавляет, что быть может связь эта поддерживается без моего ведома г. Яковым Толстым, на которого вообще возложена обязанность сноситься с французской прессой» (см. фонд МИД, Канц. réception, 1843, д. 137, лл. 176—177).

Никаких данных о получении Жирарденом средств от русского правительства в переписке парижского посольства с Нессельроде за 1837—1847 гг. мы не нашли. Единственная льгота, предоставленная Жирардену и упоминаемая в документах, указана нами выше (см. прим. 37).

[80] Towiański Андрей (1799—1878) — польский мистик, игравший в 40—50-х годах роль пророка и апостола среди польской эмиграции. Факты, рассказанные Толстым, о взаимоотношениях Товянского с Мицкевичем, подтверждаются и другими источниками (ср. Макушев В. *Андрей Товянский, его жизнь, учение и последователи.— Русский вестник*, 1879, кн. II, стр. 473—513; кн. V, стр. 215—259; кн. X, стр. 453—493).

[81] Скжинецкий или Скржинецкий (Skrzynecki) Ян-Сигизмунд (1787—1870)* — генерал, главнокомандующий польской повстанческой армией (1831). После подавления восстания жил за границей, в частности в Брюсселе (1838—1854), приглашенный королем Леопольдом I на пост командующего бельгийской армией (1838—1839). Отличался исключительной религиозностью еще в бытность в Польше. Товянский не имел, однако, успеха у Скжинецкого (ср. Макушев. Цит. соч., кн. II, стр. 486—491).

[82] В конце 1843 г. группа из пяти легитимистских депутатов, во главе с Берье, совершила паломничество в Лондон к герцогу Бордоскому (внуку Карла X) — претенденту на французский престол, что вызвало крайнее недовольство Луи-Филиппа. Под давлением правительства палата вынесла порицание этим депутатам. Последние, в знак протеста, сложили депутатские полномочия, но были вновь избраны своими избирателями (март 1844 г.).

Конфликт в г. Анжере, о котором говорит далее Толстой, разыгрался по следующему поводу. Мэр города Огюстен Жиро просил муниципаль-

ный совет санкционировать выдачу 3 тысяч франков из муниципальных средств в пользу пострадавших от наводнения жителей. Совет отказал, предложив открыть подписку для помощи пострадавшим. Обсуждение сопровождалось весьма резкими выступлениями членов муниципального совета против правительства Гизо.

[83] Сентябрьские законы (так назывались три закона от 10 сентября 1835 г.), изданные после покушения Фиески (28 июля), вводили изменения в порядок судопроизводства по политическим делам, судопроизводства суда присяжных и в законодательство о печати и носили репрессивный характер. В отношении прессы сентябрьские законы увеличивали размер залогов, устанавливали очень высокие штрафы и карали тюремным заключением за оскорбление монарха и нападки на основы государственного строя; прессе запрещалось касаться имени и власти короля, называть себя республиканской, говорить о восстановлении легитимной монархии, оспаривать принципы власти, собственности, семьи.

[84] Книге Кюстина *La Russie en 1839* (P., 1843) в донесениях Толстого уделено большое внимание. От Толстого русское правительство, по-видимому, впервые узнало о грозящих ему со стороны Кюстина неприятностях. 13/25 апреля 1840 г. Толстой уже предупреждал о том, что Кюстин работает над описанием своего путешествия в Россию (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В, лл. 393об., 394). Тотчас же по появлении сочинения Кюстина в свет Толстой предлагает Бенкендорфу план защитной кампании в иностранной печати (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, лл. 62об., 79, 81, 83—85об., 86, 89—91, 95—96об.) и сам выступает с опровержением Кюстина в книге, озаглавленной: *La Russie en 1839 rêvée par M. de Custine, ou lettres sur cet ouvrage écrites de Francfort* par J. Jakovleff. P., 1844. IV, 112 стр. (Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. Е, лл. 124—127). Французские читатели были оповещены о появлении этой книги следующим объявлением в *Journal des Débats* (6 mars 1844); «Из всех появившихся один за другим в Париже опровержений книги г. Кюстина, бесспорно, наиболее остроумным является опровержение г. Яковлева, опубликованное под названием „Россия в 1839 г., какой она приснилась г. Кюстину". Сарказм не покидает пера автора с первой до последней строк этой тонкой брошюры, и если иногда русский критик и допускает кое-какие чрезмерно патриотические фразы, которым мы отнюдь не склонны придавать веры, читатель, разумеется, простит ему это во внимание к той элегантной легкости, с какой он владеет нашим языком». Толстой высказывал удивление по поводу того, что *Journal des Débats* сочувственно отзывалась о его брошюре (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, лл. 95, 98—98об.).

Библиография отмечает еще одно издание, выпущенное Толстым против Кюстина,— брошюру: *Lettre d'un russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse antirusse* (P., 1844). Однако в переписке Толстого, обычно оповещавшего начальство о всех своих выступлениях в печати, никаких сообщений об этой брошюре нет.

Упоминаемая Толстым книга *Russie, Allemagne et France, révélations sur la politique russe d'après les notes d'un vieux diplomate*, par Marc Fournier (P., 1844) принадлежит драматургу, критику и журналисту Марку Фурнье (1818—1879). Делая краткий экскурс в историю России, автор самым резким образом критикует как политический режим, установленный Николаем I, так и его личную жизнь.

Что касается брошюры Витте, то никаких дальнейших указаний в переписке Толстого о ней нет, равным образом не упоминается она и в имеющихся в нашем распоряжении библиографических указателях. Объявление о предстоящем выходе брошюры в свет появилось в *Journal des Débats*, 13 février 1844.

[85] Указания Толстого расходятся с фактами биографии Маркса. «Немецко-французский ежегодник» «прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге» (Ленин В. И. *Сочинения*, т. 21, стр. 31), а не под давлением угроз Гизо, как пишет Толстой.

Рассказ о вызове Маркса и Руге к Гизо также противоречит действительности. В воспоминаниях о Париже Руге пишет: «Еще в ожидании появления в свет „Немецко-французского ежегодника" прусский посланник пытался склонить г. Гизо к репрессиям против редакции. Однако, успеха не имел» (Ruge A. *Zwei Jahre in Paris*, I. 1846, стр. 398). На самом деле Маркс, по требованию прусского посольства, был выслан из Парижа лишь в феврале 1845 г. и перебрался в Брюссель. Имя Маркса встречается в донесениях Толстого вторично в любопытной докладной записке 1846 г. «О положении дел в Швейцарии» (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. G, лл. 21—34об.).

[86] *Le Siècle* (1836—1932?) — ежедневная газета, основанная Арманом Дютаком (Dutacq). Появилась в один день с *Presse* и заимствовала у последней принципы ее организации — снижение вдвое против существовавшей подписной платы, широкое использование объявлений и пр. *Siècle* занимала в 40-х годах первое место по числу подписчиков среди парижских газет (имела 30 000 подписчиков). Сумма доходов с подписной платы, получаемой газетой (по данным на 1840 г.), достигала 170 000 франков в год, объявления давали ей свыше 100 000 франков (см. Weill G. *Le journal. Origines, évolution et rôle de la presse périodique*. P., 1934, стр. 206—207). Своей популярностью газета была в значительной степени обязана блестяще поставленной литературной части (печатали Бальзака, Александра Дюма, Сулье и др.). Политические симпатии газеты склонялись к династической оппозиции.

[87] Материальное благосостояние *Presse* с 1839 по 1844 г. непрерывно возрастало. Доходы газеты за 1844 г. равнялись 187 603 франкам, при 105 325 франков в 1841 г., 168 716 франков в 1842 г. и 184 287 франков в 1843 г.— Brisson (Jules) et Ribeyre (Felix). *Les grands journaux de France*. P., 1863, стр. 125—126, ср. также Goltier-Boissière (Jean) et Leféбvre (René). *Histoire de la Presse*.— *Crapouillot*, 1934, juin 24.

[88] Речь идет о брошюре: *Récit de Makrena Mieczyslawska, abbesse des basiliennes de Minsk, on Histoire d'une persécution de sept ans, soufferte pour la foi par elle et ses religieuses, écrite sous sa dictée, par le R. P. Maximilian Ryllo, recteur de la Propagande à Rome; l'abbé Allexandre Jalowicki, recteur de l'église Saint-Claude à Rome; l'abbé Aloys Leitner, théologien de la Propagande à Rome. Commencé le 6 novembre et terminé le 6 décembre 1845. Dans le couvent de la Trinité du Mont à Rome*. P., 1846, стр. 1—84 («Рассказ Макрены Мечиславской, настоятельницы Базилианского монастыря в Минске, или история семилетних преследований за веру, претерпленных ею и монахинями ее монастыря»). Брошюра сохранилась в переписке Толстого (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. G, лл. 59 и сл.). Она содержит описание многочисленных истязаний, которым подвергались монахини, и, действительно, малоправдоподобна.

[89] В письме от 2 января 1846 г. Гоголь писал к жившему в то время в Париже А. П. Толстому: «О чем был разговор (находившегося тогда в Риме Николая I) с папой, это, разумеется, неизвестно, хотя, впрочем, следствия, вероятно, будут те, каких и ждали, т. е. умягчение мер к католикам. Донесения (в печатном тексте письма здесь пропущено оставшееся неразобранным имя, которое мы смело можем теперь восстановить: Макрены Мечиславской) оказались ложью, и она созналась, что была уже научена потом вне России польской партией...» (*Письма Н. В. Гоголя*, ред. В. И. Шенрока, т. III, стр. 128—130). Якову Толстому это письмо

Гоголя, очевидно, стало известно. Характерно, что Толстой пытается воспользоваться именем Гоголя, незадолго перед тем впервые привлекшим к себе внимание французов. В конце 1845 г. появился первый перевод Гоголя на французский язык (повести в переводе Виардо). Выходу в свет этой книги предшествовала публикации из нее в *Journal des Débats* от 16, 17, 18 декабря 1845 г. перевода «Вия» и краткой характеристики творчества Гоголя. Сборник переводов был встречен сочувственно Сент-Бёвом в декабрьской книге *Revue des Deux Mondes* за 1845 г.

[90] *L'Univers* (1833—1860) — влиятельная в те годы газета французских католиков, орган крайней католической реакции.

[91] Sircourt Адольф, граф де (1801—1879) — журналист, сотрудник ряда легитимистских органов. Был женат (с 1830 г.) на русской — Анастасии Семеновне Хлюстиной (1814—1863).

[92] *Semeur* (1831—1850) — консервативное издание (еженедельник), посвященное вопросам религии, политики, философии, литературы.

[93] Lherbette Арман-Жак (1791—1864) — депутат палаты (1831—1843); был известен своими оппозиционными выступлениями при обсуждении вопросов о наследственном пэрстве, о секретных фондах, об укреплении Парижа, цивильном листе и пр.

[94] В ответном письме от 12/24 апреля 1846 г. Сагтынский рекомендовал Толстому передать Тьеру, «что в России незлопамятны, и хотя у нас часто имелись основания быть недовольными путешественниками, посещавшими нашу страну, мы умеем отличать таких людей, как он. Тьер может, следовательно, быть уверенным, что встретит у нас не только хороший прием, но что ему будет предоставлена возможность осмотреть и ознакомиться со всем, что его интересует» (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, л. 124об.). В том же году Тьер еще раз служил предметом переписки Толстого с III отделением, в связи с предстоящим выходом в свет IV тома книги Тьера *Le Consulat et l'Empire*. Книга эта попала к Толстому еще в верстке от английского переводчика Тьера Кемпбела (Campbel) — сотрудника *Times* и приятеля Толстого. Оскорбившись за честь русской армии, будто бы опороченную Тьером, Толстой просил разрешения выступить против него в печати (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, л. 138об.). Это не встретило сочувствия Орлова. Толстому было указано, что поскольку Тьер не является добросовестным историком, а книга его «представляет собою роман», отвечать на нее не следует (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, лл. 137—137об.).

[95] Дюма был привлечен к судебной ответственности (январь — февраль 1847 г.) редакторами-издателями газет *La Presse* и *Le Constitutionnel* Эмилем Жирарденом и Вероном за непредоставление к сроку романов, которые он обязался написать для этих газет. Процесс дает интересный материал, характеризующий приемы, темпы, размах писательской работы Дюма. Решением суда Дюма был приговорен к уплате небольшой, по сравнению с предъявленным к нему иском, суммы.

Для пояснения дальнейшего рассказа Толстого напомним, что в защитительной речи на суде Дюма остановился на своем путешествии «с правительственным» поручением в Испанию и Африку и указал, что для поездки в Алжир в его распоряжение было предоставлено военное судно. Следствием речи явился запрос правительству в палате, а либеральный депутат Мальвиль усмотрел в предоставлении военного судна «первому встречному» оскорбление морского флага Франции.

[96] Monpensier Антуан-Мари-Филипп, герцог д'Орлеан (1822—1860) — пятый и самый младший сын Луи-Филиппа. Был дружен с Дюма, служившим одно время в личном секретариате Луи-Филиппа. На суде Дюма рассказывал о своей поездке в Мадрид на свадьбу герцога (1846).

[97] Caussidière Марк (1808—1861) — активный участник восстания в Сент-Этьенне в апреле 1834 г.; член редакции республиканской газеты

La Réforme (1843—1850). В 1848 г. сражался на баррикадах. Решением собрания в редакции газеты *Réforme* (24 февраля 1848 г.) ему был предоставлен пост префекта полиции. Для охраны префектуры Коссидьер организовал отряд монтаньяров.

[98] В течение ряда лет Толстой жил на Rue des Trois frères, 11 (этот адрес встречается в документах 1837—1843 гг.), в доме своего друга, писателя-академика Жуи (Jouy, 1766—1846) — см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, лит. В., л. 24; там же, ч. 4, л. 50, а также Montorguel (Georges). *Henry Murger romancier de la Bohème*. 1928, стр. 1—3, 35. Второй адрес Толстого (в 40-е годы): 27, Rue de Montaigne, faubourg St. Honoré — см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 6, л. 39. Наконец, сохранившаяся в частном собрании в Париже визитная карточка Толстого содержит указание еще на одно место жительства Толстого в Париже (в 50—60-е годы): 34, Rue de Penthière.

[99] Отпуск письма Сагтынского к Толстому от 4/16 марта 1848 г. в переписке не сохранился. Судя по другим имеющимся документам, письмо извещало Толстого о регулировании его денежных дел, в ответ на жалобы на крайне тяжелое материальное положение, в какое он попал после революции. Несколько позднее Толстой сообщил также, что едва не был разоблачен и что лишь «рассудительность» (bon sens) французского министра внутренних дел спасла его от скандала. Толстой указывал, что было бы рискованно рассчитывать и впредь на французское министерство, при наблюдающейся во Франции «непрерывной смене людей, когда во главе министерства может оказаться человек типа Флокона» (член временного правительства 1848 г., левый республиканец, редактор газеты *Réforme*). Эти доводы, по-видимому, были учтены в Петербурге, и в итоге состоялось назначение Толстого советником русского посольства в Париже (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 4, лл. 173об., 176об.; там же, ч. 1, л. 75).

[100] Сведения о Герцене, по всей вероятности, должны быть в позднейших, оставшихся нам неизвестными, донесениях Толстого. Во всяком случае последний был очень хорошо осведомлен о Герцене. Ему было поручено доставлять в III отделение «Колокол» и другие заграничные издания Герцена (Герцен, *Собр. соч.* Под ред. М. К. Лемке, т. X, стр 446—450, а также Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 6). В январе 1858 г. Толстой получил специальную командировку в Лондон в связи с предложением некоего Альберта Черпецкого уничтожить шрифт типографии «Колокола» и открыть пути доставки в Россию литературы Герцена (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 255, 1857, частично опубликовано в Собрании сочинений Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XXII, стр. 72—74). Т. Пассек по приезде в Париж (1861) обратилась к Толстому, как к лицу, хорошо осведомленному, за советом, можно ли ей встречаться с Герценом (там же, т. XI, стр. 147—148).

[101] № 89 от 10/22 ноября 1851 г. (К Делу № 191, пак. 10(2), лл. 107 и сл.).

[102] Все 16 арестованных — депутаты собрания. Среди них, помимо названных Толстым, еще несколько видных военных и представителей левой. Арестованные были отправлены в тюрьму Мазас. Шангарнье, Каваньяк, Ламорисьер препровождены затем в крепость Гамм.

[103] Dupin Андре, так называемый Дюпен-старший (1783—1865) — адвокат и политический деятель; прокурор кассационного суда (1830—1851), председатель палаты депутатов (1832—1840) и Законодательного собрания (1849—1851). Отказался, как известно, поддержать попытку депутатов собрания организовать противодействие Луи-Наполеону, проявив при этом крайнюю трусость и страх. Дюпен, по сговору со сторонниками переворота, был подвергнут, для вида, домашнему аресту (ср. Hübner. *Neuf ans de souvenirs d'un ambassadeur d'Autriche à Paris*, I. P.,

1905, стр. 36; Hugo V. *Histoire d'un crime*, I. P., 1877, стр. 62). Слухи об аресте Дюпена были так настойчивы, что *Constitutionnel* в номере от 3 декабря опровергала их. Толстой повторяет сообщение об аресте Дюпена в донесении от 3 декабря. Бывший ярый орлеанист, Дюпен окончил свою жизнь сенатором Второй империи.

[104] Baudin Баптист-Виктор (1811—1851) — врач. С 1848 г.— депутат собрания, представитель крайней левой. Убит на баррикаде в Сент-Антуанском предместье 3 декабря 1851 г. Сообщение Толстого об убийстве Madier de Montjou (Ноэл-Франсуа-Альфред, 1814—1892) и тяжелом ранении Schoelcher (Виктор, 1804—1893) неверны. Мадье не был ни ранен, ни убит. У Шельше оказалась лишь прорванной штыком одежда (ср. Hugo. Цит. соч., т. I, стр. 227). Слухи о несчастии с депутатами, находившимися вместе с Боденом на баррикаде, упорно распространялись в городе (ср. Hübner. Цит. соч., т. I, стр. 38; Schoelcher. *Histoire de crimes du 2 décembre*. Londres, 1852, стр. 136).

[105] Несмотря на установленную во время переворота вооруженную охрану типографий, по городу было разбросано множество прокламаций, призывавших к борьбе с Луи-Наполеоном. В частности, в большом количестве были распространены постановления народных представителей, принятые на заседании 2 декабря в мэрии 10-го округа.

[106] *Joinville* Франсуа-Фердинанд-Филипп, герцог д'Орлеан (1818—1900) — третий сын Луи-Филиппа; моряк. В начале 1848 г. находился в Алжире. Сложил командование и уехал в Англию. Aumale Эжен-Филипп-Луи, герцог д'Орлеан (1822—1897) — четвертый сын Луи-Филиппа, генерал-губернатор Алжира (1847); после революции 1848 г. поселился в Англии.

[107] Имеется в виду конституция VIII года (1799), утвердившая Наполеона первым консулом и установившая основы консульского режима, а также сенатский указ от 18 мая 1804 г., которым во Франции была установлена империя и Наполеон получил титул императора.

[108] Тьер не был под домашним арестом, а вместе с несколькими другими арестованными депутатами содержался в тюрьме Мазас. Впрочем, Толстой сам исправляет свою неточность в донесении от 7 декабря. Факт угроз Тьеру расстрелом со стороны Луи-Наполеона литературой о Тьере не отмечается.

[109] Воззвание было напечатано, в частности, в *Times* от 5 декабря 1851 г.

[110] *Carlier* Пьер (1792—1858) занимал должность префекта полиции с 1849 г. Усердный сторонник Луи-Наполеона. Однако подал в отставку за несколько дней до переворота 2 декабря 1851 г. Его сменил Мопа (Maupas Шарлемань 1818—1888), вскоре после переворота назначенный министром полиции.

[111] *Mont Valérien* — форт в 11 километрах от Парижа, на месте бывшего монастыря иезуитов. Факт, рассказанный Толстым, об отказе депутатов покинуть крепость, отмечается и современной прессой (ср., напр., *Constitutionnel* от 5 декабря 1851 г.).

[112] Т. е. до дня плебисцита.

[113] См. донесение от 10 декабря и прим. 115.

[114] Статьи в *Times* против Луи-Наполеона были помещены в номерах от 3, 5 и 9 декабря 1851 г. Газета обвиняла Наполеона в установлении деспотии. С резкой критикой переворота выступали также *Globe*, *Morning Chronicle*, *Express* и др.

[115] Тьер был освобожден вечером 6 декабря. Сообщение Толстого о том, что Тьер выхлопотал себе разрешение ехать в Италию, основано, видимо, лишь на газетных слухах. В действительности Тьер был вновь арестован 8 декабря и в сопровождении полицейского чиновника, как тогда практиковалось, доставлен на германскую границу, в Кель

(Hübner. Цит. соч., т. I, стр. 44—45). Следует отметить, что в литературе о Тьере сведения о его судьбе в декабрьские дни разноречивы.

[116] *Сибур* (Sibour) Марк-Доминик-Огюст (1792—1857) стяжал себе известность республиканскими взглядами, благодаря которым и получил при Кавеньяке (июль 1848 г.) назначение на должность парижского архиепископа. Это не помешало ему примкнуть к Луи Бонапарту и, если, как пишет Толстой, 10 декабря 1851 г. Сибур еще не появлялся в Елисейском дворце, то 1 января 1851 г. он уже служил в Notre-Dame торжественную мессу с пением после «Salvam fac Rempublicam» — «Salvum fac Napoleonem». Виктор Гюго заклеймил подлое ренегатство Сибура стихотворением «Le Te Deum du 1 janvier 1852» («Châtiments»).

[117] *Angoulême* Мария-Тереза-Шарлотта, герцогиня (р. 1778) — дочь Людовика XVI и жена герцога Ангулемского, умерла в октябре 1851 г.

[118] Конституция 15 января 1852 г. требовала от депутатов присяги на верность новому режиму. Кавеньяк и Карио (Ипполит), избранные в Законодательный корпус, отказались принести присягу и были объявлены самоустранившимися от депутатства.

[119] Откуда почерпнул Толстой сведения о похоронах Н. А. Герцен — неизвестно, но его указание на выступление Герцена с речью на могиле жены не находит подтверждения ни у самого Герцена (ср. *Былое и думы*, ч. V, гл. 50.— *Собр. соч.,* т. XII, стр. 560), ни в описании похорон в местной газете, ни в свидетельствах очевидцев, ни, наконец, в рапорте, посланном в Министерство иностранных дел русским консулом в Ницце (см. Герцен. *Собр. соч.*, т. XIV, стр. 106—112). Равным образом нет упоминаний в литературе о присутствии на похоронах И. Головина, с которым Герцен в те годы, действительно, поддерживал отношения.

[120] *Napoléon le Petit.* Par Victor Hugo. Bruxelles, 1852.— Первый памфлет, о котором пишет Толстой, *Les nuits de St. Cloud* — анонимная брошюра, собрание, по его словам, грязных анекдотов и описаний романических приключений Луи-Наполеона.

[121] См. *Moniteur* от 26 августа 1852 г. 28 августа *Times* поместила новую статью против установившегося во Франции режима, с перечислением количеств жертв переворота 2 декабря. Против этой статьи *Moniteur* выступил с опровержением 30 августа, противопоставляя цифрам *Times* свои, значительно по сравнению с последними, уменьшенные.

[122] Имеются в виду слова Людовика XIV, сказанные им, по преданию, в связи с переходом испанского трона по наследству к его внуку Филиппу V Анжуйскому (1700): «Il n'y a plus de Pyrénées» («Нет больше Пиринеев»), т. е. Испания, отделявшаяся от Франции Пиринеями, становится французской.

[123] Soulouque Фаустин (1789—1867) — негр с острова Гаити, в 1847 г. был избран президентом республики Гаити, а в 1849 г. провозгласил себя императором Гаити под именем Фаустина I (свергнут 15. I 1859 г.). Прозвище Сулука прочно укрепилось за Луи-Наполеоном. Маркс в «Классовой борьбе во Франции» называет Луи-Наполеона французским Сулуком (Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения,* т. 7, изд. 2, стр. 92). В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», характеризуя окружение Луи-Наполеона, Маркс пишет: «Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодчиков, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился,— шумная, пользующаяся дурной славой, хищническая богема, которая напяливает на себя обшитые галунами мундиры с такой же смешной важностью, как сановники Сулука» (Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения,* т. 8, изд. 2, стр. 216).

[124] Абд-эль-Кадер (1807—1883) — арабский эмир, прославившийся своими войнами с французами в Алжире (1832—1847). Потерпев окончательное поражение, сдался генералу Ламорисьеру и был отправлен во

Францию (1847), где содержался под стражей. Луи-Наполеон во время своей поездки по Франции в октябре 1852 г. лично объявил Абд-эль-Кадеру о возвращении ему свободы.

[125] Имеется в виду врученное 4 ноября 1852 г. сенату послание Луи-Наполеона, в котором последний предлагал восстановить во Франции империю.

[126] Troplong Раймон-Теодор (1795—1869) — французский юрист, пэр Франции (1846). После революции 1848 г.— бонапартист. В январе 1852 г. назначен вице-президентом сената, а в ноябре того же года, после ухода с поста президента Иеронима Бонапарта — президентом сената.

[127] Louis Bonaparte (1778—1846) — голландский король, отец Луи-Наполеона, был моложе своего брата Lucien'a Bonaparte'a (1775—1840), князя Канино, а Jérôme Bonaparte (1784—1860), бывш. вестфальский король, моложе их обоих и самый младший из братьев Наполеона.

[128] Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — адмирал, ген.-адъютант, светл. князь. Был послан в феврале 1853 г. во главе чрезвычайной миссии в Константинополь для переговоров, предшествовавших Крымской войне. После отказа Турции заключить с Россией договор, обеспечивающий ей протекторат над всем православным населением Турции, выехал 21 мая 1853 г. из Константинополя. Перипетии переговоров привлекали всеобщее внимание Европы, а поведение Меншикова дало повод к распространению многочисленных и в ряде случаев преувеличенных слухов о его грубости по отношению к султану и турецким министрам (ср. Schiemann Th. *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I*, Bd. IV. B.— Lpz., 1904—1919, стр. 283, 286).

[129] В пространной передовой, подписанной Арманом Бертеном (редактором-издателем газеты), *Journal des Débats* давала анализ нот, врученных Меншиковым турецкому правительству, и брала их под свою защиту. По мнению *Journal des Débats*, требования России не содержали ничего невыполнимого и отнюдь не должны были привести к конфликту. Статья заканчивалась успокоительными заверениями, что ничто не угрожает европейскому миру. *Débats* — орган орлеанистской оппозиции, одна из немногих уцелевших при Второй империи газет небонапартистского толка. Оставалась по-прежнему влиятельнейшей и осведомленнейшей французской газетой своего времени.

Le Constitutionnel (см. прим. 40 и 71), после революции 1848 г. примкнувшая к временному правительству, очень скоро переменила ориентацию и стала в ряды сторонников бонапартизма. В 1852 г. газета была продана доктором Вероном банкиру Миресу (Mirès Жюль-Исаак, 1800—1871) и превратилась окончательно в официоз. Миресу принадлежала в то время основанная Ламартином (ранее республиканская) газета *Le Pays* (была основана в 1849 г.), выходившая с подзаголовком *Journal de l'Empire*. Редактором обеих газет состоял назначенный Миресом де Ла Героньер (de La Gueronnière Артур, 1806—1875). Что касается *La Presse* (см. прим. 10), то Эмиль Жирарден, позицией которого определялась позиция газеты, вначале выступал против Луи-Наполеона и был даже по декрету от 9 января 1852 г. временно выслан из Франции. Вернувшись через 2 месяца, он повел газету без определенной политической программы, отказываясь по возможности от обсуждения политических вопросов и таким образом удерживаясь в узких рамках наполеоновских законов о печати.

[130] Смысл слов Шельберна (Shelburn) становится понятным если вспомнить, что 31 мая 1853 г. английская эскадра вице-адмирала Дендаса, стоявшая у берегов Мальты, получила распоряжение идти к входу в Дарданеллы. Весть об этом, по-видимому, тотчас достигла Парижа. Ответ Толстого содержит напоминание об англо-греческом инциденте 1850 г., так называемом деле Пачифико. Английская эскадра появилась

тогда неожиданно у берегов Греции, требуя вознаграждения английского подданного ростовщика-еврея Пачифико за разграбление толпой его дома в Афинах. Правительство короля Оттона (Оттон I — греческий король, 1832—1862), чтобы освободиться от блокады, вынуждено было удовлетворить претензии Англии.

[131] *Lavalette* Шарль-Жан-Мари-Феликс, маркиз де (1806—1881) — французский посол в Константинополе (1851—1853).

[132] Джерси — английский остров в Ламанше, искони дававший приют французским политическим эмигрантам. После переворота 1851 г. на Джерси поселилась довольно многочисленная группа изгнанников-республиканцев (среди них В. Гюго).

[133] Принц Наполеон Бонапарт (1822—1891) — младший сын вестфальского короля Иеронима Бонапарта от второго брака. Был назначен (1853) Луи-Наполеоном дивизионным генералом, хотя никогда до этого в армии не служил. Играл довольно значительную роль во внешней и внутренней политике Второй империи.

[134] Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874) — министр юстиции (1839—1860); приехал в Париж 12 июня 1853 г. (См. *Journal des Débats* от 13. VI 1853 г.). Великая княгиня Мария Николаевна (1818—1876) — дочь Николая I, вдова герцога Лейхтенбергского; газеты сообщали о предстоящей ее поездке в Англию, через Бельгию и Францию.

[135] Толстой передает, видимо, какие-то непроверенные слухи.

[136] Ратапуали (ratapoil) — прозвище сторонников военщины и, в частности, бонапартистской военщины.

[137] Принцесса Матильда (Mathilde-Laetitia-Wilhelmine Bonaparte, 1820—1904) — дочь вестфальского короля Иеронима Бонапарта от второго его брака с принцессой Екатериной Вюртембергской. В 1840 г. вышла замуж за Анатолия Демидова, с которым развелась в 1845 г. Была очень дружна со своим двоюродным братом Наполеоном III.

[138] Велли-Эддин-Рифаат-паша — оттоманский чрезвычайный посланник и полномочный министр во Франции (1853—1854).

[139] 30 ноября н. ст. 1853 г. начальник русской эскадры адмирал Нахимов настиг турецкую эскадру, укрывшуюся от бури в Синопском порту, на Анатолийском берегу Черного моря, и уничтожил ее там после трехчасового боя (война еще не была официально объявлена).

[140] *L'Assemblée Nationale* (1848—1857) — орган объединенных орлеанистов и легитимистов, ведший, и не без успеха, ожесточенную борьбу с республиканским правительством. После переворота 2 декабря газета была сохранена наравне с другими легитимистскими газетами, так как Луи-Наполеон рассчитывал найти с легитимистской прессой общий язык. Во главе газеты стоял Ла Валетт (La Valette Адриен граф де, 1814—1886). Ближайшее участие в газете принимали Гизо, Моле, Сальванди, Беррье, Ларошфуко и др. В первые годы существования газеты деятельным ее сотрудником состоял Гранье де Кассаньяк (см. прим. 73). Толстой был связан с газетой в течение ряда лет и снабжал ее деньгами (см. прим. 71, а также К делу № 191, 1836, пак. 10 (1), лл. 25об., 74; К Делу № 191, пак. 10 (4), лл. 79, 188об.—189).

[141] Сельфис-бей (Сефельс) — атташе турецкого посольства в Париже (1851—1854).

[142] Когда после объявления войны Толстой был вынужден переселиться в Брюссель, этот самый Вольферс стал одним из его «корреспондентов», информировавших его обо всем происходившем в Париже (см. К Делу № 191, 1836, пак. 10 (4), лл. 204 и сл.).

[143] Отставка Пальмерстона — 15 декабря 1853 г., после пребывания с 1852 г. во главе министерства внутренних дел. Будучи министром внутренних дел, Пальмерстон оказывал влияние и на иностранную политику

Англии, высказываясь решительным образом за войну с Россией, в союзе с Францией.

[144] Saint-Arnaud Жак-Ахилл (1798—1854) — французский генерал; принимал деятельное участие в подготовке переворота 2 декабря 1851 г. За «заслуги» во время переворота получил звание маршала (2 декабря 1852 г.), военный министр (октябрь 1851 г.— март 1854 г.), главнокомандующий французской армией в Крыму, скоропостижно умерший в начале кампании (20 сентября 1854 г.); совершенно бездарный вояка. См. его яркие характеристики у Маркса.— Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. X, ИМЭЛ, 1933, стр. 64—67, 145, 170, 421, 524, 617.

[145] Fould Ахилл (1800—1867) — французский банкир, министр финансов (1849—1851), после переворота 2 декабря — сенатор и государственный министр (ministre d'État, 1852—1860). По словам Маркса, один «из самых опороченных членов финансовой аристократии» (Маркс К. и Энгельс Ф *Сочинения*, т. 8, изд. 2, стр. 158).

Baroche Пьер-Жюль (1802—1870) — адвокат, член палаты депутатов и Национального собрания, генеральный прокурор (1849), министр внутренних дел (1850) и иностранных дел (1851), после переворота 2 декабря, по выражению Маркса, «в высокопоставленной и высокооплачиваемой должности вице-президента сената», а затем председателя Государственного совета Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. 8, изд. 2, стр. 163).

[146] Persigny Жан-Жильбер-Виктор (1808—1872) — деятельный участник переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел (2 января 1852 г.— 23 июня 1854 г.).

[147] Drouyn de Lhuys Эдмон (1805—1881) — французский дипломат, министр иностранных дел (1852—1855), сторонник союза Франции с Англией.

[148] Hugo V. *Les Châtiments*. Bruxelles, 1953.

[149] Одним из информаторов Толстого был в те годы некий Паскаль, которого он именует личным секретарем (secrétaire intime) Луи-Наполеона. Как указывает Толстой, Паскаль служил ранее секретарем у генерала Жомини и сотрудничал в *Spectateur militaire* (журнал, посвященный вопросам военной науки, военного искусства и военной истории, 1826). За сведения, доставляемые Паскалем, в Петербурге платили охотно, и по отношению к нему проявляли бо́льшую щедрость, чем по отношению к журналистам (см. Дело III отд., 1-й эксп., № 191, ч. 5, лл. 49—50; ч. 6, лл. 40—41 и К Делу III отд., 1-й эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 37об.— 40, 49).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Тарле
Евгений Викторович

Собрание сочинений, том VI

Составители:
А. В. Паевская и *А. Г. Чернов*

Редактор издательства *К. А. Гусева*
Оформление художника *Н. А. Седельникова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР 29-8В. Сдано в набор 10/VIII 1958 г.
Подписано к печати 8/I 1959 г. Формат $60\times92^{1}/_{16}$.
Печ. л. 51+1 вкл. Уч.-изд. л. 55,2+0,1 вкл.
Тираж 30 000 экз. Изд. № 3249. Тип. зак. № 1003

Цена 20 руб.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ В V ТОМЕ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	9 сн.	четвертый	пятый
6	16 сн.	IV	V

20 p.